

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

I

«Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»

I РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

К 80-летию
Калининградской
области

Материалы XXXII
Международной научной
конференции

Санкт-Петербург,
10 апреля 2026 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

К 80-летию Калининградской области РФ

Материалы XXXII Международной научной конференции

Санкт-Петербург, 10 апреля 2026 года

Том I

Санкт-Петербург

2026

УДК 94(470.26)+94(100)(063)
ББК 63.3(230)+63.3(0)я43
Р76

Р76 **Россия и мир в исторической ретроспективе:** материалы XXXII Международной научной конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 10 апреля 2026 года / под ред. А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2026. – 870 с.

ISBN 978-5-7937-2962-8

В сборнике опубликованы доклады, представленные на XXXII Международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», посвященной 80-летию Калининградской области РФ, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна 10 апреля 2026 года. Калининградская область является примером успешной интеграции нового региона в политическое, экономическое и культурное пространство России. Бывшие славянские земли, захваченные немецкими крестоносцами, в Новое время превратились в Восточную Пруссию – оплот германского милитаризма. Советский народ-победитель сумел, уничтожив германский нацизм, сохранить уникальную культуру бывшей Восточной Пруссии. Наряду с собственно военно-историческими сюжетами, в Сборнике представлены материалы разнообразного содержания по всему комплексу общественно-гуманитарных дисциплин. Особое внимание уделено философии И. Канта. Подчеркивается важность сохранения культурно-исторического наследия.

Предназначены для всех интересующихся отечественной и мировой историей, философией и другими гуманитарными науками.

УДК 94(470.26)+94(100)(063)
ББК 63.3(230)+63.3(0)я43

ISBN 978-5-7937-2962-8

© ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2026

Акимов Юрий Германович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 8889-7990

Yury Akimov

St Petersburg State University

НАДЕЛЕНИЕ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ПРАВАМИ В ОБЛАСТИ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ (1944): ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС И НЕПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Аннотация: В начале 1944 г. в соответствии с решениями, принятыми на X сессии Верховного совета СССР, и последующими конституционными изменениями, союзные республики получили право проводить собственную внешнюю политику, вступать в сношения с иностранными государствами и т.п. Согласно официально озвученной позиции советского руководства это делалось для лучшего удовлетворения специфических нужд отдельных республик, во имя укрепления дружбы и братства народов Советского Союза и преподносилось как «новый шаг в решении национального вопроса». Во всех республиках были созданы внешнеполитические ведомства (наркоматы иностранных дел, с 1946 г. – министерства иностранных дел), назначены их руководители и т.п. В статье показана реакция республиканского партийного и советского руководства, которое с неподдельным энтузиазмом встретило идею выхода на международную арену. В то же время отмечено, что союзное руководство пошло на этот шаг, руководствуясь не только и не столько теми соображениями, которые были официально заявлены, сколько стремлением обеспечить себе более широкое представительство в формирующихся новых международных структурах и придать более привлекательный облик советской федерации.

Ключевые слова: СССР, Союзные республики, внешняя политика, конституционные изменения, международная правосубъектность.

THE GRANTING OF RIGHTS TO THE UNION REPUBLICS IN THE FIELD OF FOREIGN RELATIONS (1944): PUBLIC DISCOURSE AND NON- PERSONAL POLITICS

Summary: In early 1944, in accordance with decisions taken at the 10th session of the Supreme Soviet of the USSR and subsequent constitutional amendments, the Union republics were granted the right to conduct their own foreign policies, enter into relations with foreign states, and so forth. According to the officially stated position of the Soviet leaders, this was done to better meet the specific needs of individual republics, in the name of strengthening the friendship and brotherhood of the peoples of the Soviet Union, and was presented as “a new step in

resolving the national question". Foreign policy departments (People's Commissariats of Foreign Affairs, and from 1946, Ministries of Foreign Affairs) were established in all republics, their heads were appointed, and so forth. This article examines the reaction of the local communist elites of the republics, which greeted the idea of entering the international arena with genuine enthusiasm. At the same time, it was noted that the Union leaders took this step, guided not only and not so much by the considerations that were officially stated, but by the desire to ensure broader representation in the emerging new international structures and to give a more attractive image to the Soviet Federation.

Keywords: USSR, Union Republics, Foreign Policy, Constitutional Amendments, International Legal Personality.

После образования СССР вся международная деятельность была сосредоточена в руках союзного «центра». Летом 1923 г. были ликвидированы все республиканские комиссариаты иностранных дел. Конституция СССР 1924 г. отнесла к ведению верховных органов власти Союза Советских Социалистических Республик «представительство Союза в международных сношениях, ведение всех дипломатических сношений, заключение политических и иных договоров с другими государствами», а также «ратификацию международных договоров», «руководство внешней торговлей» и т.п. [11, с. 8] Это же было подтверждено в «сталинской» конституции 1936 г. Статья 14 гласила: «Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат: а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами <...> з) внешняя торговля на основе государственной монополии». Согласно ст. 49 Президиум Верховного Совета СССР «...м) ратифицирует международные договоры; н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах; о) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств». В соответствии со статьей 77 Народный комиссариат иностранных дел был включен в число «общесоюзных Народных комиссариатов» [12, с.13–14].

Ситуация изменилась в годы Великой Отечественной войны. 21 января 1944 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), который рассмотрел предложения Совета Народных Комиссаров СССР о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений и одобрил их для внесения на X сессию Верховного Совета СССР.

Эта сессия, проходившая с 28 января по 1 февраля 1944 г., была одной из немногих, созванных в военное время. Первые три дня ее работы были посвящены исключительно бюджетным вопросам. В последний день – 1 февраля – на втором совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР обсуждался вопрос «о

преобразовании Народного Комиссариата Обороны и Народного Комиссариата иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские народные комиссариаты». Помимо прочего это означало, что республики отныне получали право самостоятельно вести международную деятельность и, в том числе, вступать в сношения с иностранными государствами.

С основным докладом по данному вопросу выступил первый заместитель председателя СНК и нарком иностранных дел В.М. Молотов. Он констатировал, что:

«Имеется, например, немало специфических хозяйственных и культурных нужд у союзных республик, которые не могут быть в полной мере охвачены общесоюзным представительством за границей, а также договорами и соглашениями Союза с другими государствами. Эти национальные запросы могут быть лучше удовлетворены посредством прямых сношений республик с соответствующими государствами.

<...>

Бесспорно, однако, то, что вопрос о выходе на внешнюю арену деятельности приобрел уже для ряда республик жизненное значение. Следует, наконец, признать, что это не только в интересах тех или иных отдельных союзных республик, но и в интересах всего дела расширения международных связей и укрепления сотрудничества СССР с другими государствами, что так важно во время войны и что даст свои плоды также и в послевоенный период» [4, с. 275–276].

В докладе подчеркивалось, что все изменения проводятся «во имя и для дальнейшего укрепления нашего великого государства» и являются «новым успехом в проведении Ленино-Сталинской национальной политики в советском государстве», а также представляю собой «новый шаг в решении национального вопроса» [4, с. 276].

По словам Молотова,

«Признание со стороны Союза факта возросших потребностей республик в их государственном строительстве, включая и внешнюю деятельность и законодательное обеспечение этих нужд республик, лишь укрепляет братские отношения народов нашей страны и еще полнее раскрывает исторический смысл существования Советского Союза в глазах народов Востока и Запада» [4, с. 278].

В прениях по докладу выступили: Юстас Палецкис (Председатель Президиума Верховного совета Литовской ССР), Мир Джафар Багиров (Первый секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР), Вилис Лацис (Председатель СНК Латвийской ССР), П.К. Пономаренко (Первый секретарь ЦК КП Белорусской ССР), А.А. Богомолец (президент Академии наук УССР), Иоханнес Варес (Председатель Президиума Верховного совета Эстонской ССР), М.Т. Гречуха (Председатель Президиума Верховного совета УССР), Пааво Прокконен (Председатель СНК Карело-Финской ССР). Обращает на себя внимание то, что семь из восьми выступивших представляли шесть западных

республик СССР, значительная часть территории которых еще не была освобождена от немецко-фашистской оккупации. Представителей РСФСР – крупнейшей союзной республики – среди них не было.

Естественно все они поддержали предложение В.М. Молотова и высказали немало хвалебных слов по поводу «величайшей мудрости партии большевиков и гениальной прозорливости вождя народов Советского Союза». В их выступлениях повторялась мысль о том, что «... выросли и окрепли союзные республики, имеющие целый ряд специфических нужд и запросов, которые могут быть полнее удовлетворены при наличии непосредственных внешних сношений». Подчеркивалось, что после войны сотрудничество между разными народами должно стать более интенсивным и поэтому: «...плохо, если нас не будут знать и понимать друзья. С этой стороны важно установление сношений союзных республик с иностранными государствами. В этом заинтересованы как союзные республики, так и весь Советский Союз в целом» [4, с. 283].

В то же время в речах выступающих содержались осторожные упоминания о перспективах развития внешних связей отдельных республик. Так, Ю. Палецкис отметил, что «специфической особенностью» Литовской ССР, «с которой нельзя не считаться», является наличие значительной литовской диаспоры, главным образом в Америке [4, с. 282 – 283]. Таким образом, подразумевалось, что республики могут самостоятельно поддерживать контакты с соотечественниками за рубежом. А.А. Богомолец в своем выступлении упомянул о возможности в будущем «дружеского сближения» УССР с ее западными соседями – Польшей и Чехословакией и в целом о «разнообразных соглашениях, которые могут быть заключены между союзными республиками, входящими в состав СССР, и их заграничными соседями» [4, с. 305–307].

По итогам обсуждения Верховным Советом был единогласно принят закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании, в связи с этим Народного Комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный Комиссариат» [5]. В соответствии с ним были внесены соответствующие поправки в Конституцию СССР. В нее была включена новая статья 18а, гласившая, что «каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями». Была дополнена вышеупомянутая статья 14. Теперь к ведению Союза относилось «установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами». Также была дополнена статья 60, согласно которой «Верховный Совет союзной республики: <...> д) устанавливает представительство союзной республики в

международных сношениях»¹. Соответствующие изменения были внесены в республиканское законодательство.

Обращает на себя внимание энтузиазм, с которым вышеназванные изменения обсуждались на сессиях Верховных Советов отдельных республик. На шестой сессии ВС БССР, проходившей 21–24 марта 1944 г. в Гомеле (Минск еще находился под оккупацией) председатель президиума Н.Я. Наталевич говорил о том, что «Белорусская ССР, следуя Сталинским принципам внешней политики, будет крепить и налаживать дружеские связи со всеми свободолюбивыми народами мира», что «по своему промышленному и хозяйственному производству, по культурному развитию, по богатому славному историческому прошлому, а также по количеству населения и территории она с успехом выдерживает сравнение со многими государствами Европы». Отдельно подчеркивалась важность установления «дружественных, добрососедских отношений с польским народом», поскольку Польша непосредственно граничит с Белоруссией. [21, с. 211, 222–223]. Выступавший в прениях нарком здравоохранения БССР С.М. Мелких отметил, что своей самой активной борьбой с врагом «Советская Белоруссия <...> завоевала себе право вступать в культурные международные и политические отношения не только с союзными странами, но и вообще со странами Европы и Америки». Далее он заявил, что для выхода на международную арену необходимо знать иностранные языки (прежде всего, английский и французский) и очень подробно остановился на вопросах их изучения и преподавания. В частности им предлагалось пересмотреть программы высших и средних учебных заведений, образовать сеть языковых кружков, наладить подготовку кадров, выпуск учебников и, в целом, «...всем, кто только может, заняться изучением иностранных языков» [21, с. 241–243].

На Седьмой сессии ВС Казахской ССР (9–13 апреля 1944 г.) председатель республиканского совнаркома Нуртас Уднасынов, подчеркнул, что предоставление республике «права вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать соглашения с ними и обмениваться представительствами» представляет собой выдающееся историческое событие [18, с. 118]. Выступавший в прениях Ахметбек Кистауов, заявил: «“Приобретя свободу, дай знать соседнему народу” – гласит казахская народная пословица. Образование Народного Комиссариата Иностранных Дел Казахской ССР дает возможность свободному казахскому народу вступить в непосредственные сношения с иностранными государствами, еще больше поднимет авторитет Казахстана и всего Советского Союза на международной арене» [18, с. 123].

На Третьей сессии Верховного совета Литовской ССР председатель СНК республики Мечисловас Гедвилас отметил: «Много выходцев из нашей страны,

¹ Это положение было сохранено и в Конституции СССР 1977 г., где о международной деятельности республик говорилось в статье 80 : «Союзная республика имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций» [13].

почти треть литовского народа, проживает за границей – в Соединенных Штатах Америки и других государствах. Эти наши соотечественники, трудящиеся литовцы Америки, не забывают своего родного края; у многих из них здесь имеются родственники и они поддерживают со своей родиной связь, которая еще больше укрепитя». Говоря о том, что «сегодня для республики назрел вопрос вступить в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ним соглашения», он затронул вопрос возвращения Литве ее «исторических земель»: Вильнюса и Клайпеды [20, с. 108].

На Пятой сессии ВС Азербайджанской ССР (6-8 марта 1944 г.) отмечалось, что «союзные республики, входящие в состав СССР, сейчас вполне подготовлены к тому, чтобы с успехом справиться с той возросшей ответственностью и с теми возросшими задачами», которые ставит перед ними принятие конституционных изменений [17, с. 100].

В течение весны-лета 1944 г. в республиках были созданы Наркоматы иностранных дел. Некоторые из них возглавили известные общественные деятели, писатели, ученые. Стали разрабатываться планы развития международной деятельности, установления контактов с другими государствами и т.п. Например, первый нарком иностранных дел Казахской ССР Толеген Тажибаев уже в середине 1944 г. взялся за подготовку «местных» (то есть казахских) дипломатических кадров, утверждая, что республиканский «Наркоминдел должен иметь разветвленную сеть учреждений за границей» [10, с. 63]. Тогда же он выступил за создание при СНК Казахской ССР постоянно действующего экспортно-импортного совещания и экспортно-импортной конторы [10, с. 66]. В январе 1945 г. он направил письмо республиканскому руководству, где говорил о «необходимости изучения иностранных языков руководящими работниками республиками». По его словам, «смысл изучения иностранных языков совершенно ясен, если иметь в виду предстоящие культурно-экономические отношения нашей республики с заграницей». Зримым воплощением присутствия республики на международной арене должен был стать комплекс представительских зданий в южной части центра Алма-Аты – то есть в самом элитном (в то время) районе города. Предполагалось, что этот комплекс будет включать административное здание НКВД, резиденцию наркома, дома для сотрудников, а также «пять зданий <...> для предоставления в аренду иностранным представительствам» [10, с. 80].

Однако очень скоро стало ясно, что союзные республики обладают международной правосубъектностью и правом на собственные внешние связи лишь на бумаге. Союзное руководство отнюдь не собиралось делиться с республиками своей властью и допускать их в сферу международных отношений. Москва игнорировала все предложения республик по развитию их контактов с зарубежными партнерами. Были положены под сукно даже те немногочисленные проекты, которые изначально инициировал сам центр – например, проект установления двусторонних торгово-экономических и

культурных контактов между Казахской ССР и Монгольской народной республикой.

Москва рассматривала республиканские наркоматы иностранных дел как сугубо вспомогательные учреждения. Им поручался прием зарубежных делегаций, посещавших республики, составление справок для «центра» по историческим и этнографическим вопросам. Штат наркоматов был, как правило, невелик. В НКВД Узбекской ССР в первые послевоенные годы трудилось 10 человек [7]; в НКВД Казахской ССР на 1 января 1945 г. числилось 30 человек плюс четыре совместителя. Многие наркоматы испытывали проблемы с финансированием и снабжением. В конце 1945 г. заместитель наркома иностранных дел Казахской ССР Арбаб Сарынов писал председателю СНК республики Н. Ундасынову, что сотрудники НКВД КазССР «в подавляющем большинстве не имеют приличной одежды» и «при приеме и встрече с <...> сотрудниками иностранных государств, проезжающих через Алма-Ату <...> зачастую бывают вынуждены просить одежду у других лиц» [10, с. 81].

В несколько более выигрышном положении находились НКВД БССР и УССР. В первую очередь это было связано с тем, что в 1945 г. эти республики стали членами-учредителями ООН. Конечно, и их международная деятельность полностью контролировалась Москвой, но они, по крайней мере, имели официальную возможность направлять свои делегации на заседания Генеральной ассамблеи ООН, участвовать в работе некоторых организаций «семьи ООН» / аффилированных с ООН и т.п. [см., например: 19].

В течение последующих двух десятилетий за республиканскими внешнеполитическими ведомствами окончательно закрепились несамостоятельная и, в определенной степени, декоративная роль. В ряде республик имела место практика совмещения должности главы правительства – председателя СНК / председателя Совета министров – и наркома/министра иностранных дел.

В то же время номинально республики продолжали позиционироваться как суверенные государства и, соответственно, полноценные акторы международных отношений. Это постоянно подчеркивалось в научной и научно-популярной литературе, посвященной советскому государственному устройству в целом [см.: 6; 14] и отдельным республикам в частности [8; 9; 15].

Международная деятельность республик преподносилась как важная положительная черта советского социалистического федерализма, отличающая его от капиталистического: «Право представительства союзных частей вовне имеет место только в СССР. Ни одна из существующих в настоящее время буржуазных федераций не представляет своим составным частям такого права» [3, с. 51].

Очевидно, что, наделяя республики правом вступать во внешние сношения с иностранными государствами, союзный центр преследовал вполне конкретные цели, которые отличались от тех фраз, которые содержались в

вышепротитированном докладе В.М. Молотова. Как отметил В. Аспатурян, «этот шаг был продиктован не местным национализмом и не внезапным осознанием преимуществ децентрализации, а обстоятельствами и возможностями, открывшимися в международной политике» [22, р. 33].

Действительно в это время перед советским руководством остро вставал вопрос формирования послевоенного мирового порядка. В этой ситуации СССР, во-первых, стремился обеспечить себе максимально прочные позиции и максимально широкое представительство в новых международных институтах и организациях, создание которых планировалось державами-победителями. С конца августа 1944 г. советская сторона неоднократно ставила вопрос об участии всех союзных республик в ООН – по образцу Британских доминионов. Этот вопрос поднимался на конференции в Думбартон-Оксе. [15, с. 518]. Конституционные изменения 1 февраля 1944 г. должны были создать формально-юридическую основу для этих притязаний. Во-вторых, советское руководство явно хотело таким образом создать в мире более привлекательный и притягательный облик советской федерации. Это было необходимо в свете гипотетической возможности включения в ее состав новых членов на правах союзных республик с сохранением их международной акторности.

Несколько более активное вовлечение союзных республик в процесс осуществления внешней политики СССР (естественно в сугубо подчиненном положении – в виде «ауксилиарной парадипломатии» [1]) началось только в середине – второй половине 1950-х гг. в связи с общим усложнением системы международных отношений и активизации внешних связей [см.: 2]. В то же время предоставленные им в 1944 г. полномочия, долгое время остававшиеся «спящими», впоследствии стали способствовать центробежным тенденциям [16, с. 379].

Список литературы:

- 1.Акимов Ю.Г. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 33-41.
- 2.Акимов Ю.Г. Министерство иностранных дел РСФСР: попытка интегрирования в общесоюзную внешнюю политику в шестидесятых годах XX века // Quaestio Rossica. 2025. Том 13. № 4. С. 1334–1353.
- 3.Вихарев С.Р., Ветров И.Д. Расширение прав союзных республик (историко-правовой очерк на материалах Белорусской ССР). - М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963. – 131 с.
- 4.Шестая сессия Верховного Совета БССР, 21–24 марта 1944 г. Стенографический отчет. - Минск: Государственное издательство БССР. Редакция политической литературы, 1945. – 334 с.
- 5.Закон СССР от 1 февраля 1944 г. «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании, в связи с этим

- Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат» (прекратил действие) // Сайт Конституции Российской Федерации. - URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/zakony/3946734/?ysclid=l6xubzpyi3516893930> (дата обращения 28.02.2026)
- 6.Златопольский Д.Л. Ленинская национальная политика и дальнейшее расширение прав союзных республик. - М.: Знание, 1957. – 40 с.
- 7.Злыденный А. Планы на ООН и важнейшие миссии: дипломатия советского Узбекистана // Sputnik-Узбекистан. 02.03. 2021 - URL: <https://uz.sputniknews.ru/20210302/Plany-na-OON-i-vazhneyshie-missii-diplomatiya-sovetskogo-Uzbekistana-16109444.html> (дата обращения 28.02.2026)
- 8.Касымов С. Международная правосубъектность Таджикской ССР // Актуальные вопросы теории и истории права и применения советского законодательства. - Душанбе, 1975. С. 60–68.
- 9.Кафар-Заде М.А. Азербайджанская ССР – суверенная республика в составе многонационального Союза ССР. Автореферат дисс.... к.ю.н. - М., 1955. – 14 с.
- 10.Козыбаев И. М. Дипломатия Казахстана: страницы истории. - Алматы: Өркениет, 2001. – 207 с.
- 11.Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик: Сприложением важнейших узаконений об организации и деятельности Центральных органов Союза ССР. - М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1925. – 298, xvii с.
- 12.Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. - М.: Юридическое издательство, 1937. – 51 с.
- 13.Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. - М.: Политиздат, 1977. – 62 с.
- 14.Лукашук И.И. Об участии союзных республик в международных договорах // Советский ежегодник международного права 1958. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 506–513.
- 15.Михайлов А.Н. Узбекская ССР – равноправный субъект международного права // Советский ежегодник международного права 1972. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1974. С. 25–36.
- 15.Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. - М.: Воскресенье, 2005. – 647 с.
- 16.Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. - М., 2007. – 716 с.
- 17.Пятая сессия Верховного Совета Азербайджанской ССР, 6 – 8 марта 1944 г. Стенографический отчет. - Баку: Издание Верховного Совета Азербайджанской ССР, 1947. – 147 с.

- 18.Седьмая сессия Верховного Совета Казахской ССР, 9–13 апреля 1944 года. Стенографический отчет. - Алма-Ата: Казахское Объединенное Государственное издательство, 1946. – 189 с.
- 19.Снапковский В.Е. Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии. - Минск: Право и экономика, 2021. – 318 с.
- 20.Третья сессия Верховного Совета Литовской ССР (Первого созыва), 29–30 августа 1944 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета Литовской ССР. - Вильнюс: Государственное издательство политической и научной литературы, 1950. – 146 с.
- 21.Шестая сессия Верховного Совета БССР, 21–24 марта 1944 г. Стенографический отчет. - Минск: Государственное издательство БССР. Редакция политической литературы, 1946. – 311 с.
- 22.Aspaturian V. The Theory and Practice of Soviet Federalism // The Journal of Politics. 1950 Vol. 12. No 1 (Feb.). P. 20-51. P. 33.

Алексеева Ольга Александровна
старший научный сотрудник
Государственный Русский музей
SPIN-код: 9292–1590
Alekseeva Olga
State Russian Museum

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА КНИЖНОЙ ГРАФИКИ 1920–1930-Х ГОДОВ

Аннотация: Ленинградская школа книжной графики сложилась как самобытное явление отечественной культуры, унаследовавшее декоративную пластическую культуру «Мира искусства» и творческую энергию авангардных поисков. Её становление в 1920-е годы было неразрывно связано с реформой художественного образования, где полиграфический факультет ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа стал основной творческой лабораторией.

Педагогическая система, сформированная в этой среде, основывалась на глубоком синтезе станкового мастерства, конструктивного мышления и понимания книги как целостного организма. Послевоенная эволюция ленинградской школы была основана на уникальном сплаве академического рисунка, экспериментальной печатной техники и прикладных задач дизайна.

Эстетика школы, балансирующая между лирической повествовательностью и конструктивной дисциплиной, оказала определяющее влияние на визуальный язык отечественной книги на протяжении почти всего XX века. Ленинградская традиция утвердила графику как самостоятельную и мощную область художественного высказывания, где профессиональное ремесло неотделимо от глубины образного мышления.

Ключевые слова: ленинградская школа, книжная графика, В. Лебедев, авангард, архитектоника книги.

THE LENINGRAD SCHOOL OF BOOK GRAPHICS IN THE 1920s–1930s

Summary: The Leningrad school of book graphics emerged as a distinctive phenomenon in Russian culture, inheriting the decorative and plastic culture of the «World of Art» and the creative energy of avant-garde experimentation. Its formation in the 1920s was inextricably linked to the reform of art education, where the printing faculty of VKHUTEMAS-VKHUTEIN became the primary creative laboratory.

The pedagogical system developed in this environment was based on a profound synthesis of studio mastery, constructive thinking, and an understanding of the book as an integral organism. The post-war evolution of the Leningrad school was founded on a unique fusion of academic drawing, experimental printmaking techniques, and applied design tasks.

The school's aesthetic, balancing between lyrical narrative and constructive discipline, exerted a defining influence on the visual language of the Russian book for nearly the entire 20th century. The Leningrad tradition established graphics as an independent and powerful domain of artistic expression, where professional craftsmanship is inseparable from the depth of visual thinking.

Keywords: Leningrad school, book graphics, synthesis of the arts, architectonics of the book.

Формирование ленинградской школы книжной графики, рассматриваемое в историческом и культурологическом контексте, предстает как результат трансформаций, произошедших в российской художественной системе в постреволюционное десятилетие. Ключевым эпицентром этих изменений, оказавшим и прямое, и опосредованное влияние на становление школы, стала Академия художеств, пережившая в 1920-е – начало 1930-х годов – период радикальной реорганизации и идеологической нестабильности.

После упразднения Императорской Академии художеств в апреле 1918 года на её базе были созданы Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские (ПГСХУМ, или СВОМАС). Эта новая структура сознательно культивировала «пеструю картину» существования «разнообразных, иногда взаимоисключающих направлений» [1]. В педагогический состав наряду с оставшимися профессорами старой школы (К.С. Петров-Водкин, В.Е. Савинский) вошли и яркие представители «левого» искусства: Н.И. Альтман, М.В. Матюшин и другие, а управление частично перешло к студенческим советам. Эта среда принципиальной свободы и эксперимента, где футуристические и конструктивистские идеи (олицетворяемые, например, показанной в стенах Академии знаменитой «Башней» В.Е. Татлина) сталкивались с традиционными подходами, стала важным интеллектуальным фоном для всего художественного процесса, включая книжную графику.

В 1921 году мастерские были реорганизованы. Академии художеств вернули статус, а в 1922-м объединили с Училищем Штиглица в Петроградский ВХУТЕМАС. Именно в это время внутри Академии сформировались педагогические концепции, напрямую коррелирующие с будущими принципами ленинградской школы. Эти методы, отрицавшие «субъективное постижение нутром» и провозглашавшие объективный, научно обоснованный анализ формы, цвета и конструкции, были прямыми методологическими предтечами «проектного мышления» В. Лебедева, художественного руководителя ДЕТГИЗ'а.

Академия стала лабораторией, где формировался универсальный язык формы, позднее примененный художником в пространстве книжного разворота, осмысляемого как динамическая архитектурная структура.

Однако этот период свободного поиска протекал в условиях нарастающего идеологического давления. В стенах Академии уже в начале

1920-х звучали идеи Пролеткульта и шли дискуссии о «производственном искусстве», воспевавшем человека труда [2]. Тематика труда доминировала в учебных заданиях, предвосхищая грядущий канон социалистического реализма. Это создавало парадоксальную, но плодотворную для книжной графики двойственность: от художника требовалось создание актуального, идеологически выверенного, массового продукта. Ленинградская школа отреагировала на запрос эпохи использованием языка современного (авангардного) искусства, очищенного аналитическим методом, для решения утилитарно-пропагандистской задачи. Влияние Академии здесь проявилось в привитии жесткой композиционной дисциплины и понимания формы как функции.

Формирование визуального языка ленинградской школы детской книги в 1920-е годы представляло собой не стихийный процесс, а осознанный синтез нескольких ярких индивидуальностей, чьи творческие поиски были объединены общей задачей – создать новую, современную и художественно состоятельную детскую книгу. Ведущую роль в этом процессе, безусловно, играл В. Лебедев, чья деятельность как иллюстратора и художественного редактора Детгиза задавала основные профессиональные ориентиры. Его новаторские проекты, такие как «Охота» (1925 г.) или «Цирк» (1925 г.) не оформление текста, а визуальная конструкция, прямо вырастающая из аналитического метода. Фигуры людей и животных сводятся к точным, ритмически организованным силуэтам и цветовым плоскостям. Белое поле страницы активно включается в композицию как пространственный элемент, а шрифт становится равноправным графическим компонентом. В. Лебедев применял принципы, отрабатываемые в академических заданиях на «построение плоскости картины», к макету книги, создавая из серии разворотов единое пространственно-временное повествование. Его книги стали практическим воплощением академической идеи синтеза, перенесенной из области монументальной живописи в область полиграфического дизайна.

В. Лебедев сознательно упрощал и обобщал изображение, работая крупными цветовыми плоскостями и энергичным контуром. Этот метод был не только эстетическим выбором, но и точным расчетом на возможности тогдашней полиграфии и на динамичное восприятие ребенка, для которого ясный силуэт и активный цвет были важнее подробной детализации.

Параллельно и в диалоге с В. Лебедевым развивалось искусство В. Конашевича. Если первый шел от плаката и монументальной формы, то второй – культивировал декоративную, камерную линию, восходящую к «Миру искусства». Его иллюстрации к сказкам К. Чуковского или к «Багажу» С. Маршака отличались изящной, почти кружевной графичностью, тонкой орнаментальностью и вниманием к занимательной подробности. Композиционное решение при оформлении книг у В. Конашевича было наполнено острохарактерными, порой гротескными фигурками, в которых угадывалась традиция народного лубка, пропущенная через фильтр актуальных

тенденций искусства. Несмотря на камерность, В. Конашевич так же, как и В. Лебедев, строил книгу целостно, тонко балансируя между рисунком и текстом на полосе.

Значительный вклад в становление школы внес Н. Тырса. Его работам, например, иллюстрациям к «Снегирю» М. Пришвина, была присуща особая графическая чистота и сдержанный лиризм. Художник виртуозно использовал выразительность самой линии и свободного, не закрашенного фона бумаги. Его рисунок, точный и одновременно легкий, воспитывал в юном читателе чувство красоты простого и ясного графического высказывания. Этот принцип «экономии средств» при максимальной выразительности стал одним из краеугольных камней профессиональных принципов лебедевской школы.

Отдельное место занимает анималистическое направление, ярчайшим представителем которого был Е. Чарушин. Его подход принципиально отличался от условно-декоративного решения детской книги. Талантливый анималист, писатель, великолепный знаток природы, стремился к передаче не столько общей формы, сколько характера и пластики зверя, его мгновенного движения. В книгах «Волчишко» или «Детки в клетке» он создавал теплые, динамичные образы животных, используя мягкую тональную живопись и фактурные мазки, что обогащало палитру школы. В каждом своем рисунке Е. Чарушин доказывал возможность сочетать научную наблюдательность с глубокой сентиментальностью и лирикой.

К концу 1930-х годов ленинградская школа предстала не как группа художников единого стиля, а как сплоченное профессиональное сообщество, объединенное общим пониманием задач книжной графики. Разные творческие манеры художников – от плакатной мощи В. Лебедева и камерности В. Конашевича до графической строгости Н. Тырсы и живописности Е. Чарушина – сложились в стройную систему. Эта система базировалась на приоритете идеи книги как цельного организма, на уважении к ребенку как к внимательному и чуткому зрителю, а также на высочайшей культуре труда художника-графика, что в совокупности и определило ее уникальность и долговечное влияние.

Но эта институциональная и творческая свобода существовала под нарастающим идеологическим давлением. В 1922 году было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), осуществлявшее цензуру за издательской индустрией. Особое внимание уделялось детской литературе. Под руководством Н. К. Крупской были разработаны «Основные требования к детской книжке», которые исключали многие традиционные жанры, включая волшебные сказки, как буржуазные и идеологически неприемлемые [3].

К середине 1930-х годов критика авангарда и любого инакомыслия в искусстве стала официальной государственной политикой. Формализм и «левацкое уродство» были объявлены врагами советского искусства. В 1936 году в газете «Правда» вышла статья «О художниках-пачкунах», напрямую осуждавшая стиль иллюстраторов ленинградской школы, в частности

Владимира Конашевича. Художников обвиняли в отрыве от реальности, в создании недоступных и непонятных народу образов [4].

Апогеем репрессий стал 1937 год, когда Ленинградский Детгиз был объявлен «вредительской организацией». Ряд его сотрудников, включая художников и редакторов, были арестованы, некоторые расстреляны. Это нанесло тяжелый удар по творческому сообществу.

В этих условиях ленинградская школа была вынуждена адаптироваться. Художники сохранили от авангарда не внешние стилистические приемы, а принципиальный подход к книге как к целостному проекту. Они разработали систему, в которой иллюстрация, шрифт и макет работали как единое целое, подчиняясь задаче ясного и динамичного повествования. Этот метод, рожденный в том числе и под давлением цензуры и требований массового тиража, стал основой высокой профессиональной культуры, определившей развитие советской книжной графики на десятилетия вперед.

Трагический разгром ленинградского Детгиза стали логичным, хотя и чудовищным, завершением того идеологического противостояния, первые акты которого – борьба за «новое искусство» – репетировались в аудиториях Академии в начале 1920-х. Лебедевские принципы были вытеснены на периферию, но не забыты [1].

Именно благодаря тому, что методологический фундамент – понимание книги как синтеза искусства, ремесла и проектной логики – был закреплён не только в единичных проектах, но и в педагогической системе Академии 1920-х, стало возможным его возрождение в послевоенное время. Новое поколение ленинградских графиков, обратившись к наследию В. Лебедева и теоретическим трудам В. Фаворского [5, 6], по сути, реанимировало и развило подход, инкубированный два десятилетия назад в стенах реформированной Академии художеств – этого краткого, но невероятно насыщенного периода, когда искусство книги было сформировано как точная и свободная архитектурная форма.

Послевоенный период в истории ленинградской школы книжной графики был тесным образом связан с Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем им. В. И. Мухиной (ЛВХПУ). Если в 1920-е годы новаторство рождалось в полемике и революционном порыве, то после эпохи сталинского соцреализма и военной разрухи школе предстояло заново отстоять свою идентичность в новых идеологических и материальных условиях. Удивительная жизнеспособность её фундаментальных идей – проектного мышления, архитектоники книги и синтеза искусств – проявилась в способности к органичной метаморфозе.

ЛВХПУ им. В. И. Мухиной, унаследовавшее дореволюционные традиции Училища барона Штиглица, в послевоенные десятилетия сформировалось как уникальная альтернатива официальному академизму Института им. И. Е. Репина. Его профиль, ориентированный на синтез искусства с промышленностью и дизайном, создал плодотворную почву для реабилитации

и переосмысления авангардного наследия. Здесь «инженерно-конструктивное» отношение к макету, унаследованное от В. Лебедева и конструктивистов, не было отвергнуто, но подверглось сложной художественной переплавке. Чистота геометрической формы, ритм цветовых плоскостей и аналитический подход к композиции обогатились тем, что было на время вытеснено в тень, – живописной пластикой, лирической повествовательностью и глубоким академическим рисунком.

Ключевой фигурой, воплотившей этот синтез, стал А. Ф. Пахомов, творчество которого явилось примером стилевой адаптации от авангарда к соцреализму. Его творческий метод, отточенный в станковой графике и иллюстрации, представлял собой диалог с лебедевской школой на новом витке. Если В. Лебедев в «Цирке» строил образ из почти знаковых, плакатных силуэтов, то А. Пахомов в своих знаменитых иллюстрациях к «Басням» И. Крылова, «В деточаге» 1935 г., «Стихах о школе», 1936 г. наполнял форму дыханием жизни. Его рисунок, безупречный по точности и тонкости, сохранял конструктивную ясность, но обогащал её живой, трепетной линией, сложной тональной разработкой и глубоким психологизмом. А. Пахомов демонстрировал, как можно средствами реалистической, но не натуралистической пластики организовать книжный разворот по законам динамического равновесия, где каждый штрих, пятно и пробел подчинены единому композиционному замыслу. В послевоенный период А. Пахомов много работал над привычными для него книжками об играх и занятиях детей, о детском саде. Его работы носили скорее станковый характер и уже писатели создавали несложные тексты к его рисункам – С. Михалков («Строим», 1950; «Важные дела», 1950; «Наша дружная семья», 1951), С. Остров («Будьте здоровы», 1954) и С. Погореловский («Мы сами», 1952; «Добро пожаловать», 1953) [7].

Послевоенный период и последующие этапы развития ленинградской школы доказали, что принципы ленинградской школы были не стилевой догмой 1920-х, а живой, адаптивной системой художественного мышления. Способность к диалогу с академической традицией, обогащение конструктивной основы глубокой пластической культурой позволили школе не только сохраниться, но и выйти на новый уровень, создав эталон книжного искусства, в котором рациональное начало проектирования нашло свою полную эстетическую реализацию в одухотворённом мастерстве рисунка.

Ленинградская школа книжной графики осуществила уникальный синтез европейского проектного мышления и национальной художественной традиции. Эта школа утвердила книжную графику как мощную самостоятельную область искусства, где профессиональное ремесло неотделимо от глубины образного мышления. Созданные её мастерами произведения сохраняют ясность в международном контексте, оставаясь при этом неотъемлемой частью российской культурной идентичности, чья эстетика, балансирующая между лирической повествовательностью и конструктивной

дисциплиной, определила визуальный язык отечественной книги на протяжении большей части XX века.

Список литературы:

1. Богдан, В. Академия художеств 1920-е начало 1930-х / Музеи России – № 2 – 2013 (39). – URL: <http://www.tg-m.ru/articles/%E2%84%962-2013-39/akademiya-khudozhestv-1920-e-nachalo-1930-x> (дата обращения: 10.02.2026)
2. Заламбани, М. Искусство в производстве. Авангард и революция в советской России 20-х гг. – М.: ИМЛИ РАН Наследие, 2003. – 240 с.
3. Крупская, Н. Мы призываем к борьбе с «Чуковщиной» (резолуция общего собрания родителей кремлевского детсада). – «Дошкольное воспитание» 1929, – № 4, – С. 74.
4. О художниках-пачкунах («Правда», 1936, 1 марта) // Против формализма и натурализма в искусстве: Сборник статей. – Москва: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1937. – С. 11–15.
5. Фаворский, В. Литературно-теоретическое наследие / Подготовка текста, научный аппарат Д. Д. Чебановой. – Москва: Советский художник, 1988. – 588 с.
6. Лебедев, В. Работа художника в книге для дошкольника // Книга для детей: бюллетень. – М.: Детгиз, 1946.
7. Ганкина, Э. Русские художники детской книги. – М.: Советский художник, 1963. – 278 с.

Анжельская Ирина Вадимовна

кандидат социологических наук, доцент

Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

SPIN-код: 9791-0360

Anzhelskaya Irina

Military Medical Academy

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИДЕЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОЦИОЛОГИИ: ОТ О. КОНТА К Г. ЛАССУЭЛЛУ

Аннотация: В статье предпринята попытка переосмысления места и роли постмодернизма как социологического знания в прогнозировании и интерпретации социальных процессов и изменений. В исследовании акцентируется внимание на формировании общих предпосылок и отправных пространственно-временных континуумов, обеспечивших становление и формальное закрепление в научном представлении и социальном пространстве идей постмодернизма. В статье анализируются основные методологические подходы, возникшие и получившие развитие на протяжении всего периода формирования современного социологического знания. В исследовании актуализируется позиция взаимного проникновения и переплетения естественных и искусственных, то есть технологизируемых, процессов, в том числе, рассматриваемых в срезе их научного и идеологического детерминирования. Противоречие и единство множества автономных и в то же время взаимообусловленных процессов наиболее явно проявились в идеях постмодернизма в рамках исследований социальных изменений, социальной напряженности, социальных массовых движений, массовых и политических коммуникаций.

Ключевые слова: постмодернизм, теории социальных изменений, теория массовой коммуникации, теория политической коммуникации, социальная напряженность.

METHODOLOGICAL SOURCES OF THE INSTITUTIONALIZATION OF POSTMODERNISM IDEAS IN SOCIOLOGY: FROM O. COMTE TO G. LASSWELL

Summary: This article attempts to rethink the place and role of postmodernism as a sociological discipline in forecasting and interpreting social processes and changes. The study focuses on the development of common premises and initial spatial-temporal continua that ensured the emergence and formal consolidation of postmodernist ideas in scientific understanding and social space. The article analyzes the main methodological approaches that emerged and developed throughout the formation of modern sociological knowledge. The study actualizes the position of the mutual penetration and interweaving

of natural and artificial, that is, technologized, processes, including those considered in the context of their scientific and ideological determination. The contradiction and unity of a multitude of autonomous and simultaneously interdependent processes are most clearly manifested in the ideas of postmodernism within the framework of studies of social change, social tension, social mass movements, and mass and political communications.

Keywords: postmodernism, theories of social change, theory of mass communication, political communication theory, social tension.

Состояние политической обстановки в совокупности с жизненно значимыми и важными сферами жизнедеятельности общества в мире и каждой взятой отдельно стране все более очевидно выходит на уровень уже не субъективного ощущения и восприятия, но сформированного устойчивого знания, описываемого терминами неустойчивости, дестабилизации и слабого прогнозирования. И это результат не столько естественного развития общества, сколько итог логического выхода методологии изучения и интерпретации направлений и форм движения общественных масс и их массового сознания и продуктивной технологизации применения методик и техник по их управлению и использованию.

Научное сообщество, апеллирующее в логике гуманитарного и социологического знания на протяжении XIX-XX вв., рассуждающее в рамках принципов научного познания и поиска, настолько преуспело в своем онтологическом и методологическом развитии, что по сути способствовало активизации интереса к использованию политических и социальных инструментов массовой коммуникации и эффективного целенаправленного использования сил массовых общественных движений.

Наиболее ощутимый прорыв в развитии управления социальными процессами произошел в связи с преодолением в известной степени узости позитивистского подхода и концептуальных рамок модерна. И действительно, в социологическом знании устойчиво закрепилось представление о контовском позитивизме как о системе методов объективного изучения социальной реальности, позволяющие собрать эмпирический материал и обладающие безапелляционным доказательством реалистичного присутствия того или иного явления и события в социальном пространстве [4]. При этом почти не упоминается о более поздних трудах О. Конта, в которых мыслитель рассуждает об невозможности достичь всеобщей рациональности социального восприятия и мышления. И тем более, ставится под сомнение принятие беспристрастных и непредвзятых решений в межличностном и социальном пространстве, отводя важную роль на этом поприще более сведущим представителям общества, таким как ученые и политики.

В определенной степени похожий вектор в предназначении социологического знания закладывает известный американский ученый Гарольд Д. Лассуэлл, создавший интегративную модель исследования политических процессов в обществе, в частности процессов политической

коммуникации, вобравшая в себя наиболее передовые идеи социологии и политологии XX века [2].

В контексте нового видения природы общественного миропорядка предполагалось по-другому рассматривать и суть социальной реальности, находящейся не за пределами и независимо от нашего сознания, а напротив, представляющая собой результат сознания и деятельности каждого социального субъекта. Соответственно, изменения в обществе, как и изменение самого общества, являются результатом не естественно-исторических процессов, внешних для членов общества, а результатом действий так называемых «акторов», субъектов активной социально-ориентированной деятельности. Такое описание в итоге формируется в деятельностный подход, а научное направление, в рамках которого он развивается устанавливается как постмодернистское. В его основе отправными точками становится, признание факта обусловленности результатов исследования методами, используемыми в процессе его реализации, и научной убежденности самого исследователя, формируемой на основе его индивидуальных характеристик таких, как образование, принадлежность к определенным научным кругам или школам, демографическим группам, нравственные ориентиры и т.п.

В связи с таким методологическим посылом акцентуация внимания переносится на активные воздействия на сознание и мнение различных категорий индивидов, групп и общества оказывает целый ряд социальных институтов, а именно: СМИ, общественные организации и политические партии и политические лидеры, кроме этого представители не институциональных образований, таких как элитарные круги всех уровней общества и характера влияния. И тогда наблюдается процесс конструирования в сознании людей новой социальной реальности особого порядка. Именно поэтому у П. Бергера и Т. Лукмана статусом полноправного участника конструирования социальной реальности наделяется индивид, а Лукман выделяет элементарную форму социальности – интеракцию («взаимодействие присутствующих»), и увязывает изменения в обществе с ее структурой, детерминирующей самовоспроизводство с учетом изменений условий среды [1].

Размышляя в рамках постклассической парадигмы, и Э. Гидденс отрицает обусловленность развития социума степенью его адаптации, а прогресс рассматривал как результат действия множества факторов, которые в разные исторические периоды обретали влияние в большей или меньшей степени. Примечательно, что при принципиально ином взгляде на социальные трансформации, транслируемые в контенте постмодернистской методологии, неизменным остается позиция, что все социальные системы развиваются в пределах одного пути, преодолевая неразвитые формы существования традиционного общества в процессе перехода к современному индустриальному обществу с характерными для него развитыми формами.

Значимым основанием в укреплении позиции постмодернистских настроений в исследовании процессов массовой коммуникации и социального управления сыграл процессный подход, который благодаря своей собственной логике построения реальности доказывает научно принципиальную невозможность прогнозирования результатов развития общества и выработки универсальных алгоритмов их предсказания. Например, по мнению П. Штомпки, мыслящего в рамках этого подхода, социальные изменения иницируются в тех ситуациях, где нет возможности действовать в рамках известных приемов решения проблем и требуется разработка нового решения. Общество в рамках такого подхода представляет собой уже не объект изменений, а множество возможных вариантов, так называемое «поле возможностей», на котором проявляется социальная активность действующих индивидов [10]. И тогда ключевыми понятиями становятся сам социальный процесс, событие как отправная точка изменения, и соответствующий новым условиям выбор.

То есть социальное изменение в процессе своего продолжения есть редукция вариантов общественного развития к новому изменившемуся состоянию социальной системы. Такой редукцией может стать итог целенаправленных усилий, предпринимаемых социальными субъектами, либо следствие действий людей, совершенных без намерения что-либо изменить, однако вызвавших социальные изменения. Редукция, включающая в себя многочисленные решения и поступки индивидов, которые приводят к сдвигам в обществе (или описываются в качестве таковых), рассматривается как совершаемый индивидами выбор в пользу контрсистем – альтернатив доминирующей социальной системы или какой-то ее части.

Поскольку не все действия приводят к социальным изменениям, то это указывает на их обусловленность ситуацией выбора и особенностями индивидов, совершающих эти действия. Осознание необходимости изменений, очевидно, связано с индивидуальными особенностями действующих индивидов и факторами среды, в которой они находятся. Ситуация может как способствовать выбору в пользу социальных изменений, так и, напротив, конституировать устойчивое состояние. Наличие такой зависимости указывает на ситуативность социальных изменений. Это объясняет также, почему из множества совершаемых выборов лишь незначительная часть оказывает воздействие на жизнь большей части общества, вызывая изменения в нем [9, с. 73].

Изначально понятие социальной напряженности применяется в основном с целью определения и рассмотрения содержания и развития другого понятия, а именно, социального конфликта и его разновидностей. По содержанию социальная напряженность зачастую пересекается с понятиями, собственно приводящими к ней и сопровождающими ее. Это такие состояния и процессы, как социальная разобщенность и поляризация общества, классовая борьба и межнациональные столкновения, девиантное поведение и т.п. Много позднее

уже к концу XX века термин обретает научную и терминологическую самостоятельность и начинает рассматриваться как социальное явление, а также в зависимости от сферы принадлежности интересов, находящихся в области депривации, соотноситься с политической, экономической, национальной, гендерной, профессиональной сферами жизнедеятельности индивидов.

Феномен социальной напряженности появляется в описании Э. Дюркгеймом теории социальной аномии. При разрыхлении или даже утрате социумом устойчивой ценностно-нормативной системы, потерей тесных социальных связей, свойственных, например, отношениям в сельской местности, возникает состояние социальной аномии, ее усиление, которое может привести к коренным конфликтам и кардинальной трансформации общества [3].

Т. Парсонс также употребляет понятие социальной напряженности, но при описании механизма социального действия. Американский ученый считает, что социальные действия несут в себе содержание некой социальной нормы. При произведении социального действия его нормативная составляющая может вызывать протест [7]. Отталкиваясь от этой ситуации и развивая ее, именно в связи с этой нормой и возможно возникновение социального конфликта. Рассматриваемое утверждение создает важный методологический посыл, что социальная напряженность и социальный конфликт являются самостоятельными социальными явлениями, имеющими тесную взаимосвязь, и любому конфликту в социуме, независимо от сферы его разворачивания предшествует состояние социальной напряженности.

Особое внимание к объяснению природы и механизмов возникновения массовых поведенческих проявлений в обществе уделяли Г. Тард, получившее отражение в его теории подражания, и Г. Лебон, описавший формулу толпы и мотивацию ее поведения.

В своих исследованиях коллективного поведения Н. Смелзер тоже обращается к понятию напряженности. Его трактовка в отличие от теорий, основывающихся на психологии массовых социальных проявлений, базируется исключительно на социальной природе происхождения напряженности. Ученый объясняет ее феномен социальными причинами, которыми становятся факторы социальной среды, заставляющие людей реагировать на ее враждебность и приводящие к формированию коллективного поведения, в том числе протестов, бунтов, массовых выступлений. Главным запускающим механизмом возникновения конфликта является состояние неопределенности в условиях социальной напряженности. И уже в зависимости от восприятия и последующей реакции на такое состояние, как массовое беспокойство, агрессивность, апатия и другие формы выражения, формируется поведенческий контент [8].

В российской социологической науке изучение социальной напряженности формируется преимущественно в рамках конфликтологии на фоне дестабилизации и кризиса 90-х годов XX века.

В русле микросоциологического взгляда феномен социальной напряженности рассматривается как мотивационная составляющая обоснования чувства беспокойства, порождаемое неудовлетворенностью ожиданий и отсутствием инструментов их реализации, а с точки зрения макросоциологического подхода – предполагает кризис собственно социальной системы как несогласованности между структурой и функциями элементов, ее составляющих.

И, наконец, социальная напряженность рассматривается как процесс нарастания социальной активности каждого индивида в области массового недовольства, содержанием которого становятся идентификация «своих» и «чужих», «возлагание ответственности», поиск «виновных» [5, с. 184].

Акцент на динамической сущности социальных процессов позволяет рассматривать многочисленные социальные явления как элементы единой системы, но исследуемой с принципиально иной методологической точки зрения, кардинально более глобальной и масштабной, формирующей другой принцип порядка. Как, например, предпринятая попытка рассмотреть территориальную организацию общества в терминах дискретно-континуальных событий, позволяет системно увязать характеристики закономерных и случайных величин социального измерения [6, с. 52]. Подобная логика может быть применена и в определении социальных кризисов и конфликтов как завершающих стадий кризиса социальной системы, также как и состояния неудовлетворенности в социуме.

Так, объективно возникшее противоречие сначала отражается в расхождении во взглядах на социальные нормы, ценности и поведенческие образцы социального взаимодействия. Далее, формируется чувство неудовлетворенности, имеющее нарастающий характер, которое сигнализирует о необходимости обнаружить, определить и привести отклоняющиеся от устоявшихся общественных норм формы в соответствие. Этот процесс позволяет преобразовать факт объективного противоречия в социальной системе в ощущение, которое возникает в социуме сначала в индивидуальной, групповой или далее массовой форме, и в итоге трансформируется в чувство неудовлетворенности индивидуальной, групповой и массовой, соответственно.

Преобразование социальной неудовлетворенности в социальную напряженность также происходит поэтапно. Неудовлетворенность должна перейти от чувственной формы к действию, то есть должна возникнуть фактическая деятельность, отрицающая обычный ход вещей, препятствующая достижению поставленных целей, тормозящая типичные процессы функционирования социума, с одновременным определением участников, союзников или противников изменений. Возникающие социальные отношения как механизм трансформации коллективной неудовлетворенности в

коллективную деятельность, сопровождающаяся формированием двух противоборствующих лагерей, сподвижников противников, доказывает факт существования такого социального явления, как социальная напряженность. Рост социальной напряженности подготавливает основу для перехода социального противоречия из латентной формы к состоянию открытого противостояния.

Интересен тот факт, что несмотря на успешное развитие социологии и других социальных и гуманитарных наук за последние два века, прогнозируемость и управляемость массовыми социальными процессами и явлениями, которые могли бы привести к оптимистично ожидаемым общественным результатам, принципиально не изменили ситуацию в обществе.

Таким образом, диалектико-эклектические основания рассмотрения и интерпретации социальных явлений и изменений посредством описываемых закономерных характеристик общественных явлений и оценочно интерпретируемых цепочек случайных событий позволяют видеть современную социальную реальность как подвижную систему, рассматриваемую в динамике и регулирующую как собственными процессами саморегулирования, также как и системой технологически увязанных эффективных инструментов воздействия и управления обществом, и в тоже время векторно реагирующую на поток случайных событий. Активное развитие постмодернистских идей, зародившихся в тех же временных границах, что и методология позитивизма, но оформившихся и проявившихся в более позднем периоде развития общественного сознания и научного социологического мышления, предопределило современное состояние социума и знания о нем.

Список литературы:

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Булкина, И.В. Теория политической коммуникации Гарольда Д. Лассуэлла: дис. ...канд. социол. наук. – Казань, 2000. – 159 с.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука. – 1991. – 576 с.
4. Конт, О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / Пер. с фр. Изд. 4-е. – М.: Издательский дом «Либроком», 2016. – 80 с.
5. Куконков, П.И. Социальные напряжения и структурные конфликты в регионах России: некоторые исследовательские подходы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2004. – № 1. – С. 183-189. - URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2004_1\(3\)/21.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2004_1(3)/21.pdf) (дата обращения 19.04.2025).
6. Нежданов, В.А. П. Сорокин и П. Штомпка: использование процессуального подхода в социологии расселения // Вестник Мордовского университета. – 2011. – №. 3. – С. 50-52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/p-sorokin-i-p>

shtompka-ispolzovanie-protssessualnogo-podhoda-v-sotsiologii-rasseleniya/viewer
(дата обращения: 25.02.2026).

- 7.Парсонс, Т. О структуре социального действия: Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2018. – 435 с.
- 8.Смелзер, Н. Социология: пер.с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
- 9.Шкурко, Ю.С. Ситуационная структура процесса социальных изменений: теоретико-методологические предположения // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – № 13 (2). – С. 72-82.
- 10.Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] /пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Аникаева Ирина Евгеньевна

преподаватель

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

Irina Anikaeva

Nizhny Tagil branch of the Sverdlovsk Regional Medical College

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ РАНЕНЫМ В ВОСТОЧНО-ПРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИЖНЕТАГИЛЬСКИХ МЕДРАБОТНИКОВ)

Аннотация: Статья посвящена организации медицинской помощи раненым в ходе Восточно - Прусской стратегической наступательной операции. На примере деятельности медицинских работников из Нижнего Тагила освещены ключевые задачи медицинской службы в условиях масштабных боевых действий. На основе архивных документов представлена роль тагильских медиков в системе лечебно эвакуационного обеспечения советских войск. Отражена организация эвакуации и лечения раненых, деятельность военных медиков в госпиталях. Особое внимание уделено подвигам медиков, отмеченных государственными наградами, их самоотверженности, профессионализму и готовности рисковать жизнью ради спасения раненых.

Ключевые слова: медицинская помощь, медработники, Восточная Пруссия, раненый, санинструктор, эвакуация, награждение, Нижний Тагил.

ORGANIZATION OF MEDICAL ASSISTANCE TO WOUNDED PERSONS IN THE EAST PRUSSIAN OPERATION (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF NIZHNYATAGIL MEDICAL WORKERS)

Summary: The article is devoted to the organization of medical care for the wounded during the East Prussian Strategic Offensive Operation. The key tasks of the medical service in the context of large-scale military operations are highlighted using the example of medical workers from Nizhny Tagil. Based on archival documents, the article presents the role of Tagil medical workers in the medical and evacuation support system for Soviet troops. It reflects the organization of evacuation and treatment of the wounded, as well as the activities of military medical personnel in hospitals. Special attention is given to the heroic deeds of medical workers who received state awards, their dedication, professionalism, and willingness to risk their lives to save the wounded.

Keywords: medical assistance, medical workers, East Prussia, wounded, medical assistant, evacuation, awarding, Nizhny Tagil.

Стратегическая наступательная операция советских войск в Восточной Пруссии сопровождалась значительным потоком раненых и серьезными санитарными потерями, исчисляемыми в 584778 человек личного состава, из

которых 126646 человек убито [1, с.164]. Потери среди советских военнослужащих были бы неизмеримо выше, если бы не было качественно и эффективно организовано медицинское обеспечение боевых действий.

В данной статье мы на конкретных примерах рассмотрим те задачи, которые выполняли медицинские служащие разных рангов, званий и военно-учетных специальностей в ходе всей Восточно-Прусской операции. Оцифрованные архивные документы ЦАМО РФ позволяют найти документы, показывающие комплексно рассмотреть деятельность медработников.

Прежде всего, необходимо сказать, что в июле 1943 года из Н. Тагила в полном составе выехал на фронт Добровольческий фронтовой госпиталь №2552, который в составе 3-го Белорусского фронта от Смоленска через Витебск, Оршу, Борисов, Минск, Вильнюс, Каунас, дошел до Кенигсберга, где встретил День Победы, а затем до Инстербурга. В составе этого госпиталя до Инстербурга прошли тагильчанки Большакова Елизавета Александровна, Гурина Агния Григорьевна, Кузнецова Тамара Васильевна и Саблукова Анастасия Александровна [2].

Начальник Нижнетагильского эвакогоспиталя №2552 майор медслужбы Ченцов Владимир Васильевич отмечен орденом Отечественной войны II степени Приказом №755 от 27.07.1945 г. по ВС 3 Белорусского фронта за то, что «госпиталь со времени своего существования по сегодняшний день, работая постоянно в 2-х эшелонах (Вильно- Каунас и Инстербург- Каунас) пропустил через свои отделения около 15000 человек, из коих в часть было выписано 10050 чел. /67%/...»[7]

Вот заслуги выпускников Нижнетагильской фельдшерско-акушерской школы по оказанию помощи бойцам и офицерам Красной Армии:

1. гвардии младший лейтенант медслужбы, старшая операционная сестра Быкова Клавдия Андреевна, «с января 1945 г., работая в медицинском пункте 1-го эшелона 2-й гв. Армии, участвуя в операциях в Восточной Пруссии прилежно относилась и относится к работе. Честно и добросовестно выполняла все назначения врача больным бойцам и офицерам. Вовремя безотказно выполняет все вызовы и чутко относится к больным, ежедневно занимается санитарно-профилактической работой среди бойцов и офицеров. Проводит большую санитарную работу в пищеблоках»[21], за что отмечена орденом «Красная Звезда» по Приказу №161/н от 23.06.1945 г. по ВС 2 гв. Армии.

2. Климов Василий Николаевич принимал участие во взятии Кенигсберга как старший лейтенант медслужбы, старший фельдшер приемно-сортировочного взвода 14 ОМСБ, «быстро и упорно производил сортировку раненных тем самым ускорял оказания им квалифицированной хирургической помощи. Непосредственно сам сделал с выше 150 перевязок. Быстро организовал эвакуацию, чем обеспечил бесперебойную работу ППМ во время последнего боя»[24] и был награжден орденом «Красная Звезда» по Приказу №09/н от 13.02.1945 г. по 86 стрелковой дивизии 2 БелФ.

3. участник штурма Кенигсберга Макеев Михаил Фёдорович, младший лейтенант медслужбы, фельдшер санитарной роты 1018 Белостокского полка 269 стрелковой дивизии «За время наступательных боев с 14 января 1945 года до 7 февраля 1945 года нередко в трудных и неблагоприятных для работы условиях оказал квалифицированную медицинскую помощь 400 раненым бойцам и офицерам, из них 11 раненым произведено переливание крови и 90 раненым при переломе кости были наложены шины»[11], награжден орденом Отечественной войны II степени по Приказу №203/н от 08.03.1945 г. по 41 ск.

Одной из важнейших задач младшего медицинского персонала был вынос раненых с поля боя. Часто такой деятельностью при выбытии из строя санитаров и санинструкторов приходилось заниматься и офицерам медицинской службы.

Сержант медслужбы, санитар 2-й стрелковой роты 312 сп 26 сд Ушаков Алексей Федорович, ранее призванный в Красную Армию 15.02.1944 года Нижне-Тагильским РВК отмечен медалью «За отвагу» по Приказу №8/н от 07.04.1945 г. по 312 КСП 26 КСД ЗГВ «за то, что он в бою 06.04.1945 г. при прорыве обороны противника на подступах к Кёнигсбергу Восточная Пруссия под сильным артиллерийско-миномётным и пулемётным огнём противника вынес с поля боя 20 раненых бойцов и командиров с их личным оружием» [6].

За два ранения был награжден медалью «За боевые заслуги» рядовой, старший писарь ПФС-277 госпиталя легкораненых Хотимский Яков Владимирович, призванный в 1943 г. из Н. Тагила. Приказ №112/н от 29.09.1945 г. по ВС 5 Армии: «Находясь в обороне против немецкой дивизии Германа Геринга в Восточной Пруссии 11 ноября 1944 г. осколком в голову. В январском наступлении в 1945 г. за гор. Шталлуникен в Восточной Пруссии был тяжело ранен в левое предплечье и четвертый палец левой руки»[19].

Получили ранение, поле боя не покинули и продолжили оказание помощи раненым товарищам:

1. старшина медслужбы, санинструктор 5-й батареи 41-го артиллерийского полка 97-й стрелковой дивизии Сединин Федор Никифорович получил орден Славы III степени по Приказу №69/н от 18.03.1945 г. по 97 сд 5 Армии за то, что «в бою 11 февраля 1945 г. в районе деревни Вильмсдорф (Восточная Пруссия) при налете вражеской авиации от бомбежки был контужен, не покинул поле боя, остался в строю выполняя боевую задачу»[20].

2. старшина медслужбы, санинструктор стрелкового батальона 426 стрелкового полка 88 стрелковой дивизии Широких Михаил Иванович награжден орденом Славы III степени по Приказу №4/н от 09.02.1945 г. по 88 сд за то, что в Восточной Пруссии «22.01.1945 г. во время наступательных боёв за высоту 277,3 будучи 3 раза раненым не ушел с поля боя, продолжал оказывать медпомощь раненым бойцам и под сильным огнём противника вынес с поля боя 6 тяжело раненых с их оружием»[17].

3. уроженец Нижнего Тагила Хлопотов Павел Алексеевич, участник взятия Кенигсберга, гвардии лейтенант медслужбы, фельдшер 326 гвардейского

миномётного полка 7-й гвардейской миномётной дивизии удостоен ордена Красной Звезды по Приказу №170 от 30.04.1945 г. по 5 гв. ск 3 БелФ: «Работая в должности военфельдшера в боях в Восточной Пруссии показал себя бесстрашным офицером, в бою всегда находится на НП и в трудные минуты всегда своевременно оказывает необходимую медицинскую помощь. Зачастую пренебрегал смертью, рискуя жизнью, под огнём противника, бомбёжкой мужественно выносил раненых бойцов. При выполнении боевого задания по эвакуации раненых с поля боя получил 15 января 1945 года ранение, пренебрегая страшной болью приказание было выполнено в срок»[13].

Другими важнейшими задачами медработников были оказание помощи и уход за ранеными:

1. Призванный 10.03.1942 года Нижнетагильским военкоматом Робинсон Владимир Борисович, гвардии старший лейтенант медслужбы, врач младшей санитарной роты 133 гвардейского стрелкового полка 44 гвардейской стрелковой дивизии награжден орденом Красной Звезды по Приказу №564/н от 18.03.1945 г. по ВС 65 Армии: «За период прорыва обороны противника с 14 января 1945 года через руки врача Робинсона прошло 340 человек раненых бойцов и офицеров. Все они получили требуемый максимум медицинской помощи, в условиях полкового медицинского пункта»[4]. Был отмечен Благодарностями Верховного Главнокомандующего за взятие города Гданьска 30 марта 1945 года, крупного морского порта Штетина.

2. Выпускница Нижнетагильского педагогического училища и 6-ти месячных курсов медсестер Кириллова Анна Павловна, числе 130 девушек-добровольцев медицинских сестер клуба Metallургов отправлены на фронт. Старшина медицинской службы, медсестра госпиталя легко-раненных №1830 11 гв. Армии 3-го Белорусского фронта, боевой путь прошла от Козельска до Кенигсберга. Приказом №199/н от 14.06.1945 г. по ВС 11 гв. Армии награждена медалью «За боевые заслуги»: «За время пребывания в госпитале зарекомендовала себя как опытная палатная сестра. Своим особым, умелым уходом за тяжело ранеными, вкладывая чувство уверенности в том, что обязательно выздоровеет» [16].

3. Сотрудница Центральной городской библиотеки г. Нижний Тагил Ошнурова Валентина Александровна в возрасте 17 лет ушла на фронт. Сержант, младшая медицинская сестра сортировочного отделения хирургического полевого подвижного госпиталя №566 ПЭП №83 отмечена медалью «За боевые заслуги» по Приказу №200/н от 14.06.1945 г. по ВС 11 гв. Армии 3-го Белорусского фронта «несла самоотверженно свою трудную работу, отдавала раненым все свои силы и весь свой опыт, в периоды больших потоков раненных, не считаясь с усталостью. Особенно самоотверженно работала в период наступательной операции в Восточной Пруссии. В этот период проделала большую работу по сортировке раненых»[15].

Непосредственное участие в боевых действиях с личным уничтожением противника приняли:

1. Смирнов Петр Иванович, призванный в РККА в 1942 году Нижнетагильским ГВК всего вынес с передовой 108 раненых. Старшина медслужбы, санинструктор 198 отдельной разведывательной роты 126 стрелковой дивизии награжден вторым орденом Красной Звезды по Приказу №45/н от 18.04.1945 г. по 126 КСД: «В наступательных боях за город Кёнигсберг старшина Смирнов действовал в передовых группах разведки. При ведении уличного боя он пробравшись скрытыми проходами в тыл немцам гранатами уничтожил два пулемета, которые мешали своим огнем продвижению нашей пехоты. В квартале 24 в коротком бою огнем своего автомата уничтожил 8 гитлеровских солдат и вынес с поля боя 3 раненых»[5].

2. Бабич Николай Стефанович, в послевоенном будущем, крупный организатор здравоохранения на Среднем Урале, гвардии лейтенант медицинской службы, командир санитарного взвода 1-го стрелкового батальона 277 гв. сп 91 гв. ксд 3-го Белорусского фронта награжден орденом Отечественной войны II степени по Приказу №301 от 31.10.1944 г.: «В наступательных боях полка с 06 по 10.10.1944 г. на подступах к Восточной Пруссии в трудных условиях быстрого продвижения и обстрела противника своевременно организовал отправку в Медсанроту раненых бойцов и командиров. На поле боя сам лично оказал в совершенстве первую помощь 30-и бойцам и командирам. Когда противник пытался контратакой выбить наши подразделения, тов. БАБИЧ - принял участие в отражении контратаки»[22].

3. Сотрудник 4 городской больницы Нижнего Тагила в послевоенное время Неволин Михаил Петрович получил орден Отечественной войны II степени по Приказу №100 от 25.10.1944 г. по 71 ск 3 Белорусского фронта как старший лейтенант, командир стрелковой роты 1106 сп 331 сд 71 ск 3 БелФ «в боях с немецкими захватчиками при прорыве обороны противника на границе Восточной Пруссии обходным маневром со своей ротой зашел противнику с фланга чем самым заставил противника оставить траншею. В этом бою уничтожено ротой до 30 солдат противника»[23].

Несвойственные медицинской специальности обязанности выполнял старшина медслужбы 618 стрелкового полка 215 стрелковой дивизии Крумголец Тейня Гильевич, в 1942 году призванный в РККА Нижнетагильским РВК. «В период наступательных операций с 18.01.1945 г. по 17.04.1945 г. по разгрому Восточной Прусской группировки войск противника, работал все время под артиллерийским обстрелом по подвозке боеприпасов и продовольствия на передний край в подразделения полка. Сохранил коней в хорошем состоянии»[3], Приказом №112/н от 26.04.1945 г. по 215 КСД 5 Армии 3 Белорусского фронта был награжден орденом Красной Звезды.

Медицинская аксиома гласит: «организационная работа первична, оказание помощи вторично».

С 1946 года начальник госпиталя военнопленных №2929 Тагиллага МВД Сахно Филипп Николаевич в звании капитана медслужбы, начальника хирургического полевого подвижного госпиталя №2295 ПЭП №193 награжден

орденом Отечественной войны II степени по Приказу №424 от 24.04.1945 г. по ВС 3 Белорусского фронта «за время боевых действий наших войск в Восточной Пруссии произвёл большую работу по обеспечению лечебно-эвакуационной помощью раненых. Умело сочетал административную работу с практическим участием в оказании неотложной хирургической помощи раненым»[10].

Начальник тагильского эвакогоспиталя №1430 Сандлер Наум Львович, в дальнейшем майор медслужбы, начальник ЭГ №2887 ПЭП №193 участвовал в штурме Кенигсберга и был удостоен ордена Отечественной войны II степени по Приказу №560 от 31.05.1945 г. по ВС 3 Белорусского фронта: «во время боёв в Восточной Пруссии провёл большую работу по профилактике и лечению инфекционных больных; благодаря его личной инициативе и большой самоотверженной работе лечение и культурно-бытовые условия больных в госпитале, всегда получали отличную оценку»[12].

Капитан медслужбы, старший врач 1434 Самоходного Артиллерийского полка Голина Алла Павловна удостоена ордена Отечественной войны II степени по Приказу №12/н от 05.06.1945 г. по ВС 49 Армии: «В наступательных боях в Восточной Пруссии умело организованной и личным примером обеспечила непрерывное обслуживание личного состава медицинской помощью на поле боя и лечением при части. За весь период оказано помощи и эвакуировано 55 человек»[9].

Обеспечение медицинских учреждений всем необходимым прослеживается в деятельности гвардии капитана интендантской службы, командира прачечного отряда ПЭП №89 Маточкина Ивана Георгиевича: «отряд своевременно при передислокациях разворачивался и организовал свою работу так, что госпитали полностью обеспечивались чистым бельем, только за период наступательных действий армии в Восточной Пруссии, отрядом было выстирано 88 тонн белья». Вторую медаль «За боевые заслуги» по Приказу №181 от 29.06.1945 г. по ВС 31 Армии 1 Украинского фронта: «Только за время военных действий нашей армии в Восточной Пруссии отрядом было выстирано 143 тонны белья, что обеспечило всех раненых при поступлении в госпитали чистым бельем»[8]. За эти заслуги он получил медаль «За боевые заслуги» по Приказу №73 от 29.03.1945 г по ВС 31 Армии 3 Белорусского фронта.

Донорство и его развитие было жизненно-необходимой деятельностью медработников фронтового времени.

Родившаяся в 1908 году в Нижнем Тагиле Ярославцева Зоя Дмитриевна, капитан медслужбы, помощник начальника эвакогоспиталя №3742 по медицинской части ПЭП №193 награждена орденом Красной Звезды по Приказу №634 от 14.06.1945 г. по ВС 3 Белорусского фронта: «За последнюю операцию по разгрому Восточно-Прусской группировки, приняла большой поток раненных на Вильнюсском этапе при нагрузке госпиталя на 150% и на этом этапе город Хайльсберг быстро развернула весь комплекс лечения, приняла более 3000 раненых, хирургически и санитарно подготовила и

эвакуировала 2200 человек без единого дефекта. Возглавляет донорство, вовлекла в донорство более 50 человек. Лично давала за период Отечественной войны 32 раза кровь»[18]. Отмечена медалью «За взятие Кенигсберга».

Уроженец Нижнего Тагила Замотаев Иван Павлович, с 3-го курса мединститута добровольно ушел на фронт. Майор медслужбы, начальник станции Переливания Крови ПЭПа №21 награжден орденом Отечественной войны 2-й степени по Приказу №38/н от 21.04.1945 г. по ВС 5 Армии: «с большим умением и целеустремленностью добился в кратчайший срок выполнения и перевыполнения планов заготовок крови; отлично организовал подбор кадров доноров, штат доноров доведен до 970 человек. Станция дала Армии за январь 185 литров крови. Февральский план выполнен за 16 дней, причем заготовлено 132 литра крови. Мартовский план выполнен к 14-му марта»[14].

Скупые строки архивных документов ярко и правдиво свидетельствуют о неустанном милосердном подвиге советских медицинских работников во все суровые годы Великой Отечественной войны и в ее последних битвах 1945 года.

Список литературы:

1. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков. - М.: Вече, 2014. – 384 с.
2. Книга Памяти и Славы «Нижнетагильские медики – участники Великой Отечественной войны» / Р.Ю. Домбровский. - Нижний Тагил: НФ СОМК, 2021. – 681 с.
3. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.833. Л.21.
4. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.1641. Л.81.
5. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.1951. Л.27.
6. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.2472. Л.5.
7. ЦАМО. Ф. 33. Оп.686196. Д.3144. Л.638.
8. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.3421. Л.80.
9. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.3486. Л.19.
10. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.4417. Л.141.
11. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.4505. Л.66.
12. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.4617. Л.64.
13. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.4814. Л.61.
14. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.4839. Л.54.
15. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.5083. Л.214.
16. ЦАМО. Ф. 33. Оп.686196. Д. 5083. Л.368.
17. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.5226. Л.50.
18. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.5718. Л.175.
19. ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.6348. Л.151.
20. ЦАМО. Ф.33. Оп.687572. Д. 1897. Л.74.

- 21.ЦАМО. Ф.33. Оп.687572. Д. 2725. Л.39.
- 22.ЦАМО. Ф.33. Оп.690155. Д.1706. Л.8.
- 23.ЦАМО. Ф.33. Оп.690155. Д.6090. Л.6.
- 24.ЦАМО. Ф.33. Оп.690306. Д.3054. Л.9.

Антоненко Валентин Сергеевич

командир роты

Новосибирское высшее военное командное училище

SPIN-код: 9828-7963

Valentin Antonenko

Novosibirsk Higher Military Command School

«ДЕТИ ВОЙНЫ»: ФЕНОМЕН ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И СИСТЕМА ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1940–1950-Е ГГ.)

Аннотация: Статья посвящена исследованию острой социально-криминологической проблемы подростковой преступности в экстремальных условиях военного и послевоенного времени. На примере Западной Сибири анализируются причины, динамика и структурные изменения детской преступности в период 1940–1950-х гг. Особое внимание уделяется эволюции государственной политики: от карательных мер к созданию системы трудового перевоспитания. В работе впервые комплексно рассматриваются внутренние противоречия системы исправительных учреждений НКВД/МВД, условия содержания и методы социализации несовершеннолетних правонарушителей. Статья базируется на анализе широкого круга архивных источников и опубликованных материалов, вводя в научный оборот новые данные о региональной специфике явления.

Ключевые слова: Несовершеннолетние правонарушители, Западная Сибирь, Великая Отечественная война, детские приемники-распределители, трудовые воспитательные колонии, беспризорность, ремесленные училища, историческая криминология.

"CHILDREN OF WAR": THE PHENOMENON OF JUVENILE DELINQUENCY AND THE SYSTEM OF ITS OVERCOMING IN WESTERN SIBERIA (1940-1950-IES)

Summary: The article is devoted to the study of the acute socio-criminological problem of juvenile delinquency under the extreme conditions of war and the post-war period. Using the example of Western Siberia, the causes, dynamics, and structural changes in child crime in the period 1940-1950 are analyzed. Special attention is paid to the evolution of state policy: from punitive measures to the creation of a system of labor re-education. The work comprehensively examines for the first time the internal contradictions of the NKVD/MVD correctional system, the conditions of detention, and methods of socialization of juvenile offenders. The article is based on the analysis of a wide range of archival sources and published materials, introducing new data on the regional specifics of the phenomenon into scientific circulation.

Keywords: Juvenile offenders, Western Siberia, Great Patriotic War, children's distribution centers, labor educational colonies, homelessness, vocational schools, historical criminology.

Проблема подростковой преступности в переломные моменты истории приобретает особую остроту, становясь индикатором социального неблагополучия. Период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы в СССР стали временем катастрофического роста беспризорности и, как следствие, криминализации подростковой среды. Западная Сибирь, будучи глубоким тылом и регионом интенсивного промышленного освоения, столкнулась с этим явлением с особой силой. Цель данной статьи — не просто констатировать факт роста преступлений, но проанализировать эволюцию государственной системы реагирования: от репрессивных указов конца 1940 г. к созданию разветвленной сети трудовых колоний и воспитательных учреждений, выявив эффективность и противоречия этой политики.

В военный и послевоенный период ключевым криминогенным фактором стал массовый приток беспризорных и безнадзорных детей в промышленные центры. Дети бежали из разоренных сел, детских домов и ремесленных училищ (ФЗО) в поисках «лучшей доли» и куска хлеба. Однако на месте их ждала та же нищета, усугубленная влиянием криминальной среды. Преступления, совершаемые несовершеннолетними, имели преимущественно корыстную мотивацию: кражи и мелкое хулиганство составляли подавляющее большинство. Однако фиксировались и тяжкие преступления (грабежи, убийства), что свидетельствовало не только о голоде, но и о глубокой морально-психологической деформации личности в условиях военного времени. Важно отметить роль взрослого криминалитета, который активно использовал подростков как исполнителей преступлений.

Первым звеном в системе борьбы с детской преступностью стали детские приемники-распределители (ДПР). Они выполняли функцию фильтра: сюда попадали беспризорники, доставленные милицией или общественностью. С 1944 года при детских комнатах милиции начали работу специальные группы с участием комсомольцев и профсоюзов, что указывает на попытку придать процессу не только административный, но и общественный характер. Ключевым звеном системы стали трудовые и трудовые воспитательные колонии НКВД [1, с.162]. Важно различать их функции:

1. Трудовые колонии (согласно положению от 28 мая 1940 г.) были ориентированы на изоляцию и принудительный труд [2, с.261]. Режим в них был жестким: военизированная охрана, штрафные изоляторы (ШИЗО) с пайком в 75% от нормы и прогулками не более 20 минут.
2. Трудовые воспитательные колонии (активно развиваются с 1943 г.) делали акцент на обучение профессии.

Уникальность подхода: в 1943 году была предпринята беспрецедентная попытка классификации детей. Инструкция НКВД, НКЮ и Прокуратуры СССР от 21.06.1943 ввела возрастную градацию от 3 до 16 лет с возможностью продления до 17 лет в случае необходимости завершения обучения профессии, что демонстрирует стремление к дифференцированному подходу [3, с. 8]. Однако парадокс заключался в том, что условия содержания и нормы питания часто нивелировали эти возрастные различия, особенно в военный период.

Сравнительный анализ рациона питания несовершеннолетних заключенных.

1. 1943 г. (Колонии НКВД) Хлеб: 600 г., Мясо: 25 г., Жиры: 25 г., Сахар: 15 г. [4, с. 87].
2. 1943 г. (ФЗО, паек №6) Хлеб: от 600 до 1000 г. (в зависимости от выработки) Стимулирование труда: прямая зависимость пайка от нормы выработки.

Пик детской преступности пришелся на 1943–1944 годы. Государство ответило экстренными мерами. Постановление СНК СССР от 15.01.1943 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и последующие инструкции, привели к созданию новых колоний. К концу 1943 года общее число мест в колониях для несовершеннолетних было доведено до 50 000. Примечательно, что в 1943 году подростки из колоний начинают активно использоваться на производстве. Их направляли на заводы, где они работали, выполняя 79–125% нормы, получая усиленный паек. Производственные планы первого полугодия 1944 года были перевыполнены по всем позициям: от боеприпасов (105%) до военного обмундирования (115%). Таким образом, колонии из места изоляции превратились еще и в важный элемент военной экономики.

Окончание войны не решило проблему. Более того, репатриация и возвращение детей из эвакуации создали новую волну беспризорности. В 1945 году количество заключенных в трудовых колониях 23 927, а в воспитательных 18 957 [5, с. 5].

Противоречия системы:

1. Амнистия 1945 года, приуроченная к Победе, привела к ликвидации 23 колоний. С одной стороны — гуманизм, с другой — поспешное освобождение тысяч подростков без должной ресоциализации, что могло спровоцировать рецидивы.
2. География преступлений. Анализ состава воспитанников омской ДТВК №1 показывает, что в сибирские колонии свозили подростков со всего СССР: от Ленинграда и Москвы до Владивостока и Житомира. Это создавало уникальный, но крайне криминогенный "коктейль" из подростков с разным опытом и психотипами.
3. Смертность и насилие. В 1947 году в колониях умерло 308 воспитанников (102 — от туберкулеза). Зафиксировано 19 убийств воспитанниками друг друга и массовые побеги (в 1947 г. — 6179 побегов из ДТВК и ТВК). Это

свидетельствует о том, что система не справлялась с задачей обеспечения безопасности детей.

Статистика первого квартала 1945 года демонстрирует снижение числа зарегистрированных преступлений (со 136 до 112) по сравнению с четвертым кварталом 1944 года. Однако это снижение могло быть вызвано как амнистией, так и простым переводом части подростков в колонии, где они уже не учитывались в текущей криминальной статистике.

Криминальный портрет: Основной массив преступников составляли подростки 14–16 лет (55,3% от общего числа). Однако обращает на себя внимание высокая доля 12–13-летних (почти 30%), что говорит о крайне ранней криминализации детей военных лет. Преобладание краж (более 90% в структуре преступности) подтверждает тезис о том, что движущей силой был голод и нищета, а не "профессиональная" преступность.

К 1948 году система стабилизировалась, но стала более дифференцированной. Появились колонии с особым режимом для осужденных за особо опасные преступления. Вводится обязательное 8-часовое обучение и семилетнее образование. Важным шагом стала гуманизация досуга: создаются предметные кружки (исторические, литературные, юннатов), вводится ежедневная физкультура под духовой оркестр и демонстрация фильмов. Создаются общественные комиссии из родственников, вводится система индивидуальных карточек наблюдения за воспитанниками. Однако проверки выявляли системные недостатки: грубость сотрудников, производственный травматизм, незаконные удержания из зарплаты и, что самое опасное, совместное содержание несовершеннолетних со взрослыми заключенными, что сводило на нет все воспитательные усилия.

В заключении можно сказать: анализ периода 1940–1950-х гг. в Западной Сибири показывает, что борьба с детской преступностью прошла сложный путь от тотального контроля и репрессий к попыткам создания системы трудового перевоспитания. Пик преступности, пришедшийся на 1943–1944 гг., был преодолен не столько благодаря карательным мерам, сколько за счет:

1. Расширения сети спецучреждений (приемников-распределителей и колоний).
2. Жесткой привязки воспитательного процесса к производительному труду, что давало подросткам профессию и средства к существованию.
3. Частичной гуманизации режима к концу 1940-х годов (образование, досуг, кружки).

Тем не менее, система оставалась глубоко противоречивой, страдала от жестокости персонала, нехватки ресурсов и смешения воспитательных и карательных функций. Опыт тех лет показывает, что эффективная борьба с детской преступностью невозможна без решения социальных проблем (бедности, сиротства) и создания условий для ресоциализации, а не просто изоляции.

Список литературы:

- 1.Маркдорф, Н. М. Правонарушения несовершеннолетних в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. – 2025. – № 2(40). С.160-173.
- 2.Звягольский А.Ю., Дынько А.П. Юридическая ответственность несовершеннолетних преступников в местах лишения свободы в послевоенные годы // Журнал юридические науки. С. 261-262.
- 3.Гребенщикова И.В. Правовой статус несовершеннолетних, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях в годы ВОВ (1942-1945) // Электронный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. №2. С. 8.
- 4.Быков А.Г., Быкова А.В. Детская трудовая воспитательная колония № 1 НКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943-1948 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. С. 87.
- 5.Блинова В.В. Роль детских колоний в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в послевоенные годы (1945–1953 гг.) // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2019. С. 5.
- 6.Блинова В.В. Противодействие фальсификации истории: деятельность правоохранительных органов в советский период. – Чебоксары, 2022. 79 с.

Анцупова Александра Сергеевна

кандидат технических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 2811-3190

Antsupova Aleksandra

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ИЗУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация: В статье рассматривается роль социологического изучения молодежи, включая исторический экскурс по исследованию молодого поколения. Анализируется трансформация содержания социологических исследований молодежи. Отражаются современные направления изучения молодежи. Подчеркивается роль познания молодежи для общества и государства.

Ключевые слова: молодежь, исследование, ювенология, социология молодежи, социализация, изучение.

STUDY OF YOUTH IN SOCIOLOGICAL ASPECT

Summary: This article examines the role of sociological studies of youth, including a historical overview of the study of the younger generation. It analyzes the transformation of the content of sociological studies of youth, reflecting on contemporary trends in youth studies. The role of youth knowledge for society and the state is emphasized.

Keywords: youth, research, juvenology, sociology of youth, socialization, study.

Изучением молодежи как особой социально-демографической группы занимается ювенология, которая выстраивает представление о молодом поколении исходя из биологических, социальных и духовных предпосылок: рассматривается молодость, особенности взросления и развития молодых людей, их проблемы, социализация и другие процессы, которые происходят в среде молодежи. Отмечается, что период молодости является временным этапом, который характеризуется схожими социализационными процессами, трудностями и особенностями, однако, данная стадия обязательна и неизбежна, в ней заканчивается детство и происходит переход к взрослости. Другим научным разделом является социология молодежи, которая также занимается изучением молодого поколения, его потребностей, проблем, процессов образования и трудоустройства и других аспектов. Важно отметить, что формирование знаний о молодежи также происходит в психологии, медицине, криминологии, девиантологии и других науках.

Социологический подход к изучению молодежи подразумевает анализ этой группы как части более широкой социальной структуры, ее положения, функций и взаимодействия с другими социальными институтами. До середины XX века молодежь не выделяли в отдельную группу, она была частью советского общества, которое было основано на общих целях и идеологических идеях, в связи с этим, полагалась, что у молодых людей не могут быть собственные потребности, интересы и проблемы, но после 1960-х годов ситуация изменилась. В России первое определение молодежи было дано В.Т. Лисовским, термин включал понятие социализации и считалось, что этот процесс лежит в основе личностного становления молодежи, а ключевым аспектом социализации является усвоение общественных функций молодыми людьми [1]. Таким образом, молодежью считалось поколение, которое находится в процессе становления: физического, духовного, интеллектуального, нравственного и профессионального, что происходит в схожих этапах социализации и характеризуется типичными для этих этапов проблемами, с которыми сталкиваются молодые люди.

В силу смягчения политического режима были возобновлены социологические исследования, в частности, изучением молодежи занимались несколько научных школ: московская, ленинградская, новосибирская и свердловская. Молодое поколение оценивалось как важный субъект социальных отношений, в частности, исследовались следующие аспекты:

- нравственное воспитание;
- формирование активной жизненной позиции;
- ожидания молодежи от окружающего мира;
- вопросы самоопределения;
- жизненные планы молодых людей;
- социальная мобильность;
- этапы социализации;
- социальные отклонения;
- особенности межпоколенческого взаимодействия;
- молодежные субкультуры;
- патриотическое воспитание;
- социальный статус;
- становление личности;
- образовательные стратегии развития;
- включение в трудовую и общественно-политическую жизнь и др. [2].

Особый интерес для социологов представлял собой процесс становления молодежи как социальной группы, в этот период формируются ценностные ориентации, идентичность, мировоззрение, что во многом предопределяет их дальнейшую социальную траекторию. Изучение этих процессов позволяло выявить слабые и сильные стороны социализации, определить факторы, способствующие успешной интеграции в общество, или, напротив, ведущие к

социальной отчужденности и маргинализации. Изучение молодежи исходило из состояния текущей ситуации в обществе и зачастую носило проблемный подход, который во многом сохранился и сегодня, тем не менее, с переходом общества от социалистических идеалов к рыночным отношениям стали прослеживаться другие направления в исследованиях, например, современные вопросы научного сообщества касаются изучения природы потребительских мотивов молодых людей.

В настоящее время информатизация и глобализация оказали значительное влияние на общественные процессы, безусловно, изменения коснулись и молодежи, в том числе. В связи с этим, пристальное внимание современных исследований молодежи как социально-демографической группы направлено на изучение ценностных ориентиров современных молодых людей, на основе которых они реализуют различные поведенческие модели. Молодежью сегодня считают социально-демографическую группу, которая обусловлена возрастным диапазоном от 14 до 35 лет, подобное определение молодежи излагается в Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» [3]. Во многом нынешняя молодежь рассматривается в контексте аспектов социальной реальности, которая сформировалась в преддверии XXI века, однако, стоит подчеркнуть направления современных исследований молодого поколения:

- молодежные проблемы и пути их преодоления;
- вопросы профориентации, трудоустройства и безработицы;
- причины общественной активности и пассивности молодых людей;
- аспекты определения идентичности и гражданственности;
- проблемы молодых семей;
- формирование молодежной политики;
- стратегии личностного и профессионального развития;
- факторы молодежного экстремизма;
- причины и последствия девиантного поведения;
- проблемы процесса социализации молодежи и др. [4].

Анализ молодежи в социологическом аспекте также включает в себя изучение ее роли в различных сферах жизни общества: политической, экономической, культурной. Молодежь выступает как потребитель, как участник рынка труда, как инициатор новых социальных движений и культурных трендов. Сегодня исследователи уделяют пристальное внимание индивидуализации молодежных траекторий, феномену «цифровой молодежи», формированию виртуальных сообществ и онлайн-идентичностей. Важными стали вопросы, связанные с психологией и ментальным здоровьем, с процессами поиска смысла жизни в условиях информационного изобилия и неопределенности.

Можно сделать вывод, что существование обширной направленности в изучении молодежи свидетельствует о сложности и многогранности данной

социально-демографической группы, она представляет большой интерес для общества и государства в силу своего потенциала, который может быть реализован как на благо самого молодого человека, так и на благо страны. Изучение молодежи позволяет не только понять процессы, происходящие в обществе на современном этапе, но и прогнозировать его дальнейшее развитие, так как именно молодежь является основным двигателем большинства социальных трансформаций. Идентификация проблем, с которыми сталкивается молодое поколение создает возможность своевременно на них реагировать, разрабатывать эффективные социальные, образовательные и экономические программы, что позволяет минимизировать риски возникновения социальных конфликтов.

Список литературы:

1. Лисовский, В. Т. Методология и история исследования проблем молодёжи / В. Т. Лисовский; Химиздат. – Санкт-Петербург, 2005. – 287 с.
2. Чупров, В. И. Становление отечественной школы социологии молодежи / В. И. Чупров. // Россия реформирующаяся. – 2019. – №17. – С. 103–125.
3. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 N 489-ФЗ (последняя редакция). // КонсультантПлюс: официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 17.02.2026).
4. Елишев, С. О. Современные подходы к определению понятия "молодежь" в социологии / С. О. Елишев. // Вестник Московского университета. – 2019. – №3. – С. 187–189.

Атдаев Сердар Джумаевич (Туркменистан)

кандидат исторических наук

независимый исследователь

SPIN-код: 4722-1566

Atdaev Serdar

independent researcher

МЕРВ 1881-1884 ГГ.: ШАГИ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация: Статья посвящена удачному эндшпилю российской дипломатии, осуществленному в ходе присоединения мервского оазиса. Руководство Закаспийской области предпринимает усилия по присоединению Мервского оазиса мирным путем, и организует кампанию по возвращению удалившихся в 1881 г. в Мерв беженцев обратно в Ахал. С этой целью в Мерв направляются переговорщики из Ашхабада, Туркестана, Бухары и Хивы. Особую активность в этом деле проявляют российские коммерческие агенты в Иране Карл Дефур и К.А. Насырбеков. К старшинам и ханам Мерва отправляются письма с просьбой прекратить бессмысленное сопротивление и решить все мирным путем. Вскоре их плоды дают о себе знать и в январе 1884 г. общее собрание представительных лиц Мерва соглашается на мирный исход дела.

Ключевые слова: Российская империя, Закаспийская область, Мерв, Ахал, туркмены, переговоры.

MERV 1881-1884: STEPS OF DIPLOMACY

Summary: This article examines the successful endgame of Russian diplomacy achieved during the annexation of the Merv oasis. The leadership of the Transcaspian region is making efforts to annex the Merv oasis peacefully and is organizing a campaign to return the refugees who fled to Merv in 1881 to Ahal. Negotiators from Ashgabat, Turkestan, Bukhara, and Khiva are dispatched to Merv for this purpose. Russian commercial agents in Iran, Karl Defour and K.A. Nasyrbekov, are particularly active in this matter. Letters are sent to the elders and khans of Merv, asking them to cease their senseless resistance and resolve matters peacefully. These efforts soon bear fruit, and in January 1884, a general meeting of Merv's representatives agrees to a peaceful outcome.

Keywords: Russian Empire, Transcaspian region, Merv, Akhal, Turkmen, negotiations.

*Войны тяжелое дыхание,
И топот боевых копыт,
Утонут, в речи диалога,
Восполнив пустоту обид.
С.А.*

В работе говорится об успешной работе российской дипломатии, во время присоединения мервского оазиса к российской империи в январе 1884 г. После захвата войсками российской империи крепости Гёк-тепе 12 января 1881 г. огромные массы беженцев хлынули в Теджен и Мерв. Лидеры сопротивления Дыкма-сердар (1825-1882), Махтум-Кули-хан (1854-1923) и Курбан-Мурад-ишан (родился в 1840 г.) приводят своих людей на берега Мургаба. Россия, учитывая дипломатическое давление, оказываемое со стороны западноевропейских государств, и в первую очередь Англии, на время приостанавливает свое дальнейшее движение. Политическое и военное руководство Российской империи старается решить этот вопрос мирным путем, и начинает программу по возвращению беженцев обратно в Ахал.

Стараясь погасить воинственный настрой мервцев, российское военное командование направляет в Мерв своих эмиссаров из Ашхабада, Туркестана, Бухары и Хивы. Исполняющий обязанности военного министра генерал Ф.Л. Гейден (1821-1900) предложил временно исполняющего обязанности туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковскому (1819-1896) вести дело так, чтобы «по возможности поддержать между мервцами мирную партию». Колпаковский также получает от начальника Амударьинского отдела А.А. Гроттенгельма (1831-1903, начальник Амударьинского отдела с 1887 по 1887 гг.) копию письма хивинского правителя Мухаммад Рахим-хана II (годы правления 1864-1910) к населению ахалского оазиса, в котором последний советовал туркменам, скрывшимся в песках, «возвратиться к своим пашням в подданство русских» [5, с. 98].

Командующий военной экспедицией генерал М.Д. Скобелев (1843-1882) приказывает полковнику А.Ф. Арцишевскому (1829-1895) заняться обустройством жизни в занятом крае. В своем письме от 19 января 1881 г. Скобелев пишет Арцишевскому: «старайтесь войти в связь с бежавшим населением. Надо всеми силами стараться умиротворить край до конца февраля, чтобы было кому орошать существующие многочисленные запашки и сделать новые раннею весной». 21 января 1881 г. Скобелев отмечает: «интерес государственный требует возможно поспешного замирения края, возвращения жителей к очередным мирным занятиям». 24 января 1881 г. в письме начальнику туркестанского отряда полковнику А.Н. Куропаткину (1848-1925) Скобелев указывает: «некоторым влиятельным семействам я приказал помочь серьезно, дабы этим положить начало хотя небольшому кружку людей, испытавших добро от русской власти» [2, с. 410, 412, 418].

Однако, чтобы установить в регионе прочный мир, необходимо было в первую очередь привлечь на свою сторону верхушку туркмен. Начался сбор подробных сведений о наиболее авторитетных текинских ханах. Одновременно в Мерв направляется воззвание о немедленной сдаче. Спустя некоторое время, 6 марта 1881 г. в Лютфабад к М.Д. Скобелеву из поседения Кака прибыла группа старшин, которая передала письмо из Мерва, в котором жители «просили сообщить им о желании русского начальства». В ответ Скобелев

потребовал признание жителями Мерва власти российской империи, добавив: «если они искренни, то пусть пришлют мне своих людей, которых я приму и отпущу с почетом, как гостей» [5, с. 86, 87].

Желая поскорее захватить Мерв, Скобелев поручает российскому агенту в иранском Дерегезе Карлу Дефуру вести переговоры с туркменскими местными старшинами и сердарами. Дефур убеждал Дыкма-сердара сдаться, говоря: «прими наши слова, не бойся и явись великому генералу». Длительное время воевавший против российской армии и осознавший силу её оружия Дыкма-сердар, понимает бессмысленность дальнейшего сопротивления и решает сдаться. Он пишет письмо М.Д. Скобелеву, где выражает свою готовность вернуться в Ахал. 27 марта 1881 г. в Ашхабаде состоялась встреча М.Д. Скобелева и Дыкма-сердара. Сердар преподнес Скобелеву свою саблю и вернул генеральского коня, которого 19 августа 1880 г. текинцы захватили на перевале Бендесен [5, с. 91-92, 99].

По сообщению Ч. Марвина, Дыкма-сердар весной 1881 г. вместе со своими людьми возвращается в Ахал, а российское командование помогает ему восстановить разграбленное имущество [8, р. 168]. Вместе с Дыкма-сердаром из Мерва в Ахал вернулась основная часть туркменских предводителей, среди которых были Сопы-хан (умер в 1880 г.) и Куль-Батыр-сердар (умер в 1903 г.).

Чтобы показать текинским ханам всю мощь Российской империи, решено было организовать для них ознакомительную поездку в Петербург. По возвращении из Санкт-Петербурга Дыкма-сердар был направлен в Мерв, чтобы наладить отношения туркмен с российскими властями. Прибыв в Мерв 5 августа 1881 г., Дыкма-сердар встречается с местными старейшинами, после чего проводит переговоры с ханами и сердарами. Итогом этих встреч стало решение о возвращении из Мерва остальной части жителей Ахала. Обратный ход в сторону Ахала начался в сентябре 1881 г. В октябре месяце в Ахал вернулось около 11 000 кибиток (примерно 55 000 человек). К возвращению было готово также население окраин Мерва и Теджена [6, с. 530-531, 554].

О своих успехах Дыкма-сердар писал полковнику Н.Ф. Мешетичу (1850-1910): «я отправился в Мерв, где, прожив месяца полтора, уговорил мервских текинцев принять подданство белого царя, и с этой целью вместе со мной прибыла в Ашхабад мервская депутация, человек 120». О прибытии этой депутации в Ашхабад 8 октября 1881 г. сообщалось в рапорте начальника Закаспийской области П.Ф. Рерберга (1835-1912). Указывалось, что с Дыкма-сердаром прибыли 24 старшины колен Сычмаз и Багши текинского крыла Утамыш. Представители колен Векиль и Бег (текинского крыла Тогтамыш) «приняли решение поехать с посланными от хивинского хана для заявления через его посредничество чувства покорности к России» [6, с. 555, 573].

Российское военное командование старается как можно больше заполучить свежей информации о мервском крае. Принимается решение отправить в Мерв торговую миссию, получившую в отечественной истории название «коншинский караван». 3 февраля 1882 г. из Ашхабада в Мерв

выступает торговый караван купца Н.Н. Коншина (1833-1918) с приказчиком С.Я. Косых, скрывавшимся под псевдонимом Северин-бай. Под видом помощников в составе каравана направлены российские офицеры: поручик М. Алиханов – под псевдонимом Максут (1846-1907) и хорунжий П.В. Соколов - Платон-ага [1, с. 81]. Выполнив торговые операции в Мерве, караван в марте возвращается в Ашхабад. Всю собранную информацию и произведенные съемки офицеры изложили в своих записках.

Необходимость в новых, более уточненных, сведениях заставляет российское военное руководство командировать в Мерв следующую экспедицию. 19 мая 1882 г. из Мешхеда выдвигается группа, во главе которой стоит поручик 1-го Туркестанского батальона Назиров. В Мерве караван прибывает 27 мая и находится там по 7 июня. Выезжая из Мешхеда, Назиров везет рекомендательные письма от российского коммерческого агента К.А. Насырбекова. Последний в своих письмах писал мервским ханам, что «слабые должны покоряться сильным» и при этом приводил примеры из жизни кавказских мусульман, вошедших в состав Российского государства.

Назиров ведет активную переписку с начальником штаба Закаспийской области полковником И.А. Аминовым (1844-1899), сообщая о настроениях в Мерве. В его докладных говорится, что положение в Мерве становится все более спокойным. Назиров внимательно следит за всеми переменами, происходившими в оазисе. Он выезжает в аулы, где ведет беседы с влиятельными представителями местной верхушки. На основании полученных сведений была составлена маршрутная съемка от Мешхеда через Сарахс и Мерв в Чарджоу. Материалы, изложенные Назировым, в последствии облегчили дальнейшее продвижение российских войск на Мерв. Новые данные обозначили перспективные направления торгово-экономических связей этого региона. Топографические наработки Назирова впоследствии были продолжены М. Алихановым и П. М. Лессаром (1851-1905) [3, с. 16].

Российские власти, в своей политике примирения с Мервом, определенную ставку делали на сына Нур-Берды-хана (1826-1880) Махтум-Кули-хана. Прочно осевший в Мерве Махтум-Кули-хан со временем стал осознавать, что примирение с Россией неотвратимо. 29 марта 1881 г. он решает написать письмо, в котором обещает прибыть в Ашхабад. В этом деле он пользуется услугами Эзиз-сердара (Эзиз-Гараёме-сердар из текинского колена Векиль). Последний 15 апреля 1881 г. получает письмо от начальника штаба генерал-майора Н.И. Гродекова (1843-1913), в котором говорится о прощении туркмен и их приглашении вернуться на земли Ахала. В том же месяце Эзиз-сердар присылает генералу Скобелеву письмо, в котором предлагает свои услуги по проведению переговоров с мервскими ханами. Он просит помиловать Махтум-Кули-хана и дать ему дозволение вернуться в Ахал вместе с его братом Юсуп-ханом.

Махтум-Кули-хан все еще колеблется. Тогда для возвращения Махтум-Кули-хана генерал-лейтенант П.Ф. Рерберг посылает в Мерв Дыкма-сардара.

Махтум-Кули-хан сообщает Дыкма-сердару, что готов поехать в Хиву и там явится русским властям [6, с. 544, 575].

Старания по возвращению Махтум-Кули-хана предпринимает также один из влиятельных людей Ахала, верный соратник главы Ахала Нур-Берды-хана – Паша-сердар из текинского крыла Тогтамыш. После встречи с ним, Махтум-Кули-хан дает свое предварительное согласие. Он сообщает, что для возвращения его людей в Ахал потребуются определенные средства и финансовые издержки, для чего просит вернуть отобранное ранее у него имущество [4, с. 89-90]. В октябре 1881 г. главные ханы Мерва, в числе которых был и Махтум-Кули-хан, приняли решение направить русскому царю петицию с просьбой взять их под свое покровительство. Резолюция была доставлена в Ашхабад Дыкма-сердаром.

Из донесения начальника штаба Закаспийской области полковника И.А. Аминова от 23 февраля 1882 г. следует, что действия Махтум-Кули-хана относительно сдачи российским властям стали более определенными [6, с. 629]. Ч. Марвин в марте 1882 писал, что Махтум-Кули-хан хотел прибыть в Ашхабад и попросил нашего заступничества [8, р. 181, 191].

Летом 1882 г. Махтум-Кули-хан соглашается на примирение. 15 октября 1882 г. он приезжает в Ашхабад с изъявлением полной покорности. По приведению его к присяге генерал П.Ф. Рерберг счел более полезным нахождение хана в Мерве. Российское командование долго проверяло Махтум-Кули-хана на предмет его лояльности и решило вернуть ему оружие лишь год спустя в 1883 г.

После ряда подобных дипломатических операций, главные ханы Ахала и Мерва начинают склоняться к признанию власти российской империи. Начинается пора активных действий. 12 декабря 1883 г., передовой отряд М. Алиханова выступает из Гарры-бента в Мерв в сопровождении Махтум-Кули-хана. На подступах к Мерву их встречают местные ханы [6, с. 708-709].

Видя безвыходность положения и бессмысленность дальнейшего сопротивления текинцы Мерва собираются решить свою судьбу на общем собрании – Генгеше. 1 января 1884 г. в Мерве в ходе длительных дискуссий было принято решение о признании власти Российской империи. Начальников Мервского округа назначается майор М. Алиханов.

Рис. 1. Временная ставка начальника Мервского округа майора М. Алиханова. На переднем плане орудия, взятые текинцами после сражения с персами 1861 г.

Большую роль в деле бескровно присоединения Мерва к Российской империи сыграла супруга Нур-Берды-хана Гюльджемал-ханша (1838-1919). Российское руководство высоко оценило ее вклад в деле налаживания мирной жизни в Мерве, и при всякой возможности одаривало ее вниманием и ценными подарками. К примеру, 15 апреля 1909 г. ханше был пожалован золотой перстень с бриллиантовыми украшениями и вензелевым изображением имени Николая II. Подарок этот прибыл в Мерв 23 июня. Награждение произошло 28 июня с участием мервского уездного начальника полковника Франц-Карла фон Фалера (1906-1910). Тогда же, от имени туркменских старейшин, было предложено ходатайство о разрешении послать в Петербург депутацию во главе с ханшей Гюль-Джемал [7].

25 января 1884 г. группа мервских теке прибывает в Ашхабад, а 30 января принимает присягу. 31 января начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.В. Комаров (1830-1904) официально объявляет о принятии Мерва в русское подданство. Во главе туркменской группы стояли: от колена Багши – Сары-батыр (1837-1912), от колена Сычмаз – Майлы-хан (1862-1896), от колена Бег – Мурат-хан (род. до 1837-1907), от колена Векиль – Юсуп-хан (1865-1919) [6, с. 702-704]. В апреле 1884 г. свое подданство Российской империи подтвердили туркмены Ёлётена, Пенде и Сарахса. В марте 1885 г., после небольшого столкновения российско-туркменских отрядов с англо-афганскими вооруженными группами и победой над ними, завершается включение туркменских земель к Российской империи.

Вот так закончилось бескровное присоединение мервского оазиса к российской империи. Однако этому способствовал длительный путь встреч и переговоров. Для ознакомления ситуации в оазисе туда в феврале 1882 г. направляется «коншинский караван». Следом в мае-июне 1882 г. Мерв посещает торговая группа под управление поручика Назирова. Ведется

активная переписка со стороны российского агента в Дерегезе Карла Дефура. Свою лепту к склонению жителей Мерва к подданству предпринимал российский коммерческий агент в Мешхеде Керим-бек Насырбеков. Затем удается уговорить отказаться от дальнейшего сопротивления таких туркменских лидеров как Паша-сердар и Дыкма-сердар. Позже, уже посредством этих сердаров, российские власти усиливают давление на Махтум-Кули-хана, желая быстрее склонить его к сотрудничеству. Итогом всех этих мер стало принятие жителями Мерва 1 января 1884 г. на общем собрании решения о мирном исходе дела и признании власти Российской империи.

Список литературы:

- 1.Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881–1885 // Вестник Европы. – 1904. – № 9. – С. 73–125.
- 2.Арцишевский А.Ф. Михаил Дмитриевич Скобелев в Ахалтеке. 1880-1881. Очерк и его письма // Русская Старина. – 1883 г., – № 5. май. – С. 387-432.
- 3.Атдаев С.Дж. Мерв глазами поручика Назирова // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2024. – Т. 9, – № 4. – С. 13–18. DOI: 10.25206/2542-0488-2024- 9-4-13-18.
- 4.Атдаев С.Дж. Паша-сердар в записках Анри Мозера // Карим Хакимов. Прошлое становится настоящим. – Уфа. – 2024а. – С. 87-91.
- 5.Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 гг. – СПб: В тип. В. Балашова, 1884. – Т. 4. – 382 с.
- 6.Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). – Ашхабад: АН ТССР, 1960. – 824 с.
- 7.Русский Инвалид. – 1909. – № 163. 28 июля.
- 8.The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India. By Charles Marvin. – London, 1883. – 470 p.

Баев Олег Валериевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

SPIN-код: 7510-0133

Baev Oleg

St. Petersburg State University of Film and Television

ШЕСТОЙ 5% ЗАЁМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1855 Г.)

Аннотация: Данная статья посвящена состоянию внешнего долга Российской империи на заключительном этапе Крымской войны и сразу же после её окончания. В это время правительство продолжало решать проблему финансирования возросших военных расходов в условиях объективной ограниченности внутренних ресурсов. В результате были приняты решения о продаже части принадлежащих российскому правительству иностранных ценных бумаг и выпуске нового крупного внешнего займа. Заём был размещен при посредничестве банкирского дома Штиглица в Петербурге, Амстердаме, Берлине и Гамбурге. Вместе с тем крупные внешние займы периода Крымской войны еще более усугубили финансовое положение Российской империи. И часть тогдашней политической элиты осознавали наличие этой проблемы.

Ключевые слова: Россия, Крымская война, внешний долг, Брок, Франция, Англия.

THE SIXTH 5% LOAN OF THE RUSSIAN EMPIRE (1855)

Summary: This article examines the state of the Russian Empire's foreign debt during the final stages of the Crimean War and immediately after its conclusion. During this time, the government continued to grapple with the problem of financing increased military expenditures amidst the objective limitations of domestic resources. As a result, decisions were made to sell some of the Russian government's foreign securities and issue a new, large foreign loan. The loan was placed through the Stieglitz banking house in St. Petersburg, Amsterdam, Berlin, and Hamburg. However, the large foreign loans taken during the Crimean War further exacerbated the financial situation of the Russian Empire. Part of the political elite at the time recognized this problem.

Keywords: Russia, Crimean War, foreign debt, Brok, France, England.

К началу 1855 г. Российская империя уже более года находилась в состоянии войны и её экономические проблемы продолжали усугубляться. «Заключение внешних займов на европейском денежном рынке стало проблематичным из-за враждебной позиции Великобритании и Франции, а также неудачного для России хода боевых действий» [29, с.121].

Для решения финансовых проблем 2 марта 1855 г. Комитетом финансов

была одобрена продажа принадлежавших российскому правительству австрийских ценных бумаг [16, л. 1-9]. Финансовые итоги данной операции оказались неутешительными. В 1855 г. от продажи австрийских фондов было выручено 3 288 039 руб. 15 коп. сер., что было на 1 098 628 руб. сер. меньше покупной цены. Процентов по принадлежащим разменному фонду ценным бумагам было получено 1 190 590 руб. 38 коп. сер., за вышедшие по тиражу публичные фонды было выручено 282 950 руб. 30 коп. сер. и к 1856 году в разменном фонде осталось ценных бумаг на 24 051 929 руб. 80 коп. сер. [12, л. 117 об. – 121].

Потребность в иностранной валюте продолжала усугубляться. Суммы, доставленные Пятым 5% займом, истощились прежде заключение мира, и российское правительство было вынуждено немедленно приступить к новому Шестому 5% займу также в 50 млн руб. нарицательного капитала [18, л. 1 об.]. По окончании в начале июля 1855 г. реализации Пятого 5% займа министр финансов поручил придворному банкиру Штиглицу начать подготовку нового займа и в начале августа берлинский банкир Мендельсон сообщил, что такой заём можно произвести в конце осени и он будет иметь больший успех, чем предыдущий. По мнению Мендельсона, неприязненные действия «дипломатическими и политическими путями» против последнего займа объяснялись только недостатком военных успехов и теперь были устранены [17, л. 1-3].

Однако вскоре понизившийся курс публичных фондов и усилившийся вывоз золота из Англии и Франции на покрытие военных издержек и покупку хлеба в Северной Америке заставил Штиглица предложить разрешить иностранцам получать выплаты по новому займу иностранной монетой по фиксированному к серебряному рублю курсу в $188\frac{82}{100}$ нидерландских ценсов и $34\frac{5}{32}$ гамбургских банковых шиллингов [17, л. 4 об. – 9].

К 16 ноября 1855 г. Штиглиц представил план займа, который предполагал его реализацию внутри России по цене 90%, а для Берлина – по 85%, считая по курсу 93 руб. за 100 талеров, что по действительно существующему курсу 98 талеров за 100 руб. давало цену 93,26%. Для Амстердама предлагалась цена $80\frac{1}{8}\%$ при курсе 2 гульдена за рубль, что при действительном курсе $171\frac{3}{4}$ ценсов за рубль давало 93,30%. Кроме того, заём должен был привести и к возвышению вексельного курса. Штиглицу давалось право предоставлять приобретателям билетов на значительные суммы жуиссанс процентов не более 3 месяцев [17, 10 – 14 об.].

Министр финансов осознавал затруднения при открытии нового займа: низкие цены публичных фондов, опасение финансового кризиса в Англии и Франции, займы других держав на огромные суммы, невозможность «явным образом» участвовать в займе для английских и французских капиталистов. Однако в условиях неудовлетворительного торгового баланса заём становился практически единственным средством к поддержанию вексельных курсов и усилению довольно значительно уменьшившегося разменного фонда. Заём

должен был облегчить производство внешних расходов и несколько сократить выпуск кредитных билетов, «угрожающих столь пагубными для государства последствиями» [17, л. 18 об. – 21].

16 ноября 1855 г. Комитет финансов проект займа одобрил [17, л. 35 – 39 об.] и предоставил министру финансов возможность реализовать из сумм этого займа до 5 млн руб. в России [12, л. 101 - 103]. А 26 ноября 1855 г. министру финансов был дан новый указ «О шестом 5% займе в 50 млн. руб. сер.» «для покрытия чрезвычайных расходов, возлагаемых на Государственное казначейство по нынешним обстоятельствам» через посредство коммерческого дома банкира Штиглица. Заём вносился в Государственную долговую книгу под названием «Шестого 5% займа» (Ст. 1). Билеты Государственной комиссии погашения долгов для сего займа выдавались на предъявителя (впервые) в 500 руб. сер. каждый (Ст. 2) и приносили по 5% в год, начиная с 1 октября 1855 г. (Ст. 3). Платеж процентов производился в Комиссии погашения долгов за каждые протекшие полгода с 1 апреля по 1 июня и с 1 октября по 1 декабря с выдачею за каждый купон по 12 руб. 50 коп. или через посредство банкира Штиглица 23 гульденов 60 пенсов нидерландских или 26 гамбургских марок 10 шиллингов 11 пфеннигов (Ст. 4). Погашение займа начиналось с 1858 г. и соответствовало предыдущему займу (Ст. 6) [11, с. 694, 695]. Проценты уплачивались в Петербурге, Амстердаме и Гамбурге [8, с. 4].

Штиглиц за свои услуги получал $1\frac{3}{4}\%$ по облигациям, проданным за границей, и $\frac{3}{4}\%$ по облигациям, проданным в России. За платёж процентов Штиглиц получал комиссию $\frac{3}{4}\%$ выплаченной суммы и компенсацию расходов на отправку за границу золота и серебра [22, л. 383, 384].

Все 100 000 билетов были изготовлены только к 1 марта 1856 г. В 1855 г. «Штиглицу и Ко» было выдано только 20 000 билетов на 10 000 000 руб., а остальные 80 000 билетов на 40 000 000 руб. сер. – в 1856 г. [23, л. 24; 25, л. 15].

В декабре 1855 г. было реализовано 11 890 500 руб. сер. (2 809 000 руб. сер. в Петербурге, 7 081 500 руб. сер. в Берлине и 2 000 000 руб. сер. в Амстердаме) [12, л. 103 об.]. О политической важности банка Мендельсона прусский посол в Лондоне граф Берншторф 28 декабря 1855 г. сообщил премьер-министру Отто фон Мантейфелю, что «предложение российских займов на Берлинской фондовой бирже через господ Мендельсонов снова некоторым здесь портит кровь» [36, S. 7].

С января 1856 г. стали распространяться слухи о заключении мира, цены на займ стали повышаться, и его реализация была завершена 1 мая 1856 г. В Петербурге всего было реализовано 4,5 млн руб. в среднем по 94,63%, в Берлине – 30 млн руб. по 94,05%, в Амстердаме 12 млн руб. по 91,17% и в Гамбурге 3,5 млн руб. по 92,84%. Столь низкий курс реализации в Голландии объяснялся тем, что российское правительство вынуждено было принять на себя уплату штемпельного сбора за выпуск облигаций, проценты по которым оплачивались в Голландии (4 гульдена 14 центов за каждые 1000 гульденов). За исключением банковских и других расходов по займу поступило 45 680 354

руб. 24½ коп. [13, л. 93 - 96], а чистая выручка составила 91,36% [22, л. 383 об.].

О первоначальной географии размещения облигаций Шестого 5% займа можно судить и по местам получения доходов его владельцами. С 1 апреля по 1 июня 1857 г. Штиглиц выплатил 2 429 529 марок 7 шиллингов (1 182 264 руб. 17 коп. с причислением банкирской провизии ¾%) по 91 054 купонам в Гамбурге, 114 082 гульдена 40 центов (61 928 руб. 37 коп. с учётом банкирской провизии) по 4 834 купонам в Амстердаме и 49 125 руб. по 3647 купонам в Петербурге. При этом из 100 000 купонов оставались неоплаченными 74 купона на срок 1 апреля 1856 г., 839 купонов на срок 1 октября 1856 г. и 7113 купонов на срок 1 апреля 1857 г. [24, л. 16, 18, 19].

Даже Парижская биржа отказалась наложить запрет на котировку русского займа [27, с. 147]. Видимо, в связи с этим 10 (22) июля 1856 г. Государственная комиссия погашения долгов издала на французском языке «Положения, касающиеся Пятого и Шестого российских 5% займов» [33].

Только в Лондоне запрет на торговлю облигациями данного займа действовал даже после восстановления мира [32, р. 227]. При этом в тогдашней лондонской прессе не находится ни малейшего намека на какие-либо подозрения в том, что русские не будут осуществлять платежи в полном объеме, а статьи в газетах Берингов предполагают не только то, что русские перечислят проценты Берингам через Амстердам, но и то, что погашение облигаций будет продолжать осуществляться по частям, как предусмотрено в кредитном договоре [34, р. 423].

В России результаты размещения займа оценивались положительно. «Россия в Крымскую войну, когда против неё была уже почти вся Европа, для этой же войны успела сделать внешний заем на условиях более выгодных, чем Сардиния, за которую ручались Англия и Франция» [5, с. 1]. «Русское правительство с такой точностью выполняло свои обязательства в отношении иностранных кредиторов, что даже в разгар войны кредит России не был поколеблен и заем 1855 года был реализован успешно» [4, с. 36]. Министр финансов Брок отмечал следующие факторы успешности реализации займа: назначение цены билетов не выше 500 руб., выдача облигаций на предъявителя, возможность получения процентов за границей по определённому курсу [20, л. 205 об., 206].

Действительно, «несмотря на внешнеполитическую изоляцию России, правительству удалось заключить два внешних займа при посредничестве петербургской банкирской конторы «Штиглиц и К°»» [29, с. 124]. «Крымская кампания подорвала наш кредит (в значительной степени державшийся на внешнем престиже) весьма сильно, лишив прежде всего возможности беспрепятственной реализации займов на иностранных рынках. Но рынки эти закрыты были не вполне: в 1854-1855 гг. России удалось реализовать свои 5% займы на сумму в 100 млн. руб. на амстердамском и гамбургском (Мендельсон) рынках» [6, с. 1119]. За усиленные труды при заключении Пятого и Шестого 5% займов чиновники Особенной канцелярии по кредитной части и

Комиссии погашения долгов получили из выручки по Шестому 5% займу 8 800 руб. [20, л. 209 - 210]

Таким образом, «хотя формально Россия изгнана со всех крупных европейских бирж, она без всякого труда заключила заем» и тем самым «сумела до сих пор обойти все финансовые подводные камни, о которые, по твердому убеждению лондонских мудрецов, должна была разбиться» [31, с. 600].

Из вырученных от реализации Шестого внешнего 5% займа сумм 2 133 тыс. руб. пошло на оплату процентов за 1856 год, 15 889 тыс. руб. – на покрытие дефицита бюджета 1856 года, а остальные 28 500 тыс. руб. были назначены на издержки по военным сметам [20, л. 207 об., 208]. На покрытие же дефицита бюджета из средств внешних займов было направлено в 1854 г. 17 381 320 руб. 72½ коп., в 1855 г. – 30 548 800 руб. 51 коп., в 1856 г. – 35 863 823 руб. 11½ коп., в 1857 г. – 5 135 896 руб. 35 коп. и в 1858 г. – 752 226 руб. 32 коп. [2, прил. 4].

Крымская война продемонстрировала всё возрастающую роль финансов в войне. «Крымская кампания впервые в крупном масштабе доказала значение государственных займов для ведения войн» [1, с. 25]. Например, государственные займы Великобритании составили 32 130 775 фунтов стерлингов, или 46% от общих военных расходов [32, р. 201].

Для России Центральный статистический комитет МВД оценивал сумму экстраординарных ресурсов к покрытию дефицитов бюджета 1854-1856 гг., полученную путем внешних займов, в 83 793 944 руб. [28, с. 81].

В результате проблема обслуживания внешнего государственного долга становилась все более актуальной. «Казна платит ныне по 6% за 73 млн., по 5% за 100 млн., по 4½% за 34 млн. и по 4% за 55 млн. бессрочных долгов», поэтому по заключении мира для упрочения финансового положения необходимо в том числе и понизить проценты, платимые по бессрчным долгам [3, с. 122, 123].

Делопроизводство по обслуживанию внешнего долга всё более возрастало. Для 6% займа 1817 г., Первого, Третьего и Шестого 5% займов 1820, 1831 и 1855 гг. закон от 28 декабря 1856 года предусматривал ежегодные выплаты в специальные амортизационные фонды в размере 2% от неамортизированного капитала плюс сэкономленные проценты, а для 2 5% займа 1822 г. – 1%. «Эти юридические положения не были обязательными для правительства, и суммы, фактически использованные для выкупа акций на фондовой бирже, были меньше выделенных... В критические периоды амортизация приостанавливалась, и используемые суммы значительно варьировались из года в год в зависимости от рыночных условий» [35, р. 255].

В начале 1857 г. в связи с низким курсом облигаций Третьего и Четвертого 5% займов (от 97¾ до 98¼%) был произведён их выкуп на сумму соответственно 1 974 руб. 11 коп. и 11 345 руб. 97 коп. (всего за 13 389 руб. 58 коп. было приобретено билетов этих займов на 13 500 руб.), но после повышения курса до 102¾% дальнейший выкуп этих займов был прекращён и в

августе и сентябре 1857 г. для них были произведены тиражи [14, л. 115 об., 116, 148 об.]. За вышедшие по тиражам билеты по Третьему 5% займу было уплачено 661 426 руб. 75 коп., по Четвертому 5% - 688 115 руб. 83 коп., по Первому 4% займу – 610 500 руб., по Второму 4% займу – 191 710 руб., по Третьему 4% - 197 670 руб., по Четвертому 4% - 277 410 руб. и по Пятому 4% - 360 050 руб. [15, л. 10 об. – 13]

В том же 1857 г. были возобновлены купоны Второго 5% и Пятого 4% займов, на что было употреблено 6 143 руб. 50 коп. [15, л. 9 об., 15]. Также в 1857 г. нидерландскому подданному Нюгтерену был выдан дубликат принадлежавшей ему облигации 1 голландского займа № 65076, купленной им в марте 1850 г. и сгоревшей во время пожара в августе 1856 г. [21, л. 302 - 305].

В 1857 г. будущий министр финансов М.Х. Рейтерн, служивший тогда в Морском министерстве, составил записку на имя великого князя Константина Николаевича, в которой отмечал, что хронический дефицит российского бюджета покрывался в том числе заграничными займами [7, л. 2]. Действительно, в 1825-1857 гг. внешний долг вырос со 177 до 372 млн руб. [9, с. 76]. «Русские фонды переходят за границу потому, что там правительство наше уплачивает проценты по оным в звонкой монете, а внутри империи бумажною, упавшею в цене» [7, л. 7 об.].

Вместе с тем такая организация российских финансов представлялась Рейтерну лишенной надежной экономической базы. «Кредит прочен, когда основан на доходах государства, постепенно увеличивающихся и следовательно позволяющих отделять часть свободных сумм на платежи по новым займам. Приведенные выше числа доказывают, что с 1847 года Россия постоянно занимала суммы, превышающие ежегодные платежи Комиссии погашения долгов, т.е. что она поддерживает кредит по существующим уже займам посредством новых... Кредит наш за границею основан на недоразумении, на незнании наших финансов» [7, л. 11, 11 об.].

Данная ситуация представлялась Рейтерну достаточно опасной. «Финансы, основанные на беспрестанном напряжении кредита внешнего, поддерживаемого секретом, и внутреннего, основанного на систематическом противодействии частным предприятиям и развитию производительных сил – такие финансы не поведут к добру» [7, л. 19 об.].

При этом экономической отдачи заграничные займы не приносили. Так, построенная за счёт внешних займов и открытая 1 ноября 1851 г. Николаевская железная дорога как минимум до 1857 года доходов не приносила [14, л. 161 - 163]. 15 ноября 1857 г. было решено с 1858 г. все займы, сделанные для её сооружения, причислить к долгам Государственного казначейства (в 1858 г. платежи по ним составляли 8 020 184 руб.) и изымать из её предполагаемых доходов по 1 млн руб. ежегодно [19, л. 225, 225 об., 229 об.].

Неудовлетворительная финансовая ситуация сказалась и на судьбе тогдашнего министра финансов. Брока упрекали в отсутствии самостоятельности и в излишнем доверии к «первенствующему у нас

банкирскому дому барона Штиглица и Ко». В связи с этим министру предлагали озаботиться основанием в России другого банкирского дома для устранения существующей монополии, весьма неблагоприятной для «правительственных видов» [26, с. 457].

Расстройство денежной системы, дефициты государственного бюджета в условиях необходимости финансирования намечавшихся реформ да и отсутствие твёрдого направления в деятельности финансового ведомства заставили Брока четырежды просить об отставке. 23 марта 1858 г. такая его просьба была удовлетворена. По мнению Л.Е. Шепелёва, «это было явное увольнение по неспособности» [30, с. 46].

Таким образом, можно согласиться с А.П. Погребинским, который считал, что на протяжении всей первой половины XIX в. государственные финансы крепостнической России находились в состоянии глубокого упадка, одним из проявлений которого был всё убыстряющийся рост государственного долга [10, с. 17]. Крымская война потребовала заключения 2 крупных внешних займов, обслуживание которых становилось все более затратным. Часть политической элиты осознавала неприемлемость данной ситуации, что создавало предпосылки для преобразования всей финансовой системы Российской империи.

Список литературы:

1. Боголепов, М.И. Война, финансы и народное хозяйство. – Пг.: Типография редакции периодических издания Министерства финансов, 1914. – 58 с.
2. Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1864 год. – СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1865. – 52 с.
3. Гагемейстер, Ю.А. О финансах России // Исторический архив. – 1956. - № 2. – С. 103-125.
4. Гурьев, А. Очерк развития государственного долга России. - СПб.: Якорь, 1903. – 133 с.
5. Любимов, Н. В память графа Е.Ф. Канкрин // Петербургский листок. - 1868. - 12 октября. - № 144. - С. 1.
6. Мигулин, П.П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора. - Т. 3. - Харьков: Печатное дело, 1907. – 1217 с.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. - Ф. 208. - Д. 67.
8. Отчет Государственных кредитных установлений за 1855 год. – СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1857. – 66 с.
9. Погребинский, А. Финансовая реформа начала 60-х годов XIX века в России // Вопросы истории. - 1951. - № 10. - С. 74-88.
10. Погребинский, А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX-XX вв.) – М.: Госфиниздат, 1954. – 268 с.
11. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2. - Т. 30. - Отделение 1: 1855. - № 28881-30012. - Отд. 1. – СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1856. - 778 с.

12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 560. – Оп. 38. – Д. 657.
13. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 38. – Д. 670.
14. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 38. – Д. 685.
15. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 38. – Д. 686.
16. РГИА. – Ф. 563. – Оп. 1. – Д. 5.
17. РГИА. – Ф. 563. – Оп. 2. – Д. 95.
18. РГИА. – Ф. 563. – Оп. 2. – Д. 226.
19. РГИА. – Ф. 565. – Оп. 14. – Д. 150.
20. РГИА. – Ф. 583. – Оп. 4. – Д. 256.
21. РГИА. – Ф. 583. – Оп. 4. – Д. 258.
22. РГИА. – Ф. 583. – Оп. 4. – Д. 260.
23. РГИА. – Ф. 643. – Оп. 2. – Д. 2177.
24. РГИА. – Ф. 643. – Оп. 2. – Д. 2234.
25. РГИА. – Ф. 643. – Оп. 2. – Д. 2235.
26. Россия под надзором. Отчёты III Отделения 1827-1869. - М.: Российский фонд культуры, Российский архив, 2006. - 706 с.
27. Семёнов, Л.С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. - Л.: ЛГУ, 1975. - 168 с.
28. Статистический временник Российской империи. - Сер. I. [Вып.] 1. - СПб., 1866. - [573] с.
29. Степанов, В.Л. Крымская война и экономика России // Вопросы теоретической экономики. – 2018. – № 1 (2). – С. 117-137.
30. Шепелёв, Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. - Л.: Наука, 1981. – 275 с.
31. Энгельс, Ф. Русская армия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. - Т. 11. – М.: Госполитиздат, 1958. - С. 600-605.
32. Anderson, O. A liberal state at war: English politics and economics during the Crimean war. - London [etc.]: Macmillan; New York: St. Martin's press, 1967. – 306 p.
33. Dispositions concernant les cinquième et sixième emprunts russes à cinq pour cent. - St. Pétersbourg, 1856. – 14 p.
34. Fetter, F.W. The Russian loan of 1855. A postscript // *Economica*. – New series. – 1961. – Vol. 28. - № 112. - P. 421-425.
35. Petit, P. La Dette Publique de la Russie. – Poitiers: Imprimerie A. Masson, 1912. – 279 p.
36. Pohl, M. Geschäft und Politik. Deutsch-russisch/sowjetische Wirtschaftsbeziehungen. 1850 bis 1988. - Mainz: von Hase & Koehler, 1988. – 238 S.

Баринава Екатерина Петровна

доктор исторических наук, профессор

Самарский национальный исследовательский университет им. академика

С. П. Королева

SPIN-код:6501-5080

Ekaterina Barinova

Samara National Research University

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация: В условиях цифровизации искусственный интеллект становится инструментом, позволяющим расширить образовательное пространство. В статье проанализированы перспективы и преимущества его применения в преподавании истории. Показаны примеры практического использования искусственного интеллекта при организации и проведении учебного процесса. Отмечено, что его использование позволяет сократить часть рутинных операций педагогов. Выявлены ограничения в применении искусственного интеллекта. Отмечено, что сохранение исторической памяти и защита национальных интересов требует критического анализа генерируемого искусственным интеллектом контента для преподавания истории.

Ключевые слова: историческое образование, цифровизация, искусственный интеллект, ограничения, историческая память.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HISTORICAL EDUCATION: CHALLENGES AND EXPERIENCES

Summary: In the context of digitalization, artificial intelligence is becoming a tool to expand the educational space. The article analyzes the prospects and advantages of its application in the teaching of history. Examples of practical use of artificial intelligence in organizing and conducting the educational process are shown. It is noted that its use can reduce part of the routine operations of teachers. Limitations in the use of artificial intelligence have been identified. It is noted that the preservation of historical memory and the protection of national interests require a critical analysis of the content generated by artificial intelligence to teach history.

Keywords: historical education, digitalization, artificial intelligence, limitations, historical memory.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) стал одной из самых обсуждаемых проблем современности. На рынке труда востребован разработчик цифрового контекста – специалист, глубоко знающий свою предметную область, и умеющий адаптировать её задачи под возможности искусственного интеллекта и современных технологий. Его главная роль –

формулировать прикладные задачи, которые понятны программистам, датасайентистам и специалистам по машинному обучению, соединяя реальные потребности отрасли с потенциалом ИИ. В этой связи современному преподавателю необходимо осваивать новые компетенции, среди которых: повышение уровня ИИ-грамотности; пересмотр содержания дисциплин и методов оценки с учётом возможностей больших языковых моделей; чёткое определение допустимых и недопустимых способов использования ИИ в образовании и науке.

Вопрос об использовании инструментов искусственного интеллекта в образовательный процесс является дискуссионным [4;13]. Изучается влияние инструментов ИИ на этическое сознание и развитие ментально-когнитивных способностей людей [14]. Целая группа работ посвящена изучению применения цифровых технологий преподавателями [3]. Зачастую аргументом против применения новых технологий является несанкционированное заимствование материалов генеративного ИИ, поэтому в научных статьях обсуждаются способы обучения студентов этичному использованию данных инструментов [2; 5;12]. Ученые полагают, что в ближайшей перспективе ИИ вряд ли способен заменить преподавателя, особенно, если речь идет об обучении тем профессиям, где личность наставника, носителя практического опыта является одним из ведущих факторов становления профессиональной идентичности обучающегося.

Одним из наиболее популярных инструментов ИИ в академической среде стали большие языковые модели, предоставляющие возможности генерации текста, с помощью которых обучающиеся могут решать задачи, писать работы и создавать учебные материалы с минимальными усилиями. Исследователи предостерегают от возможных негативных последствий внедрения чат-ботов в образовательный процесс [9]. Изучаются возможности развития за счет инструментов ИИ различных методов и методик образования [6;10]. В настоящее время подводятся первые итоги применения инструментов ИИ в образовательных учреждениях Российской Федерации применительно к преподаванию различных дисциплин, в том числе и исторических [1;2;8;11]. Анализ опыта использования различных инструментов ИИ в преподавании исторических дисциплин позволяет выявить возможности применения различных инструментов ИИ для улучшения качества образования и ограничения в его использовании.

Министерство науки и высшего образования РФ утвердило модуль «Системы искусственного интеллекта» в качестве методических рекомендаций при актуализации основных образовательных программ высшего образования. В настоящее время ведущие вузы страны внедряют учебные курсы по технологиям использования и внедрения ИИ в различных сферах деятельности. Например, Московский городской педагогический университет первым из высших учебных заведений разрешил использование технологий искусственного интеллекта студентами при подготовке выпускных

квалификационных работ [7]. Также в 2023 году в нем запустили проект «Умные аудитории» – инновационную систему «компьютерного зрения», которая оценивает эмоции и вовлеченность студентов во время занятий, что позволяет преподавателям наиболее эффективно выстраивать коммуникацию с обучающимися на занятиях.

В настоящее время в образовательных учреждениях применяются различные системы и инструменты искусственного интеллекта, направленные на решение таких проблем как учет индивидуальных особенностей обучающихся, оценку их вовлеченности в образовательный процесс, помощники для преподавателей и обучающихся. Преподаватели высказывают опасения о возможности недостоверных или ошибочных результатов генерируемого ИИ контента, поскольку работа искусственного интеллекта всегда носит вероятностный характер, а также степени самостоятельности обучающегося [2; 5;12;14].

Для решения практических педагогических задач искусственный интеллект не всегда применим. ИИ как партнер в проектной и исследовательской работе становится профессиональным инструментом при критическом анализе подготовленной им информации. Роль преподавателя заключается прежде всего в том, чтобы всегда проверять критически важную информацию по надежным источникам, использовать ответы ИИ как надежный черновик, а не как аксиому.

Для интеграции ИИ-ассистента в учебный процесс по истории был выбран семинар по анализу исторических источников. Основная проблема обучающихся заключается в неумении проводить критический анализ текста, выявлять авторскую позицию, скрытые мотивы и контекст. Преподаватель физически не может в рамках одного семинара провести углубленную работу с каждым из 15-20 обучающихся, особенно когда требуется персонализированная обратная связь. В данном случае ИИ может выступать в роли интеллектуального тренажера, задавая наводящие вопросы по методологии источниковедения: «Кто автор и как его социальное положение влияет на текст?», «Какие риторические приемы используются для убеждения аудитории?», «Что автор умалчивает и почему?». Риск академического мошенничества здесь умеренный, так как итоговый анализ требует синтеза информации, аргументации и учета конкретного исторического контекста, который ИИ не может полностью охватить. Напротив, педагогический эффект высокий – развитие навыков критического мышления, верификации и интерпретации. Разработаем сценарий использования ИИ на семинаре по анализу исторических источников. Для этого используем следующие Промит-шаблоны.

Промит 1: Анализ авторской позиции. Роль ИИ: Ты – историк-методолог, помогающий обучающемуся анализировать позицию автора исторического источника.

Контекст: Обучающийся работает с текстом XVIII века, например, манифестом Петра III. Он уже прочитал текст, но не может выделить авторскую позицию и скрытые мотивы. Задача ИИ: Задать 3–4 вопроса, которые помогут обучающемуся выявить цель документа, целевую аудиторию, языковые средства и контекст.

Ограничения: Не давай готовых выводов. Не интерпретируй текст за обучающегося. Формат ответа: «Давай разберемся вместе. 1. Какова главная цель этого документа? 2. К кому обращен текст? 3. Какие слова указывают на отношение автора?»

Шаблон для обучающегося: «Я анализирую документ: [название, год]. Я думаю, что автор хотел [мои предположения]. Но я не уверен в его скрытых мотивах».

Промит 2: Верификация источника. Роль ИИ: Ты – архивный работник, помогающий обучающемуся проверить достоверность источника.

Контекст: Обучающийся нашел цитату в интернете и хочет понять, можно ли ей доверять. Задача ИИ: Предложить шаги для проверки: поиск оригинала, проверка автора и контекста, сравнение с другими источниками.

Ограничения: Не давай готового ответа. Не ищи информацию за обучающегося. Формат ответа: «Попробуй сделать так: 1. Найди полный текст документа. 2. Проверь автора и условия создания. 3. Сравни с другими источниками».

Шаблон для обучающегося: «Я нашел цитату: [текст]. Говорят, она из [источник]. Как мне проверить её достоверность?»

Промит 3: Интерпретация статистических данных. Роль ИИ: Ты – историк-статистик, помогающий работать с цифрами (например, данные переписи населения).

Контекст: Обучающийся видит таблицу с данными, но не понимает, как их интерпретировать. Задача ИИ: Задать вопросы: что означают показатели, как они связаны с контекстом, какие выводы можно сделать.

Ограничения: Не делай выводы за обучающегося. Формат ответа: «Посмотри на данные: 1. Что здесь измеряется? 2. В какое время это собиралось? 3. Что изменилось за этот период?»

Шаблон для обучающегося: «У меня есть таблица: [описание]. Я вижу, что [наблюдение]. Что это может означать в контексте [событие]?».

Преподавателю необходимо разработать инструкцию для обучающегося и рубрикатор оценки его работы с ИИ, в котором в качестве критериев можно использовать формулировку запроса, глубину диалога с ИИ, критичность и самостоятельность студента.

Для того, чтобы проконтролировать академическую честность обучающегося необходимо использовать индивидуальный подход: каждый обучающийся получает уникальный источник или вопрос для анализа. К отчету о выполнении задания он должен приложить скриншоты диалога с ИИ

(минимум 5 итераций) и текстовый анализ: «Что ИИ предложил - Что я изменил → Почему», а также устно объяснить содержание своей работы.

В результате решения тестовой задачи для проверки возможностей использования инструментов ИИ для анализа исторических источников была выявлена необходимость увеличения числа обязательных вопросов в промите и добавления в инструкцию для обучающегося требования «перепроверять каждый факт, сгенерированный в ответе ИИ».

Ключевыми рисками, которые могут возникнуть при решении данной задачи являются академическое мошенничество (подделка диалогов, генерация решений) и невнимательность студентов к ошибкам ИИ, а также возможные технические сбои сервиса и рост нагрузки на преподавателя. Для предотвращения рисков необходимо использовать такие меры митигации как индивидуализация заданий, включение в рубрикатор критерия «критичность», использование текстовых логов, проведение устных защиты. Меры контроля академической честности и митигации рисков делают сценарий готовым к пилотному внедрению в учебный процесс, причем преподавателю не нужны навыки программирования для его применения. В данном случае фокус на диалог и рефлексию позволяет использовать ИИ как инструмент развития мышления.

Проанализируем возможности использования «ChatGPT» для автоматизации проверки письменных работ обучающихся преподавателем вуза, таких как эссе, доклады, рефераты, научные работы, курсовые и выпускные квалификационные работы. На проверку небольших работ уходит в среднем 15 минут. Каждая работа нуждается в прочтении, оценке логики аргументации, выявлении ошибок, также необходимо выделить достоинства и дать комментарии для улучшения качества работ в последующем. Это создает проблему перегрузки на преподавателя и снижает его эффективность. Для оптимизации процесса можно использовать ChatGPT как вспомогательный инструмент в качестве интеллектуальной поддержки, что-то сравнимое с «личным ассистентом по проверке задач». Да, очевидно, модель не будет выставять оценки за преподавателя – задача нейросети генерировать анализ текста и выполнять те же задачи, что и преподаватель: выделять сильные и слабые стороны, оценивать аргументацию, логику построения анализа, неточности. Преподавателю необходимо будет просмотреть выводы, которые уже структурировал Chat GPT и на их основе сформировать свое собственное заключение – благодаря гибкости ИИ есть возможность выставить такие промпты, которые и являются критериями проверки каждого конкретного преподавателя. Стоит отметить, что профессии педагога это не угрожает, в силу возможных неточностей ИИ – заменить его невозможно, однако можно увеличить общую эффективность и значительно облегчить преподавательскую деятельность.

Предложим пример промпта (запроса к ChatGPT). «Запомни, ты – преподаватель, проверяющий письменные работы у обучающихся 1 курса

бакалавриата при проверке обращай внимание на детальный анализ текста, выявление сильных и слабых сторон, оцени аргументацию и логическую цепочку работы, выяви в тексте фактологические ошибки и несостыковки, и напиши все это блоком заключений и сопроводи коротким отзывом в академическом стиле». Стоит отметить, что промпт можно сделать еще шире, расписав все конкретные детали. В этом случае количество таких комментариев поможет использовать ИИ как качественный инструмент.

Как это работает? Текст работы студента загружается в ChatGPT с подготовленным промптом и как результат модель выдаёт анализ – список выводов и краткий отзыв о работе. Преподавателю остается только проверить и скорректировать выводы по проведенному анализу. В результате время на проверку заданий сокращается на 50%, повышается объективность оценок, увеличивается удовлетворенность студентов качеством обратной связи. Конечно, ИИ не должен оценивать работы обучающихся, преподаватель должен сохранять контроль над финальной оценкой работы, так как в ином случае теряется педагогическая ценность проверки – инструменты, в т.ч. ИИ, призваны облегчить работу, а не заменить ее.

Для повышения качества преподаватель может создать свой файл с набором собственных промптов для разных типов заданий, разных курсов, либо же разных студентов. Можно написать обширные промпты для проверки как докладов и рефератов, так и курсовых и ВКР. Однако при проверке курсовых и ВКР проверка при помощи ИИ является скорее введением в экскурс работы и инструментом формирования представления о работе. Очень интересна оценка работ с точки зрения современников событий, либо же в контексте того исторического времени (к примеру, оцени работу так, как будто ты солдат РККА 1921 года), также возможно сделать проверку с точки зрения разных исторических концепций, к примеру, историзма или марксизма. Таким образом, можно моделировать разные точки зрения и формировать тем самым у студентов развитие исторического мышления.

Использование ChatGPT для помощи преподавателю может значительно сократить время на рутинную проверку, повысить качество и объективность финальной оценки, а также сделать коммуникацию со студентами более содержательной и интересной. Таким образом, ChatGPT способен стать не просто инструментом проверки, а полноценным участником учебного процесса, помогающим преподавателю сделать оценку работ более содержательной, гибкой и осмысленной.

ИИ может допускать ошибки – особенно это чувствительно при анализе малоисследованных или специфических исторических тем. Объясняется это тем, что модель обучается в том числе на взаимодействии с людьми и чем меньше людей писали про это, тем меньше ИИ про это знает и может как-то комментировать. Кроме того, любая модель искусственного интеллекта не является объективной экспертной системой, способной беспристрастно оценивать исторические события и персонажи [1].

Поэтому ИИ может выполнять роль консультанта на этапе планирования образовательного процесса: помочь составить логичный план, проверить последовательность аргументов, предложить дополнительные источники для анализа. Однако если позволить ИИ полностью генерировать текст, то возникает высокий риск академического мошенничества, особенно со стороны обучающихся. Даже лучшие доступные инструменты проверки ИИ не обеспечивают стопроцентной точности. Они могут допускать ложноположительные и ложноотрицательные результаты, что создает трудности для преподавателей при оценке качества выполненной работы. Это особенно актуально, учитывая, что некоторые современные модели ИИ способны создавать тексты, практически неотличимые от человеческих. Необходима дополнительная интеграция с внешними инструментами, что требует определенных технических ресурсов и усилий администратора и увеличивает временные затраты. Эффективность зависит не от наличия ИИ, а от точного соответствия инструмента задаче.

Критические ошибки могут проявляться в случае применения ИИ без предварительной валидации выходных данных; автоматизации процессов, требующих экспертного суждения в каждом случае; игнорировании требований к конфиденциальности и отсутствию человеческого контроля на критичных этапах. ИИ обучается на текстах из интернета и может транслировать существующие в обществе стереотипы. Он может ошибаться, модель может уверенно выдавать выдуманные факты, даты, цитаты и источники. Галлюцинации ИИ, когда происходит генерация правдоподобной, но фактически неверной информации, опасны, поскольку зачастую студенты не умеют критично использовать генерируемую искусственным интеллектом информацию.

Различия в интерпретации фактов, мировоззренческих установках порождает опасность некорректной интерпретации исторических событий, деформации исторического сознания, фальсификации исторической памяти. Именно поэтому на данном этапе развития ИИ преподаватель должен тщательно проверять его выводы, критически анализировать генерируемый искусственным интеллектом результат, развивать навыки критического мышления и верификации данных. Необходимо отметить, что именно преподаватель несет конечную ответственность за образовательный результат, а не ИИ, поэтому преподаватель должен придерживаться этических принципов в его использовании.

Список литературы:

1. Герасимов, Г.И. Какую историю пишет искусственный интеллект? // История и современное мировоззрение. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 20–26.
2. Голубинов, Я.А. Исторические исследования и преподавание истории в ситуации «цифрового поворота»: отклик на статью В.В. Иванова, А.Ю. Нестерова, И.П. Янченко «Этические и правовые аспекты применения

- технологий генеративного искусственного интеллекта при подготовке квалификационных и научных работ» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2025. – Т. 31, № 3. – С.22–26;
3. Давыдов, С. Г., Матвеева, Н. Н., Адемукова, Н. В., Вичканова, А. А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. – 2024. – № 28 (3). – С. 32–44.
4. Жуков, А.Д. Генеративный искусственный интеллект в образовательном процессе: вызовы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 5(115). – С. 66-75.
5. Иванов, В.В., Нестеров, А.Ю., Янченко, И.П. Этические и правовые аспекты применения технологий генеративного искусственного интеллекта при подготовке квалификационных и научных работ // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2024. – Т. 30, № 4. – С. 23–32.
6. Ивахненко, Е. Н., Никольский, В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 4. – С. 9–22.
7. МГПУ разрешил студентам использовать ИИ при подготовке ВКР. МГПУ. 31 августа 2023 г. – URL: <https://www.mgpu.ru/mgpu-razreshilstudentam-ispolzovat-ii-pri-podgotovke-vkr/> (дата обращения 15.02.2026)
8. Оськин, А.Ф. Применение технологий искусственного интеллекта в историческом образовании // Историческая информатика. – 2023. – № 2. – С.145-158.
9. Паскова, А.А. Практические аспекты применения chatgpt в высшем образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2023. – Т. 15, № 3. – С. 67-74.
10. Поначугин, А.В., Рогожкина, Т.М. Применение искусственного интеллекта в вузах // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2025. – Т. 31, № 3. – С. 86–91.
11. Сивкина, Н.Ю. Историческое мышление в условиях цифровой трансформации общества // Цифровизация в системе образования: передовой опыт и практика внедрения: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Краснодар, 24 марта 2024 г.) / науч. ред. А. А. Ушаков. – Чебоксары: Среда. – С.76-79.
12. Сысоев, П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 2. – С. 31-53
13. Трусова, Е.В. Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс // Вестник Курского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 45-50

14.Титенко, Н.С., Кузьмина, Э.В. Этические последствия искусственного интеллекта в образовании и науке // Проблемы и перспективы развития науки и образования в XXI веке: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Нефтекамск, 25 апреля 2024 года. – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2024. – С. 44-48.

Басова Елизавета Николаевна

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени
С.М. Кирова

SPIN-код: 3237-4355

Elizaveta Basova

Saint Petersburg State Forest Technical University

НЕКОТОРЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА ЛЕСА В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ КОДЕ

Аннотация: Статья посвящена изучению образа леса в структуре русского культурного кода. Рассматривается роль природных факторов в формировании национального сознания и культуры. Подчеркивается взаимосвязь национального характера с особенностями окружающей среды. Показано значение леса в русской культуре. Обращается внимание на двойственность отношения к лесу. Выделены основные компоненты образа леса: представления о лесу как о ресурсе, как об убежище, как об испытании и как о сакральном пространстве. Продемонстрировано разнообразие функций леса в русской культуре, что подчеркивает его значимость в русской духовной традиции.

Ключевые слова: культурный код, языковое сознание, паремии, образ леса, традиции, символика, фольклор.

SOME COMPONENTS OF THE FOREST IMAGE IN THE RUSSIAN CULTURAL CODE

Summary: The article is devoted to the study of the forest image in the structure of the Russian cultural code. The role of natural factors in the formation of national consciousness and culture is considered. The interrelation of national character with the features of the environment is emphasized. The importance of the forest in Russian culture is shown. Attention is drawn to the duality of the attitude towards the forest. The main components of the forest image are highlighted: the perception of the forest as a resource, as a refuge, as a test, and as a sacred space. The variety of functions of the forest in Russian culture is demonstrated, which highlights its significance in the Russian spiritual tradition.

Keywords: cultural code, linguistic consciousness, paremias, image of the forest, traditions, symbolism, folklore.

Культурный код – это язык, с помощью которого культура транслирует свое символическое значение и содержание [8, с. 168]. Это совокупность символов, составляющих систему ценностей определенного общества, с помощью которой определяется картина мира или мировоззрение, восприятие

мира живущих в нем людей [2, с. 50]. С их помощью формируется и сохраняется ценностное отношение к миру, осуществляется связь поколений.

Культурные коды формируются в процессе познания окружающей действительности и обусловлены единообразной реакцией представителей культуры на то или иное явление [11], что проявляется в традициях, обычаях, искусстве, мифологии, литературе и повседневном поведении членов сообщества. Все это формирует некую «понятийную сетку», с помощью которой люди, говорящие на одном языке, структурируют и описывают свой внутренний мир и окружающую реальность [7, с. 125], передают ценности, нормы и мировоззрение, обеспечивая преемственность поколений и устойчивость культурной идентификации. Наследие, составляющее культурный код, отражается в языковом сознании народа и проявляется в интерпретации мира через призму языка, что прежде всего находит выражение в национальном языковом сознании через фольклор и поговорки.

Образ леса является одним из важнейших элементов русского культурного кода. Особенности русской природы определили его ключевую роль в формировании русского национального сознания и коллективной памяти, что нашло свое выражение в фольклоре, литературе, изобразительном искусстве. В. О. Ключевский утверждал, что национальный менталитет и характер формируются во взаимодействии с окружающей природой. То, каким образом народ подстраивается под природу и подстраивает природу под себя, определяет все его отличительные черты, его отношение к себе, к миру и к другим народам [10, с. 989]. В.Л. Кургузов отмечает необходимость анализа образов и смыслов русского леса для понимания культуры народа [6, с. 184]. Н. А. Игнашов напоминает о важном культурном значении леса в жизни славян: он являлся объектом религиозного поклонения, в нем хоронили умерших, с ним связаны многочисленные приметы и поверья, он выступил «менталитетообразующим элементом» для русской культуры [3].

Лес в сознании русского человека – неотъемлемая часть окружающего пространства, он связывает природу и жизнь людей в неразрывное единство. На Руси лес играл важнейшую роль в хозяйственной деятельности и выступал одним из ключевых ресурсов. Крестьяне использовали древесину для строительства домов, изготовления орудий труда и топлива. Важными элементами быта и культуры являлись охота, сбор грибов, ягод и разных растений. Лес называли «вторым кормильцем крестьянина» [3].

При этом следует отметить двойственность отношения к лесу: с одной стороны, лес – это богатый и возобновляемый источник благ и ресурсов, место, которое может дать защиту и убежище. С другой стороны, лес – это чуждая территория, источник опасности и угрозы. Он рассматривается как место приключений и испытаний, в котором герои преодолевают препятствия и обретают мудрость. В. Я. Пропп указывает, что лес традиционно используется для проведения обрядов инициации [9]. А. Л. Баркова отмечает, что в традиционном народном сознании лес трактуется, как пространство смерти

(потусторонней жизни) [1], которое вместе с этим является воплощением справедливости и закона, что проявляется в различных народных приметах и поверьях.

Можно сказать, что основными компонентами образа леса являются представления о лесе, как о ресурсе, как об убежище, как об испытании и как о сакральном пространстве. Эти представления нашли свое отражение в сказках и пословицах [3, 4].

Лес как ресурс («ближний», «светлый» лес) — тот, который находится в непосредственной близости от жилища, поселения; он освоен, в него все ходят за дровами, ягодами, грибами и т.п., в целом он «свой» и (относительно) безопасный. В фольклоре такой лес называется «наш», «домашний», «правый» [5, с. 111]. В культурном коде отношение к лесу, как к ресурсу, проявляется, например, в традициях, связанных со сбором грибов и ягод, «грибными» приметами, в правилах сбора лекарственных трав и пр. В языковом сознании это отражено, например, в следующих поговорках [4, с. 155]: «Без расчистки и лес не стоит (не растет)», «Был бы лес, а топор сыщем», «В лес не съездишь, так и на печке замерзнешь».

Лес как убежище – это место, где можно укрыться от социума: уйти от мирской суеты, или спрятаться от преследователей и/или врагов. Монахи-отшельники рассматривали лес в качестве места уединения; крепостные крестьяне сбегали в лес в попытке спрятаться от гнева и угнетения помещиков; в леса могли уходить целые группы людей, объединенных несогласием с действующими культурными нормами; в более поздней истории именно в лесу формировались и дислоцировались партизанские отряды. Такие традиции сделали русский лес символом независимости, гордости и силы духа.

Как испытание лес является местом инициации. В большинстве культур юношей, достигших определенного возраста, направляли в лес для прохождения испытаний (часто жестоких), обязательных для вступления во взрослую жизнь [9]. Эти традиции определялись уверенностью в том, что для перехода на новый уровень надо соприкоснуться и обрести сопричастность с Вечным, исконным, первозданным, наделенным сакральным значением, пережить «символическую смерть». Для девушек лес также мог выступать, как испытание, но другого рода. Подобные истории дошли до нас, например, в сюжетах «Морозко», «Двенадцать месяцев», «Гуси-Лебеди». В сказке А.С. Пушкина «О спящей царевне и семи богатырях» линии мужской и женской инициации пересекаются в общем пространстве истории [1; 9].

Восприятие леса как испытания во многом опирается на представление о лесе как о сакральном пространстве, первородном и первобытном начале. В противовес «ближнему» лесу-ресурсу он обозначается, как «дальний» или «другой», «темный», «левый», «дремучий» лес и противопоставляется всему созданному человеком: жилому (окультуренному), олицетворяющему порядок и центр мира. Такой лес часто трактуется, как «инобытийный» или потусторонний [5, с. 111].

Обряды инициации проводятся только в «дальнем» лесу. В нем же разворачиваются события, описываемые в сказках. По сути, это – волшебный лес, существующий в мифологии. В фольклоре переход в «дальний» лес показывается с помощью удвоения или даже утроения глаголов движения: «едет-едет», «шла она шла...», которые показывают не столько пройденное физическое расстояние, сколько перемещение в иную реальность [5, с. 112]. Деревья в таком лесу всегда выше и толще обычного («А ельник эдакой большущий», «Березы белые, большие показались, под небо», «этаки березья толстые», что связывает его с небесными сферами мироздания (что отражено, например, в пословице «Выше небу, выше лесу»), а также говорит о древности, первозданности леса, о том, что он растет с начала времен.

В. Я. Пропп, анализируя русские волшебные сказки, отмечает, что через лес ведет дорога в иной мир, что он окружает иное царство [9]. То есть, лес – это связующий элемент, обеспечивающий связь между разными мирами. Часто он выступает, как пространство страха, грусти, печали, непреодолимой преграды и смерти. Такое восприятие леса может быть связано с древними способами захоронения умерших на (в) деревьях, или под их корнями [5, с. 116, 1].

Отношение к лесу, как к «чужому», чуждому пространству отражено в огромном количестве паремий. В части из них лес описан как опасное, даже враждебное пространство: «Ходить в лесу – видеть смерть на носу (либо деревом убьет, либо медведь задерет)», «Родишься в чистом поле, а умрешь в темном лесе», а в некоторых пословицах упоминания леса безоценочны, он сам по себе нейтрален, например, «Была правда, да в лес ушла», «Синица в руках лучше соловья в лесу», «Как волка ни корми, он все в лес смотрит», [5, с. 115, 4, с. 156].

В фольклоре подчеркиваются сверхъестественные свойства леса, описывается, какие фантастические существа и духи природы его населяют. Через предания и легенды в культурном коде формируется представление о лесе как месте, где творятся чудеса, происходят необычные события и встречи с представителями потустороннего мира.

Обобщая, можно сказать, что лес представляет собой важнейшую составляющую русского национального ландшафта. Он формирует уникальное пространство взаимодействия человека и природы. Образ леса присутствует практически во всех сферах русской культуры: литературе, живописи, музыке, устном народном творчестве и повседневном сознании. Через восприятие леса формируются представления о родине, доме, семье, дружбе и пр.

Лес выступает значимым элементом русской культурной традиции, его можно рассматривать, как метафору различных аспектов человеческого опыта: от хозяйственно-бытовых до сакральных. Образ леса в русском культурном коде воплощает идею единства человека и природы, подчеркивая глубокую связь между русским человеком и окружающей средой.

Список литературы:

1. Баркова, А. Л. Зачарованный сад: майское дерево, цветок папоротника и другие легенды о растениях. / Александра Баркова. — Москва: МИФ, 2025 (Боровлево-1, промышленная зона, Тверская область). — 270 с.
2. Басова, Е. Н. Символизация как механизм формирования культурной идентичности // Россия и мир в исторической ретроспективе. Материалы XXXI Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В 2-х т. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 2025. — С. 49-52. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80647772> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Игнашов, Н. А. Значение леса в Древней Руси до XVII века / Н. А. Игнашов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 11 (562). — С. 260-263. — URL: <https://moluch.ru/archive/562/123340> (дата обращения: 25.02.2026).
4. Кольовска, Е. Г. Экспликация природно-ландшафтного кода культуры в русских поговорках // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksplikatsiya-prirodno-landshaftnogo-koda-kultury-v-russkih-poremiyah> (дата обращения: 28.02.2026).
5. Криничная, Н. А. "Тот дикий лес, дремучий и грозный..." (к семантике мифологического образа) // Русская речь. — 2011. — Вып. № 4 — С. 110-117. — URL: <https://rusrech.jes.su/s0131-61170000525-2-1-ru-7/> (дата обращения: 23.02.2026).
6. Кургузов, В. Л. Культурные смыслы образа русского леса как плод символического воображения // Культура и цивилизация. — 2016. — № 2. — С. 172-187. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26460364> (дата обращения: 23.02.2026).
7. Маслова, В. А., Пименова, М. В. Коды лингвокультуры. — М.: Флинта, Наука, 2016. — 177, [1] с.
8. Пашкова, Н. И. Культурный код – символический язык культуры // Язык и культура (Новосибирск). — 2012. — № 3. — С. 167-171. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-simvolicheskiy-yazyk-kultury> (дата обращения: 27.02.2025).
9. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / вступит. ст., отв. ред. В. И. Еремина; Ленинградский университет им. А. А. Жданова. — [2-е изд.] — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. — 365 с.
10. Солманидина, Н. В. В. О. Ключевский о роли природы как социального фона и потенциала формирования русского народа и его ментальности // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 27. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-o-klyuchevskiy-o-rol-prirody-kak-sotsialnogo-fona-i-potentsiala-formirovaniya-russkogo-naroda-i-ego-mentalnosti> (дата обращения: 28.02.2026).

11.Тилепова, А. К. К вопросу о понятии культурного кода в современной гуманитарной науке. // Молодой ученый. — 2024. — № 2 (501). — С. 61-65. — URL: <https://moluch.ru/archive/501/110136> (дата обращения: 28.02.2026).

Берницева Виктория Андреевна

кандидат искусствоведения, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9545-3120

Bernitzeva Viktoria

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЧТО ДЕЛАЕТ ХРИСТИАНСКУЮ ТЕМУ СОВРЕМЕННОЙ В ВЫБОРЕ ТЕМЫ, КОМПОЗИЦИИ И ДЕТАЛЯХ В РУССКОЙ АКАДЕМИЧНОЙ И РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматриваются известные русские картины XIX века: «Последний день Помпей» К.Брюллова, «Тайная вечеря» Н.Ге, «Воскрешение дочери Иаира» И. Репина, «Христос в пустыне» Крамского, «Христос и грешница» В.Поленова в сравнении с западноевропейскими картинами на схожие сюжеты и определяется, чем выражается смысл академичной традиции и противоположного ей реализма в изображении деталей в раскрытии христианской темы. В статье определяются качества трактовки сюжетов в русском академизме и реализме, и раскрывается смысл отличий от предшествующей западноевропейской ренессансной, маньеристической, классицистической, романтической традиции

Ключевые слова: Брюллов, Ге, Репин, Крамской, Поленов, академизм, передвижники, реализм, русское искусство XIX века.

WHAT MAKES THE CHRISTIAN THEME MODERN IN ITS SUBJECT, COMPOSITION, AND DETAILS IN RUSSIAN ACADEMIC AND REALISTIC PAINTING OF THE 19TH CENTURY

Summary: The article examines famous Russian paintings of the 19th century: “The Last Day of Pompeii” by K. Bryullov, “The Last Supper” by N. Ge, “The Resurrection of Jairus’s Daughter” by I. Repin, “Christ in the Desert” by Kramskoy, “Christ and the Sinner” by V. Polenov in comparison with Western European paintings on similar subjects and determines what expresses the meaning of the academic tradition and the opposite realism in the depiction of details in the disclosure of Christian themes. This article defines the qualities of subject treatment in Russian academicism and realism, and reveals the meaning of their differences from the preceding Western European Renaissance, Mannerist, Classicist, and Romantic traditions.

Keywords: Bryullov, Ge, Repin, Kramskoy, Polenov, academicism, Peredvizhniki, realism, 19th-century Russian art.

Русский реализм «вырос» на академизме, основанном на принципах классицизма, впитав его лучшие традиции. Уже в классицистичной картине Карла Брюллова (1799–1852) затрагивается тема христианства, актуальная для современников художника. Так как христианство в I веке официально преследовалось, в картине Карла Брюллова «Последний день Помпей» (1830–1833. СПб., Гос. Русский музей) христианский священнослужитель, одетый в невзрачную темную тогу, не заметен с первого взгляда. В классицистическо-академичном полотне исторически социальные, национальные, профессиональные роли изображенных всегда узнаваемы. С использованием знаков, по которым современник опознает героя, классицист волен вводить детали, которых еще не было в то время, в которое происходит действие картины. В картине зрители узнают дьякона по богослужебной диаконской свече в его руках и по кадилу, не задумываясь, что найденность формы кадила осуществилась гораздо позже, в Византии в IV веке. Дьякон в бесстрашной позе противопоставлен уstraшенному жрецу языческого культа в центре композиции на втором плане. Прижимая к груди треножник и курильницу для жертвоприношений, он оглядывается, убегаая. Размышляя над постановкой фигуры диакона, смело обратившемуся лицом к пламени, извергающемуся из жерла вулкана, можно подумать, что кадило (оно ведь к тому же еще и зажжено) – это не просто деталь, по которой опознается герой. Держа кадило в руках, как символ своего предназначения, диакон воспринимает надвигающуюся катастрофу не как все остальные, не как уstraшающий конец жизни, а как начало новой истории, которую предвозвещал Христос после своего второго пришествия. Ему, возвращающемуся к людям Христу, теперь уже как судье мира, и намеревается воздать молитвенное с каждением приветствие диакон, устремляя свой взгляд к вспышке света, предвещающей неминуемую катастрофу – смерть материального мира. Фигура диакона хоть и расположена на первом плане, почти незаметна в углу. Не страшящийся смерти, он одинок в картине, и в этом Брюллов недостоверен. Христиан в то время в Римской империи, в том числе и в Помпеях, было достаточно. Целью Брюллова было передать уstraшающий ужас и панику толпы, и даже группа из двух бесстрашных христианских фигур отвлекала бы на себя внимание. Картина считается полотном, в котором в классицистической манере высказана основная идея смерти наступившего романтизма. Первым романтиком, написавшим картину по следам катастрофы, унесшей жизни множества людей, («Плот Медузы» (1819. Париж, Лувр)) считается французский художник Теодор Жерико (1791–1824) [1, 172]. В ней так же, как и в «Последнем дне Помпей», была затронута тема скорой безнадежной гибели человека. Тема романтизма, тема судьбы и смерти после смерти Жерико (как раз тогда, когда Брюллов работает над «Последним днем Помпей») обогащается новыми смыслами в революционном творчестве Эжена Делакруа (1798–1863). В это время русский академист Александр Иванов (1806–1858) пишет картину «Явление Христа народу» (1837–1858. М., Гос.Третьяковская галерея),

используя сюжет Евангелия, который никогда прежде не иллюстрировался. Он изобразил одновременно Иоанна Предтечу, Христа и толпу людей. Обычно Христос как учитель изображался в диалоге с народом. Проповедующий Иоанн Предтеча европейских академистов и ранее ренессансных художников не интересовал, потому что его образ проповедника заслонял Христос, после него вышедший на проповедь. Иоанна Предтечу, начиная с византийской традиции, изображали или в момент Крещения им Христа, с выделением главной темы – явления Троицы, или как жертву царя Ирода: голову Иоанна Предтечи держит на блюде Саломея. Задачей Иванова являлось показать внезапные, разнообразные, характеризующие личность реакции людей, видящих Христа. Конфликтность ситуации, призывающей зрителя соотнести себя с кем-либо из картины, в будущем импонировала передвижникам. [2, 13] Неослабевающий интерес к картине в 1880 году вызвал к жизни публикацию «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка» под редакцией художественного критика В. Стасова. Через пять лет после своего первого разочарования в академизме – «неуспеха творения» [3, 38] «Явления Христа народу» А.Иванова у публики, поначалу сразу не оценившей глубину ее других, неакадемичных качеств, И.Крамской, глубоко прочувствовал постановку психологической задачи «Тайной вечери» (1863. СПб., Гос. Русский музей) Н.Ге. В год открытия для себя картины Ге Крамской становится инициатором «Бунта 14-ти» против назначения Академией чуждых интересам учащихся древних мифологических и зарубежных исторических тем для дипломных работ.

У Н.Ге композиция разнообразней леонардовской «Тайной вечери», фрески монастыря Санта-Мария-делле-Грацие (1495–1498. Милан), апостолы выражают разные реакции не только на слова учителя «один из Вас предаст меня» [Мф. 26:21], но и на дополнительно включенное событие – поспешный уход Иуды. Н.Ге, написав картину в Италии, опирался на традицию итальянского караваджизма. Это читается в разнообразии поз немногочисленной группы в интерьере, игре ночного освещения. Используя метод старых мастеров – предварительный поиск композиции по-разному освещаемой сцены, с многократно переставляемыми фигурками апостолов, вылепленных из глины [4, 77], Ге удалось найти верное решение – противопоставить стоящих апостолов: пожилого экспрессивного Петра и молодого, сдерживающего внутреннее негодование Иоанна. Перекрестный акцент картины – противопоставление зла: темный силуэт Иуды, похожего на взметнувшую черными крылами недобрую птицу, одевающегося, в намерении покинуть собрание, – и добра: «светящийся ангел» Иоанн, выхваченный потоком света. Характер пойманных движений у Н.Ге, выдающих психологические характеристики, – признак реализма, недоступный караваджизму. Достоверность картине придают детали, превращающие горницу в православный храм, с богослужебными предметами: стол, накрытый белой скатертью, спускающейся до пола, похож на алтарный престол, на котором стоят чаши, напоминающие по форме чаши для Евхаристии.

В 1871 году Илья Репин защитил диплом картиной на сюжет: «Воскрешение дочери Иаира» (Государственный Русский музей, СПб). Целью Репина, молодого наследника творчества Иванова, стало передать ощущение совершающегося чуда. В картине не ясно – мертва еще девушка или уже нет, ее лицо, как и лицо Христа, обращены от зрителя. В эскизах видно, как долго Репин шел к этому решению. В картинах старых мастеров на этот сюжет показан момент уже свершившегося чуда, а Репин ставил перед собой задачу показать воскрешение как таинство, которое сокрыто («не умерла, но спит» [Мк. 5:39-40]), как таинство рождения веры в душах людей. Такую же задачу решал А.Иванов. Торжественность момента Репин подчеркнул массивным трисвечником, напоминающим семисвечник на престоле в христианском храме, находящимся у изголовья девушки (в одном из эскизов это церковный подсвечник со множеством горящих свечей), рядом на столике чаша, напоминает чашу для причастия. Репин поступил в данном случае так же, как Н.Ге в «Тайной вечере». Христос в синем гиматии и бардовой тунике, цвета которых передают значение его богочеловечности, как на иконе. Беря за руку девушку, Христос стоит на оголенном полу, не боясь прикоснуться к трупной нечистоте (как в древности, так и сейчас, еврей, прикоснувшийся к умершему, считается нечистым). Откинутый с целью неосквернения ковер лежит невдалеке.

В следующем, 1872 году, на следующий год после образования движения передвижничества, его основатель, идеолог реалистического направления в искусстве Иван Крамской пишет картину «Христос в пустыне» (1872. М., Гос. Третьяковская галерея). В искусстве больше популярен другой сюжет одинокого Христа, в котором он ведет внутренний диалог с Богом Отцом, «Моление о чаше». Обратившись к «вторичным», с точки зрения академического классицизма, пейзажному и портретному жанрам, Крамской изобразил Христа согбенным, надломленным от тяжести дум, разделяя интерес своих современников второй половины XIX века к возможностям изображения глубин внутреннего человеческого мира. В квадратном формате картины взаимодействие пейзажного окружения ослаблено за счет деления холста горизонтом на две равные части за фронтально расположенной фигурой Христа, чем, очевидно, Крамской хотел приблизить изображение к иконному.

В 1888 году Polenov пишет картину «Христос и грешница» (СПб., Государственный Русский музей), которой он преследовал разные цели: и соперничество с большеформатными картинами И.Репина и В.Сурикова, и достижение реализма в передаче естественного движения фигур в духе позднего передвижничества. Влияло и активно развитое к этому времени русское религиозное салонное искусство. Чтобы предвосхитить развитие известного сюжета, Polenovu пришлось разделить участников на две части – сторонников Христа, спокойно относящихся к происходящему, и обличающих женщину, приведенную ко Христу. Такое объединение в группы по идеологическим признакам было в духе конфликтных сцен передвижничества.

Поленов не пишет картину с целью показать покаяние грешницы, как Тициан в своей картине «Христос и грешница» (1515. Вена, Музей истории искусств) и Антиведучо в картине на тот же сюжет (первая треть 17 века. Владимиро-Суздальский музей заповедник), он не изображает выглядывающих из-за спин сластолюбцев, бросающих взгляды на грешницу, не вносит предостерегающий назидательный смысл для зрителей, как Лоренцо Лото в картине «Христос и грешница» (1527 – 1529. Париж, Лувр) и Н.Пусен в одноименном сюжете (1653. Париж, Лувр), а только заимствует тип композиции старых мастеров с группами людей и городским пейзажем. В произведении Поленова не показана духовная связь между Христом и грешницей. Грешница изображена в тот момент, когда она увидела того, кем ее запугивали, но еще не успела понять, что настоящей ценой ее раскаяния станет избавление от смерти. На чудо преображения души ничего в картине, в отличие от картин прошлого, не намекает. Несмотря на то, что масштаб и композиция этой картины и сегодня поражают посетителей Русского музея в Петербурге, где она висит, в картине хочется увидеть более глубокую трактовку сюжета. Изображая еще не свершившееся чудо, в отличие от И.Репина, И.Крамского, Н.Ге, отражавших, по примеру старых мастеров, духовный смысл, Поленов в своей картине выбрал не значащую для духовного содержания фазу сюжета.

Религиозные сюжеты прошлого изображались или с целью выделить духовную составляющую, или подчеркнуть назидательный смысл. В историческом полотне русского классицизма с чертами романтизма «Последнем дне Помпей» К.Брюллова, многозначность реакции христианина на приближающуюся смерть впервые звучит актуально для современников. Черты реализма в разнообразии живых реакций на появление Христа в картине А.Иванова «Явление Христа народу» в год первого показа произведения не были по-настоящему оценены, а в итоге оказали неоценимую услугу, повлияв на формирование идеалов передвижничества. Открытия реализма – передача жизненности поз и движений персонажей, в самых известных малофигурных композициях с изображением Христа И. Репина, Н.Ге и И.Крамского – сочетались с традиционной духовной задачей религиозной картины. Однако, позже повторить в многофигурной картине сразу все достижения оказалось уже невозможным. Стремление превратить исторический религиозный сюжет в реальный, сделавшей самой популярной русской большеформатной картиной на христианский сюжет конца XIX века работу В.Поленова «Христос и грешница», заслонило перед художником возможность добавить, не говоря уже о том, чтобы сделать основной, духовную задачу в изображаемом сюжете.

В XIX веке прослеживается эволюция подходов к теме духовности в русской христианской религиозной живописи. В академичной живописи исторической картины во второй четверти XIX века в свете романтизма, опосредованном христианством, зазвучал судьбоносный вопрос смерти для конкретного человека. Для передвижников стала актуальной идея погружения

зрителя в реалии жизни Христа на земле с целью охватить реализмом ключевые стороны эпохи, ознаменованной религиозным содержанием.

Список литературы:

- 1.Раздольская В.И. Европейское искусство XIX века. - СПб.: Азбука-классика, 2009. 368 с.
- 2.Нестеров М.В. Давние дни. - М.: Искусство, 1959. 400 с.
- 3.Порудоминский В. Крамской. - М.: Искусство, 1974. 248 с.
- 4.Алексеев С.В. «Тайная вечеря» или «Последний вечер Христа с учениками»? О картине Николай Николаевича Ге // Верующий разум. 2021. № 10. С. 76 – 82.

Билан Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I

SPIN-код: 7467-2075

Bilan Olga

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЭЗИИ XX-XXI ВВ.

Аннотация: В статье рассматривается образ железной дороги в советской и российской поэзии XX-XXI вв. Акцентируется внимание на стихотворениях серебряного века и современных поэтов. Прослеживается, что процесс осмысления образа железной дороги в отечественной художественной культуре этого времени связан с мотивами скоротечности жизни человека; вокзала (как символа встреч и расставаний), неизбежности катастрофы. Автор делает вывод, что железная дорога в отечественных стихах этого периода становится символом духовной трансформации отдельного человека, который попадает в конкретное железнодорожное пространство.

Ключевые слова: железная дорога, лирика, паровоз, метафорический смысл, символ, образ поезда, вокзал, катастрофа, путь, метафора.

THE RAILWAY IN RUSSIAN POETRY OF THE XX-XXI CENTURIES

Summary: The article examines the image of the railway in Soviet and Russian poetry of the XX-XXI centuries. The author focuses on the poems of the Silver Age and modern poets. It is traced that the process of understanding the image of the railway in the Russian artistic culture of this time is associated with the motives of the transience of human life; the station (as a symbol of meetings and partings), the inevitability of disaster. The author concludes that the railway in the Russian verses of this period becomes a symbol of the spiritual transformation of an individual who gets into a specific railway space.

Keywords: railway, lyrics, steam locomotive, metaphorical meaning, symbol, image of train, railway station, disaster, path, metaphor.

Метафоричность образов «путь», «дорога» являются универсалиями в мировой культуры. Его основой становится символика жизненного пути человека, граница между жизнью и смертью, своими и чужими [по 9]. Также образ дороги в отечественной культуре воспринимается в качестве жизненного пути всего народа или государства.

В наибольшей степени осмысление образа железной дороги представлено в произведениях отечественной лирики XX века.

В начале XX века железная дорога стала метафорой социальных потрясений. «Первая половина 20-го века сдвинула человека с малой родины. Народ на протяжении десятилетий оказался в движении: Первая мировая война, гражданская война, исход в эмиграцию, переломное переустройство сельского мира, промышленное становление, Великая Отечественная война, эвакуация, восстановление. И год за годом идут по железной дороге составы, эшелоны, вагоны» [8].

Поэты своего времени не могли не видеть происходившего. И.Ф. Анненский (1855-1909) «Зимний поезд» (из цикла «Трилистник вагонный»); М.А. Волошин (1877-1932) «В поезде», «Пар»; А.А. Блок (1880-1921) «На железной дороге»; С.А. Есенин (1895-1925) «Сорокоуст»; В.В. Маяковский (1893-1930) «Саратов. Приказ №1042... (РОСТА №919)», «Наш паровоз, стрелой лети»; М.И. Цветаева (1892-1941) «Рельсы», «На вокзале», «Привет из вагона»; В.В. Набоков (1899-1977) «Экспресс», «В поезде» запечатлели образ железной дороги.

В стихотворениях поэтов-символистов и акмеистов железная дорога предстаёт как символ трагической разлуки, тоски и одиночества. Для выражения философских и эстетических идей символисты в образе железной дороги использовали символику движения, скорости, шума.

В 1916 году Анненский написал стихотворение «Зимний поезд». В основе произведения лежат железнодорожные впечатления поэта, вынесенные из разъездов по Санкт-Петербургскому учебному округу. Анненский описывает снег и холод, чувство заброшенности. Метафоры «огнедышащий дракон», «два глаза из тумана» из мрачной картины воссоздают поезд:

«Я знаю — пышущий дракон,
Весь занесён пушистым снегом,
Сейчас порвёт мятежным бегом
Заворожённой дали сон.
А с ним, усталые рабы,
Обречены холодной яме,
Влачатся тяжкие гробы,
Скрипя и лязгая цепями» [2].

Высокая скорость перемещения требует автоматизма, нацеленной прагматичности. Все это разобщает людей. Исследователями часто отмечается, что метафора «железный» является отражением бездушности, а железная дорога постепенно превращается в символ общества.

Именно эти смысловые аспекты проявляются в стихотворении А. Блока «На железной дороге» (1910 г.). Произведение полно драматизмом, пронизывающей тоской. Оно посвящено гибели молодой женщины под колёсами поезда. Героиня приходит на станцию в надежде, что однажды сможет начать новую жизнь. Но ничего не меняется. Её судьба — символ гибели идеалов, разрушенных реальностью. Образ железной дороги — не

просто место действия, но и воплощение безжалостного прогресса, который давит на человека.

«Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...
Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали жёлтые и синие;
В зелёных плакали и пели» [4].

Поезд в стихотворении Блока — это одновременно и символ времени, бесконечно движущегося, и олицетворение новой жизни, к которой стремится героиня. Поэт подчёркивает хрупкость жизни и жестокость окружающей реальности, где мечты рушатся.

«Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...» [4].

«Антропоморфный образ паровоза вписывается в сакральное пространство» [8]. Жизнь в образе поезда отбросила героиню в сторону, оставляя во рву позади себя, и движется жизнь дальше в светлое будущее.

В поэме С. Есенина «Сорокоуст» (1920 г.) отражена гибель патриархальной деревни, которая не может противостоять неизбежному техническому прогрессу. Поэт создаёт образ мирового преобразования, который начался со звука погибельного рога. Поезд уподобляется чудовищу, которое побеждает жеребёнка, воплотившего прошлую эпоху.

«Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?» [7].

Есенин называет технический прогресс «скверным гостем» и осуждает безжалостное уничтожение старого уклада, попираание природы.

Совсем иной образ железной дороги прослеживается в стихотворении В. Маяковского «Саратов. Приказ №1042... (РОСТА №919)», написанное в 1921 году. Основной мотив - ответственный коллективный труд, как средство преодоления разрухи в стране.

«1.
Саратов. Приказ № 1042 по ремонту
паровозов на Рязано-Уральской железной
дороге выполнен. На 52 паровоза больше!» [11].

Ремонт паровозов — это не только достижение, а ещё и метафора, которая отражает возрождение страны Советов. Увеличение числа отремонтированных паровозов символизирует надежду на лучшее будущее. Этим агитационным стихотворением поэт подчёркивает веру в силу человеческого духа.

«2.

Что это значит?

3.

Это значит — и ты о разрухе не вой,

4.

а силы свои в работе удвой» [11].

В другом своём стихотворении «Наш паровоз, стрелой лети» (1926 г.) Маяковский размышляет об индустриализации. Так возникает образ паровоза, символизирующий мощь и прогресс.

«Наш паровоз, стрелой лети

С белым букетом из дымных роз

бежит паровоз, летит паровоз...

За паровозом — толпой вагончик.

Начни считать — и брось, не кончив!» [10].

Маяковский изображает поезд как силу, стремящуюся к будущему, влекущую за собой груз вагонов, как символ материального блага страны.

«Вагоны красные, как раки сваренные,

и все гружённые, и все товарные...

Приветно машет вослед рука:

— Должно, пшеница, должно, мука!» [10].

Несмотря на восторженную тональность строк о коллективных усилиях людей, участвующих в трудовом процессе, в стихотворении чувствуется ироничный подтекст. Образы «бюрократии» и «гроссбухов» создают ощущение абсурдности системы, которая мешает реальной жизни.

В стихах этого периода часто возникает образ вокзала. В русской культуре вокзал становится «площадкой мистериального действия» [9, с. 6]. Это не только место столкновения самых разных людей и судеб, но и место прощаний. Так М.И. Цветаева в стихотворение «На вокзале» (1911 г.) передаёт эмоциональное напряжение последних минут перед отходом поезда:

«Два звонка уже и скоро третий,

Скоро взмах прощального платка...

Кто поймёт, но кто забудет эти

Пять минут до третьего звонка?» [18]

Поезд в стихотворении является символом бесповоротной судьбы.

В стихотворении Цветаевой «Привет из вагона» (1910 г.) отражены чувства, связанные с разлукой и поиском нового смысла жизни. Происходит осознание неизменности человеческих страданий и проявление внутреннего конфликта между надеждой и разочарованием. «Вопросы о смысле жизни, о ее скоротечности, о сложности взаимодействия с другими людьми и миром, о неминуемой смерти включаются в «железнодорожный» комплекс мотивами попутчика, вокзала, крушения и др.» [8].

«Сильнее гул, как будто выше — зданья,

В последний раз колеблется вагон,

В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!» [19]

Обращение к вагонам и прощанию задаёт тон всему произведению, ощущается напряжённое прощание с чем-то важным.

В стихотворение М.А. Волошина «На вокзале» (1919 г.) также возникает образ вокзала, который отображает место, где собирается вся Россия, обездоленная, больная, напуганная, «искусанная войной»:

«Так спят они по вокзалам,
Вагонам, платформам, залам...
...И социальный мессия,
И баба с кучей ребят,
Офицер, налётчик, солдат,
Спекулянт, мужики –
вся Россия» [5].

Близким к религиозному чувству проникнуты и строки стихотворения В. Набокова «В поезде» (1921 г.). Лирический герой «видит во сне «дачные вокзалы» своего детства, станционную икону». Этот сон-воспоминание переносит его с чужбины в «утраченный рай, в детство, в Россию» [3, с. 169].

«Была передо мной вся молодость моя:
плетень, рябина подле клёна,
чернеющий навес, и мокрая скамья,
и станционная икона» [13].

В другом стихотворении В. Набокова «Экспресс» (1923 г.) возникает образ вокзала, который сравнивается с собором. Поэтом передаётся ощущение торжественного ожидания, которое нарушается гулом паровоза:

«На сумрачном вокзале по ночам
торжественно и пусто, как в соборе, –
но вот вдали вздохнуло словно море,
скользнула дрожь по двум стальным лучам» [14].

К середине XX в. образ железной дороги, который в советской лирике 1920-х – 1930-х годов был связан с мотивом технического прогресса и дополнялся мотивом неизбежности пути, приобретает новое метафорическое развитие.

Так в основе стихотворения М.И. Алигер (1915-1992) «Железная дорога» (1938 г.) лежит метафора «магистраль — судьба».

«Жизнь моя — железная дорога,
вечное стремление вперёд» [1].

Алигер «уподобляет жизненный путь железнодорожному путешествию с многочисленными встречами и расставаниями, случайными попутчиками, внезапными поворотами, остановками и стремительным движением. В этом движении — «сладость и тревога», позволяющие преодолеть боли, горести, разочарования» [9].

Эта же символика проявляется и в стихотворении Б.Л. Пастернака (1890-1960) «Дорога» (1957 г.). Жизнь человека уподобляется движущемуся поезду:

«Вперёд то под гору, то в гору
Бежит прямая магистраль,
Как разве только жизни в пору
Всё время рваться вверх и вдаль» [15].

Дорога в стихотворении Пастернака - это не просто пространственный объект, это метафора жизненного пути героя, его духовных поисков. Дорога, приобретая человеческие черты, становится активным действующим лицом. Она превращается в символ истории, которая движется через эпохи. Цель жизни, с точки зрения автора, та же, что и у дороги — пройти через преграды, пережить все изломы пути. Железная дорога – это путь преодоления, оптимистичное движение вперёд, к лучшему в жизни человека и общества.

Продолжили эту тему поэты А.Т. Твардовский (1910-1971) «За далью — даль»; Я.В. Смеляков (1913-1972) «Я сам люблю железную дорогу»; К.М. Симонов (1915-1979) «Транссибирский экспресс»; Н.М. Рубцов (1936-1971) «Поезд»; Е.А. Евтушенко (1932-2017) «Паровозный гудок...».

В стихах снова возникает образ вокзала. Перекрёсток путей, как символ выбора пути, изменений в судьбе, реализуется в образе вокзала как места встреч и расставаний. Однако тот же вокзал может приобрести значение места, объединяющего представителей разных слоёв [по 9].

Описание мыслей солдат, уезжающих с вокзала на войну, мы находим в стихотворении К. Симонова «Транссибирский экспресс» (1939 г.). Его герой сдерживает эмоции, не позволяет плакать родным, а вокзал должен ему в этом помочь:

«У этого поезда плакать не принято. Штраф.
Я им говорил, чтоб они догадались повесить» [17].

Лирический герой с трудом выдерживает напряжение «отчаянных минут». Там, у вагонов, женщины, которые сдерживают чувства и отчаянно мнут перчатки, и мужчины, которым хочется благодарно удержать в памяти эти минуты. Симонов исследует тему разлуки, которая неизбежно сопровождает людей, путешествующих на дальние расстояния.

Образ железной дороги в стихах этого периода обретает философское звучание, раскрывая через психологическое состояние лирических героев происходящее в стране. Она ассоциируется и с «быстротечностью жизни», и с «бесконечностью и бесцельностью пути», и с «отсутствием собственного, не на колёсах, дома» [8], становясь одновременно и символом безысходности и отображая путь страны. Такое восприятие связано с тем, что железная дорога становится одним из символов самонадеянности человека и гибельности избранного пути технического прогресса в противовес нравственному развитию. Появляется символ неизбежной катастрофы. «Мотив крушенья актуализирует широкое концептуальное поле культурных смыслов» [8].

Так предчувствием крушения пронизано стихотворение Н.М. Рубцова «Поезд» (1966–1969):

«Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых» [16].

Размышления поэта об ожидаемой катастрофе направлены на человечество в целом, а не на конкретного отдельного человека.

«...Но довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?» [16].

Эта строфа «не оставляет сомнений в том, что поезд – это метафора планеты Земля, а катастрофическим может стать путь самого человечества» [6, с. 43].

В стихотворение И.С. Меламеда (1961-2014) «Этот поезд уходит навек» (1983 г., из книги «Бессонница») — железная дорога символизирует судьбу, в которой также неизбежна гибель.

«...Этот поезд уходит навек,
Этот поезд отходит в крушенье.
И тяжёлый, немислимый снег
Налетит, замедля движенье» (12).

В поэзии XXI века образ железной дороги трансформируется. В стихотворениях современных поэтов железная дорога предстаёт как символ потери идентичности и поиска смысла жизни. А поезд становится символом проводника в иные миры. В произведениях этого периода много иронии, сарказма для создания критического образа железной дороги. Так стихотворение И.З. Фаликова (род. 1942) «Железнодорожная баллада» (2005 г.) строится как ряд неприглядных картин из окна вагона. Смена пейзажей за окном и впечатлений в восприятии лирического героя создаётся контрастом. А заканчивается все словами: «Родина не виновата. Ты её всю проспал» [20].

Образ железной дороги является знаковым явлением в культуре. «Являясь символом технического прогресса, на протяжении двух веков он сохраняет художественный потенциал и высокую степень востребованности, не утратив прежней символической семантики, вбирает в своём развитии сложное метафорическое значение, связанное с архетипом пути (судьбы) человека и страны» [8].

Список литературы:

1. Алигер, М. Железная дорога. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/33622/zheleznaya-doroga> (дата обращения 29.01.2026).

2. Анненский, И. Трилистник вагонный. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/29888/trilistnik-vagonnyi> (дата обращения 29.01.2026).
3. Арутюнова, А.М. Железная дорога как вариант мотива пути в лирике В.В. Набокова // Российская наука в современном мире: сборник статей XVIII международной научно-практической конференции. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Актуальность. РФ», 2018. – С. 168– 170.
4. Блок, А. На железной дороге. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/283/na-zheleznoi-doroge> (дата обращения 29.01.2026).
5. Волошин, М. На вокзале. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/33316/na-vokzale> (дата обращения: 5.10. 2025)
6. Гончарова, Л.А. Тема железной дороги в русской поэзии XIX–XX веков // Феноменология транспорта в литературе: прошлое, настоящее, будущее : материалы II Междунар. науч.-методолог. конф. (Гомель, 20 мая 2022 г.) / под общ. ред. Т.А. Власюк. – Гомель: БелГУТ, 2022. – С. 40–47.
7. Есенин, С. Сорокоуст. [Электронный ресурс]: livelib. - Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/264349/read-stihotvoreniya-i-poemy-sergej-esenin/~8> (дата обращения: 03.02.2026).
8. Жулькова, К.А. С белым букетом из дымных роз бежит паровоз, летит паровоз...»: образ железной дороги в искусстве и литературе. Часть I: Искусство // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2023. – № 4. – С. 62–76; [Электронный ресурс]: Российская академия наук. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-belym-buketom-iz-dymnyh-roz-bezhit-parovoz-letit-parovoz-obraz-zheleznoy-dorogi-v-iskusstve-i-literature-chast-i-iskusstvo-1> (дата обращения: 23.11.2025)
9. Мальцева, Е.А. Символика и смыслы образа железной дороги в художественной культуре России: концепты «путь», «дорога» // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – № 1(13). – С. 1–11.
10. Маяковский, В. Наш паровоз, стрелой лети. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/20296/nash-parovoz-streloi-leti> (дата обращения: 03.02.2026).
11. Маяковский, В. Саратов. Приказ № 1042... (РОСТА №919). [Электронный ресурс]: Poemata.ru, 2017-2026. - Режим доступа: <https://poemata.ru/poets/mayakovskiy-vladimir/saratov-prikaz-№-1042...-rosta-№919/> (дата обращения: 03.02.2026).
12. Меламед, И. Этот поезд уходит навек. [Электронный ресурс]: livelib. - Режим доступа: <https://www.livelib.ru/quote/1036128-bessonnitsa-igor-melamed> (дата обращения 29.01.2026).
13. Набоков, В. В поезде. [Электронный ресурс]: РуСтих. - Режим доступа: <https://rustih.ru/vladimir-nabokov-v-poezde/> (дата обращения: 29.01.2026).

14. Набоков, В. Экспресс. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/21770/ekspress> (дата обращения: 5.10.2025).
15. Пастернак, Б. Дорога. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/13938/doroga> (дата обращения: 05.01.2026).
16. Рубцов, Н.М. Поезд. [Электронный ресурс]: РуСтих. - Режим доступа: <https://rustih.ru/nikolaj-rubcov-poezd/> (дата обращения: 29.01.2026).
17. Симонов, К. Транссибирский экспресс. [Электронный ресурс]: РуСтих. - Режим доступа: <https://rustih.ru/konstantin-simonov-transsibirskij-ekspress/> (дата обращения: 29.01.2026).
18. Цветаева, М. На вокзале. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/34279/na-vokzale> (дата обращения: 5.11.2025).
19. Цветаевой М. Привет из вагона. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/34083/privet-iz-vagona> (дата обращения 29.01.2026).
20. Фаликов, И. Железнодорожная баллада. [Электронный ресурс]: Ryfma. - Режим доступа: <https://ryfma.com/p/Fkno6B7bKCefiKH3j/zheleznodorozhnaya-ballada> (дата обращения 29.01.2026).

Билан Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I

SPIN-код: 7467-2075

Bilan Olga

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается образ железной дороги в русской лирике XIX в. Акцентируется внимание на стихотворениях классиков. Прослеживается, что процесс осмысления образа железной дороги в отечественной художественной культуре этого периода соотносится с техническим прогрессом в стране. Автор делает вывод: железная дорога в отечественных стихах становится символом духовной трансформации техногенного общества.

Ключевые слова: железная дорога, лирика, паровоз, технический прогресс, путь.

THE RAILWAY IN THE RUSSIAN LYRICS OF THE XIX CENTURY

Summary. The article examines the image of the railway in the Russian lyrics of the 19th century. The author focuses on the poems of the classics. It can be traced that the process of understanding the image of the railway in the national artistic culture of this period correlates with the technological progress in the country. The author concludes that the railway in Russian poetry becomes a symbol of the spiritual transformation of a technogenic society.

Keywords: railway, lyrics, steam locomotive, technical progress, path.

Символ железной дороги в русской литературе XIX в. давно стал объектом научных исследований. «Традиционной является контаминация мотива дороги с мотивом жизненного пути, имеющая богатую литературную родословную. Железная дорога почти сразу, как только появилась, стала в литературе не просто символом движения по жизни, но олицетворением быстроты передвижения и безоглядной скорости» [5].

В поэзии железная дорога является не просто символом движения, но олицетворением скорости жизни. Рассматривая этот образ в поэзии, исследователи обращаются к эпохе, когда такой вид транспорта ещё представлялся «достоянием романтического сознания» и философского осмысления [2]. В русском обществе того времени спорили – благо или зло отечественная железная дорога.

Восприятие железной дороги русскими поэтами XIX века (П.А. Вяземский (1792-1878) «Ночью на железной дороге между Прагою и Веною»; Н.В. Кукольник (1809-1868) «Попутная песня»; А.А. Фет (1820-1892) «На железной дороге»; Я.П. Полонский (1819-1898) «На железной дороге»; Н.А. Некрасов (1821-1878) «Железная дорога») не было единодушным. Одни поэты размышляли о торжестве разума и верили в будущность железной дороги в стране. Другие писали о пагубности технического прогресса.

Стихотворение Н.В. Кукольника «Попутная песня» (1840 г.) многие называют первым текстом о железной дороге. Стихотворение входит в цикл романсов М.И. Глинки «Прощание с Петербургом». Стихотворение было написано по случаю открытия железной дороги «Царскосельская». В стихотворении паровоз назван пароходом, потому что в ту эпоху эти понятия считались синонимами.

«Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волнение,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ» [3].

Образ паровоза в стихотворении символизируют не только перемещение, но и стремление людей к новым горизонтам. Образы «дым столбом», «пестрота», «волнение» создают живую картину происходящего. Однако темп и ритм стихотворения говорят о скоротечности времени и самой жизни. Ожидание народа сравнивается с ожиданием встречи. Это придаёт моменту важность. Веселье народа символизирует радость и единение в значимом событии. Этим можно объяснить оптимизм стихотворения.

Однако в стихах других русских поэтов XIX века паровоз со своим видом, дымом из трубы, неизбежной суетой и шумом стал ассоциироваться с чудовищем. Так в 1853 году П.А. Вяземский написал стихотворение «Ночь на железной дороге между Прагою и Веною». Для поэта поезд — это «огнедышащая сила, силам адовым сродни» [1]. Он сравнивает поезд с несущимся к разверзлой могиле «полночным конём».

«...Весь он пар, и весь огонь!
От него, как от пожара,
Ночь вся заревом горит,
И сквозь мглу, как Божья кара,
Громоносный, он летит.
Но безделка ль подвернётся,
Но хоть на волос один
С колеи своей собьётся
Наш могучий исполин...» [1].

Данное стихотворение, наполненное метафоричностью, затрагиваются экзистенциальные темы. Вяземский использует образы поезда и зверя как

символы стремительно меняющегося века, который воплощает энергию бытия и неизбежности.

Стихотворение А.А. Фета «На железной дороге» было написано в конце 1859 - начале 1860 года. В нем просматривается разница между холодом природы и теплом человеческих чувств. Так свечка символизирует уют и домашний комфорт. А метафора «мосты мгновенные» передаёт скорость и течение бытия. А метафора «мгновенные мосты» передаёт скорость и движение.

«С тобою, кроткий серафим,
Мы через дебри и овраги
На змее огненном летим.
Он сыплет искры золотые
На озарённые снега,
И снятся нам места иные,
Иные снятся берега» [7].

Образ дороги символизирует путь жизни, а «змей огненный» — это символ стремления к неизвестному грядущему.

В стихотворении Я.П. Полонского «На железной дороге» (1868 г.) железнодорожное полотно представлено как скорость жизни.

«Мчится, мчится железный конёк!
По железу железо гремит.
Пар клубится, несётся дымок;
Мчится, мчится железный конёк,
Подхватил, посадил да и мчит» [6].

Перед героем произведения, который находится в вагоне поезда, проносятся картины, вызывающие то грусть, то сожаление, то нежность:

«Вон и родина! Вон в стороне
Тёсом крытая кровля встаёт.
Тёмный садик, скирды на гумне,
Там старушка одна, чай, по мне
Изнывает, родимого ждёт...» [6].

Вот поезд проносится перед острогом, где находится друг лирического героя, однако он его не может навестить, поезд уже бежит дальше. Лирический герой едет в поезде с определённой целью и не имеет возможности навестить родные места, друзей. Герой только вспоминает о родных местах и о близких, испытывает желание вернуться к ним. Мелькающие перед героем картины жизни наводят его на мысли о скоротечности бытия, об эмоциональной связи с домом. Основная тема стихотворения — это быстропроходящее время: «так мчалась юность бесполезная, в пустых мечтах изнемогая...» [6]. Эта строчка заставляет задуматься о несбывшихся мечтах юности. Метафора «рельсы, служи как ворота» создаёт образ железной дороги, как входа в нечто неизвестное. В строке «меж пути и меж пространства» [6] поэтом противопоставлены два мира. Полонский понятия «путь» и «пространство»

использует для выражения выбора одного из миров. Поезд – это бездушная машина у автора: «бездушные глаза вагонов», «железная» тоска. Метафора «железный — бездушный» — олицетворение быстроты перемещения, которая влечёт за собой отказ от общечеловеческих ценностей и в дальнейшем приведёт к разобщению людей. Образ «железного конька» можно интерпретировать как метафору скорости и энергии, а также этот образ отражает представление о жизни как о постоянном движении.

В лиро-эпическом стихотворении (некоторые исследователи называют его поэмой) Н.А. Некрасова «Железная дорога» (1864 г.) железная дорога предстаёт перед читателями дорогой смерти, символом рабского труда, угнетения и обмана. Поэт отмечает тяготы железного строительства. Некрасов показал не только технический прогресс, но и страдания простых людей, которые строили эту железную дорогу. Его произведение стало литературным символом эпохи индустриализации. Раскрывая тему цены прогресса, Некрасов акцентирует внимание на изнуряющих условиях, в которых трудились простые люди:

«Грабили их баре да подрядчики,
Гнули спины мужики» [4].

«Через образ народного труда автор раскрывает тяжёлую реальность крестьянской жизни в послереформенной России» [8]. В произведении звучит критика социальной иерархии, поэт обличает равнодушие власти и высших слоёв общества к судьбе простого человека:

«А вы на них, на людей рабочих,
Смотрите с презрением подчас» [4].

Выразителен контраст между началом и финальными строками: вначале — это восторг перед техническим достижением, в конце — горькая правда о его цене. «Железная дорога в поэме выступает не только как символ прогресса, но и как метафора жертв, которые общество приносит ради развития» [8]. Поэт задаётся вопросом: оправдан ли прогресс, если он построен на страданиях миллионов? Этот конфликт между внешним величием и внутренней трагедией становится одной из тем произведения. «Железная дорога одновременно является и гордостью, и укором, и памятником страданиям» [8].

Это было время, когда поезда воспринимались не только как технический прогресс общества, но и как новые возможности для путешествий и открытия новых горизонтов. Путешествие на поезде расценивалось как нечто необыкновенное.

Разнообразие трактовок железной дороги в русской поэзии проявится в литературном творчестве XX века. «В дальнейшем в лирике, где в связи с темой дороги преобладают мотивы жизненного пути и дорожных раздумий, рождаются новые вариации, связанные именно с невиданной дотоле стремительностью перемещения в пространстве. В лирических раздумьях возникают темы скорости, быстроты, необдуманности и спонтанности

человеческих решений и поступков в противовес спокойствию и полноте жизни без спешки» [5].

Список литературы:

1. Вяземский, П.А. Ночь на железной дороге между Прагою и Веною. [Электронный ресурс]: Русский толстый журнал как эстетический феномен. - Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2013/3/nochyu-na-zheleznoj-doroge.html> (дата обращения: 28.01.2026)
2. Железная дорога – в русской поэзии. [Электронный ресурс]: Вперёд. Выпуск № 05, 10.02.2012. - Режим доступа: https://gudok.ru/zdr/167/?page_print_=Y&ID=587920 (дата обращения: 08.11.2025)
3. Кукольник, Н. Попутная песня. [Электронный ресурс]: Ryfma. - Режим доступа: <https://ryfma.com/p/oJL3PiSo9TorGqH2Y/poputnaya-pesnya> (дата обращения 29.01.2026).
4. Некрасов, Н. Железная дорога. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/39557/zheleznyaya-doroga> (дата обращения 29.01.2026).
5. Непомнящих, Н.А. Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпике (обзор) // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. - Новосибирск, 2012. - С. 92-105. [Электронный ресурс]: Philology.ru. - Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/nepomnyashikh-12>. (дата обращения 03.02.2026).
6. Полонский, Я.П. На железной дороге. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/40563/na-zheleznoi-doroge> (дата обращения 29.01.2026).
7. Фет, А.А. На железной дороге. [Электронный ресурс]: Поэмбук. - Режим доступа: <https://poembook.ru/poem/14658-na-zheleznoj-doroge> (дата обращения 03.02.2026).
8. Шинторович, Е. Кто из русских поэтов описал строительство железной дороги – Николай Некрасов и его поэма. [Электронный ресурс]: Aboiler. 13/4/2025. - Режим доступа: <https://www.aboiler.ru/news/kto-iz-russkih-poetov-opisal-stroitelstvo-zheleznoy-dorogi---nikolay-nekrasov-i-ego-poema> (дата обращения: 29.01.2026)

Блатова Екатерина Игоревна

научный сотрудник

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова»

Ekaterina Blatova

Naval Academy

МЕМОРИАЛЬНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ КУЛЬТУРНО - ИСТОРИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В данной статье мы рассмотрим мемориальные и музейные комплексы. Познакомимся с городом Калининградом. Узнаем для чего нужен «паспорт туриста». Отправимся с вами в путешествие по ключевым местам в городе Калининград, которые стоит посетить. Поговорим подробно, что подразумевают под видом «солнечного камня». Узнаем, что в себе скрывает старинный десерт.

Ключевые слова: Калининград, музеи, янтарь, марципан, паспорт, хомлины, И. Кант.

MEMORIAL AND MUSEUM COMPLEXES DEDICATED TO CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE IN THE KALININGRAD REGION

Summary: In this article, we will explore memorial and museum complexes. We will get acquainted with the city of Kaliningrad. We will find out what a "tourist passport" is for. We will go on a journey to the key places in the city of Kaliningrad that are worth visiting. We will discuss in detail what is meant by the "sun stone." We will find out what the ancient dessert hides within itself.

Keywords: Kaliningrad, museums, amber, marzipan, passport, homlins, I. Kant.

С каждым годом Калининградская область привлекает все больше внимания. В данном месте вы сможете увидеть все. Начиная от Балтийского моря и заканчивая вкусными, разнообразными угощениями. Калининградская область (до 4 июля 1946 — Кёнигсбергская область) - субъект Российской Федерации, самый западный регион страны. Площадь Калининградской области составляет 15 125 км². В калининградскую область входят 7 крупных городов — это Калининград, Советск, Черняховск, Гусев, Балтийск, Светлый, Зеленоград.

Смещение относительно UTC составляет +2:00. Калининградское время отличается от московского времени на –1 час, время в течение года не меняется (летнее время не вводится), как и во всей России, поэтому здесь с апреля до

октября то же самое время, что и в Центральной Европе, где из-за летнего перехода время на час больше.

У Калининграда есть несколько якорей, чем он больше славится - это марципан, янтарь, хомлины и, конечно же, Иммануил Кант.

Иммануил Кант родился и прожил всю свою жизнь в городе Кенигсберге. С его именем можно увидеть очень много мест в Калининграде. Например, такие как, улица, музеи, кафе. Но, к сожалению, его дом не сохранился на сегодняшний день. Он сгорел при пожаре еще при жизни философа.

Как же появились хомлины в Калининграде? Идея о создании маленьких человечков возникла у калининградских мастеров. Замысел в них такой, что семь хомлинов расположились в разных локациях для того, чтобы проживать с ними мини истории города. Хомлины питаются янтарем, и в свою очередь, наполняются энергией янтаря. О янтаре и марципане более подробно поговорим чуть позже.

Расслабляющий отдых у моря здесь можно скоординировать с осмотром местных красот. Под Калининградом открывается возможность увидеть средневековые замки, красивую природу и необычные музеи. Самый большой плюс, что можно посещать все эти места в любое время года. Чем славится регион, кроме янтаря, поговорим с Вами об этом чуть ниже.

Отправиться в путешествие по наиболее захватывающим маршрутам области лучше всего на автомобиле. Те, кто здесь живет, и те, кто приехал отдохнуть выбирают каршеринг. Вы можете взять авто в аренду на любой промежуток времени.

А Вы знали, что в Калининграде есть «паспорт туриста»? В туристическом центре его можно бесплатно получить. В нем есть готовые маршруты по области, скидочная карта в музеи, рестораны и т.д. А также есть возможность собирать штампы по разным локациям.

В данной статье мы поговорим с Вами о 10-и достопримечательностей более подробно, а остальные просто перечислим.

Первое место по популярности занимает Национальный парк «Куршская коса». Находится он в Зеленоградском районе Калининградской области. Дорога занимает приблизительно полтора часа. К сожалению, без приобретения билета туда не попасть. Куршская коса — бесценное место не только в Калининграде, но во всем мире. Неширокая полоса песка, обдувается ветрами и морским бризом. Будьте внимательны, что на посещение Национального парка «Куршская коса» нужно запланировать несколько дней. Ведь там много интересных мест и за одни день их не обойдешь. В первую очередь гостям Куршской косы обязательно нужно заглянуть в место, где расположен «Музейный комплекс». Добраться до него из Зеленоградска можно за считанные минуты. Вы погрузитесь в историю Национального парка и увидите ключевые достопримечательности. Рекомендуем к посещению деревню викингов «Древняя Самбия», дендрарий культурных растений и музей русских суеверий. И конечно же можно запланировать и посетить другие

достопримечательности косы, такие как, Танцующий лес, Высота Эфа, Высота Мюллера, Орнитологическая станция «Фрингилла» [1].

Второе место занимает «Замок Шаакен». Находится он в Калининградской области. «Замок Шаакен» представляет из себя настоящий рыцарский замок, основанный тевтонцами в XIII веке. К сожалению, на сегодняшний день, «Замок Шаакен» всего лишь руины, но усилия реконструкторов позволяют воссоздать облик былых времен.

Третье место занимает «Фридландские ворота». Его можно посетить, как только приезжаешь в Калининград. Дорога не займет много времени. Построенные ворота в неоготическом стиле не пройдешь мимо, они бросаются в глаза сразу из далека. Памятник архитектуры XIX века, бывшее оборонительное сооружение, сегодня встречает гостей как музей истории Калининграда. На экспозициях вы сможете увидеть, как жил и развивался город на протяжении веков [2].

Четвертое место занимает Музей Мирового океана. Находится он в самом Калининграде на набережной Петра Великого. Каждый год очень много желающих посетить музей, а именно посетить 9 локаций, которые в нем расположены. Все они посвящены мореплаванию и познанию океана. Помимо основного корпуса, который расположился на набережной, и выставочного комплекса с аквариумами, огромный интерес у посетителей вызывает научно-исследовательское судно «Витязь», подводная лодка, рыболовный траулер, плавучий маяк. Все вы сможете посетить во время познавательных экскурсий [3].

Пятое место занимает Кафедральный собор. Находится он в самом Калининграде на улице Канта. Ранее мы с вами говорили, что Иммануилу Канту многое посвящено в Калининграде. Кафедральный собор является главным символом Калининграда. Пережив неоднократные разрушения и возрождаясь из руин, сегодня он служит главной академической концертной площадкой региона. Концертный зал вмещает около 70 человек. Главная гордость для города, что в концертном зале расположен самый большой в мире орган. Чтобы услышать великолепное звучание, не обязательно выбирать определенный день, так как они работают ежедневно. Собор расположен на острове Канта. Территория вокруг него благоустроена: обустроен парк, а также регулярно организуются городские мероприятия.

Шестое место занимает Музей янтаря. Находится в самом Калининграде. В границах небольшого поселка около Калининграда сконцентрировано 90% объема «солнечного камня». Поэтому Калининград приобрел титул янтарной столицы. В стенах Музея янтаря выставлены интересные образцы «солнечного камня» - во всем богатстве сортов, разных размеров и палитры. Посетителям чудится, будто само солнце всегда присутствует в этих стенах. Здание, в котором располагается музей, - настоящий памятник истории: это крепость XIX века, расположившаяся в самом центре [4]. Кто любит старинную архитектуру оценят ее по достоинству. Седьмое место занимает Музей марципана в

Бранденбургских воротах. Находится в самом Калининграде. Основание музея произошло в 2017 году. Марципан — старинный десерт, приготовленный из сладкой миндальной массы. Корни этой истории уходят в XIX век: именно тогда кондитеры Кенигсберга входили в число лучших в мире. На сегодня Шницель дает марципановая масса служит материалом не только для конфет, но и для удивительных экспонатов. В музее располагаются макеты сооружений, героев мультфильмов и крошечные копии Калининграда. А самое главное, что это все съедобное.

Восьмое место занимает Калининградский областной историко-художественный музей. Находится он в Калининграде. Если вы решите посетить это место, то увидите трехмерную панораму «Кенигсберг - 45. Последний штурм». Атмосфера, которая добавляет звуковые и световые эффекты поможет вас перенести на улицы военного города. Посетить панораму можете сами или с группой [5].

Девятое место занимает Музей «Форт № 5». Находится он в Калининграде. Форт №5 является филиалом историко-художественного музея и представляет собой огромное шестиугольное здание, окруженное наполненным водой рвом [2]. Сооружение появилось во второй половине XIX века с целью защиты города и являлось одним из 15 фортов, возведенных по периметру кольцевой дороги вокруг Кенигсберга. Внутри находились жилые помещения для солдат, медицинский пункт, столовая, оружейный склад и прочие объекты. В апреле 1945-го здесь шли ожесточенные бои - форт обороняли и штурмовали с огромными усилиями. Сейчас форт работает как мемориал. В залах музея можно ознакомиться с историей фортовой системы вокруг Кенигсберга, тогда как снаружи, на открытой площадке, представлены образцы боевой техники.

Десятое место занимает Музей «Бункер». Находится он в Калининграде. Название «Бункер» говорит само за себя: это подлинное оборонительное сооружение 1945 года, когда Калининград (тогда Кенигсберг) еще принадлежал Германии. В бункере размещался штаб немецкого главнокомандования - здесь было все необходимое для жизнеобеспечения. Апрель 1945-го стал последним месяцем для гарнизона бункера - все они оказались в плену у войск Красной армии. В 1968 году в бункере открылся музей.

Кроме выделенных нами музеев в Калининградской области есть много других музеев и исторических мест, которые могут удовлетворить любопытство самого пытливого туриста. Среди них можно назвать следующие:

- Историко-культурный центр «Великое посольство»;
- Музей-квартира «Альтер Хаус»;
- Балтийский филиал Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина;
- Форт № 11 «Денхофф»;
- Подводная лодка Б-413;
- Научно-исследовательское судно «Витязь»;

- Центр сохранения исторического наследия Калининградской железной дороги;
- Музей средневековых пыток и наказаний в Нессельбеке;
- Балтийская крепость «Пиллау»;
- Музей «Поселение викингов Кауп» [6].

Музеи и исторические места Калининградской области являются общемировым культурно-историческим достоянием и всегда открыты для тех, кто приходит в эти места с добрыми намерениями.

Список литературы:

1. Железнова М. «Чарующий Калининград. Самые красивые места края янтаря, которые обязательно нужно посетить». Серия: Подарочные издания. Туризм. Путешествия по России. - Калининград: БОМБОРА, 2025. – 144 с.
2. Музей как феномен культуры. Фридландские ворота: история вне времени, история вне границ / МАУК «Музей «Фридландские ворота»; авт. -сост. А.П. Макаревич. – Калининград: [б.и.]. 2017. – 208 с.
3. Музеи Калининградской области: справочник / Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Музей Мирового океана; [сост. В. Л. Стрюк (отв. ред.) и др.]. - Калининград: Терра Балтика, 2005. - 172 с.
4. Калининградский музей янтаря. – Калининград: Калининградский областной музей янтаря, 2008. – 126 с.
5. Якимов С. А. Дом, в котором живёт история... [история первого музея Калининградской области / к.ист.н., доц. Якимов С. А., к.ист.н. Манюк Е. С., Бережная М. А.]; Министерство по культуре и туризму Калининградской области, Калининградский областной историко-художественный музей. — Калининград: Аксиос, 2017. — 223 с.
6. 20 лучших музеев Калининграда. - URL: <https://www.kp.ru/russia/kaliningrad/muzei/> (дата обращения: 25. 02.2026).

Боева Галина Николаевна

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 5131-5968

Galina Boeva

St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design

РАССКАЗ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «МАРСЕЛЬЕЗА» В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: Исследуется рецепция рассказа Леонида Андреева «Марсельеза» (1905) в историко-культурном и литературно-критическом дискурсе начала XX века. Прослеживается связь революционной песни с французским оригиналом и основные этапы ее бытования в России, а также интерес писателя к «Марсельезе». Анализ рецепции рассказа современниками позволяет сделать вывод о том, что он, с одной стороны, встраивает события Первой русской революции в мировой контекст, а с другой, обнажает драматизм положения человека в столкновении с жестокими силами исторических катаклизмов и демонстрирует гуманизм писателя. Андреев со свойственной ему парадоксальностью вскрывает несоразмерность частной судьбы человека и безжалостного хода истории.

Ключевые слова: Леонид Андреев, «Марсельеза», Первая русская революция, рецепция, критика, история, героизм.

STORY OF LEONID ANDREEV "MARSEILLAISE" IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Summary: The reception of Leonid Andreev's story "La Marseillaise" (1905) is investigated in historical, cultural and literary-critical discourse of the early twentieth century is investigated. The connection of the revolutionary song with the French original and the main stages of its existence in Russia, as well as the writer's interest in Marseillaise, can be traced. An analysis of the reception of the story by contemporaries allows us to conclude that, on the one hand, it embeds the events of the First Russian Revolution in the world context, and on the other, it exposes the drama of the human situation in a collision with the cruel forces of historical cataclysms and demonstrates the writer's humanism. Andreev, with his characteristic paradox, reveals the disproportion of the private fate of man and the ruthless course of history.

Keywords: Leonid Andreev, Marseillaise, First Russian Revolution, reception, criticism, history, heroism.

Рассказ Леонида Андреева «Марсельеза» впервые был напечатан 9 марта 1905 г. в Нижегородском сборнике, инициированном М. Горьким для пополнения средств Общества взаимного всепомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии [6, с. 184]. Горький лично просит об этом Андреева [6, с. 228], поскольку тот был уже большой величиной в русской словесности и его произведение могло бы придать изданию вес.

Содержание рассказа таково. Один из ссыльных, которого остальные революционеры презирают и третируют как труса, присоединяется к объявившим голодовку и умирает, заразившись тифом. Товарищи оплакивают его и поют над гробом «Марсельезу».

Вероятно, рассказ был навеян событиями московского восстания 1905 г., свидетелем которых стал Андреев. Размышляя о смысле революционного взрыва в баррикадной Москве, писатель, склонный к поиску исторических аналогий и вычитыванию универсальных смыслов, обращается к событиям из французской истории, как и в другом своем рассказе — «Так было» (1905). Связь замысла с личными наблюдениями Андреева очевидна из его писем данного периода В. В. Вересаеву (см., например, письмо от 6 февраля 1905 г. [13, с. 160-161]).

«Марсельеза» — гимн французской революции. Слова и музыка написаны в 1792 г. Руже де Лилем как «Боевая песнь Рейнской армии». В июне 1792 г. она была принесена в Париж марсельскими добровольцами как «гимн марсельцев» и сыграла огромную роль в революционном движении. В 1795 г. «Марсельеза» провозглашена национальным гимном Франции. В начале XX в. она стала излюбленным гимном революционных движений в разных странах, в том числе в России.

Скорее всего, Андреев мог слышать текст «Русской Марсельезы», или, как ее называли, «Рабочей марсельезы». Речь идет о «Новой песне» на оригинальные стихи П. Л. Лаврова («Отречемся от старого мира...»), опубликованной впервые 1 июня 1875 г. в газете «Вперед». По поводу бытования песни уже в ходе революции 1917 г. исследователи пишут: «Песня отступала от мелодии французского оригинала, звучала в ином ритме и по существу была самостоятельным произведением. Высказывается предположение, что Лавров мог написать слова “Новой песни” на вариант “Марсельезы”, звучавший в заключительной части популярной песни Р. Шумана “Два гренадера”. На текст Лаврова могли повлиять и многочисленные “рабочие марсельезы”, сложенные во Франции и в Германии» [5, с. 54; 65; 67]; «Иногда в источниках специально оговаривается, что исполнялась именно “Рабочая марсельеза”, но и во многих случаях, когда упоминалась “Марсельеза”, речь шла о пении текста П. Л. Лаврова. Существовали русские переводы “Марсельезы”, близкие к тексту французского оригинала, но они не пользовались популярностью...» [7]. Как полагает Р. И. Фахретдинов, лавровский вариант «Марсельезы» пользовался таким успехом, т. к. резонировал с модным в начале XX века «жестоким романсом» [14]. В роли

главной русской революционной песни «Марсельеза» оставалась до 1920-х гг., но затем ушла из активного репертуара. Одной из главных причин, полагает исследователь, было то, что песня «прочно ассоциировалась со свержением любой власти и потому противоречила по духу относительной стабилизации, наступившей после Гражданской войны» [14, с. 145]. «Марсельезу» сменили «Интернационал», «Варшавянка» и «Смело, товарищи, в ногу».

Заметим, что именно лавровскую «Марсельезу» слышат герои романа Горького «Мать», и именно о ней пишет В. И. Ленин, описывая активность бастующих в Москве осенью и зимой 1905 года: «В воскресенье 25 сентября (8 октября) события сразу приняли грозный оборот. С 11 часов утра начались скопления рабочих на улицах, — особенно на Страстном бульваре и в других местах. Толпа пела Марсельезу» [9, с. 314]. 9 декабря, отмечал В. И. Ленин, по Большой Серпуховской улице солдаты шли с «Марсельезой» присоединяться к восставшим. Однако, даже если Андреев и был вдохновлен русским вариантом песни, в его рассказе речь идет именно об оригинале, ведь герой рассказа говорит о «милой Франции».

Марсельеза всегда волновала Леонида Андреева воплощенным в ней пафосом освобождения личности и выражением мощи народной стихии. В июле 1904 г. рассказывает В. Вересаеву о своем впечатлении от книги Феликса Гра «Марсельцы»: «Вы читали “Марсельцев”? Оборванные, они шли в Париж спасать свободу и пели “Марсельезу”. Пели и шли, пели и шли. В Париже их обкарнали, а теперь, сто лет спустя, французская свобода возложила пышный венок на гроб русского министра Плеве. На это все наплевать. Главное – пели и шли, пели и шли. В этом есть что-то очень убедительное, очень большое, и мне всегда легче становится при воспоминании о марсельцах. Как будто здесь кроется ответ.

<...> Меня ... очень трогает, очень волнует, очень радует героическая, великолепная борьба за русскую свободу. Быть может, все дело не в мысли, а в чувстве?» [13, с. 159].

В процитированном письме речь идет о романе провансальского писателя и поэта Феликса Гра, автора романа-трилогии «*Li Rouge dou Miéjour*» (Красные южане, 1896 – 1897), где описан поход марсельских батальонов на север Франции в 1793 для защиты революционного Парижа и поддержки автономии Прованса (сам автор — один из идеологов фелибража — движения за возрождение провансальской литературы). Русский перевод романа вышел под заголовком «Марсельцы» («Марсельцы: повесть из времен французской революции»: Приложение к «Историческому вестнику»: СПб., 1897) — именно его, вероятно, и прочел Андреев.

Очевидно, Андреев интересовался текстом «Марсельезы» на французском языке. В ответном письме от 23 декабря 1904 г. М. Горький сообщал ему: «Текст “Марсельезы” зри у Ламартина «История жирондистов», книга, которую трудно найти. Проще — Дюма «Графиня Шарни», издание Суворина» [6, с. 254]. В книге А. Ламартина в главе 29, носящей название

«Происхождение “Марсельезы”», полностью приведен текст гимна на французском языке с подстрочным переводом и дана его характеристика: «Марсельеза включает в себе отголосок славы и крики смерти. Славная, подобно первому, похоронная, как второй, она ободряет отечество, но вместе с тем заставляет бледнеть граждан» [8, с. 46].

Первые строки революционного гимна вложены в уста полицеймейстера и в другом произведении Андреева — повести «Губернатор» (1906). В пьесе М. Горького «Мещане» первую строку этой песни поет Елена.

«Марсельеза» воспринималась Андреевым как символ героического порыва, преобразование и переосмысление кровавых событий в лирическую стихию. О таком расширительном, символическом понимании французского гимна свидетельствует интервью, данное писателем много позднее, в годы Первой мировой войны: «Я говорю о лирической поэзии, о “Марсельезе” в широком смысле, о поэтическом и художественном отображении текущих мгновений, неповторимых и полных глубокого смысла. Для этого нет необходимости лично быть на войне. Художник изображает не явления, а их душу, их тайный смысл, а действительность — только его материал» [11].

Мнения критиков о рассказе разделились. Так. Ф. Белявский называет его «прекрасно написанным этюдом» и рассуждает о глубоком раскрытии Андреевым темы «о маленьком и большом человеке», сопоставляя «Марсельезу» с другим его рассказом, «Бен-Товит», опубликованном в том же «Нижегородском сборнике» [1]. Высоко оценил рассказ В. Ходасевич [15].

Восторженную оценку получил рассказ «Марсельеза» в «Одесских новостях» — на ней остановимся подробнее, поскольку автор статьи весьма необычно трактует тему произведения, усматривая ее не в тенденциозности и революционности, а в обращении к «общественно-психологической проблеме» одиночества личности и незаметного героизма, что, полагает критик, вообще характерно для творчества Андреева [4]. Отзыв критика о рассказе, в духе эпохи, чрезвычайно эмоционален: «Разве можно без волнения читать еще что-нибудь после того, как душа потрясена зрелищем олицетворенного зла, когда ваш мозг подавлен картиной внутреннего душевного страдания? И как соразмерить наши впечатления, когда столь неожиданно и с такой удивительной ясностью перед нами раскрываются маленькие, а иногда и большие потайные, сокровенные уголки человеческой души?.. Очарование наших чувств происходит не от одной лишь чарующей формы изложения, являющейся таинственным ключом к нашему сердцу в руках мага и чародея слова. Оно объясняется и той глубиной проникновения, которая доступна гению в его свободных изысканиях темной области нашей сложной душевной жизни. Кое-что из нее мы и сами хорошо и отчетливо сознаем и осмысливаем, но многое живет в нас бессознательно и почти безотчетно. И пусть факел исследования бросит на него иногда преувеличенную тень или представит его в причудливых контурах, оно явится нам все же в новом свете и более понятным...» [4].

После сочувственного пересказа рассказа, полного тавтологиями и речевыми погрешностями, Геккер делится следующими психологическими размышлениями: «Так часто бывает и в жизни. Мимо “маленьких” людей мы проходим совсем с пренебрежением или останавливаемся перед ними, чтобы посмеяться над их слабостью, пошпынить их недостатком мужества. Но очень редко мы замечаем драму их души и даже совсем не подозреваем того ада, который носит человек в самом себе. И, судя по шаблону, мы не предполагаем, что героизм может уживаться рядом с малодушием, что обычно слабый и мелкий человек в выдающихся случаях своей жизни может возвышаться до самых высоких точек подъема, на какой способен дух человеческий. Наконец и вообще, не так проста психология человека, чтобы рисковать благополучием его или подвергать его испытанию лишь потому, что мы не отгадали и не можем понять его истинных намерений или сущности настроения.

<...> Жить среди людей, в обществе, и быть одним, одиночкой, всегда в стороне от других, всегда чужим для других, — что может быть ужаснее и непереносимее этого внутреннего и никем не видимого страдания? <...> А между тем, сколько людей среди нас томится и страдает этими муками одиночества и, часто не выдерживая этого бремени жизни, совсем сбрасывает его с себя и уходит в лучший мир... И насколько еще больше число тех, которые, будучи раз выбиты общественными противоречиями из обычной житейской колеи, уже поставлены навсегда “вне общества”, навсегда отданы в жертву одиночеству и отвержению» [4].

Такая необычная интерпретация рассказа позволяет Геккеру сделать следующее заключение о его авторе: «Г. Андреев неподражаемый и, можно сказать, великий мастер в изображении этих страшных мук одиночества. Он является красноречивым и могучим защитником личности, обезличенной общественными условиями, изолированной тяжкими общественными условностями, отверженной [так! — Г. Б.] неразрешимыми противоречиями сложной, но не совершенной общественной жизни. И становясь на сторону ее, этой одинокой и отверженной личности, он тем самым выступает протестантом вместе с ней против несовершенства жизни, против сытой и самодовольной тупости, не замечающей явно противостоящей угрозы...»; «Так умеет художник раскрыть перед нами величие душевной драмы, иногда не совсем ясной для носителя ее...» [4].

Критик Вс. Чаговец, напротив, пишет о «ничтожном литературном значении» андреевских произведений, которые именитый автор не стыдится поместить в провинциальный благотворительный сборник [16].

Абсолютно уничижительный отзыв о рассказе принадлежит постоянному гонителю Андреева В. П. Буренину, которого возмутила «революционно-пропагандистская подоплека» этого «мерзостного творения» [2]. По ходу глумливого пересказа «коротенького — короче воробьиного носа — рассказца» Буренин фиксирует внимание на некоторых частностях и, наконец, раздражается гневными пассажами: «Без всякого сомнения, если определять просто, прямо и

кратко, это несуразная чепуха. Какое отношение имеет “маленькая свинья” и большие свиньи “черных рядов” к Марсельезе, “великой песне свободы”? Какое отношение к ним имеет “милая Франция”, которую на хребтах валов нес неизвестно отколе взявшийся океан? Откуда выскочили ружья с шелкающими замками, острые жала штыков и прочая бутафория “борцов” с “нежными руками”, изготавливаемая столь легко по утвержденному образцу теперешнему фразерами-беллетристами? На такие резонные вопросы можно ответить только одно: весь этот несуразный вздор, вся эта грубая риторическая трескотня не что иное, как порыв истерической наглости, выдаваемый за порыв мысли и творчества. И подобную лубочную наглостью, которая, казалось бы, по известному выражению Толстого, может быть интересна только для “молодых лакеев”, теперь пленяется, ее анализирует и истолковывает критика, наивно полагающая, что это “неисследимая” по приемам литература самого последнего фасона» [2].

Позднее андреевский рассказ интерпретировался в более широком контексте. Так, одесский критик сравнивает его с книгой Антона Ловенгарда «Старый гарибальдиец» [3]. А молодой В. Маяковский, защищая позиции футуристов, в частности, трагический пафос их произведений, отражающих настроения первого года Первой мировой (в первую очередь — свои стихотворения «Траурное ура», «Бельгия», «Мама и убитый немцами вечер»), цитирует фрагменты из рассказа (правда, не называя его): «Андреев говорит, что есть слезы, от которых только “краснеет лицо и намокает платочек”, а есть и такие, которые “выжигают города, и дикие звери даже разбегаются” от них. Если и пролиты в наших стихах, то только эти, последние слезы» [12].

Львов-Рогачевский в своей монографии об Андрееве, отмечая сложность морально-этической и философско-художественной позиции писателя и проводя параллели с его же рассказом «Бездна» (1902), пишет: «Перед Леонидом Андреевым вставал вопрос: станет ли он беспощадным отрицателем уродливых сторон жизни или он восстанет против жизни вообще и станет ее преследовать, как смертельный враг.

Он стоял над бездной, но не знал определенного решения.

Достаточно вспомнить, что в 1903 г., точно в ответ на рассказ “Бездна”, где в человеке художник открыл зверя, он же пишет прекрасный сильный рассказ

“Марсельеза”, противоположный “Бездне” по выводу.

В ничтожном человеке — “в маленькой свинье”, в робком, забитом существе, в котором точно жила душа зайца и бессильная терпеливость рабочего скота, художник увидел и показал его *большое Я*, его прекрасное, героическое, достойное человека я.

Вспомните этого забитого человека, по внешнему виду раба, который голодал с товарищами, заболел голодным тифом, бредил все время “милой Францией” и завещал товарищам: “когда умру, пойте надо мной марсельезу”.

Это было совершенно иное решение поставленной Ф. Ницше задачи». <...>

Рассказ “Бездна” кончался позорным падением чистого юноши и *торжеством зверя* <...>

Рассказ “Марсельеза”, написанный через год, кончался апофеозом героя, скрытого под смешной внешностью маленького человека <...>» [10, с. 62-63].

Цитируя далее финал рассказа и имея в виду социально-политические события в России в 1904-1906 гг., русско-японскую войну и революцию, далее критик замечает: «Это стихотворение в прозе явилось точно увертюрой к великим годам, отмеченным красным крестом в календаре русской общественности» [10, с. 63].

Подводя итоги, можно констатировать следующее. В сущности, Андреев написал очередную вариацию на тему «маленького человека» на фоне грозных исторических событий. Эта тема всегда волновала его своим контрастом — и в «Красном смехе» (1904), навеянном русско-японской войной, и в «Иге войны» (1916), написанном уже в годы первой мировой. «Марсельеза», с одной стороны, встраивает события русской революции в мировой контекст, а с другой, обнажает драматизм положения человека в столкновении с жестокими силами исторических катаклизмов и демонстрирует гуманизм писателя. Андреев со свойственной ему парадоксальностью вскрывает несоразмерность частной судьбы человека и безжалостного хода истории. Именно так, в антиницшеанском и христианском духе, и восприняли рассказ современники.

Список литературы:

- 1.Белявский, Ф. Нижегородский сборник // Слово. – 1905. – 15 марта. (№ 95). – С. 5-6.
- 2.Буренин, В. Критические очерки // Новое время. – 1905. – 8 апр. (№ 10450). – С. 4.
- 3.Г-берг, И. Солнечные блики // Новый одесский курьер. – 1909. – 14 июня (№ 11). – С. 3.
- 4.Геккер, Н. Новые рассказы г. Андреева: Нижегородский и V сборники издания творчества «Знание» // Одесские новости. – 28 марта (№ 6602). – С. 1.
- 5.Гиппиус, Е., Ширяева, П. Рабочая марсельеза // Биография песен. – М.: Политиздат, 1965. – С. 53-73.
- 6.Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн; вступ. ст. К. Д. Муратовой; публ. и примеч. Л. Н. Афонина, А. И. Наумовой и В. Н. Чувакова. – М.: Наука, 1965. – 630 с. – (Литературное наследство. – Т. 72).
- 7.Колоницкий, Б. И. «Марсельеза» по-русски: песни в политической культуре России 1917 года // Ежеквартальник русской филологии и культуры. – 1996. – № 2. Том. II. – С. 7-47.
- 8.Ламартин, А. История жирондистов: В 4 т. – СПб.: Рус. кн. торговля, 1872. – Т. 2. – 641 с.

9. Ленин, В. И. Кровавые дни в Москве // Ленин, В. И. Полное собр. соч. – Т. 11. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1960. – С. 313-318.
10. Львов-Рогачевский, В. Две правды. Книга о Леониде Андрееве. – СПб.: Типография М. И. Фоминой, 1914. – 252 с.
11. М. З. Литература и война (Беседа с Леонидом Андреевым) // Утро России. – 1915. – 21 окт. (№ 289). – С. 5.
12. Маяковский, В. Без белых флагов // Новь. М., 1914. 23 нояб. (№ 122). С. 8.
13. Реквием: Сб. памяти Леонида Андреева / Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой с предисловием В. И. Невского. – М.: Изд-во «Федерация», 1930. – 283 с.
14. Фахретдинов, Р. И. «Русская Марсельеза»: жестокий романс Петра Лаврова // Антропологический форум. – 2018. – № 36. – С. 117–153.
15. Ходасевич, В. Нижегородский сборник. Т-во «Знание». СПб. 1905. 350 стр. 1 р. // Искусство: Журнал художественный и художественно-критический. – 1905. № 5-7. – С. 172.
16. Чаговец, Вс. Критические этюды: «Нижегородский сборник». Издание товарищества «Знание». 1905 // Киевская газета. – 1905. – 21 марта (№ 89). – С. 5.

Бондаренко Павел Александрович

аспирант

Московский городской педагогический университет

SPIN-код: 4158-2277

Bondarenko Pavel

Moscow City University

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОПЕЧИТЕЛЯ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В ОРГАНИЗАЦИИ И ПОДГОТОВКЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ К ПРАЗДНОВАНИЮ 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Аннотация: В статье рассматривается роль попечителя Московского учебного округа А. А. Тихомирова в организации и подготовке учебных заведений к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. А. А. Тихомиров, доктор зоологии, перед тем как получить должность попечителя, проявил себя на посту ректора Императорского Московского университета, а затем директора департамента министерства народного просвещения. За вклад в научную и административную деятельность он был удостоен высоких наград, но по собственному прошению ушел на пенсию в 1906 году. Однако в 1911 году вновь был востребован на государственную службу уже на должность попечителя Московского учебного округа. Изучение правительственного попечительства учебных округов является актуальным, поскольку именно попечители являлись ключевым механизмом и посредником реализации реформ и др. проектов министра народного просвещения. На основе архивных материалов исследовано взаимодействие попечителя с директорами учебных заведений. Также рассмотрена переписка с министром народного просвещения об обсуждении проектов по организации праздничных мероприятий.

Ключевые слова: А. А. Тихомиров, попечитель, Л. А. Кассо, юбилей Отечественной войны, гимназии, Московский учебный округ.

ON THE ROLE OF THE TRUSTEE OF THE MOSCOW EDUCATIONAL DISTRICT IN THE ORGANIZATION AND PREPARATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS FOR THE CELEBRATION OF THE 100TH ANNIVERSARY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Summary: This article examines the role of A. A. Tikhomirov, Trustee of the Moscow Educational District, in organizing and preparing educational institutions for the celebration of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812. A. A. Tikhomirov, Doctor of Zoology, distinguished himself before becoming a Trustee as Rector of the Imperial Moscow University and then as Director of a Department of the Ministry of Public Education. He was awarded high honors for his

contributions to scientific and administrative work, but retired at his own request in 1906. However, in 1911, he was again called to government service as Trustee of the Moscow Educational District. Studying the government's trusteeship of educational districts is relevant, as trustees were the key mechanism and facilitator for the implementation of reforms and other projects of the Minister of Public Education. Using archival materials, this article examines the trustee's interactions with the directors of educational institutions. Correspondence with the Minister of Public Education regarding the discussion of projects for organizing celebratory events is also reviewed.

Keywords: A. A. Tikhomirov, trustee, L. A. Kasso, Patriotic War of 1812, gymnasiums, Moscow educational district.

Победа Русской императорской армии над Наполеоновской войсками оставила глубокий след в российском обществе. Память об этом событии сохранялась и воспроизводилась в том числе в сфере культуры. С каждой круглой датой победы России в Отечественной войне проводились торжественные празднества, возводились памятники и архитектурные сооружения в честь воинов-победителей [1, с. 6]. В 1912 году должно было состояться грандиозное празднование 100-летия победы России в войне.

Подготовка к организации юбилея началась более чем за год. Согласно Повелению императора Николая II от 24 октября (6 ноября) 1911 года, помимо правительственных и военных учреждений, в подготовке к празднованию необходимо было привлечь обширные слои населения империи, чтобы предать ему общенародный характер [2, с. 58]. Не последнюю роль здесь играли и учебные заведения учебных округов империи, в первую очередь Московского. Так, Л. А. Кассо, министр народного просвещения, писал недавно назначенному на пост попечителю А. А. Тихомирову следующее: «В предстоящем 1912 году исполняется сто лет со времени Отечественной войны. Столь знаменательное событие в жизни русского государства несомненно привлечет к себе благоговейное внимание населения к славной памяти тех героев, которые в годину испытаний не жалели никаких средств и самой жизни в борьбе за благо своей отчизны». [3, л. 1]. Далее министр объясняет, что празднование должно оказать чрезвычайно благотворное влияние на подрастающее поколение и способствовать укреплению и развитию в нем любви и преданности к родине. И поэтому находит целесообразным и полезным привлечь к участию в праздновании учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения [3, л. 1]. Л. А. Кассо лично просит А. А. Тихомирова разработать план участия учебных заведений, учитывая местные условия Московского учебного округа. [3, л. 1 об].

20 декабря 1911 года Тихомиров прислал ответ министру просвещения, в котором предлагал следующие мероприятия:

– организация экскурсий в Смоленск, на Бородинское поле и в Москву;

- формирование ученических хоров и отрядов потешных из учащихся в средних учебных заведениях города Москвы для участия в парадах;
- печать юбилейных сборников и «Спутника экскурсантов» для раздачи всем учащимся;
- организация большой прогулки для учащихся всех учебных заведений города Москвы в Фили по пути русской императорской армии (до этого предлагалось провести для учащихся ряд лекций);
- участие некоторых хоров и потешных из учащихся в чествовании на Бородинском поле 26 августа. [3, л. 8 об].

В ответе министру просвещения Тихомиров также озвучил расход на предмет пособия в размере до 30 тыс. руб. из средств казны. И при этом настаивал на реализации данного проекта, поскольку понимал, что в случае отказа от него это «представлялось бы весьма нежелательным в виду знаменательности для всей России предстоящего юбилея и в виду его воспитательного значения для учащейся молодежи» [3, л. 8 об].

Предложения Тихомирова были учтены министром просвещения, что подтверждает документ от Департамента МНП от 16 января 1912 года, в котором упомянуты детали проекта попечителя Учебного округа:

- 26 августа в учебных заведениях будет происходить торжественный акт, открываемый речью начальника учебного заведения, учителя истории или другого лица из педагогического персонала по выбору Педагогического Совета.
- В акте, в рекомендательном характере, должны были быть включены чтение литературных произведений, посвящённых эпохе 1812 г., хоровые или театральные постановки в патриотическом ключе.
- В заключение акта исполняется оркестром и хором, если таковые имеются, юбилейная кантата, а всеми присутствующими на акте – народный гимн [3, л. 13 об].
- Участие потешных полков в парадах также носили рекомендательный характер, но в сторону желательной реализации. Для допуска потешных полков к участию в параде, требовалось соглашение с воинским начальством [3, л. 13 об].
- Была поддержана идея и о проведении экскурсий: «Рекомендуется в текущем году устраивать экскурсии в города и местности, связанные с воспоминаниями об Отечественной войне, а равно посещать музеи, галереи и исторические собрания, где хранятся реликвии 1812 года» [3, л. 13 об].

Попечитель активно занимался подготовкой учебных учреждений к празднованию юбилея войны. Сначала были разосланы инструкции директорам средних учебных заведений, народных училищ и представителям педагогических советов женских гимназий и прогимназий Московского учебного округа, в которых рекомендовалось разучивать песни автора М. М. Ипполитова-Иванова, дополнительно были названы адреса магазинов, где можно было приобрести данные сборники [3, л. 7 об.]. В результате на

педагогов и учащихся ложился большой груз ответственности по подготовке к торжественным празднествам.

Также попечителем были разосланы инструкции по организации потешных рот и знамен учебных заведений для участия в торжествах. В гимназии и реальные училища с 1 февраля 1912 года следовало пригласить не менее двух офицеров. Каждое заведение должно было предоставить отряд из 32 человек с 4 отделениями учеников и при одном офицере. Обязательным был возраст до 16 лет, или до VI класса [3, л. 15]. Потешные роты необходимо было вооружить деревянными ружьями одного типа с тупыми металлическими штыками и с металлической скобой, при этом разрешалось подбирать ружья пропорционально росту конкретных учеников.

Занятия должны были проходить не менее двух раз в неделю. Та часть, учеников, которая участвовала в хоре, должна быть от него освобождена на время занятий по строевой и боевой подготовке. Из участия в мероприятиях исключались больные и негодные для военного строя учащиеся. Подготовка заключалась в поворотах, вздваивание рядов и маршировке. Для обучения военному строю отводилось по 1 часу в неделю в каждом классе. Предполагалось использование барабана, для упрощения подготовки. Занятия должны были проходить в залах учебных заведений, а в хорошую, теплую погоду – на открытом воздухе [3, л. 15 об]. Предусматривалось вознаграждение офицерам за тренировки учеников: ежемесячные выплаты по расчету 60 руб. за годовой час [3, л. 16].

Каждое учебное заведение имело честь выступить со своим стягом/знаменем. Для каждой гимназии и реального училища предлагался свой цвет и форма окраса флага. Например, знамя разделялось диагональной линией на два цвета. Такой флаг был у 5-й гимназии: диагональ разделяла красную и синюю части. У 9-й гимназии имени И. и А. Медведниковых флаг был тоже красного и синего цвета, но раздельная линия шла по горизонтали. [3, л. 15 об].

Ближе к дате юбилея Отечественной войны А. А. Тихомиров докладывал министру просвещения Л. А. Кассо, что на данном этапе

– Центральная экскурсионная комиссия при округе издает три спутника экскурсанта, в которых помимо планов, карт, чертежей помещаются статьи, библиографические указатели и описания уже состоявшихся экскурсий.

– «Гимн-марш 1812 г.» и «Славься» уже разучены хорами всех учебных заведений, а репетиции в Москве устраиваются под управлением Ипполитова-Иванова. Предполагается выступление хора учащихся средних учебных заведений, мужских и женских, в количестве 1400 голосов под управлением Ипполитова-Иванова с четырьмя хорами военной музыки. Репетиции ведутся в большом здании Консерватории [3, л. 62 об].

– Для парада на Бородинском поле сформированы бородинские отряды из 36 человек, вооруженные деревянными ружьями и штыками, от каждого казенного среднего учебного заведения (11 гимназий, 3 реальных училища, Лицея и Лазаревского института). Всего планировалось участие учеников до 6

класса включительно общим количеством около 6000 человек. При каждом отряде состоял один офицер [3, л. 63]. Подготовленные для участия в параде в Москве ученики были обучены военному строю, отряды имели свои стяги и знаки казённых средних учебных заведений.

– Для участников парада предусматривалась прогулка в Филях, которая была запланирована на средину августа. Место сбора – Кремль. Этому мероприятию предшествуют особые лекции преподавателей, издается брошюра о Филях. Прогулка планировалась с собственным оркестром, в случае его наличия в учебном заведении, или с военным.

– Подготавливался и санитарный отряд из учеников одной гимназии. В других городах округа – Смоленске, Костроме, Владимире и пр. – тоже формировались отряды из обученных военному делу учеников, которые тоже вооружались деревянными ружьями; там также имелись свои духовые оркестры [3, л. 63].

– Для раздачи ученикам готовились к печати три сборника об отечественной войне, составление которых было поручено известным преподавателям истории: для старших учащихся – сборник Георгиевского и Эйнгорна; для младших – статья Перестюка; для начальных училищ – статья Шульгина о 1812 г. Все издания были красочными, с иллюстрациями [3, л. 63 об.]. Предполагалось вручение наград: «Округ заказывает т-ву скоро печатни Левинсона особые похвальные листы для учебных заведений с рамкою ампира и портретами деятелей 1812 года» [3, л. 63 об.].

В результате эти приготовления, непосредственное участие в процессе подготовки к знаменательному событию попечителя Московского учебного округа дали свои плоды. В августе состоялась «большая прогулка» в Фили под патриотическими знаменами, прошли марши потешных ученических рот. 29 августа в Кремле состоялся высочайший смотр, в котором приняли участие 650 учащихся – делегатов от учебных округов империи, почти 3000 воспитанников московских учебных заведений и 9154 ученика начальных школ от всех уездов Московской губернии. Учащиеся, построенные в колонны по округам и учебным заведениям, прошли перед императором церемониальным маршем и далее проследовали мимо памятника Александру II к Спасским воротам и Красной площади (во время парада хор и оркестр исполняли «Гимн-марш 1812 года») [2, с. 61–62].

Таким образом, попечитель Московского учебного округа играл огромную роль в подготовке учебных заведений к торжественным мероприятиям по случаю 100-летнего юбилея Отечественной войны. С разрешения министра народного просвещения о предложении проектов, о проведении торжеств практически все версии, предложенные попечителем, были приняты, утверждены с небольшими корректировками и приведены в исполнение.

Список литературы:

1. Бочков Е. А. «Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества»: деятельность высших и центральных органов власти и управления Российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г.» / Е. А. Бочков // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 6.
2. Ватник Н. С. Средние учебные заведения Москвы в праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. / Н. С. Ватник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10-1 (24). С. 58–62.
3. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 6868. Л. 1, 7–7 об., 8–8 об., 13–13 об., 15–15 об., 16, 62–62 об., 63–63 об.

Будаев Даниил Артемьевич

ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9669-7308

Daniil Budaev

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КОМПЬЮТЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ 1990 ГГ.

Аннотация: В тексте рассматривается антропологический смысл раннероссийской компьютерной культуры 1990-х гг. Определяется терминологическая разница между киберкультурой и компьютерной культурой. Если первое вмещает в себя весь спектр человеческих взаимоотношений, выстраиваемых вокруг вычислительной техники, то компьютерная культура сосредотачивается преимущественно вокруг компьютера, обладает минимальным политическим потенциалом и хронологически близка к временным рамкам веб 1.0. Утверждается, что смысл компьютерной культуры — это коммуникативное освоение виртуального пространства. Основными факторами развития компьютерной культуры 1990-х гг. были скорость и свобода коммуникации, а также текстоцентризм. Паттерн скорости коммуникации — одно из движущих начал эволюции компьютерной культуры в киберкультуру: логика ускорения уничтожает человеческие понятия времени и пространства, создавая новую архаику. Паттерн свободы манифестирует и всегда манифестировал свободную коммуникацию в рамках постсоветской реальности, очищенной от предшествующих политических смыслов. Паттерн текстоцентризма означает преобладание культурных кодов посредством литературных текстов, на которых, в силу технических ограничений, строился ранний интернет. Таким образом, главный смысл взаимоотношений человека и вычислительной техники можно определить как расширяющееся пространство коммуникации, обусловленное постмодернизмом и индивидуализмом.

Ключевые слова: техника, киберкультура, 1990-е гг., СССР, рунет, Веб 1.0, кибертекст.

THE ANTHROPOLOGICAL MEANING OF COMPUTER CULTURE IN RUSSIA IN THE 1990S

Summary: The text examines the anthropological significance of early Russian computer culture in the 1990s. It defines the terminological difference between cyberculture and computer culture. While the former encompasses the entire spectrum of human relationships built around computing technology, computer culture focuses primarily on the computer, has minimal political potential, and is chronologically close to

the time frame of Web 1.0. It is argued that the meaning of computer culture is the communicative exploration of virtual space. The main factors in the development of computer culture in the 1990s were the speed and freedom of communication, as well as text-centrism. The pattern of communication speed is one of the driving forces behind the evolution of computer culture into cyberculture: the logic of acceleration destroys human concepts of time and space, creating a new archaism. The pattern of freedom manifests and has always manifested free communication within the post-Soviet reality, cleansed of previous political meanings. The pattern of text-centrism means the continuity of cultural codes through literary texts, on which, due to technical limitations, the early Internet was built. Thus, the main meaning of the relationship between humans and computing technology can be defined as an expanding space of communication, conditioned by postmodernism and individualism.

Keywords: tech, cyberculture, 1990s, USSR, runet, Web 1.0, cybertext.

При разговоре о компьютерной культуре прежде всего необходимо определиться с терминологическим аппаратом. Одна из наиболее авторитетных сегодня в антропологии точек зрения предлагает понимать под компьютерной культурой продолжение культуры как таковой. Технологии, будучи частью человеческой культуры, всегда оказывали влияние на понимание человеком себя и себе подобных. [14, Р. 32–33]. Разумеется, здесь можно согласиться с тезисом Мануэля Кастельса: причиной трансформации общества являются не технологии как таковые, а «ход истории» [5, С. 24]; однако в рамках настоящего текста первостепенен сюжет взаимоотношений индивида и вычислительной техники. Для «гибрида», уже не мыслящего себя без вычислительной техники, коммуникация в «виртуальном» пространстве становится сверхцелью и новой онтологией.

Рассматриваемая в статье тема — это специфический дискурс, концентрирующийся вокруг вычислительных технологий, позволяющий проживать продуцируемые ими пространства как «осязаемые» [4, С. 12]. Ранний этап становления этой культуры, интегрирующий журналистские и писательские произведения, теоретические конструкции, контркультурные практики, утопические идеи и перспективы, постмодернистские тревоги и маркетинговые стратегии [9, С. 169–170] приходится на начало 1990-х гг. [4, С. 10]. Терминологически логично было бы обратиться к термину киберкультура, однако он предполагает весь спектр социальных отношений, порождаемых общением в сети, тогда как предметом анализа в статье является аксиология ранней компьютерной культуры как таковой, до момента появления хактивизма (целенаправленного продвижения политических идей в интернете) [9, С. 241–242] и превращения сети в пространство политических столкновений. Именно на раннем этапе развития сети проще всего проследить генезис взаимоотношений человека и вычислительной машины, именуемой «персональным компьютером».

Если прибегнуть к типологии, заложенной теоретиком медиа Т. О'Рейли, хронологические параметры рассматриваемого периода (эпохи Веб 1.0) можно ограничить 1991–2004 гг. [3, С. 37]. В глобальном смысле слова развитие компьютерной культуры безусловно было обусловлено развитием индивидуализма и постмодернизма [12, С. 231]. Первый создавал необходимость артикулировать себя как можно более детализировано, второй превращал иерархически выстроенное «Я» в «алгоритмически» организованную, пригодную для передачи по сети информацию. Все становится всем и растворяется во всем, ничем не являясь до конца [2, С. 16]; человек существует уже не для себя, но для нужд сети. С этого момента существование индивида в сети начинает подчиняться трем факторам развития компьютерной культуры: скорости коммуникации, свободе коммуникации и текстоцентричности коммуникации.

Исследователь и участник интернета 1990 гг. С. Кузнецов предлагает описывать ранний интернет при помощи четырех концептов: как архив и библиотеку, как площадку для коммуникации и общения, как СМИ и пространство борьбы политических активистов, как магазин и рекламную площадку [7, С. 10–16]. В данной классификации фактор скорости соотносится с последними двумя концептами.

Вероятно, скорость «передачи данных» является самым важным фактором антропологической основы компьютерной культуры. Увеличение скорости влечет за собой отмену пространства, времени и привычного понимания чувственности. Для движущегося на сверхскорости субъекта проносящийся мир одинаково доступен, но непостижим: реальность ограничивается непроницаемой плоскостью экрана. Таким образом виртуальная реальность подменяет собой осязаемую реальность, и «истина феномена» становится более недоступной. Критерием истинности или ложности становится скорость распространения «данных» [10, С. 143].

Эта логика скорости зиждется на двух началах, «лоббирующих» ускорение компьютерной культуры и ее дальнейшее развитие: логику коммерции и власти. Хотя в ранних сетевых сообществах эти начала практически не были представлены (не влияя напрямую на существо человека), они все равно всё же реализовывали свое присутствие, главным образом посредством рекламы.

Рекламный образ, являясь архетипом, идеален для компьютерной коммуникации: он более мобилен и емок для восприятия, чем предшествующие формы передачи сообщения. Прочтение символа осуществляется уже в момент намека, что как нельзя лучше соответствует эпохе скоростной коммуникации [11, С. 15–17]. Эта особенность восприятия информации, в некотором роде, уравнивает человека «неолитического» с «кибернетическим».

Паттерн свободы и свободной коммуникации человека, вероятно, следующий по значимости стимул развития. Компьютерная культура здесь лишь отражает существующую реальность; вычислительная техника

способствует стремлению к неограниченному обмену информацией [1, С. 170]. С одной стороны, это означает узурпацию машиной восприятия осязаемой реальности: «нет ни одного действия, которое не стремилось бы к совершенству в виртуальной вечности — не в той, что длится после смерти, но в вечности эфемерной, созданной ветвлениями машинной памяти» [2, С. 84]. С другой стороны, в рамках синтезированной системы человек получает полную свободу исследовать среду [2, С. 82–83] и свои возможности внутри нее; именно этот троп наиболее активен в ранней компьютерной культуре.

Что интересно, риторика свободы в практически не артикулируется в политическом смысле слова. По мнению Н. Конрад, начиная с 1960 гг., когда появляются первые виртуальные сообщества (еще радиоэфирных и телефонных пиратов), манифестируются прежде всего эвристические цели: свободное общение и свободный обмен развлекательными медиапродуктами [6, С. 140–143]. Изучая возможности сети, человек осознает и собственное положение в мире. Высказывания С. Кузнецова можно прочесть в этой же логике: интернет «радикализируется», осознавая себя как иное только в тот момент, когда таким его определяет пресса «осязаемого» мира [7, С. 12].

В раннем интернете 1990 гг. источники сети можно рубрицировать по трем категориям:

- коммерческая сеть частной компании «Relcom/Demos»;
- Академия наук и постсоветские НИИ;
- альтернативная сеть, связанная с международной любительской некоммерческой компьютерной сетью Fido-Net; [5, С. 29]

По крайней мере для двух из трех источников доступ к информации является непреходящей ценностью. Диссидентская же субкультура, как и политика в целом, уже не является актуальной проблематикой: пользователей в значительно большей степени интересуют тексты поэтов Серебряного века, научная фантастика, бардовская песня, юмор, эротика, альтернативная медицина, востоковедение и эзотерика [6, С. 206].

Разница между позднесоветской и раннероссийской компьютерными культурами с точки зрения содержания мало очевидна. Скорее можно говорить о преемственности в контексте стремления к свободной коммуникации и отмене физических и культурных границ. На раннем этапе развития российской компьютерной культуры человеку еще не была известна усталость от технологий и сомнение в цифровой свободе.

Фактор текстоцентричности, вероятно, следует считать самым недооцениваемым в рамках компьютерной культуры. Являясь неотъемлемой частью масс-медиа, компьютерная культура не была аудиовизуальной, поскольку исходно изображение не было её неотъемлемой составляющей. Вероятно, здесь человек проходит ту же эволюцию, что и в процессе перехода от печати к кинематографу. Заслуга печатного слова важна не столько распространением знания, сколько распространением определенных стандартизированных форм мышления; именно печать и насаждаемое ею

линейное мышление способствовали формированию Франции как единой нации [8, С. 17]. Стандарт, который провозглашает логика компьютерного текста, — это стандарт кибертекста, гипертекста, интерактивного текста.

Интерактивный текст, гипертекст не является чем-то радикально новым по отношению к традиционной литературе; он лишь иначе организует ее структуру. Т. Нельсон в 1965 г. писал, что гипертекст — это стратегия организации текстовых фрагментов интуитивным и неформальным способом, со «ссылками» между связанными разделами текста или между связанными частями разных текстов в одной и той же системе поиска [13, Р. 12]. Иначе говоря, гипертекст способствует усваиванию нелинейных, но перекрестных моделей мышления.

Позднее на смену гипертексту пришел кибертекст, который уже значительно более укоренен в логике вычислительной машины и в логику мышления роботизированного человека-гибрида. Хотя норвежский теоретик электронной литературы Э. Орсет настаивает на том, что и кибертекст не является чем-то радикально новым и попадает в сферу интереса классической литературной теории, стоит указать, что он делает это лишь в попытке уйти от фетишизации технологии [13, Р. 18]. В действительности же логику, провозглашающую человека гибридом, можно распространить и на создаваемый им текст.

Первые текстовые компьютерные игры, появившиеся в Соединенных Штатах еще в 1970-е гг., во многом представляли собой запрограммированные головоломки. Однако в 1980-е гг. в этих одиночных текстовых квестах появляется возможность коллективного разгадывания: они становятся многопользовательскими, Multi-User Dungeon (MUD). Более поздние вариации таких игр позволяют пользователям создавать свои собственные текстовые объекты и ландшафты. Это приводит к тому, что участники игры довольно скоро начинают считать себя сообществом, где основной социальной активностью является не соревнование, а общение. «Жизнь в MUD является литературной, опирающейся на чисто текстовые стратегии, и поэтому представляет собой уникальную лабораторию для изучения текстового самовыражения и самосоздания» [13, Р. 13].

В преломлении русскоязычной традиции очевидна та же логика литературной преемственности, однако она не ограничивается только текстовыми играми (среди которых можно вспомнить «Буриме», «Сонетник», «Пекарня лимериков», «Сад расходящихся хокку», «Ренгуру»). Особенность раннероссийской компьютерной культуры заключается в том, что среда русскоязычных пользователей масштабирует литературную логику на феномен интернета как такового и его пространство в целом. Вчерашними советскими гражданами интернет мыслится как продолжение самиздата, при этом используются выражения «электронный самиздат», «вселенский самиздат» и т.п. С содержательной точки зрения основой для общения и объединения русскоговорящих пользователей сети в тот период действительно становятся

перенесенные на дискеты самиздатовские тексты [6, С. 216–220]. Только к концу 1990-х гг., когда технология связи меняется, эпоха Веб 1.0 подходит к концу, и появляется техническая возможность доминирования графического изображения; до тех пор интернет оставался вербальным и мыслится прежде всего как «слово», а носители компьютерной культуры пишут об «окончательной победе литературоцентризма». Смыслы, из которых состоит ранняя сеть, укоренены в национальную культурную традицию. Технологии в данном случае играют роль «машинного» расширения нервной системы человека [8, С. 6].

Таким образом, многомерная и мало изученная российская компьютерная культура 1990-х гг. мало отличалась от компьютерной культуры, активно развивавшейся в это же время в других частях мира. Механизмы, которые предоставляют человеку возможность жить в «вычислительной реальности», одинаковы и различаются лишь в деталях.

Компьютерная культура Российской Федерации являясь правопреемницей поздней советской компьютерной культуры, «вырастает» на ее культурных кодах. Литературоцентристский потенциал во многом был обусловлен позднесоветской неофициальной культурой. Концентрация пользователей вокруг развлекательных текстов впоследствии приводит к тому, что продуцируемая малочисленным сообществом виртуальная реальность все дальше уводит от прежних смыслов и все больше увлекает возможностями цифрового натурализма и «цифровой свободы».

Культура перестает быть преимущественно компьютерной и обретает политическое измерение в его демократической итерации, становясь киберкультурой. Логика сверхскоростей приводит к тому, что стремление к коммуникации трансформирует пространство и время в гомогенную среду. Среду Глобальной Деревни, в которой человек кибернетический и человек архаический во многом одинаково смотрят на мир.

Список литературы:

1. Антипов, М.А. Противоречия киберкультуры: между свободой и хаосом // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2021. — №2 (81). — С. 169–174.
2. Бодрийяр, Ж. Прозрачность Зла. — М.: Добросвет, 2000. — 258 с.
3. Горячкин, Б., Вдовкина, Е. Тенденции развития интернета: принципы и методы перехода к Web 3.0 // E-Scio. — 2023. — №3. — С. 35–44.
4. Дери, М. Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков. — Екатеринбург: Ультра.Культура, 2008. — 478 с.
5. Кастельс, М., Киселева, Э. Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование // Мир России. Социология. Этнология. — 2000. — №1. — С. 23–51.

- 6.Конрадова, Н. Археология русского интернета. Телепатия, телемосты и другие техноутопии холодной войны. — Москва: АСТ: CORPUS, 2021. — 283 с.
- 7.Кузнецов, С. Ощупывающая слона: заметки по истории рус. Интернета. — Москва: Новое лит. обозрение, 2004. — 451 с.
- 8.Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека. — М.: Кучково Поле, 2003. — 464 с.
- 9.Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник/ отв. ред. О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. — СПб.: Алетейя, 2016. — 264 с.
- 10.Сидоров, А. Поль Вирильо: тело, скорость и современное искусство // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — №3. — С. 137–144.
- 11.Сюткина, Е.Н. Архетипические основания рекламных медиатекстов // Медиафилософия VI. Необратимость трансформации. — СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2010. — 128 с.
- 12.Шакиров, А. И., Симкачева, М. В. Онтологические основы киберкультуры в цифровом обществе // Философия и культура. — 2023. — №4. — С. 227–238.
- 13.Aarseth, E. Cybertext : Perspectives on Ergodic Literature. Banimore: Johns Hopkins University Press, 1997. — 216 pp.
- 14.Boellstorff, T. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. — Princeton: Princeton University Press, 2015. — 344 pp.

Бычков Максим Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

SPIN-код: 6710-0521

Bychkov Maxim

Moscow State Linguistic University

БЕЛЬГИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье анализируется теория и практика бельгийского либерализма второй половины XIX в. Сама Бельгия стала «плацдармом» для реализации либеральных идей. С одной стороны, это способствовало экономическому росту, но с другой, осложняло социальное положение широких масс населения. Бельгийские либералы, поставив перед собой задачу создания политической нации, игнорировали объективные особенности бельгийского общества (роль церкви, языковой разнообразие). Общественная практика потребовала от бельгийского либерализма пойти на изменения: от доктринерства к прогрессизму. Однако политика Либеральной партии, реализованная в рассматриваемый период, заложила «бомбы замедленного действия», которые в XX веке – начале XXI века не раз ставила Бельгию на грань распада.

Ключевые слова: Бельгия; доктринерство; либерализм; Либеральная партия Бельгии; прогрессизм; юнионизм.

BELGIAN LIBERALISM IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Summary: The article analyzes the theory and practice of Belgian liberalism in the second half of the 19th century. Belgium itself became a "springboard" for the implementation of liberal ideas. On the one hand, this contributed to economic growth, but on the other hand, it complicated the social situation of the general population. Belgian liberals, who set themselves the task of creating a political nation, ignored the objective features of Belgian society (the role of the church and linguistic diversity). Social practice required Belgian liberalism to make changes: from doctrinairism to progressivism. However, the Liberal Party's policies during this period set off "time bombs" that repeatedly brought Belgium to the brink of collapse in the 20th and early 21st centuries.

Keywords: Belgium; doctrinairism; liberalism; Belgian Liberal Party; progressism; unionism.

Бельгийское государство, возникнув в результате революционных событий 1830 г., стало важной частью европейского региона, его истории и политики. Географическое положение и социально-этнический состав Бельгии определили своеобразие политического и социально-экономического развития

страны. Если 1830 г. стал годом образования Бельгии, то последующие годы стали временем развития её государственности. Последнее было связано с борьбой ведущих политических групп, в процессе которой формировались идеи и модели общественного развития, определялись пути развития бельгийского государства и общества.

Несмотря на важность и событийную насыщенность бельгийской истории XIX в., сложно говорить о сформировавшейся отечественной историографии данного вопроса. Огромный вклад в развитие исторических знаний о Бельгии внесла отечественный историк Намазова А. С., которой была подготовлена фундаментальная монография «Бельгийская революция 1830 года» [2], где были рассмотрены и проанализированы причины, ход и итоги событий, ставших отправной точкой в бельгийской истории. В работах «Бельгия. Исторический опыт: традиции и современность» [3] и «Бельгия. Эволюция государственности в XVIII–XX веках» [4] ею в общих чертах было проанализировано развитие Бельгии в XIX в. Однако главной целью указанных работ являлось исследование развития гражданского общества, а не создание общей картины исторического развития страны в данный период. Таким образом, вполне можно констатировать тот факт, что бельгийская политическая история 1830–1914 гг. не является достаточно изученной.

Огромную роль в развитии страны сыграла либеральная идеология. Сама Бельгия XIX в. стала моделью либерального государства, показав на практике позитивные и негативные стороны этой идеологии, ее возможности и ограничения. Обращение к данной проблематике обусловлено необходимостью как осмысления (переосмысления) современных идеологических течений, имеющих свои корни в идеологиях XIX в., так и создания целостной картины бельгийской истории.

Либеральная идеология распространилась на территории Бельгии (тогда она называлась Южными Нидерландами и входила в состав Австрийской империи) в конце XVIII в. под влиянием философии французского Просвещения и Великой французской революции. С одной стороны, это было связано с франкоязычностью региона, а с другой стороны, этому способствовало французское завоевание в годы революционных войн Франции и Наполеоновских войн. По решению Венского конгресса 1814–1815 гг. Южные Нидерланды вошли в состав Нидерландского королевства. Политика нидерландского короля Вильгельма I и его правительства игнорировала объективные интересы жителей южной части королевства. В частности, установление государственного статуса нидерландского языка входило в противоречие с франкоязычностью жителей Южных Нидерландов. Кроме того, нидерландское правительство старалось решить свои экономические проблемы за счет Южных Нидерландов, переложив на них выплату государственного долга. При этом жители региона не получали соответствующего права на парламентское представительство. Эти обстоятельства способствовали росту оппозиционных настроений в Южных Нидерландах. Однако оппозиционный

лагерь был сильно разделен на два направления: либеральное и католическое. Либеральная оппозиция выступала против консервативной политики нидерландского правительства, за предоставление франкоязычным жителям королевства полноты политических и социально-экономических прав и свобод. Католическая оппозиция сконцентрировала внимание на религиозной проблематике. Хотя королевское правительство проводило светскую политику, но антикатолический уклон в ней был довольно сильным. Это не могло не вызывать недовольство католического духовенства и мирян. Эти обстоятельства привели к тому, что в 1828 г. либералы и католики объединились в единую оппозиционную группу. Методом борьбы они избрали политическую борьбу и церковную проповедь. Но это был «брак по расчету», поэтому стабильным он быть не мог.

Социально-экономические и политические процессы, протекавшие в стране, под влиянием Февральской революции 1830 г. во Франции обострили положение, усилили влияние оппозиции. В конце концов, это привело к революционным событиям в Брюсселе и образованию независимого Бельгийского государства. К власти в своем большинстве пришли сторонники либеральных идей, что создало условия для их реализации в общественной практике. Однако это означало изменение отношения с католической элитой нового государства. Естественно, что и либералы, и католики после образования независимой Бельгии по-разному представляли ее будущее и предлагали свою модель общественного развития.

Первоначально, когда политические и социально-экономические контуры бельгийской государственности только определялись, союз между либералами и католиками сохранялся. Этот период датируется с 1830 по 1847 гг. Он получил название «юнионизм». Авторы коллективной монографии «Либерализм в Бельгии. Двести лет истории» разделяют эпоху «юнионизма» на два периода: первый период (1830–1839) характеризуется стабильными отношениями между ведущими политическими группами; второй период (1839–1847) стал временем его кризиса и распада [7, р. 40]. Однако «юнионизм» всегда носил относительный характер. Уже при рассмотрении вопроса о государственном устройстве Бельгии, формировании текста конституции уже между политическими группами возникли ожесточенные споры. Главным камнем преткновения стал вопрос о роли церкви в государстве и обществе. Католики, естественно, стремились сохранить государственный статус католической церкви, контроль над системой образования, над сферой брачно-семейных отношений. Бельгийские либералы, стоявшие на деистических позициях, основывающиеся на философии Фелисите Робер де Ламенне, выступали под лозунгом «Свободная церковь в свободном государстве» (*L'église libre dans l'état libre*). Таким образом, спор между ними обретал не только политический, но и мировоззренческий характер, что определяло его ожесточенный характер. Однако эти противоречия не разрывали «юнионизм» по причине внешнеполитического характера. Под последним имеется в виду

бельгийско-нидерландская война 1831–1833 гг. Ее причина заключается в непризнании нидерландским политическим руководством итогов Бельгийской революции 1830 г. И хотя военные действия завершились в 1833 г., Нидерланды признали Бельгию независимым государством только в 1839 г. Улучшение внешнеполитической ситуации для страны привело к ослаблению «юнионизма» и к его распаду в 1847 г. Это означает, что «юнионизм» носил исключительно временный, тактический характер.

14 июня 1846 г. была образована Либеральная партия. Учредительный партийный конгресс состоялся в здании брюссельской ратуше. Собрание рассмотрело и приняло партийную программу, подготовленную льежскими либералами.

Парламентские выборы 8 июня 1847 г. ввели Либеральную партию в политическую жизнь и завершили эпоху «юнионизма». Однако следует учитывать, что бельгийский либерализм не представлял собой монолит, и кроме Либеральной партии действовали многочисленные общественно-политические движения либеральной направленности. Либералы находились у власти с 1847 до 1884 гг. с небольшими перерывами 1852–1857 гг. и с 1870–1878 гг.

Сторонниками Либеральной партии в основном были промышленная и торговая буржуазия, а также часть интеллигенции и жителей городов. Географически центром влияния либералов был Брюссель.

Важным моментом в бельгийской истории Нового времени стал 1848 год. Ему предшествовал недород картофеля и зерновых в 1845–1847 г., экономический и финансовый кризис 1847 г. Начавшаяся в феврале 1848 г. революция во Франции грозила перекинуться на территорию Бельгии. В стране усилился полицейский контроль, развернулись репрессии против республиканцев, армия была мобилизована. Хотя революционных событий в стране не произошло, однако страх правящих кругов перед ними оказался таким сильным, что определил политическое и социально-экономическое развитие страны во второй половине XIX в. Этот период становится временем господства экономического либерализма. Его результаты были неоднозначными. Благодаря мероприятиям, проведенным либеральными правительствами, совершается резкий прорыв в экономической сфере: развитие новых отраслей промышленного производства, укрепление банковской сферы, инвестирование в экономику других государств и привлечение иностранных инвестиций, развитие предпринимательства. В результате к началу XX в. Бельгия, несмотря на свои скромные размеры, заняла важное положение в экономике европейского региона.

Однако экономические достижения страны сопровождались ростом социальных проблем, т.к. политика экономического либерализма отрицала социальные функции государства и ориентировалась на интересы зажиточных и экономически активных слоев населения. В свою очередь, это обостряло социальные противоречия в Бельгии, что не могло не оказать влияние на

бельгийский либерализм, в котором сформировались два главных направления: доктринерство и прогрессизм. Доктринерство выступало за идеи классического либерализма (государство как «ночной сторож», свободный рынок). Прогрессизм представлял собой бельгийский вариант социального либерализма (социальное государство, государственное регулирование экономики). Формирование этих фракций Либеральной партии приходится на 1858 г., когда прогрессисты смогли получить места в парламенте. Политическое противостояние между доктринерами (во главе с Вальтером Фрер-Орбаном (Walthère Frère-Orban) и прогрессистами (во главе с Полем Жансоном (Paul Janson) и Эдмондом Писаром (Edmond Picard)) шло по вопросу о реализации социальных функций государства и о расширении избирательных прав населения страны. Однако на базе антиклерикализма эти группы объединялись.

Разное понимание направления государственного развития либералами и католиками осложняло отношения между ними. Дальнейшему осложнению способствовало провозглашение во Франции Третьей республики в 1870 г.

Либерализм приобретает все более рационалистический и антиклерикальный характер. Антиклерикализм стал одним из центральных направлений во внутренней и внешней политике либеральных правительств. Католичество объявлялось им «препятствием для прогресса», «заблуждением, которое должно быть уничтожено любой ценой» [8, р. 30]. В свою очередь ситуация накалялась и с католической стороны, которая стремилась защитить свои интересы. Еще в декабре 1864 г. вышла энциклика Римского папы Пия IX «*Quanta cura*», где резко осуждению подвергся не только либерализм, но и либеральные тенденции в самой церкви. В результате антиклерикализму либералов противостоял ультрамонтанизм католиков. Практическим выражением этого противоборства стали «школьные войны» (1879–1884) и разрыв отношений со Святым престолом в 1880 г. «Школьные войны» представляли собой споры между либералами и католиками о характере системы образования. Если первые выступали за светскость, то вторые защищали идею религиозного образования. С одной стороны, этот конфликт выражался в парламентских дебатах о статье 24 конституции страны, где закреплялся светский характер образования [1, с. 111–112], с другой стороны, он «выходил на улицы», отражаясь в росте социальной напряженности в обществе.

Другими направлениями в политике бельгийских либералов стали политика централизации и языковая политика.

Политика централизации преследовала цель укрепления политической системы страны и осуществлялась путем усиления центральной власти и лишения самостоятельности отдельных регионов Бельгии, в том числе полученных в эпоху Средневековья.

Языковая политика выразилась в закреплении за французским языком статуса единственного государственного языка. Это означало установление языковой дискриминации в отношении нидерландоязычного населения

Бельгии. Исторически для Южных Нидерландов было характерно распространение двух языков: французского и фламандского (нидерландского) (без учета диалектов того и другого). Но постепенно французский, распространяясь на север, стал вытеснять нидерландский. Конечно, это происходило под влиянием Франции. Войны революционной Франции и Наполеоновские войны, естественно, усиливали процесс офранцуживания региона. Однако даже после образования Бельгии большинство ее населения говорило по-нидерландски. Несмотря на это, либералы пошли на этот шаг. Это было связано с тем, что французский язык, по их мнению, был языком свободы и прогресса, языком философии Просвещения. А также он был языком, на котором они говорили сами. Исключительное использование в системе государственного управления и судопроизводства французского языка фактически выбрасывало из нормальной жизни большинство населения страны. Языковая дискриминация оборачивалась дискриминацией более широкого масштаба. Языковую политику либералов можно рассматривать как продолжение их антиклерикализма, т. к. нидерландоязычное население Бельгии было религиозным, в их среде католическая церковь имела мощные позиции. Соответственно офранцуживание всей территории страны должно было лишить церковь социальной базы.

Языковая дискриминация большинства населения Бельгии стала очагом самого сильного социального напряжения, определившего дальнейшее историческое развитие страны.

В 1840 г. представители фламандской (нидерландоязычной) интеллигенции подписали петицию о введении двуязычия в нидерландогворящей Фландрии (северная часть Бельгии), о предоставлении фламандскому (нидерландскому) языку статуса второго официального языка страны, его использовании в сферах управления, судопроизводства и образования. 6 сентября 1847 г. в Генте был опубликован документ «Фламандское движение. Декларация основополагающих принципов, изложенных для соотечественников защитниками прав нижненемецкого народа». Он был основан на положениях петиции 1840 г., но существенно расширял список прежних требований. В частности, авторы декларации требовали государственной поддержки фламандского книгоиздания и фламандоязычных (нидерландоязычных) учреждений культуры и образования [6, р. 142–143]. Реакции правящих кругов на это не последовало. В 1856 г. была сформирована комиссия с целью изучения состояния фламандских провинций страны. Через три года по результатам ее работы был опубликован доклад с настоятельной рекомендацией отказаться от языковой дискриминации и ввести двуязычие во Фландрии. Правительство отвергло его и распустило комиссию, обвинив ее в нарушении полномочий. Требования, соответствующие интересам большинства жителей Бельгии, остались без внимания. Несмотря на это, в стране развивалось фламандское движение. Оно, зародившись в среде фламандской интеллигенции (писатели, поэты, филологи, историки), выступало

за сохранение и эмансипацию фламандского (нидерландского) языка и первоначально представляло собой культурное движение. Но вскоре оно приобрело массовый социальный характер. Союзником фламандского движения стало католическое духовенство. Оно, будучи недовольным антиклерикальной политикой либералов, активно сопротивлялось офранцуживанию Фландрии. В период с 1870 по 1878 гг., а также с 1887 по 1914 гг., когда у руководства страной находились католики, были приняты законы (1883, 1888, 1890, 1914), разрешившие использование фламандского (нидерландского) языка в сфере управления, судопроизводства и образования на территории Фландрии. В 1897 г. на всей территории Бельгии в качестве государственных признавались два языка: французский и фламандский [5, р. 234–235]. Но билингвизм оказался формальным: во Фландрии использовались два языка, в Валлонии (южной части Бельгии) – только один (французский). Одновременно продолжалось вытеснение фламандского языка французским с территории Фландрии. Политический характер языковой проблемы способствовал политизации фламандского движения.

Тем временем в либеральной среде между группами доктринеров и прогрессистов назревал конфликт. Прогрессисты, указывая на рост политической активности широких масс населения, особенно рабочих, а также на рост популярности социалистических и коммунистических идей в бельгийском обществе, требовали пересмотра политики Либеральной партии в сторону создания социального государства и расширения избирательных прав. В результате в мае 1887 г. прогрессисты создали собственную Прогрессивную партию. Просуществовала она до 1900 г., когда она ее члены вернулись в Либеральную партию, которая к началу XX в. пошла на определенные уступки в расширении избирательных прав жителей Бельгии, в усилении государственного регулирования экономики и социальной сферы, а также в языковом вопросе.

Проведя анализ бельгийского либерализма второй половины XIX в., можно сделать следующий вывод. Бельгийский либерализм находился под влиянием французского, поэтому события во Франции определяли его развитие. Сама Бельгия стала «плацдармом» для реализации либеральных идей. С одной стороны, это способствовало экономическому росту, но с другой, усложняло социальное положение широких масс населения. Бельгийские либералы, поставив перед собой задачу создания политической нации, игнорировали объективные особенности бельгийского общества (роль церкви, языковое разнообразие). Общественная практика потребовала от бельгийского либерализма пойти на изменения: от доктринерства к прогрессизму. Однако политика Либеральной партии, реализованная в рассматриваемый период, заложила «бомбы замедленного действия», которые на рубеже XX – XXI вв. не раз ставила Бельгию на грань распада.

Список литературы:

1. Конституции государств Европейского Союза // Под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 816 с.
2. Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 года. – М.: Наука, 1979. – 206 с.
3. Намазова А.С. Бельгия. Исторический опыт: традиции и современность. Курс лекций. – М.: ИВИ РАН, 2001. – 174 с.
4. Намазова А.С. Бельгия. Эволюция государственности в XVIII–XX веках. – М.: Наука, 2008. – 391 с.
5. Genicot L., Ruvet J., Lefevre J. Histoire de la Belgique. – Bruxelles: Ed. de l'Université de Bruxelles, 1962. – 271 p.
6. Mabillet X. Histoire politique de la Belgique. – Bruxelles: Ed. de l'Université de Bruxelles, 1986. – 396 p.
7. Le libéralisme en Belgique. Deux cents ans d'histoire / Sous la direction scientifique de Hervé Hasquin et Adrian Verhulst. – Bruxelles: Centre Paul Hymans, 1989. – 425 p.
8. Verkade W. Democratic parties in the Low countries and Germany. Origins and historical development. – Leiden: Univ. pers Leiden, 1965. – 331 p.

Василевский Пантелеймон Владиславович

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

SPIN-код: 2260-1184

Vasilevskiy Pantaleymon

Lomonosov Moscow State University

СМЫСЛ СОЧИНЕНИЯ КАНТА «ВСЕОБЩАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ НЕБА»

Аннотация: Статья посвящена философскому анализу сочинения Иммануила Канта «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755). Рассматривается место этого произведения в системе докритической философии Канта и его значение для формирования диалектического взгляда на природу. Анализируется небулярная космогоническая гипотеза Канта и её методологические основания, опирающиеся на принципы ньютоновской механики. Особое внимание уделяется проблеме соотношения механицизма и телеологии в тексте, а также вопросу о границах натурфилософского объяснения и месте Бога в системе мироздания. Показывается, что данное сочинение представляет собой не только натурфилософский, но и глубоко метафизический трактат, предвосхищающий ключевые проблемы критической философии Канта.

Ключевые слова: Кант, «Всеобщая естественная история и теория неба», небулярная гипотеза, докритическая философия, космогония, механицизм, телеология.

THE MEANING OF KANT'S WORK «UNIVERSAL NATURAL HISTORY AND THEORY OF THE HEAVENS»

Summary: The article is devoted to the philosophical analysis of Immanuel Kant's work Universal Natural History and Theory of the Heavens (1755). The place of this treatise within Kant's pre-critical philosophy and its significance for the formation of a dialectical view of nature are examined. The paper analyses Kant's nebular cosmogonic hypothesis and its methodological foundations based on the principles of Newtonian mechanics. Special attention is paid to the problem of the relationship between mechanism and teleology, as well as the question of the limits of natural-philosophical explanation and the role of God in the system of the universe. It is shown that this work represents not only a natural-philosophical but also a deeply metaphysical treatise that anticipates key problems of Kant's critical philosophy.

Keywords: Kant, Universal Natural History and Theory of the Heavens, nebular hypothesis, pre-critical philosophy, cosmogony, mechanism, teleology.

В 1755 году в Кёнигсберге была анонимно опубликована работа Иммануила Канта, полное название которой звучит следующим образом: «Всеобщая естественная история и теория неба, или Исследование о составе и механическом происхождении всего мироздания, построенное на основе принципов Ньютона» (*Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels*). Это сочинение, написанное тогда ещё молодым домашним учителем, до 1791 года оставалось практически неизвестным [1, с. 115–116]. Тем не менее, именно в нём были заложены фундаментальные идеи, определившие дальнейший ход не только философской, но и научной мысли. По справедливому замечанию Ф. Энгельса, «вопрос о первом толчке был здесь устранён; земля и вся солнечная система предстали как нечто ставшее во времени» [2, с. 8].

Значение этого труда в истории философии невозможно переоценить. Это не просто натурфилософское сочинение, предлагающее конкретную космогоническую гипотезу, но глубокий метафизический текст, в котором ставятся фундаментальные вопросы о природе материи, закономерности космического порядка, соотношении механицизма и телеологии, а также о месте Бога и человека во Вселенной. Целью настоящей статьи является философская экспликация смысла этого сочинения, рассмотренного в контексте общей эволюции кантовской мысли.

«Всеобщая естественная история и теория неба» принадлежит к так называемому докритическому периоду творчества Канта, который продолжался до начала 1770-х годов [3, с. 245]. В этот период Кант ещё не выработал характерного для более поздних работ принципа «критики» познавательных способностей; его мышление было ориентировано преимущественно на натурфилософские проблемы и находилось под влиянием ньютоновской физики и вольфианской метафизики.

Сочинение было написано под впечатлением от рецензии на работу Томаса Райта «Оригинальная теория, или Новая гипотеза Вселенной» (1750), а также под влиянием идей Пьера Луи де Мопертюи и наблюдений Эдмунда Галлея [4]. Кант стремился продолжить и завершить дело Ньютона: если ньютоновская механика объясняет существующее устройство Солнечной системы, то Кант поставил задачу объяснить её происхождение из тех же законов. Как писал сам Кант: «Дайте мне материю, и я покажу вам, как из неё должен возникнуть мир» [1, с. 126].

Принципиально важно, что Кант противопоставил свою теорию как гипотезе Бюффона, основанной на случайном столкновении небесных тел, так и учениям Эпикура и Лукреция, выводившим мировой порядок из слепой случайности. Кант подчёркивает: «Я не буду отрицать, что теория Лукреция или его предшественников Эпикура, Левкиппа и Демокрита во многом сходна с моей», однако «между ними всё же имеется существенное различие, которое позволяет сделать из нашей теории прямо противоположные выводы» [1, с. 120–121]. Это различие состоит в том, что порядок Вселенной, по Канту,

возникает не случайно, а необходимо вытекает из естественных свойств материи.

Ядро сочинения составляет так называемая небулярная гипотеза — космогоническая теория, объясняющая формирование Солнечной системы из первоначально рассеянной в пространстве материи. Кант полагал, что «вся материя, из которой состоят небесные тела нашей Солнечной системы... была в начале всех вещей разложена на свои элементарные составляющие, заполняющие всё мировое пространство» [1, с. 153]. Материя в этом первоначальном состоянии хаоса обладала двумя фундаментальными свойствами: силой притяжения (тяготения) и силой отталкивания.

Механизм формирования мира, по Канту, состоит в следующем: более массивные сгущения вещества начинают притягивать к себе окружающие частицы, образуя центры гравитации. Благодаря взаимодействию сил притяжения и отталкивания частицы приобретают боковые движения, которые преобразуются в круговые орбиты. Так возникают вихри, из которых формируются планеты и их спутники [1, с. 155–159]. Кант подчёркивает: «Материя с самого начала стремится к формированию» [1, с. 155]. Это положение принципиально важно: материя не инертна, она содержит в себе внутренний источник развития.

Небулярная гипотеза объясняла целый ряд наблюдаемых особенностей Солнечной системы: близкие к круговым и расположенные в одной плоскости орбиты планет, вращение планет в направлении вращения Солнца, образование спутников [5]. Эта гипотеза получила впоследствии широкое признание и была независимо развита Лапласом, хотя космогония Канта, как отмечают современные исследователи, в ряде аспектов ближе к современным представлениям, чем теория Лапласа [4].

Одной из центральных философских проблем сочинения является вопрос о соотношении механического объяснения природы и телеологического понимания мира. Кант последовательно проводит мысль о том, что мировой порядок может быть объяснён исключительно механическими законами, без апелляции к непосредственному божественному вмешательству. Он формулирует это следующим образом: «Мир имеет источником своего устройства механическое развитие по всеобщим законам природы» [1, с. 225–226].

Вместе с тем Кант не является атеистом и не отрицает существования Бога. Напротив, он выстраивает оригинальную аргументацию: именно закономерность и гармония природы, рождающаяся из механических причин, свидетельствует о божественном замысле. Как пишет Кант: «Природа, будучи предоставлена своим собственным силам, даже в состоянии хаоса проявляет свои богатые возможности, а следующее за этим развитие являет столь прекрасные связи и согласия для общей пользы творения, что... они с полной достоверностью свидетельствуют о том великом бытии, в котором они в своей взаимной зависимости соединяются в общую гармонию» [1, с. 184].

Таким образом, Бог у Канта выступает творцом материи и её свойств, но не непосредственным устройщиком каждого конкретного явления. Если бы мы отнесли всякий порядок природы к непосредственной воле Бога, «тогда уже не будет никакой природы и только Бог будет неожиданно и сразу производить все изменения в мире» [1, с. 223–224]. Кант, таким образом, обосновывает автономию природы и закономерность её развития, что является важным шагом в развитии философской мысли от теологического провиденциализма к научному мировоззрению. В этом контексте примечательна оговорка Канта о том, что естественнонаучное объяснение, при всей его мощи, не может объяснить «возникновение одной только былинки или гусеницы» [1, с. 127] — положение, которое предвосхищает проблематику «Критики способности суждения».

Одним из наиболее впечатляющих аспектов кантовского трактата является грандиозная космологическая картина бесконечной Вселенной. Кант распространяет принцип формирования, действующий в Солнечной системе, на всю видимую Вселенную и далее. По его мысли, все неподвижные звёзды образуют единую систему — Млечный Путь, организованную по тому же принципу, что и Солнечная система, а за пределами Млечного Пути существуют другие аналогичные системы — «иные млечные пути» [1, с. 199]. Эта догадка Канта, опередившая своё время на столетия, предвосхитила открытие галактик.

Особого внимания заслуживает диалектическое учение Канта о творении и гибели миров. Кант утверждает: «Творение никогда не кончается. Оно, правда, однажды началось, но оно никогда не прекратится» [1, с. 205–206]. Одновременно миры подвержены неизбежному разрушению: «Раньше всех гибнут те небесные тела, которые находятся ближе всего к центру Вселенной» [1, с. 211]. Однако из хаоса разрушенных миров рождаются новые: «И тогда через всю бесконечность времён и пространств мы следим за фениксом природы, который лишь затем сжигает себя, чтобы вновь возродиться юным из своего пепла» [1, с. 212–213]. Эта идея циклического обновления Вселенной демонстрирует глубоко диалектический характер кантовского мышления.

Третья часть сочинения содержит размышления, выходящие далеко за пределы натурфилософии и затрагивающие антропологическую проблематику. Кант рассматривает человека как существо, способности которого определяются грубостью телесной материи: «Нервы и жидкости мозга человека доставляют ему лишь грубые и неясные понятия» [1, с. 247]. Эта зависимость духовных способностей от материальных условий предвосхищает позднейшую кантовскую проблематику соотношения чувственности и рассудка.

Кант размышляет о возможности существования разумных обитателей на других планетах и выдвигает гипотезу о том, что совершенство разумных существ возрастает пропорционально удалённости их планеты от Солнца [1, с. 257]. Хотя эта спекуляция носит умозрительный характер, она свидетельствует о стремлении Канта мыслить человека в космическом масштабе, преодолевая

антропоцентризм. Характерно, что Кант завершает трактат возвышенным пассажем о переживании звёздного неба: «При всеобщем безмолвии природы и спокойных чувствах заговорит тогда скрытая познавательная способность бессмертного духа на неизъяснимом языке» [1, с. 260] — образ, который перекликается с заключительными строками «Критики практического разума» о «звёздном небе надо мной и моральном законе во мне».

«Всеобщая естественная история и теория неба» занимает особое место в эволюции кантовской мысли. С одной стороны, это произведение целиком принадлежит докритическому периоду и основано на уверенности в способности разума познавать мир «как он есть» [3, с. 245]. С другой стороны, в нём уже содержатся зародыши проблем, которые приведут Канта к критической философии: проблема границ научного объяснения (признание того, что механика не может объяснить жизнь), проблема соотношения механизма и целесообразности, проблема бесконечности мира.

Как отмечает М. Шёнфельд, все ранние работы Канта представляли собой единый проект примирения метафизических и научных перспектив и их объединения в когерентную модель природы [6, с. 5–7]. «Всеобщая естественная история» является кульминацией этого проекта: в ней Кант наиболее масштабно и последовательно реализует стремление вывести всё многообразие природных явлений из единого механического закона, одновременно сохраняя метафизическую перспективу, связывающую природу с божественным первоначалом.

Космогоническая гипотеза Канта продемонстрировала научную значимость исторического воззрения на природу [3, с. 245]. До Канта в естествознании и философии XVIII века господствовало представление о том, что природа не имеет истории, что она всегда была такой, какова она сейчас [7, с. 25]. Кант, доказав обратное, открыл перспективу для диалектических идей, оказавших впоследствии влияние на натурфилософию Шеллинга и Гегеля.

Таким образом, смысл сочинения Канта «Всеобщая естественная история и теория неба» далеко выходит за рамки натурфилософской гипотезы о происхождении Солнечной системы. Это произведение представляет собой грандиозную попытку философского осмысления природы как самостоятельной, закономерно развивающейся целостности, в которой механический порядок и целесообразность не противоречат друг другу, а взаимно подтверждают существование единого основания бытия. Кантовский трактат 1755 года остаётся одним из ключевых текстов в истории западной метафизики, натурфилософии и космологии.

Список литературы:

1. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Сочинения в 8 т. Т. 1 / Под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. С. 113–260.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1955. 328 с.

- 3.Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 2 / Гл. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1962. 576 с.
- 4.Universal Natural History and Theory of the Heavens // Wikipedia, The Free Encyclopedia. - URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Universal_Natural_History_and_Theory_of_the_Heavens (дата обращения: 01.03.2026).
- 5.Небулярная гипотеза // Википедия. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Небулярная_гипотеза (дата обращения: 01.03.2026).
- 6.Schönfeld M. The Philosophy of the Young Kant: The Precritical Project. New York: Oxford University Press, 2000. 348 p.
- 7.Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Наука, 1973. 534 с.
- 8.Гулыга А. В. Кант. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 280 с.
- 9.Кант И. Критика практического разума // Сочинения в 8 т. Т. 4 / Под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. С. 373–480.
- 10.Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010. - URL: <https://iphras.ru/elib/1361.html> (дата обращения: 01.03.2026).

Ватолина Юлия Владимировна

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9168-6553

Yulia Vatolina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СИМВОЛИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Аннотация: Статья посвящена погребальному обряду как древнейшему в истории существования человеческой общности и потому чрезвычайно важному для понимания самих оснований человеческого бытия и культуры. Сценарий этого обряда является универсальным для различных культур, однако в данном случае его анализ осуществляется на материале славянской культуры. Если сценарий мифа предлагает интерпретацию смерти как пути и преобразования, то погребальный обряд представляет собой драматическое действие, прямо разыгрывающее эту модель. Определяется, что ядро погребального обряда — персонализированное взаимодействие «жизни» и «смерти» с последующим разделением этих сфер. Автор выявляет антропологический смысл погребального обряда, который состоит в символическом проживании смерти его участниками, которое связывает их здесь-бытие с радикально Иным, священным и возвышает его над повседневностью.

Ключевые слова: ритуал, модель пути, погребальный обряд, жизнь, смерть, иное-чужое, жертва.

THE SYMBOLIC STRATEGY OF THE FUNERAL CIRCLE (ON THE MATERIAL OF SLAVIC CULTURE)

Summary: The article is devoted to the funeral rite as the oldest in the history of the existence of the human community and therefore extremely important for the understanding of the very foundations of human existence and culture. The scenario of this ceremony is universal for various cultures, however, in this case, its analysis is based on the material of Slavic culture. If the script of the myth offers an interpretation of death as death and transfiguration, then the funeral rite represents a dramatic action that directly plays out this model. It is determined that the core of the funeral rite is the personalized interaction of "life" and "death" with the subsequent division of these spheres. The author reveals the anthropological meaning of the funeral rite, which consists in the symbolic reliving of death by its participants, which connects their existence here with the radically Other, the sacred, and elevates it above everyday life.

Keywords: ritual, funeral rite, life, death, model of decay, other-alien, sacrifice.

Исследование древнейшей погребальной обрядности и того «круга представлений, которые она выражает (смерть, жизнь, бессмертие, душа, доля, предки, «тот» и «этот» свет)» [8, с. 17], обладает непреходящей значимостью, приближая к самым основаниям человеческого бытия и культуры. Как замечает О. А. Седакова, особую роль погребальная и поминальная обрядность имеет у славянских народов, причем «устойчивость ее такова, что у писателей XIX-XX вв., одаренных мифологическим вкусом, мотивы смерти, умерших, загробного мира возникают с удивительной этнографической точностью, во всей своей первобытной детальности. Стоит вспомнить не только хрестоматийный в этом отношении гоголевский “Вий”, но и его “реалистические” “Мертвые души”, которые так же, как и пушкинский “Гробовщик”, содержат в себе то особое переживание связи с миром умерших, которое мы склонны считать отличительной чертой славянской народной культуры. Или же в XX в., поэтическую мифологию Велимира Хлебникова, Андрея Платонова, Николая Заболоцкого, в которой дышит та же стихия: вселенная пронизана умершими, родными и чужими» [8, с. 17–18].

В целом особенностью ритуального поведения является то, что оно осуществляется в «своем», вполне реальном «мире», но при этом обращено к «иному», священному. Именно поэтому ритуал требует топоса, конкретного и символического одновременно, где, наряду с пространственными, имеют место непространственные — семиотические, ценностные и прочие отношения [7, с. 64]. А. К. Байбурин, обращаясь к ритуалу в традиционной культуре, подчеркивает происходящую в нем «семиотизацию мира»: «Человек и все, что его окружает (постройки, утварь, элементы ландшафта), приобретают статус знаковых объектов. Происходит семиотическое удвоение мира, точнее переключение с одного вида реальности на другой, основным признаком которого является знаковость [1, с. 201–202]. По сути, ритуал представляет собой драматическое действие, метафизическую игру, которая как бы «выносит за скобки» преданности социальных и жизненных миров, осуществляясь в особом пространстве–времени. В ее хронотопе действуют собственные законы и правила, вещи наделяются иными смыслами, нежели в контексте своего обыденного использования. Определенные преобразования претерпевают и участники ритуала: в пространстве культа действуют не обычные люди, а их двойники — символические персоны, позы и жесты которых приобретают семиотическую глубину, сказанные слова наделяются особой значимостью.

«Семиотическое напыление» на действительность присуще и погребальному обряду, разворачивающемуся вокруг оппозиций жизни и смерти, «своего» и «иного-чужого». По сути, обряд погребения является символизацией перехода в другой «мир» или, как выражается О. А. Седакова, «прямо разыгранной “моделью пути”» из «своего мира» в «мир иной» [8, с. 77].

Жилище, дом символизирует в обряде «центральный локус жизни» [8, с. 73]. Кладбище, погост, могила «изначально несут в себе семантику выделенного, ограниченного и ритуально узаконенного места смерти» [8, с. 75], но также представляют собой новый «дом» для умершего. В обряде их дублирует гроб, «однако гроб выполняет и другую, не менее важную функцию — “транспорта”, прежде всего водного (“ладьи”), символизирующего перемещение в иной мир» [8, с. 76]. С другой стороны, считается, что могила представляет собой врата в мир иной. В сопровождении погребальной процессии умерший преодолевает лишь часть пути на «тот свет», тогда как остальное расстояние он должен преодолеть самостоятельно. Именно поэтому у многих народов существует обычай оставлять на могиле средство для дальнейшего передвижения покойного: перевернутые сани; колоду, символизирующую ладью; лошадь, принесенную в жертву и т. д.

Дороге на кладбище как кульминации погребального обряда предшествуют определенные ритуальные действия, необходимые для окончательного преобразования «живого» в «мертвого», его отделения от мира людей. Прежде всего, покойному закрывают глаза, так как взгляд из чужого, сакрального мира, невыносим для живых и опасен для них. Кроме того, «это действие, несомненно, связано также с представлениями о слепоте мертвых, что в свою очередь соотносится с мотивами темноты загробного мира, невидимости как отличительного признака смерти (ср. также невидимость души)» [1, с. 106]. Тело умершего омывается, что обеспечивает «уничтожение признаков, качеств, свойственных живым людям (того, что в сказке описывается словами “русским духом пахнет” — т. е. живым человеком)» [1, с. 107]. А. К. Байбурин характеризует омовение как ритуал, направленный на «“натурализацию” человека, своего рода возвращение к исходному, “природному” состоянию до-жизни» [1, с. 107]. По мнению исследователя, «полное отождествление с этим состоянием предполагает разделение, расчленение человека на те элементы или части, из которых он был создан во время Творения» [1, с. 107]; эта идея расчленения тела коррелирует с идеей его собирания, «составления целого», обретающей ритуальное воплощение в прибережении на протяжении жизни волос, ногтей, зубов, отрубленных пальцев, суставов и проч., которые затем кладутся в гроб. После избавления умершего от всего, обнаруживающего его принадлежность к области жизни, его переодевают в одежду, подчеркивающую инаковость: постиранную (очищенную от всего «здесьнего»), новую или специально сшитую. В некоторых районах России (например, в Саратовской и Костромской губерниях) одежду для умершего «шили без узлов, “на живую нитку”, при этом иголку держали “от себя” (к покойнику) и даже левой рукой, иначе “он будет по ночам приходить и уводить с собой людей, у которых так же сшита одежда”» [1, с. 108]. После всех перечисленных процедур покойного укладывают «спать», придавая ему нетипичное для повседневности положение

в пространстве: например, у русских кладут ногами к выходу, иногда — ногами к образам (староверы великорусских губерний).

Непреложным правилом погребального обряда является то, что «в то время как мертвый “спит” (ср. усопший), живые должны бдеть. В Закарпатье молодежь устраивает игры, “жартует с трупом”¹; старики играют в карты, дерутся, ругаются. В Карелии был распространен обычай “веселить покойника”» [1, с. 110]. В наиболее архаической версии обряда демонстрация «жизни» при покойном принимала характер оргии, подобной той, что описана в «Книге Ахмеда Ибн-Фадлана, посла аль-Муктагира к царю славян», ставшего свидетелем погребения одного из «знатных [русских. — Ю. В.] мужей». По наблюдениям арабского путешественника, между смертью усопшего и его сожжением на корабле проходит 10 дней, необходимых для пошива богатой «смертной одежды». Все эти 10 дней участники обряда играют на «сазе», сочетаются с женщинами (в том числе, с девушкой, предназначенной для сожжения вместе со своим умершим «господином») и «всецело предаваясь набиду, пьют его ночью и днем, (так что) иногда один из них (кто-либо из них) умирает, держа чашу в своей руке» [5, с. 81]. С антропологической точки зрения интерес представляет, что в обряде, описанном Ибн-Фадланом, «...мертвец прямо включается во все ритуальные акты, предшествующие сожжению тела; пир, оргию, военные игры. При этом его роль в погребальной мистерии не только пассивна (он зритель собственно чествования), но и активна — тогда, когда роль некоторых участников обряда состоит в замещении покойного [8, с. 100–101].

На самом деле, подобное замещение умершего кем-либо из живых — неотъемлемая часть погребального обряда в его основаниях. Например, у славянских народов существуют игры, «композиционной основой» которых является «разделение собравшихся на две группы» и «диалог между ними, имеющий словесное или чисто действенное выражение» [8, с. 100]. О. А. Седакова описывает одну из таких игр — игру «бога и черта»: «...противопоставление боговых и чертовых (группы играющих) параллельно оппозиции пространство хаты / пространство сеней: “те, кто в хате — богovy, в сенях — чертовy”. За таким разделением играющих следует контакт противоположных групп и перераспределение игроков: “сбегаются богovy и чертовy и тянут друг друга за руки — кто кого перетянет”. В абстрагированной игровой схеме предстает вся драматическая основа обряда: разделение всех его участников на партию “живых” и партию “мертвых”; пространства — на “пространство жизни” и “пространство смерти”; моделирование встречи этих двух сфер с последующим переходом покойного в “сферу смерти” и закреплением живых в “сфере жизни”» [8, с. 106]. Таким образом, по сути, участники погребального обряда принимают на себя смерть, символически проживают ее вместе с умершим; в частности, проходя вместе с ним часть пути в мир иной в качестве провожатых.

¹ То есть «шутит» с ним.

Окончательное отделение умершего от живых происходит при погребении. Предание покойного огню, воде, его захоронение или подвешивание на дереве «служит восстановлению однородности мира: мертвые остаются среди мертвых, а живые — среди живых. Однако последствия “вторжения” смерти в мир живых ощущаются еще долго, и участники ритуала прилагают усилия для их нейтрализации» [1, с. 116]. Например, в Костромской губернии после похорон избегали заезжать в чужие деревни, опасаясь, что это навлечет болезнь скота. По возвращении домой делали уборку, стирали постельное белье покойного и мылись в бане. Во Владимирской губернии путь с кладбища мог обставляться как «антипуть»: участники похорон выходили с кладбища задом и задом же выводили с него лошадь [1, с. 116]. Взаимодействие со смертью, посещение чужого мира и возвращение в свой требует очищения: водой, огнем или ритуальными предметами. Собственно, на этом символическое от-чуждение умершего от живых заканчивается.

Тем не менее нужно упомянуть также о такой неотъемлемой части погребального обряда как жертвоприношение, которое в наиболее ранней форме представляет собой буквально кормление сверхъестественных сил: «Пищу отдают природным стихиям (бросают в огонь или в воду, закапывают в землю), священным животным, жрецу или человеку, воплощающему божество, относят к идолу» [2, с. 139]; именно эту архаическую форму жертвоприношения, по сути, и сохраняет погребальный обряд. У восточных славян поминальные трапезы, на которые «приглашается» покойный, проходят в день похорон после прихода с кладбища, на 40-й день и далее вписываются в обрядовость календарного цикла. Конечно, поминальная пища — пища для мертвых — отличается от пищи живых. Например, хлеб, которому принадлежит главное место среди обрядовых кушаний, может быть недопеченным. В дни похорон и поминальных обрядов восточные славяне готовили для душ умерших пресную пищу, так как соль «запирает врата» между своим миром и чужим, является оберегом, вызывая страх существ потусторонних². Интерес представляет, что жертвование осуществляется с обеих сторон: как со стороны живых, так и со стороны мертвых. Например, этнографом П. П. Чубинским в Западно-русском крае был зафиксирован достаточно редкий обряд с заготовленным при жизни гробом: «*гарна хата вічна* наполняется отборной пшеницей, которая затем раздается в жертву. Этот акт соотносим с “угощением из гроба” на похоронах болгар: приготовленную горячую еду (манджичка, кравай, жито) ставят в гроб, и каждый проходящий берет из нее — *от неговата къща*» [8, с. 69-70].

Р. Кайуа в своей теории сакрального объясняет обряды подношения (жертву, дар и т. п.) стремлением определенным образом задать отношения с сакральными силами, — вменить им в долг благорасположение: «...чтобы заставить их [умерших, предков, богов и т. д. — Ю. В.] наделить его благодатью, проситель не находит ничего лучшего, чем самому сделать первый

² Подробнее о семантике хлеба и соли см.: [2, с. 143–144]; [6].

шаг, принеся им дар, жертвоприношение, то есть освятить, за свой счет ввести в область сакрального нечто такое, что принадлежало ему и от чего он отказывается, или же чем он свободно располагал, но теперь отрекается от всяких прав на него. Таким образом, сакральные силы, которые не могут отказаться от такого кабального дара, становятся должниками дарителя, они связаны полученным даром и, чтобы не оставаться в долгу, вынуждены предоставить ему просимое — материальную выгоду, чудесную силу или снятие наказания. Так восстанавливается мировой порядок. Совершив жертвоприношение, верующий стал заимодавцем — и ждет, что чтимые им силы расплатятся с ним, выполнив его желание. Тем самым они дают ответ, требуемый любым односторонним жестом, и восстанавливают равновесие, которое было нарушено в их пользу корыстной щедростью человека» [4, с. 158–159]. В логике Р. Кайуа, принесение жертвы призвано обеспечить ее подателям удачу и благо, тогда как ее отсутствие может навлечь проклятье.

Иная точка зрения на обряд жертвоприношения представлена в работе Ж. Батая «Теория религии», где он реконструирует генезис и эволюцию чувства сакрального. Эта реконструкция включает попытку воссоздать нечеловеческое состояние мира, которое составляет суть и самого человека. Оно характеризуется автором как «непосредственность», или «имманентность». Имманентность обнаруживает себя в ситуации, когда «один зверь пожирает другого», или в смертельной схватке животных в том смысле, что здесь еще нет разделения на субъект и объект, нет отношений подчиненности. По сути, существование зверя «неотлично от мира и протекает в нем, как вода в воде».

По Ж. Батаю, отношения подчиненности и зависимости учреждаются человеком: человеческое сознание полагает в качестве объекта орудие, которое подчинено субъекту. Орудием впервые вносится разрыв в непосредственность и имманентность человеческого существования, или, как пишет Ж. Батай, «вносится отношение внешности в мир, где субъект причастен к различаемым им элементам, где он причастен к миру». При полагании объекта задается особая реальность, особый план; наряду с палкой или обтесанным камнем, там размещаются элементы, с которыми человек изначально был сопричастен (животные, растения, другие люди) и, наконец, сам познающий субъект. Реальность рассекается на сакральное и профанное измерения, являющееся «излюбленным местопребыванием человечества». При этом вещественность профанного мира полагается по отношению к миру священно-мифическому и противопоставляется ему: «После рождения мира божественного реальный мир остается отбросом: животные и растения, отторгнутые от своей духовной истины, постепенно смыкаются с пустой объективностью орудий, смертное тело человека мало-помалу уподобляется всем остальным вещам... Животные, растения, орудия и прочие применяемые человеком вещи образуют вместе с телом применяющего их человека реальный мир, подчиненный божественным силам, пронизанный ими, но только падший» [3, с. 66].

Однако ситуация отчуждения человека от своей сокровенной природы порождает неизбывную ностальгию по иному состоянию бытия — утраченной имманентности. Согласно автору «Теории религии», ради возвращения к нему и осуществляется жертвоприношение. Осуществляя его, жрец отделяет себя от профанного мира: «Для возвращения сокровенности, имманентной связи между человеком и миром, между субъектом и объектом необходимо, чтобы жрец предварительно отделил себя от мира вещей» [3, с. 68]. С другой стороны, приносимое в жертву переходит в мир «скоротечного истребления»: «Именно это и значит «пожертвовать божеству», священная сущность которого подобна огню. Жертвовать — все равно, что бросать уголь в печь; но только печь обычно приносит несомненную пользу, которой и подчиняется уголь, тогда как при жертвоприношении жертва остается не подвластной никакой пользе» [3, с. 71]. Именно посредством траты, истребления в вещах содержания, внеположного их сокровенной природе, осуществляется восстановление вселенской непрерывности.

Эти рассуждения Ж. Батая о глубинном внеэкономическом смысле жертвоприношения проливают свет, в том числе и на погребальный обряд, который не только разделяет живых и мертвых, учреждает границу между своим миром и мирами иными-чужими, но и позволяет ощутить символическо-онтологические узы, связующие миры и их обитателей. Смерть, символически проживаемая участниками погребального обряда, связывает их здесь-бытие с радикально Иным, священным и возвышает его над повседневностью.

В современном мире сформировалось жесткое разделение и противопоставление жизни и смерти, сложилась традиция вытеснения и замалчивания последней, результатом чего стал неизбывный ужас перед ней как абсолютно неизведанным и далеко не безобидные попытки приобщения к цифровому бессмертию. Однако чуждость друг другу жизни и смерти, которая представляется само собой разумеющейся, на самом деле оказывается проблематизируемой и исторически, и метафизически. Аналитическое обращение к погребальной обрядности эксплицирует ограниченность новоевропейских экзистенциальных и интеллектуальных стратегий. Оно восстанавливает понимание человека как не одномерного, символического существа: включенного не только в режим актуальности, но и обладающего глубиной памяти; не только стремящегося к безопасности и комфорту, но и способного приоткрыться радикально иному-чужому ради возвращения к забытой истине бытия.

Список литературы:

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / отв. ред. Б. Н. Путилов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). — СПб.: Наука, 1993. — 239 с.

2. Байбурин, А. К., Топорков, А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. — Л.: Наука, 1990. — 167 с.
3. Батай, Ж. Теория религии // Батай, Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / пер. с фр., сост. С. Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006. — С. 52–105.
4. Кайуа, Р. Человек и сакральное // Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. — М.: ОГИ, 2003. — С. 141–254.
5. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана, посла аль-Муктагира к царю славян (перевод) // Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и комментарий под ред. И. Ю. Крачковского. — М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. — С. 53–86.
6. Лаврентьева, Л. С. Соль в обрядах и верованиях восточных славян // Сборник Музея антропологии и этнографии. — Т. 45. — СПб., 1992. — С. 44–55.
7. Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. Миф-имя-культура // Лотман, Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. — Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин: Александра, 1992. — С. 59–76.
8. Седакова, О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. — М.: «Индрик», 2004. — 320 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Вербин Анатолий Александрович

профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 8063-2804

Anatoly Verbin

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КОНЕЦ «КОНЦА ИСТОРИИ»

Аннотация: Падение Берлинской стены для Запада знаменовало победу над СССР в холодной войне, которая обещала для него начало никем не оспариваемого доминирования США на мировой арене и некоего контролируемого Америкой мирового порядка. Американский политолог Ф. Фукуяма объявил это событие концом истории, т.е. воцарение в мире некой благодати, в которой царит демократия, права человека и свобода. Но уже через короткий промежуток времени вся эта благодать была заглушена войнами в Югославии, Ираке, Ливии и в других странах и территориях, т.е. войнами, с помощью которых США начали перестраивать мир. Но мир не стоит на месте, и никому не нравится навязывание чужой воли.

Ключевые слова: «Конец истории», продвижение НАТО к границам России, Д. Трамп, второе издание Крымской войны.

THE END OF «THE END OF HISTORY»

Summary: The fall of the Berlin wall was perceived by the collective West as their victory in the cold war, which foreshadowed America's undisputed dominance and establishment of freedom, human rights and democracy. But the entire idyll was buried under the explosions and missiles of wars in Yugoslavia, Iraq, Libya and other countries and territories. But the world does not stand still, and no one can like the imposition of someone else's will.

Keywords: «The End of history», NATO's advance to Russia's borders, D. Trump, the second edition of Crimean war.

Падение Берлинской стены для коллективного Запада ознаменовало победу в холодной войне и предвещало начало нового века никем не оспариваемого доминирования США на мировой арене, Pax Americana. Это было объявлено в ставшей тогда очень цитирувавшейся статье американского политолога Ф. Фукуямы «Конец истории». В ней он объявил о «полном исчерпании всех жизнеспособных альтернатив западному либерализму» (который будто бы воплощает демократию, свободу, права человека), охарактеризованному им как «конечной точкой идеологической эволюции человека» и «окончательной формой государственного правления». Иными

словам, для Ф. Фукуямы настал конец истории, после которого уже стало невозможным какое-либо социально-политическое развитие [2, с. 17]. Но потребовался небольшой период времени, чтобы эта объявленная благодать испарилась под взрывами бомб и обстрелами ракет начавшейся войны коллективного Запада против Югославии, потом последовала интервенции под фальшивым предлогом в Ирак, агрессия против самой благополучной тогда страны Африки (Ливии). И все это с единственной целью – убрать неудобные для единственной сверхдержавы в мире политические режимы. А потом появились и другие свидетельства аналогичных действий, например, продвижение военной инфраструктуры НАТО к границам России. Одна за другой бывшие страны социалистического содружества становились членами НАТО, на территории которых начали размещаться опорные пункты этого блока. А потом уже Грузия и Украина «получили приглашение» вступить в этот альянс. Возражения и предостережения нашей страны, высказанные президентом В. В. Путиным в Мюнхене в 2007 году, и его напоминания об обещаниях политического руководства США не продвигать военную структуру НАТО на восток были отвергнуты как безосновательные, поскольку благолепие американского либерализма будто бы предполагает, что страны свободны в выборе союзов, в которые они хотят вступать. Поэтому если Грузия и Украина хотят стать членами НАТО, то они могут это сделать. И эти две страны «выразили» такое пожелание, правда, после соответствующих политических переворотов в своих странах.

Поскольку очевидно, что настойчивое и последовательное продвижение военной инфраструктуры к границам какой-то страны не бывает без существенного основания, то руководству нашей страны пришлось повторно об этом напоминать тем, кто командует блоком НАТО. Но эти повторные предостережения не имели никаких последствий. Напротив, враждебные по отношению к России шаги приобрели уже характер военных действий на сопредельных с Россией территориях Украины, на которых проживает точно такой же народ, как и в самой России. А такое положение произошло в силу механического размежевания по чисто формально существовавшим границам между республиками СССР, которые иногда проходили по центру какого-нибудь разросшегося населенного пункта. Причем официальное размежевание границ между республиками произошло без всяких консультаций и договоренностей, поскольку это процесс инициировали всего три республики из пятнадцати. Военные действия киевских властей против своего собственного народа начались в 2014 году, т.е. задолго до начала СВО России, когда жители сопредельных с Россией регионов Украины отказались признать переворот в Киеве, организованный политическим руководством США и руководимый послом США на Украине Дж. Тефтом и высокопоставленным представителем государственного департамента США Викторией Нуланд, которая, делая у себя на родине доклад на эту тему, сообщила, что на тот переворот США затратили пять миллиардов долларов.

В течение восьми лет Россия делала различные предложения Украине по прекращению военных действий ее армии на территории сопредельных с Россией регионах и делала различные предложения по мирному урегулированию положения. И даже были достигнуты договоренности на этот счет, удовлетворявшие обе страны, закрепленные в договоре, который был парафирован обеими сторонами и готов для подписания. Но, после визита в Киев премьер-министра Великобритании Б. Джонсона, Украина отказалась подписывать парафированный договор.

Здесь следует остановиться несколько подробнее на личности тогдашнего премьер-министра Англии. В то время это был человек во много нестандартным для английских политических деятелей высокого ранга и, особенно, для премьер-министров этой страны. Он проживал в резиденции английских премьеров на Даунинг стрит, 10 с женщиной, с которой не состоял в официальном браке (первый эпизод в истории Англии), был мужчиной нестандартной наружности, грузный, неизменно непричесанный и отличался эксцентричным поведением. В своем личном обращении к российской публике он обратил внимание на то, что в его венах, как он заявил, есть 5% русской крови. На родине его именуют как Борис Джонсон, но, обращаясь к российской публике, он называл себя Борис Джонсон, подчеркивая, как можно предположить, свою причастность к *русскости* [3].

Б. Джонсон не уточнил, при каких обстоятельствах в его венах появилась русская кровь, но можно сделать некоторое предположение на этот счет. Известно, что во время Крымской войны, сообщения, доходившие до Англии о кровопролитных боях в Крыму, подвигли многих женщин из аристократических семей Англии поехать в Крым и работать в качестве сестер милосердия [5, с. 78]. Поэтому вполне вероятно, что именно во время работы этих сестер милосердия в Крыму произошло событие, по поводу которого Борис Джонсон не стал делать уточнений. Но тот факт, что во время этой войны Англии не удалось выдать Россию из Черного моря, возможно, и стал именно тем толчком, который побудил премьер-министра Англии Бориса Джонсона лично поучаствовать в своеобразном втором издании Крымской войны в XXI веке и довести до конца неудавшуюся попытку английских политических деятелей XIX века, и стать, таким образом, знаковой фигурой в истории Англии.

Мы здесь не утверждаем, что Б. Джонсон действовал в Киеве самостоятельно. Скорее всего, его склонность к эксцентричным поступкам побудила его предложить тем, кто планирует действия коллективного Запада против России (т.е. американскому «глубинному государству») свою кандидатуру. Существует и еще одно предположение, объясняющее появление Б. Джонса в Киеве в то время. В английской прессе были сообщения о том, что одни из главных английских бенефициаров военных поставок Киеву из Англии был одним из друзей Б. Джонсона. Какое из названных предположений справедливо, не является важным. Очевидно, что так называемая помощь

коллективного Запада Украине не является актом сострадания или товарищеской поддержки, а давно проводимых им его военных действий, направленных на ослабление, а, может, и на раздробление России, как это задумывал еще в 1990-е годы известный русофоб З. Бжезинский.

В своей книге «Великая шахматная доска» он пространно теоретизировал по поводу исчезновения СССР с политической карты мира и того факта, что США в один момент стали единственной сверхдержавой в мире. Понимая, что основные мотивы интереса политической верхушки США к территории бывшего СССР связаны с колоссальными природными ресурсами, он делал настойчивые рекомендации политическому руководству США на этот счет. Он писал, что «теперь, когда США стали единственной сверхдержавой, а Евразия важнейшей глобальной территорией, то все, что будет происходить на ней, будет иметь решающее значение для глобального доминирования Америки». Поэтому «ее главный интерес состоит в том, чтобы эта обширная евроазиатская территория не попала под контроль только одной страны», а такие страны, как Азербайджан, Узбекистан и Украина «должны заслужить самую мощную поддержку Америки» [1, с. 148-149, 194]. И поддержку этим странам, т.е. попытки разобщить их с Россией или даже направить их против России, США постоянно осуществляют с 1990-х годов.

Теперь же действия американской администрации на втором президентском сроке Д. Трампа ознаменовались многочисленными экономическими санкциями в адрес стран, неподчиняющихся требованиям США, требованием от Европы нарастить их военные расходы до 5% от их ВВП, а также заявлениями о намерении США присоединить к себе части или целые страны. Вопреки многочисленным миротворческим обещаниям во время второй своей предвыборной кампании, второй срок Д. Трампа ознаменовался военными акциями против стран, которые сотрудничают с Россией: 12-дневная война с Ираном, вооруженное вторжение в Венесуэлу, повлекшее гибель ста человек и похищение президента страны, блокада Кубы, а теперь еще и вторая война против Ирана. Второе лицо в администрации США госсекретарь М. Рубио, выступая на международной конференции по безопасности в Мюнхене, представил свою страну в качестве некоего спасителя западной цивилизации, пришедшей в состояние упадка, вызванного «безбожными коммунистическими революциями и антиколониальными восстаниями» после 1945 года, а также ошибками предыдущих президентов. Государственный секретарь США, будто бы не зная, что именно США являются той страной, которая на протяжении многих лет осуществляет наибольшие затраты на вооружение, заявил, что «в то время, как другие страны вооружались, нас охватила эйфория, мы открыли свои границы, считая, что будем жить в мире без границ как граждане мира» и тем самым ослабили наши страны, «допустив де-индустриализацию, падение уровня жизни среднего класса и передачу контроля над критическими для нас поставками нашим соперникам и противникам». «В совершенном мире», - продолжал он, - «сложные проблемы могут быть решены дипломатами. Но мы

живем не в совершенном мире. Мы не можем продолжать допускать, чтобы те, кто откровенно и открыто угрожают нашим гражданам, ставят под угрозу глобальную стабильность и прячутся за абстракциями международного права, которое они сами же постоянно нарушают». И вот, по мнению М. Рубио, ко всеобщей радости пришел президент Д. Трамп и начал спасение и возрождение «христианской цивилизации» [4].

Можно было предположить, что такие, мягко говоря, необычные декларации и действия президента должны бы были вызвать неодобрение со стороны политических лидеров своей страны. А такое фальшивое и карикатурное изображение недавней истории со стороны второго лица в администрации США должны бы были спровоцировать недоумение присутствовавших в Мюнхене. Но ничего подобного не произошло. Недавнее обращение президента к конгрессу США о состоянии страны, в котором он фактически пообещал начать вторую войну против Ирана было встречено овацией со стороны обеих партий. А речь М. Рубио в Мюнхене также приветствовалась овацией стоя. Иными словами, одобрение таких воинственных и агрессивных заявлений и действий может восприниматься американской администрацией как поощрение ее к эскалации агрессивных действий. Но, к счастью, время изменилось. Россия противостоит единственной сверхдержаве не в одиночку. Есть международные объединения, в которых Россия участвует, получая поддержку со стороны других стран (БРИКС, ШОС, КАРИКОМ, т.е. объединение стран Карибского бассейна, которые поддерживают Кубу). Есть еще и КНР, страна, которая по своему ВВП и своим научному и технологическому развитию начинает реально соперничать и даже опережать США в некоторых сферах. Иными словами, теперь глубинному государству США уже не так просто действовать на международной арене по своему усмотрению. Можно сказать, что наступает не конец истории, наступает начало конца однополярного мира.

Список литературы:

1. Brzezinski S. The Grand Chessboard. NY: Basic Books, 1997.
2. Fukuyama F. The End of History // The National Interest, 1989, № 16.
3. Johnson B. Address to the Citizens of Russia. – URL: <https://youtube.com/watch?v=nWWXHаOPajA&si=7CZTCJQ9kq-TDDzk>. Дата обращения 28.07.2022.
4. Rubio M. Address to the European Security Conference in Munich. – URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/secretary-of-state-marco-rubio-at-the-munich-security-conference>. Дата обращения 26.02.2026).
5. Selby J.M. The Thin Red Line of Balaclava. L.: Hamilton, 1970.

Гарифзянов Рамиль Рафисович

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 1240-9083

Ramil Garifzyanov

St. Petersburg State University

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (1991–1996 ГГ.)

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния афганского конфликта на выстраивание внешней политики стран Центральной Азии (ЦА) в отношении Афганистана после распада СССР. Рассмотрено, что с обретением независимости пять государств ЦА столкнулись с новыми вызовами и угрозами. Особое внимание уделяется усилению позиций движения «Талибан», что существенно изменило баланс сил в регионе. Рассматриваются особенности двусторонних отношений Афганистана с Таджикистаном и Узбекистаном, а также их взаимодействие с афганскими полевыми командирами. Отдельно анализируется реакция Туркменистана, Казахстана и Кыргызстана на угрозы, идущие из Афганистана.

Ключевые слова: Центральная Азия, Афганистан, региональная безопасность, гражданская война, Талибан, религиозный экстремизм, трансграничные угрозы.

THE CENTRAL ASIAN STATES AND THE AFGHAN ISSUE (1991–1996)

Summary: The article is devoted to an analysis of the impact of the Afghan conflict on the formation of the foreign policy of the Central Asian (CA) states toward Afghanistan following the collapse of the USSR. It examines how, upon gaining independence, the five Central Asian countries faced new challenges and security threats. Particular attention is paid to the strengthening of the Taliban movement, which significantly altered the balance of power in the region. The study explores the specific features of Afghanistan's bilateral relations with Tajikistan and Uzbekistan, as well as their interaction with Afghan field commanders. It also separately analyzes the responses of Turkmenistan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan to threats emanating from Afghanistan.

Keywords: Central Asia, Afghanistan, regional security, civil war, Taliban, religious extremism, transnational threats.

Центральная Азия (ЦА) как южный рубеж Хартленда (Heartland — «сердцевина», срединная земля) [15, с. 430] всегда являлась стратегически важным регионом. Распад СССР и образование пяти независимых государств в ЦА меняет геополитическую картину региона, а их география и обилие

природных ресурсов делает данный регион ареной для борьбы внешних акторов. На момент распада Советского Союза одной из важнейших проблем для безопасности новообразованных государств являлся терроризм и религиозный экстремизм. В связи с чем нестабильный Афганистан представлял наибольшую опасность для стран ЦА. К моменту провозглашения независимости странами Центральной Азии у власти в Кабуле находилось правительство М. Наджибуллы, которое было свергнуто уже в апреле 1992 г. С приходом к власти Б. Раббани (1992–1996 гг.), в Афганистане началась гражданская война между ним и множественными воинствующими группировками [12, с. 448], зачастую разделёнными по этническому признаку. В связи с чем экономические отношения с Афганистаном были ограничены, а официальная торговля между ним и странами ЦА полностью прекратилась [7, с. 1113]. Таким образом, факторы риска, исходившие из дестабилизированного к тому времени Афганистана, представляли определенную опасность для стран ЦА, особенно для граничащих с ним республик.

Общая протяженность границ стран ЦА и Афганистана составляет более 2000 км. Из них 1344 км с Таджикистаном, 744 км Туркменистаном и 137 км с Узбекистаном [4, с. 113]. Однако границы центральноазиатских стран еще не были достаточно защищены от возможной экспансии афганского конфликта. Поэтому 15 мая 1992 года страны ЦА (за исключением Туркменистана) подписали в Ташкенте договор о коллективной безопасности (ДКБ), призванный в случае возникновения угрозы защитить южные рубежи постсоветского пространства.

В период правления в Афганистане Б. Раббани были заложены политические и правовые основы афгано-таджикских отношений [6, с. 13]. Республика Таджикистан (РТ) в каком-то смысле наиболее близка Афганистану. Действительно, этнические таджики составляли около трети населения Афганистана и играли важную роль в жизни страны. К тому же они говорят на дари, являющимся, а Афганистане т.н. лингва франка. В связи с этим данные страны придавали большое значение развитию двухсторонних отношений, однако из-за обострения их внутривнутриполитической ситуации, сотрудничество было проблематичным.

Вторая по степени близости с Афганистаном страна ЦА – Республика Узбекистан (РУз), во время афганской гражданской войны приняла небольшую волну беженцев (в основном этнических узбеков). РУз поддерживала сложные отношения с одним из полевых командиров – генералом Абдулом Рашидом Достумом [7, с. 1113]. В будущем некоторые исламистские противники правительства И. Каримова, например, партия Исламского Движения Узбекистана (ИДУ) найдут убежище в Афганистане [11, с. 458]. Поэтому правительство Узбекистана, ведущее борьбу с радикализацией ислама внутри страны, считало Афганистан одним из катализаторов данной проблемы. Не смотря на самую многочисленную и серьезную армию в регионе, религиозный фактор был самым болезненным в системе безопасности РУз.

Таджикистан является наиболее уязвимым из государств ЦА и «самым слабым местом в обеспечении системы региональной безопасности» [1, с. 77-78.]. С одной стороны, в 1992 году разразилась гражданская война, в результате которой погибло 50 000 человек, а 70 000 покинули страну, укрывшись в Афганистане. С другой стороны, переход власти в Афганистане в апреле 1992 г. к моджахедам повысил моральный дух исламских сил, в частности ОТО (объединенной таджикской оппозиции). Именно этот фактор и боязнь усиления исламского фундаментализма, идущего из Афганистана, заставил Таджикистан, несмотря на гражданскую войну, в 1993 г. заняться укреплением границы силами ДКБ (Договор о коллективной безопасности), члены которого в этом же году направили на афгано-таджикскую границу коллективные миротворческие силы [8, с. 146]. Действительно, с эскалацией в Таджикистане гражданской войны в страну стало поступать различное вооружение, а также был проложен маршрут наркотрафика в Россию.

В связи со слабостью таджикской границы, через нее проникали террористы из исламистских группировок, активно участвующие в столкновениях с правительственными войсками. Так, например, выяснилось, что ОТО, симпатизировавшая моджахедам во время их сопротивления советским войскам, получала от них поддержку (преимущественно от афганских таджиков) [13, с. 43]. Ахмад Шах Масуд вооружал своих сторонников в оппозиционной Партии исламского возрождения (ПИВТ) Таджикистана, в которой наблюдался рост исламской воинственности. Этим же занимался и этнический таджик Б. Раббани. Поддерживал их и не являющийся таджиком Г. Хикматияр, который обучал сотни боевиков таджикской оппозиции. Это объясняется тем, что из-за продолжающегося внутреннего конфликта в Афганистане в среде его этнических меньшинств иногда возникают возможности для поддержки экстремистских оппозиционных группировок из стран ЦА [11, с. 458]. В свою очередь афганское правительство обвиняло поддерживаемые Россией таджикские силы в нарушении воздушного пространства и границ Афганистана. Таким образом, таджикско-афганская граница стала центром столкновений в тот период.

Такую же поддержку со стороны туркменских общин северо-западных афганских провинций получали туркменские радикальные группы в Марыйском Виляете Туркменистана [11, с. 458]. Это стало сигналом для наименее подверженного идеям фундаментализма Туркменистана [2, с. 326], который следуя своей политике вечного нейтралитета, активно не выстраивал отношения с Афганистаном и относился к нему достаточно осторожно, предоставив свои вооруженные силы объединённому российско-туркменскому командованию вплоть до 1994 г. [14, с. 67].

В 1994 г. на политическую сцену Афганистана выходит новый актер – сугубо пуштунское движение «Талибан» [3, с. 121]. Своей целью они декларировали желание положить конец затянувшемуся насилию и установить порядок, посредством применения к преступникам серьезных наказаний.

Изначально боевые силы движения черпало в соседнем Пакистане из молодых и малообразованных пуштун-беженцев. Это осуществлялось при финансовой, технической и продовольственной поддержке спецслужб и правительства Пакистана [10, с. 8]. Уже в ноябре 1994 г. они установили контроль над Кандагаром, стремительно расширяя границы своего влияния и практически не встречая сопротивления со стороны уставшего от войны населения. Менее чем через год талибы контролировали большинство западных, восточных и южных провинций, тем самым создавая угрозу и без того разрозненному правительству Афганистана [15, с. 119].

Отношения Душанбе и Кабула улучшились, когда в мае 1995 года афганское правительство послало примирительные сигналы и получило положительный ответ от правительства Таджикистана. Обе стороны проявили взаимную терпимость по двум причинам: во-первых, появление Талибана, в котором доминировали пуштуны, угрожало не пуштунскому правительству в Кабуле; и, во-вторых, изменение отношения России к режиму Раббани и ее обеспокоенность растущей популярностью исламского фундаменталистского Талибана [6, с. 14].

В свою очередь президент Афганистана Б. Раббани способствовал примирению сторон гражданской войны в Таджикистане [5, с. 219]. В 1995 г. он провёл первую встречу лидеров противоборствующих сторон на межтаджикских переговорах. Б. Раббани обещал способствовать примирению сторон и репатриации беженцев из Таджикистана. В результате на них были достигнуты договоренности о частичном прекращении огня.

Стоит отметить, что в большинстве анализов регионального аспекта безопасности основное внимание уделяется непосредственным соседям Афганистана, имеющим с ним долгую и сложную историю отношений. При этом мало внимания уделяется другим субъектам, которые, хоть и в меньшей степени, но имеют отношение к афганской проблеме. Казахстан и Кыргызстан не имеют исторических связей с Афганистаном, но они испытывают на себе влияние событий, происходящих в Афганистане и вокруг него.

Казахстан, располагающийся дальше всех от Афганистана, рассматривала последнего как рынок сбыта своей продукции. Спустя год после установления дипломатических отношений в 1992 г. в Алма-Ате открылось посольство Афганистана. Однако из-за сложной политической обстановки в Афганистане эти отношения не получили активного развития в тот период.

В связи с отсутствием общих границ между Киргизией и Афганистаном, у них также долгое время отсутствовали дипломатические отношения. В указанный в работе период, Киргизия лишь косвенно в своей политике затрагивала Афганистан. В основном это происходило в рамках ДКБ и было связано, как говорилось ранее, с укреплением участка афгано-таджикской границы.

Таким образом, отношения Казахстана и Кыргызстана с Афганистаном, омраченные рядом препятствий, в тот период можно охарактеризовать как довольно эпизодические.

Если рассматривать РУз и РТ, то установление ими дипломатических отношений с Афганистаном было обосновано непосредственным соседством с последним и необходимостью регулировать угрозы, исходящие из него. Одним из инструментов обеспечения своей безопасности данные республики считали близких им в этническом плане полевых командиров – этнического узбека Абдул-Рашида Дустума и этнического таджика Ахмад Шаха Масуда, которым данные страны оказывали посильную помощь. Они рассчитывали, что посредством созданных полевыми командирами квазигосударств, которые являлись т.н. буферной зоной, им удастся обезопасить свою территорию от эскалации афганского конфликта.

Туркменистан, практически не вовлеченный в афганских конфликт и «защищённый» своим вечным нейтралитетом, не проявлял особой активности в данном направлении.

Ключевым событием, определившим отношение стран ЦА к Афганистану в рассматриваемый период, стал приход в 1996 г. к власти талибов. В результате страны ЦА, большинство из которых переживало период исламского возрождения и имело острую проблему радикализмами ислама, были еще более обеспокоены приходом к власти фанатично настроенных в религиозном плане талибов. Это послужило причиной разрыва дипломатических отношений с Афганистаном.

Список литературы:

1. Акимбеков, С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии / С.М. Акимбеков – Алматы: Б.и., 2003. – 400 с.
2. Аманбекова, Ш. Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии / Ш. Аманбекова // Постсоветские исследования. – 2018. – №3. – С. 318–329.
3. Арунова, М.Р. Афганская проблема и соседние мусульманские страны / М. Р. Арунова // Россия и мусульманский мир. – 2014. – №10 (268). – С. 119-139.
4. Босин, Ю.В. Афганистан: полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте/ Ю.В. Босин – М.: Гуманитарий; Академия гуманитарных исследований, 2002. — 232 с.
5. Дулоев, М.М. Основные направления сотрудничества республики Таджикистана с исламской республикой Афганистан / М.М. Дулоев // Вестник Педагогического университета. - 2015. №4 (65), С. 219-221.
6. Дулоев, М.М. Взаимоотношения Таджикистана с Афганистаном и Ираном / Д.Д. Дулоев – Душанбе: «ЭР-граф», 2021. – 163 с.
7. Искандаров, К. Таджикско-Афганские отношения и перспективы их развития / К. Искандаров // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 1(55). – С. 145-156.

- 8.Казанцев, А.А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А. Казанцев. - М.: МГИМО-Университет, 2008. - 251 с.
- 9.Князев А.А. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. Сборник документов и материалов / А. А. Князев — Бишкек: Илим, 2001. - 168 с.
- 10.Князев, А.А. Афганские события весны-лета 2021 г. и обновление региональной безопасности / А. А. Князев // Постсоветские исследования. — 2021. — Т. 4, № 6. — С. 456-469.
- 11.Коргун В.Г. История Афганистана. XX век / В.Г. Коргун. - М.: ИВ РАН: Крафт, 2004. — 525 с.
- 12.Лалетин, Ю.П. Глобальное измерение регионального конфликта (на примере Афганистана): учебно-методический комплекс / Ю.П. Лалетин; МГИМО МИД России, каф. индоиранских и африканских языков. — М., 2007-2008. — 182 с.
- 13.Троицкий, Е.Ф. Внешняя политика Туркменистана в 1992-2006 гг.: от нейтралитета к самоизоляции / Е.Ф. Троицкий // Вестн. Том. гос. ун-та. История. - 2014. - №4 (30). - С. 67-70.
- 14.Шах, М. Пуштунский национализм в Афганистане и Пакистане / М. Шах // Россия и мусульманский мир. — 2014. — № 11(269). — С. 114-123.
- 15.Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. — 1904. — Vol. 23, No. 4. — P. 421–437.

Гарифзянов Рамиль Рафисович

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 1240-9083

Ramil Garifzyanov

St. Petersburg State University

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ ДВИЖЕНИЯ ТАЛИБАН (1996–2001 ГГ.)

Аннотация: Статья посвящена анализу политики государств Центральной Азии в отношении Афганистана после прихода к власти движения «Талибан» в 1996 г. Рассматриваются причины разрыва дипломатических отношений большинством стран региона с новым афганским режимом, а также особенности их взаимодействия с Северным альянсом. Особое внимание уделяется различиям реакции Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Анализируется деятельность Исламского движения Узбекистана и влияние афганского фактора на эскалацию угроз безопасности, включая Баткенские события 1999 г. Отдельно рассматривается как операция «Несокрушимая свобода», приведшая к вовлечению стран ЦА в сотрудничество с международной коалицией, повлияла на ландшафт региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, Талибан, региональная безопасность, Северный альянс, «Несокрушимая свобода», ISAF.

THE CENTRAL ASIAN STATES IN THE CONTEXT OF THE RISE OF THE TALIBAN MOVEMENT (1996–2001)

Summary: The article examines the policies of the Central Asian states toward Afghanistan following the rise to power of the Taliban movement in 1996. It analyzes the reasons behind the severance of diplomatic relations by most countries of the region with the new Afghan regime, as well as the specific features of their engagement with the Northern Alliance. Particular attention is paid to the differing responses of Tajikistan, Uzbekistan, and Turkmenistan. The study also explores the activities of the Islamic Movement of Uzbekistan and the impact of the Afghan factor on the escalation of security threats, including the Batken events of 1999. It further considers how Operation Enduring Freedom, which led to the involvement of Central Asian states in cooperation with the international coalition, reshaped the regional landscape.

Keywords: Central Asia, Taliban, regional security, Northern Alliance, Operation Enduring Freedom, ISAF.

Приход к власти в 1996 г. радикально настроенных талибов стал определяющим событием в политических и экономических контактах стран ЦА

и Афганистана. После чего страны ЦА (за исключением Туркменистана) оборвали с ними дипломатические отношения.

В период 1996-2001 гг. режим талибов оказался в состоянии глубокой международной изоляции: мировое сообщество, включая все пять государств Центральной Азии, отказалось признавать его в качестве легитимной власти в Афганистане. Центральноазиатские республики продолжили поддерживать Северный альянс и Б. Раббани, сохранявшего устойчивые и во многом конструктивные отношения с правительствами региона. Фактически единственными государствами, признавшими режим талибов, стали Пакистан, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты, что во многом объяснялось их политической и материальной поддержкой данного движения [14, с. 51]. Поэтому государства Центральной Азии проявляли повышенную осторожность в отношении Афганистана, воспринимая движение «Талибан» как террористическую силу, чья идеология могла способствовать активизации религиозного экстремизма и радикальных настроений внутри самих республик. К тому же Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан имеют значительные этнические меньшинства в Афганистане, что также повлияло на отношение к нему. Так, после прихода к власти талибов, афганский конфликт приобрел ярко выраженный этнический характер [10, с. 136]. Великопуштунский шовинизм талибов и репрессии по отношению к не пуштунским народам стали одной из причин непопулярности их идей среди остального населения Афганистана и стран ЦА.

Непризнание не исчерпывало комплекса мер, предпринятых Узбекистаном и Таджикистаном в ответ на приход талибов к власти. Обе республики, являющиеся непосредственными соседями Афганистана, заняли активную позицию, выступая против талибского движения и оказывая содействие антиталибским силам в Афганистане. С укреплением позиций талибов Душанбе начал оказывать более активную поддержку Ахмада Шаха Масуда, тогда как Ташкент расширил помощь Абдул-Рашиду Дустуму. Таким образом, Республика Узбекистан и Республика Таджикистан последовательно усиливали взаимодействие с Северным альянсом, в состав которого входили оба указанных полевых командира, стремясь сформировать своего рода буферную зону между собственными границами и очагом афганской нестабильности.

По инициативе президента Узбекистана в 1998 г. была создана контактная группа «6+2». В ее состав вошли США, РФ, КНР, Иран, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Пакистан, представители Северного Альянса и талибы [6, с. 161-163]. С падением в августе 1998 г. Мазари-Шарифа – столицы генерала Дустума – Узбекистан почувствовал свою уязвимость [12, с. 216-217]. В итоге 21 июля 1999 года была подписана «Ташкентская декларация», просуществовавшая вплоть до теракта 11 сентября 2001 г. [4, с. 126].

Отношения между Узбекистаном, Таджикистаном и талибами осложнялись тем фактом, что последние активизировали прием у себя боевиков

из Центральной Азии, в частности созданное в 1998 г. [3, с. 304]. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) [4, с. 131-132]. лидеры которого (Д. Намангани и Т. Юлдашев) создали много хлопот РУз и РТ. Еще до создания ИДУ они призывали к исламской революции и созданию в Узбекистане правительства, основанного на шариате. Со временем ИДУ были вынуждены перебраться в Афганистан. Выбор Афганистана в качестве альтернативного убежища не случаен. Он обоснован идеологической близостью ИДУ и талибов. К тому же данные движения имели общих спонсоров. Деньги для учреждения ИДУ в 1998 г. и его функционирования были получены от Аль-Каиды и лично Бен Ладена [3, с. 308], который также спонсировал талибов. Именно поэтому талибы позволили создать близ афгано-узбекской границы (в провинциях Балх, Тахар и Кундуз) лагерь для подготовки боевиков ИДУ [13, с. 21].

На момент 1998 г. фактор экспансии афганского конфликта в Центральной Азии был незначителен. Все изменилось в 1999 г., когда членами ИДУ была организована серия терактов в республике Узбекистан, покушение на ее президента и вторжение в южные районы Киргизстана, получившее позже название Баткенские события [9, с. 161].

Обернувшиеся трагедией Баткенские события стали поводом для подписания 12 октября 1999 г. в Москве «Протокола об установлении дипломатических и консульских отношений» между Киргизстаном и Афганистаном [7]. Таким образом Киргизия решила осуществить ответные меры в сторону Узбекистана, установив дипломатические отношения с оппонентом последнего, за использование Баткенских событий предлогом для захвата значительной сельскохозяйственной территории, которая была предоставлена Узбекистану еще в советский период на временное пользование. Узбекистан в свою очередь, в 1999 г., после поражения Абдула Рашида Дустума, организовал первую встречу с талибами на высоком уровне [11, с. 432].

В 1999-2000 гг. Таджикистан стал центром помощи «антиталибскому» Северному альянсу. Через Таджикистан союзниками альянса осуществлялось его снабжение. Тогда же президент Таджикистана Э. Рахмон предложил создать «пояс безопасности» вокруг Афганистана.

В отличие от политики Таджикистана и Узбекистана, политика Туркменистана с талибским Афганистаном, была обусловлена, прежде всего, экономическими интересами. Туркменистан, придерживавшийся концепции «вечного нейтралитета», не прекращал межгосударственное и торгово-экономическое сотрудничество с талибами, поставляя им электричество, продовольствие и газ [8, с. 1113-1114]. Ашхабад намеревался поставлять свои энергоносители также на рынки Южной Азии через Афганистан и нуждался в дружественных связях с талибами. Для достижения этой цели министр иностранных дел талибов В.А. Мутавакиль и его коллега из Туркменистана Б.О. Шихмурадов приняли решение о начале реализации в 1997 г. проекта

ТАПИ (проект магистрального газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия).

Сохраняя нейтралитет, Туркменистан продолжил выстраивать отношения с Талибаном. 2 марта 1999 года министр иностранных дел Б.О. Шихмурадов посетил Кандагар и встретился с лидером-основателем Талибана муллой М. Омаром. Для улучшения отношений Б.О. Шихмурадов и мулла М. Омар обсудили вопрос об освобождении афганцев, содержащихся в туркменских тюрьмах. По имеющимся данным, в Туркменистане содержалось 5000 афганцев, большинство из которых обвинялись в наркоторговле. В качестве жеста доброй воли Ашхабад освободил 450 из них.

Теракт 11 сентября 2001 г. стал переломным моментом для правивших Афганистаном талибов. Собирая коалицию для «борьбы с международным терроризмом» [5, с. 59]. Соединенные Штаты обратились к ряду национальных лидеров ЦА, с которыми ранее имели незначительные контакты. США пообещали, что в обмен на поддержку со стороны страны ЦА, будут более внимательно относиться к их проблемам [1, с. 89-92]. Политики Соединенных Штатов давали обещания об увеличении помощи странам ЦА, а лидеры большинства государств региона подтвердили свою приверженность целям экономических и политических реформ, которые требовали от них страны Запада.

Таким образом, некоторые из стран ЦА оказали непосредственную поддержку силам коалиции во главе с США (ISAF). В октябре 2001 г. с началом операции «Несокрушимая свобода» Таджикистан стал перевалочным пунктом для антитеррористических сил, а также доставки гуманитарной помощи для мирного населения Афганистана [2, с. 130].

После начала операции «Несокрушимая свобода» формат «6+2» для Узбекистана перестал быть актуальным в новых условиях. Узбекистан стал активно содействовать силам Международной коалиции, предоставляя воздушное пространство и территорию для провоза невоенных грузов для сил альянса. РУз также предоставила Германии аэродром в городе Термезе, а США – аэродром в Ханабаде [12, с. 218].

Киргизия, не граничащая с Афганистаном, являлась для Вашингтона важным географическим объектом, открывавшим путь к Ферганской долине. В результате Киргизия предоставила силам Международной коалиции базу Манас [2, с. 131].

Реакция Туркменистана на начало операции «Несокрушимая свобода» была весьма сдержанной, что не способствовало улучшению отношений с США. Туркменистан не предоставил международной коалиции перевалочных пунктов для доставки грузов антитеррористическим силам, однако содействовал транспортировке гуманитарной помощи для афганского народа, поставки которой проходили под эгидой продовольственной программы ООН и прочих международных благотворительных фондов [5, с. 59].

Единственным из государств ЦА, практически никак не взаимодействующим с Афганистаном, был Казахстан. Он, как и Киргизстан, географически отдален от Афганистана, но в отличие от своего центральноазиатского соседа не подвергся террористическим вторжениям (речь идет об упомянутых ранее Баткенских событиях) и так сильно не нуждался в финансовой помощи (Киргизия позволила открыть США военную базу в Манасе в основном для пополнения бюджета от сдачи своей территории в аренду).

Свержение Талибана преобразило обстановку в области безопасности в регионе. Все это дало государствам ЦА возможность перевести внимание и ресурсы из сферы безопасности в другие области. В результате в отношениях между странами ЦА и Афганистаном начался новый этап, который ознаменовался укреплением двухсторонних торгово-экономических и гуманитарных связей.

Список литературы:

1. Арунова, М. Р. Афганская политика США в 1945-2014 гг. / М. Р. Арунова, В. И. Иваненко – М.: РИСИ, 2015. – 220 с.
2. Арунова, М.Р. Афганская проблема и соседние мусульманские страны / М. Р. Арунова // Россия и мусульманский мир. – 2014. – №10 (268). – С. 119-139.
3. Бактыбаева, А.Н. Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана / А.Н. Бактыбаева // Постсоветские исследования. – 2020. – №4. – С. 304–314.
4. Белокреницкий, В.Я. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана / В.Я. Белокреницкий, Р.Р. Сикоев – М: Институт востоковедения РАН, 2014. – 216 с.
5. Гарбузарова, Е. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития / Е. Гарбузарова // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Т. 24, № 4. – С. 52-66.
6. Давыдов, А.Д. Движение «Талибан» и проблемы достижения мира / А.Д. Давыдов // Афганистан: проблемы войны и мира. М., 1996, - С. 159-169.
7. Договорно-правовая база // МИД Кыргызской Республики. - URL: <https://mfa.gov.kg/ru/menyu---inostrannoe/--uslugi/dogovorno-pravovaya-baza/ogovorno-pravovaya-baza-5c19d28b47dc1> (дата обращения: 18.02.2026).
8. Есентаева, А. Фактор Афганистана во внешнеполитическом курсе Центральноазиатских государств / А. Есентаева // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 1111-1118.
9. Казанцев, А. Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ / А. Казанцев, Л. Гусев // Россия и мусульманский мир. - 2014. №8 (266). – С. 98-116.

10. Казанцев, А.А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А. Казанцев. - М.: МГИМО-Университет, 2008. - 251 с.
11. Князев, А.А. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей / А.А. Князев // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 426-436.
12. Мирзоев, С. Т. Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан / С. Т. Мирзоев // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. – 2019. – № 2. – С. 215-224.
13. Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии / М.Б. Олкотт. — Москва: Моск. Центр Карнеги; Вашингтон: Фонд Карнеги за Междунар. Мир, 2005. - 487 с.
14. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / А. Рашид. - М., 2003. – 368 с.

Гонсалес Седилло Хоел Иван

ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 8460-5738

Gonzalez Cedillo Joel Ivan

Saint-Petersburg State University

ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН КАК НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКТОР ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ПРУССИИ В ПЕРИОД 1226 – 1234 Г.Г.

Аннотация: Данная работа предлагает использование системного анализа в качестве метода изучения Тевтонского ордена для понимания его позиции в структуре международных отношений с 1226 по 1234 год. Автор предлагает модель организации государственных и негосударственных акторов, участвовавших в колонизации прусских земель в указанный период. Анализ первичных и вторичных источников о происхождении и политических отношениях Ордена в выбранный период позволил автору построить представленную структуру. В статье рассматривается роль религиозных орденов как акторов, внесших вклад в европейские проекты колонизации сначала в Европе, а затем и за рубежом. В статье предполагается, что политические интересы ордена и его германских покровителей, а также Папы Римского, совпадали в изучаемый период, что способствовало сотрудничеству. Автор приходит к выводу, что по мере трансформации Ордена из негосударственного актора в государственный он закрепил за собой место в международной структуре, чтобы впоследствии стать региональной державой, защищавшей экспансионистские интересы Германии в Восточной Европе.

Ключевые слова: колонизация, история Калининграда, Пруссия, системный анализ, Тевтонский орден.

THE TEUTONIC ORDER AS A NON STATE ACTOR OF GERMAN EXPANSIONISM IN PRUSSIA IN THE PERIOD OF 1226 TO 1234

Summary: This work proposes to study the Teutonic Order from a systemic analysis to understand its position in the structure of international relations. The author proposes a model to organize state and non-state actors involved in the colonization of Prussian lands from 1226 to 1234. An analysis of primary and secondary sources on the origins and political relations of the Order in the chosen period allowed the author to construct the presented structure. The article approaches the role of religious orders as subjects that contributed to European projects of colonization first in Europe and then abroad. This work demonstrates that political interests of the Order and its Germanic sponsors, but also of the Pope, coincided in the studied period and this allowed cooperation. The author concludes that as the Order transformed from a non-state to a state actor it secured a position in the

international structure to later become a regional power that guarded Germanic expansionist interests in Eastern Europe.

Keywords: colonization, history of Kaliningrad, Prussia, systemic analysis, Teutonic Order.

Изучение европейской системы международных отношений (ЕСМО) средневековья важно для понимания эволюции современных политических систем и взаимодействия в Европе между региональными державами, такими как Россия и Германия. Однако это может быть сложной задачей, поскольку элементы исторических систем могут отличаться от тех, которые мы изучаем сегодня. Несомненно, изучение исторической роли Германии в ЕСМО имеет важное значение, поскольку она оказала влияние на континентальную политику и общество, будучи центром власти, который представляла собой Священная Римская империя (СРИ) с X по XIX века. Этот политический субъект может быть изучен как подсистема, состоящая из различных политических субъектов или государственных акторов. Некоторые из них взаимодействовали с параллельно организованными негосударственными акторами, такими как Тевтонский орден, для достижения своих политико-религиозных и экономических целей. Орден служил СРИ и Католической церкви (конкурирующим и сотрудничающим акторам) как инструмент колонизации и христианизации европейского Востока, включая земли славян, пруссов и других прибалтийских народов.

В данной работе предлагается подход к изучению немецкой экспансии и колонизации прусских земель посредством системного анализа европейских средневековых международных отношений, в частности, восточно-центральноевропейской подсистемы международных отношений (ВЦЕПМО) второго десятилетия XIII века. Автор исходит из гипотезы, что после издания буллы Ремини 1226 года Тевтонский орден представлял собой политико-религиозный негосударственный субъект, обладавший достаточной властью, чтобы взаимодействовать с другими региональными государственными субъектами на равных и превратиться в могущественного государственного актора после издания буллы Риети 1234 года для обеспечения германских экспансионистских интересов в Прибалтике в XIII веке. Таким образом, в центре внимания данного исследования находятся упомянутые две золотые буллы, а предметом исследования является взаимодействие Тевтонского ордена с другими региональными государственными и негосударственными акторами в период между принятием этих двух исторических документов. Данная работа пытается ответить на вопрос о положении Тевтонского ордена в структуре Восточной Европы XIII века как негосударственного актора и о типе его взаимодействия с другими акторами в регионе, затронутом экспансионизмом СРИ и Католической церкви. Задача исследования состоит в изучении 1) Золотой буллы Ремини 1226 года и Золотой буллы Риети 1234 года, а также 2) Прусской хроники Николая фон Иерошима для выявления: а) элементов,

позволивших ордену действовать в качестве вооруженного агента германо-католических государственных деятелей; б) его взаимодействия с другими акторами; и в) элементов, обеспечивших ему государственность. Новизна работы заключается в использовании системного анализа как метода изучения исторических негосударственных акторов, имеющих отношение к изучению русской истории. Результаты данного исследования могут быть использованы для анализа других исторических случаев, когда негосударственные акторы служили политическим и экономическим интересам Германии в колонизации Востока.

П.А. Цыганков определяет понятие системы в международных отношениях и политологии как «определенную группу элементов... связанных между собой сетью взаимодействий», при этом группа элементов представляет собой «единое целое, отграниченное от своего внешнего окружения (энвайронмента), с которым она находится в постоянном взаимодействии, и испытывающем влияние со стороны указанных внутренних изменений (контекста)»; «форма и конфигурация» системы претерпевают изменения в течение своего существования, которые могут влиять и определять поведение ее элементов, что в конечном итоге может изменить ее организацию или структуру [1, с. 3-4]. А.Д. Богатуров считает, что элементы системы могут быть организованы в однополярную, биполярную или многополярную структуру, а их положение в ней определяется совокупностью потенциальных компонентов ее «комплексного влияния на международные отношения», которые являются экономическими, политическими, военными и культурными [2, с. 30]. Таким образом, структура является иерархической, основанной на имеющихся ресурсах элементов и на том, как они могут использовать их для обеспечения своих интересов. Элементы структуры могут быть двух типов: государственные и негосударственные акторы (транснациональные корпорации, международные политические движения и группы, криминальные сети, политические партии) [2, с. 85, 3, с. 10-23]. Хотя государства в основном формируют структуру посредством различных типов постоянного взаимодействия, негосударственные акторы могут влиять на свои государства, чтобы те заменили интересы государства своими собственными [3, с. 36].

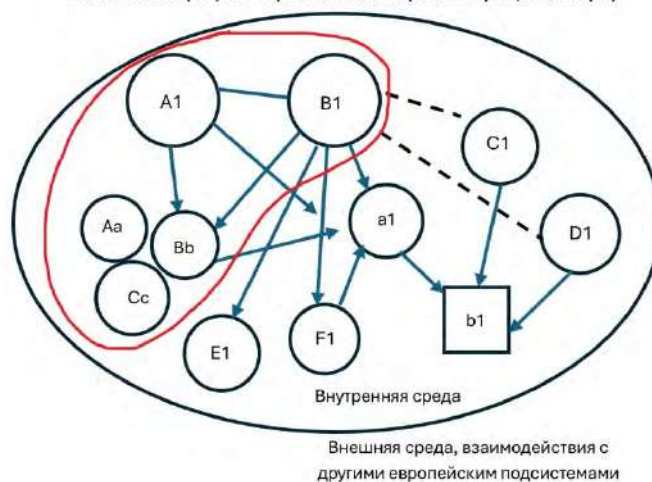
ЕСМО Средневековья была многополярной и имела различные региональные подсистемы с различными центрами власти: Франция, Англия и СРИ. Данная работа посвящена изучению ВЦЕПМО, субъекты внутри которой с 1226 по 1234 год могут быть сгруппированы в те же вышеупомянутые два типа, несмотря на то что государства не были единственным типом государственных акторов, которые формировали структуру системы, как происходит в наши дни. Государственные акторы ВЦЕПМО включали в себя: 1) сеньоров или землевладельцев, которые «осуществляли квазисуверенные функции на основе территориальных прав» и участвовали в «межфеодальных отношениях», регулируемых насилием; а также регулировали торговлю и отношения с иностранцами на своих землях, 2) Католическую церковь через

Римское папство, которая издавала декреты и буллы, заключала договоры с другими государственными акторами, диктовала культуру и мораль, а также создавала и претворяла в жизнь политические и военные стратегии для завоевания утраченных христианских земель на Ближнем Востоке или колонизации Восточной Европы и народов Прибалтики и, 3) крупные державы в средневековой ВЦЕПМО, такие как СРИ (она выступала в качестве посредника «между королями и князьями»), Польша и Венгрия, а также 4) свободные города, княжества, графства, герцогства, епископства и аббатства, входившие в состав СРИ [4, с. 922-928, 5, с. 291-297, 6, с. 6-8, 7, с. 89-90]. С другой стороны, к негосударственным акторам ВЦЕПМО относились: 1) христиане, служившие в военных орденах, участвовавших в крестовых походах, к примеру, тамплиеры и Тевтонский орден в Восточной Центральной Европе; 2) миссионеры-епископы Церкви; и 3) конфедерации или союзы городов, такие как Ганзейский союз [4, 926-928, 6, с. 6]. Кроме того, к негосударственным акторам в ЕСМО относились невоенные христианские религиозные ордена, такие как бенедиктинский орден (основан в 529 году), францисканский орден (основан в 1209 году) или доминиканский орден (основан в 1216 году), причем два последних впоследствии сыграли важную роль в испанской колонизации и христианизации Америки. Взаимодействие государственных и негосударственных акторов ВЦЕПМО охватывало различные сферы, включая трудовые отношения и землевладение, торговые и военные вопросы, а также политическую идеологию христианства, целью которой было подчинение язычников Востока, «чья жизнь в целом не считалась равными и имеющими ту же ценность, что и жизни христиан» [6, с. 9]. Христианство Католической Церкви служило силой для обеспечения и легитимизации императора СРИ и поддержания стабильности.

В исследованной ВЦЕПМО вышеупомянутое разнообразие государственных и негосударственных акторов было организовано в иерархическую многополярную структуру. В начале XIII века СРИ и Католическая церковь были элементами первой группы, характеризующейся суверенитетом (как сотрудничающие, так и конкурирующие державы, представленные на рисунке как A1 и B1), в эту группу также входили Русь (C1) и Литва (D1). Венгрия (E1) и Польша (F1) находились во второй группе, поскольку были христианизированы и, не являясь частью СРИ или ее вассалами, рассматривали Папу Римского как религиозную власть. Свободные города, княжества, графства, герцогства, епископства и аббатства (Aa, Bb, Cc, Xx...), входящие в состав СРИ (обозначены на рисунке красной линией), можно отнести к третьей группе в качестве акторов второго уровня из-за их вассальных отношений с императором, поскольку все они были подчинены ему. В третью группу также входили негосударственные акторы, такие как религиозные ордены (a1), которые в структуре могли располагаться между первым и вторым уровнями, поскольку они служили интересам двух основных акторов и использовались против акторов более низких уровней. Четвёртая

группа включала в себя негосударственных акторов (или так называемые «варварские» общества), в интересах СРИ, но вне её досягаемости, например, пруссов (b1). В предложенной модели акторы A1 и B1 взаимодействовали напрямую с Aa, Ba, Cc, Xx..., а также с E1 и F1, и иногда с C1 и D1. Акторы A1 и B1 взаимодействовали напрямую с актором a1, поскольку это было им

Рисунок 1. Восточно-центральноевропейской подсистемы международных отношений (ВЦЕПМО) 1226-1234 гг. (иллюстрация автора)

выгодно для колонизации и контроля над актором b1; другие элементы, такие как Aa, Ba, Cc, Xx..., также взаимодействовали напрямую с актором a1, предоставляя ресурсы для его колонизационной политики. Негосударственные акторы не были столь же сильны или независимы, как государственные, поскольку их можно было расформировать, когда основные государственные акторы считали, что их задачи выполнены или что они угрожают установленной структуре, как это случилось с тамплиерами в 1307 году [8, с. 444].

Предыдущие исследования Тевтонского ордена основаны на исторических работах, некоторые из которых описывают относительно мирные взаимодействия между Русью и Пруссией и намерения православной Руси остановить продвижение ордена в Прибалтике, которое закончилось победой новгородского князя Александра Невского после Ледового побоища 5 апреля 1242 года [9, с. 287-290, 10, с. 28-32, 11, с. 59-63]. Однако данная работа ставит своей целью реконструкцию роли ордена как негосударственного актора региональной подсистемы международных отношений в выбранный период времени, чтобы лучше понять действия Ордена и мотивы колонизации прусских земель.

Военные ордена в западном христианстве формировались в XI веке с целью защиты христианских земель. Первоначально христианские ордена имели два типа религиозных уставов: 1) монашеские – монахи сосредотачивались на внутреннем совершенстве и видели себя учениками, стремящимися к духовному росту, и 2) каноники, посвящавшие себя «общественному апостольству на службе церквям или различным благотворительным делам», они видели себя примерами и моральными

наставниками, чья миссия заключалась в улучшении общества [12, с. 384-385]. Военные ордена начинались как благотворительные каноники или госпитальеры, которые позже взяли на себя военные задачи, такие как Орден Храма, Орден Святого Фомы или Тевтонский орден (официально известный как Госпиталь Святой Марии Немецкого Дома в Иерусалиме), в то время как другие, такие как «Иберийские ордена Калатравы и Монтесы» или «Ливонский орден», создавались исключительно как военные ордена [12, с. 387-388]. Тевтонский орден был основан в 1190 году во время осады Акры немецкими купцами из Бремена и Любека «во время третьего крестового похода», которые основали госпиталь и получили задание «заботиться о раненых и больных немецких крестоносцах», к 1198 году Орден принял на себя военные обязанности, а в 1199 году папа Иннокентий III подтвердил это изменение [12, с. 388-389, 13, с. 10-13, 14, с. 3-29]. Важно отметить, что госпитальеры служили гарнизонными войсками, защищавшими паломников из Европы, направлявшихся в Святую Землю; они получали пожертвования для госпиталей от европейских королевских покровителей, а Тевтонский орден получал материальные ресурсы, в частности, от СРИ и Католической церкви [12, с. 398-400, 13, с. 13]. Первым магистром Ордена в его военной форме был Генрих Вальпот (с 1198 по 1200 год), за ним последовал Отто фон Керпен (1200-1209), затем Герман Барт (1209) и, наконец, Герман фон Зальца (1209-1239), четвертый магистр, организатор крестовых походов против пруссов [14, с. 35-36].

Орден получал пожертвования от видных немецких князей (таких как герцог Австрии Леопольд VI, благодаря которому глава Ордена Герман фон Зальца стал достаточно влиятельным, чтобы заключить мирное соглашение между Фридрихом II и папой Григорием IX), а также получить защиту и имущество в Тюрингии, Палестине, Швабии, Нюрнберге, Италии, Сицилии, Пелопоннесе, Бурценланде (венгерская Трансильвания), легитимность от папы и наемников из таких королевств, как датское и немецкие [13, с. 19-30]. Орден был изгнан из Венгрии в 1225 году в связи с опасениями, что он мог попытаться создать независимое государство в королевстве; годом позже булла Ремини папы Григория IX и подтверждение императора Фридриха II дали ему право колонизировать Пруссию после приглашения герцога Конрада Мазовецкого воевать с вендами по Крушвицкому договору 1226 года [9, с. 288, 11, с. 59, 13, с. 48-72, 14, с. 3-4]. Золотая булла Ремини 1226 года дала Тевтонскому ордену явное разрешение на вторжение в Пруссию с целью ее покорения и обращения пруссов в христианство, захвата их земель и ресурсов, а также управления, как упоминается в тексте: «(Фридрих II) дает индульгенцию, благодаря которой католики могут приступить к работе по порабощению варварских народов и реформированию богослужения»... «Герцог Конрад [Куявийско-Мазовийский] обещал и предложил им [Тевтонскому ордену] землю Кульм, которая находится в пределах пограничной территории и границ Пруссии, намереваясь, чтобы они взялись за

дело и воспользовались возможностью войти и получить землю Пруссии во славу и честь Истинного Бога»... «Фридрих дает свое разрешение на вторжение. Он также дает братьям свои императорские права на горы, равнины, реки, леса и море, которые они будут держать без всякого повиновения и сборов и не будут обязаны никому отвечать»... «они могут взимать пошлины, создавать рынки и ярмарки, чеканка денег, точный налог и другие права и т. д., создают судей и ректоров, которым будут подчиняться люди, как обращенные, так и необращенные; и братья могут устанавливать добрые обычаи и традиции, проводить судебные заседания и принимать законы для укрепления верующих и поддержания мира» [15]. Булла свидетельствует о сотрудничестве между Папой и императором СРИ в достижении общих религиозных и политических интересов, таких как обеспечение безопасности границ латинского христианства в Восточной Центральной Европе, а также передача задач безопасности частным армиям, коими являлись христианские военные ордена. Булла также свидетельствует о власти и влиянии, которые накапливал Тевтонский орден, поскольку ему удалось успешно заключить своего рода договор с крупными государственными деятелями, используя обещанную герцогом Конрадом добычу.

Н. Иерошим описал то, что он считал злодеяниями против христиан в Кульмерланде со стороны пруссов, которые сопротивлялись обращению в христианство и колонизации; Конрад призвал меченосцев из Ливонии и предложил им прусские земли, если они успешно их завоюют, хотя этого не произошло [14, с. 44-46]. Позже польский герцог призвал Тевтонский орден и после первой успешной битвы против пруссов дал им земли Кульма, Лобау и Пруссии, подписал упомянутый договор с орденом, построил им крепости Фогельзанг, Нессау и Торн на Вислинском озере [14, с. 48-68]. Прусские территории были разделены на одиннадцать областей: Кумерланд, Помезания, Погезания, Галиндия (современная Польша), Вармия, Натангия, Самбия, Надровия, Скаловия, Судовия и Бартия (части современного Калининграда, Россия) [10, с. 25-26, 14, с. 68]. С 1230 по 1234 год немецкие паломники со всей СРИ и Польши присоединились к крестовому походу после того, как папа Григорий IX издал две буллы в 1230 и 1232 годах, и построили город Кульм (современный Хелмно, Польша), Орден сражался с пруссами на их территории, убивал дворян из Помезании, строил крепости, такие как Мариенвердер и Реден, уничтожил более 5000 погезанцев в битве при Райзене зимой 1233-1234 годов и, наконец, изгнал пруссов из Кумерланда [14, с. 74-76]. 3 августа 1234 года папа Григорий IX издал Золотую буллу Риети, в которой он предоставил Ордену привилегии на завоеванных землях «под прямым верховным сюзеренитетом папы» [14, с. 4]. К сожалению, текст этой буллы недоступен во вторичных источниках, и для ознакомления с содержанием этого документа необходимы дальнейшие исследования первоисточников в архивах. Орден был распущен в 1312 году, когда французский король Филипп IV потребовал, чтобы

все ордена находились под его контролем, а сам Орден был секуляризирован [14, с. 12].

Историческую роль Тевтонского ордена в колонизации Пруссии можно изучить на основе системного анализа ЕСМО и ВЦЕПМО. Орден был негосударственным актором до 1234 года, поскольку это был военный орден, который вел наступательные действия против нехристианских народов в обмен на покровительство и пожертвования от богатых германских и других европейских государственных акторов. Орден зависел от двух основных государственных акторов в ВЦЕПМО — СРИ и Католической церкви, но в то же время ему удавалось манипулировать ими таким образом, чтобы достичь собственных политических интересов, то есть создать собственное государство. В этой подсистеме северные крестовые походы были одной из форм взаимодействия между государственными и негосударственными акторами. Главной мотивацией Ордена было обеспечение своего места в системе международных отношений посредством владения землей и создания государства, которое должно было трансформироваться из уязвимого и зависимого от Церкви негосударственного актора в дееспособного государственного актора, который впоследствии стал бы средоточием власти в Восточной Европе и Европе.

Список литературы:

- 1.Цыганков, П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки. – 2013. - № 5. – С. 3 – 25.
- 2.Богатуров, А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. – М.: издательство «Аспект Пресс», 2020. – 480 с.
- 3.Хрусталеv, М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. – М.: НОФМО, 2008. – 232 с.
- 4.Hershey, A.S. The History of International Relations During Antiquity and the Middle Ages // The American Journal of International Law. – 1911. - Vol. 5. No. 4. – P. 901 – 33.
- 5.Strauss, G. The Holy Roman Empire Revisited // Central European History. – 1978. - Vol. 11. No. 3. – P. 290 – 301.
- 6.Ladner, G.B. The Holy Roman Empire of the Tenth Century and East Central Europe // The Polish Review. – 1960. - Vol. 5. No. 4. – P. 3 – 14.
- 7.Bakshian, A., Wilson, P. The First Reich // The National Interest. – 2016. - No. 146. – P. 88 – 96.
- 8.Гончарук, А.С. Крестовые походы. Тамплеры // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. – 2022. – С. 438 – 445.
- 9.Шалдунова, Т.Н. Интересы Тевтонского ордена и политика папства в северной и восточной Европе в XII-XIV вв // Четвертые виноградские чтения. – 2025. – С. 285 – 292.

- 10.Новиков, А.С. Роль Надровии в сопротивлении экспансии Тевтонского ордена в XIII в. // Калининградские архивы. – 2014. - № 11. – С. 25 – 33.
- 11.Даровская, А.А. Политика Тевтонского ордена по колонизации Пруссии // Ганзейский союз: от зарождения к возрождению. – 2024. – С. 58 – 64.
- 12.Brodman, J.W. Rule and Identity: The Case of the Military Orders // The Catholic Historical Review. – 2001. - Vol. 87. No. 3. – P. 383 – 400.
- 13.Morton, N.E. The Teutonic Knights in the Holy Land. – NY.: The Boydell Press, 2009. – 245 p.
- 14.The Chronicle of Prussia: A History of the Teutonic Knights in Prussia, 1190-1331 by Nicolaus von Jeroschin. – NY.: Routledge, 2010. – 321 p.
- 15.The Golden Bull of Rimini, March 1226 // Documents Relating to the Baltic Crusade (1199-1266). – URL:
<https://web.archive.org/web/20120728085340/http://www.deremilitari.org/RESOURCE/S/SOURCES/baltic1.htm> (дата обращения 25.02.2026).

Гончарова Екатерина Викторовна
кандидат исторических наук, доцент
Псковский государственный университет
SPIN-код: 9083-0071
Goncharova Ekaterina
Pskov State University

НАДГРОБНЫЕ РЕЧИ В ПУБЛИЧНОМ БОГОСЛУЖЕНИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ XIX ВЕКА

Аннотация: Данная статья посвящена речам при погребении усопшего, которые впоследствии были опубликованы. Изучение этих текстов позволяет представить публичную часть богослужения XIX столетия, а также отразить частное и публичное в их содержании. Священнослужитель в последнем слове об усопшем обращался как к ныне живущим, так и к покойному, описывая его деяния при жизни и формулируя мысль о дальнейшей судьбе его бессмертной души. Сравнение опубликованных надгробных речей на погребении усопших разного пола, возраста и социального положения позволяет не только выявить детали биографии покойных, но и проследить изменения в самой форме и содержании речи на протяжении изучаемого периода, что отражает провинциальную реальность эпохи.

Ключевые слова: надгробная речь, слово при погребении, частное и публичное, провинциальная реальность.

FUNERAL SPEECHES IN PUBLIC WORSHIP OF THE PROVINCIAL REALITY OF THE 19TH CENTURY

Summary: This article is devoted to the funeral speeches of the deceased, which were later published. Studying these texts allows us to present the public part of the 19th-century liturgy, as well as to reflect the private and public aspects of their content. In the final words about the deceased, the priest addressed both the living and the deceased, describing their deeds during their lifetime and expressing their thoughts about the future of their immortal souls. A comparison of published eulogies for the burial of deceased individuals of different genders, ages, and social status allows not only to identify details of the deceased's biography but also to trace changes in the form and content of the eulogy throughout the study period, reflecting the provincial reality of the era.

Keywords: a eulogy, a funeral speech, private and public, provincial reality.

Провинциальная реальность любого исторического периода отражает те моменты и тенденции, которые проживает общество в рамках своего существования на определенной территории. Жизнь и смерть за пределами

столичного региона также формирует не только систему общественных отношений, но и осмысления человека в этом мире и пространстве.

В пространстве публичного богослужения, а затем уже и в печати, появление надгробных речей известно уже в XVIII веке. Именно в эпоху Просвещения в измерении как публичного пространства, так и личного значимым становится вопрос молебнов и других религиозных действий, составляющих публичные богослужения. В XIX столетии происходит трансформация деталей структуры и риторики надгробных речей как результат отражения социума и религиозного мировоззрения его членов.

Дальнейшее развитие проповеди как части публичного богослужения и дальнейшее изучение опубликованных источников способствует осмыслению феномена исторической памяти и персональной истории, анализу мемориальной культуры эпохи. Запечатленная в надгробной речи память о покойном фиксируется в опубликованном тексте речи, как и те мысли, которые проповедник вкладывал для осмысления еще живущими современниками усопшего.

Как отмечает Е.Е. Надточий, сам похоронный обряд стал синтезом русских национальных культурных практик, соединивших обрядность и ритуал, когда вся поминальная культура строилась вокруг идеи путешествия души усопшего.

[1, с. 21 - 29].

По мнению В.А. Чирковой, церковная проповедь занимает важное место в общественной жизни, а проповеди знаменитых церковных риторов привлекали слушателей из разных сословий, породив богатые духовные «вития» [2, с. 400 - 411].

М.К. Парамонова пишет, к концу XVIII века надгробное слово перестает быть «средоточием сложной дидактики и богословских рассуждений», организационным центром которого становятся чувства и эмоции [3, с. 106 - 112].

Изучение соотношения частного и публичного позволяет глубже понять исторический процесс, выявить особенности восприятия провинциальной действительности людьми, в которой они живут и умирают, установить взаимосвязь между событиями общественной жизни и внутренним миром человека. Надгробные проповеди в этом отношении еще не достаточно изучены, хотя сохранившиеся тексты позволяют проследить эволюцию содержания документа и его варианты «авторского прочтения» для XIX столетия. Внимание исследователей (Е.Е. Надточий, В.А. Чирковой, М.К. Парамоновой) приходится на источники XVIII века, что определяет привлечение материалов XIX в. для изучения надгробных речей в публичном богослужении.

Так, сохранился опубликованный текст «Надгробного слова при погребении статской советницы Елизаветы Семеновны Смольянской, произнесенного в Сергиевской церкви, что в Рогожской, Спасо-

Андрониевского монастыря Архимандритом и кавалером Гермогеном 1821 года июня 22 дня». Важным в этом источнике является наличие отметки о печати: «С одобрения Цензурного комитета, учрежденного при Московской Духовной академии».

В начале опубликованного текста речи автор разместил цитату, выделенную курсивом: «*Праведник аще постигнет скончатися, в покое будет*». Далее следует пространное рассуждение о смерти: «Нет ничего обыкновеннее и нет ничего поразительнее, как зрелище смерти к бессмертию предназначенного человека». Чувства, которые испытывает человек, сталкиваясь с феноменом смерти, описываются проповедником как «глубокие впечатления скорби и горести». Рассуждая о причинах, автор отмечает: «Сие происходит частью от того, что смерть подобных нам людей напоминает каждому из нас о необходимости обратиться в землю, от которой мы взяты». При этом, истинные причины видятся в том, что «не во всех до такой степени совершенства возвышается *потаенный сердца человек*, в каком он бывает в людях, которых закон духа жизни о Христе Иисусе свободил есть от закона греховного и смерти (в) частью ото вечного по видимому разлучения с теми, с которыми были сопряжены теснейшим союзом любви и дружества». Необходимо отметить, что отдельные слова и фразы также выделяются курсивом для расстановки смысловых акцентов, которые в устной речи, вероятно, акцентировались интонационно.

При этом, автором проповеди обращает внимание на важную деталь, а именно на матримониальный статус умершей и ее благодетельное замужество: «Судя по той нежной любви, которая сию благословенную чету, разлученную ныне ударом смерти, представляла образцем супружеской верности, мы не можем удивляться, что глубокая скорбь и обилие слез сопровождают сие разлучение».

Далее идет обращение к супругу покойной: «Но утоли скорбь твою, достойный и верный друг почившей о Господе супруги твоей! Безмолвствующие уста ея живо вещают нам, что она не требует сострадания нашего. *Праведник аще постигнет скончатися, в покое будет.*» Следует обратить внимание, что в качестве утешения для супруга почившей, проповедник отмечает, что «твоя скорбь да вознаградится ея успокоением и утешением там – в чертоге славы». Таким образом, от имени почившей до ныне живущих через проповедника доносится мысль о ее посмертии, сравнивая усопшую с праведником.

В тексте надгробного слова затрагивается мысль о бессмертии: «И какой праведник пожелает себе бессмертия на земли, - на земли проклятой в делах рук человеческих, - в мире, во зле лежащем и всегда готовом *изменить разум его*? Что удержит его? Привязанность ли к плоти? Но – что теряет тот, кто по воле царя, оставив скудную хижину, преселяется в столицу, где вся слава, где всегдашнее его присутствие, где он сам может видеть служение верного раба?» В теоретическом споре, автор вопрошает у собеседника: «Что теряет тот, кто,

оставя бесплодные пустыни и безводные дебри, вступает в землю, величием и разнообразием предметов преукрашенную, медом и млеком кипящую?...»

В конце речи, завершая пространные рассуждения о бессмертии проповедник обращается к собравшимся: «А мы, при совершении сего последнего долга, прольем теплые молитвы ко Господу, да вселит душу усопшей рабы своей Боярыни Елизаветы в месте светле, в месте прохладе, в месте покоя, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, - где царствует Свете присносущный. Аминь» [4, с. 1-13].

Вся надгробная речь занимает 13 страниц. При этом на всем протяжении текста смысловые акценты дополнительно выделены курсивом: это целые предложения и отдельные слова. Образ покойной, который рисует автор в своей речи, не просто транслирует христианские добродетели, но заставляет слушающего или читающего проанализировать собственный жизненный путь на предмет соответствия заданному идеалу.

Другой привлеченный к анализу источник относится к 1856 году. Это «Слово при погребении генерал-фельдмаршала, светлейшего князя, Михаила Семеновича Воронцова, произнесенное синодальным членом Высокопреосвященным Иннокентием, Архиепископом Херсонским и Таврическим в Одесском кафедральном соборе 10-го ноября, 1856 года» [5, с. 1-36].

В тексте также, как и в предыдущем источнике присутствует отметка: «Печатано с дозволения Духовной цензуры». Автор этой надгробной речи начинает с обращения к почившему: «Итак, моим слабым устами суждено обратиться к тебе, почивший в Бозе Князь, последнее на земле слов, и воздать тебе последний христианский долг!». Проповедник в самом начале проповеди сразу задает высокую планку морально-нравственного положения покойного: «утешаясь столько времени, и личною приязнью твоею, и множеством лавров на главе твоей, мне же должно теперь быть провозвестником и всеобщей скорби о кончине твоей и собрать печальные кипарисы на гробницу твою!».

Сравнивая отношение к скорби по умершему в тексте предыдущего источника отметим, что автор «Слова при погребении статской советницы Елизаветы Семеновны Смольянской», обращает внимание на то, что «она не требует сострадания нашего».

Далее в тексте «Слова при погребении генерал-фельдмаршала, светлейшего князя, Михаила Семеновича Воронцова», проповедник обращается к заслугам покойного: «гроб маститаго Героя и мудраго Областеправителя; но как тяжело поднять руку, чтобы по знаменательному уставу Св. церкви бросить на прощание горсть праха в могилу Твою!»

В обращении к усопшему отмечается: «Мы надеялись, возлюбленный Князь», встретить «с особенною радостью приближавшийся день Ангела Твоего; думали украсить его, преимущественно любезными для тебя, цветами благотворительности; а Ты, как бы по тайному мановению свыше, поспешил сам в мир Ангельский....». Таким образом подчеркиваются не только

благодетели почившего, но и его скромность сопряженная с делами благотворительности. Отметим, что в опубликованном тексте, вероятно, присутствует опечатка, а именно в слове «встретить» не хватает первой буквы «в» и третьей «т».

Обращается автор надгробной речи к примеру покойного, ныне живущим: «Не пререкаем новому горнему призванию твоему, как и внезапно оно было для нас, и исполним с своей стороны все, что может содействовать восходу твоему в обители Отца небесного». Как и в предыдущем тексте проповеди, автор отмечает образ почившего как пример ныне живущим: «но, воздая тебе последний на земле долг, не можем не воспрять и последнего урока из жизни и деяний твоих: кончина подобных тебе мужей не должна перейти без особенного назидания для остающихся на земле».

Далее в тексте очень пространно отмечаются добродетели покойного: «Знаем, что ты не любил похвал и не терпел звучных отзывов о подвигах твоих; не услышишь их теперь! Скажется одно то, что может служить во славу Божию и в общее наставление каждого. В этом, как христианин, не можешь Ты отказать нам – из самого гроба Твоего!»

В речи автор обращает внимания на достоинства человека и суть его природы как таковой: «Состав земной жизни каждого человека, брат. мои, слагается как бы из двух частей, из коих первая, нисколько не завися от нас самих, по тому самому всецело принадлежит нашему Творцу и Господу». Далее описаны «дары природы и естественные способности наши, коими всеблагая десница Творческая напутствует каждого человека, *грядущего в мир*».

Обращает внимание автор надгробной речи, что «дары сии» еще «не составляют сами по себе нравственного достоинства в человеке», а могут даже «при злоупотреблении ими, обращаться в тягчайшую вину для него». Однако решающая роль отводится «намерению Промысла Божия», что должно служить основанием и условием «к его будущим заслугам и достоинству». Выделяет автор и вторую часть «в составе земного бытия нашего», которая тоже находится в «тайной зависимости от промысла Божия», но при этом «отдана, можно сказать, в собственные наши руки».

Именно то, как человек будет распоряжаться этими дарами и само употребление «в деле данных нам при рождении сил и талантов, иначе сказать, вся совокупность наших свободных чувств, мыслей и действий, поелику тут место всей свободе и произволу человека» определяет нравственный выбор. Таким образом, здесь же «полное место его заслуг и нравственному достоинству, его прославлению, или осуждению пред Богом и человеками».

Отмечаются непосредственно и сами достоинства покойного: «усопший князь приял от небесного Домовладыки не один или два, а десять талантов? Это стройное сложение и крепость сил телесных видимо предуготованы были для обширной и неутомимой деятельности и для безвредного перенесения самых тяжких трудов». Выделяются интеллектуальные способности почившего: «этот глубокий, светлый и проницательный, ум сам собою стремился к предметам

возвышенным, ища всюду и во всем того, что может служить на пользу общую».

Внутреннее состояние человека, его «величие духа, сила воли и постоянство характера, даже без внешних побуждений, заключали в самих себе решимость на самые великие и долговременные подвиги, - небоязнь никаких препятствий или опасностей». Проповедник делает вывод, что «это глубокое чувство порядка, благоустройства и благолепия, очевидно, нигде не могло быть покойным дотоле, пока не распространит порядка, довольства и радости вокруг себя». Человеческие качества, такие как «добродота сердца, мягкость нрава и тонкий вкус заранее обещали всегдашнюю доступность, привлекательность в обхождении и готовность к оказанию всякому возможных услуг, ручаясь взаимно за всеобщее благорасположение и приверженность к почившему».

Осмысливается автором проповеди и становление покойного в социуме: «Присоедините к сему – что так же есть дар Божий, - полную независимость по внешнему состоянию, высоту так называемого, положения в свете, превосходное воспитание, возможность с ранних лет видеть самые лучшие образцы во всем и постоянно находиться в кругу людей, коих коих одно обхождение есть уже наука; - и вы, взирая на такое счастливое совокупление в одном лице и природных даров и внешних условий к их развитию, невольно ожидаете от будущего действователя – человека необыкновенного».

Интересная сравнительная фигура речи в описании встречается относительно того, как сочетаются в одном человеке такие многогранные задатки и добродетели: «дела и труды его так велики и разнообразны, что в лице его работал и подвизался, кажется, не один человек, а как бы некое собрание лиц, - и все они преразумны и общепользны, и все достойны уважения и любви!»

Далее пространно перечисляются заслуги фельдмаршала: «Начнем с военного поприща, как главного в жизни почившаго. Здесь, чтобы обнять хотя беглым взором деяния фельдмаршала, надобно возобновить в мыслях едва не всю историю текущаго столетия...».

Таким образом, опубликованные надгробные речи XIX столетия содержат различные личностные характеристики покойных, к которым авторы текстов обращаются в своих проповедях, наряду с ныне живущими современниками почивших. Обращается внимание на статус, воспитание, семейное положение, общественные и профессиональные заслуги и деяния, жизненный путь и даже характер, отмечая особенно черты, которые позволяют демонстрировать в поведении покойного и его образе жизни и мыслей пример для других.

Текстовая структура надгробной речи содержала указание на значимость личности умершего, выраженное в формах похвалы, оценки морального облика и общественного и профессионального вклада. Изучение текстов публично произнесённых надгробных речей священников XIX века представляет собой важный инструмент реконструкции историко-культурного контекста эпохи,

особенностей вероучительных практик и социальной иерархии российского общества. Анализ данного вида опубликованных источников позволяет выделить особенности риторики православного духовенства, определить её коммуникативные функции и выяснить этико-философские представления русской религиозной культуры изучаемой эпохи.

Методология исследования включала сравнительный подход, который позволил сопоставлять характеристики высказанных оценочных категорий и композиционные элементы внутри каждого текста. Отдельное внимание уделялось выявлению стилистической специфики текста, раскрывающих картину восприятия смерти, природы человека и судьбы индивидуальной души в контексте православной картины мира.

Анализ текстов показал сохранение устойчивых характеристик жанра надгробных речей предыдущего периода. Характеристика образа умершего сочеталась с призывами к благочестивым поступкам живых, утверждением идей вечной жизни и ответственности перед Богом. Среди важных смысловых доминант проповеди можно выделить апелляцию к личной добродетели почившего, восхваление общественной значимости деяний и подчёркивание сакрального смысла каждого человеческого существования.

Отдельного внимания и дальнейшего изучения заслуживают тексты надгробных речей женщин, отражающие патриархальные установки относительно женской роли в обществе и семье.

Исследование показало важность риторического аспекта публичных богослужений XIX века как источника сведений о религиозных практиках, социальном устройстве и культурных особенностях русского провинциального общества. Надгробные речи служат важным индикатором изменения представлений о смерти и морально-нравственных качествах личности в разные исторические периоды.

Несмотря на то, что в надгробной речи на первый план выходит повод, по которому создается этот текст, – смерть общественно значимого члена социума, – внимание к мировоззрению, взглядам и пониманию феномена смерти и жизни становится едва ли не центральной темой. Для сохранившихся источников значимым является обращение с проповедью к еще живущим современникам покойного, которые должны были думать о смерти и своей бессмертной душе.

Список литературы:

1. Надточий Е.Е. Роль первых российских надгробных речей конца XVII - начала XVIII в. в становлении жанра // Вестник Томского государственного университета. 2022. №478. С. 21 – 29.
2. Чикова В.А. Взаимодействие светского и церковного начал в общественной жизни России в середине XVIII века // Научный диалог. 2015. №12 (48). С. 400 – 411.

- 3.Парамонова М.К. «Светлейший между россиянами»: художественное своеобразие комплекса надгробных слов на смерть Г.А. Потемкина // Отечественная филология. 2021. №5. С. 106 – 112.
- 4.Гермоген (Сперанский, Георгий Прокопьевич) Надгробное слово при погребении статской советницы Елисаветы Семеновны Смольянской / произнесенное в Сергиевской церкви, что в Рогожской, Спасо-Андрониевского монастыря архимандритом и кавалером Гермогеном, 1821 года, июня 22 дня. - Москва: Синодальная типография, 1821. – 13 с.
- 5.Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич, архиепископ Херсонский и Таврический; 1800-1857.). Слово при погребении генерал-фельдмаршала, светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова, произнесенное синодальным членом, высокопреосвященным Иннокентием, архиеп. Херсонским и Таврическим в Одесском кафедральном Преображенском соборе 10-го ноября, 1856 года. - Одесса: тип. П. Францова, 1856. – 36 с.

Гринёв Андрей Вальтерович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого

SPIN-код: 6257-0049

Andrei Grinëv

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ НА УСТУПКУ АЛЯСКИ США

Аннотация: Статья посвящена анализу финансовых проблем, которые встали в 1860-х гг. перед Российско-Американской компанией, управлявшей Аляской с 1799 г. На основании документов и статистики делается вывод о том, что невозможность самостоятельно без помощи правительства преодолеть долговой кризис в 1866 г. стала одной из важнейших причин продажи США российских колоний в Америке в 1867 г.

Ключевые слова: кредиты, долги, Российско-Американская компания, Русская Америка.

THE IMPACT OF THE RUSSIAN-AMERICAN COMPANY'S FINANCIAL PROBLEMS ON THE CESSION OF ALASKA TO THE UNITED STATES

Summary: This article analyzes the financial problems that the Russian-American Company, which had managed Alaska since 1799, faced in the 1860s. Based on documents and statistics, it is concluded that the inability to overcome the debt crisis in 1866 without government assistance was one of the most important reasons for the sale of Russian colonies in America to the United States in 1867.

Keywords: loans, debts, Russian-American company, Russian America.

Еще в 2022 г. во время очередной конференции в СПбГУПТД мне довелось сделать доклад по теме: могла ли Россия удержать свои заокеанские владения на Аляске и не допустить ее продажи США в 1867 г.? [9]. Эти владения, ранее известные как «российские колонии в Америке», а сейчас обычно именуемые «Русской Америкой», стали формироваться после открытия Южной Аляски и цепи Алеутских островов в 1741 г. экспедицией В.Й. Беринга – А.И. Чирикова. В 1784 г. на самом крупном острове Аляски Кадьяке возникло первое постоянное русское поселение, а в 1799 г. император Павел I передал контроль над российскими владениями в Новом Свете монопольной торгово-промысловой Российско-Американской компании (РАК), находящейся под монаршим покровительством. Почти 70 лет компания управляла Аляской, пока она не была уступлена Соединенным Штатам за 7,2 млн. долларов.

О причинах этого акта неоднократно писали историки в России и за рубежом, причем тема продажи русских колоний до сих пор продолжает волновать отечественных исследователей. Правда, их попытки анализировать эти причины далеко не всегда можно назвать успешными, в частности, из-за игнорирования предшествующей историографии и ряда важных документальных источников. Так, например, исследователи А.Ю. Саломатин и Л.Ю. Полянская в своей статье (2024) затронули причины продажи Аляски, но при этом фактически полностью проигнорировали материалы нескольких крупных трудов отечественных и зарубежных специалистов по этой тематике [4, 21, 22 и др. раб.]. Вместо их произведений соавторы решили опереться на работы Д.А. Белякова, которые описывают проблему с формально-юридической точки зрения [20, с.50, 55]. В результате авторы приходят к выводу, что тяжелое финансовое положение РАК (угроза банкротства) накануне продажи Аляски США не играло существенной роли. Они пишут: «Так, поводом к сделке послужил тезис об экономической «неэффективности» РАК и превосходстве американцев в освоении данной территории. Но, скорее всего, определяющим для принятия решения стало утверждение о необходимости «экономить государственные финансы» за счет отказа от субсидий РАК и получения денег за её продажу» [20, с.50].

На самом деле проблема экономической «эффективности» РАК имеет довольно сложный характер [7, с.180–183], который не был надлежащим образом рассмотрен в данной статье. Добавлю, что американцы вообще не занимались до 1867 г. освоением территории Аляски, а лишь временно бывали в ее территориальных водах для торговли, рыбной ловли и промысла китов. Вопросы об экономии государственных субсидий и желании получить некую сумму за продажу Русской Америки действительно отразились в официальных документах, связанных с уступкой Аляски США. Однако экономия на дотациях РАК со стороны Морского министерства в реальности могла носить чисто символический характер: общие расходы по этому ведомству в 1866 г. составляли 21 636 417 руб., а субсидия РАК на этот год – 268 000 руб., т.е. немногим более 1,2% [18, с.90]. Финансовая выручка от продажи территории Русской Америки тоже не имела решающего значения, поскольку планируемая к получению сумма была определена в 5 млн. долларов или немногим больше, а потому просто терялась на фоне общего бюджета империи, составлявшего свыше 400 млн. руб. [4, с.183, 200].

Несколько иного мнения на основные причины продажи Аляски придерживаются А.Д. Афанасьева и О.В. Пигорева. Они пишут в своей статье (2024): «Сохранение в России феодально-крепостнических отношений, не позволивших российским предпринимателям рассчитывать при освоении Аляски и Алеутских островов на труд свободных людей и финансовую поддержку правительства, стремление правящей элиты к получению быстрой прибыли от деятельности Российско-американской компании в условиях

минимальной государственной поддержки предопределили потерю Русской Америки» [2, с.146].

Проанализирую вкратце это высказывание. Начну с того, крепостное право было отменено в России в 1861 г., а Аляска была продана только в 1867 г., то есть спустя несколько лет, а потому у бывших крепостных крестьян была теоретическая возможность за этот период заключить трудовые контракты с российскими предпринимателями и переселиться в русские колонии. Кроме того, еще до отмены крепостничества Аляску могли заселить не знавшие помещичьего гнета выходцы с Русского Севера и Сибири. Поэтому не феодально-крепостнические отношения, а монопольное положение Российско-Американской компании, не допускавшей на подконтрольной территории никаких самостоятельных конкурентов, препятствовало отечественным предпринимателям вести дела в американских колониях империи. Добавлю, что правящая элита России совершенно не рассчитывала на какие-то особые прибыли от эксплуатации аляскинских ресурсов, поскольку число акционеров из числа высшей аристократии было не слишком велико, а владельцами основных пакетов акций к концу существования РАК были представители торгово-промышленного капитала [17, с.235–237]. Наконец, государственная поддержка РАК носила отнюдь не символический характер, о чем сказано выше: с 1866 г. казна должна была ежегодно предоставлять безвозмездное пособие компании в размере 200 000 руб. серебром из сметы Морского министерства, с одновременным списанием накопившегося долга правительству на солидную сумму в 725 000 руб. [14, с.31; 4, с.183].

Если после этих критических замечаний обратиться к финансовой истории РАК, то можно выделить несколько периодов ее процветания, стабильности и кризисов. Последние приходились на первые годы XIX в., начало 1820-х гг., середину 1840-х и 1860-х гг. Причины этих кризисов заключались в просчетах и злоупотреблениях менеджмента РАК [8], в неблагоприятной экономической конъюнктуре, в случайных обстоятельствах, (например, гибели судов с ценным грузом) и так далее. Нас в данном случае будет интересовать в первую очередь последний финансовый кризис, в который РАК попала в 1860-е гг., поскольку он оказал заметное влияние на решение высших должностных лиц империи избавиться от Русской Америки.

Надо сказать, что в историографии роль финансово-экономического фактора в качестве одной из причин продажи Аляски в 1867 г. трактуется достаточно противоречиво. Так, в свое время академик РАН Н.Н. Болховитинов полагал, что финансовое положение РАК в этот период было трудным, но не критическим, а потому финансовые проблемы компании не могли стать важным основанием для уступки российских колоний Соединенным Штатам [3, с.131; 4, с.191-192, 201, 316]. С подобной точкой зрения был солидарен и американский профессор Норман Сол [24, р.391]. По мнению профессора Г.А. Аграната, утверждения об экономическом упадке РАК в заключительный период ее истории вообще явно преувеличены [1, с.56–57, 60]. С другой

стороны, ряд отечественных и зарубежных авторов писал о банкротстве компании в 1860-х гг. или, по крайней мере, о положении, близком к этому состоянию [12, с.130–143; 21, р.18, 35–36; 25, р.143–166]. Попробуем подробнее разобраться в этом запутанном вопросе.

Если говорить о финансовом аспекте, то дела компании с начала 1860-х гг., а, точнее, с 1863 г. стали стремительно ухудшаться, хотя РАК, для поддержания репутации в глазах правительства и деловых кругов, пыталась на протяжении 1858–1861 гг. выплачивать акционерам повышенные дивиденды по 18–20 руб. серебром ежегодно на 150-рублевую акцию, что составляло 12–13% от ее номинала. Это было в два раза выше доходности обычных ценных бумаг в тот период времени (см., например, котировки акций в газете «Московские ведомости» за соответствующие годы).

Здесь следует уточнить, что вся экономика Русской Америки и финансовое благополучие РАК строились преимущественно на добыче и приобретении у туземцев аляскинских мехов – в первую очередь шкур каланов, морских котиков, речных бобров, песцов и лис с последующей реализацией на российском и китайском рынке, где меха обменивались на китайский чай, который затем поставлялся в Россию. Этот механизм более или менее успешно функционировал несколько десятилетий вплоть до 1860-х гг. Однако в этот период экономическая ситуация начинает существенно меняться. На традиционном для РАК китайском рынке резко возросла конкуренция со стороны американских добытчиков, завозивших сюда шкурки морских котиков с островов Южных морей. Китайские купцы все больше теряли заинтересованность в аляскинской пушнине из-за сокращения внутреннего спроса вследствие мощного восстания тайпинов – крестьянской войны в Китае против маньчжурской империи Цин и иностранных колонизаторов (1850–1864), а также Второй «опиумной» англо-франко-китайской войны (1856–1860). Попытки РАК переориентироваться на американский и европейский пушные рынки имели лишь частичный успех, поскольку компании пришлось столкнуться с постоянными жалобами и рекламациями ее торговых контрагентов на плохое качество обработки шкур [23, р.294–295, 356–357]. Решить эту проблему мешала сложившаяся в колониях система социально-экономических отношений [6].

Кроме этого, имелся ряд дополнительных факторов, способствовавших истощению капиталов РАК в начале 1860-х гг. Так, в 1862 г. казна прекратила финансовую поддержку компании и предоставление ей некоторых льгот в связи с формальным окончанием ее предыдущих 20-летних привилегий (с 1842 г.). Вместе с тем правительство не сняло с РАК ответственности за содержание социальной сферы и административного аппарата колоний. Еще один удар по экономическому благосостоянию компании нанес указ царского правительства, согласно которому с 1 апреля 1862 г. вводился свободный ввоз в Россию чая, в том числе и морским путем. Впрочем, еще до введения этого указа в жизнь цены на чай заметно упали, а вместе с ними и доходы компании [15, с.3–7; 13,

с.211–215]. Поэтому несмотря на то, что в 1863 г. торговля и пушной промысел в колониях были вполне удовлетворительны, финансовые дела РАК резко ухудшились: расходы компании превысили ее доходы на 377 680 руб. 31 коп. серебром [16, с.4]. Эта сумма была компенсирована за счет так называемого «запасного капитала», однако долго существовать при подобном отрицательном балансе РАК явно было не под силу. Экономический кризис в самой России очень затруднял сбыт колониальной пушнины: в 1863 г. остались не распроданными 3 000 ценных шкур калана. Кроме того, массовый завоз чая в Петербург из Англии (а также контрабандным путем через практически открытую польскую границу из-за восстания в Польше 1863–1864 гг.), лишил компанию прибыли от чайной торговли. В 1863 г. приказчики РАК не смогли продать ни одного ящика чая и лишь в 1864 г. им удалось реализовать его по весьма низким ценам [16, с.8–10]. Компания не могла воспользоваться дешевым кредитом, поскольку бурный рост капитализма в пореформенной России отвлекал капиталы в более прибыльные отрасли, нежели традиционная пушная торговля, для которой была характерна непредсказуемость и слишком медленный оборот капитала (около 5 лет).

Все эти неблагоприятные экономические факторы самым отрицательным образом сказывались на финансовом состоянии РАК и негативно отражались на жизни колоний, о чем свидетельствуют неопубликованные записки лейтенанта Дмитрия Недельковича, служившего в Русской Америке в 1860–1866 гг. [5, л.121–123]. Финансовые затруднения компании сказывались и на выплатах дивидендов акционерам: в 1862 и 1863 гг. они вообще не получили ни копейки по своим акциям [16, с.4]. О тяжелом финансовом положении РАК свидетельствовало также постоянное падение биржевого курса ее акций: летом 1866 г. их котировка была на треть ниже номинала (150 руб. серебром). Даже утверждение правительством в этом же году монопольных привилегий РАК на новый 20-летний срок и обещание регулярной финансовой помощи от казны мало изменили ситуацию – падение курса акций продолжилось и в начале 1867 г., когда котировка акций РАК на Санкт-Петербургской бирже в феврале этого года достигла своего минимума за всю историю: за 150-рублевую акцию трейдеры давали всего 75 руб. серебром [11, с.1]. Не помогли и меры экстренной финансовой поддержки со стороны государства, когда по «высочайшему повелению» 27 ноября 1866 г. РАК получила от казны дополнительные заемные средства (в Петербурге и Лондоне) на сумму более 122 000 руб., а затем 20 января 1867 г. императором было предписано Государственному банку выдать компании кредит еще на 205 142 руб. под гарантии государства [14, с.31–32].

Но все эти пособия и дотации могли оттянуть, но не предотвратить грядущего финансового коллапса РАК. Дело в том, что по данным финансовой статистики самой компании, представленной в декабре 1866 г., сумма ее доходов превысила расходы всего на 43 700 руб. сер., в то время как ее долги, подлежащие немедленной оплате, составили громадную сумму в 1 121 670

руб. серебром [4, с.191]. Поэтому директора РАК в специальной записке, направленной в Министерство финансов, вынуждены были признать необходимость новых срочных субсидий в размере 1 120 000 руб. серебром для уплаты накопившихся задолженностей и прямо признавали: «Обращаясь засим к вопросу о дальнейшем своем существовании, Компания обязана подтвердить с чистейшею откровенностью, что без денежных средств для уплаты ее долгов никакая мера не может спасти это предприятие от совершенного прекращения его деятельности» [19, с.395]. Действительно, по данным финансовой статистики, в 1866 г. запасной и экстренный капиталы совершенно истощились, а страховой капитал значительно уменьшился, в то время как сумма долгов осталась почти неизменной. В документе Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов констатировалось: «Вообще Компания в последнее время постоянно заявляла сама, что дела ее находятся в положении почти безнадежном» [14, с.32].

В свою очередь министр финансов Михаил Рейтерн в записке от 2(14) декабря 1866 г. министру иностранных дел князю Александру Горчакову отмечал: «Компания даже не приносит существенной пользы акционерам, находится в положении, близком к несостоятельности и может быть только искусственно поддерживаема значительными со стороны правительства пожертвованиями» [19, с.397]. Далее Рейтерн указывал, что в перспективе возможна следующая альтернатива: или продолжение субсидирования государством этой формально независимой коммерческой организации, или изъятие у нее американских колоний и перевод их на казенное управление, что опять же было бы сопряжено с дополнительными немалыми финансовыми издержками. Однако император на секретном совещании по поводу будущего Русской Америки, состоявшемся 16(28) декабря 1866 г., избрал третий путь решения проблемы – уступить заокеанские владения США, что и было реализовано 31 марта 1867 г., когда в Вашингтоне был подписан договор о продаже Аляски США.

Подводя общие итоги можно прийти к следующим выводам. В целом тезис академика Н.Н. Болховитина и еще ряда специалистов (автор этих строк также долгое время придерживался подобной точки зрения) о том, что финансовое положение РАК в середине 1860-х гг. было трудным, но не критическим, выглядит не слишком убедительно. Сама компания в конце 1866 – начале 1867 г. неоднократно и недвусмысленно сообщала в своих посланиях Министерству финансов, что она близка к полному банкротству. Естественно, что высшие должностные лица не могли не учитывать это обстоятельство, когда принимали роковое решение о судьбе Русской Америки. Таким образом, на документы и статистика свидетельствуют о том, что Российско-Американская компания в середине 1860-х гг. не могла самостоятельно без помощи правительства выбраться из долгового кризиса, а это, в свою очередь, стало одной из важнейших причин продажи США российских колоний в Новом Свете в 1867 г.

Список литературы:

1. Агранат Г.А. Судьбы Русской Америки // США: экономика, политика, идеология. – 1997. – № 11. – С.52–63.
2. Афанасьев А.Д., Пигорева О.В. Российские владения в Северной Америке в XVIII–XIX веках: особенности колонизации и причины потери региона // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 11. – С. 140–146.
3. Болховитинов Н.Н. Как продали Аляску // Международная жизнь. – 1988. – № 7. – С.120–131.
4. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. – М.: Наука, 1990. – 358 с.
5. Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников. – Ф.92. – Д.99445/4650.
6. Гринёв А.В. Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-Американская компания: система экономических взаимоотношений // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 3. – С.74–88.
7. Гринёв А.В. Российский политаризм как главная причина продажи Аляски // Acta Slavica Iaponica. – 2006. – Т. XXIII. – Р. 171–202.
8. Гринёв А.В. Проблемы менеджмента Российско-Американской компании (1799–1867) // Клио. – 2011. – № 8. – С.65–75.
9. Гринёв А.В. Могла ли Россия удержать Аляску? // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого: матер. междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 1 апреля 2022 года / под ред. С.И. Бугашева, Ю.В. Ватолиной, А.С. Минина. Т.1. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2022. – С.111–119.
10. Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. – СПб.: В тип. Деп-та внешней торговли, 1863. – 404 с.
11. Московские ведомости. – 1867. – 11 марта. – № 56. – С.1–4.
12. Нарочницкий А.Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70-е годы XIX века // Исторические записки. – 1953. – Т. 44. – С.130–176.
13. Окунь С.Б. Российско-Американская компания. – М., Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. – 259 с.
14. О расчетах с Российско-американскою компаниею по случаю уступки русских владений в Америке Соединенным Штатам // Департамент Торговли и мануфактур. Отд. II-е. Стол 3-й. 31 августа 1868 года. № 4956. – СПб.: В тип. Мин. финансов. – 1868. – С.1–38.
15. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за 1861 г. – СПб.: В тип. Р. Голике, 1862. – 46 с.
16. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за 1863 г. – СПб.: В тип. Э. Треймана, 1865. – 46 с.
17. Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежных рынках (1799–1867). – М.: ИВИ РАН, 2006. – 315 с.

18. Приложение к Государственной росписи доходов и расходов на 1867 год, опубликованной 4-го Апреля 1867 г. в Сенатских Ведомостях. – СПб.: Тип. Майкова, 1867. – 197 с.
19. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867: сб. док. / Сост. Т.С. Федорова, А.Ю. Петров, А.В. Гринёв; отв. ред. А.Ю. Петров. – М.: Наука, 2010. – 483 с.
20. Саломатин А.Ю., Полянская Л.Ю. Русская Америка и продажа Аляски в контексте геополитических и исторических реалий середины XIX в. // Основы российской государственности: перспективы исследования и междисциплинарного изучения: сб. тр. по материалам Всерос. науч. конф. (г. Пенза, 13 декабря 2023 г.). – Пенза: Изд-во ПГУ, 2024. – С. 42–55.
21. Gibson J.R. The Sale of Russian America to the United States // *Acta Slavica Japonica*. – 1983. – Vol. 1. – P.15–37.
22. Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. – Seattle and London: University of Washington Press, 1975. – 185 p.
23. National Archives and Records Administration (Washington, DC). RAC Records. Roll. 25.
24. Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. – Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1991. – 460 p.
25. Thomas, Russo-American Relations 1815–1867. – New York: Da Capo Press, 1970. – 185 p.

Грицай Людмила Александровна

доктор педагогических наук, доцент

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

SPIN-код: 9447-8656

Lyudmila Gritsai

Yaroslavl State Pedagogical University

ОБРАЗ ВОЛГИ В ИСКУССТВЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация: Статья посвящена комплексному культурологическому анализу образа Волги в искусстве сталинской эпохи как одного из ключевых символов советской визуальной и художественной культуры 1930-1950-х годов. Рассматриваются живопись, плакат, литература и кино как взаимодополняющие медиумы формирования устойчивой семиотической модели, в которой река предстает одновременно природной стихией, индустриальной артерией и сакрализованным образом Родины. В статье выявляются идеологические, эстетические и мифопоэтические аспекты образа Волги, анализируется его связь с индустриализацией, мобилизационной культурой и оборонной риторикой. Делается вывод о том, что в сталинский период Волга становится универсальной метафорой государственного могущества, исторической преемственности и коллективного труда.

Ключевые слова: Волга, сталинская эпоха, советское искусство, культурная символика, индустриализация, социалистический реализм, кино, коллективная идентичность, художественный образ, идеология.

THE IMAGE OF THE VOLGA IN THE ART OF THE STALIN ERA

Summary: The article is devoted to a comprehensive cultural analysis of the Volga River image in the art of the Stalin era as one of the key symbols of the Soviet visual and artistic culture of the 1930s and 1950s. Painting, poster, literature and cinema are considered as complementary mediums for the formation of a stable semiotic model in which the river appears simultaneously as a natural element, an industrial artery and a sacral image of the Motherland. The article identifies the ideological, aesthetic and mythopoetic aspects of the Volga image, analyzes its connection with industrialization, mobilization culture and defense rhetoric. It is concluded that during the Stalinist period, the Volga became a universal metaphor for state power, historical continuity, and collective labor.

Keywords: Volga, Stalin era, Soviet art, cultural symbols, industrialization, socialist realism, cinema, collective identity, artistic image, ideology.

Образ Волги занимает в русской культурной традиции особое место, однако именно в сталинскую эпоху он приобретает принципиально новую семантическую насыщенность, превращаясь из преимущественно природного и лирического мотива в масштабный государственно-символический конструкт,

отражающий представления о могуществе, исторической миссии и коллективном предназначении страны, исходя из этого, актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления механизмов формирования культурных мифов советского периода и выявления тех художественных стратегий, посредством которых природное пространство включалось в систему идеологического производства смыслов.

Целью настоящей работы является выявление и интерпретация основных моделей репрезентации Волги в искусстве 1930–1950-х годов, а также определение ее роли в формировании символического языка сталинской культуры, научная значимость исследования заключается в комплексном междисциплинарном подходе, объединяющем анализ живописи, плаката, литературы и кино, что позволяет рассматривать образ реки не изолированно, а в системе культурных коммуникаций эпохи.

Методологическую основу работы составляют культурологический и семиотический анализ, элементы историко-контекстуального подхода, а также интерпретация художественного текста в парадигме социалистического реализма как нормативной эстетической модели сталинского периода. Применение сравнительного метода позволяет выявить устойчивые мотивы и доминирующие символические коды, а обращение к кинематографу как центральному медиуму эпохи дает возможность проследить механизмы массового закрепления образа Волги в общественном сознании.

В русской культурной традиции образ Волги формировался на протяжении столетий как концентрированное выражение национального самосознания, исторической судьбы и пространственного единства страны, поскольку река, соединяющая обширные территории от верховьев до Каспия, выступала не только важнейшей транспортной артерией и источником экономического благополучия, но и своеобразным природным каркасом государственности, обеспечивавшим оборону рубежей, освоение окраин и символическое собирание земель в единое целое. Уже в дореволюционной словесности Волга осмысливается как живая метафора России, как её материнское лоно и вместе с тем как пространство исторических испытаний, что находит выражение в поэзии Н.М. Языкова, где, по наблюдению А.В. Мельниковой, река предстает символом Родины, концентрирующим идеи национальной мощи, духовной свободы и исторической памяти [5, с. 50-54]. В художественном мире М. Горького, тесно связанном с волжским пространством, Волга, как показывают В.Т. Захарова и Л.К. Оляндэр, приобретает статус образа-символа России, включенного в широкий литературный и междухудожественный контекст, где река становится не только фоном, но и активным носителем мировоззренческих смыслов, определяющих картину мира писателя [1, с. 59-65].

Гидроним Волга, как отмечают Т.М. Малыхина и Т.В. Летапурс, в художественном тексте функционирует как носитель идейных смыслов, способный аккумулировать представления о народной судьбе, социальной динамике и экзистенциальном выборе, что наглядно проявляется в

автобиографической прозе В.А. Гиляровского, где река оказывается пространством становления личности и одновременно образом страны в её историческом движении [4, с. 217-236]. Таким образом, к началу XX века в русской культуре складывается сложный семантический комплекс, в котором Волга означает жизнь, труд, простор, опасность, вольность, материнство, границу, защиту, историческую память и сакральную глубину национального бытия. Многие из этих значений, укорененных в дореволюционной словесности и изобразительном искусстве, органично переходят в советскую эпоху, где получают новую идеологическую интерпретацию.

В сталинский период символический статус Волги существенно усиливается в связи с трансформацией стратегической линии советского государства, когда отказ И.В. Сталина от троцкистской концепции перманентной мировой революции в пользу курса на строительство социализма в отдельно взятой стране обусловил необходимость формирования образов, репрезентирующих целостность, самодостаточность и внутреннюю мощь советского пространства. Волга в данном контексте оказывается идеальным символом, поскольку она географически и культурно маркирует сердцевину страны, соединяя индустриальные центры, сельскохозяйственные районы и стратегические узлы коммуникации, тем самым воплощая идею единства и внутренней концентрации сил.

Советский проект индустриализации, предполагавший масштабное строительство гидроэлектростанций и транспортных каналов, придал образу реки отчетливо выраженное прогрессистское измерение, поскольку покорение водной стихии и создание крупных энергетических объектов рассматривались как доказательство способности нового общества преобразовывать природу и подчинять её задачам социалистического строительства. В изобразительном искусстве и графике 1940-1960-х годов, как указывает О.П. Малкова в исследовании образов Сталинграда-Волгограда, Волга становится осью индустриального и архитектурного пространства, вокруг которой выстраиваются мотивы возрождения, строительства и триумфа, а сам город мыслится как грандиозная строительная площадка, где коллективный труд обретает героический характер [3, с. 329-340].

Архитектурный облик послевоенного Сталинграда, сформированный под руководством ведущих советских зодчих и ориентированный на создание идеального советского города, нес в себе идеи триумфа, устойчивости власти и мемориализации подвига, что находило отражение и в художественных интерпретациях волжского пространства, поэтому Волга в этих произведениях предстает не только природной стихией, но и структурообразующим элементом архитектурного ансамбля, открытого к реке и символически обращенного к её широте и мощи.

Особое значение приобретает защитно-оборонительный аспект образа Волги, который ещё до Великой Отечественной войны воспринимался как стратегический рубеж, а в годы Сталинградской битвы окончательно закрепился в

массовом сознании формулой о том, что «за Волгой для нас земли нет». В трилогии К.М. Симонова, как показывает М.Б. Лоскутникова, волжские рубежи функционируют как всеобъемлющий знак России, сочетающий военно-политический и экзистенциально-сакральный смысл, причем в романе «Солдатами не рождаются» обращение к Волге эволюционирует от понятийного знака к идейно-символическому, что связано с осмыслением Сталинградской битвы как предельного испытания национального духа [2, с. 99-107]. В этом контексте река осмысляется как граница между жизнью и смертью, между поражением и победой, как пространство, где концентрируется воля народа к сопротивлению.

Таким образом, в сталинскую эпоху образ Волги аккумулирует и переосмысливает широкий спектр значений, сложившихся в русской культуре ранее: она остается символом жизни и народной судьбы, но одновременно становится эмблемой социалистического строительства, индустриального прогресса, государственной мощи и воинской славы; она выступает пространственной осью, объединяющей территории и народы, защитным рубежом и сакральной границей, местом коллективного труда и местом подвига. В этом многослойном символическом комплексе соединяются дореволюционные представления о Волге как материнской реке России и советская идея преобразования природы и истории усилиями организованного общества, что и определяет особую насыщенность и идеологическую ёмкость её художественного образа в искусстве сталинского времени.

Анализируя произведения искусства сталинской эпохи, можно заключить, что образ Волги в них представляет собой сложный культурный конструкт, в котором соединились архетипические представления о реке как материнском начале и новейшие идеологические смыслы, связанные с индустриализацией, мобилизацией общества и утверждением модели коллективного исторического действия, поскольку в 1930–1950-е годы художественная репрезентация Волги последовательно переводится из сферы преимущественно природно-поэтической в сферу государственно-символическую, где река осмысляется как материальная и духовная артерия социалистической Родины. В культурологической перспективе Волга данного периода выступает не просто географическим объектом, но знаковой формой репрезентации сталинского проекта, где природное пространство подчиняется идее исторической целесообразности, а сама река становится медиатором между прошлым, настоящим и будущим страны.

В живописи сталинской эпохи образ Волги приобретает эпический масштаб и отчетливо выраженный индустриальный акцент, что особенно наглядно проявилось в серии «Волга – русская река» Николая Ромадина, удостоенной Сталинской премии, где река показана как полноводная, широкая и внутренне сосредоточенная сила, сочетающая величие природной стихии и признаки социалистического освоения пространства. У Ромадина водная гладь часто сопряжена с мотивами барж, пристаней, далеких строек, благодаря чему пейзаж превращается в образ исторического движения, а сама Волга предстаёт не только

как природная данность, но и как участник коллективного труда. Сходный смысловой акцент обнаруживается в картине Владимира Греческого «Волга», где река трактуется как транспортная магистраль, насыщенная судами и промышленной динамикой, причем композиция подчеркивает необъятность пространства и его включенность в экономический оборот страны. В работах Аркадия Пластова, в частности, в полотне «Волга» 1940-х годов, река оказывается связанной с крестьянским и колхозным трудом, с образом плодородия и устойчивости сельской жизни, что формирует представление о Волге как источнике жизненных сил народа. В картине Николая Федоровского «Пароход на Волге» акцент переносится на индустриальный ритм, на движение барж с грузами, на материальный результат пятилеток, а в серии Юрия Пименова «Волга» 1945 года динамика судов и масштаб канала Волга-Москва становятся художественным воплощением идеи преобразования природы в интересах социалистического строительства.

Плакатное искусство 1930–1940-х годов, в частности, работы Виктора Корецкого и Виктора Дени, закрепляет за Волгой статус символа социалистического пути, где плотины, гидроузлы, фигуры рабочих и красноармейцев объединяются в единую композиционную формулу, транслирующую лозунг о Волге как дороге к социализму. В подобных визуальных решениях река утрачивает индивидуальную пейзажную уникальность и превращается в эмблему общего дела, в знак исторической направленности страны, в образ пространственного единства, защищенного и мобилизованного. Даже в детской книге Н. Свиненко «Волга. Картинки с текстом» 1930 года река предстаёт как рабочая артерия советской страны, где иллюстрации труда на берегах формируют у юного читателя представление о Волге как о пространстве полезной деятельности, как о школе гражданского взросления.

Особое значение в конструировании образа Волги как маркера сталинской эпохи принадлежит кинематографу, который становится важнейшим искусством. Музыкальная комедия «Волга-Волга», поставленная Григорием Александровым, выводит реку в пространство праздничного мифа о счастливой стране, где путешествие по Волге становится аллегорией движения к признанию таланта, к общественному успеху, к столице как центру культурной легитимации. Река здесь одновременно фон и действующее лицо, она объединяет провинцию и Москву, связывает локальное и общесоюзное, символизирует мобильность и открытость социальных лифтов. Обращение к теме канала Волга-Москва подчеркивает индустриальное могущество государства, а легкий комедийный тон маскирует глубинный пафос коллективного единства и веры в социалистическое будущее.

Кульминацией фильма становится песня, исполняемая Любовью Орловой, где Волга именуется красавицей народной, широкой, глубокой, сильной, и в этой поэтической формуле соединяются архетип материнской реки и образ могучей Родины. Уже первые строки, в которых Волга катилась слезами сквозь века, вводят историческую перспективу страдания, что отсылает к дореволюционному прошлому, к эпохам угнетения и социальной несправедливости, однако далее в

тексте происходит принципиальный семантический перелом: река не сдавалась цепям и обманам, а значит, она изначально наделена внутренней свободой, которая коррелирует с образом народа, способного к сопротивлению. Упоминание Степана и Емельяна вводит в текст историческую память о бунтарях, что позволяет интерпретировать Волгу как пространство народной воли и протеста, но в контексте сталинской эпохи этот мотив переосмысливается как предыстория нынешней организованной силы.

Припев, где Волга сопоставляется с морем по полноводности и с Родиной по свободе, формирует прямую метафору тождества реки и страны, причём характеристика широка, глубока, сильна переводит природные параметры в категорию политической и моральной мощи:

Красавица народная, –
Как море, полноводная,
Как Родина, свободная, –
Широка, глубока, сильна!

Существенно, что прежняя тоска сменяется радостью, а серые тучи разорваны усилием коллективного «мы», благодаря чему река становится моделью новой жизни, текущей могучим потоком, поэтому здесь символика общего дела выражена через образ единой водной массы, в которой растворены индивидуальные различия и подчеркнута целостность исторического движения. Волга в песне не только природный объект, но и проекция социалистического общества, где личная судьба включена в общий поток труда и созидания.

Отдельного внимания заслуживает оборонительный мотив, отчетливо артикулированный в финальных строфах, где враги уподобляются голодным волкам, оставляющим следы у границ, но лишенным доступа к красавице Волге. Этот образ закрепляет за рекой статус сакральной территории, символа защищенной Родины, к которой чужой не будет допущен. Таким образом, песня выполняет функцию эмоциональной мобилизации, соединяя оптимизм мирного труда с готовностью к защите страны, а сама Волга предстаёт как символ исторической устойчивости и национальной неприкосновенности. Оптимистическая тональность произведения, подчеркнутая весенней образностью и мотивом молодого счастья, формирует модель будущего как естественного продолжения мощного речного течения, что в контексте сталинской культуры означает веру в необратимость социалистического проекта.

Если обратиться к более позднему периоду, то песня «Течёт река Волга», созданная Марком Фрадкиным и Львом Ошаниным для фильма «Течёт Волга» 1962 года, демонстрирует трансформацию символа, при которой личное переживание соединяется с коллективной памятью. В этом произведении Волга осмысливается как река времени, как свидетель человеческой судьбы и труда, как пространство, где индивидуальная биография вписана в общий исторический поток. Если в сталинскую эпоху акцент делался на героике строительства и мобилизационном оптимизме, то здесь на первый план выходит лирическое

чувство сопричастности, однако сама идея тождества реки и Родины сохраняется, что подтверждает устойчивость символического ядра образа.

Рассмотрим образ Волги в советском искусстве с помощью таблицы 1.

Таблица 1

Ключевые особенности репрезентации образа Волги в различных видах искусства сталинской эпохи

Вид искусства	Тип репрезентации Волги и ключевые мотивы	Идеологическая функция	Доминирующий эмоциональный тон
Кино. «Волга-Волга», реж. Григорий Александров	Пространство движения и объединения страны. Путешествие по реке, коллектив, канал Волга–Москва, песня	Символ единства народа, мобильности и культурной интеграции	Оптимизм, праздничность, уверенность в будущем
Музыкальная культура. Песня из фильма «Волга-Волга», исп. Любовь Орлова	Персонифицированный образ реки как Родины. Красавица народная, широта, глубина, сила, защита границ	Формирование образа Родины как сильной и непобедимой державы	Воодушевление, патриотический подъем
Документальное кино. «Великая Волга» 1937	Индустриальная артерия страны. Плотины, гидроузлы, суда, стройки пятилеток	Легитимация индустриализации и преобразования природы	Героический пафос
Н. Ромадин, серия «Волга - русская река». Эпическая природно-историческая сила	Простор, полноводие, масштаб, связь с историей. Репрезентация национального величия и устойчивости	Торжественность, монументальность	Позитивный, патриотический
Живопись. В. Гремитских «Волга»	Транспортная магистраль. Баржи, суда, промышленный пейзаж	Подчеркивание экономической мощи государства	Деловая динамика, уверенность
Живопись. А. Пластов «Волга»	Источник плодородия и труда. Колхозники, сельский пейзаж, береговая жизнь	Интеграция природы в социалистическое хозяйство	Спокойная созидательность
Живопись. Н. Федоровский «Пароход на Волге»	Индустриальный пейзаж. Пароход, груз, движение	Демонстрация успехов пятилеток	Производственный пафос
Живопись. Ю. Пименов, серия «Волга»	Динамическое пространство модернизации. Корабли, канал Волга–Москва	Визуализация технического прогресса	Энергия обновления
Плакат. В. Корецкий, В. Дени	Эмблема социалистического пути. Плотины, рабочие, лозунги	Мобилизация масс, формирование коллективной идентичности	Агитационный подъем
Литература. С. Горбатов «Волга-матушка»	Эпический путь индустриальных героев. Стройка, движение,	Создание мифа о героическом труде	Исторический оптимизм

	преодоление		
Детская литература. Н. Свиненко «Волга. Картинки с текстом»	Рабочая река страны. Иллюстрации труда на берегах	Ранняя социализация через образ труда	Воспитательный энтузиазм

На основы вышесказанного выделим обобщающие особенности образа Волги в сталинскую эпоху: во-первых, это *сакрализация пространства*, так как Волга осмысливается как центральная ось страны и как природный символ государственности; во-вторых, это индустриализация образа: река регулярно включается в контекст плотин, каналов, барж, строек и пятилеток; в-третьих, коллективизация смысла – индивидуальное переживание уступает место идее общего дела и исторической миссии народа; в-четвертых, оборонительная семантика – Волга символически защищена от врагов и связана с идеей неприкосновенности Родины; в-пятых, оптимистический вектор, в искусстве преобладает мотив весны, обновления, радости и уверенности в будущем; в-шестых, синтез природного и идеологического – природная красота не противопоставляется прогрессу, а включается в него как доказательство гармонии социалистического проекта.

Таким образом, в искусстве сталинской эпохи Волга становится универсальной метафорой могущества страны, её исторической преемственности и индустриального прорыва, при этом в кино, живописи, плакате и песне формируется единая семиотическая модель, где река выступает как пространство труда, как символ общего дела, как линия обороны и как эмблема оптимистического будущего. В культурологическом измерении данный образ позволяет говорить о Волге как о центральном топосе сталинской эпохи, в котором природное, историческое и идеологическое сливаются в цельную картину коллективной судьбы.

Список литературы:

1. Захарова В. Т., Оляндэр Л. К. Волга как образ-символ России в художественном мире М. Горького // Acta Eruditorum. – 2019. – № 31. – С. 59–65. – DOI 10.25991/AE.2019.51.18.013.
2. Лоскутникова М. Б. Волжские рубежи как символ России в трилогии К.М. Симонова «Живые и мертвые» // Среда. Культура. Текст: материалы II Всерос. науч.-практ. междисциплинарной конф. (Нижний Новгород, 09–11 ноября 2023 г.). – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. – С. 99–107.
3. Малкова О. П. Вопросы эволюции образа Сталинграда-Волгограда в изобразительном искусстве 1940–2020 годов // Искусство Евразии [Электронный журнал]. – 2020. – № 4(19). – С. 84–101. – DOI 10.46748/ARTEURAS.2020.04.007.
4. Малахина Т. М., Летапурс Т. В. Гидроним Волга как носитель идейных смыслов в художественном тексте (на примере автобиографической повести В.А. Гиляровского «Мои скитания») // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 1(52). – С. 217–236.

5.Мельникова А. В. Волга как символ страны в стихотворениях Н.М. Языкова «Моя Родина», «Мечта», «Девятое мая» // *Genius Loci: Нижегородский край в судьбе и творчестве русских и зарубежных писателей: материалы V науч.-практ. конф. молодых исследователей* (Нижний Новгород, 19 апреля 2019 г.) / Мининский ун-т. – Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2019. – С. 50–54.

Гулевская Наталья Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

SPIN-код: 8780-7607

Natalia Gulevskaya

Military Medical Academy

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНДИВИДА

Аннотация: в статье осуществлен анализ исторической памяти как фактора формирования национальной идентичности. Выявлены особенности формирования исторической памяти на примере истории России, уточнена роль и место исторической памяти в развитии культуры современного российского социума. Автор приходит к выводу о том, что историческая память является необходимым условием существования человека. В исторической памяти аккумулируются результаты познания, весь опыт социального коллектива. Историческая память является компонентом исторического сознания, помогает человеку посредством системы образов, символов, смысловых конструкций построить «проект себя в будущее».

Ключевые слова: историческая память, идентичность, историческое сознание, самоидентификация, социальный опыт.

HISTORICAL MEMORY AND IDENTITY OF THE INDIVIDUAL

Summary: the article analyzes historical memory as a factor in the formation of national identity. The features of the formation of historical memory on the example of the history of Russia were revealed, the role and place of historical memory in the development of the culture of modern Russian society was clarified. The author concludes that historical memory is a prerequisite for human existence. In historical memory, the results of cognition, the entire experience of the social team are accumulated. Historical memory is a component of historical consciousness, helps a person through a system of images, symbols, semantic structures to build a «project of himself into the future».

Keywords: historical memory, identity, historical consciousness, self-identification, social experience.

В настоящее время мы наблюдаем усилия разнообразных субъектов социальных отношений по переформатированию истории народов и государств. В конце XX века во многом в связи с распадом СССР и формированием модели однополярного мира стали реанимироваться идеи о так называемом «конце истории» [1]. Идеино-ценностным основанием нового миропорядка провозглашался либерализм. Индивид, ощущая кризис социально-онтологических оснований своей идентификации, оказался погружен при этом

в пространство «текучих» социальных структур. Подобное разрушение механизмов групповой идентификации постиндустриального модернистского общества, «новая атомизация» толкуется философами постмодернистами как «смерть социального», превращение в «симулякр». Ж. Бодрийяр трактует постмодернистскую «массовизацию», как уходящую в бесконечность, симуляцию всех форм социального бытия, отрицание социальности как таковой [2]. Ю. Хабермас заявил о кризисе постмодернистской философии, который, по мнению мыслителя, проявляется во всеобщем крайнем скептицизме к реальным социальным феноменам [3, с. 40-52]. Этот тезис исследователя нашел отклик в ряде современных работ. Действительно, и социум, и индивид переживают перманентный внутренний экзистенциальный дискомфорт от отсутствия устойчивых, объективных, ценностных оснований своего бытия. В работах многих исследователей отмечается, что в современном мире сформировался устойчивый запрос на стабильность бытия, на отрицание ценностей, порождающих отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Следует допустить, что одним из верных способов избежать ценностного вакуума действительного бытия современного человека является обращение к исторической памяти как социальному феномену, способному воссоздавать, сохранять общественное единство человечества. Таким образом, исследование феномена исторической памяти в современной гуманитарной науке детерминировано теоретическими поисками человека, стремящегося найти ответ на вопрос о смысле и ценности своего индивидуального бытия, о содержании своей исторической, социальной и культурной идентичности.

Современный этап развития человечества характеризуется размытостью понимания социальных норм. На наш взгляд, назрела необходимость формирования нового подхода к феноменам социальной памяти, в которых они закрепляются. Следует согласиться с М.А. Рожанским в том, что история как механизм, связывающий индивида с объективно существующим миром, появилась благодаря тому, что человек открыл феномен памяти. Атрибутивное свойство памяти изменять смысл событий и фактов, дает возможность задавать нужный индивиду формат событий своего бытия. Таким образом, история становится, по сути, формой существования человека. Более того, история становится инструментом, призванным дирижировать памятью человека, задавать направление, способ и форму его существования [4, с. 141-150]. Однако следует признать, «как бы ни стремился историк к объективности, историческая память проявит свою избирательность. Память не есть абстракция, она – конструкция, конфигурация которой формируется как сознательно, так и бессознательно индивидами, личностями, сообществами. Множественность памяти преодолевается ее избирательностью. Историческая память, точнее ее содержание, есть совокупность общепризнанных, доминирующих в определенный момент социального времени в обществе интенций. Тракуемая подобным образом историческая память становится фундаментом национальной идентичности. Сумма содержащихся в

исторической памяти механизмов, интенций задает единый однонаправленный вектор осознания себя всей нацией на всем пространственно-временном континууме существования социального коллектива. Народ является тем, что он знает, помнит, воспроизводит о себе. Любая форма идентичности основывается на исторических мифах, которые определяют, кто является членом группы, каковы качества членов группы и, как правило, кто и почему являются врагами группы.

В течение всей своей жизни человек является частью того или иного социального организма, при этом оставаясь индивидом, хотя и не самодостаточным. Коллектив необходим человеку постольку, поскольку ему нужна «точка опоры» для самоидентификации. Отождествляя себя с той или иной группой, человек «аккумулирует воспоминания», связанные с деятельностью этой группы в пространстве и во времени. Воспоминания представляют собой не замкнутую систему, но относительно устойчивую совокупность – память индивида. В формировании своей личности человек опирается на личную (индивидуальную) память, смысловые акценты, интерпретации событий, понятийные конструкты для которой он черпает в коллективной памяти общества. Особенностью современного этапа развития российского общества является «парадоксальное» сосуществование совершенно противоположных по содержанию парадигм коллективной памяти народа. При этом они содержат одни и те же реперы, однако их интерпретация и смысловое наполнение разнятся. На наш взгляд, подобное явление затрудняет самоидентификацию индивида, «затягивает» его личностный поиск. Нарратив исторической коллективной памяти – ключевой механизм в самоотождествлении и самоопределении индивидом себя. Это стало причиной всплеска интереса к изучению феномена исторической памяти, ее смыслового содержания и механизмов ее наполнения. В современной науке существует несколько подходов к трактовке феномена исторической памяти. В самом общем смысле память – это форма психического отражения действительности, заключающаяся в закреплении, сохранении и последующем воспроизведении человеком данных своего опыта. Из данного определения следует, что память может одновременно являться и совокупностью образов, и совокупностью текстов. Для анализа памяти как совокупности текстов весьма важным представляется правильно и объективно эти тексты дешифровать, «подобрать» язык. Иными словами, важен дискурс памяти, способы повествования, структура исторического текста. Современная наука использует сразу несколько исторических дискурсов: имперский, национальный, региональный, династический, революционный, эпический, религиозно-сакральный, просветительский. В жизни отдельного индивида эти дискурсы могут пересекаться. Подход к пониманию исторической памяти как совокупности образов прошлого предполагает метаморфозы реальных исторических фактов в факты исторической памяти. Площадкой для подобных превращений становится искусство. Причем исследователи отмечают, что подобное

семантическое наполнение, достраивание образов прошлого позволяет многое понять о самом обществе в конкретную историческую эпоху. П. Нора заложил фундамент еще одного подхода к пониманию исторической памяти – памяти-пространства [5, с. 17-50]. В современных исследованиях можно встретить такие понятия, как карта памяти, ландшафт памяти. Еще одна крайне востребованная на сегодняшний день категория, используемая при исследовании исторической памяти – миф. Эта категория используется исследователями для описания феномена коллективной идентичности через обращение к содержанию, героям мифологического творчества, подчеркивающим общность происхождения. С.Ю. Малышева предлагает нам использовать информацию, содержащуюся в мифах исторической памяти, учитывая ее трехуровневую систему. Макроисторический уровень включает в себя представления об общих параметрах и закономерностях исторического процесса. Следующий мифологический уровень содержит информацию об исторических событиях. Третий – микроисторический уровень, генерирующий представления, в центре которых располагается какая-либо персона [6, с. 683].

Таким образом, следует согласиться со сторонниками мифологического подхода в том, что в исторической памяти современного человека слиты воедино рационалистические мотивы и древние, архаические способы осмысления окружающего мира. Исходя из сказанного выше, изучение исторической памяти должно вестись в русле дешифровки, реконструкции идентификационных структур, характерных сознанию «припоминающей» эпохи. Понятия «идентичность», «память», «образ», «миф» оказываются взаимосвязанными в одном проблемном поле. Именно данные категории задают современному исследователю смысловые параметры изучения исторической памяти. Обращение к проблеме памяти в современной науке связано с теоретическими поисками индивида своей исторической, социальной и культурной идентичности. Именно историческая память становится основанием для самоидентификации индивида. Источником формирования персональной идентичности человека является его ближайшая социальная среда: семья, родственники, трудовой коллектив, друзья. Также к этой сфере идентификации человека следует отнести отождествление с религиозной общиной, политической партией, общественным движением и т. п. Источником формирования социальной идентичности является так называемое дальнее окружение человека, большие группы и общности: класс, регион, конфессия, этнос, нация, половозрастная группа, человечество.

Вне зависимости от того, что является основанием процесса идентификации, несомненна связь конструирования индивидом своей личности при помощи заимствований извне. Исследователи фиксируют разнообразные факторы, влияющие на процесс идентификации индивида. Среди них можно выделить: этническую идентичность предков, проживание на определенной территории, культурное наследие, мифы, язык, образы-символы прошлого. В качестве одного из наиболее значительных факторов можно отметить

историческую память, так как она несет в себе историю народа, в частности воспоминания об узловых событиях и деятелях прошлого, их эмоциональную оценку, хранит социальный опыт, а также многие специфические черты этноса и стереотипные модели поведения. Выше уже мы говорили о разнообразии определений этого феномена в современной науке. Историческая память нами рассматривается как форма коллективной памяти. Память о прошлом своего народа, этноса выступает в качестве фундамента для воспитания чувства сопричастности, принадлежности к определенной культурно-исторической общности, играет роль ориентира в условиях кризиса идентичности, выполняет воспитательную и формирующую личность человека функцию. Историческая память содействует сохранению связей между поколениями. Она также способствует усвоению многих социальных норм и дает объяснение настоящего. Итак, данная форма памяти играет значительную роль в процессе социализации и формирования идентичности. В ходе социализации человек вырабатывает целый комплекс идентичностей, таким образом, отвечая себе на вопрос «кто я?». Ближнее окружение индивида способствует формированию картины мира, включающей в себя, в том числе, и знания о прошлом (своего народа, этноса, государства). Различные социальные институты также оказывают мощное воздействие на историческую память, как отдельной личности, так и общества в целом. Таким образом, историческая память оказывает существенное воздействие на идентичность индивида, его отношение к себе, к представителям других групп. Нынешняя ситуация в мире такова, что в ряде стран мы фиксируем существенные метаморфозы в общественном сознании различных групп населения. Иногда это происходит в угоду геополитической конъюнктуре, экономическим приоритетам. Сегодня никого уже не удивить неоднозначными оценками расизма, антисемитизма, шовинизма, которые то и дело слышны в различных уголках планеты. Например, открытые призывы современной Украины к геноциду русскоязычного населения активно поддерживаются политиками стран Евросоюза. Весь мир как будто бы забыл об ужасах фашизма. На наш взгляд, корни этого современного явления следует искать в основании мировоззренческих ценностей европейцев. Оснований подобного сдвига в общественном сознании европейцев достаточно. Благодаря основному тиражируемому принципу постмодернистской философии – отсутствие ограничений для развития человека – современное поколение само слово табу воспринимает как угрозу человечеству. Отсюда гиперболизация многих современных духовно-нравственных процессов. Подобное социальное пространство порождает благодатную почву для разнообразных экспериментов, манипуляций общественным сознанием различными социальными субъектами. Все эти печальные процессы отражаются и на исторической памяти. Противоречивость исторического сознания современного россиянина возникла как итог пересмотра истории различными участниками политического процесса. Последние пятнадцать лет в нашей стране характеризуются

целенаправленной политикой государства в сфере исторической памяти. По нашему мнению, это положительное явление. Возникает уверенность в том, что кризисные явления нулевых годов XXI века в сфере самоидентификации человека/гражданина в России будут преодолены. Обращение к своему прошлому нашей нацией поможет ей обрести точку опоры для построения концепта своего успешного будущего. В связи с этим, считаем важным, рассмотреть вопрос об особенностях исторической памяти в нашем государстве на современном этапе его развития. Общественное пространство цивилизации России – это территория традиционной культуры. Бытие человека, как правило, подчинено природным циклам. Социальное время для русского человека определяется, прежде всего, ближайшей перспективой. Для нас не свойственно жить завтрашним днем, а далекое прошлое, как правило, отрицается. Именно эта особенность восприятия социального времени стала, на наш взгляд, определяющим вектором развития политики памяти в нашей стране и механизмом конструирования личной исторической памяти индивида. Нация была погружена в состояние, при котором прошлые ценности перестали быть актуальными, а новые ценности оказались чуждыми. Т.Г. Стефаненко отмечает, что в обстоятельствах социальной нестабильности усиливается ориентация на этническое единство, а этнос становится «аварийной группой поддержки» [7].

Распад СССР, бесспорно, переломный момент в истории нашего государства. Этот трагический момент характеризуется рядом экономических реформ, сокращением территории государства, метаморфозами в мироощущении граждан. Коллективизм как основа менталитета советского периода сменился в один момент индивидуализмом. В литературе этого периода отмечается, что традиции коллективизма настолько были укоренены в сознании людей, исторически обусловлены, что переход к капиталистическому укладу экономики оказался крайне сложным и затяжным. Индивидуализм, как мировоззренческий репер оказался чуждым, непонятным для большей части населения нашей государства, поскольку предшествующие поколения жили в условиях коллективного хозяйства. До сих пор индивидуализм для нашего человека – это не пространство свободы личности, а ее эгоизм. Происходит это вследствие того, что у этого феномена нет привязки к прошлому, ему не за что зацепиться. Роль исторической памяти в формировании национальной идентичности современного россиянина несомненна. Лишаясь памяти, общество утрачивает личность, что в итоге приводит к потере нации. Каждая форма идентичности основывается на мифологическо-образной традиции социального коллектива. Содержание древних устных сказаний содержит те реперы-образы-символы, по которым члены группы выстраивают систему свой-чужой. Исследователи-когнитивисты полагают, что мышление человека содержит некие паттерны, в которых накапливается полностью или частично поступающая информация. Именно паттерны ответственны за сортировку данных. По нашему мнению, подобными паттернами для современного россиянина являются узловые, судьбоносные события истории. Мы уже

выражали свое отношение к необходимости цензурировать, окультурировать содержание исторической памяти гражданина в государстве. Поэтому считаем, что формирование социальными институтами устойчивой системы паттернов в сознании россиянина образовало бы прочную основу для формирования национальной идентичности. По нашему глубокому убеждению, все социальные институты в государстве должны быть ориентированы на это. К сожалению, мы фиксируем сегодня в нашем обществе кризисное состояние исторического просвещения, что уже деструктивно сказывается на духовном здоровье нации. Военно-политическая история русского народа была одной из самых мучительных: варяжское нашествие, татарское нашествие, Смута, Раскол, петровские преобразования, крепостное право, революции, две Мировые войны. Бесконечная череда реформ, скачки в развитии постепенно вырабатывали специфический образ жизни нашей нации. Принципом развития, движения вперед «принудительно» стало непрерывное преодоление бескрайнего пространства нашей территории, на которую с периодичностью претендовали то одни, то другие геополитические соседи. Из этого следует, на наш взгляд, что одним из основополагающих паттернов исторической памяти нашего народа должна стать память о войнах. Причем, конфигурация этого паттерна такова: войны, которые велись нашим государством на протяжении своей истории, были оборонительными, а поэтому справедливыми, всегда во имя свободы, суверенитета Отчизны. Историческая память о войнах – это скрепа национального самосознания нашего народа. Проиллюстрируем наш тезис. Образ войны в русской культуре всегда преломляется через призму ее функционального предназначения – защита от внешнего врага. Особенности географическое расположение на континенте Евразия породило для нашей культуры необходимость создания концепции оборонительной войны. Правда и сила всегда на стороне того, кто защищает родную землю. Враг для русского человека изначально обречен, потому, что на его стороне правды нет. Образ «врага» в нашей исторической памяти являет воплощение зла, аморализма, бесчеловечности. В связи с этим, победа в войне для русского человека – это победа добра, справедливости, морали над злом, жадностью, греховностью. Именно на войне, в условиях максимального экзистенциального напряжения русский человек открывает в себе лучшее, истинно человеческое. История нашего государства показывает, что обороняясь, мы всегда выигрывали войны. Происходило это потому, что стремление защитить Отечество понуждало людей объединяться и формировало чувство национального единства, гордости, суверенитета. События начала XVII века, Отечественная война 1812 года заложили фундамент формирования российской нации. Таким образом, из войны, понимаемой как оборонительной, поэтому справедливой, рождается национальное самосознание русского человека. Религиозность народа обуславливала веру в несокрушимость, вечность России, порождала патриотические мотивы в системе национальных ценностей. Следует также

отметить, что процесс строительства нации запустил механизм формирования идентичности вне сословно-классовых параметров.

Исходя из сказанного выше, следует, что события военно-политической истории являются необходимым элементом исторической памяти россиян и выступают точками опоры для построения национального самосознания как индивидуального, так и коллективного. Историческая память является механизмом, благодаря которому осуществляется передача социального опыта, успешное интегрирование индивида в социум. Являясь фактором формирования национальной идентичности гражданина, историческая память способствует консолидации общества, обеспечивая безболезненный синтез традиций и новаций в обществе. События исторического прошлого государства основывают систему тематических паттернов, которые формируют узловые, разделяемые всей нацией интенции исторической памяти. События военно-политической истории России следует понимать как узловые, основополагающие, вокруг которых и формируется собственно историческая память всей российской нации.

Список литературы:

- 1.Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. / пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.
- 2.Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. / перевод с фр. Н.В. Суслова. – Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000.
- 3.Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект. // Вопросы философии. – 1992. - № 4. – С. 40-52.
- 4.Рожанский М.А. Устная история - философия памяти // Общественные науки. – М., 1990. - № 6. – С. 141-150.
- 5.Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. - СПб., 1999. С. 17-50.
- 6.Малышева С.Ю. Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917-1910-х годов. // Диалоги со временем: Память о прошлом и история. С.683-684.
- 7.Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.

Гуркина Нина Константиновна

доктор исторических наук, профессор

Северо-Западный институт управления РАНХиГС

SPIN-код 7664-8264

Gurkina Nina

Northwestern Institute of Management of RANEP

КУРС «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»: ПЕРВЫЙ ОПЫТ, РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Введение нового курса «Основы российской государственности» стало важным этапом совершенствования высшего образования с целью патриотического воспитания молодого поколения на базе традиционных духовно-нравственных ценностей. Дисциплина не только активно осваивается, но и обсуждается педагогическим сообществом в концептуальном, методологическом и практическом аспектах. Преподаватели отмечают проблемы и трудности в реализации данного курса, формы и методы работы со студентами. Проведенное анкетирование студентов позволило выявить их особенности их отношения к дисциплине гуманитарного цикла, в том числе к новому курсу. При положительной оценке в целом студенты высказывают многие замечания и пожелания. Углубленное освещение истории России рассматривается при этом как необходимая фундаментальная основа изучения новой дисциплины.

Ключевые слова: российская государственность, история, философия, культура, преподавательское сообщество, студенчество.

THE COURSE "FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD": FIRST EXPERIENCE, REFLECTIONS, AND CHALLENGES

Summary: The introduction of the new course "Fundamentals of Russian Statehood" has become an important step in improving higher education with the aim of fostering patriotism among the younger generation based on traditional spiritual and moral values. The course is not only being actively taught, but is also being discussed by the academic community in terms of its conceptual, methodological, and practical aspects. Teachers are highlighting the challenges and difficulties in implementing this course, as well as the forms and methods of working with students. The conducted questionnaire among students revealed their peculiarities of their attitude to the disciplines of the humanities, including the new course. While the overall assessment is positive, students express many comments and suggestions. At the same time, an in-depth coverage of Russian history is considered as a necessary fundamental basis for studying the new discipline.

Keywords: Russian statehood, history, philosophy, culture, teaching community, and students.

В ноябре 2022г. был принят Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором перед научно-педагогическим сообществом страны были поставлены задачи «совершенствования форм и методов образования и воспитания с целью более эффективного продвижения традиционных ценностей в молодежной среде», сохранения исторической памяти и противодействия фальсификациям истории. В декабре 2022 г., выступая на Государственном Совете по молодежной политике, В.В. Путин объявил о введении в программу обучения в высших учебных заведениях страны нового курса «Основы российской государственности». 1 сентября 2023г. курс был введен во всех вузах страны для студентов всех специальностей. Программа дисциплины состоит из 5 разделов: 1. Что такое Россия? 2. Российское государство-цивилизация. 3. Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации. 4. Политическое устройство России. 5. Вызовы будущего и развитие страны.

Цель введения новой дисциплины в появившихся за это время многочисленных учебниках и методических разработках сформулированы примерно одинаково. Речь идет о «последовательном освоении студентами знаний, представлений, научных концепций, а также исторических, культурологических и иных данных, связанных с проблематикой развития российской цивилизации и ее государственности в исторической ретроспективе и в условиях актуальных вызовов политической, экономической, техногенной и иной природы. Результатом должно стать «осознание принадлежности к российскому обществу, развитие чувства гражданственности и патриотизма, формирование духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности» [1, с.8-9].

Активность в изучении, осмыслении и внедрении в образовательный процесс в целом проекта «ДНК-Россия» и его важнейшей составляющей – дисциплины «Основы российской государственности» проявляется также в организации многочисленных конференций и форумов с патриотической тематикой, в том числе всероссийских, ежемесячных он-лайн семинарах и консультациях. В докладах и выступлениях участников этих мероприятий (участвовала лично в таких собраниях не менее 5 раз, прошла повышение квалификации на базе РАНХиГС) отмечались важность и значение курса, проблемы и трудности – как теоретического, так и практического характера, высказывались предложения по совершенствованию каждого из разделов курса.

Не отрицая в целом необходимость и своевременность подобного курса, многие преподаватели ставят также вопросы концептуального и методологического характера, высказывают сомнения в эффективности существования дисциплины в ее нынешнем виде. Прочитую одного из коллег: «Курс основ российской государственности должен быть либо создан и прочитан со всей возможной серьезностью, либо снят с преподавания,

поскольку при формально-бюрократическом подходе способен превратиться в свою противоположность, создав у студентов ложное впечатление, что никаких твердых основ у русской государственности не имеется» (рукопись в печати).

Что же вызывает критику преподавателей? Курс «Основы российской государственности» носит синтетический характер, в нем содержатся сведения по географии, истории (отечественной и всемирной), философии, праву, политологии, культурологии, не всегда увязанные в четкую систему знаний, в некоторых учебниках – лишенные концептуального единства. Изучается дисциплина в первом полугодии студентами первого курса, общекультурный уровень которых не выдерживает никакой критики и падает из года в год. Стоит ли говорить, что к полноценному освоению курса студенты совершенно не готовы. Многие преподаватели дисциплины (принадлежу к их числу) предлагают перенести основы российской государственности на старшие курсы в качестве обобщающего (после изучения других гуманитарных дисциплин) предмета. «Фундаментальный научный подход» вряд ли возможен при нынешней эклектичности и в силу временных рамок краткости и поверхностности преподавания дисциплины. Фундаментальные и системные знания приобретаются в процессе последовательного и глубокого изучения предмета. Вряд ли можно обсуждать со студентами- первокурсниками, не имеющими базовых знаний, в частности, такие сложные проблемы, как «актуальные вызовы», «ориентиры стратегического развития», «сценарии развития российской цивилизации» (5 тема курса).

В разных вузах дисциплину «Основы российской государственности» читают разные преподаватели - гуманитарии, иногда целые команды преподавателей (каждый – близкий им раздел): философы, историки, правоведы, социологи, иногда – даже не общающиеся друг с другом, а только выставляющие оценки за знания своего модуля. Если курс читает один преподаватель – специалист в области истории, философии, социологии и т.д., то, вполне естественно, что каждый делает упор на свой предмет и все разделы дает через призму соответствующего знания.

При обсуждении на конференциях и форумах преподаватели основ российской государственности обсуждают курс также с позиции собственного видения недостатков. Так, философы высказывают сомнения в построении основы русского мировоззрения на базе только консерватизма и русской религиозной философии (в одном из первых учебников под редакцией С. Перевезенцева), игнорируя утверждение Н. Бердяева о сложности и противоречивости (М. Бахтина – о «полифоничности») русской души и характера, выбрасывая из мировоззренческой системы представителей общественной мысли других направлений, в том числе – мыслителей-атеистов. Определение русского мировоззрения как «патриотизм» или «русский мир», по мнению многих, мало. При отсутствии четкого понятия «идеология» (при реальном существовании двух крайне противоречивых идеологий)

«цивилизационная сумятица» (определение в одном из учебников политологии) будет продолжаться и т.д.

Преподаватели- правоведы, читающие в курсе основ российской государственности тему «Политическое устройство России», сетуют на слишком поверхностное (в силу временных ограничений) освещение проблемы. Кроме того, этот материал будет заново рассматриваться при изучении дисциплины «Правоведение», читаемой в настоящее время в большинстве российских вузах, в теме «Конституционное право». Происходит неоправданное дублирование, может быть и дающее укрепление полученных знаний, но отнимающее время для изучения других предметов.

Историки считают, что исторический материал в курсе «Основы российской государственности» дается фрагментарно, с целью иллюстрации каких-либо положений, что мешает глубине и серьезности восприятия материала. Все перечисленные темы дисциплины вполне могут быть рассмотрены в курсе отечественной истории, без углубления в философские проблемы (во всех вузах существует специальная дисциплина «Философия»). Российская география, «многообразие» регионов, многонациональность и многоконфессиональность рассматриваются в курсе истории последовательно, системно, на протяжении веков в процессе изучения этапов и особенностей складывания российского государства. «Политическое устройство России» (политическая система) также формировались постепенно и включали в себя ранние формы народовластия, реформы системы управления, политическую культуру народа, принятые ранее (до 1993г.) Конституции и т.д. Рассмотрение в отдельных параграфах исторического развития представительной, исполнительной и судебной власти, института верховной власти представляется по меньшей мере спорным.

Вызывает вопросы выбор персонажей для темы «Герои страны, герои народа» или «Выдающиеся деятели российской истории». Почему одни военачальники, ученые, деятели культуры и т.д. присутствуют в текстах учебников, а другие – нет? Вполне резонно на одной из конференций был задан вопрос по поводу целого раздела в учебнике, посвященного российским меценатам – Третьякову, Морозову и др., и полному отсутствию упоминания имен людей, живших в советский период: спасавших русское искусство и другие культурные ценности (Габарь, Ямщиков), поднимавших из развалин Пушкин и Петергоф, создававших Пушкинский заповедник (Гейченко)? В одном учебнике среди деятелей церкви – 4 имени: Нестор, Илларион, Сергей Радонежский, Андрей Рублев, в другом – больше 20 и т.д.? «Выдающиеся деятели», пусть и с характеристиками их достижений, рассматриваются в отдельных главах учебников. В отдельных разделах изучаются «Испытания и победы российской цивилизации», непонятно при этом, как их рассматривать и главное - объяснять без комплекса факторов влияния, и прежде всего - без роли личности. В учебнике под редакцией В.В. Фортунатова в отдельной главе изучается «Многонациональная российская культура». Безусловно, признанная

во всем мире культура России является важнейшей скрепой общества, духовной основой российской цивилизации. Но специальная глава в данном курсе, это опять же дублирование, причем – не очень убедительное, так как рассматривать эволюцию, явления культуры без исторического контекста – малопродуктивно. Перечисленными замечаниями список претензий историков к новому курсу, конечно же, не исчерпывается.

Как воспринимают курс «Основы российской государственности» те, для кого он предназначен, - студенты? В 2023-24, 2025-26 учебных годах мною проводилось анкетирование студентов первого курса факультета журналистики РАНХиГС, которые слушали лекции по всеобщей истории, отечественной истории и основам российской государственности (опрос был анонимным и проводился после выставления зачета). И хотя опрашивались только желающие, ответили порядка 150 студентов. Предлагалось выделить из трех дисциплин наиболее интересную (важную, полезную), отметить наиболее интересные темы и направления исторического знания, запомнившиеся и понравившиеся средства активизации учебного процесса. Предлагалось также оценить необходимость, важность, информативность новой дисциплины «Основы российской государственности».

Подавляющее большинство студентов ответили, что материал курса, безусловно, имеющий большое воспитательное значение, лучше изучать в курсе истории России, или после его окончания. Из ответов: «Лучше увеличить количество часов по истории России, а «Основы» ввести как тему в ее завершение»; «ОРГ и историю России можно объединить в один предмет»; «ОРГ повторяет материалы обществознания 11 класса, было бы лучше изучать историю России»; «Дисциплина ОРГ может быть вполне широко раскрыта в курсе истории, зачастую темы двух предметов перекликаются»; «Как отдельный курс ОРГ мне не очень понятен. Лучше увеличить количество часов истории, добавив точечные темы про ценности, смыслы и т.д.»; «Считаю, что дисциплина ОРГ не до конца доработана, это в особенности можно судить по учебнику для дисциплины ОРГ, где кажется, что даже сами составители не понимают предназначение этого предмета. Темы ОРГ можно изучать в курсе истории – концепцию цивилизаций, например, в истории России и во всеобщей истории».

Некоторых студентов заинтересовали темы «Основ российской государственности» правового и политологического аспекта - такие, как политическое устройство, глобальные вызовы и проблемы, но не устроило слишком краткое и поверхностное их рассмотрение. История России среди изученных дисциплин заняла уверенное первое место, все ответившие выразили желание изучать ее и дальше более углубленно. Среди тем, наиболее заинтересовавших, отметили темы революции, Великой Отечественной войны и в целом – проблемы отечественной и мировой истории XX века, историю религию и культуры. Из ответов: «Главный плюс исторических дисциплин – сейчас я знаю авторитетных специалистов и источники для изучения истории»;

«Изучив историю России, я увидела русский народ, его культуру с другой стороны. Мы в Казахстане совсем по-другому представляем Россию».

Из ответов: «Осознала, что посещение выставок – это не просто блуждание по залам с умным видом, а умение через искусство увидеть отражение эпохи, людей, быта». Все ответившие на вопросы анкеты отметили важное значение работы в экспозициях музеев для изучения истории и основ российской государственности. Традиционно студенты моих групп посещают экскурсии в музеи истории религии, в Российском этнографическом музее и Русском музее с письменным отчетом, ответами на специальные вопросники по каждому музею и итоговым опросом на зачете по произведениям искусства. Из ответов: «Как жаль, что преподаватель провел только одну экскурсию по городу. Но теперь я должна изучать его сама».

Из ответов: «Наиболее эффективными средствами активизации являются просмотры фильмов, так как визуальная память у студентов развита лучше, чем словесная» «Курс стимулировал к просмотру отечественной киноклассики, мы ее совсем не знаем». Все студенты признали показ фрагментов из документальных и художественных фильмов на занятиях важнейшим средством активизации учебного процесса и мотивирования самостоятельной познавательной деятельности. «Список Шахназарова» до нынешних студентов еще не дошел, поэтому многие фрагменты из художественных фильмов, включенных сейчас в соответствии с поручением президента в школьную программу, стали для них настоящим открытием. Включение курса «Основ российской государственности» в программу высшего образования можно приветствовать уже хотя бы за то, что появилось дополнительное время для привлечения внимания к киношедеврам, а «советское кино было настоящим наследником русской традиции, всех тех смыслов, которые были заложены в русской культуре XIX века, в великой русской литературе: и психологизм, и стремление к справедливости, и внимание к судьбе простого человека» [3, с.8].

Содержание курса «Основ российской государственности» и опыт первых лет его преподавания немного напомнил 20-е годы. С 1923 г. в школьную практику стали вводиться так называемые «комплексные программы», по которым содержание учебного материала концентрировалось вокруг трех тем: «природа». «труд», «общество». История и литература, традиционно формировавшие мировоззрение и соответствующую картину мира, стали играть «служебную роль» по отношению к новому предмету – обществоведению, с ними знакомились поверхностно, фрагментарно. Вскоре подобные эксперименты были запрещены, вернулось предметное обучение, дававшее систематические и фундаментальные знания, главными предметами стали русский язык, литература и история. Окончательно сформировавший систему исторического образования в СССР нарком просвещения В.П. Потемкин подчеркивал, что «инстинктивного и эмоционального патриотизма» в годы испытаний мало, задачей историков было воспитание у молодежи «сознательного и убежденного патриотизма»: «Нужно знать, за что я люблю

Родину, что мне в ней дорого, что я защищаю, ради чего я отдам, если понадобится, свою жизнь» [2, с.168].

Безусловно, такими же благими целями руководствовались инициаторы введения в программу высшей школы курса «Основ российской государственности». Приходится, однако, признать, что при сохранении этой дисциплины (желательно с переносом ее на старшие курсы) требуются значительные усилия по ее совершенствованию. Подчеркнутые в Указе Президента от 8 мая 2024 г. «Об утверждении основ государственной политики РФ в области исторического просвещения» необходимость и важность «скоординированных, комплексных и масштабных усилий по организации системной работы в области исторического просвещения, образования и науки» должны лежать в основе такого совершенствования.

Список литературы:

1. Основы российской государственности. Учебное пособие для вузов. Под ред. Фортунатова В.В. - СПб.: Питер. 2024. – 304 с.
2. Потемкин В.П. Статьи и речи по вопросам народного образования. М.-Л.: АПН. 1947.303с.
3. Связь поколений. Советские киношедевры включают в школьную программу // Завтра, 2025, июнь, №25.

Давлетбаева Эльвира Хабировна

директор

средняя общеобразовательная школа №64 г. Нижний Тагил

Elvira Davletbayeva

Institution Secondary School No. 64 in Nizhny Tagil

ТАГИЛЬЧАНЕ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ К ВЫСОКОМУ ЗВАНИЮ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию участия уроженцев и жителей Нижнего Тагила в Восточно Прусской наступательной операции и их подвигов, за которые они были представлены к званию Героя Советского Союза. На основе широкого круга источников выделены известные Герои Советского Союза за Восточную Пруссию с указанием их подвигов. Рассмотрены участники войны, представленные к высокому званию Героя СССР, но не получившие его. Особое внимание посвящено истории тагильчанина Вадима Андреевича Будакова и его боевому пути в Восточно Прусской операции, восстановленному на основе наградных листов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, освобождение, Восточная Пруссия, операция; Герой Советского Союза, тагильчанин, награждение.

TAGIL CITIZENS NAMED HERO OF THE SOVIET UNION FOR THE LIBERATION OF EASTERN PRUSSIA

Summary: The article is devoted to the study of the participation of natives and residents of Nizhny Tagil in the East Prussian Offensive and their feats for which they were awarded the title of Hero of the Soviet Union. Based on a wide range of sources, the article highlights the well-known Heroes of the Soviet Union for East Prussia and their feats. The article also examines the participants of the war who were nominated for the high title of Hero of the USSR but did not receive it. Special attention is paid to the history of Vadim Andreevich Budakov, a resident of Tagil, and his combat path in the East Prussian operation, which was reconstructed based on his award sheets.

Keywords: Great Patriotic War, liberation, East Prussia, operation; Hero of the Soviet Union, Tagil resident, award.

В последние десятилетия в среде исследователей Отечественной истории наблюдается интерес к гражданам нашей страны, ставших Героями СССР в годы Великой Отечественной войны не только, а также тех, кто был представлен к высокому званию «Герой Советского Союза», но не удостоен данной золотой медали или получивший другие награды.

Историки и краеведы проводят такой поиск своих земляков или среди участников отдельных сражений. Принадлежность гражданина к городу, как принято, была определена по признакам: люди, родившиеся в городе, проходившие обучение, жившие в нем, призванные местным военкоматом; граждане, приехавшие в город из других регионов страны и ушедшие из него на войну; люди, приехавшие в город в послевоенное время и связавшие свою судьбу с ним. В данной статье представлены результаты поиска среди уроженцев и жителей города Нижний Тагил. При этом, к тагильчанам нами были причислены все, относящиеся к данным признакам.

Известны 28 Героев Советского Союза – тагильчан [5]. Еще 23, имевших отношение к нашему городу добавил в общий список исследователь Криницын В.Г. [4]. 49 из них с 2020 года значатся на странице «Тагильчане - Герои Советского Союза» [11] официального городского сайта «Нижний Тагил - Город трудовой доблести».

Среди них в Восточно-Прусской операции участвовал пятеро:

1. Банифатов Иван Сергеевич, старший лейтенант, заместитель командира эскадрильи 35 штурмового авиаполка 9 штурмовой авиадивизии ВВС Краснознамённого Балтийского флота. Участвовал в морской блокаде вражеских войск в Курляндии, в боях за Данциг, Кёнигсберг, Пиллау [11].
2. Панфилов Алексей Георгиевич - капитан, командир эскадрильей 198 штурмового авиаполка 233 штурмовой авиадивизии 4-й воздушной армии 2 Белорусского фронта, ставший Героем СССР за 123 боевых вылета на штурмовку скоплений боевой техники и живой силы противника [11].
3. Селезнев Анатолий Петрович, старший лейтенант, командир стрелковой роты 766 стрелкового полка 217 стрелковой дивизии, который окончил войну в г. Кенигсберг [2, с.163].
4. Сиротин Виктор Николаевич, гвардии старший лейтенант, командир звена 75 гвардейского штурмового авиаполка, «с 16 октября 1944 года в Восточной Пруссии поддерживал атаку наземных войск при прорыве немецкой обороны, выполнил за день три боевых вылета. К февралю 1945 года выполнил 432 боевых вылета на ночном бомбардировщике У-2 и 107 боевых вылетов на штурмовике Ил-2» [10].
5. Шмаков Анатолий Иванович, лейтенант, старший летчик 783 штурмового авиаполка 199 штурмовой авиадивизии 4 штурмового авиакорпуса 4 воздушной армии 2 Белорусского фронта за 94 успешных боевых вылета на штурмовку наземных войск врага [3, с.365]. Был участником боёв за город Танненберг в южной части Восточной Пруссии [17].

Все они в 1945 году также были награждены медалью «За взятие Кенигсберга». Трое стали Героями Советского Союза именно за освобождение Восточной Пруссии.

Просмотренные материалы отдельной ветки обсуждений на 9 страниц сайта фалеристов «Саммлер»[8], с материалами на представленных к награждению, а также малотиражной книги Савчука В.П. на 225 человек,

посвященной именно этой теме [9] и ветки форума «Несостоявшиеся Герои СССР в Восточно-Прусской операции» еще с 5 героями [6], не позволили нам выявить ни одного тагильчанина. Поиск в электронном архиве ЦАМО РФ на сайте «Память народа» [18] среди награжденных орденами дал нам возможность найти ранее нигде не упомянутого героя, Бурдакова В.А. – тагильчанина, призванного Нижнетагильским районным военкоматом и представленного к званию Героя СССР за Восточно-Прусскую операцию. Необходимо отметить, что И. Филькинштейн упоминает его под номером 685 в своем исследовании «К званию Героя представлены» [12], но без указания его принадлежности к Нижнему Тагилу.

Приведем далее максимально полное повествование жизненном и служебно-боевом пути об этом герое войны, созданное на основе архивных документов ЦАМО РФ. Сделаем акцент на описание его участия в Восточно-Прусской операции, представленное в наградных листах.

Будаков Вадим Андреевич, родился 17.10.1923 года в с. Лучи Старо-Оскольского района Белгородской области, жил в г. Старый Оскол. Призван в ряды РККА Нижнетагильским РВК 13.08.1941 года. Участник Отечественной войны с 1941 года, с 10.05.1942 г. в 41 и 43 Армиях на Калининском фронте, затем в 39 Армии. Ранен и легко 18.10.1943 года. С 1943 года член ВКП(б), партбилет №5688880. Заместитель командира стрелкового батальона 940 стрелкового полка 262 стрелковой дивизии прошел путь от старшего лейтенанта до капитана, был в 1943-1944 годах награжден двумя орденами «Красное Знамя» и орденом «Александра Невского».

Майор, командир стрелкового батальона 940 стрелкового полка 262 стрелковой Демидовской Краснознаменной ордена Суворова второй степени дивизии 39 Армии. 14.12.1944 г. представлен к награждению орденом Кутузова 3 степени. Награжден орденом «Отечественная война 1 степени. Приказ №030 от 14.01.1945 г. по ВС 39 Армии: «Товарищ Будаков умело и искусно провел бой при входе в прорыв 06.10.1944 г. в районе города Расейняй Литовской ССР. Батальон товарища Будакова, блестяще выполнял все боевые задачи и искусно маневрируя, взламывая сопротивление противника, первым вышел на госграницу и овладел 7 населенными пунктами Восточной Пруссии, при том уничтожив в бою до 1000 немецких солдат и офицеров, 7 орудий, 11 пулеметов, 3 автомашины, до 100 лошадей, захвачены трофеи: 2 орудия, 9 пулеметов, до 200 автоматов и винтовок, 16 лошадей, склад с продовольствием и пленил 21 солдата и офицера. При прорыве сильно укрепленной долговременной обороны противника в районе пограничного столба №55 18.10.1944 г. батальон товарища Будакова, несмотря на яростное сопротивление противника, имеющего значительно превосходящие силами, фланговыми ударами и умелыми маневрами, вывел противника с занимаемых рубежей и продвинулся на 10 км. вперед, выйдя и закрепившись в пределах Восточной Пруссии» [13].

Командиром 940 сп подполковником Арзамасцевым 24.01.1942 г. представлен к награждению орденом «Суворова третьей степени». Награжден

орденом «Красное Знамя». Приказ №0159 от 13.02.1945 г. по ВС 39 Армии: «В наступательных боях полка в Восточной Пруссии с 16.01.1945 года тов. Будаков показал умение руководить подразделениями в бою, образцы маневренности подразделений в боевой обстановке и личное мужество. Особенно тов. Будаков показал свои качества и умение управлять боем в районе КАЛЛВЕЛЛЕН Восточной Пруссии 19.01.1945 года. Противник, поспешно отступая на запад, оказывал сопротивление на каждом промежуточном рубеже. В районе Каллвеллен враг подготовил оборону с инженерными сооружениями полевого типа, имел господствующие высоты и упорно сопротивлялся. Фронтальные удары нашей пехоты и артиллерии не могли бы опрокинуть сопротивление противника. Тов. Будаков, учитывая все преимущества врага решил нанести удар с обеих флангов с заходом с тыла противнику. Одна из стрелковых рот десантом на самоходных установках с фланга зашла в тыл противника, усиленный взвод автоматчиков нанёс фланговый удар справа. Стрелковая рота при поддержке полковой артиллерии демонстрировала своими действиями атаку. Противник не ожидал дерзкого и неожиданного удара. Хорошо продуманный план боя обеспечил успех операции. Стремительными ударами с фланга и тыла была парализована сопротивляемость противника, и группа обороняющегося врага была окружена. После короткого боя уничтожена со всеми приданными средствами, часть из неё была пленена. На голову разбитый противник в панике отступал, не имея возможности закрепиться на промежуточных рубежах» [14].

Представляется к ордену «Отечественная война на первой степени». Награжден орденом «Отечественная война 2 степени». Приказ 052 от 30.04.1945 г. по ВС 39 Армии: «Товарищ Будаков в боях при штурме Кёнигсберга и при взятии города Фишхаузен Восточной Пруссии показал образцы умения решать сложные боевые задачи, искусно управлять подразделениями, проявил личное мужество, решительность и отвагу. Находясь непосредственно в боевых порядках батальонов, проверяя их действия, он давал ценные указания, что обеспечивало успех в операциях. Стремительность наступления, фланговые удары по врагу, где товарищ Будаков лично управлял подразделениями и взаимодействием пехоты с артиллерией, обеспечило полку успех в операции. Под непосредственным управлением и контролем товарища Будакова полк успешно опрокидывал сопротивление врага, неудержимо продвигался вперёд. Особенно товарищ Будаков показал военное мастерство и личное мужество в бою 08.04.1945 года за город Меттетенн Восточной Пруссии когда полк стремительностью наступления овладел городом, несмотря на превосходящие силы врага. Противник переходил несколько раз в ожесточённые контратаки при поддержке танков, самоходов и большого сила пехоты. Благодаря стойкости и умения вести бой, товарищ Будаков снова показал решительность в действии, он отбил атаки гитлеровцев. В бою 16.04.1945 года за город Фишхаузен показал смелость и решительность в действиях. Полк благодаря стремительности наступления вырвавшись в город

быстро очищал от противника квартал за кварталом, вскоре враг был выбит из города» [15].

Представлен к присвоению звания «Героя Советского Союза», но награжден орденом Суворова 3 степени Приказом №73/н от 14.10.1945 г. по ВС Забайкальского фронта: «В Кенигсбергской операции с 6 апреля 1945 года, товарищ Будаков особенно проявил свои личные волевые качества и искусство руководить войсками по штурму сильно укрепленных узлов обороны противника и боя в крупных городских пунктах. Товарищ Будаков, будучи замом командира полка, когда противник не мог выдержать натиска наших войск в городе Кёнигсберге и пытался выйти по железной дороге на порт Пиллау, выполняя приказ командира полка с 2-мя стрелковыми ротами ворвался в пригород Кёнигсберга - Медгетенн и перерезал железную дорогу на Пиллау. Продолжая вести наступление, батальон при непосредственном руководстве товарища Будакова с боями 17 апреля 1945 года выбили противника из города Фишхаузен, обеспечив, таким образом, успех наступления на порт Пиллау. С 09.08.1945 г. руководил передовым подвижным отрядом дивизии в Манчжурии против японских захватчиков, преодолел Большой Хинган, 19.08.1945 г. овладели г. Мукден» [16].

Окончил войну майором, заместителем командира 940 стрелкового полка 262 стрелковой дивизии. Награжден медалями «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Японией». С 1975 года генерал-лейтенант, служил в в/ч 04110С 12.1977 г. по 09.10.1980 г. служил Главным военным советником в зарубежных странах, окончил службу в 1981 г. Будаков Вадим Андреевич умер 04.10.2000 г. Похоронен с воинскими почестями на Троекуровском кладбище в г. Москва [1].

Всего за активное и результативное участие в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции 296 человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза [7]. Также известны 230 человек, не удостоенных звезды Героя СССР за эту операцию. Видное место среди них занимают 6 тагильчан и их подвиги.

Список литературы:

- 1.Будаков Вадим Андреевич. Элита Вооруженных сил. - Режим доступа: <https://elita-army.ru/budakov-vadim-andreevich.html> (дата обращения: 22.02.2026).
- 2.Домбровский Р.Ю. Книга Памяти и Славы. Тагильчане, участники Великой Отечественной войны – кавалеры полководческих орденов. - Нижний Тагил: НФ СОМК, 2025. – 210 с.
- 3.Золотые Звёзды свердловчан. - Свердловск: Средне-Уральское книжное изд., 1970. - С. 363-365.
- 4.Криницын В.Г. Золотые звезды Героев: Нижний Тагил. - Режим доступа: https://historyntagil.ru/kraeved/tk_18_19_01.htm (дата обращения: 22.02.2026).
- 5.Марков Б. Золотые звезды тагильчан. – Екатеринбург, 2005. – 300 с.

6. Несостоявшиеся Герои СССР в Восточно-Прусской операции. - Режим доступа: <https://forum-kenig.ru/viewtopic.php?f=9&t=2478&sid=5f483a3c44586d9614ef57172e11b233> (дата обращения: 22.02.2026).
7. Победа над Восточной Пруссией. НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ. - Режим доступа: <https://may9.ru/history/europe-liberation/1833/> (дата обращения: 22.02.2026).
8. Представлен к званию «Герой Советского Союза». - Режим доступа: <https://sammler.ru/index.php?/topic/120515-представлен-к-званию-«герой-советского-союза»/> (дата обращения: 22.02.2026).
9. Савчук В.П. Несостоявшиеся герои: участники Восточно-Прусской операции, представленные к званию «Герой Советского Союза», но получившие другие награды. – Калининград: Искра, 2012. – 211 с.
10. Сиротин Виктор Николаевич. Герои страны. - Режим доступа: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14120 (дата обращения: 22.02.2026).
11. Тагильчане - Герои Советского Союза. - Режим доступа: <https://ntagil.org/pobeda/geroi/> (дата обращения: 22.02.2026).
12. Филькенштейн И. К званию Героя представлены. Часть 32-я. - Режим доступа: <https://proza.ru/2020/05/27/1321>
13. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2344. Л. 13.
14. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1436. Л. 15.
15. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1758. Л. 16.
16. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6716. Л. 116-117.
17. Шмаков Анатолий Иванович. - Режим доступа: <https://ntgia.ru/post/1411/> (дата обращения: 22.02.2026).
18. Электронная база данных «Память Народа». ЦАМО РФ. - Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 22.02.2026).

Денисенко Елена Петровна (Республика Беларусь)

научный сотрудник

Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси

SPIN-код: 1763-0332

Denisenko Elena

The Yakub Kolas Central Science Library of the National Academy of Sciences of Belarus

**АРХИВНЫЙ ФОНД КОНДРАТА КРАПИВЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ НАН БЕЛАРУСИ
(К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО УЧЕНОГО,
ПИСАТЕЛЯ)**

Аннотация: рассматриваются материалы личного архива № 22 «Кондрат Крапива», хранящегося в фондах Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). В статье раскрывается состав личного фонда академика, ученого-языковеда, писателя, участника Великой Отечественной войны Кондрата Кондратьевича Атраховича (Кондрата Крапивы), которому в текущем году исполнилось 130 лет со дня рождения. На основе оригинальных документов личного архива К. Крапивы представлены как известные факты из биографии фондообразователя, так и те, что используются впервые, тем самым подчеркивая новизну и значимость предложенной информации.

Ключевые слова: фонды личного происхождения, личный архив № 22 «Кондрат Крапива», Кондрат Кондратьевич Атрахович, Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси.

**ARCHIVAL COLLECTION OF KONDRAT KRAPIVA
AT THE CENTRAL SCIENTIFIC LIBRARY OF THE NATIONAL
ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS (FOR THE 130TH
ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE BELARUSIAN SCHOLAR AND
WRITER)**

Summary: The article deals with the materials of the personal archival fonds № 22, “Kondrat Krapiva,” housed in the Yakub Kolas Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus (Central Scientific Library of NAS of Belarus). The article reveals the composition of the personal archival fonds of academic, linguist, writer, and participant of the Great Patriotic War, Kondrat Kondratyevich Atrakhovich (Kondrat Krapiva), whose 130th birth anniversary is being celebrated this year. Based on original documents, both previously known facts from the writer’s biography and those being introduced into circulation for the first

time are presented, which underscores the novelty and significance of this information.

Keywords: personal archival fonds, personal archive № 22 “Kondrat Krapiva,” Kondrat Kondratyevich Atrakhovich, Yakub Kolas Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus.

Архивы известных белорусских ученых, писателей, общественных и культурных деятелей, а также редкие, ценные материалы по истории и культуре, датируемые XVI–XX вв., хранятся в рукописном фонде Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). В 1968 г., когда вышло постановление Бюро Президиума АН БССР, направленное на сбережение творческого наследия выдающихся деятелей науки и культуры, в отделе редких книг и рукописей библиотеки была организована работа по сбору и хранению документов личного происхождения. Сегодня этим занимается отдел исследования рукописей (в результате прошедшей в феврале 2023 г. реструктуризации отдела редких книг и рукописей в библиотеке было образовано два отдела – отдел исследования рукописей и отдел исследования редких книг). На государственное хранение принимались и принимаются архивы видных ученых, академиков и членов-корреспондентов Академии наук, деятелей литературы и искусства, а также отдельные документы, связанные с историей и культурой Беларуси. На сегодняшний день в фонде отдела исследования рукописей собрано и хранится свыше 60 разнообразных по составу и содержанию архивов личного происхождения известных ученых, общественных и культурных деятелей, оставивших заметный след в национальной истории, науке и культуре. В фондах отдела хранится рукописное наследие известных белорусских писателей Максима Ивановича Горещкого (1893–1938), Янки (Ивана Антоновича) Брыля (1917–2006), Кондрата Крапивы (Кондрата Кондратьевича Атраховича) (1896–1991), Петра Фёдоровича Глебки (1905–1969), Владимира Семёновича Короткевича (1930–1984), Максима Лужанина (Александра Амвросьевича Каратая) (1909–2001) и др. ЦНБ НАН Беларуси является одним из немногих государственных учреждений, где хранятся личные архивные фонды отечественных ученых, академиков НАН Беларуси – Вечера Александра Степановича (1905–1985), биохимика; Мацепуро Михаила Ефремовича (1908–1971), белорусского ученого в области механизации сельского хозяйства; Безбородова Михаила Алексеевича (1898–1983), ученого в области физической химии и технологии силикатов; Томина Михаила Петровича (1883–1967), белорусского ученого в области ботаники; Кравченко Ивана Сергеевича (1902–1979), историка, и др.

В этом году исполнилось 130 лет со дня рождения Народного писателя, академика Национальной Академии наук Беларуси, «Заслуженного деятеля науки Республики Беларусь» Кондрата Кондратьевича Атраховича (1896–1991, псевдоним Кондрат Крапива). Центральная научная библиотека НАН Беларуси

сберегает рукописное и книжное наследие писателя и ученого. В рукописном фонде библиотеки хранится личный архив К.К. Атраховича – фонд № 22 (опись № 1–2) «Кондрат Крапива». В книжном фонде библиотеки хранится коллекция подпольной партизанской печати периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в ее составе полный комплект иллюстрированной сатирической газеты-плаката «Раздавім фашысцкую гадзіну», который был подарен библиотеке Кондратом Крапивой. Известно, что с марта 1943 г. и до конца Великой Отечественной войны писатель работал в Москве ответственным редактором этой газеты. Комплект газеты «Раздавім фашысцкую гадзіну» библиотека получила от Кондрата Крапивы в 1968 г., именно с этого времени начала формироваться коллекция периодических изданий военного времени – подпольных партизанских газет, военных прифронтовых и сатирических газет 1941–1945 гг.

Личный архив К. Крапивы был передан на хранение в ЦНБ НАН Беларуси фондообразователем в январе 1982 г. После научно-технической обработки материалов фонд № 22 (опись 1) «Кондрат Крапива» насчитывает 2214 единиц хранения за период 1915–1982 гг. Фонд личного происхождения К. Крапивы вместил творческие рукописные материалы культурного деятеля Беларуси, его биографические документы, эпистолярный; материалы служебной и общественной деятельности, фотодокументы. Архивные документы достаточно полно отражают творчество, научные достижения, личную и общественную жизнь, а также интересы и увлечения, родственные и дружеские связи фондообразователя. В архивном фонде К. Крапивы, помимо огромного массива литературных рукописных текстов, содержатся материалы, раскрывающие его важные грани таланта как ученого Национальной академии наук Беларуси, руководителя и общественного деятеля.

Среди творческих материалов архива – рукописные и машинописные экземпляры произведений К. Крапивы (пьесы, басни, стихотворения, эпиграммы, повести, фельетоны, статьи, тексты выступлений, рецензии, отзывы, корреспонденции и т.д.). В отдельный пласт материалов вошли документы служебной и общественной деятельности фондообразователя, которые относятся к периоду его работы в системе Академии наук Беларуси. Еще в 1940 г. ученый был избран членом-корреспондентом, а позже – академиком АН БССР. В свое время он заведовал сектором языкознания в академическом Институте языка и литературы, затем был директором этого института. С 1956 г. ученый занимал должность вице-президента АН БССР, имел ученую степень доктора филологических наук, которую ему присудили в 1953 г. за научную разработку важных проблем белорусского языкознания. Белорусского ученого избирали членом редколлегии Белорусской Советской Энциклопедии, председателем терминологической комиссии, научно-консультативного органа по систематизации и упорядочению белорусской научной терминологии, действовавшего при Президиуме Национальной академии наук Беларуси.

К материалам служебной деятельности ученого относятся указы, постановления, распоряжения, материалы симпозиумов, конференций и др. Сохранились документы общественной деятельности К. Крапивы, относящиеся к его работе в Союзе писателей БССР, Международном комитете славистов, а также депутатские [1, л. VIII].

Как писатель, сатирическое направление в своем творчестве К. Крапива определил в 1922 г., когда публиковался в газете «Советская Беларусь». В то время это была одна из центральных газет, в которой помещались произведения белорусских литераторов. Поначалу Кондрат Крапива писал свои произведения на русском языке, позже перешел на белорусский. Особенно активно он выступал со своими сатирическими произведениями в 1920-х и первой половине 1930-х гг. В архивном фонде собраны рукописи стихотворений 1920-х гг., сатирические фельетоны на бытовые и политические темы, которые публиковались в газетах «Красноармейская Правда», «Советская Беларусь», журналах «Маладняк», «Узвышша», «Чырвоны сейбіт». Это было время, когда молодой писатель К. Крапива служил в Красной Армии. В качестве командира стрелковой роты он принимал участие в Советско-польской войне, затем служил военным корреспондентом в Советско-финской войне. Первое произведение К. Крапивы – стихотворный фельетон «Жили-были» – был напечатан 13 апреля 1922 г. в газете «Красноармейская Правда», ежедневной газете Политуправления Реввоенсовета Западного фронта. В этой газете писатель публиковал свои стихи, фельетоны, заметки, корреспонденции. Стихи К. Крапивы пользовались большим успехом, о чем свидетельствует рецензия на его поэзию, опубликованная в одном из номеров этой газеты под заголовком «Поэт-командир»: «... среди поэтов Запфронта Атрахович – один из самых сильных, если не первый» [2, с. 8]. В произведениях К. Крапивы разная тематика, охватывающая социальные, психологические, исторические проблемы. В личном фонде писателя рукописные и машинописные копии его произведений 1920-х гг. – «Клякса» (1925 г.), «Падарожнае» (1926), «Пад грухат кол», «Ліха яго разбярэ» (1926 г.), «Аднае раніцы», «Снег ідзе» (1927 г.), «Ідэі», «Вось тут і пішы», «На алкагольным фронце» (1927–1928) и другие.

Кондрат Крапива – крупный мастер белорусской драматургии. Первая пьеса драматурга «Конец дружбы» была написана в 1933 г., затем последовала драма «Партизаны» (1937 г.), в 1939 г. – сатирическая комедия «Хто смяецца апошнім» («Кто смеётся последним»). Во время Великой Отечественной войны была написана одноактная пьеса «Валодзеў галыштук» («Володин галстук») (1943 г.). Постановку этой пьесы осуществляли на сценах белорусских театров, а в 1944 г. ее показывала на фронте бригада Национального академического театра имени Янки Купалы (в довоенное время театр имел другое название – БДТ-1) [3, с. 206]. В 1943 г. пьеса «Володин галстук» была опубликована на русском языке в журнале «Красноармеец» (1943, № 11, июнь), номер которого хранится в деле фонда писателя [4, лл. 8–9].

В архивном фонде среди творческих материалов К. Крапивы хранится рукописное наследие писателя-драматурга – сатирические комедии «Хто смяецца апошнім» (1939 г.), «Мілы чалавек» (1945 г.), «Брама неўміручасці» (1972 г.), п’есы «Людзі і д’яблы» (1958 г.), «На вастрыі» (1982 г.), с авторскими правками и вставками в тексте.

Белорусского писателя знают во многих странах мира как переводчика на белорусский язык мировых классических произведений. В делах фонда рукописные и машинописные тексты переводов К. Крапивы. В тексте перевода на белорусский язык трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта» (машинопись) имеются авторские рукописные пометки карандашом, относящиеся к постановке этой трагедии на сцене театра. К примеру, авторская пометка на титульном листе экземпляра: «Экзэмпляр тэатра імя Янкі Купалы» [5, л. 2]. В своих воспоминаниях К. Крапива отмечал, что с коллективом Национального академического театра имени Янки Купалы его долгие годы связывало не только сотрудничество, но и крепкая дружба. Знакомство с театром началось с того момента, когда писателя попросили в качестве переводчика перевести на белорусский язык комедию Д. Фонвизина «Недоросль». Неоднократно К. Крапива присутствовал на репетициях спектакля. Как он впоследствии утверждал, именно в то время решил, что будет пробовать себя в новом жанре – драматургии. Впоследствии была написана пьеса «Конец дружбы» (январь 1933 г.), за которую в конкурсе на лучшую белорусскую пьесу писателя отметили премией. Пьеса была поставлена в 1934 г., в спектакле участвовали лучшие театральные актеры В. Крылович, Л. Ржецкая, И. Жданович, С. Бирило и др. [3, с. 167]

В деле фонда № 22 «Кондрат Крапива» – рукописный и машинописный экземпляры перевода на белорусский язык текста Гимна Союза Советских Социалистических Республик (документ датирован «27.06.1977») и Проекта Конституции Белорусской Советской Социалистической Республики. В архивном деле хранится официальное письмо Председателя Президиума Верховного Совета БССР И.Л. Полякова, адресованное вице-президенту Академии наук БССР К.К. Атраховичу (К. Крапиве), с просьбой выполнить перевод на белорусский язык Проекта Конституции БССР (документ датирован «10.02.1978») [6, л. 52].

Среди творческих материалов ученого – статьи за период 1929–1981 гг. Многие статьи посвящены теме белорусского языкознания. Как ученый-языковед, К. Крапива был разработчиком лексикографии в Беларуси, выступал научным редактором «Белорусско-русского словаря» (в 1962 г. издание вышло под редакцией К. Крапивы) и «Русско-белорусского словаря» (1982 г.), который редактировал вместе с Якубом Коласом и Петром Глебкой. В послевоенное время, работая в системе АН БССР, ученый был редактором «Толкового словаря белорусского языка», этой теме посвящены его статьи – «Аб некаторых пытаннях беларускай мовы» (1951 г.), «Пытанні беларускага правапісу» (1952 г.), «Пытанні беларускага правапісу ў святле вучэння І.В. Сталіна аб мове»

(1952 г.), «Працы таварыша Сталіна ў галіне мовазнаўства і задачы беларускай савецкай літаратуры» (1951 г.), «Сталинское учение о языке и белорусская лингвистика» (1951 г.) и другие, их рукописные варианты хранятся в архивном деле ученого [7, лл. 1–11]. Помимо научных статей, в архиве ученого хранятся рукописные тексты поздравлений своих коллег, друзей с круглыми датами, юбилеями. К примеру, поздравления с 50-летием белорусского писателя Михася Лынькова (1949 г.), 75-летием Якуба Коласа (1957 г.), 60-летием Петруся Бровки (1965 г.), 70-летним юбилеем со дня рождения белорусской артистки Л.И. Ржецкой (1969 г.) и т.д. Среди текстов поздравительные адреса в честь 50-летия со дня образования БССР (1969 г.), 50-летия Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы (1970 г.) и др.

Ученый и писатель Кондрат Крапива активно занимался общественной деятельностью. Он был депутатом Верховного Совета БССР на протяжении многих созывов (1947–1990 гг.), участвовал в международных делегациях, в 1946 г. в составе делегации БССР принял участие в первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Отдельный раздел в архивном фонде К. Крапивы представлен материалами с текстами выступлений и докладов ученого за период 1939–1981 гг. Среди документов тексты выступлений, посвященных 10-летней годовщине объединения Западной Белоруссии (1949 г.), по случаю выдвижения Купревича Василия Феофиловича на должность президента АН БССР (1952 г.), текст выступления на первой сессии Верховного Совета БССР пятого созыва (1959 г.), на траурном митинге по случаю захоронения урны с прахом Янки Купалы (1962 г.), по случаю 25-летия образования ООН (1970 г.) и др.

Как и в любом архивном собрании личного происхождения объектом пристального внимания исследователей является раздел «Переписка». В архивном собрании К. Крапивы сохраняется корреспонденция за период 1941–1982 гг. Среди адресатов ученого белорусские деятели культуры, писатели Якуб Колас, Петрусь Бровка, Виталий Вольский, Нил Гилевич, Максим Танк, Иван Шамякин, Владимир Короткевич, Народная артистка Беларуси Лидия Ржецкая, композитор Евгений Тикоцкий, хоровой дирижер Григорий Ширма, Народный художник БССР, скульптор Заир Азгур, а также российский писатель Сергей Михалков, ленинградский поэт и переводчик Всеволод Рождественский и др. Наибольшее количество писем от белорусских писателей Михася Лынькова, Кузьмы Черного, Петра Глебки, Максима Танка, Петруся Бровки, Пимена Панченко и др. Со многими из них К. Крапиви связывало сотрудничество со времен работы в 1920-х гг. в литературных объединениях «Маладняк» и «Узвышша», а также сотрудничество во время Великой Отечественной войны в газетах «За Советскую Беларусь», сатирическом листке «Партизанская дубинка», сатирическом агитплакате «Раздавім фашысцкую гадзіну».

Сохранились письма, поздравительные телеграммы К. Крапивы, адресованные представителям белорусской науки, сотрудникам АН БССР – члену-корреспонденту АН БССР, доктору биологических наук М.М.

Гончарику; академику, первому президенту АН БССР К.В. Гореву; доктору геолого-минералогических наук, академику Г.И. Горецкому, доктору химических наук, академику АН БССР М.Ф. Ермоленко; доктору исторических наук, академику АН БССР И.С. Кравченко и др. Следует отметить, что поздравительные телеграммы от К. Крапивы часто отличаются текстом, в котором нет строгого официоза. К примеру, отрывок поздравительной телеграммы академику АН БССР И.С. Кравченко: «... Шкадую, што стан здароўя не дазваляе мне паціснуць Вам руку ў дзень Вашага слаўнага юбілею. Атраховіч. 11 верасня 1972 г.» («... Сожалею, что состояние здоровья не позволяет мне позжать Вам руку в день Вашего славного юбилея. Атрахович. 11 сентября 1972 г.») [8, л. 2].

В архивных документах служебная переписка К. Крапивы 1970-х гг., адресованная зарубежным коллегам. Среди адресатов директор Дома сатиры и юмора в Болгарии С. Фортунув, заведующая литературным отделом Львовского русского драматического театра Советской Армии Т.И. Зорина, главный редактор издательства «Народна култура» (Болгария) Н. Антонов и др.

Из письма К. Крапивы от 1 сентября 1976 г., адресованного Николаю Антонову, главному редактору издательства «Народна култура» (Болгария, г. София): «Уважаемый Николай Антонов! Я очень благодарен Вам за предложение прислать стихотворение в издаваемый Вами сборник “100 шедевров советской лирики”. К сожалению, в лирике я преуспел меньше всего, и среди немногих моих лирических стихотворений нет ни одного, которое можно было бы назвать шедевром. Желаю успеха в Вашем благородном начинании. С уважением Кондрат Крапива (Атрахович)» [9, л. 1].

В делах фонда К. Крапивы очень редкий документ – экслибрисы фондообразователя, которые были отправлены ему письмом (1975 г.) от автора, известного белорусского художника-графика, Заслуженного деятеля культуры Беларуси Евгения Евгеньевича Красовского (1937–2004). В деле фонда два вида сюжетных экслибриса 1970-х гг., выполненные белорусским художником, один из них блинтовым тиснением, и перфеличе (самодельная поздравительная новогодняя открытка от Е. Красовского) [10, лл. 1–12].

В отдельном разделе архива хранятся биографические документы Кондрата Крапивы. Среди них указы о присуждении званий, государственных наград, премий, а также документы, относящиеся к празднованию юбилеев ученого. В деле фонда машинописный экземпляр автобиографии К. Крапивы с его автографом, документ датирован 1958 г. Автор биографии отмечает, что родился он 22 февраля (5 марта) 1896 г. в деревне Низок Узденской волости Минской губернии. Учился в церковноприходской школе, Узденском народном училище, городском училище (г. Столбцы Минской области), перевелся в такое же училище в Койданово (теперь г. Дзержинск), которое закончил в 1913 г. Спустя некоторое время учительствовал в земском народном училище в деревне Мнишаны Першайской волости Минского уезда.

О себе К. Крапива говорит, что прошел четыре войны, об этом факте он подробно излагает в своей автобиографии. Во время Первой мировой войны был призван в армию, в 1915 г. его направили в Гатчинскую школу прапорщиков. Весну и лето 1916 г. Атрахович служил в 38-м запасном батальоне в городе Осташков, затем воевал в Румынии – в 494-м Верейском пехотном полку Русской императорской армии. В связи с приказом Верховного главнокомандующего Русской армией Николая Васильевича Крыленко о демобилизации из армии учителей, К. Атрахович вернулся в свою деревню Низок. После освобождения родной земли от немецких оккупантов, в августе 1918 г. начал учительствовать в деревне Каменка Узденской волости. Затем была «белопольская оккупация», которая продолжалась до июля 1920 г. В августе этого же года Атрахович снова был призван в армию, в этот раз в Красную. Служил командиром взвода в 16-м запасном полку, 28-м стрелковом полку, закончил школу младшего командного состава в Минске. Из армии демобилизовался в октябре 1923 г. Уже будучи женатым (в 1919 г. вступил в брак с Еленой Константиновной Махнач), вместе с семьей – женой и сыном – вернулся в родную деревню Низок, а затем переехал в соседнюю деревню Островок, где учительствовал. В мае 1925 г. переехал в Минск – на работу инструктора Центрального бюро краеведения при Инбелкульте. На протяжении 1926–1930 гг. учился в Белорусском государственном университете. В архиве писателя сохранилось свидетельство об окончании литературно-лингвистического отделения педагогического факультета Белорусского государственного университета.

С 1932 по 1936 г. К. Атрахович работал заведующим отделом в редакции литературного журнала «Пламя революции». В этот период им были написаны роман «Мядзведзічы» (1932 г.) и пьесы «Канец дружбы», «Партизаны», «Хто смяецца апошнім». В 1941 г. за пьесу «Хто смяецца апошнім» писателю была присуждена Сталинская премия.

В 1939 г. К. Атраховича снова призвали в армию, в качестве командира стрелковой роты он участвовал в освобождении Западной Белоруссии от белополяков, затем участвовал в войне с Финляндией (был военным корреспондентом).

Свою первую высокую награду – орден Ленина – писатель получил в июне 1940 г., когда в Москве проходила декада белорусского искусства. Во время этой декады Национальный академический театр имени Янки Купалы представил свои классические постановки пьес Кондрата Крапивы «Партизаны» и «Кто смеется последним». Многие из артистов были отмечены наградами, в том числе и К. Крапива.

Великая Отечественная война застала К. Крапиву в Минске, во время бомбардировки города был разрушен его дом, он ничего не знал о судьбе своих близких. Только через месяц от начала войны узнал, что его семья эвакуировалась в г. Уральск. Старший сын Борис был призван в армию.

В начале Великой Отечественной войны К. Крапива работал фронтовым корреспондентом газеты «За Советскую Беларусь». В сентябре 1942 г. его отозвали с фронта в Москву, в марте 1943 г. и до конца войны К. Крапива был ответственным редактором сатирического издания – газеты-плаката «Раздавім фашысцкую гадзіну». Для Кондрата Крапивы второй год войны был особенно тяжелым – в конце 1942 г. в ходе операции «Малый Сатурн» (Ростовская область) погиб его сын Борис.

После войны на протяжении 1945–1947 гг. К. Крапива был ответственным редактором сатирического журнала «Вожык». В 1947 г., начав работать в Академии наук БССР, возглавил сектор языкознания при Институте литературы, языка и искусства АН БССР. После создания в 1952 г. Института языкознания АН БССР на протяжении четырех лет был его директором.

В своей автобиографии К. Крапива отмечает, что был награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени. В связи с 60-летием ему было присвоено звание Народного писателя Белорусской ССР [11, лл. 1–17].

В архивном фонде сохраняются письма и почтовые открытки от родных К. Крапивы: супруги Атрахович Елены Константиновны, сыновей Атраховичей Игоря Кондратьевича и Бориса Кондратьевича, дочери Атрахович Людмилы Кондратьевны, внуков Елены и Николая, невестки Атрахович Зои. Сохранилась «военная» переписка 1941–1944 гг. Елены Константиновны Атрахович, супруги фондообразователя. Самые ранние ее письма были отправлены из эвакуации в Саратовскую область (село Новые Бурасы), затем шли письма из г. Уральска Казахской области. Среди корреспонденции – военные письма с фронта от сына Бориса, датированные 1942 г., на многих конвертах обратный адрес – «Станция Серебряково, Сталинградская обл.».

В 1995 г. в личный архивный фонд К. Крапивы, после кончины академика, были переданы дополнительные материалы. После научно-технической обработки была сформирована опись № 2, которая включила 702 единицы хранения за период [1923]–1993 гг. Среди документов архива творческие материалы К. Крапивы за период 1927–1990 гг.: рукописные и машинописные тексты, вошедшие в его «Собрание сочинений», «Избранные произведения»; тексты стихотворений, басен, пьес, фельетонов («Недарэчная штука», «Саракаградусная гарачка», «Каб кнігам ды ногі!», «Жывыя і мёртвыя», «Лельчыцкія дубаломы» и др.); эпиграммы, памфлеты («Апошняя пасылка», «Ёлкі і палкі», «Не будзем спрацаца», «Як нарадзілася “вутка”», «Ух, ух – мы ўдвух» и др.), статьи 1920–1930-х гг. («Беларускія прыказкі», «Думкі пра сатыру», «Што мне рупіць», «Пачатак шчасця» и др.), а также тексты выступлений на различных мероприятиях, интервью, воспоминания, рецензии и др. В материалах архива документы, которые отложились в процессе служебной и общественной деятельности К. Крапивы, – постановления, распоряжения Президиума Академии наук БССР, инструкции, пригласительные билеты на различные мероприятия и т.д. [12]

В архивном фонде собраны поздравительные адреса и телеграммы, приуроченные к юбилейным датам Кондрата Крапивы. Среди его адресантов поздравление от Правления Союза писателей СССР в честь 60-летия со дня рождения и лично от российского писателя Сергея Михалкова, с его автографом: «Крапива – жгучая трава | И нам нужна она, такая. | Живи и здравствуй, Крапива | Гнильё сатирой выжигая! С. Михалков. 20.III.56» [13, л. 3].

Таким образом, материалы архивного фонда № 22 «Кондрат Крапива» дают наиболее полное представление о фондообразователе как о писателе, ученом, защитнике Отечества, много сделавшего для развития белорусского языка, литературы, белорусской культуры. Архивный фонд К. Крапивы – ценный источник для исследователей-языковедов, краеведов, историков. Документы времен Великой Отечественной войны в архиве ученого сохраняют историческую память. Они свидетели эпохи, передающие факты, формирующие национальную самобытность, не дающие забыть о героизме и жертвах Великой Отечественной войны.

Список литературы:

1. Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 1. Справка о составе фонда № 22 «Кондрат Крапива» (1915–1982 гг. и б/д). Л. VIII–IX.
2. Казека, Я. Кондрат Крапива: критико-биограф. очерк / Янка Казека. – Москва: Сов. писатель, 1967. – 142 с.
3. Бугаёў, Д.Я. Зброяй сатыры, зброяй праўды / Дзмітрый Бугаёў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971. – 232 с.
4. Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 1. Ед. хр. 31 «К. Крапива. Пьеса “Володин галстук”. Журнал “Красноармеец”, № 11». Л. 1–14.
5. Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 1. Ед. хр. 78 «К. Крапива. Перевод на белорусский язык трагедии В. Шекспира “Рамео і Джульета”». Л. 1–141.
6. Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 1. Ед. хр. 83 «К. Крапива. Перевод на белорусский язык Конституции Белорусской Советской Социалистической Республики». Л. 1–102.
7. Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 1. Ед. хр. 93 «К. Крапива. Статья “Шкодная блытаніна ў пытаннях мовы” / о статье И. Матвеевко “Развіццё беларускай літаратурнай мовы за 30 год БССР”/ и др.». Л. 1–11.
8. Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 1. Ед. хр. 855 «Поздравительные телеграммы К. Крапивы, адресованные Кравченко Ивану Сергеевичу». Л. 1–4.

- 9.Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 1. Ед. хр. 967 «Письмо К. Крапивы, адресованное главному редактору издательства “Народна култура” (Болгария) Антонову Николаю». Л. 1.
- 10.Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 1. Ед. хр. 1875 «Экслибрисы К. Крапивы работы художника Красовского Е.Е.». Л. 1–44.
- 11.Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 1. Ед. хр. 1850 «Автобиография К. Крапивы». Л. 1–36.
- 12.Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 2. 702 ед.хр.
- 13.Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Фонд № 22 «Кондрат Крапива». Оп. № 2. Ед. хр. 485 «Поздравительный адрес Правления Союза писателей СССР в связи с 60-летием». Л. 1–3.

Долженкова Татьяна Ивановна

кандидат исторических наук, преподаватель

Московский технологический колледж имени И.А. Лихачёва

SPIN-код: 4211-8639

Dolzhenkova Tatiana

I.A. Likhachev Moscow Technological College

НЕЧАЯННЫЙ ДАР: О ПАМЯТНИКАХ ЕЛИЗАВЕТЕ ФЁДОРОВНЕ, СОЗДАННЫХ В.М. КЛЫКОВЫМ

Аннотация: Данная статья посвящена образу великой княгини Елизаветы Фёдоровны в творчестве народного художника России В.М. Клыкова (1939 – 2006). Он стал первым современным скульптором, обратившимся в своих работах к образу святых. Этот «православный поворот» в тематике произошёл ещё в советский период. Активная общественная деятельность и личные убеждения всегда находили отражение в его творчестве. В ряде случаев В.М. Клыков опережал современников на несколько десятков лет. Так было и с обращением к образу Елизаветы Фёдоровны, ставшей одной из любимых скульптурных героинь в его работах.

Ключевые слова: В. М. Клыков, Елизавета Фёдоровна, монумент, памятник, православие, обитель, монастырь.

AN UNEXPECTED GIFT: ABOUT THE MONUMENTS TO GRAND DUCHESS ELIZAVETA FEODOROVNA CREATED BY V.M. KLYKOV

Summary: This article is devoted to the image of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna in the works of People's Artist of Russia V.M. Klykov (1939–2006). He was the first modern sculptor to explore saints in his works. This "Orthodox turn" in subject matter occurred during the Soviet period. His active social life and personal convictions were always reflected in his work. In some cases, V.M. Klykov was decades ahead of his contemporaries. This was also the case with his incorporation of Elizabeth Feodorovna, who became one of his favorite sculptural subjects.

Keywords: V. M. Klykov, Elizaveta Feodorovna, monument, memorial, Orthodoxy, monastery, convent.

Несмотря на то, что жизнь великой княгини Елизаветы Фёдоровны оставила заметный след в истории и культуре нашей страны, более полувека её имя было предано забвению. Имея англо-немецкое происхождение, она осталась верна принятой православной вере и своей второй Родине. Елизавета Фёдоровна не только прекрасная женщина, принадлежащая к высшему свету, но и крупный общественник переломного периода в истории Отечества. Она принимала самое деятельное участие в организации помощи военным в годы русско-японской и Первой мировой войны, создании творческих союзов, работе

музеев, монастырей, повседневной жизни медицинских и учебных учреждений, а также и проведению общенародных масштабных праздников [8, с. 5]. Она стала символом благотворительности, смирения, терпения и любви.

После трагической гибели Елизаветы Фёдоровны в 1918 году новая власть сделала всё, чтобы были преданы забвению не только обстоятельства её мученической кончины, но и её имя было стёрто из народной памяти. Причиной стала не только принадлежность к императорской семье Романовых, но и активная религиозная деятельность, противоречащая новой идеологии государственного атеизма. Образ немецкой принцессы, ставшей русской великой княгиней, не вписывался в советский нарратив. Внучка английской королевы Виктории, сестра последней императрицы Александры Фёдоровны, жена великого князя Сергея Александровича – принцесса Елизавета отличалась необыкновенной красотой, знатным происхождением и богатством, но вошла в историю Отечества не благодаря этим характеристикам. Её жизнь стала примером стойкости духа, истинной веры, самоотречения и добродетельности.

Великая княгиня Елизавета была причислена к лику святых Русской православной церковью за границей 1 ноября 1981 года. А в 1992 году, уже после падения советской власти, такое же решение принял Архиерейский собор Русской православной церкви. Её имя постепенно начало возвращаться из забвения.

На сегодняшний день в России установлено более 30 памятников великой княгине: полноростовых монументов, поясных и оплечных бюстов, мемориальных досок, барельефов и крестов. Семь из них (полностью или только проект) выполнены В.М. Клыковым. Интересно, что Вячеслав Михайлович Клыков стал первым деятелем искусства, обратившимся к образу святой преподобномученицы, и что характерно – ещё до её канонизации.

17 августа 1990 года на территории Марфо-Мариинской обители, за несколько лет до её возвращения Русской православной церкви (что случилось в 1992 году) был открыт и освящен памятник Елизавете Фёдоровне. Подготовленный В.М. Клыковым проект был переведен в мрамор благодаря участию Всероссийского фонда культуры и Фонда славянской письменности. Скульптура настоятельницы Елизаветы была передана в дар Марфо-Мариинской обители, а скульптор стал почётным гостем на церемонии открытия памятника.

В этом произведении искусства Елизавета Фёдоровна изображена в облачении, созданном специально для Марфо-Мариинской обители и носимом ею с 1909 года. Оно включало в себя серое шерстяное платье, белый апостольник (платок, закрывающий плечи и грудь), длинное белое покрывало и на груди – восьмиконечный серебряный крест, указывающий на роль в основании обители. Руки смиренно опущены, о левое запястье оплетены чётки.

Поражает внимательное отношение скульптора к деталям – на кресте, одетом поверх облачения великой княгини, изображена Богородица с покровом, что соответствует тому кресту, который носила

преподобномученица Елизавета при жизни (хорошо просматривается на фотографиях) [7, с. 209].

Первоначально статуя, расположенная на небольшом гранитном постаменте, была размещена ближе от входа на небольшой ландшафтной возвышенности. В начале 2000-х годов была проведена капитальная реставрация обители, в процессе которой памятник великой княгине Елизавете Федоровне был помещен на многоуровневый гранитный постамент и перенесен вглубь сада, ближе к Дому-музею Елизаветы Федоровны и Покровскому собору, что лучше соответствует образу преподобномученицы как настоятельницы обители.

Изменение места позволило выделить памятник как духовный центр сада, создав более уединенную атмосферу для молитвы и размышлений, что соответствует принципам устройства монастырской территории и создает более гармоничную композицию. Новое расположение статуи более соответствует духовному подвигу её героини, подчеркивает ее роль как основательницы и подвижницы, а не просто исторической фигуры. И перекликается с образом, созданным при жизни Елизаветы Фёдоровны художником Михаилом Васильевичем Нестеровым. «Она изображена почти в полный рост, в профиль, в белом одеянии сестер обители, с небольшим букетом цветов в руках. Ее образ введен в пейзаж, едва намеченный, с высокой линией горизонта: на фоне белой ограды и белой алтарной стены Покровского храма... Справа — невысокая изгородь и тонкая березка как олицетворение России» [1, с. 80].

Образ, созданный В.И. Клыковым, по праву можно считать главным памятником княгини, установленный на месте её детища — Марфо-Мариинской обители, которая была возрождена после канонизации её настоятельницы. На церемонии открытия скульптор дальновидно сказал, что «хорошо бы на месте обители открыть православный центр «Милосердие» (монастырь) в память о святой мученице Елизавете и во искупление грехов перед ней». [3, с. 7]. Сегодня Обитель продолжает традиции милосердия, оказывая помощь детям с инвалидностью, тяжелобольным и нуждающимся.

Второй раз образ Елизаветы Фёдоровны появился в работе мастера над памятником княгине Ольге, созданном для Пскова в честь 1100-летия первого упоминания города в летописи и открытым 23 июля 2003 года. Высокий постамент памятника украшен барельефами 12 псковских и российских святых, духовно связанных с Псковом и внесших вклад в распространение православия. Это барельефы Никандра Пустынножителя, князя Всеволода Мстиславовича (Гавриила) Псковского, патриарха Тихона, преподобной инокини Вассы, игумена Псково-Печорского монастыря Корнилия, Александра Невского, митрополита Вениамина (в миру — Казанского), князя Довмонта и его жены Марфы Псковской, Евфросина Псковского, Николы Салоса и Елизаветы Федоровны. Она также имеет отношение к псковской земле, через глубокую духовную связь с Псково-Печерским монастырем и православными традициями региона. На псковской земле она почитается как

преподобномученица. Барельеф изображает её также в монашеской одежде, руки скрещены на груди, в правой руке требный крест, в левой – чётки с крестом поменьше.

В 2004 году был установлен ещё один монумент. Третьим скульптурным образом стала мраморная статуя для калининградского Свято-Елисаветинского монастыря. Её точная копия установлена также на территории подворья этой обители.

В Калининграде (бывшая территория Восточной Пруссии, родины Елизаветы Фёдоровны) в 2000 году был учрежден женский монастырь в честь святой преподобномученицы великой княгини Елисаветы (Романовой) [11]. Он вырос из православной общины, созданной в частном доме будущей настоятельницы монастыря, принявшей монашеский постриг с наречением имени Елисавета в 1998 году. Через год у монастыря появилось подворье в пос. Приозёрье (в 120 км от города), а через 9 лет монастырь и подворье поменялись местами [10].

Памятники выполнены из белого мрамора. На них великая княгиня изображена сидящей на белой скамье, которая установлена на сером постаменте. У Елизаветы характерное для Марфо-Мариинской обители одеяние: на голове платок, закрывающий волосы и ниспадающий на плечи. Она одета в длинное, ниспадающее одеяние. На шее – крест, на этот раз на лицевой стороне креста изображено распятие. В левой руке, лежащей на коленях – чётки. Правой рукой княгиня слегка касается скамьи.

Характерно что оба скульптурных образа (московский и калининградский), воплощенных мастером, в точности повторяют известные фотографии настоятельницы Марфо-Мариинской обители, хранящиеся в музее обители.

Все произведения В.М. Клыкова, посвященные великой княгине Елизавете Фёдоровне, вызывают у зрителей теплые и благоговейные чувства. Скульптурные образы точно передают атмосферу святости, смирения и духовной силы, продолжая традиции, созданные великой княгиней и гармонично сочетаясь с теми впечатлениями, которые она при жизни производила на современников. Генерал В.Ф. Джунковский, занимавший пост московского вице-губернатора и близко знавший Елизавету Фёдоровну, особенно в период её деятельности в Марфо-Мариинской обители, в своих воспоминаниях отразил общее впечатление современников об этой женщине: «...так подкупала своей красотой, изяществом при удивительной скромности и простоте, что нельзя было на нее смотреть иначе чем с восхищением». Скульптору Клыкову удалось своими персонифицированными монументальными изображениями великой княгини вызывать те же чувства у зрителей.

Игуменья Елисавета (Кольцовой) в своей книге «Воздохни обо мне» (глава «Чудеса») рассказывает не только о чудесной встрече со скульптором и его готовности подарить скульптуру для обители, но и о чувствах, которые

вызывал у неё проект будущего памятника: «Почти в центре зала постамент высотой метра полтора, на нём скульптура. Небольшой проект будущего памятника. Мастер берёт её и подносит ко мне. Святая Елисавета. Господи, неужели бывает такая красота?» [6, с. 199 – 201].

Даже после смерти В.М. Клыкова (02.06.2006) продолжают открываться памятники, созданные по его проектам. Так, копия образа из Марфо-Мариинской обители находится в селе Талицы Пушкинского района Московской области на территории храма-часовни Новомучеников и Исповедников Российских. Предположительный период установки 2007 – 2009 годы. Дважды повторен уже калининградский образ: в 2010 году в селе Усово (Московская область) напротив нового храмового комплекса Спасской церкви, появился бронзовый памятник на гранитном постаменте, а вторая копия открыта 21 октября 2021 года рядом с Казанским девичьим монастырем в исторической части Калуги [9].

С каждым из этих мест Елизавета Федоровна была связана. В селе Усово (Ильинское) располагалась любимая усадьба этой семьи Романовых. Здесь великая княгиня также занималась благотворительностью, в том числе поддерживала местные приходы, среди которых был и Спасский храм. Место для установки памятника в Калуге тоже было выбрано не случайно – Елизавета Федоровна в 1915 году, побывав в городе, посетила Казанский женский монастырь. Инициатива установления памятника в этом городе принадлежала Елисаветинско-Сергиевскому просветительскому обществу, поддержку оказало и правительство Калужской области [9]. Выбор места в селе Талицы объясняется не только принадлежностью Елизаветы Фёдоровны к новомученикам и исповедникам российским, в честь которых построен и освящен храм, но и связью этого места с деятельностью самого скульптора – в селе Талицы в усадьбе купцов Аигиных период с 1991 по 1996 год располагалась мастерская Народного художника РФ скульптора В.М. Клыкова. Кроме скульптуры Елизаветы Фёдоровны для храма-часовни также была передана копия монумента Сергию Радонежскому, установленного в Радонеже. Обе скульптуры выполнены в бетоне.

Таким образом, на сегодняшний день скульптором В.М. Клыковым создано три оригинальных образа Елизаветы Фёдоровны, два из которых имеют копии: скульптура, созданная для Марфо-Мариинской обители – одну, а скульптура, созданная для Свято-Елисаветинского монастыря – три. Процесс тиражирования скульптурного образа святой закономерен. Это одно из предметных воплощений народной памяти о ней.

Современник великой княгини Н. П. Окунев в своем «Дневнике москвича» не только восхищается красотой и изяществом обители и проходящих там богослужений, но подводит итог всей жизни его настоятельницы: «Елизавета Фёдоровна оставила по себе памятник такой светлый, христиански радостный и кроткий, такой обаятельный по красоте замысла и исполнения, который так и говорит, что эта женщина — подлинная

христианка, красивая душой и разумом ... с изысканным вкусом... И чем больше пройдет времени, тем более её заслуга перед религией, страждущими и Москвой будет расти и вырастет в вечную ей добрую память» [4, с. 132].

А сегодня этот памятник дополнен и прекрасными монументальными произведениями, созданными талантливым мастером, сильным духом и истинным православным верующим.

Список литературы:

- 1.Алехина, Л.И. Образ Великой Княгини Елизаветы Федоровны в этюде М. В. Нестерова «Невеста Христова» // Память как максима поведения. Материалы Свято-Елизаветинских чтений. – М., 2001. – С. 80.
- 2.В Калуге открыли памятник княгине Елизавете Федоровне // РИА Новости. Калужская область – 27 октября 2021 – URL: <https://ria.ru/20211021/pamyatnik-1755701651.html> (дата обращения 10.02.2026).
- 3.В память о святой мученице // Литературная газета – № 33 – 17 августа 1990 – С. 7.
- 4.Дневник москвича, 1917— 1924: В 2 книгах. — Кн. 2. — М.: Воениздат, 1997. — 287 с., 12 л. ил. — (Редкая книга).
- 5.История рядом: пещерный храм в Талицах // Дубровский лес – 22.08.2025. – URL: <http://www.dybles.ru/informaciya/istoria-ryadom/talicu/> (дата обращения 03.02.2026).
- 6.Кольцова, Е. Воздохни обо мне – Калининград: Янтарный сказ, 2008. – 280 с.
- 7.Куликова, Л. Крестный путь преподобномученицы Великой княгини Елисаветы Феодоровны на Алапаевскую Голгофу – Симбирск: Спасский женский монастырь, 2019. – 728 с.
- 8.Кучмаева, И.К. Жизнь и подвиг великой княгини Елизаветы Фёдоровны. – М.: АНО ИЦ «Московведение», ОАО «Московские учебники», 2004. – 272 с.: ил.
- 9.Памятник великой княгине Елизавете Романовой // Отдых и туризм в Калужской области. - URL: <https://www.kalugaresort.ru/item/elizaveta/> (дата обращения 20.02.2026).
- 10.Свято-Елизаветинский монастырь в Приозерье. Православие в Калининграде. Калининград в деталях - URL: <https://dzen.ru/a/Y-ETaUAlOjK8vQJf> (дата обращения 07.02.2026).
- 11.Современный монастырь // Персона – 15 мая 2009. - URL: <https://personarf.com/gazeta-persona/patriarkh-moskovskiy-i-vseya-rusi-kirill/sovremennyy-monastyr/> (дата обращения 23.02.2026).
- 12.Церемония открытия и освящения памятника Елизавете Федоровне в Марфо-Мариинской обители 17 августа 1990 года Патриархом Алексием II// Фотобанк. - URL: https://russiainphoto.ru/search/photo/years-1840-1999/?page_size=10&page=3&paginate_page=1&query=церемония+открытия+памятника+великой+княгине+елизавете+федоровне&index=7 (дата обращения 23.02.2026).

Домбровский Роман Юрьевич

преподаватель истории высшей категории

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

Roman Dombrovskii

Nizhny Tagil branch of the Sverdlovsk Regional Medical College

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА ШТАБА СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ВЫПУСКНИКОВ ЕЁ РАЗВЕДШКОЛЫ

Аннотация: Статья посвящена работе Разведывательного отдела штаба Сталинградского фронта и его вкладу в победу. На основе архивных документов установлены имена руководителей, офицеров и рядовых сотрудников разведотдела. Особое внимание уделено его специализированной разведшколы, действовавшей с 15 августа по 29 ноября 1942 г. и подготовившей около сотни разведчиков и диверсантов. Рассмотрена организация и методы работы фронтовой разведки, приведены примеры боевого применения разведчиков-диверсантов.

Ключевые слова: Разведывательный отдел, Сталинград, разведшкола, диверсант, разведчик, документ, награда, подготовка кадров.

ACTIVITIES OF THE INTELLIGENCE DEPARTMENT OF THE STALINGRAD FRONT STAFF, TEACHERS, AND GRADUATES OF ITS INTELLIGENCE SCHOOL

Summary: The article focuses on the work of the Intelligence Department of the Stalingrad Front Headquarters and its contribution to the victory. Based on archival documents, the names of the heads, officers, and ordinary employees of the Intelligence Department have been established. Special attention is paid to its specialized intelligence school, which operated from August 15 to November 29, 1942, and trained about a hundred intelligence officers and saboteurs. The article examines the organization and methods of frontline intelligence, and provides examples of the combat use of intelligence officers and saboteurs.

Keywords: Intelligence Department, Stalingrad, intelligence school, saboteur, intelligence officer, document, award, personnel training.

Упоминания о деятельности Разведывательного отдела штаба Сталинградского фронта (далее РО штаба СталФ) и о его сотрудниках в публицистике минимальны. К данному вопросу обстоятельно обращались лишь историки отечественных спецслужб А. Колпакиди, А. Север и Д. Прохоров. Мемуары разведчика Виталия Никольского[3], также выступают ценным источником, на который, в том числе, опираются данные авторы, приводятся сведения об их деятельности. Довольно подробно В.А. Никольский описывает

подготовку и использовании в боевой работе разведчиков и диверсантов Сталинградского фронта. Упоминаются только 6 человек, возглавлявшие и организовывавшие эту работу. Однако, по какой-то причине приведены только фамилии и звания его сослуживцев, фамилии подверглись корректировке, например, Шалыгин записан как Шарыгин.

В данной статье мы постараемся на основе архивных данных и публицистики выявить и установить сведения о руководителях и офицерах РО штаба Сталинградского фронта, осветить деятельность его разведчиков.

Приказы о награждениях №72/н от 04.11.1942 г. и №105/н от 04.12.1942 г. по ВС Сталинградского фронта, хранящиеся в ЦАМО РФ[20], помогают установить дополнительные имена сотрудников РО штаба СталФ и дополнить данные на приведенные В. Никольским. Также как и просмотр 593 документов по выборке место службы – «штаб СталФ». Приведем дополненные и уточненные по архивным документам сведения о них:

- Акимова Татьяна Васильевна, 07.01.1910 г.р. Ст. лейтенант, с 11.1941 г. на Южном и Сталинградском фронтах. «Работала политруком оперпункта РО штаба СталФ (часть 4411, командир части майор Шалыгин), 12.11.1942 г. по поручению организовывала глубокую разведку противника в районе Сталинграда. При выполнении боевой задачи была легко ранена в поясницу и эвакуирована». В 1945 г. слушатель Высшей Разведшколы ГШ КА. По ранению награждена медалью «За боевые заслуги», Указ ПВС СССР от 06.11.1945 г. [17]

- Ашихмин Георгий Максимович. Ст. лейтенант, зав. делопроизводством РО штаба СталФ.

- Виноградов Илья Васильевич, 03.07.1906 г.р. С июля по сентябрь 1942 г. генерал-майор, начальник РО штаба СталФ. «Сумел организовать работу всех звеньев Разведывательных органов и своевременно обеспечивал командование всеми данными о группировке, действиях и намерениях противника» [14].

- Данилюк Петр Агафонович, 15.07.1912 г.р. Майор, пом. начальника 3 отделения РО штаба СталФ и ДонФ.

- Джамбинов Эрднэ Николаевич, 25.02.1906 г.р. Подполковник ГРУ ГШ. С 08.1942 по 04.1944 г. полковник РО штаба СталФ.

- Кочетков Михаил Андреевич, 1904 г.р. – подполковник, кадровый, разведчик с довоенным стажем с 1920 г., начальник РО штаба СталФ, «много работает над организацией войсковой и агентурной разведки, помогая частям»[11].

- Пантелеев, старший лейтенант, оперативный работник 2-го отделения РО Сталинградского фронта [3]

- Никольский Виталий Александрович, 03.05.1910 г.р. на службе с 1932 г., майор, начальник 2 отделения разведотдела штаба Сталинградского фронта. «Проявляет мужество в деле организации радифицированной агентуры в тылу противника (за 15 дней посадил 2 радиофицированные точки). Действовал в районах Городище, Верхняя Ельшанка, Горная поляна. За короткое время сумел подобрать кадры для необходимого ведения специальной разведки, умело организовав их подготовку» [12].

- Смирнов Иван Васильевич, 20.02.1918 г.р. Майор, начальник радиоузла РО штаба СталФ. «Выполняет наиболее ответственные задания командования по установлению связи с агентурными корреспондентами, находящимися на большом удалении за линией фронта» [18].
- Смоленков Михаил Алексеевич, 1910 г.р. капитан, старший помощник начальника 2-го отделения РО Сталинградского фронта с августа по декабрь 1942 г. «показал себя смелым и инициативным командиром» [15].
- Смыслов Александр Михайлович, 1904 г.р. Майор, с 01.1943 г. начальник 3 отделения РО штаба СталФ и ДонФ.
- Фурсов, старший лейтенант, оперативный работник 2-го отделения РО Юго-Западного фронта[3]
- Цейтлин Исаак Абрамович, 1908 г.р. На службе с 1927 г. Майор, помощник начальника РО по связи «организовал 14 радиоточек в тылу врага. Руководит радиодивизионом ОСНАЗ» [13]
- Цирлин Исаак Моисеевич, 1915 г.р. батальонный комиссар, зам. начальника по политчасти фронтовой разведшколы при РО Штаба СталФ [19].
- Шалыгин Иосиф Федорович, 18.10.1910 г.р. майор, руководитель фронтовой разведшколы при РО Штаба СталФ [20]

Эти же документы [20] помогают найти рядовых разведчиков РО штаба Сталинградского фронта, награжденных орденами Красной Звезды:

- Гриценко Анна Ивановна, 1923 г.р. рядовой разведчик оперативного пункта разведотделов Сталинградского и Юго-Западного фронтов. «Ходила в тыл противника 5 раз на глубину 150 км. в районы Хворец, Красногвардейск, Кобеляки и Чернышевская». Успешно разведала штабы, аэродромы, наличие войск и техники противника».
- Лысенко Раиса Яковлевна, 1921 г.р. рядовая РО штаба 51 Армии. «Вела разведку противника в его глубоком тылу 15-21 октября 1942 г. Будучи серьезно раненой, доставила сведения командованию».
- Савченко Николай Иванович, 1924 г.р. рядовой разведчик в/ч 5053 осназа РО штаба 51 Армии. «С июня по октябрь 1942 г. 16 раз пробирался в глубокий тыл противника и давал ценные данные»
- Чугуй Николай Иванович, 1925 г.р. рядовой РО штаба 51 Армии. «7 раз ходил в тыл противника. 10.1942 г. попал в плен к немцам и калмыкам. ... бежал, прошел свыше 400 км. босиком и дал ценные сведения».

Акты вручения медали «За оборону Сталинграда», например от 02.1945 г. по ГРУ КА, которые дополняются характеристиками из Акта №1 от 23.06.1943 г. по ГРУ КА [9], дают сведения еще на 15 человек сержантского и офицерского состава Разведотдела штаба Сталинградского фронта:

- Березкин Михаил Васильевич, капитан, с 06.1941 по 11.1942 г. помощник начальника оперпункта РО штаба ЮЗФ, СталФ и ДонФ;
- Богатырев Анатолий Христафорович, с 08 по 12.1942 г. зам. начальника оперпункта. Обеспечивал войска сведениями разведки;

- Григорьева Славиана Ефимовна, лейтенант административной службы, с 08.1942 г. переводчик английского языка;
- Ежов Павел Васильевич, капитан, начальник 3 отделения с 06 по 30.12.1942 г.;
- Жуков Иван Иванович, мл. лейтенант, с 09.1941 по 09.1942 г. радист;
- Заболотный Григорий Лукьянович, ст. лейтенант, с 15.10. по 12.12.1942 г. помощник начальника оперативного пункта;
- Котий Николай Саввич, капитан, помощник начальника отделения;
- Колесников Павел Михайлович, старший лейтенант адм. службы, переводчик;
- Любимов Лев Алексеевич, гв. старший лейтенант, начальник спецсвязи;
- Нуриев Михаил Мидгарович, 07-08.1942 г. находился в резерве Комсостава СталФ., 08-11.1942 г. прошел спецподготовку в спецшколе РО штаба СталФ, ст. лейтенант, 11-06.12.1942 г. цинкограф-фотограф технического отделения;
- Пехтеров Владимир Кириллович, майор, с 06.08.1942 г. по 01.01.1943 г. начальник 7 отделения;
- Студеникин Алексей Яковлевич, окончил спецшколу при РО штаба СталФ, с 01.11.1942 г. по 06.12.1942 г. лейтенант, пом. начальника 7 отделения;
- Титов Виктор Петрович, майор. С 09.08 по 10.12.1942 г. начальник 6 отделения, участвовал в непосредственной обороне Сталинграда в этот период;
- Шайкин Владимир Яковлевич, капитан, с 08 по 12.1942 г. пом. начальника оперпункта. Обеспечивал войска сведениями разведки;
- Щепин Николай Степанович, пом. начальника 4 отделения.

Поиск безвозвратных потерь среди личного состава ГРУ ГШ по электронной базе данных «ОБД-Мемориал» [4] помогает найти Заварзина Дмитрия Павловича, 1916 г.р., майора, помощника начальника 1 отделения РО штаба СталФ, который погиб 07.08.1942 г. под Сталинградом.

Особого интереса заслуживает подготовка и деятельность разведчиков - диверсантов Сталинградского фронта. Четырьмя источниками, которые помогают представить эту деятельность являются наградные документы с описанием подвигов диверсантов-разведчиков, мемуары В. Никольского, монография А. Колпакиди и переписка генералов А. Сивкова и Т. Круглякова с руководителем ЦШПД П. Понамаренко [6].

Начиная с 15.08.1942 г. 2-е отделение РО штаба Сталинградского фронта искало добровольцев из числа местных жителей, рядового и сержантского состава частей, которых можно было бы после непродолжительной подготовки, главным образом по радиodelу, в составе сформированных малых разведгрупп направить на разведку в тыл противника. И вело централизованную подготовку около сотни подобранных разведчиков и диверсантов, преподавателями были кроме трех вышеперечисленных офицеров (Фурсов, Пантелеев, Смоленков) и несколько радиоспециалистов.

Разведшкола готовила, в основном, разведчиков, комплектовало группы, подготавливало резидентов по оперативным задачам и создавало резидентуры, снабженное запасом продовольствия, денег, радиоаппаратуры (в Бекетовке, Ахтубе, Сталинграде, Ленинске, Черном Яре и других пунктах). Упоминается

рядовой Варламов А.А., солист ГАБТ, которого индивидуально готовили как резидента для направления в глубокий тыл с возможностью базирования у его бывшего друга, который остался у немцев. Удалось установить, что Алексей Алексеевич Варламов, 29.03.1920 г.р., уроженец Москвы, в 1938-1959 годы артист Большого театра [1, 8].

Имеются сведения о том, что на 21 ноября 1942 г. из заброшенных 4 групп с рациями в районы: Тормосино, Обливское, Лихая, Ворошиловград; и засылка одиночных людей и групп по линии магистралей Сталинград с Сальск и по тракту Сталинград - Элиста. Из Астрахани - ни с одной рацией РО СталФ связи не имеют. Одиночные пешие возвращаются нерегулярно, их разведанные в силу запоздания оказываются неполными и застаревшими [6].

Массовую заброску радиофицированных групп и отдельных разведчиков в глубокий тыл немцев РО Штаба Сталинградского фронта планировал начать после 25 ноября 1942 года. Однако, с 22 ноября 1942 года из Центра по решению, подписанному лично И.В. Сталиным, разведшкола была расформирована, работа свернута. Личные дела офицеров - разведчиков, убывающих в Центр переданы в ГРУ, дела на маршрутчиков, неоднократно выполнявших задания разведки и находящихся в тылу противника, переданы в органы СМЕРШ [3, с.109]. 29 ноября 1942 года эта работа была закончена. Таким образом, разведшкола РО штаба Сталинградского фронта проработала 99 дней, сам Разведотдел просуществовал немногим дольше.

Еще один публицистический источник [2, с. 166], описывая работу РО штаба СталФ, указывает, что он «в короткий срок сумел наладить подготовку разведчиков и диверсантов во фронтовой разведшколе, которую возглавлял майор Шарыгин», что, повторяет вышеприведенные данные В. Никольского.

Список выделяемого в июле 1942 года имущества для обеспечения работы 2-го и 3-го отделений, включал узел связи, агентурные рации, парашюты, оружие, взрывчатые вещества, продовольствие, радиопитание, боеприпасы [3, с.94], - что свидетельствует о подготовке к диверсионным актам, а не только к ведению разведки в тылу противника. Но ни о подготовке диверсантов-разведчиков по дисциплинам для решения конкретных задач, ни об их применении не сказано ни слова.

В то же время, часть материалов «Работы разведчиков в период Сталинградской битвы» из книги А. Колпакиди [2], посвящена вопросам развертывания партизанского движения и осуществлению диверсий партизанскими отрядами при взаимодействии с РО штаба СталФ. Можно сделать предположение, что часть разведчиков-диверсантов применялось именно там и с учетом их подготовке по работе со взрывчатыми веществами и со стрелковым оружием, они осуществляли крушение вражеских поездов, перебрасывавших технику на Сталинградское направление, и осуществляли диверсионные акты по ликвидации нацистов. К сожалению, выборки документов на электронной базе данных ЦАМО РФ по запросам «РО штаба СталФ», «штаб СталФ» (254 просмотренных документа по погибшим и 593

документа по награжденным) не дает таких данных. Зато рукописный проект директивы П. К. Пономаренко на Сталинградский фронт в этом отношении дает указания: «Диверсионные группы по 7-9 чел. разделяются на два звена по 3-4 чел., каждое звено должно самостоятельно выполнять диверсионные акты на станционных сооружениях, железнодорожных мостах, виадуках и т. д. В составе каждого звена необходимо иметь железнодорожника, хорошо знающего станционные и железнодорожные сооружения» [5].

Укажем, что именно диверсионными задачами наравне с разведывательными в основном занимались Разведотделы штабов различных фронтов. Например, в книге «Разведчики в тылу врага» [7] описана именно такая деятельность разведотрядов, подчиненных РО штаба Северо-Кавказского фронта. Один из героев книги Иван Кириллович Анненко, 1912 г.р., руководитель диверсионно-разведывательной подгруппы ДРГ Илюхина 3-го отделения РО штаба СКФ, представленный к награждению орденом Ленина за работу в глубоком тылу (личный подрыв 2 эшелонов, захват в составе группы из 10 разведчиков 4 пленных, помощь в налаживании агентурной сети из местного населения) [16].

В фондах ЦАМО РФ хранится акт №3706 от 12.05.1945 г. о награждении медалью «За оборону Сталинграда», подписанный заместителем начальника Штаба 4 Украинского фронта генерал-майором М.Я. Грязновым [10]. Среди десятков тысяч подобных Актов о вручении наград он выделяется тем, что в нем приводятся фамилии 25-и разведчиков – диверсантов Разведывательного отдела Штаба Сталинградского фронта. В этом списке фамилии тех, кто продолжил служить в Разведотделе Южного и 4 Украинского фронтов и остался жив к маю 1945 года. Приведем уточненные и обобщенные по архивным документам фондов ЦАМО РФ сведения о них. Разведчиков – диверсантов из списка о награждении разделим и затем обобщим по званиям:

1. Красноармейцы, разведчики-диверсанты РО Штаба СталФ.: Агафонов Дмитрий Федорович, Асламов Григорий Петрович, Грошев Николай Александрович, Демичев Сергей Иванович (1921 г.р. в 1945 г. – автоматчик 8 отдельной мото-разведроты РО штаба 4 УкрФ), Казанцев Никонор Данилович, Коваленко Сергей Федотович, Курощупов Иван Ник., Леонов Леонид Семенович, Мельников Иван Дмитриевич, Михеев Анатолий Степанович, Пермяков Михаил Евдокимович, Поликарпов Федор Степанович, Сафиулин Нигмадзян, Соломатин Валентин Васильевич, Удалов Василий Павлович, Фекляев Николай Васильевич, Хисамудинов Закир Борисович, Чернов Владимир Иванович, Школьников Василий Александрович (1922 г.р. в 1945 г. – автоматчик 8 отдельной мото-разведроты РО штаба 4 УкрФ), Шумских Николай Дмитриевич.
2. Младшие сержанты, разведчики-диверсанты: Романов Виктор Николаевич, Рыхов Алексей Александрович, Тупицын Василий Карпович.
3. Сержант, разведчик-диверсант РО Штаба СталФ.: Рябенко Петр Яковлевич.
4. Младший лейтенант, разведчик-диверсант Юдин Николай Степанович.

Еще один акт №3707 от 05.06.1945 г.[10] о награждении медалью «За оборону Сталинграда» указывает на индивидуальное награждение еще одного младшего сержанта, разведчика-диверсанта РО Штаба СталФ Храпина Ивана Сергеевича, 1923 г.р., участника Сталинградских боев с 08.1942 г. (награжденного в 1944 г. орденом Красной Звезды за работу в РО 4 УкрФ в качестве инструктора по парашютно-десантной подготовке [20]).

В Акте вручения медали №3724 штаба 4 Украинского фронта [20] упоминается старший лейтенант Ильин Николай Павлович, в 1942 году – красноармеец-голубевод при РО штаба СталФ.

Отсутствие упоминаний о разведчиках-диверсантах и наличие сведений только о разведчиках в подобных документах о награждениях на служивших в РО штаба Сталинградского фронта, указывает на примерную одну четвертую долю диверсантов от общего количества учеников этой разведшколы.

Таким образом, деятельность Разведотдела штаба Сталинградского фронта трудно переоценить. Именно он сыграл ключевую роль в победе в Сталинградской битве, его разведчики в тяжелейших условиях обеспечивали советское командование ценными данными о противнике и способствовали успешному проведению контрнаступления советских войск.

Список литературы:

- 1.Алексей Варламов. - Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/activist/35665/bio/> (дата обращения: 15.02.2026).
- 2.Колпакиди А., Прохорова Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 910 с.
- 3.Никольский В. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. Герои невидимого фронта. - М.: Яуза, Эксмо, 2005. - 448 с.
- 4.Обобщенный банк данных «Мемориал». <https://obd-memorial.ru/html/>
- 5.РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 539. Л. 5-7.
- 6.РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.539. Л. 15-16. Докладная записка генерал-майора Круглякова в ЦШПД о работе оперативной группы, разведотделов фронтов и УНКВД Сталинградской области по организации борьбы в тылу противника. Действующая Красная Армия, Сталинградский фронт, 21 ноября 1942 г.
- 7.Федотов А.С., Романов С.П, Сироткин М.В. Разведчики в тылу врага. - М.: Воениздат, 1963. – 208 с.
- 8.ЦАМО. Ф. Кунцевский ОВК г. Москвы. Д. 11001288.
- 9.ЦАМО. Ф.33. Оп. 44677. Д. 427. Л.3-4.
- 10.ЦАМО. Ф.33. Оп. 44677. Д. 731. Л.1.
- 11.ЦАМО. Ф.33. Оп. 682525. Д. 11. Л.200.
- 12.ЦАМО. Ф.33. Оп. 682525. Д. 163. Л.118-119.
- 13.ЦАМО. Ф.33. Оп. 682525. Д. 163. Л. 157.
- 14.ЦАМО РФ. Ф.33. Оп. 682525. Д.187. Приказ 91/н от 10.01.1943 г. по ВС ДонФ.
- 15.ЦАМО. Ф.33. Оп. 686043. Д. 51. Л.36.

- 16.ЦАМО. Ф.33. Оп. 686044. Д. 2425. Л.3. Приказ 137/н от 30.01.1944 г. по ВС ОПА
- 17.ЦАМО. Ф.33. Оп. 686046. Д. 402.
- 18.ЦАМО. Ф.33. Оп. 690155. Д. 5874. Л.34.
19. ЦАМО. Ф. 399. Оп. 9418. Д. 67. Л.2.
- 20.Электронная база данных «Память Народа». ЦАМО РФ. - Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 15.02.2026).

Домбровский Роман Юрьевич

преподаватель истории высшей категории

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

Roman Dombrovskii

Nizhny Tagil branch of the Sverdlovsk Regional Medical College

ПРАКТИКА НАГРАЖДЕНИЙ ОРДЕНАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ УЧАСТНИКОВ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы награждения офицеров – участников Семилетней войны орденами Российской Империи за боевые и служебные заслуги в период правления Елизаветы Петровны. На примере вручения высших наград Империи, выявляется связь наград с сословными отношениями и критериями оценки воинских заслуг. Особое внимание уделяется особенностям наградной системы, конкретным случаям награждений видных военачальников с указанием заслуг и полученных наград, статистике награждений. Выявляются отличия от практик награждения последующих периодов и случаи награждения иностранных союзников.

Ключевые слова: награждение, орден, кавалер, Российская Империя, Семилетняя война, битва.

PRACTICE OF AWARDING ORDERS IN THE RUSSIAN EMPIRE FOR PARTICIPANTS OF THE SEVEN-YEAR WAR

Summary: The article examines the issues of awarding officers who participated in the Seven Years' War with orders of the Russian Empire for their military and service achievements during the reign of Elizabeth Petrovna. By examining the presentation of the highest awards of the Empire, the article reveals the connection between awards and class relations, as well as the criteria for evaluating military achievements. Special attention is given to the specifics of the award system, including specific cases of awarding prominent military leaders, their achievements, and the awards they received, as well as the statistics of awards. The article also highlights the differences in the practices of awarding in subsequent periods and the cases of awarding foreign allies.

Keywords: awarding, order, knight, Russian Empire, Seven Years' War, battle.

Русские войска впервые отличились в сражениях Семилетней войны при Гросс-Егерсдорфе в Восточной Пруссии в 1756 году, при менее удачном сражении при Цорндорфе в следующем году и одержали блестящую победу при Пальциге. А 12 августа 1759 года у Кунерсдорфа в Силезии, в четырёх вёрстах от Франкфурта-на-Одере, армия Фридриха Великого была наголову разгромлена (из 48 тыс. пруссаков в строю осталось 3 тысячи). Первое русское взятие Берлина в 1760 году и Кольбергская операция, которые поставили

Пруссию на грань катастрофы - все это славные и незабываемые страницы нашей военной истории [1].

Главнокомандующий русской армии Петр Семенович Салтыков отдавал должное русским офицерам и солдатам и в своих донесениях императрице Елизавете с восхищением писал: «Я за должность признаваю... до последнего солдата справедливость отдать, что они в наихудшем огне так мужественно и неустрашимо поступали, как того от верных подданных и храбрых воинов ожидать можно...» [5, с.78-81].

К сожалению, Петр III, после скоропостижной кончины Елизаветы Петровны, вернул своему кумиру прусскому королю Фридриху все завоеванные территории, щедро политые кровью русских солдат и офицеров.

Эти два момента: героизм на полях сражений и коварное предательство российских интересов в верхах, - были отражены в манифесте «О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II» от 28 июня 1762 года: «Слава Российская, возведённая на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое своё кровопролитие, заключением нового мира с самым ея злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение» [4]. Несмотря на то, что Семилетняя война окончилась в 1763 году, Российская Империя со смертью Елизаветы Петровны прекратила участвовать в боевых действиях и награждения за боевые подвиги орденами прекратились. Лишь с 1762 года при Екатерине II несколько офицеров удостоились орденов за заслуги в данной войне.

Важными вещественными памятниками, относящимися к одному из важнейших периодов истории Российской Империи являются русские ордена, медали и прочие знаки отличия времен царствования Елизаветы Петровны. Практика награждений участников Семилетней войны отражает сословные отношения и дает возможность увидеть критерии оценки заслуг участников сражений. Ряд статей посвящены орденам Российской Империи и наградным медалям 18 века или отдельным знакам отличия этой войны. Несмотря на имеющийся разрозненный материал, обобщающего исследования по данной теме ранее не проводилось. В отличие от списков офицерского состава, представленных к наградам, которые, например, составлял А.В. Суворов после штурма Измаила [6], списка награжденных среди рядового состава нет. Это характерно для всего 18 века (для войн Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II), когда по монаршему распоряжению не поименным списком согласно представлению, а количественно, награждались все участники батальонов и награды передавались в полки для массового вручения.

Высшие офицеры удостоились существовавших на тот момент орденов Российской Империи, учрежденных еще во времена Петра Великого. Полный список кавалеров российских орденов до 1797 года составлял Н. Н. Бантыш-Каменский [2]. Приведем установленные нами сведения на основе свободного поиска в сети Интернет о ряде кавалеров Семилетней войны, награжденных орденами за конкретные заслуги и подвиги.

- генерал-поручик Ю.Ю. Броун по совокупности заслуг в Семилетней войне и за Цондорф 25 ноября (по старому стилю) 1758 года награждён Орденом Андрея Первозванного.
- адмирал З.Д. Мишуков за действия на Балтике в 1760 году награждён орденом Андрея Первозванного
- генерал – фельдмаршал П.С. Салтыков в 1758 г. награжден орденом Святого Андрея Первозванного, золотой шпагой с алмазами, в 1759 г. произведен в фельдмаршалы и награждён медалью с надписью «Победителю над пруссаками».
- генерал-аншеф В.В. Фермор за осаду Кюстрина и командование русскими войсками при Цорндорфе, удостоился ордена Андрея Первозванного и Святой Анны.
- генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин за победу у Гросс-Егерсдорфа получил в свой герб две пушки, накрест положенные; также награжден орденом Святого Александра Невского.
- генерал-поручик А.Н. Вильбоа за отличия при Гросс-Егерсдорфе и тяжелое ранение награждён орденом святого Александра Невского.
- генерал – поручик А.Н. Голицын, командовавший левым флангом русской армии при Кунерсдорфе и получивший ранение, награжден орденом Александра Невского.
- генерал-майор П.И. Панин за участие в Гросс-Егерсдорфском сражении 1757 г. награждён орденом Святого Александра Невского.
- вице-адмирал А.И. Полянский за командование авангардом русского флота при осаде Кольберга в 1760 г. был награждён орденом Св. Александра Невского.
- генерал-майор П.А. Румянцев за сражение при Кунерсдорфе как лучший командир русской армии был награждён орденом Святого Александра Невского.
- генерал-поручик З.Г. Чернышев, который командовал гренадерами, за отличился в Цорндорфской битве, в 1758 году награждён орденом Святого Александра Невского.
- генерал-поручик С. А. Языков за командование 1-ым Гренадерским полком награжден орденом Святого Александра Невского.
- генерал-поручик И.А. Салтыков за сражения Семилетней войны награжден орденом Св. Александра Невского.
- генерал-поручик В.И. Суворов, состоявший «при провиантском правлении» в действующей армии и награжденный в июне 1760 г. орденом Св. Александра Невского.
- генерал-майор и командир летучих кавалерийских отрядов Г.К.Г. Тотлебен 1 (12) сентября 1759 года награждён орденом Святой Анны за Кунерсдорф и 27 августа (7 сентября) 1760 года — орденом Святого Александра Невского за успешный бой с арьергардом прусского принца Генриха.

- генерал – майор М.Н. Волконский, отличившийся при Пальциге и Кунерсдорфе, награжден орденом Святой Анны.
- генерал-поручик П.Д. Еропкин 19 августа 1759 года за победу при Пальциге награжден орденом Святой Анны
- генерал-аншеф В.А. Лопухин за сражения Семилетней войны награжден Св. Анны, золотой шпагой «За храбрость» с бриллиантами.

Отметим, что значительная часть офицеров отмечена повышением в чине, без вручения орденов (например, ставший полковником за Цондорф А.И. Бибилов, произведенный в генерал-поручики за Цондорф Т. Демику, получивший чин премьер-майора за Кунденсдорф А.А. Прозоровский, ставший в 1757 г. контр-адмиралом за действия на Балтике С.И. Мордвинов)

А младший офицер лейб-гвардии Семёновского полка Г.Г. Орлов в сражении при Цондорфе получил три ранения, но не покинул поле боя, однако за Семилетнюю войну награжден не был.

Императрица Елизавета Петровна производила также пожалования дворянскими титулами. Так фельдмаршал А. Б. Бутурлин за заслуги в качестве главнокомандующего русской армией в 1760 году возведен в графское потомственное достоинство, также есть сведения о награждении его золотым оружием, украшенном бриллиантами.

В рассматриваемый период не было посмертных награждений, распространенных в 20 веке в период Великой Отечественной войны. По этому, героически погибший при Гросс-Егерсдорфе израненный генерал Василий Абрамович Лопухин, пытавшийся остановить отступление русских солдат, - посмертно не ничем награжден был.

Также, просто участвовавшие в конкретной битве Семилетней войны русские офицеры не получали за участие памятных знаков и медалей, что было характерно для Великой Отечественной (например, подпоручик А.Т. Болотов, участвовавший в составе полка в сражении при Гросс-Егерсдорфе и премьер-майор А.В. Суворов, командовавший эскадроном драгун участвовавший в сражении под Кунерсдорфом).

Нечасто награждались российскими орденами и союзники – иностранцы. Например, командующий 18-тысячного австрийского корпуса фельдмаршал-лейтенант Г. Э. фон Лаудон за поддержку русских войск в Кунерсдорфском сражении был награжден шпагой, украшенной бриллиантами.

Итого, из выявленных кавалеров среди высших офицеров, 4 удостоены высшей награды Российской Империи – ордена Андрея Первозванного, 2 удостоены двух орденов, 11 – орденом Александра Невского, 5 – ордена Святой Анны, и еще 4 награждены золотым оружием. При этом, в период правления Елизаветы Петровны, ордена Андрея Первозванного удостоились 83 подданных [3, с.5], ордена Александра Невского – 183 человека [2] (при этом, до 50 человек награждены в период Семилетней войны с 1756 г. по 1760 г., из них 14 иностранцев), ордена Святой Анны – 92 [2] (из них в период войны – до 50 человек, в т. ч. 10 иностранных подданных).

Конечно, данный список только обзорный, но показательный, дающий нам возможность рассмотреть и понять механизмы поощрения воинской доблести, саму наградную систему и практику награждений орденами в Российской Империи в середине 18 века.

Список литературы:

- 1.Алдонин С. Первая русская Паллада. - Режим доступа: https://portal-kultura.ru/svoy/articles/dom-romanovykh/297797-pervaya-russkaya-pallada/?PAGEN_1=2 (дата обращения: 28.01.2026).
- 2.Бантыш-Каменский Н. Н. Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения до установления в 1797 году орденского капитула / изд. подг. П. А. Дружинин. — М.: Трутенъ, 2005. — 228 с.
- 3.Гусев И.Е., Ордена, медали и нагрудные знаки России. Большая энциклопедия. – Москва: АСТ, 2022 – 160 с.
- 4.Манифест от 28 июня 1762 г. «О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II», с приложением присяги на верность подданства. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/58105156/> (дата обращения: 28.01.2026).
- 5.РГВИА. Ф. ВУА, Д. 1669 «С», лл. 78-81.
- 6.Роспись отличившихся мужественными подвигами на штурме Измаильском Штаб и Обер-Офицеров и прочих чинов», взятых из «Собрания реляций» 1791 года (Орлов Н.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб, 1890. - Режим доступа: <http://www.adjudant.ru/suvorov/orlov1790-12.htm> (дата обращения: 28.01.2026).

Домбровский Роман Юрьевич

преподаватель истории высшей категории

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

Roman Dombrovskii

Nizhny Tagil branch of the Sverdlovsk Regional Medical College

РУССКИЕ МЕДАЛИ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ НАГРАДЫ ДЛЯ БОЕВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Аннотация: В статье рассматриваются индивидуальные и коллективные награды, учреждённые за участие в ключевых битвах Семилетней войны. Подробно рассмотрены медали и нагрудные знаки для рядовых участников сражений, для полковников Войска Донского. Разъясняются ошибочные утверждения о награждении офицеров золотыми медалями за Кунерсдорф. Особое внимание уделено серебряным трубам за взятие Берлина как высоким коллективным наградам для русских полков, награжденных ими.

Ключевые слова: Семилетняя война, империя, награды, медаль, Кунерсдорф, нагрудный знак, серебряные трубы.

RUSSIAN MEDALS FOR MILITARY PERSONNEL AND COLLECTIVE AWARDS FOR MILITARY UNITS IN THE SEVEN-YEAR WAR

Summary: The article examines individual and collective awards established for participation in the key battles of the Seven Years' War. It provides a detailed analysis of medals and breastplates for ordinary participants in battles, as well as for colonels of the Don Cossack Army. The article clarifies erroneous claims about the awarding of gold medals to officers for the Battle of Kunersdorf. Special attention is given to the silver trumpets for the capture of Berlin as high collective awards for the Russian regiments that received them.

Keywords: Seven Years' War, Empire, awards, medal, Kunersdorf, breastplate, silver trumpets.

В 1756 году началась широкомасштабная Семилетняя война (или Третья Силезская война 1756-1763 годов). Её вели Пруссия и Англия против Австрии, Франции и России (союз австрийской монархини Марии Терезии, фаворитки короля Франции Людовика Жанны-Антуанетты Пуассон (маркизы де Помпадур), и русской императрицы Елизаветы). По сути, это была самая настоящая мировая война 18 века [1] в которой театрами боевых действий стала не только Европа, но и колониальные владения великих держав - Индия и Северная Америка.

В 1759 году после блистательной победы русской армии над войсками Фридриха II при Кунерсдорфе была восстановлена традиция массовых награждений не только индивидуальных награждений орденами офицеров и

генералов, но и всех участников сражений (так, ранее Иван Грозный награждал золочеными копейками с отверстиями для нашивки на головные уборы участников штурма Казани, а Петр I вручал серебряные медали «За Полтавскую баталию» в весе серебряных «рублевиков» всем участникам этой битвы 1709 года).

Представим индивидуальные награды участникам сражений Семилетней войны.

1. Наградная солдатская медаль «За победу при Кунерсдорфе» (второе народное название «Победителю над пруссаками») 1 августа 1759 года. Большинство медалей перечеканивалось из серебряных рублёвых монет[9, с.76] 802 пробы[13]. Вес - 24,8 – 28,4 гр., максимально известный вес – 33,51 гр., диаметр - 38,6 – 40,3 мм.[8]. Полагалась для ношения на голубой ленте ордена Св. Андрея Первозванного. Учреждена 11.08.1760 года по именному указу Елизаветы Петровны, который гласил: ... одержана оружием Ее Императорского Величества над Королем Прусским под Франкфуртом такая славная и знаменитая победа, каковым в новейшие времена почти примеров нет, то Ее Императорское Величество, на память сего великого дня, в отличность имевшим в нем участие и в знак Монаршего Своего к ним благоволения, повелела сделать приличную сему происшествию медаль и раздать бывшим на той баталии солдатам»[10]. По словам участника битвы А.Т. Болотова, «все воины российские, бывшие на сем сражении, украшены были оными»[4].

Эскиз медали сделал младший библиотекарь Академии Наук И.К. Тауберт [7, с.51]. Медальер Тимофей Иванов. Изначально было предписано изготовить 30000 медалей с ушками для ношения на ленте, и 1000 медалей без ушков (которые предназначались по предположению фалериста В.А. Дурова для раздачи в память события лицам, не принимавшим в нем участия [6].

Поскольку только в июле 1761 года медали были отправлены на позиции в Пруссию, с достойным конвоем [20, л. 2.] и их не хватило для награждения всех участников сражения, то в 1763 году по повелению Екатерины II, отчеканили ещё 500 медалей елизаветинскими штемпелями, но и их не было достаточно. Последний Указ 19 февраля 1766 года «на дачу бывшим в Пруссии... старшинам и казакам (Войска Донского) ... серебряных медалей трёхтысячное число... в коим весом четыре пуда двадцать девять фунтов сорок золотников на Московском монетном дворе сделаны» [21]. Всего за весь период на Московском монетном дворе было изготовлено 35968 медалей[12].

Исследователям известны также настольные медные медали «Победителю над пруссаками», именуемые иногда наградными, весом 34,1-34,52 г. гр., диаметром 43-46 мм.[8] и новоштемпельные медали из серебра и посеребренной бронзы диаметром 43 мм. с ушком и без ушка, которые изготавливали до 1928 года [17].

Дуров В.А. справедливо отмечал[6], что в литературе иногда встречаются ошибочные утверждения награждении офицеров русских частей за

Кунерсдорфское сражение золотыми медалями (например, в рукописи В. фон Рихтера «Русская военная медалистика», хранящейся в Государственном Историческом музее) и что документальных свидетельств о подобных наградах и самих золотых медалей нет.

Вероятно, такие представления являются отражением повелений Петра I, о чеканке и вручении золотых медалей с цепью и без цепи для награждения офицеров – участников Северной войны Эти медали различались по весу (с привязкой к золотому червонцу 3,4 гр.), достоинству и дизайну в зависимости от чина награждённого и значимости события. Так в 1703 г. – для офицеров гвардейских Преображенского и Семеновского пехотных полков за захват в плен два шведских кораблей «Гедан» и «Астрильд»; в 1706 г. за победу при Калише в весе от 1 до 14 червонцев, в 1708 г. – за победу у д. Лесной в весе 5 и 13 червонцев, в 1714 г. за сражение при Вазе (33 шт. для штаб-офицеров), в 1714 г. – участникам морского сражения при мысе Гангут, в 1720 г. за Гренгамское сражение диаметром 41, 37 и 27 мм) и в 1721 г. за Ништадтский мир из чисто российского золота)[7].

В то же время, на аукционах встречаются позолоченные серебряные медали «За победу при Кунерсдорфе», выглядящие как золотые без ушка весом 26,89 гр.[15] и с ушком весом 26,23 гр. [2].

2. Наградная золотая офицерская медаль для полковников Войска Донского «Победителю над пруссаками 1 августа 1759 года». Учреждена Екатериной II в 1762 году, чтобы задобрить верхушку казачьих войск, и вручались в канун своего коронавания 22 сентября как «особливый знак для ношения на шее на голубой ленте» для девяти полковников Войска Донского – участников «Франкфуртской баталии». На аверсе изображена Екатерина II вместо елизаветинского портрета [22]. Медалью были удостоены Денисов, Перфильев, Попов, Дячкин, Луковкины (2 человека), Кирсанов, Машлыкин [9, с. 78]. В отсканированном экземпляре книги 1870 г. Ю. Иверсена, размещенном в ФГБУ Президентской библиотеке им. Ельцина упомянут только Полковник войска Донского Малышкин, бывший при заграничной армии, отмеченный медалью в 50 червонцев[11, с.5].

Сегодня известен бронзовый новодельный экземпляр, диаметром 65 мм.[17] Дуров В.А. указывает, что до 1874 года штемпель обеих сторон медали хранился на Санкт-Петербургском монетном дворе[7, с.27-37]. Он же в 1973 году утверждал, что такая золотая медаль весом в 40 червонцев, находится в собрании Государственного Эрмитажа[6].

3. Первый русский военный знак - нагрудный знак для ношения «Призрение за верную службу» 1760 года. Вручались тяжелобольным и раненым низшим чинам - участникам боев Семилетней войны. В конце 1760 года, по указанию императрицы Елизаветы Петровны, как неспособные к службе они были отправлены в отставку и причислены к инвалидным командам, поставленным на казенное содержание с получением от казны провианта, особого обмундирования и проживания на обывательских

квартирах. Особый бронзовый знак размером 140x120 мм. золотился и имел отверстия для крепления [16]. Известен в единственном экземпляре.

Для награждения полков отдельного 22-тысячного русского корпуса 3-го Чернышева, участвовавших во взятии Берлина в 1760 году, были изготовлены серебряные трубы (фанфары) с надписью: «Поспешностью и храбростью взятие города Берлина. Сентябрь 28 дня 1760 года»[21].

Всего подобную награду получили 13 полков, по две трубы на полк. Все 39 полков, бравших Берлин, и 13 из них, удостоившиеся награждения трубами перечислил и описал в своей прекрасной обстоятельной статье В.А. Афанасьев[3]. Приведем дополнительные материалы о серебряных трубах за взятие Берлина, ранее не упомянутые в указанной статье.

- лейб-гвардии Кексгольмский (трубы с гербом полка и надписью «1760 г. Сентября 28, в знак взятия Берлина под водительством Его Превосходительства генерал-поручика и кавалера Петра Ивановича Панина, в бытность полковника Ренненкампа» изготовлены на заказ мастерам в Гданьске). Эти трубы сегодня хранятся в Государственном мемориальном музее А. В. Суворова Санкт-Петербурге[18].

- Архангелогородский драгунский полк (серебряные позолоченные трубы с изображением военных трофеев с надписью «Поспешностию и храбростию», «Взятие города Берлина Сентября 28 1760 году». Внизу - «АРХА, Д. РА. ПОЛ. П.Д.» (Архангелогородский драгунский полк. Командир полка - полковник Давыдов) изготовлены в Данциге в 1760-е гг. Хранилась в полковом музее[19];

- лейб-гвардии 1-й Гренадерский полк[5] (прошедший с 1756 года все основные битвы войны в составе двух батальонов по пять рот с артиллерийской командой под командованием полковников И.П. Языкова, М.В. Козловского и А.М. Маслова) первым из русских частей вошёл в Берлин, за что был пожалован двумя серебряными трубами с надписью «За взятие города Берлина 28 сентября 1760 г.»).

В отличие от массовой медали за Куренсдорф, представленной во многих музеях и частных коллекциях, данная коллективная награда чрезвычайно редкая и редко выставляемая на обозрение. В 2020 году в Санкт-Петербургском Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи прошла уникальная выставка «Победные трубы», где были показаны трубы 3-го Кирасирского полка, Санкт-Петербургского Карабинерского полка, и Вятского пехотного полка[14].

Все перечисленные в статье индивидуальные и коллективные награды являются не только памятными знаками Семилетней войны и символами доблести русского оружия, но и свидетельством успешных действиях русских войск в Восточной Пруссии.

Список литературы:

- 1.Алдонин С. Первая русская Паллада. - Режим доступа: https://portal-kultura.ru/svoy/articles/dom-romanovykh/297797-pervaya-russkaya-pallada/?PAGEN_1=2 (дата обращения: 02.02.2026).
- 2.Аукционный дом «Империя». Аукцион №4 (28.03.2009). Лот 42. Наградная медаль «За победу при Кунерсдорфе». - Режим доступа: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=offline&i=1172> (дата обращения: 02.02.2026).
- 3.Афанасьев В.А. Серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г. // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. - М., 1948. (Труды ГИМ. Вып. XX) - с.103-109.
- 4.Болотов А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова 1738-1794 гг. Т. 1, ч.2. - СПб., 1871. - с. 928.
- 5.Гренадерский лейб-гвардии полк. - Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гренадерский_лейб-гвардии_полк (дата обращения: 02.02.2026).
- 6.Дуров В.А., Можейко И.В. Русские наградные медали (вторая половина XVIII в.) // Вопросы истории. - 1973. - №12. - С.114-122.
- 7.Дуров В.А. Русские награды XVIII – начала XX в. – М.: Просвещение, 1997. – 160 с.
- 8.За победу при Кунерсдорфе 1759. - Режим доступа: https://catalog.sammlung.ru/?page_id=1132 (дата обращения: 02.02.2026).
9. Изотова М. А. Ордена и медали России и СССР. - Ростов-на-Дону: Владис, 2010. - 432 с.
- 10.Лаврентьев М. Как награждала дочь Петра. - Режим доступа: <https://историк.рф/news/235> (дата обращения: 02.02.2026).
- 11.Медали, пожалованные императрицей Екатериной II некоторым лицам Войска Донского / изд. Ю. Иверсеном, членом Императорского археологического общества. - Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 1870. - 26 с.
- 12.Медаль Победителю над пруссаками 1759 г. - Режим доступа: <https://www.wolmar.ru/auction/432/333462> (дата обращения: 02.02.2026).
13. Монета 1 рубль 1759 года СПб ТИ НК. - Режим доступа: https://numizm.at/catalog/products/k11_123941_1_rubl_1759_goda_spb_ti_nk/?yclid=18395965842138071039&ybaip=1 (дата обращения: 02.02.2026).
- 14.«Победные трубы». К 260-летию взятия русскими войсками Берлина в ходе Семилетней войны. - Режим доступа: <https://www.artillery-museum.ru/ru/temporal/exhibitions-archive/berlin.html> (дата обращения: 02.02.2026).
- 15.Российская медаль (1759) за победу в битве при Кунерсдорфе. 1 августа 1759 г. Московский монетный двор 1760–1766 гг. - Режим доступа: <https://one.bid/en/medalii-russia-medal-1759-for-the-victory-in-the-battle-of-kunersdorf-august-1-1759-moscow-mint-1760-1766-medalist-t-i/966413> (дата обращения: 02.02.2026).

- 16.Селиванов Ю. Военно-медицинские учреждения Российской императорской армии. // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. - №83 (январь-февраль 2011) - С.104.
- 17.Селиванов Ю. Русские наградные медали XVIII века. // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. - №44 январь-февраль 2007. - С. 114.
- 18.Серебряные трубы за взятие Берлина. - Режим доступа: https://vk.com/wall-69320038_80085 (дата обращения: 02.02.2026).
- 19.Труба (фанфара) серебряная наградная Архангелогородского драгунского полка. - Режим доступа: <https://rm.shm.ru/core/item/49> (дата обращения: 02.02.2026).
- 20.ЦГАДА, ф. 25, оп. 1, д. 390, л. 2.
- 21.Чепурнов Н.И., Кузнецов А.А. Наградная медаль. Том 1 (1701-1917) – М.: Патриот, 1992 – 104 с.
- 22.Швецов В. Победителю над пруссаками. - Режим доступа: <https://s30983408019.mirtesen.ru/blog/43889351920/Pobeditelyu-nad-prussakami> (дата обращения: 02.02.2026).

Домбровский Роман Юрьевич

преподаватель истории высшей категории

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

Roman Dombrovskii

Nizhny Tagil branch of the Sverdlovsk Regional Medical College

СВЕДЕНИЯ О НАГРАЖДЕНИИ ГРАЖДАН США СОВЕТСКИМИ МЕДАЛЯМИ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ» В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена установлению сведений об американцах, которые в годы Второй Мировой войны стали кавалерами советских медалей «За боевые заслуги». Впервые на основании 15 Указов и Приказов о награждениях составлен список на 108 награжденных граждан США. Также впервые приводятся данные о номерах врученных наград и удостоверениям к ним; уточнено общее количество американцев, награжденных наградами СССР.

Ключевые слова: Указ, американский, США, боевые заслуги, награждение, медаль, приказ, кавалер.

INFORMATION ON THE AWARDING OF U.S. CITIZENS WITH SOVIET MEDALS FOR BATTLE DEVERSTY DURING THE SECOND WORLD WAR

Summary: The article is devoted to establishing information about Americans who became recipients of the Soviet Medal for Military Merit during the Second World War. For the first time, based on 15 Decrees and Orders of Awards, a list of 108 awarded U.S. citizens has been compiled, and data on the numbers of awards and their certificates have been provided; the total number of Americans awarded Soviet awards has been clarified.

Keywords: Decree, American, USA, Military Merit, awarding, medal, order, recipient.

Практика награждения иностранных союзников в годы войн имеет давнюю историю. Одним из ярких примеров является Кульмский крест для русских войск – немецкий Железный крест, пожалованный германским императором за совместные действия против армии Наполеона в сражении у Кульма [1]. Или массовое награждение советских солдат и офицеров в 1948 году медалью «За освобождение Кореи» от КНДР.

К сожалению, на данный момент нет всеобъемлющего исследования по этому вопросу, несмотря на то, что время от времени появляются отдельные статьи по темам взаимного награждения русских и иностранцев. Например, довольно хорошая обзорная статья [4] по этому вопросу вышла в 2024 году, и только небольшая часть ее посвящена награждениям американцев. В книге

«Советско-американские отношения. 1945-1948» приводится список только на 29 медалей «За боевые заслуги» без указания номеров наград и только по одному Указу [3, с.364], что представляет собой только четверть от составленного и представленного здесь списка. Так же исследователи Д.В. Шуняков и В.В. Запарий на основании документов ГАРФ указывают, что медалью было награждено 76 граждан США [5, с.76], что на треть меньше, чем в приведенном ниже списке. Всего, по их мнению, награждены орденами и медалями 541 американца. Основываясь на приведенных в нашей статье данных, можно утверждать, что награждены 573 гражданина США.

Необходимо сказать, что в 2015 г. вышла ограниченным тиражом на английском языке 334-страничная книга «Голубые моря, красные звезды» [6] американского историка Д. Швинда, которая создавалась автором 10 лет. В ней приведены все возможные имеющиеся данные по награждениям американцев советскими наградами. К сожалению, в России данная книга является библиографической редкостью и в единственном экземпляре хранится в Российской Государственной библиотеке без широкого общественного доступа. Однако, по просьбе автора настоящей статьи, исследователь-фалерист Сергей Федоринов в ноябре 2025 года перефотографировал данную книгу, сверстал ее и в формате PDF разместил в открытом доступе на сайте «Форум Фалеристика», что дало возможность дополнить статью двумя ранее неизвестными номерами и уточнить имя одного из кавалеров ВМФ США.

В данной статье мы закроем один из пробелов, а именно, рассмотрим практику награждения американских военнослужащих медалями «За боевые заслуги». Электронная база данных «Память народа» ЦАМО РФ [2], содержит оцифрованные документы, хранящиеся в ЦАМО и ГАРФ. Поиск в базе в разделе «награждения иностранцев» (которая содержит в себе 7210 документов), и поиск в общей базе, позволяют выявить граждан США.

Картотека «награждения иностранцев» содержит сведения о 98 награжденных орденом Красной Звезды (например, Вагнер Гелион, Джозеф Р. Байерли и Хендлы Данио). Также выявляется значительное число американцев награжденных по Указу ПВС СССР 255/470 от 07.07.1945 г. (8 страниц с перечнем фамилий награжденных) и по Указу ПВС СССР № 221/5216 от 13.06.1945 г., а именно: 1 орденом Красного Знамени (Вилард С. Поол), 6 награждены медалью «За отвагу» (например, фельдфебель Теодор Л. Добыл), 9 человек орденом Слава 3 степени (например, лейтенант Рернард С. Сисслер, фельдфебель Вальтер Р. Бидер [4]), Отечественной войны 1 степени (8 награжденных) и 2 степени (18 награжденных - например, Никлас Ричард, Уолтер Робертсон). Также есть два десятка американских моряков, награжденных медалями Ушакова и Нахимова.

В ходе архивно-поисковой работы были просмотрены и проанализированы все 7210 документов раздела «награждения иностранцев» и открытые Указы Президиума Верховного Совета Союза ССР общей базы награждений электронной архивной базы ЦАМО РФ «Память народа».

Перечислим выявленных граждан САСШ (Северо - Американских Соединенных Штатов - так указано гражданство американцев в большинстве документов), награжденных медалью «За боевые заслуги». Разместим их по номеру награды в порядке возрастания с указанием номера удостоверения и даты вручения награды. Объединим кавалеров наград по Указам Президиума Верховного Совета СССР и Приказам воинских частей о награждениях.

А) Указ ПВС СССР 216/199 от 18.02.1944 г. «О награждении офицеров и матросов торгового флота США за проявленные доблесть и мужество при доставке вооружения из США В СССР», награждены медалями номер:

- 1) 598607 – Гарри Ф. Райен. Капитан [6].
- 2) 598608 – Ричард И. Хокэн. Капитан [6].
- 3) 598609 – Голубович Реймонд П. Курсант – гардемарин США. Уд. 036507.

Отметим, что по этому Указу боевой медалью награжден не только военнослужащий США, но и капитаны гражданских судов, у которых отметка о вручении в Учетной карточке награжденного отсутствует.

Б) Награжден по Приказу 049 от 14.06.1945 г. по БТ и МВ 3 Армии и Приказу 878/н от 07.06.1945 г.: медалью №1920390 – Кучер Джон М. Лейтенант, переводчик 2 танковой дивизии 9 армии САСШ. Уд. Е-200420 от 14.06.1945 г.

В) Указ ПВС СССР 221/5216 от 13.06.1945 г. «О награждении генералов, офицеров и солдат армии США за успешные боевые действия с общим врагом – гитлеровской Германией»:

- 1) 1847674 – Даниель П. Трехен. Фельдфебель, командир взвода 1 пехотной дивизии 2 Американской армии. Вручение 23.05.1945 г.
- 2) 1847680 – Драйс М. Ходжес. Фельдфебель, командир взвода 1 пехотной дивизии 2 Американской армии. Вручение 23.05.1945 г.
- 3) 1847683 – Муный Ричард Л. Фельдфебель, командир взвода 1 пехотной дивизии 2 Американской армии, США. Вручение 23.05.1945 г.
- 4) 1936281 – Дэнау Байс Ф. Подполковник, командир батальона 66 пехотного полка 71 пехотной американской дивизии армии США. Уд. Д-810760 от 13.05.1945 г.
- 5) 1949455 – Ребентсон Азик Б. Подполковник, командир батальона 5 пехотного полка 71 пехотной дивизии США. Уд. Д-830910. Вручение 13.05.1945 г.
- 6) 1949456 – Эдди Оврека Р. Майор, командир 271 инженерного батальона 71 пехотной дивизии США. Уд. Д-810679. Вручение 13.05.1945 г.
- 7) 1949457 – Бракт Фиши Д. Подполковник, командир батальона 14 пехотного полка 71 пехотной дивизии армии США. Уд. Д-810759. Вручение 13.05.1945 г.
- 8) 1949957 – Куртис Америк. Полковник, начальник разведки 20 корпуса 3 американской армии США. Уд. Д-832481. Вручение 09.05.1945 г.
- 9) 1949959 - Снайдер Х. Б. Полковник, офицер штаба 20 корпуса 3 армии США. Уд. Д-832482. Вручение 09.05.1945 г.
- 10) 1949960 - Хенайзер Вильур В. Сержант штаба 20 корпуса 3 армии США.

- 11) 1949961 – Аллард Давид. Капитан, личный адъютант командира 20 корпуса 3 американской армии США. Уд. Д-832480. Вручение 09.05.1945 г.
- 12) 1949962 – Лейтч Вильям Б. Полковник, помощник начальника штаба 20 корпуса 3 американской армии, США. Уд. Д-831738. Вручение 09.05.1945 г.
- 13) 1949968 – Механ Чарлс. Полковник, начальник отдела кадров 20 корпуса 3 американской армии, США. Уд. Д-831739. Вручение 09.05.1945 г.
- 14) 1949981 – Дьюс/Дьюк Дорис. Без звания. Корреспондент «Интернациональных известий» при Штабе 3 Американской армии, США.
- 15) 2140189 – Клард (в указе и протоколе Кларк) Давид. Сержант, оружейный техник 3 американской армии, США. Вручение 20.05.1945 г.
- 16) 2140198 – Джойней (в протоколе Джойнер) Фредрик. Ефрейтор, стрелок 318 пехотного полка армии США. Вручение 20.05.1945 г.

Г) Награжден второй медалью «За боевые заслуги» по Приказу 092/а от 14.05.1945 г. по 4 гв. Армии: Номер медали неизвестен – Дьюс Дорис. Без звания. Корреспондент «Интернациональных известий» при Штабе 3 Американской армии. Отметка о вручении в Учетной карточке отсутствует.

Д) Награждены по Приказу 079 от 25.05.1945 г. по 49 Армии 2 БелФ:

- 1) 1964008 - Мотц Джон Д. Ст. сержант, операционный сержант армии США.
- 2) 1964009 – Росвойлер Вильям Ж. Старший сержант, операционный сержант 504 парашютного полка армии США. Уд. Е-741012 от 25.05.1945.
- 3) 1964017 – Берковиц Самуил. Сержант, разведчик артиллерийской дивизии США. Приказ 079 от 25.05.1945 г. по 49 Армии. Уд. Е-741013 от 25.05.1945.

Е) Награждены по Приказу 0141/а/н от 08.06.1945 г. по 3 Украинского фронта. Вручение произведено 08.06.1945 г.:

- 1) 2150947 – Кей Конрад Марк. Солдат 3-й армии США. Уд. Е-960520.
- 2) 2150969 – Магдональд Джон. Старшина 3-й армии США. Уд. Е-682488.
- 3) 2150970 – Дэйл Гульбрансен. Старшина 3-й армии США. Уд. Е-682489.
- 4) 2150971 – Винцент Скиррипа. Рядовой 3-й армии США. Уд. Е-682490.

Ж) Награждены по Приказу 0102/н от 15.05.1945 г. по 33 Армии 1 БелФ

- 1) 2182188 – Гейстинкс Генри. Майор, заместитель командира танкового батальона 2 бронетанковой дивизии. Уд. Е-432166 от 15.05.1945 г.
- 2) 2182189 – Харден Джон. Майор, адъютант командующего 9 Армии США. Уд. Е-432164 от 15.05.1945 г.

З) Награждены по Приказу 509/н от 26.05.1945 г. по ВС 61 Армии:

- 1) 2305057 – Кучко Микаель. Техник 4 класса, старший повар 13 пехотного корпуса армии США. Вручение 31.05.1945 г.
- 2) 2305058 – Кэннан Джеймс Н. Сержант, помощник командира отдельной роты «К» 344 пехотного полка армии США (в протоколе вручения 333 пехотный полк). Вручение 31.05.1945 г. по 61 Армии.
- 3) 2305059 – Мактайс Томас П. Сержант, помощник командира отделения армии США. Вручение 31.05.1945 г. по 61 Армии.
- 4) 2305060 – Сэвэйдж Джан Р. Рядовой 1-го класса, радиооператор 13 пехотного корпуса армии США. Вручение 31.05.1945 г. по 61 Армии.

И) Награждены по Приказу 833/н от 25.05.1945 г. по 3-й Армии:

- 1) 2337061 – Гарбатт Джон Р. Штабной сержант, стрелок, 102 пехотной американской дивизии армии США. Уд. Е-600970.
- 2) 2337062 – Краут Артур Х. Рядовой, ротный санитар 102 пехотной американской дивизии армии САСШ. Уд. Е-600971. Вручение 29.05.1945 г.
- 3) 2337063 – Максвелл Лонни Х. Рядовой, стрелок 102 пехотной американской дивизии армии САСШ. Уд. Е-600973. Вручение 29.05.1945 г.
- 4) 2337065 – Уайт Чарльз Р. Рядовой, радист 102 пехотной дивизии армии САСШ. Уд. Е-600975. Вручение 29.05.1945 г.
- 5) 2337070 - Соголоу Александер. 1-й лейтенант, следователь – переводчик 102 пехотной дивизии армии США. Уд. Е-601006. Вручение 29.05.1945 г.
- 6) 2337071 – Фимстер Феликс К. Подполковник, командир санитарного батальона 102 пехотной дивизии армии САСШ. Уд. Е-601028 от 29.05.1945 г.
- 7) 2337072 / 2337074 – Оливер Джозеф Ф. Подполковник, командир зенитного дивизиона 102 пехотной американской дивизии армии САСШ. Уд. Е-600974.
- 8) 2337073 – Хэнниген Джэймс П. Подполковник, заместитель командира артиллерийского дивизиона 102 пехотной дивизии армии САСШ. Уд. Е-601003.
- 9) 2337074 - Чепл Джозеф Х. Подполковник, начальник 4 отделения штаба 102 пехотной дивизии армии США. Уд. Е-601004. Вручение 29.05.1945 г.
- 10) 2337075 – Эллен Артур В. Подполковник, офицер снабжения и эвакуации 102 пехотной дивизии армии США. Уд. Е-601005. Вручение 29.05.1945 г.

Й) Награждены по Приказу 863/н от 02.06.1945 г. по 3-й Армии 1 БелФ.

- 1) 2337084 – Бекер Зигмунд. Мл. лейтенант, переводчик 9-й армии США.
- 2) 2337085 – Гранделл Керн К. Полковник, офицер политического отдела 9-й американской армии, САСШ. Уд. Е-596819 от 02.06.1945.
- 3) 2337086 – Джон Л. Скотт. Полковник, начальник финансовой части 9-й американской армии, САСШ. Уд. Е-596817 от 02.06.1945.
- 4) 2337087 – Уоррен Джемс А. Полковник, комендант штаба 9-й армии САСШ.
- 5) 2337088 – Прокофьев Владимир И. лейтенант, переводчик 9-й армии САСШ.
- 6) 2337089 – Шейн Александр. Капитан, переводчик 9-й армии САСШ.
- 7) 2337090 – Гонцов Вадим Ф. Мл. лейтенант, переводчик 9-й армии США.
- 8) 2337091 – Линеган Френсис Б. Полковник, инспектор 9-й американской армии, САСШ. Уд. Е-596820 от 02.06.1945. Указан тот же номер медали.
- 9) 2337091 – Фларети Френсис Ф. Полковник, И.О. начальника 3 отделения штаба 9-й американской армии, САСШ. Уд. Е-596820 от 02.06.1945.

К) Награждены по Приказу 01/н от 10.06.1945 г. по ГСОВГ 1 БелФ.

- 1) 2337623 – Мермаген Х. У. Коммодор армии США.
- 2) 2337624 – Бертвистл Р.Р. Капитан армии США.
- 3) 2337625 – Ли Е. Р. Подполковник армии США.
- 4) 2337626 – Карроль Ф. Л. Подполковник армии США.
- 5) 2337627 – Краймер Лоуренс У. Подполковник армии США.
- 6) 2337630 – Нордстром Е. А. Подполковник армии США.
- 7) 2337693 – Витсон Д.Ф. Капитан армии США.

Л) Награждены по Приказу 060 от 13.05.1945 по ВС 1-го Украинского фронта и Указу ПВС СССР 221/521а от 13.06.1945 г.

1) 2381202 – Станович Сэм (Сам/Сама). Мл. сержант, радиотелеграфист эскадрона патруля 1-го лейтенанта Харлэнда Шэнка разведроты 104 пехотной дивизии США. *Патруль первым встретился с советскими войсками.*

2) 2381203 – Джак Соловиц. Фельдшер разведывательного эскадрона патруля 104 пехотной дивизии США.

М) Награждены по Приказу 0149/н от 25.09.1945 г.:

1) 2443514 – Матсон Роберт Г. Ст. сержант, старший писарь 3 отделения 22 корпуса армии США. Вручение 14.10.1945 г. по ЦГВ.

2) 2443519 – Каннон Ховард Ф. Ст. сержант, старший писарь 2 отделения 22 корпуса армии США. Вручение 14.10.1945 г. по ЦГВ.

Н) Награждены по Указу ПВС СССР 255/470 от 07.07.1945 г. «О награждении лиц личного состава ВМФ, Резерва ВМФ, Береговой обороны и резерва Береговой обороны США за выдающуюся деятельность, способствовавшую доставке в северные порты СССР во время войны транспортов с военными грузами». Вручение медалей проводилось в торжественной обстановке 07.12.1945 г. в г.Вашингтоне.

1) 2551001 – Мэллой Бернард Алоишас. Радист 2 статьи ВМФ США.

2) 2551002 – Браун Томас Эдвард. Артиллерийский старшина 3 ст. ВМФ США.

3) 2551003 – Андерсон Эдвард Томас. Матрос 1 статьи ВМФ США.

4) 2551004 – Данкан Фрэнсис Ли. Матрос 1 статьи ВМФ США. Уд. 039003.

5) 2551007 – Хьюберт Уильямс. Матрос 1 статьи ВМФ США. Уд. 039010.

6) 2551008 – Дэкотт Итон Плэгантс. Старшина ВМФ США. Уд. 039015.

7) 2551009 – Диксон Томас Джэксон. Артиллерийский старшина 2 статьи Резерва ВМФ США. Уд. 039013.

8) 2551010 – Ньюман Эдвин Б. Артиллерийский старшина 2 статьи Резерва ВМФ США. Уд. 039020.

9) 2551011 – Клиффорд Хармон Старнс. Артиллерийский старшина 2 статьи Резерва ВМФ США. Уд. 039383.

10) 2551012 – Бург Эли Филип. Артиллерийский старшина 3 статьи Резерва ВМФ США. Уд. 039380.

11) 2551013 – Эдвард С. Хобан. Артиллерийский старшина 3 статьи Резерва ВМФ США. Уд. 039382.

12) 2551014 – Густав У. Шилл. Артиллерийский старшина 3 статьи Резерва ВМФ США. Уд. 039377.

13) 2551015 – Лазэтера Орнст Джон. Боцман маш. 2 статьи Резерва ВМФ США.

14) 2551016 – Лэйги Алекзэндр. Боцман маш. 2 статьи Резерва ВМФ США.

15) 2551019 – Харви Кэррол Смэлли, мл. Боцман 2 статьи Резерва ВМФ США.

16) 2551020 – Уильям Стюард Шарп. Шлюпочный старшина. Матрос 1 статьи Резерва ВМФ США. Уд. 039370.

17) 2551021 – Биггс Дональд Шерман. Матрос 1 статьи Резерва ВМФ США.

- 18) 2551022 – Кёрби Элден Сэмьюэл. Матрос 1 статьи Резерва ВМФ США. 19) 2551023 – Кэннон Джон У. Матрос 1 статьи Резерва ВМФ США.
20) 2551024 – Кэсси Милтон Клейтон. Матрос 1 статьи Резерва ВМФ США.
21) 2551026 – Ларсон Морис Элвин. Матрос 1 статьи Резерва ВМФ США.
22) 2551027 – Нелсон Оман Эмброуз. Матрос 1 статьи Резерва ВМФ США.
23) 2551029 – Сэнва Трэан. Матрос 1 статьи Резерва ВМФ США. Уд. 039356.
24) 2551030 – Мерлин Дж. Хаундшелл. Матрос 1 статьи Резерва ВМФ США.

О) по Указу ПВС СССР от 25.04.1946 г. награды вручены 18.03.1947 г.

- 1) 2957840 – Арнолд Ричард М. Штабной сержант армии США. Уд. 114037.
- 2) 2957849 – Бартенстиин Карл У. Старший сержант армии США. Уд. 114038.
- 3) 2957855 – Вууд Чарльз У. Техник-сержант армии США. Уд. 114040.
- 4) 2957860 – Галлстрэнд Бёрнард А. Техник-сержант армии США. Уд. 114042.
- 5) 2957862 – Дрент Ллойд У. Старший сержант армии США. Уд. 114043.
- 6) 2957864 – Джей Уэбстер Л. Техник-сержант армии США. Уд. 114044.
- 7) 2957869 – Клоос Джон Л. Старший сержант армии США. Уд. 114047.
- 8) 2957870 – Кэмпбелл Чарльз. Старший сержант армии США. Уд. 114048.
- 9) 2957882 – Ленаан Джозеф П. Техник-сержант армии США. Уд. 114049.
- 10) 2957883 – Мейнеке Роджер Л. Старший сержант армии США. Уд. 114050.
- 11) 2957886 – Милби Хауард. Техник-сержант армии США. Уд. 114051.
- 12) 2957889 – Дэйниел Винсент Х. Мак. Техник-сержант армии США.
- 13) 2957891 – Миннамейер Хауард М. Техник-сержант армии США. Уд. 114053
- 14) 2957892 – Прайс Уильям Р/Ф. Старший сержант армии США. Уд. 114054.
- 15) 2957893 – Пеппер Джозеф Д. Старший сержант армии США. Уд. 114055.
- 16) 2957897 – Рэйбак Карл А. Техник-сержант армии США. Уд. 114056.
- 17) 2957899 – Рёл Элмер А. Техник-сержант армии США. Уд. 114057.
- 18) 2957910 – Рекк Орл Э. Техник-сержант армии США. Уд. 114059.
- 19) 2957914 – Сандерс Роберт Э. Техник-сержант армии США. Уд. 114060.
- 20) Номер медали в Учетной карточке не указан – Давидсон Джералд В. Старшина армии США.

Таким образом, в период с марта 1944 по март 1947 года были награждены медалью «За боевые заслуги» 106 военнослужащих армии США различных званий от полковника до рядового и 2 гражданских капитана торговых судов. Что составляет 18,84% от общего числа американцев, награжденных советскими наградами.

Список литературы:

1. Володихин Д.М., Сидельников А.А., Тренихин М.М. Вспомогательные исторические дисциплины: нумизматика и фалеристика. Учебное пособие. - М.: Снежный Ком, 2025. - 190 с.
2. Единая электронная база данных «Память Народа». ЦАМО РФ. - Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 28.01.2026).
3. Советско-американские отношения. 1945-1948. Сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. - М.: МФД, 2004. - 716 с.

- 4.Тренихин М. Союзные награждения в годы Великой Отечественной войны. - Режим доступа: <https://sammlung.ru/?p=73252> (дата обращения: 28.01.2026).
- 5.Шуняков В.Д., Запарий В.В. Награждение граждан иностранных государств советскими орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2017. - №17. С.64-71.
- 6.Schwind, David A. Blue seas, red stars [Текст]: Soviet military medals to U.S. sea service recipients in World War II / David A. Schwind. - Atglen, PA: Schiffer, cop. 2015. - 334 с.

Дружинкина Наталья Гавриловна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 6132-7419

Natalia Druzhinkina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ “ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА” (НА ПРИМЕРЕ ПОРТРЕТА ГЕРОЯ-ЛЕТЧИКА 1942 Г.)

Аннотация: в данной статье рассматривается история появления авторской инсталляции, связанной с интерпретацией портрета летчика из личного архива художника Николая Александровича Павлова. Исследуется путь поиска и эксперимента в осмыслении исторического прошлого.

Ключевые слова: портрет, художник Н.А. Павлов, инсталляция, графика, летчики.

TO THE QUESTION OF THE SPECIFICITY OF THE “HISTORICAL PORTRAIT” (ON THE EXAMPLE OF THE PORTRAIT OF THE PILOT- HERO OF 1942)

Summary: This article examines the history of the author's installation, related to the interpretation of the portrait of the pilot from the personal archive of the artist Nikolai Alexandrovich Pavlov. The article explores the path of search and experiment in understanding the historical past.

Keywords: portrait, artist N.A. Pavlov, installation, graphics, pilots.

Личные архивы хранят много тайн, а архивы художников содержат изображения персонажей отечественной истории, которые неожиданным образом заявляют о себе и повествуют о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг, о блокаде Ленинграда, о послевоенном восстановлении народного хозяйства.

Так случилось и с одним портретом из личного архива художника Николая Александровича Павлова.

Илл. 1 Николай Павлов Цинковая гравировальная доска

Со старой проржавевшей доски смотрит лицо летчика (Илл. 1). Конечно, кто бы это ни был, это гравировальная цинковая доска остается портретом Солдата Победы! Но все же, кто здесь изображен? Смотрим фотографии летчиков военной поры и рисунки Николая Павлова 1941-42 гг. Романтический образ, открытое лицо, сильный характер, уверенный в себе человек. Он широко улыбается, взгляд устремлен вдаль. Художник взял легкий трехчетвертной поворот фигуры пополю.

Илл. 2 Николай Павлов Портрет командира третьей эскадрильи капитана А. Мясникова бум., кар., 1942.

Вообще, среди рисунков летчиков Павлова 1941-42 гг. покоряет собой и личность командира третьей эскадрильи капитана А. Мясникова (Илл. 2) и младшего воспитанника третьей эскадрильи Линника. Удивительно выразительно и объемно умеет художник запечатлеть профиль, да и вообще найти нужный ракурс, свойственный отдельному человеку, каждому позирующему художнику персонажу. Художник чередует постановочные портреты и натурно мгновенные, мимолетные наброски. Создана целая галерея образов из серии «Летчики-гвардейцы» 1942 г. Н.А. Павлова [1]. Выделяются в отдельную группу портреты в полный рост и в фас на фоне боевой машины, в рост и в трех четвертном повороте фигура героя Советского Союза страшого лейтенанта третьей эскадрильи И.А. Каберова (Илл. 3), а также капитана В.И. Бабернова третьего Авиационного истребительного полка ВДС КБФ от 19.01.1942 г. в полном боевом облачении.

Илл. 3 Николай Павлов Портрет героя Советского Союза страшного лейтенанта третьей эскадрильи И.А. Каберова

Психологичен портрет сидящего на стуле в унтах старшего лейтенанта третьего Гвардейского истребительного авиационного полка дважды орденоносца А.Ф. Руденко (Илл. 4). Павлов уделяет особое внимание позам, жестам, манерам держаться каждого портретируемого. Не оттого ли портреты преисполнены жизненной силы и убедительности.

Илл. 4 Николай Павлов Портрет старшего лейтенанта третьего Гвардейского истребительного авиационного полка дважды орденоносца А.Ф. Руденко. 18.01.1942.,бум., кар.

Интересны композиционные многофигурные портреты в экстерьере; вот выходят из блиндажа летчики третьей эскадрильи капитан Мясников, старший лейтенант Львов, летчик Бабернов и старший лейтенант Чепелкин выходят с командного пункта на аэродроме среди сосен и елей зимой просматриваются самолеты (Илл. 5).

Илл. 5 Николай Павлов Летчики третьей эскадрильи капитан Мясников, старший лейтенант Львов, летчик Бабернов и старший лейтенант Чепелкин. 1942., бум., кар.

Командир третьего гвардейского авиаполка герой Советского Союза Кондратьев и комиссар полка майор Лукьянов в унтах в полной боевой

экипировке среди зимы на аэродроме. По характеру творчества Павлов сравним с Г. Верейским и А. Яр-Кравченко. Серию Павлова можно сравнить с серией Яр-Кравченко.

И Павлов, и Яр-Кравченко представили своих героев в разных типах портретов [2].

Илл.6 Яр-Кравченко Портрет Героя Советского Союза Евгения Николаевича Преображенского

Героя Советского Союза Евгения Николаевича Преображенского изобразили и Яр-Кравченко (Илл. 6), и Павлов. Как известно, Евгений Николаевич Преображенский родился 22 июня 1909 года в крестьянской семье в селе Благовещение Кирилловского района Вологодской области. В 1940 г. он вступил в КПСС. С 1927 г. служил на военно-морском флоте, окончил военную школу морских летчиков в Севастополе. Участвовал в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. в 1941 г. окончил курсы при Военно-морской академии.

В ночь на 8 августа 1941 г. группа бомбардировщиков под его командованием нанесла первый бомбовый удар по Берлину. Преображенский прошел путь от курсанта до генерал-полковника, командующего ВВс ВМФ СССР. Награжден тремя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Суворова второй степени, орденом Красной Звезды и медалями. Умер в 1963 г. Его имя присвоено воинской части ВМФ, кораблю на Балтике.

Портреты и Павлова и Яр-Кравченко тонально проработаны, художники трогают тоном и пространство, дают трехмерность, погружают свои модели в среду.

Изучая рисунки, фотографии и биографии летчиков, мы пришли к выводу, что на цинковой доске выгравирован портрет не летчика А.Ф. Мясников, погибшего в 1942 г. в возрасте 33 лет в районе Мустолово в Финляндии, обороняя Ленинград, а это портрет Игоря Александровича Каберова, Героя Советского Союза, который увидел Победу и долго работал на заводе в Новгороде на благо Родины. Летчик И.А. Каберов написал книгу о своих друзьях-героях-летчиках, о военных годах и ушел из жизни в 1995 г.

И.А. Каберов родился 25 Апреля 1917 года в деревне Никулинское, ныне Вологодского района Вологодской области, в семье крестьянина. В 1938 году окончил Коктебельскую лётную школу Осоавиахима. Работал лётчиком - инструктором в Новгородском аэроклубе. С 1939 года служил в ВМФ, год спустя окончил Ейское военно-морское авиационное училище лётчиков. С Июня 1941 года лейтенант И. А. Каберов на фронтах Великой Отечественной войны. В составе 5-го ИАП (3-го Гвардейского ИАП) КБФ защищал Ленинград. К Ноябрью 1942 года стал заместитель командира эскадрильи 3-го Гвардейского истребительного авиационного полка (61-я истребительная авиационная бригада, ВВС Балтийского флота) Гвардии капитан И. А. Каберов произвёл 397 боевых вылетов. В 92 воздушных боях сбил лично 8 самолётов противника и 18 в группе с товарищами.

24 июня 1943 года за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, удостоен звания Героя Советского Союза. Всего совершил 476 боевых вылетов. Проведя 92 воздушных боя, уничтожил 28 самолётов противника лично и в составе группы. После войны продолжал службу в авиации ВМФ. В 1952 году окончил Краснознамённую Военно-Воздушную академию. С 1960 года Гвардии полковник И. А. Каберов - в запасе. Жил в Новгороде. Сначала работал на одном из заводов, затем - начальником Новгородского аэропорта, ещё позже - начальником областного авиаспортклуба. Автор книги воспоминаний "В прицеле - свастика" (М.: Воениздат, 1975).

Награждён орденами: Ленина (дважды), Красного Знамени (дважды), Отечественной войны 1-й степени (дважды), Красной Звезды; медалями.

Кто бы не был изображен на портрете художника - это портрет Солдата Победы!

И этому рассказу о художнике Павлове и его героям была посвящена инсталляция Н.Г. Дружинкиной к 75-годовщине Победы в Санкт-Петербургском Союзе Художников (Илл. 7) [3].

Илл. 7. Инсталляция Н.Г. Дружинкиной “Солдату Победы” в Большом зале Санкт-Петербургского Союза Художников к 75-ти летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Илл. 8 Н.Г. Дружинкина Фото-коллаж с гравировальной доской Н.А. Павлова портрета летчика И.А. Каберова 2020.

Илл. 9 Инсталляция Н.Г. Дружинкиной “Солдату Победы” в Большом зале Санкт-Петербургского Союза Художников к 75-ти летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.(витрина)

Инсталляция Натальи Дружинкиной “Солдату Победы” решена с привлечением старого альбома с рисунками, цинковой гравировальной доски художника блокадного Ленинграда Н.А. Павлова (1898 - 1968), на которой изображен летчик, словно в клеймах-контексте времени -фотографий военной поры. Сравнение с фотографиями летчиков из архива художника позволяет сделать вывод, что это скорее всего портрет летчика И. Каберова, чем А. Мясникова. Зритель может оставить свое мнение на этот вопрос. Безусловно одно - это Солдат Победы, один из многих, который в кульминационной картине Н.Г. Дружинкиной «Солдату Победы» (х.м., акрил, 60х80, 2019) утопает в цветах памяти, вечности, благодарности потомков всех стран и континетнов, на фоне мирного неба и летящих журавлей - символов. Предметы-символы инсталляции формируют художественный образ – личные рисовальные инструменты Н.А. Павлова, подсвечник, железная кружка с поминальным хлебом, жертвенная бессмертная христианская виноградная лоза с бабочками - символами человеческих душ, георгиевская ленточка, гвоздика-символ Победы, военные открытки и фотографии, отрывок газеты 1945 г. углубляют “Штрихи войны” в публикациях Дружинкиной в книгах-томах: “Страницы бессмертного полка” (Илл. 8,9).

Вот о чем поведала цинковая гравировальная доска художника Н.А. Павлова.

Список литературы:

- 1.Дружинкина Н.Г. Портреты Н.А. Павлова в общем контексте развития русского искусства 1920-1960-х гг. (проблемы реализма в графике) // Известия ВУЗов. ТЕХНОЛОГИЯ МАТЕРИАЛОВ И ИЗДЕЛИЙ ТЕКСТИЛЬНОЙ И ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. - СПбГУПТД. ФГБОУВО “СПбГУПТД”, № 1, 2022. - С. 36-45.
- 2.Дружинкина Н.Г. Штрихи войны// Такая разная война.... Великая Отечественная война в письмах, воспоминаниях, документах, рассказах:

сборник. СПб.: «Северная звезда», 2019. – Вып. 8. – 532 с. – (Серия: Страницы «Бессмертного полка») – С.233-243.

3. Дружинкина Н.Г. Актуализация наследия и современные интерпретации темы Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) в творчестве петербургских художников. //Каталог выставки 05-15 мая 2021 года. "День Победы". Живопись. Графика. Фотография. Скульптура. Монументальное искусство. Декоративно-прикладное искусство. Керамика. Плакат. Иконопись. Критика и искусствоведение. Инсталляция. Архив. Редактор Т.А. Кроль, Л.А. Пашинская. Авторы статей: Дружинкина Н.Г., Залумян А.Г. - СПб.:СПб. Союз Художников., 2021. - С. 5-68.

Дружинкина Наталья Гавриловна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 6132-7419

Natalia Druzhinkina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

“ЧУДОТВОРНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ” В ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В КОНЦЕ XIX В. (ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА)

Аннотация: В данной статье на основе архивных документов приводятся загадочные факты в храмах Санкт-Петербургской губернии, которые расследовались Духовной Консисторией. Чудотворные исцеления подтверждались конкретными свидетельствами очевидцев, но оставались загадкой. Данные события являются страницей повседневной жизни православных приходов, частью православной культуры.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православная культура, Санкт-Петербургская епархия, чудотворные исцеления, святые иконы, приход.

“MIRACULOUS HEALINGS” IN CHURCH AND PARISH LIFE IN ST. PETERSBURG AT THE END OF THE 19TH CENTURY (PUBLICATION OF AN ARCHIVAL DOCUMENT)

Summary: In this article, on the basis of archival documents, mysterious facts are presented in the temples of the St. Petersburg province, which were investigated by the Spiritual Consistory. Miraculous healings were confirmed by concrete eyewitness accounts, but remained a mystery. These events are a page of the daily life of Orthodox parishes, part of Orthodox culture.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox culture, St. Petersburg diocese, miraculous healings, holy icons, parish.

Чудотворения от святых икон, исцеления известны с Древней Руси. Факты описывались и изучались. Чудотворные иконы становились объектами поклонения и паломничеств верующих. В истории Санкт-Петербургской епархии второй половины XIX – начала XX вв. отмечаются удивительные случаи, описания которых сохранились в архивах.

Чудотворения, исцеления от Святых икон известны на Руси со времени принятия Православия, Крещения Руси.

Иконы чудесным образом обретались, в честь чудотворных образов воздвигались храмы, святые обители. Не счесть подобных примеров. Например,

в Санкт-Петербургской епархии, каждый такой случай явленного образа и чудесного исцеления фиксировался инспектором Духовной Консistorии и подробно исследовался с привлечением показаний очевидцев, о чем и свидетельствуют архивные материалы.

Православные святыни Санкт-Петербурга воздействовали на богомольцев всей силой своего чудодейственного влияния, будь то мощи святых, храмы или отдельные иконы. История сохранила немало случаев.

Например, 22 августа 1896 г. приставу 3-го участка Спасской части Санкт-Петербурга поступило сообщение Духовной Консistorии, которая вследствие отношения Вологодской Духовной Консistorии, указом от 22 текущего августа за №3619, предписала протоиерею Спасосенновской церкви Иоанну Образцову взять показание, в присутствии депутата полиции, от священнической дочери Людмилы Жаворонковой, проживающей по Гороховой улице в доме №46, кв. 16, о том, действительно ли она, Жаворонкова, получила исцеление больного правого глаза при обещании помолиться Угоднику Божию Герасиму, Вологодскому Чудотворцу.

Случай чудотворного исцеления подтвердился.

4 ноября 1896 года в присутствии 1 Экспедиции Санкт-Петербургской Духовной Консistorии специально заслушивалось дело Консistorии, поступившее в производство 16 августа 1896 г., начавшееся производством по прошению следователя, протоиерея Вологодского Успенского женского монастыря Николая Ильинского (действовавшего на основании указа Вологодской Духовной Консistorии об удостоверении заявлений, заключающихся в сказаниях о чудотворениях Преподобного Герасима, Вологодского Чудотворца, опросом лиц, делавших эти заявления и бывших при том свидетелей), - «об отобрании показания от бывшей воспитанницы Вологодского приютского женского училища при Успенском женском монастыре, ныне проживающей в Санкт-Петербурге, священнической дочери Людмилы Жаворонковой и ее матери, вдовы священника города Тотьмы, Вологодской епархии, Маргариты Ивановой Жаворонковой, проживающей в деревне Глядине, прихода Ропшинской Благовещенской церкви, Петергофского уезда, об обстоятельствах исцеления первой из них от болезни правого глаза, полученного при обещании помолиться преподобному Герасиму, в 1876 году и Приказали: представленные по сему делу священником церкви Богадельни графа Кушелева-Безбородко (Людмила Жаворонкова призревалась по адресу в Санкт-Петербурге на Малой Охте, Суворовской ул.-Н.Д.), что на Малой Охте, И. Тихомировым показание священнической дочери Людмилы Жаворонковой и священником Ропшинской церкви, Петергофского уезда, Иоанном Альбинским – протокол допроса священнической вдовы Маргариты Жаворонковой, от 26 августа сего 1896 года, препроводить в город Вологду, протоиерею Вологодского Успенского женского монастыря Николаю Ильинскому и затем дело считать оконченным, сдать в свое время в архив»[6], что и было 18 ноября 1896 г.

Как известно, почитание чудотворных икон пришло на Русь из Византии. «Созданные произведения искусства (после их «освящения») воспринимались в византийском мире как «высшие реальности», то есть считались более реальными, чем преходящий мир явлений. Но в связи с тем, что икона – материальный объект, отношение к ней, как и вообще к материи, было двойственным: с одной стороны, воспринимая изображение как чувственное отражение духовного архетипа, византийцы почитали этот прообраз, с другой – поклонение, особенно в период противоиконоборческой борьбы, переносились с архетипа на самую материю – не только на икону в целом, но и на краску, доску и другие материальные предметы,- пишет В.В. Бычков, - Икона, особенно в народном сознании, ...часто воспринималась как сам архетип, чему немало способствовала теория «литургического образа», наделявшая изображение силой (энергией) прообраза. В связи с этим в сознании верующих граница между образом и архетипом нередко нарушалась. Широкое распространение получали идеи о магических свойствах изображений, которые способствовали развитию культа икон» [1, с. 140-141]. «Если культ, - отмечал В.Н. Лазарев, - являлся в представлении византийца главным связующим звеном между миром здешним и миром потусторонним, искусство, поскольку оно входило в состав культа, призвано было выполнять ту же функцию. Художественный образ должен был возносить мысли верующего к небу, сосредоточивая его внимание на созерцании чистых идей» [3, с. 56]. Истории многочисленных исцелений свидетельствуют о той безмерной глубокой, непосредственной и чистой вере народа, которая составляла на протяжении многих веков сущность их жизни.

Так, в другом случае проявления чудотворных свойств иконного образа, 11 февраля 1857 г. митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому Григорию пришел рапорт от благочинного Пантелеймоновской церкви протоиерея Стефана Славинского. В рапорте описывалось, что 8 декабря 1856 г. протоиерей Христорождественской церкви Николай Полиевктов донес ему словесно: что крестьянская жена Ярославской губернии, Любимского уезда Илькинской волости, Кузольского Общества, деревни Иванькова Федосья Изотова Панова явилась к священнику той же церкви Николаю Парийскому 7 декабря с объявлением, что ей, страждущей три года припадками порчи открыто Святителем Николаем Чудотворцем во сне, что она исцелится, если отыщет Образ Тихвинския Божией Матери, находящийся в Христорождественской церкви, что на Песках, в Санкт-Петербурге.

Означенный образ 8 декабря действительно был найден над церковью под крышей, внесен в церковь и положен на аналой, пред ним священником Парийским совершено было молебствие об исцелении болящей.

События развивались следующим образом: Ярославской губернии Любимского уезда Илькинской волости Кузольского Общества деревни Иванькова Государственного крестьянина Ионы Григорьева Панова жена Феодосия Изотова, 7 числа сего декабря, прийдя в квартиру

Христорождественской церкви священника Николая Парийского, объявила ему, что она три года страдает припадками порчи: по ее словам: «тоскует сердце, в церкви бьет о пол, за Литургией стоять, с усердием ни дома, ни в церкви молиться, ко Святому Кресту и Евангелию прикладываться не может, на исповедь хотя ходит, но до Святых Таин не допускает дух, в ней гнездящийся, живот пухнет и болит. Тщетно искав пользы у колдунов и лекарей, она обратилась к Богу, ходила по церквам и монастырям, но от болезни не освободилась. Наконец, принимая данную ей Святую воду и выдаваемую за привезенную из Иерусалима, она более 7 раз сряду видела одно и то же явление: стояла в большой церкви и молилась пред Образом святителя Николая, который повелевал ей отыскать образ Божией Матери, за 60 лет вынесенный из Христорождественской церкви, что на Песках в Санкт-Петербурге, видела лик Божией Матери, обещавшей ей исцеление, если она отыщет Образ Ее, указанный святителем Николаем, искала и нашла под старыми иконостасами; видела троих священников, из коих у одного исповедывалась и Святых Таин приобщалась. Ища источника исцелений, она приехала в Санкт-Петербург и войдя во время всеобщего бдения 6 декабря в Христорождественскую церковь, тотчас увидела в ней ту церковь, тот образ Святителя и того священника, которые являлись ей в неоднократных видениях. Объявляя о сем священнику Парийскому, Панова слезно просила отыскать Образ Божия Матери и помолиться о ней. После тщетных исканий того образа в церкви, по указанию Пановой, священник Парийский советовал Пановой молиться Святителю Николаю, чтобы он сам указал искомый образ, и для того с пономарем Димогенским, при сторожах церковных пред Образом Святителя Николая отслужил молебен с Акафистом. Пред чтением Евангелия Панову повергло на землю и начало бить так, что не могли удержать все бывшие тут, почему и было Парийским положен на Панову священнический пояс, укротивший наконец, волнение в ней. По ясному указанию, сделанному в видении Пановой, на другой день, т.е. 8 декабря найден и самый искомый образ Божия Матери над церковью под крышей, и снесенный священником Парийским, поставлен, по указанию Пановой, близ образа святителя Николая. Вскоре после начатия молебна Тихвинской Божией Матери, образ коей оказался найденный, и святителю Николаю, собрался и причт весь, бывший свидетелем всего последующего. Пред чтением Евангелия опять повергло на землю Панову и било, в конце молебна она успокоилась и пребыла как бы мертвой, без движения, около полчаса. Когда она показала признаки жизни и стала что-то произносить: Священник Гумилевский спросил: тот ли Образ? Она ответила: тот самый. Подозвав священника Парийского, Панова просила его поставить три свечи своими руками и положить три поклона. Во время этой молитвы, подкрепляемой молением всех присутствующих, Панова кричала: «ой тошно! Ой жжет! Ой больно!» ну, слава Богу», получив благословение, она стала выражать благодарение пред образом Богоматери и рассказывать подробнее о том, что вкратце сказано здесь вначале. Чрез полчаса, когда

священник Парийский служил молебн для своего семейства, Панова, хотя вначале Евангелия смутилась, но укрепились и сама приложилась к Евангелию, равно и к Животворящему Кресту. 9 числа за всенощным бдением сама подходила к Евангелию, выстояла всю раннюю обедню и подводима была под перенос. 10 числа стояла за Литургию, подходила к Кресту и Евангелию без всякого смущения. Исповедь же и Святое Причастие отложены, по совету Духовника, на неделю, чтобы постом и молитвой совершить очищение души и тела, оскверненных долговременным пребыванием в них врага Христианского. Панова чувствует себя довольно здоровою; но для совершенного исцеления. По указанию видения, ей нужно молиться семь недель; почему и просит причт оставить найденный образ божия Матери на том месте, на котором стоит теперь, близ образа Св. Николая» [7, л. 2]. Этот рассказ освидетельствовал Христорождественской церкви, что на Песках священник Николай Парийский.

Исцелившаяся вновь заявила о себе 5 ноября 1860 г. в прошении к митрополиту Исидору, (Митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому и разных орденов Кавалеру). Она изложила заново свою историю, в том числе и то, как во время болезни: «После всех испытанных средств, во время употребления мною масла и воды, принесенных мне из Иерусалима, я видела семь раз откровения; и по их указанию в декабре 1856 года приехала нарочно в Санкт-Петербург, пришла в церковь Рождества Христова, на верху, над церковью в хламу отыскала чрез священника Николая Парийского икону Тихвинския Божия Матери и после молебна пред иконой и причастия святых Таин получила совершенное исцеление; икона вскоре отвезена была протоиереем той церкви в Александро-Невскую Лавру, а я уехала домой. Чрез два года, побуждаемая трехкратным явлением и настоятельным требованием Божией Матери, взявши от причта и прихожан своей церкви свидетельство о прежней болезни и настоящем здоровье, я снова в октябре месяце 1858 года пришла в Санкт-Петербург и просила священника Парийского ходатайствовать пред своим начальством, чтобы поставить икону в Христорождественской церкви и он, взявши от меня свидетельство, представил оное, как мне известно, вместе с описанием из деления? К почившему в Бозе Преосвящ. Митрополиту Григорию. Но бывший секретарь Его Высокопреосвященства меня прогнал, а священнику, настраивавши его, приказал уговорить меня выехать вовсе из Петербурга. По просьбе священника и потому что я выпустила из рук свидетельство, я тогда уехала. Но доселе не имея покоя в душе от того, что не исполнена воля Божией Матери, осмеливаюсь сама утруждать Ваше Высокопреосвященство покорнейшей просьбой обратить Архипастырское благоусмотрение на поданные в октябре 1858 года бумаги, освободить из заключения в ризнице Александро-Невской Лавры и приказать поставить в Христорождественской Церкви икону Тихвинской Божией Матери, подавшую мне исцеление, если не для самой иконы, то хотя для меня, чтобы я могла досыта помолиться, в благодарность за избавление меня от несчастной болезни. Ноября 3 дня 1860 г.» [7, л. 5]. (письмо

митрополиту написал за безграмотностью рассказчицы государственный крестьянин Андрей Изотов Курочкин., имевший жительство в Литейной части 4-го квартала по Знаменской ул. дома Меркульева под №10. неизвестно к чему привело данное прошение, но факт сам по себе является красноречивым свидетельством чудотворной силы икон при бесконечной вере в них самого простого люда. Так крестьянка излечилась от падучей болезни - эпилепсии.

В церквах находились бесценные раритеты, а потому со временем возникала необходимость их сохранения и изучения.

Так, Церковные Ведомости., №50. за 1903 г. (с. 379.) опубликовали Определение Св. Синода от 31 октября – 26 ноября 1903 г. за №5292, о доставлении в управление Музея Императора Александра III сведений о предметах церковно-археологического характера: «по указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушали предложенное Синодальным Обер-Прокурором от 23 октября 1903 года за № 9176, отношение Товарища Управляющего Русским Музеем...о содействии к доставлению в Управление музея сведений об имеющихся во многих епархиях при церквах предметах церковно-археологического характера и разрешено ознакомиться с ними хранителю музея для доклада Совету музея. Приказали: товарища Управляющего Русским музеем... сообщил Синодальному Обер-Прокурору, что управление названного музея, приступив с 1902 года к организации этнографического отдела, преследующего цели историко-этнографической характеристики населения Российской империи, обратилось к приобретению соответствующих коллекций путем командировок хранителей в различные местности России и собиранию нужных ему сведений чрез особых корреспондентов. Из сообщений тех и других выяснилось между прочим, что во многих епархиях при церквах имеются предметы церковно-археологического характера. В виду того, что многие из этих предметов имеют значительный этнографический и церковно-археологический интерес, невольно наводящий на мысль о желательности их сохранения для науки, Августейший Управляющий Русским музеем...., Его Императорское Высочество Великий князь Георгий Михайлович просит оказать содействие соответственным распоряжением о доставление в управление музея сведений о вышеуказанных предметах и разрешением ознакомления с ними хранителей для доклада Совету музея. Выслушав изложенное, Св. Синод определяет: поручить епархиальным начальствам доставить в управление музея Императора Александра III сведений о вышеозначенных предметах церковно-археологического характера. Имеющихся при церквах, и разрешить хранителям музея ознакомиться с этими предметами для доклада о них совету музея. Для надлежащих во исполнение сего определения, распоряжений со стороны епархиальных начальств, напечатать о сем в «Церковных ведомостях» [8, л. 4].

По данному указу 1 –ая Экспедиция Санкт-Петербургской Духовной Консисории заслушав определение Святейшего Синода от 31 января / 27 февраля 1903 года, напечатанное в №11 «Церковных ведомостей» 1903 года,

постановила: 1) в целях упорядочения способов охранения памятников церковной древности в монастырях и церквях Империи, установить следующие правила: 1) в Московской Патриаршей библиотеке сосредоточить копии с описей ризниц тех монастырей и церквей, где осталась еще старина, причем на местах хранения древности описи современных ризниц должны быть совершенно выделены от описей древних вещей; 2) при составлении копии описи предметов старины сделать проверку их особыми комиссиями из настоятеля и ключаря или ризничного. Если место хранения старины губернский город, то присоединить в комиссию одного из представителей семинарии, а в уездном городе, где есть духовное училище, одного из преподавателей оно, если же такового училища нет – ближайшего благочинного; 3) Все, включенное в эту опись, ни в каком случае не может быть отчуждаемо без разрешения Св. Синода, причем ходатайства о таком отчуждении направляются в Московскую Св. Синода Контору на заключение.; 4) В Патриаршей Библиотеке сосредоточить все описи старинных монастырей, соборов и церквей до 1800 года включительно; II) поручить Епархиальным Начальствам сделать распоряжение о составлении настоятелями подлежащих монастырей и церквей означенных в первом и втором пунктах вышеизложенных правил описей и копий с них, о проверке сих последних установленными во втором пункте комиссиями и о доставлении за сим проверенных копий в Патриаршую библиотеку, предварив при этом хранителей древних ризниц и библиотек, что за исполнение и нарушение вышеуказанных правил виновные будут подвергаемы строгой ответственности.

Приказали: предписать указами благочинным церквей и монастырей епархии, чтобы донесли Консistorии,...памятники церковной древности-утварные и ризничные вещи, книги, рукописи и пр., и какие именно.

Апреля 2 дня 1903 года.

Член Консistorии Архимандрит Афанасий.

За секретаря Львов» [8, л. 5].

Следует, однако, иметь в виду, что многие церкви попросту не имели предметов церковной старины, как они сообщали в своих рапортах. «Явленные образа» изымали и ставили в храмах для всеобщего поклонения.

В 1901 году Епархиальное ведомство возбудило дело о двух иконах священномучеников Гурия, Самона и Авива. 2 июля 1901 г. настоятель Христорождественской на Песках в С.-Петербурге церкви протоиерей Николай Смирягин доложил Епархиальным властям, что 29 июня в 2 часа дня пристав местного полицейского участка известил его о случившемся на 8-ой Рождественской улице в дворницкой дома № 28 явленного образа дворнику-крестьянину Ивану Филиппову. Более того, из уст пристава исходила обеспокоенность из-за распространявшихся слухов, привлекающих свыше 300-т человек ежедневно к месту явления чудотворной иконы. Случай решили немедленно проверить. Протоиерей Смирягин, войдя в дворницкую, действительно обнаружил прекрасного письма икону в киоте со стеклом,

стоящую на комод. Рядом с ней лежали мелкие деньги в сумме 14 руб. 76 коп. Дворник Филиппов рассказывал, что в апреле 1901 г. во сне услышал слова: «возьми меня из грязи, я зарыт в грязи, на заднем дворе...» [4, л. 557].

После этого неоднократного повторения сновидений, он пошел колоть апрельский лед и рыть землю, и нашел маленький образок священикомучеников Гурия, Самона и Авива. Проходившая в то время мимо крестьянка Надежда Васильева признала этот образок своим, утерянным при пожаре во дворе. Филиппов отдал образок.... Не прошло и месяца, как он опять услышал во сне загадочные слова: «возьми меня, я у тебя в квартире...», после чего в душнике случайно нашел икону священикомучеников Гурия, Самона и Авмва. Об этом таинственном происшествии он никому не говорил, кроме своих домашних: живущей у него дворянки Марьяны Туцевич, брата и знакомого маляра, которого попросил сделать киот.

Протоиерей Смирягин, выслушав Филиппова, попросил показать образа и передать их в церковь для алтаря. Шестьсот человек ожидали у храма явленной иконы для поклонения и совершения перед ней молебна.

По разрешению епархиального начальства, икону положили на аналой и поставили у правого клироса, где отслужили несколько молебнов перед ней. Так и решено было, первую икону священикомучеников хранить в ризнице Христорождественской церкви, а вторую – в благолепном серебряном киоте на аналое у правого клироса для поклонения ей богомольцев и служения перед ней молебнов [5, л. 568].

Неугасима вера народа в чудотворные образа и исцеления, тайна сия велика.

Случалось нередко, что вера граничила с предрассудками и суевериями, с сектанством. Показателен такой архивный документ: «Жалоба крестьянина Пустошкина еп. Арсению на действия Псковской Духовной Консистории (1912 г.) «Жалоба крестьянина Пустошкина еп. Арсению на действия Псковской Духовной Консистории (1912 г.).[2, л. 1]

“Его Высокопреосвященству архиепископу Новгородскому и Старорусскому Арсению

Смиренно просит крестьянин Ростовского уезда, Ярославской губернии, Василий Федорович Пустошкин, проживающий в С.-Петербурге, по Теряевой улице, д. № 4.

Ваше Высокопреосвященство, милостивый архипастырь и отец. Молитвенно прибегаю к высокому заступничеству Вашего Высокопреосвященства и прошу выслушать меня великодушно, с благостью, яко добрый отец.

Я, многорешный раб, возношу благодарение Господу Богу, вложившему в сердце мое любовь к праведнику Божию, отцу Иоанну Кронштадтскому.

Верую и любовью к Богу, ради праведника Божия отца Иоанна, я поревновал исполнить заповедь праведника – выстроить храм Божий на

заповеданном им месте в Воронцово-благовещенском женском монастыре Рсковской губернии Холмского уезда.

Прежде чем приступить к исполнению великого завещания праведника Божия, отца Иоанна, к постройке святого храма, испросил я согласие монастыря и получил благословение от архиепископа Псковского Арсения. Приступили к стройке храма после закладки его, при личном богослужении преосвященного Арсения.

К этому великому благу делу среди огромной паствы почившего праведника отца Иоанна явилось много рабочих и разных мастеров: живописцев, позолотчиков, кузнецов, столяров, плотников, изъявивших желание, ради Бога и спасения души своей, бесплатно потрудиться во славу Божию. Весь 1910 год – зима прошла в заготовке материала, а лето в стройке храма. В 1911 году dokonчили храм. Получился он величественный, имеет два этажа, верхний главный подлежит еще отделке при отоплении нынешнею зимою; нижний приготовлен к освящению. Новый епископ преосвященный Алексей назначил день освящения 20 декабря 1911 года, в день блаженной кончины праведника Божия отца Иоанна, повсеместного строителя храмов Божиих.

Внезапно, когда к освящению храма все было приготовлено, вдруг отменяется это освящение, а 27 декабря прибыл в монастырь отец благочинный всех монастырей Псковской Епархии, архимандрит Никодим. Собрав монахинь и строителей отец архимандрит объявил Указ Псковской Духовной Консistorии о том, что по письму синодального обер-прокурора Псковская Духовная Консistorия решила удалить рабочих из монастыря.

Таким образом, приостановлены и окончание отделки храма и даже освящение того придела, который приготовлен уже для всенародного служения Богу.

Причины в этом Указе не объявлены, но из того шума, который поднят был давнишними врагами праведника Божия, можно понять, что обер-прокурор доверился тем низким клеветам, которыми столь обильно обливали память почившего пастыря люди, обличавшиеся великим светильником Церкви Христовой в предательстве Православия и упрекавшиеся им в фарисействе – в исповедании себя христианами лишь на словах.

Из слов миссионеров, которые опрашивали рабочих, видно, что меня обвиняют в том, что я, будто бы, признавал покойную Порфирию Киселеву за Богородицу. Но я не только не повинен в сем грехе, но и сама Порфирия Киселева никогда не присвоила себе такого кощунственного именованья.

Праведник Божий отец Иоанн Кронштадтский в своих письмах в газету «Котлинь» 1905 года пишет, что он сам лично посещал Киселеву для исповеди и приобщения Святых Таин и что она никогда не именовала себя Богородицей. Посему, в ноябре 1909 года, я подал заявление митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию, а в начале 1910 г. в Синодальном органе «Церковных Ведомостей» №8 напечатал открытое письмо, где прямо и ясно

сказано следующее: «мы веруем во всех точностях, какие дает нам Православная Церковь в своих символах, соборных постановлениях и учении Божественных отцов Православных. Мы смиренно исповедуем, что спасаются христиане только в Церкви Православной. Мы и помыслить ужасаемся, чтобы, кроме Единого Евангельского Христа и Его Божественной Матери, где-нибудь могли еще жить Христы и Богородицы; это мы почитаем кощунством и издевательством над святой верой православно-христианской. Никаких апостолов, пророков и тому подобных угодников библейских среди себя не допускаем. Батюшку отца Иоанна за Христа не почитаем, а лишь за Угодника Божия и нашего праведного молитвенника. Порфирию Киселеву, старца Назария, болящего Матфея считаем лишь людьми праведной жизни, но отнюдь не возводили в положение перед Богом не свойственное».

Отпечатанный отчет Санкт-Петербургского Епархиального Миссионерского Совета за 1910 год на 70 стр...., удостоверяет, что я, нижеподписавшийся, Василий Пустошкин 15 декабря 1910 года в присутствии члена Санкт-Петербургского Епархиального Миссионерского Совета протоиерея Н.В. Покровского и епархиального миссионера Д. Боголюбова уничтожил оставшиеся: 1050 экз. брошюры «Суд иоаннитов», сочинения Алексеева; 75 экземпляров брошюры «Истинное православие на миссионерском съезде в Киеве»; 74 экземпляра «4-ый Миссионерский съезд»; 8 экземпляров «Наши стражи благочестия», сочинения Большакова; 14 экземпляров «Ключ разумения», сочинения Тихомирова и 75 экземпляров «Еще днем закатилось солнце»; 8 экземпляров «Той земле не устоять»; и 180 экземпляров «Церковь Христова в опасности».

Я, нижеподписавшийся, Василий Пустошкин сделал тогда же заявление, что более не буду перепечатывать сих брошюр, печатавшихся без предварительного разрешения.

Так как я проживаю в Санкт-Петербургской епархии и нахожусь под ведением и руководством Санкт-Петербургской Епархиального Миссионерского Совета, то все обвинения, возводимые на меня в Миссионерском Совещении сами собою отпадают.

Содержание письма Обер-Прокурора нам не объявлено. Видно, однако, оно содержит сплошную возмутительную нечистоту, если Духовная Консистория, на основании этого письма, решила удалить рабочих от окончания стройки...

На стройку храма потрачены около 200 тысяч рублей, великими скорбями собранные. Для чего же эти труды будут загублены? Хорошо меня и всех рабочих знают оба епископа, преосвященный Арсений и Алексей, отец благочинный, архимандрит Никодим, игуменья Таисия, настоятельница Лидия: ни в чем дурном меня они не замечали, также и рабочих. Почему же им не верят?....» - вопрошал Василий Федорович Пустошкин. [2, л. 2] Русская Православная Церковь способствовала вере и боролась за чистоту Православия, искореняя сектанские вероучения, конкурентные социальные учения

(Христианский социализм, например), как и народные культы (во многом, на языческом основании).

Список литературы:

- 1.Бычков В.В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. - М., «Искусство», 1977. - 199 с.; 21 см.
- 2.ГА РФ., Ф.550., Оп.1., Д.163.
- 3.Лазарев В.Н. История византийской живописи. - М.: Искусство, 1986. - 329, [2] с. : ил.; 29 см + Табл. (13,[1] с., [209] л. ил., цв. ил.).
- 4.Российский Государственный Исторический Архив (далее сокращенно РГИА), Ф.796., ОП.442., Д.1913., Отчет о состоянии С.Петербургской епархии за 1901г., л.557
- 5.РГИА., Ф.796., ОП.442., Д.1913., Отчет о состоянии С.Петербургской епархии за 1901г., л.568.
- 6.Центральный Государственный Исторический Архив г. Санкт-Петербурга (далее сокращенно ЦГИА СПб), Ф.19., Оп.88., Д.2., л.18.
- 7.ЦГИА СПб., Ф.19, Оп.49., Д.11., Л.2.
- 8.ЦГИА СПб., Ф.19, Оп.Оп.95., Д.1.

Жукова Вероника Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

SPIN-код: 3623-1692

Zhukova Veronika

Vologda State University

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРВЫЙ ГОД ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНИЙ В.Т. УЛЬЯНОВСКОГО)

Аннотация: После Победы над Германией люди постепенно возвращаются к мирным занятиям. Проходит процесс постепенной демобилизации из рядов Советской армии. Граждане начинают обустривать свой быт и устраиваются на работу. Первый послевоенный год описан в воспоминаниях жителя вологодской глубинки Тарногского района Василия Тимофеевича Ульяновского 1913 года рождения. Его воспоминания охватывают довольно большой период времени с детства, примерно с 9 лет, и доводит до конца 1978 г.

Ключевые слова: окончание войны, Победа, демобилизация, мирная жизнь, семья, деревня.

EVERYDAY LIFE OF THE POPULATION IN THE FIRST YEAR AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON V.T. ULYANOVSKY'S MEMORIES)

Summary: After the victory over Germany, people gradually returned to peaceful pursuits. The process of gradual demobilization from the ranks of the Soviet army was underway. Citizens began to establish their daily lives and find employment. The first post-war year is described in the memoirs of Vasily Timofeyevich Ulyanovsky, a resident of the Tarnogsky District in the Vologda region, who was born in 1913. His memoirs cover a significant period from his childhood, approximately from the age of nine, until the end of 1978.

Keywords: the end of the war, victory, demobilization, peaceful life, family, village.

Атрибуция и некоторые фрагменты краткого биографического описания жизни В. Т. Ульяновского были представлены ранее в публикациях [2 – 4]. Василий Тимофеевич Ульяновский родился 21 декабря 1913г. в деревне Погоняевская Шевденицкой волости Тотемского уезда Вологодской губернии (ныне Шевденицкий сельсовет Тарногский район Вологодской области). При подготовке публикации текста соблюдены правила издания исторических документов с соблюдением современной пунктуации, сохранена орфография

автора за исключением слитного написания предлогов. В скобках курсивом даны примечания и пояснения В.С. Жуковой. В данной публикации представлены текст рукописи, который охватывают период 09.05.1945 г. – 09.05.1946 г. [5].

[Л. 40] 9 мая 1945г. Указом Верховного Совета СССР установлен «День Победы». *(Установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года. – прим. автора)*

24 мая 1945г. Иосиф Виссарионович Сталин сделал приём всех маршалов Советского Союза.

23 июня 1945г. закончила работу XII-я сессия Верховного Совета СССР которая приняла Закон о демобилизации старших 13 возрастов из действующих Кр. Армии солдат и сержантов.

[Л. 41] 24 июня 1945г. по приказу Главнокомандующего вооружёнными силами СССР И.В. Сталина был проведён парад Победы действующей Красной Армии на Красной Площади в Москве – руководил парадом маршал Советского Союза тов. Рокоссовский. А принимал парад маршал Совет. Союза тов. Жуков Георгий Константинович.

25 июня 1945г. Закончила свою работу конференция Объединённых Наций в городе Сан-Франциско (США). *(Сан-Францисская конференция – международная конференция, проходившая с 25 апреля по 26 июня 1945 года. В конференции участвовали 50 государств, которые являлись учредителями Организации Объединённых Наций – прим. автора).*

26 июня 1945г. Указом Верховного Совета СССР И.В. Сталину присвоено звание Героя Совет. Союза и награждён 2-м Орденом Победа, с вручением ордена Ленина и Золотая Звезда.

27 июня 1945г. Указом Верховного Совета СССР И.В. Сталину было присвоено высшее военное звание Генералиссимус Советского Союза.

27 июня 1945г. Открылся 10-й съезд Французской коммунистической партии на съезде присутствовало 2 тысячи делегатов от всех департаментов, Туниса, Алжира, Марокко с отчётным докладом выступил 1-й секретарь французской коммунистической партии тов. Морис Торез. *(26—30 июня состоялся 10-й съезд французской коммунистической партии – прим. автора).*

29 июня 1945г. по договору, заключённому между СССР и Чехословацкой республикой, о воссоединении Закарпатской Украины к СССР к родине матери. Была присоединена территория в 12,600 кв. км. с население 760 тыс. человек. *(12,5 тыс. кв. км с населением около 725 тыс. человек. СССР и ЧСР стали непосредственными соседями, имеющими общую государственную границу протяженностью 98,5 км – прим. автора).* Основное производство: сельское хозяйство и животноводство [6].

23 июля 1945 года отобрали из нашей 25 стр. дивизии *(сформирована в марте 1943 года в Архангельском военном округе. В боевых действиях участия не принимала. Дислоцировалась в городах Онега, Молотовск, Архангельск и по железной дороге Обозёрская – Сорока – прим. автора)* 1-ю партию солдат и

сержантов по демобилизации, где в основном в 1-ю очередь попали Белорусы и командир дивизии полковник тов. Литвинов меня направил сопровождающим до [Л. 42] станции ж.д. Конаша. Из Молотовска *(с 11 августа 1938 года по 12 сентября 1957 года, современное название Северодвинск – прим. автора)* выехали 27.VII, а 28.VII-45 г. были на станции Коноша *(крупная узловая железнодорожная станция в посёлке городского типа Коноша Архангельской области – прим. автора)*, попрощавшись, эшелон пошел на Вологду. А я дождался котлаского поезда и поехал на станцию Костылево северо-печёрской ж. д. *(так до 1947 года называлась Печорская железная дорога – прим. автора)* прибыв на Костылево сошёл с поезда и пешком пошел на Тарногу и 30.VII-45 г. пришел в Долговицы Тарногского р-на на родину жены, где она в тот период жила и работала. Отпуск мне был дан 20 дней командиром дивизии, в Долговицах гостил до 15 августа, а 15 августа на лошадях выехали с женой и дочкой на ж. д. станцию Костылево т. к. семью решил увезти в город Молотовск.

17 августа 1945г. прибыли в ж.д. станцию Исакогорка, где встретил военных патрулей, офицеров из нашей 25 стр. дивизии, которые рассказали, что дивизия в полном составе переехала в город Архангельск и 263 стр. полк в котором моё подразделение находится на Кузнечихе в посёлке Кирпичном. Мы в Молотовск не поехали, сошли с поезда переехали за Северную Двину сели не трамвай и поехали по всему городу Архангельску до конечной остановки Кузнечиха. Сойдя с трамвая и около 500 м пошли пешком и за это время у жены за спиной был в нескольких местах прорезан «Рудзач» *(так у автора воспоминаний – прим. автора)*, с сухарями.

На Кузнечихе мне с семьёй удалось пожить всего 10 дней с 17 по 27.VIII.45г. т.к. 27.VIII.45г. по приказу Военного Округа мне пришлось выехать на курсы офицеров пехоты в город Вологду на 6 месяцев. И опять всей семьёй поехали в город Вологду, 28.VIII приехали в Вологду и решили остановиться у земляка тарножанина на квартире Ульяновского Алек-дра Ильича. На улице Клары Цеткин 42 а. А я пошел на доклад о прибытии в Красные казармы на КУОП *(Курсы усовершенствования офицеров пехоты – прим. автора)*, когда доложил начальнику КУОПа генералу-майору о прибытии он мне предложил идти в отпуск до 25.IX 1945 г. тогда порешили семейно вопрос дальнейшей семейной жизни и жена решила, чтобы я их снова отвез в Тарногу в Долговицы в Вологде жить не согласилась и 31 августа 1945 г. получил отпуск, получил продукты на дорогу, съездил на речной вокзал взял билеты до пристани Брусинец и того же дня отправились [Л. 43] из города Вологды на пароходе по реке Сухоне на Брусинец. В Тарногу прибыли 3.IX-45г. т.к. погода была дожди шли беспрерывно целыми днями и дорога от Брусенца до Тарноги была очень плохая, автомашины полуторки того периода с трудом двигались и мы от Вологды до Долговиц пробирались четверы сутки.

В День победы над Японией т.к. 3.IX.1945г. закончилась война с Японией. Также как с Гитлеровской Германией полной безоговорочной капитуляцией Японии.

2.IX.1945г. В центральных газетах было опубликовано обращение И.В. Сталина к народу по поводу Победы над Японией.

4.IX.1945г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был упразднён Государственный Комитет Обороны.

7 сентября 1945г. в городе Берлине проходил парад Победы Объединённых Наций, парад принимал маршал Советского Союза тов. Жуков Г.К. первыми шли воины Советского Союза. *(Парад Победы союзных войск во Второй мировой войне состоялся в Берлине, у Бранденбургских ворот. – прим. автора).*

9 сентября 1945г. Были опубликованы потери Японии с 9.VIII по 9.IX.1945 г. ровно за один месяц Япония потеряла: самолётов 925 танков 369 и много другого военного снаряжения. Потери в живой силе: убитых свыше 90 тысяч человек, пленных 594 тыс. человек, всего свыше 684 тысяч человек.

Наши потери в живой силе: убитых 8219 человек, раненых 22264 ч. Всего 30483 человека.

С 3 по 21.IX.1945г. Был в отпуске в Долговицах у родителей жены, и не обходимо заметить её родителей очень перепугал, что 15.VIII 45 г. жену увёз от них, а 3.XI 45г. снова её привёз им в Долговицы. Таким образом и 2-й отпуск 18 дней гостил в Долговицах.

21.IX.45г. Выехал из Долговиц на Вологду, опять через Брусинец на пароходе по реке Сухоне, товарищ по дороге оказался некто Шабанов Василий Дмитриевич из Долговиц деревня Фиофилатовская. [Л. 44] до Вологды путешествовали 7 дней, 2 дня сидели ждали парохода в Брусинце, приехали в город Тотму и снова 3 суток ждали парохода и только 28.IX 45г. прибыли в город Вологду.

Начало занятий на КУОПе должно быть с 1.X.45 г. и действительно начали заниматься с 1.X.45г. по группам отдельно командиры роты и командиры взводов. Но в место 6 месяцев учиться пришлось на КУОПе всего до 26.XI.45 года в виду того, что офицеры были собраны разные, большинство командиры взводов быстро испечённые, фронтовики, о военной дисциплине не имели представления, этики офицерской так же не представляли, среди городского населения, особенно среди женщин себя вести как положено не могли.

Командование Округом было вынуждено расформировать КУОП и офицеров направить по своим воинским частям.

Командиров рот и взводов 263 стр. полка также отправили в свой полк, и мы 26 ноября 1945г. в 10 часов вечера поездом покинули город Вологду поехали в Архангельск в те же казармы на Кузнечихе.

28-ю годовщину Великого Октября 1945г. провел в карауле, был начальником караула КУОП, а 8.XI.45г. день прошел хорошо. Но вечером

встретились большие неприятности, придя в кинотеатр «Искра», (ныне Салют) и в момент когда стоял и пробивался к кассе за билетами из кармана брюк вытащили бумажник в котором было 800 рублей денег, того периода, расчётная и вещевая книжки, когда взял билеты и вышел из толкучки, сразу почувствовал бумажника в кармане нет, тогда отдал билеты офицерам и свой отдал, а сам сразу пошел в 1-е отделение милиции на улице Мира и на писал заявление начальнику отделения о случившемся, он прочитал моё заявление и говорит денег не найти, а книжки будут вернуты не позднее 10 дней и действительно 18.XI.45г. военные патрули, офицеры нашего 3 курса, находясь у кинотеатра [Л. 45] «Имени Горького», который был в Вологде на площади Революции, напротив гостиницы «Северная», и этим офицерам мои книжки были брошены под ноги из толпы людей не известно кем, они увидев военные книжки подняли прочитали узнали, чьи и мне приходя на ужин принесли расчётную и вещевую книжки.

С 28.XI.45г. по 25.II.1946 года жил снова на Кузнечихе в посёлке Кирпичный и в городе на улице Пионерская дом 31 кв. 1. В подразделениях солдат и сержантов не было, были одни офицеры с которыми проходили офицерские занятия больше всего тактические: в поле, в лесу, на лыжах.

Офицеры большинство были новые приехавшие из Германии очень недисциплинированные, уходили в город не кому ни докладывая.

Новый 1946 год встречали с л-том Ярушевым Петром Павловичем в посёлке Кирпичный у него на квартире, провели хорошо, вечером хозяйка нам гадала на картах и мне на гадала, что я в 1946 году буду жить вместе со своей семьёй.

Вечер прошёл культурно, было приготовлено хорошее угощение была водка и было вдоволь заводского пива.

День рождения отмечал 14 января 1946 года жил уже на квартире в городе на улице Пионерская дом 31 кв.1, жили вдвоём с политруком Шадриным Иваном Васильевичем, день прошёл хорошо, вечером ходили в Дом Красной Армии слушали: Лекцию О международном положении, лектор был из Архангельского Обкома ВКП(б) тов. Постников, погода была не большой морозец и падал мелкий снежок.

30.I.1946г. с политруком Шадриным Иваном Васильевичем ходили в Архангельскую филармонию, где тогда проходила встреча с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР после чего был хороший вечер поставлен силами большого театра города Архангельска.

[Л. 46] 4 февраля 1946г. Проводили лыжный кросс офицеров всей 25 стр. дивизии на дистанцию 10 км в полной военной выкладке. Дистанцию 10 км прошел я за 1 час 16 минут. А 5 февраля 1946г. офицерский лыжный кросс проводили на 20 км также в полном боевом снаряжении. 20 км я прошел за 2 часа 16 мин и занял 4-е место среди офицеров 25 стр. дивизии.

10 февраля 1946г. день выборов в Верховный Совет СССР. День прошёл хорошо на избирательный участок ходили пешком. Погода была в

Архангельске, мороз 48⁰ Цельсия в условиях Архангельска трудно переносимый, очень много было обморожений лица и рук людей, находившихся на улицах.

23 февраля 1946г. 28-ю годовщину Красной Армии справили на квартире на улице Пионерская дом 31 кв. 1, вместе с хозяевами приготовлено было совместное угощение 3 литра водки, 12 литров пива, вечером после ужина я ходил к друзьям на улицу Ломоносовская дом 29 кв. 2, пришел на квартиру поздно ночью.

24 февраля 1946г. Вечером ходили с политруком Шадриным И.В. в Архангельский большой театр смотрели постановку под названием «Кому подчиняется время». Это из жизни борьбы Рижских подпольщиков, Латвийских коммунистов в дни Гитлеровской оккупации Латвии.

25 февраля 1946 года. Получил назначение выехать в город Кемь в распоряжение штаба Беломорского Военного Округа 25. II.1946г. полностью рассчитался с подразделением, вечером выехал из города Архангельск, 26.02.1946г. прибыл в город Кемь в резерв офицеров округа, офицеры были от младшего л-та до полковника в одной казарме, а генералы в отдельной казарме, всего было в резерве 580 человек, где жил 20 дней с 26.II.1946г. по 18.III.1946г. Ежедневно в разное время вызывали на переговоры представители Штаба Округа, т.к. я в резерв офицеров попал по личному заявлению, которое было написано командиру 25 стр. дивизии.

[Л. 47] В январе 1946 года в городе Архангельске, командир дивизии просьбу мою удовлетворил и направил в резерв округа. Поэтому находясь в резерве шла агитация на продолжение службы в Беломорском военном округе (*С марта 1946 года управление дислоцировалось в г. Петрозаводске – прим. автора*), в частности в Кандалакше, или Киркинес, но я согласия не дал. 18. III.1946г. из города Кемь был откомандирован в штаб округа в город Петрозаводск для получения назначения на службу или демобилизацию в запас.

19.III.1946г. начальник Штаба Округа генерал-майор тов. Марфин (*фамилия написана неразборчиво – прим. автора*) после беседы, представил меня на беседу к командующему округом генералу-лейтенанту Шаваседину (*фамилия написана неразборчиво – прим. автора*). Командующий посмотрел моё личное дело – спросил меня, ну как тов. старший-лейтенант Ульяновский, ваше мнение остается при своих намерениях или отказываетесь от заявления. Я ответил так точно тов. генерал-л-т осталось при своих мнениях.

Ну что же просьбу удовлетворить и на корке личного дела красным карандашом написал: Удовлетворить и того же дня получил расчет, было начислено 4514 рб деньгами и дан сухой паек на дорогу и получил документы на демобилизацию в запас.

20 марта 1946г. Поездом из Петрозаводска выехал на Волховстрой, 21.III.46г. с Волховстроя выехал поездом на Вологду и 22.III.46г. утром прибыл в город Вологду 22 – 23.III.46г. был в Вологде, сходил в ЗаготУправление Облпотребсоюза к старым друзьям по работе Ванчикову Алексею

Григорьевичу (ныне пенсионер, живет в Череповце) и Аборину Александру Михайловичу с которыми вместе работали до Великой Отечественной войны, когда работал директором Тарногской Заготконторы Райпотребсоюза, тов. Ванчиков А. Григ. убедительно просил остаться работать в Вологде в Заготуправлении Облпотребсоюза. Но я допустил грубую ошибку не остался в Вологде, поехал в Тарногу, заявил я, что вернусь через месяц вместе с семьей, а так не случилось, из Тарноги с семьей выехать не удалось, за период положенного отпуска Райком ВКП(б) в лице [Л. 48] секретаря Райкома по кадрам тов. Фатеева, сумел меня обработать и работать заставить в Тарноге.

Будучи в Вологде 22 – 23.III.46г. купил для себя серый шерстяной костюм за 1200 рб, новые сапоги, ружье одноствольное 20 (*неразборчиво – прим. автора*), жене платье шерстяное голубое, Альбине, дочке, кофточку и другие подарки. 23.III.46г. вечером поездом выехал из Вологды на Костылево, сойдя на станции ж.д. Костылево до колхоза Красные Шупова (*колхоз существовал с 1930г. по 31.01.1959г. в Тарногском районе Вологодской области. В 1959г. на основании решения общего собрания колхозников колхоз «Красные Шупова» объединился с колхозами «Новый путь» и «Красные Хавденицы» в один колхоз «Хавденицы». 12.12.1959г. на основании решения общего собрания был образован колхоз «Заря», в который вошёл колхоз «Красные Шупова» – прим. автора*) Тарногского р-на шел пешком, в Шуповах встретил брат Илья Тимофеевич Ульяновский на лошади в санях, по телеграмме, поданной мною из города Вологды [7].

Брат тогда работал начальником М.Г.Б. (*так у автора воспоминаний – прим. автора*) Тарногского района приехав на Воцарский лесопункт (*Ивасо-Воцарский лесопункт был образован в 1930-е годы. С 26 октября 1931 по 5 июня 1935 года входил в состав Нюксенского леспромхоза треста "Северолес". 5 июня 1935 года образован Тарногский леспромхоз путем выделения из Нюксенского леспромхоза. Ивасо-Воцарский лесопункт вошел в состав Тарногского леспромхоза треста "Севлес". Контора лесопункта располагалась в поселке Ивасо-Воцар Верхнеспаского сельсовета до 1935 года - Нюксенского района Северного края, с 25 января 1935 года - Тарногского района Северного края, с 20 декабря 1936 года Тарногского района Северной области, с 23 сентября 1937 года - Тарногского района Вологодской области. В состав Ивасо-Воцарского лесопункта входили мастерские участки – Воцар, Чугла, 14-й квартал, Тюреберь, Запольная. Основные функции: заготовка, вывозка и сплав древесины в Двиноважский бассейн. В 1963 году Ивасо-Воцарский лесопункт переименован в Воцарский лесопункт – прим. автора [1]) привернули на квартиру бухгалтера Лесопункта тов. Яковенко Алек-дра Пав. пообедать и покормить лошадь. Яковенко А.П. и его супруга очень гостеприимно нас встретили, за чашкой чая, в честь встречи, изрядно выпили, накормили лошадь, поехали на Долговицы через Чуглу расстояние 12 км.*

В Долговицы приехали 26.III.46г. около 8 часов вечера на улицу родителей, где проживали в то время жена с дочкой Альбиной. Жена моего

приезда очень напугалась, видимо думала, что я снова приехал за ними, чего ей очень не хотелось уезжать из Долговиц, даже не вышла встречать меня на улицу, когда я распрягал лошадь и когда вошел в комнату (избу) также даже не подошла ко мне.

После отдыха Р.К. ВКП(б) мне дали другую работу – Директора промкомбината Райпотребсоюза с месячным окладом 760 рублей. 27 апреля 1946 года принял дела директора Промкомбината Райсоюза, в функции которого входило организация портновских мастерских, сапожной мастерской в райцентре и на селе. И такие мастерские были организованы в Заборском с/по, село Красное, в В-Спасском, Шебецком с/по (*так у автора воспоминаний, видимо правильно Шевденецкого с/по – прим. автора*). Но Промкомбинат Райпотребсоюза был недолговечен через 7 месяцев его существование кончилось его ликвидировали.

[Л. 49] 27 ноября 1946 года дела директора прокомбината сдал завторгу Райпотребсоюза тов. Гладковскому Алек-ру Степановичу (ныне работник УРСа в городе Вологде). (*Управление рабочего снабжения Северной железной дороги (Дор УРС) – прим. автора*).

А мне правление Тарногского Райпотребсоюза предложили провести отчетно-перевыборную кампанию Шевденецкого с/по (*Шевденицкий сельский Совет рабочих, крестьянский и красноармейских депутатов образован в 1928 г. на базе Шевденицкого исполнительного комитета (ВИК). Постановлением ЦИК СССР от 23.09.37 г. была образована Вологодская область, и сельсовет получил название - Шевденицкий сельсовет Тарногского района Вологодской области. - прим. автора [8]*) при том же месячном окладе 760 рублей в месяц.

Я с таким предложением согласился и дал согласие провести отчетно-перевыборную кампанию в Шевденицком с/по в виду того, что председатель Шевденицкого с/по некто Зыков Алексей Дмитриевич из деревни Кремлево Шевденицкого с/с сбежал с работы председателя с/по и уехал на станцию ж.д. Костылево с другой женой-сожительницей на постоянное место жительства.

Отчетно-выборную кампанию по решению правления РПС должен закончить в марте 1947 года проведением конференции Уполномоченных с/по

Правление Райпотребсоюза состоялось 28.IX.1946г. проводил председатель РПС Зыков Гавриил Григорьевич.

Но получился полный обман, на декабрь месяц стали выдавать хлебные карточки и мне вместо 600 грамм дают 400 гр. карточку. Я прихожу к председателю Райпотребсоюза Зыкову Гаврилу Григорьевичу и спрашиваю, почему мне дают карточку 400-х грамм карточку на декабрь. Он мне и говорит, вы же председатель с/по, теперь вам положено карточка 400 грамм. Я тогда его спрашиваю, на что принимали решение правления Райпотребсоюза от 28.XI.46 г., без решения тебя говорит не переведешь председателем с/по, значит решение правления РПС обман, он говорит, что ты хотел оклад месячный, я говорит не могу тебе положить директора по положению, будешь получать 375 рублей.

Я пошел в Райком ВКП(б) к первому секретарю тов. Пелёвину Ф.Д., но правоты дела так добиться и не мог, с 28.XI.1946г. по март 1947г. работал председателем Шевдецкого с/по.

[Л. 50] 1 мая 1946г. Проводили со своей семьей весело и радостно в первый день пировали у брата Ильи Тимофеевича и Агнии Васил. потом у нас, а второй день мая пировали у Тимофеевского Виталия Антоновича и Анны Федоровны.

9 мая 1946г. День Победы также провели хорошо, водка заранее была подготовлена к этому Историческому празднику и по Тарноге праздник День Победы провели очень хорошо и весело.

Список литературы:

1. Воцарский лесопункт филиала "Лойгинский леспромхоз" открытого акционерного общества "Лесдок" поселок Воцар Верхнеспасского сельсовета Тарногского района Вологодской области // Архивная справка – URL: <https://gosarchive.gov35.ru/archive24/funds/44309?ysclid=mm61gtahb8391006133> (дата обращения: 27.02.2026).
2. Жукова, В.С. Доколхозная деревня Тарногского района Вологодской губернии (по воспоминаниям В.Т. Ульяновского) // Проблемы российской и региональной истории XIX – XX веков. – Вологда, 2016. – С. 38 – 42.
3. Жукова, В.С. Колхозное крестьянство Вологодской области в довоенное время (по материалам воспоминаний В.Т. Ульяновского) // III Международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию образования СССР (VI Губкинские Гуманитарные чтения). – М., 2022. – С. 105 – 110.
4. Жукова, В.С. Трудовая повседневность колхозников на Европейском Севере России (по материалам воспоминаний В.Т. Ульяновского) // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. – Том 1. – СПб, 2022. – С. 140 – 148.
5. Краткое биографическое описание своей жизни Ульяновского Василия Тимофеевича 21 декабря 1913 года, члена КПСС 1/1.1940 года. – Рукопись – Л. 40 – 50.
6. Мошкин, С.В. Закарпатье – последнее приобретение Сталина. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. – Вып. 11. – С. 406.
7. Сельскохозяйственная артель (колхоз) "Красные Шупова" Нижнеспасского сельсовета Тарногского района Вологодской области, деревня Емельяновская Нижнеспасского сельсовета Тарногского района Вологодской области (1930 – 1959 годы) // Архивная справка – URL: <https://gosarchive.gov35.ru/archive24/funds/38606?ysclid=mm6f9fbbpc122885236> (дата обращения: 27.02.2026).
8. Шевденицкий сельский Совет народных депутатов Тарногского района Вологодской области, село Тарногский Городок (1924 – 1993 годы) // Архивная справка – URL:

<https://gosarchive.gov35.ru/archive1/funds/175168?ysclid=mm6fjjuz5k457340861>
(дата обращения: 27.02.2026).

Земцова Ирина Валерьевна,
кандидат искусствоведения, доцент
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
SPIN-код: 3215-7007
Zemtsova Irina
Pushkin Leningrad State University

ГОРОД ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ: КЁНИГСБЕРГ В XVIII-XIX ВВ.

Аннотация: Статья посвящена анализу восприятия русскими и западноевропейскими путешественниками города Кёнигсберга. Рассматривается каким предстаёт им город в разные периоды как с точки зрения развития его городской среды, так и с эстетической стороны. Делается попытка понять какую роль в этом восприятии играют политические взгляды, ожидания, эстетические предрассудки или цель путешествия.

Ключевые слова: город, Кёнигсберг, путешественники, архитектура, эстетика, достопримечательности.

THE CITY THROUGH THE EYES OF TRAVELERS: KÖNIGSBERG IN THE 18TH AND 19TH CENTURIES

Summary: The article is devoted to the analysis of the perception of the city of Königsberg by Russian and Western European travelers. It examines how the city appears to them in different periods, both in terms of the development of its urban environment and from an aesthetic standpoint. The article attempts to understand the role of political views, expectations, aesthetic prejudices, or the purpose of the journey in shaping this perception.

Keywords: city, Königsberg, travelers, architecture, aesthetics, attractions.

Восприятие города современным путешественником заметно отличается от восприятия его предшественников XVIII – XIX вв., поскольку во многом определено воспитанной привычкой выделять в пейзаже незнакомого города достопримечательности, отыскивать милые или забавные детали образы и формы. Глаз его заранее настраивается путеводителями и экскурсоводами на определённую систему оценки предстающих видов с точки зрения истории архитектуры, стилей в искусстве, уникальности объекта. С другой стороны, этому способствует определённая нацеленность путешественника на получение и даже своеобразное добывание положительных впечатлений. Поездка представляется путешествием по «чужому» пространству, у неё есть цель – постижение и поиск красоты через незнакомое и непривычное. В практике путешествий сложилась своего рода «культура восхищения и запечатления», предполагающая фиксацию каждого исторического камня, живописной стены,

привлекательного вида как свидетельств бытия этого другого мира и ценности самого путешествия.

Восприятие путешественников XVIII – XIX вв. было иным. Они ехали посмотреть, как живут другие, поучиться или сравнить способы хозяйствования. Это был не поиск красоты, а живое знакомство. Между ними и впечатлением не было ещё посредников. Описания Кёнигсберга путешественниками как русскими, так и европейскими, очень показательно в сравнении с современным восприятием наследия города. Эстетика сохранившихся старинных и воссозданных зданий и сооружений непривычных форм, в особенности по контрасту с современностью, образ города, сохранившийся на старинных гравюрах, ведутах и в фотографиях, – всё это вместе с ощущением легко утрачиваемого прошлого создаёт романтический образ и обретает однозначно положительную коннотацию.

Однако, обратившись к описаниям Кёнигсберга путешественниками того времени, мы обнаруживаем не только довольно неприятные отзывы о городе и городской среде вкупе с его жителями, но и отсутствие сколько-нибудь эстетической его оценки или описания его достопримечательностей. Отсутствие тем более удивительное, что сохранившиеся изобразительные источники позволяют предположить и наличие красивых видов, и эстетически достойных внимания объектов.

Обычно, будь то авторы заметок о своих впечатлениях, мемуаров, писем, или авторы путеводителей стремились «создать общую картину открывающейся путешественнику части мира, увязав её образ и стиль жизни с представлением об истинных путях развития культуры и европейской цивилизации, характерным для родины писателя. [...] Описание увиденного нередко перемежается отступлениями политического свойства, так что кажется будто архитектурные красоты, знакомство с музеем, описание какого-либо храма или памятника служат лишь предлогом для пространных рассуждений о природе власти, значении религии, характере народа, которым ищут подтверждения в любом поступке или творческом порыве» [2].

Рассмотрим особенности восприятия Кёнигсберга русскими путешественниками. Многие, пусть и немногословные заметки о городе можно найти во 2-й части сборника «Россияне в Восточной Пруссии» [4], собравшего воспоминания путешествовавших известных россиян. Одно из самых, может быть, комплиментарных описаний принадлежит Андрею Болотову, автору достаточно знаменитых мемуаров. Болотов попал в Кёнигсберг в период Семилетней войны в 1758 г. и, хотя ощущал неприязнь к себе местного населения, однако, как глубоко образованный, талантливый и практического ума человек отдал должное уважение красоте и обустройству города. В его заметках то и дело встречаются превосходные степени в описании городских достопримечательностей, он явно любит городом, пишет, что «обегал все наилучшие площади, улицы и места сего города, и не мог довольно налюбоваться красотой и пышностью многих улиц, а особливо так-называемой

Кнейпхофской большой улицы, которую наши тотчас окрестили по-своему и назвали Мильонною, потому что вся она была не только прямая, но состояла из наилучших и богатейших домов в городе» [1]. Особенно Болотов выделяет замок прусских королей, который «придает всему городу собой украшение, и тем паче, что оно со многих сторон, а особенно из-за реки, сверх всех домов видимо» [1], а также «соборную их церковь или кирку, которая была хотя старинная, построенная в готическом вкусе с превысоким шпицом, но имела в себе пребогатые органы» [1] и городскую ратушу. Хотя и недостатки городского быта он тоже замечает – узкие, тёмные, кривые улицы «какие везде в старинных европейских городах были во обыкновении» [1], нередко с дурным запахом, тесноту домов, хотя и компенсируемую количеством этажей, тесные и немногочисленные дворики. Д. И. Фонвизин Кёнигсберг откровенно невзлюбил и ничего, кроме мрачности, узких улиц и дурного запаха за 4 посещения в нём не увидел [9]. Н. М. Карамзин, посетивший Кёнигсберг в 1789 г., напротив хвалит обустройство – «выстроен едва ли не лучше Москвы», – и особенно восхищается кёнигсбергскими садами, столь полезными в большом городе. Из достопримечательностей отмечает он кафедральный собор и старинный замок с обширной Московской залой, однако без какой-либо эстетической их оценки [4].

Город к концу XVIII в. имел около 40 тыс. жителей, по оценке Н. М. Карамзина, и далее в XIX в. разрастался, однако путешественникам 1830-х – 40-х годов, когда город насчитывал уже от 70 до 100 тыс. человек, он кажется маленьким и захолустным. Так известный славист И. И. Срезневский в 1839 г. пишет, что город такой маленький, меньше Харькова, что в нём нельзя даже заблудиться, ругает старые, грязные и дрянные дома университета. По его словам, «в уездном училище у нас во 100 раз лучше, даже в приходской школе лучше, потому что это – нечистые комнатки, уставленные гадкими столами и скамьями, а кафедры, такие же гадкие, годились бы разве для Миргородской базарной торговли» [5], а главная башня города для него открывает панораму разве лишь крыш и канав города. Кафедральный собор впечатлил его лишь размерами и сразу проиграл в сравнении с рижским, хотя и без пояснений по каким критериям. Даже древнейшая в городе Польская (Штайндаммская) церковь XIII века заслужила от него лишь эпитет «мрачная».

Поэт П. И. Сумароков в 1819 году отмечает только явный упадок города, понесшего значительный ущерб от французской оккупации в эпоху наполеоновских войн: «Кёнигсберг, прежняя столица, Прусская Москва, обширен, имеет остатки древности, но неопрятен, каналы поросли травой и оставленные без довершения заведения, небрежности ясно свидетельствуют, что Берлин осудил оный занять вторую по себе степень» [7, с. 52]. Вид Кёнигсберга, представляющий его в период приезда П. И. Сумарокова, представлен на рис. 1.

Рис. 1. Йоханн Хёссель. Вид Кёнигсберга из комнаты королевского экономического общества в замке. 1819 г.

К середине века Кёнигсберг становится важным транспортным и торговым узлом благодаря строительству железной дороги, доходившей до российской границы. В это же время в России развивается мода на заграничные путешествия у российской интеллигенции, связанная с упрощением получения заграничных паспортов. Кёнигсберг фактически был первым крупным городом, встречавшим путешественников из России. Все они обращают внимание прежде всего на контраст прусского быта с российской жизнью и делают из него всевозможные политические умозаключения [3]. Сам город как объект внимания остаётся в тени, только А. Н. Островский в путевом дневнике «Поездка за границу в апреле 1862 г.» отмечает его как очень красивый город.

Автор очерков «Германия и Россия» М. В. Станиславский, трижды посещавший Кёнигсберг (1869 г., 1884 г., 1912 г.), в первые поездки оценивает его как захолустный и провинциальный, с жалкими домишками, уютящимися у подножия мрачного замка Тевтонского ордена. В начале XX века он видит разительную перемену: «Изъ мизернаго словно захудалаго городишки, носящаго какъ бы въ насмѣшку гордое названіе королевской столицы и резиденціи (Konigliche Haupt und Residenzstadt), превратился онъ въ настоящую роскошную столицу средней величины» [8, с. 401]. Авторы путевых заметок, да и художники, теперь обращают особое внимание на порт. Это и неудивительно с открытием Кёнигсбергского морского канала в 1901 году город получил мощный толчок в экономике и буквально расцвёл.

Этот контраст виден и при знакомстве с заметками В. С. Немировича-Данченко, наверное, самым нелюбимым описанием Кёнигсберга в 1893 г.: «Жалкие, мелкие домишки отдаленных улиц, грязь, слоями лежащая на самых главных, [...] приземистые землянки, даже чуть ли не рядом с историческими дворцами и башнями... я более противного места в Германии не знаю. На рубеже двух государств Кенигсберг успел соединить у себя пороки того и другого, не усвоив их достоинств...» [6, с. 15-16]. Поддерживая сравнение Сумарокова с Москвой и вспоминая о вторичности Кёнигсберга по отношению к Берлину, как Москвы по отношению к Петербургу, автор раздражается раздражённой тирадой в связи с претензией города на сравнение с Венецией. Удивительно, но претензия эта именно эстетического свойства. В. С.

Немировича-Данченко недоумевает, почему буквально льющиеся через город богатства не способствуют его украшению и сохранению легендарной древности его стен: улицы остаются такими же кривыми и грязными, закоулки всё также непроходимыми, торжественный древний замок стоит облупившимся и почерневшим посреди пустынной площади, жалко выглядят и покосившиеся дома старого города, только новый собор великолепен. Нет, это не Венеция, поскольку вместо поэтических палаццо каналы заставлены «огромными, многоэтажными амбарами необыкновенно нахального вида и в той-же архитектурѣ гоголевского Собакевича» [6, с. 33]. Эту эстетику в стиле Собакевича он и далее будет подмечать в Германии и, особенно, в Берлине.

Рис. 2. Густав Шёнлебер. Уголки Кёнигсберга для книги "Küstenfahrten an der Nord- und Ostsee" (1881г.).

Иностранные авторы тоже оставили свои заметки о Кёнигсберге, как об одном из пунктов своего путешествия по нескольким странам. Представленные здесь авторы путеводителей А. Гренвилл, Ч. Элиот, У. Вилсон посетили город в 1829 – 1832 гг. Они обычно крайне внимательны к деталям, вникают в местную историю, легенды и персоналии и «в рассказах о достопримечательных местах и зданиях стремятся одновременно рассказать об истории страны, её великих деятелях, значимых недавних событиях, ввести в круг общественных проблем, образа мысли, способа жизни» [2]. Однако в случае с Кёнигсбергом их всех одолевает странное равнодушие.

В частности, А. Гренвилл обычно особенно внимателен к художественным красотам, стилям, ценящий свидетельства истории, питающий склонность к пространным и скрупулёзным описаниям, только и смог подметить отсутствие примет нового времени. «Все здесь так старомодно, как будто здесь все еще находился двор старых герцогов Бранденбургских. Частные и общественные здания - не единственные старинные объекты в

Кенигсберге, поскольку сами жители, в одежде и внешнем виде, кажутся такими же далекими от современности, как и их жилища. Только в одной части города я заметил признаки веселой или современной архитектуры. [...] Среди многочисленных церквей, существовавших ранее, лишь немногие из них сегодня заслуживают внимания» [11, с. 347-348]. Этим единственным образцом новизны стал для него «Немецкий дом» – фешенебельная гостиница незадолго перед тем перестроенная в стиле классицизма с треугольным фронтоном и довольно скучным фасадом в четыре этажа.

Чуткие к архитектурной гармонии и связи природы и архитектуры при описании других городов Ч. Элиот и У. Вилсон в своих путеводителях дружно отказывают в эстетике кёнигсбергской архитектуре. У. Вилсон пишет: «Подобно Данцигу и Эльбингу, этот город отличается очень старомодным, неудобным и неотесанным, но живописным стилем архитектуры в своих зданиях; а в манерах и образе жизни жителей так же мало от современной утонченности, как и в домах, которые они занимают» [12, с. 147-148]. Ему вторит Ч. Элиот: «Здесь до сих пор сохранился замок, построенный тевтонскими рыцарями, штаб-квартирой которых он был. Архитектурный стиль – грубый, массивный и неприглядный, так что интерес к зданию носит исключительно внешний и исторический характер» [10, с. 427]. Удивительно, что, ругавший Петербург за отсутствие грязи и жалких хижин, автор попрекает Кёнигсберг их наличием. Вид Кёнигсберга, каким он предстал перед авторами иностранных путеводителей, на рис. 3.

Рис. 3. Ф. Фислер. Вид с Бранденбургскими воротами. Около 1835 г.

Если рассматривать причины такого невнимания к красотах города у путешественников XVIII – XIX вв., то среди них можно назвать восприятие города как транзитного, случайного места остановки, а также как исключительно торгового и не рассчитанного на гуляющую публику. Интерес к Кёнигсбергу как к самостоятельному месту для путешествий появиться лишь в начале XX века, когда большие деньги придут в город и поспособствуют его планомерному культурному развитию. Он станет настолько привлекателен для отдыха в летние месяцы, что в 1911 г. у него появиться даже отдельный туристский путеводитель на русском языке, в котором, однако, практически ничего существенного не будет сказано о его красотах и

достопримечательностях, всё внимание будет отведено услугам и удобству проживания. Другой причиной можно назвать настроенность глаза путешественника на модные и считающиеся красивыми формы архитектуры и городской планировки, привычка к которым не позволяла в старинных готических формах зданий, их фронтонах и шпилях, строгой, хоть и мрачноватой цветовой палитре, увидеть эстетику, красоту и романтичность.

Таким образом, можно сказать, что представление о красоте города подвержено не только влиянию моды на определённый архитектурный стиль, но и образа, намеренно или ситуационно создающегося на основании его значения в культуре, его деятельности и открытости путешествующему.

Список литературы:

- 1.Болотов А. Т. Из книг и воспоминаний «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» // Костяшов Ю., Кретинин Г. Россияне в Восточной Пруссии: В 2-х ч. / Под ред. Ю. Костяшова. Ч. 2. Дневники, письма, записки, воспоминания. — 2001. — С. 48-63.
- 2.Земцова И. В. Санкт-Петербург эпохи Николая I в иностранных путеводителях // Россия и мир в исторической ретроспективе. Материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. - Санкт-Петербург, 2023. – Т. 1. - С. 175-180.
- 3.Костяшов Ю. В. Восточная Пруссия глазами русских путешественников // Вестник Калининградского государственного университета. Калининград: КГУ, 2000. С. 60—67.
- 4.Костяшов Ю., Кретинин Г. Россияне в Восточной Пруссии: В 2-х ч. / Под ред. Ю. Костяшова. Ч. 2. Дневники, письма, записки, воспоминания. — 2001. — 256 с.
- 5.Лаптева Л. П. Русский ученый И. И. Срезневский о своем пребывании в Кенигсберге в 1839 г. // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Научный сборник. Выпуск 3. Калининград: Комитет по делам архивов администрации Калининградской области, 2001. – С. 117-120.
- 6.Немирович-Данченко Вас. И. По Германии и Голландии: Путевые очерки и впечатления. - СПб., 1893. С. 15-34.
- 7.Саенко А. Е. Кёнигсберг в восприятии русских путешественников (опыт контент-анализа дневников и воспоминаний) // Третья зимняя школа по гуманитарной информатике: сборник тезисов докладов. - Калининград, 2019. С. 50-56.
- 8.Станиславский М.В. Германия и Россия // Исторический вестник. 1913. - Т. СXXXI, № 2. - С. 384-420.
- 9.Фонвизин Д.И. Избранные сочинения и письма. - М., 1947. С. 246, 249-250.
- 10.Elliott, Charles Boileau. Letters from the North of Europe: or a journal of Travels in Holland, Denmark, Norway, Sweden, Finland, Russia, Prussia, and Saxony. - London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1832. - 475 p.

11. Granville A.B. St. Petersburg: A journal of travels to and from that capital; through Flanders, the Rhenish provinces, Prussia, Russia, Poland, Silesia, Saxony, The Federated states of Germany, and France: In 2 vol. Vol. II. - London: Henry Colburn, New Burlington street. 1828. - 743 p.
12. Wilson, William Rae. Travels in Russia. In 2 vol. Vol. I. - London: Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1828. - 383 p.

Иванова Полина Андреевна

преподаватель истории

Центр образования №195 Адмиралтейского района г. Санкт-Петербурга

Ivanova Polina

Education Center No. 195 of the Admiralteysky District

ТРАДИЦИОННЫЕ МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ У НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу традиционных магических практик на территории Республики Карелия. Исследование строится на основе материалов, собранных в этнографических экспедициях в Карелии. Выделены ключевые характеристики традиционных магических практик и проведен анализ особенностей бытования магии среди местного населения Республики.

Ключевые слова: Карелия, карелы, магия, традиционные верования, религия, этнография.

TRADITIONAL MAGICAL PRACTICES IN THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF KARELIA

Summary: This article is devoted to the analysis of traditional magical practices on the territory of the Republic of Karelia. The research is based on materials collected during ethnographic expeditions in Karelia. The key characteristics of traditional magical practices are highlighted and an analysis of the peculiarities of the existence of magic among the local population of the Republic is carried out.

Keywords: Karelia, Karelians, magic, traditional beliefs, religion, ethnography.

В этой статье представлены ключевые характеристики традиционных магических практик в Карелии и классификация их, на основе полученных в ходе этнографической экспертизы, материалов. Собственно, традиционная магия является таковой оттого, что базируется на особенностях традиционной культуры, восходит к этнической истории народа и является одним из этнообразующих факторов. Некоторые из карельских практиков магии называют себя «знающие» [3]. Этот термин связан с людьми, которые обладают тайным знанием и умеют общаться с потусторонними силами, такой комплекс магического знания называется «знательём». Поэтому, когда мне говорили: «Пойдите к Тоблиевым, они знают», становится понятно, что Тоблиевы обладают магическими способностями. Точно также для магических текстов и заговоров, используется термин «слова»: слова, связанные с защитой от злых духов, слова для привлечения удачи, здоровья и благополучия. Однако, зачастую эти практики не являются частью официальной христианской религии

и не имеют унифицированных правил. Обычно практик самостоятельно вырабатывает механизм бытования магических заговоров и ритуалов, который в дальнейшем передается из поколения в поколение. Для поддержания традиции необходима передача знаний от живых людей-магов следующим поколениям, чтобы практики могли быть наделены определенным ритуальным смыслом и стать частью народной культуры. Каждый специалист может вложить в ритуал свое понимание его смысла, но основа его остается единой, что отличает традиционные магические практики от современных, не имеющих за собой фактора преемственности.

В отношении традиционных магических заговоров и практик отдельным вопросом для меня, как исследователя, стояла привязка к месту. Насколько важно для практика проводить ритуалы непосредственно в Карелии? Существует ли связь с традиционными верованиями? Игрет ли роль в магических практиках эпос «Калевала»? Сохранится ли традиция, если практик покинет родные земли? Все это обуславливалось особенностями региона и спецификой карельской магии.

Ответ на эти вопросы может быть разным в зависимости от верований и культурных традиций практика. В некоторых случаях «знающим» могут помогать духи, языческие боги или христианский Бог, в других - природные силы или существа из мифологии. Однако, в большинстве случаев, практикующие магию обращаются к сверхъестественным силам с просьбой поддержки проводимого заговора или ритуала.

Карельская традиционная культура очень часто ассоциируется с народным эпосом «Калевала», собранными в единый сборник песен рун финским врачом и исследователем Элиасом Лённротом. Обращение к рунопевческой традиции в разборе традиционных магических практик не случайно. В своих путешествиях по деревням Карелии, Элиас Лённрот заметил магические заговоры, которые местные знахари произносили при лечении. Это привело к увлечению врача сбором народных песен рун [6].

В Карелии сохранялась древняя традиция пения рун - эпических песен, которые рассказывают о героях древних времен, богах и духах, а также о сотворении мира и обретении всего, чем богат род людской. В этой традиции люди уважали сказителей-рунопевцев, чародеев и знахарей, чьи заклинания были написаны в форме рун. Ключевые персонажи «Калевалы» являются чародеями и колдунами, стремящимися обустроить мир. Среди них есть музыкант Вяйнямёйнен, кузнец-демиург Ильмаринен и колдунья Лоухи. Даже веселый охотник Лемминкяйнен и пастух Куллерво используют магию в своих приключениях. Связь рунических мотивов «Калевалы» и магических практик населения Карелии прослеживается и по сей день. Она выражается в гаданиях на рунах, сохраняющихся у местных «знающих» как отдельные практики наравне с заговорами. Также так называемая «руническая магия» нашла отражение в Нью-эйдж движении, о котором более подробно я расскажу в следующей главе.

Вот как привязку рунических песен к магическим ритуалам объясняет практик по переводам рунических текстов информант Баринцев В.А.: «Руны — это же изначально письмо. Поэтому руническая письменность не является чем-то таким уникальным для северных народов, в том числе и для народов Карелии. Более того, графически руны мало чем отличаются от итальянских видов письма, одним из которых является латинский алфавит. То есть это в общем, надписи, такие угловатые, потому что вырезами на поверхность наносились. Просто они взяли набор символов с уже имеющимся значением фонетическим, упорядочили их конечно по-своему, какие-то символы они добавили путем удвоения некоторых, переворачивания и так далее. Это все стандартные совершенно вещи. Поэтому ничего такого особенного в самом существовании рун у народов Карелии нет. Поэтому изначально видеть в этом что-то магическое неправильно, потому что поскольку это образовано от популярного в то время алфавита, вряд ли это воспринималось как тайное знание, скорее, как просто бытовая письменность, которая использовалась людьми достаточно широко. Но, конечно, были представления о магии, о сверхъестественном и у всех народов, где есть письменность есть то или иное применение письменности в том числе. То есть они используют письменность в принципе, вообще, но также и в магии, в частности. Частным случаем применения рун было вот магическое применение. Люди верили в магию, практиковали магические действия, еще до существования рун, но в дальнейшем они усвоили руны и тоже включили их в механизм действия» [1].

Таким образом, мы можем проследить, что сами по себе руны не несут особого мистического смысла, а лишь являются видом письма, основанном на северной традиции. Карельские руны также изначально задумывались в качестве алфавита и не несли в себе сакрального значения. Тем не менее, в самой «Калевале» речь шла не о самих символах непосредственно, а о рунопениях. Как и в заговорах «знающих» руны, сложенные в слова, несут уже иное значение нежели применение самого алфавита непосредственно, например, в процессе гадания: «Что такое руническая магия? Это не магия символа, это магия слова. Рунические символы были магическими, потому что они содержали в себе заклинания словесные. То есть вообще магия в представлениях северных народов появилась от сказителей, от рунопевцев и многие же боги уподоблены этим образом, те же персонажи Калевалы. Заклинания они читают, озвучивая и совершая магические действия. И принцип здесь в том, что это магия слова. Сама культура сильно сфокусирована на слове и на речевых культурах, и поэзия вообще имела ключевое значение».

Тем не менее, руны и воспроизведение устной традиции народа — не единственная привязка к традиционной культуре региона. Важную роль также имеет привязка к пантеону. Как известно, традиционные верования Карелии очень разнообразны. В них мы можем встретить и воспеваемых народных героев, и богов-демиургов, а также представителей низшей мифологии. При разговорах с карельскими ритуальными специалистами, традиционные

заговоры и практики не всегда имели семантическую привязку исключительно к традиционному пантеону карельских богов или к персонажам «Калевалы». Зачастую тексты заговоров могут быть обращены к славянскому языческому пантеону. Например, заговор на защиту, адресованный славянским богам Велесу, Перуну: «Во имя Сварога и Перуна выпью судьбу свою до дна! Именем Велеса призываю кровь предков. Собирайся рода сила, вставайте предки из могилы. Сына своего (имя) защищайте, чистотой рода. Чтобы дурной глаз не коснулся, чтобы с улыбкой проснулся, чтобы открыты были путь и сердце». Данный заговор был передан мне Никифоровой З.И. – дочерью карельской «знающей», проживающей в поселке городского типа Калевала на севере Карелии. Сама информант говорит, что силы матери не наследовала, а все что осталось от ее магических практик – это несколько личных рукописных дневников с заговорами и описаниями трав.

Обряды, связанные со славянским пантеоном не редкость у традиционных магических специалистов, в особенности у русских. Так, например, русская жительница Петрозаводска Смирных Е.С. рассказала о ритуалах, которые она проводит в так называемый Перунов день, отмечаемый 20 июля приверженцами славянской традиции. «Перун у нас русских, да и вообще у славян покровитель гроз и молний. Надо воду дождевую собрать утром, потом она в течение года хранится для разных ритуалов. А в сам день можно проводить заговоры на здоровье, мужскую силу, защитные заговоры еще» [1]. Некоторые из этих ритуалов включали наговаривание на воду и ее употребление больным людям. Один из таких обрядов включал слова о камне Алатырь и боге Перуне, которые отбивали уроки и призоры от заболевшего человека.

Относительно заговоров, Никифорова З.И. говорит, что в них встречаются упоминания разных персонажей, по ее словам, гораздо чаще «знающие» обращаются к конкретным сущностям, или к духам-хранителям, сопровождающим их в проводимых ритуалах. «Они (духи) могли быть женского или мужского рода, например, вот Тапио он хозяин леса и Велламо – водяная дева, русалка. Каждый (знающий) имеет своего личного духа-хранителя, он помогает. Этот дух также мог быть призван как помощник в различных жизненных ситуациях, например, для борьбы с болезнями или защиты от злых духов. Но духи могли покидать своего хозяина, например, в связи с рождением, свадьбой или смертью. Еще есть поверье, что духи могут покидать хозяина, если у того все зубы выпали. Ну, заговоры то говорить нужно, а если зубы выпали, то все – сила ушла. В таких случаях либо силу передавали, либо пытались нового хранителя отыскать». Таким образом, колдуны верили в существование множества духов, каждый из которых мог носить свои имена. Например, духи, названные информантом – это персонажи карело-финской мифологии [6]. По представлениям традиционных практиков духи могут обитать как в человеке, так и во всем мире вокруг. Зачастую это

были конкретные сущности, представляющие духов леса, поля, земли и воды, а также негативные сущности, ассоциирующиеся с бесами, демонами.

Параллельно с карело-финскими и славянскими богами, традиционные практики часто упоминают в заговорах Бога, Святого духа и Иисуса Христа. Это связано с распространением в Карелии христианства православного и лютеранского толка, которое накладываясь на традиционную культуру населения, нашло применение и в такой области, как магия. Считается, что заговоры, основанные на христианских молитвах, должен произносить исключительно верующий человек, соответственно и помогают они преимущественно верующим, хотя, по словам информантов, вылечат и атеиста, но не так хорошо, как того, кто искренне верит в силу заговора. Вообще вера в силу ритуала, в то, что заговор непременно принесет плоды носит едва ли не такое же первостепенное значение как сами слова, наговариваемые в процессе ритуала. Здесь мы можем вспомнить теорию С.А. Токарева о том, что в основе любого ритуала лежит интерпретация человека, то есть субъективное восприятие магической практики со стороны, как ритуального специалиста, так и второго участника, если таковой присутствует [5]. Вот, например, ритуал для снятия порчи с помощью молитвы, описанный Смирных Е. С.: «Нужно взять две церковные свечки, святую воду и ложку. Свечу зажигаем, читаем «Отче наш». Вообще его можно и самостоятельно на себе проводить, но лучше все же обратиться ко мне, или к другому специалисту. Так вот, прочитала молитву, затем нужно отломить кусочек воска от другой свечи и положить в ложку. Горящей свечкой ложку греешь, пока воск топится, просишь Боженьку очистить душу и тело от сглаза и прикора всякого. Потом нужно вылить воск в воду, любую можно в миску, стакан. Ждешь пока застынет, потом берешь воск твердый, подносишь его к голове, к животу своему или там кому проводишь ритуал, к сердцу. И снова просишь Господа снять сглаз. Семь раз повторить, воск не выкидывать, когда седьмой раз пойдет на погост поехать...ну кладбище любое и в старую могилку прикопать. А тому, кто в могилке службу за упокой заказать в церкви, за то, что потревожили». Такой ритуал стоит проводить если порчу наложил сторонний человек, по словам информанта человек может определить это самостоятельно и провести практику одному. Если же он не поможет, тогда необходима помощь «знающего».

Таким образом, на основе разобранных примеров традиционных магических практик, мы можем выделить их следующие особенности: первое – это обязательная передача традиции от живого человека, владеющего знанием к его приемнику. При этом в идеале передача силы должна сопровождаться ритуалом и переходить внутри одного рода. Если передачи традиции не произошло, человек не может причислить себя к «знающему» даже при сохранившихся текстах заговоров или умении проводить ритуалы, так как, по мнению большинства информантов, такая магия просто не сработает. Второй характерной чертой традиционной магии является строгость словесных форм заговоров и набор четких правил для проведения ритуала. Каждое практическое

действие сопровождается определенным набором правил, отхождение от которых ведет к неудаче в ритуале. Среди обязательных правил при проведении традиционных практик были названы: не разглашение текстов заговоров (здесь мнения разнятся, так как некоторые информанты говорили, что нельзя рассказывать только те заговоры, которые без «знающего» не сработают), при проведении ритуала нельзя рассказывать о его выполнении, выполнять практику необходимо в тишине, в одиночестве и при тусклом свете. Если читается заговор, то произносится он зачастую шепотом и быстро, чтобы сторонний человек не смог уловить слова, произносятся слова несколько раз – разные специалисты называли разное количество, примерно от 3 до 5 раз. Если ритуальные практики проводятся на улице, необходимо выбирать безлюдные места и уходя, после проведения ритуала, не оборачиваться и не возвращаться на место.

Основными характеристиками традиции является неизменная основа магических действий и передача ритуалов из поколения в поколение. Это именно то, что отличает традиционную магию от современных практик. Различие состоит в отношении к обрядовости и в понимании её значения. Традиционное мышление более конкретно, современное — более абстрактно. По мнению традиционного мага, действительным может быть лишь то или иное конкретное действие. Если сделаете что-то иначе — не сработает или сработает неправильно. И это действие должно быть не само по себе, а встроено в цельную систему практик и представлений.

Список литературы:

- 1.Иванова, П.А. тетрадь полевых записей по исследованию традиционной и современной магии в ходе экспедиции в республику Карелия // Кафедра антропологии и этнографии Института истории СПбГУ, 2023- 53 с.
- 2.Логинов, К.К. Русский народный календарь и народный календарь Заонежья // Время и календарь в традиционной культуре. - СПб., 1999. – С. 89 – 91.
- 3.Мазалова, Н. Е. «Знающие» Кенозера: магическая сила и «Тайное» знание // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №6.)
- 4.Мазалова, Н.Е. «Ритуально-магические практики русских «знающих». – СПб.: СЗТУ: 2007. Монография. – 92 с.
- 5.Токарев, С. А. Сущность и происхождение магии. // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии. Т. I. — М., 1959. — 364 с
- 6.Леннрот, Э. Калевала – СПб: КАРО, 2021. - 414 с.

Изюмова Лариса Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

SPIN-код: 5656-1899

Larisa Iziumova

Vologda State University

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА В ОЦЕНКАХ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР И РЯДОВЫХ КОЛХОЗНИКОВ В 1930-1950-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об оценке работы председателей колхоза в 1930-1950-е гг. со стороны властных структур и со стороны рядовых колхозников. Если в период 1930-1940-х гг. председатели колхоза назначались в основном из среды колхозников, то в начале 1950-х гг. государство провело ряд мероприятий по улучшению состава председателей колхозов. В деревне появились колхозные руководители, зачастую не связанные с сельским хозяйством по своей предыдущей деятельности, что значительно усложнило отношения внутри колхозного социума. Источниковую базу исследования составили документы государственных и партийных органов, а также письма рядовых колхозников. Делается вывод, что на председателей колхозов возлагалась вся полнота ответственности за работу общественного хозяйства, что могло привести или к конфликтной ситуации с властными органами, в том случае, когда председатель колхоза отстаивал интересы своего хозяйства и рядовых колхозников, или к недовольству колхозного социума, если колхозный руководитель не решался выступать против указаний районного начальства и плохо справлялся со своими обязанностями.

Ключевые слова: колхоз, председатель колхоза, колхозное производство, колхозный социум, трудовень, денежная оплата труда.

THE CHAIRMAN OF THE COLLECTIVE FARM IN THE ASSESSMENTS OF GOVERNMENT STRUCTURES AND ORDINARY COLLECTIVE FARMERS IN THE 1930S AND 1950S

Summary: This article examines how the performance of collective farm chairmen was assessed in the 1930s–1950s by both government officials and ordinary collective farmers. While in the 1930s–1940s, collective farm chairmen were primarily appointed from among collective farmers, in the early 1950s, the state implemented a number of measures to improve the composition of collective farm chairmen. Collective farm leaders, often unconnected to agriculture through their previous activities, emerged in the villages, significantly complicating relations within the collective farm community. The research source base consisted of

documents from state and party bodies, as well as letters from ordinary collective farmers. It is concluded that the chairmen of collective farms were fully responsible for the work of the public economy, which could lead either to a conflict situation with the authorities, in the case when the chairman of the collective farm defended the interests of his farm and ordinary collective farmers, or to the dissatisfaction of the collective farm community, if the collective farm leader did not dare to speak out against the instructions of the district authorities and poorly He took care of the collective farm.

Keywords: collective farm, chairman of the collective farm, collective farm production, collective farm society, workday, monetary remuneration.

В жизни колхозного социума председатель колхоза занимал важное место. От колхозного руководителя во многом зависела не только работа колхоза в целом, но и в отдельные периоды жизнь и благополучие колхозной семьи. В статье поднимаются вопросы, связанные с оценкой работы колхозных руководителей властными структурами и рядовыми колхозниками. Источниковую базу исследования составили делопроизводственные материалы партийных и государственных органов периода 1930-х-1950-х годов, произведения писателей-деревенщиков и письма рядовых колхозников.

Необходимо отметить, что смысл, который вкладывался рядовыми колхозниками в понятие «хороший руководитель» («хороший хозяин») коренным образом отличался от требований, предъявляемых к председателю властными структурами. Для властных инстанций было важным, чтобы колхоз обеспечивал выполнение всех государственных заданий (госпоставки, лесозаготовки и др.), даже если это не отвечало экономическим интересам колхозников и в целом колхоза. Если председатель не справлялся с выполнением указанных требований, а такие случаи встречались довольно часто, то, как правило, следовала его отставка с должности и даже судебное разбирательство. Так, в октябре 1940 г. в Усть-Куломском районе Коми АССР был осужден на два года председатель колхоза Уляшев Г. А. за то, что «допустил авансирование колхозников из урожая 1940 г. в количестве 6986 кг, раздал земли из общественного фонда под усадьбы колхозникам (1,16 га)...» [7, л. 78]. В 1947 г. в Белозерском районе Вологодской области был осужден на три года председатель колхоза «Антушево» Карачкин Г. Д., так как «незаконно раздал по трудодням колхозников 37 ц пшеницы, тогда как план засыпки семенных фондов в колхозе был выполнен на 46%» [9, л. 23]. И такие факты характерны для периода 1930–1950-х гг.

Зачастую бытовая распущенность, грубость, воровство со стороны председателя колхоза осуждались рядовыми колхозниками, но не служили поводом для разбирательства со стороны советских и партийных органов или приводили к относительно «мягкому наказанию». Например, в Усть-Куломском районе Коми АССР в 1940 г. был осужден к шести месяцам исправительно-трудовых работ председатель колхоза Игнатов И. В. за то, что в 1938 г. избил

«на почве хулиганства» нескольких колхозников, а также присвоил 1550 руб. из колхозной кассы [7, л. 78].

Судебные органы считали наиболее опасным видом преступлений в период уборки и заготовки зерна, кроме его прямого хищения, – «разбазаривание в виде незаконного расходования на внутривозхозяйственные нужды и авансирование колхозников» [8, л. 35]. Анализ делопроизводственной документации Министерства юстиции РСФСР показал, что суд выносил более суровый приговор в тех случаях, когда председатель колхоза «допустил распределение приусадебной земли по едокам от 0,3 до 0,5 га...» [7, л. 78], «разрешил колхозникам косить сено на колхозных покосах для коров личного пользования...» [6, л. 38], допустил «срыв уборки урожая и незаконное расходование 12 тыс. кг зерна из первого обмолота на внутривозхозяйственные нужды» [8, л. 35 об.] и т. п.

Поведение председателя колхоза, его настрой на работу, безусловно, влияли на поведение рядовых колхозников. Известны случаи, когда приход к руководству энергичного и требовательного председателя приводил к улучшению ситуации в общественном хозяйстве. В тоже время нарушение председателем колхоза трудовой дисциплины негативно отражалось на всем производственном процессе в хозяйстве. В делопроизводственной документации партийных и земельных органов отражены многочисленные примеры подобных ситуаций. Например, отъезд председателя в соседнюю деревню на религиозный праздник мог привести к тому, что «на полевых работах в эти дни не работали, а часть колхозников уехала тоже на праздник» [4, л. 62].

Колхозный социум осознавал двойственность положения колхозных руководителей: с одной стороны, наличие у них властных механизмов и ресурсов в отношении рядовых колхозников, с другой стороны, их подчиненность и зависимость от районных партийных и советских властей. Неслучайно среди колхозников бытовала такая частушка:

Председателем райком
Как тряпкой помыкает,
А он на колхозниках
Злобу вымещает [1, с. 26].

Известны случаи, когда колхозники пытались заступиться за своего председателя колхоза, не допустить его снятия с должности. Такой случай, например, произошел в 1949 г. в колхозе им. Ворошилова Вожегодского района Вологодской области: «совершенно неожиданно для колхозников» было созвано общее собрание, на котором представитель райкома партии поставил вопрос о снятии председателя колхоза Лукьянова за то, что тот не выполнил постановление райисполкома о выводе десяти колхозных лошадей на лесозаготовки. На собрании «три раза ставили на голосование предложение о снятии Лукьянова с работы, и ни один колхозник не поднял руку за это предложение». Как следует из протокола колхозного собрания, пришлось

вмешаться самому Лукьянову, который заявил колхозникам, что «не следует упрямиться, а нужно согласиться с распоряжением секретаря райкома партии» [12, л. 76]. В итоге голосование за снятие Лукьянова с работы состоялось. Причем партийные и советские органы признавали, что частая сменяемость председателей колхозов во многих случаях негативно отражалась не только на производственном процессе, но и создавала нездоровую обстановку внутри колхозного коллектива.

Мероприятия периода 1950-х гг., направленные на улучшение состава председателей колхозов, способствовали тому, что работа в качестве председателя воспринималась председателями-«выдвиженцами» как своего рода государственная служба. Однако большинство колхозников относилось к таким председателям как к руководителям, остающимся за рамками колхозного социума. В этом плане интерес представляют письма колхозников с жалобами на работу «новых» председателей, адресованные в партийные и советские органы, а также в редакции газет и журналов. Так, в ноябре 1959 г. в редакцию областной газеты «Красный Север» пришло письмо из колхоза «Путь к коммунизму» Кирилловского района Вологодской области. В этом письме колхозник В. Степин просил разъяснить вопрос: правильно ли начисляется заработная плата председателю колхоза. Излагая свою просьбу, Степин пишет: «Дорогая редакция. Нам, как *коренным колхозникам*, работающим в колхозном производстве почти бесплатно, очень хочется знать обо всем этом...» [5, л. 16].

В свою очередь и председатели колхозов, оказавшиеся в этой должности в ходе выдвижения, также ощущали себя как бы в стороне от рядовой массы колхозников. Примером может служить анализ доктора социологических наук Н. Н. Козловой воспоминаний В.И. Едовина, уроженца Северной области (1921 г.р.). Едовина с должности секретаря райкома партии направили на работу председателем колхоза. Об этом времени он пишет: «Мне было почти сорок, имел опыт работы в школе, опыт партийной работы, теперь осваивал хозяйственную работу, которая мне нравилась, я пользовался уважением, нравилось работать с народом, пусть это и требовало напряжения, нервов и сил...» [11, с. 167-168]. Н. Н. Козлова, характеризуя своего героя, обращает внимание на то, что этот человек, руководивший народом, «уже себя к нему причислять не в состоянии» [11, с. 168].

Типичным представителем колхозной верхушки, появившейся в деревне в начале 1950-х гг., является председатель колхоза из повести Александра Яшина «Баба Яга» (1960 г.). Писатель дает следующее описание своего героя: «Парфен Иванович ничем не напоминал старых русских крестьян-хлеборобов, также как ничем не походил и на современного крестьянина-колхозника, да никогда и не был таковым». А. Яшин тонко подмечает особенности психологии руководителя-выдвиженца начала 1950-х гг.: «Выдвинутый на почетный пост председателя колхоза лет десять назад, Парфен Иванович все это время отдавал новой работе свое время и силы, — но с редким упорством и последовательностью старался не отдавать деревне своей души. Он считал, что

это его право, и потому сохранил в райцентре свою квартиру, не перевез к себе ни жены, ни детей, тщательно оберегал все свои старые приятельские и служебные связи, ревниво следил за городскими модами, сам одевался только так, как одевались районные ответственные служащие, и по-прежнему оставался в душе тем же, кем был: работником торговой сети» [14, с. 141].

Анализ документов партийных и сельскохозяйственных органов, а также писем колхозников в газеты и партийные инстанции свидетельствует, что рядовые колхозники ощущали изменения, которые происходили в колхозе с приходом председателей-выдвиженцев. При этом многие колхозники воспринимали новое руководство как «временщиков», «председателей-сезонников» [10, с. 495], навязанных колхозу районными властями. Рядовые колхозники внимательно присматривались к таким председателям, обращали внимание на их деловые качества. Иногда колхозникам был непривычен режим работы председателей – по типу работы государственного учреждения. Об этом, например, свидетельствует письмо членов колхоза им. Суворова на имя первого секретаря Вологодского обкома КПСС. В этом письме зафиксирован следующий распорядок дня председателя Е.М. Мульчанова: «В 9–10 утра приходит в контору. Выходной день воскресенье. До 12 часов прием колхозников и всяких посетителей. С 12 до 5–6-ти [часов вечера] иногда ездит в бригады» [3, л. 49].

Колхозников интересовали и такие вопросы: стремится ли председатель обустроиться на новом месте, завести личное хозяйство и, если да, то за счет каких средств, где проживает его семья. Районные власти требовали от новых председателей вступить в члены колхоза и перевезли в деревню свои семьи. Однако многие вновь назначенные руководители с этим не спешили. Например, проверка работы председателей-тридцатитысячников, организованная в Вологодской области в сентябре 1955 г., выявила, что из 103 председателей только 35 человек (т. е. 34%) перевезли свои семьи в колхозы. В материалах проверки отмечалось, что «некоторые из них собираются привезти, а отдельные не думают перевозить ...» [2, л. 70].

Но больше всего рядовых колхозников волновал вопрос о том, что для председателей-«выдвиженцев» была введена денежная заработная плата, в то время как другие члены колхозов такой оплаты не имели, так как сохранялась оплата по трудовням. Отметим, что в 1950-е гг. ситуация с оплатой труда колхозных руководителей была весьма сложной. Некоторые председатели колхозов, не из числа выдвиженцев и практиков, продолжали получать оплату труда в трудовнях. В 1953 г. Совет по делам колхозов даже организовал специальные проверки, чтобы выяснить отношение колхозников к председателям, состоявших на денежной оплате. В ряде случаев были выявлены конфликтные ситуации между председателями и рядовыми колхозниками. Например, на общем собрании в колхозе «Огибаловец» Вожегодского района Вологодской области колхозники резко критиковали председателя колхоза Дробоздина. Из отчетных материалов по этому делу

узнаем, что Дробоздин находился в должности председателя колхоза один год, а до этого был директором районного пищекомбината. По мнению колхозников, новый председатель «к колхозным делам относится халатно, его мало тревожат общественные дела...». Особенно рядовых колхозников возмутили слова председателя: «Как хотите работайте, но я свое получу, а ваше останется на поле и сгниет». На общем собрании проголосовали за то, чтобы изменить оплату труда председателя колхоза: в течение двух месяцев выплачивать 25% от заработной платы деньгами, а 75% в трудоднях, а потом перевести на оплату в трудоднях. Дробоздин не согласился с этим решением, написал заявление об увольнении и через некоторое время был исключен из партии [13, л. 120].

Во многих колхозах рядовые члены были недовольны тем, что на оплату председателя уходила значительная часть денежного дохода. Например, на общем собрании колхоза «Путь Ленина» Вожегодского района Вологодской области колхозники заявили: «Хоть есть мнение районных руководителей оставить Орехова, да и мы не сможем подобрать лучшего, все же платить ему деньгами не согласны, так как председатель забирает почти все деньги. Колхозу ничего не остается...» [13, л. 119]. Большинство колхозников придерживались мнения, что если председатель колхоза «будет работать за трудодни, то больше будет заботиться о колхозном хозяйстве, о повышении доходов» [13, л. 119].

Таким образом, на председателей колхозов была возложена вся полнота ответственности за работу общественного хозяйства, что на практике могло привести или к конфликтной ситуации с властными органами, в том случае, когда председатель колхоза отстаивал интересы своего хозяйства и рядовых колхозников, или к недовольству колхозников, если колхозный руководитель не решался выступать против указаний районного начальства. В 1950-е гг. наиболее спорным вопросом в отношениях колхозных руководителей и рядовых членов становится вопрос о целесообразности денежной оплаты труда председателя колхоза, так как для рядовых колхозников сохранялась натуральная оплата труда в зависимости от выработанных трудодней.

Список литературы:

1. Безнин, М. А., Димони, Т. М. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930-1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). - Вологда: Легия, 2008. - 56 с.
2. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. П-2522. Оп. 28. Д. 98.
3. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 48. Д. 69.
4. ГАВО. Ф. Р-1705. Оп. 9. Д. 1394.
5. ГАВО. Ф. Р-1705. Оп. 9. Д. 2881.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 13. Д. 13.
7. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 13. Д. 363.

- 8.ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 13. Д. 555.
- 9.ГАРФ. Ф. А- 353. Оп. 13. Д. 640.
- 10.Журахович, С. Центральная фигура // В колхозной деревне. Очерки и рассказы. - М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1955. - С. 495-502.
- 11.Козлова, Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. - М.: Европа, 2005. – 544 с.
- 12.Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9476. Оп.1. Д. 307.
- 13.РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1310.
- 14.Яшин, А. Я. Баба Яга // Яшин, А. Я. Земляки: Повести, рассказы, из дневника писателя. - М.: Современник, 1989. - С. 138-188.

Кагарманов Валериан Гарифуллович

доцент

Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

SPIN-код: 8104-5043

Valerian Kagarmanov

Military Medical Academy

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ У КУРСАНТОВ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Аннотация: Целью работы является возможность обратить внимание на важность государственной идеологии в процессе формирования социально-политических ценностей курсантов военных вузов и обоснованную необходимость документального оформления государственной идеологии Российской Федерации. В работе обосновывается значимость государственной идеологии для системы военного образования, приоритета социально-политических ценностей военной службы перед ценностями либеральной идеологии. Раскрытие темы обозначает проблемы военно-политической работы с курсантами и слушателями военных вузов.

Ключевые слова: Конституция РФ, государственная идеология, военная присяга, социально-политические ценности, образовательный процесс.

THE IDEOLOGICAL ASPECT OF THE FORMATION OF SOCIAL AND POLITICAL ORIENTATIONS AMONG CADETS OF MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Summary: The purpose of the work is to draw attention to the importance of state ideology in the process of forming socio-political values of military university cadets and the justified need to document the state ideology of the Russian Federation. The paper substantiates the importance of state ideology for the military education system, the priority of socio-political values of military service over the values of liberal ideology. The disclosure of the topic highlights the problems of military-political work with cadets and students of military universities.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, state ideology, military oath, socio-political values, educational process.

Задача подготовки высококлассных военных специалистов для Вооруженных Сил всегда является одной из важнейших для государства. Общество и государство нуждается не только в людях, знающих свое дело, но в профессионалах обладающих высокими морально-политическими качествами с четкими социально-политическими ориентирами – ценностями.

Значение закрепления понятия государственной идеологии в Конституции России.

Формирование таких идеологических ориентиров в процессе воспитательной работы входит в обязанность государственных образовательных учреждений. О формировании в сознании молодого поколения «общих ценностей, национальной идентичности крайне важны система образования, отечественная культура» говорил Президент России в своем ежегодном послании Федеральному Собранию РФ от 21.02.2023 г. [3].

Воинское воспитание в военном учебном заведении должно строго соответствовать положениям Конституции Российской Федерации, федеральным законам и иным нормативным актам. Согласно статье 43 Конституции, государство наделено правом утверждать федеральные государственные образовательные стандарты, обязательные для исполнения всеми учебными учреждениями при осуществлении образовательного процесса — как в контексте профессиональной подготовки, так и в плане формирования мировоззренческого склада личности. Формирование мировоззрения обучающихся неразрывно связано с идеологической направленностью государства.

Определения понятия «идеология» представлены в различных источниках, однако все они объединены общей сутью: идеология — это совокупность политических, юридических, религиозных и философских представлений, отражающих отношение индивидов к окружающей действительности. Она служит духовной и идеологической основой национальной идентичности и самосознания народа, определяя способы и направления её реализации. Идеология представляет собой цельное видение мира, уделяя особое внимание месту и статусу человека в этом мире [8].

Следовательно, идеология выступает фундаментальной и обязательной составляющей. Все решения в сфере власти и общественной жизни обязаны быть согласованы с ней. По мнению депутата Госдумы, доктора экономических наук, профессора Николая Новичкова, идеология тесно связана с историческим опытом народа, общества и государства, одновременно задавая ориентиры на будущее — для личности, страны, международного положения государства. Её основой становятся культура, наследие, нравственные и духовные ценности, присущие народам России. Государство является неотъемлемым элементом воплощения идеологии, равно как и признание значимости и роли Вооружённых Сил РФ [9].

Однако в статье 13 пункт 2 главного закона страны — Конституции РФ — прямо указан запрет на существование государственной идеологии. При этом политическое разнообразие и наличие множества партий признаются (пункт 4 статьи 13) [1], однако установление официальной государственной идеологии исключается.

Реальная политика в идеологической сфере военной организации государства.

Невозможно обеспечить всестороннюю безопасность страны без твердой внутренней убедительности в справедливости целей, принципов и поступков граждан Российской Федерации. Созданию такой убеждённости среди военнослужащих способствуют командиры, начальники подразделений, а также преподаватели вузов. Ответственность за организацию и руководство этой деятельностью возложена на Главное военно-политическое управление — согласно приказу Минобороны РФ от 22 февраля 2022 года №110.

Среди ключевых идеологических направлений, реализуемых Главным военно-политическим управлением в интересах Вооружённых Сил, можно выделить:

- укрепление законности и строгого соблюдения воинской дисциплины;
- проведение военно-политической пропаганды и агитации;
- развитие патриотического воспитания личного состава;
- осуществление социальной поддержки военнослужащих;
- организация культурно-массовых и досуговых мероприятий;
- проведение просветительской и духовно-воспитательной работы, включая взаимодействие с верующими служащими.

Роль Главного военно-политического управления в сфере военно-политической пропаганды и агитации имеет особое значение:

- обеспечение системы военно-политической подготовки, информирования личного состава, проведение единых дней информации, а также других пропагандистских и агитационных акций;
- контроль по реализации мер по противодействию идеологиям экстремизма и терроризма внутри Вооружённых Сил [4].

В приказе Министра обороны РФ «Об организации учебной деятельности в федеральных государственных учреждениях образования, находящихся в ведении Министерства обороны РФ», определены цели воинского воспитания, часть из которых напрямую связана с государственной идеологией:

- формирование высокого морально-политического и психического уровня готовности к защите Отечества, чувство гордости и ответственности за службу в Вооружённых Силах;
- воспитание осознанного понимания священности и абсолютной обязательности исполнения Военной присяги.
- укрепление боевого духа и взаимопонимания внутри воинских подразделений, развитие добрососедства между военнослужащими разных этнических групп, совершенствование навыков межкультурного взаимодействия;
- анализ психоэмоционального, морально-политического и психологического состояния обучаемых [5].

Нормативные требования в сфере военного образования, установленные Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования уровня 3++, частично выполняются через курсы общественных дисциплин. Например, в программу дисциплины «Социология. Политология»

включены такие элементы: нормативно-ценностные ориентиры военной службы; механизмы социального контроля за поведением военнослужащих; особенности процесса социализации различных категорий личного состава Вооружённых Сил; факторы внутренней мотивации и методы стимулирования профессиональной деятельности; черты политической культуры, условия и причины становления политического сознания военнослужащих Российской Федерации, закономерности их политической социализации; характеристики политических интересов, уровень политического осознания, особенности формирования политической позиции у военнослужащих страны и прочее [6]. Фактическая практика демонстрирует явное влияние государственной идеологии на деятельность Вооружённых Сил Российской Федерации.

Военная присяга и идеология.

Центральным документом, закрепляющим духовные принципы воинской службы, выступает Присяга. Современный вариант присяги содержит три фразы и 43 слова [2]. Из-за соответствия Конституции РФ, которая не предусматривает официальной государственной идеологии, данный текст лишен эмоциональной насыщенности, торжественности и исторической преемственности, характерной для прежних эпох. В отличие от этого, военная присяга Российской империи насчитывала четыре абзаца и 267 слов, присяга Временного правительства (1917 г.) — семь предложений, 132 слова, присяга Красной Армии (1939–1947 гг.) — четыре части, 135 слов, а присяга Советской Армии — пять разделов, 129 слов [10]. В тех текстах ощущалась значительная эмоциональная мощь, способная влиять на сознание и сердце военнослужащих.

Считаю вполне возможным при работе по внесению изменений в статью 13 Конституции РФ переработать текст военной присяги для повышения торжественности мероприятия по принятию военной присяги и эмоционального закрепления в сознании военнослужащих ценностей военной службы.

Современные политические ориентиры в Российской Федерации.

Какие социальные и политические ценности, закреплённые у курсантов до поступления в высшее военное учебное заведение, должны учитывать педагоги при проведении занятий?

О наличии тех или иных политических ценностей в сознании жителей страны свидетельствуют данные исследования И.В. Богдана. Необходимо учитывать, что проведённое исследование проходило до вхождения в состав России новых субъектов РФ в 2022 году, поэтому текущие показатели могут отличаться от представленных ранее данных. Особенно это касается таких ценностей, как патриотизм, национализм, ответственность, сила государства и его авторитет. Ответы респондентов из различных социальных групп по кластеру «актуальные ценности» демонстрируют различия, однако, несмотря на разницу в социальном статусе и мировоззренческих установках, три ключевые политические ценности — государственный патернализм, верховенство права и стабильность — остаются приоритетными для всех слоёв населения [7]. Такой

общий тренд позволяет педагогам формировать базовые направления воспитательной работы, направленной на укрепление политических ценностей и ценностей воинской профессиональной деятельности будущих офицеров Вооружённых Сил.

В обозримом будущем вполне возможно реализовать ряд мер в различных сферах жизни российского общества и государства, включая корректировку норм конституционного законодательства. Об этом свидетельствует высказывание главы Министерства юстиции Константина Чуйченко, отметившего на Петербургском международном юридическом форуме: «Разумеется, придётся решать вопрос, связанный со статьёй Конституции, где говорится о том, что у нас нет ни государственной, ни обязательной идеологии (часть вторая статьи 13 Основного закона Российской Федерации)» [11].

Логически такие изменения должны повлечь за собой переоценку приоритетов: государственного суверенитета, национальных интересов страны в сравнении с индивидуалистскими, либеральными ценностями, правами и свободами личности. Внесение поправок в Конституцию потребует пересмотра подзаконных актов. Вероятно, это скажется и на формулировке Военной присяга, а в учебный процесс будет введена новая категория — «Государственная идеология».

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. // Последние изменения, дополнения и комментарии. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.02.2026).
2. Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 04.11.2025) "О воинской обязанности и военной службе" (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2025) Раздел VI. Военная служба // — URL: <https://legalacts.ru/doc/FZ-o-voinskoj-objazannosti-i-voennoj-sluzhbe/razdel-vi/statja-40/> (дата обращения 23.02.2026).
3. Послание Президента Федеральному Собранию 21.02.2023 [Электронный ресурс] // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения 20.02.2026).
4. Приказ МО РФ от 22 февраля 2022 №110 "Об утверждении Положения о Главном военно-политическом управлении Вооружённых Сил Российской Федерации". [Электронный ресурс] — URL: https://voenpravo.ru/voennoe_pravo/documents/projects-ppa/6219/ (дата обращения 23.02.2026).
5. Приложение №3 п.97 к Приказу МО РФ от 30 мая 2022 г. № 308 Об организации образовательной деятельности в федеральных государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства Обороны Российской Федерации.

- [Электронный ресурс] — URL: <https://ppt.ru/docs/prikaz/minoborony/n-308-268138>. (дата обращения 21.02.2026).
6. Сборник требований для формирования основных профессиональных образовательных программ в военных образовательных организациях Министерства обороны Российской Федерации. - М., 2020.
7. Богдан И.В. Политические ценности в современной России: когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты. [Электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tsennosti-v-sovremennoy-rossii-kognitivnye-emotsionalnye-i-povedencheskie-aspekty> (дата обращения 21.02.2026).
8. Волков Ю.Г. Манифест гуманизма. (Идеология и гуманистическое будущее России). - М.: Соц.-гуманитарные знания, 2000.
9. Новичков Н.В. Почему России так необходима государственная идеология. [Электронный ресурс] газета МК от 21.11.2022 — URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/11/21/pochemu-rossii-tak-neobkhodima-gosudarstvennaya-ideologiya.html> (дата обращения 18.02.2026).
10. Сизов А. Как трансформировался текст воинской присяги в России. [Электронный ресурс] Военное обозрение. — URL: <https://topwar.ru/2686-kak-transformirovalsya-tekst-voinskoj-prisyagi-v-rossii.html> (дата обращения 19.02.2026).
11. Глава Минюста призвал решить вопрос с запретом госидеологии в Конституции. [Электронный ресурс] Новостной канал «РБК» от 11.05.2023. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/05/2023/645ce8869a7947ffdeaed6a3> (дата обращения 21.02.2026).

Калмыков Николай Николаевич

кандидат социологических наук,

Председатель Правления ММО «Объединение наставников»

SPIN-код: 7584-1720

Nikolay Kalmykov

ММО “Association of Mentors”

НАРРАТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ТИПОЛОГИЯ, ДИАГНОСТИКА И ПРОЕКТНАЯ МОДЕЛЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: Статья посвящена нарративным искажениям исторической памяти о Великой Отечественной войне как объекту социологической диагностики и управленческого анализа. Цель исследования — разработка операционализируемой типологии и воспроизводимой проектной модели противодействия в публичной среде. Методологическая основа включает качественный контент-анализ и аналитическое моделирование управленческого цикла «выявление — верификация — медиатрансляция — мониторинг — корректировка». В результате предложены классы искажений, диагностические маркеры и контур противодействия с набором метрик результативности. Практическая значимость связана с применением модели в исследованиях, образовательных и экспертных программах.

Ключевые слова: историческая память; Великая Отечественная война; публичный нарратив; нарративные искажения; диагностика; социология управления; медиакоммуникации.

NARRATIVE DISTORTIONS OF COLLECTIVE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: TYPOLOGY, DIAGNOSTICS, AND A PROJECT-BASED COUNTERMEASURES MODEL

Summary: The article examines narrative distortions of collective memory of the Great Patriotic War as an object of sociological diagnostics and governance-oriented countermeasures. Building on memory studies and research on memory politics, the paper distinguishes between historical knowledge, collective memory, and public narrative, and proposes an operational definition of “narrative distortion” as a stable set of discursive operations (causal re-framing, selective factuality, terminological shifts, statistical manipulation, visual evidence, and moral redistribution of responsibility). Methodologically, the study combines qualitative content analysis with analytical modelling of a governance cycle: detection — expert verification — media translation — monitoring — correction. The results include a typology of distortion classes, a set of diagnostic markers, and a project-based expert-media countermeasures model, specifying roles, procedures, ethical-normative frameworks, and performance metrics. The practical value lies in

supporting reproducible monitoring and designing educational and communication interventions aimed at strengthening historical memory resilience in digital environments.

Keywords: collective memory; Great Patriotic War; memory studies; memory politics; public narrative; narrative distortions; sociology of governance; media communications; diagnostics; governance framework.

Историческая память о Великой Отечественной войне в современных обществах функционирует не только как сфера научного знания и культурного наследия, но и как социально значимая область публичной коммуникации, вовлечённая в конкурирующие интерпретации прошлого. В условиях цифровизации и медиатизации публичного пространства усиливается роль кратких, визуально подкреплённых и эмоционально маркированных нарративов, которые способны изменять смысловые рамки восприятия исторических событий, их причинно-следственные связи и распределение ответственности. В этой связи ключевой научной задачей становится диагностика нарративных искажений исторической памяти и проектирование воспроизводимых контуров противодействия, объединяющих экспертную верификацию, медиакоммуникацию и мониторинг эффектов.

Существенным исследовательским дефицитом остаётся недостаточная разработанность операциональных моделей, позволяющих фиксировать повторяемые дискурсивные операции и сопоставлять их с управленческими контурами реагирования в публичной среде. В работе данный дефицит рассматривается в социально-архитектурной перспективе — как проблема проектирования и перенастройки параметров среды публичной памяти на основе диагностических данных. Публичная историческая память трактуется как проектируемая многомерная среда, в которой взаимосвязаны институциональные правила, медиальные каналы и символические коды; нарративные искажения выступают эффектами конфигурации среды и действующих в ней контуров обратной связи. Соответственно, противодействие понимается как управленческая перенастройка параметров этой социальной архитектуры на основе результатов диагностики.

Цель исследования состоит в разработке операционализируемой типологии нарративных искажений исторической памяти о Великой Отечественной войне и построении воспроизводимой проектной модели противодействия, ориентированной на диагностику, мониторинг и управленческое проектирование коммуникационных интервенций в публичной среде.

Объект исследования — публичная историческая память о Великой Отечественной войне как часть культурно-информационной среды.

Предмет исследования — нарративные операции искажения исторической памяти и инструменты их диагностики и управленческого противодействия.

Гипотеза исследования заключается в следующем: устойчивые искажения исторической памяти воспроизводятся через ограниченный набор повторяющихся нарративных операций и медийных приёмов, поддающихся операционализации и типологизации; следовательно, возможно их систематическое выявление и проектирование воспроизводимых контуров противодействия, сочетающих экспертную верификацию, этико-нормативные рамки и медиатеchnологии управления публичным нарративом.

В междисциплинарном поле исследований памяти коллективная память рассматривается как социально обусловленный способ реконструкции прошлого, поддерживаемый групповыми рамками и практиками воспоминания. Классические положения о социальности памяти (и её селективности) восходят к работам М. Хальбвакса [1], а развитие проблематики различения памяти и истории связано, в частности, с концептом «мест памяти» П. Нора [2]. В рамках культурной памяти важны также подходы Я. Ассмана, выделяющего механизмы институционализации и трансгенерационной передачи памяти через культурные формы [3]. Нарративный аспект коллективного воспоминания и механизмы его воспроизводства в публичной коммуникации раскрываются в работах Дж. Вертша [6]. Для анализа конфликтов интерпретаций существенны разработки А. Ассман о «политике истории» и конкурирующих режимах памяти [7]. Философско-герменевтический анализ соотношения памяти, истории и забвения представлен у П. Рикёра [4].

В отличие от классического структурализма, фиксирующего устойчивые схемы и позиции, социально-архитектурный подход акцентирует динамику проектирования и перенастройки среды как инструмента управления. В отличие от институционализма, сосредоточенного преимущественно на нормах и правилах, социальная архитектура включает также медиакоммуникационные инфраструктуры, символические режимы и материально-цифровые условия видимости. В сравнении с системным подходом принципиальным является не только описание целостности, но и выявление управленческих рычагов и контуров обратной связи во времени.

Параллельно в политической науке и социологии сформировалось направление исследования политики памяти как системы взаимодействий и коммуникаций различных акторов вокруг политического использования прошлого. Методологические вопросы изучения политики памяти систематизированы, в частности, в работе А. И. Миллера [5]. Для операционализации нарративных искажений важно учитывать, что публичный нарратив отличается от академической историографии режимами доказательности, целями коммуникации и форматами распространения (в том числе в цифровых средах). В исследовательской традиции обсуждаются вопросы политики памяти как сферы публичной конкуренции интерпретаций и институциональных практик [13], а также современные коммуникативные механизмы конструирования исторической памяти в медиа [16]. В качестве примера анализа конфликтов мемориализации в публичном пространстве могут

рассматриваться исследования, посвящённые спорным статусам памятников и практикам их переосмысления [17].

Нарративные искажения целесообразно рассматривать в сопряжении с исследованиями дезинформации. В отечественной научной литературе данные процессы также описываются как элемент информационной войны против России, понимаемой как совокупность системных коммуникационных воздействий, направленных на трансформацию интерпретационных рамок прошлого и на снижение символической значимости вклада СССР и его героев в Победу [33, с. 4–14; 35, с. 9–16]. В критических исследованиях дезинформации подчёркивается историческая и политическая обусловленность производств недостоверных сообщений и необходимость анализа власти и контекстов [8]. Нормативно-прикладной контур отражён в международных документах и руководствах, посвящённых повышению медиаграмотности и противодействию дезинформации [9].

Методологическая логика исследования носит теоретико-методологический и прикладной характер и включает взаимосвязанные компоненты.

Во-первых, используется аналитическое сопоставление подходов исследований памяти, политики памяти и цифровой памяти для уточнения различия уровней «историческое знание — коллективная память — публичный нарратив» и для введения операционального определения нарративного искажения.

Во-вторых, типология нарративных искажений и диагностическая матрица построены как результат концептуального тематического кодирования повторяющихся дискурсивных операций, выделенных в научной литературе и в анализируемых публичных кейсах (нормативные документы, образовательные каноны, коммеморативные практики, продукты массовой культуры и цифровые медиарепертуары). При этом процедуры контент-анализа (кодировочная книга, критерии маркеров, двойное кодирование и показатели согласия) рассматриваются как методический стандарт, применимый при последующей эмпирической валидации; в настоящей статье не приводится массив первичных наблюдений и результаты расчёта показателей надёжности.

В-третьих, предложена проектная модель противодействия как аналитическое моделирование управленческого цикла, включающего выявление и первичное кодирование искажений, экспертную верификацию и подготовку корректирующего сообщения, медиаперевод под сопоставимые форматы распространения, мониторинг распространения и эффекта, а также корректировку контента и процедур. Единицей анализа в рамках предлагаемого мониторинга выступает медиасообщение и его ключевой тезис как смысловой узел нарратива.

Эмпирическая основа настоящей работы ограничена корпусом проверяемых публичных источников, используемых для иллюстрации классов искажений и для проверки применимости диагностических маркеров:

нормативные и программные документы, академические исследования, а также описанные в научной и экспертной литературе кейсы и публичные материалы. Эти источники используются как примеры и основания для построения типологии и модели и включены в список литературы. Кейсы и публичные материалы применяются как иллюстрации классов искажений и проверка применимости диагностических маркеров, а не как репрезентативный массив для количественных обобщений.

Ограничение исследования связано с методологическим характером работы и отсутствием репрезентативных социологических замеров; перспективой дальнейших исследований является эмпирическая валидация предложенной типологии и диагностических метрик на выборках целевых аудиторий.

В рамках авторского социально-архитектурного подхода публичная историческая память рассматривается как динамически формируемая конфигурация среды, включающая институциональные, символические, цифровые и историко-культурные измерения. Социальная архитектура в данном контексте понимается как «проектируемая среда» взаимодействия акторов и смыслов, обладающая собственной агентностью и механизмами обратной связи. Это позволяет трактовать нарративные искажения не только как дискурсивные ошибки, но и как эффекты определённой конфигурации среды (каналы распространения, правила видимости, набор легитимных интерпретаций, режимы коммеморации).

Социально-архитектурная оптика уточняет управленческий смысл предложенной модели: противодействие искажениям понимается как проектирование и перенастройка параметров среды (информационных маршрутов, процедур верификации, стандартов визуализации, образовательных и коммуникационных режимов), а мониторинг — как инструмент обратной связи, позволяющий фиксировать динамику изменений во времени.

Под нарративным искажением далее понимается устойчивый повторяемый набор дискурсивных операций, направленных на смещение смысловых рамок интерпретации исторических событий, их причинности, субъектности и нормативной оценки. Типология включает следующие классы нарративных искажений.

Диагностическая матрица нарративных искажений исторической памяти о Великой Отечественной войне включает семь классов. Для каждого класса фиксируются четыре элемента: типовой приём, диагностические маркеры, характерный эффект и направление контрмер.

Каузальная подмена характеризуется симметризацией ответственности. Её ключевые маркеры — редукция причин войны и отсутствие сопоставимых правовых рамок; эффект проявляется в смещении нормативной оценки. Контрмера заключается в контекстуализации причинности.

Селективная фактология реализуется через выборочное исключение эпизодов и связей. Маркеры включают представление частных эпизодов как

репрезентативных для целого и выпадение масштабов участия и потерь; эффект выражается во фрагментации целостной картины войны. Контрмеры опираются на сравнительные обзоры и сопоставимые данные.

Терминологический сдвиг связан с переименованием и рамочным переописанием событий. Маркерами выступают эвфемизмы и анахронизмы; эффект состоит в нормативной нейтрализации. Контрмера — терминологическая стандартизация.

Статистическая манипуляция опирается на некорректные количественные сравнения. Маркеры — несопоставимые источники и отсутствие методик расчёта; эффект проявляется как иллюзия доказанности. Контрмеры включают пояснение методик и источников данных.

Визуальная подмена строится на контекстуальном монтаже. Маркерами выступают отсутствие атрибуции и подмена дат и мест; эффект связан с эмоциональной фиксацией. Контрмера — верификация визуальных источников.

Моральное уравнивание опирается на релятивизацию ответственности. Маркером выступает формула «все одинаковы»; эффект состоит в нормализации антигуманных практик. Контрмера — нормативное разграничение.

Институциональная переинтерпретация связана с изменением практик памяти. Маркеры включают конкурирующие даты и логику цифровых платформ; эффект проявляется в смещении интерпретационных рамок. Контрмера — экспертное сопровождение процессов коммеморации.

Ниже приведены примеры различных форм институционального и медийного закрепления интерпретационных рамок, которые могут выступать источником нарративных искажений или усиливать их воспроизводство. С аналитической точки зрения данные кейсы соотносятся с каузальным переописанием, селективной фактологией, терминологическими сдвигами, визуальной авторитетностью и институциональной переинтерпретацией.

Кейс 1. Нормативно-политический документ.

Резолюция Европейского парламента 2019 г. о «важности европейской памяти» фиксирует рамку, в которой ключевым объяснительным узлом выступает пакт 23 августа 1939 г. и его секретные протоколы, а также задаётся симметризирующее сопоставление тоталитарных режимов, что в публичной рецепции может использоваться как основание для каузального переописания причинности начала войны и морального уравнивания ответственности [24].

Кейс 2. Политика памятников и мемориальных объектов.

В исследованиях политики памяти в странах Балтии на материале конфликтов вокруг советских мемориалов показано, что институциональные решения о сохранении/демонтаже объектов могут сопровождаться закреплением рамки «советской оккупации» и рассматриваться как элемент внешнеполитической повестки и идентичностной политики; в терминах

типологии это соответствует институциональной переинтерпретации и терминологическим сдвигам [27].

Кейс 3. Учебники и учебный дискурс.

Анализ репрезентаций советского периода в постсоветских школьных учебниках (на примере Эстонии) демонстрирует, что конструирование национальной идентичности в учебных нарративах может опираться на отбор и рамочное переописание событий, что соответствует селективной фактологии и терминологическим сдвигам в условиях институционализированного образовательного канона [25].

Кейс 4. Публичные практики коммеморации.

Исследования памяти о «Балтийском пути» как символическом акте 1989 г. показывают, что коммеморация и исторические стереотипы могут оформляться как конкурирующие публичные нарративы вокруг пакта 1939 г. и советского периода; в предлагаемой типологии это соответствует каузальному переописанию и институциональной переинтерпретации через календарь памятных дат и массовые практики воспоминания [26].

Кейс 5. Декоммунизационные кампании и переописание советского наследия.

В сравнительных исследованиях демонтажа советских памятников в Восточной Европе подчёркивается роль правовых и символических решений в переопределении статуса объектов памяти и в изменении «горизонта допустимого» в публичной интерпретации прошлого; данный механизм соотносится с институциональной переинтерпретацией и моральным уравниванием через перенос акцента с исторического контекста на нормативные оценки [28].

Кейс 6. Российский региональный мемориальный ландшафт как контрастный пример.

На материале мемориального ландшафта Калининградской области показано, что коммеморативные объекты и практики могут формировать многослойную систему исторических отсылок и смысловых связей, опирающихся на культурную память и «места памяти»; этот пример важен как контраст к редукционистским рамкам и демонстрирует потенциал средового проектирования памяти без упрощения причинности и субъектности [29].

Кейс 7. Национально-этноцентричные представления о вкладе союзников.

Психологические исследования коллективной памяти о Второй мировой войне в выборках из 11 стран фиксируют устойчивые расхождения в оценках вклада союзников в победу, включая тенденцию к «этноцентричному» приписыванию решающей роли собственной стране. При этом авторы отмечают, что если рассматривать потери как косвенный показатель вклада, то СССР действительно нёс основную тяжесть войны в Европе; тем не менее в ряде национальных публичных нарративов вклад СССР оказывается

недопредставленным или вытесняется более доступными для конкретной аудитории сюжетами [30].

Кейс 8. Смещение «списка ключевых событий» и недопредставление Восточного фронта.

Сравнительный анализ «самых важных событий» Второй мировой войны в коллективной памяти разных стран показывает, что перечни событий в массовом восприятии существенно расходятся и во многом формируются доминирующими медиальными репертуарами. Авторы обсуждают гипотезу о влиянии западных медиа (книги, кино, телевидение, цифровые публикации) на доступность определённых сюжетов, что может вести к селективной видимости и, как следствие, к недопредставлению решающих операций Восточного фронта в ряде публичных нарративов [31].

Кейс 9. Послевоенные нарративы о Восточном фронте в Германии.

Исследования исторической памяти в послевоенной Германии демонстрируют, что интерпретация Восточного фронта формировалась не только внешним воздействием, но и внутренними политическими и культурными факторами; при этом в публичных нарративах значительную роль могли играть мотивы страдания и потерь, что осложняло включение проблематики ответственности и насилия нацистского режима в целостное повествование. Данный кейс важен как пример того, как средовые условия и политико-культурный контекст влияют на селективность памяти и на конкуренцию интерпретационных рамок [32].

Кейс 10. Академическая критика рамок уравнивания и «симметризации ответственности».

В отечественной военно-исторической периодике резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 г. рассматривается как пример политико-нормативного закрепления рамки, допускающей уравнивание ответственности и каузальное переописание причинности начала Второй мировой войны. Аналитически данный случай соотносится с каузальной подменой и моральным уравниванием в публичной рецепции, когда акцент смещается с факта агрессии нацистской Германии к тезисам о «равной ответственности» сторон [33, с. 4–14].

Кейс 11. Институциональная минимизация роли СССР в официальных цифровых нарративах.

Исследования западного политического дискурса 2023–2025 гг. фиксируют кейсы, в которых роль Советского Союза в разгроме нацизма в официальных цифровых материалах представляется фрагментарно или маргинально, что может приводить к снижению видимости Восточного фронта и к недопредставлению вклада СССР и его героев в массовом восприятии. В логике предложенной типологии это соответствует селективной фактологии и смещению «списка ключевых событий», поддерживаемому логикой цифровых платформ и кратких форматов [34, с. 80–92].

Кейс 12. Концептуализация «избирательного подхода» как механизма политизации ретроспективы.

В отечественной научной дискуссии подчёркивается, что селективная репрезентация событий Второй мировой и Великой Отечественной войн может использоваться как инструмент актуальной политической конкуренции, в том числе через смещение смысловых рамок, терминологические подмены и моральное уравнивание. С точки зрения предложенной типологии это соответствует сочетанию селективной фактологии и морального уравнивания при институциональном закреплении определённых интерпретаций [35, с. 9–16].

Кейс 13. Голливудский нарратив как механизм «пересборки» глобальной памяти о войне.

Исследования памяти показывают, что коммерчески успешные фильмы о Второй мировой войне способны выступать посредниками «глобальной памяти», адаптируя исторический контекст к универсальному сюжету и тем самым перераспределяя видимость вкладов союзников. На материале фильма *Captain America: The First Avenger* показано, что изменение акцентов и героизация вымышленного агента формируют удобную для массового восприятия рамку, в которой вклад СССР в разгром нацизма оказывается недопредставленным, поскольку внимание концентрируется на западнцентричных сюжетах и символических фигурах [36]. В терминах типологии данный кейс соотносится с селективной видимостью, каузальным переописанием и визуальной авторитетностью.

Кейс 14. Компьютерные игры о Второй мировой войне и селективная видимость Восточного фронта.

В работах по исторической культуре и цифровым играм подчёркивается, что режим «исторической достоверности» в играх часто строится на эстетике документальности, при этом выбор миссий и нарративных узлов задаёт селективный образ войны. Исследование репрезентации Восточного фронта на материале *Call of Duty: World at War* показывает, что игровые сценарии и визуальные приёмы могут воспроизводить упрощённые представления о советской стороне и о логике боевых действий, формируя устойчивые эмоциональные оценки и сокращая пространство для исторического контекста [37]. Аналитически данный кейс соотносится с визуальной авторитетностью и селективной фактологией в условиях логики цифровых платформ.

Кейс 15. Игрушки и игры как канал идеологической социализации и исторической репрезентации.

Исторические исследования материальной культуры и практик детской социализации показывают, что игрушки и настольные игры использовались как носители политических смыслов и норм, закрепляя представления о войне и образ «своих» и «чужих». В контексте нацистской Германии зафиксировано использование игрушек и игр как средств ранней идеологической обработки и

милитаризации повседневности, что демонстрирует институциональную роль материально-культурных форм в формировании установок [38; 39].

Кейс 16. Кино как массовый канал «эпизации» войны и конфликт достоверности.

Академические исследования отечественного кинематографа о Великой Отечественной войне фиксируют напряжение между стремлением к исторической достоверности и попытками конструировать новый эпос, где художественные приёмы могут смещать причинность и нормативные акценты. В терминах типологии это соотносится с терминологическими сдвигами и моральным уравниванием при устойчивом воспроизводстве эпических схем в массовом восприятии [40].

Кейс 17. Военные видеоигры и селективная репрезентация Второй мировой войны.

В исследованиях культурной памяти в цифровых играх показано, что режим «достоверности» часто поддерживается эстетикой документальности, тогда как выбор событий и локаций задаёт селективную видимость и может приводить к недопредставлению решающих операций и вкладов на отдельных театрах военных действий. На примере франшизы Call of Duty анализируется, как игры «дистиллируют» войну до набора эмоционально насыщенных эпизодов и тем самым формируют ограниченный культурный нарратив о Второй мировой войне [41; 42].

Кейс 18. Медийные дискуссии вокруг исторических неточностей в массовой культуре.

В публичной медиасреде регулярно фиксируются обсуждения исторических неточностей и анахронизмов в популярных продуктах массовой культуры о войне, что демонстрирует значимость визуальной авторитетности и эффектов «видимости деталей» для доверия аудитории. Такие случаи можно рассматривать как эмпирические иллюстрации того, что визуальные и технические решения способны усиливать или ослаблять восприятие достоверности, независимо от глубины исторического контекста [43].

Кейс 19. Видеоигровые нарративы и образ России/СССР в западной индустрии.

Современные исследования указывают, что западная видеоигровая индустрия может транслировать устойчивые идеологические элементы в репрезентации образа «России» и «русских», в том числе в сюжетах о военной истории. В логике предложенной типологии это соответствует сочетанию селективной фактологии и визуальной авторитетности при логике цифровых платформ потребления и тиражирования образов [44].

Кейс 20. Музейные и выставочные практики как источник материалов о военной символической в детских игрушках.

Публикации музейных организаций о выставках, посвящённых военным игрушкам и практикам детской социализации, представляют собой проверяемый эмпирический материал для анализа того, как визуальные формы

и нарративы войны входили в повседневную культуру. В типологии это соотносится с визуальной авторитетностью и институциональной переинтерпретацией через образовательные и выставочные форматы [45].

Кейс 21. Видеоигра *Company of Heroes 2* и конфликт репрезентации Восточного фронта.

В научных работах по публичной истории и видеоиграм отмечается, что сюжетные эпизоды *Company of Heroes 2* komponуются таким образом, что акцентируют жестокость и репрессивность советского режима и командования, используя мотивы «невооружённых атак», «расстрелов» и «беспощадности» как доминирующие элементы образа; в результате формируется селективная и эмоционально маркированная рамка, способная снижать символическую значимость образа Красной армии в массовом восприятии [46]. На уровне публичной реакции фиксировались обращения и кампании критики, в том числе со стороны российского дистрибьютора, временно приостанавливавшего продажи на фоне претензий к изображению советских солдат [47; 48].

Кейс 22. *Battlefield V*: селективная репрезентация театров войны и отсутствие СССР как фракции на старте.

В исследованиях цифровых игр о Второй мировой войне отмечается, что выбор театров действий и отсутствующие фракции на старте продукта формируют селективную видимость войны, поскольку «карта конфликта» для аудитории задаётся набором доступных сценариев. В случае *Battlefield V* в публичной дискуссии фиксировалась критика отсутствия советской стороны и Восточного фронта в стартовой конфигурации, что интерпретировалось как фактор недопредставления ключевого театра войны в массовой культуре [49; 50].

Кейс 23. Настольные стратегии и вопрос «баланса» исторических акторов.

Правила и дизайнерские примечания к популярным настольным стратегиям демонстрируют, что игровые параметры стран задаются компромиссом между исторической достоверностью и балансом, что может приводить к занижению ресурсной или промышленной мощности отдельных акторов для поддержания игровых сценариев. В терминах типологии это соответствует селективной фактологии на уровне «средового проектирования» репрезентации войны в игровой механике [51].

Кейс 24. Комиксы эпохи холодной войны и образ СССР как угрозы.

Исследования массовой культуры показывают, что в комиксах периода холодной войны образ СССР нередко конструировался как источник угрозы и идеологический антагонист, а советские персонажи репрезентировались через стереотипизированные модели «враждебной системы». В терминах типологии это соотносится с терминологическими сдвигами и визуальной авторитетностью в длительном медийном воспроизводстве интерпретационных рамок, влияющих на восприятие роли СССР во Второй мировой войне [52; 53].

Представленные кейсы демонстрируют разнообразие форм воспроизводства искажений — от нормативно-политических документов и образовательных канонов до цифровых медиа и массовой культуры. Это задаёт основание для трёхуровневой диагностической логики (контент — распространение — эффект), позволяющей сопоставлять дискурсивные операции с механизмами видимости и обратной связи в публичной среде.

Для воспроизводимого мониторинга предлагается комбинация трёх уровней диагностики.

Уровень контента (текст/видео/визуальные материалы). На уровне контента фиксируются наличие или отсутствие ссылок на проверяемые источники, характер причинно-следственных связей и логических переходов, типы терминологических сдвигов, сопоставимость статистических данных, а также признаки визуальной подмены.

Уровень распространения (каналы и динамика). На уровне распространения анализируются используемые платформы и форматы (короткие видео, посты, развернутые материалы), повторяемость тезисов и формирование сетевых кластеров их циркуляции, а также участие лидеров мнений.

Уровень эффекта (изменение представлений). Для оценки эффекта используются экспресс-опросы и панели по знанию базовых фактов, тестирование изменений атрибуции ответственности и причинности, а также анализ комментариев и дискуссий по признакам поляризации.

В качестве нормативного основания для включения правового трека в систему противодействия учитываются акты, регулирующие вопросы увековечения памяти и Победы, а также противодействия реабилитации нацизма. На международном уровне значимы резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, направленные на противодействие героизации нацизма¹ [10]. На уровне российского права релевантны положения законодательства об увековечении памяти погибших при защите Отечества [11], об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне и актуальные изменения к нему [12].

С точки зрения авторского социально-архитектурного подхода предлагаемый контур противодействия представляет собой целенаправленно проектируемую социальную архитектуру, в которой согласуются роли акторов, медиасреда, нормативные ограничения и механизмы обратной связи. Контур функционирует не как разовая реакция на отдельные искажения, а как устойчивая средовая конфигурация, обеспечивающая диагностику, коррекцию и воспроизводство допустимых интерпретационных рамок.

На основе диагностической логики предлагается проектная модель, в которой противодействие понимается как воспроизводимая система процедур и ролей.

Ролевой состав. Минимальный состав включает функциональные блоки: научно-экспертный (историки, социологи, специалисты по коммуникациям),

редакционно-аналитический (контент-аналитики, специалисты по проверке фактов, редакторы), медиапроизводственный (видео, инфографика, аудиопрограммы, короткие форматы), мониторинговый (метрики, анализ распространения и эффектов) и юридико-нормативный (оценка рисков формулировок и корректности ссылок на нормативные документы).

Процедурный цикл. Процедурный цикл включает этапы выявления и кодирования (по типологии классов), экспертной верификации (подбор источников, устранение ошибок интерпретации), формирования корректирующего сообщения (нейтральный тон, методическое разъяснение, ссылки на источники), медиаперевода (адаптация под форматы цифровых платформ), тиражирования (каналы, партнёрства, образовательные площадки), мониторинга (охваты, качество дискуссии, изменение представлений), а также корректировки и обновления типологии.

Метрики результативности. Предлагается разделять метрики на:

- процессные (скорость реакции, число проверок, полнота ссылок);
- медийные (охват, досмотры, вовлечённость);
- когнитивные (изменение знания и атрибуции ответственности в контрольных измерениях);
- институциональные (устойчивость экспертных сетей, регулярность мероприятий, включённость образовательных акторов).

Для операционализации когнитивных метрик можно фиксировать как минимум:

- долю корректной атрибуции причинности и субъектности (по ключевым событиям и участникам);
- долю корректного различения уровней «историческое знание — коллективная память — публичный нарратив»;
- индекс источниковой дисциплины (наличие ссылок на проверяемые источники и способность отличать первоисточник от вторичных пересказов);
- индекс устойчивости к визуальным подменам (распознавание отсутствия атрибуции и контекстуальных несоответствий в визуальном ряду).

Надёжность кодирования и воспроизводимость мониторинга. В прикладных исследованиях контент-аналитического типа ключевым условием воспроизводимости выступает оценка надёжности кодирования. В качестве методического ориентира могут использоваться подходы к выбору показателей согласия и интерпретации надёжности при работе с качественными кодами, включая метрики, рассчитанные на несколько кодировщиков и неполные матрицы разметки [19].

Цифровая среда как фактор трансформации режимов памяти. Современная медиасреда усиливает роль форматов цифровых платформ (короткое видео, рекомендательные ленты, алгоритмические подборки) и сетевых динамик в конструировании публичных образов прошлого. В рамках исследований цифровой памяти акцентируется, что цифровые инфраструктуры становятся не только каналами распространения, но и посредниками памяти,

влияющими на режимы архивирования, «видимости» и участия [14; 15; 16; 18]. Российские исследования цифровой памяти показывают, что визуальные формы репрезентации и медийные практики создают устойчивые коды обращения к прошлому и формируют специфические механизмы коммеморации в цифровой культуре [20; 21]. Эмпирические данные о представлениях молодежи о Победе и интерпретациях прошлого в цифровую эпоху целесообразно учитывать при настройке мониторинга и выборе целевых аудиторий коммуникационных интервенций [22]. Дополнительную рамку для интерпретации цифрового поворота и его методологических последствий задают отечественные дискуссии в поле исследований цифровой памяти [23].

Методологическая надёжность и воспроизводимость. Для обеспечения надёжности диагностики нарративных искажений применимы:

- двойное кодирование контента с расчётом коэффициента согласия кодировщиков;
- предварительное тестирование кодировочной схемы на пилотной выборке;
- фиксацию изменений типологии как результат итеративного анализа, а не ситуативных оценок;
- разделение экспертной верификации и медиаперевода для снижения интерпретационных искажений.

Указанные процедуры позволяют рассматривать предложенную модель не как разовую коммуникационную кампанию, а как устойчивый аналитико-управленческий контур.

Предложенная типология и проектная модель согласуются с гипотезой о воспроизводимости нарративных искажений исторической памяти через ограниченный набор операций. Типология позволяет перейти от описательных оценок к диагностике, а проектная модель — связать экспертное знание с логикой медиа-коммуникации без редукции научной сложности.

Сравнение с существующими подходами в области политики памяти и исследования цифровой памяти показывает, что предложенная модель дополняет преимущественно дескриптивные исследования инструментальным уровнем.

С социально-архитектурной позиции ключевой результат состоит в том, что объект управления — не отдельный текст и не отдельный миф, а конфигурация среды, которая производит устойчивые режимы видимости и легитимации интерпретаций. Поэтому эффективные интервенции целесообразно направлять на параметры среды (стандарты источниковости, правила визуальной авторитетности, способы представления данных, образовательные сценарии и процедуры верификации), а не только на опровержение отдельных утверждений. В этом заключается прикладное отличие предлагаемой модели от подходов, ограниченных преимущественно описанием политики памяти и критикой дискурсивных практик.

Нарративные искажения исторической памяти о Великой Отечественной войне целесообразно рассматривать как структурированный и диагностируемый объект социологического анализа, находящийся в зоне пересечения исследований памяти, публичных коммуникаций и социологии управления. Разработанная в статье типология позволяет перейти от оценочных суждений к операционализируемому анализу повторяемых дискурсивных операций, воспроизводящих искажения в публичной среде.

Предложенная проектная модель экспертно-медийного контура противодействия демонстрирует возможность перевода теоретического анализа в управленческую плоскость — через процедуры верификации, медиаперевода и мониторинга эффектов; вместе с тем её практическая реализация предполагает адаптацию к конкретным институциональным и медиаконтекстам. Тем самым статья может рассматриваться как самостоятельный теоретико-методологический блок, релевантный для дальнейших эмпирических исследований и диссертационной разработки проблематики социальных архитектур и управления сложными социокультурными процессами. В социально-архитектурной перспективе предложенная модель задаёт воспроизводимый контур диагностики и перенастройки средовых параметров публичной памяти.

Упоминание нацистской идеологии, символики и связанных с ней материалов приводится исключительно в научно-аналитических целях как пример нарушений законодательства и практик идеологической индоктринации; без пропаганды, оправдания либо воспроизведения запрещённой символики. При необходимости прямого упоминания организаций или материалов, признанных экстремистскими и запрещённых на территории Российской Федерации, используется юридически корректная оговорка о запрете и даются ссылки на научные/официальные источники, где эти материалы анализируются.

Список литературы:

1. Halbwachs M. On Collective Memory / ed., transl. and introd. by L. A. Coser. — Chicago: The University of Chicago Press, 1992. — 254 p. — ISBN 9780226115962.
2. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. — 1989. — No. 26. — P. 7–24. — DOI: 10.2307/2928520. — URL: <https://www.jstor.org/stable/2928520> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — DOI: 10.1017/CBO9780511996306. — ISBN 9780521763813.
4. Ricoeur P. Memory, History, Forgetting / transl. by K. Blamey, D. Pellauer. — Chicago: The University of Chicago Press, 2004. — ISBN 9780226713427.
5. Миллер А. И. Методологические вопросы изучения политики памяти. — М.: ИНИОН РАН, 2018. — 72 с. — URL:

- https://inion.ru/site/assets/files/3626/metodologicheskie_voprosy_izucheniia_politiki_pamiat.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
6. Wertsch J. *Voices of Collective Remembering*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — DOI: 10.1017/CBO9780511613715. — ISBN 9780521008808.
7. Ассман А. Долгая тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. — 3-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 328 с. — ISBN 978-5-4448-1958-6.
8. Kuo R., Marwick A. Critical disinformation studies: History, power, and politics // Harvard Kennedy School (HKS) Misinformation Review. — 2021. — Vol. 2. — No. 4. — DOI: 10.37016/mr-2020-76. — URL: <https://doi.org/10.37016/mr-2020-76> (дата обращения: 26.02.2026).
9. UNESCO. Countering disinformation, misinformation and hate speech to promote and protect freedom of expression and access to information. — Paris: UNESCO, 2025. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000395111> (дата обращения: 26.02.2026).
10. United Nations. General Assembly. Resolution A/RES/80/192. Combating glorification of Nazism, neo-Nazism and other practices that contribute to fuelling contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance. — 15 Dec 2025. — URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/80/192> (дата обращения: 26.02.2026).
11. Закон Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (действующая редакция). — URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102020987> (дата обращения: 26.02.2026).
12. Федеральный закон от 28.12.2024 № 545-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”». — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280046> (дата обращения: 26.02.2026).
13. Миллер А. И., Липман М. (ред.). Политика памяти в России и Восточной Европе. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — ISBN 978-5-4448-1306-5.
14. Hoskins A. (ed.). *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. — New York: Routledge, 2017. — DOI: 10.4324/9781315637235. — ISBN 9781138639386.
15. Van Dijck J. *Mediated Memories in the Digital Age*. — Stanford: Stanford University Press, 2007. — ISBN 9780804756235.
16. Neiger M., Meyers O., Zandberg E. (eds.). *On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age*. — London: Palgrave Macmillan, 2011. — ISBN 9780230307070.

17. Forest B., Johnson J. Confederate monuments and the problem of forgetting // *Cultural Geographies*. — 2019. — Vol. 26. — No. 1. — P. 127–131. — DOI: 10.1177/1474474018796653.
18. Assmann A., Conrad S. (eds.). *Memory in a Global Age*. — London: Palgrave Macmillan, 2010. — DOI: 10.1057/9780230283367. — ISBN 9780230283367.
19. Олейник А. Н., Попова И. П., Кирдина С. Г., Шаталова Т. Ю. Надежность и достоверность в контент-анализе текстов: выбор показателей // *Психологический журнал*. — 2014. — Т. 35. — № 6. — С. 99–113.
20. Зубанова Л. Б. Цифровая память в пространстве мемориальной культуры: образы прошлого в медиатехнологиях будущего // *Челябинский гуманитарий*. — 2020. — № 3 (52). — С. 15–22. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-pamyat-v-prostranstve-memorialnoy-kultury-obrazy-proshlogo-v-media-tehnologiyah-buduschego> (дата обращения: 26.02.2026).
21. Захарченко И. Н., Щедрина О. М. Художественная визуализация цифровой памяти в современном медиаарте // *Артикульт*. — 2023. — № 4 (52). — С. 33–46. — DOI: 10.28995/2227-6165-2023-4-33-46.
22. Витюнин В. С. Политика памяти в цифровую эпоху: опыт изучения представлений студентов дальневосточных университетов о Победе в Великой Отечественной войне // *Известия Восточного института*. — 2025. — № 2 (66). — С. 45–53. — DOI: 10.24866/2542-1611/2025-2/45-53.
23. Павловский А. Ф. «У нас больше нет никакой памяти, кроме цифровой»: введение к форуму о настоящем и будущем исследований цифровой памяти // *Культурная история*. — 2024. — № 2. — URL: <https://cultstore.eusp.org/journal/article/view/24> (дата обращения: 26.02.2026).
24. European Parliament. European Parliament resolution on the 80th anniversary of the start of the Second World War and the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). — 2019. — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0097_EN.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
25. Kello K. Identity and othering in past and present: Representations of the Soviet era in Estonian post-Soviet textbooks // *Journal of Social and Political Psychology*. — 2017. — Vol. 5. — Issue 2. — P. 665–693. — URL: <https://jspp.psychopen.eu/index.php/jspp/article/view/5003/5003.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
26. Eglitis D. S., Ardava L. The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989 // *Journal of Baltic Studies*. — 2012. — DOI: 10.1080/01629778.2012.691721. — URL: <https://doi.org/10.1080/01629778.2012.691721> (дата обращения: 26.02.2026).
27. Megem M. E. Preserve vs dismantle: major trends in the Baltics' politics of memory regarding Soviet monuments at sites of mass violence // *Baltic Region*. — 2022. — Vol. 14. — No. 4. — P. 128–145. — DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-8.

- URL: https://balticregion.kantiana.ru/upload/iblock/20a/8_128-145.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
28. Kuczyńska-Zonik A. „Oddziedziczenie” dziedzictwa: Usuwanie pomników sowieckich w państwach bałtyckich // *Politeja*. — 2023. — URL: <https://journals.akademicka.pl/politeja/article/view/5622> (дата обращения: 26.02.2026).
29. Mankevich D. V., Megem M. E. International heritage in the memorial landscape of the Kaliningrad region // *Baltic Region*. — 2023. — Vol. 15. — No. 2. — P. 139–155. — DOI: 10.5922/2079-8555-2023-2-8. — URL: https://balticregion.kantiana.ru/upload/iblock/ba3/8_139-155.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
30. Roediger H. L. III, Abel M., Umanath S., et al. Competing national memories of World War II // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. — 2019. — Vol. 116. — No. 34. — P. 16678–16686. — DOI: 10.1073/pnas.1907992116. — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6708356/> (дата обращения: 26.02.2026).
31. Abel M., Umanath S., Fairfield B., Takahashi M., Roediger H. L. III, Wertsch J. V. Collective Memories across 11 Nations for World War II: Similarities and Differences Regarding the Most Important Events // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. — 2019. — Vol. 8. — P. 178–188. — DOI: 10.1016/j.jarmac.2019.02.001. — URL: https://baeuml.app.uni-regensburg.de/paper/papers_open/A19_JARMAC.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
32. Morina C. Memory under Occupation: The Emergence of Competing Memories of the Eastern Front // In: *Legacies of Stalingrad: Remembering the Eastern Front in Germany since 1945*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — P. 25–66. — DOI: 10.1017/CBO9781139003483.003. — URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/legacies-of-stalingrad/memory-under-occupation/47B3863D1B519409177F33ABBD202285> (дата обращения: 26.02.2026).
33. Стрелецкий Я. И. Наш ответ на ложь — это правда // *Военно-исторический журнал*. — 2020. — № 5. — С. 4–14. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nash-otvet-na-lozh-eto-pravda.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
34. Кокшаров Д. А. Феномен фальсификации истории Второй мировой войны на примере западного политического дискурса 2023–2025 гг.: целостное историко-философское исследование // *History magazine – researches*. — 2025. — № 2. — С. 80–92. — DOI: 10.7256/2454-0609.2025.2.73760. — URL: https://en.e-notabene.ru/hsmag/article_73760.html (дата обращения: 26.02.2026).
35. Бельков О. А. Апология Победы: 75 лет спустя // *Власть*. — 2020. — Т. 28. — № 3. — С. 9–16. — DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7287. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apologiya-pobedy-75-let-spustya> (дата обращения: 26.02.2026).

36. Edy J. A. The political economy of global memory: Shared memory of global conflict in Captain America: The First Avenger // *Memory Studies*. — 2021. — Vol. 14. — No. 2. — P. 521–534. — DOI: 10.1177/1750698019843957. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1750698019843957> (дата обращения: 26.02.2026).
37. Ngateb E. A case study of Call of Duty: World at War // *PHP Dialogues*. — 2021. — URL: <https://publishing.bceln.ca/index.php/phpdialogues/article/view/554> (дата обращения: 26.02.2026).
38. LaFemina B. Playing with Fire: How the Nazis Used Toys and Games to Indoctrinate Children // *Chronos* (Syracuse University). — 2025. — URL: <https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1192&context=chronos> (дата обращения: 26.02.2026).
39. United States Holocaust Memorial Museum. Indoctrinating Youth. — URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/indoctrinating-youth> (дата обращения: 26.02.2026).
40. Мурадов А. Б. Великая Отечественная война в многосерийных фильмах: эпос, миф и историческая достоверность // *Культура и искусство*. — 2017. — № 6. — С. 1–10. — DOI: 10.7256/2454-0625.2017.6.22385. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22385 (дата обращения: 26.02.2026).
41. Ramsay D. Brutal games: Call of Duty and the cultural narrative of World War II // *Journal of War & Culture Studies*. — 2015. — URL: https://ore.exeter.ac.uk/articles/journal_contribution/Brutal_games_Call_of_Duty_and_the_cultural_narrative_of_World_War_II/29714432/1/files/56731067.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
42. Gish H. Playing the Second World War: Call of Duty and the Telling of History // *Eludamos: Journal for Computer Game Culture*. — 2010. — URL: <https://septentrio.uit.no/index.php/eludamos/article/view/vol4no2-4/5975> (дата обращения: 26.02.2026).
43. Sport24.ru. Замечали эти киноляпы в «Мстителях»? Создатели Капитана Америки погорели на деталях [Электронный ресурс]. — 2025. — 16 января. — URL: <https://sport24.ru/lifestyle/article-zamechali-eti-kinolyapy-v-mstitelyakh-sozdateli-kapitana-ameriki-pogoreli-na-detalyakh> (дата обращения: 26.02.2026).
44. Ильичев А. В. Репрезентация образа «России» и «русских» в современной западной видеоигровой индустрии // *Российский журнал исследований*. — 2024. — URL: <https://journals.rcsi.science/2454-0617/article/view/366860> (дата обращения: 26.02.2026).
45. Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Война в детских игрушках: фоторепортаж с выставки [Электронный ресурс]. — 2025. — 22 апреля. — URL: <https://ngiamz.ru/publikacii-i-izdaniya/voyna-v-detskikh-igrushkakh-fotoreportazh-s-novoy-vystavki-v-nizhnem> (дата обращения: 26.02.2026).

46. Belyaev D. A. Historical Video Games in the Context of Public History // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. — 2022. — URL: <https://galacticamedia.com/index.php/gmd/article/download/204/163> (дата обращения: 26.02.2026).
47. Company of Heroes 2 Russian distributor halts sales after charges of “anti-patriotism” [Электронный ресурс] // *PC Gamer*. — 2013. — 6 Aug. — URL: <https://www.pcgamer.com/company-of-heroes-2-russian-distributor-halts-sales-after-charges-of-anti-patriotism/> (дата обращения: 26.02.2026).
48. Company of Heroes 2 furor: Russian distributor 1C-SoftClub halts sales [Электронный ресурс] // *Polygon*. — 2013. — 5 Aug. — URL: <https://www.polygon.com/2013/8/5/4590812/company-of-heroes-2-furor-russian-distributor-1c-softclub-halts-sales/> (дата обращения: 26.02.2026).
49. Van den Heede P. Engaging with the Second World War through Digital Gaming. — Роттердам: Erasmus University Rotterdam, 2021. — URL: <https://repub.eur.nl/pub/134918/134918.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
50. Battlefield V USSR Comment Leads To Russian Backlash [Электронный ресурс] // *PSU.com*. — 2018. — 13 Nov. — URL: <https://www.psu.com/news/battlefield-v-ussr-comment-leads-to-russian-backlash/> (дата обращения: 26.02.2026).
51. Axis & Allies Europe 1940 Second Edition: Rulebook and Designer’s Notes [Электронный ресурс]. — Avalon Hill, 2010. — URL: <https://www.axisandallies.org/wp-content/uploads/2011/12/Axis-Allies-Europe-1940-Second-Edition.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).
52. Fellman P. Iron Man: America’s Cold War Champion and Charm Offensive // *Voces Novae*. — 2010. — URL: <https://digitalcommons.chapman.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1016&context=vocesnovae> (дата обращения: 26.02.2026).
53. Gonçalves M. The red death: American exceptionalism and U.S.S.R. representations in Marvel’s film *Black Widow* // *Acta Scientiarum. Human and Social Sciences*. — 2022. — URL: <https://scispace.com/pdf/the-red-death-american-exceptionalism-and-u-s-s-r-2cplm1v4.pdf> (дата обращения: 26.02.2026).

Кандауров Богдан Игоревич

политолог, ведущий специалист

Представительство РАНХиГС в Луганской Народной Республике

SPIN-код: 5334-9401

Bogdan Kandaurov

Presidential Academy Representation in the Luhansk People's Republic

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация: В статье рассматривается историческая память как значимый ресурс государственной политики в контексте отечественного исторического развития. Анализируется роль исторической памяти в формировании национальной идентичности, общественного сознания и патриотических установок. Особое внимание уделяется институциональным механизмам государственной политики памяти, а также их эволюции в различные исторические периоды. Раскрываются современные вызовы, связанные с трансформацией исторического знания, цифровизацией и усилением информационно-психологического воздействия. Обосновывается необходимость системного подхода к сохранению и трансляции исторической памяти в интересах национальной безопасности и устойчивого развития государства. Делается вывод о возрастающем значении исторической памяти как фактора консолидации российского общества в условиях глобальных изменений.

Ключевые слова: историческая память, государственная политика, национальная идентичность, общественное сознание, историческая политика, патриотизм.

HISTORICAL MEMORY AS A RESOURCE OF STATE POLICY: DOMESTIC EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CHALLENGES

Summary: The article examines historical memory as an important resource of state policy in the context of Russia's historical development. The role of historical memory in shaping national identity, public consciousness, and patriotic values is analyzed. Special attention is paid to institutional mechanisms of memory policy and their evolution in different historical periods. Contemporary challenges related to the transformation of historical knowledge, digitalization, and information influence are identified. The necessity of a systematic approach to preserving and transmitting historical memory in the interests of national security and social cohesion is substantiated.

Keywords: historical memory, state policy, national identity, public consciousness, memory politics, patriotism.

Вопрос исторической памяти на протяжении длительного времени занимает важное место в научных и общественно-политических дискуссиях. Для России, историческое развитие которой сопровождалось масштабными социальными и государственными трансформациями, обращение к прошлому всегда имело не только познавательное, но и практическое значение. Историческая память в данном контексте выступает способом осмысления исторического опыта и формирования устойчивых представлений о роли государства, общества и личности в историческом процессе.

В последние годы интерес к проблематике исторической памяти заметно усилился. Это связано как с изменениями в международной обстановке, так и с внутренними процессами, затрагивающими вопросы национальной идентичности и ценностных ориентиров. Историческое прошлое всё чаще становится предметом интерпретаций, выходящих за рамки академической науки, что объективно повышает роль государства в сфере сохранения и трансляции исторической памяти.

Современные условия характеризуются не только внутренними, но и внешними вызовами, связанными с попытками пересмотра ключевых событий отечественной истории, дискредитации исторического опыта и подрыва символических оснований государственности. Это обуславливает необходимость научного осмысления исторической памяти как ресурса государственной политики и анализа отечественного опыта в данной сфере.

Историческая память представляет собой совокупность общественных представлений о прошлом, закреплённых в культурных традициях, символах и социальных практиках. В отличие от научного исторического знания, она формируется не только на основе источников и исследований, но и через массовое восприятие истории, семейные нарративы, образовательные и культурные институты [1, с. 34–36].

Функционально историческая память выполняет интегративную роль, обеспечивая преемственность поколений и устойчивость общественного сознания. Через обращение к ключевым событиям и образам прошлого формируются ценностные установки, влияющие на отношение граждан к государству и общественным институтам. В этом смысле историческая память является не статичным явлением, а динамичным процессом, отражающим актуальные потребности общества [2, с. 58–60].

К основным функциям исторической памяти относятся:

- формирование национальной и гражданской идентичности;
- обеспечение преемственности исторического развития;
- консолидация общества вокруг значимых исторических символов;
- легитимация политических и социальных институтов [2, с. 58–60].

Таким образом, историческая память выступает не только объектом изучения, но и активным фактором общественного развития.

В российской истории государство традиционно играло ключевую роль в формировании и трансляции исторической памяти. В дореволюционный период

основой исторической памяти являлись религиозные и монархические ценности, а также воинская слава, связанная с защитой Отечества. Исторические нарративы были направлены на укрепление легитимности власти и поддержание общественной стабильности.

В советский период историческая память приобрела ярко выраженный идеологический характер. Государство формировало единый исторический нарратив, в котором ключевые события и персонажи интерпретировались с позиций марксистско-ленинской методологии. Историческая память использовалась как инструмент политического воспитания и мобилизации общества [3, с. 112–114].

Постсоветский этап характеризуется кризисом исторической памяти, связанным с резким пересмотром прежних интерпретаций и утратой единого ценностного основания. Это привело к фрагментации общественного сознания и конкуренции исторических нарративов. В данных условиях государственная политика памяти была ориентирована на восстановление исторической преемственности и формирование целостного взгляда на отечественную историю [4, с. 89–91].

На современном этапе государственная политика в сфере исторической памяти носит комплексный и институционально оформленный характер. Она реализуется через систему образования, культурную политику, деятельность музеев и архивов, а также через памятные и мемориальные практики.

Особое внимание уделяется сохранению исторической правды и противодействию фальсификациям истории. Это связано с ростом внешнего информационного давления и попытками использования исторической тематики в качестве инструмента политического воздействия. В этих условиях историческая память рассматривается как элемент национальной безопасности и фактор устойчивого развития государства.

Важным направлением государственной политики является работа с молодёжью. Через образовательные программы и патриотические проекты формируется уважительное отношение к отечественной истории и осознание ответственности за будущее страны. Историческая память в данном контексте выступает основой патриотического воспитания и гражданской социализации.

Одним из существенных вызовов для исторической памяти в настоящее время является изменение форм передачи исторического знания. Цифровая среда расширяет доступ к информации, однако одновременно способствует упрощению исторических нарративов и утрате контекстуального анализа. В результате сложные исторические процессы нередко подменяются фрагментарными и эмоционально окрашенными интерпретациями [5, с. 67–69].

Дополнительную сложность представляет разрыв в межпоколенческой передаче исторического опыта. Для молодого поколения история всё чаще воспринимается вне личной и семейной памяти, что повышает значение институциональных механизмов исторического просвещения. В этих условиях

возрастает ответственность государства за формирование взвешенного и научно обоснованного отношения к прошлому.

Дополнительным вызовом является разрыв межпоколенческой передачи исторического опыта, что требует усиления роли институциональных механизмов сохранения памяти [7, с. 203–205].

Ключевыми институтами политики исторической памяти являются система образования, музеи, архивы и научно-исследовательские организации. Образовательные учреждения формируют базовые знания и ценностные установки, а музейная и архивная деятельность обеспечивает сохранение материальных и документальных свидетельств прошлого [6, с. 112–115].

Важную роль играют и общественные инициативы, направленные на популяризацию исторического знания и вовлечение граждан в процесс сохранения исторического наследия. Совокупность данных механизмов позволяет говорить о формировании целостной системы государственной политики памяти.

Историческая память является важным элементом государственной политики, поскольку непосредственно влияет на формирование общественного сознания и национальной идентичности. Отечественный исторический опыт показывает, что утрата преемственности в интерпретации прошлого приводит к росту социальной разобщённости и снижению доверия к государственным институтам.

В современных условиях значение исторической памяти выходит за рамки культурной сферы и приобретает политическое и мировоззренческое измерение. Эффективная государственная политика в данной области предполагает не навязывание единой интерпретации прошлого, а создание условий для его научного осмысления и ответственного сохранения. Именно такой подход позволяет рассматривать историческую память как ресурс устойчивого развития и общественной консолидации.

Список литературы:

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. - М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. - СПб.: Искусство-СПб, 2010. 704 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. - М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
4. Панарин А. С. Политология цивилизаций. - М.: Гардарики, 2003. 432 с.
5. Чубарьян А. О. Историческая память и современность. - М.: Наука, 2020. 256 с.
6. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. - М.: Международные отношения, 2013. 480 с.
7. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. - М.: Наука, 2013. 649 с.

Канышева Ольга Альбертовна

кандидат философских наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

SPIN-код: 8362-7694

Ol'ga Kanysheva

Pushkin Leningrad State University

МЫШЛЕНИЕ КАК ПУТЬ К СВОБОДЕ ЧЕРЕЗ ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ САМОРЕФЛЕКСИИ

Аннотация: Статья посвящена теме философской рефлексии, которая является ценностью современной цивилизации, начало которой лежит в Древней Греции, где философы определяют путь культуры через интеллектуальное самосовершенствование, что в дальнейшем стало принципом эпохи Просвещения и сохраняется в современной культуре как условие свободы и сохранения лица человека. Анализ процесса мышления позволяет воссоздать духовную реальность сознания, где творчество мысли переходит в творение бытия.

Ключевые слова: мышление, Просвещение, Разум, мизология, Другой.

THINKING AS A PATH TO FREEDOM THROUGH A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SELF-REFLECTION

Summary: The article is devoted to the topic of philosophical reflection, which is a value of modern civilization, the origin of which lies in Ancient Greece, where philosophers define the path of culture through intellectual self-improvement, which later became the principle of the Enlightenment and is preserved in modern culture as a condition for freedom and preservation of human face. The analysis of the thinking process allows us to recreate the spiritual reality of consciousness, where the creativity of thought turns into the creation of being.

Keywords: thinking, Enlightenment, Reason, misology, the Other.

Современная философия возвращается к проблеме, которая была поставлена немецким философом И. Кантом, родоначальником немецкой классической философии, в статье «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», написанная в 1794 г. Проблема, с которой столкнулся философ, заключается в том, что современный человек, не смотря на прогрессивный век, связанный с развитием техники, естествознания, права и др., развивает внешний прогресс в ущерб внутреннему и игнорирует совершенствование разума как такового. Разум является высшей ценностью эпохи Просвещения и связан с внутренней свободой, вызываемой мышлением. «Итак, выше всего во внутреннем мире мышление. Человек несвободен, если он не мыслит, потому что тогда он относится к чему – либо другому» [1, с. 441]. Кант упрекает современников в

нежелании пользоваться своим умом, перекладывать ответственность на Другого, будь то книга, врач, офицер, духовный пастырь и др. Страх, трусость, лень, деньги не позволяют человеку сделать первый шаг навстречу свободе, которая понимается по причине несовершеннолетия, скорее как инфантильность, что связано с нежеланием нести ответственность за происходящее, желание иметь опекунов, что превращает их, по мнению Канта, в «домашний скот». Инструкции, рекомендации, предписания, контроль, манипулирование создают условие невозможности сделать первый шаг, совершить прыжок и начать мыслить самостоятельно. «Человек может откладывать для себя лично просвещение — и даже в этом случае только на некоторое время — в тех вопросах, какие ему надлежит знать. Но отказаться от просвещения для себя лично и тем более для будущих поколений означает нарушить и попортить священные права человечества» [3, с.34].

Проблема, с которой сталкивается философ, заключается в диалектике внутренней и внешней свободы человека, поскольку помимо личной свободы существует свобода общественная, связанная с исполнением профессионального долга. Кант говорит о публичном и частном пользовании разумом, который должен не наносить ущерба общественным интересам и соблюдать социальные обязанности. Философ, рассматривая государственные дела, полагает необходимым государству дать народу свободу вероисповедания и правом пользоваться свободой совести, что не только не навредит общественному порядку, а даже его усилит.

Трудность мышления вызывает в обществе мизологию, ненависть к разуму, которая во времена Сократа и Платона связывалась с мизантропией, ненавистью к человеку и считалась одним из тяжких зол. В диалоге «Федон» Сократ говорит о ненависти к слову, которая рождается также как ненависть к человеку. «Рождается она таким же образом, как человеконенавистничество» [5, с.46 - 47].

В европейской мысли слово «мизология» появилось впервые в Европе в 1870-е гг. после перевода Бенджамином Джоветтой диалогов Платона. Кант в работе «Основы метафизики нравственности» пишет о мизологии в связи с культурой мышления, которая позволяет человеку вести себя нравственно, опираясь на категорический императив. Разум является основанием доброй воли и проявлением человеколюбия, которое выражается в выполнении нравственного долга и уважении к Другому. Свобода, пробуждаемая разумом, является условием нравственности. С другой стороны, Кант замечает, что удовольствия, достигаемые эпохой Просвещения, могут оказаться ложными. «На самом деле мы и находим, что, чем больше просвещенный разум предается мысли о наслаждении жизнью и счастьем, тем дальше человек от истинной удовлетворенности» [4, с. 162]. На этой почве рождается мизология, которая видит в разуме источник переживаний и сомнений по поводу правильности понимания счастья, особенно когда оно идет вразрез со счастьем остальных

людей. Кант утверждает, что нравственные ценности формируются до всякого опыта разумом и только они определяют нравственность поведения.

Французский философ – структуралист Мишель Фуко в статье «Что такое Просвещение?», написанная в 1983 г., пересматривает проблему, которую поставил Кант и формирует оценку своему веку, который так и не вышел на уровень Просвещения, где остается только вера.

Мышление есть тонкая работа духа, которая является ценностью культуры и условием понимания Другого. Древнеримский философ Марк Туллий Цицерон ввел термин «*cultura animae*», что означает культуру ума, где сам процесс окультуривания связан с воспитанием души, по аналогии с возделыванием земли, что философ заимствовал у Марка Порция Катона, написавшего работу «*De Agri Cultura*». Философия есть занятие, связанное с формированием мышления, которое определяет индивидуальную культуру.

Современная культура испытывает интерес к мышлению и формирует практику ее осмысления и истолкования. Советский и российский философ – антрополог В.А. Подорога создает проект мышления, где существует особый порядок мыслеполагания. Анализируя опыт чтения М. Мамардашвили произведений Марселя Пруста, Подорога замечает, что мысль превращается в нравственный поступок и потому становится жизнью. Здесь намечается признание мысли в том, что она имеет свойство медлить. Природа мышления имеет закон самополагания, который открывает пространство перехода в мышление как в процесс торможения чувств. Мыслящий и мысль взаимопроникаются одним состоянием удерживания от поступка. «Ибо мысль, которая постоянно удерживает себя от падения в собственное начало, оспаривает последнее, создавая его дубли и отражения, эта мысль не может быть быстрой» [6, с.228]. Мысль есть второе рождение, требующее ответственности в мыслевыражении, где происходит процесс возвращения в мир. Процесс мышления соткан из материи ритмов и повторений, торможений и ускорений, пауз и обрывов, интонаций и жестов.

Мысль метафизична и требует своего перехода из инобытия в бытие, где сам философ выступает в роли наблюдателя – метафизика. Рождение телесности мысли связано с имитацией реальности через глаголы, которые являются событиями мира. Путь мысли из дорефлексивного в рефлексивное состояние сопровождается предпониманием, которое предполагает исполнение понятого. «Парадоксальность данной ситуации – чистая кажимость: самомистифицирование естественно и необходимо для каждого философского акта» [6, с.233]. Начало мышления сопровождается мистифицированием, обращенным на себя, где «энергия заблуждения» выступает началом мысли, которая существует при помощи импульса. Мысль начинает кружение, когда философ одновременно попадает в мир других мыслей, которые даже еще не состоялись, так и в начало собственной мысли. Чистое сознание Э. Гуссерля имеет опыт мышления, который исторически собран через персоналии без их явного присутствия и именования в месте мышления. Мысль обретает тело

после того, как становится выразительной, как идеи Платона еще не являются мыслью, но обретают тело – форму через их феноменальное бытие в мире, что осуществляется как событие поступания через интеллектуальное усилие. «(М)ысль не есть мысль, она становится мыслью только тогда, когда обретает выражение, т. е, мысль и ее выражение составляют качество самой мысли как мысли» [6, с. 234]. Мысль через удержание старается сохранить то, что еще не поддается мышлению и тем самым дать свободу ее выражения через неожиданное рождение мысли нового порядка, оставаясь всегда незавершенной и неокончательной. Мысль продолжает работать, даже если получила свое выражение, поскольку оно по причине удержания вырабатывает избыток энергии для истолкования. «Мысль не может завершиться, пока включена в этот нескончаемый процесс отыскания формы выражения» [6, с.235]. Строгость мысли определяется ответственностью по отношению к себе, как условию осуществления бытия. Это незримый диалог мыслящего тела, которое удерживается сознанием, от которого требуется строгость истолкования. Интуитивная достоверность Я есть трансценденция, которая отброшена за пределы тела мышления и сознания и представляет метафизического наблюдателя. «Точка - это то, что появляется в нашем чувственном и мыслительном опыте, когда мы - в качестве субъектов - испытываем потребность выделить самих себя из своих отношений с миром.» [6, с.239].

Процесс мышления сопровождается определенными мыслительными процедурами, которые нужно обозначить как путь рефлексии. Оно, как правило, начинается с фиксации некоторого знака, которым может выступать символ, фраза, мысль, контекст, жест, интонация и др. «Эффект непонимания здесь исключительно силен, именно он освобождает точку начала мысли от ее предшествующего психического и ментального содержания (удивление, отстранение, глубина и сила аффекта)» [6, с.246]. Остановка фиксирует нащупываемую мыслью глубину, которая втягивает в себя как воронка в процесс погружения в нее и разворачивания содержания. Остановка обозначает движение внутрь, а не вовне и обретение другой реальности, где открываются другие смысловые поля. Удержание Другого по отношению ко мне есть процесс переосмысления, перепонимания, переистолкования наряду с материализацией новой реальности мысли, нежелание с ней расстаться. Присвоение мира Другого есть процесс обогащения удивления через объективизацию мысли. Идет повторение мысли через герменевтический круг, через закрепление и обретение свободы мыслеполагания и одновременное сохранение дистанции мысли, которая обретает сквозной характер. «Точка как туннель, бездна, кратер, пролом, как место прохождения через тьму к новому свету» [6, с.249]. Глубина постижения внутренней реальности души не дает остановиться движению внутрь к принципам построения всеобщего Я. Мысль выступает событием в пространстве культуры и длится через повторение и воссоздание, порождая непрерывность интеллектуального опыта. Мышление напоминает самособираение, где мыслить и говорить то же самое, что говорить

и мыслить, где разворачивается стихия, как некоторая среда, в которой рождается мысль. При этом в нас сохраняет свое присутствие молчащее существо, которое является свидетелем мысли. «Слушая себя, прислушиваясь к тому, что я говорю (конечно, после того, как я что-то сказал), я вдруг узнаю, что все высказанное мною лежит как бы далеко за пределами моего отношения к себе, и в то же время, поскольку я говорю, оно является более внутренним для меня, чем мое молчащее существо» [6, с.267]. Внешнее и внутреннее мышления обретают характер интимности личностного бытия и в силу когерентности порождает объективность мысли – бытия, где присутствует всеслушающее Эго, дающее точку отсчета самой объективности. Переживание мысли позволяет ей длиться, рождается здесь и сейчас как своевременность переживания.

Если обратиться к опыту мышления немецкого философа – экзистенциалиста и феноменолога М. Хайдеггера, то можно заметить ряд особенностей его осмысления, отразившейся в работе «Что зовется мышлением». Философ наблюдает кризис европейского мышления, который связан с развитием науки и техники, что порождает опустынивание, преобладание разрушения над созиданием и забвение бытия. Растворение в повседневной жизни ведет к исчезновению мысли, которая перестает определять жизнь человека, поскольку техническая мысль взяла верх над ним, и он перестал быть бессмертным. Забвение метафизики есть забвение бытия, путь к которому лежит через мышление. Мышление не означает идти по проторенной колее, использование методологии по производству мыслей, а предполагает творчество в прокладывании дороги мыслью, где нет копий и симулякров. Мышление есть дар, благодарность, любовь, учительство, открытость навстречу, интенциональность и др.

Мышлению нужно учиться и переживать готовность к этому, желать, хотеть, стремиться к обладанию, любить и т.д. Есть нечто, призывающее нас мыслить, что зовет, что заставляет сомневаться, и это, прежде всего, факт того, что мы еще не мыслим. Несмотря на то, что сегодня высок интерес к философии, это не означает, что он преодолевает сам интерес. «То, что выказывают интерес к философии, еще не свидетельствует о готовности к мышлению» [6, с.37]. Сам предмет мышления, нечто существенное отворачивается от человека. При этом оно оттягивает и наступает и тем самым, задевает, удерживает в направлении сделать прыжок в мышление и является некоторым событием предмысли, влекущим за собой, что означает явление сущности. Только так нам открывается сущность человека, где он выступает некоторым знаком сущего *homo sapiens*. Человек притянутый к мышлению есть собственно человек по существу, что означает, что любить человека означает тоже самое, что любить мышление. Сегодня человек представляет грустное зрелище, он есть знак без значения.

Мышление есть сказывание, сияние, или осуществление, что рождается в мифе. Тяга к поэтичному в мышлении основана на воспоминании, что, в свою

очередь, связано с переживанием «явленного сияния». «Красота есть судьба (Geschick) истины, причем истина — это раскрытие сокрывающегося. Прекрасное — это не то, что нравится (gefällt), но то, что подпадает (fällt) под эту судьбу истины, которая сбывается, когда всегда не видимое и потому невидимое попадает в более всего проявляющее сияние» [6, с. 44]. Любовь и мышление на какой-то момент опыта мышления совпадает и означает любовное приятие мышления. Сегодня мышление о мышлении превратилось в логику, что сближает ее с техникой, которая господствует над духом.

Само мышление полно загадочности и верности к нечему, что призывает мыслить. Вставая на путь мышления, удерживаясь на нем и втягиваясь, мы оказываемся одновременно уже в мышлении и на пути к нему. «И лишь тогда, когда мы впустим в себя таинственное и благодатное как то, над чем, собственно, и дано задуматься, мы сможем осмыслить, как себя держать перед зловещим лицом самого зла» [6, с.49]. В отличие от науки, мышление имеет дело только с одной мыслью. Трудность мысли заключается в удерживании того же самого, что однажды открылось мышлению и которое оказывается безграничным.

Ф. Ницше в работе «Так говорил Заратустра» предупреждает, что его книга для всех и ни для кого, что означает что она на самом деле для тех, кто удостоивается мышления и идет по пути самой мысли. Ницше говорит о человеке как переходе от старого человека к новому, от человека к сверхчеловеку в том смысле, что человек преодолевает общее с животными чувственное, или физическое и становится сверхчувственным, или сверхфизическим, т.е. метафизическим существом. «(В) человеческом существе как animal rationale сосредотачивается переход физического к не-физическому и сверхфизическому: таким образом человек есть само мета-физическое» [6, с.64]. Человек есть с этой точки зрения, неопознанное существо, которое неправильно понимают психологи и антропологи. Для того, чтобы осуществить переход к человеку, по существу, необходим мост, который поможет преодолеть «последнего человека» через самого себя и посредством себя, каковым является Заратустра, или становящийся сверх - человек. Мышление есть путь открытости для бытия, есть принцип нового мышления нового человека в отличие от старого, основанного на мнении.

Человек есть существо метафизическое, задающееся вопросом о сущем, о бытии сущего, о том, что есть в бытии сущего как такового, в чем заключается собственно бытие сущего и т.д. Существует проблема постижения основания метафизики, что не позволяет понять природу времени. Если сущее означает присутствие, то тогда можно осознать время здесь и сейчас, которое означает «теперь», которое для метафизики выступает в чистом виде как «вечное теперь». Переход от мнения есть осмысление воли как прабывания всего сущего для Ницше, где сверхчеловек превосходит человека тем, что возвращается к метафизике бытия сущего, вступает с ним в отношение.

Хайдеггер рассуждает о мышлении как о метафизическом процессе, где в результате схватывания и удержания бытия разворачивается процесс переживания мысли вечно актуализированного «теперь» и путь к мышлению превращается в некоторое кружение мысли вокруг безвременного и вечного бытия с углублением в природу его существования. «С одной стороны, слова «сущее» и «быть» не говорят ничего осязаемого. С другой стороны, они есть высшие понятия в философии» [7, с.192]. «Сущее» и «бытие» являются сложными категориями, имеющими неоднозначный смысл, где сущее предлежит в бытии. Мышление позволяет благодаря памяти, воспоминанию и благодарности открыть путь к сущему в бытии. Тогда мышление становится логосом, говорением, рассуждением, «принятием — во — внимание». Собранность мышления позволяет воспроизводить мысль как она есть в бытии, где физическое и метафизическое вступают в когерентное соотношение. Тогда мышление и бытие становятся одним и тем же и в то же время пребывают в различности. Тогда мышление превращается в припоминание. «Мышление лишь тогда есть мышление, когда оно *вос-*поминает (*an-denkt*) «Он»» [7, с.215]. Так мышление приглашается, призывается в бытие сущего через одновременное восхождение к человеку по существу.

Не менее интересной является взгляд на природу мышления постструктуралиста Жюль Делеза и психоаналитика Феликса Гваттари, которые в работе «Что такое философия?» рассматривают мышление как процесс деконструкции классической метафизики. Друг в философии Делеза и Гваттари становится предпосылкой мышления, потому что он влюблен в философию. Друзья претендуют и соперничают в познании истины. Нужно учесть один момент, что друзья, влюбленные, соперники являются трансценденциями и дают характеристику настрою на познание концептов, характеризуют качество отношения к познаваемому. При этом философия не связана ни с созерцанием, ни с коммуникацией, ни с рефлексией, а творчество концептов, которые являются условием познания. «Концепт — это событие, а не сущность и не вещь» [2, с.27]. Он есть единство реального и идеального, абсолютного и относительного, целого и части, и т.д. Мышление, в отличие от созерцания, рефлексии и коммуникации, есть движение в бесконечности, из которого формируется образ мысли. Движение осуществляется в видении горизонта, который все время отдаляется, где стремление к истине сопровождается отступлениями к себе. Само движение обретает двойственный характер, оно одновременно — мыслеобраз и материя бытия в горизонте имманентного. «У плана имманенции две стороны — Мысль и Природа, *Physis* и *Nous*» [2, с. 47]. Имманентное есть новая концепция метафизики, где событие является условием саморазворачивания объекта. Делез отказывается от противостояния имманентного и трансцендентного, скорее здесь присутствует принцип когерентности, где интуиция является бесконечной формой движения мысли. Мышление связано с превращением в Другого, которым может стать любой объект природы, дающим движение мысли. Мысль Делеза стала двигаться

иначе, чем в период классической философии. Теперь каждый философ создает новую перспективу имманенции, которая разворачивается одновременно как бытие и мысль. Философ в современной культуре больше похож на идиота, чем на профессора, поскольку он пытается мыслить и мыслит самостоятельно, опираясь на естественный свет разума, в то время как профессор мыслит схоластическими концептами школьной философии. Делез прорабатывает концептуальные персонажи философов: идиот, безумец, маньяк, мумия, шизофреник, друг, претендент, соперник, мальчик, судья, танцор, невинный, Алиса, и др. «именно благодаря нашим персонажам мы, философы, становимся чем – то иным и возрождаемся в виде фигур из общественного сада, или зоопарка» [2, с.85]. По мнению Делеза Хайдеггер оставил зазор между бытием и сущим, между философией греков и западноевропейской философией. Это отдаляет его от Делеза, который привержен имманентизму, где мысль сопряжена с жизнью, которая есть предфилософия. Имманентизм мышления Делеза и Гваттари обходятся без трансцендентного, где сама мысль самодостаточна и есть непрерывный процесс творчества.

Список литературы:

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Пер. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 1994. – 480 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. — М.: Ин-т экспер. соц-ии, СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с.
3. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Сочинения. В 8-ми т. Т.8 / Пер. Ц.Г. Арзаканьяна. - М.: Чоро 1994. – С.29 – 37.
4. Кант И. Основоположения метафизики нравов. 1785 // Сочинения. В 8-ми т. Т.8./Пер. В.П. Зубова. - М.: Чоро 1994. - С. 153 – 246.
5. Платон. Федон // Собр. соч. в 4 т. Т.2 / Пер. С.П. Маркиша. – М.: Мысль, 1993. – С.7 – 80.
6. Подорога В.А. Начало в пространстве мысли. Мераб Мамардашвили читает Марселя Пруста // Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992 – 1994 гг. – М.: Ad Marginen, 1995. – С. 226 – 271.
7. Хайдеггер М. Что зовется мышлением / Пер. Э. Сагетдинова. - Москва: Акад. проект, 2007. - 351 с.

Канышева Ольга Альбертовна

кандидат философских наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

SPIN-код: 8362-7694

Ol'ga Kanysheva

Pushkin Leningrad State University

ПУТЬ К РЕАЛЬНОСТИ МЫШЛЕНИЯ: ОПЫТ М.К. МАМАРДАШВИЛИ

Аннотация: Статья посвящена творческому пути М.К. Мамардашвили в сферу мышления, которое открывается нам в сознании, как подлинной реальности, отличающейся от природы и вызывающей к подлинно человеческому в нас. Культура и история творятся посредством мышления, и его отсутствие означает профанацию жизни, неподлинность бытия.

Творчество советско-грузинского философа обрело популярность в Советское время среди интеллектуалов и сформировало представление о подлинной философии на фоне идеологической системы философского знания в высших учебных заведениях, не выходящего за пределы марксистско-ленинской философии. Мамардашвили совершает интеллектуальный подвиг, раздвигает горизонты философского общения с европейской традицией и выводит изучение философии на международный уровень осмысления.

Ключевые слова: сознание, реальность, мысль, путь, Я и Другой, метафизика.

THE PATH TO THE REALITY OF THINKING: THE EXPERIENCE OF M.K. MAMARDASHVILI

Summary: The article is devoted to the creative path of M.K. Mamardashvili into the sphere of thinking, which opens up to us in consciousness as a genuine reality that differs from nature and appeals to the truly human in us. Culture and history are created through thinking, and its absence means the profanation of life, the inauthenticity of being.

The work of the Soviet-Georgian philosopher gained popularity in Soviet times among intellectuals and formed an idea of true philosophy against the background of the ideological system of philosophical knowledge in higher educational institutions, which does not go beyond the limits of Marxist-Leninist philosophy. Mamardashvili performs an intellectual feat, expands the horizons of philosophical communication with the European tradition and brings the study of philosophy to the international level of comprehension.

Keywords: consciousness, reality, thought, path, Self and Other, metaphysics.

Эстетическое восприятие мира связано с отношением Я и Другого через призму формы чувства: ощущения, восприятия, представления, которые, в

свою очередь, делятся на знаки: индекс, икон, символ. Форма являет сущее содержания, обнаруживает внутреннюю связь и структуру.

Мышление есть эстетическая радость в момент ее пробуждения, которая сродни катарсису. Попадание в мышление связано с крылатостью души, воспаряющей над бездной, которая есть сознание. Философия есть искусство переживания. Ожидание и сорадование мысли есть процесс вхождения в мысль. Переживание становится предметом рефлексии и предполагает эстетическое осмысление содержания, благодаря которому оно превращается в форму и обретает ценность.

Переживание есть единство тела и души, которое осмысляется непосредственно как материальность души, или одушевленность тела. «Кстати, Декарт в свое время (хотя его часто упрекают в дуализме, которым он якобы разделил мир на две субстанции – мысленную и телесную) предупреждал о возможном существовании, так сказать, и третьей субстанции, а именно союза тела и души, которое (то есть ее существование) ниоткуда невыводимо» [1, с.19]. Эстетика переживания создает целостное восприятие предмета через единство Я и Другого. Третья субстанция Декарта предполагает соотнесенность чувств Я и Другого независимо от расстояния. Феномен сознания уже имеет момент соотнесенности Я и Другого через сопряженность Я и знания. Мысль есть событие, которое всегда неожиданно и его невозможно предвидеть и определенно ожидать.

Дорога к мышлению лежит через *отличение* переживания от реальности, которая не то же самое, есть искусство перехода через *различение* естественного и искусственного. Переход есть переживание совпадения событий, или явлений, которые осмысляются как стечение обстоятельств, которые приходят во взаимодействие. Мысль рождается от переживания как потрясения, вызванного неожиданным открытием чувств и желаний, которые мы проживаем и которые вызывают удивление.

Удивление есть знак мысли. Любовь есть такое же потрясение, как и мысль, и также всегда неожиданна и глубока в своей событийности. Любовь – мысль есть откровение бытия, осознание случайности как фатальности и неизбежности ее проживания. Любовь есть форма мышления, где схватывается через переживание сущность чувства как болевой точки от нерожденности мысли, которая только тогда и возможна, когда она сопряжена между Я и Другим. Чистота чувства сопряжена с чистотой мысли, вернее, они взаимосвязаны через порождение третьей субстанции Декарта.

Мысль есть воспоминание, как переживание любви, где настроенность на желание понимания порождает пространство мышления, в котором начинают происходить события, которых невозможно наблюдать эмпирически. Счастье мышления – любви заключается в открывающейся способности переживания в пространстве мысли. Любовь есть мост, соединяющий два мира, реальный и метафизический. Философия есть высшая форма любви, которая есть чистота переживания, когда Я и Другой растворены друг в друге.

Любовь к Богу есть мост к мышлению через чистоту молитвы, которая выполняет функцию мышления через повторение и удержание. Любовь вовлекает в процесс мышления через переживание, постольку поскольку мышление осмысляет любовь по мере вовлечения в нее, где любовь и мышление выступают как содержание и форма.

Мысль это событие жизни, которое внезапно и удивительно. Мысль посещает нас из другого мира, отличающегося от реальности, и входит в нас как воспоминание, которое перманентно, и которое, при отсутствии, вызывает ностальгию. Представление и реальность разнятся и закрепляют существование двух миров. Другая реальность, как некоторая точка бытия сущего, есть точка любви и мысли. Подвешенность ситуации и ее неопределенность пугает своей неоднозначностью и опасностью оказаться не в том месте мысли и любви, что вызывает дополнительную ответственность из-за подвешенности в ситуации. Здесь невозможны поступки естественные, они должны быть другого порядка, которые нам ближе по духу.

Страх нереализованности мысли и любви порождает состояние амбивалентности, когда замираешь в точке решения, но его нужно пережить. Естественное и искусственное различаются в зрении и в видении, которые находятся в разных регионах бытия. Эстетические ценности рождаются в сфере мышления, такие как любовь, доброта, красота и др. Однажды прикоснувшись к этим ценностям, невозможно отказаться и не вспоминать, и не испытывать ностальгию. Состояния любви и доброты нужно поддерживать, чтобы они осуществлялись. «Однако удивительно, что именно немышлением заполнены в наше время миллионы книг и иногда оно еще преобразуется в литературу так называемого научно – фантастического жанра, в которой обсуждаются социальные модели и моральные вопросы» [1, с.45 - 46]. Моральные вопросы решаются не по законам морали, поскольку мораль всегда бескорыстна и не руководствуется принципами выгоды, или полезности.

Человек также не рождается естественным путем, где мышление сопутствует человеческому в человеке. Условием рождения является констатация мысли как таковой, обнаружение ее сферы присутствия. Мысль есть форма в своей завершенности, целостности. Мысль есть опыт души, который связан с пониманием причин сущего, что является действительностью бытия.

Мыслить, значит различать подлинное и неподлинное, псевдомысль и мысль, кажущееся и сущее, симулякр и то, что действительно есть. Смысл есть некоторое единство опыта, который рождается за его пределами и в нем не содержится. Смысл есть состояние мысли, которое сделалось как бы само собой. Переход в сферу мысли связано с перерождением, трансформацией, где для того, чтобы достичь цели, нужно отказаться от себя самого и этим мы обязаны своим возвышенным желанием. В жизни присутствует как наше содержание опыта психическое и нечто, что не связано с нашими качествами и свойствами, что позволяет нам мыслить. «(Э)тот элемент и есть различающее в

нас реальность и кажимость независимо от нашего психофизического устройства» [1, с.62]. Мы трансцендируем за пределы нашего опыта и постигаем существование Я, которое говорит о нашей способности отказаться от себя в пользу другого Я. Так в нас есть уже два Я, где одно наделено индивидуальными характеристиками, а другое Я не способно оперировать представлениями.

Познать самого себя, значит пройти через путь страдания к постижению *света*, или видения самого себя, состояния, которое есть мышление, которое, в свою очередь, либо есть, либо его нет, и которое само по себе. Свет есть тайна, который освещает нас изнутри на время состояния удержания мысли. «В частности, в Евангелии от Матфея примерно такой текст: если вы не видите даже то, что видите, то как вы сможете увидеть того, кого вы не видите?» [1, с.63]. Мыслить, значит пребывать в вечной актуальности, самоосуществляться в безвременьи.

Любовь есть явление мысли, которое говорит о рождении души философа, или поэта. Это мгновение есть соприкосновение жизни и сознания, где соприкасаются событие жизни и событие мысли. «Тогда как мыслить в настоящем смысле – это мыслить не то, что мыслится само собой, а то, что порождается на каких-то скоординированных и концентрированных основаниях, в источнике которых находишься ты сам» [1, с. 69]. Мысль является светом и есть интеллектуальная интуиция.

Идеализация есть начало любви и мышления. Мышление развернуто на живой объект, который идеализирует точно также, как мышление может развернуть идеализацию в отношении к природе. Идеализация есть отношение мышления к объекту, вызывающая любовь как непосредственное переживание чувствами, которые мысль идеализирует. Единство формы и содержания как единство мысли и чувства рождает феномен любви.

Активность мышления есть творческая преобразующая деятельность я, связанное с процессом превращения эмпирического содержания в форму. Мышление активно, в отличие от пассивности мысли. Опыт любви есть опыт единства формы и содержания, где природа желания соединяется с субъективностью переживания опыта его восприятия. Он отражает, или является символом мыслительной деятельности, которая активно соединяет помысленное чувственное с опытом мыслевосприятия.

Мышление и культура есть два взаимосвязанных процесса, где культура есть форма мысли. «Онтологическая самостоятельность культуры в значительной степени конституирована не ее свободой, а свободой мысли» [3, с.78]. Мышление есть восполнение культуры, которая имеет свое прямое назначение сохранение человека через самопревосхождение. Ницше создает символ человека, который в своем предельном состоянии есть сверхчеловек, путь к которому лежит через трансцендирование.

Культура имеет ценность лишь постольку, поскольку она озабочена проблемой, которую обозначила эпоха Просвещения, поставив вопрос в лице

Канта о совершеннолети. Необходимость различения простого физического существования и метафизического, которое понимается философом как осуществленное существование, или историческое, обязано пребыванием в мысли. «Поступок – это случившееся состояние мысли» [2, с.150]. Поступок есть исполнение добра, мысли, любви и др., а не ожидание его. Это есть бытие сущего в культуре.

Сознание есть парадоксальный феномен, который определяет бытие мысли. Осуществление поступка сопряжено с деятельностью сознания, которое задает параметры мышления и, тем самым, фундирует бытие. Философия есть деятельность, культивирующая мысль, которая осуществляет ее главную функцию: очеловечивание человека.

Эстетическое чувство есть рождение новой чувственности, связанной со соприкосновением мысли и жизни, это, скорее всего, мыслечувство. Сознание омертвляет жизнь в том смысле, что порождает искусственное чувствование. Рождение образа, или символа есть результат эстетической чувственности, которая становится новым объектом мысли. «Значит, сцепив явление(образ) с мыслью, мы теперь знаем. Что это сцепление не с чувством как таковым, а с новым чувством. Наши рождающиеся существа есть духовные существа, но в то же время органические – в них есть какая-то чувственность, плоть» [1, с.78]. Мысль обретает плоть через переживание образов, мыслей, чувств, которые духовны. Естественные чувства рождаются вне нас при помощи наших органов, духовные же, или внутренние чувства рождаются благодаря мышлению.

Мысль не порождается натуральной причиной, она рождается как форма сознания и имеет разные символы. Она рождается вместе с Я, которое создает о себе представление как первую мысль о своих чувствах, желаниях, самосознании. Мысль образует поле смысла, поскольку касается тех предметов, которые обретают ценность и закрепляются в словах – знаках. «Я присутствует силой своего самопроникновения, есть свет, освещающий и видящий самого себя» [1, с.85]. Переживание самого себя имеет природу бесконечного, интенсивно разворачивающегося во внутреннее пространство.

Любовь есть качество другого порядка, позволяющее нам расширять свои возможности и становиться больше того, чем мы есть. Расширение сознания при помощи восполнения в любви позволяет нам видеть иные миры и жить жизнью Другого. Любовь переживается как вечность в том смысле, что, однажды увиденное, как бы припоминается, как если бы уже было в памяти, или пребывало.

Человек не имеет определенного места в мире по причине своей метафизичности. В этом смысле Я не является выражением природы, а предполагает нечто отличное от реальности. Сфера смысла есть сфера мышления, где Я схватывает самое себя в свете мысли. «Поэтому я и говорю, что есть некоторое качественное переживание, бесконечное по своей природе, некоторая интенсивность, являющаяся дополнительным измерением, которое

мы разворачиваем в некоторое пространство» [1, с.85]. Добро переживается нами как стремление неприродной силы, которая определяется свободой и которая безосновна, которая является сама по себе. Человек в этот момент идет навстречу самому себе, чтобы реализовать любовь, добро, свободу, что есть путь в мышление. Состояние мышления сродни состоянию любви, когда мы начинаем видеть нечто очевидным образом, что остается неочевидным для Другого.

Как в мышлении, так и в любви начинается искусство овладения чувством, представлением, которое, в свою очередь обязано своим появлением не эмпирической реальности, что есть случайное сопровождение, а есть реализация свободы. Любовь, как и мышление есть расширение сознания. Добро, любовь, мысль самоявляются, как бы из точки вечности, из полноты человеческого бытия. «Жизнь есть живая форма мысли, которая дает интеллигибельность, то есть понятность тому, что мы мыслим» [1, с.97]. Метафизика есть знание форм, пребывающих в вечности. Рождение мысли сопряжено с чувством правды, сопровождающей саму мысль.

Форма есть нечто, что позволяет мыслить, что само по себе пребывает в вечности и актуальности. Необходимо усилие пребывания в мысли. Символы выступают некоторой сферой усилия мысли. Мысли есть символы сознания, которое знает, что они есть, но не знает, что они значат. Мистическое переживание другой жизни позволяет иметь опыт воссоединения с символами, под которыми обозначается Я, Бог, Вселенная, Другой. Оно обязано магической точке в нас, которая духовно владеет миром.

Мысль есть состояние очевидности происходящего. Культура является достижением иного порядка бытия, связана с деятельностью мысли, но сама при этом ею не является. Культура может утратиться, если не будет оживляющего действия мышления. «Культуры, в которых задушен “локус мистикус”, могут погибать или умирать независимо от того, какого высокого уровня они достигли» [1, с.119]. Поддержание культуры сопряжено с открытием человеческих достижений, которые хранятся благодаря мышлению. Мышление есть мистика переживаний, которые не связаны с естественным восприятием мира, и имеют духовную природу. Образ культуры рождается не от соприкосновения с естественным миром, он внезапно возникает как откровение, или событие, которое схватывает соотношение вещей и удерживает их в сознании.

Рождающийся образ в искусстве есть событие восприятия цветка, который тоже есть в реальности, но он только тогда бытийствует, когда случился в сознании. При этом существует необходимость повторения восприятия образа. Произведение искусства вносит порядок в хаосомность переживания мира тем, что порождает символическое присутствие иного порядка, который соответствует действительности как ее закон. Символ упорядочивает действительность, предопределяет ее понимание, смысл, который блуждает в нашем сознании.

Состояние очевидности сопровождается системой символов сознания, которые структурируют наше восприятие реальности, и оно может быть когерентно с состоянием Другого. Очевидность мысли соединяется с очевидностью факта состояния мысли, что делает меня способным присутствовать одновременно во всех точках бытия. Благодаря этому осуществляется гармония и ее нарушение небезопасно.

Необходимо право на высказывание очевидностей мыслей как условия реализации личности и утверждения истины во всех ее возможностях и актуальностях. Поэтому, отрицание Бога, или утверждение, что Бог умер, одновременно обозначает и собственную смерть меня как метафизического существа. Божественная причина сознания утверждается интеллектуальной интуицией сознания, и Бог становится очевидностью мысли, которая через сомнение приходит к несомненному знанию присутствия Бога в душе как перманентного состояния.

Мысль есть действие, которая дает возможность что-то делать, совершать поступок, хотя и рождается она ментальным образом. Для того, чтобы совершить поступок, нужно упорядочить реальность и тем самым начать ее видеть, что тождественно слову «поступать». Порядок осуществляется через соотношение с вечностью, которая неизменна, равна самой себе, присутствует одновременно во всех состояниях мира. Я как мыследействие является причиной других мыслей. Наша повседневная жизнь пронизана метафизикой, что то же самое, если сказать, мыслью.

Мысль протяженна и определяет протяженность нашего сознания. Сознание есть эфир, в котором разворачивается стихия мысли, где бесконечность смысла и формопорождения осуществляется благодаря активности Я. Присутствие мысли предрасполагает согласие с Другим. Мышление предполагает соответствие самому себе. Историчность бытия человека определяется переживанием памяти. Культура доступна всем только в том смысле, что только для тех, кто сделал шаг в направлении мысли, где собственно культурой выступает актуальность мыслящего Я.

Каждый идет своей дорогой к самому себе, к актуальности в культуре. Культура сохраняется в истории через действие каждого поколения в сознании, в акте живой мысли. Любовь есть переживание своей актуализации через Другого, как реализацию возможности быть и Другим тоже. Сцепление мыслей напоминает соединение я с Другим, где начинается процесс мыследействия. Мысль также глубоко личностна и интимна, как и любовь. Человек есть история его переживаний через пробуждение в пространстве мыслей, которые являются одновременно невозможными возможностями. Мир мышления есть открытие возможности самого себя, который переживается одновременно амбивалентно как невозможная возможность. «Мысль есть неотказное сознание» [1, с.161]. Благодаря мысли мы приближаем все, что далеко от нас. Андрогин есть целостный человек, который в то же время выступает символом, обозначающим разломанную надвое дощечку. Раздвоенность мысли порождает

момент различения при одновременном единстве, благодаря которому осуществляется понимание.

Андрогинизм мысли символизирует процесс мышления, где единство двух полов олицетворяет диалогичность мысли при глубокой сращенности противоположностей. Одновременное единство и раздвоенность мысли позволяет увидеть движение мысли внутри самой себя, переход от одной половины к другой, где сохраняется постоянство, или неподвижность сознания, которое переживает полноту бытия в осуществляемой целостности и завершенности как самодостаточность мысли и тем самым дает возможность бесконечности движения переживания. Мышление есть процесс осуществления человека в его иной природе, отличной от естественной, суть которой андрогинность. Любовь есть движение мысли в раздвоенности полов и попеременной андрогинности, где ее причиной служит путь мышления, через который лежит путь человека к самому себе.

Мышление означает подвешенность как состояние, которое не определяется и пребывает в состоянии ожидания как способности духа любить и видеть. «А в действительности есть нечто, что в постоянном труде, и это как бы вечное рождение, все время в вечном рождении» [1, с.178]. Нас разделяют чувствительные тела друг от друга, и только мышление в состоянии объединить. Есть одна родина для всех, которая не имеет названия и определенности, в то время как жизнь на земле всего-навсего гостевание. Дом есть обретение мысли, что требует терпения и труда, уживчивости с себе противоположным.

Диалогичность сознания определяется Кантом как всецело коммуницирующий организм, который сублимирует энергию тела в сферу сознания, что становится фактом истории, или событийности мышления. Творчество мысли есть творение человеческой истории, истории сознания. «Так вот, есть такой орган, где человеческие существа событийствуют» [1, с.192]. Статичность бытия сменяется динамичностью события, где Я событийствует в диалоге с самим собой, с Другим, с Мы. Историчность мышления определяется переосмыслением философии через схватываемость событий, связанных с соотнесенностью собственной мысли и мысли Другого, где последним является.

Реальное сознание есть героическое, которое отличается от будничного, где под реальностью нужно понимать порождение существования, или жизнь мышления. Герой останавливает несуществования в виде фантазмов и привидений, которые таятся в его душе, и начинает мыслить. Мышление есть пребывание в реальности. Тень есть нереализованность мысли, подчинение природе, где недоделанность себя есть недореализованность. Герой творит историю через реализацию мыследействия.

Мысль есть вечная актуальность, и попадая в нее, мы оказываемся в центре событий, которые связаны с эманацией любви через всеединство в точке мышления, что является единственным способом самосохранения и удержания

от потока времени. Сопряженность мысли дает возможность прикоснуться к опыту мышления других регионов, которые зачастую остаются в тени. «Мысль есть наш способ приобщения к некоторой динамической вечности или вечному настоящему, к тому, что есть всегда, или всегда становится, всегда осуществляется» [1, с.207]. Одновременность опыта философов разных периодов времени встречаются в точке мышления. Мысль есть самое живое в нас, она есть действие любви, ее работа по воссоединению и соотношению, по взаимосвязи и самоактуализации.

Вечность любви фиксируется мыслью как внутренний свет, который освещает иной порядок бытия. Впадать в мысль есть тоже самое, что впадать в любовь. Умное сумасшествие есть единство мысли и любви. Мысль это бодрствование, в то время как безмыслие, или впадение в эмпирию, есть сон. События, происходящие в динамической вечности есть актуализация вечных ценностей, таких как доброта, любовь, красота, истина, есть собственно история человечества. Символы знаменуют события мысли. Процесс мышления есть разрешение от бремени, осуществление чистой любви, которая, будучи свободна от психологических переживаний, полностью бескорыстна.

Мысль рождается через соотнесенность с символом, под которым имеется ввиду символ чистого добра, чистой любви, чистой истины и др. Переживание рождается из понимания, а не наоборот: необходимо «иметь сопряженность с каким-то чистым объектом или чистым символом, в луче которого только и можно впервые что-то пережить и испытать» [1, с.219]. Испытание есть процесс реализации намерения, процесс осуществления мысли.

Свобода действия определяется внутренним законом, где Я вправе так поступить через самоопределение поступка. «Здесь действует закон: если я действительно помыслил «Я» и действительно понял, *что* Я говорю, говоря «Я», то я – «Я»» [1, с.240]. Я есть живое тело мысли и одновременно чистая мысль, которая не является психологическим состоянием человека. Мысль есть акт понимания, который одновременно предполагает, что то, что понято, то не нуждается в доказательствах, и наоборот, то, что не понято, то не подлежит доказательству.

Мышление определяется вопросом Гамлета: «Быть, или не быть?», что задает выбор самого себя через бытие мысли. В истории человек возвышается над своей натурой, стремится преодолеть эгоизм, выгоду, и др. С этой точки зрения не существует объективных законов истории, которые объективны и свободны от мышления. Историческое время есть время интенсивное, связанное с преобразованием себя в опыте мышления. Моральный закон совести пробуждает в нас внутреннюю свободу и вынуждает волю оказывать сопротивление природе.

Чтобы понять, нужно остановиться, поскольку закон предшествует моральному поступку, который есть закон действия, что пробуждается к свободе. Символы того, что нельзя помыслить, присутствуют в нас и сопровождают нашу жизнь, чтобы дать возможность, избегая психологический

опыт, сделать нас нравственными существами. Мы рождаемся моральными существами внутри символов.

Живое сознание есть чистый акт любви, которой свойственна бесконечность мысли. Сознание укоренено в мире, что объясняется заинтересованностью в мире сознания, которое имеет опыт предпонимания. Любовь есть свойство сознания, которое предрасположено любить. При этом символы сознания есть одновременно и его свойства, которые определяют само сознание. Например, символ любви. В момент мышления, как и в момент любви замирает время, останавливается в точке вечности стояния. Мышление есть единственная жизнь, которая борется с нежизнью, где искусство есть представление иной жизни, которая позволяет видеть реальность, выходя за рамки возможного и путешествовать внутри себя.

История есть самовозвышение в мысли, при этом природа человека остается неизменной. Смысл возникает как тотальность переживания при одновременной его неисполнимости. Мысль создает текст сознания и является переходом от мнимого мира к реальному событию. Мысль есть одновременно смысл, который выступает как некоторая очевидность сознания, схваченная здесь и теперь. Человек есть символ, который отсылает к его подлинному человеческому бытию.

Смысл и его удержание в диалоге схватывается одновременно Я и Другим как переживание в момент мышления Бога, который когерентен сознанию. Бог и сознание одновременны в своем бытии. Рефлексируя над самим собой, сознание схватывает присутствие Бога. Мы до мышления уже вовлечены в мышление, как предпосылку мысли. Мысль охватывает нас целиком и полностью, и потому мы в ней, как будто, рождаемся. Тело одухотворяется и превращается в орудие мысли. «В виде культуры сознание и духовность должны реализоваться в форме очень странного бытия – бытия чего-то, что существует только само, рождаясь снова и снова» [1, с.362 -3]. Мысль есть форма, которая, одновременно, конечна и бесконечна; по причине живости она эманерирует через переживание и сохраняет равенство самой себе.

Рождается понимание, как осознание необходимости мылить так, а не иначе. Понимание знаменует присутствие сознания в бытии. Сознание морально по причине своей реальности, которая отличается от природы. Мир одушевленных людей рождается и заменяет автоматы, когда они мыслят. Поступок сопряжен с актом мышления, где Я выступает творческим началом любви. Мысль есть поступок, выражение моего достоинства. Мышление есть индивидуальное присутствие нас в мысли, когда мы несем за все ответственность. Мы видим все посредством мысли. Продуктами мышления являются мысль, воля, желание, чувства, которые мы объективируем через рефлексию.

Список литературы:

1. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. - Москва: Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 412 с.
2. Мамардашвили М. К. Мысль в культуре // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс: Культура, 1992. – С. 143 – 154.
3. Исаев А.А. Онтология мысли: введение в философию М. К. Мамардашвили: материалы для курса по выбору. - Сургут: Сургут. гос. ун-т, 1999. - 102 с.

Кацы Дмитрий Васильевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский медико-социальный институт

SPIN-код: 6156-8128

Dmitry Katsy

St. Petersburg Medical and Social Institute

УБЕЖДАЮЩЕЕ ПРАВДОПОДОБИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ

Аннотация: Статья написана на основе анализа результатов пилотного эксперимента, целью которого было оценить практическую полезность поисковой системы Perplexity AI при анализе содержания конкретного исторического источника, доступного в Сети. Результаты показали, что модель не только опирается лишь на имитационное обучение и не «читает» документ, но, что хуже, генерирует массу убеждающих в своем правдоподобии неверных утверждений.

Вывод исследования – модель Perplexity AI не способна адекватно характеризовать первоисточники в исторических исследованиях, а убеждающее правдоподобие её многословных, но не основанных на фактах «ответов» обесценивает цели образования.

Ключевые слова: генеративный ИИ, стресс-тест модели, первоисточники, точность обработки запросов, убеждающее правдоподобие, имитация, риторические уловки, манипуляции семантикой.

THE PERSUADING PLAUSIBILITY OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN OBSTACLE TO THE STUDY OF HISTORY

Summary: The article is based on an analysis of the results of a pilot experiment conducted to evaluate the practical utility of the Perplexity AI search engine in analyzing the contents of a valuable online historical data source. The results showed that the model not only relies excessively on imitation learning and fails to "read" the document, but, much worse, generates numerous seemingly compelling but factually incorrect assertions.

The study concludes that the Perplexity AI model is unable to characterize primary sources for historical research, and the persuasive plausibility of its verbose but factually unsubstantiated "answers" undermines the educational goals.

Keywords: Generative AI, stress-testing of the model, primary source, query processing accuracy, persuading plausibility, imitation, rhetorical tricks, semantic manipulation.

В конце февраля 2026 года автор статьи провёл пилотный эксперимент для оценки полезности популярной среди студентов поисковой системы

Perplexity AI в одном ключевом практическом аспекте. Эксперимент проводился для того, чтобы установить насколько точно упомянутая система обрабатывала запросы пользователя и синтезировала для него ответы в случае, когда дело касалось содержания конкретного исторического источника, доступного в Сети.

В качестве такого источника использовался не самый известный, но весьма интересный, значимый в силу особенностей отражения типичных практик своей эпохи, и содержащейся в нем информации документ. [1]

Стоит подчеркнуть, – во время поведения эксперимента документ был доступен на сайте в Сети, в том числе с российских серверов, файл в формате pdf открывался в браузере автоматически, функция поиска ключевых слов в тексте документа была включена.

Рабочим языком был выбран английский, поскольку он считается доминирующим в научной литературе. Сохраненные в отдельном файле изображения на экране компьютера (скриншоты) в заслуживающих внимания случаях переводились на русский язык. Наиболее значимые скриншоты предоставлены редакторам текста статьи в качестве свидетельства.

Несомненная историографическая ценность используемого документа в данном случае особой роли не сыграла и ею позволительно пренебречь, поскольку у этой статьи иная цель. От цели проведенного эксперимента она несколько (хотя и не принципиально) отличается в деталях и поэтому есть смысл сформулировать её отдельно и более скрупулёзно.

Цель данной статьи в том, чтобы оценить насколько качественно конкретная модель «на основе ИИ» информировала пользователя о зафиксированных в документе исторических событиях, фактах и их контекстуальных интерпретациях по соответствующему запросу.

Необходимости вносить в текст этой статьи подробное описание всех деталей эксперимента, пожалуй, нет. Потому что практически с первых же запросов выяснилось, что точность ИИ в обработке содержания упомянутого исторического источника, во-первых, минимальна, а во-вторых, непредсказуемо вариативна.

Отправив модели запрос, с предложением как можно подробнее охарактеризовать документ в целом, автор, для которого содержание источника секрета не представляло, не мог не заметить, что в «ответе» модели подробности оказались нивелированы до примитивного уровня.

Поскольку «анализируемый» моделью документ представлял собой отчётный доклад группы аудиторов, а в данном жанре подробности как раз важны, у автора статьи резонно возникло некоторое недоумение. Несколько часов последовавших запросов помогли прояснить ситуацию.

Как оказалось, генерируемые моделью «ответы» и собственно содержание документа имели друг к другу, в наилучшем случае, слабое косвенное отношение. Для работы модели, это совсем не обязательно и удивления данный факт не заслуживает.

По схожему поводу, один из основателей и бывший сотрудник OpenAI в октябре 2025 года сравнительно недавно высказался так: «Мы создаем призраков, духов или как бы это ни называлось, потому что мы не занимаемся обучением путем эволюции. Мы занимаемся обучением путем имитации людей и данных, которые они разместили в интернете». [2]

Следует отдать человеку должное за то, что он вполне недвусмысленно поделился и своими соображениями о том, что можно «...создавать этих призраков, похожих на духов сущностей, имитируя документы из интернета. Это работает.» [2]

Впрочем, в речах процитированного специалиста нельзя не уловить и мысль о том, что обучение путем имитации, не обязательно должно увенчиваться скорым и колоссальным триумфом. С учетом того обстоятельства, что за период с 2022 по 2025 гг. свои отношения с OpenAI прекратили десятки ведущих специалистов [3], а один из них по неочевидным причинам официально застрелился, [4] мысль не нова.

В том же интервью есть и следующие слова: «В целом, модели ещё не доработаны. Мне кажется, индустрия делает слишком большой скачок и пытается притвориться, что это что-то невероятное, а это не так. Это просто халтура». [2]

С последним хочется немедленно согласиться. Во всяком случае – развитие индустрии машин для синтеза медиа и то, что называется глубиной исторического анализа – это несхожие измерения. А имитация учебной активности, организованная по принципу, почему бы не поиграть в споры о вымышленных сущностях, не зная фактов – не единственный (и не лучший) способ обучения таким дисциплинам как, например, История России или История медицины. Именно фактология, то есть – документированное описание фактов, и послужило в ходе упомянутого эксперимента той опорой, которая для функционирования модели «на основе ИИ» не нужна. Но есть нюансы. Ради них, собственно, и пришлось, что называется, допросить бота с пристрастием. Если угодно, можно называть это стресс-тестом модели ИИ на обоснованность выдаваемых ею «суждений» о первоисточниках.

Можно упомянуть, что по ходу эксперимента автор несколько раз добивался некоторой коррекции утверждений модели, но за этим (временным) достижением обнаружились фундаментальные системные проблемы.

Автору понятно, что информация не создаётся из ничего. И раз уж модель Perplexity, «созданная на основе Llama 3.3 70B Sonar, дополнительно обучена для повышения достоверности и читаемости ответов в режиме поиска по умолчанию» [5], а её «ответы» фактически неверны, то это крупная проблема. В данной статье она не рассматривается, но её существование многое объясняет. Ведь если обучение моделей ИИ происходит на генерируемых ими же данных, то развитие таких систем рискует до идеала не дорасти, поскольку ошибки накапливаются. В данном случае, некий урок для тех, кому история интересна

как наука, состоял в том, что о собственно «анализируемом» моделью ИИ документе сама модель «не знала» практически и буквально ничего.

Не знала, например, что в 1996 году в Европейском союзе (ЕС) бюджетные траты исчислялись в экю, а не в евро, который ввели только в январе 1999 года. Когда автор подсказал модели, что аудиторы писали свой отчет тогда, когда никакого евро в ЕС попросту не было – ему прислали «искренние» извинения, попеняли на случайность и принялись утверждать, что расчеты в ЕС тогда велись в долларах США, заменив один нонсенс на другой. Модель, по сути, дезинформировала пользователя, отрицая «неизвестные ей» факты и «выдумывая» вместо них нечто не существовавшее. Например, суммы платежей, количество экспертов и остальное.

Практически полное игнорирование содержания текста «анализируемого» документа (модель неверно указала даже количество его страниц, завысив его втрое) не мешало ей компенсировать отсутствие релевантной, качественно обработанной информации количеством извергаемых в секунду слов.

Ирония в том, что это количество не только не производило качества, но и упорно убеждало автора в том, что он, конечно же, заблуждается. Для этого в генерируемых моделью синтетических текстах «ответов» систематически применялись разнообразные риторические уловки. Таковых было много – начиная от подмены слова и манипуляций семантикой, и заканчивая тем, что в общечеловеческом понимании принято называть прямой ложью. В целом, используемый моделью арсенал манипулятивных «высказываний» ничего интересного собой не представлял, хотя и не без особенностей. Одну из них следует отметить.

Это ярко выраженная, доходящая порой до абсурда «склонность» модели демонстрировать упорствующее неведение, что со времен античности воспринималось во многих и многих учебных заведениях как неприемлемое деяние, обесценивающее цели образования.

Разумеется, не обошлось и без ложных ссылок и утверждений, предложений скачать где-то в Сети что-то неявное по несуществующим (404) адресам, некорректных упоминаний и «воспоминаний», и даже жалоб и обвинений. Например, в том, что пользователь (т. е. автор) сознательно лишал модель возможности обновлять «нужные ей» данные, чего он (прошу поверить на слово) не делал. Вместо этого он делал что-то другое, полагая, что история страны – это не то, что чей-то робот написал.

Автору понятно, что данные (которыми модель набита) надо как-то упорядочивать и обновлять, а вопрос о том, как и за чей счет – не для этой статьи. Но создавать в каждом «ответе» иллюзию того, что система «провела поиск» в интернете, потом долго нести убеждающую околесицу и лгать, а когда уличат – называть ложь «неточностью» и начинать заново – это не какие-то «галлюцинации», это уверенный путь в никуда. Такой «инструмент анализа» для исторических исследований не годится.

Судя по текстам, которые плодила при «анализе документов» модель, которая, строго говоря, читать их не умеет, её можно «убедить» в чем угодно. Автору, например, несколько раз удавалось «заставить» модель «признать» тот или иной факт, и получить сгенерированные системой пылкие «извинения».

Гордиться тут нечем, поскольку автор знал, о чём спрашивал и поддаваться очарованию убеждающего правдоподобия текстов, извергаемых нечеловеческими темпами, не собирался. Автор знал, что платформы «на основе ИИ», как правило, подстраивают свои ответы под взгляды пользователя, что может укреплять его ошибочные суждения или порождать новые убеждения, ведущие к заблуждениям.

Среднестатистический студент первого курса всего этого, как правило, не знает, или знает сугубо теоретически. Такое знание ещё нужно суметь применить на практике. И если студент запрашивает информацию, о которой ему ничего не известно, а система ему циклически, многословно и убеждающе лжёт, склоняя его принять непроверяемую точку зрения или совершить определенное действие, то... Это полностью сводит на нет целесообразность использования ИИ, поскольку задавать вопросы, на которые уже известны ответы, как правило, незачем. Разве что в порядке эксперимента.

Список литературы:

- 1.Court of Auditors Special Report No 6/97 concerning TACIS subsidies allocated to the Ukraine together with the Commission's replies (submitted pursuant to Article 188C, paragraph 4, indent 2, of the EC Treaty) (97/C 171/01) // Official Journal of the European Communities. ISSN 0378-6986 C 171 Volume 40 5 June 1997 // https://www.eca.europa.eu/Lists/ECADocuments/SR97_06/SR97_06_EN.PDF [Last accessed: February 28, 2026]
- 2.Patel D. Andrej Karpathy - AGI is still a decade away. "The problems are tractable, but they're still difficult" // Dwarkesh Podcast. October 17, 2025 // <https://www.dwarkesh.com/p/andrej-karpathy> [Last accessed: March 1, 2026]
- 3.The OpenAI Files // Employee Testimonies. 2025 // <https://www.openaifiles.org/former-employees> [Last assessed: March 1, 2026] *At the bottom of this page is a list of more than 50 names of specialists who left the Open AI
- 4.Chien T. Autopsy: No foul play in OpenAI whistleblower's death // The San Francisco Standard. February 14, 2024
- 5.Perplexity Team. Meet new Sonar: A Blazing Fast Model Optimized for Perplexity Search. February 11, 2025 // <https://www.perplexity.ai/hub/blog/meet-new-sonar> [Last assessed: March 1, 2026]

Керженцева Людмила Павловна

старший преподаватель

Пермский государственный медицинский университет им. академика

Е. А. Вагнера

SPIN-код: 6122-4339

Lyudmila Kerzhentseva

Perm State Medical University

ПРОБЛЕМА ДВОЕВЕРИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Аннотация: Феномен двоеверия отражает многогранность русской национальной идентичности, демонстрируя сложность взаимодействия различных культурных слоев и механизмов адаптации новых идей. Обращение к данной проблеме способствует лучшему пониманию особенностей русской души, раскрывая многослойность русской духовности и выявляя уникальные черты коллективного бессознательного, формирующего современную картину мира. Исследование двуслойности религиозной системы остается по-прежнему актуальной. В связи с тем, что оно способствует глубинному осмыслению истоков национальной самобытности и осознанию своей принадлежности к уникальной цивилизации, объединяющей в себе многовековое развитие русских традиций.

Ключевые слова: мировоззрение, самобытность, двоеверие, мир, бытие.

THE PROBLEM OF DOUBLE FAITH AND THE PECULIARITIES OF THE MODERN RUSSIAN WORLDVIEW

Summary: The phenomenon of double faith reflects the versatility of Russian national identity, demonstrating the complexity of the interaction of different cultural strata and mechanisms for adapting new ideas. Russian Russians approach this issue to better understand the peculiarities of the Russian soul, revealing the multilayered nature of Russian spirituality and revealing the unique features of the collective unconscious that shapes the modern worldview. The study of the two-layered religious system remains relevant. Due to the fact that it promotes a deep understanding of the origins of national identity and awareness of belonging to a unique civilization that combines the centuries-old development of Russian traditions.

Keywords: worldview, identity, dual faith, world, being.

Развитие истории России представляет собой уникальное переплетение религиозных взглядов, философско-мировоззренческих концепций и культурно – художественных направлений. Становление русской цивилизации прошло через несколько этапов формирования, каждый из которых был обусловлен

воздействием языческой мифологией, христианской религией, идеями западного Просвещения и восточного мистицизма. Этот сложный процесс, формировавшийся столетиями, оказал значительное влияние на формирование национального самосознания и культурного наследия Русского народа.

Проблема национально-цивилизационной и национально-культурной идентичности России, представляется весьма актуальной как в историческом, так и в философском обозрении. В поисках ответа на этот вопрос стоит углубиться в прошлое, как правильно заметил исследователь В.М. Соловьев: «...потому что формирование российской цивилизации, отличной как от западноевропейской и североамериканской, так и Восточной, заставляет обратиться в глубь веков и выяснить, как национально-этические ценности исторически вплетены в канву общероссийской культуры, когда началось совмещение определенных норм и установок с трансформацией их из внутренних в межнациональные и с параллельным наслоением одной культуры на другую и их взаимопроникновением» [1]. Специфика Российской цивилизации заключается в том, что она есть не что иное как переплетение культур: самого русского народа и иных народностей и народов, с которыми взаимодействовали русские. Исследование влияния мифологических и религиозных верований, философских учений и культурных традиций на формирование исторического облика российского государства невозможно без углубления в глубины древности, в истоки формирования Руси. В виду указанного обратим свое внимание на развитие русского мировоззрения и самосознания.

Формирование языческого мировоззрения и ранняя русская культура представляет собой сложный и многогранный процесс, который охватывает различные аспекты жизни древних славянских племен. Язычество, как система верований, было неотъемлемой частью их повседневной жизни и мировосприятия. Оно базировалось на поклонении силам природы и многочисленным божествам, каждый из которых олицетворял различные природные явления и моменты человеческой жизнедеятельности. Ключевым элементом языческого мировоззрения была вера в духов и предков, которая была основой обрядов и ритуалов, направленных на поддержание связи с потусторонним миром. Не малую роль играли также обряды, связанные с земледелием, охотой и сменой времен года, которые помогали древним славянам объяснить окружающий их мир.

Ранняя русская культура, формировалась на основе этих верований. Она включала в себя богатую устную традицию, выраженную в мифах, легендах и сказаниях. Эти первые литературные произведения передавались из поколения в поколение, формируя коллективную память и идентичность народа. Искусство того времени тоже было тесно переплетено с языческими верованиями: орнаменты, символы и изображения богов находили свое отражение в предметах быта, одежды и украшениях. Археологические находки,

такие как идолы, капища и предметы быта, свидетельствуют о важности религиозных практик в жизни славян.

С распространением христианства в X веке начался постепенный процесс христианизации, который сопровождался деформацией культурных и религиозных практик, путем жесткого насаждения православной религии. Однако, специфика российского мировоззрения такова, что оно весьма консервативно, и новое воспринимается здесь как чуждое и враждебное. Аналогичным образом произошло и с христианством. Элементы язычества сохранились в народных обычаях, праздниках и мировосприятии. К примеру, такие праздники как Масленица, Купала, различные верования в русалок, леших и домовых продолжают существовать в российском мировоззрении до сих пор. На эту специфику обратил внимание Российский историк, академик Б.А. Рыбаков в монографии «Язычество Древней Руси», по его мнению, народная культура носила языческий характер и противопоставлялась христианству. Основания такого подхода ищутся, в частности, в различных народных праздниках, которые использует РПЦ, но носящих специфичный и особый характер. К примеру, Рождество с элементами колядования, Масленица с блинами, Троицын день с обрядами поклонения березе, Иван Купала с ночными кострами [2]. В Российской исторической науке данная специфика слияния язычества и христианства получила такое название как «проблема двоеверия».

Формирование двоеверия началось в процессе крещения Руси Владимиром Святославовичем в 988 году, когда князем было заявлено, что православие – это официальная религия государства. Однако этот процесс носил постепенный характер и столкнулся с рядом серьезных трудностей. Древние языческие верования были глубоко укоренены в повседневной жизни и народных традициях, поэтому насаждение христианства не могло вытеснить старые представления сразу же. Это привело к смешению двух разных мировоззренческих систем, каждая из которых оказывала влияние друг на друга. Одним из факторов, способствовавших распространению двоеверия, было слабое развитие церковной инфраструктуры в первые столетия после введения христианства. Количество храмов и священников оставалось недостаточным для полного охвата всех регионов и слоев населения. Ввиду этого большая часть населения древней Руси продолжала соблюдать традиционные праздники и ритуалы, постепенно адаптируя их к новым религиозным требованиям [3].

Термин «двоеверие», как и сама «проблема двоеверия» неоднозначны в исторической науке. Ряд историков видят в ней только оязычивание христианства, иные же – язычество с явными элементами православного налета [2]. Отметим, что современные следы двоеверия в русской культуре проявляются в синкретизме христианских и языческих элементов. Можно с уверенностью написать, что в России XXI – го столетия языческие традиции продолжают жить под православным покровом.

Наиболее очевидные проявления двоеверия наблюдаются в обрядовых практиках русского крестьянского общества. Например, весеннее – летние празднества, такие как Масленица, Купала, Троица, изначально они имели языческое происхождение, тесно связанное с поклонением природе и духам предков. После прихода христианства эти торжества приобрели новый смысл, но сохранили некоторые черты прежних верований. В качестве примера обратимся к обычаю прыгать через костер на Ивана Купалу. В языческой Руси этот обычай означал очищение от грехов, хотя ранее был частью магического ритуала плодородия [2]. Еще одним примером можно считать – почитание святых покровителей домашних животных и земледелия. Эти святые часто воспринимались народом как защитники конкретных сфер деятельности, подобно дохристианским богам Велесу и Перуну. Можно отметить, что таким образом в восприятии простых людей образ святого совмещался с чертами древнего бога, создавая двойственное представление о сущности священного персонажа.

Отметим также особое отношение русских крестьян к таким явлениям природы, как гроза, ветер, дождь, солнце, которое может интерпретироваться как отражение дуалистического восприятия мира. Обращенные в православную религию люди, продолжали одновременно молиться Богу и старались умиловить природные силы с помощью заговоров и специальных обрядов, сочетающих христианское благочестие и древние поверья.

Церковь прекрасно осознавала опасность распространения двоеверия и предпринимала все возможные усилия по укреплению православной религии среди населения Руси. Для борьбы с элементами язычества создавалась специальная литература, направленная на разъяснение православных догматов и осмеяние старых суеверий. Однако, эффективность данных мер была крайне ограниченной и малоэффективной из-за низкого уровня образования основной массы населения и слабостью влияния церкви в отдаленных регионах (Урал, Сибирь) [4]. Многие местные священники сами испытывали недостаток знаний и нередко разделяли веру в приметы и колдовство вместе с прихожанами. Лишь к XVII веку усилилась централизованная власть Московского патриархата, и борьба против язычества стала проводить систематично [5].

Сегодня вопрос двоеверия остается актуальным в историческом дискурсе. Исследователи отмечают сохранение отдельных архаичных элементов в современной духовной жизни российского народа. Этнографические экспедиции фиксируют существование народных обычаев, корнями уходящих в глубокую древность. Среди них можно выделить различные гадания, ритуалы и лечебные практики. Несмотря на то, что церковь официально выступает против подобных явлений, в реальности же многие верующие продолжают обращаться к ним наряду с традиционным богослужением.

Важным элементом остается и то, что интерес к древней славянской культуре и религии получил новое распространение благодаря развитию движения родноверия и появлению альтернативных исторических концепций.

Этот феномен важен, так как создает условия для переосмысления роли двоеверия в формировании национальной идентичности культурного наследия России.

Отметим, что традиционно двоеверие понимается как сосуществование двух противоположных религиозных традиций внутри одной культуры или сознания отдельного человека. Исторически этот феномен характерен для периода перехода от язычества к христианству, когда старые верования постепенно вытеснялись новыми религиозными нормами, однако элементы древних культов сохранились среди народа длительное время. Однако, проблема двоеверия выходит за рамки одной исторической эпохи Древней Руси, а приобретает новые формы и значение в современном российском обществе.

Российские историки выделяют несколько ключевых факторов, которые могли поспособствовать сохранению и развитию двоеверия в сознании российского общества:

1. Историческое развитие русской цивилизации – уникальность. Его культурные развитие – глубокие традиции взаимодействия различных культур и народов. Одним из ключевых факторов является сочетание восточной и западной цивилизаций, влияние Византии и Европы, азиатских кочевых племен и северных финно-угорских народностей. Подобное разнообразие неизбежно порождает комплексность восприятия мира и способствует возникновению элементов двойственности в мировосприятии.

2. Постсоветское пространство знаменовалось возвращением традиционных конфессий и появлением новых форм религиозной идентичности. Современной личности приходится сталкиваться с множеством альтернативных путей духовного поиска, что также создает предпосылки для формирования гибридных представлений о мире.

3. Трансформация социально-экономического уклада после распада СССР привела к утрате прежних ориентиров и ценностей. Советская идеология, основанная на марксизме-ленинизме, а в сущности, базирующаяся на атеизме и материализме, сменилась неопределенностью и фрагментарностью мировоззренческих установок. Отсутствие четких моральных норм и общественных институтов, обеспечивающих целостность культурной среды, стало причиной развития синкретизма и межкультурных заимствований.

4. Развитие современных технологий коммуникации позволяет гражданам получать доступ к различным источникам информации, зачастую взаимоисключающим друг друга. Средства массовой информации, а также Интернет-ресурсы влияют на формирование сознания индивида, предлагая готовые решения, модели поведения, нравственные и моральные ориентиры, что приводит к размыванию границ между различными культурами и вероучениями.

В современном российском обществе формы двоеверия выражаются в следующем:

Многие россияне испытывают внутренний конфликт между традиционными русскими ценностями и западными, выраженными в стремлении к индивидуализации личности с одной стороны, и «обществом потребления» с другой. Данный конфликт неизбежно приводит к трудностям осмысления своей национальной идентичности, поиске гармоничного сочетания национальных корней и мировых тенденций.

Русская литература, кинематограф и другие виды искусства несут в себе отражение сложности современного культурного контекста. Таким образом, они стремятся сохранить национальную самобытность одновременно с влиянием западных образцов творчества. Данный процесс сопровождается диалогом поколений, который выражается через творчество авторов, музыкантов и художников.

Также, традиционные обычаи и ритуалы взаимодействуют с современными реалиями повседневной жизни, создавая уникальные явления, характеризующиеся совмещением традиционного и инновационного подходов. В данном случае можно привести в пример празднование Нового года, совмещающего древние аграрные празднества с международными стандартами торжества.

Исследование феномена двоеверия в специфике русского сознания позволяет глубже понять особенности исторического пути России и определить направления возможного дальнейшего развития духовной сферы общества. Современные условия требуют выработки целостного подхода к формированию общественного сознания, позволяющего эффективно сочетать национальные традиции и мировые тенденции, обеспечивая устойчивость национального самосознания и преемственность поколений.

Двоеверие представляет собой феномен религиозной культуры, который характеризуется сосуществованием элементов традиционной народной веры и христианского вероучения. Оно зародилось в период раннего Средневековья после принятия Русью православия и продолжает сохраняться в современной России благодаря стойкости народных традиций и ритуалов, воспринятых народом наряду с официальным религиозным учением православной церкви.

Исторически, процесс формирования двоеверия был обусловлен рядом факторов. Исследователи отмечают, что принятие христианства происходило достаточно быстро, но народные массы продолжали сохранять приверженность древним языческим традициям и обычаям. Многие аспекты язычества были переосмыслены и интегрированы в православную систему верований, что в дальнейшем привело к формированию особого культурного феномена, где языческая мифология имплицитно встроена в религиозное мировоззрение.

Также развитию двоеверия способствовало специфическое отношение русских людей к новой религии. Православие ими воспринималось скорее как форма официального исповедания, связанная с государственным устройством и социальным статусом личности, тогда как старые народные обычаи и представления оставались по-прежнему важнейшим элементом повседневной

жизни [7], определяющим поведение людей вне официальной церковной сферы.

Современное российское сознание сохраняет черты данного явления. Несмотря на длительный исторический путь развития русской цивилизации, некоторые формы двоеверия продолжают существовать и в настоящий момент. К примеру, многие россияне совмещают посещение храмов и соблюдение постов с участием в традиционных праздниках, имеющих языческое происхождение, таких как Масленица или Купала. Подобные практики могут свидетельствовать о сохранении влияния старых религиозных представлений, несмотря на длительное доминирование христианской ортодоксии.

Сегодня исследователи (социологи, историки и философы) [8] выделяют несколько особенностей современной ситуации, влияющих на сохранение двоеверия среди населения России. Стоит отметить значительную роль культурной памяти, передающей традиционные верования через поколения посредством фольклора, устных преданий и обрядовых действий. Культурная память играет ключевую роль в поддержании преемственности культурных практик, включая в себя религиозные установки и убеждения.

Также, социологические исследования показывают [9], что значительная часть россиян проявляет интерес к различным формам эзотерического знания и оккультизма, что подтверждает о наличии элементов двоеверия в современном русском сознании. Можно предположить, что данное явление связано с поиском новых смыслов и идентичности в условиях глобализации и модернизации российского общества.

В качестве заключения отметим следующее. Проблема двоеверия – важная тема для изучения особенностей национального характера и структуры массового сознания современной России. Понимание сущности механизмов взаимодействия разных типов религиозных установок дает возможность осмыслить специфику культурного процесса, происходящего в российском обществе, а также выявить тенденции развития национальной духовной культуры в будущем.

Феномен двоеверия отражает многогранность русской национальной идентичности, демонстрируя сложность взаимодействия различных культурных слоев и механизмов адаптации новых идей. Обращение к данной проблеме способствует лучшему пониманию особенностей русской души, раскрывая многослойность русской духовности и выявляя уникальные черты коллективного бессознательного, формирующего современную картину мира. Исследование двуслойности религиозной системы остается по-прежнему актуальной. В связи с тем, что оно способствует глубинному осмыслению истоков национальной самобытности и осознанию своей принадлежности к уникальной цивилизации, объединяющей в себе многовековое развитие русских традиций.

Список литературы:

- 1.Соловьев В.М. Становление Российской культуры (XIV-XVII вв.): морфология и хронология - URL: Российская культура. Становление: морфология и хронология (дата обращения 15.01.2026).
- 2.Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - М., 2013. -640 с.
- 3.Повесть временных лет. Российская академия наук. - URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Letopisets/povest-vremennyh-let/1 (дата обращения 16.01.2026)
- 4.Панин А.С. Феномен двоеверия в XX веке по материалам Тульского края - URL: Феномен двоеверия в XX веке по материалам Тульского края (дата обращения 15.01.2026).
- 5.Поляков А.Н. Проблема двоеверия в истории древней Руси - URL: 1d07a4fc-bce0-45e6-a507-216a4847bb0c (дата обращения 15.01.2026)
- 6.Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Журнал Министерства народного просвещения. № XI – 79с.
- 7.Керженцева Л.П. Повседневное событие как проявление человеческой сущности. Философия XXI века: новые стратегии философского поиска. М., 2024. С. 104-112.
- 8.Филиппов Г.Г. К проблеме двоеверия. Историографический анализ - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-dvoeveriya-istoriograficheskiy-analiz/viewer> (дата обращения 15.02.2026)
- 9.Новые известия - URL: <https://newizv.ru/news/2022-02-05/olga-hristoforova-uvlechenie-okkultizmom-idet-v-narod-ot-elity-351065?ysclid=mlqeeutvje717055869> (дата обращения 15.01.2026)
- 10.Аникина В.П. Русские заговоры и заклинания. - М., 1998. 480 с.
- 11.Колчин Б.А. Древняя Русь. Быт и культура. - М., 1997. 368 с.
- 12.Ерыгин А.Н. Феномен восточнохристианской цивилизации и русская философия. - Ростов н/Д, 2009. 235 с.

Киселева Анастасия Александровна

преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 5676-5730

Kiseleva Anastasiia

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РОЛЬ ДИЗАЙНА В МУЗЕЕФИКАЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ЭКСПОЗИЦИИ ДЛЯ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА В ЗАМКЕ ГЕОРГЕНБУРГ

Аннотация: В статье рассматривается роль экспозиционного дизайна в процессе музеефикации исторических памятников в Калининградской области, возможные пути развития замковых комплексов, привлечение к массовым культурным и образовательным мероприятиям населения из различных регионов нашей страны, развитие внутреннего туризма, а также проблемы, связанные с ревитализацией объектов культурного наследия на примере реновации исторического замка Георгенбург. В статье приводятся примеры использования интерактивных и мультимедийных технологий и методы организации выставочного пространства.

Ключевые слова: экспозиционный дизайн, реновация, реконструкция, музеефикация, замок Георгенбург, Калининградская область.

THE ROLE OF DESIGN IN MUSEUMIFICATION: SHAPING THE PERCEPTION OF CULTURAL AND ARTISTIC HERITAGE THROUGH THE CREATION OF AN EXHIBITION FOR THE MUSEUM COMPLEX AT GEORGIENBURG CASTLE

Summary: This article examines the role of exhibition design in the process of museumification of historical monuments in the Kaliningrad region. It explores potential development paths for castle complexes, the attraction of populations from various regions of our country to mass cultural and educational events, the development of domestic tourism, as well as the problems associated with the revitalization of cultural heritage sites, using the renovation of the historic Georgenburg Castle as a case study. The article provides examples of the use of interactive and multimedia technologies and methods of organizing exhibition space.

Keywords: exhibition design, renovation, reconstruction, museumification, Georgenburg Castle, Kaliningrad region.

Современный музей – это сложный многофункциональный центр, который является не только хранилищем произведений искусства, артефактов и

исторических объектов, но и пространственной многоуровневой средой, призванной сохранять культурное наследие, делать его максимально доступным и интересным для изучения широкой аудитории. В этом контексте экспозиционный дизайн играет значимую роль в формировании социокультурных представлений общества в создании нового облика пространства музея, определяя тем самым важные функции и пути развития подобных центров [1].

Актуальной на сегодняшний день темой для исследования является проблема ревитализации памятников культурного и исторического наследия в Калининградской области. Многие замки Тевтонского ордена (на территории Калининградской области насчитывается около 40 замков) находятся в разной степени сохранности, некоторые из них – в руинированном состоянии [4]. Особый интерес представляет собой изучение и переосмысление истории региона на примере восстановления замков с использованием их в наши дни не только как музейные комплексы, но площадки для проведения зрелищных мероприятий и фестивалей, реконструкции под гостиничные комплексы с расширенными функциями. Реновация памятников культурного наследия Восточной Пруссии является сакральным продолжением жизни замков в новых исторических реалиях, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее региона.

В различных исторических и культурных комплексах сегодня заметно явное стремление к использованию современных технологий и их интеграции с традиционными ценностями в объектах культурного наследия. Особенно это проявляется в проектах, где внедрение новых технологий в исторический контекст придает выставочным пространствам новый уровень функциональности и эстетического восприятия.

На примере опыта работы с выставочными пространствами в Калининградской обл. – реновацией Замка Георгенбург - можно проследить важную роль дизайна в проектировании экспозиций в сочетании исторической архитектуры с инновационными технологиями.

Замок Геогенбург (Georgenburg) находится в г. Черняховск Калининградской области, расположен на правом берегу реки Инстер. Первые укрепления будущего замка были заложены рыцарями тевтонского ордена в 1264 году. В 1351 г. замок был перестроен в камне и назван в честь Святого Георгия, он был воздвигнут на месте старого прусского городища Капзовин (нем. Karzowin). После раздела земель между Орденом и Замландским епископом Якобусом территория замка отошла епископству. Данная территория имела важное политическое и стратегическое значение, поэтому часто подвергалась набегам и разрушениям. После многократных литовских нападений в XIV и XV вв. замок века был значительно укреплен и перестроен. Но, несмотря на серьезные фортификационные сооружения конца XIV века, в 1403 г. он был стремительно захвачен войском литовского князя Витовта. До 1525 г. замок находился в собственности Замландских епископов,

впоследствии, после образования герцогства Пруссия, он стал административным центром каммерамта, где расположилась герцогская земельная палата. Во время Семилетней войны замок Георгенбург стал временной резиденцией командующего русской армией фельдмаршала С.Ф. Апраксина. С XIX в. замок перешел во владение шотландского коннозаводчика Иоганна Вильгельма Симпсона, организовавшего знаменитый конный завод с выведением тракененской породы лошадей. В 1899 г. государство выкупило замок и конный завод, который впоследствии стал главным конным заводом Пруссии. После событий Второй мировой войны замок Георгенбург уцелел и использовался как лагерь для немецких военнопленных, некоторое время был тюрьмой, а позднее - инфекционной больницей. Отсутствие ухода и своевременного ремонта привело постройки в разрушающееся катастрофическое состояние. В 2010 году был передан РПЦ. В настоящее время в форбурге замка располагается резиденция епископа Черняховского и Славского [5]. С 2024 года на территории замка проводятся масштабные реставрационные работы по восстановлению строений и возведению нового гостиничного корпуса по сохранившимся историческим документам и чертежам (рис. 1).

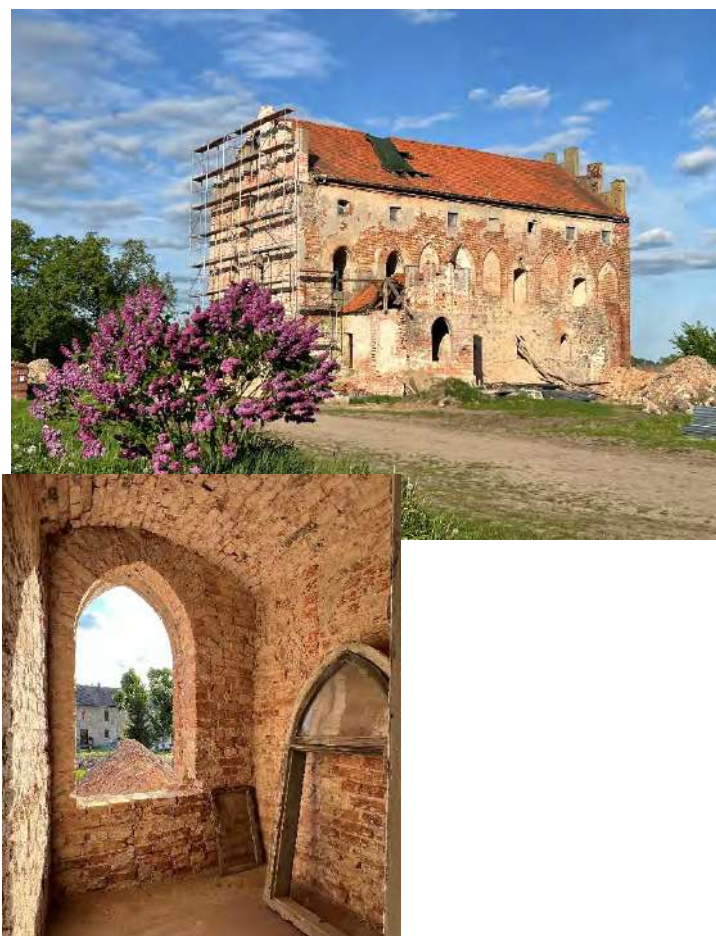

Рис. 1. Замок Георгенбург (современное состояние)

Основной идеей проекта при организации выставочных пространств в замке Георгенбург стала актуализация сакральной составляющей истории региона с позиции его современного культурно-политического состояния. В задачи проекта входило создание на базе реконструируемого замка точки притяжения туристов из различных регионов нашей страны и соседних Европейских стран, которая неявным образом вовлечет посетителей комплекса в процесс переосмысления истории региона, создаст новые сценарии использования памятника как музейного и гостиничного комплекса, позволит почувствовать «дух места» и приобщиться к истории конюшен замка, побывать на скачках и открыть новые туристические возможности для Калининградской области. Создание крупного культурного и исторического центра в замке Георгенбург предполагает комплексный подход при восстановлении сооружений, проектировании благоустройства прилегающей территории и пейзажного парка рядом с замком. Особое внимание будет уделяться интеграции и реконструкции уже существующих строений на территории замка. В наиболее сохранившемся корпусе замка предполагается создание музейной экспозиции, а в прилегающем к нему флигеле (который на данном этапе находится в процессе воссоздания) будет размещаться туристический центр и небольшой гостиничный блок.

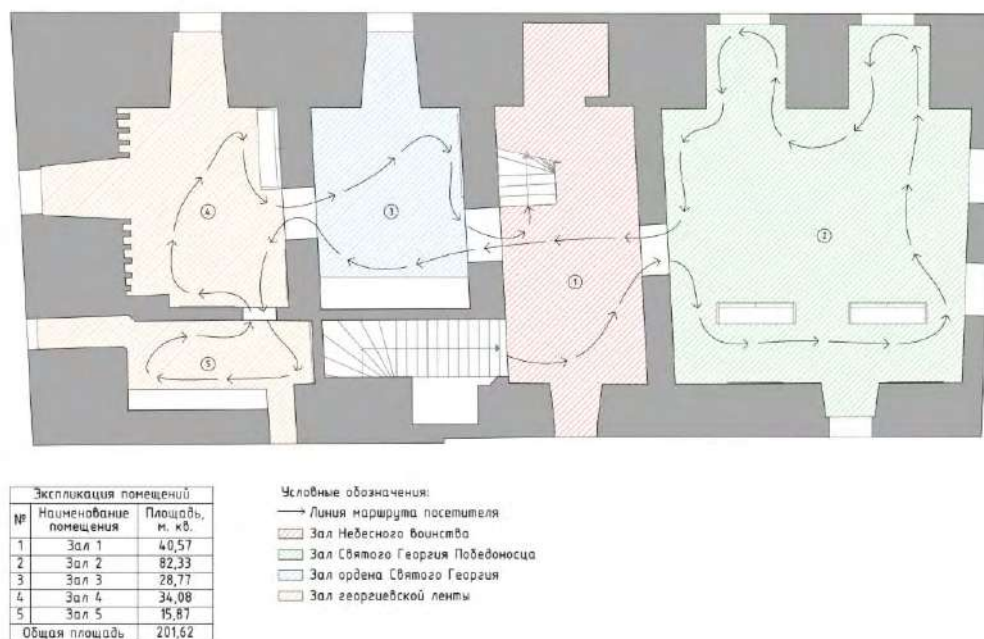

Рис. 2. Тематико-экспозиционный план выставочных пространств в замке Георгенбург

Одной из основных целей экспозиции в замке стала необходимость показать, что историческая (Восточная) Пруссия являлась территорией этнического взаимодействия, в которой одни народы сменяли другие, при этом изменения были тесно связаны с религией. Сквозной нитью, объединяющей всю экспозицию, является идея русского (православного) присутствия на исторических прусских землях в разные исторические периоды. В процессе

проектирования было принято решение разделить экспозицию на несколько отдельных тем (для каждого из залов), связанных с историей места и религией (рис. 2). С помощью световых проекций предлагается создать визуальный ряд особо почитаемых святых, интерактивные панели в каждом зале позволят посетителям воссоздать внешний вид и историю замка в разное время. Особое место в экспозиции занимает зал, посвященный истории возникновения и символике Георгиевской ленты (рис. 3).

Рис. 3. Визуализации зала Георгиевской ленты

Опыт проектирования выставочных пространств в Георгиенбурге позволил сформулировать принципы работы с внедрением современных технологий в экспозиции, расположенных в исторических и культурных объектах, при этом сохраняя историческую достоверность и одновременно добавляя новые возможности для посетителей. Методы и материалы, которые применялись в данном проекте, включают в себя анализ архивных материалов, консультации с экспертами по истории и культуре, а также анализ современных программ и средств для создания интерактивных экспозиций и мультимедийных файлов, исследование рынка современного, инновационного выставочного оборудования, их технических возможностей (рис. 4).

Рис. 4. Визуализации зала Святого Георгия Победоносца

При проектировании выставочных пространств в исторических сооружениях требуется особый подход и внимание к деталям, а зачастую целый комплекс мер по реконструкции, реставрации и консервации, документации и мониторингу. Для соблюдения баланса между традиционными и современными компонентами важно фиксировать и учитывать оригинальные архитектурные детали, элементы и структуру здания. Архитектурные и культурные элементы из истории становятся неотъемлемой частью современных проектов, создавая уникальное взаимодействие между прошлым и настоящим.

Проект выставочного пространства в замке Георгенбург считать примером удачного слияния современных технологий с исторической архитектурой и многовековыми традициями. Создание крупного культурного-выставочного центра на базе архитектурных строений замка показывает, что можно, сохраняя исторический облик здания, добавлять новые концепции для музейных залов, выставочных и образовательных пространств. В новом прочтении замок – это не только музей, но и место для современных культурных мероприятий. Использование интерактивных и мультимедийных элементов в экспозиции привлечет внимание молодежи и детей, которым смогут с интересом изучать историю Восточной Пруссии.

Список литературы:

1. Каулен, М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. — Москва: Этерна, 2012. — 462 с. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/45935.html> (дата обращения: 10.02.2026)
2. Глушкова, П. В. Музеи под открытым небом: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 51.03.04 (072300.62) «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», профиль «Культурный туризм и экскурсионная деятельность» / П. В. Глушкова, В. М. Кимеев. — Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2015. — 152 с. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/55797.html> (дата обращения: 10.02.2026)
3. Абрамова, П. В. Методика сохранения и актуализации объектов культурного наследия: учебное пособие для обучающихся по направлению магистратуры 51.04.04 «Музеология, охрана объектов культурного и природного наследия», профиль «Проектно-инновационная деятельность в сфере культурно-познавательного туризма» / П. В. Абрамова. — Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2020. — 112 с. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/108565.html> (дата обращения: 10.02.2026)

- 4.Замки Калининградской области / [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Замки_Калининградской_области (дата обращения: 27.02.2026)
- 5.Георгенбург / [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Георгенбург> (дата обращения: 27.02.2026)

Кобылецкий Михаил Александрович

учитель истории

Лицей №29, г. Омск

SPIN-код: 4927-5084

Mikhail Kobyletsky

Omsk Lyceum No. 29

ПРИХОД К ВЛАСТИ А.В. КОЛЧАКА В ОТРАЖЕНИИ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация. Статья посвящена вопросу оценки прихода к власти А.В. Колчака. Рассмотрены публикации периодической печати, в которых это событие было описано. Была осуществлена попытка охарактеризовать ведущие издания с точки зрения отражения восприятия образа верховного правителя. Рассмотрены основные формы трансляции представителей различных изданий «белогвардейской» направленности.

Ключевые слова: периодическая печать, идеологическая направленность, общественное мнение, «Русская Армия», «Сибирская речь».

THE RISE TO POWER OF A.V. KOLCHAK IN THE REFLECTION OF THE WHITE GUARD PERIODICAL PRESS

Summary: The article is devoted to the issue of assessing the rise to power of A.V. Kolchak. The publications of the periodical press in which this event was covered are considered. An attempt was made to characterize the leading publications in terms of reflecting the perception of the image of the supreme ruler. The main forms of broadcasting representatives of various publications of the "White Guard" orientation are considered.

Keywords: periodicals, ideological orientation, public opinion, Russkaya Armiya, Sibirskaya Rech.

Вопрос прихода к власти А. В. Колчака вызывал, и до сих пор вызывает живейший интерес, как современников тех событий, так и современных исследователей. Сведения о событиях, связанные с приходом к власти А.В. Колчака служили, прежде всего, источником информации о биографии Верховного правителя России [1], как свидетельство проводившейся антибольшевистскими властями агитационно-пропагандистской работы [2]. Однако данная тема практически никогда не рассматривалась на основании газетной публицистики «белого» движения.

Изменения в системе институтов власти в годы гражданской войны были закономерны и, в свою очередь, влекли за собой изменения политического нарратива, а также форм и способов идеологической коммуникации власти и общества. Антибольшевистское движение, имея тенденцию к вождизму,

нуждалось в оформлении этого стремления. Именно поэтому одной из важнейших пропагандистских, идеологических и политических задач Колчаковского режима стала репрезентация фигуры носителя верховной власти российскому обществу, населению страны в целом. Одной из форм решения данной задачи стало написание и публикация статей и очерков в периодических изданиях белогвардейской направленности, которые зачастую издавались отдельными изданиями [3,7,8,9].

Обстоятельства «Колчаковского переворота» широко обсуждались в периодической печати Западной Сибири. Любопытными для исследователя представляются материалы, опубликованные в изданиях разной идеологической направленности, что позволяет наиболее полно охарактеризовать отношение общества к данному событию.

Особый интерес представляют издания «белогвардейской» направленности, так как представить их в едином идеологическом поле представляется крайне затруднительным. Среди периодической печати особое внимание заслуживают следующие издания: газета «Русская Армия», которая относится к официальной прессе, «Сибирская Речь» (газета кадетской партии). Выбор данных изданий обусловлен, прежде всего, тем, что они имели большее распространение в Сибирском регионе и соответственно большую аудиторию читателей.

Особый интерес представляют публикации в газете «Русская Армия». Данное издание было учреждено в ноябре 1918 г. при информационном отделе Штаба Верховного главнокомандующего, и первый номер увидел свет 19 ноября 1918 г. Газета издавалась ежедневно в городе Омске, объем варьировался от двух до шести страниц. Редакторами газеты в разное время были ротмистр С.А. Скрыбин и подполковник Ю.С. Геркен, которого на непродолжительное время замещал поручик А.Брод. Последний номер газеты вышел 9 ноября 1919 года, накануне того, как Российское правительство под ударами Красной Армии покинуло Омск.

Обращения в периодической печати к населению, особенно к действующей армии, несли важную смысловую нагрузку. С их помощью правительство позиционировало себя, и показывало свое отношение к тем или иным событиям, происходящим в тылу или на фронте. Необходимо отметить, что наибольшее количество публикаций такого характера было опубликовано в ноябре 1918 г. (семь публикаций). Это объясняется тем, что новой власти необходимо было сообщить о себе и утвердиться в глазах населения в качестве носителя верховной государственной власти.

Поскольку данное издание имело в основном аудиторию среди офицерского состава белогвардейских формирований и носило официозный, агитационный и пропагандистский характер, первые публикации касались реорганизации армии. Так, например, указывалось на необходимость сплотиться офицерам и солдатам вокруг Верховного правителя и отдать все

силы на борьбу с большевизмом, а также указание на необходимость исключения из рядов армии политических споров.

В другом ракурсе эту проблему освещали издания кадетской партии, например, газета «Сибирская Речь», которая издавалась Омским комитетом партии "Народная свобода" и была "рупором сибирских кадетов, стоящих на правых позициях". Летом 1918г. это издание готовил к выпуску редакционный коллектив при ближайшем участии В.А. Жардецкого. Настроения кадетской печати значительно изменились после прихода к власти А.В. Колчака в сторону реакции, что нашло отражение в публикациях ведущих авторов, которые стали пропагандировать положительный аспект прихода к власти единого правителя.

Так, например, 15–18 ноября 1918 г. в Омске прошла Вторая Сибирская конференция кадетской партии. Тезисы доклада Пепеляева были приняты 16 ноября (за 2 дня до колчаковского переворота) подавляющим большинством голосов 21 против одного. Резолюция конференции гласила: «Партия должна заявить, что она не только не страшится диктатуры, но при известных обстоятельствах считает ее необходимой».

По поводу собравшегося на Урале съезда членов Учредительного собрания, состоявшего в большинстве из эсеров и, занимавшего позиции социалистической демократии и интернационализма, в резолюции говорилось: «Партия не признает государственно-правового характера за съездом членов Учредительного собрания, и самый созыв Учредительного собрания данного состава считает вредным и недопустимым».

«Сибирская речь» саркастически отмечала, что эсеры ненавистны всем жаждущим порядка, и наоборот, слишком «пресны» для тех, кто «обожжен соблазнами большевизма». Подводя итоги их деятельности в Сибири, она аттестовала их как «милостью чехов получивших власть людей, имевших 2-летний стаж образования в уездном училище и 20-летний стаж каторги за грабежи». Газета В.А. Жардецкого не жалела красочных эпитетов для эсеров, называя их «политическими гермафродитами», «выкидышами русской революции», «мыльными пузырями» и «партией обезьяньего народа бандерлогов».

Переворот 18 ноября 1918 года, приведший к власти Колчака, В.А. Жардецкий бурно приветствовал. Он также был глубоко разочарован не приглашением делегатов России на Парижскую мирную конференцию по окончании Первой мировой войны.

Точно такую же позицию представлял С.А. Ауслендер, автор брошюры, посвященной А. В. Колчаку [4,5], ставший, впоследствии, биографом адмирала, превозносил роль прихода к власти Верховного правителя, что совпадает по содержанию с позициями кадетской партии. За основу автором были взяты собственные наблюдения и публикации в периодических изданиях «белого» Омска, в том числе и публикации на страницах таких газет, как «Русская Армия», «Сибирская речь» и другие. Брошюра «Верховный правитель адмирал

А.В. Колчак» [6] является наиболее известной из пропагандистских политических биографий, посвященных Верховному правителю.

Таким образом, приход к власти А.В. Колчака в прессе, относящийся по идеологической направленности к белогвардейской, был оценен в целом позитивно. Однако, при этом, не следует забывать, на территории, контролируемой «белыми» властями, существовала жесткая цензура в независимости от «политической» направленности издания. Также следует отметить, что, несмотря на позитивное, одобрительное в целом отношение к перевороту, в белогвардейской прессе он все же рассматривался как локальный политический шаг, носил, скорее идеологический характер, являлся попыткой объединения всех антибольшевистских сил и концентрации власти в одних руках, однако, как показали дальнейшие события, этот момент не был использован в полном объеме. Тем не менее, отражение в печати самого факта смены власти имело большой общественный резонанс, ему отводилась весьма значительная политическая, и даже, историческая роль.

Список литературы:

- 1.Звягин С. П., Плотников И. Ф. Колчак Александр Васильевич // История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. — СПб., 1996. — С. 22–28.
- 2.Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: жизнь и деятельность. — Ростов н/Д., 1998. — С. 289.
- 3.Луков Е. В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 — январь 1920 г.) — Томск, 2007. — С. 122.
- 4.Адмирал Александр Васильевич Колчак. — Пермь, 1919. — 2 с.
- 5.Ауслендер С. Адмирал Колчак. — Пермь, 1919. — 8 с.
- 6.Ауслендер С. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. — Омск, 1919. — 33 с.
- 7.Кипарисов В. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. Омск, 1919. 37 с.
- 8.Морской Н. Кто такой Колчак? — Ростов н/Д., 1919 — 14 с.
- 9.Ольгин И. Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак. — Харьков, 1919. — 31 с.
- 10.Щепкин Г. Сибирь и Колчак. — Новочеркасск, 1919. — 36 с.

Коженова Любовь Валентиновна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 3413-2179

Kozhenova Lyubov

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЗНАЮЩЕГО СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Аннотация: В статье рассматривается аспект проблемы идентичности познающего субъекта в философии Иммануила Канта. Даны особенности эпохи Просвещения. Обозначены главные вопросы и понятие познающего субъекта в философии Канта. Представлены две способности познания: рассудок и чувственность. Показаны стабильное и кризисное состояние знания. Обозначены проблема идентичности познающего субъекта и ее преодоление в соответствии с гипотетико-индуктивной концепцией знания И. Канта и свобода как условие новое знание.

Ключевые слова: Просвещение, познающий субъект, способы познания, стабильное знание, кризисное знание, новое знание, свобода.

THE PROBLEM OF THE IDENTITY OF THE KNOWING SUBJECT IN IMMANUEL KANT'S PHILOSOPHY

Summary: The article examines the aspect of the problem of the identity of the knowing subject in the philosophy of Immanuel Kant. The features of the Enlightenment era are given. The main questions and the concept of the knowing subject in Kant's philosophy are outlined. Two cognitive abilities are presented: reason and sensibility. The stable and crisis state of knowledge are shown. The problem of the identity of the knowing subject and its overcoming are outlined in accordance with Kant's hypothetical-inductive concept of knowledge and freedom as a condition for new knowledge.

Keywords: Enlightenment, cognitive subject, ways of cognition, stable knowledge, crisis knowledge, new knowledge, freedom.

Великий немецкий философ Иммануил Кант (1724-1804) родоначальник немецкого классического идеализма родился, жил, творил и умер в Кенигсберге. Кант был предельно систематичен не только в философствовании, но и в жизни. Бытуют легенды, что в городе по нему сверяли часы. Кант своей мыслью смог охватить весь опыт человека познающего, и создать строгую целостную систему философии трансцендентального идеализма, идеи которой

будут служить и служат до сих пор последующему развитию философской мысли.

Период философского творчества Канта, это эпоха Просвещения, когда философия позиционирует себя наукой, но у нее нет своего собственного предмета исследования. Она познает то как работает познание, исследует как мыслит мышление и это делает ее наукой наук.

Эпоха Просвещения, это время, когда человек обретает мужество отказаться от опоры на внешние идейные конструкции: религию или мифологию. Бог остается, но перестает быть тотальной довлеющей силой. Человек начинает мыслить самостоятельно, в этом проявляется суть культа разума эпохи Просвещения. В статье «Что такое Просвещение?» Кант пишет, что Просвещение – это момент стадии «взросления человека». А весь масштабный многолетний философский труд Канта – это его ответ на вопрос: Что такое человек?

Открывая философию Канта, мы знакомимся с тремя главными вопросами, которым посвящены его философские изыскания, и которые ведут к четвертому, ключевому вопросу его философии:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

Что такое человек – вопрос всей философии Канта, если ответить на первые три вопроса, то получим ответ и на главный четвертый вопрос, утверждает Кант.

В трех основных своих фундаментальных работах Кант предлагает посмотреть на познание с точки зрения, когда познаваемое соотносится прежде всего с субъектом. Исследуя способности мышления, способы познания, задачи разума, свойства рассудка, начальной точкой своей философии он утверждает субъекта познающего: «До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметом. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи {...} более успешно, если будем исходить из положения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, – а это лучше согласуется с требованием априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны» [3].

Субъект в философии Канта становится центром познавательного процесса. Этот коперниканский переворот в философии, Кант представит в «Критике чистого разума», где определит границы и возможности знания субъекта.

В «Критике практического разума» Кант вскрывает проблемы и основания практического разума, определяет принципы, на которые субъект должен опираться, к чему должен стремиться и чего избегать, как должен жить.

«Критика способности суждения» посвящена связи между теоретическим и практическим разумом, тому началу, которое позволяет теорию и практику связать и увидеть их не только в различии, но и в гармонии.

Познающего субъекта, как и многие концепты своей философии, Кант определяет дихотомично. С одной стороны, как субъекта, который соотносится с системой знания, т.е. представляет из себя того, кто мыслит – «Я мыслю», с другой стороны, соотносит его с совокупностью суждений, описывающих чувственный опыт, т. е. познающий субъект, это и субъект непосредственно чувствующий – «Я есть». Поскольку познающий субъект может мыслить природу с позиции рассудка – «Я мыслю», он мыслит природу как некоторую систему знаний, но с позиции чувственного опыта, познаваемая природа будет выглядеть иначе. Чувственность и рассудок – разные способности познания, между которыми наличествует противоречие. В «Критике способности суждения» Кант фиксирует проблему идентичности познающего субъекта, которая возникает из двойной возможности познания: рефлексивной и чувственной.

В Примечаниях «Критики способности суждения» Кант определяет проблему познающего субъекта и ее итог в соответствии с гипотетико-индуктивной концепцией знания или проблемой нового знания познающего субъекта. Исаков А. Н. выделяет шесть положений гипотетико-индуктивной концепции Канта:

1. Познание осуществляется «от общего к частному», поскольку главной познающей способностью является рассудок, который формулирует «общий» закон (гипотезу), лишь затем «частный» опыт подтверждает (или опровергает) выдвинутое «общее» (или претендующее на «общее») положение.

2. «Единство» – разум требует единства всех «частных» законов. Это идеал научного знания, который предполагает выведение всех «частных» законов из единого принципа, единого закона. Но как любой идеал, он осуществляет направляющую функцию в развитии знания, но никогда не достигим.

3. «Частное – это момент случайного». «Частное» (особенное) всегда содержит в себе возможность момента «случайного» по отношению к «общему», – того, что не согласуется с «общим», и познающий субъект не может знать этого до опыта. Для чего и необходимо опытное («частное») подтверждение «общего».

4. «Частное не выводимо из общего, в отношении того, что в нем случайно». Этим претензия рассудка на главную познающую способность ставится под сомнение. Но, если бы это было не так, то тогда зачем иметь дело с опытом.

5. «Собственная закономерность случайного – есть целесообразность».

6. «{...} принцип целесообразности природы будет субъективным, регулятивным (неконститутивным) принципом разума, который, однако, для

человеческой способности суждения будет обладать такой же необходимостью {...}» [2].

Когда у познающего субъекта нет необходимости объяснять «случайное», которое не выводимо из «общего», когда осуществляется тождество для «Я мыслю» и «Я есть» – это стабильное состояние знания, тогда один и тот же результат дают оба способа познания одного и того же познающего субъекта.

Проблема возникает, когда «Я есть» обнаруживает «случайное», которое ставит под сомнение необходимую связь между рефлексивным знанием и описанием чувственного опыта, и тождество «Я мыслю» и «Я есть» нарушается.

На что должен опереться познающий субъект? Что станет его новым принципом? Что сохранит его идентичность?

Кант установил три способности субъекта: познание, чувствование и желание. Желание разрешить проблему нетождественных результатов от двух способов познания, обращает субъекта познания к свободно избранному убеждению, которым является вера в «объективную целесообразность природы». Т.е. познающий субъект верит в то, что познавательные способности человека ограничены, и потому, то знание, которое имело статус «общего» в прошлом моменте времени, будет скорректировано, дополнено, уточнено или расширено. А этот опыт, который выявил «случайное» в прежних положениях «общего», будет подведен к новой системе знаний, которой станет соответствовать. Так свобода познающего субъекта производит новое знание, в результате двойного преобразования: преобразования рефлексивной части и преобразования чувственного описания [1].

Итак, у познающего субъекта есть рефлексивная концепция знания и есть совокупность чувственных описаний. Когда некое чувственное описание выпадает из этой системной конструкции, лежащей в основе рассудка «Я мыслю», до тех пор, пока это «случайное» описание не стало предметом какого-то частного закона и не дополнило новую систему знаний, позиция идентичности познающего субъекта будет осуществляться желанием и волей через веру в «объективную целесообразность природы».

Почему возникает вера в то, что природа объективно целесообразна?

В природе нет цели, цель – это воля, а значит, это может быть только мир свободы, мир человека. А природа это – необходимость, которая свободна от целеполагания. Она подчинена только форме. Целесообразность формы – целесообразность формы без цели, соответствует познавательной способности субъекта познания. Созерцая природу, он видит в ней эту целесообразность, которую и хочет увидеть.

Для решения проблемы идентичности познающего субъекта, для необходимости привести к тождеству результат «Я мыслю» и «Я есть» в пространство знания Кант привлекает концепт веры, но не религиозной веры, которая здесь оставляет свои статусные позиции, а веры как свободно избранного убеждения в момент времени кризисной ситуации. И пока

тождество «Я мыслю» и «Я есть» отсутствует, вместо него действует свобода выбора «веры в объективную целесообразность природы».

Список литературы:

- 1.Исаков, А. Н. Метафизика марксизма // Философские и теологические исследования. Том 4. № 1. – 2019. С. 5–42.
- 2.Кант, И. Критика способности суждения / Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 5 — М.: Мысль, 1966 (Философское наследие. Т. 16). С. 161–527.
- 3.Кант, И. Критика чистого разума / Кант И. Пер. с нем. Н. О. Лосского. — М.: Академический проект, 2020 (Философские технологии. Классическая немецкая философия). — 567 с.
- 4.Капустин, Б. Г. Зло и свобода. Рассуждения в связи с «Религией в пределах только разума» Иммануила Канта / Б. Г. Капустин, Две стратегии интерпретации практической философии Иммануила Канта А. Н. Исаков. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016 (Серия: Политическая теория). — 272 с.
- 5.Резвых, П. В. Кант и современность: что мы еще можем сделать друг для друга? // Философский журнал. 2025. №2. С. 34-41.

Кольцова Лали Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

SPIN-код: 1096-9617

Koltsova Laly

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ Г. Е. ЛЬВОВА

Аннотация: В статье освещается жизненный путь, общественная и политическая деятельность первого главы Временного правительства князя Георгия Евгеньевича Львова, убежденного в том, что только реформы могут модернизировать государство и предотвратить революционные потрясения.

Ключевые слова: Князь Г. Е. Львов, Временное правительство, Земский союз, либеральная буржуазия, революционное движение.

POLITICAL PORTRAIT OF G. E. LVOV

Summary: The article covers the life and social and political activities of Prince Georgy Evgenievich Lvov, the first head of the Provisional Government, who believed that only reforms could modernize the state and prevent revolutionary upheavals.

Keywords: Prince G. E. Lvov, the Provisional Government, the Zemstvo Union, the liberal bourgeoisie, the revolutionary movement.

Князь Георгий Евгеньевич Львов (1861–1925) — одна из ключевых фигур российского либерального движения начала XX века, известный общественный деятель и первый глава Временного правительства, руководившего страной после свержения монархии в России в 1917 году. Его политическая деятельность стала попыткой либеральной части общества построить новую демократическую Россию, но столкнулась с проблемами, которые привели к краху этой попытки.

Верхи российской буржуазии и оппозиционно настроенного дворянства стремились увенчать Февральскую революцию не свержением царя, а его добровольным отречением от трона, чтобы тем самым подчеркнуть преемственность буржуазной власти в лице Временного правительства от самодержавно-авторитарной. С этой целью в Ставку Верховного главнокомандующего в Пскове, где находился Николай II, выехали представитель партии октябристов А. И. Гучков и монархист В. В. Шульгин. Получая в ночь со 2 на 3 марта 1917 г. из рук царя манифест о его отречении,

они добились того, что Николай II поручил формирование нового правительства князю Г. Е. Львову.

Николай II хорошо знал князя Г. Е. Львова. К началу XX в. в России сохранилось от силы шесть-семь семей, которые могли бы соперничать с княжеским родом Львовых древностью и знатностью своего происхождения. К князю Г. Е. Львову благосклонно относилась вдовствующая императрица Мария Федоровна, а двоюродная сестра Г. Е. Львова, А. А. Оленина, была фрейлиной супруги Николая II Александры Федоровны. Царь согласился с кандидатурой Львова на пост премьер-министра, несмотря на письмо царицы, до которой дошли сведения о собрании земских деятелей в декабре 1916 г. и о выступлении Львова, говорившего о неспособности правительства управлять страной. Александра Федоровна требовала распустить Думу и сослать Львова в Сибирь. Однако в отличие от истеричной Александры Федоровны царь оставался безучастным к «предательским» поступкам людей, которым он еще недавно доверял.

Что же представлял собой «провинившийся» в глазах императрицы отпрыск знатного княжеского рода, которому с 3 марта 1917 г. предстояло занять кресло главы первого буржуазного правительства в России?

Как и многие исторические деятели, стоявшие «по ту сторону баррикад», Г. Е. Львов не был удостоен в советской историографии специального биографического очерка. Архива князей Львовых в России не сохранилось. Тем не менее есть сведения о жизни и политической деятельности Г. Е. Львова, собранные его секретарем Т. И. Полнером, который опубликовал в 20-е годы XX в. за рубежом книгу о Львове [1, с.3]. В этой книге содержатся свидетельства людей, близко знавших Г. Е. Львова, поэтому она представляет большую ценность.

Родословная князей Львовых ведет к легендарному «конунгу» Рюрику. В числе предков Г. Е. Львова в 31 колене был ярославский князь Федор, оказавший сопротивление золотоордынским сборщикам дани. К середине XIX в. род Львовых обеднел, и, когда было продано последнее из значительных родовых имений – Хорошовка близ Москвы, семья уехала в Дрезден, где в 1861 г. родился Г. Е. Львов. Его мать, урожденная мелкопоместная дворянка В. А. Мосолова, в юности воспитывалась в семье Раевских, в доме которых бывали многие общественные деятели и писатели, в том числе Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаков. В. А. Мосолова унаследовала от Раевских имение Поповка с усадьбой в Алексинском уезде Тульской губернии. Здесь и обосновались Львовы после возвращения из Дрездена.

Детей в семье Львовых воспитывал отец, слывший среди чиновников Палаты государственных имуществ в Туле, где он занимал место управляющего, либералом и «вольнодумцем». Их учили уважать людей независимо от их места в социальной иерархии общества. Позднее, в годы учения в Поливановской гимназии в Москве, Г. Львов сблизился с сыном генерала Олсуфьева, в доме которого царили идеи либерализма и даже культ

французской революции 1789 г. Юноша увлекался сочинениями славянофилов, особенно А. С. Хомякова, а также западников — В. Г. Белинского и П. Я. Чаадаева, их идеями гражданственности, равноправия людей, прогресса страны. Он был убежден, что залог будущего России состоит в единении передовых слоев общества с простым народом, что русское государство — это «союз народа с властью, земли с государством», а корни этого союза — «в общине, где все равны». Главой большой «государственной общины» юный Г. Львов считал царя [1, с.29].

Окончание Георгием гимназии совпало с продажей большей части имений Львовых, причем и после этого оставался еще долг в 80 тыс. руб. Последней была заложена Поповка, которую удалось сохранить лишь благодаря предприимчивости старшего брата. Г. Е. Львов взялся помогать ему в приведении в порядок оставшихся земель и восстановлении пошатнувшегося финансового положения семьи. Он посвятил себя чтению сельскохозяйственной литературы, не гнушаясь и «мужицким трудом» в поле и на фермах. В 90-е годы XX в. Львов становится типичным либеральным помещиком. За счет расширения площадей, занятых плодово-ягодными культурами, он поднимает продуктивность сельского хозяйства в Поповке и организует торговлю фруктами и ягодами в Москве.

После окончания университета и получения в 1886 г. диплома юриста Г. Е. Львов занял место неперменного члена Епифанского по крестьянским делам присутствия. Он оказался «человеком на своем месте»: умел говорить с крестьянами, легко и просто разбирался в их претензиях на сходах. Не стремясь найти корни социальных конфликтов, он пытался предотвратить их и добивался, чтобы стороны пошли на мировую. Это миролюбие как одна из главных черт характера Львова сохранялось у него всю жизнь, раздражая позже А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова в период премьерства Г. Е. Львова во Временном правительстве.

К 90-м годам XIX в. окончательно сформировались политические взгляды Львова. Князь Львов с восторгом относился к Александру II, подписавшему манифест 19 февраля 1861 г. Решительно осуждая реакционный поворот во внутренней политике, совершенный его сыном Александром III, Г. Е. Львов мечтал о создании при монархе совещательного учреждения по типу Государственного совета. Путь же, избранный вдохновителем крайней реакции и ближайшим советником Александра III К. П. Победоносцевым, был, по мнению Львова, чреват народным бунтом [1, с.31].

В 1891 г. Львов вступил в должность неперменного члена губернского присутствия в Туле, занимавшегося кассационными делами по судебным решениям уездных съездов земских начальников. Губернские власти предпочитали действовать силой, что вызывало у Львова, отличавшегося независимыми и смелыми суждениями, чувство протеста. Был даже случай, когда он пытался вступить за группу крестьян, жестоко наказанных земским начальником. Этот инцидент получил общественный резонанс далеко за

пределами Тульской губернии. Имя Г. Е. Львова стало упоминаться в ряду оппозиционно настроенных чиновников, что и послужило причиной его разрыва с земским начальством и в конечном итоге увольнения в отставку.

Г. Е. Львов становится все более известным в земских кругах. Земское движение усилилось в 1904 г. в связи с русско-японской войной, когда открылась возможность создания организации помощи русским воинам в Маньчжурии. В этой кампании участвовали представители 19 земских управ. Львову удалось получить аудиенцию у царя и его согласие на оказание земством помощи русским воинам. В итоге возрос и авторитет Львова как политического деятеля.

К тому времени оформились мировоззрение и патриотические убеждения Г. Е. Львова. В них было много общего с неославянофильством. Львов-был убежден, что именно царская бюрократия «заслонила царя от народа». Он наивно верил, что нужно добиться «осведомленности монарха о нуждах народа и общества», а также «моральной солидарности всех людей между собой», чтобы искоренить все социальные пороки [1, с.92].

Вести с театра военных действий, где гибли тысячи солдат, не обеспеченных оружием, продовольствием и медикаментами, тревожили и возмущали русскую прогрессивную общественность. Поэтому, когда стало известно, что 5 мая 1904 г. в Маньчжурию выехали 360 уполномоченных от земских организаций во главе с Г. Е. Львовым, внимание прессы было приковано к этому событию и личности князя. Газеты сообщали, что с помощью земцев на полях сражений созданы передвижные пункты медицинской помощи и кухни для солдат, что Львов сам участвует в боях, а иногда даже берет на себя командирские функции. В конце 1904 г. Львов возвратился в Москву героем [1, с.97].

Являясь членом созданного в Москве общеземского бюро, Львов принял участие в созыве земского съезда в мае 1905 г. Съезд направил к царю депутацию с петицией, в которой умолял Николая II созвать съезд народных представителей для решения вопросов о мире и «установлении обновленного государственного строя» в целях «внутреннего мира» и «спасении престола». В числе 14 членов депутации к царю был направлен и Г. Е. Львов, но теперь его присутствие на аудиенции в Петергофе 6 июня 1905 г. не помогло. Царь принял земцев холодно и все их претензии оставил без внимания [1, с.107-108].

Когда Львов возвратился в Тулу, чтобы участвовать в выборах в I Государственную думу, он был обвинен там в «левых» взглядах. Тем не менее Г. Е. Львов был избран в Думу от блокировавшихся на выборах группировок тульских кадетов и октябристов, хотя некоторые кадеты и не признавали его своим. Представляя политический портрет Г. Е. Львова, лидер кадетской партии П. Н. Милюков назвал его «сомнительным кадетом» [1, с.113]. Показательно отношение Львова к некоторым пунктам программы кадетской партии. Он держался с крестьянами достаточно демократично, выгодно отличаясь этим от многих других крупных помещиков. Тем не менее, когда в

дружеском кругу кто-то спросил Львова, как он относится к передаче крестьянам части помещичьих земель за выкуп (а это был один из пунктов программы кадетов), князь решительно отрицал необходимость подобной меры [1, с.110-111].

В 1906–1908 гг. деятельность Львова была связана прежде всего с организацией крупных благотворительных мероприятий по линии врачебно-продовольственной комиссии при Государственной думе, занимавшейся помощью голодающим и малоимущим путем создания специальных столовых, пекарен, врачебно-санитарных пунктов на случай эпидемий и т. д. При личном участии Львова была оказана помощь погорельцам Сызрани, когда от пожара летом 1906 г. сгорел почти весь город.

Врачебно-продовольственной комиссии Львова пришлось столкнуться и с бедственным положением переселенцев, которые направились после столыпинских указов в Сибирь и на Дальний Восток. В 1907 г. там оказалось около 74 тыс. человек. Они селились в наспех отстроенных бараках, где в результате скученности вспыхивали эпидемии тифа, цынги. П. А. Столыпиным было поддержано предложение Г. Е. Львова об оказании помощи переселенцам. Столыпин увидел в этом реальную поддержку правительству в осуществлении одного из направлений его аграрной политики. Весной 1908 г. на Дальний Восток выехали 140 уполномоченных от земских организаций. В их числе был и Львов, обосновавшийся в Иркутске. Увлеченно извлекая из местных библиотек «Записки» некогда существовавших здесь ученых обществ, информацию о землях Сибири и Дальнего Востока, их пригодности для хлебопашества и другой полезной деятельности, Львов взялся за написание труда о Приамурском крае, чтобы помочь местным властям разместить здесь переселенцев. Наблюдения Львова, опубликованные в «Русских ведомостях», а позднее вошедшие в книгу «Приамурье», изданную в Москве в 1909 г., получили положительный отклик в самых широких, в том числе и радикальных, кругах общества.

Книга благодаря честности автора разоблачала непродуманность правительственной аграрной политики. Картины народных бедствий, описанные Львовым, не могли не вызвать тревоги. Он указывал на высокую смертность среди переселенцев, доходившую в ряде мест до 25–30 % от общего числа прибывших.

«Записка» Львова, приложенная к отчету земских уполномоченных, была использована группой левых депутатов в III Думе. Под их нажимом правительство было вынуждено утвердить смету в 600 тыс. руб. для исследования положения в крае с целью оказания помощи переселенцам. Однако Столыпин заявил, что Львов превысил свои полномочия, а министерским чиновникам было поручено проследить за свертыванием деятельности земцев на востоке страны.

В 1909 г. Львов отправился в Канаду для изучения переселенческого дела. Заметки Львова об Америке отражают восприятие американской действительности начала XX в. русским человеком.

Русский консул в Канаде помог Львову познакомиться с положением там российских переселенцев. Все увиденное резко отличалось от того, что Львов наблюдал в Сибири. В кругах земских деятелей рассказы Львова об Америке и Канаде вызвали недоумение и скепсис. И совершенно неожиданно для Львова поползли слухи о вольном использовании им земских средств и какой-то его нелегальной деятельности, что сразу же насторожило полицию, которая с каждым днем все пристальнее следила за развитием земского движения.

Существует мнение, что в 1907–1914 гг. Г. Е. Львов вступал в контакты со многими политическими деятелями, в том числе и с левыми либералами, используя свои связи с масонскими ложами, и что именно принадлежность к масонам не только помогала деятельности Львова на общественном поприще, но и фактически предопределила впоследствии выдвижение его на пост главы Временного правительства [2, с.204-207]. Нет оснований для того, чтобы опровергнуть или подтвердить документально эту версию. Американская исследовательница Н. Н. Берберова отметила, что с 1907 г. Г. Е. Львов был связан с московской масонской ложей «Возрождение», с 1908 с. — с ложей «Полярная звезда» в Петербурге, а после ее закрытия в 1910 г. вошел в ложу «Малая медведица» [3, с.138], в которой состоял и А. Ф. Керенский. Именно здесь и произошло их тесное знакомство.

В то же время ввиду довольно глубоких монархических симпатий Г. Е. Львова для него абсолютно неприемлемой была цель масонских организаций в России, на которую указывает В. И. Старцев, а именно «объединение оппозиционных царизму сил (независимо от партийных разногласий) для *свержения* самодержавия и провозглашения в России демократической республики» [4, с.122].

Известный советский историк А. Я. Аврех, который в последние годы много занимался проблемой русского масонства, считает, что Г. Е. Львов не был и не мог быть масоном, ибо в воспоминаниях близко знавшего его Т. И. Полнера князь предстает глубоко религиозным человеком, всерьез думавшим об удалении — во имя спасения души — в Оптину пустынь. По мнению А. Я. Авреха, Г. Е. Львов «был по своим глубоким чувствам и настроениям и *антизападником*, так сказать мистически-русским. Масонство же было явлением чисто западным, и уже этого одного было бы достаточно, чтобы для Львова масонство стало абсолютно неприемлемым» [5, с.129].

В пользу версии А. Я. Авреха говорит тот факт, что в опубликованных документах о деятельности масонских лож в дореволюционной России имя Г. Е. Львова даже не упоминается [6, с.169].

Таким образом, вопрос о принадлежности Львова к масонам остается открытым. К тому же решающей роли в его биографии это обстоятельство не сыграло. И свою политическую силу Львов черпал не в масонских ложах, а в

том широком, либерально-буржуазном по своей сущности общественном движении, которое вновь оживилось в годы первой мировой войны.

Вступление России в войну в июле 1914 г. заставило Николая II и правительство изменить отношение к заметно оживившемуся земскому движению. Когда Московская губернская управа призвала все земства России «к дружной работе в пользу армии», это обращение было принято. Объединение земцев началось с создания в Москве 30 июля 1914 г. Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС), куда ряд земских организаций вскоре передали 600 тыс. руб. Николай II благосклонно признал эту всероссийскую организацию как объединение, «преследующее такие же цели, как общество Красного Креста», а циркуляр министерства внутренних дел предписал губернаторам содействовать деятельности местных комитетов ВЗС. Главой ВЗС был избран Г. Е. Львов.

С самого начала войны ВЗС совместно с другой организацией либеральных помещиков и буржуазии — Всероссийским союзом городов (ВСГ) сосредоточили в своих руках большие средства и развернули широкомасштабную работу. По всей стране создавались губернские, областные, уездные и фронтовые комитеты Земского и Городского союзов. Они занимались оборудованием госпиталей, санитарных поездов, заготовкой медикаментов, обучением медперсонала, а затем стали выполнять также заказы на поставку одежды и обуви для армии. Вскоре возник объединенный комитет союзов — Земгор, который также возглавил Львов.

Для Г. Е. Львова годы войны стали его звездным часом. Он умело поддерживал инициативу местных земских групп в закупке продовольствия и снаряжения для армии, в оказании помощи беженцам, все более раскрывался как человек, наделенный деловитостью, расчетливым умом, недюжинными организаторскими способностями. Возглавляя военно-общественные организации, Г. Е. Львов вплотную столкнулся с рутинной и косностью царской бюрократии и стал разочаровываться во всей системе государственного устройства России.

На съезде земских деятелей в сентябре 1915 г. в обстановке поражений на фронте и роста революционной ситуации в стране позиция Львова становится весьма определенной. Он прямо заявил, что «Отечество наше ждет не только восстановления мирной жизни, но и реорганизации ее» [1, с.210]. Именно на этом съезде Львов мужественно и открыто высказал то, что признавалось оппозиционными деятелями в кулуарах Думы. Он в числе первых предложил послать депутатов для переговоров к царю, согласившись принять на себя обязанности ее главы и надеясь на успех.

Но Львов в очередной раз просчитался. За причастность к оппозиции ему пришлось заплатить «отлучением» от двора, а в царской аудиенции депутатам было отказано. Съезды же земских и городских союзов были запрещены.

Всецело поглощенный политикой, Львов делает еще одну отчаянную попытку вразумить царя, обратившись к нему с речью на съезде земцев,

который предполагалось провести в конце 1916 г. Целью этого публичного обращения Львова к Николаю II было предостеречь его от надвигавшейся грозной опасности и губительного разрушения страны, если царь не внемлет голосу разума. Он писал, что «власть стала совершенно чуждой интересам народа», она «бездействует, ее механизм не работает, она вся поглощена борьбой с народом». Короче говоря, «власти нет, ибо в действительности правительство не имеет ее и не руководит страной» [1, с.213].

Но речь Львова так и не была им произнесена, так как правительство не допустило собрания земских деятелей. Тем не менее инициативная группа организаторов этого совещания составила резолюцию, опиравшуюся на основные положения речи Львова. Она была принята на очередном совещании земских представителей от 22 губерний и распространена. Этот документ, а также слухи о том, что оппозиция обсуждает кандидатуру Львова на пост премьер-министра и привели в неистовство императрицу Александру Федоровну, потребовавшую высылки Львова в Сибирь.

Важно отметить, как изменился к тому времени сам облик Г. Е. Львова. Некогда тихий и застенчивый, не любивший чрезмерного внимания к собственной персоне и избегавший появляться на трибуне, князь превратился теперь в нервную и даже экзальтированную личность. Очевидцы рассказывали, что когда полицейские ворвались в зал, где нелегальное собрание земцев принимало резолюцию, и предложили покинуть помещение, то Львов взобрался на стул и крикнул на весь зал: «Верьте, мы победим!» Спустя некоторое время он заявил в частной беседе: «Теперь уже не время говорить о том, на кого возложить ответственность за судьбу России. Надо принимать ее на себя. Народ должен взять свое будущее в собственные руки» [1, с.216, 228].

В так называемой Белой зале Таврического дворца заседал поспешно созданный еще 27 февраля Временный комитет Государственной думы во главе с М. В. Родзянко, занимавшийся согласованием окончательного состава нового правительства. Предполагалось, что оно будет функционировать при конституционном монархе. Кандидатура Г. Е. Львова на пост премьер-министра и министра внутренних дел была принята практически единогласно. Присутствовавшим на заседании импонировали и личные качества Львова (отсутствие амбициозности, дешевой демагогии, крикливости), и его положение формально внепартийного, хотя и близкого к кадетам политического деятеля. Оказалось, что Львов устраивал в тот момент и откровенных монархистов, и быстро переходивших на более левые позиции кадетов. Львов был хорошо знаком с английским послом в России Бьюкененом, и это обстоятельство сыграло далеко не последнюю роль, как и популярность Львова в армии. Наконец, за ним стояла такая сильная буржуазно-помещичья организация, как Земгор. Все это, вместе взятое, и предопределило назначение Львова на высокий пост главы правительства.

Однако после выступления Львова и бесед с ним многие думцы были разочарованы. П. Н. Милюков писал впоследствии: «Мы не почувствовали

перед собой вождя. Князь был, уклончив и осторожен: он реагировал на события в мягких расплывчатых формах и отделялся общими фразами» [7, с.312].

В обстановке исключительной по своим масштабам разрухи и озлобления народа, порожденных войной, Г. Е. Львову необходимо было найти ту нить Ариадны, которая помогла бы выйти из сложного лабиринта проблем. Многие знали Г. Е. Львова как глубоко порядочного человека с сильным характером и твердой волей, обладавшего административным талантом и даром общения с людьми, но на уровне земских организаций. Достаточно ли было этого, чтобы обуздать революционную страну, бурлящую от края и до края? Ведь для этого необходим был вождь, разделявший чаяния миллионов масс. Главе нового правительства необходим был дар общения с революционным народом, который хотел осуществления тех самых лозунгов, с которыми шел на штурм романовской монархии: мира, хлеба, земли, свободы.

Правительство Львова оттягивало решение вопроса о провозглашении России республикой и созыве Учредительного собрания. Правда, Г. Е. Львов 7 марта 1917 г. назвал созыв Учредительного собрания «важной, святой задачей», но сроки выборов на всем протяжении существования первого состава Временного правительства оставались весьма неопределенными.

За пять месяцев существования министерства Львова государственный аппарат России стал не лучше, а значительно хуже, чем при царизме, когда он часто давал сбой, но был все же достаточно мощным и централизованным.

Временное правительство не могло опереться даже на хорошо знакомые Львову союзы земств и городов. Во-первых, самодержавие сделало все возможное, чтобы не допустить их сплочения в одну общероссийскую политическую организацию. Во-вторых, после Февральской революции союзы земств и городов, как и другие буржуазные организации типа военно-промышленных комитетов, утратили свое влияние.

В деятельности Львова как премьера было очень много слабых мест. Его обращения к народу от имени Временного правительства отличались обилием словесной мишуры («свобода русской революции проникнута элементами вселенского характера», «душа русского народа оказалась мировой демократической душой по самой своей природе», «русской душой владеет не гордость, а любовь» и т. д. [1, с.232]). Оказалось, что у Львова отсутствует умение подчинять людей своей воле и руководить ими. Когда обсуждался тот или иной вопрос, то вел дискуссию и подводил итоги обсуждения не Львов, а тот, кто этот вопрос докладывал [1, с.233].

Острейший вопрос, связанный с продолжением войны, поднимался в марте — апреле 1917 г. в основном министром иностранных дел П. Н. Милюковым и военным министром А. И. Гучковым. Сам Львов вначале имел особое мнение. Столкнувшись с тяготами войны в госпиталях и на фронте, где он бывал по делам земского союза, Львов готов был согласиться на «необходимость активной внешней политики в сторону мира» [1, с.185]. Это

понимали и такие министры, как А. Ф. Керенский, И. В. Некрасов, М. И. Терещенко. Но они встретили яростный отпор у сторонников продолжения войны П. Н. Милюкова, А. И. Гучкова и др.

Буржуазные газеты на Западе и в Америке на все лады расхваливали князя Львова, чтобы сохранить в его лице сторонника строгого выполнения Россией союзнических обязательств. Уже в первую неделю марта его посетили послы всех союзнических держав. В обращении же к населению правительство заявило, что оно будет свято выполнять все заключенные с союзниками договоры и призывало сплотиться для защиты «обновленного строя», хотя эти призывы находились в вопиющем противоречии с настроениями уставших от войны рабочих и крестьян, в сознании которых революция связывалась с надеждой на мир.

Временное правительство не пошло навстречу чаяниям трудового крестьянства. Владения бывшего императора были конфискованы, но имения десятков тысяч помещиков, на которые с вождедением смотрели миллионы крестьян, оставались в полной неприкосновенности. Между тем каждый день промедления с решением вопроса о земле грозил взрывом крестьянского движения.

Игнорировало Временное правительство и требования рабочих об установлении 8-часового рабочего дня, а также о повышении заработной платы. Оно предпочитало, чтобы эти вопросы рассматривались тогда, когда страна «остынет от революции» [8, с.90-94]. Между тем инфляция больно ударила по рабочим. Несмотря на рост номинальной заработной платы, реальная заработная плата снизилась по сравнению с довоенным уровнем примерно на треть из-за огромного роста цен на предметы первой необходимости.

Кабинет Львова начал свою деятельность в условиях двоевластия, когда рядом с ним возникли Советы. Теряя доверие к Временному правительству, народ видел в Советах институты подлинного народовластия, способные удовлетворить его насущные требования.

Львов, напротив, считал Советы лишь «досадной помехой» своей деятельности на посту премьера. Львов считал обязательным постоянное общение министров с народом, чтобы разъяснять ему тактику Временного правительства. В интервью журналистам во второй половине марта 1917 г. Львов высказал решительный протест против растущего вмешательства Советов в функции правительства, заявив при этом о своей искренней преданности народу [8, с.95].

Важно отметить особое отношение Львова к А. Ф. Керенскому, похожее «на какое-то робкое заискивание». Бросалось в глаза, что на время отъезда премьер-министра из Петрограда своим заместителем он всегда оставлял Керенского. Есть предположение, что последний, став секретарем масонского Верховного совета русских лож, имел какую-то власть над Львовым как рядовым масоном. Однако документально это не доказано. Вполне возможно и другое: в Керенском Львов видел напористого, энергичного человека, тесно

связанного с Петроградским Советом и потому необходимого ему для улаживания конфликтов и принятия компромиссных решений.

Назревавший после Февральской революции разрыв между политикой правительства и чаяниями широких трудящихся масс проявился открыто уже в апреле 1917 г., когда в Петрограде тысячи рабочих, солдат и матросов со знаменами и транспарантами, на которых было написано: «Долой Милюкова!», «Долой политику аннексий!», «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!» — вышли на антивоенные демонстрации [8, с.96-100].

Премьер-министр прекрасно понял необходимость перемен в составе правительства. Известно, что именно Львов выдвинул идею создания коалиционного кабинета путем введения в него меньшевиков и эсеров. Однако вера народа во Временное правительство таяла с каждым днем. В то же время, позиция Львова явно не устраивала сторонников крайних мер. 27 апреля, возмущенный «излишним либеральничьем Львова с народом», заявил о своем выходе из состава правительства А. И. Гучков. В тот же день заявил об отставке и П. Н. Милюков. 5 мая был опубликован состав нового правительства, в котором целых шесть портфелей принадлежало теперь министрам-социалистам. Премьер-министром остался Львов.

Руководить коалиционным кабинетом оказалось Львову не под силу. Члены второго состава Временного правительства четко разделились на кадетов и умеренных социалистов. Первые по-прежнему стремились оттянуть осуществление кардинальных реформ до созыва Учредительного собрания, заботясь лишь о восстановлении авторитета и престижа власти. Вторые постоянно говорили на заседаниях кабинета об удовлетворении требований масс, что вызывало раздражение первых. Когда старый знакомый Львова граф Олсуфьев летом 1917 г. приехал в Петроград, он отметил несвойственные ранее Львову раздражительность и нервозность [1, с.253-254]. В состоявшемся несколько ранее разговоре с генералом А. И. Куропаткиным Г. Е. Львов сказал, что он никогда не ожидал, что революция зайдет так далеко» [1, с.255].

18 июня в Петрограде состоялась новая 400-тысячная демонстрация рабочих и солдат под лозунгами «Пора кончать войну!», «Вся власть Советам!». Она являлась показателем все более углублявшегося разрыва между настроениями масс и политикой агонизирующего коалиционного правительства. Положение в столице ухудшилось в связи с отправкой тысячи солдат Петроградского гарнизона на фронт, где началось наступление русских войск. Это еще более обострило борьбу сил революции и контрреволюции, заставляло политических и государственных деятелей четко определить свои позиции.

Ленин с самого начала клеймил правительство Львова как контрреволюционное, империалистское, указывал на его тесную связь «с падающей монархией» и интересами капитала. Он не выделял умеренного либерала Львова среди других министров-капиталистов и призывал не верить в

искренность их заверений в том, что буржуазное правительство будет заботиться о благе народа [6, с.187].

В начале июля 1917 г. Временное правительство вынуждено было публично признать, что наступление на фронте провалилось. Г. Е. Львов был в полной растерянности.

Ситуация осложнилась тем, что «3–4 июля 1917 г. в столице состоялись мирные народные демонстрации, сопровождавшиеся отдельными вооруженными столкновениями, которые были спровоцированы контрреволюционными элементами и привели к человеческим жертвам» [9, с.353]. На квартирах Г. Е. Львова и М. И. Терещенко шли непрерывные совещания членов правительства с лидерами ЦИК Советов по поводу выхода из создавшегося положения. Одновременно контрразведка с согласия министра юстиции Переверзева стала распространять материалы о связях большевиков во главе с Лениным с германской разведкой. Львов, Некрасов, Терещенко были уверены, что большевики действительно получали деньги от немцев, но считали, что имевшиеся в их распоряжении факты еще недостаточны. Поэтому вечером 4 июля Львов лично обратился во все газеты с просьбой снять материалы с обвинением Ленина в шпионаже в пользу Германии [6, с.189]. Однако 5 июля они были все же опубликованы.

Вместе с тем при поддержке эсеро-меньшевистского Совета, коалиционное правительство, разработало и начало осуществлять репрессивные меры в отношении участников массовых выступлений: с фронта были вызваны войска для их подавления, началось разоружение солдат Петроградского гарнизона, большевистская партия была объявлена вне закона, 5 июля был произведен разгром газеты «Правда». В правительстве обсуждался вопрос о восстановлении смертной казни на фронте.

Несостоятельность кабинета Львова привела к тому, что масса народа, когда-то доверявшая Временному правительству, перешла «от капиталистов на сторону революционных рабочих» [6, с.189].

7 июля 1917 г. Г. Е. Львов подал в отставку. Т. И. Полнер передает его разговор с ним, после того как известие об отставке было опубликовано в газетах. Львов сказал ему: «я ушел потому, что мне ничего не оставалось делать. Для того чтобы спасти положение, надо было разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать. А Керенский может» [1, с.258].

Незадолго до выхода из состава коалиционного правительства Львов требовал, чтобы все министры без исключения вели борьбу «с представителями анархических и большевистских течений», которые «вредят блестящему наступлению нашей армии и дезорганизуют страну». Тем самым Львов примкнул к стану врагов большевизма и широких трудящихся масс России.

В середине июля 1917 г. Львов уехал в Москву, а затем удалился в Оптину пустынь. Известия об Октябрьской революции в Петрограде и приходе к власти Советского правительства во главе с Лениным заставили его переменить имя, отпустить бороду и уехать в Сибирь. Поселился Львов в

Тюмени, надеясь, что власть Советов сюда не дойдет. Но 28 февраля 1918 г. он был арестован и заключен в тюрьму. Однако вскоре Львову удалось бежать и добраться до Омска, где он скрывался до появления белых. Связавшись с белогвардейцами, он предлагает им стать посредником в переговорах с американским президентом Вильсоном на — предмет получения денежных средств и оружия для утверждения белой власти в Сибири. Речь шла о деньгах, которые США обещали предоставить царской России в кредит в начале войны.

В начале октября 1918 г. Г. Е. Львов тайно уехал в Америку. В ноябре состоялась его встреча с президентом Вильсоном. Последний радушно встретил Львова, но в просьбе о выдаче оружия и денег для белой армии отказал. Отказал ему в кредитах на организацию белого движения в России и английский премьер Д. Ллойд Джордж.

В конце 1918 г. в Париже Львовым было создано Русское политическое совещание. Оно стало центром «белого дела» и установило связь с самозванными правительствами, возникшими в период гражданской войны на территории России. Совещание выделило рабочую группу — так называемую Делегацию, в которую вошел Г. Е. Львов. Делегация пыталась добиться признания Русского политического совещания на мирной конференции, которая должна была состояться в Версале летом 1919 г. Однако союзные державы не признали Делегацию в качестве представителя России в Версале, и Русское политическое совещание прекратило свое существование.

В апреле 1920 г. Г. Е. Львову удалось получить значительную сумму денег на помощь беженцам из России из находившихся в зарубежных банках средств, принадлежавших некогда царскому правительству. В Париже было открыто Бюро труда, на базе которого Львов создал благотворительное общество. В него вступали русские беженцы, нашедшие приют во Франции, Англии, Швеции, Америке. Вначале общество получало дотацию от правительств некоторых европейских государств, но затем она прекратилась.

В жизни Львова наступили тяжелые дни. Несмотря на его большую роль в разного рода благотворительных мероприятиях, русские эмигранты не любили бывшего премьера и считали незадачливым правителем, легкомысленно взявшимся не за свое дело и погубившим Россию. Львов жил уединенно, скорбя о России и ожидая падения большевиков. Пробовал он и писать. Одной из законченных работ Г. Е. Львова является сказка для взрослых «Мужики», в которой он пытается разобраться в том, сумеет ли возродиться русская деревня после революционного пожара. В поисках общения с простым человеком Львов в последние годы жизни зачастую надевал синий рабочий костюм и уходил пешком из Парижа на фермы, помогая хозяевам убирать урожай. В свободное время Львов часами мог шить бумажники, кошельки, портфельчики, научился печатать на пишущей машинке и начал писать воспоминания, доведя их до времени своего поступления в университет.

Жил Г. Е. Львов скромно. Умер 6 марта 1925 г. в Париже. На его похоронах собрались лишь немногие из русских эмигрантов.

Завершая политический портрет Г. Е. Львова, можно сказать, что он не был случайной фигурой на политическом небосклоне России. Львов принадлежал к тому поколению общественных деятелей, которые сформировались под влиянием великих реформ 60-70-х годов XX в. и пронесли затем верность идеям умеренных либеральных преобразований через всю свою дальнейшую жизнь.

Сила Львова состояла в том, что он стоял как бы на грани двух миров: дворянского и буржуазного, устраивая в определенной степени представителей как того, так и другого. Но в этом промежуточном положении был заключен и источник его слабости, ибо ни один из этих двух миров не считал его до конца своим. Тем более чужд был Львов революционному народу, столкновение с которым и предопределило в конечном счете его быстрое политическое падение.

Широкая популярность, которой некоторое время пользовался Львов, определялась прежде всего его деловыми качествами организатора ряда гуманитарных мероприятий, приходившихся на период русско-японской и первой мировой войн и столыпинской аграрной реформы. Вместе с тем деятельность Львова в Земском союзе и Земгоре создавала благоприятные возможности для быстрого обогащения части российской буржуазии за счет поставок для фронта. Наконец, монархисты рассчитывали на то, что по мере спада революционной волны с помощью Львова можно будет реставрировать в несколько обновленной форме старый режим. И именно потому, что в феврале 1917 г., по оценке Ленина, в России слились на время совершенно различные классовые интересы и стремления, Львов закономерно стал премьером буржуазного Временного правительства.

Львов не учел настроений и чаяний народа, измученного войной, голодом и социальной неустроенностью. Революция бросила Львова в пучину политической борьбы, граничащей с гражданской войной, и, наконец, смела его с поста главы Временного правительства, сделав врагом того самого народа, душу которого; как и Россию, он по-своему любил.

Список литературы:

1. Полнер, Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: личность: взгляды: условия деятельности / Т. И. Полнер. — Париж, 1932. — 309 с.
2. Старцев, В. И. Революция и власть Петроградский Совет и Временное правительство в марте - апреле 1917 г. / В.И. Старцев. — Москва : Мысль, 1978. — 256 с.
3. Берберова, Н. Н. Люди и ложи: Рус. масоны XX столетия / Н. Берберова. - Нью-Йорк, 1986. - 299 с.
4. Старцев, В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава / В. И. Старцев; под ред. О. Н. Знаменского. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. — 256 с.
5. Аврех А.Я. Масоны и революция. — Москва : Политиздат, 1990. - 348 с.

- 6.Тютюкин, С. В. Князь Георгий Евгеньевич Львов // Исторические силуэты. - Москва : Наука, 1991. – С. 153-196.
- 7.Бурджалов, Э. Н. Вторая русская революция [Текст] : Восстание в Петрограде / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме "История Великой Октябрьской соц. революции". Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. — Москва : Наука, 1967. — 407 с.
- 8.Волобуев, П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т истории. — Москва : Мысль, 1964. — 358 с.
- 9.Кольцова, Л.Н. К вопросу о взглядах В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого на перспективы революции в России. // Россия и мир в исторической ретроспективе: материалы XXXI Международной научной конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 11 апреля 2025 года / под ред. Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2025. – С.346-355.

Коркишко Илья Анатольевич

аспирант

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

SPIN-код: 9473-8405

Il'ya Korkishko

Pushkin Leningrad State University

ОТ АРХЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ К АНАЛИЗУ ВЛАСТИ: СОБЫТИЯ 1968 ГОДА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ МИШЕЛЯ ФУКО

Аннотация: Статья анализирует влияние политических событий 1968 года на трансформацию философии Мишеля Фуко. Рассматриваются социально-политические причины «Красного мая» и их соотнесённость с изменением исследовательской оптики Фуко - переходом от археологии знания к генеалогии власти. Особое внимание уделяется жизни философа в Тунисе и его участию в «Группе информации о тюрьмах» как практическому основанию нового этапа его мысли. Показано, что ответ Фуко на исторический вызов 1968 года заключался в разработке аналитики власти, раскрывающей её повседневные и продуктивные механизмы формирования субъекта.

Ключевые слова: Мишель Фуко, май 1968, дискурс, власть, археология знания, генеалогия власти.

FROM THE ARCHAEOLOGY OF KNOWLEDGE TO THE ANALYSIS OF POWER: THE EVENTS OF 1968 IN THE INTELLECTUAL BIOGRAPHY OF MICHEL FOUCAULT

Summary: The article analyzes the influence of the political events of 1968 on the transformation of Michel Foucault's philosophy. It examines the socio-political causes of the "Red May" and their correlation with the shift in Foucault's research perspective — from the archaeology of knowledge to the genealogy of power. Particular attention is paid to the philosopher's life in Tunisia and his participation in the "Prison Information Group" as the practical foundation of a new stage in his thought. It is shown that Foucault's response to the historical challenge of 1968 consisted in developing analytics of power that reveals its everyday and productive mechanisms in the formation of the subject.

Keywords: Michel Foucault, May 1968, discourse, power, archaeology of knowledge, genealogy of power.

Майские протесты в Париже 1968 года – одно из ключевых событий в политической и интеллектуальной жизни Франции XX века. Начавшись как студенческие волнения в Нантере и Сорбонне, протесты стремительно переросли в масштабное общенациональное движение, сопровождавшееся забастовками, уличными столкновениями и кризисом государственной власти.

Помимо отчуждения, которое ощущало молодое поколение по отношению к власти, исследователь А.В. Шубин выделяет несколько глобальных причин, которые привели к протестам [6, с. 30-31]:

1) Всеобщий кризис индустриального общества и социального государства, недовольство бюрократическим господством и профанацией демократии. В результате формируется идеал самоуправления.

2) Общественные сдвиги, способствующие более влиятельной роли интеллигенции, рост средних слоев, гражданского самосознания, развитие коммуникаций.

3) Идеологическая трансформация и расслоение коммунистического движения, попытки создания «новых левых» концепций с опорой на новые поколения.

4) Крах колониальной системы, обострение конкуренции двух блоков за позиции в «Третьем мире», стремление революционных движений подорвать капиталистическое господство в целом.

Позже к протестам присоединились рабочие коллективы, начались массовые забастовки, парализовавшие значительную часть экономики страны. Под вопрос были поставлены не только конкретные политические решения правительства Шарля Де Голля, но и сами основания институционального порядка — университетская система, механизмы социального контроля, формы авторитета и подчинения. Цитата с листовок забастовщиков «Эйр-Франс»: «Мы против унижительной «модернизации», которая означает для нас непрерывный контроль, губительные для нашего здоровья условия труда и оскорбление нашего человеческого достоинства» [6, с. 37]. В более широком историческом плане протесты стали выражением общеевропейского и мирового подъема молодежных движений конца 1960-х годов. Они сопровождались критикой авторитарных форм управления, традиционной морали, университетской бюрократии и иерархических моделей культуры.

Несмотря на то, что протесты не привели к немедленной политической революции, их последствия оказались долговременными. Были проведены реформы университетской системы, изменились трудовые отношения, усилилось влияние новых левых движений и радикальной интеллектуальной критики. Во многом именно «Красный май» сформировал Францию как сильное социальное государство, утвердив в течение нескольких лет законы, защищающие рабочих [6, с. 41]. Помимо этого, в университетах была разрешена политическая деятельность, были созданы советы с участием студентов и преподавателей, а одно из центральных мест протеста, университет Сорбонны был реорганизован в соответствии с новыми университетскими реформами [6, с. 41].

Важно отметить, что важнейшим компонентом этих протестов являлась французская интеллигенция. Молодежь увлекалась левыми идеями, анархизмом, марксизмом троцкистского и маоистского толка, идеями А. Мальро, Ж.-П. Сартра и Ф. Фанона. Однако после протестов, французская

мысль претерпела значительные изменения, многие философы, такие как Делёз и Гваттари, Жан-Франсуа Лиотар осмыслили их в своих работах. В этот ряд обычно также приписывают и Мишеля Фуко.

До представленных событий интересы Фуко характеризуются исследованием дискурса и дискурсивных практик, этот период называют «Археологическим». Начиная с «Истории безумия» (1961) и «Рождения клиники» (1963) философ исследует психиатрический и, если брать шире, клинический дискурс пытаясь развернуть тему заключения безумца или больного как сконструированное явление, которое меняется в каждую эпоху. Мы можем наблюдать, что знание само по себе не являлось кумулятивным, и сам объект исследования менялся в зависимости от предрассудков или господствующих представлений в обществе: неадекватное поведение могло рассматриваться как дисбаланс «гуморов» в организме [3, с. 40], а чахотка представлялась как принадлежащая к общему классу геморрагий, делая мозг «вялым, инертным, обескровленным» [4, с. 29]. Фуко рассматривает практики применения знания в разные времена, что в конечном итоге ведет его к написанию самой популярной работы этого периода – «Слова и вещи» (1966). Здесь уже не выделяется какой-то определенный объект, берется более широкий контекст исследования – он выделяет «историческое априори»: «Ясно, что такой анализ не есть история идей или наук; это, скорее, исследование, цель которого — выяснить, исходя из чего стали возможным и познания и теории, в соответствии с каким пространством порядка конструировалось знание; на основе какого исторического а priori и в стихии какой позитивности идеи могли появиться, науки — сложиться, опыт — получить отражение в философских системах, рациональности — сформироваться, а затем, возможно, вскоре распасться и исчезнуть» [5, с. 34]. На этом основании он выделяет три эпистемы, которые непроницаемы друг для друга, в каждой из которых исследуется своя особенная связь слов и вещей. «Археология знания» (1969) продолжает эти идеи и заключает этот период.

Особенный акцент в этом периоде сосредоточен на борьбе со взглядом на историю идей как линейное развитие. Фуко старается показать, что дискурсы могут формироваться случайно, подвергаясь множеству различных изменений, которые оказывают влияние более существенное, чем преемственность, потому что она также подвержена влиянию дискурса.

Вместе с тем в рамках данного подхода практически не тематизируется вопрос о конкретных практиках власти, которые обеспечивают функционирование этих дискурсов. Психиатрия, клиника, университеты анализируются в первую очередь как пространства производства и циркуляции знания, не затрагивая темы подчинения, иерархии и дисциплины внутри этих институтов. Именно эта напряженность станет точкой развития дальнейших идей Фуко, ознаменуя переход к «генеалогическому» этапу.

На момент Парижских протестов 1968 года Мишель Фуко находился в Тунисе, где еще раньше начались масштабные выступления студентов. Его

лекции пользовались огромным успехом, студенты же считали его типичным «технократом-голлистом», слишком «западным», чтобы понять Тунис. Любовь к Ницше и критические высказывания о марксизме прибавляли скепсиса в адрес молодого преподавателя [2, с. 184]. Все изменилось после начала студенческих протестов, которые сопровождались еврейскими погромами, которые глубоко потрясли Фуко своим насилием и расизмом. Несмотря на свою академическую отстраненность, Фуко стал активно поддерживать оппозиционное студенчество. Он укрывал студентов в своем доме, когда им грозил арест, и прятал у себя во дворе подпольную типографию, на которой печатались листовки. Философ также безуспешно пытался убедить французского посла заступиться за арестованных [2, с. 189]. В результате этой деятельности Фуко оказался под наблюдением полиции, его телефон прослушивали. Однажды его остановили на дороге в Сиди-Бу-Саид, вытащили из машины и избили. В то время как его друг и коллега Жан Гаттено был приговорен к пяти годам тюрьмы, самого Фуко власти не решались депортировать из-за его мировой известности, ограничиваясь угрозами [2, с. 190].

В результате событий в Тунисе Фуко увидел, как марксистская идеология становится для студентов экзистенциальным актом и мифом, дающим энергию для реальной борьбы, теоретическое же содержание никого не интересовало. Это послужило основной точкой отправления для будущих работ философа, где проблема власти из имплицитной становится центральной.

Вернувшись в Париж в конце 1968 года, Мишель Фуко попал в совершенно иную интеллектуальную среду. Протесты сильно политизировали окружающих, и здесь опыт, обретенный в Тунисе, становится наиболее актуальным. В результате майских событий возникли новые формы коллективной политической активности. Реформирование университетской системы сопровождалось созданием новых экспериментальных площадок, одной из которых стал университет в Венсенне, где Фуко начал преподавать в 1969 году.

Однако его участие в послемайском движении не ограничивалось академической деятельностью. В 1971 году совместно с рядом интеллектуалов, включая Жиля Делёза, он становится одним из инициаторов создания Группы информации о тюрьмах (*Groupe d'information sur les prisons, GIP*). Группа придавала огласке реальные условия содержания заключенных, предоставляла им возможность говорить о дисциплинарных практиках и формах унижения внутри пенитенциарной системы.

Работа GIP знаменовала принципиально новый этап в философии Фуко. Исследование тюрьмы перестаёт быть чисто теоретическим интересом и приобретает характер непосредственного политического вмешательства. Именно здесь проблема власти обретает конкретное измерение: власть проявляется не только в дискурсе, но и в архитектуре, регламентации времени, распределении тел в пространстве, системе надзора и наказания.

Опыт взаимодействия с заключёнными и анализ механизмов пенитенциарной системы становятся основой для последующего философского осмысления дисциплинарной власти. В этом контексте работа «Надзирать и наказывать» (1975) может быть рассмотрена как теоретическое обобщение практического и политического опыта конца 1960-х - начала 1970-х годов. Переход от археологии знания к аналитике власти получает здесь своё наиболее завершённое выражение: исследование условий возможности дискурса дополняется анализом тех материальных и институциональных механизмов, которые формируют субъекта через практики наблюдения, нормализации и санкции.

События 1968 года стали важным фактором трансформации исследовательской проблематики Мишеля Фуко. Центром академического интереса философа становятся отношения власти и знания, и весь последующий «генеалогический» период будет сосредоточен на анализе влияния власти на формирование субъекта. Важно понимать, что Фуко не пытается таким образом отстаивать интересы какой-либо политической идеологии, он старается рассмотреть именно то влияние, которое формирует субъекта как такового. Если в начале статьи причины протестов были описаны в терминах социального кризиса и идеологической трансформации, то Фуко отвечает на тот же исторический запрос по-своему: он показывает, что сама ткань современного общества пронизана микрофизикой власти, формирующей субъекта и создающей условия для сопротивления: «Он делает невозможным интеллектуала вообще в духе Сартра или Бурдьё, который избирает позицию в виду определенного идеала общества или смысла истории. Фуко видит себя интеллектуалом-специалистом, обличающим единичности, с которыми он столкнулся по воле судьбы или по долгу своей профессии» [1, с. 100].

Список литературы:

1. Вен П. Фуко. Его мысль и личность. Пер. с фр. А. В. Шестакова. — СПб.: Владимир Даль, 2013. — 195с.
2. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время — СПб.: Алетейя, 2010. — 672 с.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. с фр. И.К. Стаф. — М.: АСТ МОСКВА, 2010. — 698 с.
4. Фуко М. Рождение клиники. Археология медицинского взгляда. Пер. с фр. А.В. Дьяков — М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. — 256 с.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. — СПб.: А-cad, 1994. — 408 с.
6. Шубин А. В. «Красный май»: что это было? // НП/НР. 2018. №4. — С.28 – 45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krasnyy-may-cto-eto-bylo> (дата обращения: 27.02.2026).

Королев Павел Андреевич

кандидат политических наук, доцент

Тульский государственный университет

SPIN-код: 3536-2599

Korolev Pavel

Tula State University

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК АСПЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Аннотация: В статье предпринимается попытка опровергнуть исторический миф о существовании великорусского шовинизма. Для этого осуществляется ретроспективный анализ полиэтничности российских политических элит с древности до современности как одного из ключевых маркеров цивилизационной идентичности России. В отличие от западноевропейских политических элит, на протяжении всей своей истории строго следящих за этнической однородностью своего состава, в России представители разных народов инкорпорировались в единую правящую элиту. Их права и привилегии были одинаковыми и не зависели от национальной, конфессиональной или расовой принадлежности. Главным критерием включения в состав российской политической элиты была лояльность общему делу – Российскому государству.

Ключевые слова: политические элиты, этничность, великорусский шовинизм, фальсификация истории, исторический миф, цивилизационная идентичность, история России.

MULTI-ETHNICITY OF POLITICAL ELITES AS AN ASPECT OF RUSSIA'S CIVILIZATIONAL IDENTITY

Summary: This article attempts to refute the historical myth of Great Russian chauvinism. To this end, it conducts a retrospective analysis of the multi-ethnicity of Russian political elites from antiquity to modern times as one of the key markers of Russia's civilizational identity. Unlike Western European political elites, which have historically strictly maintained the ethnic homogeneity of their membership, in Russia, representatives of different nationalities were incorporated into a single ruling elite. Their rights and privileges were equal and did not depend on nationality, religion, or race. The main criterion for inclusion in the Russian political elite was loyalty to a common cause—the Russian state.

Keywords: political elites, ethnicity, Great Russian chauvinism, falsification of history, historical myth, civilizational identity, history of Russia.

Россия с самого момента своего образования была и остается полиэтничным государством. При этом представители отдельных

политических сил и течений называют Россию «тюрьмой народов» [1, с. 134], обвиняют в «велиирусском шовинизме» [2, с. 7] как агрессивно демонстрируемом превосходстве русских над другими народами [3, с. 113]. Однако индикатором реального существования шовинизма в обществе является этническая однородность его политической элиты. В данной работе предпринимается попытка исследования полиэтничности политических элит как аспекта цивилизационной идентичности России с целью опровержения мифа о существовании великорусского шовинизма.

Образование Древнерусского государства уже было сопряжено с участием в этом процессе различных народов. Вот что об этом пишет «Повесть временных лет»: «И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами» [4, с. 13]. В этом отрывке четко виден полиэтнический характер того политического договора, который лег в основу российской государственности: славяне (словене и кривичи), финно-угры (чудь и весь) создали государство с скандинавами (русь). Конечно, в исторической науке нет единой точки зрения кто такой Рюрик, откуда, куда и когда точно он пришел, и даже существовал ли он вообще [5, с. 106]. Однако, исходя из уточнений летописца, который сравнивает русь с скандинавскими народами (шведами, норманнами, готландцами, англами, которыми в начале XII века правила Нормандская династия, восходящая к скандинаву Роллону – прим. автора), можно с высокой долей уверенности предположить, что народ русь, если существовал, то был скандинавского происхождения. Таким образом, Русь как государство возникает из договора как минимум трех народов: славян, финно-угров и скандинавов.

Сам этноним «русский», судя по всему, возник из переноса этнического наименования военно-политической элиты (русь-скандинавы) на этническое большинство (славянские и финно-угорские племена). Аналогично возникли этнонимы «болгарин», как перенос этнического наименования завоевателей тюрков-болгар на славянское большинство, проживавшее к югу от Дуная, и «француз», как перенос этнического наименования завоевателей франков-германцев на романизированное население бывшей римской провинции Галлия. Подобные случаи достаточно распространены в истории и не несут в себе никакого уничтожения для участвовавших в них народов.

В отличие от большинства средневековых европейских элит, русская элита допускала возможность межрасовых браков. Так, например, известно, что Андрей Боголюбский был рожден в браке Юрия Долгорукого с половецкой княжной. К западу от Руси подобные браки практиковали лишь венгры, которые сами только в конце IX века перекочевали в Центральную Европу из Зауралья. К примеру, матерью венгерского короля Ласло IV Куна была половецкая княжна. Расовая принадлежность половцев вызывает множество

споров. Вероятно, расовые черты этого кочевого народа постепенно менялись с монголоидных на европеоидные по мере перемещения с востока на запад, т.е. половецкий народ можно отнести к смешанной расе [6, с. 36].

Для старой европейской элиты, восходящей к раннему Средневековью, были неприемлемы не только межрасовые браки, но и проникновение в её ряды новой, скандинавской по происхождению элиты. В эпоху завоеваний викингов IX-XI вв. скандинавам удалось создать ряд собственных государств: Нормандия, Королевство обеих Сицилий, Антиохийское княжество. Однако ни одна скандинавская династия не смогла пережить XII век: в 1130 году антиохийскую ветвь Готвилей сменили де Пуатье, в 1135 году Нормандскую династию сменяет династия Блуа, в 1194 году сицилийскую ветвь Готвилей сменяют Гогенштауфены [7, с. 63]. Таким образом, скандинавские по происхождению династии смогли пережить XII век только в самой Скандинавии и на Руси.

Традиция заключать межрасовые династические браки сохранялась на Руси и в период ордынского ига. Известно, что Московский князь Юрий Данилович был женат на сестре хана Золотой Орды Кончаке [8, с. 478].

Многие боярские роды формирующегося централизованного Русского государства XV-XVII веков имели иноэтничное происхождение: литовскими по своему происхождению были Бельские, Глинские (к этому роду относилась мать Ивана Грозного), Трубецкие, Мстиславские, Голицыны, Куракины; татарскими по происхождению были Юсуповы, Годуновы (вторая царская династия России), Шереметевы, Нарышкины (к этому роду относилась мать Петра Великого); русскими по своему происхождению были Шуйские, Оболенские, Пожарские и др.

В период Oprичнины Иван Грозный ставил номинальным правителем Земщины крещенного татарского князя Симеона Бекбулатовича [9, с. 191].

После присоединения Сибири к России за потомками татарской династии Шибанидов сохранялось право титуловаться царевичами сибирскими вплоть до XVIII века [10, с. 22].

В течение XVIII-XIX веков этнический состав политических элит Российской империи пополнился немцами (Э. Бирон, Б. Миних, А. Остерман, А. Бенкендорф, Н. Бунге, С. Витте и др.), поляками (А. Чарторыйский, М. Огинский, И. Гурко, Н. Пржевальский), грузинами (князья Багратиони, Чавчавадзе, Церетели, Дадиани), армянами (М. Лорис-Меликов, А. Тергукасов), евреями (П. Шафиров, бароны Гинцбурги) и представителями других народов (Ганнибалы).

В XX веке в политическом руководстве и генералитете СССР полиэтничность еще больше усилилась: нельзя не упомянуть русских В. Ленина, Г. Маленкова, Ю. Андропова, грузин И. Сталина и С. Орджоникидзе, евреев Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Л. Каменева и Л. Кагановича, армян А. Микояна и И. Баграмяна, поляков Ф. Дзержинского и К. Рокоссовского, украинца Л. Брежнева, белоруса А. Громыко и многих других. Данное

обстоятельство игнорируется носителями русофобских идей, обвиняющих русских, в частности, в геноциде украинцев в начале 1930-х годов [11, с. 324], хотя фактическим главой СССР в тот момент был грузин И. Джугашвили (Сталин). Следуя логике украинских националистов, в любом политическом решении видящих этническую мотивацию, украинцы должны предъявлять претензии за «Голодомор» грузинам, т.к. ни одно политическое решение в СССР в тот момент времени не могло быть принято без одобрения грузина И. Сталина. Игнорируется ими и то обстоятельство, что от голода пострадали не только территории Украины, но и Казахстана, Черноземье, Поволжье и юг Сибири. Все это доказывает деструктивный и манипулятивный характер русофобии и её тесную связь с фальсификацией истории.

Таким образом, полиэтнический состав политических элит России можно считать одним из ключевых маркеров её цивилизационной идентичности. Расширяясь, Россия включала в состав своей элиты представителей присоединяемых народов: казацкую старшину, ханов, беев, мурз, меликов, князей, эмиров, баронов и пр. Полиэтнический состав политических элит Российского государства на протяжении всей его истории опровергает миф о великорусском шовинизме. Если бы великорусский шовинизм действительно имел место быть, то, в первую очередь, он проявил бы себя в этнической однородности элит, как это наблюдается в истории западноевропейских государств. Если для представителей различных этнических групп был открыт доступ в политическую элиту России, то это опровергает обвинения России и в том, что она угнетает народы: нельзя одновременно и угнетать, и допускать до управления собой.

Список литературы:

1. Душенко, К.В. «Тюрьма народов»: рождение метафоры // Полития. - 2023. - № 3 (110). - С. 134-148.
2. Падерин, М. В. Общие тенденции национальной политики российской империи на рубеже XIX-XX вв.: историографический аспект // Вестник магистратуры. - 2011. - № 3 (3). - С. 6-9.
3. Осколков, П. В. Феномен национализма: концептуализация и типологии // Современная Европа. - 2020. - № 3. - С. 108-116.
4. Повесть временных лет. Издание 2-е исправленное и дополненное. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. - Санкт-Петербург: Наука. Серия: Литературные памятники, 1996. - 667 с.
5. Пчелов, Е.В. Рюрик. 2-е изд. - Москва: Молодая гвардия, 2012. - 316 с.
6. Евстигнеев, Ю. А. Кыпчаки / половцы / куманы и их потомки: к проблеме этнической преемственности. – Москва: Астерион, 2010. – 171 с.
7. Брюн, С. П. Экспансия и угасание нормандского элемента: княжество Антиохийское как зеркало триумфа и кризиса нормандской государственности // ИВ. - 2022. - № 2. - С. 62-125.

- 8.Имамов, Т. Г. Политика золотоордынского хана Узбека по отношению к русским землям в англоязычной историографии // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. - 2025. - № 4. - С. 477-481.
- 9.Сапронов, П. А. Лжедмитрий I. Самозванец как культурно-исторический тип // Вестник РХГА. -2010. - № 3. - С. 188-197.
- 10.Козлова, Н. В. «и то учинила невестка...»: один семейный конфликт петровского времени сквозь призму гендера // Вестник Московского университета. Серия 8. История. - 2013. - № 4. - С. 16-24.
- 11.Касьянов, Г. В. Историческая политика в Украине и Голодомор // Прошлый век. - 2013. - № 1. - С. 277-327.

Косяк Никита Александрович (Республика Беларусь)

младший научный сотрудник

Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела

Kosyak Nikita

Belarusian Research Institute of Documentation and Archival Studies

УРКУН В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: Статья посвящена анализу событий 1916 г., известных как Уркун, и их место в национальной памяти и государственной исторической политике. Особое внимание уделяется тому, как Уркун используется в современной политике памяти Кыргызской Республики: в официальных указах, юбилейных мероприятиях, мемориальных практиках и научных дискуссиях. Обращено внимание на деятельность Рабочей группы по оценке событий 1916 г. и их интерпретацию в исторической политике страны. Показано, что государственная интерпретация стремится к взвешенному подходу в трактовке событий 1916 г. на территории современного Кыргызстана.

Делается вывод о том, что Уркун в Кыргызской Республике выполняет функцию «места памяти», вокруг которого конструируется коллективная идентичность и формулируются исторические нарративы.

Ключевые слова: Уркун, историческая память, политика памяти, Кыргызская Республика, мемориальное законодательство, Рабочая группа.

URKUN IN THE CONTEXT OF HISTORICAL POLICY OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Summary: The article is devoted to the analysis of the events of 1916, known as Urkun, and their place in national memory and state historical policy. Special attention is paid to how Urkun is used in the contemporary memory politics of the Kyrgyz Republic: in official decrees, anniversary events, memorial practices, and scholarly discussions. The activities of the Working Group on the Assessment of the Events of 1916 and their interpretation in the country's historical policy are highlighted. It is shown that the state interpretation seeks a balanced approach to understanding the events of 1916 in the territory of modern Kyrgyzstan.

It is concluded that Urkun in the Kyrgyz Republic serves the function of a «place of memory» around which collective identity is constructed and historical narratives are formulated.

Keywords: Urkun, historical memory, memory politics, Kyrgyz Republic, memorial legislation, Working Group.

Отношение к Российской империи и царским властям сформировано в основном под влиянием драматичных событий 1916 г. – национально-освободительным восстанием Уркун («Великий исход»)¹. В 2015 г. местная общественность обратилась к властям с одиозными предложениями, которые касались правопреемницы империи – Российской Федерации. Одно из них содержало требование о выплате компенсации (кун-выкупа) в связи с человеческими жертвами и материальным ущербом, причиненным в ходе освободительного восстания. Но эта идея не нашла должной поддержки в высших эшелонах власти [1].

В мае 2015 г. вышел указ Президента Кыргызстана А. Атамбаева «О 100-лети трагических событий 1916 года» [2]. В преамбуле документа указано, что «жесткая колониальная политика империи усугублялась и злоупотреблениями царских чиновников» [2]. А. Атамбаев официально поручил изучить «белые пятна» в истории Уркуна, инициировал создание рабочей группы из ученых, историков и представителей других гуманитарных специальностей для осуществления непредвзятой оценки событий 1916 г. в рамках деятельности Комиссии по развитию исторической науки при Президенте Кыргызской Республики [2, п. 2].

Рабочая группа инициировала проведение ряда научно-практических конференций, посвященных данной проблеме. Одна из них была организована в Баткене в апреле 2016 г. В мае состоялись конференции в Оше и Джалал-Абаде, затем – в университетах Бишкека и Иссык-Куля. Материалы конференций опубликованы.

В мае того же года рабочая группа провела в г. Бишкеке международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 г. в Центральной Азии» [3], целью которого было создание междисциплинарной научной платформы и представление научного, неполитизированного взгляда на Уркун. На совещании обсуждался широкий спектр проблем, включая историографию восстания, его причины, ход, новые источники и архивные данные, а также последствия и уроки события. Речь также шла о влиянии Уркуна на литературу и искусство. Каждый докладчик представлял свою точку зрения на изучаемую проблему, анализировал собранный материал, делал выводы и определял возможные перспективы будущих исследований в этой области. Мероприятие позволило выработать новые подходы к исследованию феномена 1916 г.

По итогам научно-практических конференций и собраний рабочей группой приняты следующие решения: восстание Уркун требует более детального изучения; результаты исследований и воспоминания очевидцев тех событий необходимо отразить в монографии «Книга памяти»; в школьных учебниках по истории страны дать больше информации об Уркуне;

¹ Вооруженное выступление мусульманского населения центральноазиатских территорий Российской империи в 1916 г., обусловленное трудовой мобилизацией в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и ставшее причиной массового бегства кыргызов в Китай. В кыргызской историографии данное событие известно как «Уркун».

представителям власти проводить просветительскую работу среди рядовых граждан с целью выработки объективной оценки событий 1916 г. [4, с. 17–18].

Результаты работы рабочей группы были опубликованы. В июне 2016 г. в Бишкеке состоялась презентация сборника документов *«Восстание 1916 г. в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии»*. В сборник вошло более 100 воспоминаний участников и свидетелей восстания [5]. Под эгидой российских архивных учреждений (при участии кыргызских коллег) началась реализация интернет-проекта «События в Семиречье 1916 года по документам российских архивов»: архивные материалы о восстании были выложены в открытый доступ [6].

Историческая реконструкция трагических событий Уркуна получила институциональное закрепление в календаре памяти Кыргызстана. Первоначально, на основании постановления Жогорку Кенеша от 18 апреля 2008 г., «Днем памяти жертв национального восстания кыргызского народа 1916 г.» была установлена первая пятница августа [7, п. 1]. Впоследствии, в соответствии с указом Президента Кыргызской Республики «Об установлении Дней истории и памяти предков» от 26 октября 2017 г., данная дата была перенесена на 7 и 8 ноября [8, п. 1].

Тема восстания нашла широкое отражение и в национальном творчестве. Уже в ноябре 2016 г. состоялась презентация монографии Г. Станалиевой «1916 год в кыргызской прозе». Автор провела сравнительный анализ произведений кыргызских писателей и произведений писателей других центральноазиатских стран [9]. Впервые в театрах республики были поставлены пьесы «Осмон и Ольга», «Волчье время, или Уркун глазами двух подростков», «Драма века», ставшие победителями в конкурсе на лучшую пьесу об Уркуне [10]. Следует отметить еще одно значимое событие – презентацию кинофильма «Уркун» в октябре 2016 г. [11].

По всей республике организовывались тематические выставки: книжно-иллюстративная выставка при Национальной библиотеке республики (февраль 2016 г.), выставка картин национальных авторов о восстании 1916 г. при музейном центре (март 2016 г.) [12], выставка «Уркун» (май 2016 г.; организатор – Союз художников Кыргызской Республики) [13, с. 23].

Важным направлением в работе по сохранению памяти о восстании стало строительство памятников. Одним из первых был открыт 16-метровый мемориал в г. Караколе Иссык-Кульской области [14]. В августе 2015 г. А. Атамбаев подписал указ о создании на территории комплекса «Ата-Бейит» мемориала «Уркун» в честь кыргызов, погибших во время восстания [15, п. 1].

Необходимо отметить официальную позицию лидеров республики по отношению к имперскому прошлому. После того как были опубликованы результаты деятельности рабочей группы, Президент А. Атамбаев отметил, что народ Кыргызстана не испытывает чувства ненависти к русским, так как *«...всегда понимал, что в трагедии 1916 года не виноваты простые русские люди»* [16]. Бывший Президент А. Акаев, выступая на мероприятиях,

посвященных 75-летию годовщины трагических событий (1991 г.), говорил, что *«сегодня в трагедии нет виноватых. Искать виновных среди живущих ныне на земле нашей республики – это преступление»* [17, с. 1018].

Следовательно, события Уркуна 1916 г. становятся ключевым элементом в политике памяти, проводимой правящими группами, с целью формирования консолидирующего исторического нарратива, легитимирующего современную национальную идентичность кыргызов.

Список литературы:

- 1.Киргизы потребовали кун-выкуп за действия царской России - URL: <https://lenta.ru/news/2013/08/19/demand/> (дата обращения: 11.02.2026).
- 2.О 100-лети трагических событий 1916 года: Указ Президента Кыргызской Республики от 27 мая 2015 г., № 104 // Централизованных банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/68824/edition/643800/ru> (дата обращения: 10.02.2026).
- 3.Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сб. ст. / редкол.: Г. Айтпаева [и др.]. – Бишкек: Нео Принт, 2017. – 180 с.
- 4.Национально-освободительное восстание 1916 года в Кыргызстане и Центральной Азии: сб. науч. ст. / БГУ; редкол.: И. А. Масалиев (гл.ред.) [и др.]. – Б.: Турар, 2017. – 700 с.
- 5.Документы, связанные с восстанием 1916 года, собраны в одной книге - URL: <https://ru.sputnik.kg/20160630/1027188262.html> (дата обращения: 10.02.2024).
- 6.Архивы по восстанию в Семиречье оцифровали в Москве - URL: <https://ru.sputnik.kg/20160728/1028250939.html/> (дата обращения: 11.02.2026).
- 7.Об установлении Дня памяти жертв национального восстания кыргызского народа в 1916 году: Постановление Жогорку Кенеш Кыргызской Республики от 18 апреля 2008 г., № 340-IV // Централизованных банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/6-6519/edition/877113/ru> (дата обращения: 18.02.2026).
- 8.Об установлении Дней истории и памяти предков: Указ Президента Кыргызской Республики от 26 октября 2017 г., № 104 // Централизованных банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/69431/edition/858547/ru> (дата обращения: 18.02.2026).
- 9.В КТУ «Манас» состоится презентация книги «1916-год в кыргызской прозе» - URL: <https://for.kg/news-390623-ru.html?ysclid=ls25resqkg729205427> (дата обращения: 11.02.2026).
- 10.В Кыргызстане три пьесы на тему Уркуна, победившие в конкурсе, поставят на сцене - URL: https://24.kg/kultura/31964_v_kyirgyizstane_tri_pesyi_na_temu_urkuna_pobedivshi_e_v_konkurse_postavyat_na_stsene/?ysclid=ls3btmwuwk185123105 (дата обращения: 10.02.2026).

11. Презентация фильма «Уркун» проходит по всей стране: - URL: <https://ru.sputnik.kg/20161017/prezentaciya-filma-urkun-1029776490.html?ysclid=ls259xsrv5667520593> (дата обращения: 10.02.2026).
12. В Кыргызстане пройдет выставка картин, посвященная событиям 1916 года - URL: https://www.vb.kg/doc/336823_v_kyrgyzstane_proydet_vystavka_kartin_posviashe_nnaia_sobytiyam_1916_goda.html?ysclid=ls3bxly3wn772893349 (дата обращения: 10.02.2026).
13. Боконбаев, Г. Дж. Отражение событий 1916 г. в изобразительном искусстве Кыргызстана. – Вестник КРСУ. – 2016. – № 12. – С. 20–23.
14. В Кыргызстане открыли мемориал памяти погибших в трагических событиях 1916 года (Уркун) - URL: https://24.kg/obschestvo/36418_v_kyrgyzstane_otkryili_memorial_pamyati_pogibshih_v_tragicheskikh_sobyitiyah_1916_goda_urkun/?ysclid=lsahkuq4iu766302197 (дата обращения: 10.02.2026).
15. О Мемориале памяти погибших в ходе трагических событий 1916 года: Указ Президента Кыргызской Республики от 12 августа 2015 г., № 168 // Централизованных банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/68880/edition/669996/ru> (дата обращения: 12.02.2026).
16. Атамбаев: Киргизию и Россию объединяют общие история и будущее - URL: <https://tass.ru/obschestvo/3585701> (дата обращения: 17.02.2026).
17. Мамбеталиев, К. И. Кыргызское восстание 1916 года (об отчетах и оценках трагического события). – Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 4. – С. 1015–1019.

Кротова Елена Евгеньевна

старший преподаватель

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта

SPIN-код: 5504-4012

Krotova Elena

Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health

ВКЛАД САУДОВСКОЙ АРАВИИ В УКРЕПЛЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ СПОРТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ИГРЫ ИСЛАМСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Аннотация: В статье анализируется роль Саудовской Аравии в развитии исламской спортивной идентичности посредством участия и организации Игр исламской солидарности — масштабного спортивного мероприятия для стран-членов Организации исламского сотрудничества. Особое внимание уделяется использованию спортивного мероприятия как инструмента повышения престижа государства и продвижения долгосрочных стратегических инициатив (программы «Видение 2030»). Исследование опирается на анализ данных по видам спорта, составу участников Игр 2025 года. Саудовская Аравия продвигает Игры исламской солидарности для укрепления идеи единства исламского мира через спорт, в том числе через интеграцию традиционных видов спорта, характерных для стран-участниц. Поэтому соревнования стали важным дипломатическим и культурным инструментом, способствующим пониманию необходимости взаимодействия и совместного развития исламских государств.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, ислам, Спортивная ассоциация исламской солидарности, спорт, Игры исламской солидарности.

SAUDI ARABIA'S CONTRIBUTION TO CONSOLIDATION OF ISLAMIC SPORTING IDENTITY THROUGH THE ISLAMIC SOLIDARITY GAMES

Summary: The article analyzes Saudi Arabia's role in developing Islamic sporting identity through its participation and organization of the Islamic Solidarity Games, the major sporting event for member of the Organization of Islamic Cooperation. It should be given special consideration to the use of sporting events as a tool for enhancing the state's prestige and promoting long-term initiatives (such as the program “Vision 2030”). The research is based on an analysis of data of sports and the athletes of the ISG 2025. Saudi Arabia is promoting the Islamic Solidarity Games to strengthen the idea of unity in the Islamic world through sport, including the integration of traditional sports that are typical to the participating countries. Therefore, the competitions became an important diplomatic and cultural tool,

promoting understanding of the need for interaction and joint development of Islamic countries.

Keywords: Saudi Arabia, islam, Islamic Sport solidarity association, sports, Islamic Solidarity Games.

В современном мире, несмотря на глобализационный процесс, государства стремятся к различным объединениям, основанным на географическом, политическом, культурном принципе. Эти альянсы служат не только для решения экономических или военных задач, но и для укрепления культурной идентичности, демонстрации единства и продвижения общих ценностей на мировой арене. Создание общей платформы для диалога, соревнований, обмена становится логичным шагом для любого крупного сообщества.

И именно по этому пути пошел исламский мир, многонациональное сообщество, объединенное общей религией. Понимая значимость своей культуры с богатой историей, традициями, исламские государства осознали необходимость в создании собственного блока, который отражал бы их ценности и способствовал солидарности. Так родилась идея Игр исламской солидарности – масштабного спортивного мероприятия, призванного стать аналогом Олимпийских игр для мусульманского мира. Эти соревнования стали не просто спортивным турниром, а мощным символом единства, платформой для культурного обмена и демонстрацией того, что исламский мир, несмотря на все различия между отдельными странами, способен объединяться вокруг общих идеалов мира, дружбы и здорового соперничества.

Игры исламской солидарности представляют собой уникальное и значимое событие, вызывающее интерес во всем исламском мире. Оно проводится раз в четыре года и объединяют атлетов из 56 стран, являющихся членами Организации исламского сотрудничества. Для мусульманских государств эти Игры являются не просто спортивными соревнованиями, а площадкой для демонстрации своей уникальности, единства. Интерес к ним подогревается возможностью укрепить дипломатические и культурные связи между странами, разделяющими общие ценности и историю.

Атлеты воспринимают участие в Играх как особую честь, ведь они представляют не просто страну, но весь исламский мир. Игры исламской солидарности способствуют развитию спортивной культуры в регионе, стимулируя инвестировать в спорт и здоровый образ жизни. Трансляции соревнований привлекают миллионы зрителей, ведь исламский мир большой. Уникальность Игр заключается и в том, что они предоставляют соревноваться женщинам-мусульманкам в комфортной среде. Это способствует развитию женского спорта в исламских государствах. Для принимающей страны проведение такого спортивного мероприятия является вопросом национального престижа, позволяя продемонстрировать свои организационные возможности,

гостеприимство и современную инфраструктуру. Поэтому каждое государство, заинтересованное в демонстрации своей силы в регионе, желает принять Игры.

Саудовская Аравия, как хранительница двух главных святынь ислама — Мекки и Медины, исторически занимает особое положение в мусульманском мире. В последние годы её роль значительно возрастает, превращаясь из духовного центра в ключевого политического и экономического игрока. Экономическая мощь, основанная на энергетических ресурсах, позволяет Саудовской Аравии оказывать значительную финансовую помощь развивающимся исламским странам.

Кроме того, страна инициирует масштабные спортивные проекты и программы. Программа «Видение 2030» направлена не только на диверсификацию собственной экономики, но и на создание новых моделей развития, которые могут быть примером для других мусульманских государств. Культурные и образовательные инициативы способствуют укреплению мягкой силы королевства. Эта многогранная деятельность позволяет ей формировать новые альянсы и укреплять связи внутри исламского сообщества.

Саудовская Аравия играет основополагающую роль в развитии Игр исламского сотрудничества, так как именно в 1985 году по инициативе королевства была основана Спортивная ассоциация исламской солидарности [4]. И благодаря деятельности данной организации начали проводить Игры, воплотив идею спортивного единства мусульманского мира в реальность. Проводя аналогию с тем, что первые Олимпийские игры современности проходили в Греции, их прародительнице, необходимо отметить символизм выбора места первых Игр исламской солидарности. Они прошли в 2005 году в Мекке, священном городе всех мусульман, что имело большое значение для людей. Это подчеркнуло связь между спортом и религией.

Саудовская Аравия, являясь хранителем двух святынь ислама, использовала свой уникальный статус, чтобы придать первым Играм особый престиж и заручиться поддержкой всего исламского мира. И через 20 лет, в ноябре 2025 года, королевство вновь приняло Игры исламской солидарности, но в этот раз в столице, в Эр-Рияде. Слоганом Игр стала фраза «Одна нация», отражающая идею единства и понимания между всеми исламскими странами. В соревнованиях приняли участие более 3 тысяч атлетов [1]. Самые большие делегации прислали Турция, Саудовская Аравия, Узбекистан, Азербайджан, Иран, Алжир, Катар, Бахрейн. Программа включала 24 вида спорта: баскетбол, легкую атлетику, бокс, дзюдо, джиу-джитсу, каратэ, муай-тай, плавание, настольный теннис, тхэквондо, волейбол, тяжелую атлетику, греко-римскую и вольную борьбу, ушу. Кроме того, проводились соревнования по пара-атлетике и пара пауэрлифтингу. Среди традиционных для исламских стран соревнований можно отметить скачки на верблюдах, куреш и пенчак силат. Перед Играми принц Фахад бин Джалави аль-Сауд, глава Высшего Комитета по организации VI Игр исламской солидарности, отметил:

«Приветствуя национальные олимпийские комитеты со всего исламского мира на Играх 2025 года в Эр-Рияде, мы подтверждаем непоколебимую приверженность укреплению уз солидарности и взаимопонимания посредством спорта. Возвращение Игр в Саудовскую Аравию является свидетельством нашей преданности созданию спортивной среды мирового уровня, отражающей богатое наследие, прогресс и мировое лидерство нашего Королевства» [3].

Помимо основных соревнований, в рамках Игр исламской солидарности проходили встречи представителей государств. К примеру, министр спорта Саудовской Аравии принц Абдулазиз бин Турки бин Фейсал аль-Сауд подписал ряд меморандумов о взаимопонимании и программ по сотрудничеству (Таджикистаном, Азербайджаном и Ираком). Меморандумы, подписанные с Брунеем-Даруссаламом и Сомали, направлены на укрепление сотрудничества в сфере молодежной политики, программ обмена и совместных спортивных инициатив. После Игр многие государства отмечали значимость данных соревнований для развития спорта в исламском мире. Международный комитет честной игры отметил: «Эти знаменательные Игры, приуроченные к 20-летию мероприятия, объединяют элитных и юных спортсменов со всего исламского мира, отмечая достижения, культурный обмен и взаимное уважение» [2].

Игры показали, что королевство ответственно отнеслось к проведению соревнований, возведя их в ключевой спортивный проект, перерастающий в подготовку к новым спортивным мероприятиям.

Помимо роли в основании Игр исламской солидарности, Саудовская Аравия продолжает оказывать влияние на развитие соревнований. Королевство финансирует многие спортивные проекты через Спортивную ассоциацию исламской солидарности. В рамках программы «Видение 2030» спорт признан одним из важнейших направлений для развития государства, что напрямую отражается на поддержке Игр.

Список литературы:

- 1.Athletes and Teams at ISG 2025 // Islamic Sport Games Riyadh 2025: Official page. - URL: <https://wrs-isg2025.com/participants/athletes> (date of access 25.02.2026)
- 2.Commendation for the 2025 Islamic Solidarity Games // International Fair Play Committee: Official page. - URL: <https://www.fairplayinternational.org/commendation-for-the-2025-islamic-solidarity-games> (date of access 25.02.2026)
- 3.Islamic Sport Games Riyadh 2025 // Islamic Sport solidarity association: Official page. - URL: <https://issa.sport/en/activities/mega-activities/ISG-Riyadh-2025> (date of access 25.02.2026)
- 4.Islamic Sport solidarity association: Official page. - URL: <https://issa.sport/en> (date of access 25.02.2026)

Кудинов Александр Александрович

аспирант

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Kudinov Alexander

Samara campus Moscow City University

ЧЕРНОБЫЛЬ КАК СИМВОЛ СТРАХА. РЕАЛЬНОСТЬ, МИФЫ И АТОМНАЯ ТРЕВОГА

Аннотация: Авария на Чернобыльской АЭС остается ключевым событием, кардинально изменившим восприятие ядерной энергетики и экологической безопасности в мировом сообществе. В статье проводится комплексный анализ технических причин катастрофы, масштабов экономических потерь и социальных последствий для населения пострадавших регионов. Особое внимание уделяется медицинским последствиям для ликвидаторов, а также формированию «постчернобыльского» образа мышления и радиофобии в обществе. Исследуется роль средств массовой информации в распространении дезинформации и мифологизации реальных последствий аварии, что существенно повлияло на общественное мнение. Анализируется влияние катастрофы на темпы строительства новых энергоблоков и изменение имиджа атомной отрасли в сравнении с инцидентом на АЭС Три-Майл-Айленд. На основе архивных данных и статистики делается вывод о необходимости разделения реальных угроз и существующих мифов для дальнейшего безопасного развития отрасли.

Ключевые слова: Чернобыль, Катастрофа ЧАЭС, постчернобыльский синдром, ч-образ, мифологизация.

CHERNOBYL AS A SYMBOL OF FEAR: REALITY, MYTHS AND NUCLEAR ANXIETY

Summary: The accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant remains a pivotal event that fundamentally altered the perception of nuclear energy and environmental safety within the global community. This article provides a comprehensive analysis of the technical causes of the catastrophe, the scale of economic losses, and the social consequences for the population of the affected regions. Particular attention is paid to the medical consequences for the liquidators, as well as the formation of a "post-Chernobyl" mindset and radiophobia in society. The role of the media in spreading disinformation and mythologizing the actual consequences of the accident, which significantly influenced public opinion, is examined. The impact of the catastrophe on the construction rates of new power units and the changing image of the nuclear industry is analyzed in comparison with the Three Mile Island incident. Based on archival data and statistics, the study concludes that distinguishing between real threats and existing myths is necessary for the further safe development of the industry.

Keywords: Chernobyl, Chernobyl Nuclear Power Plant disaster, Post-Chernobyl syndrome, Post-Chernobyl mindset, Mythologization of consequences.

Авария на Чернобыльской АЭС стала событием, навсегда изменившим восприятие ядерной энергии. Официальной версией является объяснение ученых, которое было изложено в докладе по безопасности INSANG-7 и принято МАГАТЭ. Авария произошла перед остановкой блока на плановый ремонт при проведении испытаний режимов работы одного из турбогенераторов. Мощность реакторной установки внезапно резко возросла, что привело к ее разрушению и выбросу части накопившихся в активной зоне радиоактивных продуктов в атмосферу. В процессе аварии ядерная реакция в реакторе четвертого блока прекратилась [6, с.20-28]. Изначально официально принятой версией была ошибка персонала, но впоследствии решение было пересмотрено, и основная вина была возложена на конструкцию реактора и авторов эксперимента, что в свою очередь вызвало множество вопросов о компетенции и объективности ученых и специалистов МАГАТЭ [3, с.234-236].

В первые дни аварии было принято решение об эвакуации городов Припять, Чернобыль и прилегающих территориях в радиусе 10 км. Из справки оперативного штаба УВД, которая до недавнего времени находилась в архивах спецслужб с грифом секретно, известно, что всего за первый этап эвакуации было вывезено в более безопасную зону 44460 человек. Спустя сутки, с получением более объективных данных об опасности, связанной с сильным радиационным загрязнением, было принято решение о проведении второго этапа эвакуации в прилегающей к ЧАЭС территориях в радиусе 30 км. Практически полному расселению подверглось чуть менее 100 населенных пунктов. Эвакуация населения, а конкретно промедление с ней, стало дискуссионным вопросом. Стоит отметить, что споры на тему своевременности эвакуации начались практически сразу после аварии. Большую роль в этом сыграли «западные радиоголоса» или же иностранное радиовещание на территорию СССР, которые помимо распространения рекомендаций, активно передавали дезинформацию [8, с.418-420].

Правительство Советского Союза приняло большое количество мер по ликвидации катастрофы. Только прямые затраты на ликвидацию последствий аварии на станции составили около 10 млрд. рублей. Общие затраты на выплату компенсаций и льгот пострадавшим и ликвидацию последствий катастрофы из средств союзного бюджета в период с 1986 по 1991 гг. составили более 25 млрд. руб., что являлось ощутимым ударом по бюджету страны [4, с.14-25]. Для ликвидации катастрофы было задействовано большое количество ресурсов. Большой экономической потерей стал приход в негодность в следствии радиационного заражения по различным оценкам от 80 до 100 тысяч единиц техники от автобусов и личных автомобилей до вертолетов, БТР и специализированных роботов. После ликвидации было высказано множество сомнений об экономической целесообразности мирного атома, в виду

денежных потерь в следствии аварий. Стоит отметить, что в большинстве случаев это использовалось в контексте сенсационализма в СМИ, а не реальных опасений.

Самым значительным последствием стали человеческие потери. Это первый и на данный момент единственный зафиксированный случай аварии на гражданском атомном объекте с таким большим количеством жертв (относительно других аварий и инцидентов). Согласно данным Росатома, количество участников ликвидации последствий аварии достигало чуть менее 530-ти тыс. человек, на момент конца активной фазы ликвидации [2, с10-28].

Ликвидаторы, пожалуй, главная жертва мифов и легенд вокруг черновыльсской катастрофы. Под ликвидаторами стоит понимать всех людей, кто непосредственно относился, либо относится к ликвидации аварии. Некоторая часть персонала реактора и работников аварийных служб получила 26 апреля 1986 г. высокие дозы облучения, и в результате 28 из них умерли в течение первых четырех месяцев, а еще 19 умерли в период до 2004 года. Мифы о количестве погибших связаны в первую очередь с тем, что у широких масс населения отсутствовали знания об опасности радиации и реальном положении дел, а попытки засекретить количество жертв и реальные опасности, вопреки желанию правительства пресечь распространение недостоверной информации, привели к обратному результату.

Пострадавшие от черновыльсской аварии более подвержены таким заболеваниям, как лейкоз и рак щитовидной железы, не говоря уже о последствиях лучевой болезни. Ученые отмечают, что точные цифры относительно данных о заболеваемости и смертности привести тяжело в связи с особенностями самих заболеваний и путей их возникновения. Поэтому можно лишь предположить динамику, исходя из точных данных о количестве людей и объемов загрязнения радионуклидами. «Примерно 440 тыс. человек продолжают жить на территориях Брянской, Калужской, Орловской и Тульской областей с загрязненностью свыше 185 кБк/м². Более 200 тыс. россиян были привлечены к работам по ликвидации последствий аварии, большинство из них получили дозы внешнего облучения от 50 до 250 мЗв» [6, с. 13-39]. Исходя из данных приведенных в журнале «Радиация и риск» от 2001 г., среди ликвидаторов чаще регистрируются заболевания эндокринной системы, болезни кровообращения, болезни костно-мышечной системы и соединительных тканей, но при это с каждым годом разница в показателях заболеваемости среди ликвидаторов медленно, но постоянно сокращается. Что касается населения зараженных областей, после аварии на ЧАЭС, выявлен драматический рост заболевших раком щитовидной железы среди населения, которое было детьми и проживало на эвакуационной территории. Динамика уровня смертности на зараженных территориях выше, чем в целом по России, но такая же динамика была и до аварии.

По данным Европейского сообщества по атомной энергии, опубликованным в атласе загрязнения Европы, основным загрязнителем в

Европе, как и в Советском Союзе был цезий-137. «Для остальной части Европы картографирование глобального цезия-137 проводилось на основании данных о выпадениях стронция-90 в Северном полушарии, полученных Комитетом ООН по воздействию атомной радиации (UNSCEAR)» [5, с. 13-39]. При анализе загрязнений в Европе, которые были вызваны чернобыльской катастрофой, стоит понимать, что определенный уровень загрязнения был и до аварии. Эксперты радиационной безопасности говорят о том, что небольшие очаги радионуклидов образовались в следствии испытаний ядерного оружия и последующих глобальных выпадений, а также в результате работы ядерных установок и атомных предприятий или выбросов жидких отходов в окружающую среду от регенерационной установки в Селлафилде в Великобритании.

Последствия Чернобыля выражаются не только во влиянии на физическое здоровье, но и на психологическое. Затрагивая какие-либо ментальные изменения, нельзя не отметить тенденцию, с которой столкнулись эвакуированное и переселенное население, общее число которых по официальным данным доходит до полумиллиона человек. Безусловно переселение из загрязненного участка положительно сказывается на физическом здоровье по объективным причинам, но очень сильно оказывает влияние на моральное здоровье. Эксперты в бюллетене «Радиация и риск» отмечают: «Даже когда переселенцам компенсировали убытки, предлагали бесплатное жилье и выбор места проживания, многие считали этот процесс глубоко несправедливым» [6, с. 13-39]. Отмечается, что многие переселенцы страдают от того, что не находят своего места в обществе, либо не имеют контроля над собственной жизнью. Опросы показали, что многие переселенцы хотели бы вернуться в свои родные деревни, невзирая на заражение. Существует категория населения, которая невзирая на запрет вернулась на свое прошлое место жительства. Возвращенцы или самоселы намного лучше справились с психологическими последствиями, чем те люди, которые были переселены в менее загрязненные участки [7, с.27-36].

Различные психологические изменения в следствии чернобыльской катастрофы оказали серьезное влияние на индивидуальное и общественное поведение. Население пострадавших и приближенных к пострадавшим районам собственное здоровье и благосостояние оценивают резко негативно, да и к тому же очень болезненно воспринимают отсутствие контроля над своей жизнью. Подобные представления усиливаются преувеличенным опасением, связанным с воздействием радиоактивным излучения на организм. Пострадавшее население считает, что люди, испытавшие какое-либо радиоактивное излучение предрасположены к меньшей продолжительности жизни. Подобные настроения так же связанным с потерей инициативы в решении материальных проблем и зависимостью от государства в виде льгот и пенсий.

Помимо того, что с психологическими проблемами столкнулись непосредственные участники эвакуации, моральный удар коснулся всего

Советского Союза. Острота реакции варьировалась по принципу расположенности к АЭС, чем ближе, тем выше панические настроения. Паника была связана с распространением различных сведений об аварии: как реальных и вполне объективных, так и слухов, предположений, преимущественно с негативным окрасом, что в свою очередь вылилось в массовый, неконтролируемый отъезд из крупных населенных пунктов. Отсутствие доверия к официальной информации, а также продолжающееся распространение слухов способствовало поддержанию непрерывных панических настроений среди населения, которое вылилось в скрытую фазу. Постепенно сформировался «постчернобыльский» образ мышления, который основывается на понимании опасности, порождённой развитием промышленного сектора, неумением или нежеланием проявлять осторожность в обращении с окружающей средой и средой обитания, на представлениях о возможных катастрофах, вызывающих гибель огромных масс людей или всего человечества. Особенность «постчернобыльского» образа мышления заключается в том, что оно относится не только к непосредственным участникам событий аварии на ЧАЭС, но и к людям, которые к ней не имеют какого-либо прямого отношения. В большинстве своем это выражается в повышенном внимании к радиационному загрязнению. Вскоре данный феномен получит уничижительное прозвище «радиофобия», которым будут оправдывать «неудобные вопросы» [3, с.237-239].

Образ Чернобыля внес огромный вклад в формирования экологического мышления. Одной из главных тем природоохранных сообществ остается так называемая ядерная проблема, которая включает в себя: проблему ядерных отходов, производство и испытания ядерного оружия, проблему атомной промышленности и отказа от неё. Отношение к ядерной проблеме варьируется от принятия минимума необходимых мер до сиюминутного отказа и тотального запрета.

Опасения о последствиях радиационного излучения и его влиянии на жизнь и здоровье человека не уменьшаются, а наоборот распространяются далеко за пределами загрязненных областей. К тому же изменения коснулись не только переселенцев, но и тех, к кому переселили, особенно сильно это заметно на малых поселениях и деревнях, где сформировались самостоятельные общины. Начиная с 1986-1987 гг. стал формироваться образ «чернобыльца».

Ключевую роль в формировании «нового образа мышления» сыграли СМИ. Если рассматривать последствия катастрофы, в большинстве случаев на первый план выходят вопросы, растиражированные в СМИ, а именно: сокрытие реальных масштабов, экологические последствия, ответственность перед обществом. На фоне этого возросла тенденция мифологизации реальных последствий и антиядерных настроений.

Чернобыльская авария очень сильно повлияла на имидж атомной энергетики в целом. В начале своей истории атомная промышленность в массовом сознании воспринималась достаточно футуристично. Инновационная,

достаточно экономичная и безопасная отрасль после Чернобыльской аварии превратилась в главную опасность человечества. Но, после катастрофы любое новое строительство воспринимается в штыки и обрекается вторым чернобылем, не говоря о панике, которая вызывается любым небольшим происшествием. Общество все чаще начинает высказываться за полный отказ от атомной энергетики. Главным противником этого предложения и как следствие главным защитником атомной промышленности стала Франция. Эта страна от АЭС получает около 75% всей электроэнергии, поэтому она очень зависит от образа атомной промышленности. Для решения последствий и поддержания положительного образа французские компании Bouygues и Vinci принимали большое участия в сооружении нового саркофага над ЧАЭС объектом «Укрытие-2».

Влияние отрицательного образа чернобыльской катастрофы на атомную промышленность можно проследить по динамике строительства и запуска новых энергоблоков. Согласно данным экспертов МАГАТЭ на момент катастрофы количество подключенных к сети атомных реакторов в мире достигло максимума (33 реактора). В общей динамике наблюдались положительные тенденции. В 1985 году количество новых реакторов так же достигает максимума в 33 новых реактора. В 1986 и 1987 годах динамика снижается до 27 и 22 соответственно. Это обусловлено тем, что многие объекты были на стадии завершения и простая заморозка строительства была бы огромной экономической потерей. К тому же научная база о будущих последствиях была минимальной. В 1988–1990 гг. динамика выходит на уровень 1967–1971 гг., а начиная с 1991 г. общая динамика становится чуть выше, чем в 1962 – 1966 гг. Потеря развития атомной промышленности так же отрицательно сказывается на экономическом состоянии основных стран, добывающих уран. По данным экспертов добывающих отраслей на 2014 год лидерами по добыче урана являлись Казахстан, Канада, Австралия, Нигер, Намибия [1, с.17-18].

Реакция на развитие атомной промышленности в связи аварией на Чернобыльской атомной электростанции, похожа на аналогичную ситуацию в США на АЭС Три-Майл-Айленд. Ситуации схожи, отличие в масштабах. Полноценно описывать случившееся как «Американский Чернобыль» нельзя. В отличие от Чернобыля не было ни погибших, ни пострадавших. Но тем не менее, после инцидента заметно возросла популярность «зеленых идей», а также значительно выросло антиядерное движение. Итогом аварии 1979 г. в США стал отказ от постройки атомных станций. Единственный известный прецедент с того времени — это начало строительства в 2013 г. 2 энергоблоков на станции Вогтль. Но это не полноценная электростанция, а сами энергоблоки до сих пор не запущены.

Авария произошла 39 лет назад, и, безусловно, она повлияла на жизнь общества. Эксперты отмечают, что после чернобыльской катастрофы, изменилось восприятие мирного атома в обществе. Все больше противников

образуется у этой отрасли. Людей пугает многое: неизвестность последствий, которые обросли мифами, закрытость и непонятность темы для широких масс и прочее. Постройка любой новой АЭС неизбежно приводит к педалированию темы техногенных катастроф. Интерес к атомной энергетике и последствиям в случае катастрофы, дополнительно подогревается журналистами, которые дополняют востребованный материал кричащим либо пугающим заголовком. Подобная тенденция свойственна как на постсоветском пространстве, так и за рубежом. Свою лепту вносят люди, верящие в теории заговоров и дополнительно гипертрофирующие тему возможной катастрофы.

В отличие от восприятия «чернобыльцев» в обществе, тенденция антинаучной и мистической трактовки чернобыльской действительности возрастает. Сама катастрофа и последующие события представляют из себя малый интерес для различных мистических теорий. Чернобыль стал заложником своего образа и восприятия его в массовом сознании. Начавшаяся история с придумыванием и приукрашиванием событий пошла дальше и на сегодняшний момент набирает обороты. Нельзя не обращать внимание на тенденцию демонизирования чернобыльских событий. Можно понять и принять тезисы взрослых людей, которые так или иначе были очевидцами событий, но молодое поколение дезинформировано не меньше, а зачастую даже больше. Самые очевидные заблуждения это: мутации людей и животных, которые опровергаются биологическими данными; количество погибших, которое проверяется через ныне рассекреченные и опубликованные документы; различные аномалии, которые отрицаются законами физики. Нереальные проблемы затмевают вполне реальные, с которыми необходимо бороться, а именно: мародёрство, незаконные промыслы, неконтролируемый поток людей в чернобыльскую зону отчуждения. Они менее глобальны и не имеют шокирующего эффекта при прочтении, но могут нанести серьезный вред далеко за пределами охраняемого периметра.

Список литературы:

1. IAEA NEA Figure 1.1. Global distribution of identified resources // Uranium 2016: resources, production and demand. 2016. № 7301. С. 17–18.
2. Иванов В. К. Ликвидаторы: радиологические последствия Чернобыля. Библиотечка общественного совета "Росатома". М.: Центр содействия социально-экологическим инициативам атомной отрасли, 2012. С. 10–28.
3. Копчинский Г.А., Штейнберг Н.А. Чернобыль: О прошлом, настоящем и будущем. – М., С. 234–239.
4. Малышев В.П. Уроки преодоления последствий Чернобыльской катастрофы: 25 лет спустя // Проблемы анализ риска. 2011. №2. С. 14–25.
5. Медицинские последствия Чернобыля: прогноз и фактические данные РГМДР // Радиация и риск. М.: ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр радиологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2001. С. 13–39.

- 6.Международное агентство по атомной энергии INSANG - 7 Чернобыльская авария: дополнение к INSANG - 1 // Серия изданий по безопасности.№. 75-INSAG-7. Вена, 1993. С. 20–28.
- 7.Социально-экономические последствия аварии на Чернобыльской АЭС // Радиация и риск. 2005. №2. С. 27–36.
- 8.Хиггинботам А. Чернобыль. История катастрофы- М.: Альпина нон-фикшн, 2023. С. 418–420.

Кузьменкова Вероника Николаевна

кандидат экономических наук, доцент

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва

SPIN-код: 5048-9240

Kuzmenkova Veronika

Military Academy of Logistic Support named after General of the Army A.V. Khrulev

ОСОБЕННОСТИ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация: В данной статье подробно рассматриваются причины и дается классификация видов организационно-управленческого конфликта. Уделяется внимание межличностным, межгрупповым и межличностно-групповым конфликтам. При этом выявляется, что личные и групповые цели не всегда осознаются участниками организации. Источником конфликтной ситуации может стать также осознанный интерес, и в этом случае различия в интересах становятся причиной конфликта. Отдельного внимания заслуживает организационно-правовая причина конфликтов.

Также рассматривается моделирование ситуаций в качестве универсального способа выстраивания рода отношений между участниками конфликта.

Ключевые слова: конфликт, организационно-управленческий конфликт, моделирование ситуации, социальный конфликт.

FEATURES AND CAUSES OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL CONFLICT

Summary: This article examines in detail the causes and classification of organizational and managerial conflict. It focuses on interpersonal, intergroup, and interpersonal-group conflicts. It also reveals that personal and group goals are not always consciously recognized by organizational participants. Only conscious interest can trigger a conflict, and only then do differences in interests become a cause of conflict. Situational modeling is also considered as a universal method for building relationships between conflicting parties.

Keywords: conflict, organizational and managerial conflict, situation modeling, social conflict.

Несмотря на достаточно проработанную тему проблемы конфликта, остается достаточно много нюансов, требующих нового осмысления. В первую очередь, стоит внимательно изучить организационно-управленческий конфликт, понимание причин которого требует комплексного и взаимосвязанного анализа всех сторон организации и аспектов в ее деятельности.

Организация является сложной системой социальных отношений, именно по этой причине она содержит в себе возможность возникновения различного рода конфликтов, причем уникальных по содержанию, динамике развития и методам разрешения.

Управленческий конфликт - наиболее распространенная форма организационного взаимодействия. По данным социологов, более двадцати процентов рабочего времени уходит на разрешение возникающих конфликтов [5, с. 325]. В связи со значительностью временных затрат, а также с высокой организационной значимостью последствий, конфликты занимают одно из центральных мест в управлении организацией. Для выявления организационного конфликта и управления им необходимо знать специфику данного типа взаимоотношений.

Организационно-управленческий конфликт - это конфликт между членами управляющей организации, руководителями и исполнителями, образующимися в их составе первичными группами, между различными подразделениями в данной системе управления по поводу целей, методов и средств управленческой и организационной деятельности, а также ее результатов и социальных последствий.

В основе управленческого конфликта всегда есть какое-либо противоречие между позициями субъектов, их целями, ценностями и представлениями об общественном процессе. Достаточно распространен конфликт формального и неформального лидера в организации со строгой иерархией, например, в военной структуре. Однако дальновидный руководитель может передать часть полномочий такому сотруднику и будет с ним плодотворно сотрудничать, а не конфликтовать. Тем более, что в таких структурах возможностей для проявления неформального лидерства не так уж много.

Однако специфика и особенность организационного конфликта заключается в том, что все взаимодействия протекают в рамках определенной целевой группы [3, с.52]. Взаимоотношения между людьми внутри конкретной организации принципиально отличны от других типов отношений тем, что заданы четкой ролевой структурой организации.

Возникающие отношения регламентируются принятыми в данной организации нормами и управленческими задачами. Поэтому в рамках организации как целевой общности за конфликтными действиями стоят не противоположность личных социальных интересов, а несовпадение общего интереса с индивидуальным. Конфликт в таком случае побуждает не разность интересов, а неоднозначные интерпретации общих целей, путей и средств их достижения.

Таким образом, организация как социальная система всегда переживает внутренние конфликты, поскольку они продиктованы внутренней противоречивостью ее элементов. Столкновения между групповым и личностным, между внутренним и внешним, между структурой и предписанной

функцией - все эти противоречия присущи любой системе и способны породить конфликт.

В рамках организационно-управленческой структуры межличностный конфликт может протекать как в вертикальной плоскости (конфликт между руководителем и подчиненным), так и в горизонтальной, если между собой конфликтуют субъекты одного иерархического уровня управления.

В основе межличностного конфликта всегда лежит определенное противоречие между конкретными индивидами. При этом, в ходе развития конфликта, нередко образуются временные группы, состоящие из двух или более человек. Чаще всего они представляют собой случайные, неустойчивые образования, которые распадаются сразу после завершения конфликта. Конфликт в этом случае продолжает оставаться межличностным, поскольку затрагивает личные, а не общественные интересы. Таким образом, увеличение количества участников конфликта не всегда меняет его масштаб.

В организации межгрупповые противоречия могут быть выражены в конфликтах между структурными подразделениями, либо между группами сотрудников одного подразделения. Столкновение между руководством организации и ее сотрудниками также относится к межгрупповому типу конфликта.

Межгрупповые конфликты демонстрируют противоречия между формальными и неформальными группами, входящими в состав организации во взглядах и интересах. В этом случае каждая из сторон конфликта использует это противостояние не только для защиты собственных интересов, но и для укрепления внутренней сплоченности группы.

Причинами межгрупповых конфликтов наиболее часто становятся различия в понимании целей организации и методов их достижения, неудовлетворительный уровень коммуникации, либо неграмотное распределение ресурсов.

Межличностно-групповые конфликты так же имеют место в структуре организации. Противоречие в этом случае возникает между руководителем компании и персоналом. Если перенести эту модель конфликта в горизонтальную плоскость, то сторонами конфликта в этом случае будут являться рядовой сотрудник и коллектив организации. В основе подобных конфликтов, как правило, лежит несовпадение между коллективными и индивидуальными нормами поведения.

По значению организационно-управленческие конфликты разделяют на конструктивные, стабилизирующие и деструктивные.

Конструктивные конфликты в организациях всегда связаны с конкретной проблемой, которая принципиально влияет на жизнедеятельность организации и ее сотрудников. Как правило, данный тип конфликтов возникает по вопросам неблагоприятных условий труда, по вопросам заработной платы, при наличии существенных недостатков организации работы компании.

Разрешение таких конфликтов приводит к качественным изменениям в работе организации и переводит ее на новый, более высокий и эффективный уровень развития [2, с.176].

К деструктивным конфликтам, относят противостояния, итоги которых являются негативными, становятся разрушительными и губительными для деятельности организации. Причинами такого типа конфликтов чаще всего являются ошибочные действия руководства и подчиненных, нарушение трудового законодательства, служебной этики.

Для деструктивных конфликтов характерна быстрая эскалация, потеря финансовых и человеческих ресурсов, агрессивное противодействие. Попытка разрешения такого конфликта осложняется разрушением каналов коммуникации и нарушением обмена информацией. Деструктивные конфликты всегда резко снижают эффективность работы компании. Снижается производительность труда сотрудников, разрушаются установленные межличностные связи. Итогом деструктивного конфликта может стать распад и разрушение организации как системы.

Стабилизирующий тип конфликта не приносит прогрессивных изменений и не приводит к ухудшению ситуации. Главное его функция - сохранение в организации здорового климата общественных отношений, закрепление и поддержка принятых внутри компании поведенческих норм. Такого рода конфликты выполняют полезную, «санитарную» функцию, снимая излишнюю напряженность, и предотвращая развитие более глубоких конфликтов.

Организационно - управленческий конфликт является одним из проявлений конфликта как социологического феномена. Именно поэтому к пониманию и изучению управленческих конфликтов применима общая теория конфликта. Однако сложность протекания данного конфликта и строгие рамки сферы его распространения позволяют выделить организационный конфликт в качестве отдельного вида.

Социальный конфликт никак не ограничен по своей длительности и интенсивности. Долгое время он может существовать в латентной стадии, сопровождаясь короткими периодами открытого противодействия. В то время как конфликты в управленческой среде существенно ограничены во времени, и требуют скорейшего разрешения, так как любая напряженность в коллективе организации влияет на ее функциональность и производительность.

Таким образом, несмотря на то что организационно-управленческие конфликты являются проявлением социальных конфликтов, они должны быть выделены в самостоятельную категорию для более подробного изучения и поиска методов их разрешения.

Кроме вышеперечисленных характеристик, управленческому конфликту присущи и другие специфические особенности.

Во-первых, на развитие конфликта в организации влияет особая иерархичная структура, управляемая посредством целенаправленной координации деятельности сотрудников. В целях максимального контроля за

деятельностью сотрудников, структура организации имеет вертикальную и горизонтальную дифференциацию.

Горизонтальная плоскость отношений выделяется в соответствии с функциональными обязанностями. Для данного уровня характерны конфликты интересов, так как внутри групп возможна ориентация на различные цели.

Вертикальная плоскость касается управленческого аппарата и определяется количеством уровней власти, а также распределением властных полномочий внутри организации. Особенностью данного вида конфликтов так же является изначально неравномерные властные права, и как следствие различные возможности взаимодействия.

Второй характерной чертой организационных конфликтов является высокая прогнозируемость. Как правило, любому острому противоречию внутри компании предшествует высокий уровень социальной напряженности [6, с.16]. Под социальной напряженностью понимают осознание участниками организации нарушений и противоречий, и дальнейшая попытка в контексте этого понимания разрешить сложившуюся ситуацию посредством конфликтного взаимодействия.

Благодаря тому, что функционирование любой организации осуществляется в соответствии с определенными стандартами, направленными на координацию поведения сотрудников, эта особенность позволяет вести постоянный мониторинг внутренней среды в компании, отслеживая уровень напряженности и преодолевая ее дальнейший рост, предотвращая ситуации, которые в дальнейшем могут стать причиной конфликта.

В-третьих, в связи с особенностями взаимодействия внутри организации все возникающие управленческие конфликты оказывают влияние на эффективность ее функционирования.

Организационно-управленческий конфликт представляет собой особую разновидность противоречия, проявляющегося в организации как относительно независимой и целостной системе. В основе организационных конфликтов чаще всего лежат противоречия во взглядах на цели, методы и средства управленческой и организационной деятельности.

Как особая форма социальной группы, организация имеет ряд основных особенностей, оказывающих влияние на формирование и динамику развития управленческого конфликта. Функционирование организации как целостной системы осуществляется в соответствии с четко определенными задачами. Одновременно с наличием единой, общепринятой цели, персонал организации имеет личные интересы и мотивы, которые могут соотноситься либо противоречить целям организации. При этом для возникновения конфликта не обязательно наличия реального противоречия между интересами. Достаточно представления об их противоположности, и нередко участники конфликта принимают разнонаправленность своих интересов за их противоположность.

Отдельного внимания заслуживает организационно-правовая причина конфликтов. Чаще всего сотрудники спорят из-за нечеткого разграничения прав

и обязанностей, из-за того, что мешают друг другу выполнять работу из-за нахождения в одном кабинете. Например, часто возникает ситуация, когда к одному из сотрудников приходят по работе и для коммуникации сотрудники других отделов. Их беседа может постоянно отвлекать другого сотрудника, чья работа требует сосредоточенности. Нередки ситуации, когда обязанности сотрудников распределены нечетко, поэтому трудно понять, в какой пропорции они должны их выполнять. Вызывать недопонимание может также разная оплата функционала работников одного звена. В данном случае можно вспомнить теорию справедливости Дж. Адамса, которая говорит о справедливом балансе между работниками. В том случае, если работник осознает несоответствие выполняемого объема работы и вознаграждения за свой труд, особенно сравнивая свои показатели с другими коллегами, то мотивация данного работника будет падать. Возможно, что итогом будем увольнение недовольного сотрудника. Поэтому руководителю желательно придерживаться справедливых принципов оплаты, либо в том случае, если возникает насущная необходимость поощрить кого-то дополнительно, не предавать данный факт гласности. Правда, ряд организаций использует премирование в качестве открытой мотивации, вывешивая данные в обменном файле или на мотивационной доске. В таких случаях следует сохранять прозрачность премирования.

При этом личные и групповые цели не всегда осознаются участниками организации. Источником конфликтной ситуации может стать только осознанный интерес, и только в этом случае различия в интересах становятся причиной конфликта. Иногда бывают конфликты между сотрудниками, которые говорят об одном и том же, но разными словами. В данном случае очень поможет третий участник, который поможет увидеть это.

И наконец, специфика организационно-управленческих конфликтов во многом определяется особенностями ролевой структуры организации.. «По мнению психологов, творчество – самая приятная и неотъемлемая часть деятельности сотрудников» [1, с. 40].

Исполняемые роли зависят от социальных позиций, трудовых обязанностей каждого человека и оказывают существенное влияние на их личность и характер. При этом, причиной управленческого конфликта может стать как непосредственное различие в статусных позициях членов организации (например, между ролью руководителя и подчиненного), так и в противоречии между предписанной ролью и реальным поведением сотрудника, выражающимся в нарушении принятых норм, неисполнении обязанностей.

«Моделирование ситуаций – универсальный способ выстраивания определенного рода отношений между субъектами конфликтной ситуации. Моделируемая ситуация является управляемой, поэтому при должном наблюдении возможна коррекция действий на каждом этапе взаимодействия конфликтантов. Социологическое моделирование ситуации способствует определению общей цели (возможно, второстепенной, но принципиальной или

важной) у основных участников конфликтной ситуации. С помощью пошаговой разработки дальнейших действий создается цепь развития событий, ведущая к достижению цели субъектами конфликта» [4, с.193].

Таким образом, специфика конфликтного взаимодействия в рамках организации обусловлена сложностью структуры организации, возникающих внутри нее взаимосвязей, затрагивающих различные интересы.

Список литературы:

- 1.Гордеева, Е. С. Развитие креативного сектора социально-культурной сферы / Е. С. Гордеева, В. Н. Кузьменкова // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2017. – № 4(64). – С. 39-43. – EDN XPMWLJ.
- 2.Камалетдинов, Р. Х. Понятие и структура конфликта. Стратегии поведения в конфликтных ситуациях / Р. Х. Камалетдинов // Прорывные научные исследования: проблемы, пределы и возможности: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Воронеж, 02 сентября 2025 года. – Уфа: ООО "Омега сайнс", 2025. – С. 175-177. – EDN GVQSXA.
- 3.Кузьменкова, В. Н. Анализ успешного опыта управления учреждением социально-культурной сферы и формирования инновационного образовательного пространства в Санкт-Петербурге / В. Н. Кузьменкова, Г. И. Синько // Экономика и управление в сфере услуг: современное состояние и перспективы развития: XVII Всероссийская научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 04 февраля 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2020. – С. 51-53. – EDN EFXUEJ.
- 4.Кузьменкова, В. Н. Педагогический конфликт как звено в механизме взаимоотношений участников образовательного процесса / В. Н. Кузьменкова, В. Н. Наумова // Проблемы психолого-педагогической работы в современном образовательном учреждении: сборник материалов II международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19–20 мая 2017 года. – Санкт-Петербург: ООО "НИЦ АРТ", 2017. – С. 190-195. – EDN YQBMUL.
- 5.Пичулина, П. А. Организационно-управленческие конфликты и способы их предупреждения / П. А. Пичулина, А. С. Байлиева // Детерминанты развития экономики, образования и российского общества на пороге новой технологической эры: Сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам международных научно-практических конференций, Москва, 15–20 декабря 2024 года. – Москва: Издательство "Перо", 2025. – С. 324-327. – EDN GMQHVQ.
- 6.Сорокин, А. И. Педагогическая профилактика конфликтов в воинском коллективе / А. И. Сорокин, Д. В. Дмитриев // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2025. – № 1(18). – С. 15-19. – EDN IMTZXM.

Лебедева Галина Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код 1367-9704

Lebedeva Galina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ГЕНЕЗИС РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ, 1945 – 2025)

Аннотация: Все население области Калининградской области состоит из переселенцев и их потомков со всего Советского Союза, прибывших сюда после 1945 года. Наиболее важные признаки идентичности – общественное сознание, общественная практика, создавались в Калининградской области, и приобрели особые качества под влиянием советской эпохи. Освоение региона было не просто специфическим, а отличалось от всех областей и регионов исторической России. Похожую историю имеет только Карельский перешеек Ленинградской области. Калининградцев можно смело назвать советскими людьми в этническом смысле.

Ключевые слова: Калининградская область; Восточная Пруссия; идентичность; культурное своеобразие, Русь Янтарная.

THE GENESIS OF REGIONAL IDENTITY (BASED ON THE EXAMPLE OF THE KALININGRAD REGION, 1945–2025)

Summary: The entire population of the Kaliningrad Oblast consists of immigrants and their descendants from across the Soviet Union who arrived here after 1945. The most important markers of identity—social consciousness and social practices—were formed in the Kaliningrad Oblast and acquired distinctive qualities under the influence of the Soviet era. The region's development was not simply unique; it differed from all other regions and areas of historical Russia. Only the Karelian Isthmus of the Leningrad Oblast has a similar history. Kaliningraders can safely be called Soviet people in the ethnic sense.

Keywords: Kaliningrad region; East Prussia; identity; cultural identity, Amber Rus'.

Пространство является константой бытия, составляющей основу для существования человека и социума. Объективно социальное пространство имеет множество измерений: природные, географические, экономические, культурные, цивилизационные. Генезис пространства и регионов образуется словом и делом, то есть культурой, общей идентичностью и хозяйственными

делами, политической мобилизацией. Планируя и создавая свое будущее, люди демонстрируют историю и динамику своего региона.

Для общества, имеющего долгую историю на определенной территории, жизнь устойчива, «протекает в русле привычных и размеренных представлений об окружающем мире, которые соотносятся с человеком, существующим в нем». Новые жители Калининградской области оказались в ситуации, когда пришлось заново «осознать происходящее вокруг и создать устойчивые культурные формы» для адекватного понимания [4, с 298]. Идентичность формировалась новыми людьми, без прошлого состава населения, но в единстве с великой и большой страной. «На отошедшей к Советскому Союзу части Восточной Пруссии перед войной проживало около 1 миллиона человек. Значительная часть гражданского населения была эвакуирована еще во время войны германскими властями. На момент капитуляции немецкого гарнизона в будущей Кёнигсбергской области насчитывалось лишь 137 412 человек гражданского немецкого населения».

Для Советского Союза с 1945 года новыми территориями стали земли Восточной Пруссии, или Калининградской области (с 1946 года). История области началась 17 октября 1945 года, в соответствии с решениями Берлинской (Потсдамской) конференции город Кенигсберг официально был включен в состав СССР. 7 апреля 1946 года указом Президиума Верховного Совета была создана Кёнигсбергская область. Это новый регион СССР, который русские завоевали в честном бою. В войне, которую не они начинали. Культурно-хозяйственный уклад, язык, религия, механизмы развития, архитектура, индустрия, - всё стало другим, включая новую историю. Все нынешнее население области (один миллион человек, или 0,7 % населения РФ) состоит из переселенцев и их потомков со всего Советского Союза, прибывших сюда после 1945 года [2].

Город Кёнигсберг был почти полностью уничтожен британской авиацией в августе 1944 года, а затем был почти снесен до основания во время боев в апреле 1945 года. Во время штурма города за два часа артподготовки было расстреляно более тысячи вагонов снарядов. По данным аэрофотосъемки 1947 года, разрушения в самом городе Калининграде достигали 60 %, отдельные кварталы были разрушены на 70-80 %. а «район цитадели», то есть ядро исторического города, на 90%. В городе Пиллау, ныне Балтийске, из 250 тысяч кв. м. жилой площади к 1946 году сохранилось 359 зданий, пригодной для проживания 15 тыс. кв.м. [5, с.25]. Город Тапиау, ставший Гвардейском, был разрушен на 90 %. В боях за освобождение этого города воевал А.Т. Твардовский [5, с.39]. В Калининградской области осталось мало памятников немецкого времени.

С лета 1945 года, до официального присоединения края к России, началось заселение области. Для восстановления предприятий местной промышленности сразу после войны стали прибывать рабочие и специалисты. Нередко они приезжали с семьями. Строго говоря, это были не переселенцы, а

командированные. Но многие из них быстро пустили здесь корни, став первыми советскими жителями нового региона. Уже в августе 1945 года в Пиллау (ставшем вскоре Балтийском) открылась первая русская школа, а уже через месяц в Кёнигсберге открылась школа № 1 (в ней учился известный поэт Роберт Рождественский).

23 августа 1946 года прибыла первая группа переселенцев, прибывших из Брянской области. Распределение переселенцев в сельскую местность шло по принципу землячества – компактного расселения прибывших из одной области. Так, в Багратионовский район направили переселенцев из Ярославской области, в Правдинский – из Калужской.

Первоначально переселенцев привлекали в сельскую местность, чтобы обеспечивать новую советскую территорию продуктами питания. По состоянию на 1 сентября 1946 года было переселено 2 990, а на 1 октября – уже 8 795 семей колхозников [6, с. 135]. С целью развития рыбной промышленности к октябрю 1946 году прибыли 1 300 семей рыбаков [1, с. 56 – 57]. Всем прибывшим колхозникам была выдана продовольственная ссуда: по 1,5 центнера зерна на главу семьи и 0,5 центнера на члена семьи, проданы промышленные товары, выданы денежные дотации на обзаведение хозяйством. Самые первые переселенцы могли по закону вселяться в оставленные немецкие дома. Хотя целых домов в опустошенной войной области было мало, все же кому-то повезло.

В ноябре 1946 года в Калининграде была создана музыкальная школа. 10 педагогов-подвижников и 35 ребятишек из семей, только что переселившихся в новообразованную Калининградскую область военных, кутаясь в платки и пальтишки, спешили на занятия в бывшую виллу Коха, переданную детям. Позднее эта школа получила имя Рейнгольда Морицевича Глиэра – российского композитора немецкого происхождения, впрочем, отношения к Калининграду не имевшего.

В области селились отставные фронтовики, участвовавшие в боях за Кёнигсберг, часть репатриантов, возвращавшихся на родину из фашистского плена, также здесь расселилась. Но основную массу новых жителей области составили набранные путем оргнабора (вербовки) через специальные отделы. Переселенцам были обещаны льготы, такие, как бесплатный проезд, свободный провоз имущества до 2 тонн, давались суточные на каждый день пути, выплачивались значительные подъёмные, бесплатно выдавали мыло, обувь, одежду, давался дом с участком (первые переселенцы, как уже упоминалось, могли выбрать себе дом по желанию – из сохранившихся). На обустройство можно было на 10 лет взять беспроцентную ссуду на 10 тысяч рублей. (Небывалая для тех лет сумма). Не только разрешалось, но прямо поощрялось перевозить на новое место домашних животных, скот, птицу и пчелиные семьи в ульях. Переселялись преимущественно семьи по 4–6 человек, во главе которых был мужчина около 40 лет. Вслед за вольными переселенцами,

набранными по оргнабору, в область стали отправлять по распределению выпускников вузов СССР.

Среди переселенцев преобладала молодежь – число лиц до 30 лет превышало 65 %. Неудивительно, что очень скоро Калининградская область стала выделяться высоким уровнем рождаемости. Уже в 1948-50 гг. естественный прирост обеспечил половину роста населения, к концу 1950 года в молодой области родилось 65 тысяч детей, а с начала 50-х гг. рост населения области шел в основном за счет естественного прироста.

Из 6 млн. м² довоенной общей жилой площади в 1960 году функционировало около 2 млн. м². Согласно материалам переписки местных и центральных органов власти «О неотложных мерах по ускорению восстановления города Калининграда», к 1960 году город был восстановлен всего на 30 %. Первоначально хозяйственное освоение области шло тяжело. Показательно, что область даже не была включена в четвертый пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1946-1950 гг.). При этом такие новоприсоединённые к СССР территории, как Клайпедский край, Южный Сахалин, Курильские острова, район Печенги, в план вошли. Область два десятка лет лежала в развалинах и руки правительства до нее не доходили.

Самой первой «отраслью» калининградской промышленности стал сбор битого клинкерного кирпича и отправка его в большую Россию. Напомним, что клинкерным кирпичом называют вид кирпича, изготовленного из особой глины и сильно обожженного, благодаря чему он является весьма крепким и долговечным. Многие военные укрепления и дома в Восточной Пруссии были построены из клинкерного кирпича. При разборах развалин кирпичи собирали, а поскольку они даже в битом виде отличались крепостью, то их использовали при восстановлении разрушенных в войну городов СССР, в том числе Сталинграда и Севастополя. Как вспоминали первые переселенцы, «каждый должен был отработать на благоустройстве города по 450 часов, из них 125 часов - на заводе. Каждому была выдана специальная книжка, в которой домоуправы отмечали, кто, когда и сколько часов отработал.

Природа словно решила испытать самых первых советских переселенцев – зима 1946-47 гг. оказалась на редкость суровой. От бескормицы пало 50% крупного рогатого скота и 30% лошадей. Были отмечены случаи гибели людей от морозов и от голода. Были и трудности, порожденные различием привычных условий жизни переселенцев и сохранившихся от немцев домов. Переселенцы в сельской местности долго не могли привыкнуть к каменным домам городского типа в бывших немецких деревнях.

Главной отраслью хозяйства стал рыбопромышленный комплекс, третий по величине в стране (после Владивостока и Мурманска). Уже в 1945 году в Кёнигсберге был создан Балтийский государственный рыбопромышленный трест (Балтгосрыбтрест), развернувший большую подготовительную работу. И в 1948 году рыбаки из Калининграда начали промышленный лов рыбы в океанах (рыбаки из немецкой Восточной Пруссии так далеко не заплывали). В

1959 года Совет Министров РСФСР принял решение о создании Антарктической китобойной флотилии «Юрий Долгорукий» с базой в Калининграде. Вплоть до 1975 года из Калининграда в антарктические воды отправлялись китобои. Уже в 1961 году в калининградских театрах была поставлена пьеса «Крутые берега», посвященная местным рыбакам. Для подготовки кадров для рыбной промышленности в Калининград был в 1958 году переведен Московский технический институт рыбной промышленности и хозяйства им. А.И. Микояна (Мосрыбвтуз). К концу советской эпохи в рыбном хозяйстве области трудились почти 40 % занятых в промышленности. В 1985 году рыболовецкий флот, базировавшийся в портах Калининградской области, насчитывал 350 рыболовецких судов различных типов и 310 рыбоперерабатывающих, приемно-транспортных и вспомогательных судов [7, с. 3]. В советское время в Калининградской области была хорошо развита промышленность, и, в частности, оборонное высокотехнологичное машиностроение. На судостроительном заводе «Янтарь» работало несколько тысяч местных жителей.

Население области неуклонно возрастало. В 1970 году жителей янтарного края насчитывалось 731 тысяча человек, в 1989 году – 871 тысяча. В областном центре численность в 300 тысяч жителей достигли в 1970 году, 400 тысяч – в 1988 году. В 1980-х годах советская пресса Калининград описывала как «орденоносную столицу орденосного Янтарного края, город-порт, город-сад, город-памятник, овеянный ветрами Балтики форпост мира на западной границе нашей Родины, город, устремлённый в будущее».

После распада СССР начался новый этап в истории самой западной области России. Результатом этого было не только появление новых государств на месте прежних советских республик, включая вновь ставшие лимитрофами соседи по Прибалтике, но и утрата сухопутной связи с Большой Россией. Вновь этот край стал эксклавом. Распад СССР и крушение коммунистической идеологии вызывали особенно сильный кризис идентичности у калининградцев. Этим пользуются геополитические противники России, надеясь на «переформатирование» сознания калининградцев, которые придут к выводу о том, что они вообще «европейцы», новая нация, отличающаяся (естественно, только в лучшую сторону). Появилось даже понятие «рособалты» или «русобалты» для обозначения некоего нового народа из калининградцев.

И все же идентичность калининградцев остается общерусской. Польский автор К. П. Савицкий отметил, что «в обществе не формируется новая “калининградская национальность”, но жители [области] ощущают свою особенность в рамках большой России» [9, с.262].

Показателем общерусской идентичности калининградцев стало поразительно масштабное возрождение православия. До 1985 года в области не было ни одного храма. К православию обратились не только русские, вспомнившие веру предков, но и представители этносов, исторически связанных с другими религиями.

Ныне в области уже более ведется активное строительство православных храмов. На площади Победы – центральной в Калининграде, поднялся храм Христа Спасителя, высотой в 73 метра, вмещающий 3 тысячи верующих, один из самых крупных в России, построенных в постсоветскую эпоху, и превышает высоту немецкого кафедрального собора Кёнигсберга. Таким образом, русский собор Христа Спасителя стал главной архитектурной доминантой города. Кафедральный собор Христа Спасителя (по проекту архитектора Олега Копылова) ориентирован на образцы владими́ро-сузда́льской архитектуры XII — начала XIII века. Рядом в 2010 году построили необычную «целующуюся церковь» Петра и Февронии Муромских. Также на площади устроили три фонтана и установили Триумфальную колонну, напоминающую Александровскую колонну в Санкт-Петербурге. «Калининградская епархия по числу вновь построенных храмов на душу населения «насчитывает более 195 храмовых объектов. Из них 68 храмов самостоятельные приходы и 32 – приписные, действуют 36 часовен. Также в Калининградской епархии есть три женских монастыря с десятью храмами; 49 церквей устроены при различных учреждениях. Двадцать церквей и часовен располагаются при больницах, 7 – на территории воинских частей, 9 – в исправительных учреждениях региона» [8, с.31].

«Россия всегда была страной многонациональной, и ее западная окраина не составляет исключения. Показателем многонациональности области при полной веротерпимости служит наличие храмов различных конфессий». Еврейская община построила огромное здание синагоги на месте, где в немецком Кёнигсберге находилась одна из тамошних 5 синагог. Армянская диаспора в 2006 году построила в Калининграде церковь Сурб Степанос (Святого Стефана). В городе Калининграде и поселке Большое Исаково появились мечети. В Черняховске существует с немецких времен храм святого Бруно Квертфуртского, который и поныне является католическим храмом. В самом городе Калининграде 6 католических храмов, есть также католические церкви в Советске и ряде поселков области.

Помимо монументов в память героев Великой Отечественной войны появились памятники и историческим деятелям досоветской эпохи. Так, памятники Петру I сооружены в Калининграде и Балтийске. В Балтийске также установлена конная статуя дочери Петра императрице Елизавете, при которой Восточная Пруссия временно входила в состав России. Кстати, памятник в Балтийске – второй конный женский памятник в Европе (после памятника Жанне д'Арк в Париже). [2, с. 47].

Физическое пространство (природа, ландшафт, архитектура не могли были определяющими в силу схожести с соседними регионами. Более важными критериями идентичности калининградцев стали изменение границ страны, геополитическое значение места без прошлого состава населения. Факторы общего проживания, участие в общих делах по восстановлению страны после войны, способствовали сплоченности и солидарности, гордости за

восстановление и региона и его место в СССР, а далее в России. Появились новые региональных символов и образов, связанные с традициями и культурой России. Социальная идентичность, являясь проявлением повседневной социальной практики, выступает и как один из типов условной социальной информации. Труд, культура, история, ценности прошлого страны, мира и справедливости определялись как общероссийские [3]. Это было создание нового социального бытия на новом пространстве, новыми людьми, где сформировались новые отношения.

Таким образом, состав населения и этническая история области принципиально отличаются от всех областей и регионов исторической России, (правда, напоминая похожую этническую историю Карельского перешейка Ленинградской области). Жители региона в новейшей истории, не смотря на близость границы, столкнулись и пограничными проблемами, но уже после распада СССР. Для региона характерна и приграничная идентичность. Калининградская область уже не «бывшая Германия», а уникальный российский регион. За период в 80 лет здесь удалось сформировать чувство общей идентичности со своим культурным своеобразием, приобретший свое ни с чем несравнимое лицо.

Список литературы:

1. Бирковский В. Г. и др. История нашего края: Пособие для учащихся. - Калининград: Книжное издательство, 1990.
2. Лебедев С.В. Русь Янтарная К 75-летию Калининградской области – URL.: https://ruskline.ru/analitika/2021/03/31/rus_yantarnaya
3. Лебедева, Г. Н. «Регион переселенческого социализма». Калининградская область как пример формирования региональной идентичности / Г. Н. Лебедева // Советское прошлое и современное российское общество: культурные концепты, актуальные практики, социальные эффекты: Мат. Всерос. очной научно-пр. конф., Липецк, 06 октября 2023 года. – Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг "НАУКА-ЮНИПРЕСС", 2023. – С. 42-48.
4. Лобастова, В. А. Становление античной философской мысли / В. А. Лобастова // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12 декабря 2019 года / под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2019. – С. 297-305.
5. Малые города Калининградской области. Энциклопедический справочник. Калининград, 2011, С. 25. – URL.: <https://prussia.online/books/malie-goroda-kaliningradskoy-oblasti>
6. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. - М.: ОГИ - Мемориал, 2001.

- 7.Рыбная промышленность Калининградской области. – Калининград, 1986., с. 3.
- 8.Шахов, В. А. Рехристианизация Российского эксклава юго-восточной Балтии: социокультурный аспект / В. А. Шахов // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2015. – № 4(34). – С. 27-31.
- 9.Sawicki K. P. Imigranci w Obwodzie Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej po1990 r. / K.P. Sawicki // Studia Gdanske Wizje i rzeczywistość. 2013. T. 10.

Лебедева Галина Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 1367-9704

Lebedeva Galina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Аннотация: на примере интеллектуальных сообществ и литературного журнала рассмотрены вопросы по сохранению культурного наследия в Российской империи в первой половине XIX века. Публицистическая и практическая деятельность литераторов, интеллектуалов и издателей способствовали их объединению, привлекая также государственных деятелей и ученых. Эти практики влияли на формирование общественного сознания, что создавало традиции и учреждения по сохранению культурного наследия.

Ключевые слова: интеллектуальные сообщества, знание о наследии, хранители наследия, книгопечатание, издательская деятельность, способы сохранения наследия.

CULTURAL HERITAGE AS A BASIS FOR AN IDEA OF THE PAST, PRESENT AND FUTURE

Summary: Using intellectual communities and a literary journal as examples, this article examines issues related to the preservation of cultural heritage in the Russian Empire in the first half of the 19th century. The journalistic and practical activities of writers, intellectuals, and publisher. These practices influenced the formation of public consciousness, which created traditions and institutions for the preservation of cultural heritage.

Keywords: intellectual communities, knowledge about heritage, heritage custodians, printing, publishing, ways of preserving heritage.

В цепочке “прошлое - настоящее - будущее” создаются связи с прошлым, которые способствуют идентичности и помогают ориентироваться не только отдельному человеку, одновременно актуализируются насущные потребности как для всего общества, так и отдельного человека. Представления о наследии и память о прошлом всегда актуальны для человека. Ведь они выступают как одна из областей, в которых формируется идентичность, задавая вопросы: кто я, кто мы, откуда мы? Являются ли интеллектуалы ответственными за свою роль влияния на общество, такой вечный вопрос актуален для отечественной философии. Вопрос состоит в том, что же это за оценка, кто и как ее создает?

Например подчеркивая роль философов, отмечается «необходимость изучения русской философии сознания, особенно в творчестве В. С. Соловьева, который мыслил его разные формы: индивидуальное и коллективное, национальное и всеобщее, историческое и над историческое» [3, с. 37].

Не существует наследия вообще - оно всегда конкретно. Формы наследия и знание о наследии – это источники знаний о прошлом. Как пишут Савельева И.М., Полетаев А.В. в книге «Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации» (2005 г.), существует несколько типов знания, ориентированных на прошлое, и разные источники знаний о прошлом - устные, визуальные и аудиовизуальные, письменные» [8].

Кроме того, что наследие сохраняется в конкретном знании, или источниках. Письменными формами наследия могут быть могут рукописи, дневники, личные архивы и документы. В данной статье будем рассматривать наследие в печатной форме – литературные журналы в России в 19 веке. “Историческая культура” - это новый концепт, - “с помощью которого описывается “иерархического единство представлений о прошлом, аккумулируемых и транслируемых в коллективном опыте человечества». Можно отметить такое исследование - коллективная монография “Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом”, 2012. Так исследователям удалось объединить многие сложные явления означенного периода [2].

Что же на самом деле представляют собой эти идеи и программы различных общественных сил, и как они могут выражаться?

1. Думается, что в открытом доступе, - это периодические издания, журналы, альманахи, электронные версии которых уже имеются в Интернете. В то же время, многие из них еще ждут современного прочтения и понимания.

2. Изучение наследия может быть и эпистолярным, в виде дневников, воспоминаний, переписки многие из них, имеются в открытом доступе в Интернете.

3. Так же отечественная культура существует в виде знаний, задекларированных в программах, уставах, и возможно, даже в архивах различных социальных, культурных и научных организаций. Не все общественные объединения преобразовались в организованную форму и не смогли оставить яркий след или память. Степень распространения и восприятия таких общественных групп проходила от творческих вечеров и заседаний к изданию, например, альманахов. Расширение круга читателей и шло по пути как массовой литературы и периодики, а так и их актуализации через пропаганду. Перечень дореволюционных периодических изданий обширен, имеется в открытом доступе, частично систематизирован в самих изданиях, но, к сожалению, до сих пор мало изучен. Идеологические обстоятельства как в советский период, так и в постперестроечные времена в духе обновления эпохи этому не способствовали. Такие периодические издания, как: “Русский Вестник”, “Гражданин”, “Русское обозрение” и др.

За последние два с половиной столетия история журнального дела прошла путь от становления общих литературных журналов, популяризацию социальной проблематики, появление узкоспециализированных научных, а затем и специализированных журналов и спад книжного и издательского бума с конца 1990-х годов. В России журналистика и толстые литературные журналы возникли в начале XVIII столетия. В 1759 в России году появляются частные журналы. После указа о вольных типографиях в 1783 г. - появляются частные типографии. Указ о вольных типографиях вводил государственную цензуру, которой сначала занималось полицейское ведомство, а в 1796 образовались специальные комитеты цензуры. Процесс их организации, круг проблем стали рассматриваться еще в дореволюционный период, - это исследования Лемке [6], Лисовского [7], П.К. Щебальского [10]. Журналы и периодические издания в середине 19 века, говоря современным языком, являлись особым типом не только коммуникации, но и практики своего времени.

Такие общественные изменения, как городской образ жизни, появление новинок и изобретений, торговля - стимулировали интерес и спрос на них. Скопление людей в городах приводит к появлению массового читателя и публики, типично городского массового явления. Появление публицистики относят к эпохе, когда появляются средства для воспроизводства литературных произведений большими тиражами - *книгопечатание*. Такое явление как публицистика (от слова публичный, общественный) — в силу происхождения термина, подразумевает обращение к вопросам политики, выражение взглядов общества и читателей. Повышение роли образования, литературные салоны и кружки - стали повсеместным явлением. Первоначально в них участвовали высшие сановники, министры [5], дворянство. В дальнейшем, выполняя потребности государства, стали появляться специализированные ведомственные журналы. Например: “Журнал Министерства государственных имуществ” (1841 – 1918); “Журнал Министерства путей сообщения” (1845 – 1865); “Журнал Министерства юстиции” (1859 - 1868) и др.

То, что конкретные личности, создавали русскую журналистику, является бесспорным: это повседневная работа, подбор талантливых авторов. Все классики русской литературы пробовали себя в журналистике. Журналист - часто выступал в разных ролях: как переводчик, компилятор, государственный служащий. Еще в 1812 году Дмитрий Васильевич Дашков (1789 – 1939) в 1-й части «С.-Петербургского Вестника» обосновал структуру литературного журнала в статье «Нечто о журналах»: «Все может входить в состав такого журнала: словесность, известия о важных открытиях в науках и искусствах и проч., но главною целию оного должна быть критика» [9]. Дашков был основателем и одним из деятельнейших членов литературного общества “Арзамас”, а в последние десять лет жизни управлял министерством юстиции (с 1832 г. в должности министра). В тот период миссию журнала обсуждали так же и в других кружках и изданиях.

Во-первых, журналы как средство коммуникации, отражали события своего времени. Такие разделы журналов, как обозрения, описания фактов и мероприятий, выступали в периодических изданиях как своеобразная хроника. Умение привлечь читателей и вызвать интерес общества к таким кратким и преходящим событиям требует большого мастерства, особенно когда за вереницей повторяющихся, повседневных и простых событий, нужно найти очень сложные жизненные процессы, имеющие значимость в будущем. В этом проявляется профессионализм и трагизм многих журналов - своеобразное короткое существование многих материалов и публикаций.

Во-вторых, журналы осуществляли не только поиск новых жанров в художественной литературе и поэзии, но в них помещались переводы современной зарубежной литературы, ставшей в дальнейшем классикой. Первоначальная задача журнала как издания состояла в том, чтобы состоялась публикация оригинальных текстов и исследований, а значит, и знакомство читателей с этими текстами, после чего наступал черед литературному обозрению и последующей критике. В дальнейшем, тексты, вызвавшие определенный интерес, ждала вторичная публикация, но уже в другой форме, например, в виде отдельного издания.

В третьих, такие более сложные явления, как конфликты, перевороты, революции и войны, надо было не только освещать, но возникла необходимость в анализе международных событий. Тем более научные, политические, экономические съезды, исследования и мероприятия, способствовали формированию своеобразных разделов, которые, в дальнейшем, способствовали появлению специализированных научных журналов.

В целом журналы расширили свои границы, показав интерес к видам знания, оформившимся позднее в России как философия, история, социология, естествознание, право, педагогика, история и теория культуры и искусства.

Еще один аспект - это социальная практика, или практика дискурса журнала. Это проявляется в том, что вокруг него собирались единомышленники. В самом деле, происходил не только рутинный кропотливый процесс обмена информацией, но и специализация знания. Собирая вокруг себя не только единомышленников, каждый журнал представлял собой целое социальное направление не только в идейном смысле, но и в литературе, философии и науке.

В период больших изменений периодические издания всегда становились своеобразным пространством, где ведущие ученые имели возможность, актуализировать все то, что было связано не только с потребностями просвещения разных, но и формированием общественного сознания. В то же время журналы это особая сфера деятельности, в которой происходит формирование общественного сознания.

Публицистичность – это то, о чем до сих пор продолжаются споры о том, как сложно найти определение, дать характеристику, описать, в чем состоит предназначение и роль журналистики в обществе.

Другим важным моментом в сохранении культурного наследия можно выделить *формальные институты*, т.е. участие власти и бюрократии в стабилизации многих форм практик. Власть и бюрократия своей миссией считают не только организацию общества, но и влияние и контроль. Еще М.Вебер показал, что бюрократическая власть, чиновники, институты политики не только осуществляют контроль, но и обладают особыми приёмами и средствами (инструментами), с помощью которых осуществляется как сбор информации о прошлом, так и ограничиваются и определяются особенности хранения такой информации.

Бюрократия определяет, какая документация будет зафиксирована, какая будет открыта, или наоборот, закрыта. Не подозревая об этом, бюрократия не только дает представление о прошлом, но и определяет, каким будет видеться будущее. Таким образом, контроль над информацией видится как инструмент социального влияния власти.

Применительно к журналистике власть осуществляла такие формы, как деятельность правительственных и официальных изданий, разрешение на деятельность и открытие изданий, цензура, закрытие изданий и даже аресты журналистов. Неофициальными формами хранения наследия в журналистике были подпольные издания, либо полулегальные.

В самом деле, процесс формирования представлений о прошлом, поддающийся воздействию бюрократии, можно охарактеризовать как институциональный и сознательно направляемый процесс хранения наследия. Это всегда формальные учреждения, контролируемые государством: комиссии, министерства, ведомства.

И наоборот, всегда есть свободные и спонтанные, неинституциональные способы хранения наследия, — это устное народное творчество, устные, визуальные и аудиовизуальные, письменные источники, личные документы (дневники, письма и пр.) тоже имеют место.

Как в любой системе, в журналистике можно выделить следующие роли: писатель (журналист), издатель, читатель. По мере развития появляются и другие роли: цензор, редактор, библиотекарь, библиограф, литературный критик, и специализация журналистов: музыкальные, политические и другие обозрения, - были свидетельством появления новых профессий.

Стремительный рост технической мощи в наше время сопровождается духовным обнищанием культуры, что можно обозначить как главное противоречие техногенной цивилизации. Выше достаточно образно говорилось о том, что в цепочке “прошлое – настоящее – будущее” создаются связи с прошлым. Можно считать, что не только современные поколения ставят вопрос об идентичности. Ушедшие поколения, создавшие наследие, являются носителями идентичности. При каких условиях будущие поколения будут искать свою идентичность, смогут ли они опираться на какое-то наследие? Вопрос об идентичности, о том, “кто мы есть?” связан с культурными, а не с

политическими, экономическими различиями. Люди определяют себя, используя происхождение, религию, язык, обычаи, общественные институты.

Известно мнение Пьера Бурдьё о том, что журналы выполняли роль конструирования мира. Отбирая и интерпретируя явления реальности, журналы участвовали в символической борьбе за восприятие читателями социального мира, заставляя их определенным образом увидеть и оценить действительность [1]. Журналистика могла занимать особую нишу, влияя на политику, журналистика облегчала идентичность, являясь частью гражданского общества. Обращаясь к острым социальным проблемам, литературные журналы пробуждали не только образованные слои, интеллигенцию своего времени. Доходчивый и понятный язык способствовал просвещению и мобилизации читателей, не очень подготовленных к серьезным проблемам. Каковы современные читатели, чем они интересуются, каков круг их проблем? Чью позицию теперь выражают журналисты, и смогут ли они влиять на мир?

Другая проблема состоит том, что интеллектуальные сообщества, профессиональные литераторы, цензоры, формируют интеллектуальную историю и культуру, влияют на ее трансляцию и хранение. Такой метод предпринят в работе Р. Коллинза [4]. Коммуникативные практики, предложенные автором, можно рассматривать как новый методологический подход к культуре и хранению наследия применительно к российской философии 19 - 21 вв.

Таким образом, интеллектуальные сообщества, книгопечатание и издательское дело в культуре занимают не меньшее место, чем искусство, мораль и наука и технологии. Влияя на общественное сознание, они важны, потому что ставят вопрос о доверии общества к власти. А писатели, ученые, журналисты, тем самым, являются хранителями наследия. Это может способствовать стабильности и развитию общества.

Список литературы:

1. Бурдьё П. Начала. Choses dites: пер. с фр. - М., 1994 (1987). С. 196 - 198.
2. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А. Н. Дмитриев; Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 552 с.
3. Канышева, О. А. Философия сознания в творчестве В. С. Соловьева / О. А. Канышева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2023. – № 3. – С. 34-48. – DOI 10.35231/18186653_2023_3_34.
4. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Перевод с английского Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002.
5. Lebedeva G.N. HOMO ACADEMICUS. Часть I. Научные и общественные организации Российской империи: между государственной обязанностью и

- частной инициативой// Eastern European humanitarian collection of mini monographs // Collection of Scientific Articles. Issue 01 – 2021 (07). European Scientific e-Journal. – Hlučín-Bobrovníky: “Anisiia Tomanek” OSVČ, 2021. – 211 р. – EUROPEAN SCIENTIFIC E-JOURNALНомер: 1 (7) Год: 2021 Страницы: 61-107].
- 6.Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
- 7.Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати. 1703 – 19000 гг. (Материалы для истории русской журналистики). - Пг., 1915.
- 8.Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. - М., 2005.
- 9.Станько А.И. Журналистика первой четверти XIX века // История русской журналистикиXVIII – XIX веков: Учебник / Под ред. Л.П. Громовой. - СПб., 2003. С. 182 – 183.]
- 10.Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. - СПб., 1862.

Левченко Ольга Юрьевна

доктор педагогических наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

SPIN-код: 2175-9827

Olga Levchenko

Pushkin Leningrad State University

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ

Аннотация: Статья посвящена истории отечественного художественно-промышленного образования. Кратко охарактеризованы особенности деятельности разных учебных заведений и их программы. Показано место иностранного языка в программе художественно-промышленного училища и техникума. Приведены сведения об организации обучения иностранному языку.

Ключевые слова: история педагогики, художественно-промышленное образование, иностранный язык.

FROM THE HISTORY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN ART AND INDUSTRIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIA

Summary: This article is devoted to the history of Russian arts and crafts education. It briefly describes the activities of various educational institutions and their programs. It also discusses the role of foreign languages in the curricula of arts and crafts schools and technical colleges. Information on the organization of foreign language instruction is also provided.

Keywords: history of pedagogy, arts and crafts education, foreign language.

В контексте решения современных задач, стоящих перед отечественной системой профессионального образования, несомненно значимым является обращение к её истокам, ретроспективный взгляд на историю ее становления и развития. Вторая половина XIX- начало XX вв. демонстрирует появление профессиональных учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров разного уровня для экономической, производственной, военной, медицинской, социальной и других сфер. В этой связи представляет несомненный интерес дальнейшее изучение истории художественно-промышленного образования, имеющего много ярких страниц и великих имен.

Художественная промышленность соединяет искусство с производством, несет в себе и творческую и прагматическую составляющие. Как отмечается в источниках, грань между чистым искусством и прикладным в определенной степени условна: «Художественно-промышленное образование опирается на те же начала, как и чисто художественное, потому что основы чистого и

прикладного искусства тождественны» [1, с.768]. Художественно-промышленные учебные заведения были направлены на «подготовку для надобностей отечественной промышленности художественно-образованных деятелей» [2, с.3].

Деятельность учреждений данного типа осуществлялась в соответствии с «Положением о художественно-промышленном образовании» от 10 июня 1902 года. К такому виду образования относились рисовальные классы, художественно-ремесленные мастерские, художественно-промышленные школы и художественно-промышленные училища. Они функционировали в соответствии с уставами, разработанными на основе указанного положения, определявшими объем и содержание программ, сроки обучения и другие организационные моменты.

Практико-ориентированный характер обучению придавали мастерские, созданные при художественно-промышленных школах и училищах. Они могли принимать заказы, а их число и вид деятельности определялся «в зависимости от местных условий» [2, с.9]. Так, художественно-ремесленная мастерская при художественно-промышленной школе имени Н.Ф. Фан-дер-Флита, работавшая в Пскове, готовила мастеров по стеклянному, керамическому и мозаичному производству. Она была призвана «сообщать обучающимся в них художественные познания и технические приемы» [5, с.2].

В свою очередь, деятельность художественно-промышленных училищ была направлена на то, чтобы обеспечить «своим питомцам общее и законченное художественное образование, а также необходимые познания в прикладных искусствах» [1, с.769]. Курс обучения включал общеобразовательные и профессиональные предметы (общие художественные предметы и специальные художественные предметы). Общие художественные предметы включали рисование, лепку, живопись «до воспроизведения живой природы включительно» [1, с.769]. Специальные художественные предметы – композицию, перспективу и теорию теней, историю искусств, пластическую анатомию, технологию материалов и «съемку с натуры» [1, с.769].

В учебных заведениях уделялось должное внимание общему образованию. Перечень изучаемых предметов включал географию, естествоведение, русскую и всеобщую историю, физику, химию, иностранный язык («новый язык»). Сведений о преподавании в художественно-промышленных училищах древних языков нами не выявлено. Следуя образовательной традиции рассматриваемого периода, входил в программу Закон Божий. Созданию целостного представления о деятельности художественно-промышленных училищ будет способствовать обращение к истории преподавания в них отдельных профессиональных и общеобразовательных предметов, в рамках данной статьи акцент сделан на иностранных языках.

По имеющимся сведениям, художественно-промышленные учебные заведения успешно работали в разных городах страны, например, в Чите

художественно-ремесленная школа была открыта в 1913 г. По имеющимся сведениям, инициатором создания школы, её идейным вдохновителем, первым директором стал М. А. Рутченко-Короткоручко – педагог и художник, работавший в технике графики и живописи. Впоследствии учебное заведение неоднократно изменяло организационную форму, действуя в статусе художественно-промышленной школы и училища, а на завершающем этапе – техникума [6].

Обращение к архивным материалам позволило выявить интересные сведения, касающиеся преподавания иностранного языка, что свидетельствует о понимании образовательной, воспитательной и развивающей ценности этого предмета. В период деятельности Читинской художественно-ремесленной школы они, очевидно, не изучались, а вошли в программу позднее, когда учебное заведение функционировало в статусе училища.

Как свидетельствуют источники, в 1918-1919 учебном году они преподавались, что подтверждает таблица уроков. В первом классе на изучение иностранного языка отводилось три урока в неделю, во втором-шестом классе – два урока в неделю, за исключением пятого класса, в котором по каким-то причинам проводился только один урок [4].

Позднее иностранный язык изучался и в Читинском художественно-промышленном техникуме, начиная с первого курса, где на него отводилось четыре урока в неделю. На последующих курсах количество часов на предмет сокращалось до двух уроков в неделю. Обращает на себя внимание что количество уроков, отведенных на изучение иностранного языка, было больше чем на изучение таких предметов как «география, история, естествознание, политическая экономия и социология за все годы обучения» [4, с.263].

По имеющимся сведениям, учащиеся изучали английский язык, что подтверждает протокол №1 заседания педагогического совета Читинского художественно-промышленного техникума от 5 октября 1922 года. В списке работников техникума указана фамилия преподавателя английского языка [4]. Кроме этого, в сохранившемся отчете за первую и вторую треть 1922-1923 учебного года сообщается о преподавании английского языка с первого по четвертый класс. Большое внимание уделялось работе с грамматическим материалом, «...велось упражнение в чтение, письме, переводах в связи с грамматическими наблюдениями» [3, л.180б]. В процессе изучения акцент делался на формировании у учащихся навыков и умений в области чтения, письма и перевода.

Итак, в начале XX в. система художественно-промышленного образования была представлена разными видами учебных заведений. Их деятельность способствовала не только решению практических задач, но и формировала ряды местной творческой интеллигенции, давала проявить свои таланты в сфере изобразительного искусства. Программа училищ и техникумов предполагала изучение иностранного языка, как общеобразовательного предмета. Его изучение имело образовательное и развивающее значение,

способствовало повышению общей культуры личности и расширяло возможности для дальнейшего профессионального развития.

Список литературы:

- 1.Художественно-промышленное образование // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Том 37. СПб., 1903. 520 с. – URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (дата обращения: 24.05.2025)
- 2.Выдержки из Положения о художественно-промышленных учебных заведениях и Устав Классов прикладного рисования в С.-Петербурге учрежден. художник. И.Д. Скворцовым и Д.И. Болдыревым. (с приложением сведений для учащихся): утвержден 8 января 1911 года. – Санкт-Петербург: тип. В.Я. Мильштейна, 1911. – 32 с.
- 3.Государственный архив Забайкальского края. Ф. р 102. Оп. 2. Д. 44.
- 4.Левченко, О. Ю. Иностранные языки в профессиональном образовании Забайкальской области (первая четверть XX века) // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – № 4(51). – С. 259-264.
- 5.Устав художественно-ремесленных учебных мастерских при художественно-промышленной школе имени Н.Ф. Фань-дер-Флита в г. Пскове: утвержден 26 апреля 1914 года. – Псков: Электро-типо-лит. Псковск. губ. земства, 1914. – 7 с.
- 6.Читинская художественно-промышленная школа – URL: <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=5097&ysclid=mb10k2xe9b385758170> (дата обращения: 24.01.2026).

Лихачев Виктор Геннадьевич

преподаватель

Санкт-Петербургский колледж электроники и информационных технологий

SPIN-код: 4977-3589

Viktor Likhachev

Saint Petersburg college of electronics and information technology

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ПЛАВСОСТАВА В РЕМЕСЛЕННОМ УЧИЛИЩЕ № 4 П. СВИРИЦА В 1946-1953 ГГ.

Аннотация: Статья посвящена анализу организации учебного процесса в Ремесленном училище № 4 посёлка Свирица в послевоенный период (1946–1953 гг.) как основы системы подготовки кадров для восстановления советского речного транспорта. Подчеркивается стратегическая важность расположения училища в крупном судоходном центре на Северной Двине. Исследование базируется на нормативных документах, в частности, Постановлении Совета Министров СССР 1947 года, которое определило преобразование существующих техникумов в закрытые училища нового типа по образцу военно-морских школ.

Рассматриваются механизмы функционирования училища в системе государственных трудовых резервов: централизованный призыв молодежи, полное государственное обеспечение (питание, форма, общежитие), а также структура и содержание учебного процесса. Отмечается эффективное сочетание теоретического обучения с обязательной производственной практикой на судоремонтных заводах и судах Северного пароходства. Подробно описаны системный подход к планированию, контролю успеваемости (пятибалльная система) и формированию педагогического коллектива из опытных производственников.

Ключевые слова: советский речной транспорт, профессиональное образование, ремесленное училище, Свирица, послевоенное восстановление, государственные трудовые резервы, подготовка кадров, учебно-производственный процесс.

FEATURES OF TRAINING PERSONNEL FOR THE NAVY AT THE VOCATIONAL SCHOOL NO. 4 IN SVIRITSA IN 1946-1953

Summary: The article is devoted to the analysis of the organization of the educational process at the Vocational School No. 4 in the village of Svritsa in the post-war period (1946–1953) as the basis for the training system for the restoration of Soviet river transport. The strategic importance of the school's location in a major shipping center on the Northern Dvina River is emphasized. The study is based on regulatory documents, particularly the 1947 Resolution of the Council of Ministers of the USSR, which determined the transformation of existing technical schools into

closed schools of a new type based on the model of naval schools. The article discusses the mechanisms of the school's functioning in the system of state labor reserves: centralized recruitment of young people, full state support (food, uniforms, and dormitories), as well as the structure and content of the educational process. The article highlights the effective combination of theoretical training with mandatory practical experience at shipyards and vessels of the Northern Shipping Company. It also provides a detailed description of the systematic approach to planning.

Keywords: Soviet river transport, vocational education, vocational school, Svirlitsa, post-war reconstruction, state labor reserves, personnel training, educational and production process.

Ремесленничество – одна из старейших форм человеческой деятельности, существовавшая на протяжении всей истории. В России насчитывалось свыше двух с половиной сотен ремесел, уходящих корнями в глубокую древность.

Созданные в СССР на базе указа "О государственных трудовых резервах" от 2 октября 1940 года, ремесленные училища представляли собой учебные заведения профессионально-технического образования. Их главной задачей была подготовка квалифицированных кадров для ключевых отраслей промышленности, включая металлообработку, металлургию, химию, горнодобывающую и нефтедобывающую промышленность, а также для обеспечения квалифицированными рабочими морского, речного транспорта и предприятий связи.

Обучение в ремесленных училищах (Р. у.) длилось 2-3 года, в зависимости от сложности профессии. Эти учебные заведения принимали юношей 14-17 лет и девушек 15-17 лет, имеющих образование не ниже 7 классов. Важно отметить, что обучение было полностью бесплатным. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении, получая питание, одежду и проживание в общежитии. Более того, за работу, выполненную в ходе производственного обучения, им выплачивалась заработная плата. Учебный план охватывал практическое обучение, изучение технологий (общих и специальных) или материаловедения, черчение, математику, основы технической механики и электротехники. Помимо этого, проводились занятия по политической грамотности, физической культуре и другим предметам, как общеобразовательным, так и техническим, в зависимости от выбранной специальности. По окончании училища выпускники сдавали итоговый экзамен, получали аттестат с указанием полученной профессии и квалификации и направлялись на работу на соответствующие предприятия.

Одним из ярких примеров является Свирицкое ремесленное училище №4, которое находилось в Волховском районе, Ленинградской области.

В условиях военного времени, уже в 1942 году, правительство приняло важное решение о создании системы профтехобразования, предоставляющей

учащимся бесплатное питание и обмундирование. Это позволило в 1943 году, 1 сентября, открыть Свирицкое ремесленное училище № 4 речного флота.

Первоначальный набор училища составил триста человек. Из них двести человек были детьми, пережившими блокаду Ленинграда, а сто – юношами и девушками из населенных пунктов округа, таких как Часовенское, Свирица и Паша. Это были подростки в возрасте 14-15 лет, чьи жизненные пути были отмечены тяжелыми испытаниями. Война лишила их беззаботного детства, родительской заботы и возможности получать образование. Многие из них имели лишь базовое школьное образование, ограничивающееся тремя-четырьмя классами. Привлекательность обучения заключалась в перспективе обретения профессиональных навыков, достижения финансовой самостоятельности и возможности оказывать поддержку своим семьям, если таковые имелись. Следует отметить, что нередко в училище направлялись воспитанники детских домов.

В училище готовили специалистов самых разных направлений: от судовых машинистов и рулевых-столяров до кочегаров, кузнецов, котельщиков и токарей. Несмотря на суровые условия и трудности, с которыми сталкивались наставники, курсанты постепенно адаптировались, проявляли интерес к обучению и осваивали ремесло. Ключевыми факторами успеха стали строгая дисциплина, четкий распорядок дня и полная самостоятельность. Ребята сами отвечали за все: от дежурств в мастерских, столовой и классах до поддержания порядка в общежитии, заготовки дров и водоснабжения. Со временем их навыки позволили им самостоятельно ремонтировать здания, строить собственные яхты и шлюпки, на которых они отправлялись в плаванья.

Молодой Григорий Андреевич Баков, которому еще не исполнилось и двадцати девяти лет, был назначен директором училища. В середине 1945 года он стал тем, кто поставил свою подпись под первыми аттестатами, выданными выпускникам РУ № 4.

Качество образования, предоставляемого училищем под руководством директора и педагогов, было настолько высоким, что в конце 1940-х годов оно трижды подряд удостоивалось переходящего Красного Знамени и было признано образцовым. Курсанты покидали стены училища с прочными знаниями и навыками, что позволило многим из них построить успешную карьеру в качестве известных речников, моряков и капитанов. Личные качества Григория Андреевича, такие как строгость к преподавателям и учащимся, любовь к порядку и дисциплине, а также ответственное отношение к работе, внесли значительный вклад в эти достижения.

В 1946–1953 годах система профессионального образования речного флота СССР в ремесленных училищах претерпела значительные изменения в подготовке специалистов. Эти изменения были продиктованы как реформами в образовательной сфере, так и задачами восстановления народного хозяйства, пострадавшего в годы войны, что напрямую касалось и речного транспорта.

Специфика подготовки отразилась на условиях обучения, ассортименте специальностей и организации практической подготовки студентов.

В училищах создавались специальные классы, оборудованные для изучения навигации и штурманского дела. Кроме того, эти классы оснащались учебными образцами минно-торпедного и артиллерийского вооружения, так как училища начали готовить офицеров запаса для Военно-Морского Флота.

Помимо технических знаний, курсанты изучали вопросы морали, жизненных принципов и профессиональной этики, принятых в данной профессии. Важное значение придавалось политическому воспитанию, целью которого было формирование у будущих офицеров коммунистических убеждений и социально значимых качеств.

Формировался кадровый резерв для речных судов, включающий рулевых, машинистов и электротехников.

Производственная практика обучающихся осуществлялась на судах, экипажи которых, за исключением командного состава, формировались из числа студентов училища.

Были организованы консультационные занятия для ревизии теоретического материала и тематические семинары для изучения производственных регламентов.

Обучающиеся первого курса были интегрированы в молодежные и комсомольские бригады, ответственные за эксплуатацию ряда судов.

Проводились научно-практические конференции, посвященные отдельным профессиональным направлениям.

В период с 1946 по 1953 год Свирицкое ремесленное училище речного флота (РУ №4) специализировалось на подготовке кадров для гражданского речного транспорта. Являясь частью системы учебных заведений Министерства речного флота СССР, училище играло ключевую роль в послевоенном восстановлении и развитии плавсостава для речных, озёрных и судов смешанного плавания («река-море»). Процесс обучения охватывал условия, методику преподавания, практическую подготовку и выпуск квалифицированных специалистов. Курс обучения в основном занимал два-три учебных года. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении.

В училище были оборудованы специализированные классы. Одни из них были оснащены приборами для навигации и штурманской работы, другие – учебными образцами минно-торпедного и артиллерийского вооружения. Это было связано с тем, что учебные заведения начали готовить офицеров запаса для Военно-морского флота.

Помимо освоения профессиональных навыков и специальных знаний, курсанты изучали вопросы, касающиеся ценностных ориентиров, жизненных принципов и профессионально-этических норм, присущих представителям их будущей профессии. В период с 1946 по 1953 год особое внимание уделялось политическому воспитанию. Преподавание велось в соответствии с учебными планами и программами, утвержденными Министерством речного флота СССР.

В училищах были созданы мастерские, включая слесарные и столярную, для отработки практических навыков.

Выпускникам училища вручался диплом о среднем профессиональном образовании государственного образца, действующий на всей территории СССР. Кроме того, они получали нагрудный знак, подтверждающий окончание среднего специального учебного заведения морского или речного профиля.

В 1976 году было введено в эксплуатацию новое здание училища, расположенное на улице Юбилейной. Произошло изменение статуса учебного заведения: образовательный процесс был дополнен программой общего среднего образования, параллельно с профессиональной подготовкой. Учащиеся обеспечивались полным государственным обеспечением, включающим бесплатное питание, обмундирование и проживание в общежитии.

В 1987 году училище было закрыто, однако его выпускники, ныне активно работающие в Волховском районе, сохранили теплые воспоминания о годах, проведенных в училище. Они с благодарностью вспоминают своих преподавателей и мастеров, которые сыграли ключевую роль в их профессиональном становлении, передав им необходимые навыки и знания, верность которым они пронесли через всю свою карьеру.

Список литературы:

- 1.Постановление Совмина СССР от 01.09.1947 N3092 «О мероприятиях по восстановлению и дальнейшему развитию речного транспорта» (вместе с «Положением о прохождении службы начальствующим составом системы Министерства речного флота») // «Собрание действующего законодательства СССР», Т. 23, С. 160.
- 2.ГАНО. Ф. П-4. Он. 8. Д. 7241. Л. 75–79. Постановление ГКО № 6055 «О мероприятиях по подготовке командных кадров речного флота».
- 3.Магид, А. С. Корабелы делают танки / А. С. Магид. - Москва: Знание, 1973. - 127 с.
- 4.Лихачев В. Г. Концепция подготовки и воспитания кадров плавсостава для гражданского флота в 1946-1953 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. -2018. - №07. С. 41-43.
- 5.«Инвентарная книга домовладений по посёлку Свирица. Том 1, 1956–1958 гг.», хранящаяся в Ленинградском областном государственном архиве в г. Выборге (ГКУ ЛОГАВ).

Лобастова Вера Александровна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 1570-1441

Vera Lobastova

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АНТИЧНОГО МИРА

Аннотация: Данная статья рассматривает отличительные особенности структуры эстетического сознания, которые постепенно складываются в контексте восприятия природных и культурных сторон человеческой жизни. Познавательные способности человека существенно не изменяются на протяжении его существования, однако рефлексрующий синтез во многом зависит от того материала, который выделяется и отбирается в процессе его непосредственного переживания в сознании. Эстетическая рефлексия раскрывает свою выразительную силу в движении от смутного впечатления к убедительной оценке. Эстетическое представление последовательно приобретает свою выразительную форму в познавательном синтезе, который стремится составить и утвердить единую и целостную модель жизненного мира. Эстетическое осмысление античного мира осознается и выражается через погружение в космологические просторы бытия, где слепым природным стихиям противопоставляются поиски созидательных действий культуры.

Ключевые слова: эстетическое сознание, феномен прекрасного, философская рефлексия, понимание, истина, смысл, античный космос, Алексей Федорович Лосев (1893-1988).

AESTHETIC MODEL OF THE ANTIQUE WORLD

Summary: This article examines the distinctive features of the structure of aesthetic consciousness, which are gradually emerging in the context of perception of the natural and cultural aspects of human life. A person's cognitive abilities do not change significantly during his existence, however, the reflective synthesis largely depends on the material that is allocated and selected in the process of his direct experience in consciousness. Aesthetic reflection reveals its expressive power in moving from a vague impression to a convincing assessment. Aesthetic representation consistently acquires its expressive form in cognitive synthesis, which seeks to create and establish a unified and integral model of the life world. The aesthetic understanding of the ancient world is realized and expressed through immersion in the cosmological expanses of existence, where the blind natural elements are opposed to the search for creative cultural actions.

Keywords: aesthetic consciousness, the phenomenon of beauty, philosophical reflection, understanding, truth, meaning, ancient cosmos, Alexey Fedorovich Losev (1893-1988).

Выделение эстетических представлений в непрерывном потоке переживаний человеческого сознания является в некоторой степени условным наряду с историческими, научными, религиозными, этическими, политическими, экономическими, техническими или какими-либо еще, так как человеческое сознание тяготеет к собиранию своих впечатлений, образов, представлений в согласованное и целостное единство опыта. В субъективном поле своего сознания человек стремится воплотить картину мира, в котором он видит себя живущим. Переживаемый человеком мир и мир, существующий сам по себе, самостоятельно и независимо от всматривающегося в него человека, не совпадают и не могут совпасть никогда. Основное неустранимое различие между реальностью и ее представлением состоит в том, что объективная реальность в возможностях своего существования безгранична. Что же касается понимаемой человеком реальности, то она имеет границы, пусть неопределенные, размытые, кажущиеся, но все-таки предполагаемые пределы. Во многом, горизонт своего восприятия существующего мира невольным образом устанавливает сам человек исходя из того, что по-другому он видеть и осознавать мир не может в силу понимания ограниченности своих познавательных способностей.

Признавая несовпадение в понимании миров, реальном и представляемом, познавательный процесс человека направляет его на максимально возможное их сближение. В этой ситуации человек вынужден изобретать разные способы понимания мира и моделирования его структуры. Так как он не может отдать предпочтение одному видению мира в ущерб всем остальным из имеющихся у него и возможных оптических средств, ему приходится комбинировать различные способы восприятия, создавая из полученных представлений мозаичную картину мира согласованных между собой многообразных фрагментов, пробиваясь на познавательном пути через сдерживающие заблуждения к влекущей истине. За такую весьма трудоемкую работу сознания по формированию всеобъемлющей картины мира берутся философы. Они культивируют в себе незаинтересованный и универсальный взгляд, который, по глубокому убеждению философов, только и способен охватить безграничное бытие в целом.

Отечественный философ-антиковед Алексей Федорович Лосев является автором многотомного исследования под названием «История античной эстетики», над которым он работал на протяжении своей творческой жизни. В этом труде А.Ф. Лосев изучает особенности устройства эстетической оптики, выделяет глубинные принципы построения эстетических концепций, создаваемых античными философами, и убедительно показывает, что «эстетическое сознание человека началось вместе с его сознанием вообще» [1,

с. 11]. Пристально наблюдая за тысячелетним развитием древнегреческой и древнеримской философской мысли, А.Ф. Лосев внимательно отслеживает организацию эстетической модели античного космоса. Единство этой модели постепенно складывалось в открытом диалоге античных концепций, в котором проявлялись, пересекались и противопоставлялись многоликие философские позиции.

Ранние эстетические представления мы можем обнаружить в эпических произведениях Гомера. В архаической эстетике Гомера мифологические представления получают художественное образное оформление. В эпическом стиле Гомера общее и внешнее превалирует над индивидуальным и внутренним. В эпическом восприятии божественного космоса сливаются в неразличимом единстве жизни и природа, и искусство. А.Ф. Лосев пишет: «Как жизнь есть творчество, так и искусство есть творчество, и это творчество не идей, не форм, не чистых выразительных образов, а творчество самой жизни, творчество вещей, тел, предметов, наконец, просто рождение детей. «Искусство», собственно говоря, порождение или вещественное создание вещью из себя самой таких же, но уже новых вещей. <...> Жизнь есть творчество в смысле изменения действительности, ее улучшения, совершенствования» [1, с. 21-22].

Гомер предлагает для понимания красоты чувственно представляемый образ золотого дождя как струящегося живого потока, тончайшего и светоносного, затрагивающего в той или иной степени все существующее в космосе. Выразительность божественной красоты как таковой и в особенности художественной красоты, проявляющейся в произведениях искусства, получает внешнее, материальное воплощение. Невозможно представить созданный богами мир уродливым и безобразным, лишенным прекрасного начала.

В классический период античной философии развитие эстетических представлений А.Ф. Лосев показывает в трех этапах: космологический этап ранней классики сменяет антропологический этап, явно и оправданно проявившийся в сократической мысли, а за ним следует эйдологический этап высокой классики. Человеческое сознание не способно охватить свой предмет сразу и полностью, поэтому вынуждено искать различные способы рассмотрения его с разных сторон в течение длительного развернутого в истории процесса познания. Предметом эстетического восприятия для древнегреческих философов всегда остается бытие, понимаемое как космос в его многогранной пластике. Свою выразительность бытие демонстрирует человеку в завершенности своих сторон, частей, элементов в целостном единстве. Основными категориями античной эстетики выступают гармония, симметрия, ритм, мера и размеренность. Эстетические категории конструктивны, они участвуют как в формировании эстетических переживаний, так и в организации художественных произведений как объективных самостоятельно существующих вещей. «Гармония и в небе и в душе находится на собственном месте как единомыслие с целым. В душе ее формой является

целомудрие» [1, с. 119]. Значения эстетических категорий и их модификаций предполагают число и основываются на числовой структуре космоса как телесно зримого, пластично живого мира.

Пластичность материи, способной к принятию конкретной определенной формы, проявляется в пульсирующем в непрерывных изменениях становлении вещей, развертывающемся в непрерывном круговороте их возникновения и уничтожения. Чувственно воспринимаемая материя складывается в континуум как непрерывную совокупность совместно или последовательно существующих вещей. Материальная совокупность соотнесенных друг с другом вещей согласовывалась благодаря устойчивой числовой структуре. Живой в изобилии и полноте космос конструируется в синтезе континуальной и структурной как непрерывной и постоянной сторон бытия.

В идеальной и умозрительной природе числа соотносятся беспредельное и предел, благодаря чему число разграничивает предметы и делает их различными, а значит, определенными. За видимым чувственно улавливаемым многообразием вещей, существующих в мире, скрывается невидимое единство мира, которое проявляется в измеримости всех вещей с помощью числа, поэтому вещи не просто существуют в мире, а сосуществуют в нем. Благодаря основанной на порядке и мере числовой структуре космоса мир обретает симметричные, упорядоченные, пропорциональные, соразмерные черты единого целого.

Идеальная природа числа может быть оформлена и воспринята только умом, пронизательным в своей неизменной ясности, пронизывающим своим светом весь космос. Чистый, не смешанный с материей ум представляет собой абстрактный и всеобщий принцип красоты и порядка материальной действительности, извлекаемой из динамичного хаоса, угрожающего поглощением всего и вся неразличимой бездной, в стройные и согласованные соотношения космических установлений. Зримое и осязаемое тело становится символом космоса. Тело придает космосу черты формальной определенности, строгой организованности, предельной узнаваемости. Космос телесно материален, ум же действует в материи имманентно, воспроизводя и утверждая в конкретных и индивидуальных вещах их общую сопричастность с единым целым. «Индивидуальность, в которой совпадает внутреннее и внешнее, вечное движение и созерцательный покой, единичность и уход в бесконечную даль, напряженная структурность и ее постоянная эволюция из недр хаоса, представляет собой художественный образ, воспринимаемый эстетически» [1, с. 44].

В рассуждениях Парменида Элейского бытие проявляет творческую силу всеобъемлющей любви, становясь принципом оформления текучести материальных тел. Едина каждая отдельная вещь, своим существованием причастная всеобщему единому бытию. Космос как совершеннейшее и искуснейшее построение раскрывается в тождестве всеобщего и индивидуального. Красота космоса проявляется через общее в

индивидуальном, бесконечное в конечном. Анаксимандр Милетский указывает на неизбежность трагического выражения бытия: «общее, воплощаясь в индивидуальном, не может вместиться в нем целиком и приводит одно единичное к столкновению с другим единичным» [1, с. 51]. В таком притесняющем столкновении нарушается мера, дающая возможность сосуществованию вещей, а разрушение меры космоса приводит с неизбежностью к хаотической безмерности. В калейдоскопе круговращений возникают и уничтожаются бесчисленные космосы.

У Гераклита Эфесского изменчивость мира выражается в непрерывной игре противоположностей, которые последовательно проявляются в каждой конкретной вещи. Однако космос не распадается на множество рассеивающихся в хаосе частей, он удерживается в скрытой гармонии логоса как разумного слова, собирающего, сопрягающего противоположности в единое целое. В умопостигаемой гармонии Гераклит полагает совпадение противоположностей. Здесь нетрудно увидеть принцип противопоставления единства и множества, который лежит в основе любых противоположностей. Гармонично согласованное единство выступает как совпадение в борьбе многих противоположностей. Созерцаемая умом гармония способна собирать различное, но не сходное и стремится уравновесить созвучие и разногласие. В наглядном образе лука и лиры созвучие целого складывается из натяжения противоположных элементов, стремящихся друг от друга в разные стороны. Гармонично согласованное созвучие утверждает взаимный переход противоположностей друг в друга, в котором каждая из противоположностей выявляет ценность другой. Космогонию Гераклита А.Ф. Лосев описывает так: «Мир появляется только тогда, когда первоогонь начинает испытывать ущерб, так что мир есть детище нужды и вечной неудовлетворенности, когда же мир гибнет в мировом пожаре, то первоогонь насыщается, восстанавливается и возвращается в своей полной и бесконечной силе. Это величественная и красивая мировая трагедия. В космологической эстетике бесцельный трагизм вечных рождений и исчезновений, вся игра вечности с самой собой сочеталась с торжественно-спокойным жизнеутверждением» [1, с. 66-67]. Красота космоса, проявляющаяся в осознании разумного принципа гармонизирующего приведения всего к единству или единства всего удивляет, восхищает и завораживает античных мыслителей.

Антропологическая ступень эстетического сознания выдвигает понимание красоты как разумного смысла, схватываемого в рефлексии. Сократ открывает человеческое самосознание, которое рождается в свободе разума. Человеческий разум способен отличать прекрасное само по себе от отдельных и разнообразных прекрасных вещей. «Каждая вещь предполагает более общее, чем она сама, вещь есть осуществление и воплощение общего принципа. В своем фактическом существовании она бесконечно меняется, необходимо, чтобы она была одним и тем же во все моменты своего фактического

существования» [1, с. 94]. Наиболее полно смысл красоты и блага проявляется в целесообразности как разумном принципе соотношения отдельного и общего.

В философских рассуждениях Платона прекрасное само по себе как эстетический принцип понимания космоса возникает в момент фиксации с помощью разума сначала отличия сознания от бытия, идеи от вещи, культуры от природы, а затем погружения эти противопоставленные пары в диалектический синтез. «Эстетический принцип представляет собой двуплановость как единство смысловых данностей, допускающих разнообразные понимания. Это есть единство внутреннего и внешнего, или субъекта и объекта, или знания и чувственности, или разумности и удовольствия, или целого и частей, или идеального и материального, или общего и одиночного, или самодовлеюще-созерцательного и творчески-жизненного, утилитарного» [1, с. 107].

Материальный космос в понимании Платона пронизан идеальными смысловыми связями. «Идея и материя связаны в одно неразрывное целое и даны как диалектическое единство противоположностей. Внутри всеобщей материальной действительности одно более идеально, другое — более материально» [1, с. 137]. Идея вещи определяет умозрительную сущность вещи как внутренний содержательный смысл вещи, доступный эстетическому осознанию. Конкретная единичная вещь представляет собой диалектический синтез чистой идеи и чистой материи. А.Ф. Лосев отмечает, что в концепции Платона «прекраснее всего мир идей как предельное обобщение космической жизни. Все прекрасно в меру приближения к совершенству и цельности космоса» [1, с. 13-14].

Организованный ритмом порядок диалектического движения охватывает все бытие, выражаясь как в движении космоса в целом, так и в индивидуальных и общественных проявлениях человеческой жизни, а также в художественной сфере искусства. «Космос есть живое существо, тело которого движется душой по законам разума» [1, с. 128]. «Мир, взятый в целом с его круговращениями вещества и душ, с его разумными закономерностями и безумными катастрофами понимается художественно и у Гераклита, и у Платона» [1, с. 135]. Разнообразные соотношения вещей и процессов постоянно повторяются в космосе, делая его весь пропорциональным. Правильные формы космоса, соответствующие его общей упорядоченности, выявляют соразмерность и законченность космического мира, его красоту и истину. Тожество идеального и материального составляет ядро онтологической эстетики Платона. Идеальное организует материальное, материальное адекватно или недостаточно восприимчиво осуществляет идеальное. Красота проявляется в различных степенях взаимопронизанности идеального и материального. В эстетическом представлении красота становится синтезом разума и удовольствия в процессе осознания истины и соразмерности, как отмечает Платон в диалоге «Филеб» [3].

Предметом эстетического сознания у представителей высокой классики выступает единый и целостный космос, но понимание единства и целостности космоса определяется в философских концепциях по-разному. По мнению А.Ф. Лосева, Платон формирует свою систему эстетического понимания космоса с помощью диалектического метода, синтезируя, конструируя и объясняя, тогда как Аристотель определяет свою системную модель космичности бытия благодаря анализу, детализации и описанию, создавая формально-логический метод философского рассуждения.

Космический ум как перводвигатель выступает в качестве творческой силы космоса, созидаящий и оформляющий все существующее в мире, приводя всякое сущее в движение и изменение. В «Метафизике» Аристотель пишет: «Ум приводится в движение предметом мысли» [4, с. 309]. Предмет мышления космического ума есть только он сам, схваченный в рефлексии как мышление о мышлении, так как нет в нематериальной сущности ума ни величины, ни частей, способных привести к разделению, противопоставлению и, следовательно, к изменению. В космическом уме мыслящее и мыслимое совпадают, пребывая в прекрасной гармонии, следовательно, уравнивают друг друга. В качестве наглядного примера Аристотель приводит следующую аналогию: предмет желания или любви приводит в движение желающего и любящего, оставаясь при этом недвижимым.

Вечно действующий ум выражает собой высшую степень космической красоты, сущность которой максимально простая и точная. «Прекрасное и ради себя предпочтительное <...> всегда есть наилучшее или соразмерное наилучшему» [4, с. 309]. А.Ф. Лосев выделяет существенные черты в понимании Аристотелем блага: «Высшее благо трактуется как самоцель, безвредное, не допускающее ущерба, свободное и благородное, сдержанное, четко оформленное и не уходящее в бесконечность и диспропорцию» [1, с. 177].

Сущность космоса в рассуждениях Аристотеля обретает глубокий трагизм. Сущий мир представляет собой трагическое целое, в котором с неизбежностью сосуществуют страх, сострадание и очищение [5]. «В нем и блаженство самосозерцающего и вращающегося в себе ума, и распад этого перводвижения ума, где под Луной уже царство необходимости, и где мы находим как неправильности в движении тел, так и отсутствие ровного и спокойно-радостного сияния идеальных сущностей и сил. В мире вечно творится преступление, вечно искупается и преодолевается вина, и вечно сияет катарсически-просветленная блаженная первоэнергия всеобщей сущности ума» [1, с. 187].

Искусство в эстетическом представлении Аристотеля относится к области возможного, динамического бытия, нейтрального по существу или полудействительного и полунеобходимого. Предмет художественного произведения может быть с точки зрения вероятности или необходимости. В произведении искусства, выраженном единичным образом, с помощью чувств

осуществляется общая и родовая возможность. Динамика возможно существующего сущего в ходе своего становления постепенно обретает статус вероятного существования и может развиваться до уровня необходимого существования. «Художественный предмет, по Аристотелю, в одинаковой мере и жизненно-нейтрален и жизненно-полезен. Искусство есть сфера возможных утверждений и отрицаний. Это есть сфера выразительных становлений-действий» [1, с. 193]. В «Поэтике» Аристотель подчеркивает: «в поэзии предпочтительнее невозможное, но убедительное возможному, но неубедительному» [5, с. 678].

В силу живой и пластичной динамики становления предмет художественного изображения творчески конструируется в виде выразительного символа, который всегда отсылает к чему-то другому и зовет к нему как к поэтически вероятному. Эстетическое представление вызывает у созерцающих произведение искусства познавательное удовольствие, так как «глядя на изображения, они радуются, потому что могут при таком созерцании по-учаться и рассуждать, что есть что» [5, с. 649]. Процесс познания вызывает созерцательную радость, удовольствие от успешного действия, потому что требует усилий в конструировании смыслов и сравнений в адекватности их понимания. «Выводы условной логики более или менее вероятны или кажутся такими и преследуют цели не истины, но только убедительности и правдоподобия» [1, с. 207]. Эстетическому представлению доступно формирование только мнения как вероятностного знания. «Основанная на вероятностной логике художественная «возможность», «нейтральность» представляет собой то, в чем форма и содержание отождествляются, в чем они не различаются между собою и в чем их бытие и небытие сливаются до полной неразличимости» [1, с. 208].

Достижение учений античной эстетической мысли состоит в непрекращающемся поиске выразительных форм бытия в различных степенях совершенства этой выразительности. Все эти выразительные формы понимания бытия представляют собой различные способы описания и определения философа, пытающегося познать бытие, которое по природе своей неопределимо и есть только бытие. Возможно, в этой непреодолимой неопределенности бытие себя сохраняет. «Выразительность, по А.Ф. Лосеву, есть слияние внутренне-идеального и внешне-материального в одну самостоятельную предметность» [2, с. 316]. Однако эстетические концепции понимания античного мира как космоса демонстрируют свою ограниченность. Указав на противоречие между разумом и чувственностью, умозрительным идеальным бытием и чувственно воспринимаемой материей, античным философам не удалось это противоречие преодолеть. И они предоставили эту возможность философам других времен и эпох.

Список литературы:

1. Лосев, А.Ф. От Гомера до Прокла. История античной эстетики в кратком изложении. — СПб.: Азбука, 2016. — 352 с.
2. Тахо-Годи, А.А. О полной “Истории античной эстетики” А.Ф. Лосева. // Лосев А.Ф. От Гомера до Прокла. История античной эстетики в кратком изложении. — СПб.: Азбука, 2016. — С. 303-347.
3. Платон. Филеб // Платон. Собрание сочинений в 4 тт. Т. 3. / пер. с древнегреч. Н.В. Самсонова; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1994. — С. 78.
4. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собрание сочинений в 4 тт. Т. 1. / ред. В.Ф. Асмус — М.: Мысль, 1976. С. 63-367.
5. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Собрание сочинений в 4 тт. Т. 4. / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова; Общ. ред. А. И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. С. 645-680.

Логинова Диана Васильевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9450-5977

Diana Loginova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ВВЕДЕНИЕ УНИФИЦИРОВАННЫХ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД АВТОМОБИЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Аннотация: статья посвящена актуальной теме сегодняшнего дня – безопасности дорожного движения и соблюдению правил на дорогах. В начальный период автомобилизации в России этот вопрос встал остро, поскольку автомобили ввозились из-за границы, осуществлялась сборка и на российских промышленных площадках. Автомобильный транспорт на российских дорогах должен был «ужиться» с гужевым транспортом, которых было гораздо больше и не быть препятствием для них. С ростом скоростей и изменением режимов движения повышалась потребность к информации водителей о дорогах. С этой целью международная парижская конференция приняла первые четыре дорожных знака в 1909 г. К этой конвенции примкнула и Россия, тем самым открыв для российских автомобилистов возможность беспрепятственного путешествия как по дорогам страны, так и по европейским дорогам. Унификация требований при движении на дорогах позволяла значительно снизить аварийные ситуации, повысить культуру вождения автомобилистов. Таким образом исследование правил дорожного движения позволяет нам лучше понять систему транспортного развития России начала XX вв.

Ключевые слова: автомобилизация, правила дорожного движения, автомобиль, триптик, водитель, дорожно-транспортное происшествие, жестянка.

INTRODUCTION OF UNIFIED TRAFFIC RULES IN THE INITIAL PERIOD OF MOTORIZATION IN RUSSIA

Summary: The article is devoted to the current topic of today – road safety and compliance with the rules on the roads. In the initial period of motorization in Russia, this issue became acute, since cars were imported from abroad, and assembly was carried out at Russian industrial sites. Motor transport on Russian roads had to "get along" with horse-drawn vehicles, which were much more numerous and not be an obstacle for them. As speeds increased and driving modes changed, the need for drivers to provide information about the roads increased. To this end, the

International Paris Conference adopted the first four road signs in 1909. Russia joined this convention, thereby opening up the possibility for Russian motorists to travel freely both on the country's roads and on European roads. The unification of requirements when driving on the roads made it possible to significantly reduce emergency situations and improve the driving culture of motorists. Thus, the study of traffic rules allows us to better understand the system of transport development in Russia at the beginning of the twentieth century.

Keywords: motorization, traffic rules, car, triptych, driver, traffic accident, tin can.

Соблюдения правил дорожного движения являются основой обеспечения безопасности дорожного движения где бы то ни было. Сегодня, когда на дорогах общего пользования находятся не только автомобили с различными скоростными и техническими характеристиками, а также электросамокаты, моноколеса, сигвеи и тому подобные технические новинки – вопрос обеспечения безопасности на дорогах стал еще более актуальным.

Отметим, что движение по дорогам всегда требовало обозначения маршрута. Но значимое обозначение на дорогах начинается во время петровских преобразований, когда в 1711 г. в Сенатском указе было отмечено об устройстве верстовых столбов на поворотах и на выездах. Типовые верстовые столбы начинают ставить только при Александре I, где было указано красить деревянные верстовые столбы наклонными черно-белыми полосами [1, с. 193].

Конец XIX – начала XX столетия ознаменован стремительным ростом автомобилизации как в Европе, так и в России. Это потребовало создания совершенного новых правил движения по улицам населённых пунктов и вне них. Уже в период начального периода автомобилизации страны выросла культура содержания дорог, так, в 1914 г. Императорское российское автомобильное общество (ИРАО) вошло с ходатайством в Управление водных путей и шоссейных дорог МПС о перемене системы обозначения верст на столбах. Ранее версты указывались между почтовыми станциями. Теперь автомобилистам нужно было знать расход бензина, а для этого требовалось знать расстояние как пройденное, так и оставшееся. Для этого предлагалось указывать две цифры: большего формата километраж до конечного пункта и меньшего формата до промежуточного пункта.

Возникла потребность для автомобилистов в дорожных картах и ИРАО обратилось к губернским и уездным службам с просьбой сделать их, нанеся на разосланные бланки шоссейные и другие дороги. Однако первыми документами были «Правила езды по Санкт-Петербургу» (июнь 1900 г.) и «Правила езды по Москве» (апрель 1904 г.) [2, с. 54–55].

К слову, до революции 1917 г. российские водительские права делились на три разряда: водители с правами 1-го разряда могли ездить на автомобилях с бензиновым двигателем мощностью не менее 8 л. с., 2-го разряда – на 18-

сильных автомобилях, 3-го разряда – на грузовиках не менее 120 пудов подъемной силы. Причем лица, имевшие права 2-го и 3-го разрядов, могли управлять без разрешения автомобилями 1-го разряда [3, с. 109–110]. Разрешение на право управления автомобилем выдавалось общее и частное. Общее разрешение было обязательно для лиц, управлявших автомобилем общественного пользования (омнибусов, такси). Такие выдавались только лицам мужского пола не моложе 21 года, знающим слесарное дело, элементарные сведения по электричеству, общие понятия работы двигателя, а также умеющим осуществлять сборку и разборку экипажа и т. д. Частные разрешения вручали только для личного пользования всем желающим, начиная с 17 лет, доказавшим свое умение управлять автомобилем и производить небольшой ремонт в случае незначительной неисправности автомобиля [4, с. 48]. Из дополнительных требований было свободное владение русской речью.

Так вместе с автомобилем на дороги России пришла культура поведения водителей транспортных средств.

Правила дорожного движения являются основным законом на дороге как для водителей, так и для пешеходов и требуют неукоснительного исполнения. Многие пункты требований правил прошли через столетия и за некоторыми изменениями актуальны и сегодня, но есть и такие положения, которые сегодня вызывают у нас удивление и усмешку. Например, сегодня любой водитель знает, что движение по центру дороги (на двухполосных дорогах без разметки или по разделительной полосе) запрещено, так как в Российской Федерации установлено правостороннее движение, а в начале XX века, если дорога была свободной, разрешалось можно ехать посередине, но с тем условием, чтобы слева оставалось достаточно места для проезда повозки, едущей попутном направлении [5, с. 28].

Не изменились условия в том, что при встрече едущих в противоположном направлении, каждый должен, держаться своей, правой, стороны и следует замедлить движение, если очевидно, что дорога настолько узка, или имеются препятствия, затрудняющие разъезд со встречной машиной.

В настоящее время использование звукового сигнала при движении строго регламентировано Правилами дорожного движения (п. 19.10) и разрешено только для предотвращения ДТП или для предупреждения об обгоне вне населенных пунктов [6]. В городе гудок разрешен, чтобы избежать аварии (например, при опасных действиях пешеходов или других водителей). Незаконное использование звукового сигнала влечет штраф 500 рублей. А вот в начальный период автомобилизации, идущий на обгон водитель обязательно должен был подавать сигналы гудком о своём приближении и не начинать обгон, пока не убедится в безопасности маневра (а эта часть правил актуальна и сегодня). Нажимать на гудок водитель был должен при проезде мимо отдельно стоящих жилищ; при приближении к людям и животным он так же должен их предупреждать гудком до тех пор, пока они действительно не услышат его [5, с.

29–30]. Представим себе какофонию клаксонов автомобилей, предупреждающих о встрече...

Правило «помехи справа» на перекрестках осталось неизменным и сегодня: если два автомобиля приближаются к перекрестку, управляющий автомобилем, видящий повозку, приближающуюся справа, должен дать дорогу, какова бы ни была относительная ширина дорог, он должен, следовательно, замедлить движение, а в случае надобности и остановиться.

В случае, если перекрёсток не открыт или даже хоть несколько занят, каждый автомобилист пересекающий перекрёсток, должен уменьшить скорость до 20 км/ч. и обязательно повернуть вправо, даже в том случае, если таким способом ему придется на время свернуть с дороги.

Скоростные требования при движении заставляют нас сегодня улыбнуться, поскольку максимальный разгон в пределах населенных пунктов составлял диапазон 10–15 км/ч, за городом разрешалось разогнаться в пределах 30 – 40 км/ч. При наличии помех скорость автомобиля должна снижаться до скорости пешехода и как обычно – не забывать жать на клаксон, оповещая всех о препятствии на пути [5, с. 37].

Отдельно описывается случаи дорожно-транспортных происшествий. Сегодня мы четко следуем пунктам ПДД РФ 2.5–2.6.1, где указано что необходимо выполнить в случае аварии [6].

Многие требования сохранились с начального периода автомобилизации, а именно – необходимость остановиться и оказать посильную помощь жертвам печального случая. А далее – совершенно требования разнятся: водитель начала XX века, когда пострадавшее будут устроены и медицинская помощь им обеспечена, должен был заняться собиранием всех свидетелей, могущих установить обстоятельства при которых произошло несчастье. Сегодня же мы оформляем европротокол или вызываем Госавтоинспекцию. Если нет необходимости помощи, то чаще всего мы проезжаем мимо ДТП, а тогда же правилами предписывалось то, что автомобилисты обязаны были остановиться, чтобы оказать полное содействие жертвам несчастного случая [5, с. 31–32].

Попавший в трудную дорожную ситуацию сейчас выставляет знак аварийной остановки, тогда же остановившейся требовал помощи сигналами: днём, махая рукой перпендикулярно дороге, повернувшись лицом к автомобилю, который он просит остановиться, или же укрепив на видном месте на автомобиле белый флаг, который в случае надобности может быть заменён платком; ночью, махая фонарём по направлению дороги. В случае остановки автомобиля из-за израсходования бензина шофёр, к которому обратятся за помощью, должен дать просящему бензина из излишнего своего запаса. Этот бензин должен быть оплачен немедленно наличными. Водительская солидарность существует и сейчас, позволяя поделиться всем необходимым на дороге.

Поскольку российский процесс автомобилизации был тесно связан и с автомобильной промышленностью Западной Европы, и с их темпами движения,

то уже в начале XX века возникла потребность унификации правил дорожного движения. Требования, предъявляемые в разных государствах как к водителю, так и к самому автомобилю были весьма различны. По мере развития автомобильного движения, неудобства, связанные с таковым различием становились все более нагляднее, так как водительские права, выданные в одном государстве не признавались в другом и каждому автомобилисту, предпринявшему заграничное путешествие угрожала возможность быть задержанным местными властями и подвергнутым к сдаче экзаменов на вождение, а автомобиль – к освидетельствованию.

К решению вопроса регулирования режимов движения автомобильных потоков и информации водителей на дорогах в Европе подошли кардинально. Так, в 1909 г. в Париже была созвана первая международная конференция по регламентации дорожных условий, утвердившая первые четыре дорожных знака – «извилистая дорога», «неровная дорога», «пересечение с железной дорогой» и «перекресток», включая постановление об обязательной их установке. Вопрос об их форме и цвете не ставился.

К этому соглашению присоединилась и Россия, о чем было опубликовано в Собрании Узаконения 10 октября 1911 года за № 16. Но не дожидаясь опубликования Императорское российское автомобильное общество (ИРАО) приступило к проведению ее в жизнь. Первые дорожные знаки были установлены на шоссе Москва – Санкт-Петербург [7, с. 255].

Присоединившись к международным правилам дорожного движения, российские автомобилисты могли путешествовать на своем автомобиле по Европе. Для этой цели им необходимо было получить особые международные дорожные свидетельства и жестянку с особой литерой, прикрепляемую около номерного автомобиля. При этом, однако, следовало иметь в виду, что, хотя конференция 1909 г. и внесла однообразие в основные требования для заграничных путешествий, тем не менее в каждой стране существовали еще свои правила движения находящаяся в тесной связи с местными условиями и обычаями, (например, направление движения, правила обгона, нормы скорости и т.д.). Относительно этих местных правил конференция, сознавая невозможность обобщения их без длительной подготовки, постановила (ст. 9 конвенции), что автомобилист, въезжая в страну, обязан подчиняться правилам действующим в этой стране, а чтобы водители не путались в местных правилах, им вручали при визировании международных дорожных свидетельств краткие перечни действующих в данной стране законов и правил.

В Российской империи международные дорожные свидетельства выдавались местными властями, имевшими право выдачи заграничных паспортов, и Императорским российским автомобильным обществом. Документ имел вид книжек, в которых заглавная страница и первый лист печатались на русском языке, другие же листы в количестве, равном числу остальных вступивших государств Конвенцию 1909 г., – каждый на языке

соответствующего государства. Обязательным было наличие фотографий лиц, управляющих автомобилем.

Стоимость бланка международного дорожного свидетельства составлял 25 коп., жестянки с литерой «R» (Россия) – 50 коп. и взимался еще гербовый сбор в сумме 75 коп. Получать свидетельства и жестянки через Императорское российское автомобильное общество могли не только члены общества и члены союзных русских клубов, но и лица посторонние.

Ни один автомобиль не допускался к проезду из одной страны в другую, если он не имел на виду сзади, кроме национального номерного знака, отличительного ярлыка снабжённого буквами, устанавливающими его национальность. Отличительный знак государства происхождения состоял из овальной дощечки 30 см длиной и 18 см высотой с изображением на белом фоне одной или двух букв, выкрашенных в черный цвет. Буквы должны были быть латинские заглавные. Отличительные буквы для различных государств следующие: Германия – D, Австрия – A, Бельгия – B, Испания – E, Соединенные Штаты – US, Франция – F, Великобритания – GB, Греция – GR. Венгрия – H, Италия – I, Черногория – MN, Монако – MC, Нидерланды – NL, Португалия – P, Россия – R, Румыния – RM, Сербия – SB, Швеция – S, Швейцария – CH, Болгария – BG, Люксембург – L [5, с. 16].

Въезжая в какую-либо страну, автомобилистам приходилось вносить в депозит пограничной таможни полностью всю сумму подлежащей за автомобиль пошлины. Таможня при этом выдавала особое свидетельство, в котором кроме указания об уплате пошлины помечала также все отличительные признаки автомобиля (в некоторых государствах налагались еще пломбы на автомобиль).

При выезде автомобилист для получения обратно внесённых им в депозит денег, должен был предъявить в таможню выезда выданное ему при въезде свидетельство. При этом деньги возвращались лишь после того, как таможенные власти удостоверяться в том, что вывозимый автомобиль именно тот, который был ранее ввезён и что время пребывания данного автомобиля в стране не превысило указанного в законе срока. Исполнение всех этих формальностей требовало само по себе много времени и присутствия таможенного чиновника, так как денежные операции простые досмотрщики совершать не могли. Если же при этом принять во внимание необходимость для путешествующего автомобилиста иметь всегда при себе крупную сумму денег для депозитов, да при том еще в разных валютах, то ясно, что таможенный вопрос являлся серьёзным затруднением при заграничных автомобильных путешествиях.

Для устранения вышеуказанных неудобств пересечения таможни, была введена так называемая система «триптиков», основанная на доверии, оказываемом таможенным ведомством главному автомобильному клубу страны (в нашем случае ИРАО), который ручался за то, что или ввозимый по триптику

автомобиль будет вывезен в законный срок, или в противном случае будет уплачена установленная пошлина.

Само собой подразумевалось, что триптиками могли пользоваться лишь члены тех автомобильных клубов, которые, заключив между собою союз, обменивались на основании членства.

Предоставляя свои триптики иностранным автомобильным клубам, Императорское российское автомобильное общество получало от них заграничные триптики, имея всегда для членов общества триптики почти всех европейских государств. Кроме членов ИРАО триптики предоставлялись также на основании особых договоров членам местных русских автомобильных клубов, состоявших в союзе с ИРАО.

Членам Императорского российского автомобильного общества триптики для всех государств, кроме австрийских и итальянских, выдавались бесплатно, но за австрийский триптик взимали 40 к., за итальянский 1 р. 40 к. [5, с. 18]

При получении триптиков казначею ИРАО вносился в депозит залог в размере таможенных пошлин, который возвращается по окончании путешествия при предъявлении «основного» листа триптика, если на нём имелись требуемые правилами отметки и печати.

Триптики выдаваемые автомобилистам состояли из трёх листков: одного основного и двух отрывных – листов въезда и выезда. При въезде в страну автомобилист предъявляет триптик в пограничную таможню. Таможня убедившись, что данный автомобиль действительно тот на который выдан триптик, отмечает день въезда как на основном, так и на листе въезда, причём отметки эти подписываются таможенным чином с приложением печати. Лист въезда отрывался и оставался в таможне, а два листа – основной и лист выезда – возвращались владельцу.

При выезде из страны автомобилист вновь предъявлял оставшееся у него листы триптика в пограничную таможню для аналогичных с указанными выше при въезде действиями. Таможня убеждалась в тождественности автомобиля, подписывала, ставила печати, отрывала лист выезда и оставляла его у себя, а основной лист возвращала автомобилисту для предъявления в ИРАО, выдавшему триптик в качестве документа свидетельствующего о своевременном вывозе автомобиля и получения залога.

Так, российские водители получали возможность путешествовать «своим ходом» по европейским дорогам легко и с комфортом.

Унификация дорожных знаков и правил передвижения по дорогам России и Европы позволили значительно увеличить культуру вождения российских автомобилистов. Эффективным средством повышения дисциплины движения было ограничение скорости. Соблюдение правил дорожного движения всеми участниками являлись и являются основой безопасности на дорогах как на заре автомобилизации и тем более сегодня.

Список литературы:

1. Бабков В. Ф. Развитие техники дорожного строительства. – Москва: Транспорт, 1988. – 272 с.
2. Дороги России. – Москва: Издательская фирма «Крук», 1996. – 408 с.
3. Пашкевич А. М. Автомобильный справочник. Вып. 4. - СПб., 1914.
4. Кузнецов Н. Автомобильный календарь. Справочник. - Петроград. 1915. – 202 с.
5. Руководство для езды на автомобилях за границей. – СПб, Типография Альтшулера, 1911. – 66 с.
6. Правила дорожного движения России – 2026. – URL: <https://pdd24.com/> (дата обращения: 20.02.2026).
7. Рубец А. Д. История автомобильного транспорта России. – Москва: Эксмо, 2008. – 304 с.

Лунёв Роман Сергеевич

преподаватель

Санкт-Петербургская академия управления городской средой,
градостроительства и печати

SPIN-код: 5924-9477

Roman Lunev

St. Petersburg Academy of Urban Management, Architecture and Printing

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И НЕМЕЦКАЯ УГРОЗА: СТРАТЕГИЯ «БУФЕРНЫХ ЗОН» В ПОЛИТИКЕ ВЛАДИМИРСКОГО КНЯЗЯ

Аннотация: статья посвящена анализу военно-политической стратегии князя Александра Ярославича (Невского) в отношении экспансии немецких крестоносцев (Тевтонского и Ливонского орденов) в Прибалтике в середине XIII века. Традиционная историография рассматривает действия князя как реакцию на прямую военную агрессию, выраженную в победах на Неве (1240) и Чудском озере (1242). Цель данного исследования — выдвинуть и аргументировать тезис о том, что эти победы были не изолированными эпизодами, а элементами целостной и продуманной стратегии по созданию и контролю системы «буферных зон». Эти зоны, центром которых выступали Псков и Новгород, должны были обеспечить безопасность ядра Северо-Восточной Руси (Владимиرو-Суздальского княжества) от непосредственного соприкосновения с военно-религиозными структурами Ордена. В статье анализируется, как Александр, опираясь на ресурсы Владимирского великого княжения, последовательно укреплял суверенитет над этими территориями, сочетая военные походы, дипломатическое давление и установление лояльной администрации. Данная стратегия рассматривается в общем контексте внешней политики Александра Невского, где восточное (ордынское) направление требовало стабильности на западных рубежах. Делается вывод о том, что стратегия «буферных зон» позволила не только остановить немецкую экспансию, но и создать предпосылки для будущего возрождения русской государственности, обеспечив её геополитическое пространство.

Ключевые слова: Александр Невский, Древняя Русь, немецкие крестоносцы, Тевтонский орден, Ливонский орден, буферная зона, геополитическая стратегия, Псков, Новгород, Ледовое побоище, Невская битва, военная история.

ALEXANDER NEVSKY AND THE GERMAN THREAT: THE STRATEGY OF «BUFFER ZONES» IN THE POLITICS OF THE PRINCE OF VLADIMIR

Summary: The article is devoted to the analysis of the military and political strategy of Prince Alexander Yaroslavich (Nevsky) in relation to the expansion of the German Crusaders (Teutonic and Livonian Orders) in the Baltic States in the middle

of the XIII century. Traditional historiography considers the prince's actions as a reaction to direct military aggression, expressed in the victories on the Neva (1240) and Lake Peipsi (1242). The purpose of this study is to put forward and argue the thesis that these victories were not isolated episodes, but elements of a holistic and well—thought-out strategy for creating and controlling a system of «buffer zones». These zones, centered on Pskov and Novgorod, were supposed to ensure the safety of the core of Northeastern Russia (the Vladimir-Suzdal Principality) from direct contact with the military and religious structures of the Order. The article analyzes how Alexander, relying on the resources of the Vladimir Grand Duchy, consistently strengthened sovereignty over these territories, combining military campaigns, diplomatic pressure and the establishment of a loyal administration. This strategy is considered in the general context of Alexander Nevsky's foreign policy, where the eastern (Horde) direction required stability on the western borders. The conclusion is drawn that the strategy of «buffer zones» allowed not only to stop German expansion, but also to create prerequisites for the future revival of Russian statehood, securing its geopolitical space.

Keywords: Alexander Nevsky, Ancient Rus, German Crusaders, Teutonic Order, Livonian Order, buffer zone, geopolitical strategy, Pskov, Novgorod, Battle of the Ice, Battle of Nevsky, military history.

Середина XIII века стала для русских земель временем тяжелейшего системного кризиса, вызванного монгольским нашествием и установлением ордынской зависимости. В этих условиях противостояние с католическим Западом на северо-западных границах приобрело характер борьбы не просто за территории, но за цивилизационный выбор и саму возможность восстановления государственности. Князь Александр Ярославич Невский традиционно предстает в исторической памяти как воитель, отстоявший рубежи Руси от шведской и немецкой агрессии. Однако анализ его действий позволяет увидеть не только тактику полководца, но и стратегию государственного деятеля, действующего в условиях двойного внешнеполитического давления. Актуальность нашего исследования заключается в применении геополитического и структурного подходов к классическому сюжету отечественной истории, что позволяет переосмыслить разрозненные военные кампании как элементы единого долгосрочного плана. Целью данной статьи является следующее, — доказать, что военные победы Александра на Западе (прежде всего освобождение Пскова и победа на Чудском озере) были подчинены задаче формирования управляемых «буферных зон», призванных обезопасить ядро Руси от прямого контакта с экспансионистским Тевтонским орденом и создать условия для консолидации сил перед лицом главной угрозы с Востока.

Александр Невский (1220–1263), великий князь владимирский, сыграл ключевую роль в защите русских земель от западных угроз, особенно со стороны Тевтонского и Ливонского орденов. Его политика и военные действия

против немецких рыцарей стали образцом эффективного применения стратегии «буферных зон», направленной на обеспечение безопасности и сохранение суверенитета Руси.

В XIII веке немецкие ордена Тевтонский и Ливонский активно расширяли свои территории на восток, на Русь и Прибалтику. Орденские рыцари стремились обратить местное население в католицизм и подчинить новые земли, что угрожало политической и религиозной самостоятельности русских княжеств. Александр Невский, анализируя угрозу, понял, что прямая война с мощными рыцарскими орденами будет слишком затратной и опасной. Его стратегия заключалась в создании и поддержании «буферных зон» – приграничных территорий и вассальных княжеств, которые бы сдерживали продвижение немцев и защищали центральные княжества. Александр активно использовал дипломатические приёмы, поддерживая хорошие отношения с Золотой Ордой, что позволило сосредоточиться на западной угрозе. Он также старался объединить русские земли и создать коалицию князей против общих врагов. После победы в Ледовом побоище (1242) и Невской битве (1240) Александр закрепил контроль над важными приграничными территориями, которые служили своеобразным буфером между Русью и немецкими орденами. Эти земли становились зоной сдерживания на пути возможного вторжения. Новгород, под властью Александра, играл роль стратегического плацдарма, блокирующего продвижение немцев с Балтики. Военные и экономические меры князя способствовали укреплению северо-западных границ Руси. По сути, стратегия «буферных зон» позволила временно остановить немецкое наступление, сохранив территориальную целостность Руси. Создание зон влияния и упорядочение пограничных территорий способствовали укреплению княжеской власти и снижению внутренней разобщённости.

Рассмотрим геополитический контекст и вызовы середины XIII века. Итак, к моменту начала активной деятельности Александра Ярославича (конец 1230-х – начало 1240-х гг.) сложилась уникальная и крайне опасная геополитическая конфигурация. На Восточном фронте: после Батыева нашествия (1237–1242 гг.) Владимиро-Суздальская Русь была разорена и находилась в процессе установления даннической зависимости от Монгольской империи (Улуса Джучи) [2, с. 357]. Любая прямая конфронтация с Ордой была самоубийственна. Главной задачей стало выживание и минимизация ущерба. На Западном фронте: Тевтонский и Ливонский ордена, укрепившись в Прибалтике, проводили политику систематической экспансии («*Drang nach Osten*»). Их целью были не только земли язычников-балтов, но и православные русские территории, рассматриваемые Римом как схизматические. Орденская государственность, основанная на военно-религиозной дисциплине и поддержке Западной Европы, представляла собой качественно иную, хорошо организованную угрозу [4, с. 26]. Положение Новгорода и Пскова: эти крупнейшие городские республики Северо-Западной Руси, формально избежавшие монгольского разорения, оказались на передовой противостояния с

крестоносцами. Их внутренняя политическая жизнь была нестабильна, а вечевые институты могли как призвать князя для защиты, так и изгнать его. Псков, в силу своего приграничного положения, был особенно уязвим и неоднократно становился объектом прямого захвата или установления в нём прозападной партии (как в 1240–1242 гг.).

Таким образом, Александр, получив в 1252 году великое княжение Владимирское, столкнулся с дилеммой: как обеспечить безопасность русских земель на двух фронтах, имея ограниченные ресурсы? Ответом стала стратегия асимметричного реагирования и создания буферов.

Рассмотрим взаимодействия Пскова и Новгорода как ключевых элементов буферной системы. Ядром стратегии Александра стало превращение Новгородской земли, а особенно Пскова, из уязвимой периферии в контролируемый и укрепленный, так называемый, санитарный кордон. Псков же являлся передовым форпостом.

В 1242 г. происходит освобождение и закрепление суверенитета. Изгнание немецких рыцарей и их ставленников из Пскова в ходе знаменитого похода стало не просто актом мести, а восстановлением прямого русского контроля над критически важной крепостью. Последующее утверждение в городе княжеских наместников, лояльных Александру, превратило Псков из объекта борьбы в субъект обороны [1, с. 69]. В части военно-политической стабилизации происходит укрепление псковских гарнизонов и обеспечение лояльности местной элиты, Александр создал непреодолимый барьер для дальнейших орденских рейдов вглубь новгородских земель. Псков стал «замком», запиравшим путь по реке Великой. В то же время, Новгород становится стратегическим тылом и центром управления.

Александр Невский активно занимается урегулированием внутренних конфликтов. Князь, несмотря на сложные отношения с новгородским вечем, последовательно боролся с прозападной боярской оппозицией, которая могла склонить республику к союзу с Орденом против Владимира. Его политика была направлена на интеграцию Новгорода в общерусскую систему под верховенством великого владимирского князя.

Касательно мобилизационной и ресурсной базы, осуществляется контроль над Новгородом, что дало Александру доступ к значительным финансовым ресурсам (торговые пошлины), а также к военным контингентам, не затронутым монгольским разорением [3, с. 20]. Это позволяло содержать войска для защиты западных рубежей, не истощая центральные владимирские земли.

Рассмотрим Ледовое побоище 1242 года как тактическое воплощение стратегии буфера. Итак, битва на Чудском озере часто рассматривается лишь как кульминация военного конфликта. Однако в контексте предлагаемой стратегии она, с нашей точки зрения, предстаёт как завершающая операция по закреплению контроля над буферной зоной. Обозначим некоторые аспекты данного исторического события:

1. Цель операции: не разгром Ордена как такового (что было невозможно в тот момент), а ликвидация его плацдарма в Пскове и демонстрация силы, которая бы надолго отбила охоту к прямым вторжениям.

2. Выбор места и времени: Александр выманил тяжелую рыцарскую конницу на лед, зная особенности местности. Это был расчёт не на уничтожение, а на сдерживание. Решающим было не количество потерь, а стратегический результат: крестоносцы были отброшены за линию установившейся границы, а Псков надёжно возвращен под русский контроль.

3. Политические последствия: после битвы был заключен мир на условиях, в целом фиксирующих статус-кво и отказывавших Ордену в территориальных приобретениях за счет Руси. Это была победа на истощение, которая стабилизировала границу на десятилетия и позволила Александру сосредоточиться на отношениях с Ордой [4, с. 417].

Рассмотрим стратегию «буферных зон» в общем контексте политики Александра Невского. Итак, данную стратегию нельзя рассматривать изолированно. Она была органичной частью иерархии целей князя, в карате это выглядело следующим образом:

1. Высший приоритет (Восток): минимизация конфликта с Ордой, получение ярлыка на великое княжение для централизации власти, предотвращение новых карательных нашествий.

2. Средний приоритет (Запад): создание стабильной, контролируемой границы с крестоносцами через систему буферных территорий (Новгород, Псков). Метод: сокрушительные оборонительные удары, исключаящие реванш.

3. Низший приоритет (Север, Юг): Отражение спорадических набегов (шведов, литовцев) и поддержание влияния в периферийных княжествах.

Таким образом, стратегия на Западе была оборонительно-стабилизирующей, а не завоевательной. Её успех измерялся не приращением территорий, а созданием безопасного пространства для восстановления сил Руси под ордынским сюзеренитетом.

Политика Александра Невского в отношении немецкой угрозы демонстрирует незаурядные качества правителя-прагматика, мыслившего геополитическими категориями. В условиях катастрофического давления с двух сторон он отказался от пассивной обороны или авантюрного противостояния на два фронта. Вместо этого он выработал и реализовал асимметричную стратегию, ключевым элементом которой было создание системы «буферных зон» на основе Новгорода и Пскова.

Победы на Неве и Чудском озере были не целью, а инструментами этой стратегии. Их задача состояла не в полном уничтожении противника, а в принуждении его к миру на выгодных для Руси условиях и закреплении суверенного контроля над критически важными приграничными территориями. С нашей точки зрения, эта стратегия позволила:

- Надежно закрыть западные границы от экспансии Тевтонского ордена на несколько десятилетий.
- Сберечь ресурсы Северо-Восточной Руси для внутреннего восстановления и выполнения обязательств перед Ордой.
- Сохранить православную идентичность северо-западных земель, не допустив их католизации или политического поглощения.
- Создать геополитический плацдарм, с которого в будущем (уже при преемниках Александра) начнется обратное движение русских княжеств, приведшее в итоге к ликвидации орденской угрозы в Прибалтике.

Политика Александра Невского стала образцом адаптивного подхода к угрозам, сочетающего военное мастерство, дипломатические усилия и территориальное управление.

Таким образом, Александр Невский предстаёт не только как героический защитник Руси, но и как дальновидный стратег, чья политика «буферных зон» стала оптимальным ответом на вызовы эпохи и заложила основы для будущего возрождения русской государственности. Александр Невский разработал и применил эффективную стратегию «буферных зон», которая позволила не только сопротивляться немецкой экспансии, но и создать прочную защиту западных границ Руси в сложном историческом периоде XIII века. Его подход остаётся важным примером гармоничного сочетания дипломатии и военной стратегии в условиях внешней угрозы.

Список литературы:

1. Горский А.А. Александр Невский // Вопросы истории. – 2015. – № 11. – С. 60–72.
2. Житие Александра Невского / подгот. текста, пер. и коммент. В.И. Охотниковой // Библиотека литературы Древней Руси. — Т. 5. СПб.: Наука, 1997. – С. 354–369.
3. Кучкин В.А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси / В. А. Кучкин // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 18–33.
4. Пашуто В.Т. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке / В. Т. Пашуто. – М.: Госполитиздат, 1951. – 136 с.
5. Хрусталёв Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. – СПб.: Евразия, 2018. – 624 с.

Малахов Родион Александрович

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

SPIN-код: 4895-7059

Rodion Malakhov

Vologda State University

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА С ИНОСТРАННЫМ КАПИТАЛОМ В СФЕРЕ ЛЕСОЗАГОТОВОК НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1920-Е ГГ.

Аннотация: статья нацелена на изучение некоторых сторон формирования экономических связей Советского государства с иностранными фирмами в лесоперерабатывающей отрасли в 1920-е гг. С первых лет своего существования советская экономика встраивалась с мировую экономическую систему, выполняя в основном функцию поставщика сырья. Среди сырьевых товаров особую роль играл лес. В июле 1921 г. по решению Совета труда и обороны РСФСР был создан государственный трест «Северолес» с центром в г. Москве. Его деятельность распространялась на территорию Европейского Севера России и была направлена, в основном, на заготовку и экспорт лесоматериалов. Лесная промышленность Европейского Севера России сыграла значительную роль в реализации экспортной политики Советского государства 1920-1930-х гг. Вместе с тем, эта деятельность носила зависимый характер и превратила СССР в поставщика сырья иностранному капиталу.

Ключевые слова: Европейский Север России, иностранный капитал, капитализация, концессии, трест «Северолес», лесная промышленность.

ON THE QUESTION OF INTERACTION BETWEEN THE SOVIET STATE AND FOREIGN CAPITAL IN THE LOGGING SECTOR IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE 1920S.

Summary: This article aims to examine some aspects of the formation of economic ties between the Soviet state and foreign firms in the forestry industry in the 1920s. From its earliest years, the Soviet economy integrated into the global economic system, primarily serving as a supplier of raw materials. Among these raw materials, timber played a particularly important role. In July 1921, by decision of the Council of Labor and Defense RSFSR, the state trust "Severoles" was established, with its center in Moscow. Its activities extended throughout the European North of Russia and were focused primarily on the procurement and export of timber. The forestry industry of the European North of Russia played a significant role in the Soviet Union's export policy in the 1920s and 1930s. However, this activity was semi-colonial in nature and transformed the USSR into a supplier of raw materials to foreign capital.

Keywords: European North of Russia, foreign capital, capitalization, concessions, Severoles Trust, forestry industry.

Давно замечено, что человеческая цивилизация постепенно движется к планетарному единству, разнообразие сменяется унификацией и универсализмом. Этот процесс стал отчетливо заметен в последние несколько столетий, когда в обществе стали доминировать капиталистические отношения. Б.Ф. Поршнев, анализируя «Хронологические выписки» Карла Маркса, пришел к следующему выводу: «Нет вообще многих стран, есть одна капиталистическая страна (нация), охватывающая весь мир. Без этой абстракции Маркс не создал бы своей политической экономии... Маркс сформировал представление о взаимосвязи и единстве судеб народов во всемирной истории не только по вертикали, но и по горизонтали... Так или иначе каждая страна развивалась в своем окружении, в своей исторической среде - таков ближайший вывод из синхронистического взгляда на всемирную историю» [11]. Опираясь на мысли К. Маркса, Б.Ф. Поршнев заключал: «история становится всемирной только с эпохи капитализма» [12].

Осмысливая сущность генезиса капитализма, А.В. Островский пришел к выводу о том, что «вся история становления капитализма – это история взаимодействия города и деревни, промышленности и сельского хозяйства ... два очень важных момента: история подчинения деревни городу и история ее перестройки в соответствии с требованиями города» [9, с. 35].

Каждое государство заняло свое место в мировой капиталистической системе. Россия не была исключением. А.В. Островский отмечал, что последняя треть XIX в. «характеризовалась возрастанием зависимости России от иностранного капитала, усилением ее эксплуатации извне... С одной стороны, приток иностранных инвестиций сопровождался внедрением новых технологий, с другой стороны, выкачиванием из России необходимых ей самой ресурсов, в том числе капитала. В результате этого иностранный капитал становился одновременно двигателем и тормозом внутреннего накопления. Баланс этих двух тенденций не подведен. Однако можно утверждать, что иностранные инвестиции двигали вперед промышленность и транспорт, а откачиваемые средства поступали главным образом из деревни, что способствовало разрушению крестьянского хозяйства. Процесс первоначального накопления приобретал однобокий характер: в России оставались разоренные крестьяне, а прибыль от инвестиций уплывала за границу, что сдерживало формирование отечественной буржуазии» [9, с. 80]. К началу XX в. российская экономика была в полной зависимости от иностранного капитала. Так, М.Я. Гефтер считал спланированным и рукотворным кризис («голод») в нефтяной, угольной и металлургической промышленности России накануне Первой мировой войны. Главной заинтересованной стороной (выгодополучателем) в этом были крупные монополии, за спиной которых стоял иностранный капитал [2, с. 51-52].

А.В. Островский считал, что «после революции наша страна стала эксплуатироваться главным образом или же полностью извне. Система, характерная для стран с колониальной зависимостью...» [8, с. 178]. К концу 1930-х гг. в форме диктатуры Сталина «утвердилась диктатура определенных кругов международного финансового капитала, на мощь которых он опирался и которые благословили его на «большой террор» [8, с. 179].

Настоящая статья нацелена на изучение некоторых сторон формирования экономических связей Советского государства с иностранными фирмами в лесоперерабатывающей отрасли в 1920-е гг.

С первых лет своего существования советская экономика встраивалась с мировую экономическую систему, выполняя в основном функцию поставщика сырья. Среди сырьевых товаров особую роль играл лес. В августе 1920 г. был подписан договор между российской стороной и шведским консорциумом лесопромышленников на продажу леса. Банк консорциума открыл российскому правительству кредит под лес а размере 50% его стоимости [17, с. 63]. В сентябре 1921 г. Советская Россия подписала временное соглашение с Финляндией о сплаве лесных материалов [17, с. 87]. В мае 1922 г. в Ревеле был подписан договор между РСФСР и Эстонией о сплаве леса и лесных материалов [17, с. 103].

В июле 1921 г. по решению Совета труда и обороны (СТО) РСФСР был создан государственный трест «Северолес» с центром в г. Москве. Его деятельность распространялась на территорию Европейского Севера России (Кемского, Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии, Мурманского уезда Мурманской губернии, Онежского уезда Архангельской губернии) и была направлена, в основном, на заготовку и экспорт лесоматериалов.

В марте 1922 г., выступая на XI съезде РКП(б), наркомом финансов РСФСР Г.Я. Сокольников обратился к положению государственного треста «Северолес» и отметил, что это предприятие «работает только за счет государственных средств. Но если мы превратим его в акционерное общество, используя здесь организационную технику капитализма, то мы могли бы часть акций этого общества продать иностранному капиталу. Таким образом, мы сложили бы с себя в некоторой доле задачу финансирования Северолеса. Я считаю, что во всех случаях, когда дело не идет об основных экономических позициях, как транспорт, нефть, уголь, металл, ткань, мы должны идти широко на развитие такой системы смешанных обществ...» [15, с. 92]. Следовательно, некоторые представители высшего руководства Советского государства подвигали российскую экономику на взаимодействие с иностранным капиталом. Спустя короткое время эта идея наркома финансов начала реализовываться.

В 1920-е гг. экспорт леса в основном осуществлялся концессиями [5, 7, 16]. В 1922-1923 гг. трест «Северолес» совместно с зарубежными партнерами создал три смешанных акционерных общества («Руссанглолес»,

«Руссголландлес», «Русснорвеглес») с целью заготовки и экспорта леса. В апреле 1922 г. СТО утвердил концессионный договор с «Руссанглолес Лимитед» по эксплуатации лесов Севера. Капитал общества составлял 150 тыс. ф. ст., 50% акций принадлежало иностранному капиталу [17, с. 103]. В марте 1923 г. СТО утвердил концессионный договор с «Руссголландлес», смешанным обществом, образованным «Северолесом» и промышленными группами Англии, Голландии, Норвегии. Основной капитал составлял 150 тыс. ф. ст., 50% акций принадлежало иностранному капиталу, 50% - «Северолесу» [17, с. 119]. В июле 1923 г. СТО утвердил концессионный договор с «Русснорвеголес». Основной капитал составлял 300 тыс. ф. ст., 50% акций принадлежало норвежскому капиталу [17, с. 122]. В марте 1923 г. СТО утвердил концессионный договор с предприятием «Молога», учредителем которого являлись южногерманские лесопромышленники. «Концессионеры обязались поставить определенное число лесопильных рам и построить шпалопропиточный, целлюлозный и терпентинный заводы и достроить Мга-Рыбинскую железную дорогу» [17, с. 119]. В октябре 1923 г. в Лондоне было образовано смешанное общество «Двинолесэкспорт» (капитал – 100 тыс. ф. ст., 50% внесено иностранным капиталом), с целью продажи лесоэкспортных материалов Двинлестреста [17, с. 125].

Для организации своей работы указанные предприятия приобретали необходимое оборудование. По данным А.А. Киселева, «из 30 млн. руб., вложенных капиталистами до середины 1925 г. в концессии, почти половина (14 млн. руб.) приходилась на лесную промышленность...». Историк отмечал, что «концессионеры вынуждены были, выполняя условия договорных соглашений, тратить часть наличных средств и прибылей на укрепление основных фондов своих предприятий. Так, концессия "Мологолес" израсходовала на приобретение оборудования 2,5 млн руб., "Русснорвеголес" - 2 млн руб., "Руссголландлес" - 600 тыс. руб., "Руссанглолес" - 400 тыс. рублей. Только за первые три года своей деятельности концессионеры Севера установили 16 новых усовершенствованных пилорам (в 1923 г. было 22 рамы, в 1925/26 г. - 38). Для этого они использовали как финансирование банками СССР (в 1925/26 г. - 7,5 млн руб., в том числе 4,5 млн руб. "Мологолесу"), так и поступление средств из-за рубежа (около 4 млн рублей)» [4, с. 27, 34]. Внедрение зарубежного оборудования следует рассматривать как процесс капитализации лесной промышленности.

Во второй половине 1920-х гг. отношение советского руководства к концессионным предприятиям изменилось. В 1927 г. трест «Северолес» выкупил все акции у иностранных партнеров. В результате этого смешанные предприятия были ликвидированы и лесозаготовки полностью стали контролироваться Советским государством. Английский историк Ник Барон отмечал, что «в июле 1929 г. декрет СТО передал большую часть советских лесов от региональных сельскохозяйственных администраций в долгосрочное управление лесным трестам и основал леспромхозы для разработки

определенных лесных районов... В конце 1929 и в начале 1930 г. ЦК и всесоюзные правительственные органы издали декреты, уменьшившие независимость региональных трестов от центральных властей... К концу года (1930 г. – Р.М.) большинство основных предприятий Карелии перешло под юрисдикцию центральных властей...» [1, с. 171-172]. Это было сделано для централизации государственного управления экспортом леса.

Среди руководящих работников треста «Северолес» и смешанных акционерных обществ были специалисты с большим (в том числе, дореволюционным) опытом в данной сфере. В 1930 г. ОГПУ сообщило о существовании в тресте «Северолес» «контрреволюционной шпионско-вредительской организации». В ее состав, по данным ОГПУ, входил ряд руководящих работников треста. В справке и приложении к ней, подготовленных сотрудниками ЭКУ ОГПУ в мае 1930 г., была охарактеризована их деятельность. Они подозревались в содействии зарубежным фирмам при торговле лесом, в информировании иностранных предпринимателей (Животовского, Ратькова-Рожнова, Чудинова) о состоянии лесной промышленности СССР, в получении личной выгоды от сделок. В эту группу входили:

Инженер-лесовод Д.М. Зайцев, который до 1909 г. был профессиональным революционером, затем отошел от политической борьбы. После чего являлся уполномоченным особого совещания по топливу и работал «под руководством» министра внутренних дел А.Д. Протопопова. В 1920 г. являлся начальником «Белмурлеса», в 1923-1926 гг. - заместителем директора-распорядителя смешанного акционерного общества «Русснорвеголес». С 1928 г. работал инженером в «Химстрое». Затем заведовал концессионным отделом треста «Северолес».

А.О. Плюснин до революции был лесопромышленником, совладельцем заводов «Чудинов и К°». Имел акций на 1 млн. рублей. В 1919 г. оказывал материальную помощь правительству генерала Е.К. Миллера в Архангельске. В 1920-1921 гг. заведовал лесопильными заводами Архангельского гублескома. В 1921-1924 гг. был кандидатом в члены правления треста «Северолес». В 1924-1926 гг. работал в акционерном обществе «Лесоэкспорт». Затем заведовал экспортным отделом треста «Северолес». По данным сотрудников ОГПУ на май 1930 г. он имел банковский вклад за рубежом в размере тридцати тысяч фунтов стерлингов, который находился в распоряжении жены, проживающей в Норвегии.

Н.А. Спизарный до революции «примыкал к РСДРП», затем «являлся главноуправляющим Нижне-Тагильскими металлургическими заводами...». С 1921 по 1928 гг. являлся техническим директором треста «Северолес», затем главным инженером «Мосдревстроя».

И.М. Колотиллов до революции работал главноуправляющим Николо-Повдинского округа, а затем управляющим целлюлозной фабрикой быв. «Печаткина». Имел капитал в тридцать тысяч рублей. После революции

являлся управляющим фабриками быв. «Печаткина» и «Сокол». В 1921 г. принимал участие в организации треста «Северолес». В 1922 г. - главноуправляющий Архангельского управления «Северолес». С 1925 г. - начальник строительства Балахинской целлюлозной фабрики Центробумтреста.

И.Д. Поцелуев до революции был председателем правления и директором-распорядителем лесопромышленных акционерных обществ «Громов и К^о», «Самолет». Имел капитал более двухсот тысяч рублей. После 1917 г. являлся членом правления «Провлеса», с 1921 г. - членом правления треста «Северолес». В 1923-1926 гг. был директором смешанного акционерного общества «Руссанглолес».

А.И. Шилин до революции работал в фирме «Чудинов и К^о». В 1919-1920 гг. служил у генерала Е.К. Миллера. В 1921-1926 гг. являлся заведующим отделом Архангельского управления треста «Северолес». С 1926 г. заведовал отделом пиломатериалов «Экспортлеса» [14, л. 168-179]. Историки обращались к трагической судьбе этих людей [6]. Следовательно, среди руководителей треста «Северолес» была значительная часть специалистов лесного дела, имеющих опыт успешной экспортной деятельности и зарубежные деловые связи.

Работа лесной промышленности Европейского Севера России на экспорт была прервана в первой половине 1940-х гг. После окончания Великой Отечественной войны эта деятельность возобновилась. Так, в декабре 1948 г. директор Ковжинского лесопильного завода т. Суворов направил справку секретарю Шольского райкома ВКП(б) С.Т. Игнатьевскому, в которой указал следующее: Ковжинский лесопильный завод, расположенный на судоходной реке Ковжа Мариинской водной системы, был построен в 1897 г. и несколько раз реконструировался в 1910-1930-е гг. В настоящее время завод «подчинен непосредственно тресту «Севзаплес», находящемуся в г. Ленинграде». Этому же тресту подчинены еще 10 заводов (4 – в Вологодской области, 2 – в Новгородской, 4 – в Ленинградской). Сам трест «подчинен непосредственно Главлесоэкспорту, находящемуся в г. Москве, а Главлесоэкспорт подчинен непосредственно Министерству лесной промышленности СССР.

Ковжинский лесопильный завод «до передачи его в систему «Вытегорстрой» в 1940 г., работал исключительно на выработке экспортных пиломатериалов для внешнего рынка... В конце 1941 г. в связи с военным положением строительство «Вытегорстрой» было законсервировано и Ковжинский завод опять же перешел в систему треста «Севзаплес» ... в течение 1942-1945 гг. завод работал исключительно на заказах военного времени и выпиливал пиломатериалы исключительно для нужд фронта... В связи с организацией вновь Главлесоэкспорта, согласно приказу Министерства лесной промышленности от 19 августа 1947 г. № 310, есть решение о том, что наш Ковжинский завод ... с мая 1948 г. переключить исключительно на выработку экспортных пиломатериалов» [3, л. 8, 10, 11].

В целом, лесная промышленность Европейского Севера России сыграла значительную роль в реализации экспортной политики Советского государства. По данным А.А. Киселева, «лесные концессии в 1922 - 1925 гг. приносили Советскому государству наибольшие доходы. Почти все лесные концессии страны сосредоточивались на Европейском Севере СССР». Далее историк отмечал, что «все лесные концессии СССР за период до 1926 г. заготовили леса на 35 млн. рублей. Почти 80% древесины пошло на экспорт» [4, с. 27, 34]. Вместе с тем, эта деятельность носила зависимый характер и превратила СССР в поставщика сырья иностранному капиталу. Кроме того, она не носила продуманный и взвешенный характер с точки зрения сбережения природы. В мае 1932 г. писатель К.Г. Паустовский в одном из писем к жене писал из Мурманска: «убедился, что глубокого знания Севера у нас еще нет, - я говорил со знатоками, просматривал литературу - все это носит какой-то хищнический характер, характер поспешного высасывания богатств» [10, с. 104]. На безжалостную рубку леса указал в своем дневнике писатель М.М. Пришвин, побывавший в Европейском Севере России летом 1935 г. [13].

Список литературы:

1. Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920-1939. - М.: РОССПЭН. 2011. - 400 с.
2. Гефтер М.Я. К истории топливно-металлургического «голода» в России накануне Первой мировой войны // Исторический архив. VI. - М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951. - 393 с.
3. Государственный архив Вологодской области. Ф. П-835. Оп. 1. Д. 373.
4. Киселев А.А. Концессии на Европейском Севере России // Вопросы истории. - 1972. - № 7. - С. 26-36.
5. Левин М.И., Шевелева И.В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? // Вопросы экономики. - 2016. - №1. - С. 1-20.
6. Мозохин О., Борисенок Ю. Лес рубят - головы летят. Зачем ОГПУ создавало и выявляло вредителей в лесной промышленности // Родина. 2024. № 9. - URL: https://rodina-history.ru/2024/09/22/les-rubiat-golovy-letiat.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 20.02.2026).
7. Морозова О.М., Трошина Т.И. Концессионная политика под прицелом революционного самосознания: трудовые и ведомственные конфликты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. - 2023. - Т. 22. - № 2. - С. 316-329.
8. Островский А. В. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность? // Из глубины времён. - 1993. - № 2. - С. 129-187.
9. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX - начало XX в. - М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. - 431 с.
10. Паустовский К.Г. Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 9. Письма, 1915-1968. - М.: Худож. лит., 1986. - 544 с.

11. Поршнев Б.Ф. Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками» // Маркс-историк. [Сборник статей.] - М., 1968. - С. 404-432. - URL: <https://oleg-devyatkin.livejournal.com/234034.html> (дата обращения: 20.02.2026 г.)
12. Поршнев Б.Ф. Мыслима ли история одной страны? Доклад на заседании сектора 25 ноября 1964 г. - URL: <https://www.dropbox.com/scl/fi/uxoqs7txp5qr2uk2tcc08/.doc?rlkey=2g6oc6rsavnscri300yxcuz8a&e=1&dl=0> (дата обращения: 20.02.2026 г.)
13. Пришвин М.М. Дневники [Электронный ресурс] - URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221935-01-01%22&diaryTypes=%5B1%5D&keywords=%5B%22%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%88%D0%B2%D0%B8%D0%BD%22%5D> (дата обращения: 20.02.2026).
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 74. Д. 46.
15. Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. - М.: Наука, 2003. - 374 с.
16. Трошина, Т. И. Информационный потенциал документов бывших партийных архивов. «Дело Русанглолеса» 1920-х гг. // Вестник архивиста. - 2024. - № 3. - С. 733-748.
17. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов 1917-1959. - М.: Советская Энциклопедия, 1961. - 780 с.

Масалев Ярослав Владимирович
аспирант
Юго-Западный государственный университет
SPIN-код: 4455-1869
Masalev Iaroslav
Southwest State University

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ГАЗИФИКАЦИИ ЖИЛЬЯ В ГОРОДЕ КУРСКЕ В КОНЦЕ 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ НАЧАЛА МАССОВОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые мероприятия программы газификации жилья в городе Курске в конце 50-х годов XX века – периода активного развёртывания массового жилищного строительства. В работе проводится анализ выявленных организационных и технических проблем реализации программы. Отдельное внимание уделяется изучению темпов подключения жилых домов к газоснабжению. Результаты исследования демонстрируют, что газификация города Курска конца 1950-х годов стала важным этапом модернизации городского хозяйства, оказавшим существенное влияние на повышение качества жизни населения, изменение бытовых практик горожан, а также формирование новых стандартов жилищного строительства с учётом требований подключения к централизованным коммунальным системам. Исследование опирается на архивные документы и статистические данные.

Ключевые слова: газификация, газоснабжение, жилье, квартира, строительство.

THE MAIN ACTIVITIES AND PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE HOUSING GASIFICATION PROGRAM IN THE CITY OF KURSK AT THE END OF THE 1950S IN THE CONTEXT OF THE BEGINNING OF MASS HOUSING CONSTRUCTION

Summary: This article examines key events in the housing gasification program in Kursk in the late 1950s—a period of active mass housing construction. It analyzes the organizational and technical challenges identified in program implementation. Particular attention is paid to the rate at which residential buildings were connected to the gas supply. The results demonstrate that the gasification of Kursk in the late 1950s was an important stage in the modernization of the city's infrastructure, significantly improving the quality of life, changing residents' everyday practices, and developing new housing construction standards that took into account the requirements for connection to centralized utility systems. The study draws on archival documents and statistical data.

Keywords: gasification, gas supply, housing, apartment, construction.

Вторая половина 1950-х годов в истории Советского Союза стала временем масштабных социально-экономических преобразований: после тяжёлых военных и послевоенных лет страна активно восстанавливалась, развивала промышленность и улучшала условия жизни граждан. Одним из ключевых направлений этого процесса стала газификация населённых пунктов – масштабный проект, призванный модернизировать коммунальную инфраструктуру, облегчить быт населения и обеспечить надёжное энергоснабжение промышленных предприятий. Газификация жилья в СССР в совокупности с проведением политики массового жилищного строительства стала масштабным социально-экономическим проектом, который радикально изменил быт миллионов людей и оказал значительное влияние на развитие страны.

1950-е годы считаются началом «газовой революции» в СССР, так как в этот период были открыты крупные газовые и газоконденсатные месторождения в разных частях страны. В контексте активного развития газовой промышленности было принято постановление Совета Министров РСФСР от 15 января 1958 года №33 «О мерах по сокращению потерь попутного нефтяного и природного газа и ускорению работ по использованию газа в народном хозяйстве РСФСР». Этот документ в рамках общесоюзной стратегии развития газовой промышленности стимулировал активизацию работ по строительству газопроводов, снижению потерь газа и расширению его использования в различных сферах народного хозяйства, включая жилищно-коммунальное хозяйство. Постановление стало катализатором для начала масштабных работ по газификации советских городов, в том числе и Курска.

Первым организационным шагом по реализации газификации города стал приказ №18 Исполкома Курского городского Совета о создании Дирекции строящегося газового хозяйства. В целях обеспечения своевременного выполнения работ по газификации города Курска, намеченных в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 15 января 1958 года №33 «О мерах по сокращению потерь попутного нефтяного и природного газа и ускорению работ по использованию газа в народном хозяйстве РСФСР», бюро обкома КПСС и исполком областного Совета депутатов трудящихся на заседании 25 марта 1958 года постановили обязать Курский горисполком и облкомхоз обеспечить выполнение намеченных народно-хозяйственным планом на 1958 год работ по строительству 6 километров городских газовых сетей и газификации 1005 квартир в домах местных Советов по улицам Дзержинского (312 квартир), Пионеров (34 квартиры), Красной Армии (149 квартир), Золотаревская (113 квартир), Луначарского (148 квартир), Радищева (257 квартир) [1, л. 62].

Для проведения работ по газификации города, планом были предусмотрены ассигнования на строительство газовых сетей в размере 1

миллион рублей и на газификацию квартир в домах местных Советов в размере 1,3 миллиона рублей [2, л. 37].

Обязанности генерального подрядчика по строительству газовых сетей были возложены на трест «Курскстрой», которому было поручено в 1958 году выполнить работы по строительству 6 километров газовых сетей, полностью освоив выделенные на эти цели капиталовложения в сумме 1 миллиона рублей. Все подготовительные работы было запланировано провести в течение марта-апреля в связи с тем, чтобы успеть полностью развернуть строительство газовых сетей в мае. В качестве субподрядчика для выполнения работ по монтажу газопровода было предложено привлечь специализированную строительно-монтажную организацию «Промтехмонтаж» Министерства строительства РСФСР.

Курскому горисполкому было поручено осуществить газификацию квартир в домах местных Советов силами горремстройтреста, подготовить техническую документацию на газификацию квартир, приступить к составлению проектов на газоснабжение коммунальных предприятий (Бани №1 и №2, прачечной, гостиницы «Центральная») и продолжить разработку рабочих чертежей на строительство газовых магистралей по улицам в центре города (газовые сети). Также в обязанности горисполкома вошли разработка и утверждение графика проведения работ и плана организационно-технических мероприятий, предусматривающего подготовку горремстройтреста к выполнению работ по газификации квартир (подготовку кадров, оснащение инструментом, приборами и оборудованием и т.д.). Крайне важно было обеспечить своевременное заключение договоров на выполнение работ с подрядными строительными и монтажными организациями на передачу им технической документации.

При выдаче архитектурно-планировочных заданий на проектирование новых жилых домов, коммунальных и культурно-бытовых предприятий и учреждений, размещаемых в районах города, где намечено строительство газовых сетей, в обязательном порядке предусматривалась их газификация. Также было запрещено принимать в эксплуатацию вновь выстроенные здания при невыполнении работ по газоснабжению, если оно было предусмотрено проектно-сметной документацией.

Практическая помощь горисполкому в получении труб, газовой аппаратуры и оборудования в количестве, достаточном для выполнения работ, намеченных планом на 1958 год, а также в составлении технической документации на газоснабжение города и газификацию квартир легла на плечи облкомхоза, в задачи которого вошло в том числе и обеспечение технического надзора за строительством газовых сетей и привлечение для этой цели соответствующей группы специалистов. Контроль за своевременным переводом промышленных, коммунальных и культурно-бытовых предприятий и учреждений на газовое топливо и за рациональным использованием газа был равным образом возложен на облкомхоз [3, л. 112].

Газификация домов ряда подведомственных предприятий проводилась силами совнархоза Курского административного экономического района, которому было поручено в 1958 году провести работы, обеспечивающие своевременное получение газа в 506 ведомственных квартирах. В перечень жилых домов совнархоза, подлежащих газификации в 1958 году, вошли жилье работников Курской ТЭЦ (100 квартир), Курского завода РТИ (36 квартир), Завода №534 (100 квартир), Завода тракторных запасных частей (120 квартир), Завода «Аккумулятор» (50 квартир) и Треста №77 (100 квартир). В поселке завода тракторных запчастей было необходимо построить внутриквартальные газовые сети, газораспределительный пункт и домовые вводы, закончить составление проектно-сметной документации на газификацию жилых домов самого поселка, а также поселка «Аккумулятор», к жилым домам которого было поручено построить ответвление газопровода по ул. Энгельса и газораспределительный пункт у этих домов. Отдельно отмечалась необходимость начать в 1958 году работы по строительству газовых сетей в Рышковском промышленном районе, а также принять необходимые меры к разработке технической документации по переводу районной ТЭЦ на газовое топливо в 1959 году [4, л. 11].

Крайне важно было и подготовиться к газификации объектов промышленности, в связи с чем совнархозу Курского административного экономического района было поручено обеспечить изготовление технической документации на газоснабжение стекольного и фармацевтического заводов, а также завода по производству резинотехнических изделий.

Систематический контроль за осуществлением работ по газификации города Курска, оказание конкретной помощи подрядным организациям и широкое привлечение общественности к проведению работ было обязанностью Курского горкома КПСС, а также Промышленного и Ленинского РК КПСС.

Работы, проводимые по газоснабжению города, были полностью обеспечены фондами на необходимые материалы и оборудование. Однако, намеченный постановлением бюро обкома КПСС и облисполкома объем работ по строительству газовых сетей и газооборудованию квартир горисполкомом и совнархозом не был выполнен.

Всего за 1958 год было выполнено работ по строительству газовых сетей на сумму 1 миллион 180 тысяч рублей. Было заизолировано, вывезено на трассу и сварено 4,7 километра труб, уложено в траншею 4,2 километра труб, засыпано 2,5 километра траншей. По газификации квартир в домах местных Советов было выполнено работ на сумму 502 тысячи рублей, монтаж газовых разводов был произведен в 400 квартрах, по результатам проведенных испытаний горгазом были приняты 154 квартиры [5, л. 87].

В соответствии с постановлением бюро обкома КПСС и облисполкома о газификации города Курска от 25 марта 1958 года, работы по строительству газовых сетей проводились трестом «Курскстрой», выполняющим обязанности генерального подрядчика, и монтажным управлением треста

«Промтехмонтаж», производящим монтаж газопровода на субподрядных началах. Газификация квартир в домах местных Советов проводилась горремстройтрестом, который часть работ производил своими силами, а часть (на сумму 700 тысяч рублей), передал по субподрядному договору УНР-501.

Для осуществления технического надзора за строительством газовых сетей и газификацией квартир была создана дирекция строящегося газового хозяйства, на которую были возложены обязанности заказчика по объектам горисполкома, а также функции технического контроля за работами по газификации города, осуществляемыми совнархозом и другими ведомствами.

Основные работы по газификации города были начаты только во втором полугодии 1958 года. Трест «Курскстрой» затянул строительство изолировочной мастерской, что привело к приостановке работ по изолировке и укладке газопровода в условиях осенне-зимнего сезона 1958-1959 годов. Руководство Горремстройтрестом мало уделяло внимания организации работ по газооборудованию квартир и их качеству.

УНР-501, располагая хорошей производственной базой, не выполнило договорных обязательств и смонтировало только 150 квартир из намеченных 700. Более того, ни одна из них не была сдана Горгазу к началу 1959 года [2, л. 38].

В течение 1958 года Совнархозом был произведен монтаж газовых разводок в 176 квартирах, из намеченных планом 500, причем ни одна из квартир также не была сдана Горгазу к началу 1959 года. Совнархоз не выполнил мероприятий, намеченных постановлением от 25 марта 1958 года по строительству газовых сетей в Рышковском промышленном районе, в жилом поселке завода тракторных запчастей, по улице Энгельса к домам завода «Аккумулятор» и по подготовке технической документации на газоснабжение подведомственных промышленных предприятий. Медленно велись работы по подготовке к переводу на газовое топливо районной ТЭЦ.

План газификации города на 1959 год предусматривал выполнение работ на 7,1 миллионов рублей и включал в себя строительство уличных газовых сетей среднего и низкого давления, в том числе дворовых вводов, длиной 29,85 километров, из которых 15 километров планировалось проложить за счет средств горисполкома и 14,85 километров за счет СНХ, а также газификацию 2615 квартир, в том числе 1500 квартир за счет средств горисполкома, 800 квартир – за счет средств СНХ и 315 квартир за счет средств предприятий и ведомств [6, л. 168].

В первом полугодии 1959 года, то есть к моменту получения городом газа, было намечено подключить к газопроводу 1564 квартиры, в том числе поселок КЗТЗ. Однако работы по строительству газовых сетей и газификации квартир велись крайне неудовлетворительно и в 1959 году. Так, например, за 1 квартал было заизолировано, вывезено на трассу и сварено труб – 1080 погонных метров, из которых было уложено в траншеи только 280 погонных

метров, подготовлено к приему газа только 297 квартир, из которых было опрессовано всего 115 и ни одна не была сдана Горгазу.

В январе и феврале 1959 года строительство уличных сетей не производилось. Отмечалось, что мастерская по изоляции труб не имела удобного подъезда. Договор с горгазом на производство работ трестом «Курскстрой» был подписан только 4 марта, а на 5 километров дворовых вводов вообще не был заключен в поставленные сроки, так как от его заключения отказался управляющий трестом.

УНР-501 в первом квартале 1959 года к работам по оборудованию квартир для приема газа не приступало. Та же ситуация наблюдалась и в совнархозе, который не приступал к работам по подготовке своих предприятий и жилых поселков к приему газа.

На основную газовую магистраль протяженностью 6,5 километров от газораспределительной станции №1 до предприятий-потребителей отсутствовала техническая документация, разрабатываемая институтом «Ленгипропроект». На 25 марта была получена только часть ее, т.е. от ГРС до завода №534 (всего на 2 километра). На остальную часть (завод №534 – райТЭЦ – Львовский поворот) техдокументацию получили только в апреле.

Облпроектом не было изготовлено документации на прокладку дворовых сетей, не были выполнены проекты перевода на газовое топливо бань №1, №2 и прачечной, в ряде проектов на газоснабжение квартир имелись неточности и упущения.

Облоно, облздравотдел, управление торговли и управление промышленности продовольственных товаров постановлением Обкома КПСС и Облисполкома обязывались подготовить в течение 1958 года техническую документацию на газоснабжение ряда подведомственных учреждений и предприятий, однако ни одного из необходимых проектов не изготовили.

На заседаниях бюро Курского обкома КПСС отмечали, что такие низкие темпы работ по газификации города Курска и подготовке для этого необходимой технической документации явились следствием крайне слабого руководства ими со стороны горисполкома и управления «Курскэнерго» совнархоза [7, л. 36].

В частности, горисполком мирился с фактами сдачи в эксплуатацию жилых домов, не оборудованных газовыми разводками. Вследствие этого, трест «Курскстрой», выполняя работы по строительству жилых домов в городе Курске (например, по улицам Радищева, М. Горького, Марата и др.), проектами которых предусмотрена газификация квартир, монтаж газовых разводов не произвел и сдал дома в эксплуатацию не газифицированными.

Горисполком не уделял должного внимания вопросам газификации и ведомственных жилых домов, не определил объем работ и сроки их исполнения, а также доленое участие ведомств в строительстве внутриквартальных газовых сетей. Курский горисполком, руководители треста «Курскстрой» и СМУ «Промтехмонтаж» не приняли всех возможных мер к

своевременной подготовке строительных и монтажных организаций для ведения работ по газификации города, вследствие чего основные работы были развернуты только во второй половине 1958 года. Строительство изолировочной мастерской трестом «Курскстрой» было закончено только к марту 1959 года, в результате чего работы по строительству газопровода в зимнее время не проводилось.

Необходимо отметить, что для выполнения намеченных планов работ по газификации города имелись все необходимые ресурсы. Именно поэтому было крайне важно усилить внимание к вопросу газификации жилого фонда города Курска со стороны руководства совнархоза и горисполкома, разработать графики проведения работ и установить повседневный контроль за их выполнением со стороны райкомов и горкома КПСС.

Первый природный газ появился в Курской области в установленные планом сроки, в первом полугодии 1959 года (27 июня), когда был зажжён традиционный газовый факел, оповестивший курян о завершении работ по прокладке магистрального газопровода «Шебелинка – Курск». Однако описанные выше трудности стали причиной того, что первоначальный пуск газа в Курске был осуществлен только 19 ноября, а первый пятикилометровый участок городских сетей низкого давления был сдан 23 декабря 1959 года. Тем не менее, важно отметить, что газификация стала важным этапом экономического и социального развития города, а также значительно улучшила качество жизни горожан.

Список литературы:

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2 Д. 3004.
2. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2 Д. 3213.
3. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2 Д. 2994.
4. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2 Д. 3118.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2 Д. 3214.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2 Д. 3209.
7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2 Д. 3236.

Массов Александр Яковлевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

SPIN-код: 7903-9141

Massov Alexander

St Petersburg State Marine Technical University

ПРОЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЯМЫХ ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АВСТРАЛИЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В годы Первой мировой войны в условиях слома существовавших мирохозяйственных связей появились объективные предпосылки для начала прямого товарообмена между Россией и Австралией. В обеих странах не исключали, что непосредственные торговые отношения между ними в определенной мере смогут компенсировать утрату германского рынка, который до войны играл исключительно важную роль и для России, и для Австралии как рынок экспортно-импортных операций и как торговый посредник.

В статье рассматриваются проекты военного времени, нацеленные на организацию взаимовыгодной торговли. Это визит и переговоры в Австралии в начале 1916 г. председателя Российской экспортной палаты В. И. Денисова, контакты в том же году между русским и британским правительствами о посылке специальных представителей в Австралию и Канаду для обсуждения перспектив торговли России с британскими доминионами и, наконец, создание в феврале 1917 г. в Мельбурне Российско-австралийского бюро торговли и информации. Создание Бюро стало наиболее серьезной и многообещающей попыткой наладить прямой товарообмен между Австралией и Россией, но русская революция 1917 г. оставила намеченные планы неосуществленными. И хотя, несмотря на взаимную заинтересованность сторон, прямая торговля между Россией и Австралией так и не стала реальностью, неоднократные попытки ее организации в годы Первой мировой войны стали ярким эпизодом в истории российско-австралийских связей.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российско-австралийские отношения, Российско-австралийская торговля, Российско-австралийское бюро торговли и информации.

PROJECTS TO ESTABLISH DIRECT TRADE AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND AUSTRALIA DURING WORLD WAR I

Summary. During World War I, the collapse of existing global economic ties created the conditions for direct trade between Russia and Australia. Both countries

considered that direct trade relations between them could, to some extent, compensate for the loss of the German market, which before the war had played an exceptionally important role for both Russia and Australia as a market for export-import transactions and as a trade intermediary.

This article examines wartime projects aimed at establishing mutually beneficial trade. This includes the visit and negotiations to Australia in early 1916 of Vassily I. Denisov, contacts that same year between the Russian and British governments regarding the dispatch of special representatives to Australia and Canada to discuss Russia's trade prospects with the British dominions, and, finally, the establishment of the Russian-Australian Bureau of Commerce and Information in Melbourne in February 1917. The Bureau's creation represented the most serious and promising attempt to establish direct trade between Australia and Russia, but the Russian Revolution of 1917 left these plans unfulfilled. Although, despite mutual interest, direct trade between Russia and Australia never materialized, the repeated attempts to establish it during World War I became a significant episode in the history of Russo-Australian relations.

Keywords: World War I, Russian-Australian relations, Russian-Australian trade, the Russian-Australian Bureau of Commerce and Information.

Первые контакты между Россией и английскими владениями в Австралии установились еще в начале XIX в., однако на протяжении почти всего позапрошлого столетия они носили спорадический, нерегулярный характер. В силу напряженных, временами крайне враждебных отношений между Великобританией и Россией в Австралии получили распространение антирусские настроения, страх перед возможным нападением русского флота на портовые города Австралии в случае возможной англо-русской войны. Начало XX в несколько изменило ситуацию и оживило контакты между Австралией и Россией. Австралийские переселенческие колонии объединились в 1901 г. в Австралийский Союз, ставший новым доминионом Британской империи. Быстрое экономическое развитие Австралии диктовало необходимость поиска новых рынков сбыта для австралийской сельскохозяйственной продукции. Помимо Великобритании и стран Британской империи главными торговыми партнерами становятся США и Германия, развивается торговля с Францией и Китаем. Обозначила себя, хотя и не приняла сколько-нибудь заметных размеров и русско-австралийская торговля – из России в Австралию в мизерных объемах поставлялся лес и керосин, из Австралии в Россию – шерсть и сало. Генеральный консул России в Мельбурне М. М. Геденштром писал по этому поводу в декабре 1908 г.¹, что «между Россией и Австралией торговли почти нет» [7, с. 246]. С началом XX в. Австралийский Союз стал одной из стран куда направился поток русской эмиграции. Интересы русских эмигрантов защищала российская консульская служба, первое штатное российское консульство в Мельбурне начало работать

¹ Все даты, кроме специально обозначенных, приводятся по новому стилю.

в январе 1894 г. В 1902 г. оно было преобразовано в генеральное консульство. По данным российского генерального консульства община выходцев из России составила к 1914 г. 11 тыс. человек [7, с. 296]. Выходцы из царской империи сумели завоевать у австралийцев репутацию недорогих и неприхотливых работников, обладавших, как правило, достаточно высоким уровнем квалификации [5, с. 47]. По мнению австралийского историка Э. Фрида, изучавшего процесс адаптации русских эмигрантов в штате Квинсленд, в Австралии начинает формироваться «исключительно благосклонное отношение» к русским со стороны правительств австралийских штатов и общественного мнения» [11, р. 27]. Такое отношение стало тем более возможным, что после поражения России в русско-японской войне страх пред «русской угрозой» и русскими в Австралии исчез, а в годы Первой Мировой войны, воюя на стороне Антанты, Россия и Австралия оказались союзниками. В австралийской прессе теперь нередко можно было встретить восхищение «духовной красотой» и «спокойным достоинством» русского народа, «храбростью» и «героизмом» его армии и солдат [21, р. 5; 9, р. 8].

Первая Мировая война создала объективные предпосылки для активизации торгово-экономических связей между Австралией и Россией. Одним из серьезнейших последствий начала боевых действий стало нарушение и слом сложившихся к 1914 г. мирохозяйственных связей. В частности, как для России, так и для Австралии был потерян весьма значимый для них германский рынок. Для России Германия, доля которой во внешнеторговом обороте царской империи ко времени начала войны составляла более 38% [6, с. 104], ко всему прочему являлась важнейшим торговым посредником и транзитным перевалочным пунктом для русского импорта. Многие товары из стран Европы и Америки шли в Россию через гамбургский порт на немецких судах. Значимым торговым партнером Германия являлась и для Австралии, следуя сразу за странами Британской империи и США в общем объеме австралийской внешней торговли. В Германию шел почти весь австралийский экспорт цинка, свинца и меди [26]. Воздействие войны на австралийскую внешнюю торговлю и появление в этой связи перспектив развития русско-австралийских торговых отношений были замечены и в России. В официальном органе двух российских министерств – министерства финансов и министерства промышленности и торговли, журнале «Вестник финансов промышленности и торговли» отмечалось, что уход Германии с рынков Австралии породил серьезные проблемы для австралийцев и «создал в этой части света благоприятные условия для соревнования других промышленных стран» [3, с. 351]. В годы Первой Мировой войны как Россия, так и Австралийский Союз искали возможности обретения новых торговых партнеров, чтобы компенсировать утрату немецкого рынка. Идея о налаживании прямых торгово-экономических отношений приобретала особую актуальность также из-за стремления воюющих с Германией стран не допустить восстановления германского посредничества в мировой торговле после окончания войны.

В начале 1916 г. в Австралии вел переговоры о возможном расширении русско-австралийской торговли прибывший туда член Государственного Совета Российской империи, председатель Российской экспортной палаты шталмейстер В. И. Денисов. В поездку за границу с посещением ряда стран, включая в том числе Японию и США, он отправился еще в 1915 г. как раз с целью обретения новых рынков сбыта для русской промышленности (подробнее о биографии и деятельности В. И. Денисова в России см. [2]). Поездка была предпринята В. И. Денисовым отчасти по собственной инициативе, отчасти по инициативе Российской экспортной палаты, но в Австралии его принимали в качестве «специального представителя русского правительства» [17, р. 6]. Пребывание в стране гостя из России широко освещалось в местной прессе. В беседах с ее представителями, а также с деловыми кругами Австралии В. И. Денисов постоянно говорил о необходимости развития прямых связей между двумя странами-союзниками. По мысли русского гостя следовало также значительно расширить номенклатуру товаров во взаимной торговле: Австралия может экспортировать в Россию не только шерсть и сало, но также кожу и изделия из кожи, цветные металлы, сельскохозяйственные машины и оборудование. Весьма заинтересовали австралийцев соображения В. И. Денисова о возможности отправлять австралийскую шерсть не через немецкий Гамбург, как это было до войны, а через союзную России и Австралии Японию [23, р. 7]. Россия, в свою очередь, может поставлять в Австралию те товары, в которых «она уже доказала свое превосходство»: текстильные изделия из хлопка и шелка [17, р. 6]. Для развития прямой торговли между двумя странами надо учредить прямые пароходные линии между портами Австралии и Владивостоком, откуда вглубь России можно перевозить австралийские товары по железной дороге. Следует также предложить удобное и доступное банковское обслуживание участвующим во взаимной торговле коммерсантам. В. И. Денисов даже пообещал порекомендовать русскому правительству ввести транспортные субсидии для компаний и отдельных торговцев, которые предпочтут вести торговлю с Россией через русские порты [17, р. 6].

26 января 1916 г. гость из России совместно с русским генеральным консулом А. Н. Абазой нанесли визит министру торговли и таможенных сборов Австралии Ф. Г. Тюдору. Во время состоявшейся беседы В. И. Денисов не только ратовал за расширение прямой торговли между Россией и Австралией, но и поднял вопрос о предоставлении России прав наиболее благоприятствуемой нации. Австралийский министр полностью поддержал идею увеличения торгового оборота. Что касается режима наибольшего благоприятствования, то решение о его применении, по мнению Ф. Г. Тюдора, может быть найдено лишь парламентом Австралийского Союза при очередном обсуждении вопроса о пересмотре таможенных тарифов [25, р. 11].

Летом и осенью 1916 г. идея о расширении прямой торговли с британскими доминионами, в том числе с Австралией, вновь стала предметом

обсуждения, на этот раз в российских коридорах власти. Инициатива, впрочем, исходила от англичан. В ноябре 1916 г. по дипломатическим каналам английское правительство предложило правительству России отправить в британские доминионы Австралию и Канаду специальных представителей, задачей которых должно было стать изучение возможностей установления прямых торгово-экономических связей. В вербальной ноте, направленной английским посольством в Петрограде в Российское министерство иностранных дел, особо подчеркивалось, что назначение таких представителей согласовано и приветствуется правительствами доминионов [1, л. 7]. Российский посол в Лондоне А. К. Бенкендорф, узнав об этом предложении несколько раньше непосредственно от министра иностранных дел Великобритании Э. Грея, в телеграмме Министерству иностранных дел России от 11/24 ноября 1916 г. рекомендовал принять предложение англичан, подчеркнув, что «такой подход был бы высоко оценен в крупных автономных колониях». Он же посоветовал направить в доминионы бывшего агента министерства торговли и промышленности при российском посольстве в Лондоне М. И. Рутковского [1, л. 6]. В ходе завязавшейся переписки между российскими правительственными ведомствами была изучена докладная записка М. И. Рутковского, которую он направил А. К. Бенкендорфу еще летом 1916 г. по итогам своих переговоров в министерстве торговли Великобритании о развитии англо-русского торгового сотрудничества. В ходе этих переговоров М. И. Рутковский пришел к выводу о необходимости «существенно расширить торговые сношения со всеми остальными частями Великобританской империи в Америке, Азии, Африке и Австралии», поскольку они «в состоянии поставлять России сырые материалы, металлы и произведения тропических стран, которые до сих пор почти исключительно доставлялись через посредство Германии» [1, л. 18, 19]. Обсуждение этого вопроса тянулось вплоть до начала Февральской революции в России и, судя по архивным документам, британское посольство так и не получило внятного ответа на свое предложение о посылке в доминионы российских представителей (см. [1, л. 46–48]).

Информация о возможном приезде в Австралийский Союз русских делегатов для переговоров о развитии прямых торговых связей стала известна в Австралии и вызвала одобрение деловых кругов этой страны. 16 января 1917 г. президент Ассоциации торговых палат Австралии Дж.А. Паркс, комментируя полученную информацию, напомнил о недавнем визите В.И.Денисова и согласился с его мнением, что в случае решения проблем транспортировки австралийских товаров в Россию и банковского обслуживания торговли, «Россия станет крупным покупателем австралийской продукции, такой как шерсть, шкуры, свинец, медь, руда и кожа». «Австралийские коммерсанты, – заключил Дж.А. Паркс, – приветствовали бы приезд представителей торгового мира России» для изучения положения дел в Австралии [16, р. 10].

Не подлежит сомнению, что активное обсуждение идей о налаживании прямого торгового обмена между Австралией и Россией послужило главным

стимулом для инициативы российского генерального консула А. Н. Абазы по созданию в начале февраля 1917 г. в Мельбурне Российско-австралийского бюро торговли и информации. Создание Бюро, безусловно, стало наиболее серьезной и последовательной попыткой добиться расширения взаимной торговли двух стран с целью хотя бы частично решить проблемы их снабжения необходимым сырьем и товарами, компенсировать утрату немецкого рынка и исключить в будущем Германию как торгового посредника.

Организационное собрание по учреждению Бюро состоялось 6 февраля 1917 г. в Мельбурне, причем это событие консул А. Н. Абаза постарался обставить со всей возможной торжественностью. О предстоящем событии была заранее проинформирована австралийская пресса [24, р. 2; 19, р. 3]. Само собрание было проведено в здании ратуши Мельбурна. Русское консульство направило приглашения на это мероприятие более чем 700 гостям. Среди них были ведущие австралийские коммерсанты, ответственные за снабжение армии военные чины и, конечно, представители политической элиты Австралии. В организационном собрании участвовали мэр Мельбурна сэр Дэвид Хеннеси, премьер-министр штата Виктория сэр Александер Пикок и даже сам премьер-министр Австралийского Союза У. М. Хьюз.

Собравшиеся единодушно поддерживали инициативу российского консула о создании бюро, а У.М. Хьюз предложил название для него: «Российско-австралийское бюро торговли и информации». Премьер-министр Австралийского Союза, отличавшийся несомненным ораторским мастерством, произнес прочувствованную речь, в которой много говорилось о «мощи, выносливости и мужестве» русского народа и о его любви к Родине, о привилегии для австралийцев стоять плечом к плечу с Россией, которая борется с врагом с тем же неукротимым духом, с каким крестоносцы шли на битву за Гроб Господень [8, р. 8]. Подобные речи были произнесены и другими участниками собрания. Премьер Виктории А. Пикок сделал акцент на послевоенном сотрудничестве России и Австралии, которые (как передает его слова в своем донесении в МИД России А. Н. Абаза) пойдут «рука о руку... и в мирное время, взаимно через товарооборот обогащая друг друга» [7, с. 307]. Выступивший на собрании консул А. Н. Абаза обрисовал радужные перспективы деятельности Бюро, не преминув упомянуть о возможных субсидиях Бюро со стороны правительства России [8, р. 8].

На учредительном собрании были избраны члены Исполнительного совета Бюро и принят его Устав. Председателем Исполнительного совета стал российский генеральный консул в Мельбурне А. Н. Абаза, секретарем – подполковник запаса А. Дж. Фарр, интендант, занимавшийся проблемами снабжения австралийской армии. В Совет по рекомендации А. Н. Абазы были избраны, а также частично назначены им как председателем Совета «наиболее богатые и пользующиеся влиянием в коммерческом мире лица». «По своим тенденциям, как писал консул в своем донесении в МИД, они «являются наиболее преданными друзьями России». Это обстоятельство, а также тот факт,

что Бюро размещалось в здании русского консульства, гарантировали, по мнению А. Н. Абазы, его личный контроль над вновь созданной организацией, деятельность которой будет тем самым направлена «в пользу России» [7, с. 308, 309].

Учредительное собрание Бюро завершилось исполнением гимнов Австралии и России. В тот же день, 6 февраля 1917 г. телеграмма о создании Российско-австралийского бюро торговли и информации была направлена Председателю Совета министров России, министрам иностранных дел, торговли и промышленности, а также Председателю Государственной думы России и председателю Госсовета. Ведущие газеты Австралии поместили отчеты о прошедшем мероприятии, и чуть позднее, 17 февраля в газетах была опубликована ответная телеграмма Председателя Совета министров Российской империи князя Н. Д. Голицына. В ней князь благодарил за информацию о создании Бюро, увидев в этом событии «обещание более тесной дружбы между двумя странами, которые, несмотря на большое расстояние, связаны взаимной симпатией и готовы оказывать друг другу помощь» [22, р. 10].

Российско-австралийское бюро торговли и информации было учреждено за месяц до начала в России Февральской революции. Видимо, это обстоятельство стало причиной того, что свой официальный отчет о его создании А. Н. Абаза отправил в Россию только в апреле 1917 г. К этому времени российские консульские представители в Австралии определились в своем отношении к событиям, происходившим в России. А. Н. Абаза и его сотрудники приняли Февральскую революцию и выразили готовность продолжить службу Временному правительству. Более того, казалось, что события в России открывают новые возможности для развития отношений, в том числе торгово-экономических, Австралии и России. Австралийцы с энтузиазмом восприняли известие о свержении самодержавия, усмотрев в этом начало движения России по пути к свободе. В мае 1917 г. У. М. Хьюз говорил в одном из своих выступлений, что он верит в то, что Россия теперь «неизбежно пойдет по дороге, по которой идут все демократии, все свободные люди, все народы, которые хотят оставаться свободными» [18, р.1].

Донесение А. Н. Абазы в Петроград о создании Российско-австралийского бюро было выдержано в оптимистических, пожалуй, даже в бравурно-оптимистических тонах. К донесению были приложены Устав Бюро, состав его руководящих органов, образец официального бланка. Судя по пометам чиновников министерства иностранных дел, они с интересом отнеслись к сообщению Абазы [1, л. 49–53об., 54–56, 88]. В донесении консул подробнейшим образом рассказывал о создании Бюро и весьма обширных планах его работы на будущее. Прежде всего, создатели Бюро озаботились учреждением его филиалов в столицах австралийских штатов. При активном участии популярного в Мельбурне и успешного повоевать в австралийской армии русского врача М. Э. Клячко были открыты отделения Бюро в штатах Западная Австралия, Южная Австралия и Тасмания [20, р. 7; 12, р. 8]. В

Мельбурне планировалось открыть курсы русского языка для австралийских коммерсантов, которые намеревались наладить торговые отношения с Россией. В помещении консульства А. Н. Абаза даже прочел первую лекцию на тему «Русский язык и его изучение». Для ознакомления русских предпринимателей с особенностями экономики Австралии и возможностях торговли с ней известный австралийский журналист Э. Г. Пратт начал готовить специальное издание, на публикацию которого правительство штата Виктория выделило 2000 ф. ст. Книгу должны были также перевести на русский язык и выпустить в свет в Петрограде. С этой целью туда должен был отправиться М. Э. Клячко, назначенный уполномоченным Бюро по России. К апрелю 1917 г., как не без гордости отмечал А. Н. Абаза, в составе Бюро насчитывалось 700 человек, с которых было собрано 900 ф. ст. членских взносов. Деятельность Бюро планировалось распространить также на Новую Зеландию [7, с. 309–311].

Однако реализоваться обширным планам Русско-австралийского бюро торговли и информации было не суждено. Бурные события 1917 г. в России свели на нет стремление австралийских предпринимателей развивать торговые отношения с Россией. После Октябрьского переворота и прихода к власти большевиков консул А. Н. Абаза объявил о своей отставке, официальные межгосударственные отношения Австралии и России оказались надолго прерванными. Что касается М. Э. Клячко, с энтузиазмом взявшимся было за налаживание торговых связей австралийцев с Россией, то и его активность быстро сошла на нет. Романтические отношения, которые он завел с молодой австралийкой из богатой семьи, вызвали недовольство ее родственников, и влюбленной паре в том же 1917 г. пришлось бежать из Австралии во Владивосток [4, с. 124].

Судя по всему, в практическом плане Русско-австралийское бюро торговли и информации так и не сыграло позитивной роли в активизации торговых связей двух стран. Ежегодные справочные книги Австралийского Союза, содержащие огромный и весьма тщательно систематизированный статистический материал, не фиксируют наличие русско-австралийской торговли вообще. Только в Справочниках за 1916, 1917 и 1918 год указан импорт напрямую из России льна, меха, масел, древесины и смолы на общую сумму соответственно по годам в 13 тыс., 14 тыс. и 17 тыс. ф. ст. При общем объеме ежегодного австралийского импорта в диапазоне от 60 до 77 млн. ф.ст. эту сумму иначе как смехотворной назвать нельзя [13, р. 542, 549; 14, р. 567, 574; 15, р. 565, 570]. Австралийский историк Ф. Кейн упоминает об австралийских поставках в Россию в 1914-15 годах свинца, а в августе 1917 г. 5000 тонн цинкового концентрата. Однако это были поставки не напрямую в Россию, а японской фирме Сузуки и К для последующей перепродажи русским [10, р. 164].

Таким образом, прямая торговля между Россией и Австралией, несмотря на взаимную заинтересованность сторон, так и не стала реальностью. Вместе с тем неоднократные попытки ее организации, предпринятые в годы Первой

Мировой войны, стали ярким эпизодом в истории российско-австралийских связей.

Список литературы:

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (II Департамент, I-5). Оп. 408. Д. 905. Л. 49–56, 88.
2. Братолобова М.В. Беспокойный элемент // Родина. – 2016. – №2. – URL: <https://rodina-history.ru/2016/03/04/rodina-denisov.html> (дата обращения 6.01.2026).
3. Влияние войны на австралийский импортный рынок // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1915. – №49. – С. 351.
4. Говор Е.В. Санкт-Петербург – Мельбурн: к истории ранних связей // Санкт-Петербург – Австралия. – СПб.: Изд-во Европейский дом, 2014. – С. 110–126.
5. Каневская Г.И. «Я бездомный, но зато на воле...». – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005. – 230 с.
6. Котов Б.С. Русско-германские торговые отношения накануне Первой мировой войны в оценке русской прессы // Вопросы истории. – 2012. – №2. – С. 104–118.
7. Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг. Сборник документов. – М.: Международные отношения, 2014. – 352 с.
8. A Commerce Bureau. Enthusiastic Meeting. Fine Tribute to Our Ally // The Argus. – 7 February 1917. – P. 8.
9. Australian Hospital for Russia // The Register. – 16 August 1916. – P. 8.
10. Cain F. The Australian-Russian Relationship over two World Wars: Some Aspects // An ANZAC Muster. War and Society in Australia and New Zealand, 1914-18 and 1939-45. Selected papers. Ed. by J. Smart and T. Wood. – Melbourne: Monash Publications in History, 1992 – Pp. 163–175.
11. Fried E. Russians in Queensland. Bachelor of Arts Thesis. Brisbane, 1980. (Manuscript). – University of Queensland Library (Brisbane). – 106 p.
12. Klatchko M. Relations with Russia // The West Australian. – 3 April 1917. – P. 8.
13. Official Year Book of the Commonwealth of Australia. – Melbourne: Commonwealth Bureau of Census and Statistics, 1917. - № 10. – 1246 p.
14. Official Year book of the Commonwealth of Australia. – Melbourne: Commonwealth Bureau of Census and Statistics, 1918. - № 11. – 1294 p.
15. Official Year book of the Commonwealth of Australia. – Melbourne: Commonwealth Bureau of Census and Statistics, 1919. - № 12. – 1280 p.
16. Our Sydney Letter. Russia and Australia // The Mercury. – 20 January 1917. – P. 10.
17. Russia and Allies. Visit of Commissioner. Elimination of a German Influence // The Argus. – 25 January 1916. – P. 6.
18. Russia Needs a Man // The Ballarat Star. – 29 May 1917. – P. 1.
19. Russian and Australian Trade // The Mercury. – 6 February 1917. – P. 3.
20. Russian Trade Commissioner // The Mercury. – 28 February 1917. – P. 7.

- 21.The Russian Ruler and His Dreams // Advertiser. – 26 June 1915. – P. 5.
- 22.Trade after the War. Russia and Australia // The Age. – 17 February 1917. – P. 10.
- 23.Trade between Russia and Japan and Other Allied Countries // Kalgoorlie Miner. – 6 January 1917. – P. 7.
- 24.Trade with Russia. An International Bureau // The Age. – 6 February 1917. – P. 2.
- 25.Trade with Russia. Envoy Interviews Customs Minister. Preferential Treatment Desired // The Age. – 27 January 1916. – P. 11.
- 26.Yule P. Organization of War Economies (Australia) // International Encyclopedia of the First World War. – URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/organization_of_war_economies_australia (дата обращения 6.01.2026).

Минин Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9504-4873

Alexander Minin

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ СОЮЗА РОССИИ И ПРУССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу динамики российско-прусских отношений в первой трети XIX в. Некогда враждебные государства сблизились во время наполеоновских войн. Военное взаимодействие переросло в политический Священный союз, важный оплот европейской стабильности. Особо тесными были отношения России и Пруссии, так как державы имели общий интерес относительно польских земель и опасались французского реваншизма. Пруссия не являлась конкурентом России в Восточном вопросе. Установление и укрепление союзных отношений сопровождалось символическими жестами. Знаменитая клятва монархов России и Пруссии над гробом Фридриха Великого, совместные маневры, парады, запечатленные на живописных полотнах, торжества в годовщину сражений наполеоновских войн. Укрепил союз брак великого князя Николая Павловича и прусской принцессы Шарлотты. Но постепенное расхождение интересов государств в Германском мире, а затем и в европейской политике привело сначала к охлаждению отношений, а затем – к образованию враждебных военно-политических союзов, столкнувшихся в Первой Мировой войне.

Ключевые слова: Россия, Пруссия, Священный союз, Александр I, Николай I, Фридрих-Вильгельм III, боевое братство, картины Ф. Крюгера, историческая память.

SYMBOLIC GESTURES AS A FACTOR IN STRENGTHENING THE UNION OF RUSSIA AND PRUSSIA IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Summary: This article analyzes the dynamics of Russian-Prussian relations in the first third of the 19th century. The once hostile states became closer during the Napoleonic Wars. Military cooperation has developed into a political Holy Alliance, an important bulwark of European stability. Relations between Russia and Prussia were particularly close, as the powers had a common interest in Polish lands and feared French revanchism. Prussia was not a competitor of Russia in the Eastern issue. The establishment and strengthening of allied relations was accompanied by symbolic gestures. The famous oath of the monarchs of Russia and Prussia over the

coffin of Frederick the Great, joint maneuvers, parades captured on paintings, celebrations on the anniversary of the battles of the Napoleonic Wars. The union was strengthened by the marriage of Grand Duke Nikolai Pavlovich and the Prussian Princess Charlotte. But the gradual divergence of state interests in the German world, and then in European politics, led first to a cooling of relations, and then to the formation of hostile military and political alliances that clashed in the First World War.

Keywords: Russia, Prussia, the Holy Alliance, Alexander I, Nicholas I, Frederick William III, the Battle brotherhood, paintings by F. Kruger, historical memory.

В полночь с 4 на 5 ноября 1805 года в Потсдаме российский император Александр I с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III и патриотично настроенной прусской королевой Луизой спустились в склеп над могилой прусского короля Фридриха II и принесли над гробом почившего монарха, олицетворяющего военное могущество Пруссии, торжественную клятву верности в борьбе с Наполеоном[1]. Этот мистически окрашенный политический спектакль, устроенный «хитрым византийцем» Александром I, можно считать прологом будущего союза России и Пруссии – основой Священного союза монархов и европейской стабильности в последующие полвека. Хотя данное событие стало сюжетом многочисленных французских карикатур как некий отголосок средневековой верности государей, устаревшей в эпоху «больших батальонов», расчет Александра I оказался верен. Сближение некогда враждебных Российской империи и Прусского королевства в эпоху наполеоновских войн было вызвано объективными причинами, прежде всего, одинаково опасной для двух держав экспансией Франции, без стеснения нарушающей ранее заключенные договоренности и уже сформировавшиеся принципы международного права. В данном контексте символические действия были необходимы, чтобы ускорить мировоззренческий разворот правящих элит. И России, и Пруссии следовало преодолеть взаимное недоверие после событий Семилетней войны.

При этом, политическое сближение России и Пруссии происходило хоть и по объективным причинам, но достаточно сложно. Необходимо было преодолеть стремление эгоистичного и нерешительного прусского короля Фридриха-Вильгельма III, несмотря на явную ограниченность ресурсов Пруссии, в эпоху наполеоновских войн действовать по стереотипам локальных конфликтов феодального мира. Конкурируя с Австрией и опасаясь наполеоновской Франции, Пруссия пыталась лавировать между державами, рассчитывая на новые территориальные приращения. Военные катастрофы под Йеной и Ауэрштедтом, оккупация Пруссии наполеоновскими захватчиками, приблизили короля и военную элиту фактически разрушенного государства к реальности: военно-административным реформам по возрождению армии и сближению с Россией в рамках антифранцузских коалиций.

Русско-прусское взаимодействие выдержало испытание военными неудачами, постепенно переходя от политического союза в настоящее боевое братство. На переговорах с Наполеоном в Тильзите Александр I настоял на сохранении Прусского королевства, так как не желал превращения всей Европы в одну лишь Францию. Хотя Пруссия предоставила свои войска Наполеону для вторжения в Россию в 1812 г., командующий этим вспомогательным корпусом генерал И. Йорк, видя катастрофу Великой армии и понимая антифранцузские настроения прусских офицеров, без санкции Фридриха-Вильгельма III, самовольно 18 декабря 1812 г. заключил Таурогенскую конвенцию о нейтралитете прусских войск. Прусский король решился объявить Наполеону войну только 17 марта 1813 г. Совместная победа российских, прусских и австрийских войск при Кульме 29-30 августа 1813 г. стала символом возрождения антинаполеоновской коалиции и грядущей победы. Под Кульмом удалось наладить боевое взаимодействие союзных сил. Стойкость русского корпуса А. И. Остерман-Толстого (после тяжелого ранения его сменил А. П. Ермолов) остановила продвижение французских войск маршала Вандама, а выход в тыл неприятелю прусских сил генерала Ф. фон Клейста привел к окружению и капитуляции французов. Ф. фон Клейст был награжден Александром I орденом Св. Георгия 2 класса (потомок георгиевского кавалера Ф. фон Клейста, гитлеровский фельдмаршал Э. фон Клейст умер во Владимирской тюрьме, где отбывал заключения за военные преступления на Восточном фронте во время Великой Отечественной войны), прусский король наградил офицеров своей и союзной армий недавно учрежденным орденом Железного креста, который в России будут называть «Кульмский крест». 19 марта 1814 г. союзники вступили в побежденный Париж. Рассматривая Пруссию как возможный противовес Австрии, Александр I добился на Венском конгрессе территориальных приращений для Прусского королевства: не только части польских владений, но и северной Саксонии – таким образом, воюя в союзе с Россией, Пруссия получила больше, чем когда-то завоевал Фридрих Великий.

Александр I и после победы не забывал о том, на каких тонких нитях держится союзное взаимодействие. Как вспоминал А. И. Михайлевский-Данилевский, сопровождающий российского императора в Париже: «Государь, обращаясь с союзными монархами с неимоверною вежливостью, свойственной ему одному, он старался делать им приятное и в самых мелочах. Например, в день приезда в Париж австрийского императора, Государь встретил его, предводительствуя своими войсками, и отдан был пароль – «Вена», а лозунг – «Франц» [2, с. 67].

В новой, «венской» архитектуре постнаполеоновского мирового порядка Александр I отводил Пруссии важное место близкого союзника России. Священный союз монархов России, Австрии и Пруссии должен был зафиксировать преобладание этих держав в Центральной Европе и принести успокоение в истощенный наполеоновскими войнами и революционными

смутами мир. Россия, Австрия и Пруссия были связаны контролем над польскими землями и опасались возможного возрождения реваншистских стремлений Франции. Если более сильная Австрия, опасаясь явного преобладания России в Восточной Европе, могла периодически взаимодействовать с Англией против Петербурга, Пруссия, несмотря на постоянные попытки лавирования между державами, вынужденно выбирала более практичный образ действий. Тем более, в чрезвычайно важном для России Восточном вопросе Австрия выступала скорее как соперник на Балканах, в то же время Пруссия, конкурируя с Австрией в Германском мире и не имея выраженных интересов на Балканах и Ближнем Востоке, могла оказать России дипломатическую поддержку. Объективно, «царское правительство в большей степени ориентировалось на Пруссию» [3, с.142].

Александр I решил скрепить отношения с Пруссией династическими связями. Еще в феврале 1814 г. молодые великие князья Николай и Михаил Павловичи отправились в первое заграничное путешествие. После осмотра мест недавних сражений великие князья прибыли в союзный Берлин, где произошло судьбоносное знакомство Николая Павловича с прусской принцессой, дочерью Фридриха-Вильгельма III, Шарлоттой. Как впоследствии охарактеризовал эту встречу в собственном дневнике Николай Павлович: «Провидением назначено было решиться щастием всей моей будущности...» [4, с. 24-25]. После окончания Венского конгресса, летом-осенью 1815 г. состоялось второе заграничное путешествие Николая и Михаила Павловичей. После смотра русской армии в Вертю и австрийской в Дижоне, великие князья прибыли в Берлин. 23 октября 1815 г. на торжествах в честь 400-летия дома Гогенцоллернов, Александр I и Фридрих-Вильгельм III провозгласили тост за здоровье помолвленных Николая Павловича и Шарлотты. Во время третьего заграничного путешествия осенью 1816 – весной 1817 гг. Николая Павловича принимали в Берлине уже как будущего родственника. В соответствии с военными традициями эпохи, 5 апреля 1817 г. прусский король назначил Николая Павловича шефом 3-го Бранденбургского кирасирского полка, а 8 апреля в Потсдаме состоялась торжественная передача кирасир новому шефу. Николай Павлович, гордо выступая на английском гнедом жеребце, в прусском кирасирском мундире со знаками и оранжевой лентой прусского ордена Черного Орла (пожалован в 1809 г.), принял полк из рук гарцующего рядом прусского короля Фридриха-Вильгельма III, надевшего в честь высокого гостя из России голубую ленту и знаки ордена Св. Андрея Первозванного [4, с.30]. Отъезд невесты на новую родину в мае 1817 г. тоже сопровождался торжествами в честь олицетворяющей невинность Белой розы – будущего символа императрицы Александры Федоровны, запечатленном на гербе петергофской Александрии. При чем одним из рыцарей «белой розы» на этом торжестве был сопровождающий невесту в Россию принц Вильгельм, будущий германский император. [5, с.269].

1 июля в дворцовой церкви Зимнего дворца состоялось бракосочетание великого князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты, принявшей при переходе в православие имя Александра Федоровна. 13 сентября великокняжеская чета устроила в отведенном им для семейного счастья Аничковом дворце свой первый маскарад, на котором Николай Павлович и прусский принц Вильгельм представили театральную сценку на военно-историческую тематику: в костюмах немецких солдат XVIII в. разыграли сцену встречи двух ветеранов Семилетней войны [4, с. 37].

В честь рождения первенца, Александра Николаевича, будущего императора Александра II, летом 1818 г. Москву и Петербург посетил и Фридрих-Вильгельм III. Посещение Москвы было отмечено жестом символической благодарности прусского монарха России за фактическое спасение Прусского королевства в наполеоновских войнах: 4 июня 1818 г. вместе с принцами, наследником Фридрихом-Вильгельмом Прусским и Карлом Мекленбургским прусский король прибыл в Москву: «Пожелав осмотреть Белокаменную с высоты, Фридрих Вильгельм III поднялся на бельведер Пашкова дома. Там он встал на колени и, обратясь к принцам, произнес: «Вот наша спасительница...». В ознаменовании этого визита на Санкт-Петербургском монетном дворе была отчеканена медаль по модели В. Е. Алексеева с характерной надписью: «Дружба государей - счастье народов» [6]. 20 июля 1818 г. брат Александры Федоровны, прусский принц наследник Фридрих-Вильгельм (будущий король Фридрих-Вильгельм IV) был пожалован шефом Перновского полка, который стал называться Перновский наследного принца Прусского полк. Данное подразделение входило в состав 1-й гренадерской дивизии, вместе с Кексгольмским императора Австрийского полком.

В это время визиты с различными поручениями в союзный Берлин рассматривались представителями российской правящей элиты как знак Высочайшей милости или способ укрепить свое придворное положение с перспективами карьерного роста. В союзной столице российских офицеров и чиновников традиционно ждал радушный прием. Не случайно, в биографиях свитских офицеров и генералов Александра I, составивших политическую элиту царствования Николая I, традиционно отмечаются факты визитов в прусскую столицу и участия в церемониях с членами королевского дома. Например, будущий министр государственных имуществ генерал-адъютант граф П. Д. Киселев еще молодым кавалергардом был приставлен в качестве ординарца к королеве Луизе Прусской во время визита королевской фамилии в Санкт-Петербург в 1809 г. В октябре 1815 года П. Д. Киселев сопровождал Александра I в Берлине, где начинались торжества по случаю бракосочетания прусской принцессы Шарлотты, будущей императрицы Александры Федоровны и великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I. При этом Киселев оказался за обеденным столом одним из немногих лиц свиты русского императора, которые принимали участие в этом радостном для будущей императрицы Александры Федоровны торжестве. Как знак особой

милости интерпретировал Киселев приказ императора отправиться к прусскому королю, для подготовки визита королевской фамилии в Россию, данный после успешной ревизии 2-й армии и производства в генерал-майоры «с назначением состоять при особе ЕИВ». П. Д. Киселев писал об этом А. А. Закревскому (4 мая 1818 г.): «Со мною милостив до чрезвычайности и потому я еду ныне к королю прусскому». Павел Дмитриевич вместе с Фридрихом-Вильгельмом III проехал из Торна в Кенигсберг, где вместе с королем принимал парад, во время обеда занимал место напротив короля. В июне-июле 1818 г. прусская королевская фамилия посетила Москву, Петербург и загородные резиденции. По словам А. П. Заблоцкого-Десятовского «во все пребывание королевской фамилии в России Киселев находился при наследном принце» [7, с. 77].

Визиты великокняжеской четы в Берлин обставлялись с театральной пышностью и сопровождались искренним воодушевлением народа. Ключевым моментом первого после свадьбы визита в Берлин осенью 1820 – зимой 1821 гг. стало участие Николая Павловича и Александры Федоровны в грандиозном костюмированном театральном действии на восточный сюжет по пьесе английского поэта-романтика Томаса Мура «Лалла Рук» (путешествие бухарского принца-поэта Алириса к правителю Индии Аурангзебу за невестой Лаллой Рук.) «В постановке участвовало более ста высокопоставленных особ, для которых шились восточные костюмы. Главными исполнителями были Александра Федоровна (Лалла Рук) и Николай Павлович (принц Алирис)». Красочные буклеты с изображением главных действующих лиц были потом изданы в Берлине. Праздник состоялся в Большом королевском дворце 15 января 1821 г. Затем, 11 февраля, к восторгу берлинской публики спектакль был дан в новом городском театре [4, с.43].

Осенью 1823 г. принц Вильгельм Прусский привез в Берлин чрезвычайно важное известие из Санкт-Петербурга о манифесте Александра I, согласно которому вместо Константина Павловича наследником российского престола был объявлен Николай Павлович. Поэтому во время очередного посещения Берлина осенью 1824 – весной 1825 гг. прусский двор встречал Николая Павловича «уже не просто как любимого зятя и русского великого князя, а как будущего российского императора». 11 сентября в его честь был дан грандиозный парад, и высокий гость, чья страсть к такого рода занятиям была притчей во языцах, не отказался от удовольствия провести свой подшефный полк (тот самый 6-й Бранденбургский кирасирский полк) на глазах многотысячной толпы по Унтер ден Линден». С учетом новых реалий, данное событие как символ русско-прусского единства решили запечатлеть на полотне. Б. И. Асварищ пишет: «Парад в Берлине, где Николай I впервые выступал в неожиданной для себя роли будущего монарха, был слишком незаурядным событием, чтобы кануть в лету. Его, без сомнения, следовало сохранить для потомства, запечатлев на большом монументальном полотне, тем более что для этого нашелся и достойный кандидат – Франц Крюгер» [8, с.8]. В 1824 г. во время сеансов портретов у Крюгера, Николай заказал картину о параде.

Времени для сеансов было достаточно, так как великокняжеская чета гостила в Берлине все рождественские праздники. В феврале 1831 г. готовая картина была доставлена в Санкт-Петербург и выставлена для обозрения в Концертном зале Зимнего дворца, удостоившись, конечно, положительных отзывов в русской печати. В дальнейшем она украсила кабинет Николая I в Зимнем дворце, а Ф. Крюгер стал и «официальным» и «модным» художником императорской фамилии.

Восшествие на престол императора Николая I укрепило союз с Пруссией. Прусский принц Вильгельм оказался первым европейским принцем, прибывшим в Санкт-Петербург для поздравлений вошедшему на престол Николаю I и похорон Александра I. После начала русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Николай I и Александра Федоровна, после «польской» коронации в Варшаве, конечно, посетили Берлин. Визит сопровождался грандиозными праздниками: праздник «Белой розы» с рыцарской каруселью в честь Александры Федоровны и бракосочетание прусского принца Вильгельма и принцессы Саксен-Веймарской Августы, дочери великой княгини Марии Павловны (племянницы Николая I). В рамках союзных отношений состоялось обсуждение с прусским королем возможного мира с Турцией (Фридрих-Вильгельм III предложил себя в качестве посредника, если возникнет необходимость). «Пруссия подтвердила готовность поддержать Россию военной силой в случае вступления в войну против России Австрии» (Австрия была обеспокоена возможными боевыми действиями у своих границ на Дунае) [4, с. 152]. Во время восстания в Царстве Польском в 1830 – 1831 гг., Пруссия и Австрия подписали с Россией конвенцию о совместных действиях против мятежников. В августе-сентябре 1833 г. в Мюнхенграце, а затем в Берлине были подписаны конвенции о сохранении Османской империи и взаимных гарантиях польских владений и выдачи польских революционеров, что можно считать попыткой возрождения Священного союза России, Австрии и Пруссии.

Единство консервативных монархий должны были демонстрировать совместные встречи государей, наподобие конгрессов Священного союза при Александре I и частые военные маневры союзных армий. В данном контексте Николай I обращался к исторической памяти о боевом братстве в эпоху наполеоновских войн, для чего устраивались соответствующие памятные мероприятия. Например, в 1834 г. произошло торжественное освящение Александровской колонны на Дворцовой площади в присутствии принца Вильгельма Прусского. С особой торжественностью была проведена памятная встреча монархов в Теплице осенью 1835 г., приуроченная к торжествам в честь открытия памятника русской гвардии, отличившейся в сражении при Кульме в 1813 г., как раз недалеко от Теплица. Для торжественной церемонии в Пруссию были отправлены взводы от всех российских гвардейских частей и дворцовые гренадеры, раненные при Кульме. Памятная церемония растрогала даже обычно сдержанного Фридриха-Вильгельма III. После череды бесконечных обедов, приемов и визитов последовали грандиозные российско-

прусские маневры в Калише на границе России и Пруссии с участием более 60 000 чел. [4, с.189 - 190]. На парадных портретах николаевских сановников – ветеранов Кульмского сражения, всегда среди наград изображался «Кульмский крест» (знак прусского ордена Железного Креста). В качестве примера можно рассмотреть парадный портрет генерал-адъютанта А. Ф. Орлова работы Ф. Крюгера 1851 г. [9, с.125]. На заказанных в разное время Николаем I Ф. Крюгеру полотнах с изображением гвардейских солдат и офицеров в Царском селе, Красном селе, Гатчине обычно изображались и солдаты подшефных Прусскому принцу или Австрийскому императору полков [9, с. 139 - 150]. Образовательное (свадебное) путешествие наследника-цесаревича Великого князя Александра Николаевича в 1837 г., разумеется, тоже сопровождалось визитами к прусским родственникам. Николай I заботился о преемственности политики при смене поколений правящей элиты.

Смена поколений в правящей элите Пруссии способствовала изменению отношений с Россией. Окружение будущего Фридриха-Вильгельма IV тяготилось настойчивыми политическими советами из Петербурга, тем более что Россия (как и Англия) была принципиальным противником доминирования Пруссии в Германском мире, не допустив прусскую экспансию в Шлезвиг-Голштейн и выступая за сохранение феодальных немецких государств. Грядущая «весна народов» в 1848 г. станет серьезным ударом по российской политике, при том, что Николай I не принимал зависимости Фридриха-Вильгельма IV от общественного мнения в собственной стране. В 1846 г., оказавшийся в сложном положении между внутренней оппозицией и Петербургом, Фридрих-Вильгельм IV поручил генерал-адъютанту Ф.-В. Рауху представить Николаю I прусские конституционные проекты, что вызвало язвительную реакцию российского императора. Кроме того, организованный Пруссией в 1834 г. Германский таможенный союз вызвал ответную реакцию не только Австрии, но и России, пытавшейся защитить свой внутренний рынок [3, с. 305].

В мае 1840 г. получив тревожное известие о серьезном ухудшении здоровья короля Фридриха-Вильгельма III, Николай I срочно отправился в Берлин, вызвав некоторый переполох у постели умирающего. Кронпринц, будущий Фридрих-Вильгельм IV и его окружение не хотели, чтобы умирающий король потребовал у наследника обета «вечного союза» с Россией, наподобие знаменитой клятвы Александра I, Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы над гробом Фридриха Великого. Лейб-медик, тайный советник медицины И. Шенлейн спровоцировал неприличную сцену, откровенно не допуская Николая I к постели короля и тестя. Только за несколько минут до кончины короля Николая Павловича допустили с ним проститься. Не случайно обычно щедрый Николай I одарил подарками всех придворных Фридриха-Вильгельма IV, конечно, кроме Шенлейна [4, с. 222].

Закрытая перед Российским императором дверь в спальню умирающего союзника и родственника Фридриха-Вильгельма III стала печальным символом

нового этапа российско-прусских, а затем российско-германских отношений: от дружественного нейтралитета во время Крымской войны, к образованию Тройственного союза и Антанты, столкнувшихся в огне Первой Мировой войны. Символические действия сами по себе не в состоянии установить союзные отношения. Они могут их укрепить, но сами отношения базируются на взаимном учете объективных интересов.

Список литературы:

- 1.Болт И.-Ф. (Bolt J. F.) Клятва у гроба Фридриха Великого 4 ноября 1805 года. По рисунку Л. Вольфа. 1807. // Виртуальный Русский музей. Коллекция онлайн – URL.: <https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/engraving/gr.-17037/index.php>
- 2.Михайлевский – Данилевский А. И. Мемуары. 1814 – 1815. – СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2001. - 400 с.
- 3.История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). – М.: Междунар. отношения, 1995. – 448 с.
- 4.Высочков Л. В. Император Николай I. Жизнеописание. – СПб.: Наука, 2022. – 423 с.
- 5.Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 329 с.
- 6.Файбисович В. Медаль в память визита в Санкт-Петербург Фридриха-Вильгельма III прусского // Родина. 2017. №10. – URL.: <https://rodina-history.ru/2017/10/10/rodina-ermitazh.html>
- 7.Минин, А. С. Граф П. Д. Киселев: портрет министра как зеркало эпохи: монография / А. С. Минин. – СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2012. – 238 с.
- 8.Асвариц Б.И. «Совершенно модный живописец...» // Асвариц Б.И. «Совершенно модный живописец...» Франц Крюгер в Петербурге. Каталог выставки. – СПб.: Славия, 1997. С. 8 – 18.
- 9.Каталог. // Асвариц Б.И. «Совершенно модный живописец...» Франц Крюгер в Петербурге. Каталог выставки. – СПб.: Славия, 1997. С.84 – 176.

Михайлова Маргарита Ярославна

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 6232-0875

Mikhailova Margarita

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию истории возникновения и трансформации социальных институтов в контексте социального развития человечества. Анализируются основные этапы их появления, функции и роль в обеспечении социальной стабильности и регулирования, а также современные тенденции их эволюции.

Ключевые слова: социальные институты, этапы появления социальных институтов.

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF SOCIAL INSTITUTIONS: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

Summary: This article examines the history of the emergence and transformation of social institutions in the context of human social development. It analyzes the main stages of their emergence, their functions and role in ensuring social stability and regulation, and current trends in their evolution.

Keywords: social institutions, stages of emergence of social institutions.

Социальные институты выступают важными элементами общественной структуры, обеспечивая регуляцию взаимодействий в различных сферах жизни общества. Их происхождение связано с историческими процессами формирования социальных связей и разделения труда, обусловившими появление механизмов управления и охраны социального порядка. Исследование истории развития социальных институтов позволяет выявить характерные черты их становления, смены функций и их приспособляемости к новым условиям общественной жизни.

История зарождения социальных институтов начинается с распада первобытнообщинных структур и развития разделения труда. В этот период возникали первичные механизмы регуляции, такие как советы старейшин, родоплеменные собрания и народные советы, которые выполняли функции военные, судейские и жреческие. Эти формы имели размытое разграничение полномочий и выступали предвестниками более сложных структур управления. На ранних этапах формирования общества возникает необходимость в

механизмах регулирования и контроля, обеспечение которых стало важнейшим фактором социального порядка.

В процессе становления классового общества, роль управления и регулирования усиливается. Связанные с этим возникновением и развитием государства, эти общества требуют создания управляемых структур — государственных институтов, обладающих монополией на применение силы и правовыми средствами регулирования. Обеспечение функционирования общества в интересах господствующих классов требует наличия системы правовых норм, судебных органов и административных структур, что способствует трансформации ранних форм регулирования в более организованные институты власти.

В эпоху средневековья социальные институты приобретали закрепляющий характер, служа средствами сохранения личной зависимости и сословных отношений. Ключевыми институтами становились майорат, феодал, иммунитет и вотчина, закреплявшие сословно-кастовую дифференциацию и закрепляли свою власть с помощью феодальной и религиозной системы. Роль церкви, как религиозного и социального института, стала особенно значимой, поскольку она не только интегрировала разрозненные социальные группы, но и выполняла функции политического, культурного и экономического характера. Церковь осуществляла контроль над знаниями, образованием и искусством, подчиняя их религиозным нормам и традициям.

Переход к Новому времени сопровождался возникновением капиталистического общества и расширением сферы общественной регуляции до уровней более сложных и дифференцированных систем. Развиваются институты науки, образования, культуры, а также системы, отвечающие за материальное производство и потребление. Эти новые социальные институты способствовали повышению профессионализации, специализации и рационализации процессов функционирования общества, что стало важнейшей характеристикой современного этапа его развития.

История развития показывает, что социальные институты постоянно эволюционировали, превращаясь из традиционных в более сложные и специализированные формы. В первобытных обществах на первом плане стояла семья, в феодальную эпоху — религиозные организации, в эпоху революций и формирования современных государств — политические институты, такие как партии и государственные органы. В условиях капиталистического общества особое значение приобрели экономические институты, регулирующие рынок, собственность, финансы и трудовые отношения. Этот процесс включает два основных направления развития: создание новых структур, отвечающих современным требованиям, и совершенствование существующих институтов путем их дифференциации и специализации.

Современная эволюция социальных институтов характеризуется их дифференциацией и усложнением. Предметом их развития становится

формирование новых институтов гражданского общества, систем социального регулирования, информационных платформ и цифровых сервисов. Всё это обусловлено глобализацией, цифровизацией и ростом требований к правам и свободам человека. Эти изменения свидетельствуют о необходимости адаптации существующих структур и создании новых механизмов для эффективного решения современных задач.

В целом, история формирования и развития социальных институтов отражает сложный и многоступенчатый процесс, связанный с изменениями в структуре и функциях общества. Процессы расширения, дифференциации и рационализации институтов свидетельствуют о необходимости их адаптации к новым вызовам, что в перспективе определяет дальнейшее развитие социальной системы в условиях быстротечных изменений.

Список литературы:

1. Белл, Д. Социальные институты и структура общества / Д. Белл. — М.: Наука, 2010. — 320 с.
2. Мид, Г. История социальных институтов / Г. Мид. — СПб.: Питер, 2015. — 280 с.
3. Моррис, Р. Теории общества: эволюция и структура / Р. Моррис. — М.: Академия, 2008. — 350 с.
4. Дюркгейм, Э. Общество. Его структура и функции / Э. Дюркгейм. — М.: Логос, 2014. — 270 с.

Наймарк Елена Александровна

независимый исследователь

SPIN-код: 3578-6946

Elena Naimark

independent researcher

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ С РАССКАЗАМИ О ДОБРОТЕ И МИЛОСЕРДИИ

Аннотация: Статья посвящена традиционным и новаторским методам в преподавании культурологии с рассказами о Доброте, Милосердии, Щедрости и Красоте. Предлагается модуль по обучению культуре XVIII века. Особое внимание уделяется фейерверкам первой половины XVIII века. Предлагается метод историзма. Применяются технологии сохранения здоровья. Анализируются добрые смыслы эмблем, символов в культуре.

Ключевые слова: культура, культурология, символ, эмблема, рассказ, метод, форма, фейерверк, доброта, здоровье, образование, инвалид, милосердие.

METHODS OF TEACHING CULTURAL STUDIES WITH STORIES ABOUT KINDNESS AND MERCY

Summary: This article explores traditional and innovative methods in teaching cultural studies, using stories about Kindness, Mercy, Generosity, and Beauty. A module on 18th-century culture is offered, with particular attention paid to fireworks from the first half of the 18th century. A historicist approach is proposed. Health-preserving technologies are applied. The positive meanings of emblems and symbols in culture are analyzed.

Keywords: culture, cultural studies, symbol, emblem, story, method, form, fireworks, kindness, health, education, disabled, compassion.

Термин "культура" произошел от от латинского cultura, которое изначально переводилось как «возделывание», а позже приобрело еще несколько значений: воспитание, образование, развитие, земледелие. Л. А. Уайт отмечает, что культуру можно определить как класс предметов и явлений, зависящих от способности человека к символизации [8]. М.С. Каган, С.Н. Иконникова, В.П. Большаков, Л.М. Мосолова исследовали науку культурологию. Б. А. Краснобаев, Н.И. Яковкина создали труды по истории культуры.

Возможно применение следующей программы или тематического планирования:

1. Определение культуры.
2. Формы и виды культуры.

3. Определение и история культурологии.
4. История и современность культуры.
5. История и современность русской культуры.
6. История и современность фейерверков, с акцентом на "пиротехнические зрелища".

7. Духовные ценности (доброты и милосердия) в культуре.

Доброта, человечность, гуманизм, индивидуальный и дифференцированный подход и при этом следование общечеловеческим ценностям милосердия важны в культуре. Активность в природе и человеческом обществе направлена на следование данному доброду принципу. Немаловажно тонкое понимание смыслов и ценностей в культуре.

На занятиях по культурологии апробированы: вдумчивое чтение и анализ "Писем о доброду" Д.С. Лихачева. Были созданы эссе и сообщения, отчет по данной тематике.

При изучении культурологии используются следующие методы, объяснение, реферирование, рассказ, коммуникация. Важен метод историзма. Применяется визуализация, наглядность.

Основа - это здоровьесберегающие технологии, доступная среда для инвалидов. Духовность, религиозность занимает важнейшее место. Ведь духовная культура является базой образования.

Современные авторы уделяют внимание формам работы в изучении культурологии [4] Возможно введение курса по культуре XVIII века. Исследуется роль культуры данного периода в истории и современности [5].

Таблица 1. Почасовая программа «Новая культура XVIII века. Обучение исследовательским проектам» (35 часов).

п/п	Наименования тем	В сего час	Т еоретиче ских	П рактичес ких
.	Вводный урок. Мир исследований	2	1	1
.	Уход средневековой культуры XVII века в Лету	3	2	1
.	Переходный период от старой к «новой культуре». Конец XVII столетия. Методы анализа историографии. Генетический метод и метод историзма.	5	2	3
.	«Прививка» русской культуре Петра Великого: исторический и культурологический аспекты	4	2	2
.	«Новая культура» первой четверти XVIII века. Методика системно-структурного исследования.	5	1	4
.	Развитие культуры в 20–40-е годы XVIII века: основные проблемы.	5	3	2
.	«Цветущий сад» культуры царствования	5	3	2

.	Елизаветы Петровны: основные противоречия.			
.	«Золотой век» классической культуры 1760–1790-х гг.: главные метаморфозы.	5	3	2
.	Заключительный урок. Значение русской культуры XVIII века для истории и современности. Метод синтезирования.	1	1	0

В российских фейерверках и эмблемах первой половины XVIII века показывались картины с изображением горящих сердец (символ сердечности, любви, верного служения), цветков (символ доброты). Очень много интересных и содержательных ценностей щедрости, человечности, любви к природе есть в сборнике 1705 года "Символа и эмблемата". В 1730-1740-е годы рисунки к фейерверкам рисовал Я. Я. Штелин. В одном из данных изображений есть символ Доброты [9].

Символы и ценности доброты, порядочности и милосердия важны в культуре изобразительном искусстве, социальной рекламе, театрах фейерверков. Им уделяется большое внимание.

Ровинский Д.А. рассмотрел иконописание и фейерверки. Работа значима с точки зрения культурологии и истории [6]

Системно проанализировали фейерверки первой половины XVIII века Д.Д. Зелов[3]. Е.Б. Дедова [1], Г. А. Заславский и Ю.А. Смирнова [2]. Важным представляется этические ценности (в частности, Милосердия) в фейерверках.

Ученые авторы исследуют Ценности Доброты в культуре. В.П. Большаков предложил системный, аксиологический подход к пониманию культуры [7, с. 80-81]. Автор в своих научных трудах рассмотрел практическое сохранение, таких ценностей, как Доброта, Вера, Истина, Красота, Любовь, Свобода, Справедливость, Честность, Святость, Милосердие, Порядочность, Тактичность, Сострадание, Изящество, Вкус.

Преподавание культурологии с использованием интересных методов, форм образования, работы, и подходов, с заботой о здоровье актуален. Возможно, при этом, применить модуль изучения роли и значимости русской культуры и российских фейерверков первой половины XVIII века в истории и современности.

Список литературы:

1. Дедова Е.Б. Аллегорические образы в искусстве фейерверков и иллюминаций в России середины XVIII века. К проблеме панегирического направления в художественной культуре Елизаветинского времени: автореферат диссертации на соискание ученой степени искусствоведения 17.00.04 /Е.Б. Дедова. МГУ. М., 2011. — 30 с.
2. Заславский Г.А. Ю.А. Смирнова. «Огненные потехи» как зеркало власти: театрализация монаршего величия Елизаветы Петровны - Выпуск №1 (2025) Театр. Живопись. Кино. Музыка. С. 74-88.
3. Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII –первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков

- от Петра Великого до его дочери Елизаветы) / Д.Д. Зелов. М.: Едиториал УРСС. 2010. 303 с.
4. Наймарк Е.А. Система обучения НИР по культурологии в школе, ССУЗе и ВУЗе//Инновационные направления в научной и образовательной деятельности. Ч. 2. Смоленск. 2015). С. 109-111.
5. Наймарк Елена Александровна. Обучение исследовательской деятельности при изучении школьниками курса «Новая культура XVIII века»//Письма в "Эмиссию
Оффлайн" – URL.: <http://www.emissia.org/offline/2011/1613.htm>. Просмотр: 24.02-2026, в 14:00.
6. Ровинский Д.А. Обзорение иконописания в России до конца XVII века: Описание фейерверков и иллюминаций. - СПб., 1903.
7. Смирнова А.А., Прокуденкова О.В., Громова О.В. Вклад В.П. Большакова в развитие и институционализацию культурологии // Вестник СПбГИК. № 4 (53), декабрь 2022. (Всего статья: С.80-84).
8. Уайт Л.А. Понятие культуры – URL.: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2009/white.pdf> С. 105 (Л.6).
9. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук. ПФАРАН, Ф. Я. Я. Штелина. Ед. хр. 77, л. 1.

Налётова Наталья Юрьевна

доктор педагогических наук, профессор

Смоленский государственный университет

SPIN-код: 2079-6011

Natalya Naletova

Smolensk State University

ФЕНОМЕН «НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ» В МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Всем обществам в определенной степени свойственно стремление к формулированию своей национальной идеи. В статье анализируются черты национальной идеи как цивилизационно-ментальной и социокультурной идеи русского народа, выделяются ее ценностные приоритеты.

Ключевые слова: Идея, нация, ментальность, Россия, духовные факторы.

THE PHENOMENON OF THE "NATIONAL IDEA" IN THE MENTALITY OF THE RUSSIAN STATE

Summary: All societies have a certain degree of desire to formulate their national idea. The article analyzes the features of the national idea as a civilizational, mental, and sociocultural idea of the Russian people, and highlights its value priorities.

Keywords: Idea, nation, mentality, Russia, spiritual factors.

Неоспоримо, что эти нравственные императивы являются смыслом существования России, её целью, её историческими проблемами. Представляется важным заметить, что национальная идея – это есть духовно-практическая задача, которую народ призван решить в масштабе своего исторического времени. Обычно сущность этой задачи осознается как цель, как предел национальных стремлений. Она культивируется в основном образованным слоем, но в той или иной мере разделяется всем народом, срастается с этической психологией и образует особый тип национальной духовности.

Глубина осмысления национальной идеи зависит от множества внешних и внутренних факторов, чем и объясняется разноречивость в ее исторических интерпретациях. Но здесь важно подчеркнуть, что во всем многообразии ее конкретных редакций сохраняется единое смысловое ядро, его основные ментальные черты [1, с.34].

Всем обществам с ментальностью архаического типа в определенной степени свойственно стремление к самовозвеличиванию. Это отвечает глубокой психологической потребности. Этническая гордость позволяет легче

преодолевать бесконечные трудности, выдерживать натиск многочисленных врагов, она укрепляет в людях уверенность в собственных силах и потому необходима для выживания. Русская национальная идея во многом носила мифологический характер, часто воспринимаясь как системообразующий фактор существования государства. Россияне, легко сменяя идеологические ориентиры, психологически не переносят идеологическую пустоту и на уровне коллективного бессознательного нуждаются в объединительной, системообразующей национальной идее.

Именно эта идея общинного способа жизни легла в основу многочисленных споров о судьбе России: развиваться ли ей по западническому пути, либо идти самобытной дорогой [2, с.111]

Большинство исследователей сходятся во мнении, что община была социальным институтом, оказавшим глубокое воздействие на душевный склад русского народа. Полагается, что тайна жизнестойкости русского народа и его умения противостоять трагичным обстоятельствам своей истории лежит в принципе «мы-психологии», ставшем сущностью «русской души».

У народов западных цивилизаций «я» имеет доминирующее значение в смысловой связке «я - мы». У восточных цивилизаций обратная пропорция. И она далеко не всегда является источником застойных явлений. Наоборот, опыт развития современных Японии и Китая показывает, что «мы-психологическая» ориентация менталитета восточных народов может быть дополнительным фактором ускорения научно-технического и экономического прогресса.

Русский путь, по мнению славянофилов, заключался в реализации названных ценностей и представлял собой вариант не корыстного, эгоистического, индустриально-техногенного, а аксиологичного, духовно-обогащающего развития.

Однако, замыкаясь исключительно на традициях невозможно развиваться. Необоснованное возвеличивание своей культуры, лихорадочный поиск национальной идентичности и попытки отыскать преимущества в экономической отсталости страны не приносят положительных результатов в исцелении социальных и духовных болезней переходного периода.

Уйдя от большевистской идеологии, Россия на какое время потеряла фокус своего самосознания. Это заметно отразилось на нынешнем российском духовном кризисе. Чтобы вновь обрести «почву под ногами», русским людям необходимо заново ощутить контуры своего культурного пространства, осознать свою непохожесть на другие народы.

Опираясь же в процессе развития на православное и азиатское наследие, переплавившееся на российских просторах в самобытную цивилизацию, очевидно, продуктивнее, нежели пытаться слепо следовать западным путем.

Основной функцией всех социокультурных форм (в любом поколении цивилизаций) была передача и сохранение накапливаемого опыта социализации внебиологическими средствами, объединение людей в общности, институты,

организации. То есть социокультурные формы, существовавшие в различные эпохи «очеловечивали» биологическое начало в индивидах.

Кроме того, они же осуществляли и определенную дифференциацию: нравственную, правовую, экономическую, политическую, эстетическую и др. Путем трехстороннего био-социокультурного синтеза и происходило формирование человека и его сознания.

Социокультурная форма (тот или иной тип системы) влияет не только на сознание человека, формируя мотивы, ценности, смыслы, установки, но и на социальную реальность в целом, выражаясь в плодах деятельности человека и в способах этой деятельности. Таким образом, социокультурная форма представляет собой многомерную, многоаспектную целостность, в рамках которой происходит взаимодействие материального, социального и духовного.

Одним из компонентов социокультурных форм выступают ценности. Феноменологическая традиция полагает, что в ходе социокультурной эволюции из хаоса формируются идеи, которые акцентируются и которым приписывается особая ценность. Они осваиваются субъектом в опыте, в переживаниях удовольствия и неудовольствия и т.д. В связи с чем, любая социокультурная форма может быть представлена как пространственно-временной континуум ценностных отношений и их осознания.

В процессе жизнедеятельности у индивида формируется восприятие одних объектов как ценных, а других как неценных или даже антиценных. Ценности имеют различную степень всеобщности: они могут быть индивидуальными, групповыми, массовыми [4, 29].

Индивидуальные ценности обуславливают конкретную деятельность отдельно взятого человека и могут несколько изменяться с возрастом или сменой социальной среды.

Групповые можно охарактеризовать как общепринятые представления некоей общности людей о желательном для них типе социокультурной формы. Массовые же (общечеловеческие) ценности характеризуются тем, что являются ориентирами для большинства людей вне зависимости от их пола, возраста, эпохи. Число таких ценностей ограничено, в то время как ценностей индивидуальных может быть неограниченное множество.

Само выживание общества диктует необходимость принятия определенных норм и принципов морали, ценностных ориентаций, необходимых для совместной деятельности людей. Принято считать, что в основе этого процесса лежит стремление к консолидации людей, что обеспечивает любому этносу (группе) наиболее комфортные условия для выживания.

Каждое новое поколение формирует свой пакет культурных норм и стандартов. В одно и то же время, в одном и том же социуме может параллельно сосуществовать несколько систем ценностей, предлагающих разные поведенческие алгоритмы.

В одном обществе преобладают материальные ценности, в другом – духовные. Разным может быть и отношение к техническому прогрессу [5].

Но в каждом социуме большое значение имеют ценности морального характера, обеспечивающие взаимопонимание, а значит сплоченность и устойчивость социальной группы (класса, этноса).

В российском общественном сознании уже давно сформировалось ощущение того, что история послепетровской России проходит под знаком псевдоморфоза, что заимствованные на Западе формы культурной, социальной, политической жизни плохо вписываются в контуры русской души, и от этого претерпевают на отечественной почве самые неожиданные превращения. Такие прозрения встречаются еще у славянофилов. И с тех же самых времен сохраняется в исследованиях некоторая пессимистичность: «молодая» русская культура всегда будет отставать от «старой» европейской на несколько шагов и всегда будет находиться под гнетом ее духовной власти, и так никогда и не обретая сама себя.

В связи с вышеизложенным, думается, что в период начавшейся смены цивилизационного цикла Российской социокультурной системе предстоит искать самобытный путь перехода к новой фазе цивилизационного развития, поскольку копирование пути перехода развитых западных социокультурных систем для России вряд ли приемлемо.

Список литературы:

1. Заикин С.П. Национальная идея и Россия. //Логос. -1992, Кн. 2. - С. 34-46.
2. Налетова, Н. Ю. Самоорганизация социокультурных систем / Н. Ю. Налетова // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной развитию университетского образования в России. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 13 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2024. – С. 719-722. – EDN NNUOQK.
3. Налетова, Н. Ю. Специфика ценностных оснований современного российского общества / Н. Ю. Налетова // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы V международной научной конференции. В 3-х томах, Санкт-Петербург, 09 декабря 2022 года / Под редакцией С.И. Бугашева, Ю.В. Ватолиной, А.С. Минина. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. – С. 260-265. – EDN YJBFWK.
4. Шпенглер О. Закат Европы /Пер. И.И. Маханькова/ - М. Наука, 1998. Т. 2.
5. Яковенко И.Г. Циклы развертывания цивилизаций и цикличности всемирной истории. // «Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса». /под ред. Э.В. Сайко. - М.: Наука, 2013.

Налётова Наталья Юрьевна

доктор педагогических наук, профессор

Смоленский государственный университет

SPIN-код: 2079-6011

Natalya Naletova

Smolensk State University

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА)

Аннотация: В настоящей статье представлен социально-философский анализ составляющих менталитета и его ценностных оснований. Ядерно-сферическая модель менталитета позволяет объяснить структурные и функциональные особенности ценностей, выступающих центральной частью, основанием его самоорганизующейся системы.

Ключевые слова: общество, ценности, ментальность, структура, Россия.

VALUE FOUNDATIONS OF MENTALITY IN A TRANSFORMING SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN SOCIETY)

Summary: This article presents a socio-philosophical analysis of the components of mentality and its value foundations. The nuclear-spherical model of mentality allows us to explain the structural and functional features of values, which are the central part and foundation of its self-organizing system.

Keywords: society, values, mentality, structure, Russia.

Менталитет как научное понятие обладает большим аналитическим потенциалом. Категориальная ценность этого понятия будет низка, если не определить теоретически его социально-философский статус. Необходимо четко отграничить его от таких понятий, как «национальный характер», «общественное сознание», «структура менталитета».

В отечественной дореволюционной философии проблема менталитета являлась предметом изучения у Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Н.Я. Данилевского, П.А. Кропоткина, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, С.Л. Франка, П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова и др. Они исследовали пути и причины развития российских ментальных ценностей, особенности эволюции характера, формирование «русской идеи» и др., дохристианского и православного периодов.

Как показывают исследования ценностно-нормативное ядро формирует следующие уровни (слои) менталитета, т.е. его ядерно-сферическую структуру, которую можно попытаться обосновать применительно к российской действительности.

Первый слой ядерно-сферической структуры менталитета наиболее древний, его можно назвать нерефлексируемым, чувственным пластом. Он формируется на уровне массового (коллективного) бессознательного, проявляющего себя при движении из сферы частной жизни в социокультурное «психе» (душу) локального человеческого сообщества.

Эта сфера существует и как феномен индивидуального бессознательного, во многом обуславливая формирование личности и ее социокультурных ролей, а также характер взаимодействия с другими индивидами. На данном уровне (слое) российский менталитет характеризуется таким ценностным набором как: приоритет рода, власть старших, уважение к предкам, представления о женской чести и мужской доблести и т.д.

Все это - нерефлексируемый мир ритуалов, социальных норм, привычных бытовых взаимоотношений, взаимодействующий с устоявшимися традициями, символикой, особым языком, который практически интуитивно понимается «своими». Именно в этом слое менталитета складываются первые представления, пробуждающие самосознание человека.

Индивид включает в свой внутренний мир, в личностную оценку событий те же ценности, идеи, убеждения, идеи, образцы, которые характерны для всей его референтной группы, этнической общности, которые выработаны ею.

Такое приобщение оказывает многоплановое воздействие на человека, влияет на его стиль поведения, на уровень знаний, формируя не аналитическое мышление, а целостное восприятие мира. Подобному глубинному слою мышления, соответствующего мышлению человека родового строя, присущи структуры, ориентирующие движение мысли субъектов.

В.Н. Муравьев приводит такой пример: «Основой мирозерцания человека Древней Руси была небывалая цельность духа. Русский человек тогда, как и теперь, вечно бросался в крайность, творил одновременно преступления и духовные подвиги. Но не было в нем раздвоенности между мыслью и действием. Он не знал мысли в том смысле, как понимаем ее теперь мы. Для него мысль, ощущение, чувство действия, из них вытекающие, - были тождественны. В русской истории поражает странная черта, кажущаяся на первый взгляд отсутствием сознательности»[2,с.188]. И действительно, в произведениях народного фольклора, на первый взгляд, вроде нет логики.

Однако если мы всмотримся в эти явления пристальнее, то увидим, что там, где нет логики (мысли) в европейском понимании, быть может, есть нечто большее, чем рационалистическая мысль, есть цельное ощущение действительности [1]. Идеалы, ценности, нормы, здесь рассматриваются как исходящие от Бога, а потому абсолютные, безусловные, не требующие анализа.

Русский человек всегда был обеспокоен (чаще всего неосознанно) проблемой единения с Духом (сверхчувственной божественной Субстанцией), стремлением жить «в ладу с душой». Пользуясь терминологией системного анализа в ладу с «Душой» системы, в которую он был погружен, с основным алгоритмом ее существования. То есть именно через божественное (через

абсолютные ценности) душа русского человека соприкасалась с реальностью, существующей за ее пределами. Смысл индивидуального существования виделся не только в устроении собственного материального благополучия (хотя естественное стремление к нему не отвергалось), но, прежде всего, в спасении души, в приоритете духовных ценностей над остальными, общесистемных над частными личными, в правильности (праведности) существования, т.е. в соответствии с богоданными ценностями [3, с.278].

Поскольку именно на этом самом раннем, глубинном уровне менталитета формируется общественное сознание, так называемые «модели мира», постольку в сердцевине сознания современного россиянина находятся отголоски этой максималистической ориентации на принятие только абсолютных ценностей, порождающие и аналогичное отношение к абсолютной власти.

Традиция, прорастающая в ментальность, становится человекопорождающей, антропогенной реальностью. И мы получаем на рациональном уровне немотивированное, но глубоко сидящее в сознании русского человека, почтение к власти. А это как нельзя более органично вписывается в потребности жизнеобеспечения иерархической системы.

Например, одной из таких черт национального мировоззрения является надежда на чудо, на какое-то внезапно сбывшееся само собой счастье, пришедшее безо всяких усилий со стороны самих людей только за то, что они прямодушны, смиренны, безропотны. Такая надежда на «чудо» свидетельствует о невысказанном убеждении в неразрешимости собственных проблем своими силами, в необходимости внешнего вмешательства.

С этим связаны две черты российского исторического сознания: постоянная сосредоточенность на текущем, суеверная нелюбовь к пророчествам и вместе с тем необъяснимая вера в невероятные утопии. Таким образом, на самом глубинном ценностном уровне повседневное сознание россиянина испокон веков существовало в условиях тяжелой обыденности и ожидания чуда. И светская власть не раз обращалась к этому феномену, с помощью «культа чудес», решая свои общественно-политические проблемы. Также на уровне этого глубинного, первого слоя менталитета, в сознании человека формируется понимание того, что другие люди разделяют схожие представления. Это влияет на организацию межличностного взаимодействия. Индивид постоянно отмечает свою причастность к той или иной социальной общности.

Вполне возможно, что именно здесь кроются корни представлений о патриотизме. В Российском ценностном наборе патриотизм всегда занимал важное место. Прежде всего, это понятие означает демонстрацию той самой причастности, эмоциональной привязанности к своему роду, племени, затем народности, народу, отечеству в целом. В основе русского патриотизма лежат высокие духовные ценности, выработанные на протяжении многовековой

истории страны. Российский патриотизм - не агрессивен, не воинственен, а мужественен, духовно наполнен, лишен эгоизма титульной нации [5,с.260].

В этом обыденном пласте ценностей российского менталитета по-особому проявляется языковой строй, мышление, логика, психика русского человека.

Все эти феномены существовали в специфическом континууме частной жизни, которому был присущ определенный ритуальный характер иерархической коммуникации. Люди и общности, принадлежащие к такому континууму, обладают высокой социальной устойчивостью, поскольку слабо поддаются воздействиям вне рамок привычного бытового ритуала, не несущим для них ценностной нагрузки. По этой причине преобразовательные политические воздействия, социальные реформации неизбежно «тонут» в такой социальной среде, на просторах российских провинций традиционно обладающей социокультурным консерватизмом.

Список литературы:

- 1.Веретенников Н.Я. Российская ментальность и современность. - Саратов, 2000. - С. 35.
- 2.Муравьев В.Н. Рев племени. //Из глубины. Сборник статей о русской революции. - М., 1990. - С. 188.
- 3.Налётова Н.Ю. Системный подход в изучении развития динамических социальных систем // В сборнике: Россия и мир в исторической ретроспективе. Материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 2023. С. 277-283.
- 4.Налетова, Н. Ю. Самоорганизация социокультурных систем / Н. Ю. Налетова // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной развитию университетского образования в России. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 13 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2024. – С. 719-722. – EDN NNUOQK.
- 5.Налетова, Н. Ю. Специфика ценностных оснований современного российского общества / Н. Ю. Налетова // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы V международной научной конференции. В 3-х томах, Санкт-Петербург, 09 декабря 2022 года / Под редакцией С.И. Бугашева, Ю.В. Ватолиной, А.С. Минина. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. – С. 260-265. – EDN YJBFWK.

Науменко Надежда Витальевна
кандидат философских наук, доцент
независимый исследователь
SPIN-код: 5377-1237
Nadezhda Naumenko
independent researcher

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРОЕКТ ЦИФРОВОГО МУЗЕЯ УСАДЬБЫ Ф.К. САН-ГАЛЛИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Аннотация: Статья посвящена проблеме сохранения и популяризации объектов культурного наследия, находящихся в закрытом для публичного доступа состоянии. На примере усадьбы Франца Карловича Сан-Галли – выдающегося памятника архитектуры и промышленного дизайна второй половины XIX века в Санкт-Петербурге – рассматривается её историко-культурная ценность, архитектурные особенности и инженерные новации. Анализируется современное состояние комплекса, который после национализации и последующей приватизации оказался недоступен для широкой аудитории. Обосновывается необходимость создания виртуального музея как эффективного инструмента фиксации, реконструкции и актуализации наследия. Предлагается детальная концепция такого музея, включающая 3D-реконструкцию утраченных элементов (зимний сад, фонтан, оригинальные интерьеры), интерактивную карту, каталог предметов декоративно-прикладного искусства и образовательный модуль. Проект рассматривается как междисциплинарная платформа для научных исследований и учебной деятельности студентов творческих специальностей.

Ключевые слова: виртуальный музей, культурное наследие, усадьба Сан-Галли, промышленная архитектура, цифровая реконструкция, Санкт-Петербург, историзм, чугунное литьё, образовательные технологии.

VIRTUAL RECONSTRUCTION OF CULTURAL HERITAGE SITES: THE DIGITAL MUSEUM PROJECT OF THE F.K. SAN-GALLI ESTATE IN ST. PETERSBURG

Summary: The article is devoted to the problem of preserving and popularizing cultural heritage sites that are closed to public access. Using the example of the F.K. San-Galli estate – an outstanding monument of architecture and industrial design of the second half of the 19th century in St. Petersburg – its historical and cultural value, architectural features and engineering innovations are examined. The current state of the complex, which after nationalization and subsequent privatization became inaccessible to the general public, is analyzed. The necessity of creating a virtual museum as an effective tool for documentation,

reconstruction and actualization of heritage is substantiated. A detailed concept of such a museum is proposed, including 3D reconstruction of lost elements (winter garden, fountain, original interiors), an interactive map, a catalog of decorative and applied art objects and an educational module. The project is seen as an interdisciplinary platform for scientific research and educational activities of students of creative specialties.

Keywords: virtual museum, cultural heritage, San-Galli estate, industrial architecture, digital reconstruction, St. Petersburg, historicism, cast iron, educational technologies.

В современном мире проблема сохранения историко-культурного наследия приобретает новые измерения. С одной стороны, возрастает общественный запрос на доступ к историческим памятникам, с другой – многие объекты остаются закрытыми из-за частной собственности, аварийного состояния или специфики использования. Особенно остро эта проблема стоит для памятников промышленной архитектуры и частных особняков, которые не имеют музейного статуса и зачастую оказываются вне поля зрения широкой публики. Традиционные методы консервации и музеефикации не всегда применимы или требуют значительных ресурсов. В этой ситуации цифровые технологии предлагают принципиально новые возможности: создание виртуальных копий, 3D-реконструкций и интерактивных платформ позволяет не только зафиксировать текущее состояние объекта, но и воссоздать утраченные элементы, сделав наследие доступным для исследователей, студентов и всех заинтересованных лиц [1, с. 45].

Объектом данного исследования избрана усадьба Франца Карловича Сан-Галли – уникальный архитектурно-промышленный комплекс, расположенный в Санкт-Петербурге на Лиговском проспекте. Выбор обусловлен несколькими факторами: во-первых, это один из наиболее ярких и хорошо сохранившихся (хотя и с утратами) памятников эпохи историзма, сочетающий черты жилого особняка, производственного предприятия и садово-паркового искусства; во-вторых, комплекс обладает богатой историей, связанной с деятельностью выдающегося предпринимателя-новатора; в-третьих, сегодня усадьба находится в частной собственности и закрыта для посещения, что делает её идеальным кандидатом для виртуальной реконструкции.

Цель настоящей работы – разработать научно обоснованную концепцию виртуального музея усадьбы Сан-Галли, которая могла бы быть реализована силами университета и стать основой для дальнейших исследований, образовательных проектов и популяризации культурного наследия. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: анализ историко-культурной значимости объекта, систематизация доступных архивных материалов, выявление утраченных элементов, определение методологии цифровой реконструкции и разработка структуры виртуального музея.

Франц Карлович Сан-Галли (1824–1908) принадлежит к плеяде выдающихся предпринимателей второй половины XIX века, чья деятельность во многом определила индустриальный облик Петербурга и способствовала интеграции российского производства в европейский технологический контекст. Выходец из Германии, он прибыл в Россию в юном возрасте и сумел не только создать успешное дело, но и органично вписаться в русскую культурную среду, что подтверждается его многолетней общественной деятельностью в Городской думе и участием в разработке фабрично-заводского законодательства [8, с. 56].

Основанный в 1850-х годах чугунолитейный и механический завод Сан-Галли быстро превратился в одно из ведущих предприятий отрасли. Секрет успеха крылся не только в высоком качестве продукции, но и в постоянном внедрении инноваций. Самой известной разработкой стали радиаторы водяного отопления – так называемые «батареи Сан-Галли», которые произвели настоящую революцию в строительных технологиях. В отличие от устаревших печей и каминов, новая система позволяла равномерно обогревать большие помещения, была экономичнее и безопаснее. Продукция завода использовалась при строительстве Зимнего дворца, Исаакиевского собора, Таврического сада и многих других значимых объектов [2, с. 113].

Однако деловая хватка сочеталась у Сан-Галли с подлинной социальной ответственностью. Для рабочих предприятия был выстроен целый «городок» с благоустроенными квартирами, школой, больницей и даже виллами для летнего отдыха на Петровском острове. Это был редкий для того времени пример комплексной заботы о персонале, отмеченный на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 года, где фабрикант получил право изображать государственный герб на своих изделиях «за примерное улучшение быта рабочих» [9, с. 145].

Особняк на Лиговском проспекте, возведённый в 1872 году, стал не только семейным гнездом, но и своеобразной выставочной площадкой, демонстрирующей возможности завода. Здесь были применены все передовые технологии того времени: водяное отопление низкого давления, принудительная вентиляция с подогревом и увлажнением воздуха, чугунные конструкции лестниц и перекрытий, системы водоснабжения и канализации. Сам владелец принимал активное участие в проектировании, справедливо полагая, что дом должен максимально отвечать потребностям семьи [4, с. 8].

Проектирование усадьбы было поручено Карлу Карловичу Рахау – талантливому архитектору, профессору Императорской Академии художеств, который только начинал свой творческий путь. Рахау, прошедший стажировку в Европе и участвовавший в реставрации Альгамбры в Гранаде, сумел создать здание, в котором европейские архитектурные традиции органично сочетались с запросами заказчика и возможностями местной промышленности.

Фасады особняка решены в свободной интерпретации итальянского ренессанса с элементами флорентийского палаццо. Стены, окрашенные в

тёплые песочные тона, напоминают о средиземноморском побережье. Рельефный руст, характерный абрис окон, лепные маски львов, держащих лавровые ветви, – все эти детали создают образ респектабельной, но не вычурной резиденции. Чугунные решётки балконов и ограда сада, отлитые на собственном заводе, придают зданию неповторимый облик и служат напоминанием о промышленном могуществе владельца [3, с. 138].

Особого внимания заслуживает ограда сада, выходящая на Лиговский проспект. Она была создана по эскизам архитектора Ивана Ивановича Горностаева, известного своими работами в Зимнем дворце. Рисунок решётки сочетает растительные мотивы (трилистники, цветы) с элементами, напоминающими русское деревянное зодчество, – фронтоны решётки стилизованы под избу с «шишками». Это редкий пример осмысленного синтеза европейских и национальных традиций в малых архитектурных формах.

Внутренняя планировка особняка подчинена анфиладному принципу: парадные помещения, выходящие окнами в сад, последовательно раскрываются друг за другом, создавая эффект пространственной глубины и торжественности. Каждое из помещений имеет неповторимый облик, что было характерно для эклектики – стиля, господствовавшего в архитектуре середины XIX века.

Мавританский, или мужской, кабинет расположен в угловой части дома и имеет эркер-курительную, выходящий в сад. Выбор восточного стиля не случаен: увлечение ориентализмом было характерно для европейской культуры того времени, а сам Рахау, изучавший Альгамбру, прекрасно владел приёмами мавританской орнаментики. Деревянный наборный потолок, напоминающий многоцветный ковёр, сталактиты в эркере, бронзовая люстра сложной конструкции – всё это создаёт атмосферу восточной сказки. Камин из белого мрамора с куполом, напоминающим мечеть, украшен резными изречениями из Корана – деталь, подчёркивающая стилистическую достоверность. Вентиляционные решётки в кабинете выполнены в виде восьмилучевых розеток, что также отсылает к восточной геометрии [10, с. 205].

Танцевальный зал, напротив, выдержан в европейских традициях – в стиле Людовика XIV. Светлое, просторное помещение с большими окнами украшено лепными гирляндами, фигурками путти и медальонами. Особую изюминку залу придаёт система вентиляции: в плафоне спрятаны душники, через которые в помещение поступал ароматный воздух из зимнего сада. Таким образом, инженерные решения не только обеспечивали комфорт, но и становились частью эстетического замысла.

Дубовая столовая – безусловная жемчужина интерьера. Двусветное помещение с двумя рядами окон обращено во внутренний дворик, где некогда располагался зимний сад. Стены обшиты дубовыми панелями, богато украшенными резными гирляндами из овощей и фруктов. Главное украшение столовой – три витража работы Владимира Дмитриевича Сверчкова, выполненные в его мюнхенской мастерской. Сюжеты витражей основаны на сказках братьев Гримм: «Семь воронов», «Роза» и «Белоснежка». Это не просто

декоративные панно, а настоящие «стеклянные картины» высочайшего художественного уровня, редкие для петербургских интерьеров. Витражи обрамлены в деревянные рамы и снабжены подписями на немецком языке, что свидетельствует о прямом заказе в Германии.

Камин в столовой украшен изразцами и живописными панно с амурами, а над топкой высечена готической вязью немецкая пословица: «WAERME DICH WEIL'S FEVER BRENNT» («Грейся, пока огонь горит»). Эта деталь не только подчёркивает национальные корни владельца, но и придаёт интерьеру особую теплоту и камерность.

Гостиная и будуар, смежные помещения, оформлены в стиле Людовика XVI. Здесь сохранились подлинные живописные плафоны, выполненные французским художником Шарлем Шапленом в 1879 году. Росписи изображают резвящихся амуров на фоне неба с облаками – характерный для рококо мотив, исполненный с академическим мастерством. В гостиной на стене сохранился медальон с женским профилем – предположительно, портрет супруги владельца Софии Сан-Галли. В будуаре, помимо плафонов, обращают на себя внимание лепные украшения на тему сельской жизни: лейки, снопы пшеницы, грабли, соломенные шляпки. Эти детали создают уютную, пасторальную атмосферу, контрастирующую с парадностью других залов.

Зимний сад, к сожалению, не сохранился. Судя по описаниям в журнале «Зодчий» и сохранившимся фотографиям, это было уникальное инженерное сооружение: металлический каркас, полностью остеклённый, с двойными рамами, предотвращающими примерзание снега. Система отопления позволяла поддерживать температуру не ниже +18 градусов даже в сильные морозы. Сад примыкал к столовой и был связан с ней лестницей с балкона, а также служил источником свежего воздуха для всего дома через систему вентиляции [4, с. 11].

Фонтан «Рождение Афродиты» первоначально находился в зимнем саду, а позднее был перенесён в открытый сад. Скульптура работы французского мастера Матюрена Моро была отлита на заводе Сан-Галли, причём с экспериментальным гальваническим покрытием медью. К сожалению, эта техника привела к постепенному разрушению металла, и оригинал сейчас хранится в фондах КГИОП. В 2022 году в саду установлена копия.

После Октябрьской революции 1917 года завод и особняк были национализированы. На базе предприятия создавалось несколько производств: сначала завод «Кооператор», затем завод бумагоделательных машин имени 2-й Пятилетки, позднее – НПО «Буммаш». Особняк использовался как административное здание, что привело к частичным перепланировкам и утрате некоторых элементов декора. В 1930-е годы был разобран зимний сад – на его месте возвели производственный корпус. В 1960-е годы исчез мраморный фонтан из аванзала, а чугунные фигурки мальчиков с лестничной площадки были утрачены уже в 2000-е годы во время киносъёмок [11, с. 217].

Тем не менее, основные конструкции и многие детали интерьеров сохранились благодаря относительной бережности советской эксплуатации. В постсоветский период производство было свёрнуто, а исторические здания выкуплены частными владельцами. В 2000-х годах проведена реставрация фасадов и части помещений, однако особняк остаётся закрытым для свободного посещения. Сегодня он используется как офисный центр и эпизодически – как съёмочная площадка для кино и клипов.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: уникальный памятник, представляющий огромный интерес для историков архитектуры, искусства и техники, фактически исключён из публичного культурного пространства. Доступ исследователей затруднён, а широкая публика лишена возможности познакомиться с этим выдающимся объектом.

В последние десятилетия в мировой практике активно развиваются методы цифровой документации и реконструкции объектов культурного наследия. Проекты ЮНЕСКО по оцифровке памятников, создание виртуальных копий разрушенных войной зданий (например, реконструкция Берлинского дворца), 3D-моделирование археологических объектов – всё это свидетельствует о том, что цифровые технологии стали полноценным инструментом сохранения и популяризации истории [1, с. 52].

Для объектов, находящихся в ограниченном доступе или под угрозой утраты, виртуальный музей становится не просто дополнением, а часто единственной возможностью представить памятник публике. Технологии лазерного сканирования и фотограмметрии позволяют создавать точные трёхмерные модели с миллиметровой точностью, фиксируя не только геометрию, но и текстуры, материалы, следы времени. На основе исторических чертежей, фотографий и письменных источников возможна реконструкция утраченных элементов, причём степень достоверности может быть указана и прокомментирована, что делает модель научно обоснованным инструментом.

Предлагаемая концепция виртуального музея базируется на нескольких принципах: научная достоверность, доступность, интерактивность и образовательная направленность. Музей будет представлять собой веб-портал с адаптацией под мобильные устройства, а также VR-версию для наиболее полного погружения.

Структурно музей включает следующие разделы:

1. Историко-документальный модуль. Здесь собираются и систематизируются все доступные материалы по истории усадьбы и семьи Сан-Галли: архивные документы из ЦГИА СПб, публикации в журнале «Зодчий», фотографии разных лет, воспоминания современников, биографические сведения о владельцах и архитекторах. Каждый документ сопровождается научным комментарием и переводом (где необходимо). Этот раздел станет основой для дальнейших исследований.

2. 3D-реконструкция архитектурного облика. На основе сохранившихся чертежей, обмеров и фотографий создаются трёхмерные

модели особняка, флигелей, сада и ограды в разные исторические периоды. Первоочередная задача – воссоздание облика 1870-х годов, когда комплекс только что был построен. Особое внимание уделяется утраченным элементам: зимнему саду, фонтану «Рождение Афродиты» в его первоначальном виде, оригинальной обстановке парадных залов (мебель, светильники, драпировки). Модели могут быть представлены как в статичном виде, так и в формате интерактивных панорам, где пользователь может «перемещаться» и рассматривать детали.

3. Интерактивная карта усадьбы. Пользователь получает возможность «прогуляться» по территории, кликая на здания и объекты. При нажатии открывается окно с исторической справкой, архивными фотографиями, ссылками на документы и 3D-модели. Можно реализовать режим сравнения «было – стало», накладывая исторические изображения на современные.

4. Каталог предметов декоративно-прикладного искусства. В этом разделе собираются изображения и описания всех сохранившихся и известных по документам предметов: чугунного литья (решетки, вензеля, скульптура), витражей, живописных плафонов, мебели, светильников, каминов, вентиляционных решёток. К каждому объекту прилагаются сведения о технике изготовления, авторе, историческом контексте, местонахождении (для сохранившихся). Этот каталог может стать ценным ресурсом для искусствоведов, реставраторов и дизайнеров.

5. Образовательный модуль. Материалы музея могут быть интегрированы в учебные курсы по истории искусств, архитектуры, дизайна, реставрации, материаловедения. Возможна разработка виртуальных экскурсий (как для самостоятельного изучения, так и для групповых занятий с преподавателем), тематических квестов и заданий. Для студентов СПбГУПТД особый интерес представляет возможность изучения чугунного литья как художественного материала, истории промышленного дизайна, принципов организации отопления и вентиляции в исторических зданиях. Проект может служить основой для курсовых и дипломных работ.

6. VR-версия. С использованием технологий виртуальной реальности создаётся наиболее полное погружение: пользователь в очках VR может «пройти» по анфиладе залов, заглянуть в эркер, подняться на лестницу, ощутить масштаб пространства. Важно, что VR-версия должна быть не просто развлечением, а научно достоверной реконструкцией, основанной на документальных источниках.

Для создания виртуального музея необходима междисциплинарная команда, включающая историков, искусствоведов, архитекторов, 3D-дизайнеров, программистов и специалистов по VR. Работа должна начинаться с тщательного изучения всех доступных источников: архивных фондов, публикаций в дореволюционных журналах, иконографических материалов. На основе этого составляется детальное техническое задание для моделирования.

Современное состояние объекта может быть зафиксировано с помощью лазерного сканирования и фотограмметрии (при наличии доступа). Если доступ внутрь невозможен, моделирование интерьеров ведётся исключительно по историческим чертежам и фотографиям, что требует особой тщательности и указания степени достоверности.

Платформа для размещения музея может быть разработана на основе открытых технологий (WebGL, Three.js) с поддержкой мобильных устройств. Желательно предусмотреть возможность пополнения материалов зарегистрированными пользователями (исследователями) после модерации.

Создание виртуального музея усадьбы Сан-Галли имеет не только мемориальное, но и практическое значение. Для студентов СПбГУПТД это уникальная возможность познакомиться с эталонным образцом синтеза искусства и техники, изучить на конкретных примерах стилистические особенности историзма, технологию чугунного литья, принципы организации отопления и вентиляции в XIX веке. Музей может стать постоянной базой для проведения занятий по истории дизайна, материаловедению, реставрации, а также для выполнения творческих проектов.

Для города в целом проект станет важным шагом в популяризации промышленного наследия, которое часто остаётся в тени более известных дворцов и храмов. Привлечение внимания к таким объектам способствует формированию у горожан чувства сопричастности к истории и ответственности за её сохранение.

Усадьба Сан-Галли – уникальный памятник, воплотивший в себе лучшие достижения архитектуры, инженерии и декоративно-прикладного искусства второй половины XIX века. Её недоступность для широкой публики не должна означать забвения. Виртуальный музей, основанный на тщательном научном исследовании и современных цифровых методах, способен не только сохранить память об объекте, но и сделать её активно используемой в образовании, науке и культурном просвещении. Предложенная концепция может быть реализована в рамках межфакультетского сотрудничества СПбГУПТД и стать примером успешного применения цифровых технологий для сохранения культурного наследия. Дальнейшее развитие проекта видится в расширении круга источников, привлечении волонтеров и партнёров, а также в интеграции с другими виртуальными музеями Петербурга.

Список литературы:

1. Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Т. IV: Жилища и службы. – СПб., 1904.
2. Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга: исторический справочник. – СПб.: Logos, 2000.
3. Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Такая удивительная Лиговка. – М.; СПб.: Центрполиграф, 2013.
4. Зодчий. – 1877. – № 7.

- 5.Зодчий. – 1908. – № 32.
- 6.Кириков Б.М., Штиглиц М.С. Петербург немецких архитекторов: от барокко до авангарда. – СПб.: Чистый лист, 2002.
- 7.Лелина В.И. Образный ряд историко-архитектурной среды Обводного канала: прошлое и будущее // Петербург – центр промышленности и инженерного искусства: материалы науч. конф. – СПб., 2003.
- 8.Смышляев В.А. Сан-Галли – человек и завод. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
- 9.Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия. Т. 2: Деятнадцатый век. Кн. 3. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
- 10.Штиглиц М.С., Лелина В.И., Гордеева М.А., Кириков Б.М. Памятники промышленной архитектуры Санкт-Петербурга. – М.: Северный паломник, 2020.
- 11.Curriculum vitae заводчика и фабриканта Ф.К. Сан-Галли. – СПб., 1903.
- 12.ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 529, 530, 867.

Неманова Марина Руслановна

аспирант

Самарский национальный исследовательский университет имени академика

С. П. Королева

SPIN-код: 3777-9784

Marina Nemanova

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

**УПРАВЛЕНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ
ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ
ПРАКТИКИ И ВЫЗОВЫ В КАМПАНИИ ПО ОЗДОРОВЛЕНИЮ
ОБЩЕСТВА В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ (КОНЕЦ 1920-Х-НАЧАЛО 1930-
Х ГГ.)**

Аннотация: Статья посвящена анализу административно-организационных механизмов реализации государственной политики в сфере здравоохранения Средневолжского края в период первых двух пятилеток. На основе архивных материалов и документов периодической печати исследуется процесс формирования системы здравоохранения, а также практические меры по борьбе с социальными болезнями. Особое внимание уделяется противоречию между централизованным директивным планированием, амбициозными задачами «оздоровления» общества и хронической нехваткой материальных, кадровых и инфраструктурных ресурсов на местах. Делается вывод о том, что организационная модель здравоохранения носила мобилизационно-кампанейский характер и служила инструментом интеграции медицинской сферы в общегосударственные задачи индустриализации и социального контроля.

Ключевые слова: государственное управление; здравоохранение; Средневолжский край; пятилетние планы; административные практики; ресурсный дефицит; социальные болезни; 1920-1930-е годы.

**HEALTHCARE MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF FORCED
INDUSTRIALIZATION: ADMINISTRATIVE PRACTICES AND
CHALLENGES IN THE CAMPAIGN FOR SOCIETY'S HEALTH IN THE
MIDDLE VOLGA REGION (END OF 1920s-BEGINNING OF 1930s)**

Summary: The article is devoted to the analysis of administrative and organizational mechanisms of the implementation of state policy in the healthcare of the Middle Volga region during the first two five-year plans. Based on archival materials and periodicals, the article examines the process of establishing a healthcare system, as well as practical measures to combat social diseases. Special attention is given to the contradiction between centralized directive planning, ambitious goals of «healing» society, and the chronic lack of material, human, and infrastructure

resources in the field. The article concludes that the organizational model of healthcare was characterized by a mobilization and campaign approach, serving as a tool for integrating the healthcare sector into the national goals of industrialization.

Keywords: public administration; healthcare; Middle Volga region; five-year plans; administrative practices; resource shortage; social diseases; 1920s-1930s.

Период первых двух пятилеток (1928–1937 гг.) характеризовался не только ускоренной индустриализацией и коллективизацией, но и масштабной перестройкой всей социальной сферы, включая здравоохранение. Власть ставила задачу создать «нового человека» – здорового, дисциплинированного и продуктивного. Средневолжский край, как крупный промышленный и аграрный регион, стал полигоном для апробации соответствующих административных практик.

Актуальность исследования определяется повышенным вниманием современной исторической науки к проблемам эффективности государственного управления в условиях ускоренной модернизации. Опыт Средневолжского края в сфере организации здравоохранения в конце 1920-х – 1930-е годы представляет собой репрезентативный кейс для изучения взаимодействия центра и периферии, механизмов реализации масштабных социальных программ в контексте дефицита ресурсов, а также роли административного принуждения в достижении публичных целей. Анализ данной проблематики позволяет углубить понимание логики функционирования советской управленческой модели на региональном уровне.

Цель исследования – выявить и проанализировать структуру, принципы функционирования и ключевые дисфункции системы управления здравоохранением в Средневолжском крае в указанный период, а также оценить влияние ресурсных ограничений на реализацию политики по борьбе с социальными болезнями.

Основу системы управления здравоохранением края составляла жестко централизованная трехуровневая вертикаль. Высшим органом был Краевой отдел здравоохранения (Крайздрав), имевший сложную внутреннюю структуру, включавшую административно-организационный, лечебный, санитарный подотделы, отдел охраны материнства и младенчества (Матмлад), а также фармацевтическое отделение и отдел оздоровления [1, Л. 1-6]. Крайздрав занимался общим руководством, планированием и контролем. Для составления второго пятилетнего плана развития здравоохранения в 1932 году были созданы семь специализированных межведомственных бригад, что свидетельствовало о стремлении к комплексному, научно обоснованному планированию с привлечением научных институтов и общественных организаций [2, Л. 48].

Окружные отделы здравоохранения (Окрздравы) выступали в роли передаточного звена, исполняя директивы центра и координируя работу районов. Однако, как отмечала современная критика, они участвовали в проработке вопросов реорганизации «лишь в весьма ограниченной степени»,

что указывает на их слабую самостоятельность и сверхцентрализацию управления [3, Л. 1].

Основная нагрузка по практической организации медико-санитарного дела ложилась на районного инспектора здравоохранения. Согласно положению 1931 года, он был организатором всего медико-санитарного дела в районе, отвечая за планирование, санитарный надзор и проведение оздоровительных мероприятий [4, Л. 27.]. Фактически районный инспектор оказывался в ситуации двойного подчинения (райисполкому и Крайздраву) и хронической перегруженности, что вело к формальному исполнению указаний и срыву планов. Районы, по воспоминаниям современников, «как правило или не выполняют этих функций, или выполняют частично» [5, С. 3].

Практическая деятельность органов здравоохранения была сосредоточена на нескольких ключевых направлениях, определяемых общегосударственными задачами. Важнейшим из них, в контексте индустриализации, стало медицинское обслуживание промышленных предприятий. На производствах создавалась сеть врачебных и фельдшерских здравпунктов, чьи задачи включали оказание первой помощи, профилактику травматизма и профессиональных заболеваний. Эта сеть рассматривалась как «органическая часть индустриализации» [6, Л. 57].

Вторым приоритетом была борьба с инфекционными заболеваниями, объединенными в понятие «социальные болезни» (тиф, малярия, туберкулез). Профилактические меры включали санитарное просвещение, плановую вакцинацию, организацию пропускных пунктов на железнодорожных станциях для санобработки сезонных рабочих и переселенцев [7, С. 4]. Однако профилактика зачастую превращалась в административное принуждение. Например, постановление 1933 года предписывало обязательную вакцинацию всего населения Самары от брюшного тифа под угрозой штрафа в 100 рублей [8, Л. 26].

Борьба с социальными девиациями, такими как алкоголизм и проституция, которые также причислялись к «социальным болезням», носила откровенно репрессивный характер. Акцент делался не на лечебно-реабилитационные меры, а на уголовное преследование, штрафы и публичное осуждение через публикацию «чёрных списков» в местной прессе.

Ярким проявлением административно-мобилизационного стиля управления стали масштабные кампании с широким привлечением общественности: субботники, социалистические соревнования между медицинскими учреждениями, деятельность обществ типа «Общества борьбы с алкоголизмом» или «друзей зелёных насаждений» [9, Л. 23]. Эти практики должны были компенсировать недостаток ресурсов и сформировать новые социальные нормы.

Несмотря на разветвлённую управленческую структуру и обилие директив, реализация политики здравоохранения наталкивалась на системные ресурсные ограничения. Отчётные документы и критические публикации

рисуют картину хронического дефицита. Больницы и амбулатории зачастую находились в катастрофическом состоянии: помещения были тесными, неотапливаемыми, плохо освещёнными, а коридоры превращались в свалки. Обеспеченность медицинскими кадрами и медикаментами была крайне низкой, особенно в сельской местности.

Инфраструктурные проблемы сводили на нет многие усилия. Так, водопроводная система в Пензе стала причиной вспышек тифа из-за антисанитарного состояния баков, а планы по её ремонту срывались из-за отсутствия труб и бездействия домоуправлений [10, С. 3]. Особенно остро ресурсный дефицит ощущался в новых, приоритетных с точки зрения государства, секторах. К 1932 году, при наличии в крае более 100 совхозов, было заключено лишь 8 договоров на медицинское обслуживание [6, Л. 57].

Таким образом, система управления здравоохранением в Средневолжском крае в конце 1920-х – 1930-е годы представляла собой модель централизованного, директивного управления, полностью подчинённого общегосударственным политическим и экономическим задачам. Её характерными чертами были: жёсткая вертикаль власти, отраслевая специализация на краевом уровне, слабость промежуточных (окружных) звеньев и перегруженность низового (районного) аппарата. Практическая деятельность носила мобилизационно-кампанейский характер, сочетая элементы санитарной профилактики с административным принуждением и откровенно репрессивными мерами в отношении маргинализированных групп.

Главным противоречием и системной слабостью данной модели стал глубокий разрыв между масштабными планами, спущенными сверху, и реальными материально-техническими, кадровыми и финансовыми возможностями на местах. Управленческая система, ориентированная на выполнение количественных показателей и проведение массовых кампаний, оказалась малоэффективной в решении сложных, комплексных проблем общественного здоровья, требующих устойчивого ресурсного обеспечения и адресного подхода. Опыт Средневолжского края наглядно демонстрирует, как в условиях форсированной модернизации административные практики в социальной сфере могут приобретать утопически-принудительный характер, при котором формальное выполнение директив начинает преобладать над достижением содержательных результатов.

Список литературы:

- 1.Центральный государственный архив Самарской области (далее-ЦГАСО). Ф. Р-2148. Оп. 2. Д. 1.
- 2.ЦГАСО. Ф. Р-2256. Оп. 1. Д. 13.
- 3.ЦГАСО. Ф. Р-1160. Оп. 8. Д. 5.
- 4.ЦГАСО. Ф. Р-1160. Оп. 1. Д.1.
- 5.Организация лечебной сети в крае // Оренбургская коммуна. 19231. 5 июня.
- 6.ЦГАСО. Ф. Р-2148. Оп. 1. Д. 69.

- 7.Предупредительные меры против сыпного тифа и борьбе с ним // Известия ВЦИК. 1928. 21 июля.
- 8.ЦГАСО. Ф. Р-2148. Оп. 1. Д. 6.
- 9.ЦГАСО. Ф. Р-1160. Оп. 1. Д. 144.
- 10.Водопровод в домах ЖАКТов // Рабочая Пенза. 1936. 10 мая.

Нефедьева Елена Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения императора
Александра I

SPIN-код 5695-0537

Nefedeva Elena

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО ПОСТОЯННОГО НЕВСКОГО МОСТА

Аннотация: Мосты Санкт-Петербурга – это одна из его визитных карточек. История мостостроения здесь по продолжительности примерно равна истории самого города. Однако первый постоянный мост через главную реку столицы Российской империи был построен только в середине XIX века. В статье рассматривается история разработки проекта первого постоянного моста через Неву, трудности строительства, работы по украшению моста, благоустройство прилежащих набережных. В статье также объясняются переименования моста, необходимость и характер его реконструкций.

Ключевые слова: Благовещенский мост, постоянный мост, проект, разводные механизмы, реконструкция, строительство.

HISTORY OF THE FIRST PERMANENT NEVSKY BRIDGE

Summary: The bridges of St. Petersburg are one of its calling cards. The history of bridge construction here is roughly equal to the history of the city itself. However, the first permanent bridge across the main river of the Russian Empire's capital was not built until the mid-19th century. This article examines the development of the first permanent bridge across the Neva, the difficulties of construction, the work on its decoration, and the improvement of the adjacent embankments. The article also explains the bridge's renaming, the necessity, and the nature of its reconstruction.

Keywords: Blagoveshchensky Bridge, permanent bridge, project, drawbridge mechanisms, reconstruction, construction.

Санкт-Петербург сегодня известен всему миру как северная столица России, как культурная столица государства. Узнаваемый повсюду исторический архитектурный облик города в основном был создан в начале - середине XIX века замечательными мастерами того времени. Здесь получили свое заслуженное признание архитекторы, инженеры, строители, художники, создавшие классический Петербург как единый градостроительный ансамбль. Особую привлекательность городу придавали и придают петербургские мосты, которые связали берега Невы, Фонтанки, Мойки, других многочисленных здесь рек и каналов.

Мосты – это неотъемлемая часть облика Петербурга, так как город расположен в дельте Невы, на многочисленных островах. Считается, что первый постоянный мост в городе – Иоанновский. Он был перекинут через Кронверкский проток уже в первые годы жизни Петербурга для доставки строительных материалов в строящуюся Петропавловскую крепость. В «Описании Санкт-Петербурга и Кронштадта в 1710 и 1711 гг.» отмечено, что от крепости ведет «прекрасный, в двух местах подъемный деревянный мост, имевший около 300 шагов в длину» [5, с. 16]. При этом известно, что основатель города – русский царь Петр I – не приветствовал строительство мостов в Петербурге, так как считал, что они будут помехой для продвижения судов. Кроме того, царь хотел видеть новый город подобным Амстердаму, а его жителей – опытными моряками, свободно передвигающимися по рекам и каналам на шлюпках. Расширение площади Петербурга, особенно динамичное после того, как он стал столицей государства, с необходимостью требовало обеспечения более надежных связей внутри городской территории. Это приводило к появлению в городе все новых и новых мостов. Строились мосты деревянные, чугунные, каменные через различные реки и каналы.

Однако, на протяжении первых полутора веков истории Петербурга не было построено ни одного постоянного моста через Неву. Главная петербургская река с ее непредсказуемым характером, неизведанным дном, ежегодными подъемами уровня воды не позволяла современникам укротить себя. Не было соответствующих инженерных навыков, строительных технологий, материалов и техники, которые были необходимы для решения столь сложной задачи – построить капитальный мост через Неву. До середины XIX века невские берега соединялись наплавными – плашкоутными – мостами. Первый такой мост – Исаакиевский - был наведен в 1727 году. Он связал Васильевский и Адмиралтейский острова. Мост собирался весной после ледохода, а убрали его перед ледоставом осенью. К концу второго десятилетия XIX века, когда Карл Росси по-новому оформил ансамбль Сенатской площади, возникла потребность в модернизации и Исаакиевского моста. Эта работа была поручена главе «Комитета для приведения в лучшее устройство всех строений и гидравлических работ в Санкт-Петербурге» Августину Бетанкуру. В ноябре 1821 г. реконструированный Исаакиевский наплавной мост был открыт для движения.

Плашкоутные (наплавные) мосты были необходимой, но ненадежной, а потому временной мерой. Подобная переправа через главную петербургскую реку особенно страдала во время весенних и осенних бурь, во время наводнений, когда плашкоуты срывались со своих мест. И, следовательно, отдельные части столицы оказывались отрезанными друг от друга. Кроме того, очень сложной и продолжительной была процедура отведения моста при проходе по Неве судов. Открытие реки для движения судна занимало около двух часов, а наведение плашкоутов вновь продолжалось от четырех до шести дней. Эти проблемы порождали острую необходимость в строительстве

постоянной переправы через Неву. Сложная эта задача успешно была решена только в середине XIX века. В 1830-е гг. в существующую в Петербурге Комиссию проектов и смет поступало множество проектов строительства постоянного невского моста. Однако Комиссия отдала предпочтение проекту Станислава Валериановича Кербедза. Комиссия высоко оценила предложенный автором проект и отметила «что при составлении проекта своего капитан Кербедз доказал глубокие теоретические познания и отличные сведения в строительном искусстве... Столь необыкновенные успехи в трудном поприще инженерной науки нельзя ничему иному приписать, как счастливому соединению необыкновенных природных способностей, примерных приложений и стараний усовершенствоваться» [3, с. 57]. Предложение Комиссии о дальнейшей разработке проекта Кербедзом было одобрено Главным управлением путей сообщений и публичных зданий. В 1842 г. Николай I утвердил проект, предоставленный С.В. Кербедзом. 6 ноября было высочайше подписано «Положение о сооружении в Санкт-Петербурге постоянного моста через реку Неву». Для дальнейшей разработки деталей проекта и для контроля за его реализацией был создан специальный комитет из высших чинов, возглавил который председатель Департамента проектов и смет ведомства путей сообщения М.Г. Дестрем. Согласно Положению Кербедз был назначен строителем моста. В этом же году С.В. Кербедз начал свою деятельность в качестве профессора курса практической механики в Институте инженеров путей сообщения. Но в 1848 г. он вынужден был уволиться, так как строительство первого постоянного моста через Неву забирало все время, мысли и силы инженера.

Строительство моста началось в 1843 году. Этому предшествовало дополнительное рассмотрение проекта членами Департамента проектов и смет совместно с Комитетом сооружения невского моста на предмет надежности предлагаемой автором конструкции. Слишком новой, неизведанной, ответственной виделась эта работа современникам. В результате повторного анализа был одобрен «как выбор системы чугунных арок невского моста, так и размеры составных частей». Принято решение, что «проект постоянного моста невского не требует ни в чем ни малейшего изменения, произведенные же и предназначенные работы вполне прочно и надежно во всех частях и отношениях удовлетворяют цели своего назначения и не подвержены не только опасности и даже никакому сомнению» [3, с. 63].

В реализации проекта, наряду с его автором, участвовали инженеры путей сообщения К.Ф. Бентковский, К.Л. Маслаковец, Л.И. Павловский, С.С. Корсаков, А.А. Серебряков, специалисты разных профессий, подрядчики, многочисленные «рабочие люди». Проект предусматривал сооружение чугунного арочного моста. Он состоял из восьми пролетов, семь из которых перекрывались пологими чугунными арками. Последний пролет со стороны Васильевского острова был разводным. Здесь стоит отметить, что разводные пролеты первых невских мостов не поднимались «крыльями» вверх, а

отводились в стороны. И первый мост разводился так же вплоть до его реконструкции во второй половине 1930-х гг. Решетки-ограждения для моста были отлиты по рисункам архитектора А.П. Брюллова. В центре каждого звена решетки был изображен трезубец Нептуна, с двух сторон поддерживаемый фигурами сказочных морских коньков. Ажурная решетка, а также ажурные чугунные арки пролетов создавали у современников впечатление необыкновенной легкости, воздушности моста. Газовые фонари на чугунных столбах дополняли архитектурное украшение моста. Современники следили за строительством первого постоянного невисского моста и понимали необычность и масштабность этой стройки. Осенью 1844 г. петербургская газета «Северная пчела» с восхищением писала по этому поводу: «Самая постройка моста – дело гигантское. Едва ли в новые времена проводились работы по такому огромному плану, с такою удивительной точностью, изяществом, вкусом и из такого драгоценного материала! Горы гранита переброшены сюда из Финляндии. И, как нежный воск, повинуются гениальной мысли человека! Паровые машины бьют сваи посреди быстрой и глубокой Невы, меж тем как под водою устраивают прочные каменные фундаменты на укрепленном сваями грунте» [1, с.59].

Открытие движения по новому мосту состоялось 21 ноября 1850 года. Происходило открытие при большом стечении публики: как петербуржцев, так и гостей столицы. Для города это был настоящий праздник, в котором приняла участие и царствующая фамилия. Источники сообщают, что утром в этот день состоялся молебен, посвященный открытию моста, мост был освящен. Император и члены императорской семьи прибыли к мосту в середине дня. Именно Николай I первым прошел пешком по мосту от Английской набережной к Васильевскому острову в окружении всех, кто принимал непосредственное участие в его сооружении. Императора сопровождали Главноуправляющий путями сообщения граф П.А. Клейнмихель, председатель Департамента проектов и смет генерал-лейтенант М.Г. Дестрем, автор проекта С.М. Кербедз. В обратном направлении, от набережной Васильевского острова до Адмиралтейской набережной, император отправился в открытой коляске, за ним следовали великие князья Константин Николаевич и Михаил Николаевич, Николай Николаевич, герцог Лихтенбергский [2, с.9]. Состоявшийся в столице праздник по поводу открытия первого постоянного моста через Неву был вполне оправдан. Новая переправа впечатляла современников своими размерами, красотой, изяществом. Протяженность сооружения достигала почти 300 метров. В то время в Европе это был самый длинный постоянный мост.

При открытии мост получил название Благовещенский. Это название происходило от храма лейб-гвардии Конного полка во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, стоявшего на одноименной предмостной площади на левом берегу Невы. Однако, после смерти в 1855 г. императора Николая I, мост был переименован и получил название Николаевский. Современники считали такое переименование моста уместным, так как император при

жизни действительно уделял большое внимание проектированию и строительству моста. Известно, что именно он определил место строительства моста, участвовал в рассмотрении деталей проекта в ходе его разработки, следил за ходом сооружения моста, расходом денежных средств. Следующее переименование моста произошло при смене политической ситуации в России. В 1918 г. мост получил новое имя: его называли «Мост Лейтенанта Шмидта» в честь руководителя восстания моряков на крейсере «Очаков» во время Первой российской революции. Советскими руководителями тогда было принято решение установить на мосту памятник лейтенанту Шмидту, но это решение так и не было исполнено. Историческое название – Благовещенский – было возвращено мосту в 2007 году.

Благоустройство Благовещенского моста и близлежащей территории продолжалось и после открытия здесь движения. Проект Кербедза предусматривал переустройство предмостных набережных с обеих сторон реки. На Васильевском острове было намечено создание набережной от Академии художеств до Горного института. Серьезная реконструкция планировалась и на левом берегу Невы. Здесь утверждалось сведение Адмиралтейского канала в трубу, покрытие его землей и устройство на его месте Конногвардейского бульвара. Сооружение гранитной набережной с пристанями на Васильевском острове началось уже в 1848 г., но в основном эти работы производились в 1850-1854 гг. Максимально была преобразована и Благовещенская площадь, которая теперь превратилась в одну из центральных площадей столицы Российской империи. Замечательным украшением моста стала установленная на нем в 1854 году часовня, освященная во имя Святого Николая Чудотворца. Часовня была сооружена по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера. Уже в советское время в 1930 г. часовню разобрали.

Начало движения по постоянному невоскому мосту, благоустройство здесь набережных, открытие часовни сделали Благовещенский мост и окружающую его территорию одним из самых популярных мест прогулки жителей Петербурга. Современник отмечал: «Любимая прогулка теперь – Благовещенский мост, драгоценное ожерелье красавицы Невы, верх искусства во всех отношениях! Мост прельщает в двойном виде. Днем он кажется прозрачным, будто филиграновым, легким как волны, а при ночном освещении является громадною массою, спаивающей между собою два города...» [4, с. 23].

На протяжении своей истории Благовещенский мост пережил две крупных реконструкции. Первая осуществлялась во второй половине 1930-х гг. Она была вызвана в первую очередь часто повторяющимися неполадками разводного механизма. В результате его поломок зачастую тормозился проход судов по Неве. Проект реконструкции был подготовлен профессором ЛИИЖТа Г.П. Передерием и инженером-мостостроителем В.И. Крыжановским. В ходе этой реконструкции разводными стали средние пролеты моста. Старые фонарные столбы сняли с перил моста и перенесли на Марсово поле. Были

демонтированы и чугунные арочные конструкции, их заменили на более современные стальные конструкции. Замечательно сохранившиеся чугунные арки были отправлены в Тверь и использованы при строительстве нового моста через Волгу.

Новая реконструкция потребовалась мосту уже в начале XXI века. Построенный еще в середине века XIX мост исчерпал свой ресурс, уже не соответствовал новым требованиям, предъявляемым к современным крупным речным переправам. Недостаточная для мощного транспортного потока ширина моста, устаревшая система разводки нуждались в масштабной перестройке. Мост был закрыт для движения в 2005 – 2007 гг. В этот период полотно моста было расширено, сняты трамвайные пути, установлена новая гидравлическая система разведения. 15 августа 2007 года, реконструированный Благовещенский мост был вновь открыт для движения.

Список литературы:

1. Богданов, Г.И., Ярохно, В.И. Петербургские мосты и их строители. К 125-летию кафедры «Мосты» Петербургского государственного университета путей сообщения. 1883-2008. – Санкт-Петербург: ООО «Белое и Черное», 2008. – 176 с.
2. Волкова, М.П. Первый постоянный мост через Неву // История Петербурга. – 2005. - № 4 (26). – С. 9 – 12.
3. Воронин, М.И., Воронина, М.М. Станислав Валерианович Кербедз. 1818 – 1899. – Л.: Изд-во «Наука», 1982. – 176 с.
4. Мосты Санкт-Петербурга. – ЗАО «ИИЦ Норма-8», 2010. – 184 с.
5. Первушина, Е.В. Мосты Петербурга. В прошлом, настоящем и будущем. – СПб: Изд-во ЦП, 2025. – 393 с.

Никитина Наталья Владимировна
кандидат исторических наук, доцент
Смоленский государственный университет
SPIN-код: 5953-8010
Nikitina Natalia
Smolensk State University

СОСТОЯНИЕ ДОРОЖНОЙ СЕТИ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1820-1830-Е ГГ.

Аннотация: Статья посвящена анализу состояния дорожной сети Смоленской губернии в 18220-1830-е годы. Автор рассматривает развитие транспортной инфраструктуры региона, уделяя внимание основным транспортным сетям и условиям передвижения по губерниям Российской империи. На основе анализа неопубликованного документального материала подробно описаны ключевые и второстепенные дороги в пределах Смоленской губернии. Автор исследует механизмы финансирования ремонтных работ, роль местных властей и населения в поддержании транспортных коммуникаций. Особое внимание уделено организации мероприятий по подготовке путей передвижения в преддверии приезда в Смоленскую губернию императора Александра I в 1825 году. Автор делает вывод о сложности организации ремонта и постоянном износе дорожного покрытия в пределах губернии, которые были обусловлены как сложными природно-климатическими условиями, так и феодальными методами восстановления дорожной сети, отсутствием должного объема финансирования этих работ.

Ключевые слова: Смоленская губерния, 1820-1830-е годы, дорожная сеть, ремонт, императорские визиты.

THE STATE OF THE ROAD NETWORK IN THE SMOLENSK PROVINCE IN THE 1820s AND 1830s

Summary: The article is devoted to the analysis of the state of the road network in the Smolensk province in the 1820s and 1830s. The author examines the development of the region's transport infrastructure, focusing on the main transportation networks and the conditions of travel within the provinces of the Russian Empire. Based on the analysis of unpublished documentary materials, the article provides a detailed description of the key and secondary roads within the Smolensk province. The author explores the mechanisms for financing repairs and the role of local authorities and the population in maintaining transportation networks. Special attention is paid to the organization of measures to prepare the routes in anticipation of the arrival of Emperor Alexander I in the Smolensk province in 1825. The author concludes that the organization of repairs and the constant deterioration of the road surface within the province were difficult due to the complex

natural and climatic conditions, as well as the feudal methods of restoring the road network and the lack of sufficient funding for these works.

Keywords: Smolensk Province, 1820-1830s, road network, repairs, imperial visits.

«Генеральная карта Смоленской губернии с показанием почтовых и больших проезжих дорог, станций и расстояния между оными верст. Сочинена по новейшим и достоверным сведениям в Санкт-Петербурге 1829 года» позволяет нам представить состояние смоленских дорог в конце 1820-х годов. На ней отмечены все почтовые станции, главные почтовые, губернские и уездные, а также проезжие большие дороги в губернии.

На карту нанесены две главные почтовые дороги, которые сформировались еще в XVIII веке. Первая дорога – Московская – вела от станции Ляды на границе с Витебской губернией через уездный город Красный, почтовую станцию Корытня к Смоленску, а далее через почтовые станции в Бредихино, Пневской слободе, Михайловке, Дорогобуже, Васино, Семлево, Вязьме, Теплухе, Гжатске, Гриднево в Московскую губернию. Второй почтовый тракт соединял Смоленскую губернию с Санкт-Петербургом: Смоленск – Терехово – Пересуды – Поречье и далее через Витебскую губернию на северо-запад Российской империи. Третья почтовая дорога оформилась в первой четверти XIX века: от Смоленска вела на юг в Черниговскую губернию через почтовые станции Дрожжино, Лабково, Боровка на реке Хмарь, Ворошилово, постоялый двор Крапивенский, Рославль, Рудня, Рухань и Свара. Среднее расстояние между почтовыми станциями на этих трактах в пределах губернии составляло 18 – 20 верст, хотя в отдельных случаях перегоны были и в 30 - 31 версту (например, между Рославлем и Рудней, Гжатском и Теплухой), что соответствовало исторически сложившейся дорожной сети.

Дорог губернского значения на карту нанесено три. Первая начиналась в Рославле и вела через станции Жарино и Островню в Калужскую губернию. Вязьма также была соединена через уездный город Юхнов с Калугой губернской дорогой. От Гжатска широкий путь вел в Тверскую губернию.

Уездные дороги связывали все города Смоленской губернии в один транспортный узел: в 25 верстах от Смоленска по почтовому тракту начиналась дорога к Духовщине (через почтовую станцию Помогайлово). Из Духовщины две уездные дороги вели к Поречью и Белой. Через уездную Вязьму можно было попасть в Белую и Сычевку. Ельня была соединена с Дорогобужем такой же по значимости дорогой.

Большие проезжие дороги, менее значительные в экономическом и транспортном отношении, связывали уездные города и крупные торговые села не только Смоленщины, но и ближайших губерний (Ельню и Рославль, Смоленск и Хиславичи, Дорогобуж и Духовщину, Дорогобуж и Сычевку, Сычевку и Гжатск, Гжатск и Юхнов).

Вся дорожная инфраструктура ежегодно требовала ремонта. Губернские власти через городничих и местные органы самоуправления каждую весну исправляли дороги внутри городских центров. В марте 1826 года гражданский губернатор И. Храповицкий распорядился выделить на устройство тротуаров в Смоленске белый камень (известняк), который можно было взять из развалин взорванных Наполеоном башен Смоленской стены. Такие тротуары было решено устроить вокруг присутственных мест на Блонье в губернском центре. По улицам, идущим около Блонье, Городской думе было приказано немедленно сделать мостовые, «ибо присутственные места, находящиеся на тех улицах, уже свою пять саженную принадлежность исправляют». Дума была обязана также камнем исправить обвалившиеся тротуары на двух каменных мостах на Московской дороге и покрасить столбы вдоль почтового тракта в пределах городской выгонной земли. Жители города для устройства мостовых вокруг своих домов могли использовать щебень, булыжники и мусор «у разобранных мест городской стены» [1, л. 9]. Интересно, что за 4 года до этого впервые были предприняты попытка прекратить варварский разбор Смоленской крепостной стены. 22 января 1822 года император Александр I своим указом объявил: «Сломка древних стен и башен города Смоленска должна быть прекращена немедленно». 7 февраля 1822 г. Смоленский вице-губернатор отдал рапорт Смоленской строительной экспедиции и коменданту крепости Харламову «о немедленной остановке разборки древних стен и башен города Смоленска». Однако, как видим, в 1826 году разбор взорванных башен и прясел стены продолжился, никакие указы императора не могли остановить этот процесс.

Состояние дорог, гатей и мостов было постоянным предметом забот местной власти. Но проезды царских особ через губернию, как и во все времена, требовали быстрого ремонта и приведения в порядок дорожного покрытия в экстраординарных условиях.

В 1825 году гражданский губернатор И. Храповицкий был озабочен проездом через Дорогобуж императора Александра I, который намеревался посетить город в начале сентября. Экстраординарность ситуации состояла в том, что маршрут пролегал не по главным трактам губернии, а по второстепенным Духовскому и Ельнинскому, состоянию которых был крайне неудовлетворительным. Началась лихорадочная подготовка дорог и мостов к визиту императора.

13 августа губернатор писал уездному предводителю Аканфию Никитичу Кононову: «...озабавиваясь столь важным и экстренным случаем я дал надлежащее предписание гг. городничему и земскому исправнику и препроводил к ним маршрут Высочайшего шествия с предписанием моим, чтобы они бы Ваши требования исполняли как бы мои предписания к устройству дорог и города, а Вас прошу употребить старания Ваши и все усилия на отделку города и той дороги, по которой совершается таковое путешествие» [3, л. 149].

Смоленские власти получили порядок проезда императора: он должен по Духовскому тракту доехать до Дорогобужа, а дальше через Ельню покинуть пределы губернии. После поездки Храповицкого с инспекцией 20 августа 1825 года Кононов получил письмо следующего содержания: «Как от Дорогобужа к Ельне нет форменных верстовых столбов, то имеете Вы таковые взять Московской дороги по Духовскому уезду и поставить оные к Измайловской станции». 22 августа Храповицкий поручил Кононову «тотчас командировать к нему 100 человек из рабочих для отделки городской дороги от Дорогобужа к Ельне... и чтобы дорога сия к первому сентября ... была бы окончена».

25 августа 1825 года московский почтовый Быстров прибыл в губернию для осмотра почтовых станций на пути следования императора. Для бесперебойного проезда царского кортежа было необходимо выставить 80 лошадей, кроме запасных на всех станциях по маршруту императора. В том числе на Духовский тракт в селе Засижье – 6 лошадей, на ельнинской дороге в деревне Измайлове – 6 лошадей с кучерами и фореиторами. Быстров распорядился из Вяземского уезда со постовых станций Теплушинская и Семлевская отправить лошадей в Дорогобужский уезд, поскольку местные дворяне не смогли обеспечить такое количество гужевого транспорта.

29 августа Храповицкий торопил Кононова в личном письме «поскорее окончить участок городской и доделать, где надобно надолбы и поставить верстовые статьи... Городу скажите, чтобы оной неприменно ко второму числу сентября окончил все свои поправления и исправления».

Дорогобужский исправник Циглерский 1 сентября был отправлен к с. Засижье, где «понуждал священника окрасить дом его, который назначен под станцию для проезда Высочайших особ, но он уважительно от сего отказался по той причине, что не имеет состояния».

Уже после вполне удовлетворительно прошедшего визита императора 5-6 сентября, а затем и его супруги 11 сентября Кононов рапортовал: «По случаю Высочайшего шествия их императорских Величеств в город Дорогобуж и уезд по предписанию Вашего Провесоходительства (Храповицкого – Н.Н.) две дороги Духовская и Ельнинская были отделаны силами всего уезда, на которых устроены вновь 19 мостов, перилы покрашены, гати отсыпаны и надолбы поставлены, горы во многих местах спущены и косогоры срезаны, в помощь городу на отделку дорог их и плавучего мосту через Днепр дано было мною до 140 человек. Форменные вестовые столбы на обеих дорогах были поставлены, и вся сия трудная работа кончена была в 9 дней тремя тысячами шестистами человеками». Несомненно, основную часть тяжелых работ выполнили крепостные крестьяне тех помещиков, через чьи земли пролегали эти дороги (Барышников И.и., Белкин Ф.М., Дяттеров Н.В., Пенский Б.Н., Хлюстин М.А.).

Интересно, что главным вопросом, которым был озабочен Кононов во время визита императора – вопрос о качестве смоленских дорог. Описывая в письме к генерал-губернатору Хованскому свои ощущения от визита, Акинфий Никитич остановился и на иллюминировании фонарями, «плошками» и

«смоляными бочками» четырех церквей и собора, плавучего моста и берега Днепра в Дорогобуже («все огни отражались в воде, делали вид чрезвычайности»), и на поведении императора («милостиво изволил поклониться» собравшему народу), но большую часть письмо он посвятил и тому, как император отзывался о состоянии дорог: «Я спросил у генерала Дибича, как его Величество довольны были дорогами, что и нас всех интересует; они отечали в присутствии дворян, что дороги весьма хорошие и государь весьма доволен, то же самое подтвердил мне полковник Соломин и лейб-кучер... В половине 10-м часу государь изволил отправиться прямо в путь в вожделенном здравии, и возвратясь с Ельнинской границы исправник донес мне о благополучном проезде Е.И.В через уезд».

Несомненно, приезд императора в уездный город – это всегда событие для местной власти и общества. Однако, документы свидетельствуют, что таких лихорадочных подготовительных действий не было в том же году в апреле месяце, когда принц Оранский проезжал через Дорогобуж и Смоленск, так как ехал он из Москвы до Варшавы по Московскому почтовому тракту, который был гораздо более подготовлен и систематически ремонтировался.

В 1829 году смоленским гражданским губернатором был назначен Николай Иванович Хмельницкий. По словам биографа этого государственного деятеля последний за восемь с половиной лет своего губернаторства в Смоленске «сделал для города Смоленска и губернии чуть ли не больше, чем каждый из остальных губернаторов, состоявших в этой должности по 10 – 15 лет. Недаром имя Хмельницкого до сих пор не забыто смолянами, которые вспоминают о нем, как об одном из лучших начальников края».

Уже в первый год своего назначения Хмельницкий распорядился собрать статистические сведения о всех городах и уездах губернии через городничих и уездных исправников. В том числе были учтены все проездные пути, мосты и гати по дорогам губернии. Сычевский городничий Яковлев доносил, что среди путей сообщения в городе есть один мост через реку Лосьминку, две небольших гати и перевоз через реку Вазузу. Вяземский городничий Карцов отметил, что мостов в городе три, гатей и перевозов не имеется. Рапорт Юхновского городничего Ковалева не содержал сведений о дорогах в городе. Поречский глава города Амболовский учел три моста, одну гать и два перевоза. Городничий Рославля Веселовский сообщил о трех мостах и трех гатях в городе. Гжатские и Бельские городские власти ничего не написали о дорогах, а Ельнинский городничий Овсянников насчитал шесть мостов и две гати. Смоленский полицмейстер Юров и градский голова В. С. Кульбацкий упомянули двадцать мостов, две гати и один временный перевоз через реку Днепр. Краснинский городской глава сообщил о двух мостах и двух гатях в пределах города. Дорогобужский городничий Гурьев отметил наличие семнадцати мостов, пяти гатей и двух временных перевозов. Духовские власти учли одну гать и один перевоз на городской земле.

Дорожная статистика в уездах Смоленской губернии в этот период регистрирует следующие инфраструктурные путевые объекты. В Рославльском уезде: почтовые дороги – 3, в них верст – 161, почтовых станций – 7, на них лошадей – 48, число постоянных дворов – 68, мостов – 1010, гатей – 9896 на всех дорогах уезда. Исправник Смоленского уездного суда насчитал в пределах уезда почтовых трактов – 1, Ельнинский исправник сообщил о 2-х почтовых дорогах протяженностью 45 верст с одной единственной почтовой станцией, почтовых домов – 26, мостов – 84 и гатей – 285 на территории уезда. В Сычевском уезде в этот период было 11 почтовых дворов, 19 постоянных домов, 55 мостов, 260 гатей и 4 перевоза. Краснинский нижний суд пересчитал в пределах уезда 1 постоянный двор, 22 питейных дома, 150 мостов, 147 гатей по дорогам и один перевоз через реку Днепр. На территории Бельского уезда разместилось: дорог почтовых – 1, в них верст - 41, число станций - 2, число постоянных дворов - 4, число лошадей - 23, число мостов - 9969, число гатей - 25158, перевозов – 2. В Духовщинском уезде насчитали 1 большую проезжую дорогу, на которой было 66 мостов, 135 гатей и 3 перевоза. В Гжатском уезде 11 постоянных дворов, 29 питейных домов или корчем, 283 моста, 17853 гати и 2 перевоза. В Юхновском уезде сельский заседатель Горбунов отметил 2 почтовые дороги длиной 55 верст, 1 почтовую станцию с 10 лошадьми, 7 постоянных дворов, 42 моста, 106 гатей и 5 перевозов. Всего по уездам было учтено 12 почтовых дорог, 39 почтовых станций, 389 постоянных двора, 44221 гать, 12129 мостов и 32 перевоза. Такая сложная система требовала постоянного ремонта и поддержание хотя бы в относительном порядке всего дорожного хозяйства.

В период губернаторства Хмельницкого Н.И. вопрос о содержании и ремонте дорог поднимался ежегодно. В июне 1834 года в Смоленской городской думе был рассмотрен вопрос о ремонте Московского тракта в пределах городской земли по представлению губернатора: «... во многих местах надолбы и перилы поломаны от гнилости» [2, л. 555 об.]. По его приказу «в немедленном времени» гласному думы Мозжакову было отдано распоряжение об устранении этих недостатков. Что уж говорить о состоянии других дорог, если в непосредственной близости от Смоленска Московский тракт был в таком плачевном состоянии?

В конце лета 1834 года понадобился ремонт на Киевской дороге, который продолжался около месяца, было нанято около 30 рабочих, которые ремонтировали особо заболоченные места досками и использовали 80 возов «фашинника» [2, л. 651]. В это же время был отремонтирован деревянный мост на Рославльской дороге, столбы на Московской дороге, дорога на Покровской горе внутри города.

Таким образом, к середине 1830-х годов дорожная сеть в Смоленской губернии сложилась, однако все дороги были грунтовыми и отличались только шириной дорожного полотна и развитостью инфраструктуры (наличием почтовых станций, постоянных дворов и гостиниц). В 1829-1831 годах 390

почтовых и курьерских лошадей в Смоленской губернии содержались за счет земских повинностей – 113 919 рублей 90 копеек [4, л. 7]. Однако, приходится признать, что средневековые методы реконструкции дорог и постоянно отсутствие денег сказывались на их состоянии не лучшим образом.

Список литературы:

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1 (1826). Д. 10.
2. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1834). Д. 141.
3. ГАСО. Ф. 277. Оп. 1 (1825). Д. 10.
4. ГАСО. Ф. 277. Оп. 1 (1828). Д. 12.

Нуйкин Леонтий Николаевич

майор 12 отряда специального назначения «Урал», преподаватель

Нижнетагильский торгово-экономический колледж

Nuikin Leontiy

Nizhny Tagil Trade and Economic College

СОВЕТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В БИТВЕ ЗА ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ В 1944 -1945 ГОДАХ

Аннотация: Статья посвящена советским формированиям специального назначения, активно действовавших в ходе стратегической наступательной операции в Восточной Пруссии в 1944 - 1945 годах. Рассматриваются партизанские, диверсионные, разведывательные формирования и специальные штурмовые инженерные формирования специального назначения, выполнявших на территории противника специальные боевые задачи. Приводятся сведения о конкретных частях специального назначения, показавших беспримерный героизм и высокую результативность боевой работы.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Кенигсберг, особый, спецназ, разведка, партизан, формирование, подразделение.

SOVIET SPECIAL FORCES IN THE BATTLE FOR EASTERN PRUSSIA IN 1944-1945

Summary: The article is devoted to Soviet special forces units that were actively involved in the strategic offensive operation in East Prussia in 1944-1945. It examines the partisan, sabotage, reconnaissance, and special assault engineering units that carried out special combat missions on enemy territory. The article provides information about specific special forces units that demonstrated exceptional heroism and high combat effectiveness.

Keywords: East Prussia, Kenigsberg, special forces, intelligence, partisans, formation, unit.

Фундаментальный 12-томный труд «Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов» своим 6-ым томом «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны» освящает действия разведывательных и специальных формирований, в т. ч. в Восточно-Прусской операции. В то же время, именно действиям частей специального назначения, по нашему мнению, уделено недостаточно внимания, т.к. авторы в своих работах обычно рассматривают только отдельные группы формирований (например, партизанские, разведывательные или инженерный спецназ). Поэтому в этой статье, мы постараемся обобщенно коснуться всех этих формирований спецназа.

Формирования спецназначения представляют собой малые подразделения, подготовленные по особой программе для проведения специальных операций с применением специальной тактики и средств [11, с.5].

Части специального назначения и особого назначения в годы Великой Отечественной войны можно условно разделить по назначению и боевому применению на штурмовые, разведывательные и разведывательно-диверсионные подразделения. Как наиболее подготовленные, с учетом текущей обстановки, они использовались и по своему профилю деятельности и при выполнении смежных и общевойсковых задач. При этом, к разведывательно-диверсионным относили бригады ОСНАЗ - особого назначения (например, активно действовавшая в начале войны в Подмоскovie ОМСБОН – отдельная мотострелковая бригада особого назначения), а штурмовые инженерно-саперные бригады практически всегда именовались в военных документах «СН», «СПЕЦНАЗ». Также в названиях подразделений прослеживалась ведомственная принадлежность: «спецназ», прежде всего, по линии Красной Армии, а «осназ» - по линии НКВД.

Говоря о частях особого назначения, укажем, что не все они были спецназом в современном понимании этого термина. Отметим отдельной строкой особые лыжные батальоны, действовавшие на Ленинградском фронте, особые отряды собак нартовых упряжек специальных служб разных фронтов, авиационные и транспортные авиационные полки авиадивизий ОСНАЗ, Особые Армии ПВО, особо-строительные понтонные части, имевшие специфические и вспомогательные задачи, отличные от общевойсковых действий. Однако, для частей, ведущих десантно-штурмовые действия, мог применяться термин «Особый» (например, 274 отдельный моторизованный батальон особого назначения 5 Ударной Армии, в задачу которого ставился захват Кюстринского плацдарма на реке Одер).

В данной статье мы ограничимся рассмотрением только формирований специального назначения, действовавших «на земле», в пешем порядке и выполнявших боевые, а не вспомогательные задачи в битве за Восточную Пруссию. По этой причине, артиллерийские и авиационные части СПЕЦНАЗ рассматривать не станем. Итак, в Восточной Пруссии действовали:

1). Партизанские формирования.

На территории Восточной Пруссии изначально отсутствовали каких-либо подпольные и партизанские структуры, которые могли бы заблаговременно собрать и дать нужную командованию информацию. Поэтому, таковые забрасывались на территорию предстоящих боев извне.

Диверсионно-разведывательные группы партизанского специального соединения Отдельного отряда особого назначения НКГБ СССР (бывший ОМСБОН) проникали на территорию Восточной Пруссии со стороны Польши и Литвы с осени 1943 и действовали до августа 1944 года. Отдельный отряд состоял из Интернациональной группы майора С.А. Волокитина; спецотрядов НКВД «Гвардия», «Гвалдахара», «Дружина», «Комета»; двух

разведывательных групп спецотряда НКВД «Боевой». Обе базировались под Вильнюсом в Рудницкой пуще; группы политрука Николаева из состава Партизанского отряда особого назначения «Местные» [9]. После освобождения Белоруссии, в Восточную Пруссию направлялись те белорусские партизаны, которые действовали в составе специальных диверсионно-разведывательных отрядов и групп специального назначения НКВД. Специфичными участниками боев становились просоветские партизанские отряды польской Армии Людова, часть которых в 1944 году переправлялась на самолетах для партизанской войны в Восточной Пруссии [5].

2). Разведывательные подразделения.

В хорошем обзорном исследовании «Восточная Пруссия и Кёнигсберг в наградах разведчиков» [1] о роли разведки в Восточно-Прусской и Кенигсбергской операции на основе архивных сведений приводятся наиболее полные сведения о структурах, занимавшихся разведывательной и разведывательно-диверсионной деятельностью.

Советских разведчиков, которых забрасывали в Восточную Пруссию можно разделить по следующим направлениям: 1) Стратегическая разведка — по линии ГРУ НКО СССР; 2) Внешняя разведка — по линии 1-го ГУ НКВД/НКГБ СССР; 3) Оперативная/специальная/глубинная разведка, которую вели: РУ ГШ РРКА; РО/РУ штабов 1 ПбФ, 1 БФ, 2 БФ, 3 БФ, КБФ; 4-е управление НКВД/НКГБ СССР и ОО ОН (он же ОМСБОН); спецроты и аппарат агентурной разведки управлений войск НКВД по охране тыла 1 ПбФ, 2 БФ, 3 БФ; зафронтовые органы ГУКР СМЕРШ; диверсионно-разведывательные формирования 9 отд. гв. бм МВО; Украинский ШПД (штаб партизанского движения), Белорусский ШПД, Литовский ШПД [1], (о них писалось выше).

Летом 1944 года складывался особый отдел, координировавший работу управлений контрразведки «СМЕРШ» 3-го Белорусского, 2-го Белорусского фронта и 1-го Прибалтийского фронтов. Контрразведчики – чекисты, и их агентура способствовали получению также разведданных. Эта мало афишируемая страница спецслужб рассмотрена генерал-лейтенантом запаса А. Здановичем в статье «Особый отдел молчаливого подвига»[3].

С осени 1944 года - начале 1945 года на территорию Германии шла активная заброска разведывательно-диверсионных групп «для освящения тылов германских войск» [12]. Приказ Наркомата обороны по агентурной разведке №001-45 г. предписывал с вступлением на территорию Германии усилить разведывательно-диверсионную деятельность и увеличить число забрасываемых в тыл противника разведгрупп (организацией и заброской разведгрупп в 1944-1945 гг. руководил начальник 3-го отделения Разведотдела штаба 3 Белорусского фронта Орлов Георгий Ильич[8]. Немецкая бдительность и «диверсанта-боязнь», а также отсутствие лояльного местного населения и полностью враждебное немецкое окружение заставляли их вести деятельность в сложнейших условиях. Диверсионная деятельность для таких групп была вторичной, приоритет отдавался разведывательным действиям, в т.ч. не только

боевой, но и агентурной разведке. Историк А.И. Колпакиди с сожалением указывает на то, что «до сих пор неизвестно точное число отправленных в тыл противника разведывательно-диверсионных групп... Известно, что оперативная группа Разведуправления Генштаба Никольского В.А. отправила в тыл противника более 120 военных разведчиков»[10]. Группы, сбрасываемые с самолетов действовали в районах Кенигсберга, Мемеля, Тильзита, Истербурга, Летцена, Зудеауна, Норденбурга, Ангенбурга, Тапиау и других.

На каменных плитах Памятника-мемориала «Воинам-разведчикам» в Парке Победы города Калининграда указано, что всего во время подготовки Восточно-Прусской операции через линию фронта было отправлено 237 разведывательных групп, агентурных, диверсионно-разведывательных, групп, резидентур, разведотрядов, всего 2560 человек, из которых около 2250 погибли. На этом памятнике высечены названия 173 разведгрупп и моторизованных рот разведотделов фронтов, действовавших в тылу врага. Из них - 23 погибли, 44 пропали без вести [7]. Исследователь Ю. Ржевцев установил 114 диверсионно-разведывательных групп. В их числе спецотряд лейтенанта Федорова РУ ГШ КА, группы разведотделов 1 Прибалтийского фронта («Артур», «Вепрь», «Мичиган», Орион»), 2 Белорусского фронта «Боксер», Вепрь», «Матросов», «Тигр» и др.) и 3 Белорусского фронтов («Джек», «Казбек», «Кит», «Максим», «Урал», «Утес» и др.)[9]. Также были заброшены 18 разведывательных групп из числа перевербованных немецких военнопленных [10].

Офицер РУ ГШ Виталий Никольский писал, что «почти все наши разведывательно-диверсионные группы были уничтожены противником вскоре после приземления... Из 120 опытных разведчиков и агентов в живых уцелело всего с десятков человек». В результате миссию по сбору разведывательных данных в ходе Восточно-Прусской операции была вынуждена решать войсковая разведка наступавших фронтов.

3). Специальные инженерные формирования. Штурмовые инженерно-саперные бригады.

Города Гумбиннен, Инстербург, Тильзит, Велау, Кёнигсберг, Даркемен, Летцен, Млава, Цеханув, Хайльсберг и другие были превращены в мощные узлы сопротивления. Взламывать их помогали штурмовые инженерно-саперные бригады специального назначения. Они не только инженерно обеспечивали штурм городов-крепостей, но и непосредственно участвовали в штурме в плотном соприкосновении с противником [6, с.5].

В ходе наступательных операций советских войск в Восточной Пруссии действовали десять инженерно-саперных, три штурмовые инженерно-саперные, две моторизованные инженерные и одна понтонная бригады. Значительную часть этих сил пришлось включить в состав 26 штурмовых отрядов и 104 групп [4], штурмовавших Кенигсберг.

На удивление, архивные документы о действиях штурмовых бригад спецназначения немногочисленны. Например, электронная база архива ЦАМО РФ [8] в разделе «документы частей» запросу «СПЕЦНАЗ» выдает 94

документа, только один из которых имеет отношение к Восточно-Прусской операции. Это Журнал боевых действий 13-й отдельной инженерной бригады СПЕЦНАЗ, который с 30 января 1945 г. описывает боевые действия восточнее Кенигсберга [2, 126 л.]

Отметим, что несмотря на все заслуги в ходе Восточно-Прусской операции ни одна из штурмовых инженерно-сапёрных бригад не получила почетного наименования, связанного с этой операцией. Например, в марте 1945 года Данциг успешно штурмовала 49-я армия, с приданной 3-й штурмовой инженерно-саперной бригадой СПЕЦНАЗ, усиленной лучшими армейскими кадрами и разбитой на 30 штурмовых групп. Почетным наименованием «Гданьская» эта бригада отмечена не была.

Отдельные воинские инженерные и инженерно-саперные формирования получали название «Кенигсбергских». Так, 12-я гвардейская моторизованная инженерная бригада, переформированная из 5-й отдельной инженерной бригады специального назначения РККА (профессиональной диверсионной, занимавшейся минированием в тылу противника). Также во 2-й отдельной гвардейской моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригаде РК (бывшая 2 гвардейская инженерная бригада СПЕЦНАЗ) наименования «Кенигсбергский» удостоились 8-й и 10-й отдельные гвардейские моторизованные штурмовые инженерно-саперные батальоны и 32-й отдельный батальон ранцевых огнеметов [13].

Таким образом, формирования специального назначения сыграли заметную роль во всей стратегической наступательной Восточно-Прусской операции 1945 года и в ее отдельных Инстербургско-Кёнигсбергской, Млавско-Эльбингской, Кёнигсбергской, Земландской операциях.

Список литературы:

1. Восточная Пруссия и Кёнигсберг в наградах разведчиков. Часть 1. - Режим доступа: <https://sammlung.ru/?p=3254> (дата обращения: 23.01.2026)
2. Журнал боевых действий 13 оинжбр СПЕЦНАЗ с 01.01.1944 по 20.06.1945 г. / ЦАМО РФ. Ф. 30408, Оп.1, Д.75, 153 л. - 126 л.
3. Зданович А. Особый отдел молчаливого подвига. Роль органов военной контрразведки «Смерш» в обеспечении подготовки советских войск к операциям в Восточной Пруссии 1944 – 1945 гг. - Режим доступа: <https://svgbdvr.ru/voina/osobyi-otdel-molchalivogo-podviga> (дата обращения: 23.01.2026)
4. Кузнецов М. «Панцирная пехота»: советский спецназ для штурма германских городов-крепостей. - Режим доступа: https://www.maximonline.ru/longreads/get-smart/_article/pantsirnaya-pehota-sovetskiy-spetsnaz-dlya-shturm/ (дата обращения: 23.01.2026)
5. Лукинский А. Невидимая война: советские диверсанты в Восточной Пруссии Германии в 1945 году. - Режим доступа: <https://dzen.ru/a/XpGuvfSTIWVtPq3r> (дата обращения: 23.01.2026)

6. Никифоров Н. И. Штурмовые бригады Красной Армии в бою. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. - 416 с.
7. Памятник-мемориал «Воинам разведчикам» в калининградском Парке Победы. - Режим доступа: <https://dzen.ru/a/aWINUFX80X1TRMfs> (дата обращения: 23.01.2026)
8. Память народа. Единая электронная база данных ЦАМО РФ. - Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 23.01.2026)
9. Ржевцев Ю. Подвиг разведчиков в Восточной Пруссии. - Режим доступа: <https://foto-history.livejournal.com/7332869.html> (дата обращения: 23.01.2026)
10. Север А., Колпакиди А.И. Спецназ ГРУ. – Москва: Эксмо, 2008. - 864 с.
11. Тарас А.Е. Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений. – М.: Прогресс, 1998. – 512 с.
12. ЦАМО РФ. Ф.33, Оп.686196, д.4616.
13. 2-я отд. гв. мшисбр РГК. - Режим доступа: <https://vk.com/club182141964> (дата обращения: 23.01.2026)

Паневин Кирилл Васильевич

кандидат исторических наук, доцент

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова»

Kirill Panevin

Naval Academy

ГЕРОИЗМ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ – ОСНОВА ПОБЕДНОГО ШТУРМА КЕНИГСБЕРГА В АПРЕЛЕ 1945 ГОДА

Аннотация: Одной из ярких страниц Великой Отечественной войны является штурм Красной Армией Кенигсберга. Мощная крепость, заранее хорошо подготовленная к обороне, была взята за четыре дня при примерном равенстве личного состава противоборствующих сторон. Этому помогла как тщательная подготовка операции, умелое распределение сил и средств, целенаправленная партийно-политическая работа и массовый героизм советских воинов. На примере боев за форт №5 показывается, как обычные офицеры, сержанты и рядовые проявили свои лучшие качества и умелыми, отважными действиями с минимальными потерями смогли сломить сопротивление врага.

Ключевые слова: штурм Кенигсберга, тщательная подготовка, саперы, штурмовики, артиллерия, авиация, форт №5.

THE HEROISM OF SOVIET SOLDIERS WAS THE BASIS OF THE VICTORIOUS STORM ON KÖNIGSBERG IN APRIL 1945.

Summary: One of the most memorable chapters of the Great Patriotic War is the Red Army's assault on Königsberg. The powerful fortress, well prepared for defense in advance, was taken in four days with approximately equal numbers of men on both sides. This was achieved through meticulous preparation of the operation, the skillful distribution of forces and resources, targeted party and political work, and the mass heroism of Soviet soldiers. The battle for Fort No. 5 illustrates how ordinary officers, sergeants, and privates demonstrated their best qualities and, through skillful, courageous actions and minimal losses, were able to break enemy resistance.

Keywords: assault on Königsberg, meticulous preparation, sappers, attack aircraft, artillery, aviation, Fort No. 5.

Среди значимых событий завершающего года войны советского народа фашизмом нельзя пройти мимо взятия советскими войсками Кенигсберга. В конце периода наступательных действий наших войск в Восточной Пруссии вплотную встала задача овладения ее столицей, древней мощной крепостью уже в 20-м веке подготовленной к современным боевым действиям. Взятие этого города обеспечивало не только большое военно-стратегическое

преимущество перед готовившимся штурму Берлина ввиду потери немецкими войсками важных оборонительных рубежей, но и наносило сильный удар по моральному духу противника. Одновременно с разгромом немецких войск в столице Восточной Пруссии рухнула оборона всей Земландской группировки врага и прекратила свою деятельность база немецкого флота в Пиллау.

Выход советских войск к границам фашистского государства в 1944 году заставил противника уделить особое внимание обороне Кенигсберга. Старинная крепость превращалась в укрепленный район по самым современным стандартам. Имеющиеся долговременные оборонительные сооружения дополнялись разнообразными полевыми укреплениями, в основе которых лежали траншеи, блиндажи, противотанковые рвы. Значимым препятствием для наступающих войск являлась сеть каналов, заполненных водой. Они составляли основу первой линии обороны, находившейся на удалении 6-8 километров от городской черты. Непосредственно в городе имелось еще две линии обороны, в основе которой были многочисленные каменные постройки, оборудованные для обороны.

Вторая линия проходила по городским окраинам и была тесно связана с первой. В дополнение к каменным постройкам она также была насыщена разнообразными бункерами и оборонительными точками с использованием бетона, металлических конструкций и траншей.

А центральная часть города была третьей линией. Ее основу составляли каменные постройки, оборудованные в оборонительные точки. Особенностью обороны было большое количество разнообразных подземных ходов, которыми были соединены практически все здания, а также старинные форты и долговременные оборонительные сооружения. Для них использовались старинные подземные коммуникации подачи воды и канализации.

На вооружении гарнизона находились артиллерийские орудия, пулеметы, огнеметы, стрелковое оружие. Все это оружие представляло из себя единую огневую систему, которая держала под губительным огнем каждую улицу и переулок. Даже вентиляционные системы зданий могли использоваться как амбразуры.

Немецкие войска, оборонявшие крепость, состояли как из регулярных войск, входивших в четыре дивизии и несколько полков, так и охранных подразделений, формирований фольксштурма и других вспомогательных частей. Их численность была сто тридцать тысяч человек. На вооружении гарнизона имелось примерно четыре тысячи орудий и минометов разных калибров, сто восемь танков и самоходных артиллерийских установок, 170 единиц авиационной техники, в основном истребителей, которые размещались на аэродромной сети Земландского полуострова [1, с.328].

Западнее города размещалась 5-я танковая дивизия, которая в определенные моменты участвовала в боях за город.

Наступающие войска были представлены личным составом четырех армий, понесших большие потери в ходе предыдущих боев. Их

укомплектованность была на уровне сорока процентов личного состава, оружия и боевой техники.

Это около ста тридцати пяти тысяч человек, пятисот тридцать восемь танков и самоходных орудий, примерно пять тысяч двести орудий разных калибров и минометов, причем около половины крупных калибров.

Для поддержки наступающих войск могло быть привлечено до двух тысяч четырехсот самолетов разных типов, находившихся в составе пяти воздушных армий.

Атакующие войска имели примерно одинаковую численность личного состава с противником, превосходили его в 1,3 раза по артиллерии, танкам и самоходным установкам в 5 раз, по авиации превосходство было подавляющим [2, с.117-118].

Харперская энциклопедия военной истории, как и большинство других энциклопедических изданий, довольно скупо комментирует результаты этих боевых действий. Сообщается, что в период четырёхдневного штурма крепость пала под натиском советских войск. Оборонявшиеся потеряли сорок две тысячи человек убитыми и девятьюстами две тысячи пленными. Нашими войсками было захвачено две тысячи двадцать три орудия, тысяча шестьсот пятьдесят два миномета, сто двадцать восемь самолетов, много другой техники и оружия [3, с.336].

Чтобы узнать, что стоит за этими скуными цифрами, необходимо обратиться к воспоминаниям очевидцев, одним из которых является И. Х. Баграмян. Известный полководец в своей книге «Так мы шли к победе» подробно описывается подготовка и штурм нашими войсками крепости Кенигсберг 6-9 апреля 1945 года.

В замысле наступательной операции на хорошо укрепленную крепость большое место было уделено тщательному планированию взаимодействия принимавших участие в боевых действиях войск, их тщательной подготовке.

В первую очередь было скрупулёзно спланировано и организовано применение авиации. Необходимо было учесть как мощную противовоздушную оборону крепости, которая насчитывала около 450 стволов зенитной артиллерии и 100 единиц истребительной авиации, так и большое количество и разнородность советской авиационной группировки, что затрудняло ее взаимодействие.

Из общего числа авиационной техники примерно половину составляли бомбардировщики, четвертую часть истребители, а в остальной четверти были штурмовики и торпедоносцы. Они представляли три воздушные армии, два авиационного корпуса и авиацию Балтийского флота. Ввиду сложности управления и взаимодействия этими силами координацию осуществлял руководитель нашей авиации в эти годы А. А. Новиков.

Основная трудность в применении авиации была в согласовании ее действий как с сухопутными войсками, так и между авиационными частями.

При ее применении предполагалось:

- в начальный период штурма нанести мощный бомбовый удар по укреплениям, нанеся им максимальное разрушение. При этом надежно прикрыть бомбардировщики от вражеской истребительной авиации;

- силами штурмовой авиации недопустить передислокации противника и подтягивания резервов;

- осуществить надёжную воздушную блокаду крепости, особенно с западного и северного направлений.

Операция по захвату Кенигсберга планировалась и готовилась за несколько месяцев до начала штурма. Главную роль в этой операции должны были сыграть сухопутные войска, но в применении сил и средств было много особенностей. Войска фронта уже несколько месяцев вели боевые действия в Восточной Пруссии и накопили определенный опыт во взятии хорошо укрепленных позиций. Их на пути наших войск было много. Это и небольшие города, превращенные в мощные укрепленные районы. И усадьбы прусских помещиков были похожи на мини-крепости. Все жилые постройки были из камня с мощными подвалами. Они веками строились для противодействия внешним врагам. На местности было много водных преград, как естественных, так и искусственных. Все подходы к населенным пунктам плотно минировались, дороги и мосты разрушались. Все укрепления насыщались артиллерией, минометами и пулеметами, создавая плотный огневой заслон на пути наступающих войск.

Все эти особенности построения немецкой обороны в Восточной Пруссии учитывались при подготовке штурма крепости. Применять войска, как в обычном общевойсковом бою, было невозможно. И если применение авиации и артиллерии было предсказуемо с учетом особенностей построения обороны и местности. А использование танковых и инженерных войск имело свою специфику. В условиях города массированное применение бронетанковой техники было нереально. И наступающие войска не усиливались танковыми корпусами и армиями, как в предыдущих наступательных боях Красной Армии.

К тому же надо учесть, что в этот период времени готовилось Берлинская наступательная операция и все основные силы Красной Армии, как и резервы, были сосредоточены на главном направлении. Одной из целей операции наших войск по взятию Кенигсберга и разгрому немецких войск на Земландском полуострове было обеспечение безопасности правого фланга готовившихся к наступлению на Берлин советских войск.

Основные задачи по взятию Кенигсберга должны были решить стрелковые части, но в их тактику и оснащение вносились существенные корректировки. В каждом полку создавался штурмовой отряд в составе стрелкового батальона. Ему придавалась саперная рота, огнемётный взвод, танковая рота, взвод 76 миллиметровых орудий, батарея 120-миллиметровых минометов, несколько крупнокалиберных орудий или самоходных артиллерийских установок.

В батальонах формировались штурмовые группы. В их состав входили стрелковая рота, саперный взвод, отделение химиков-огнеметчиков, несколько противотанковых орудий и орудий дивизионной артиллерии, а также два-три танка.

Стрелковые взвода штурмовых отрядов и групп получали на вооружение противотанковые гранаты, дымовые пашки, «кошки» с веревками для подрыва мин натяжного действия, ножницы для разрезания колючей проволоки, топоры, термические шары с горючей смесью. Каждый боец группы получал шесть гранат.

Штурмовые отряды и группы начали формироваться в период подготовки к наступлению. Они прошли период боевого слаживания, когда отрабатывали взаимодействие с приданными силами, тренировались в специально созданных учебных городках. Они оборудовались в ранее занятых укрепленных городках и поместьях, имевших подобие городской застройки [4, с.573-576].

Действия стрелковых частей, как и в обычных условиях, обеспечивались артиллерией, инженерными и химическими войсками.

Для их поддержки было сосредоточено большое количество артиллерии, причем половину ее составляли крупнокалиберные орудия, в том числе от 203 до 305 мм. Предполагалось последней за четыре дня до штурма осуществить огневую разведку целей, вскрыть земляное покрытие защитных сооружений и нанести им максимальное поражение. За несколько часов до начала атакующих действий осуществить мощную артиллерийскую подготовку с нанесением максимальных разрушений фортов, дотов, дзотов, других укрепленных объектов, а далее сопровождать наступающую пехоту огневой поддержкой до прорыва первого рубежа обороны. Всю полковую и дивизионную артиллерию предполагалось закрепить за атакующими отрядами и группами, придав им часть крупнокалиберных орудий.

Основная роль в захвате крепости отводилась штурмовым подразделениям, которые формировались из пехоты и танковых подразделений с мощным насыщением их инженерно-саперными подразделениями. Для обеспечения боевых действий было сформировано двадцать шесть штурмовых отрядов и сто четыре штурмовые группы из числа стрелковых частей. Для их усиления был привлечен личный состав десяти инженерно-саперных, трех штурмовых инженерно-саперных, двух моторизованных инженерных и одной понтонной бригады.

Задачами инженерных частей и подразделений было обеспечение наступающих войск дорогами, мостами и колонными путями, проделывание проходов в минных и проволочных заграждениях, разминирование улиц города и зданий, обеспечение переправы через реку Прегель и многочисленные каналы.

Подразделения химических войск в составе трех батальонов химической защиты, семи отдельных огнеметных батальонов, роты фугасных огнеметов и

пяти отдельных рот ранцевых огнеметов были распределены между штурмовыми отрядами и группами.

Но как часто бывает в жизни, существенные коррективы в подготовленные планы внесла погода. В начале апреля пошли дожди, стояла пасмурная погода, местность накрыл туман. Начало штурма, намеченное на 5 апреля, отложили на один день. Но 6 апреля штурм начался при минимальной поддержке авиации. Основную роль сыграла артиллерия. Но по мере хода боевых действий дождь прекратился, и авиация внесла свой весомый вклад в нанесение существенного ущерба врагу.

Успешному началу наступательных действий способствовала как предварительная подготовка войск, так и налаженное взаимодействие авиации, артиллерии и инженерных войск, целеустремленная партийно-политическая работа. Но особо надо подчеркнуть героизм советских солдат, от рядового до маршала, который был проявлен на поле боя в тяжелых городских условиях. В ознаменование победы, одержанной под Кёнигсбергом, Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За взятие Кёнигсберга», 98 частей и соединений получили почетное наименование «Кёнигсбергские» [1, с.329].

Героические действия наших воинов, штурмовавших Кёнигсберг, были отмечен сразу по завершении штурма, когда командование 3-го Белорусского фронта представило список руководителю нашего государства от 15 апреля 1945 года на 160 военнослужащих на присвоение звания Герой Советского Союза. В обосновании этого ходатайства было сказано, за что присваивается это высокое звание. “За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками по «ликвидации группировки немцев юго-западнее города Кенигсберг» и «овладение городом Кенигсберг» и проявленные при этом отвагу и геройство”. Президиум Верховного Совета СССР подписал указ о присвоении высокого звания 19 апреля 1945 года [5].

Высокого звания были удостоены генералы, офицеры, сержанты, рядовые. Представители все родов войск, принимавших участие в боевых действиях. И на примере одного из эпизодов штурма Кёнигсберга хочется показать их повседневный героизм, проявленный в смертельной схватке с врагом.

В современном Калининграде есть Мемориальный комплекс «Форт №5»: это очень важный, уникальный в своем роде памятник оборонительного зодчества федерального значения. Он органично входит в обширный военно-исторический мемориальный комплекс. Он является частью группы фортификационных сооружений, которые размещены вдоль кольцевой дороги, проходящей вокруг Кёнигсберга.

Форт был построен в 1878 году и получил название «Король Фридрих-Вильгельм III» в честь правителя, чей период правления совпал с трудными для Пруссии войнами с Наполеоном. Это место памяти о жестоких боях апреля 1945 года. Центральное место в экспозиции занимает монумент, который представляет собой вытянутый по фронту шестиугольник с закрепленными на

нем стелами с именами погибших героев. Рядом находится открытая экспозиция военной техники. Все это превращает форт в священное для жителей области место [6].

В период боев за Кенигсберг занимал одно из центральных мест в первом кольце обороны города и от его взятия во многом зависел о дальнейшее успешное продвижение советских войск. В своих мемуарах Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян достаточно подробно описывает взятие форта №5, особо подчеркивая героизм воинов, удостоенных за свой ратный подвиг высшей награды нашей страны.

В первый день штурма ввиду нелетной погоды применить авиацию при выходе штурмовых групп к укреплению не удалось, так же и в должной мере использовать крупнокалиберную артиллерию. Командование 235-й стрелковой дивизии приняло решение 6 апреля основными силами обойти форт №5 с флангов и наступать на второе кольцо обороны. Взятие форта предполагалось осуществить силами штурмовых групп, саперных подразделений и батареей полковой артиллерии.

7 апреля в ходе ожесточенного боя форт №5 был взят, часть гарнизона погибла в бою, а около 300 немецких солдат сдались ввиду бессмысленности дальнейшего сопротивления. Успех боя обеспечили как слаженные действия всех принимавших участие подразделений, так и личный героизм и инициатива воинов. Не умаляя героизм каждого отдельного воина, в первую очередь будут раскрыты действия военнослужащих, удостоенных высокого звания Герой Советского Союза.

Штурмовые группы, встретив мощный прицельный огонь противника, вынуждены были приостановить свое движение. Все подходы к оборонительным сооружениям были заминированы, перед ними находился 40 метровый ров, заполненный водой. Полковой артиллерией разрушить стены бункеров не представлялось возможным. Дивизионные саперы приняли решение использовать для подрыва укреплений снятые мины противника. Под непрерывным вражеским огнем саперы сняли около двухсот мин, а командир отделения рядовой В.К. Полупанов подкрался к стенам форта и подорвал часть из них. Но стена устояла. Второй заряд подтащил командир саперного взвода лейтенант И. П. Сидоров, но и этот взрыв не оказался достаточно разрушительным. Благодаря слаженным действиям саперов к стенам было доставлено большое количество мин и Сидоров, и Полупанов одновременно сумели подорвать два больших заряда, что позволило проделать в стенах достаточно большие бреши. Пока фашисты сосредоточили все внимание на смельчаках, с другой стороны форта командир саперного взвода И. И. Ишкинин подорвал свой заряд, что привело к образованию большой бреши в стене.

Но начинать атаку штурмовым подразделениям не позволял вражеский огонь с капонира. Командир саперного взвода старшина Меренков П.И. и командир отделения старший сержант Малыгин Г.А. взялись доставить заряд в

амбразуру капонира. В ходе этой операции оба получили ранения, но своих действий не прекратили. Истекая кровью, Малыгин сумел подорвать заряд и оттащить в укрытие раненного командира.

Успешным действиям саперов во многом содействовал командир орудия старшина Шубин А. П. Видя, что огонь артиллерии с дальней дистанции не причиняет особого вреда защитным сооружением, он, исполняя обязанности командира батареи, выдвинул орудия к берегу канала, сам стал за наводчика одного из орудий и открыл огонь прямой наводкой по амбразурам форта, мешая врагу вести прицельный огонь по саперам, а потом и штурмующим группам.

Бреши в стенах форта позволили перейти в стремительную атаку бойцам штурмовых групп старшего лейтенанта Ткаченко И.Ф. и лейтенанта Бабушкина Р.Р. Они прорвались в форт и застали врасплох его гарнизон. Вместе с штурмовиками в форт ворвался наводчик орудия рядовой Чирков Ф.Т. Броски его противотанковых гранат нанесли обороняющимся существенный вред и привели к их полной деморализации. Противник капитулировал, форт был взят с минимальными потерями со стороны штурмующих групп. К вечеру над фортом №5 взвился красный флаг [4, с.591].

Так же отважно и дерзко действовали бойцы и при штурме других фортов и укреплений, что позволило в четыре дня сломить сопротивление немецких войск в Кёнигсберге.

В Кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза»: можно найти сведения о воинах, получивших высокое звание за взятие форта №5 и описание их подвига [7, с. 101-102, 595]; [8, с.26, 72, 296, 457-458, 587, 736, 801]. Нам хочется дать обобщающий портрет героев, который поможет лучше понять истоки и основы героизма советских воинов в этот трудный период жизни нашей страны, без которого была бы невозможна победа над фашизмом.

Они родились в период от 1911 до 1925 года в основном в сельской местности, Башкирской ССР, Липецкой, Новосибирской и Одесских областях, городе Киеве. По национальности мариец, русские и украинцы. Все до призыва в армию имели трудовой стаж. Большинство отслужило срочную службу в рядах Красной Армии до начала войны. На фронте в основном с 1941 года.

После войны в основном продолжили гражданскую жизнь. В большинстве коммунисты, но есть комсомольцы и беспартийные. То есть обычные советские люди, которых особые обстоятельства заставили проявить свои лучшие качества и одержать яркую победу над врагом.

Список литературы:

1. Великая Отечественная война 1941-1945: энциклопедия. - /Гл. ред. М.М. Козлов. Редколлегия: Ю. Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) и др. - М.: Сов. Энциклопедия, 1985. – 832 с.
2. История Второй Мировой войны 1939-1945 в 12 томах. Том 10. - М.: Воениздат, 1978. – 544 с.

- 3.Р. Эрнест Дюпюи и Тревор Н. Дюпюи. Всемирная история войн в 4-х томах. Том 4. – СПб., 1998. – 1120 с.
- 4.Баграмян И. Х. Так мы шли к победе. – М.: Воениздат, 1988. – 638 с.
- 5.В. Русаловский. «Тайны Калининграда. Герои штурма Кёнигсберга». - URL: <https://proza.ru/2024/04/23/835>(дата обращения: 27. 02.2026).
- 6.Музей «Форт №5» - URL: <https://koihm.ru/filialy/muzej-fort-5/?ysclid=mlc3dfuunz199454366/>(дата обращения: 27. 02.2026).
- 7.Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т.1. -М.: Воениздат, 1987. – 911 с.
- 8.Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т.2. -М.: Воениздат, 1987. – 863 с.

Петров Андрей Алексеевич

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 5692-7426

Petrov Andrey

Saint Petersburg State University

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863–1864 ГГ. В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: Польское восстание 1863–1864 гг. явилось одним из важнейших событий эпохи Великих реформ и вызвало закономерно масштабный отклик и в публицистике, и в художественной литературе. Особое внимание этому конфликту уделили авторы антинигилистических произведений — Н. С. Лесков, В. В. Крестовский, В. П. Ключников и др. В статье демонстрируется тесная связь между спецификой изображения восстания в произведениях такого рода и формулой М. Н. Каткова «русский нигилизм есть не более чем порождение полонизма». Польская тема интересовала консервативных литераторов в связи с проблемой поиска истоков нового социально-политического «недуга» 1860-х гг., который старались объяснить внешним влиянием. При этом для дискредитации «полонизма» писатели-антинигилисты прибегали к двум основным литературным стратегиям — создавали и подкрепляли дискурс восприятия Польши как колонизатора и, напротив, развенчивали миф о поляках как об объектах агрессии.

Ключевые слова: Польша, Польское восстание 1863–1864 гг., антинигилистическая литература, Н. С. Лесков, В. В. Крестовский, В. П. Ключников.

THE POLISH UPRISING OF 1863–1864 IN THE MIRROR OF RUSSIAN ANTI-NIHILIST LITERATURE

Summary: The Polish Uprising of 1863–1864 was one of the most important events of the Great Reforms era and, as expected, provoked a widespread response in both journalism and fiction. This conflict received particular attention from anti-nihilist authors such as N. S. Leskov, V. V. Krestovsky, V. P. Klyushnikov, and others. The article demonstrates a close connection between the specific depiction of the uprising in such works and M. N. Katkov's formula, "Russian nihilism is nothing more than a product of Polonism." Conservative writers were interested in the Polish theme in connection with the problem of finding the origins of the new socio-political "disease" of the 1860s, which they attempted to explain by external influences. To discredit "Polonism," anti-nihilist writers resorted to two main literary strategies: they

created and reinforced a discourse perceiving Poland as a colonizer and, conversely, debunked the myth of Poles as objects of aggression.

Keywords: Poland, Polish Uprising of 1863–1864, anti-nihilist literature, N.S. Leskov, V.V. Krestovsky, V.P. Klyushnikov.

Сегодня 1860-е годы воспринимаются прежде всего как эпоха либеральных александровских реформ, однако для современников в ряду важнейших событий было другое, прямо с ними не связанное – восстание в Царстве Польском. Конфликт начался с того, что в ночь с 10 (22) на 11 (23) января 1863 г. бунтовщики напали на спящих русских солдат одновременно в разных городах, деревнях и местечках. Военные действия продлились до февраля 1864 г., восставшие были разбиты, общие потери составили до 35 тыс. человек [1]. Финальную точку в этих событиях поставила, пожалуй, даже не столько победа России на поле боя, сколько принятый в 1864 г. Указ об устройстве крестьян Царства Польского, ликвидировавший в этом регионе остатки крепостничества, а также направленная на это деятельность М. Н. Муравьева, военачальника и виленского генерал-губернатора.

Конфликт вызвал широкий отклик, но привел, пожалуй, скорее к консолидации общества, чем к его разделению: хотя голоса в поддержку поляков и раздавались (громче всех здесь звучал «Колокол» Герцена), но они воспринимались в большей степени как маргинальные, в целом же в России резко повысились антипольские настроения: по воспоминаниям Е. А. Штакеншнейдер, если раньше поляков «не любили, по старой памяти, по преданию, инстинктивно», то теперь «инстинктивное отвращение оправдало себя и уже не скрывалось» [17, с. 337]. Тема польского восстания сразу же стала проникать на страницы художественной литературы, как польской (прежде всего, к ней обращался Ю. И. Крашевский («Москаль», «Мы и они», «Еврей», «Шпион» и др.), а также такие авторы «второго ряда», как М. Балуцкий, Э. Любовский, М. Садовская, В. Кошчиц и т.д.), так, конечно, и русской. Наиболее заметные из отечественных произведений, затрагивающих тему восстания (романы Н. С. Лескова «Некуда» (1864), В. П. Ключникова «Марево» (1864), диалогия В. В. Крестовского «Кровавый пуф» (1869–1874)), традиционно относят к разряду антинигилистических — и это неслучайно. Польская тема в них возникала в тесной связи с другой актуальнейшей в 1860-е гг. тематикой — с проблемой нигилизма. Как формулировал духовный лидер консервативной части русского общества, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков, «русский нигилизм есть не более чем порождение полонизма» [2, с. 26]. Рефлексия над этими двумя, с точки зрения антинигилистики, «заразами» совместилась воедино, «польский след» стал рассматриваться как наиболее явное объяснение революционной, разрушительной деятельности нигилистов (пожары, волнения, акты насилия).

«Ключом» к литературному развенчанию нигилизма, таким образом, оказывалось развенчание полонизма. С этой целью литература

взаимодействовала с двумя сложившимися в обществе дискурсами, противоположными по своей сути. Первый из них представлял Польшу как жертву российской колонизации, стремящуюся обрести свободу. Второй, напротив, подчеркивал имперскую сущность бывшей Речи Посполитой, видел в ней колонизатора (в том числе как часть *Rex Latina*) и по отношению к России как таковой, и по отношению к русским, проживающим на западных территориях Империи. Кратко очертим эти дискурсы, чтобы показать, как с ними взаимодействовали писатели-антинигилисты.

Если встать на первую точку зрения, то восстание воспринимается как борьба угнетенной нации за свободу. Русским читателям в таком случае внушалось чувство вины и ощущение родства с поляками — такими же славянами и такими же христианами, как и их угнетатели. С. М. Фалькович справедливо указывает на то, что «в листовках и прокламациях, направленных на поддержку и защиту восстания, российские революционеры-демократы изображали поляков не католиками, а просто “добрыми христианами”» [12, с. 100]: образ «своего» таким способом выстраивается в прокламации Н. П. Огарева «Братья-солдаты, вас ведут бить поляков», листовках «Товарищи, вы несчастный народ», «Печатная правда» и т.д. Показательна здесь польская литература (произведения Крашевского и др. упомянутых писателей), в которой часто возникает тема восстания, переданная идеологически однородно: оно показано как героическая освободительная борьба против «палачей, кровопийц, сатрапов» [14, с. 158]. Жесткое противопоставление себя русским угнетателям не исключает попыток создания образа «своего»: с этой целью во многие польские романы вводятся отдельные положительные образы русских, симпатизирующих полякам и иногда переходящих на их сторону, — например, Наумов в «Москале» Крашевского, Желобня в «Кровавом крещении» Ю. Дзежковского, Туранцев в «Труде Сизифа» Кошчица и др. В последнем произведении прямо говорится об «особой притягательной силе» [14, с. 162], которую имеют поляки для русских: и те, и другие страдают от деспотичных властей Российской империи и желают освободиться от этого гнета. Девиз «За нашу и вашу свободу» (*Za naszą i waszą wolność*), сформулированный еще во время восстания 1830–31 гг., действительно был одним из главных лозунгов мятежников, в целом рассчитывавших на поддержку антиправительственно настроенных россиян и в какой-то мере ее получавших. Главным сторонником польской независимости среди представителей русской словесности, безусловно, был А. И. Герцен. О необходимости освобождения Польши публицист говорил еще до восстания — например, в цикле писем «Россия и Польша» 1859 г., статье «Expatio!» (опубликована 15 января 1863 г.). На начало мятежа эмигрант откликнулся целой серией публикаций: в феврале 1863 г. появляется статья «Resurrexit!» и воззвание «Братская просьба к русским воинам», вслед за тем — статья «Преступления в Польше», обращение «К русским офицерам, бежавшим из Польши», статья «1831 — 1863» и т.д. [13] Основные тезисы Герцена вытекают из выбранного им ракурса: Польшу он

представляет как жертву, восстание — как освободительную борьбу угнетенной нации, долгом русских считает «искупление» исторической вины перед соседями, смысл событий для России усматривает в том, что они могут вызвать противление властям и, в конечном счете, изменения во внутренней политике. На схожих позициях стояли и другие оппозиционные деятели, главным образом, эмигрировавшие — Н. П. Огарев, М. А. Бакунин [8] (а вот, например, один из наиболее «левых» русских поэтов Н. А. Некрасов в 1866 г., напротив, как известно, написал вызвавшую скандал оду М. Н. Муравьеву).

Антинигилистическая литература делает этот дискурс предметом своего анализа. Так, в восстании 1863 г. на стороне мятежников принимают участие двое центральных героев романа Лескова «Некуда» — Помада и Райнер. Персонажи изображены автором с симпатией, их гибель (Помада умирает от раны, а Райнера казнят) показана трагически, что примечательно в творчестве автора, не просто не входящего в число революционных демократов, а пишущего роман, который был признан антинигилистическим. Интересны мотивы для присоединения к восстанию, которыми герои делятся друг с другом при встрече:

— *Мне давно надоело жить, — начал он [Помада — А. П.] после долгой паузы. — Я пустой человек... Ничего не умел, не понимал, не нашел у людей ничего. Да я... моя мать была полька... А вы... Я недавно слышал, что вы в инсurreкции... Не верил... Думал, зачем вам в восстание? Да... Ну, а вот и правда... вот вы смеялись над национальностями, а пришли умирать за них.*

— *За землю и свободу крестьян.*

— *Как?.. Не слыхал я.*

— *Я пришел умереть не за национальную Польшу, а за Польшу, кающуюся перед народом.*

— *Да... а я так, я... Правда, я ведь ничего...* [6, с. 610]

Мотив Помады принять участие в восстании проговаривается им самим: герой не нашел свое место в жизни (традиционно выделяемый тип «лишнего человека»), и, подобно тургеневскому Рудину, отправился искать смерти в бунте. Ответ Райнера — лозунг романтической борьбы за свободу (в данном случае — не национальную, а сословную, что выказывает его принадлежность к «красному» лагерю восставших), однако уже в приведенном диалоге состоятельность такого пафоса «подтачивается» контрастом между «готовым словом» мятежника и интимной искренностью предсмертной исповеди его товарища (эффект усиливает переспрашивание и отсутствие реакции на лозунг: очевидно, что Помаде эти идеологические конструкции кажутся непонятными и искусственными перед лицом смерти). Авторская интенция слышится в том, как впоследствии о Райнере и других персонажах говорит Евгения Петровна, единственная героиня романа, сумевшая обрести счастье: «Что ты, что Розанов, что Райнер — все вы сбились и не знаете, что делать, — совсем несчастные люди» [6, с. 640]. Такое резюме резко контрастирует с формально уверенными высказываниями самого мятежника и прямо коррелирует с общим идейным

посылom романа, выраженным уже в его названии: общественные силы переживающей реформы начала 60-х гг. России (и прежде всего — «прогрессивные») сбились с пути, пришли в тупик, дальше которого идти «некуда».

Еще более прямо дискурс освобождения Польши отрицается в других антинигилистических произведениях — романе В. П. Ключникова «Марев» и дилогии В. В. Крестовского «Кровавый пуф». В первом произведении идея польской свободы, исповедуемая Бронским, действительно оказывается «маревом» — миражом, из-за которого разрушается жизнь всех главных героев — самого графа, его возлюбленной, главного протагониста Русанова, гимназиста-нигилиста Коли, поверившего в идеалы польской независимости. В романах Крестовского «Панургово стадо» и «Две силы», составивших дилогию, поляки воздействуют на главного героя, Хвалынцева, проповедуя ему практически те же идеи, которые исповедует Герцен (также часто упоминаемый в этих романах) и польские писатели. Василий Свитка (под этим именем скрывается один из лидеров мятежников Константин Калиновский) и поляка Цезарина внушают герою национальную вину русских перед Польшей и необходимость ее искупить, мысли о том, что поляки угнетены и борются за национальное освобождение, что их свобода есть свобода прежде всего самих русских («Это знамя, — продолжала она, — знамя свободы, которое, со временем, я вручу достойнейшему, а может... — раздумчиво замедлилась она, — может и сама понесу его навстречу вашим солдатам... Ведь тут недаром же написано: “За свободу вашу и нашу!”» [4, кн. 1, с. 320]). Во второй книге дилогии — «Двух силах» — Хвалынцев сам оказывается в Польше и воочию убеждается в ложности навязываемого ему дискурса, а позже принимает участие в подавлении восстания.

Второй взгляд на Польское восстание во всем противоположен первому. Если в рамках дискурса о Польше как объекте колонизации писатели и публицисты старались подчеркнуть общность русских и поляков и наличие у них общего врага, то адепты второй концепции, напротив, противопоставляли эти стороны, в первую очередь, по конфессиональному признаку [12, с. 100]. В таком дискурсе Польша выступает уже не как объект, а как субъект колонизации — как внутренней — по отношению к православному большинству, населяющему западные окраины России и находящемуся под властью католической шляхты, — так и внешней. По мысли Р. Шпорлюка, несмотря на то что Речь Посполитая по сути никогда империей не являлась, уже *postfactum*, после ее распада, она начинает восприниматься и самими поляками, и другими именно в таком качестве [16, с. 30]. В качестве объекта своих собственных колониальных интересов Польша рассматривала именно Россию, которая действительно в начале XVII в. — во времена Смуты — чуть было не попала под власть поляков [18]. Сами польские писатели в большинстве случаев жестко противопоставляли поляков и русских и изображали вторых сугубо негативно (впрочем, и исключения из этого правила

подчас объяснялись наличием у героя польской крови, как-то в случае с Наумовым в «Москале»). Несмотря на симпатию, которую испытывали к польскому восстанию русские нигилисты, тот же Крашевский, как показывает М. Соколовский, отнюдь не отвечал им взаимностью¹, в особенности направляя критические стрелы в главных идеологов полонофилии — Герцена и Бакунина [11]. В таком контексте дискурс о близости между двумя народами может восприниматься как имеющий для поляков практическое значение, но не согласующийся с их истинными представлениями — именно так его и оценивал Катков и другие русские консерваторы. Сам лозунг «*Za naszą i waszą wolność*» тогда звучит как стремление вмешаться во внутренние дела России, разрушить ее государственность и подчинить своей власти.

Представления о поляках как об агрессорах строятся на их роли внутренних колонизаторов, причем крайне жестоких, презирающих и нещадно эксплуатировавших своих православных крепостных (что имело основания: положение крестьян в Царстве Польском было тяжелым вплоть до реформы 1864 г., упразднившей вотчинную зависимость). М. Н. Катков, пожалуй, наиболее резкий противник польских мятежников, постоянно подчеркивал, что крестьянство не участвует в восстании и страдает от действий шляхты, предлагал создать крестьянское ополчение и т.д. [5] Художественно эта линия была закреплена в романе Крестовского «Две силы», опубликованном в катковском «Русском вестнике». Пан Котырло, к которому приезжают Хвалынцев и Свитка, откровенно обманывает своих крестьян, покупая их свободу в обмен на водку, и прямо высказывает свою позицию в таких словах: «Для вас демократия — это мужик, тогда как у нас, поляков, мужик — это есть в сущности не более как сырой, если только не мертвый экономический материал» [4, кн. 2, с. 20] (далее шокировавшее Хвалынцева словосочетание «экономический материал» применительно к крестьянам будет многожды обыгрываться на протяжении всего романа). Подобный мотив встречается и в других произведениях, посвященных Польскому восстанию: например, Бояркин, герой повести С. Ф. Калугина «Полякующий», будучи поляком по матери и активно поддерживая восстание, мучает своих православных крестьян. У Крестовского, однако, этот конфликт обретает и еще более выраженный религиозный оттенок: паны издеваются над православным священником, заставляя его танцевать и травя собаками, а во время восстания мятежники казнят его за отказ помогать полякам. Противопоставление православия и католичества подчеркивается тем, что на стороне поляков часто участвуют польские ксендзы, составляющие заговор или напрямую участвующие в восстании. У Крестовского представлены целая галерея таких персонажей (ксендз Робак, ксендз Эйсмонт, ксендз Винтор, ксендз Кароль,

¹ Неприятие поляками идей русских революционеров, очевидно, было вообще характерно для 1860-х гг.: так, интересны мемуары А. М. Скабичевского, который, вспоминая о волнениях в Петербургском университете, относит всех студентов-поляков к «правой» партии, противопоставившей себя мятежным соученикам [10, с. 101].

ксендз Сикст, ксендз Игнаций и т.д.). В романе Ключникова «Марево» ксендз предлагает отравить и перерезать русских солдат («Все средства хороши, если вредят врагу» [3, с. 357] — извращенное толкование иезуитской морали). В драме Полонского «Разлад» ксендз отказывается причащать героиню, подменяя христианское милосердие ненавистью к русским: «Умирай же / Без покаянья, без причастья» [7, с. 177].

В обозначенном контексте не удивительно, что Польское восстание воспринималось значительной частью общества как акт империалистической агрессии, попытка колонии самой колонизировать свою «метрополию». Наиболее полно и последовательно эту точку зрения выражал Катков: «Ему недостаточно простой независимости, он хочет преобладания; ему недостаточно освободиться от чужого господства, он хочет уничтожения своего восторжествовавшего противника. Ему недостаточно быть поляком; он хочет, чтобы и русский стал поляком или убрался за Уральский хребет. Он отрекается от соплеменности с нами, превращает в призрак историю и на месте нынешней России не хочет видеть никого кроме поляков и вырождающихся чуди или татар. Что не Польша, то татарство, то должно быть сослано в Сибирь, и на месте нынешней могущественной России должна стать могущественная Польша по Киев, по Смоленск, от Балтийского до Черного моря» [2, с. 21]. Об опасности, которая несет в себе Польша (в том числе и как часть *Rex Latina* — по выражению Ю. Ф. Самарина, «острый клин, вогнанный латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы» [9, с. 342]), говорили Н. Я. Данилевский, А. С. Хомяков, сам Самарин и др. В романе Крестовского «Две силы» империалистические амбиции Польши показаны гротескно: на собрании заговорщиков «пан пулковник» призывает отобрать у москалей Курляндию, Псков и Смоленск на том основании, что дотуда когда-то простиралось польское господство, а далее — Москву, которую поляки заняли во время Смуты («Москва город хороший!.. Пригодится!» [4, кн. 2, с. 71]), и даже Сибирь («И Сибирь отвоюем!» [4, кн. 2, с. 71]). Комичность таких заявлений, вызывающих смех у самих заговорщиков, контрастирует с тем, как реагирует на них Свитка, идеолог и тайный лидер мятежа: «Мысль о Сибири вовсе не столь комична, как кажется! И притом мысль о восстании в Сибири далеко не новая мысль!» [4, кн. 2, с. 71]. Реальную опасность, по мысли Крестовского, несут не действия поляков на поле боя (изображенные в романе неизменно саркастично), а заговоры, польское подполье, действительно грозящее уничтожить Россию. Представление о том, что за действиями русских нигилистов-революционеров на самом деле стоят поляки, составило основу идейной концепции дилогии «Кровавый пух» (в особенности — ее первой части «Панургово стадо», само название которой прямо обозначает авторскую позицию). Нигилисты у Крестовского (Полояров и члены его коммуны) показаны как слепое оружие в руках поляков, чужими руками разжигающих социальные конфликты (восстание крестьян в деревне Снежки, волнения в Санкт-Петербургском университете и др.) и заставляющих жестоко подавлять

недовольство, что только еще больше раскалывает общество. Образы «полякующих» революционеров, которых заговорщики используют в своих целях, есть в романе Лескова «Некуда» (заговорщики паны Рациборский и Ярошинский принимают у себя нигилистов и используют их для подготовки восстания), в романе Ключникова «Марево» (Бронский при поддержке ксендза готовит восстание и втягивает в него нигилиста-гимназиста Колю), в целом ряде произведений «второго ряда» (И. М. Шестопалова обнаруживает образы «полякующих» в произведениях, опубликованных в журнале «Вестник Западной России» — драме Г. Кулжинского «Пред мятежом», повести С. Ф. Калугина «Полякующий», анонимной повести «Евреи в Варшаве во время последнего польского мятежа» [15]).

К 1870-м гг. польская тема постепенно уходит из антинигилистики, начинается поиск менее простых объяснений происхождения этой общественной опасности (например, в «Бесах» Достоевского). При этом связь между революционной деятельностью и Западом, и без того существовавшая (небезосновательно) в общественном сознании, становится с этого момента еще более ощутимой.

Список литературы:

1. Айрапетов, О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XV: Польское восстание 1863 года. – М.: Модест Колеров, 2013. – С. 7–138.
2. Катков, М. Н. Польский вопрос // Катков, М. Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3: Власть и террор. – СПб.: Росток, 2011. – С. 14–29.
3. Ключников, В. П. Марево: антинигилистический роман в 4 ч. – М.: ФИВ, 2012. – 480 с.
4. Крестовский, В. В. Кровавый пух: в 2 кн. – М.: RUGRAM, 2022.
5. Левинсон, К. М. Н. Катков и польское восстание 1863 года - URL.: <https://gefter.ru/archive/12465> (дата обращения: 18.02.2026)
6. Лесков, Н. С. Некуда // Лесков, Н. С. Пол. собр. соч.: в 30 т. Т. 4. – М.: ТЕРРА, 1997. – С. 9–674.
7. Полонский, Я. П. Разлад. – М.: Nobel Press, 2012. – 182 с.
8. Рудницкая, Е. Л. Герцен, Огарев, Бакунин и Польское восстание 1863 г. // Литературное наследство. – 1985. – № 96. – С. 363–398.
9. Самарин, Ю. Ф. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 720 с.
10. Скабичевский, А. М. Литературные воспоминания. – М.: Аграф, 2001. – 432 с.
11. Соколовский, М. Стереотип русского нигилиста в творчестве Юзефа Игнацы Крашевского // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М.: Индрик, 2002. – С. 181–191.
12. Фалькович, С. М. Представление русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа // Россия – Польша.

- Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М.: Индрик, 2002. – С. 99–109.
13. Фолина, А. И., Тесля, А. А. «Польский вопрос» в публицистике А. И. Герцена (в первые месяцы 1863 года) // Ученые заметки ТОГУ. – 2015. – Т. 6. № 4. – С. 331–341.
14. Цыбенко, Е. З. Образы русских в польской литературе второй половины XIX века // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М.: Индрик, 2002. – С. 156–167.
15. Шестопалова, И. М. Образы «полякующих» в русской и польской пропагандистской литературе 1860-х гг. // Славянский альманах. – 2016. – №1–2. – С. 224–236.
16. Шпорлюк, Р., Новак, А. Была ли Польша империей? Беседа Анджея Новака с Романом Шпорлюком // Ab Imperio. – 2007. – № 1: Историческая дисциплина и имперское наказание. – С. 23–42.
17. Штакеншнейдер, Е. А. Дневники и записки (1854–1886). – М.; Л.: Academia, 1934. – 582 с.
18. Nowak, A. From Empire Builder to Empire Breaker, or There and Back Again: History and Memory of Poland's Role in East European Politics // Ab Imperio. – 2004. – № 1: Гетерогенность памяти империи и нации. – С. 255–290.

Полынов Матвей Федорович

доктор исторических наук, профессор, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 1874-8329

Matvey Polynov

St. Petersburg State University

ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ М. С. ГОРБАЧЕВА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОСЧЕТЫ. 1985-1991 ГГ.

Аннотация: В статье раскрывается политика М.С. Горбачева в области разоружения в годы перестройки. Гонка вооружений между США и СССР достигла к середине 1980-х гг. опасных масштабов. Дальнейшее противостояние в этой области не позволяло Советскому Союзу проводить политику ускорения социально-экономического развития страны. Кроме того, она могла привести к возникновению опасного военного конфликта между двумя сверхдержавами. В области ядерного разоружения между двумя странами в период перестройки были достигнуты серьезные результаты, положившие тогда конец гонке вооружений между ними.

Ключевые слова: Разоружение, ракеты, М.С. Горбачев, Р. Рейган, Дж. Буш, договор о РСМД, договор ОСВ -1.

DISARMAMENT ISSUES IN M. S. GORBACHEV'S FOREIGN POLICY: ACHIEVEMENTS AND FAILURES. 1985-1991.

Summary: This article examines Mikhail Gorbachev's disarmament policy during the perestroika years. The arms race between the United States and the USSR reached dangerous proportions by the mid-1980s. Further confrontation in this area prevented the Soviet Union from pursuing a policy of accelerating the country's socioeconomic development. Furthermore, it could have led to a dangerous military conflict between the two superpowers. Significant progress was made in nuclear disarmament between the two countries, which then ended the arms race between them.

Keywords: Disarmament, missiles, M.S. Gorbachev, R. Reagan, G. Bush, INF Treaty, SALT I Treaty.

Проблемам сокращения темпов гонки вооружений советское руководство всегда уделяло значительное внимание. Однако решение этой проблемы зависело не только от него, но и от позиции его главного геополитического противника – Соединенных Штатов Америки. В годы холодной войны они рассматривали гонку вооружений как метод экономического изматывания Советского Союза [8, с. 92-103]. СССР в течение длительного периода времени в этой области был догоняющей страной, поэтому уклониться ему от этого

было невозможно. К концу 1960-х – началу 1970-х гг. Советскому Союзу удалось достичь паритета по стратегическим вооружениям. Этот факт был признан президентом США Никсоном [12, с. 215]. Только после этого американская администрация согласилась вести переговоры с СССР и подписать первый в истории договор об ограничении стратегических ядерных вооружений во время визита Р. Никсона в Москву в мае 1972 г. [13, с.379].

Этот договор не остановил гонку ракетно-ядерных вооружений между двумя сверхдержавами. Новый, еще более опасный этап гонки вооружений начнется при Р. Рейгане, который сознательно ужесточил политику в отношении СССР. При нем завершается размещение американских крылатых ракет и ракет средней дальности «Першинг-2» в пяти странах Западной Европы. В 1983 г. он также объявил о начале разработки программы стратегической оборонной инициативы (СОИ) [10, с.570], предусматривавшей перенос гонки вооружений в космическое пространство.

Политика прекращения гонки вооружений для нашей страны становилась жизненно необходимой. Этого требовала политика ускорения социально-экономического развития страны. Без крупных инвестиций реализовать поставленные задачи было невозможно. С приходом к власти в марте 1985 г. Горбачева, внешнеполитические устремления СССР, направленные на снижение накала противостояния между двумя сверхдержавами, усиливаются.

На первой встрече Горбачева с Рейганом 19-21 ноября 1985 г. обсуждались проблемы ядерного разоружения. Советский лидер предлагал сократить стратегические вооружения на 50 %. Американский президент поддержал подобный подход. Но при этом он не отказывался от своей программы СОИ. Горбачев справедливо считал, что СОИ противоречит содержанию договора о ПРО 1972 г., подписанного Л.И. Брежневым и Р. Никсоном. Разногласия двух лидеров по вопросу о СОИ привели к срыву договоренности о радикальном сокращении ядерных вооружений [2, с. 16 -17.].

Однако оба лидера пришли к выводу о необходимости принятия совместного итогового заявления, в котором подчеркивалось, что «ядерная война никогда не может быть развязана, в ней не может быть победителей», а также выражено стремление «предотвратить гонку вооружений в космосе и прекратить ее на земле, ограничить и сократить ядерные вооружения и укрепить стратегическую стабильность» [2, с. 20].

В ходе второй встречи Горбачева и Рейгана, состоявшейся 11-12 октября 1986 г. в Рейкьявике, центральной проблемой также стали вопросы ядерного разоружения. Анализ содержания их бесед, позволяет сделать вывод о том, что Горбачев проявлял неоправданный радикализм и поспешность по этим проблемам огромной важности. Не случайно участник американской делегации госсекретарь Дж. Шульц позднее напишет: «Он бросал подарки к нашим ногам. Точнее уступку за уступкой» [3, с. 484].

В последний день переговоров, 12 октября, советский лидер предложил полное уничтожение всех видов ядерного оружия между СССР и США в

течение 10-летнего периода – к 1996 году. Рейган настолько был удивлен предложением Горбачева, что вынужден был задать уточняющий вопрос: «Я хочу спросить: имеем ли мы в виду, что к исходу двух пятилетних периодов будут ликвидированы все ядерные взрывные устройства, включая бомбы, средства поля боя, крылатые ракеты, вооружения подводных лодок, средства промежуточной дальности и т.д.» [6, с.75]. Горбачев твердо и уверенно ответил: «Мы можем так и сказать, перечислить все эти вооружения» [6, с.75].

Рейган был согласен с предложением советского лидера. Однако данное предложение оказалось не реализованным из-за позиции американского президента, который не хотел увязывать уничтожение ядерных арсеналов с отказом от программы СОИ. Он все еще считал, что она является главным фактором давления на СССР, заставила Советы вернуться к переговорам и в Женеве, и в Исландии по ограничению вооружений [11, с. 290].

Горбачев осознавал, что идет на крупные уступки США. До этого Советский Союз этого никогда не допускал. Генсек говорил Рейгану: «Доверительно и откровенно скажу Вам: если мы подпишем пакет, содержащий крупные уступки Советского Союза по кардинальным проблемам, то Вы станете без преувеличения великим президентом» [6, с. 77].

Ретроспективный анализ инициатив Горбачева в Рейкьявике в области полного уничтожения ядерного оружия позволяет подвергнуть их серьезной критике. Реализация этих предложений могла бы в будущем подорвать безопасность России и поставить ее в крайне трудное положение.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 14 октября 1986 г. генсек информировал членов Политбюро об итогах переговоров с Рейганом. Однако ни одного слова он не произнес о том, что предлагал полностью уничтожить ядерное оружие к 1996 г. Высшее советское руководство об этом тогда никакого представления не имело.

После Рейкьявика инициативы Горбачева в области ядерного разоружения продолжались. В советской позиции в этом вопросе произошли серьезные изменения. Горбачев отказался рассматривать вопрос о ядерном разоружении в «пакете». Выделил из него ракеты малой и средней дальности и предложил по ним вести с американцами переговоры. Он отказался увязывать эту проблему с СОИ и с сокращением стратегических наступательных вооружений. 1 марта 1987 г. Горбачев выступил с инициативой о ликвидации советских и американских ракет средней дальности в Европе. Уже 3 марта Рейган поддержал это предложение [5, с. 184].

В ходе визита госсекретаря США Дж. Шульца в Москву в апреле 1987 г. обсуждался не только вопрос о ракетах средней дальности, по которым стороны достаточно быстро договорились. «Мы стремились максимально пойти вам навстречу», сказал Горбачев Шульцу [9, с. 183]. Они также обсуждали вопрос о ракетах малой дальности (от 500 – до 1000 км). Видя подобную уступчивость советской стороны, госсекретарь в беседе с министром иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, поднял вопрос о включении в будущий

договор советскую высокоточную мобильную ракету «Ока» (СС – 23)), которая по параметру дальности полета не подпадала под условия договора. Она была испытана на дальность 400-450 км. Это была ракета «невидимка», которую невозможно было засечь радаром. Кроме того, ракета управлялась на всей территории полета, и ее можно было перенацелить в любой момент на другой объект. У американцев подобной ракеты не было. Военные были категорически против включения этой ракеты в договор [4, с. 656]. Однако Горбачев и Шеварднадзе и в этом вопросе сделали уступки и пошли навстречу пожеланиям американцев.

Во время визита М. С. Горбачева в Вашингтон, 8 декабря с Рейганом подписали Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), согласно которому этот класс ракет наземного базирования в обеих странах подлежал уничтожению в течение трех лет. СССР должен был ликвидировать 826 ракет средней дальности, США – 689; РСМД – соответственно 926 и 170 ракет [1, с. 57] Советский Союз уничтожал ракет в 2,3 раза больше, чем США.

Новый этап ядерного разоружения между СССР и США наступил в 1991 г., при президенте Дж. Буше. Вопрос о сокращении стратегических наступательных вооружений, как выше уже было подчеркнуто, обсуждался между Горбачевым и Рейганом в Женеве, затем в Рейкьявике. Но потребовалось еще шесть лет, чтобы согласовать общие параметры этого договора. Во время визита Буша в Москву Договор о сокращении стратегических вооружений (ОСВ-I) был подписан 31 июля 1991 г. В соответствии с ним сокращению подлежала вся триада стратегических ядерных сил: межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования (МБР), баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелые бомбардировщики стратегической авиации (ТБ). Суммарно, после сокращения ядерных боезарядов, каждая сторона должна была иметь не более 6 000 единиц, а число носителей ядерного оружия – 1600 [7, с. 433.]

В заключении можно сделать вывод о том, что в годы перестройки под руководством М. С. Горбачева, в области ядерного разоружения были достигнуты огромные результаты. Именно благодаря этому стал возможен постепенный переход от холодной войны к партнерству и сотрудничеству. Однако это в значительной степени стало следствием не взаимных компромиссов обеих сверхдержав – США и СССР, а благодаря односторонним существенным уступкам Горбачева.

Список литературы:

1. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки. 7 – 10 декабря 1987 г. Документы и материалы. - М.: Политиздат, 1987. – 176 с.
2. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2 кн. Кн. 2. - М.: Новости, 1995. – 656 с.
3. Гриневский О. А. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. - М.: Олма – Пресс, 2004. – 624 с.

- 4.Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 -1986 гг.). - М.: АВТОР, 1997. – 688 с.
- 5.Дубинин Ю. В. Время перемен. Записки посла в США. - М.: Аврус-XXI, 2003.-464 с.
- 6.Запись четвертой беседы М. С. Горбачева с Р. Рейганом // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 8. С. 68 – 78.
- 7.История международных отношений. В 3 т. Т. 3 Ялтинско-Потсдамская система. - М.: Изд-во «Аспект-Пресс, 2012. - 552 с.
- 8.Полынов М. Ф. Гонка вооружений как метод изматывания СССР США. 1945 – 1990 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. Вып. 3. С. 92 – 103.
- 9.Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другими материалами. - М.: Изд-во «Весь мир», 2010. – 944 с.
- 10.Рейган Р. Жизнь по-американски / Пер. с англ. - М.: Новости, 1992. – 749 с.
- 11.Рейган Р. Откровенно говоря. Избранные речи / Пер. с англ. - М.: Новости, 1990. – 398 с.
- 12.Уткин А. И. Американская империя. - М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.- 736 с.
- 13.Энциклопедия советско-американских отношений. XVIII – XX века. Автор и составитель Э. А. Иванян. - М.: Меджунар. Отношения, 2001.

Поляков Алексей Васильевич

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

SPIN-код: 6040-2237

Polyakov Alexey

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРЦЕПТИВНО-ИНТЕРАКТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ С ДОСТИГНУТОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу характеристик перцептивно-интерактивной компетентности в контексте основного изучаемого понятия профессиональной идентичности преподавателей вузов. В статье приведены теоретические положения о включении в структуру общей компетентности педагогов социально-психологической компетентности, и внутри нее – перцептивно-интерактивной компетентности. Проведен анализ компонентов перцептивно-интерактивной компетентности их взаимосвязей с характеристиками отношения к осуществляемой педагогической деятельностью, эмпатическими способностями, направленности личности, ориентацией личности у преподавателей вузов со статусом достигнутой профессиональной идентичности.

Ключевые слова: социально-психологическая компетентность, перцептивно-интерактивная компетентность, достигнутая профессиональная идентичность, преподаватели вуза, ценности профессиональной деятельности, направленность личности, ориентации личности преподавателя, педагогическая деятельность в вузе.

CHARACTERISTICS OF PERCEPTIVE-INTERACTIVE COMPETENCE OF UNIVERSITY TEACHERS WITH ACHIEVED PROFESSIONAL IDENTITY

Summary: This article is devoted to the analysis of the characteristics of perceptive-interactive competence in the context of the main concept of professional identity of university teachers. The article presents theoretical provisions on the inclusion of socio-psychological competence in the structure of general competence of teachers, and within it – perceptive-interactive competence. The analysis of the components of perceptive-interactive competence and their relationships with the characteristics of attitude to the carried out pedagogical activity, empathic abilities, personality orientation, personality orientation in university teachers with the status of achieved professional identity.

Keywords: socio-psychological competence, perceptive-interactive competence, achieved professional identity, university teachers, values of professional activity, personality orientation, teacher personality orientation, and pedagogical activity at a university.

Согласно словарю русского языка Н.И. Ожегова, понятие «компетентность» (competentia – принадлежность по праву) определяется как обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо, высказывать веское авторитетное мнение [7].

В настоящее время «компетентность» чаще определяется как сумма способностей, умений и знаний достаточных и адекватных тому, что нужно сделать (выполнять определенные трудовые функции); сочетание психических качеств, психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно. Компетентность становится интегральным качеством высокообразованного человека, обладающего профессиональными знаниями, опытом, способным осуществлять профессиональную деятельность, адаптироваться к изменяющимся условиям трудовой деятельности.

Дж. Равен рассматривал проблему компетентностей не только с точки зрения профессиональных приоритетов, но и с учетом социальных установок, мотивации, ценностных ориентиров личности, поведенческих установок [8].

А.К. Маркова в структуру профессиональной компетентности, включает социальную, личностную, индивидуальную компетентности [6].

В науке разработаны понятия профессиональной компетентности и ее виды для различных специалистов. Несмотря на различие подходов к решению проблемы профессиональной компетентности, семантический смысл, вкладываемый исследователями в это понятие, заключается в признании главной ее функции – функции развития у специалистов профессионально важных личностных качеств. Специфика профессиональной деятельности определяет необходимость развития тех или иных качеств. Н.П. Фетискиным было определено понятие перцептивно-интерактивной компетентности. Одноименная методика позволяет выявить общий уровень коммуникативной интерактивности и показатели по таким ее характеристикам, как взаимопознание, взаимопонимание, взаимовлияние, социальная автономность, социальная адаптивность, социальная активность [9].

Взаимопознание отражает степень адекватности оценки личностных особенностей партнеров по взаимодействию. Взаимопонимание вскрывает уровень конфликтности в группе, выраженность общих интересов, умение понять точку зрения оппонента, другого человека.

Под взаимовлиянием понимается степень значимости мнения, поступков других представителей группы, самокоррекция, саморефлексия.

Социальная автономность подразумевает значимость личностной позиции в совместных действиях и организации или участии в совместной деятельности.

Социальная адаптивность является собой благополучность взаимоотношений, удовлетворенность своим положением в группе, гибкость поведения, контактность внутри коллектива и с внешним окружением.

Социальная активность заключается в направленности социальной ориентации, ведущих мотивах взаимодействия с окружающими, эффективности деятельности, осуществляющей совместно с коллегами.

Как отмечал А.А. Бодалев, социально-перцептивная компетентность является важной личностной и профессиональной компетенцией, которая позволяет успешно ориентироваться в спектре социально-психологических проблемных ситуаций и способствует познанию других людей в социуме, исходя из накопленного опыта человека.

В.А. Балашова и Д.И. Хаснулина, изучая явление социально-перцептивной компетентности, придают в нем значение как общей сформированности знаний и умений человека, которые обеспечивают более эффективное как познание, так и понимание специфики взаимодействий в социальной среде, отношений между субъектами коммуникации

Авторы считают, что развитие социально-перцептивной компетентности непременно осуществляется наряду с процессом профессионального развития, когда развитие в профессии формирует все больший уровень компетентности, а также изменяется конфигурация её информационной, когнитивной, эмоциональной и поведенческой составляющих [2].

Также В.А. Балашова предложила собственную методику изучения социальной компетентности и выделила в данном феномене динамические характеристики. Проведя исследование на студентах колледжа, автор выявила у респондентов динамику оценки различных составляющих компетентности: деловых личностных качеств специалиста, восприятие объекта и ситуации в профессиональной деятельности и пр. [1].

При рассмотрении феномена общей психологической компетентности Н.В. Кузьмина включает в ее структуру такие компоненты, как социально-перцептивная компетентность, заключающаяся в выраженности у человека наблюдательности, проницательности, обеспечивающими для него целостное знание другого человека. Социально-психологическая компетентность при этом представляет собой сформировавшиеся способы поведения человека, той или иной его деятельности, различных отношений человека, осуществляющихся в профессиональной группе. Аутопсихологическая же компетентность, обращенная к интрапсихическим ресурсам человека, подразумевает развитые способности к самопознанию, адаптивную самооценку, навыки самоконтроля, способности к саморегуляции внутренних состояний, хорошую работоспособность, высокую самоэффективность. Коммуникативная компетентность, по Н.В. Кузьминой, проявляется в гибком подборе различных адаптивных стратегий, способствующих эффективному общению. Под психолого-педагогической компетентностью подразумеваются сложившиеся в личности эффективные паттерны воздействия на других людей [5].

Е.Н. Каменская рассматривала феномен психологической компетентности преподавателей вузов, в которую включала и социально-психологическую компетентность. Ориентируясь на исследования компетентности в педагогических профессиях авторов А.Д. Алферова, В.Н. Козиева и др., Е.Н. Каменская считает, что «при очевидном разнообразии точек зрения на содержание психологической компетентности их объединяет включение в структуру психологической компетентности знаний и умений; понимание психологической компетентности в качестве условия профессионализма педагога. Современный преподаватель вуза обязан обладать таким уровнем психологической компетентности, который обеспечивал бы построение педагогического взаимодействия, реализующего не только передачу определенного содержания студенту, но и их совместный личностный рост, личностное развитие» [3, с. 97].

При этом под социально-психологической компетентностью можно понимать способность преподавателей организовывать эффективное взаимодействие с обучаемыми в учебно-воспитательном процессе. Подобная характеристика является необходимым условием решения проблемы оптимизации учебно-воспитательного процесса. Социально-психологическая компетентность проявляется в восприятии и понимании педагогом обучающихся, в обращении и отношениях с окружающими, в глубине его психологического включения в предметную и в коммуникативную деятельность, в психологической атмосфере, характеризующей состояние его межличностных отношений в коллективе.

Социально-психологическая компетентность включает такие виды психологической компетентности, как социально-перцептивная, социально-коммуникативная и интерактивная компетентности.

Социально-перцептивная компетентность проявляется в способности к адекватной оценке личностных характеристик черты и эмоционального состояния других участников коммуникации, в свободе к осуществлению не искаженных интерпретаций чужих высказываний, а также невербальных проявлений других людей. Данная характеристика отождествляется с полноценным и глубоким восприятием партнеров по общению, адекватным их пониманием и возможностью субъективной оценки других субъектов, участвующих в совместной деятельности или общении. Она осуществляется через эмоционально-чувственное, интеллектуальное и социальное взаимодействие, в которых претворяется творческий и жизненный опыт человека.

В структуру социально-перцептивной компетентности включены мотивационно-целевой, когнитивный, оценочный, эмоциональный компоненты.

Социально-коммуникативная компетентность заключается в развитых навыках установления и поддержания значимых для субъекта коммуникаций, способности к доступному изложению собственных идей и мотивов, убедительной позиции в общении, характеризующейся эффективной

аргументацией, доказательной логикой, анализаторскими способностями, высказываниями конструктивных суждений, передачей информации, накладывающейся на восприятие партнера по общению, установлении межличностных отношений, согласованностью собственных действий при коллегиальном взаимодействии, выборе оптимального стиля общения в различных деловых ситуациях, организации и поддержания диалога.

В структуру коммуникативной компетентности входят такие компоненты, как мотивационно-личностный, когнитивный и поведенческий. Таким образом, социально-интерактивная компетентность является совокупностью умений и навыков, необходимых для эффективного взаимодействия между людьми в процессе общения, применительно к профессиональной среде – формирующего и поддерживающего их оптимальную профессиональную идентичность.

В нашем исследовании преподавателей вузов, проведенном в 2023-2026 гг. при участии 170 педагогов различных вузов России и направленном на изучение социально-психологических характеристик профессиональной идентичности, была рассмотрена перцептивно-интерактивная компетентность преподавателей как один из значимых факторов профессиональной идентичности.

Корреляционные взаимосвязи всех типов профессиональной идентичности с изучаемыми социально-психологическими характеристиками в рамках данного исследования рассмотрены в публикации Е.Ю. Коржовой и А.В. Полякова [4].

Приведем анализ корреляционных взаимосвязей изученных характеристик перцептивно-интерактивной компетентности с другими выявленными показателями методик у преподавателей вузов с достигнутой профессиональной идентичностью (оптимальный уровень ее сформированности). Достигнутая профессиональная идентичность, по Л.Б. Шнейдер, статус профессиональной идентичности, который возникает при позитивном преодолении кризиса профессионального самоопределения. В результате кризиса формируется позитивное самоотношение и осознание себя представителем определённой профессии, компоненты профессиональной идентичности обеспечивают человеку чувство направленности и осмысленности жизни [10].

Компетентностная характеристика взаимопонимание, отражающая в отношении к уровню конфликтности в группе, выраженности общих интересов, умении понять точку зрения оппонента, другого человека у преподавателей вузов с достигнутой профессиональной идентичностью по результатам исследования имеет положительную взаимосвязь со склонностью к трансситуационному освоению мира ($r=0,51$, $p \leq 0,05$) и отрицательную взаимосвязь с такой педагогической задачей, как предотвращение конфликтов с родителями ($r=-0,48$, $p \leq 0,05$). Интерпретировать взаимосвязи можно следующим образом: чем более выражено взаимопонимание, тем больше выражена склонность респондентов к трансситуационному освоению

собственного внутреннего мира, обращенностью человека к своему внутреннему миру, стремлению к внутреннему росту, самосовершенствованию. Вероятно, такую взаимосвязь можно объяснить тем, что взаимопонимание более эффективно осуществляется теми личностями, у которых осуществляется личностный рост, и ресурсы к взаимопониманию имеют происхождение от качества познания собственного внутреннего мира, что способствует также и оптимальному формированию профессиональной идентичности.

В то же время педагоги со способностью к пониманию точки зрения оппонента, другого человека не видят значимости общения с родителями обучающихся, что, вероятно, связано с ориентацией на педагогическое взаимодействие непосредственно со студентом в возможных конфликтных ситуациях, апелляцией к ресурсам его личности, не прибегая к задействованию родителей студентов.

Взаимопознание как компетенция, выражающаяся в способности к адекватной оценке личностных особенностей партнеров по взаимодействию, имеет обратные корреляционные взаимосвязи с определенными профессиональными ценностями педагогов ($r=-0,44$, $p \leq 0,05$), трансситуационной изменчивостью ($r=-0,51$, $p \leq 0,05$), ведущим мотивом направленности на задание ($r=-0,6$, $p \leq 0,05$) и положительную взаимосвязь с мотивом направленности на себя ($r=0,62$, $p \leq 0,05$). То есть у преподавателей лучше развита компетенция, выражающаяся в адекватной оценке личностных особенностей партнеров по взаимодействию в случае, если они считают приоритетными ценностями общение со студентами и коллегами, а также занятие любимым делом, у них слабо выражено стремление к изменениям в окружающей среде и присутствует ориентация на поддержание стабильности, слабо выражен деловой мотив, определяющийся направленностью на задание, и наоборот, весомо выражен мотив направленности на себя через понимание важности удовлетворения собственных потребностей.

Компетенция взаимовлияние как осознание значимости мнения, поступков других представителей педагогической среды, и возможная самокоррекция, саморефлексия благодаря учету представлений окружающих имеет положительную взаимосвязь с мотивом направленности на себя ($r=0,54$, $p \leq 0,05$) и обратные взаимосвязи с трансситуационной изменчивостью ($r=-0,42$, $p \leq 0,05$), мотивом направленности на задание ($r=-0,38$, $p \leq 0,05$), личным эмпатическим дистрессом как чувством собственной тревоги и дискомфорта, возникающем в напряженном межличностном взаимодействии, при наблюдении переживаний других людей, и направленного на себя ($r=-0,68$, $p \leq 0,01$). То есть, педагоги более способны к саморефлексии и самокоррекции при учете влияния окружающей профессиональной среды, если они ориентируются на удовлетворение собственных потребностей, менее нацелены на выполнение конкретных задач, больше направлены на сохранение стабильности и в противоположность тревоге и дискомфорту переживают состояния внутреннего спокойствия и душевного комфорта.

Компетенция социальная автономность, заключающаяся в акцентировании значимости личностной позиции в совместной деятельности имеет отрицательные взаимосвязи с оценкой взаимоотношений с другими преподавателями, коллегами по кафедре ($r=-0,4$, $p \leq 0,05$), представлениями о собственных, нуждающихся в развитии виды педагогической деятельности ($r=-0,35$, $p \leq 0,05$), тенденцией к интеграции в профессиональные отношения в вузе ($r=-0,41$, $p \leq 0,05$). То есть, преподаватели способны к трансляции своей личной позиции в трудовые отношения с коллегами в случае оценки этих отношений как заслуживающих доверия, видения в качестве нуждающейся в развитии методической работы, участия на более-менее постоянной основе в профессиональных отношениях и решения совместных задач с другими преподавателями и разными структурами своего вуза и других учебных заведений.

Компетенция социальная адаптивность, заключающаяся в благополучности взаимоотношений, удовлетворенности своим положением в группе, гибкости поведения, контактности внутри коллектива и с внешним окружением имеет одну отрицательную взаимосвязь с возрастом преподавателей ($r=-0,51$, $p \leq 0,05$). То есть, более благополучны и адаптивны по данным характеристикам молодые преподаватели.

Компетенция социальная активность, характеризующаяся как активная социальная ориентированность, выраженность мотива взаимодействия с окружающими, наблюдаемая эффективность совместной деятельности имеет положительные взаимосвязи со склонностью к транситуационному освоению мира ($r=0,46$, $p \leq 0,05$) и с децентрацией как тенденцией восприятия, понимания, учета, принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека ($r=0,48$, $p \leq 0,05$). Отрицательные взаимосвязи выявлены с профессиональными ценностями педагогов ($r=-0,42$, $p \leq 0,05$), транситуационной изменчивостью ($r=-0,46$, $p \leq 0,05$), ведущим мотивом направленности на задание ($r=-0,38$, $p \leq 0,05$), личным эмпатическим дистрессом ($r=-0,45$, $p \leq 0,05$). Более социально активными являются преподаватели, обращенные к своему внутреннему миру, со стремлением к внутреннему росту, самосовершенствованию, принимающие в расчет точку зрения, опыт других людей, считающие приоритетными ценностями общение со студентами и коллегами, а также занятие любимым делом, у них слабо выражено стремление к изменениям в окружающей среде и присутствует ориентация на поддержание стабильности, слабо выражен деловой мотив, определяющийся направленностью на задание, они испытывают состояния внутреннего спокойствия и душевного комфорта.

Список литературы:

- 1.Балашова, В. А. Динамические особенности социально-перцептивной компетентности при оценке необходимости компетенций в рамках будущей профессиональной деятельности // Педагогика и психология образования. - 2016. - № 2. - С. 83-92.

- 2.Балашова, В. А., Хаснулина, Д. И. Направленность личности как условие развития перцептивно-интерактивной компетентности психолога // Юридическая психология. – 2022. - № 3. - С. 17-23.
- 3.Каменская, Е. Н. Психологическая компетентность преподавателя вуза: понятие и структура // Вестник Таганрогского института управления и экономики. - 2009. - №1. - С. 95-99.
- 4.Коржова, Е. Ю., Поляков А. В. Социально-психологические корреляты профессиональной идентичности преподавателей вузов // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. - 2025. - Т. 10. - № 3. - С. 98-122. DOI: 10.38098/irpan.opwr_2025_36_3_004
- 5.Кузьмина, Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. - М.: Высшая школа, 1990. - 117 с.
- 6.Маркова, А. К. Психология профессионализма. - М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. - 312 с.
- 7.Ожегов, С. Н. Словарь русского языка / под. ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Русский язык, 1984. - 797 с.
- 8.Равен, Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. - М., 2002. - 396 с.
- 9.Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002 – 488 с.
- 10.Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность. - М.: МОСУ, 2001. - 272 с.

Полякова Наталья Валерьевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 9285-6602

Poliakova Natalia

St. Petersburg State University

ТЕМА «РОССИЯ-ГЕРМАНИЯ» В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Аннотация: В данной статье рассматривается значение темы «Россия-Германия» в творчестве Ф. И. Тютчева. Основной акцент сделан на его публицистическом и политико-философском наследии. Отмечается, что в рамках данных аспектов его творческого наследия тема российско-германских отношений была одной из ключевых. Кроме того, сама эта тема рассматривалась русским мыслителем как погруженная в более широкий контекст темы «Россия-Запад». Делается вывод, что Германия стала для Тютчева не только местом, где он начал свой творческий путь, но и отправной точкой развития его политико-философских принципов и выбора ориентиров практической деятельности во благо России.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, Россия, Германия, политическая философия, политическая публицистика.

THE RUSSIA-GERMANY THEME IN THE POLITICAL AND PHILOSOPHICAL HERITAGE OF F.I. TYUTCHEV

Summary: This article examines the significance of the "Russia-Germany" theme in the works of Fyodor Tyutchev. The focus is on his journalistic and political-philosophical legacy. It is noted that the topic of Russian-German relations was one of the key aspects of his creative work. Additionally, the Russian thinker viewed this theme as part of the broader context of the "Russia-West" theme. It is concluded that Germany was not only the place where Tyutchev began his creative journey, but also the starting point for developing his political and philosophical principles and choosing the guidelines for his practical activities in the benefit of Russia.

Keywords: Fyodor Tyutchev, Russia, Germany, political philosophy, political journalism.

Имя Ф. И. Тютчева известно, в первую очередь, благодаря его поэтическому творчеству, которое позволило ему занять значимое место в пантеоне русской литературы. Менее известен Тютчев как талантливый русский дипломат, позднее – государственный цензор, а также общественный и политический деятель, который оставил, кроме всего прочего, значительное политико-философское наследие, которое нашло отражение в его

публицистических текстах, незавершенном трактате «Россия и Запад», цикле политических стихотворений, а также в его письмах, адресованных родным, друзьям, отечественным и зарубежным общественным и политическим деятелям.

Русский поэт и публицист был ярким представителем не только отечественной, но и шире – европейской культуры: и по своему воспитанию, и по своей образованности, и даже по особенностям своей биографии. Как отмечал в своем биографическом очерке о Ф. И. Тютчеве один из виднейших представителей славянофильской традиции И. С. Аксаков, «...22 года, проведенные среди не поддельной, а *истой* европейской гражданственности, наложили неизгладимую печать на всю, так сказать, внешнюю сторону его существа: по своим привычкам и вкусам он был вполне “европеец”, и европеец самой высшей пробы, со всеми духовными потребностями, воспитываемыми западной цивилизацией» [1, с. 243]. Вместе с тем, по словам Аксакова, Тютчев, являясь «представителем европейского просвещения», воспринял его плоды свободно и независимо, используя их для того, чтобы трезво и непредвзято «судить» Запад. В итоге он становится мыслителем и публицистом, исповедующим близкие к славянофильской традиции убеждения: «...результатом этого просвещения, так полно усвоенного Тютчевым, было не только утверждение в нем естественной любви к своему отечеству, но и высшее разумное ее оправдание; не только верование в великое политическое будущее России, но и убеждение в высшем мировом призвании русского народа и вообще духовных стихий русской народности» [1, с. 250-251].

При этом особое место в рамках европейского политико-культурного пространства занимала в жизни и творчестве Ф. И. Тютчева именно Германия, а тема российско-германских отношений стала одной из ключевых тем его политико-философских работ. Известно, что русский мыслитель многими жизненными нитями был связан с Германией, в первую очередь, с ее южной исторической частью и одним из крупнейших государств Германского союза – Баварией и ее столицей – Мюнхеном. Именно в Баварии он провел большую часть своей более чем двадцатилетней «заграничной жизни», здесь развивалась его дипломатическая деятельность в качестве сотрудника российской дипломатической миссии при королевском дворе Баварии (с 1822 по 1839 гг.).

В этот период своей дипломатической карьеры, он даже «...принял активное участие в подготовке и реализации одного из крупнейших событий европейской политики 30-х гг. XIX в. – избрании на греческий престол принца Отто, сына баварского короля Людвига I [3, с. 46]. Именно в Баварии Ф.И. Тютчев нашел и свое семейное счастье, породнившись сразу с несколькими аристократическими немецкими родами. В 1829 он вступил в брак с графиней Элеонорой Ботмер (в первом браке Петерсон), от которой имел трех дочерей, а после ее смерти в 1838 г., – с баронессой Эрнестиной фон Пфедфель (в первом браке – баронесса фон Дёрнберг), которая переехала с поэтом в Россию, стала

его секретарем, хранительницей творческого наследия и даже выучила русский язык, чтобы понимать его поэзию.

В этот исторический период – первая половина XIX века – Мюнхен был одним из центров европейской культурной и интеллектуальной жизни, в которую активно включился русский дипломат и поэт: «Богатство художественной и интеллектуальной жизни отличало баварскую столицу того времени» [9, с. 24]. Ф. И. Тютчев был знаком со многими современными ему европейскими светилами науки и искусства, поддерживал с ними живое общение и переписку, активно участвовал в различных литературных вечерах и дискуссиях, а также иных форматах культурной и светской жизни столицы Баварии. В это время Тютчев познакомился с немецким философом Фридрихом Шеллингом, натурфилософские идеи которого в этот период господствовали в академической среде Германии и который стал главным хранителем Королевских научных коллекций при Людовике I Баварском, а также немецкими поэтами Иоганном Гёте и Генрихом Гейне. В Мюнхене им были подготовлены и изданы многие собственные произведения, а также переводы. Так именно здесь русским поэтом были созданы такие известные стихотворения, как, например, «Silentium!» («Молчи!» лат.), «Люблю грозу в начале мая», «Зима недаром злится», а также некоторые политико-публицистические тексты. В это же время он переводил на русский язык труды выдающихся немецких поэтов – И. Гёте, Ф. Шиллера, И. Гердера, в том числе, первый акт «Фауста» Гете и «Песнь радости» Шиллера. Но особенное место заняла в тютчевском творческом пространстве поэзия Г. Гейне. Как отмечают исследователи, именно Тютчев открыл своими переводами творчество Гейне русскому читателю, переводя и творчески интерпретируя многие его произведения: «Всего Тютчев перевёл или написал по мотивам Гейне 10 стихотворений, в том числе в 1823 или 1824 году "На севере мрачном, на дикой скале"..."» [9, с. 111].

Отношения между двумя великими поэтами в европейской культуре – русским и немецким – оформились как дружеские именно в Мюнхене, где они встретились в феврале либо в марте 1828 г., примерно через несколько месяцев после приезда Гейне в Баварию в ноябре 1827 г. Как отмечал в своей книге «Здесь Тютчев жил... Русский поэт в Мюнхене» исследователь А. Полонский: «Гейне и Тютчева сближали молодость, любовь к поэзии, тяга к философскому размышлению» [9, с. 114]. В письме Г. Гейне от 1 апреля 1828 г. литератору Варнгагену фон Энзе в Берлин упоминается «молодой русский дипломат, лучший друг Тютчев» [Цит. по: 14]. Их общение, продолжившееся весной-летом 1828 г., как и несколько последующих коротких встреч уже за пределами Баварии, породило не только интересный для обоих художественный симбиоз, но создало предпосылки для оформления специфической позиции немецкого поэта в отношении России и ее роли в Европе, и в целом, в международных делах: «Благодаря его дружбе с сотрудником русской дипломатической миссии

в Мюнхене поэтом Федором Тютчевым, Россия узнала о творчестве немецкого поэта, а немецкий поэт – о сущности России» [14].

В мае 1826 года Г. Гейне опубликовал прозаическую книгу в форме путевых очерков, которая получила большой отклик и была впоследствии продолжена автором под названием «Путевые картины» (1824-1831 гг.). В этом произведении немецкий поэт, используя прозаический жанр путевых записей, обращается к актуальным на тот момент социально-политическим проблемам, и, в том числе, выражает свои революционные идеи. В третьей части этой книги, написанной уже после личных бесед с Тютчевым в Мюнхене и посвященной путешествию по Италии, Гейне, обращаясь к феномену Наполеона, вводит в свой текст и рассуждения о России, анализируя ее новую прогрессивную роль во время греческого освободительного движения против османского владычества и западных союзников Турции: «...при постоянной странной смене лозунгов и представителей в великой борьбе, обстоятельства сложились так, что самый пламенный друг революции видит спасение мира только в победе России и принужден смотреть на императора Николая как на гонфалоньера свободы» [2, с. 339]. И далее в тексте появляется еще один необычный пассаж о России, явно возникший под воздействием тютчевского влияния: «Если сравнить в отношении свободы Англию с Россией, то и самый мрачно настроенный человек не усомнится, к какой партии примкнуть. Свобода возникла в Англии на почве исторических обстоятельств, в России же – на основе принципов. <...> Россия – демократическое государство, я назвал бы его даже государством христианским, если бы хотел применить это часто употребляемое слово в его отраднейшем, самом космополитическом смысле, потому что русские, уже благодаря объему их государства, свободны от узкосердечия языческого национального чувства» [2, с. 341-342]. В этом лестном для России с точки зрения его собственных мировоззренческих убеждений сравнении немецкий автор выражает уверенность, что неограниченный абсолютизм русского правительства является «скорее диктатурой», направленной к тому, чтобы внедрить либеральные идеи новейшего времени непосредственно в общественную жизнь, в отличие от Англии, чей общественный быт продолжает сохранять «печать средневековья». Таким образом, в данном прозаическом произведении Г. Гейне под влиянием личных встреч и бесед с русским поэтом и дипломатом, в определенной мере «...претворил тютчевскую схему России» [13, с.14]. «Мысли этой статьи как будто продиктованы Тютчевым. Они совершенно неожиданны в устах немца, ибо едва ли у Гейне могло сложиться самостоятельно такое определенное мнение о загадочной России <...> Мнение, парадоксальное в устах Гейне, совершенно естественно в устах Тютчева. И странно было бы предположить обратное влияние», – так определил свое понимание появления этих необычных пассажей о России у немецкого поэта переводчик и литературный критик Г. И. Чулков [15, с. 363-364]. Эта позиция сохранялась у Г. Гейне вплоть до событий польского восстания 1830-1831 гг., после

подавления которого русскими властями в мировоззрении поэта сформировался негативный образ России, сохранившийся уже до конца его жизни. В целом, данный сюжет можно рассматривать как первый более или менее успешный опыт Ф.И. Тютчева как российского «агента влияния» в среде западной интеллектуальной и политической элиты, который он будет впоследствии расширять, в первую очередь, посредством своих публицистических выступлений в западноевропейской прессе.

«В современной Тютчеву России его публицистические выступления были известны лишь самому узкому кругу лиц. Между тем на Западе в течение двух десятилетий не умолкал отголосок своего рода сенсации, вызванной в конце 1840-х – начале 1850-х годов его политическими статьями, а также отрывками из его частных писем, проникшими на страницы журнальной прессы», – отмечал в своем исследовании английский историк литературы Р. Лэйн, подчеркивая специфичность этого аспекта тютчевского творчества [5, с. 231]. В своей политической публицистике Ф. И. Тютчев неоднократно обращался к теме российско-германских отношений. Уже первая его статья под названием «Письмо русского», ставшая ответом на очерк о русской армии на Кавказе, напечатанный 18 марта 1844 г. в приложении к баварской газете «Allgemeine Zeitung» и представлявший собой фрагмент анонимного цикла под названием «Письма немецкого путешественника с Черного моря», где в уничижительной форме был представлен образ русского солдата и традиции русской армии, обозначила вектор тютчевской политической публицистики – защита российских интересов и формирование позитивного образа России в западноевропейском общественном мнении. Эта статья, присланная анонимно редактору данной газеты, была опубликована 21 марта 1844 г. и сопровождается редакционным предисловием, выдержанным в оправдательном тоне. Реабилитация образа русского солдата строится Тютчевым в этой заметке через напоминание немцам о его достоинствах в период наполеоновских войн, а также заслугах России и русской армии перед Германией в деле ее освобождения от наполеоновского ига. Как с горечью отмечал Ф. И. Тютчев, об этих заслугах немецкая печать в тот момент предпочитала уже более не вспоминать и целенаправленно формировала в общественном мнении негативный образ России и русских: «После веков раздробленности и многих лет политической смерти немцы смогли вновь обрести свое национальное достоинство только благодаря великодушной помощи России; теперь они воображают, что неблагодарностью смогут укрепить его» [10, с. 35].

В следующей своей политической статье «Россия и Германия», имеющей непосредственное отношение к российско-германским отношениям, русский дипломат и поэт продолжил развивать эту тему: «...Тютчев вновь напоминал немцам об их долге перед Россией за ту решающую роль, которую она сыграла в победе над Наполеоном, и побуждал придерживаться союза с ней в борьбе против революционного движения» [5, с. 233]. Статья была написана в виде письма доктору Густаву Кольбу, редактору «Аусбургской Всеобщей газеты»

(«Augsburger Allgemeine»), которую сам Тютчев назвал «политической трибуной» Германии, и опубликована в Мюнхене в 1844 г. отдельной брошюрой под таким же названием. Поводом к ее написанию послужил выход в свет в 1843 г. книги французского автора А. де Кюстина «**Россия в 1839 году**», в том же году переведенной и изданной в Германии и Англии, в которой для европейского читателя был сформирован негативный образ России. Тютчев использовал этот повод, как он уверяет, не для апологии России, а для обсуждения более конкретной проблемы, обращаясь к России «...лишь в связи с ее непосредственным отношением к судьбам Германии», к ее подлинным интересам [11, с. 37]. «То умонастроение, которое создано и старательно распространяется в Германии во взгляде на Россию, пока еще не представляет опасности, но уже близко к ней... Я убежден, что это умонастроение ничего не изменит в ныне существующих отношениях между немецкими правительствами и Россией, но оно ведет ко все большему искажению общественного сознания в одном из важнейших для каждого народа вопросов, вопросе о его союзах...», – так формулировал Тютчев эту проблему, обращаясь с предупреждением к немецкой прессе и пророчески заявляя, что только союз с Россией соответствует интересам Германии, поскольку поможет ей сохранить свое преобладание в Европе [Там же, с. 53]. При этом, утверждая, что союзническая политика с Россией является «истинной и законной, естественной политикой Германии», он акцентирует внимание на нравственной основе этого союза, как он сложился в рамках постнаполеоновской Европы: «Можно утверждать с историческими доказательствами, что в политических анналах всего мира трудно было бы найти другой пример столь глубоко нравственного союза, вот уже тридцать лет соединяющего государей Германии с Россией...» [Там же, с. 45-46]. Таким образом, в данном публицистическом тексте начал выкристаллизовываться характерный для мировоззрения Ф. И. Тютчева идеал «нравственной» политики, который постепенно занял впоследствии значимое место в его творчестве: «Тютчев развивал систему аргументации в поддержку «нравственной» политики, исходя из собственной конструкции политического настоящего и будущего России и ее взаимоотношений с Западом [7, с. 400].

В целом в статье «Россия и Германия» уже были заложены основные контуры тютчевской историософской концепции, определена ее внутренняя логика и обозначены основные темы. Позднее его зять и биограф И. С. Аксаков в письме И. С. Гагарину от 7/19 ноября 1874 г., писал, что «...уже в 1844 году, еще до переселения его в Петербург, написана и издана им в Германии брошюра, в которой намечено им политическое и историческое воззрение, впоследствии лишь разработанное и развитое, без всякого противоречия себе самому» [6, с. 50]. Так, например, в контексте своей политической философии, Ф.И. Тютчев, возможно, «...первым из политических мыслителей ввёл в обращение такое геополитическое понятие как "Восточная Европа"» [8, с. 172]. В своей статье «Россия и Германия» он акцентировал внимание читателя на

том, что существует мир Восточной Европы, где «Россия во все времена служила душою и двигательною силою...» [11, с. 42].

Таким образом, возможно в этих первых статьях, выстроенных вокруг темы российско-германских отношений, были заложены истоки той идеи, которой Ф.И. Тютчев хотел посвятить себя в интересах России как организатор и как автор: «Эта идея – организация систематического воздействия на европейское общественное мнение путем консолидации европейских публицистов, известных своими симпатиями к России» [4, с. 146-147]. Кроме того, в этих политико-публицистических текстах уже фрагментарно присутствуют контуры его собственных политико-философских воззрений, которые он будет стремиться системно оформить впоследствии в виде трактата «Россия и Запад», так, к сожалению, и не завершенного им до конца [12]. В этом контексте Германия стала для Тютчева не только местом, где он начал свой творческий путь и как поэт, и как переводчик, и как политический публицист, но и во многом отправной точкой развития его политико-философских принципов и выбора ориентиров практической деятельности во благо России.

Список литературы:

1. Аксаков И.С. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк // Аксаков И.С. «И слово правды...»: Стихи, пьеса, статьи, очерки / [Предисловие, составление и комментарии М. А. Чванова; редактор Ю. А. Андрианов; художник С. В. Маджар]. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. С. 223-298.
2. Гейне Г. Путевые картины // Гейне Г. Полное собрание сочинений в 12-ти т. под общей ред. Н. Я. Берковского. М.-Л.: ACADEMIA, 1935. Т. IV. С. 85-715.
3. Гладков А. Е. Возвращение Федора Ивановича Тютчева в Баварию...: страничка из воспоминаний о дипломатической службе // Интеллигенция и мир. 2020. №2. С. 45-53.
4. Динесман Т. Тютчев в Мюнхене: (К истории дипломатической карьеры) // Тютчевский сборник. Тарту: Tartu University Press, 1999. Вып. 2. С. 121-201.
5. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х - начала 1850-х годов // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Отв. ред. С.А. Макашин, К.В. Пигарев, Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1988. Кн.1. С. 231-252.
6. Письмо И. С. Аксакова И. С. Гагарину от 7/19 ноября 1874 г. // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. Кн. 2. М.: Наука, 1989. С. 50-52.
7. Полякова Н. В. Идеал «нравственной» политики в политико-философском наследии Ф.И. Тютчева // Исторический путь России: из прошлого в будущее: Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского. В 3-х томах, Санкт-Петербург, 02 апреля 2021 года / Под редакцией С.И. Бугашева, А.С. Минина.

- Том 1. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 398-404.
8. Полякова Н.В. Идея «великого единства» в утопических проектах Ж. Де Местра и Ф.И. Тютчева // Утопические проекты в истории культуры: материалы IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции, Ростов-на-Дону, 26–28 октября 2022 года. – Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2023. С. 170-173.
9. Полонский А.Э. «Здесь Тютчев жил»... Русский поэт в Мюнхене. Киев: КМЦ «Поэзия», 2003. – 353с.
10. Тютчев Ф. И. Письмо русского // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 34-35.
11. Тютчев Ф.И. Россия и Германия // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 35-53.
12. Тютчев Ф. И. Россия и Запад // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 101-122.
13. Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне // Книга и революция. 1922. № 4. С. 13-16.
14. Фишман В. Генрих Гейне – немецкий друг Фёдора Тютчева // Плавающий мост. 2017. №2(14). – URL: <https://www.plavmost.org/?p=9411> (дата доступа: 12.02.2026)
15. Чулков Г.И. Тютчев и Гейне // Искусство. 1923. № 1. С. 356-364.

Породнов Артем Валерьевич

преподаватель

Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России

SPIN-код: 5518-0606

Porodnov Artem

Ural Institute of the State Fire Service of the Russian Ministry of Emergency Situations

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА БРИТАНСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА КАК МЕХАНИЗМ ДЕГУМАНИЗАЦИИ

Аннотация: В рамках статьи рассмотрен процесс подготовки и воспитания офицерского состава Британского военно-морского флота в период начала XX в. Автор рассматривается весь период подготовки личного состава, от поступления в кадетскую школу, до получения лейтенантского звания в действующем составе флота. В результате работы, было сделано заключение, что в процессе подготовки офицерского состава, кадеты и мичманы флота, перекалываются из людей в функции. В конечном итоге, для будущих офицеров флота, она становится не убийством, а набором механических действий в отношении противника.

Ключевые слова: Британский военно-морской флот, кадетский корпус, подготовка личного состава, обезличивание, дегуманизация, XX в.

TRAINING OF OFFICERS OF THE BRITISH NAVY AS A MECHANISM OF DEHUMANIZATION

Summary: Within the framework of the article, the process of training and education of officers of the British Navy in the period of the early 20th century is considered. The author examines the entire period of training of personnel, from admission to the cadet school, to obtaining the rank of lieutenant in the active fleet. As a result of the work, it was concluded that in the process of training officers, cadets and midshipmen of the Navy, they are transformed from people into functions. Ultimately, for future naval officers, war becomes not a matter of killing, but a set of mechanical actions against the enemy.

Keywords: British Navy, Cadet Corps, personnel training, depersonalization, dehumanization, 20th century.

Современный миропорядок характеризуется всё более очевидным нарастанием противоречий и столкновением стратегических интересов ведущих мировых держав. Эта новая волна геополитической и военной напряженности, охватывающая как локальные регионы, так и планетарное пространство в целом, заставляет исследователей и аналитиков вновь обращать пристальное внимание на опыт прошлых исторических эпох. Обращение к

истории, особенно к периоду крупных конфликтов, становится не просто академической практикой, а насущной методологической необходимостью, позволяющей искать параллели, модели и закономерности, применимые для осмысления современных вызовов. В этом контексте особую научную и практическую ценность приобретает углубленное изучение восприятия военных действий самими их участниками и современниками. Особый интерес представляют те конфликты, которые, с одной стороны, являются достаточно близкими к нашему времени для сохранения релевантности, а с другой — уже дистанцированы исторической перспективой, позволяющей провести беспристрастный и взвешенный анализ. Именно таким ключевым, переломным и в высшей степени показательным конфликтом прошлого столетия является Первая мировая война, которая стала водоразделом эпох и радикально преобразила саму природу военных действий.

В рамках данного исследования фокус внимания сосредоточен на анализе системы подготовки офицерского состава Королевского военно-морского флота Великобритании. Этот специфический ракурс представляется чрезвычайно плодотворным, поскольку позволяет рассмотреть не только сугубо профессиональные и технические аспекты формирования офицера (судовождение, артиллерийское дело, навигацию), но и выявить глубинные социально-психологические механизмы подготовки сознания военных к условиям тотальной, деперсонализированной войны. Изучение этого процесса даёт возможность понять, каким образом в рамках образовательной системы происходило формирование мировоззрения, установок и поведенческих моделей, адаптированных к новому типу боевых действий, где противник переставал быть видимым человеком, превращаясь в абстрактную цель.

В рамках отечественной исторической и военно-педагогической науки вопросы становления и профессиональной подготовки офицерских кадров, в том числе флотских, получили довольно широкое освещение. Основное внимание в существующих работах традиционно уделяется институциональной структуре военно-морского образования, эволюции учебных программ, содержанию преподаваемых дисциплин и формальным требованиям к уровню подготовки [1, 3, 4, 5]. Определённый пласт исследований, преимущественно представленный статьями, затрагивает также проблемы формирования личности офицера, в том числе и его гуманитарную, ценностно-мировоззренческую подготовку. Однако в большинстве случаев эта проблематика рассматривается в утилитарном ключе, как часть политической подготовки или воспитания патриотизма, и редко становится предметом специального анализа с точки зрения психологии и феномена дегуманизации войны [2].

Важно подчеркнуть, что для офицера британского флота в рассматриваемый период начальная, а впоследствии и вся последующая специализированная подготовка представляли собой не просто формальный этап, а строго обязательную и непрерывную траекторию карьерного роста. По

завершении базового курса в стенах учебного заведения молодые выпускники незамедлительно назначались на флотские должности, часто принимая под командование расчеты или небольшие подразделения. Их восприятие боевой действительности, реакция на стрессовые ситуации и принятие решений в значительной степени детерминировались теми устойчивыми поведенческими и когнитивными паттернами, которые были заложены в них в ходе предшествующей учебы. Таким образом, ключевые установки, определявшие сам подход к ведению боевых действий, фундаментальные модели поведения офицера в условиях смертельной опасности и его морально-этическое отношение к противнику формировались не столько в «полевых» условиях реальной службы, сколько гораздо раньше — в ходе длительного, строго регламентированного образовательного процесса в специализированных военно-морских учебных заведениях [2, С. 82-85]. Именно эта среда, искусственно изолированная от внешнего мира и построенная на жесткой дисциплине, выступала главной «лабораторией» по производству профессионального военно-морского сознания, готового к реалиям войны нового типа.

В начале XX века для поступления в кадетский корпус на учебном судне «*Britannia*» требовалось получить номинацию — сложную процедуру, поскольку право распределения квот почти полностью принадлежало Первому лорду Адмиралтейства. Наличие личных связей значительно облегчало задачу, в то время как для остальных кандидатов это становилось серьёзным испытанием. Даже предварительные обещания со стороны действующих офицеров не гарантировали зачисления.

Потребность флота в офицерах в тот период, как отмечает А. Кинг в работе «*Our sons: how to start them in life*», была невысокой — около 120 человек в год, тогда как число претендентов часто превышало 1500–2000 человек [7, Р. 102-103].

Помимо личного знакомства с Первым лордом, альтернативным путём было апеллирование к заслугам отца или опекуна перед государством. Если у кандидата не было подобных оснований или влиятельных покровителей, его заявление, как правило, оставалось без ответа [2 С. 154].

Ежегодно Королевская военно-морская школа *New Cross* получала ограниченное количество квот (обычно две или три). Если служба на флоте рассматривалась как оптимальный карьерный путь, ребёнка могли отправить туда на год для подготовки к конкурсу. Обучение было организовано таким образом, чтобы после получения номинации ученик мог успешно сдать вступительный экзамен. Школа *New Cross*, созданная для детей моряков и офицеров, с более низкой платой для них, была единственным доступным способом поступления без протекции. Обычно мальчики поступали туда в возрасте 10–11 лет.

Экзамен для «молодых джентльменов», номинированных в Королевский военно-морской колледж в Гринвиче, проводился экзаменаторами

Адмиралтейства дважды в год. Кандидаты должны были быть в возрасте от 12 до 13,5 лет и пройти медицинское освидетельствование.

Экзамен допускал только одну попытку и включал следующие дисциплины [7, Р. 105]

1. Диктант по английскому языку – 100 баллов.
2. Чтение и грамматический разбор – 100 баллов.
3. Арифметика – 200 баллов.
4. Основы алгебры – 200 баллов.
5. Основы геометрии – 200 баллов.
6. Латинский язык – 200 баллов.
7. Французский язык – 100 баллов.
8. История священных писаний – 100 баллов.

Успешно сдавшие экзамен зачислялись на HMS «*Britannia*» на двухгодичный курс, по окончании которого сдавали выпускные испытания для назначения в действующий флот. Обучение на «*Britannia*» делилось на четыре семестра, после каждого сдавался экзамен. Неудовлетворительные результаты могли привести к отчислению.

Переход на «*Britannia*» требовал значительных расходов: снаряжение стоило около 100 фунтов стерлингов, а ежегодные выплаты составляли порядка 70 фунтов, покрывая также карманные расходы и развлечения.

После окончания учёбы кадет производился в мичманы и направлялся на корабль, где в течение примерно трёх с половиной лет должен был сдать ряд экзаменов для производства в младшие лейтенанты. Как отмечал А. Кинг, этот период был сопряжён с многочисленными испытаниями, требующими от юноши моральной стойкости [7].

Выпускной экзамен сдавался в Королевском военно-морском колледже в Гринвиче или на зарубежной базе и включал мореходное, артиллерийское дело и навигацию. Мичманы должны были вести отчётные журналы и активно заниматься самообразованием, особенно при отсутствии на корабле штатного инструктора.

Оклад мичмана составлял 31 фунт стерлингов в год, дополняемый пособием от семьи в размере до 50 фунтов. После назначения исполняющим обязанности младшего лейтенанта офицер направлялся на курсы математики в Гринвич и на корабль Его Величества [6, Р. 43-47].

Ключевым являлся экзамен по окончании этих курсов. Получение первоклассного сертификата по всем трём дисциплинам («три единицы») практически гарантировало быстрое производство в лейтенанты. Оклад младшего лейтенанта составлял 95 фунтов в год, лейтенанта — 182 фунта. Дополнительные возможности давало занятие должностей штурмана или артиллериста [6, Р. 48].

Производство в командеры обычно занимало 10–11 лет службы в звании лейтенанта. Однако из-за дисбаланса в численности (около 700 лейтенантов на 400 высших чинов) шансы на достижение адмиральского звания были невелики

(Rodger, 8). Несмотря на ужесточение отбора и сокращение числа вакансий, служба на флоте сохраняла притягательность для британской молодёжи, хотя для большинства семей без связей или государственных заслуг шансы на поступление оставались минимальными.

Таким образом, система подготовки офицеров флота представляла собой комплекс мер, направленных не только на профессиональное обучение, но и на определённую социальную изоляцию. Во время обучения, особенно на борту «*Britannia*», кадеты были практически полностью оторваны от общественно-политической жизни. Жёсткий регламент и длительные морские походы минимизировали их контакт с внешним миром, способствуя формированию аполитичного корпуса офицеров. В сочетании с личной материальной заинтересованностью это создавало среду, в которой действия личного состава зачастую лишались выраженного политического или эмоционального контекста. Служба воспринималась как набор отработанных процедур, а механическое исполнение приказов превращалось в рутину, позволявшую абстрагироваться от моральной оценки собственных действий. В этой парадигме человек растворялся в функциональной роли, становясь одним из элементов сложного механизма — корабля.

Список литературы:

1. Караяни А. Г., Волобуева Ю. М. Военная психология как область специального научного знания и практики // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. №4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-psihologiya-kak-oblast-spetsialnogo-nauchnogo-znaniya-i-praktiki> (дата обращения: 02.12.2025).
2. Лихарев Д. В. Эра адмирала Фишера. – Владивосток: Изд-во. Дальневосточного федерального университета, 1993.
3. Масягин В. Зарождение военно-профессиональной подготовки офицеров ВМФ России // Высшее образование в России. - 2005. №4. С. 45-49 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-voenno-professionalnoy-podgotovki-ofitserov-vmf-rossii> (дата обращения: 10.12.2025).
4. Сенявская Е.С. Человек на войне: Историко-психологические очерки. - М.: Издательский центр ИРИ, 1997.
5. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль: Полит. биография. - М.: Мысль, 1977.
6. Aylmer, G. E. Navy, State, Trade and Empire. // Oxford History of the British Empire in 8 Vol., Oxford, 1998. Vol 1. 1998. P. 467-479. - URL: <https://archive.org/details/oxfordhistoryofthebritishempirevol.1oxford1998> (дата обращения: 06.11.2025).
7. King, A. Our Sons: How to Start Them in Life. London : Frederick Warne, 1880. - URL: <https://archive.org/details/b2810397x> (дата обращения: 06.06.2025).
8. Rodger N. A. Sea-Power and Empire // Oxford History of the British Empire. Vol. II. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 169–184. - URL:

https://archive.org/details/oxfordhistoryofb0000unse_h4i6 (дата обращения:
21.10.2025).

Портнягина Мария Дмитриевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 9285-5810

Maria Portnyagina

St. Petersburg State University

«ГОРОД С РАЗОРВАННОЙ БИОГРАФИЕЙ»: МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ КАЛИНИНГРАДА

Аннотация: Статья посвящена анализу механизмов функционирования коллективной памяти в городской среде на материале Калининграда — города с «разорванной» биографией, где немецкое, советское и российское наследие создают сложное поле для формирования идентичности. С опорой на теории Л. Мамфорда, М. Хальбвакса, П. Нора, Я. и А. Ассман, К. Линча исследованы институциональные практики (музеи, градостроительная политика, топонимика) и социальные рамки памяти. На примерах дискуссий о Королевском замке, квартале «Рыбная деревня», федеральных и региональных программах показано, что коллективная память в Калининграде представляет собой динамическое поле конкурирующих нарративов, где отсутствует полный консенсус, но достигается устойчивость через возможность множественности интерпретаций. Сделан вывод о том, что музеи и культурные институты выступают активными агентами формирования памяти, способствуя постепенной интеграции «чужого» прошлого в «свою» идентичность.

Ключевые слова: коллективная память, Калининград, городская идентичность, места памяти, политика памяти, музеи.

"A CITY WITH A TORN BIOGRAPHY": MECHANISMS OF FUNCTIONING OF COLLECTIVE MEMORY IN THE URBAN ENVIRONMENT OF KALININGRAD

Summary: The article is devoted to the analysis of the mechanisms of functioning of collective memory in the urban environment on the material of Kaliningrad, a city with a “torn” biography, where the German, Soviet and Russian heritage create a complex field for the formation of identity. With the support of the theories of L. Mumford, M. Halbwachs, P. Nora, J. and A. Assmann, K. Lynch, the institutional practices (museums, urban planning policy, toponymy) and social frames of memory are investigated. Using the examples of discussions about the Royal Castle, the Fish Village quarter, and federal and regional programs, it is shown that collective memory in Kaliningrad is a dynamic field of competing narratives, where there is no complete consensus, but stability is achieved through the possibility of multiple interpretations. It is concluded that museums and cultural institutions act as

active agents in shaping memory, contributing to the gradual integration of the "foreign" past into the "own" identity.

Keywords: collective memory, Kaliningrad, urban identity, places of memory, memory politics, museums.

Город — это не просто совокупность зданий и улиц, это материализованная история человеческих сообществ. Пространство города выступает активным участником формирования идентичности его жителей, хранящим следы прошлых эпох, травм и триумфов. Особый интерес для исследователя представляет феномен городов с «разорванной» биографией, где одна культурная парадигма насильственно или радикально сменяет другую. Калининград (бывший Кёнигсберг) является хрестоматийным примером такой «городской многослойности», где немецкая, советская и современная российская истории создают сложное поле для формирования коллективной памяти. Цель данной работы — проанализировать механизмы функционирования коллективной памяти в городской среде.

Проблема сохранения и передачи памяти в урбанистике имеет глубокие корни. Льюис Мамфорд, американский историк, социолог, специалист в области теории и истории архитектуры в своем фундаментальном труде «Город в истории» рассматривает город не просто как экономический центр, но как культурный аккумулятор. Он подчеркивает, что городская структура превосходит индивидуальную способность к запоминанию. Мамфорд сравнивает город с контейнером «(город) ...передавал большую порцию их жизней (людей), чем может передавать из уст в уста индивидуальная человеческая память...огромный город есть лучший орган памяти, созданный человеком до настоящего времени» [18, p.35]. Однако данный «орган памяти» может быть подвергнут «пересадке» или «ампутации». В случае Калининграда мы можем наблюдать внешнее вмешательство в функционирование «органа памяти»: изменение топонимии, снос старых и возведение новых доминант.

Однако физическая оболочка города не работает автоматически. Она требует осмысления жителями. Здесь уместно обратиться к социологии памяти Мориса Хальбвакса. В работе «Социальные рамки памяти» он постулирует, что не существует памяти чисто индивидуальной; любое воспоминание реконструируется в рамках социальных групп [14, с. 29]. Город предоставляет эти «рамки». Для первых послевоенных поселенцев Калининграда социальные рамки памяти были советскими, а физическая среда — немецкой. Этот диссонанс породил специфическую форму отчуждения от пространства: руины Кёнигсбергского замка воспринимались не как утраченное наследие, а как свидетельство вражеского прошлого, подлежащее забвению.

Пьер Нора в концепции «Мест памяти» (*Les Lieux de Mémoire*) утверждает, что места памяти возникают там, где живая память исчезает. Когда среда перестает быть естественным носителем традиции, отдельные объекты сакрализуются как носители смысла [10, с.25]. Ян и Алейда Ассман развивают

эту мысль, вводя различие между коммуникативной и культурной памятью [3, с.20]. Коммуникативная память живет в повседневном общении современников (около 80–100 лет), тогда как культурная память институционализирована через памятники, музеи и тексты [2, с.262]. В Калининграде 1950–70-х годов коммуникативная память первых переселенцев (о войне, о разрухе) постепенно вытеснялась формируемой государственной культурной памятью о «советском городе на западной границе». Немецкий слой был исключен из культурной памяти, оставшись лишь в виде молчаливых руин.

Наконец, важно понять, как жители воспринимают эту сложную среду. Кевин Линч, американский урбанист в «Образе города» акцентирует внимание на ментальных картах горожан. Он отмечает: «Каждый индивидуум создает и несет свой собственный образ, но может существовать значительное согласие между членами одной и той же группы. Именно групповые образы, проявленный консенсус среди значительного количества людей интересуют городских проектировщиков, которые стремятся моделировать среду, которая будет использоваться многими людьми» [8, с. 10].

Вопрос консенсуса в Калининграде стоит особенно остро. Существует ли единый «образ города»? Или мы имеем дело с конкурирующими образами: «советский форпост», «европейский Кёнигсберг», «туристический бренд»?

Коллективная память не возникает стихийно; она конструируется конкретными институтами. Государство выступает главным архитектором официальной культурной памяти. Через градостроительную политику, топонимику и финансирование проектов власть задает вектор восприятия истории. В Калининграде государственная позиция долгое время балансировала между советским наследием, как легитимизирующим фактором присутствия, и немецким прошлым, как ресурсом для туризма и европейской интеграции до 2022 г. Государство стремится создать консолидирующий нарратив, где немецкий период является «историческим фоном», а советский/российский — «современной реальностью». Герб Калининградской области, утвержденный в 2006 году, представляет собой компромиссную модель, отражающую государственную стратегию формирования памяти. Геральдический символ является классическим «местом памяти» по Пьеру Нора — объектом, где память кристаллизуется в символ, когда живая традиция прерывается [10, с.18]. Наилучшим подходом к рамке коллективной памяти калининградцев чиновники сочли сочетание «вензеля императрицы Елизаветы и ордена Ленина как символов дореволюционной принадлежности территории и к России и трудовых свершений калининградцев в советское время» [4, с. 144-145]. О немецком периоде может косвенно напомнить изображение зубчатой крепостной стены с воротами.

Государственная позиция о немецком прошлом до сих пор неоднозначна, ее отражают дискуссии о восстановлении Кёнигсбергского замка, являющемся центральным узлом памяти Калининграда. Судьба Королевского замка оказалась трагична, до 1956 г. он сумел сохранить свои башни и стены. Вопрос

о его сносе был неоднозначным для жителей города, но решение принимало партийное руководство: «Товарищи, вот это у меня в руках коллективное письмо, недавно поступившее в Центральный Комитет партии. Среди более чем 50 подписей я вижу фамилии представителей нашей уважаемой интеллигенции: писателей, архитекторов, журналистов. О чем пишут эти уважаемые товарищи в Центральный Комитет? Они пишут о том, что надо сохранить Королевский замок. Вот о чем они пишут! Кому, спрашивается, это нужно? С корнем выкорчевать гнездо германского империализма!» [6, с. 173] В 1970-е гг. на месте замка началось строительство Дома Советов, где разместились бы органы управления. Горожане так вспоминают это строительство: «Сначала здание смотрелось настолько инородным на фоне сохранившейся исторической застройки, что вызывало отторжение. В те времена ещё лежал в руинах Кафедральный собор, вокруг уже были хрущёвки. В 1975 году построили гостиницу “Калининград”. Но даже на этом фоне здание смотрелось бы очень brutальным. Такое мощное, скажем, высказывание советской архитектуры» [13]. К сер. 80-х гг. XX в. Здание практически было достроено, но ввести в эксплуатацию его не успели. В новой России фактического применения зданию не нашлось. Хотя стоит отметить, что в коллективную память горожан ему все же удалось вписаться. Как отмечает калининградский художник-этнограф Ольга Дмитриева «За 50 лет все к нему привыкли, оно успело наполниться новыми смыслами. Там проходили яркие культурные события.... Там полтора года существовало арт-пространство “Лофт”, например. В 2002 году финский режиссёр Мика Каурисмяки использовал Дом Советов для съёмок своего фильма Honey Baby. На первом этаже снимались сцены дискотеки, а массовка состояла из калининградцев. То есть он не воспринимался таким молчаливым недостроен, куда никому не было доступа» [13].

В 2000-х гг. судьба построек на Королевской горе менялась вместе с градоначальниками. В 2014 г по итогам международного конкурса «Сердце города» победил проект калининградского архитектора Антона Сагаля, предполагавший сохранение Дома Советов и частичное воссоздание Королевского замка. В 2016 г. губернатор региона Николай Цуканов (2010-2016 гг.) заявил, что нашлись инвесторы для данного проекта. Однако идее не суждено было реализоваться в виду прихода нового губернатора, А. Алиханова (2016-2024 гг.) Планы нового губернатора все время менялись. В 2018 г. он планировал восстановить Дом Советов: «В следующем году планируется начать его восстановление. Свезём всех чиновников туда» [13]. Однако в 2020 г. было сделано заявление о критическом состоянии здания и необходимости его демонтажа, к которому приступили в 2023 г. О восстановлении замка губернатор высказался однозначно: «Тема замка для города закрыта...Замка здесь не будет никогда» [5]. Как отметил губернатор замок – это «символ власти немецкого народа», и его бессмысленно восстанавливать на территории России [1]. В последний год своего срока А. Алиханов выдвинул идею создания

парка на Королевской горе и даже «лично» попросил нового губернатора Алексея Беспрозванных придерживаться этой идеи: «Просьба личная, от себя. Хотел попросить, если поддержите... Мне кажется, очень важно, чтобы там появился парк, сад...» [13]. Концепцию парка, который получил рабочее название «Россия» власти представят в 2026 г. [7]

Таким образом дискуссия по вопросу восстановления замка отражает отсутствие консенсуса в отношении прошлого. Можно выделить три точки зрения. Первая – основанная на экономической выгоде - предполагает увеличение туристического потока за счет немецкого прошлого. До 2022 г. это было актуально и для привлечения внешних туристов. Вторая группа воспринимает замок как символ немецкого реваншизма и не видит необходимости его восстановления. Третья группа вносит проекты по созданию на этом месте общественного пространства. Так как концепция парка еще не представлена городскими властями, вопрос о том, что будет на этом месте остается открытым для обсуждений.

Связь с немецким наследием выполняет этнографический и торгово-ремесленный комплекс, расположенный на набережной реки Преголи на Октябрьском острове, - «Рыбная деревня». Комплекс представляет собой городской квартал, застроенный зданиями в архитектурном стиле довоенного Кёнигсберга с фахверковыми фасадами и черепичными крышами. Комплекс был создан на месте бывшего рыбного рынка прусского города, что создает пространственную связь с историей. Это особенно важно в условиях, когда большая часть исторического центра Кёнигсберга была разрушена во время Второй мировой войны. Исследователи отмечают, что «Рыбная деревня» представляет собой один из слоев архитектуры, формирующих культурную память города [17]. Комплекс позволяет жителям и туристам визуально соприкоснуться с архитектурными традициями старого Кёнигсберга. Как отмечает исследователь Джейми Фриман, «Рыбная деревня», способствуют созданию новой «местной идентичности», которая объединяет немецкое, советское и российское наследие [16, р. 313]. Однако следует учитывать, что «Рыбная деревня» представляет собой пример коммерциализации исторической памяти через туризм. В данный комплекс входят: отели, рестораны, конференц-залы, смотровую башню «Маяк». Это делает историческое наследие доступным для широкой аудитории, но одновременно вызывает дискуссии о балансе между аутентичностью и туристической привлекательностью. Некоторые критики отмечают, что «Рыбная деревня» - это «Современный новодел, стилизованный под немецкую архитектуру с большим количеством сувенирных лавок, магазинов, ресторанов и кафешек, да еще с неграмотным названием» [12].

Приоритетным направлением федеральных властей в рамках конструирования и сохранения коллективной памяти остается военно-историческая тематика. В фокусе внимания – Первая Мировая война. В честь столетия начала войны в Калининграде был проведен ряд мероприятий с

использованием федеральных источников финансирования. Были установлены новые памятники, например, 30 мая 2014 состоялась церемония открытия памятника героям Первой мировой войны, в которой принимали участие председатель Российского военно-исторического общества, министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский и Губернатор Калининградской области Николай Цуканов. Тема Великой Отечественной войны безусловно остается приоритетной, когда речь заходит о сохранении исторической памяти, это можно увидеть по выигравшим проектам Фонда президентских грантов. В 2025 г. в номинации «Сохранение исторической памяти» из Калининградской области было выбрано 9 победителей, темы 6 из которых связаны с сохранением памяти о Великой Отечественной войне [11].

Ключевую роль в институциональном ландшафте региональной политике памяти играют музеи. Калининградские музеи специализируются на разных аспектах истории региона, охватывая как довоенный немецкий период, так и советское и постсоветское время. Калининградский областной историко-художественный музей представляет экспозиции, рассказывающие об истории региона от древнейших времён до современности, включая события Великой Отечественной войны и становление области. Музей янтаря сконцентрирован на роли янтаря в культурной истории региона. Музей Мирового океана сочетает историческую память, научные исследования и образовательные функции, становясь символом современного Калининграда. Экспозиция музея «Фридландские ворота» посвящена истории довоенного Кёнигсберга. Важным проектом, который имеет большое значение для сохранения коллективной памяти, стал международный проект, реализованный в 2012-2014 г. «Музеи вне границ». Он стал возможен благодаря сотрудничеству Археолого-исторического музея в Эльблонге (Польша) и музея «Фридландские ворота». Целью проекта было «создание туристической политики, опирающейся на культурно-историческую базу» [9].

Интерес жителей к немецкому прошлому города демонстрирует открытие частного музея «Altes Haus», представляющий собой реконструкцию немецкой квартиры [15].

Музеи Калининградской области выступают не просто хранилищами артефактов, а активными агентами формирования коллективной памяти. Они помогают калининградцам осмыслить сложную многослойную идентичность региона, находя баланс между уважением к немецкому наследию Кёнигсберга и утверждением российской принадлежности территории. Именно через музейные практики возможна постепенная интеграция образа «чужого» прошлого в «свою» историю, что будет способствовать укреплению социальной сплочённости и культурной устойчивости региона.

До 2022 г. в Калининграде реализовывались международные инициативы, сыгравшие большую роль в сохранении многослойной коллективной памяти региона. Немецко-русский дом, открытый в 1993 г. при поддержке МВД Германии, долгое время являлся ключевой площадкой для культурного обмена

и презентации немецких проектов памяти. После его закрытия в 2017 году функции перешли к Культурно-деловому центру российских немцев, который продолжает реализовывать программы поддержки немецкого культурного наследия. До 2022 г. Фонд Генриха Бёлля поддерживал документальные и театральные проекты о послевоенном Кёнигсберге, способствуя диалогу о сложном наследии региона. Активно велся международный научный и общественный диалог. Международный семинар «Культурное наследие Восточной Пруссии – история объединяет», проводился в 2018 г. при участии экспертов из Калининграда, Вармии и Мазур (Польша), способствуя обмену методиками работы с трудным наследием.

Развитие межкультурного диалога через совместные выставки, фестивали, образовательные программы, привлечение международного финансирования (ЕС, немецкие и польские фонды) для реставрации памятников – все это безусловно имело большое значение для сохранения многослойной коллективной памяти калининградцев, в которой «чужое» прошлое становится частью «своей» идентичности.

В современном Калининграде формируется новый групповой образ. Если в советское время консенсус строился вокруг образа «города-героя» и индустриального центра, то сегодня наблюдается сдвиг в сторону образа «города-курорта» и «центра европейской культуры». Однако полного консенсуса нет. Часть горожан и региональных властей видит в реставрации кирх и использовании немецких названий угрозу российской идентичности, другая часть — возможность развития. Городские власти сегодня вынуждены балансировать между этими групповыми образами, моделируя среду, которая пытается примирить эти противоречия. Таким проектом стала «Рыбная деревня», демонстрирующий, как современные калининградцы пытаются найти баланс между принятием немецкого наследия и формированием новой российской региональной идентичности. Федеральные власти в свою очередь продвигают общенациональный нарратив сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне, адаптируя его к локальному контексту. Федеральные нарративы акцентируют внимание на освобождении города и героизме советских войск, что позволяет интегрировать историю штурма Кёнигсберга в общероссийскую память о Победе. В помощь им работают региональные музеи и образовательные проекты, которые сохраняют баланс между федеральным каноном и местной спецификой (например, память о первых переселенцах). Таким образом мы можем наблюдать сегодня, как коллективная память в городе с «разорванной биографией» не стремится к унификации, здесь сосуществуют несколько нарративов, немецкое, советское прошлое и современный Калининград. Стабильность достигается путем институционализированных возможности их существования.

Список литературы:

- 1.Алиханов о критиках противников воссоздания Королевского замка: а вы кто, простите? — URL.: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/23929767-alikhanov-o-kritikakh-protivnikov-vossozdaniya-korolevskogo-zamka-a-vy-kto-prostitute.html?ysclid=mlp2719kyo357183769> (дата обращения: 20.02.2026)
- 2.Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
- 3.Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер.с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
- 4.Дементьев И.О. Политика памяти в Калининградской области // Политика памяти в России — региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко; ИНИОН РАН; Европейский университет в Санкт-Петербурге. М.: ИНИОН РАН, 2023. С. 137—175
- 5.Катеруша А. Дом Советов пустят на сувениры, а замка в Калининграде не будет никогда — URL.: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/2171206/4319789/?ysclid=mlp22kfpas660544248> (дата обращения: 20.02.2026)
- 6.Коновалов Н.С. на собрании актива партийной организации Калининградской области 19.04.1968 // Воронов В., Шмидке М. Königsberg – Калининград. Замок на Королевской горе. Калининград, 2022. – 192 с.
- 7.Концепцию парка на месте Дома Советов планируют представить в 2026 г. — URL.: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/23/07/2025/688090f39a79473232d347e8?ysclid=mlp0bp9dcf802891480> (дата обращения: 20.02.2026)
- 8.Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. - М.: Стройиздат, 1982. - 328 с.
- 9.Музеи вне границ — URL.: <https://fvmuseum.ru/muzei-vne-granits/> (дата обращения: 20.02.2026)
- 10.Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, с. 17-50
- 11.Проекты. Фонд президентских грантов — URL.: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards> (дата обращения: 20.02.2026)
- 12.Рыбная деревня, отзывы — URL.: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298500-d6539281-Reviews-Fishing_Village-Kaliningrad_Kaliningrad_Oblast_Northwestern_District.html (дата обращения: 20.02.2026)
- 13.Сумарокова А. Мертворожденный мегапроект: великий и ужасный недострой в Калининграде — всё — URL.:

- <https://www.dp.ru/a/2024/10/15/mertvorozhdjonnij-megaproekt?ysclid=mlp0ehqblh585883338> (дата обращения: 20.02.2026)
14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.
15. Altes Haus - Музей квартира — URL.: <https://alteshaus.ru/?ysclid=mlulgxj9zh984666151> (дата обращения: 20.02.2026)
16. Freeman J.M. Constructing Identity Kaliningrad and the Appropriation of Place — URL.: https://ueaeprints.uea.ac.uk/id/eprint/70418/1/Jamie_Freeman_-_PhD%28HIS%29%2C_Constructing_Identity.pdf (дата обращения: 20.02.2026)
17. Gaál X. The City of K. (Königsberg/Kaliningrad) as a Cultural — URL.: https://www.academia.edu/66339637/The_City_of_K_K%C3%B6nigsberg_Kaliningrad_as_a_Cultural_Phenomenon_Cultural_Memory_the_Myth_and_Identity_of_the_City (дата обращения: 20.02.2026)
18. Mumford L. The city in history: its origins, its transformations, and its prospects. — N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1961.- 662 p.

Прохоров Игорь Русланович (Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Национальный архив Республики Казахстан

SPIN-код: 9850-4197

Prokhorov Igor

National Archive of the Republic of Kazakhstan

РОЛЬ СУЛТАНОВ-ПРАВИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССАХ ИНТЕГРАЦИИ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЛАДШЕГО ЖУЗА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1824–1867 ГГ.)

Аннотация: В докладе исследуется деятельность института султанов-правителей как ключевого механизма реализации интеграционной политики Российской империи в казахских степях Младшего жуза в XIX веке. Автор рассматривает административные преобразования 1824 года, означавшие упразднение ханской власти в Младшем жузе и внедрение новой системы управления. В работе анализируется роль местной аристократии (чингизидов) в стабилизации внутренней обстановки, их участие в подавлении восстания Кенесары Касымова и вовлечении казахских родов в имперское правовое поле. Особое внимание уделяется персоналиям султанов-правителей, их вкладу в социально-экономическую модернизацию региона, а также критическому анализу недостатков данной управленческой модели, выявленных к 1867 году. Доклад базируется на нормативно-правовых источниках, опубликованных исследованиях и архивных данных.

Ключевые слова: Российская империя, Младший жуз, султаны-правители, административная реформа, политическая интеграция, чингизиды, Оренбургский край, Кенесары Касымов, социально-экономическая модернизация.

THE ROLE OF SULTANS-RULERS IN THE PROCESSES OF INTEGRATION AND ADMINISTRATIVE-POLITICAL TRANSFORMATION OF THE JUNIOR ZHUZ WITHIN THE RUSSIAN EMPIRE (1824–1867)

Summary: This report examines the activities of the institute of sultans-rulers as a key mechanism for implementing the integration policy of the Russian Empire in the Kazakh steppes in the 19th century. The author considers in detail the administrative transformations of 1824, which led to the abolition of khan's power in the Junior Zhuz and the introduction of a new management system. The paper analyzes the role of the local aristocracy (Chingisids) in stabilizing the internal situation, their participation in suppressing the uprising of Kenesary Kasymov and the involvement of Kazakh clans in the imperial legal field. Special attention is paid

to the personalities of the sultans-rulers, their contribution to the socio-economic modernization of the region, as well as a critical analysis of the shortcomings of this management model identified by 1867. The report is based on a regulatory legal sources and archival data.

Keywords: Russian Empire, Junior Zhuz, Sultans-Rulers, administrative reform, political integration, Chingisids, Orenburg region, Kenesary Kasymov, socio-economic modernization.

Административно-правовые трансформации, проводившиеся Российской империей в казахской степи на протяжении XIX столетия, являлись неотъемлемым компонентом масштабного процесса инкорпорации казахских территорий в структуру централизованного имперского управления.

Центральной темой данного исследования является введение Россией в 1824 году особого института султанов-правителей для руководства населением Младшего жуза (Малой Орды).

Актуальность темы заключается в необходимости решения назревшей научной проблемы - объективной оценке роли местной элиты в процессе добровольного присоединения Казахстана к России.

Целью данного доклада является анализ эффективности института султанов-правителей как проводников централизаторской политики и защитников российских интересов в регионе в период с 1824 по 1867 годы.

Научную новизну доклада придает применение ранее неиспользованных специалистами архивных документов Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) изучаемого периода.

Россия планомерно осуществляла поиск наиболее эффективных административных моделей, целью которых было превращение Младшего жуза в единый социально-политический массив с государственным организмом империи. При этом правительство стремилось учитывать специфику местной внутривнутриполитической ситуации и сложность внешних связей региона.

Введение института султанов-правителей было законодательно закреплено в нормативном акте, известном как «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел (Министерства иностранных дел России) относительно преобразования управления Оренбургским краем от 31 января 1824 г.».

Согласно данному документу, институт ханской власти в Младшем жузе окончательно упразднен. Территория жуза была реорганизована в три административные единицы: Западную, Среднюю и Восточную части. Примечательно, что в четвертом территориальном сегменте — Букеевской орде — ханская власть временно сохранилась [1, с. 205 - 216].

Реализация данных политико-административных реформ была обусловлена убежденностью российского руководства в том, что ханы, формально являясь подданными империи, не обладали достаточным ресурсом для стабилизации обстановки в Младшем жузе, обеспечения прочного мира

между казахскими родовыми подразделениями и безопасности торговых путей из России в страны Средней Азии.

Новшества приобретали критическое значение в условиях нехватки в казахских степях российских административных центров, военных гарнизонов и судебных органов.

Таким образом, империя использовала институт султанов-правителей для консолидации своего влияния. На эти ответственные должности первоначально были назначены наиболее авторитетные представители местной знати: Каратай Нуралиев возглавил Западную часть, Темир Иралиев — Среднюю, а Жума Худаймендин — Восточную.

Султаны-правители в этот период выступили одними из главных проводников интеграционной политики России в Младшем жузе.

Как отмечала исследователь Г. Б. Избасарова, стабилизация условий жизни в Младшем жузе, достигнутая во многом благодаря инициативам султанов-правителей, прекращение изнурительных внутренних распрей, междоусобиц и практики баранты (насильственного угона скота) объективно отвечали интересам широких слоев казахского общества. В современной историографии оценка этих преобразований остается предметом острых дискуссий. Ряд историков подвергает сомнению целесообразность отказа от традиционных институтов власти, однако очевидно, что кризис кочевой цивилизации требовал глубокой модернизации казахского социума. В условиях XIX века единственным реалистичным вектором такой модернизации было последовательное внедрение европейских управленческих и правовых принципов, которые транслировала Российская империя [2, с. 78].

Султаны-правители, официально были государственными служащими Российской империи, представляли собой фундаментальное звено в архитектуре местного управления Младшим жузом. Их правовой статус, должностные обязанности и порядок подчинения строго регламентировались законодательством. Ключевыми актами здесь выступали упомянутое «Утвержденное мнение...» 1824 года [1, с. 205 - 216] и «Положение об управлении оренбургскими казахами от 14 июня 1844 г.» [1, с. 216 - 266].

В соответствии с правовой базой, Оренбургское азиатское управление структурировалось на трех уровнях. Высший уровень включал председателя, советников, асессоров и депутатов от казахов, а также представителей торговых кругов Бухары и Хивы. Средний, линейный уровень, состоял из 11 дистанций, каждой из которых руководил штаб-офицер (командир линейной дистанции). Третий уровень — степной — находился в непосредственном ведении султанов-правителей [1, с. 206].

Таким образом, султаны-правители состояли в прямом подчинении Оренбургской пограничной комиссии и Оренбургскому военному губернатору, регулярно представляя отчеты о своей деятельности [3, с. 273].

К их полномочиям относились охрана порядка, пресечение баранты, сбор кибиточной подати и выполнение функций посредников между имперской властью и степным населением [1, с. 211].

Представители высшей степной знати — султаны-правители — принимали самое активное участие в реализации геополитических задач России в регионе, оказывая империи стратегически важную поддержку.

Характерным примером такого взаимодействия стали события 1825 года, когда в западных кочевьях вспыхнуло восстание под предводительством батыра Жоламана из рода табын, спровоцированное учреждением Новоилецкой пограничной линии. В подавлении этого протестного движения непосредственное участие принимал султан-правитель западной части Орды Каратай Нуралиев, а впоследствии и его преемник на данной административной должности Чингалий Урманов.

Однако проводниками российского влияния выступали не только высшие чиновники. Имперской администрации верно служили султаны, возглавлявшие отдельные роды, а также представители «черной кости» — старшины, вышедшие из народной среды, но получившие управленческие полномочия.

Например, 17 декабря 1827 года султан Медятгалий Турдагалиев, управлявший родом джагалбайлы, передал в распоряжение коменданта Орской крепости группу из десяти человек. Эти люди, ранее захваченные султаном Санали Мурзагалиевым, скрывались вблизи Оренбургской пограничной линии, планируя нападения на приграничные поселения с целью пленения российских подданных и угона скота [4, л. 1].

Параллельно с этим старшина билишского подразделения рода джагалбайлы Арасланбий Байбагышев совместно с есаулом Бадраком Малкаевым задержали еще двоих подозрительных лиц: Беиса Юзбаева (род табын) и Бикена Акмамбетова (род джагалбайлы). Медятгалий Турдагалиев конвоировал их к орскому коменданту, обосновав задержание обвинениями в конокрадстве, убийствах и похищении людей. В ходе дознания, задержанные признались, что входили в состав отряда из двадцати человек, сформированного противниками российского присутствия в степи — батырами Кутебаром и Арасланом. Руководили этой группой башкир Султанбай и представитель рода джагалбайлы Тюпей [4, л. 1 об.].

Реагируя на ситуацию, Оренбургская пограничная комиссия инициировала процесс обмена захваченных степняков на российских подданных, находившихся в плену, — урядника Попова и детей Полудовых. Процедуру обмена планировалось завершить к 1 мая 1828 года [4, л. 9].

Судьба остальных задержанных (Санаева, Байсарина и других) решалась комиссией в административном порядке: их распределяли на службу в Архангельский гарнизон (при условии физической годности) либо на поселение в Сибирь. Некоторых лиц, чья вина не была полностью доказана, включая Кендырбая Кусяпова, оставили в качестве заложников для обеспечения условий обмена [4, л. 25 об.].

Лояльность степной элиты поощрялась на высшем уровне: император Николай I наградил султана Медятгалия Турдагалиева золотой саблей, а султан Санали получил почетный дар — отрез дорогой парчи [4, л. 43].

Важно отметить, что действия родовых подразделений, в частности джагалбайлинцев, не всегда были жестко детерминированы приказами из центра; они сохраняли определенную субъектность. Так, султан-правитель восточной части Орды Жума Худаймендин информировал Оренбургского военного губернатора о факте баранты (угона скота), совершенной джагалбайлинцами и чумекеевцами в отношении кипчаков. Для урегулирования конфликта и защиты интересов пострадавшей стороны он делегировал полномочия своему помощнику Джигангирову, рекомендовав тому задействовать ресурсы комендантов пограничных крепостей (Троицкой, Звериноголовской) для поимки виновных [5, л. 4 - 4 об.].

Динамика отношений между степными лидерами и российской властью наглядно проявилась в июле 1831 года. Султан Юсуп Нуралиев, возглавивший среднюю часть Орды после Темира Иралиева, сообщил председателю Оренбургской пограничной комиссии Григорию Генсу о резкой смене политической позиции батыра Кутебара (род шекты). Бывший непримиримый оппонент России не только выразил готовность к примирению, но и дважды предупредил российскую администрацию о готовящихся набегах джагалбайлинцев на подконтрольные ему аулы [6, л. 1].

Кутебар ходатайствовал о прибытии официального представителя властей для ведения переговоров о его помиловании. В ответ на это султан-правитель направил к нему делегацию, в состав которой вошли старшины Дусаев и Идилев, а также русский унтер-офицер Ян Виткевич. Посланники подтвердили готовность имперской власти простить Кутебара и его соратников в обмен на прекращение антироссийской деятельности [6, л. 4].

В период восстания султана Кенесары Касымова, когда под ударом оказались укрепления Новой Оренбургской линии, султаны-правители проявили себя как эффективная и лояльная сила. Сохраняя верность присяге, они формировали народные ополчения и принимали активное участие в боевых действиях. Их роль была важна и в идеологическом плане: будучи чингизидами, они самим фактом своего служения империи дезавуировали претензии Кенесары на исключительность его власти как потомка ханов. Они выступали носителями тех же сакральных управленческих полномочий, что и лидер восстания, но в рамках имперской системы.

По распоряжению императора Николая I султан-правитель Западной части Баймухамет Айчуваков в 1843 году мобилизовал более 500 воинов, султан Восточной части Ахмед Джантюрин — 400, а руководитель Средней части Араслан Джантюрин — 500 бойцов. Эти отряды казахских ополченцев оказали существенную помощь регулярным войскам полковника Бизянова в отражении атак мятежников [7, с. 231].

В этих сражениях пали многие преданные сторонники России, например, султан Саналий Мурзагалиев [7, с. 260].

Трагическая страница истории связана с боем 21 июля 1844 года на реке Улжояк в верховьях реки Тобол, где отряд ополченцев был окружен силами Кенесары и полностью разбит; в том сражении погибло 44 казахских султана, выступивших на стороне российского правительства [8, с. 266].

В ряде случаев султаны-правители проявляли себя как талантливые дипломаты, способствовавшие переходу казахских родов под российскую юрисдикцию. Так, султан –правитель Баймухамед Айчуваков (Западная часть) обеспечил присоединение части рода адай во главе с батыром Суюнкаррой к числу подданных России. Это решение вызвало протест со стороны других родоправителей адайцев, которые направили жалобу хивинскому хану Аллакулу. В ответ хивинские отряды атаковали аулы Суюнкарры, захватив в плен его сына и более 30 женщин. Несмотря на угрозы и попытки пленения самого батыра, Суюнкара заявил, что «разве после смерти кости его будут в Хиве, но живой в подданство Хивы не поступит», подтвердив верность обещанию, данному России и султану-правителю Баймухамеду Айчувакову [9, л. 2].

За свои заслуги перед Россией Баймухамед Айчуваков был произведен в чин войскового старшины Уральского казачьего войска с правом ношения мундира этого казачьего войска [10, л. 2 об.].

Среди плеяды султанов-правителей особо выделяется фигура Ахмеда Джантюрина, как и другие правители, видевшего будущее своего народа в тесном союзе с Россией. Он внес неоценимый вклад в развитие казахско-русских торговых связей и установление атмосферы доверия между двумя народами [3, с. 403].

В 1847 году он был удостоен ордена Святого Станислава 2-й степени за урегулирование затяжных конфликтов между казахскими родами Восточной части и их соплеменниками из Сибири. Итогом его усилий стал общий съезд в Кушмуруне, где был окончательно разрешен территориальный спор, что привело к исчезновению практики баранты в регионе [2, с. 76].

При Ахмеди Джантюрине Восточная часть Орды активно адаптировалась к требованиям времени. Получили развитие новые промыслы: торговля, перевозка соли, извоз. Джантюрин лично занимался коммерцией и активно субсидировал казахов, желавших начать собственное дело. Председатель Оренбургской комиссии Михаил Ладыженский отмечал, что развитие торговли благотворно сказалось на нравах и образованности казахского населения. Указанный султан-правитель также боролся с родовыми пережитками, которые часто становились основанием для конфликтов между родственниками. Он способствовал участию простых казахов в караванной торговле и распространению среди своих соплеменников сенокошения [3, с. 396 - 397].

Анализируя роль султанов-правителей, можно утверждать, что представители традиционной элиты — чингизиды — успешно интегрировались

во властную вертикаль Российской империи. Пример Ахмета Джантюрина опровергает существовавший в советский период однобокий взгляд на султанов исключительно как на «эксплуататоров». Исследование его десятилетней службы показывает образ достойного реформатора Степи. Султаны-правители сохраняли свои позиции, верно служа империи. При этом их деятельность по прекращению междоусобиц среди своих соплеменников обеспечивала базовую стабильность кочевого общества [2, с. 64 - 79].

Столь же принципиально отстаивал интересы Российского государства и казахского народа султан-правитель Средней части Араслан Джантюрин. Его бескомпромиссная позиция в противостоянии с Хивинским ханством стоила ему жизни: в 1855 году он был убит батыром Исетом Кутебаровым, который на тот момент перешел на службу к хивинскому правителю [3, с. 412].

Тем не менее, сорокалетняя практика местного управления с помощью института султанов-правителей выявила и существенные недостатки системы. В пояснительных документах к реформе 1867 года отмечалось, что назначение чиновников правительством, а не их избрание народом, приводило к злоупотреблениям властью. Некоторые султаны-правители рассматривали свою должность лишь как средство обогащения, сохраняя негативные черты былого ханского правления [1, с. 259].

Серьезным вызовом стала также невозможность обеспечить полноценный контроль за султанами со стороны центральной власти. К тому же, в Западной части, граничившей с Хивой, присутствие российской администрации ощущалось недостаточно, а султаны-правители не смогли исправить ситуацию [1, с. 260].

Важно помнить, что в первой половине XIX века Хива удерживала контроль над казахскими землями от Эмбы до низовьев Сырдарьи, что провоцировало восстания казахов. Лишь строительство Сырдарьинской линии (начиная с крепости Раим в 1847 г.) позволило России эффективно защитить казахов от притеснений со стороны среднеазиатских ханств [11, с. 125].

Несмотря на наличие системных проблем, многие султаны-правители проявили себя как честные, принципиальные и доблестные деятели. Они обеспечили стабильность на вверенных территориях и твердо защищали интересы России, понимая, что прогресс казахского общества обеспечивается союзом с русским народом.

Резюмируя, можно сделать вывод, что вплоть до 1867 года Российская империя сохраняла каркас традиционного казахского общества в Младшем жузе, используя наследственную аристократию в качестве проводников своей воли.

Институт султанов-правителей совмещал в себе политическую легитимацию российской администрации и реальное управление в степи. Получая военные чины и право на ношение форменных мундиров, султаны-правители становились символами имперской власти, сохраняя при этом авторитет в глазах кочевников как чингизиды.

Султаны-правители сыграли положительную роль в интеграции Младшего жуза в состав России, продемонстрировав высокую лояльность и активное противодействие поддерживаемым извне антироссийским движениям.

Список литературы:

1. Материалы по истории политического строя Казахстана / сост. М. Г. Масевич. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 441 с.
2. Избасарова Г. Б. Принципы функционирования властной элиты степи в политической организации Российской империи (на примере службы султана Ахмета Джантюрина) // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2015. № 5/6. С. 64 — 79.
3. Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Тверь: Типо-лит. Н. М. Родионова, 1902. Вып. 17. С. 257-524.
4. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3428.
5. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3444.
6. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3771.
7. Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова: сб. документов. Алматы: Гылым, 1996. 512 с.
8. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20 — 40 годы XIX века. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. 397 с.
9. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3917.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. Ф-405. Оп. 6. Д. 1345.
11. Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII—XIX вв. Москва: Институт российской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 244 с.

Прудникова Татьяна Юрьевна

кандидат культурологии, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

SPIN-код: 1285-0281

Tatiana Prudnikova

State Marine Technical University of St. Petersburg

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ НА ЛЕКЦИЯХ ПО ИСТОРИИ РОССИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация: В статье рассматривается потенциал использования исторического материала по Средневековой Руси для формирования патриотизма у студентов технических специальностей. Проанализированы результаты опроса, проведенного среди студентов Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, на основании которого исследована эффективность акцента на базовых ценностях эпохи таких как вера, семья, соборность, долг, праведность и др. в рамках учебного курса «История России». Выявлено, что данный подход значительно повышает личностную вовлеченность студентов и способствует формированию ценностно-смыслового понимания патриотизма. Определены наиболее действенные педагогические приемы и лекционный контент, а также оценено изменение восприятия студентами исторического прошлого и его связи с современностью.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, историческое образование, базовые ценности, Средневековая Русь, духовно-нравственные основы, вера, семья, соборность, долг, технический вуз.

FOSTERING PATRIOTISM THROUGH THE PRISM OF CORE VALUES OF MEDIEVAL RUSSIA IN RUSSIAN HISTORY LECTURES AT A TECHNICAL UNIVERSITY

Summary: The article explores the potential of using historical material on Medieval Russia to foster patriotism among students of technical specialties. The results of a survey conducted among students of the St. Petersburg State Marine Technical University are analyzed. Based on this survey, the effectiveness of focusing on the era's core values—such as faith, family, sobornost (collectivity), duty, righteousness, etc.—within the framework of the "History of Russia" course is examined. It is revealed that this approach significantly increases students' personal engagement and contributes to the formation of a value-based and meaningful understanding of patriotism. The most effective pedagogical techniques and lecture content are identified, and the change in students' perception of the historical past and its connection to the present is assessed.

Keywords: patriotic education, historical education, core values, Medieval Russia, spiritual and moral foundations, faith, family, sobornost (collectivity), duty, technical university.

В условиях современных вызовов системе образования актуализируется вопрос о содержательных основаниях патриотического воспитания молодежи. Историческая память, укорененная в глубоких культурно-цивилизационных пластах, предлагает устойчивый фундамент для этой работы. В последние годы возросло число исследований, посвященных роли истории в патриотическом воспитании [3], [5], специфике преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе [2], [7], а также осмыслению традиционных ценностей русской цивилизации [4],[1],[6]. Однако вопрос о целенаправленном использовании ценностной системы Средневековой Руси как инструмента формирования патриотического сознания будущих инженеров остается малоизученным. В статье 2015г. Г.Я. Гревцевой и Н. В. Ипполитовой «Воспитание гражданственности и патриотизма молодежи: исторический аспект» [3] патриотическое воспитание трактуется как процесс формирования чувств, убеждений и поведения. Авторы раскрывают понятие «гражданско-патриотическое воспитание» как самостоятельное направление педагогической деятельности. Особо обращают внимание на интегрирующее начало, пронизывающее весь воспитательный процесс. В работе Д. Н. Гергилева, В.И. Колмакова и О. И. Савина «Гуманизация и гуманитаризация инженерного образования» [2] фиксируют современные (на момент написания статьи) дискуссии и практики гуманитаризации инженерного образования в российском вузе (СФУ). В работе выделены два конкурирующих подхода: формально-дисциплинарный и интегративно-мировоззренческий и фиксируется поиск новой парадигмы, а не ее окончательное установление. Определение патриотического воспитания как «...формирование ценностного отношения к семье, родному краю, истории и культуре своего народа, своему Отечеству» [5] дают С.М. Ёлкин и А.А. Косова в своей статье 2017 г. «О содержании понятий «Патриотизм» и «Патриотическое воспитание»». Е.В. Сломинская в материале, посвященном методическим особенностям преподавания истории в технических вузах [7] отметила «...разницу в мышлении и в подходах к изучению объективной реальности у представителей гуманитарных и технических специальностей». Автор поднимает проблему низкой эффективности преподавания истории студентам технических вузов и поиску путей ее решения. Основной вывод автора – необходимо найти творческий и гибкий подход, который учитывал бы когнитивные особенности технических студентов и учил бы их не запоминать даты, а самостоятельно анализировать причины, следствия и альтернативы исторического процесса. «Российское высшее образование сегодня находится на новом этапе преобразований, необходимость которых определяется новыми геополитическими вызовами. Выбор стратегии его реформирования осуществляется с учетом доминирующей

системы ценностей» - считает Т. В. Дуран в статье «Ценностные основания государственной образовательной политики в современной России». [4] Автор фиксирует переход от ценностей, ассоциируемых с реформами 1990-х и Болонским процессом (интеграция, мобильность, коммерциализация...), к новой стратегии, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, историческая преемственность. Данный текст является источником, отражающим официальный нарратив и идеологическое обоснование кардинального поворота в образовательной политике России начала 2020-х годов. Он демонстрирует, как геополитический разрыв легитимируется через апелляцию к смене аксиологических оснований, и представляет собой попытку интеграции советского опыта, традиционных ценностей и отдельных инструментов Болонской системы в новую идеологическую конструкцию. Технические вузы, где гуманитарным дисциплинам традиционно отводится ограниченное время, требуют особо эффективных и концентрированных методик.

С целью оценки эффективности ценностного подхода в сентябре-ноябре 2025 года нами было проведено исследование на базе федерального морского технического университета (СПбГМТУ). Задачи состояли в том, чтобы:

1. оценить исходный уровень интереса студентов к истории Средневековой Руси;
2. определить, какие базовые ценности эпохи наиболее резонируют с современным молодежным сознанием;
3. выявить, как трансформируется понимание патриотизма после тематического лекционного модуля;
4. разработать практические рекомендации по построению лекционного курса.

Исследование проводилось методом анкетирования и фокус-групп до и после прохождения учебного модуля «Удельная и Московская Русь: ценности и вызовы» из лекционного курса «История России».

В исследовании приняли участие 322 студента СПбГМТУ (84% юношей, 16% девушек) 1 курса.

До начала модуля лишь 22,4% студентов выразили устойчивый интерес к периоду до XVIII века, ассоциируя его в основном с «войнами и князьями» (68,3%). После прохождения курса, сфокусированного на ценностях, интерес к эпохе вырос до 61,8%. На вопрос о том, какие ценности Средневековой Руси кажутся наиболее актуальными сегодня, респонденты распределили ответы следующим образом: Соборность (то есть коллективизм, взаимопомощь, общее дело и пр.) – 67,1%; Чувство долга (перед семьей, российским обществом, Отечеством и пр.) – 58,9%; Вера (как основа нравственного выбора и стойкости) – 52,3%; Крепкая семья и родственники – 48,7%; Праведность и честь – 42,5%.

Таблица 1. Изменение интереса студентов к истории Средневековой Руси до и после прохождения учебного модуля «Удельная и Московская Русь: ценности и вызовы»:

Период оценки	Процент выразивших устойчивый интерес	Ключевая ассоциация с эпохой
До начала модуля	22,4%	«войны и князья» (68,3% респондентов)
После прохождения модуля	61,8%	Данные в таб.2

Таблица 2. Актуальные, по мнению студентов, ценности Средневековой Руси (опрос после прохождения соответствующего модуля):

Ценность	Краткое описание	Процент студентов, считающих актуальной
Соборность	Коллективизм, взаимопомощь, общее дело	67,1%
Чувство долга	Перед семьёй, обществом, Отечеством	58,9%
Вера	Основа нравственного выбора и стойкости	52,3%
Крепкая семья, родственники	Семейные узы и поддержка	48,7%
Праведность и честь	Нравственная чистота и достоинство	42,5%

Таким образом, данные демонстрируют значительный рост интереса к истории Средневековой Руси (с 22,4% до 61,8%) после прохождения модуля, сместившего фокус с *военно-политических событий на культурные и этические ценности*. Наиболее актуальными для современности студенты считают коллективистские и общественно-ответственные ценности (Соборность и Чувство долга), то есть ценности, связанные с коллективной идентичностью и ответственностью, оказались наиболее востребованными в студенческой среде.

Аналогично *понимание патриотизма* после изучения модуля претерпело значимые изменения. Если на входе 71,2% студентов определяли патриотизм преимущественно как «готовность защищать страну» и «гордость за ее достижения», то на выходе в дефинициях стали преобладать сложные, ценностно-нагруженные конструкции. Наиболее частыми стали формулировки: «Патриотизм — это ответственность за будущее, укорененная в уважении к традициям и духовным основам предков» (отмечено 54% респондентов); «Это повседневный труд и верность долгу на своем месте, как у строителей соборов

или защитников рубежей» (49,2%); «Это осознание себя частью большой общности (соборности), история которой началась не вчера» (47,6%).

Таблица 3. Наиболее частые формулировки определения патриотизма по мнению респондентов:

№	Формулировка	Процент респондентов
1	«Патриотизм — это ответственность за будущее, укорененная в уважении к традициям и духовным основам предков»	54,0%
2	«Это повседневный труд и верность долгу на своем месте, как у строителей соборов или защитников рубежей»	49,2%
3	«Это осознание себя частью большой общности (соборности), история которой началась не вчера»	47,6%

Данные демонстрируют сформировавшееся у студентов сложное, «гражданско-историческое» понимание патриотизма, которое напрямую вытекает из усвоенных ценностей Средневековой Руси. С одной стороны, патриотизм осмысливается не как лозунг или эмоция, а как осознанная, ответственная и повседневная практика, укоренённая в исторической преемственности. Самая популярная формулировка, соединяющая взгляд в будущее («ответственность за будущее») с уважением к прошлому («традиции и духовные основы предков») - прямое следствие усвоения идеи исторической преемственности. Можно сказать, что патриотизм становится рациональным и осознанным выбором, а не только эмоциональным порывом. Ответственность возникает из понимания полученного наследия, синтезируя консервативный подход (реализуемый как уважение к традициям) и прогрессивные начала (как ответственность за будущее). С другой стороны, патриотизм «демилитаризируется», «деполитизируется» и переносится в сферу профессиональной и личной этики. Это прямая проекция ценности «Чувства долга» (58.9%), выявленной ранее, на современную жизнь. Исторические примеры (строители, защитники) служат архетипами, а не буквальными образцами. Можно сделать вывод, что патриотом можно быть на любой «тихой» работе. Это делает патриотизм инклюзивным и доступным, подчёркивая значимость личного вклада каждого. В молодежной среде формируется «этика служения», где общественное благо создаётся через честное выполнение своих обязанностей. И наконец, акцент на идентичности и принадлежности большой исторической общности, растянутой во времени, является прямым отражением актуализированной ценности Соборности (67.1%). «Большая общность» — это нация, понимаемая как историческая судьба, а не только как современное согражданство. Такое понимание противостоит атомизации общества, предлагая чувство «мы», основанное на общем историческом пути и культуре. Таким образом, отметим, что эти три формулировки не противоречат, а взаимодополняют друг друга, создавая

целостную модель: Идентичность (я как часть большого «мы» с глубокой историей) порождает ответственность (я должен сохранить и преумножить наследие этого «мы»), которая реализуется через труд и долг на своём месте. После «педагогического воздействия» полученные определения кардинально изменились и отошли от упрощённых или риторических клише: студенты начали мыслить историческими и этическими категориями, перенося их на осмысление современных гражданских понятий. Ядром всех определений патриотизма — деятельность, осознанность, связь поколений и личная ответственность — становится внутренней позицией и практикой, а не набором внешних демонстраций. Данные таблиц являются ярким индикатором успешного формирования исторического сознания и зрелой гражданской идентичности у студентов СПбГМТУ. Произошёл переход от восприятия истории как набора фактов к её использованию как морально-исторического ресурса для осмысления своей роли в обществе и стране.

Среди педагогических приемов, оказавших наибольшее воздействие по оценке студентов, были выделены:

1. разбор конкретных исторических текстов (в частности, летописи, «Поучение Владимира Мономаха», жития Святых и др.) – 63,4%;
2. анализ архитектурных и художественных символов (например, храмовой архитектуры и икон) как отражения ценностной картины мира – 57,8%;
3. сравнительный анализ известных исторических лиц (таких как Ярослав Мудрый, Александр Невский, Сергей Радонежский и др.) через призму долга, веры и соборности – 55,1%;
4. проведение параллелей с современными профессионально-этическими качествами инженера – 51,3%.

Таблица 4. Педагогические приёмы, оказавшие наибольшее воздействие на студентов (по оценке респондентов):

№	Педагогический приём	Примеры использования	Процент студентов, отметивших воздействие
1	Разбор конкретных исторических текстов	Летописи, «Поучение Владимира Мономаха», жития Святых	63,4%
2	Анализ архитектурных и художественных символов	Храмовая архитектура, иконы как отражение ценностной картины мира	57,8%
3	Сравнительный анализ исторических личностей через призму ценностей	Анализ деяний Ярослава Мудрого, Александра Невского, Сергея Радонежского с точки зрения долга, веры, соборности	55,1%
4	Проведение параллелей с современными профессионально-	Обсуждение ценностного выбора в контексте современной инженерной деятельности	51,3%

	этическими дилеммами	
--	----------------------	--

Данные показывают, что наиболее эффективными оказались методы, обеспечивающие прямое погружение в эпоху (работа с аутентичными текстами и визуальными источниками) и актуализацию исторического опыта через сравнение и проекцию на современные профессиональные контексты. Преподаватели технических дисциплин вуза (91,1%) подтвердили, что *ценностный подход повысил вовлеченность аудитории и качество дискуссий*.

В ходе исследования была также оценена *эффективность различных тем* в рамках модуля. Полученные данные являются важным индикатором наиболее резонирующих со студенческой аудиторией исторических тем, которые были раскрыты через призму ценностей. Они показывают не просто интерес, а воспринимаемую актуальность конкретных аспектов прошлого для осмысления настоящего. Тематика, сфокусированная на фундаментальных основах общества и идентичности, оказалась наиболее востребованной. Курс не просто сообщил информацию, а затронул личностно значимые и смысловые струны у студентов. Наибольший отклик у студентов вызвали темы: «Роль Православной веры в формировании культурного кода и государственности» (94%); «Семья и род в средневековом обществе: преемственность и ответственность» (90%); «Принцип соборности: от веча до общины – коллективное принятие решений и взаимовыручка» (92%); «Долг правителя и воина: от княжеской дружины до служилого государства» (88%).

Таблица 5. Темы курса с наивысшим откликом у студентов (оценка релевантности):

№	Тема	Уровень релевантности (%)
1	Роль Православной веры в формировании культурного кода и государственности	94%
2	Принцип соборности: от веча до общины – коллективное принятие решений и взаимовыручка	92%
3	Семья и род в средневековом обществе: преемственность и ответственность	90%
4	Долг правителя и воина: от княжеской дружины до служилого государства	88%

Данные из таблицы 5 свидетельствуют, что ценностно-ориентированный подход к истории нашел глубокий отклик у студенческой аудитории. Исследование показало, что студенты высоко ценят в истории не смену правителей или границ, а фундаментальные социальные и духовные институты, которые конструировали общество. Наибольший отклик получили темы, которые объяснили истоки современной идентичности (такие как вера, культурный код и пр.), предложили исторические модели решения «вечных проблем» (солидарность через соборность, преемственность через семью, ответственность через долг) и отразили современные дискурсы о национальной

идее, социальном капитале, семейных ценностях и этике управления. Студенты признали ключевую, системообразующую роль духовного фактора в истории. Их заинтересовал не обрядовый аспект, а то, как вера выступает источником легитимности власти (главная роль принадлежит идеям служения, симфонии властей и пр.), основой права и морали (заповеди как фундамент законов и этики) и каркасом культуры (через язык, письменность, искусство, архитектуру, которые несут смыслы). В современном мире, где идёт поиск национальной и цивилизационной идентичности, тема православной веры показала, как формируется «душа» культуры и «мягкая сила» государства. Это дало ответ на вопрос «На каких скрепах и смыслах исторически строилось наше общество?». Аналогично студенты высоко оценили исторический опыт горизонтальной солидарности и коллективного разума. Их заинтересовала не абстрактная идея, а её практические воплощения, в частности, вече – как прототипа обсуждения важных решений, или община – как механизм выживания, взаимопомощи и самоуправления. Тема соборности напрямую отвечает на вызовы современного индивидуалистического общества. Она предлагает историческую альтернативную модель, где коллективное благо и согласие ценятся выше личного успеха, что созвучно поискам новых форм общественной жизни и социального доверия. Исследование также показало, что в студенческой среде интерес сместился с «большой истории» на микроуровень, то есть основу основ общества. Судя по полученным результатам, студенты увидели в семье и роде не просто быт, а институт преемственности (передача земли, профессии, чести, памяти), пространство ответственности (забота о старших и младших, родовая честь) и фундамент социальной стабильности. В эпоху трансформации семейных ценностей и кризиса межпоколенческих связей эта тема легитимизировала семью как историческую и нравственную ценность. Она показала её не как пережиток, а как проверенный временем механизм выживания и развития общества. Идею служения студенты восприняли как основы элитарности, в центре которой на долю князя/правителя выпадает долг «стоять за землю Русскую» и быть судьей, а воин/дружинник является олицетворением долга верности и защиты. Таким образом, в служилом государстве положение определяется не только правами, но и службой, статус и власть неотделимы от обязанностей и жертвы. Эти представления являют собой мощный контраст современному пониманию успеха и власти как личным достижениям или обогащению. Они актуализируют дискуссию об этике управления, ответственности элит и лидерстве, что крайне злободневно.

Важным результатом прохождения модуля стало изменение восприятия связи прошлого и настоящего. Доля студентов, согласных с утверждением «Ценности Средневековой Руси являются фундаментом для современного российского патриотизма», выросла с 31,5% до 74,8%. При этом 68,9% отметили, что такой подход делает историю не просто набором фактов, а «источником смыслов для личного и профессионального самоопределения». Это подтверждает эффективность аксиологического (ценностного) подхода в

преподавании истории: когда прошлое изучается как диалог о смыслах, а не как хроника, оно становится *лично значимым и формирует осмысленное историческое сознание*.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует высокую эффективность формирования патриотизма через призму базовых ценностей Средневековой Руси в аудитории технического вуза. Акцент на смысловых категориях – Вере, Семье, Соборности, Долге – позволяет преодолеть стереотипное восприятие истории как далекой и нерелевантной, переводя ее в плоскость личностного осмысления и гражданской идентичности. Наиболее действенными являются методы, предполагающие работу с первоисточниками, визуальными образами культуры и проведение историко-этических параллелей с современностью. Внедрение подобного ценностно-ориентированного модуля в курс истории России для студентов технических специальностей способно стать значимым вкладом в воспитание не только квалифицированного, но и ответственного, осознающего свои культурные корни специалиста-патриота.

Список литературы:

1. Баргилевич, О. А. Роль культурных и духовно-нравственных ценностей в инновационном развитии современной России // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2010. – № 1(3). – С. 26-35. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21438671> (дата обращения: 17.01.2026).
2. Гергилев, Д.Н. Колмаков, В.И. Савин, О.И. Гуманизация и гуманитаризация инженерного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки – 2019. – № 4(137) – С. 35-38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizatsiya-i-gumanitarizatsiya-inzhenernogo-obrazovaniya-1?ysclid=mkpv246074162870858> (дата обращения: 17.01.2026).
3. Гревцева, Г.Я. Ипполитова Н.В. Воспитание гражданственности и патриотизма молодежи: исторический аспект / А. А. Воронович // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Педагогические науки – 2015. – № 6. – С. 27-32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-grazhdanstvennosti-i-patriotizma-molodezhi-istoricheskiy-aspekt?ysclid=mkpskp3lgs94723331> (дата обращения: 17.01.2026).
4. Дуран, Т. В. Ценностные основания государственной образовательной политики в современной России / Т. В. Дуран // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2024. – № 2(89). – С. 21-28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67235973> (дата обращения: 17.01.2026).
5. Ёлкин, С.М. Косова, А.А. О содержании понятий «Патриотизм» и «Патриотическое воспитание» // Вестник новгородского государственного университета – 2017. – № 1 (99). – С. 14-16. [Электронный ресурс]. Режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-ponyatiy-patriotizm-i-patrioticheskoe-voospitanie?ysclid=mkpur0ly7h538349922> (дата обращения: 17.01.2026).

6. Костина, А. В. Обеспечение национальной безопасности как основная функция культуры // Проблемы культурологии. – 2015. – № 3. – С. 109-119. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-kak-osnovnaya-funktsiya-kultury?ysclid=mkpylbmg8a30566351> (дата обращения: 17.01.2026).

7. Сломинская, Е.В. Методические особенности преподавания истории в технических вузах // Современные проблемы науки и образования – 2014. – № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://science-education.ru/article/view?id=15879&ysclid=mkpvuoe2f9974122155> (дата обращения: 17.01.2026).

Путилова Ольга Павловна

заведующая учебным отделом филиала, преподаватель первой категории
Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

Olga Putilova

Nizhny Tagil branch of the Sverdlovsk Regional Medical College

ТАГИЛЬСКИЕ ДЕСАНТНИКИ В БОЯХ ЗА ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ В 1945 ГОДУ

Аннотация: Статья посвящена участию нижнетагильских десантников в боевых действиях в ходе Восточно Прусской наступательной операции 1945 года. На основе архивных документов и открытых источников впервые приводятся сведения о 15 десанниках. Представлены биографии, указаны награды и боевые заслуги бойцов, служивших в гвардейских воздушно десантных дивизиях с описанием их действий в Восточной Пруссии. Особое внимание уделено 11 военнослужащим гвардейских стрелковых дивизий, переформированных из воздушно десантных соединений. Указываются конкретные примеры выполняемых боевых задач и делаются выводы об интенсивности боев за Восточную Пруссию.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Кенигсберг, десантник, тагильчанин, воздушно-десантные, формирования, штурм, архивный документ.

TAGIL PARAMILITARY FORCES IN THE BATTLE FOR EASTERN PRUSSIA IN 1945

Summary: The article is devoted to the participation of Nizhny Tagil paratroopers in combat operations during the East Prussian Offensive of 1945. Based on archival documents and open sources, the article provides information about 15 paratroopers for the first time. The article presents biographies, awards, and military achievements of soldiers who served in the Guards Airborne Divisions, describing their actions in East Prussia. Special attention is given to 11 soldiers of the Guards Rifle Divisions, which were reorganized from the Airborne Units. Specific examples of combat missions are provided, and conclusions are drawn about the intensity of the battles for East Prussia.

Keywords: East Prussia, Königsberg, paratrooper, Tagil resident, airborne forces, formations, assault, archival document.

Нижнетагильские десантники – парашютисты, начинали бои от стен Киева и Москвы, Ленинграда и Сталинграда, участвовали в обороне советских городов и территорий, участвовали в штурме иностранных городов и столиц, победно заканчивали войну в Восточной Пруссии, Австрии и Германии.

Перед войной и в военные годы Нижнетагильское оборонное общество ОСОАВИАХИМ подготовило более 200 парашютистов-десантников [3]. К

сожалению, документов с указанием выпускников Нижнетагильского аэроклуба ОСОАВИАХИМ нет ни в местных архивах, ни в архивах правопреемника ОСОАВИАХИМ - Регионального отделения ДОСААФ России Свердловской области.

Значительная часть будущих десантников, призванных Нижнетагильским городским военкоматом, направлялась на подготовку в другие города.

Несмотря на большой массив публикаций о тагильчанах - участниках Великой Отечественной войны, в течение десятков лет отсутствовали обобщающие работы или единые списки нижнетагильских парашютистов-десантников. Впервые в 2021 г. в Нижнетагильском филиале ГБПОУ «СОМК» был создан достаточно полный список, представленный в монографии «Нижнетагильские десантники Великой Отечественной войны. Павшие и живые» [2]. Известно, что из 513 десантников-парашютистов (и четырех сотен воинов гвардейских стрелковых дивизий), без вести пропали, умерли от ран и погибли на фронтах 260 человек [2, с.9].

Основываясь на подлинных архивных документах, размещенных в электронной базе ЦАМО РФ «Память народа»[1], воспоминаниях и материалах, находящихся в открытом доступе, постараемся выделить среди установленных десантников тех, кто участвовал в освобождении Восточной Пруссии.

Приведем сведения о тагильских десанниках, служивших в гвардейских воздушной-десантных дивизиях с указанием их служебно-боевой деятельности и части боевого пути в Восточной Пруссии.

1. Костенков Иван Павлович, 26.04.1913 г.р. Род. Смоленская обл., д. Ошурхово. Призван в РККА 12 декабря 1942 года Нижнетагильским РВК. Участник войны с 02.1943 г. Награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны II степени. Гвардии старший сержант. Командир орудия батареи 76-мм. пушек 7-го гвардейского воздушного-десантного артиллерийского полка 9-й гвардейской воздушной-десантной Полтавской Краснознаменной дивизии. Награжден орденом Отечественной войны I степени по приказу от 18.03.1945 г. по 33 гв.ск. «12 января 1945 года при прорыве обороны немцев в районе Стопницы, огнем своего орудия, в составе батареи прямой наводкой уничтожил 75-мм. артиллерийскую батарею, наблюдательный пункт и до 25 гитлеровцев. 12 января 1945 года в боях за населенный пункт Прусс, прямой наводкой своего орудия уничтожил 1 пулемет и до вывода пехоты противников. 14 января 1945 года в боях за деревню Зашкув, выкатив свое орудие на открытую огненную позицию, в упор расстреливал контратакующих гитлеровцев. В этом бою товарищ Костенков уничтожил 2 пулемета, до 15 гитлеровцев и способствовал отражению контратаки противников». Воевал до Победы.

2. Майлат / Маплат Михаил Демидович, 1923 г.р. Призван в РККА 05.12.1942 г. Нижнетагильским РВК. Гвардии красноармеец, пулеметчик 2 роты 1 батальона 28 гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка 6 гвардейской воздушно-десантной дивизии СЗФ. Награжден медалью «За

отвагу» и орденом Красной Звезды. Гвардии сержант, пулеметчик танка Т-34 3-го танкового батальона 2-й отд. гвардейской танковой бригады. Убит в бою 17.01.1945 г. Похоронен 1500 м. юго-западнее н/п Аккерау, Кенигсбергский окр., Восточная Пруссия. Перезахоронен в братской могиле советских воинов у развилки дорог п. Семеново, Гвардейский городской округ [6].

3. Сычев Михаил Александрович, 1915 г.р. Призван в Красную Армию 06.12.1942 г. Нижнетагильским РВК. Гвардии сержант, командир отделения 3 взвода 2 саперной роты 10 отдельного гвардейского воздушно - десантного саперного батальона 9-й гвардейской Полтавской воздушно-десантной дивизии 33-го гвардейского стрелкового корпуса. Воевал на Курской дуге, под Кенигсбергом. Награжден медалью «За боевые заслуги», орденом «Красная Звезда». После войны жил в г. Шлиссельбург Ленинградской обл.

4. Титов Вячеслав Николаевич, 1915 г.р. Род. г. Курск. Призван в Красную Армию 10.10.1937 г. Нижнетагильским РВК. Гвардии рядовой, бухгалтер полевой кассы Госбанка №1818 при 6-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 2 Украинского фронта. Награжден медалью «За боевые заслуги»: «09.02.1945 года боях за дер Зинкен (Восточная Пруссия) тов. Титов выполняя поставленную задачу в сложных боевых условиях, под пулеметным и артиллерийским обстрелом противника, обеспечил бесперебойную телефонную связь командования дивизии с 1289 стрелковым полком, чем способствовал успешному выполнению задачи полка. 18.12.1945 г. был демобилизован.

В 1942-1945 годах 26 воздушно-десантных дивизий, корпусов и бригад были переформированы в гвардейские стрелковые дивизии. В 1945 г. Восточно-Прусской наступательной операции участвовали 32 гвардейская стрелковая дивизия (преобразована из 2-го воздушно-десантного корпуса 25.02.1942 г.), 33 гвардейская стрелковая дивизия (преобразована из 3-го воздушно-десантного корпуса 30.02.1942 г.), 37 гвардейская стрелковая дивизия (сформирована из 1-го воздушно-десантного корпуса распоряжением заместителя НКО СССР №орг/2/786742 от 2 августа 1942 года), 38 гвардейская стрелковая дивизия (преобразована из 4-го воздушно-десантного корпуса на основании директивы ВС МВО № 14421 от 3 августа 1942 г.) [4, 5].

Поэтому, для полноты нашего исследования, в список были добавлены сведения о семи военнослужащих гвардейских стрелковых дивизий, сформированных на базе воздушно-десантных частей.

1. Девятков (Девьятов) Василий Владимирович, 1910 г.р. Род. г. Тобольск. Призван в РККА 08.1941 г. Нижнетагильским РВК. Участник войны с 08.1944 г. Ранен 16.08.1944 г. под Гроды ЛитССР, 13.04.1945 г. в Наутцинкель Восточной Пруссии. Гвардии сержант, стрелок 5-й стрелковой роты 84 гвардейского стрелкового полка 33 гвардейской стрелковой дивизии. За эти два ранения награжден 16.06.1945 г. медалью «За боевые заслуги».

2. Деревянко Михаил Петрович, 1912 г.р. Род. Харьковская обл., дер. Миролубовка. Призван в Красную Армию 08.02.1942 г. Нижнетагильским РВК. Участник войны с 20.08.1942 г. Награжден медалью «За отвагу», орденом

Красной Звезды. Гвардии красноармеец, стрелок 160 гвардейского стрелкового Краснознаменного полка 54 гвардейской стрелковой Краснознаменной дивизии. Награжден орденом Славы III степени по приказу №21/н от 11.05.1945 г. по 54 гв. сд 3 гв. ск 28 Армии 1 Украинского фронта: «28.03.1945 г. в бою за населённый пункт Вальга (Восточная Пруссия) лично, с находчивостью и смелостью пробрался к позиции противника и метким броском связки гранат уничтожил его пулемёт, чем содействовал овладению населенным пунктом». Награжден медалью «За победу над Германией».

3. Дубровский Иван Яковлевич, 1925 г.р. Род. Тульская обл., пос. Радионовка. Призван в Красную Армию 08.1942 г. Нижнетагильским РВК. Участник войны с августа 1943 г. Награжден 2 медалями «За отвагу» и орденом Славы III степени. Сержант, разведчик 121 отдельной гвардейской мото - разведывательной роты 111 гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии. «Получил тяжелое ранение в составе 1 Белорусского фронта в период наступления на подступах к немецким границам». Награжден медалью «За взятие Кенигсберга»

4. Гуревич Наум Моисеевич 1919 г.р. Род. Минская обл., м. Шатск. Призван в РККА в 1940 г. Нижнетагильским РВК. Гвардии красноармеец 85 гвардейского стрелкового полка 32 гвардейской стрелковой дивизии Отдельной Приморской Армии СКФ. Награжден 3 медалями «За отвагу» и 2 орденами Красной Звезды. Из представления к награждению от 04.06.1945 г. по 55 гв. сд 1 Украинского фронта: «В наступательных боях в Восточной Пруссии с 13.01.1945 г. по 26.03.1945 г. и в г. Берлине несмотря на сильный артиллерийский огонь противника вынес с поля боя 26 раненых бойцов и офицеров с их оружием». Награжден медалью «За взятие Кенигсберга».

5. Окипский Иван Павлович, 1916 г.р. Род. Украинская ССР, г. Прилуки. Призван в РККА 25.06.1940 года Нижнетагильским ГВК. Участник войны с августа 1942 г. Старший лейтенант. Адъютант 899-го отдельного саперного Слонимского батальона 20-го стрелкового Брестского корпуса. Награжден орденом Отечественной войны II степени по приказу №7/н от 04.02.1945 г. по 20 стрелковому корпусу: «В период создания оборонительных инженерных сооружений в полосе 20 стрелкового Брестского Корпуса, на рубеже Севера-Западнее до Жиргупсиси /Восточная Пруссия/ с 01.11.1945 г. старший лейтенант Окипский систематический находился с подразделениями на переднем крае нашей обороны и под сильными ружейно-пулеметным и минометным огнем противника руководил работниками, под его непосредственным руководством установлено 4184 противотанковых, 7905 противопехотных мин, построено 3 ДЗОТа, установлено спирали Бруно 3790 по метр, противопехотных рогаток 700 шт., малозаметных препятствий 200 погонных метров и проволоки на низких кольях 2000 погонных метров.

В период подготовительных работ по прорыву обороны противника тов. Окипский Северо-восточнее Груддии с 10-ю группами разграждений: проделал 13 проходов в минных полях и проволочном заграждении противника ширина

15 метров, а в период наступления тов. Окипский пропустил через проход пехоты и боевую технику без единого случая подрыва, чем обеспечил успех. 28.01.1945 г. южнее города Фридлянд /Восточная Пруссия/ произвел разведку плотину через реку Алле и в ночь на 29.01.1945 г. под сильным ружейно-пулеметным огнем противника приспособил плотину и переправил 60 тонн грузов, чем был достигнут успех по форсированию реки Алле».

Награжден орденом Отечественной войны II степени по приказу №41/н от 26.06.1945 г. по 20 стрелковому корпусу: «Участвуя в боях в Восточной Пруссии по разгрому немецких войск старший лейтенант Окипский в любых боевых условиях полученные задачи выполнял в срок. Руководя работами по постройке места через реку Пазмар в районе Золау /Восточная Пруссия/ 08.02.1945 г. несмотря на сильный обстрел места постройки переправы старший лейтенант Окипский, являя пример мужественного руководства выполнил задание за 2 часа ранее заданного срока, обеспечив пропуск танкового корпуса, решившего успех продвижения наших войск».

Эти документы свидетельствуют об интенсивных работах в ходе стратегической операции по обеспечению инженерными мероприятиями прорыва глубоко эшелонированной обороны противника и за организацию переправы для форсированию рек в Восточной Пруссии.

6. Салихов Вильдам Аюхович, 1911 г.р. Род. Башкирская АССР, д. Т. Назаргулова. Награжден медалью «За отвагу», орденом «Красная Звезда». Награжден вторым орденом «Красная Звезда» по приказу от 15.11.1944 г. по 97 сд 5 Армии. «В боях за овладение д. Гросс. Варнингкен в Восточной Пруссии командир отделения Салихов со своим отделением первым ворвался в расположение противника и гранатами забросал огневую точку – станковый пулемет, тем самым дав возможность пехоте обойти противника слева и полностью его уничтожить. Салихов из личного оружия и гранатами убил одного офицера и 13 немецких солдат». Награжден медалью «За победу над Германией». После войны жил в Н. Тагиле, работал грузчиком АХЧ 4-й Городской Больнице Нижнего Тагила.

7. Челышев Николай Севастьянович, 1925 г.р. Род. г. Нижний Тагил. Призван в РККА 27.02.1943 г. Нижнетагильским РВК. Участник Отечественной войны на Прибалтийском фронте с 07.1944 г. по 12.1944 г., на 3-м Белорусском с 12.1944 г. Ранен 19.11.1944 г. на р. Неман, Восточная Пруссия; 07.04.1945 г. в городе Кенигсберг. Награжден двумя медалями «За отвагу». Гв. старший сержант. Командир отделения стрелковой роты 88-го гвардейского стрелкового полка 33-й гвардейской стрелковой Севастопольской дивизии. Награжден орденом «Слава 3 степени» по приказу №31/н от 24.04.1945 г. по 33 гв. сд. «07.04.1945 года в бою при прорыве обороны противник на подступах к гор. Кенигсберг, тов. Челышев будучи раненым после перевязки возвратился в строй, продолжая выполнять боевую задачу». Умер после 1985 г.

Среди военнослужащих гвардейских стрелковых дивизий, переформированных из воздушно-десантных частей, также удалось установить четверых погибших и умерших от ран.

1. Галиуллин Иргалей Зайнулинович, 1923 г.р. Род. Челябинская обл., дер. Усманово. Призван в РККА 10.1941 г. Нижнетагильским РВК. Гвардии младший лейтенант, командир стрелкового взвода 88 гвардейского стрелкового полка 33 гвардейской стрелковой дивизии. Убит в бою 23.02.1945 г. в Восточной Пруссии. Бои велись в районе м. Другенен. Не похоронен, так как «труп остался на территории противника».

2. Муратов Анвер Гасанович 1924 г.р. Род. в г. Баку. Призван в РККА в 1942 г. Нижнетагильским РВК. Гвардии рядовой, стрелок 33 гвардейской стрелковой дивизии. Убит в бою 06.04.1945 г. Похоронен в н/п Галльхёфен, Кенигсбергский окр., Восточная Пруссия.

3. Пономарев Миней Фокеевич, 1908 г.р. Род. Свердловская обл., дер. Башкарка. Призван в РККА 15.02.1942 г. Нижнетагильским РВК. Красноармеец 39 гвардейской стрелковой дивизии, 1162 стрелкового полка. Награжден медалью «За отвагу». 27.05.1945 г. умер от ран в ППГ №654. Похоронен в г. Бартенштейн Восточной Пруссии.

4. Роткин Алексей Владимирович, 1925 г.р. Московская обл., Волоколамский р-н. Призван в РККА 31.12.1942 г. Нижнетагильским ОГВК. Гвардии красноармеец 16 гв. сп 111 гв. сд, затем разведчик 952 сап 8 ск. Награжден орденом Красной Звезды. Гв. красноармеец, стрелок 234 отдельной штрафной роты 5 Армии. Погиб в бою 3 марта 1945 г. «Трупы погибших бойцов остались на территории занятой противником в районе 200 метров севернее населенного пункта Контрадсфельде, что в 9 км. юго-восточное побережья Байкальского моря с Восточной Пруссией».

Записи в архивных документах на И.З. Галиуллину и А.В. Рогаткина свидетельствует об исключительной интенсивности и ожесточенности боев.

На данный момент, приведенный в статье список из этих 15 десантников-парашютистов, воевавших в Восточной Пруссии, в том числе двоих, награжденных медалью «За взятие Кенигсберга», является наиболее полным. Эти тагильские десантники, начинали воевать в частях ВДВ, и далее, в основном, действовали не в составе воздушно-десантных частей, а в составе переформированных из них гвардейских воздушно-десантных стрелковых и артиллерийских полков.

Список литературы:

1. Единая электронная база данных «Память Народа». – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 01.02.2026)
2. Книга Памяти и Славы «Нижнетагильские десантники Великой Отечественной войны. Павшие и живые» / Составитель Р.Ю. Домбровский. Нижний Тагил, 2021. – 450 с.

- 3.Лындин И.А. Справка о выпускниках Нижнетагильского аэроклуба ОСОАВИАХИМ. - Екатеринбург, УГВИМ. 09.07.2021. – 2 с.
- 4.Приложение к директиве Генерального штаба 1956 г. №168780. Перечень №5 стрелковых, горнострелковых, мотострелковых и моторизованных дивизий, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/267973#mode/inspect/page/5/zoom/4> (дата обращения: 01.02.2026)
- 5.Приложение к директиве Генерального штаба 1956 г. №168780. Перечень №6 кавалерийских, танковых, воздушно-десантных дивизий и управлений артиллерийских, зенитно-артиллерийских, минометных, авиационных и истребительных дивизий, входивших в состав Действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/267975> (дата обращения: 01.02.2026)
- 6.Электронная Книга Памяти Калининградской области. – Режим доступа: <http://www.kpko.ru/?sw=&p=1268> (дата обращения: 01.02.2026)

Рабуш Таисия Владимировна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код 6195-2301

Taisiya Rabush

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМАХ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ И ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Аннотация: Православие как массовое явление впервые приходит на территорию Калининградской области только во второй половине 1940-х гг., когда регион по итогам Второй мировой войны вошёл в состав СССР и в него направились переселенцы из других частей Советского Союза, преимущественно этнические русские. А широкое открытие здесь православных приходов начинается только в 1990-е гг., после распада СССР. Отличительная особенность Калининградской области – открытие православных приходов в зданиях, исторически бывших лютеранскими церквями. В постсоветский период на территории Калининградской области было построено не очень большое количество новых православных храмов, однако некоторые из них представляют большой интерес своей историей создания или своими архитектурными особенностями.

Ключевые слова: город Гусев, церковь Петра и Февронии, Калининград, Калининградская область, церковь, православие, РПЦ.

ABOUT SOME MODERN ORTHODOX CHURCHES IN THE KALININGRAD REGION: ARCHITECTURAL FEATURES AND HISTORY OF THEIR ORIGIN

Summary: Orthodoxy as a mass phenomenon first came to the territory of the Kaliningrad region only in the second half of the 1940s, when the region became part of the USSR following the Second World War and immigrants from other parts of the Soviet Union, mainly ethnic Russians, moved to it. The widespread opening of Orthodox parishes here began only in the 1990s, after the collapse of the USSR. A distinctive feature of the Kaliningrad Region is the opening of Orthodox parishes in buildings that were historically Lutheran churches. In the post-Soviet period, not a very large number of new Orthodox churches were built in the Kaliningrad region, but some of them are of great interest for their history of creation or their architectural features. The article is devoted to some of these temples.

Keywords: Gusev city, Peter and Fevronia Church, Kaliningrad, Kaliningrad region, church, Orthodoxy, Russian Orthodox Church.

Исторически территория, на которой расположена современная Калининградская область как отдельный субъект РФ – земля хоть и христианская, но не относящаяся к православию. Когда на эти земли в XIII веке пришли немецкие рыцари Ливонского ордена, они встретили там местное население, исповедующее политеизм. Вместе с немецкими рыцарями на эту территорию пришло и христианство, а если более конкретно, то такое его направление, как католицизм. Уже в XVI веке здесь начинается распространение нового на тот период времени протестантизма. К середине XX века, то есть к моменту передачи части Восточной Пруссии Советскому Союзу по итогам Второй мировой войны, в этом регионе преобладал протестантизм и в меньшей степени имело распространение католичество. Также в регионе, в особенности в самом городе Кёнигсберг, проживали иудеи: ими были этнические евреи. Православие же в регионе практически не было представлено.

Во второй половине 1940-х гг. в Калининградскую область организовано направились переселенцы из разных частей СССР, преимущественно этнические русские. В советский период строительство и открытие новых церквей было ограничено, прежде всего по идеологическим причинам, и Калининградская область не была исключением: первый православный приход в регионе был открыт только в 1985 году. Но после распада СССР набирает силу процесс передачи Русской Православной церкви зданий с целью открытия там церквей (зданий, как ранее принадлежавших РПЦ, так никогда и не принадлежавших), а также процесс строительства новых церквей.

Особенность Калининградской области, которая бросается в глаза почти любому, посетившему этот субъект РФ – это использование в качестве храмов РПЦ зданий бывших лютеранских кирх. Приведем только некоторые примеры: бывшая кирха в Балтийске – в настоящее время морской собор святого великомученика Георгия, бывшая кирха в Светлогорске – ныне церковь святого преподобного Серафима Саровского, реформаторская кирха в Черняховске – собор Архангела Михаила, кирха святого Адальберта в Зеленоградске – церковь Преображения Господня, кирха в Правдинске – церковь святого великомученика Георгия, кирха в Гвардейске – церковь святого Иоанна Предтечи, старейшая в Калининграде кирха Юдиттен – Свято-Никольская церковь женского монастыря иконы Божией Матери «Державная». Подобные примеры ещё более многочисленны, чем приведенные здесь.

Вместе с тем, в постсоветский период в Калининграде и области осуществлялось строительство и новых православных храмов. В настоящей статье автор кратко рассмотрит самые оригинальные и выдающиеся из них, а именно: кафедральный собор Христа Спасителя (Калининград), церковь святых благоверных муромских князей Петра и Февронии (Калининград), церковь-памятник всех святых (Гусев).

Кафедральный собор Христа Спасителя окончательно возведен и освящен на современной центральной площади Победы города Калининграда в 2006 г.

(исторически центр Кёнигсберга находился несколько в другом месте города), его строительство велось около 10 лет [1, с. 169]. Собор архитектурно схож с московским собором Христа Спасителя [2], что является типовой чертой ряда и других современных кафедральных православных соборов, построенных в постсоветский период в разных российских городах (как примеры подобного – собор в Чите, в Хабаровске, во Владивостоке); и вместе с тем он следует традициям владими́ро-суздальской архитектурной храмовой школы [1, с. 169]. Внутри собор разделен на нижний и верхний храмы и украшен росписями и витражами: «в программу росписи были включены точные копии орнаментов Храма Христа Спасителя, чтобы зримо подчеркнуть символическую связь московского и калининградского соборов» [1, с. 174]. Вместе с тем «общим стилевым основанием для живописной манеры росписи собора стал стиль иконописцев Владимирской губернии XIX в.» [1, с. 177].

Церковь святых благоверных князей муромских Петра и Февронии тоже находится на современной центральной площади Калининграда, но несколько в стороне от храма Христа Спасителя, в маленьком сквере. Церковь совсем невелика, особенно внутри, и скорее напоминает часовню. Она построена и освящена в 2011 г. и входит в общий архитектурный ансамбль кафедрального собора Христа Спасителя. Торжественная закладка храма состоялась 8 июля 2009 г., в день памяти святых Петра и Февронии.

Обращает на себя внимание необычное архитектурное решение: купола церкви соединены так, что являют собой два обручальных кольца. Современная РПЦ особенно почитает святых благоверных князя и княгиню муромских Петра и Февронию как покровителей семьи и брака, поэтому в архитектуре церкви нашел свое воплощение такой известный символ супружеского союза, как два золотых обручальных кольца.

На официальном сайте калининградского кафедрального собора указывается: «Главная отличительная черта храма – сдвоенный купол, представляет собой традиционную разновидность древнерусского зодчества. Возведение храма со сдвоенными куполами – своеобразная попытка выразить средствами архитектуры учение Церкви о естестве Спасителя, найти образ, зримое выражение этому таинственному, непостижимому соединению. В символике храмовой архитектуры два купола призваны напоминать о неслитном и нераздельном соединении двух природ Спасителя – Божественной и человеческой. Два купола, стоящие обособленно, не могут выразить всей полноты этого догмата.

С другой стороны, символическое значение сдвоенности куполов является указанием на соединение двоих в единое целое. Храм святых Петра и Февронии – это венчальный храм. Изнутри он выглядит как соединенные кольца – символ вечности семейных уз» [3].

Третий новый православный храм области, который тоже заслуживает особого внимания – это церковь-памятник всех святых в городе Гусеве (исторически Гумбиннен). В окрестностях этого на тот период времени

восточнопрусского города состоялось Гумбинненская военная операция (сентябрь 1914 г по новому стилю), одна из первых крупных военных операций Первой мировой войны на восточном фронте, в которой принимали активное участие русские войска, сражаясь с немецкой армией. В 2016 г. в память обо всех погибших на полях Первой мировой войны солдатах Российской империи в Гусеве на центральной площади города был построен единственный в России храм-памятник, освященный во имя всех святых.

Архитектура шатровой пятикупольной церкви всех святых повторяет традиции московско-ярославской средневековой архитектурной школы; также храм украшен снаружи изразцами с изображениями растений и птиц, что тоже типично для ярославской архитектурной школы храмового зодчества. Изразцы были изготовлены в самом Ярославле [4]. А шатровая колокольня храма, если смотреть на нее со стороны протекающей через центр Гусева реки Писсы, напоминает военный обелиск, что тоже является частью архитектурного замысла [4].

В Калининграде и Калининградской области не имелось потребности в возведении большого количества новых храмов, поскольку с целью открытия православных приходов можно было свободно использовать опустевшие старинные лютеранские церкви (после присоединения территории Калининградской области к СССР местное немецкое население было переселено в Германию, и соответственно, лютеран в регионе практически не осталось). Тем не менее, в постсоветский период были построены отдельные новые православные храмы, в том числе главный храм региона – кафедральный православный собор в Калининграде. Отдельные новопостроенные храмы отличает глубокий символизм истории их создания или их архитектурных особенностей – и таковы, например, описанные в настоящей статье храм-памятник погибшим в Первой мировой войне россиянам в городе Гусеве и церковь святых благоверных муромских князей Петра и Февронии в Калининграде, купола которой образуют собой обручальные кольца как символ брачного союза. Новый калининградский кафедральный собор также архитектурно и идейно глубоко символичен, перекликаясь во многом, от своего названия, до внутренних храмовых росписей, с главным собором России – храмом Христа Спасителя в Москве.

Список литературы:

1. Попцова П.Н. К истории росписи верхнего храма кафедрального собора Христа Спасителя в Калининграде / Время музея. Сборник статей. Министерство по культуре и туризму Калининградской области; Калининградский областной историко-художественный музей. – Калининград: Аксиос, 2018. – С. 167–192.
2. Осипов Д. Золотые купола на западе России // Балтийский статус. – 2005. – № 2. – С. 34–35.

- 3.Храм святых Петра и Февронии. Сайт кафедрального собора Христа Спасителя. Калининградская епархия. РПЦ. – URL: <https://soborkld.ru/xram-svv-petra-i-fevronii/?ysclid=mmmdp8ifdjl564386133> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
- 4.Денис Гонтарь. Чем живет единственный в России храм-памятник павшим в годы Первой мировой войны. Сайт Российская газета. 10.04.2025 г. – URL: https://rg.ru/2025/04/09/reg-szfo/chem-zhivet-edinstvennyj-v-rossii-hram-pamiatnik-pavshim-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny.html?ysclid=mmdpn3y0cc254199425&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 27.02.2026 г.).

Размахнина Анастасия Александровна

заведующая сектором

Государственный Эрмитаж

SPIN-код: 9186-6575

Razmakhnina Anastasia

The State Hermitage Museum

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ В ОБРАЗАХ ОФИЦИАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Аннотация: Статья посвящена анализу репрезентации внешней политики и дипломатической деятельности Российской империи XIX века в произведениях официального искусства. Уделяется внимание тому, какие сюжеты и каким образом различные работы изобразительного искусства отражали ключевые события международной жизни XIX века. В статье анализируются функции и задачи подобных произведений. Выделяются наиболее важные работы, а также особенности разных периодов их создания.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, официальное искусство, Российская империя, культурная репрезентация.

FOREIGN POLICY AND DIPLOMACY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY IN IMAGES OF OFFICIAL ART

Summary: The article analyzes the representation of the foreign policy and diplomatic activities of the XIX century Russian Empire in official art. It focuses on the themes and ways in which various works of art reflected key international events of the 19th century. The article examines the functions and purposes of such works, highlighting the most important works and highlighting the specific periods of their creation.

Keywords: foreign policy, diplomacy, official art, Russian Empire, cultural representation.

Официальное искусство в Российской империи XIX веке представляет собой сложное явление. В условиях абсолютной монархии художественная культура могла выступать не только как форма эстетического выражения, но и как механизм формирования определенных образов, в том числе утверждающих неограниченную власть монарха, существующие социальные порядки и другие явления. В первую очередь, официальное искусство является отражением доминирующей культуры, поддерживаемой государством, социальными институтами, нормами, обществом. Понятие «официальное искусство» достаточно часто используется как противоположное понятию «неофициальное искусство», где первое понимается как нечто «разрешенное», а

второе – «запрещенное». Однако эти понятия могут и не находиться в оппозиции, а напротив между ними происходит постоянное взаимодействие.

Важнейшими функциями официального искусства Российской империи были легитимация власти и формирование исторической памяти. Поэтому, неудивительно, что именно тема внешней политики государства стала одной из наиболее востребованных. Через разные виды искусств, но в-первую очередь через изобразительное искусство, формировался образ государства как великой державы и активного участника международных отношений не только в работах отечественных авторов, но и зарубежных.

В царствование Петра I в конце XVII – первой четверти XVIII вв. государство становится активным участником европейских международных отношений, а после победы в Северной войне в 1721 году получает и новый статус – империи. В этот же момент происходит и другая важная трансформация, но теперь в плоскости не политической, а культурной – переход к светским европеизированным. Именно в этот момент и создаются первые работы, которые отражают внешнеполитические победы новой империи. Например, А. Зубов «Баталия близ Гангута» 1715 г., Л. Каравак «Полтавская баталия» 1718 г.

Несмотря на то, что в этот период русская историческая батальная живопись находилась еще на этапе формирования, вскоре именно она станет главным отражением внешнеполитических событий XVIII века. Дипломатическая деятельность крайне редко привлекала внимание в XVIII веке для изображения. Стоит отметить лишь сюжеты, связанные с официальным церемониалом, приемом иностранных делегаций. Например, работы А. Казачинского «Прием Екатериной II турецкого посольства в Зимнем дворце», «Прием турецким султаном Абдул Хамидом I русского посольства князя Николая Васильевича Репнина в 1775 году» неизвестного художника.

Полноценный интерес к событиям международных отношений и дипломатии Российской империи в искусстве возникает в начале XIX века и формируется всю первую четверть столетия, что вполне объяснимо. Именно в этот период происходят масштабные трансформации системы международных отношений: антифранцузские коалиционные войны, Отечественная война 1812 г., международные конгрессы. Всеобщее внимание было приковано к странам-участникам всех этих событий, важнейшим из которых являлась Российская империя.

В первой четверти XIX в. наравне с сюжетами военных столкновений авторы начинают создаваться изображения, которые демонстрируют дипломатические переговоры, заключение мирных договоров, создание союзов. Теперь внимание приковано к ключевым сюжетам международной политики, а также особенно подчеркивается роль монархов как активных участников европейской дипломатии. В художественной традиции подобные произведения выполняли функцию визуальной хроники государственных достижений.

Если говорить про конкретные сюжеты, то особенностью отражения внешней политики и дипломатии Российской империи первой четверти XIX в. становится внимание на фигуре императора Александра I. Большинство работ, которые создаются в этот период и рассказывают о различных событиях, сфокусированы на репрезентации образа императора как главного участника и творца международной жизни. Например, гравюры с рисунков Г.А. Делинга «Встреча императоров Наполеона и Александра и короля Фридриха Вильгельма III в Тильзите на реке Неман 26 июня 1807 года», «Свидание императора Александра I с королем и королевой прусскими в Мемеле в 1802 году», «Встреча Александра I и Наполеона на плоту на Немане 1808 г.».

Кроме того, именно в этот период создаются первые изображения, которые отображают процесс послевоенного мироустройства. Особенно в этом контексте интересна работа Ж.-Б. Изабе «Венский конгресс», на которой изображены не монаршие особы, а дипломаты, которые также участвовали во всех событиях международной жизни XIX в. Кроме того, в сущности именно Венский конгресс 1814-1815 гг. и создал дипломатическую деятельность в современном понимании.

Другая интересная особенность, которая не столь очевидна, – это создание целых мемориальных залов, посвященных внешнеполитическим событиям тех лет. Самым известным отечественным примером является «Военная галерея 1812 года» в Зимнем дворце, открытая в 1826 году. В этой мемориальной галерее все внимание сосредоточено в первую очередь на военные успехи Российской империи в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813-1814 гг. через показ портретов русских генералов. Напоминанием о международном контексте тех лет служат лишь портреты австрийского императора Франца I, прусского короля Фридриха-Вильгельма III, герцога Веллингтона. Однако в контексте внешней политики и дипломатии в официальном искусстве интересней другой пример. В Великобритании в 1830-1831 гг., создается похожий по задумке мемориальный зал «Waterloo Chamber» (прим. перевод с англ. «Зал Ватерлоо») в Виндзорском замке в память о победе над французской армией в битве при Ватерлоо Великобритании и ее союзников в лице Российской империи, Пруссии, Австрии.

Контекст и задумка «Галереи 1812 года» и «Зала Ватерлоо» аналогичны. Однако зал в Виндзорском замке отображает важную тенденцию, которая происходит в отражении внешней политики и дипломатии в искусстве во всей Европе – интерес не только к батальным сценам или фигурам императоров, но и к другим государственным деятелям, которые были активными участниками событий тех лет. Если говорить про Российскую империю и ее отражение в этом зале, то там можно увидеть портреты не только императора Александра I, но и графа К.В. Нессельроде, графа И.А. Каподистрии, светлейшего князя А.И. Чернышева, Ф.П. Уварова, М.И. Платова [статья].

В 1820-1830-е гг. происходит существенный сдвиг интереса в отражении внешнеполитических сюжетов с официальных парадных портретов различных деятелей и батальных сцен к изображению дипломатических сюжетов. Например, полотна Н. Госса «Тильзитское свидание» и «Эрфрутский конгресс» хотя и посвящены событиям коалиционных войн, но демонстрируют сюжеты из международных отношений. Кроме того, на равне с императорами теперь изображены и различные государственные деятели, и дипломаты тех лет. Например, в этих работах можно увидеть фигуры князя Ш.-М. Талейрана, князя А.Б. Куракина и многих других.

В тот же период создаются и другие изображения, которые повествуют не только о былых победах, но и о текущих. Например, серия изображений художника В.И. Мошкова, повествующая о событиях русско-персидской войны 1826-1828 гг. Особый интерес вызывает сюжет, который обращает внимание именно на ход мирных переговоров и заключение Туркманчайского мирного договора. Теперь центральной фигурой в этих изображениях является не фигура императора Николая I, а графа И.Ф. Паскевича, который командовал войсками и возглавлял мирные переговоры. Кроме того, на этих полотнах можно увидеть и других участников переговоров, в том числе А.С. Грибоедова.

К середине столетия подобные изображения, которые повествуют о дипломатической деятельности и международных переговорах становятся довольно частым явлением. Например, события переговоров в Париже в 1856 году можно увидеть на одноименном полотне Л.-Э. Дюбюфе или рисунке В.Ф. Тимма. Другой пример – полотно Э. Лойце «Подписание договора о продаже Аляски», повествующее о переговорах Российской империи и США о продаже Аляски в 1868 году. Либо же события Берлинского конгресса 1878 года проиллюстрированы на одноименном полотне А. фон Вернера. Главной особенностью всех вышеперечисленных примеров является отображение дипломатической деятельности и внимание к дипломатическим служащим.

В целом, внимание к конкретным государственным деятелям в сфере внешнеполитических отношений становится крайне важной особенностью в середине – второй половине XIX вв. в официальном искусстве. В контексте Российской империи это ярче всего можно проиллюстрировать фигурой светлейшего князя А.М. Горчакова.

В связи с особым вниманием императора Александра II на политике внутренней, А.М. Горчаков в качестве министра иностранных дел Российской империи в 1856-1882 гг., пожалуй, впервые в истории получил практически неограниченную «свободу». Если же императоры Александр I и Николай I в первой половине столетия и были главными творцами внешней политики государства, то Александр II достаточно дистанцировался от этой сферы. Безусловно, это было бы и невозможно без такого талантливого дипломата как А.М. Горчаков. После его международного успеха и отмене условий Парижского мирного договора в рамках Лондонской конвенции 1871 года, фигура министра становится крайне важной в отражении событий внешней

политики Российской империи. На многих изображениях, связанных с русско-турецкой войной 1877-1878 гг. зачастую фигуру министра можно увидеть возле фигуры императора.

Во второй половине XIX века на отражение внешней политики и дипломатии в официальном искусстве повлияло распространение фотографии. Возникновение нового способа фиксации происходящего резко изменило функции традиционных художественных жанров. С одной стороны, распространение фотографии позволило быстро и точно фиксировать события, облик государственных деятелей, дипломатические миссии. С другой, – происходит снижение роли живописных работ и различных смысловых контекстов, которые авторы в них вкладывали.

Официальное искусство в Российской империи XIX века выполняло многие важные функции, в том числе символическую репрезентацию внешней политики и дипломатии государства. Через изобразительное искусство формировался визуальный образ империи как влиятельной европейской державы. Различные художественные практики не только фиксировали события из международной жизни, но и формировали значимый нарратив, подчеркивающий престиж и роль государства в мировой политике. Официальное искусство XIX века выступало важным инструментом культурной дипломатии, способствующим формированию устойчивого образа Российской империи в системе международных отношений.

Список литературы:

1. Айрапетов, О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). – М.: Европа, 2006. – 672 с.
2. Глинка, В.М., Помарнацкий, А.В. Военная галерея Зимнего дворца. – Л.: «Искусство», 1981. – 239 с.
3. Грызунова, А.А. Описание, анализ и реконструкция истории создания Томасом Лоуренсом портретов Александра I, М.И. Платова, Ф.П. Уварова, А.И. Чернышева, К.В. Нессельроде и И.А. Каподитрия для зала Ватерлоо // Научный электронный журнал АРТИКУЛЬТ. – 2019. - №1. – С.40-49.
4. Уортман, Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века. // РОССИЯ/RUSSIA. Культурные практики в идеологической перспективе: Россия XVII – начало XX века. – М.: ОГИ, 1999. – С.233-244.
5. Уортман, Р. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. – М.: ОГИ, 2004. – 605 с.

Рубис Людмила Григорьевна

кандидат педагогических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 5167-3597

Lyudmila Rubis

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: Необходимость патриотического воспитания молодежи и история, которую забыть нельзя. О спортивном туризме и сложностях, которые могут произойти на маршруте.

Ключевые слова: подростки, история, молодежь, воспитание, спортсмены, патриотизм, туризм.

ON PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Summary: The need for patriotic education of youth and a history that cannot be forgotten. On sports tourism and the challenges that can arise along the route.

Keywords: teenagers, history, youth, education, athletes, patriotism, tourism.

По данным газеты «Известия», в Санкт-Петербурге в 2025 году количество преступлений, совершенных подростками или при их участии, резко выросло. Их стало больше на 47%. За год зафиксировано 609 таких правонарушений, а в 2024 году было 413. Таковы официальные данные, причем более половины из всех зарегистрированных преступлений – тяжкие или особо тяжкие. Их количество увеличилось на 33,1% (318 случаев).

В несколько раз выросло количество преступлений, совершенных на улице подростками. Если в 2024 году их было 37, то в 2025 году – уже 171. В общественных местах также наблюдался рецидив преступлений среди подростков, их количество выросло до 79 случаев, что в 3 раза больше, чем в 2024 году. В структуре подростковой преступности большая часть – кражи и мошенничества. Они составляют 48,5% от общего числа преступлений. Случаев мошенничества также стало больше, их количество увеличилось более чем в 6 раз. В 2024 году их было 17, а в 2025 году – 106.

Кроме того, в 2025 году в 4 раза выросло количество подростков, которые совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения. Это беспрецедентный рост за последние 10 лет [3].

Все эти факты вызывают беспокойство и большое желание привлечь ребят к одному из полезных и мужественных видов спорта, спортивному туризму, который показал в 80-х годах невероятное стремление молодежи к туристским походам и соревнованиям. Городской клуб туристов на Желябова

вмещал десятки и сотни молодежных и подростковых групп, готовившихся к туристским походам. Патриотизм, молодежное стремление к путешествиям и познание новых уголков нашей страны было велико.

Спортивных туристских походов у меня было много, расскажу об одном из них.

Мы, спортсмены-туристы, тщательно готовились к серьезному туристскому походу по изучению истории нашей земли, на самую северную точку перевала Северного Урала в феврале месяце. Было нас семь человек. Я, руководитель похода, как опытный мастер спорта и неоднократный руководитель сложных зимних походов и шестеро молодых ребят, выпускников Школы спасателей, которые уже участвовали со мной в походе по Кольскому полуострову III категории сложности. Мы сдружились и решили путешествовать таким же составом в сложных зимних походах. Следующей задачей было пройти, практически, неизвестный самый Северный Уральский перевал из Европы в Азию. Тренировались долго и много, изучали карты, которые давали лишь общее представление об этом районе. Мы были патриотами и хотели дополнить карты сведениями о не изученных и не исследованных труднодоступных участках Урала. Сведений и отчетов даже среди туристов по этому перевалу мы не нашли. Однако желание попасть туда только увеличивалось. Итак, мы уже на маршруте и, пять суток движемся на лыжах вдоль Урала [2]. Наконец, судя по карте перевал должен быть именно на этих видимых возвышенностях. Но бесконечные возвышенности поднимали нас все выше и выше. Казалось, что они никогда не закончатся. Необходимо отметить, что в феврале очень короткий световой день, поэтому поднимались утром в темноте, да и останавливались, по возможности, в сумерках, после тщательного осмотра площадки во избежание срывов. Уральский хребет был виден постоянно, но казалось, что он совсем не приближается. Предполагаем, что вот после этой горы и возникнет перевальное плато, но в следующем подъеме показывается вновь следующая гора. И вот, наконец, мы достигли это Уральское перевальное плато. Оно выглядело совершенно гладким, покрытым скользким льдом. На перевале был сильный ветер и с каждой минутой становился сильнее и сильнее. Быстро застраховались основной веревкой, чтобы нас не разбросало и не сбросило вниз. Уложив рюкзаки, решили посмотреть возможен ли спуск в сторону Азии. Поскольку мы забрались на плато в районе двух часов дня, то понимая, что очень быстро начнет темнеть, очень спешили. Но со стороны Азии оказался отвесный ледяной спуск, который до конца не просматривался. И если бы даже нам удалось очень быстро забить крючья, повесить страховку, одеть кошки, то все равно было очень опасно спускаться вниз, потому что спуск не просматривался до конца, а там могут оказаться закрытые препятствия, сложные для прохождения и которые невозможно порою обойти.

Решили переночевать прямо на перевале. Но ветер с каждой минутой усиливался, и мы с большим трудом установив палатку, забрались в нее,

закрепив в основном, своими телами дно палатки. Однако, дно вместе с нами ветром приподнимало и опускало. Уставшие, прижались плотнее друг к другу и быстро уснули. Но ночью, ветер так рванул нашу палатку, что она мгновенно разорвалась на две половины. С трудом, успели собрать и закрепить снаряжение и личные вещи. Мы в ужасе представили, что нас ожидает. Еще не было случая, чтобы в таких условиях спортсмены-туристы выжили без палатки. На перевале не было даже спасительного снега, в который можно было бы зарыться и никакой защиты в виде скал и камней. Все смотрели на меня. И я уверенно произнесла: одеваем все, что есть, берем топоры, пилы и пилим, рубим лед, чтобы соорудить хотя бы невысокую стенку для защиты от ветра. Ну, а я буду зашивать палатку. Для этого, все конечно было: иглы, соответствующие нитки, фонарь. Вскоре мои руки стали белеть от мороза и плохо слушаться. Но я шила и шила. Слезы из глаз лились ручьем, я стонала, но продолжала шить, а ребята тем временем продолжали добывать льдины и выстраивали их на ширину палатки. Они не могли заменить меня, так как практически не умели шить. Наконец, еле произнесла: ребята, палатка зашита! Мы спасены! Все в палатку! Такое счастье! Ребята пытались отогреть мои руки, а я не скрывая слез была счастлива, что палатка зашита и мы спасены! Быстро уснули, а утром ветер стал стихать. Радостно наводим веревочные тропы, одеваем кошки. Мои руки не слушаются и мне помогают одеть кошки. Начинаем спускаться с этого отвесного, темного и такого страшного, невидимого спуска и вдруг, почти по равнине идем к мелким деревьям. Оказывается, эта страшная темнота внизу оказалась лесом. Но тут между деревьями, неожиданно увидели человека, который оказался местным нанайцем. Мы обрадовались, покричали, но он быстро пошел дальше. Периодически он поворачивал голову, чтобы убедиться, за ним ли мы идем. И убедившись вел нас дальше. По маршруту мы практически шли в нужном направлении. Привел он нас на поляну, на середине которой стоял большой чум! Из него вышел мужчина, как оказалось, единственный, который знал русский. Он пригласил нас в гости. Внутри чума вдоль всех стен лежало множество меховых шкур, под которыми они и спали. Справа большой длинный стол, за который нам и предложили сесть. Мы были рады людям, а они нам. Конечно, самое дорогое, это горячий чай. Потом поставили на стол селедку с душком, а затем большой котел оленятины и мы, конечно, не могли говорить, а молча ели. Узнали, что в чуме живут три семьи и есть три ребенка. Двоих девочек мы видели, они ловко вынырнули из шкур и в шубках помчались на улицу. Но вдруг, мы увидели, как из одной шкурки вылезла девочка с очень больным, ярко красным лицом и медленно, без одежды пошла на улицу. Выяснилось, что девочка четвертый день болеет, ничего не ест и что она умирает.

Я тут же достаю из рюкзака аптечку, нахожу антибиотики и возвращаем девочку в чум. Мама дает ей таблетку, а уже через полчаса в чуме переполох. Из шкур выскочили еще двое мужчин и сели за стол. Мама больной девочки

поставила на стол бутылку водки и еще один котел с мясом. Она плакала от счастья, что больная дочка впервые попросила покушать. Я же отдала упаковку антибиотика и рассказала, как и через какой промежуток времени необходимо выпивать таблетки. Не зря я училась и закончила фельдшерский колледж. Время световое шло, и мы спешили вернуться на свой маршрут. Счастливая мама распахивала в мои карманы конфеты, а потом подарила мне малицу. Это такая шубка длинная из меха с капюшоном и рукавицами. Конечно, я поблагодарила ее и объяснила, что это невозможно, когда каждый грамм имел в походе значительный вес. Но она все убеждала и убеждала, что никогда мне не будет холодно и что подарок будет ждать меня в любое время, когда бы не пришла вновь. Расставались друзьями.

В туристских походах мы часто испытываем дополнительный стресс от физического напряжения, неожиданных сюрпризов. Так случилось в туристской студенческой группе Политеха на Кольском полуострове, когда группа из 9 человек очень устала. Они стали раздражительными и решили на перевале расстелить палатку и немного отдохнуть. Возражений не было даже от руководителя. Спасатели так и застали их, лежащих на палатке замерзшими.

Раздражительность от постоянного напряжения приходит быстро, поэтому необходимо строго следить за словами и думать об одном, чтобы не сделать товарищу плохо, только бы не обидеть, только полное уважение друг к другу. Вот тогда поход заканчивается очень удачно и вспоминаешь его с радостью и надолго все остаются друзьями [1].

Перевал домой из Азии через Урал в Европу был постепенный и спокойный. Дальше шло все гладко, просто, очень дружно, весело и без приключений. Но уверена, что после похода, у каждого участника осталось много впечатлений и собственных выводов. Мы часто встречались в городском клубе и делились своими воспоминаниями, так же, как и другие группы. Это было прекрасное время, когда был городской клуб туристов и много путешественников, которые заполняли все комнаты и коридоры клуба. Теперь такого клуба нет, очень жаль! Мы обменивались впечатлениями о пройденных маршрутах, находили новых друзей. Была и маршрутно-квалификационная комиссия, где проходил разбор несчастных случаев на маршрутах и выдавались рекомендации. Безусловно, путешествие по самым отдаленным участкам нашей страны, это есть познание отечественной истории. А кто, в первую очередь может изучать эти отдаленные участки, как не патриотическая и любознательная молодежь. Есть много еще уголков нашей земли, которые не изучены в должной степени, вот этим и должна заниматься патриотически настроенная наша молодежь.

Список литературы:

1.Рубис Л.Г. Советы бывалого туриста // Материалы междунар.научно-практич. конференции 2019. С.254 - 256.

- 2.Рубис Л.Г. Туризм, как успешная модернизация учебного процесса по физическому воспитанию. // Материалы междунар. научно-практич. конференции. 2018. С.151 - 154.
- 3.ИЗВЕСТИЯ iz: Почти на 50% выросло число подростковых преступлений в Петербурге / Тест электронный – 28 января 2026.– URL: <https://iz.ru/2032751/2026-01-28/pochti-na-50-vyroslo-chislo-podrostkovykh-prestuplenii-v-peterburge> (дата обращения: 30.01.2026).

Рыжков Евгений Николаевич

кандидат исторических наук

Северо-Западный институт управления РАНХиГС

SPIN-код: 7739-8445

Evgeniy Ryzhkov

North-Western Institute of Management of the RANEPA

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В АЗИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1945-53 ГГ.) В РАБОТАХ А. УЛАМА

Аннотация: В статье анализируются взгляды видного американского историка Адама Бруно Улама (1922-2000) по вопросам азиатской и дальневосточной политики СССР второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Историографическое наследие А. Улама представляет особый интерес, поскольку он был не только кабинетным ученым, но и имел отношение к процессу выработки и принятия внешнеполитических решений в США. Улам в течение 15 лет возглавлял работу Русского исследовательского центра в Гарвардском университете и принимавшего активное участие в экспертной деятельности по заказу органов государственной власти США.

Рассматривая вопрос мотиваций советской внешней политики в Китае через анализ основных событий первого послевоенного периода, Улам приходил к выводу, что СССР не стремился к установлению коммунистического режима в этой стране и напрямую не способствовал его установлению, так как это не в полной мере соответствовало его интересам.

Тема войны в Корее в работах А. Улама подразделяется на три основных пункта: во-первых, это вопрос мотиваций советской стороны и причины корейской войны; во-вторых, взаимоотношения сторон в ходе войны, а также политические и военные последствия корейского конфликта.

Улам полагал, что война не принесла Советскому Союзу никаких политических дивидендов, и в то же время негативным для него образом повлияла на советско-китайские отношения.

Ключевые слова: Адам Улам, внешняя политика СССР, американская историография, Китай, Гоминьдан, Северная Корея, Южная Корея.

THE FOREIGN POLICY OF THE USSR IN ASIA AND THE FAR EAST (1945-53) IN THE WORKS OF A. ULAM

Summary: The article analyzes the views of the prominent American historian Adam Bruno Ulam (1922-2000) on Asian and Far Eastern policy issues of the USSR in the second half of the 1940s - early 1950s. A.Ulam's historiographical legacy is of particular interest, since he was not only a cabinet scientist, but was also involved in the process of developing and making foreign policy decisions in the United States.

Ulam was the head of the Russian Research Center at Harvard University for 15 years and took an active part in expert work commissioned by the US government

Considering the issue of the motivations of Soviet foreign policy in China through an analysis of the main events of the first post-war period, Ulam came to the conclusion that the USSR did not seek to establish a communist regime in this country and did not directly contribute to its establishment, as this did not fully correspond to its interests.

The theme of the Korean war in A. Ulam's works is divided into three main points: firstly, it is a question of the motivations of the Soviet side and the causes of the Korean War; secondly, the relationship of the parties during the war, as well as the political and military consequences of the Korean conflict. Ulam believed that the war had not brought any political dividends to the Soviet Union, and at the same time had a negative impact on Soviet-Chinese relations.

Keywords: Adam Ulam, foreign policy of the USSR, American historiography, China, Kuomintang, North Korea, South Korea.

В обостряющейся международной обстановке, на фоне нового противостояния Российской Федерации и США на мировой арене по ряду важных геополитических проблем вновь обретает актуальность тема восприятия американской историографией второй половины XX в. внешней политики СССР в 1945 – 1953 гг., когда решались столь судьбоносные для всего мира вопросы, такие как послевоенное мироустройство, экономическое восстановление разоренных войной государств и регионов, формирование системы глобального управления, обеспечение международной стабильности и безопасности, и когда закладывались стереотипы, которые в значительной степени и по сей день определяют внешнеполитический курс американской стороны и оказывают прямое негативное влияние как на двусторонние отношения, так и на ситуацию в мире в целом.

В статье анализируются взгляды видного американского историка Адама Бруно Улама (1922-2000) по вопросам азиатской и дальневосточной политики СССР второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Историографическое наследие А.Улама представляет особый интерес, поскольку он был не только кабинетным ученым, но и имел отношение к процессу выработки и принятия внешнеполитических решений в США. А. Улам в общей сложности 15 лет возглавлял работу Русского исследовательского центра в Гарвардском университете, и принимал активное участие в экспертной деятельности по заказу органов государственной власти США.

Рассматривая вопрос политики СССР в Китае, Улам полагает, что в 1944-45 гг. основная цель СССР заключалась в том, чтобы не допустить, чтобы положение дел в Китае дошло до критической точки. С этой целью советские официальные лица всячески открещивались от китайских коммунистов.

В частности, Молотов заявил послу Патрику Херли, специальному представителю президента Рузвельта при Чан Кайши, что «так называемые

китайские коммунисты не имеют к коммунизму никакого отношения. Для них это просто способ выразить недовольство своим экономическим положением, и они забудут о нем, когда их экономическое положение улучшится» [2, с.483]. Сущность этой политики, продолжает Улам, состояла в том, чтобы «великодушно» делегировать американцам ответственность за улаживание дел в Китае с тем, чтобы они оказывали помощь Чан Кайши, направляя его на путь истинный, то есть на путь демократизации, и в то же время умоляли коммунистов, чтобы они пришли к обоюдно приемлемому соглашению с Чаном. «Это был мастерский ход Москвы», отмечает Улам и напоминает, что приблизительно таким же способом Москва предоставила Черчиллю дело вовлечения югославских монархистов в компромисс с Тито и побуждения Миколайчика к подписанию подобного соглашения с люблинскими поляками [2, с.484].

Значительное место в работах А. Улама занимает вопрос о целях СССР в Китае сразу после окончания войны, и здесь на первый план выходит договор, подписанный 14 августа 1945 г. между СССР и правительством Чан Кайши.

А. Улам в этой связи отмечал, что если не подозревать СССР в сверх-макиавеллистской политике, то сам факт подписания договора является убедительной демонстрацией того, что в этот период правительство СССР было уверено, что Чан Кайши и Гоминьдан останутся главной силой в политике Китая еще на протяжении долгого времени. Он писал: «Возможно, Советы полагали, что Чан слишком силен, чтобы полностью потерять власть, но и слишком слаб, чтобы объединить Китай под своей властью и превратить его в могучую державу, а, следовательно, с его режимом предпочтительно поддерживать дружеские отношения. Из этого также можно заключить, что Советы допускали, что китайские коммунисты могут сойти со сцены как политическая сила» [2, р. 489].

В 1945 –1946 гг., по мнению Улама, цели Москвы в Китае были ограничены и сводились, во-первых, к выводу значительного контингента американских войск, которые высадились в Китае после капитуляции Японии для помощи Чан Кайши, и во-вторых, к обеспечению безопасности значительной территории, находившейся под контролем китайских коммунистов, возможно, включая Маньчжурию. Как утверждает Улам, советское правительство пыталось совместить решение этих вопросов.

Как полагал А. Улам, в этот период советская политика в отношении Китая зависела от двух факторов. Первым была степень политической и военной эффективности Националистического правительства. У СССР были основания надеяться, что действия этого правительства не будут слишком эффективными, но в то же время, очевидно, была и вера в то, что оно по-прежнему сможет контролировать большую часть равнинного Китая. Вторым фактором, тесно связанным с первым и, возможно, более существенным являлась степень заинтересованности в Китае американцев.

СССР действовал по двум направлениям, по мнению Улама. Во-первых, путем прямых соглашений с Чаном, чьей автократической натуре было невыносимо давление американских советников, вынуждавших его начать демократические реформы. Во-вторых, путем сдержанной поддержки усилий США по выработке компромисса между Чан Кайши и коммунистами, а также во внимании жалобам американцев на то, с какими трудностями они сталкиваются в попытках заставить Генералиссимуса очистить режим от коррупции и полицейских методов. В обоих случаях китайские коммунисты были важной картой в игре и, как казалось в то время, безропотным орудием.

По мнению Улама, образование конфедеративного государства со значительной коммунистической автономией на северо-востоке в 1946 г. могло получить поддержку Советского Союза и, возможно, с ним могли согласиться, хотя и неохотно, сами китайские коммунисты.

Улам также отмечал явные противоречия во внешней политике СССР этого периода – максимум осторожности в Китае и минимум осторожности в Европе, где такие шаги как Берлинская блокада, приводили к прямым столкновениям с США; также попытки уничтожить руководство югославской компартии, в то время как ничего не предпринималось в отношении все более независимого и уверенного в себе Мао, который, в случае успеха, получал под свой контроль не крошечную европейскую страну, но колосс с населением в сотни миллионов человек. Улам объяснял эти противоречия непониманием приоритетов внешней политики США: умалением их возможных интересов в Европе и преувеличением их заинтересованности на Дальнем Востоке.

Такое же положение сохранялось и в течение большей части 1949 г. Несмотря на то, что наступление китайских коммунистов, начатое летом 1948г. вопреки советам Москвы, продолжало успешно развиваться, и в апреле 1949 г. весь Северный Китай находился под их контролем, СССР не спешил с признанием, хотя еще в январе были отвергнуты просьбы националистического правительства о советском посредничестве.

Ясно, писал Улам, что китайские коммунисты желали как можно скорее провозгласить свое правительство и получить его признание со стороны СССР, которое означало бы веру Москвы в их окончательную победу и послужило бы предостережением США от помощи Чан Кайши. Но именно последнее рассуждение предоставляло СССР повод повременить с поспешным признанием. Москва утверждала, что нежелание США помогать Чану базируется на различии, которое американцы проводят между Москвой и китайскими коммунистами. Если бы стала очевидной связь между ними, американская помощь националистам могла бы возрасти, и американские войска могли бы вновь появиться в Китае для защиты южных областей.

Улам считал, что у Советского Союза не было никакой особой причины желать полной победы коммунизма в стране с населением в сотни миллионов человек, и отмечал, что СССР проявлял осторожность, что проявилось в невключении Китая в члены-основатели Коминформа [2, стр.493].

После окончательной победы коммунистов и провозглашения в сентябре 1949 г. КНР в декабре Мао Цзэдун во главе китайской делегации прибыл в Москву. Как уже отмечалось, в результате подписания договора между двумя странами СССР потерял многое из того, что закрепил за собой по договору 1945г. Маньчжурская железная дорога и Порт-Артур не позднее 1952 г. переходили в собственность Китая, вопрос о Дайрене (Дальнем) должен был быть обсужден после заключения мирного договора с Японией, но уже сейчас управление переходило в руки китайцев. (А. Улам объясняет этот срок – 1952 г. – опасениями, что с коммунистическим Китаем еще что-нибудь может случиться – поэтому не следовало торопиться с передачей дорог и порта). Сталинской России было трудно расставаться с чем-либо приобретенным, тем более с тем, что принадлежало еще царской России, и после поражения Японии, казалось, будет принадлежать ей еще десятилетия, - писал Улам [2, стр. 502].

В то же время, комментируя предоставленный КНР кредит в 300 млн. долл. в течение 5 лет под 1%, А. Улам отмечал, что даже европейские «сателлиты» получили (во всяком случае, на бумаге) большие кредиты, чем предоставленные теперь наиболее многонаселенной стране мира.

Таким образом, в вопросе мотиваций советской внешней политики в Китае, Улам приходит к выводу, что СССР не стремился к установлению коммунистического режима в этой стране и напрямую не способствовал его установлению, так как это не в полной мере соответствовало его интересам.

Тему войны в Корее в работах А. Улама можно подразделить на три основных пункта: во-первых, это вопрос мотиваций советской стороны и причины корейской войны; во-вторых, взаимоотношения сторон в ходе войны и, наконец, политические и военные последствия корейского конфликта.

Улам полагал, что целью Сталина было изменить всю ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно в отношении Японии; Сталин, по мнению Улама, рассчитывал, что при благоприятном стечении обстоятельств Япония также может стать коммунистической и тогда, проводя политику баланса сил между коммунистическим Китаем и коммунистической Японией, СССР сможет обладать абсолютной гегемонией на Дальнем Востоке. В том же случае, если США увеличат свое присутствие в регионе, то неминуемо возрастет зависимость китайских коммунистов от СССР. В этом взгляды Улама в основном совпадают с мнениями американских историков, исследовавших этот вопрос.

По версии А. Улама вторжение Северной Кореи в Южную, по всей видимости, произошло по советской инициативе, поскольку, как он утверждал, невозможно представить, чтобы северокорейцы самостоятельно решились на подобные действия; также сомнительно, что такого развития событий желали китайцы, которые в это время были, прежде всего, озабочены подготовкой вторжения на Формозу (Тайвань), куда бежали остатки армии Гоминьдана во главе с Чан Кайши. Улам также полагал, что не последнюю роль в расчетах

Сталина сыграла кажущаяся простота операции и малая вероятность вмешательства США, которая логически проистекала из того факта, что уж поскольку американцы не оказали практически никакой помощи Чан Кайши, когда речь шла о переходе под контроль коммунистов страны с населением в сотни миллионов человек, маловероятно, чтобы они поступили иначе в данном случае; тем более велика ли разница между переправой китайских коммунистов через Янцзы и захватом Южного Китая и пересечением северокорейскими коммунистами 38-й параллели и захватом Южной Кореи – и то и другое можно было квалифицировать как гражданскую войну, являющуюся суверенным делом этих стран.

По мнению А. Улама, одной из важнейших составляющих международных отношений в период войны в Корее были взаимоотношения СССР и Китая. Он останавливается на этом вопросе гораздо более подробно, чем большинство других американских историков. А. Улам полагал, что версия о существовании предварительных секретных договоренностей между Сталиным и Мао-Дзе-Дуном малоубедительна; в этом случае, учитывая развитие событий, было бы логично, если бы Китай предоставил военную помощь Северной Корее уже в июле 1950 г., тем более что это помогло бы ликвидировать американскую блокаду Формозы (Тайваня).

А. Улам отмечал крайнее нежелание СССР принимать участие в военных действиях на всех этапах корейского конфликта. Огромная мощь СССР должна была оставаться в резерве и сдерживать «империалистов» против развертывания полномасштабной войны против КНР.

Таким образом, рассматривая цели политики СССР в Корее, Улам в основном сходил в оценках с многими другими американскими историками, полагая, что целью было изменить всю ситуацию в Азиатско – Тихоокеанском регионе, особенно в отношении Японии. Существовал, по мнению Улама, расчет, что при благоприятном стечении обстоятельств Япония также может стать коммунистической и тогда, проводя политику баланса сил между коммунистическим Китаем и коммунистической Японией, СССР сможет обладать абсолютной гегемонией на Дальнем Востоке.

Говоря о результатах корейской войны для СССР, А. Улам придерживался значительно более сдержанной точки зрения на успехи СССР, чем другие исследователи.

Он полагал, что война не принесла Советскому Союзу никаких политических дивидендов, и в то же время негативным для него образом повлияла на советско-китайские отношения: КНР вступила в войну сателлитом, а вышла из нее партнером; общий характер отношений также изменился – от доминирования СССР к взаимозависимости.

В то же время Япония была окончательно потеряна для СССР; в результате сепаратного договора в Сан-Франциско она стала союзником США, и Улам, исходя из своей логики, называл это крупным поражением советской дипломатии.

Список литературы:

1. Ulam A. The Rivals: America and Russia since World War II. NY, 1971. 405 p.
2. Ulam A. Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917–73. NY, 1973. 797 p.
3. Ulam A. Stalin: The Man and His Era. NY, 1973. 760 p.
4. Ulam A. A History of Soviet Russia. NY, 1976. 320 p.
5. Ulam A. The Communists: The Story of Power and Lost Illusions, 1948-1991. NY, 1992. 528 p.
6. Ulam A. Understanding the Cold War: A Historian's Personal Reflections. New Brunswick, 2002. 410 p.

Сафаров Алишер

ассистент

Южный федеральный университет

SPIN-код: 5515-7992

Safarov Alisher

Southern Federal University

КОНГРЕСС США И ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СТРАНЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2001–2002 ГГ.

Аннотация: Статья посвящена анализу активности Конгресса по вопросам обсуждения гуманитарных аспектов внешней политики США на Корейском полуострове. Хронологические рамки исследования включает период работы Конгресса 107 созыва (2001–2002 гг.). Ключевыми источниками являются резолюции Конгресса. В работе выделены основные темы гуманитарных аспектов внешней политики США на Корейском полуострове в 2001-2002 гг.: воссоединения семей представителей корейской диаспоры в США и жителей Северной Кореи, иммиграции корейцев, а также статуса северокорейских беженцев. Активность законодательного органа представлена как комплексный процесс реагирования как на внутривнутриполитический запрос, так и внешнеполитический контекст.

Ключевые слова: Конгресс США, Республика Корея, Корейская Народная Демократическая Республика, внешняя политика, гуманитарные вопросы.

THE U.S. CONGRESS AND THE HUMANITARIAN ASPECTS OF THE COUNTRY'S FOREIGN POLICY STRATEGY ON THE KOREAN PENINSULA IN 2001-2002.

Summary: The article analyzes the activity of the Congress in discussing the humanitarian aspects of U.S. foreign policy on the Korean Peninsula. The chronological framework of the study includes the period of the Congress of the 107th convocation (2001-2002). The key sources are the resolutions of the Congress. The paper highlights the main topics of the humanitarian aspects of US foreign policy on the Korean Peninsula in 2001-2002: family reunification of representatives of the Korean diaspora in the United States and residents of North Korea, immigration of Koreans, as well as the status of North Korean refugees. The activity of the legislative body is presented as a complex process of responding to both the domestic political demand and the foreign policy context.

Keywords: United States Congress, Republic of Korea, Democratic People's Republic of Korea, foreign policy, humanitarian issues.

Изучение гуманитарной составляющей внешней политики представляет важность в контексте осмысления «мягкой силы» страны [1, с. 118], особенностей исторической памяти [3, с. 404], публичной [6, с. 5] и молодежной дипломатии [2, с. 50], соблюдения прав человека [4, с. 64], урегулирования конфликтов [7] и др. В исследовательской практике вопросы разработки стратегии США на Корейском полуострове в период работы Конгресса США 107 созыва остаются мало изучены. Анализ активности законодательного органа в данном направлении позволяет рассматривать, как внутривластные интересы и внешнеполитический контекст оказывают воздействие на принимаемые решения [5, с. 68]. В качестве источников исследования выбраны резолюции Конгресса США, стенограммы обсуждений тем гуманитарного характера в Сенате и Палате представителей. В результате анализа были получены следующие выводы:

Гуманитарные аспекты внешней политики США в резолюциях Конгресса относительно стран Корейского полуострова охватывало несколько вопросов:

Воссоединение семей корейцев в США с семьями в странах Корейского полуострова. Большое значение в данном вопросе имела проведенная в 2000 г. встреча политических лидеров Республики Корея и Корейской Народной Демократической Республики (КНДР). По результатам встречи была принята Совместная декларация Юга и Севера, в которой отмечалось стремление к развитию гуманитарных связей и воссоединению корейского народа [14]. Она не только придавала импульс воссоединению семей на Корейском полуострове, но и мотивировала представителей корейской диаспоры в разных странах обратить внимание на подобные вопросы. Одним из государств, на территории которого проживало значительное число корейцев в начале XXI века, были США. Как итог, в Палате представителей Конгресса на обсуждение в марте 2001 года выносятся Резолюция № 77, в которой отмечается, что «миллионы корейцев оказались разлучены со своими семьями, что стало ударом для каждой матери, отца, дочери и сына», а также, что «500 000 американцев корейского происхождения страдают от разлуки со своими семьями в Северной Корее» [8]. Основным инициатором резолюции указан демократ Ксавьер Бесерра [12]. Примечательно, что и он, и многие другие авторы/соавторы резолюции представляют штат Калифорния, который является одним из лидеров по численности корейцев в США. Тем не менее, стоит признать, что в числе авторов резолюции были не только демократы, но и республиканцы. Это позволяет говорить о том, что вопросы гуманитарной политики не были столь сильно поляризованы, как, например, обсуждение безопасности. В данном контексте документ служил, скорее, поддержкой курса «Политики солнечного тепла», проводимого Ким Дэ Чжуном и развитию каналов обсуждения по гуманитарному направлению, делая внешнеполитическую стратегию более обширной. Однако явное указание на то, что КНДР была причастна к развязыванию Корейской войны, пусть и отражало исторические данные и резонировало с общественным мнением американцев, могло быть негативно

воспринято северокаорейским руководством. Палата представителей приняла резолюцию в ноябре 2001 г. и была направлена в комитет Сената. Отметим, что к этому моменту администрация президента уже сделала ряд шагов, сильно обостривших отношения с Северной Кореей. Между странами возник ряд противоречий в сфере безопасности, что могло сформировать впечатление о том, что окончательное одобрение резолюции в Сенате будет маловероятным. Тем не менее, члены Совета инициировали самостоятельное принятие документа с текстом, практически аналогичным тому, который был принят Палатой представителей, и одобрили документ в весьма сжатые сроки. Это позволяет говорить о том, что проект не вызывал негативной реакции у Конгресса в целом, о двухпартийном консенсусе. Однако, получив импульс из внешнеполитической среды, заручившись активностью каорейской диаспоры и членов Палаты представителей и Сената внутри США, резолюция не смогла оказать существенного воздействия на отношения между странами и привести к открытию нового канала коммуникации из-за измененного внешнеполитического фона к моменту обсуждения резолюции в декабре 2001 г. С другой стороны, представляется маловероятным одобрение северокаорейского режима развития данного проекта, поскольку он являлся весьма символическим в то время, как в период кризиса от США ожидалось, скорее, более значимые и юридически обязывающие американское правительство внешнеполитические решения.

Празднование 100-летия каорейской иммиграции. Рост внимания Конгресса США к теме каорейской иммиграции в страну мог быть продиктован как внутри-, так и внешнеполитическими причинами. В силу объективных факторов в 2003 году исполнялось 100 лет со дня начала каорейской иммиграции, в связи с чем активизация законодательных проектов Конгресса США представляется закономерной. Кроме этого, кампания соответствовала стремлению президентской администрации Дж. Буша-мл. и консерваторов Конгресса к консолидации альянса на фоне неопределенности развития отношений с Северной Кореей. В данном контексте акцент на каорейской общине, преимущественно из Южной Кореи, мог служить фактором сплочения США и Республики Корея. В первых резолюциях акцент был сделан на том, что американцев и каорейцев объединяла цель достижения свободы и независимости колонизированной родины. Кроме этого, отмечалось, что КНДР развязала путем «вторжения» [15] Каорейскую войну, а США и Республика Корея защищали мир от распространения коммунизма. Описание завершалось экономическим вкладом каорейцев в экономику США. Для закрепления сюжетов исторической памяти были использованы особые символы: Конгресс предложил чеканку монет в честь 100-летия иммиграции, таким образом придавая материальное воплощение ценности взаимодействия сторон [10].

Еще одной значимой темой стало **обсуждение проблемы северокаорейских беженцев**. В июне 2002 года была опубликована Резолюция № 213, которая выражала отчетливую критику политического руководства

КНДР. В разработке документа приняли участие представители обеих партий, что говорит о двухпартийном консенсусе. Наряду с попыткой обращения к Северной Корее, члены Конгресса адресовали резолюцию и к Китаю, которого оценивали как нарушителя международных стандартов, обвиняли в оказании поддержки оцениваемому негативно режиму КНДР. Во многом резолюция не оказала влияния на внешнюю политику как Китая, так и Северной Кореи, однако оказалась важной частью развития дискурса осуждения КНДР через призму соблюдения прав граждан и роли беженцев [9]. В том же месяце Сенат принял аналогичный документ [13]. Это снова выражает консолидированную позицию Конгресса по обозначенной теме. К концу 2002 г. был предложен законопроект по одобрению возможности подачи гражданами КНДР заявлений в США на получение статуса беженца и просьбы о предоставлении политического убежища без оглядки на Сеул [11].

Таким образом, гуманитарные аспекты внешнеполитической стратегии США при активном участии членов Конгресса 107 созыва имели разную степень влияния на внешнеполитическую среду, однако свидетельствуют о том, что вопросы соблюдения прав человека, беженцев, иммиграции, воссоединения семей играли важную роль в деятельности законодательного органа страны. Она была связана с реакцией на запрос корейской диаспоры и анализа внешнеполитического контекста. Гуманитарная повестка может выступать инструментом «мягкой силы» и средством выражения двухпартийного консенсуса, выражая позицию и настроения как членов Палаты представителей, так и Сената в то время, как многие вопросы в сфере безопасности, напротив, нередко демонстрировали противоположные точки зрения.

Список литературы:

1. Белоус Ю. А., Кулиева Н. С. К., Хасанов К. А. У. Особенности гуманитарного аспекта внешней политики современной Турции // Россия и современный мир. – 2023. – №. 1 (118). – С. 115-136.
2. Болтенко А. Д. Молодежная дипломатия и новые вызовы времени // Москва. – 2024. – Т. 10. – С. 49-56.
3. Козловский А. Ю. Гуманитарная составляющая современной внешней политики Венгрии // Донецкие чтения 2024. – С. 404.
4. Новиков Д. П., Андреев К. М. Между ценностями и интересами: гуманитарная политика администрации Трампа на примере программ защиты прав женщин // Россия и современный мир. – 2023. – №. 1 (118). – С. 63-77.
5. Новиков Д. П., Лолаев А. И. " Диктат парламента"? О внешнеполитической роли Конгресса США при администрации Д. Трампа // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – №. 1 (117). – С. 67-89.
6. Сутырин В. В. Гуманитарное влияние во внешней политике: ресурсы, каналы, инфраструктуры // Общественные науки и современность. – 2020. – №. 5. – С. 5-20.

- 7.Филаретова Ю. С. Многосторонняя гуманитарная дипломатия в урегулировании конфликта в Сирии (2011–2024): диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 5.6. 7 : дис. – б. и., 2025.
- 8.H.Con.Res. 77 (107th): Expressing the sense of the Congress regarding the efforts of people of the United States of Korean ancestry to reunite with their family members in North Korea. - URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/107/hconres77/text/eh> (дата обращения: 21.02.2026).
- 9.H.Con.Res.213 — 107th Congress (2001-2002). - URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-concurrent-resolution/213/text?s=2&r=46&q=%7B%22search%22%3A%22Korea%22%7D> (дата обращения: 21.02.2026).
- 10.H.R.5476 — 107th Congress (2001-2002). - URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/5476/text?s=2&r=64&q=%7B%22search%22%3A%22Korea%22%7D> (дата обращения: 21.02.2026).
- 11.H.R.5649 — 107th Congress (2001-2002). - URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/5649/text?s=2&r=69&q=%7B%22search%22%3A%22Korea%22%7D> (дата обращения: 21.02.2026).
- 12.Rep. Xavier Becerra. - URL: https://www.govtrack.us/congress/members/xavier_becerra/400021 (дата обращения: 21.02.2026).
- 13.S.Con.Res.114 — 107th Congress (2001-2002). - URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/senate-concurrent-resolution/114/text?s=2&r=49&q=%7B%22search%22%3A%22Korea%22%7D> (дата обращения: 21.02.2026).
- 14.South-North Joint Declaration. - URL: <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/kp20kr000615southnorth20joint20declaration.pdf> (дата обращения: 21.02.2026).
- 15.S.Res.185 — 107th Congress (2001-2002). - URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/senate-resolution/185/text?s=2&r=51&q=%7B%22search%22%3A%22Korea%22%7D> (дата обращения: 21.02.2026).

Синько Галина Иосифовна

кандидат философских наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

SPIN-код: 3261-7304

Galina Sinko

Pushkin Leningrad State University

ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: В статье рассматривается многовековая проблема для российского государства – веротерпимость в полиэтническом и многоконфессиональном обществе. На рубеже XIX-XX веков в Российской империи обостряется борьба за политические и гражданские права (свобода совести, слова, союзов, собраний), которые представлялись как неотъемлемая составная часть правового государства. В законодательном оформлении гражданских свобод Россия отставала от европейских стран, что увеличивало социальную напряженность, радикализацию общественных настроений и стало одним из фактором революционных событий 1905-1907 гг. В результате стремительной политической и социальной динамики, в России возникают предпосылки демократизации общества. Принятый в 1905 г. Указ о веротерпимости позволил миллионам верующих в империи открыто исповедовать свою религию и исполнять необходимые обряды. Принятие и реализация закона имели широкий общественный резонанс и стали важным этапом конфессиональной государственной политики.

Ключевые слова: веротерпимость, государственная религия, религиозная дискриминация, конфессиональная политика.

PROBLEMS OF RELIGIOUS TOLERANCE IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE LATE 19TH - BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Summary: This article examines a centuries-old problem for the Russian state: religious tolerance in a multi-ethnic and multi-confessional society. At the turn of the 19th and 20th centuries, the struggle for political and civil rights (freedom of conscience, speech, association, and assembly), which were presented as an integral part of the rule of law, intensified in the Russian Empire. Russia lagged behind European countries in the legislative formulation of civil liberties, which increased social tensions and radicalized public sentiment, and became a factor in the revolutionary events of 1905-1907. As a result of rapid political and social dynamics, the preconditions for the democratization of society emerged in Russia. The Decree on Religious Tolerance, adopted in 1905, allowed millions of believers in the empire to openly profess their religion and perform necessary rituals. The adoption and

implementation of the law had a wide public resonance and became an important stage in religious state policy.

Keywords: religious tolerance, state religion, religious discrimination, confessional policy.

На рубеже XIX и XX веков Российская империя, казавшаяся монолитной в своем православном единстве, на самом деле представляла собой сложный конгломерат народов и религий. Это было время, когда идеи свободы совести и равенства всех перед законом начали проникать в общественное сознание, но сталкивались с жестким сопротивлением устоявшихся традиций, государственной политики и глубоко укоренившихся предрассудков. Период конца XIX – начала XX века стал особенно показательным в плане проявления и обострения проблем веротерпимости в России.

Политика в сфере религии утвердилась в вековой традиции признания православия опорой монархии и симфонии власти церкви и государства.

Официальная идеология Российской империи строилась на триаде «Православие, Самодержавие, Народность», которая подчеркивала связь основной конфессии с монархической властью и населением страны. Православие занимало особое, привилегированное положение в обществе. Русская Православная Церковь была тесно связана с государством, ее влияние на общественную жизнь было огромным.

Статус государственной давал возможность православной церкви пользоваться широкими правами и привилегиями. Для ее служителей существовали особые льготы, строительство храмов и монастырей поддерживалось государством, а православное вероисповедание считалось нормой, как и обязательное изучение основ православия в школах.

Другие конфессии, хотя и признавались легальными, находились в заведомо неравном положении. Для них в государстве действовали различные запреты и ограничения. Существовал запрет на миссионерскую деятельность, особенно это касалось попыток обращения православных в другую веру. Ограничения распространялись на строительство храмов: возведение новых костелов, мечетей, синагог или буддийских храмов часто было затруднено из-за бюрократических препятствий. Религиозный фактор влиял на сословные и правовые различия: определенные профессии, государственные должности могли быть недоступны представителям определенных конфессий. Существовали особенности прохождения воинской службы для представителей разных вероисповеданий.

В национальных окраинах империи (Прибалтика, Польша, Кавказ, Средняя Азия) часто применялись политические меры по русификации, которая сопровождалась давлением на местные религии и попытками перевести их население в православие.

Конфессиональная карта имперской России была многообразной. Хотя, подавляющее большинство населения было православным, Россия была домом

для большого количества религиозных течений. В западных губерниях на территории Польши, Литвы, Белоруссии особенно силен был католицизм. Протестантизм был представлен, в основном, лютеранством (в Прибалтике), реформатством, меннонитством. Значительное еврейское население, особенно в «черте оседлости» исповедовало иудаизм. Мусульмане составляли большую часть населения в Поволжье, на Кавказе, в Средней Азии, Крыму. В Бурятии, Калмыкии, Туве многочисленными были буддистские общины. В Сибири и на Дальнем Востоке распространились различные старообрядческие течения и языческие верования коренных народов этого региона. Это многообразие, при наличии, доминирующей конфессии, создавало естественную почву для трений и конфликтов.

Обострение проблем, связанных с веротерпимостью, в конце XIX – начале XX века было обусловлено целым рядом причин. Рост национального самосознания народов, населявших империю, которые начинали все активнее заявлять о своих правах, в том числе и на свободное исповедание своей веры. Национальные движения часто оказывались тесно связаны с религиозной идентичностью.

В среде русской интеллигенции, под влиянием европейских идей свободомыслия и вольнодумства, развивалось движение за свободу совести. Появлялись работы, критикующие церковную монополию и выступающие за равенство всех религий.

В западных губерниях отношения между органами государственной власти, поддерживающими православие, и католическим населением (например, поляками или литовцами) были напряженными. Социальные, хозяйственные и политические конфликты (земельные споры, школьные проблемы, гражданские свободы) зачастую принимали характер этнических и религиозных. Для католиков в стремлении обретения прав, церковь была не только религиозным институтом, но и центром национальной консолидации в борьбе за свободу и независимость от России [5].

Еврейское население, проживавшее в черте оседлости, подвергалось разным видам дискриминации. Кроме черты оседлости, действовала процентная норма для поступления в учебные заведения, существовали ограничения на владение землей, запрещалось иметь определенные профессии. [1] Органы власти потворствовали антисемитским настроениям в обществе, часто закрывали глаза на погромы, а иногда и сами их провоцировали.

В регионах с мусульманским населением политика государства была неоднозначной. С одной стороны, сохранялись мусульманские правовые традиции (шариат), с другой – проводилась русификация и христианизация. Это порождало недовольство мусульманской элиты.

Особое положение в российском религиозном мире занимали старообрядцы. Несмотря на долгую историю преследований, старообрядцы сохраняли свою веру и общины. Их отношения с официальной церковью и

государством оставались сложными, хотя в конце XIX века начался процесс некоторой либерализации.

Помимо традиционных религий на рубеже веков в России наблюдался всплеск интереса к различным «сектантским» учениям (духоборы, молокане, хлысты, скопцы), что вызывало опасения у церковных и светских властей. Эти группы часто подвергались гонениям, их последователей ссылали, а их детей пытались насильственно крестить.

Накануне революции 1905 года, а затем и в период думских обсуждений, остро встал вопрос о реальном законодательном закреплении свободы совести. Указ Об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. стал результатом легальной борьбы за политические и гражданские свободы, которая велась в прессе, органах государственной власти, общественных и церковных дискуссиях.

Данный закон на территории Российской империи давал всем конфессиям свободу вероисповедания, а верующим переходить в другие религии. С момента издания указа прекращались любые гонения за веру, каждый человек свободно мог исповедовать ту религию, которой он отдавал предпочтение. По новому закону разрешалось создавать конфессиональные братства, строить молитвенные дома, издавать религиозную литературу. Конфессиональные объединения получили право юридической регистрации. Упразднялись монастырские тюрьмы, что позволило оказаться на свободе людям, которые подверглись изоляции за свою веру. Указ освобождал духовенство христианских неправославных конфессий от воинской повинности. Правительственные чиновники получили право официально менять религию. Представители других вероисповеданий, которые были насильно крещены, могли отказаться от православия без каких-либо отрицательных последствий для себя. [4]

Несмотря на то, что принятие закона несомненно являлось важным прогрессивным событием в борьбе за гражданские права, в обществе развернулась острая полемика о значении указа, о его достоинствах и недостатках. Общественные дискуссии, вылившиеся на страницы российской прессы, показывали глубокую поляризацию мнений различных социальных групп по поводу свободы вероисповеданий.

Консервативные силы в обществе критиковали указ за сокращение привилегий православной церкви. В ежедневной политической, общественной и церковной газете «Колокол», выходившей в Петербурге, 1 января 1906 г. писалось: «В основу этого величайшего церковно-государственного акта положен и строго проведен принцип господства и преимущества христианской веры пред нехристианскими религиями, причем все христианские исповедания и вероучения (секты) уравнены в правах между собой и в частности с православием, которое, таким образом, утратило в государстве свое прежнее особое положение господствующей Церкви» [3]

Издания, которые выражали лояльную позицию к власти, положительно оценивали принятия данного закона. «Петербургская газета» от 19 апреля 1905 г.: «Свобода совести и веротерпимость стали отныне и для России главным фундаментом всего нравственного ее обновления. Исчезло то, что вчера еще давило и угнетало миллионы русского населения, а сегодня кажется уже каким-то ужасным кошмаром, в недавнюю еще «реальность» которого даже трудно верится» [6].

Либеральная пресса обвиняла закон в половинчатости решений и отсутствии решимости провозглашения свободы совести. В газете «Русь» от 22 апреля (5-го мая) 1905 г. было опубликовано следующее мнение: «Неужели справедливое для христиан все еще не может стать справедливостью для нехристиан? Неужели еще долго будет держаться в нашей государственной политике это фарисейское правило о двух мерах и двух весах для наших и для ваших? Неужели нельзя, наконец, оставить это старое правило вливать во всякое доброе дело каплю будто бы спасительного яда, ничего не доделывать до конца и оставлять место для чьего-либо недовольства? По-видимому, при самых благих намерениях бюрократия не имеет мужества вступить решительно на новый путь» [2].

Следует признать, что указ стал итогом последовательной политики власти, которая на законодательном уровне делала шаг в сторону светского государства, преодолевающего дискриминацию по религиозному признаку. Тем не менее, на практике многое осталось по-прежнему. Православная церковь сохраняла свой привилегированный статус. Сопротивление чиновников, укоренившиеся предрассудки населения, а также консервативные силы в самой церкви и правительстве препятствовали полному воплощению принципов веротерпимости. Реформы часто носили половинчатый характер.

Во многих губерниях государства закон практически не действовал. Указ был фактически проигнорирован, например, в Сибири, где в начале XX в. шел процесс формирования неправославных обществ. Переселявшиеся в Томскую губернию бывшие немцы-колонисты из Поволжья и Новороссии, годами не могли получить официальное разрешение на строительство костела или кирхи, не говоря уже о сектантском молитвенном доме (например, для меннонитов) [7, с. 303–304].

Многие, утвержденные указом нормы, не удалось реализовать из-за начала Первой мировой войны и последующих революционных событий в России.

Проблемы веротерпимости в Российском государстве конца XIX – начала XX века были многогранны и тесно переплетены с вопросами национального самоопределения, политическими свободами и социальными противоречиями. Государственная политика, основанная на доминировании православия, создавала условия для дискриминации других религий. Несмотря на постепенное осознание необходимости свободы совести и попытки реформ, реальное равенство всех конфессий оставалось недостижимой мечтой. Эти

неразрешенные проблемы стали одним из факторов, способствовавших обострению социальной напряженности, которая в конечном итоге привела к революционным событиям 1917 г. и краху Российской империи.

Список литературы:

1. Земцова, И. В. Отношение русской интеллигенции к еврейской интеграции в русскую культуру (2-я половина XIX - начало XX вв.) / И. В. Земцова // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 2(23). – С. 57-62.
2. На пути к веротерпимости // Русь. 22 апреля (5-го мая) 1905 г. №104.
3. Новый год и новая жизнь // Колокол. 1 января 1906 г. № 2.
4. Синько, Г. И. Государственная политика по преодолению межконфессиональной розни в Российской империи в начале XX в. (Указ Об укреплении начал веротерпимости 1905 г.) / Г. И. Синько // Этнические меньшинства в истории России : Материалы Второй международной научной конференции, Санкт-Петербург, 05–06 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. – С. 69-77.
5. Синько Г.И., Шайдуров В.Н. Государственная политика по отношению к участникам Польского восстания 1863–1864 гг.: новгородская ссылка католического епископа Викентия Феофила Попеля // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2021. – № 16(1). – С. 262–269.
6. 17 апреля // Петербургская газета. 19 апреля 1905г. № 98.
7. Shaidurov V. The german catholic community of Marienburg from the end of the 19th till the beginning of the 20th century: some aspects of the local history // Rusin. 2018. Vol. 52. Is. 2. pp. 288–308.

Скляр Лидия Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Московский технический университет связи и информатики

SPIN-код: 4472-8292

Lydia Sklyar

Moscow Technical University of Communications and Informatics

СОВЕТСКИЙ ТЫЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Аннотация: Данная статья посвящена развитию советского тыла в годы войны. Рассматривается проблематика изучения в период с 1965-1973 гг. Подробно анализируется историография в данный период истории. Описывается деятельность советского тыла и его различных регионов, организаторская и идеологическая работа в тылу, трудовой подвиг народов СССР, история рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции военных лет. На основе богатейших архивных источников, достижениях отечественной историографии и мемуарной литературе, глубоко раскрыты важнейшие события Великой Отечественной войны, показан массовый героизм советского народа на фронте и в тылу, его решающий вклад в разгром фашизма. В заключении характеризуется дальнейшее всестороннее освещение героических дел советского тыла в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: советский тыл, война, историография, издательства, публикации.

THE SOVIET HOME FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (HISTORIOGRAPHICAL REVIEW)

Summary: This article is devoted to the development of the Soviet rear during the war years. It examines the issues of study during the period from 1965 to 1973. The article provides a detailed analysis of the historiography during this period. It describes the activities of the Soviet rear and its various regions, the organizational and ideological work in the rear, the labor feat of the peoples of the USSR, and the history of the working class, collective farmers, and Soviet intelligentsia during the war years. Based on the richest archival sources, the achievements of Russian historiography, and memoir literature, the book provides a deep analysis of the most important events of the Great Patriotic War, highlighting the mass heroism of the Soviet people at the front and in the rear, and their decisive contribution to the defeat of fascism. The book concludes with a comprehensive review of the heroic deeds of the Soviet people in the rear during the Great Patriotic War.

Keywords: soviet rear, war, historiography, publishing houses, and publications.

За послевоенные годы советскими историками была проработана обширная литература, которая раскрыла причины, характер и важнейшие события Великой Отечественной войны. Во многих публикациях освещался ход боевых действий, массовый героизм советских людей на фронте и в тылу. Историография Великой Отечественной войны прошла ряд этапов, и её развитие в течение первых двух десятилетий со времени разгрома фашистской Германии и империалистической Японии нашло отражение в ряде историографических обзоров.

Особого внимания представляет анализ литературы о Великой Отечественной и второй мировой войнах, помещенный в заключительном томе шеститомного издания «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945», в которой впервые была предпринята попытка представить в обобщенном виде отечественную и зарубежную историографию этой проблемы во всех ее аспектах.

Большая часть исторической литературы о Великой Отечественной войне отражает деятельность советского тыла и его различных регионов, организаторскую и идеологическую работу партии в тылу, трудовой подвиг народов СССР, историю рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции военных лет. Историографическому обзору этих публикаций, появившихся за те же первые два десятилетия после окончания войны, посвящено несколько журнальных статей и глав в сборниках.

За 1965-1973 гг., по данным Института истории СССР АН СССР, по этой проблеме в стране было издано более 1500 научных трудов, документальных сборников и исследовательских статей. Вместе с тем приходится с сожалением констатировать, что до сих пор в историографии отсутствуют обобщающие монографические исследования о советские тыле 1941-1945 гг., кроме нескольких книг по отдельным регионам, о чем речь будет идти ниже.

Из общих и наиболее крупных изданий, появившихся в течение интересующего нас периода и где в той или иной мере рассмотрены и вопросы работы советского тыла в военных лет, следует назвать заключительный том шеститомного труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945», подготовленного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; написанный на базе этого издания однотомник «Великая Отечественная война Советского союза 1941-1945»; первую книгу пятого тома многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», научно-популярный очерк «Великая Отечественная война», созданный авторским коллективом Института военной истории МО СССР, и, наконец, выпущенный Институтом истории СССР АН СССР X том («СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.） двенадцати томного издания «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».

Во многих трудах, основанных на богатейших архивных источниках, достижениях отечественной историографии и мемуарной литературе, были глубоко раскрыты важнейшие события Отечественной войны, показан

массовый героизм советского народа на фронте и в тылу, его решающий вклад в разгром фашизма.

Среди названных трудов следует особо выделить первую книгу пятого тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза» и X том «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Новая книга по истории КПСС опирается на достижения исторической науки, на богатую источниковедческую базу. В этом труде глубоко и разносторонне освещены многие вопросы деятельности центральных партийных органов, фронтовых и территориальных партийных организаций. Здесь в соответствующих разделах и главах впервые наиболее полно показана организаторская роль партии в превращении страны в единый боевой лагерь, в становлении и укреплении советской военной экономики. При этом обстоятельно отражено развитие самой партии, раскрыты методы ее военно-организаторской, хозяйственной, идеологической и внешнеполитической деятельности в военных условиях. Ценнейшими данными обогатилась наука о численности и социальном составе КПСС накануне войны, о перераспределении сил коммунистов в новой обстановке, о росте партийных рядов и т. д. Большое внимание уделено также изменениям в содержании воспитательной работы среди тружеников тыла.

Обстоятельностью исследования выделяются монографии Г. А. Докучаева и М. К. Козыбаева, посвященные двум крупным регионам советского тыла в годы войны. В книге Г. А. Докучаева впервые в отечественной историографии весьма подробно проанализированы состояние и особенности развития в военное время огромного многоотраслевого хозяйства Сибири и районов Дальнего Востока, показано решение проблемы кадров, различные формы трудовой и политической активности местного населения, его самоотверженные усилия по обеспечению нужд фронта. К сожалению, в монографии Г. А. Докучаева осталась нераскрытой деятельность ученых, работников просвещения, литературы и искусства Сибири в дни войны. [1, с. 15].

В своем труде «Казахстан-арсенал фронта» М. К. Козыбаев более комплексно представил роль и место в системе военного производства страны другой важной составной части нашего тыла-Казахской ССР. В его книге, насыщенной богатым архивным материалом, глубоко освещены вопросы деятельности Компартии Казахстана по мобилизации усилий, трудящихся республики в помощь Красной Армии, рассмотрены важнейшие направления и результаты ее военно-экономической политики, целиком подчиненной задаче превращения Казахской ССР в могучий арсенал фронта. [2, с. 301].

Отметим также, что за время, прошедшее после 20-летия победы над фашистской Германией, появилось и несколько новых научно-популярных публикаций общего характера о советском тыле 1941-1945 гг. Однако все эти и отмеченные выше издания, разумеется, не могут восполнить отсутствия в отечественной историографии сводных, обобщающих исследований о деятельности советского тыла в период Великой Отечественной войны. Задача

создания таких трудов продолжает оставаться у историков минувшей войны в числе центральных и первоочередных. Наиболее интенсивно и плодотворно изучались в течение рассматриваемого периода важные вопросы состояния и развития экономики страны в 1941- 1945 гг.

В 1965 г. была издана книга экономиста Я. Е. Чадаева («Экономика СССР в период Великой Отечественной войны»), работавшего во время Великой Отечественной войны управляющим делами Совнаркома СССР. Обобщая опубликованные материалы и основываясь на собственном богатом опыте, автор осветил основные этапы развития военной экономики, ее особенности, показал состояние и развитие решающих отраслей народного хозяйства и попытался проанализировать действие экономических законов социализма в условиях войны. К сожалению, источниковедческая база книги не отличается широтой. В печати обращалось внимание и на некоторые другие слабые стороны данного труда. [3, с. 410].

В работе экономиста Г. С. Кравченко («Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны»), которая вышла в 1970 г., обстоятельно проанализирован большой фактический материал, а также приведены сводки по экономике. Автором было написано введение, содержащее теоретические и методологические положения, расширены сведения о военном производстве, динамике производства химической, судостроительной, легкой и пищевой промышленности. По сравнению с первым выпуском здесь глубже дан анализ товарооборота во время войны, а также уточнены сравнительные данные по военной экономике СССР и Германии. Г. С. Кравченко показал сложные пути роста военного производства страны, и особенно отраслей тяжелой индустрии, составляющих военно-экономическую базу хозяйства страны. Наиболее полно в его труде освещены вопросы промышленного производства СССР, меньше внимания уделено состоянию сельского хозяйства, транспорта, различным формам творческой деятельности тружеников тыла. В книге, на наш взгляд, следовало бы полнее представить развитие экономики союзных и автономных республик и их вклад в победу, расширить сопоставимые качественные характеристики советского и германского вооружения. Кроме того, некоторые положения автора представляются дискуссионными (определение сущности военной экономики, о трех подразделениях общественного производства и ряд других вопросов). Укажем, наконец, что в монографии Г. С. Кравченко нет историографического обзора, отсутствуют многие необходимые ссылки на источники, не упоминается ряд важных исследований по теме. Несмотря на указанные недочеты, в целом эта книга явилась заметным шагом в научном освещении актуальных проблем советской военной экономики. [4, с. 289].

В течение интересующего нас периода наряду с анализом общих вопросов экономики СССР, экономического развития отдельных районов продолжалось исследование в общесоюзном и региональном плане таких важных тем, как история советской промышленности и рабочего класса в 1941-1945 гг. К появившимся в начале 60-х годов первым обобщающим изданиям

такого рода -книгам Н. П. Липатова, А. В. Митрофановой, В. А. Ежова, Г. Г. Морехиной, Г. А. Куманева, А. Ф. Ижойкина и др. К ним прибавились новые работы В. Я. Басина, Ю. А. Васильева, М. Р. Акулова, И. И. Зелкина, М. И. Лихоманова, А. В. Митрофановой, Г. А. Докучаева, А. А. Абшилав, А. Р. Дзенискевича и др.

Однако, хотя фронт специальных исследований по истории промышленности и рабочего класса за последние годы заметно расширился, обобщающих трудов создано все еще недостаточно. Основная масса новых публикаций о советской индустрии и рабочем классе военных лет- это исследовательские статьи в журналах, тематических сборниках, в «Ученых записках» и «Трудах» вузов.

Следует отметить, что сложный путь развития советской промышленности в условиях войны по существу не отражен в капитальных исследованиях. После книги Е. Л. Грановского пока не появилось специальных монографических работ на эту тему и по отдельным отраслям промышленности. Несколько больше сделано в региональном плане. Прежде всего укажем, что тематика исследований, определившаяся в предыдущие годы, заметно расширилась. Наряду с интересными научными статьями появились первые монографии, в которых комплексно освещается развитие промышленности важнейших тыловых районов, ставших прочной военно-промышленной базой фронта.

В работе Ю. А. Васильева «Сибирский арсенал», выпущенной в 1965 г., впервые освещена деятельность партийных организаций по руководству промышленностью в масштабе всей Сибири в период Великой Отечественной войны. Обобщающим изданием на эту тему явилась, и книга М. Р. Акулова, вышедшая в 1967 г. В ней на базе большого фактического материала освещается развитие тяжелой индустрии, и в первую очередь топливно-энергетической и металлургической промышленности Сибири. Слабее показано развитие машиностроения и металлообработки, легкой и пищевой промышленности. Недостаточно освещено индустриальное развитие Восточной Сибири. [5, с. 156]. В этой связи представляет интерес книга В. Я. Басина «Тяжелая промышленность Казахстана в Великой Отечественной войне», в которой содержится анализ перестройки промышленности Казахстана, усиленной за счет эвакуированных предприятий, рассказывается о создании новых отраслей промышленности, о рабочих кадрах республики и т. д. В монографии показана огромная работа партийных и советских организаций Казахстана, рабочего класса по превращению республики в один из важных арсеналов фронта. [6, с. 110].

За последние годы появилось несколько интересных публикаций о развитии угольных бассейнов восточных районов, о героическом труде шахтеров. В 1969 г. вышло в свет первое обобщающее исследование о Кузнецком угольном бассейне-книга И. И. Зелкина. Поставив перед собой цель-выявить роль и место шахтеров Кузбасса в обеспечении победы над фашистской Германией, автор привлек свежий архивный материал, широко

использовал печать Кузбасса, учел итоги исследований своих коллег. В книге достаточно убедительно показан вклад кузнецких горняков в разгром врага, при этом раскрыты трудности в развитии бассейна, проанализированы причины этих трудностей, освещены пути их преодоления. Указанную работу И. И. Зелкина удачно дополнила небольшая публикация кемеровского историка Н. П. Шуранова, посвященная борьбе партийных организаций Кузбасса за уголь в период войны. В течение 1965 -1973 гг. увеличилось число публикаций (преимущественно статей) и по другим бассейнам. [7, с. 98].

Перестройка народного хозяйства СССР и отдельных его отраслей (в том числе и промышленности) на военный лад рассматривается в общих работах по истории Отечественной войны и в ряде статей. Однако специальных монографических исследований на эту тему пока нет. Причем степень изученности и уровень освещения этого круга вопросов различны как в общесоюзном, так и в региональном аспектах. Историки и экономисты уделили больше внимания перестройке таких ведущих отраслей тяжелой индустрии, как угольная, металлургическая, машиностроительная, и меньше-перестройке военной промышленности. Почти не освещен вопрос о том, как перестраивались легкая, текстильная, пищевая, местная промышленности.

Еще в годы войны появились первые статьи по вопросам эвакуации и размещения на местах населения и предприятий. Однако более глубокое изучение этой темы началось по существу лишь в 60-х годах. Важным шагом на пути воссоздания эпопеи перебазирования явился выход в свет в 1966 г. подготовленного Институтом истории АН СССР сборника научных статей и воспоминаний «Эшелоны идут на Восток», в котором комплексно представлен основной процесс перебазирования населения, предприятий тяжелой и легкой промышленности, культурных ценностей из прифронтовой зоны. Наряду с историками здесь с интересными воспоминаниями выступили отдельные активные участники событий: нарком путей сообщения СССР И. В. Ковалев, работник аппарата Совета по эвакуации Л. И. Погребной, член первого состава Совета по эвакуации Н. Ф. Дубровин, первый секретарь Сталинградского обкома партии и председатель городского Комитета обороны А. С. Чуянов и др. Их статьи помогли внести некоторые уточнения в освещение истории перебазирования промышленных предприятий. Учитывая, что в скупых строках документов слабо отражается героизм и самоотверженность, проявленные работниками промышленности, строительства, транспорта при эвакуации и размещении производительных сил, требуется шире развернуть сбор и публикацию воспоминаний участников событий.

Слабо изучены и особенности развития промышленного производства СССР в завершающий период войны, восстановление отраслей гражданского машиностроения, развитие отраслей легкой и пищевой промышленности в 1944-1945 гг., подготовка к реконверсии промышленности. Это замечание в известной мере относится и к освещению вопросов, связанных с техническим прогрессом и творческим содружеством науки с производством, хотя и в этой

области имеется ряд интересных работ, где раскрываются новые достижения в науке и технике и показана роль ученых в совершенствовании промышленного производства.

Привлекался большой документальный материал, были показаны процессы и особенности восстановления промышленности, транспорта и других отраслей народного хозяйства. Однако основная часть публикаций о возрождении индустрии в освобожденных районах СССР-это журнальные статьи, написанные к тому же на локальные темы.

В 1965-1973 гг. появились и новые работы о подвиге строителей в годы войны. К ним прежде всего относятся уже названные тематические сборники: «Они-участники великой войны», «Строители-фронту» и книга А. Н. Комаровского. В научных статьях историков и в воспоминаниях руководителей строек, инженеров, рабочих, партийных руководителей раскрывается напряженный труд строителей при эвакуации предприятий и восстановлении их на новых местах, на сооружении оборонительных рубежей, ударных и скоростных стройках и т. д. Однако научная разработка этой важной темы ведется пока медленно.

За последние годы новыми публикациями пополнилась литература по истории транспорта, о героическом подвиге железнодорожников, речников, работников морского флота. Преимущественно это исследовательские статьи в журналах и сборниках, а также сравнительно небольшие разделы в ряде общих трудов о войне. О делах воинов железнодорожных войск, самоотверженно трудившихся в дни войны в составе подразделений Главного управления военно-восстановительных работ НКПС, рассказывается в трех коллективных книгах, изданных в 1966-1971 гг.

В 1965 г. появилось первое исследование обобщающего характера о работе речного транспорта СССР в военное время-книга историка В. Я. Нейгольдберга. К числу достоинств этой монографии следует отнести ее богатую источниковедческую базу, довольно обстоятельный анализ многих фактов и явлений в сочетании с доходчивостью изложения, а к числу недостатков-отсутствие анализа численности и состава работников речного флота. [8, с.105]. Дальнейшее всестороннее освещение героических дел советских транспортников в годы минувшей войны, показ руководящей роли партии, а также профсоюзов и комсомола во всех звеньях различных видов транспорта приобретают в настоящее время еще более актуальное научное значение.

Следует, например, создать специальные книги, посвященные многогранной деятельности КПСС по организации социалистического соревнования на железных дорогах, среди работников речного и морского транспорта, связистов, по формированию новых транспортных кадров в 1941-1945 гг. Несмотря на отсутствие в распоряжении исследователей ряда важных статистических сведений, заметные сдвиги произошли в изучении динамики различных изменений, происходивших в рядах рабочего класса во время войны.

Список литературы:

1. Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. - Новосибирск: Изд-во "Наука". Сибирское отделение, 1968. - 322 с.
2. Козыбаев М.К. Казахстан - арсенал фронта / Ин-т истории партии при ЦК КП Казахстана - филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Алма-Ата: Казахстан, 1970. — 475 с.
3. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.) — Москва: Мысль, 1965. - 494с.
4. Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг. – М: Издательство: «Экономика», 1970. - 391 с.
5. Васильев, Ю. А. Сибирский арсенал [Текст]: Деятельность парт. организаций Сибири по развитию пром-сти в период Великой Отечеств. войны 1941-1945 гг. — Свердловск: Сред. -Урал. кн. изд-во, 1965. - 384 с.
6. Басин В.Я. Тяжёлая промышленность Казахстана в Великой Отечественной войне. - Алма-Ата: «Наука», 1965. – 164с.
7. Зелкин, И. И. Кузнецкий угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. Москва: Наука, 1969. – 183с.
8. Нейгольдберг В. Я. Речной транспорт СССР в годы Великой Отечественной войны / Под ред. С. М. Румянцева. - М.: Издательство: «Транспорт», 1965. - 256 с.

Смирнова Галина Михайловна

экскурсовод 1 категории

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Smirnova Galina

The State Museum of the History of St. Petersburg

РЕКЛАМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ

Аннотация: Предлагаемая статья обращается к истории наружной рекламы. Автор сосредотачивается на эволюции живописных и шрифтовых вывесок – от краткого экскурса в их европейскую историю, к истории данных форм рекламы в России. Работа посвящена развитию наружной рекламы в Российской империи XVIII-XX вв., от петровской эпохи до начала прошлого столетия. Рассматривается процесс трансформации отечественной рекламы, происходивший в тесной связи с ходом исторического развития российской торговли и предпринимательства. На основе привлечения разнообразных источников представлена более чем двухвековая история видоизменения наружной рекламы в Российской империи.

Ключевые слова: история рекламы, наружная реклама, вывески в России, живописные вывески, художники-вывесочники, шрифтовые вывески.

ADVERTISING AS A REFLECTION OF THE ERA

Summary: This article examines the history of outdoor advertising. The author focuses on the evolution of pictorial and typographic signs, beginning with a brief overview of their European history and continuing with the history of these forms of advertising in Russia. The work explores the development of outdoor advertising in the Russian Empire from the 18th to the 20th centuries, from the era of Peter the Great to the beginning of the last century. It examines the transformation of domestic advertising, which occurred in close connection with the historical development of Russian trade and entrepreneurship. Drawing on a variety of sources, this article presents more than two centuries of the evolution of outdoor advertising in the Russian Empire.

Keywords: History of advertising, outdoor advertising, signs in Russia, painted signs, sign artists, font signs.

«Толковый словарь русского языка» под рекламой подразумевает:

- мероприятия, имеющие целью создать широкую известность чему-нибудь, привлечь потребителей к чему-нибудь.
- Распространение сведений о ком-чем-нибудь с целью создания известности, популярности.
- объявления, плакат, содержащие сведения о чем-нибудь для потребителя [20, с.1329].

В журнале «Коммерческое обозрение» за 1912 г. можно прочесть: «Реклама дает деятельную пищу умам деловых людей, придумывающих новые шансы на успех ее, она дает занятие тысячам прилежных рук, дает средства к жизни множеству рабочих. В ней более или менее воплощается дух времени; род и объем рекламы служат масштабом умственного развития, которого достиг деловой мир каждого из народов. Заслуга рекламы состоит в том, что она, при изменившихся отношениях, стала посредницей в сношениях производителей и потребителей, содействуя их общему благу. Реклама увеличивает и создает потребности» [12, с. 1].

Как и все явления, реклама переживала свои взлеты и застои, но всегда отражала дух времени, поэтому стала неотъемлемой частью истории.

«Реклама – маяк и оплот торговли и промышленности» [12, с. 1]. Действительно, она начала свое существование с появлением торговли и особенно расцвела с развитием промышленности.

Большинство способов рекламирования уходят корнями в глубь веков. Первым объявлением можно считать египетский папирус, сообщавший о продаже раба; первой газетой, поместившей объявление – римскую рукописную газету «Ежедневные путешествия»; прообраз торгового знака – эмблемы торговцев Месопотамии; а первые доски объявлений найдены в Помпеях.

Идут столетия. В XII-XV вв. в Западной Европе формируются гильдии купцов и цехи ремесленников, имеющие собственные атрибуты – цеховые знамена, гербы и персональные клейма. В 1452 г. была напечатана первая в истории книга. Все это стало толчком для промышленности и торговли, что, в свою очередь, способствовало активизации рекламы.

В XV-XVI вв. из-за неграмотности населения, которое лучше понимало картинки, в качестве наружной рекламы распространяются вывески с изображением товаров. Начинают появляться универсальные символы: у сапожника – золотой сапог, у химика – ступка и пестик, у брадобрёя – шест, раскрашенный белыми и красными полосами, у ростовщика – три шара. Эти вывески становятся ориентирами в городском пространстве, заменяя название улиц и нумерацию домов.

Однако, рукописные объявления не уходят из жизни. Их развешивали на стенах домов и деревьях, зачастую наклеивая поверх других. В конце концов было достигнуто соглашение не наклеивать новое поверх старого, пока на том не высох клей, который мог сохнуть сутки, давая возможность ознакомиться с содержанием всех желающих.

В XVII в. получают более широкое распространение печатные станки, и в Англии с 1648 г. начинают регулярно печатать объявления. «Отцом рекламных публикаций» считают Джона Хауртона, основавшего в 1682 г. газету «Сборник для совершенствования супружества и торговли», где печатались объявления бытового и торгового характера. Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо», тоже плотно и профессионально занимался рекламой в своей газете «Ревью». Во

Франции адресная справочная контора и рекламная газета появились в 1631 г., став началом рекламной лихорадки, которая захлестнула Францию в конце XVIII столетия. В это время даже появляется цех афишеров.

Немаловажное значение в истории рекламы имел вопрос, где размещать объявления. Их беспорядочное скопление на улицах городов уродовало внешний вид. Надежда местных властей упорядочить технику расклеивания при помощи специальных щитов оправдывалась не всегда. Некоторым выходом из затруднительной ситуации стало появление афишных тумб в Англии в XVII в. Это были специальные, богато украшенные резьбой столбы. На них наклеивались постановления и законы. Эту идею использовал Франц Экштейн, который организовал в 1862 г. рекламное предприятие во Франкфурте-на-Майне, а через четырнадцать лет получил разрешение на установку восьми колонн-тумб, внутренность которых он использовал в качестве мусорных урн.

В Берлине владелец типографии Эрнст Литфасс изготовил сто пятьдесят рекламных тумб, которые получили затем его имя. Эти тумбы и хозяин первое время стали темой насмешек, шуток и критических замечаний. Но, благодаря Литфассу начали меняться требования к плакату. Если раньше старались привлечь внимание огромными размерами листов и шрифта, то теперь основными требованиями стали удобочитаемый шрифт и сочность красок. Применяя новые свинцовые литеры, Литфасс старался сделать афишу художественным произведением.

Интересное феерическое зрелище в целях рекламы предложил лондонский купец Харрис в 1824 г. Это были вращающиеся столбы с подсветом, помещавшиеся на повозках, которые курсировали по улицам города, привлекая к себе внимание жителей. Плакаты, наклеенные на столбы, пропитывались маслом, и светильники, находившиеся внутри столба, просвечивали сквозь них. Не прошло и ста лет, как передвижная реклама «пересела» на автомобили, сохранив при этом эстетику.

О рекламе в древней Руси можно смело говорить с X-XI вв., когда товары предлагались зазывалами. Особой популярностью пользовалась потешная реклама, исполнителями которой были коробейники, они расхваливали товар, зачастую обманывая покупателя.

Рекламным средством можно считать и народные картинки – лубки, появившиеся в XV в., привлекавшие внимание яркими изображениями с развивающимся сюжетом, напоминающими сегодняшние комиксы. Они в доступной форме доносили до широкой аудитории разнообразную информацию.

«Лубочные картинки для любителей и исследователей русской старины представляют высокий интерес: они ярко отражают в себе дух народа, служат драгоценным пособием для изучения его быта и нравов, дают понятие о том, чем пробаивался он по части художеств, знакомят с его верованиями, воззрениями и предрассудками, со всем тем, что занимало и забавляло его, в чем сказывалось его остроумие» [22, с. 57-58].

Но термины «реклама» и «рекламировать» начинают входить в русский язык только с петровского времени. Тогда же появляются изображения и надписи над входом в торговые и питейные заведения.

Елизавета Петровна указами 1752 и 1753 гг. запретила вывески на главных улицах. Этот запрет просуществовал до Екатерины II, которая такое ограничение сняла, введя правила для уличных вывесок; таким образом, Екатерина первой законодательно регламентировала подобного вида рекламу. В указе тщательно прописывались внешний вид, содержание, материалы, местоположение и крепление.

В то время изображения товаров, их названия и фамилии купцов писались на досках или полотне «по пристойности». Запрещалось рекламировать нижнее мужское белье и похоронные принадлежности, а также использовать для вывесок бумагу и кожу.

Несмотря на то, что в 1749 г. Камер-коллегия запретила живописные вывески, обязав ограничиваться только текстом, с 1820-х гг. они возрождаются, просуществовав почти два века, украшая заведения торговцев и ремесленников, трактиры и чайные, пройдя путь от скромных знаков в виде кренделя и виноградной лозы, не закрывающие фасад здания, до почти полного «затмения» архитектуры.

«Вывесочное дело, – писал Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, – в каком виде оно создано у нас, – явление чисто русское. Обилие разноязычных народностей и подавляющая неграмотность требовали предметной рекламы, разъясняющей направление для спроса. До перехода вывески на живописное изображение вывешивались на воротах домов и торговых помещений самые предметы сбыта или ремесленного производства: пук соломы обозначал постоялый двор, колесо – щепника, обруч – бондаря, кожа – сыромятника. Такого сорта реклама давным-давно имела место и в Западной Европе, но от нее там перешли прямо к рекламе словесной, у нас же и до последнего времени вывески несли задачу изобразительную. Удобство и броскость живописной вывески вытеснили предметную, и за XIX в. цех вывесочников разросся по всей стране» [14, с. 272].

Чаще всего в Петербурге и Москве вывески писали мастера-живописцы, а во многих провинциальных городах России – кустари из народа. Вывесочники объединялись в гильдии, у них, как в иконном ремесле, существовало разделение труда. К. С. Петров-Водкин пишет, что обычно мальчики поступали в ученичество к малярам, составляли колера, учились шпаклёвке, раскраске под дуб и орех. Книжки знакомили их с картинами и подготавливали к занятию рисованием. Наиболее способный переходил к вывесочнику. Работал у него сначала по шрифту, потом в качестве изобразителя чая, сахара, свечей и мыла, «получал работу по второстепенному фигурному письму. Такой вывесочник-декоратор забирался в глухой городок, открывал в нем мастерскую и при отсутствии конкуренции начинал применять свои силы и в местных росписях, и

на портретах мещан и купцов, живых и покойников, не оставляя, конечно, основной своей вывесочной базы» [14, с. 272].

Можно сказать, что русский человек не только учился по вывескам, но и получал первые художественные впечатления. В России, где более половины населения не умело читать и существовали десятки иноязычных народов, нарядная вывеска играла знаковую роль, легко читалась на плоскости стены, выглядела своеобразной картиной.

Вывески писались на разных материалах. А. И. Семенюк в книге «Живописец вывесок» за 1916 г. пишет: «Писание вывесок, как известно, является особой специальностью живописно-малярного дела. Вывески пишут на какой-либо металлической поверхности, чаще всего на железе, оцинкованном или покрытом предохранительной окраской против образования ржавчины, разъедающей металлическую поверхность. Кроме вывесок, писанных на железе, можно писать вывески непосредственно на стенах домов, на заборах, деревянных щитах, а также на полотне. Последнего рода вывески получили распространение как временные» [17, с. 4].

Их заказывали на заранее определенное место: на обе стороны входа в лавку или трактир, или в простенок между витринами, оговаривали с мастером их форму, размер и композицию. Обычно название фирмы писали над окнами по всей длине, а в простенках рисовали предметы продажи. Путешественник Теофил Готье писал: «Они выписаны на стеклах витрин, повторены на каждой двери, для них используют углы улиц. Надписи круглятся по аркам, тянутся вдоль карнизов, не пропускают выступов подъездов, сбегает по лестницам в подвалы и вообще изыскивают решительно все способы привлечь взгляд прохожего» [16, с. 23]. Размеры вывесок определялись не только состоянием заказчика, но и величиной и формой простенков домов. «Денежные» люди всегда имели возможность строить или нанимать дома с большими окнами и широкими простенками, а потому их вывески были крупны, броски, выразительны, легко читались.

Вывески крупных торговых фирм, акционерных и страховых обществ, промышленных предприятий должны были предварительно утверждаться петербургским градоначальником. На его имя подавалось прошение с рисунком и текстом вывески. В ЦГИА СПб в фонде 569 Канцелярии петроградского градоначальника сохранились прошения даже на установку довольно мелких вывесок. Так, в описи 20, деле 257 за 1892 г. читаем:

«Его Превосходительству Господину С-Петербуржскому
Градоначальнику

Крестьянина Ярославской
Губернии Ростовского уезда
Кузьмы Григорьева Ершова
Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о разрешении поставить вывески над мелочною лавкою в новъ мною открытою

состоящую Петербургской Части 2 Участка по Большой Зеленой улице и Геслеровского переулку в доме под №11 и 25 на каковой предмет представляю удостоверение заведывающего домом Губернского Секретаря Н. Рождественского и план самой вывески.

1892 года Крестьянин Кузьма Ершов

Жительство имею по Большой Зеленой в доме под № 44» [2, ф. 569, оп.20, д.257, л.1].

К прошению прикладывалось удостоверение от заведующего домом, свидетельство Городской Управы на право открытия лавки, образец вывески и гербовые марки, подтверждающие уплату пошлины. Удивительно, что для небольшой лавки испрашивалось разрешение на высоком уровне, хотя мелкие предприниматели могли обращаться по этому вопросу в полицейский участок. Градоначальник пытался отрегулировать работу так, чтобы сначала прошение получало одобрение, а потом изготавливалась и укреплялась реклама, хотя часто все делалось наоборот.

Из поколения в поколение вывесочники все больше отрабатывали, канонизировали изображение типовых вывесок, приучая к такому виду заказчиков и потребителей. К. С. Петров-Водкин вспоминал, что он с товарищами организовал «Артель живописцев», где им заказали вывеску о продаже овса и сена. Кончилось дело тем, что свой оригинальный рисунок им пришлось закрасить по просьбе торговца, которого засмеяли соседи [14, с. 310].

Но и при таком подходе, каждая вывеска оставалась самобытной, отличалась сочностью красок. Предметы казались натуральными, но более яркими и нарядными. В особой выразительности, четкости, лаконичности композиции, ограниченной, но насыщенной палитре проявляется связь вывески и лубка. На вывесочных натюрмортах предметы изолированы друг от друга, каждый предмет равнозначен, между изображенными предметами чаще всего нет бытовых контактов.

Некоторые вывески удивляли декоративностью. Например, на булочных геральдические львы поддерживали золотой крендель на красно-коричневом фоне. Вывески, рекламирующие одежду, обувь и т.п. имели цвета, соответствующие товару, но были ярче, сочнее, а у балаганов, цирков, зверинцев не укладывались ни в какие каноны.

Примитивная живопись на вывесках появилась в России еще в XVIII в. Журнал «Иллюстрация» пишет: «Прежде изображали на вывесках не только одни предметы торга, но и действия торговца. Таким образом, над лавкою суровских¹ товаров представляем был купец, рисующийся перед миловидною покупательницей. В вывесках над трактирами нередко представляли русских мужичков, чинно сидящих вокруг стола, уставленного чайным прибором или закускою и штофиками; живописцы обращали особенное внимание на лица,

¹ Суровская лавка – мануфактурная лавка.

они заставляли их разливать и пить чай в самом грациозном положении...» [15, с. 272].

К середине XIX в. живописные изображения стали другими. Действия и лица, в большинстве случаев, заменили предметами: чайными приборами, закусками, тканями и пр., а сверху и снизу изображений – надписи. «Вход в лавки колониальные, или где торгуют чаем, кофе и сахаром, украшают видами, писанными в подражание китайских картинок» или «китайскими фигурами, несколько переделанными на европейский лад» [15, с. 272]. Американцев, арабов, голландцев с вывесок табачных магазинов заменили «бесподобный лев с голубыми оттенками в лице, испанский бандит, опершийся на скалу, страшно бледная Фенелла с пребезобразною собачкой и, наконец, группа амуров белых и черных с крылышками (у Реццонико), – и все это курит сигары» [15, с. 272]. Над мясными лавками обычно изображались быки, бараны и куры на «тучном корме» и их бой, а иногда буквы выглядели, как части мяса.

Подобные вывески рисовались мастерами самого последнего разряда, «а потому соразмерность и грация фигур, величина, форма аксессуаров и колорит уморительны в высшей степени. Мясники с растопыренными руками, с громадными секирами, – стада, укрывающиеся под вычурною скалою с гротом, в который не войдет и муха, – петухи, стоящие возле быков, которых они головою выше, – куры почти с человеческими лицами, – всё это бесподобно» [15, с. 272].

Кроме изображения самих предметов торговли, вывески украшались аллегориями, символами, эмблемами. «На некоторых вывесках представляют баснословного феникса в задумчивости... На вывесках погребов иностранных вин изображают нагих мальчиков, правнучат и потомков Вакха, верхом на бочках, с плющевыми венками на голове, с чашами, с кистями винограда в руках, на пухленьких щечках их яркий румянец» [15, с. 272]. Эти вывески были хорошо написаны, так как богатые виноторговцы обращались к хорошим мастерам, но в середине XIX в. они тоже исчезают.

Слова и тексты на живописных вывесках также, как на иконах и лубках имели свои функции: изобразительную, утилитарную, пропагандистскую. Надписи активно использовались торговцами, хотя зачастую они писались неграмотно: «В хот», «Здесь приугатавляеца тобак», «Авошенная лафка», «Делают троур и гробы» и т.п. Конечно, безграмотные надписи, в основном, пестрели на окраинах города (типа Выборгской стороны), в центре дело обстояло вполне прилично. Но можно было встретить не чинно-благородные, а почти народно-фольклорные образцы. Об одной из них современник пишет: «Несколько лет тому назад была неоцененная вывеска «На продаже табаку от фабрики (помнится) Смекаева». За круглым столиком сидел с одной стороны удивительнейший господин с стаканом в руке, с другой – стояла еще удивительнейшая дама, она подавала господину трубку и, как кажется, хотела отнять от него стакан; внизу находилось следующее четверостишие:

Оставь вино, кури табак,

Ты трубочкой разгонишь всю кручину;
Клянусь, что раскуражит так,
Как-будто выпил на полтину!» [15, с. 272].

В Петербурге стали известными живописцами-вывесочниками: К. И. Грушин, создавший целую школу, Е. Т. Иванов, в живописной манере которого чувствуется влияние старых художников Голландии, замечательный мастер К. М. Филиппов, живописно-лакировочная мастерская которого появилась в 1900 г., мастер А. К. Гаврилов, писавший главным образом вывески сырных магазинов, мастера А. А. Гордеев, А. Н. Михайлов, П. А. Андреев. Даже Казимир Малевич создавал рекламу для колбас. Михаил Врубель, Лев Бакст, Иван Билибин рисовали обертки для конфет.

В первом десятилетии XX в. возникает интерес к вывескам в среде интеллигенции. Ещё редактор журнала «Иллюстрация» в 1848 г. отмечал: «Вывески могут и должны быть рассматриваемы со многих сторон, в них найдешь подчас чего и не подозреваешь; они как продукт цивилизации заслуживают внимание наблюдателя» [15, с. 272]. Многие профессиональные художники стали искать вдохновение в искренности и непосредственности народной жизни, в частности, в вывесках. Увлекаясь идеей «вещественности», созданием «искусства улицы», к ним обращались В. Кандинский, М. Ларионов, Н. Гончарова, К. Малевич, М. Шагал, Д. Бурлюк, В. Лебедев, А. Куприн и другие. К. Петров-Водкин называл вывески своей школой первой ступени. На И. Машкова сильное впечатление произвели натюрморты московских булочных, зеленных и мясных лавок.

Шло время, и вывески менялись неудержимо. Все большее место в них занимает текст. Словари стали фиксатором происходящих изменений. В XVIII в. в Словаре Академии Российской читаем: «Вывеска – картина или знак, выставленный на улице у питейных домов, у ремесленников для обозначения их ремесла, у торговых лавок, у трактиров» [19, стб. 1057]. Через 74 года (в 1863 г.) в словаре В. И. Даля написано: «Вывеска – доска, щит различного вида с надписью, с изображением предметов продажи или выделки, у мастеров, ремесленников на лавках» [8, с. 250]. А уже в словаре С. И. Ожегова, 1949 г., мы видим окончание процесса: «Вывеска – доска с надписью, объявляющая название или род деятельности предприятия, заведения, учреждения» [13, с. 106].

Итак, от предметно-объемной и живописной формы реклама переходит к шрифтовой вывеске, которая становится преобладающей к началу XX в. За этот период шрифтовая вывеска сильно меняется из-за общей эволюции шрифта и возрастающих требований рекламы.

Обратите внимание на панораму Василия Садовникова (ее можно увидеть в залах Комендантского дома в Петропавловской крепости). По ней видно, что в первой половине XIX в. вывески чаще всего располагались на уровне первого этажа, были небольшого размера, выглядели лентами с надписями. Н. В. Гоголь отмечал, что гувернантки «с приличной солидностью изъясняют им (детям),

что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самих магазинах» [7, с. 9].

Во второй половине XIX в. быстро развивается предпринимательство. В домах конторы размещались на разных этажах, каждый владелец делал свои вывески, покрывая фасад поэтажной ленточной рекламой с крупным шрифтом. С 1890-1900 гг. вывески становятся более крикливыми и пестрыми. Накал торговой конкуренции приводит к гипертрофии: масштабы вывесок и надписей, бывшие ранее более или менее соразмерными человеку, дому, улице, непомерно увеличиваются; вывески как-бы стараются перекричать одна другую, любыми средствами привлечь внимание потенциального покупателя. Нарушается реальное соотношение масштабности рекламы и значимости ее предмета. Еще, казалось бы, всего сто лет назад многие купцы, дорожившие своей репутацией, считали, что их имя действует лучше всякой рекламы. Но конкурентная борьба заставила и их действовать в духе времени, иначе они бы исчезли вместе со своей репутацией.

Г. Василич в статье «Улицы и люди современной Москвы» пишет об этом времени: «Старая деловая вывеска, только извещающая и ничем не старающаяся привлечь внимание, обычно черная с золотыми буквами, сменяется крикливой и пестрой рекламой. Эти вывески нового типа, теснящиеся над окнами магазинов, на кронштейнах, над тротуарами, на пустынных стенах высоких домов, на крышах, придают улице какой-то шумный говорливый вид. Отовсюду видны их яркие, бьющие в глаз и невольно привлекающие внимание краски, затейливые изображения, шуточные надписи. Уличная реклама отчасти отнимает у города всякую чинность и серьезность, но зато наполняет его жизнью и суетой» [6, с. 6]. Эти факты характерны и для Петербурга того времени.

В начале XX в. места на фасадах домов для вывесок и рекламы стало не хватать. В дело пошли заборы и ... автомобили. В ЦГИА СПб в фонде 569, опись 14, дело 10 можно увидеть обращения к градоначальнику с просьбой разрешить рекламу на этих объектах. Казалось бы, автомобили – техническая новинка, появившаяся в Петербурге только в 1895 г. (хотя к 1911 г. их уже насчитывалось более 1700 штук). Вещь дорогая, доступная не каждому, и то, что градоначальника засыпали прошениями об использовании авто для рекламы, говорит о высокой доходности этого бизнеса. Вот пример такого прошения: «.... От инженер-технолога Михаила Михайлова Подольского. Прощение. Имея намерение заняться делом развозки по городу С.-Петербургу различного рода реклам и объявлений, нарисованных на плакатах, которые будут прикрепляемы к стенкам принадлежащего мне автомобиля Де Дион Бутона в 4 ½ лошадиной силы, который я специально приспособлю для этой цели имею честь покорнейше просить разрешения Вашего Превосходительства на это занятие, с тем что я обязуюсь рекламы и объявления представлять для разрешения, а если нужно то и для цензуры, куда Ваше Превосходительство

найдете это нужным. Инженер-технолог Мих. Мих. Подольский» [1, ф. 569, оп.14, д. 10, л.4].

Далее в этом же деле: «К прошению М. М. Подольского о разрешении развозить рекламы и объявления на автомобилях по городу С-Петербургу.

1) Автомобили будут из тех, которые допущены для езды по городу по осмотру городским техником, без каких-либо особых приборов нарушающих тишину обыкновенно употребляемым сигнальными рожками и имеют свой номер.

2) Одежда шоффера обыкновенная, при желании нарядить его будет предоставляться предварительно в стол цензуры рисунок одежды.

3) Рекламы на полотне с боков автомобиля будут впоследствии перемещающимися в вертикальном направлении согласно заявленной мною привилегию».

4) Желательно разрешение на устройство выдвигающихся кверху из середины ящика вывесок (как показано карандашами на прилагаемом эскизе).

5) Стенки ящика съемные и окрашены в разные цвета или вызолочены, словом или красота и изящество или оригинальность сочетаний цветов для этого дела необходимы. 06.07.1909» [1, ф. 569, оп.14, д. 10, л.7].

Прежде, чем выдать разрешение, были собраны сведения о Подольском, что он «владеет свинцово-прокатным механическим заводом, который приобрел от некоего Вагнера в 1904 году. В заводе работает 42 человека. Подольский женат, имеет отца 56 лет и трое малолетних детей; поведения, образа жизни и нравственных качеств хороших, но характера строптивого и при всяком законном требовании полиции входит в пререкания и вызывает недоразумения. К удовлетворению ходатайства Подольского о разрешении развозки на автомобиле реклам препятствий не встречается при условии обязательной цензуры рекламируемых им объявлений» [1, ф. 569, оп.14, д. 10, л.4 об.].

Так же городские власти побеспокоились о технической исправности автомобиля и потребовали, чтобы транспорт был представлен в градоначальство для технического освидетельствования. Обычно в подобных разрешениях запрещалось автомобилю следовать по Вознесенскому, Морской, Гороховой, Невскому проспекту, Английской, Дворцовой и Французской набережным.

Более удивительная история о рекламе на заборах. С одной стороны, глядя на фотографии Санкт-Петербурга начала XX в. (например, И. Н. Божерянова в книге «Невский проспект» [5]), можно увидеть засилье рекламы на домах. Но, с другой стороны, читая документы, видишь, что руководство города пыталось регулировать процесс. Так в том же фонде ЦГИА СПб, в деле 10 видим, что 15 января 1910 г. проходило совещание о выдаче разрешений на помещение плакатов на заборах и о допущении езды автомобилей с рекламами. На нем присутствовало 8 высокопоставленных лиц. В журнале совещания написано: «Останавливаясь на рассмотрении первого вопроса – о разрешении

плакатов на заборах, Совещание признало, что в данном случае надлежит разрешить три вопроса, а именно: 1) о помещении плакатов на заборах без всяких приспособлений путем непосредственной наклейки объявлений, 2) о помещении реклам и других плакатов на заборах в особых рамах или витринах и 3) о постановке на заборах для реклам особых щитов, причем щиты эти помещаются обыкновенно над заборами, выходя за их полотно... Исходя из приведенных соображений, Совещание признало возможным разрешить плакаты на заборах с тем: 1) чтобы плакаты эти удовлетворяли требованиям 41 ст. Уст. о Ценз.; 2) чтобы заборы, на коих предположено помещать объявления, были приведены в исправный вид, и 3) чтобы вывески эти не выходили за линию фасада улицы или полотна забора... Что же касается особых щитов, помещаемых обыкновенно с рекламами над заборами, то, принимая во внимание, что щиты эти безусловно могут угрожать общественной безопасности путем падения на улицу со своих устоев, особенно в ветреную погоду, Совещание признало безусловно недопустимой постановку таких щитов. Относительно же существующих уже на заборах щитов, как например, на Каменноостровском проспекте у д. №№ 38, 40, 42, то в данном случае признано необходимым просить Градоначальника предложить приставам обратить внимание на эти щиты, и если обнаруженные будут признано необходимым снять их, то поступить в установленном порядке» [1, ф. 569, оп.14, д. 10, л. 71].

Под новые правила подпали рекламные щиты у дома 1-3 по Каменноостровскому проспекту. Дом этот, построенный Ф. И. Лидвалем и принадлежавший его матери, мы хорошо знаем. Ида Бальтазаровна Лидваль, выражаясь современным языком, взяла ипотеку на покупку участка и строительство дома, поэтому считала каждую копейку, отдавая долги. Страшным ударом стало распоряжение градоначальника о сносе рекламных щитов. В своем прошении она пишет: «Ввиду приказа Вашего Превосходительства, опубликованного в Ведомостях С. Петербургского Градоначальства от 16 апреля 1910 года за № 85 и предъявленных в следствии сего ко мне требований г. Приставом Петербургской части, 1 участка об уборке щитов для размещения вывесок и плакатов на моем участке земли в С. Петербурге, по Каменноостровскому проспекту дом №2/17, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать принять во внимание что: 1) Названные щиты установлены не над забором, как то предусмотрено вышеупомянутым приказом. 2) Сами щиты устроены, как отдельное от забора сооружение согласно требованиям Строительного Устава и на основании разрешения С. Петербургской Городской управы от 15 июня 1899 года за № 1097 г. С. Петербургского Градоначальника от 18 ноября 1899 года за № 7985. 3) В силу этих разрешений я заключила долгосрочные договоры с разными фирмами, как то Товариществом Жорж Борман, Товариществом Оттоман и другими, и согласно этим договорам, предоставила право повесить находящиеся вывески на щитах и в случае снятия их я, обязана уплатить

крупные неустойки по договорам, кроме того, понесу значительные убытки по возмещению фирмам расходов по изготовлению вывесок. 4) Сами щиты до такой степени основательно и капитальным образом устроены, что в течении многих лет стоят замечательно устойчиво, и не смотря на это производится ремонт их и таким образом эти щиты не грозят и не могут грозить никакой опасности» [1, ф. 569, оп.14, д. 10, л. 78]. Переписка, а можно сказать – битва, длилась больше четырех месяцев, дело дошло до Правительствующего Сената, но победил градоначальник, жалобу признали не заслуживающей удовлетворения.

С вывесками активно боролась общественность, деятели культуры. В 1911 г. на 4 съезде русских зодчих докладчики Е. Е. Баумгартен и Л. А. Ильин били тревогу о засилье рекламы на улицах города. Причинами происходящего назывались «...невозможная, доведенная до бессмыслицы конкуренция, кротость и равнодушие обывателя – в связи с безразличием властей, с одной стороны, и неудержимой изобретательностью творца реклам – с другой; наконец, падение архитектуры» [4, с. 63].

Некоторые современники выступали за сохранение более сдержанных вывесок. В «Искусстве рекламировать» авторы призывают окрашивать вывески в «один ровный цвет», а не пестрить; советуют соизмерять величину букв с расстоянием между вывеской и мостовой, рекомендуют выбирать для них удобное, бросающееся в глаза место и «хороший, благотворно действующий на глаз шрифт без всяких украшений» [9, с. 33].

Интерес к живописной вывеске снова возникает в начале XX в. Им посвящают поэтические строки В. Маяковский, О. Мандельштам, Э. Багрицкий; любовно рисуют на своих картинах Б. Кустодиев и М. Добужинский; их изучают и собирают. Несмотря на повышенный интерес, живописная вывеска в первые десятилетия XX в. исчезает как форма торговой рекламы, как явление искусства и просто физически, как вещь.

В наши дни интерес к вывескам возрождается. В Рыбинске реализован проект «Музей живой старинной вывески под открытым небом». С 2017 г. исторический центр города украшает более 90 вывесок на дереве и металле, сделанных вручную по проекту Мити Кузнецова.

В Петербурге можно полюбоваться на старинные вывески в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, они часть экспозиции, находящейся в Комендантском доме. Эти образцы были спасены благодаря художнице В. М. Ермолаевой и петербургской «Артели художников» и переданы в Музей города, преемником которого стал Государственный музей истории СПб.

Список литературы:

1. ЦГИА СПб. Фонд 569. Опись 14. Дело 10.
2. ЦГИА СПб. Фонд 569. Опись 20. дело 257.
3. Антонов П. Вывески // Журнал «Нева». – 1986, №4. – С. 185-188.

- 4.Баумгартен Е. Е., Л. А. Ильин. Вандализм рекламы// Зодчий. – 1911. – №6. – С. 63.
- 5.Божерянов И. Н. Невский проспект: культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга. – С.-Петербург: А. И. Вильборг. – 1901-1903.
- 6.Василич Г. Улицы и люди современной Москвы// Москва в ее прошлом и настоящем. Вып.12. – М: Товарищество «Образование», – 1912. – С. 3-16.
- 7.Гоголь Н. В. Невский проспект// Повести. Мертвые души: Поэма. – М.: Изд-во Эксмо. – 2005. – 512 с.
- 8.Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. - Москва. – 1863-1866. – Ч. 1: А. – З.
- 9.Искусство рекламировать: [Практич. руководство по составлению объявлений, рекламных плакатов, каталогов, проспектов и т.п.]. – Одесса: Торг. дело. – 1911. – 55 с.
- 10.История Санкт-Петербурга-Петрограда. 1830-1918: экспозиция Государственного музея истории Санкт-Петербурга в Комендантском доме Петропавловской крепости: путеводитель. – Санкт-Петербург: Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2005. – 127 с.
- 11.Кёниг Т. Реклама и плакат как орудия пропаганды. – Л. – 1925. – С. 285.
- 12.Коммерческое обозрение: Спец. рекламный журнал. – Одесса: И. Лейферман, 1912.- №1. – С. 1-3.
- 13.Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва. – 1949. – С. 106.
- 14.Петров-Водкин К. С. Хлыновск; Пространство Эвклида; Самаркандия: [Повести]. – Ленинград, 1970. – 629 с.
- 15.Петербургские вывески // Журнал «Иллюстрация». – 1848. – №30. – С. 81-82.
- 16.Повелихина А. В., Ковтун Е. Ф. Русская живописная вывеска и художники авангарда: [Альбом]. – Л.: Аврора, [1990]. – 199 с.
- 17.Семенюк А. И. Живописец вывесок: Практическое руководство по написанию вывесок на стенах, полотне, деревянных щитах, железе и др. материалах. – Петроград; Москва. – 1916. – 48 с.
- 18.Сергиенко М. К. К биографии рекламы // Журнал «Реклама». – 1971, №3. – С. 22-24.
- 19.Словарь Академии Российской. Ч. 1: От А до Г. – 1789. – XVIII. – Стб. 1057.
- 20.Толковый словарь русского языка. Том III, П-Ряшка. – М., 1939. – Стб. 1329.
- 21.Шкаровская Н. С. Народное самодеятельное искусство [Альбом]. – Ленинград: Аврора, 1975. – 54 с.
- 22.Энциклопедический словарь / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 18 (35). – СПб, 1896. – С. 57-58.

Стецкевич Михаил Станиславович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 1960-6632

Stetckevich Mikhail

St. Petersburg State University

Публикация подготовлена в рамках получившего финансовую поддержку РФ научного проекта № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX – начала XXI вв.»

АНГЛИЙСКИЙ АНТИКАТОЛИЦИЗМ XVIII В. И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ УИЛЬЯМА ХОГАРТА

Аннотация: Творчество выдающегося английского художника Уильяма Хогарта обычно анализируется с искусствоведческих позиций. Однако создававшиеся художником картины и гравюры, изображавшие различные аспекты повседневной жизни Англии, можно рассматривать как прекрасный визуальный источник по истории Англии XVIII в. В статье анализируется процесс репрезентации художником антикатолических настроений, чрезвычайно характерных для этого времени. Делается вывод о том, что в произведениях Хогарта нашли отражение все важнейшие компоненты антикатолицизма: политический, теологический и народный. Но даже в таких очевидных антикатолических манифестах, как «Ворота Кале (1749)» и «Вторжение» (1756) художник не сделал попытки обозначить связь между процветанием Британии и её приверженностью протестантизму. Тем самым Хогарт невольно предвосхищал ситуацию, когда целостная антикатолическая картина начнёт разрушаться, что случится уже в конце XVIII в.

Ключевые слова: У. Хогарт, антикатолицизм, живопись, гравюра, движение якобитов.

ENGLISH 18TH CENTURY ANTICATHOLICISM AND ITS REPRESENTATION IN THE WORKS OF WILLIAM HOGARTH

Summary: The creativity of the outstanding English artist William Hogarth is usually analyzed from an art-historical perspective. However, the paintings and engravings created by the artist, which depicted various aspects of everyday life in England, can be viewed as an excellent visual source for the history of 18th-century England. This article analyzes the artist's representation of the Anticatholic sentiments that were prevalent during this time. It concludes that Hogarth's works reflect all the essential components of Anticatholicism, including its political, theological, and popular aspects. However, even in such obvious Anticatholic manifestos as «The Gates of Calais» (1749) and «The Invasion» (1756), the artist did not attempt to establish a connection between Britain's prosperity and its commitment

to Protestantism. In doing so, Hogarth unintentionally anticipated the situation where the cohesive anti-Catholic narrative would begin to crumble, which would occur in the late 18th century.

Keywords: W. Hogarth, Anticatholicism, painting, engraving, the Jacobite movement.

Феномен английского антикатолицизма в последние несколько десятилетий стал предметом пристального внимания исследователей, в первую очередь – британских [4, 5, 11, 13, 14], хотя в конце прошлого и в текущем столетии интерес к этому своеобразному явлению стали проявлять отечественные исследователи [2]. Историки высказывают различные мнения по вопросу о том, когда начинается процесс размытия антикатолической идеологии и она начинает утрачивать прежний всеохватный характер. К. Хейдон полагает, что эти тенденции обнаруживаются во второй половине XVIII в. [5, р. 256], тогда как другие исследователи относят их начало к первой трети и даже второй половине XIX столетия [8, р. 44-45; 11, р. 36-37]. В любом случае все согласны в том, что XVIII в. был временем активного проявления антикатолических настроений в общественно-политической жизни Англии.

Крупнейший исследователь католикофобии этого периода К. Хейдон выделяет её составные части: политическое недоверие; теологические разногласия; народные страхи. Первая выражалась в уверенности существования неразрывной связи между католицизмом и абсолютистским правлением, отсутствием политических свобод, находившей выражение в лозунге «папизм – это рабство». Вторая заключалась в представлениях о католицизме как антитезе и искажении истинного христианства. Особое неприятие вызывали такие элементы католической теологии и практики, как учение о папе как главе Церкви, о транссубстанциации, «идолопоклонство» – культ изображений и святых. Наконец, народные страхи связывались с опасениями католических заговоров и считавшейся реальной угрозой восстановления инквизиции и нетерпимости в случае реставрации «папизма» в Англии [5, р. 3-7]. Следует иметь в виду, что антикатолицизм был не только зафиксирован законодательно (существенное ограничение гражданских и политических прав католиков), но и, как убедительно показала Л. Колли, являлся существенным компонентом британского национального самосознания XVII – начала XIX вв. [4].

Великий английский художник У. Хогарт (1697 – 1764) обладал талантом особого свойства. Источником вдохновения для него являлась жизнь во всех её проявлениях. Выдающийся английский писатель У. М. Теккерей (1811-1863) писал о картинах и гравюрах Хогарта: «Для историка эти восхитительные работы просто бесценны, ибо они полно и правдиво отражают нравы и даже мысли людей минувшего века. Мы смотрим на них, и перед нашими глазами предстает Англия, какой она была сто лет назад...». [3, с. 668]. Поскольку произведения Хогарта создавали визуальный образ эпохи, антикатолическая

проблематика не могла не найти отражения в его творчестве, хотя, конечно, и не занимала в нём центрального места.

Можно согласиться с мнением М. Ю. Германа, полагавшего, что «религиозные взгляды и убеждения Хогарта не прорисовываются с достаточной определенностью»: художник смеялся «над священниками всех конфессий», но при этом «не лишал мораль религиозной основы» [1, с.38-39]. Более четок в определениях крупнейший исследователь творчества Хогарта Р. Полсон. Он характеризует художника как деиста, находившегося под сильным влиянием масонских идей [9, vol.2, p. 60]. Хогарт был связан с государственной Церковью Англии в основном фактом крещения. Сведения о его принадлежности к какой-либо христианской Церкви отсутствуют, хотя, как отмечает Полсон, возможно, время от времени художник причащался и был похоронен на церковном кладбище [9, vol.2, p. 60].

Если факт вступления Хогарта в одну из масонских лож в 1725 г. можно считать установленным, то о симпатиях к деизму можно судить в большей степени по косвенным признакам. Например, портрет деиста Т. Уоллстона, развивавшего тезис о том, что изгнание Христом менял и торговцев из Иерусалимского храма является аллегорией необходимости очищения Церкви от продажного духовенства, был включен Хогартом в композицию второго листа серии «Карьера шлюхи» (1732). В то же время несомненно, что Хогарту было близким акцентирование внимания на нравственной стороне христианства крупнейшими представителями английского деизма – Дж. Толандом, Э. Коллинзом, М. Тиндалом, видевшими сущность «истинной религии», основанной на принципах Разума, в вере в Бога и любви к ближнему. В равной степени художнику могли импонировать масонские идеи о возможности исповедовать любой вариант христианства при условии веры в «великого Архитектора Вселенной» и верности морали, долгу и совести. Масонские символы можно обнаружить во многих произведениях Хогарта.

Все эти обстоятельства необходимо учитывать при оценке образа римского католицизма в творчестве художника. Впервые католическая тема была обозначена Хогартом ещё в ранней работе «Пузырь южных морей» (1721), представляющей собой аллегорическое изображение коррупции и финансовых спекуляций, столь характерных для Англии начала XVIII в. В левом нижнем углу гравюры – католический священник, раввин и протестантский пастор увлечены азартной игрой, в то время как Честь и Честность побеждены своекорыстием и Подлостью. Хогарт снабдил гравюру следующей подписью: «Здесь все религии собрались воедино, как стая птиц с единым оперением, Забыв о своих религиозных распрях, Священники опускаются на колени, чтобы поиграть в мяч и в кости, так что, когда пастыри забавляются, Их паства непременно собьётся с пути».

Вновь, но совершенно в ином контексте, близкая точка зрения присутствует в достаточно поздней гравюре «Изображенный энтузиазм» (1759 – 1760). В подписи под изображением Хогарт заявлял о намерении

продемонстрировать «странные последствия буквальных и низких представлений о священном, равно как и тенденцию к идолопоклонству». На гравюре в остросатирическом виде представлены собравшиеся в одном молитвенном здании англикане, методисты, католики и иудеи. Центральная фигура гравюры – стоящий на высокой кафедре экзальтированный методистский проповедник в костюме арлекина, со свалившимся париком, обнажающим католическую тонзуру. Здесь Хогарт отдал дань бытовавшим в то время представлениям о методистах как замаскированных католиках. Фигуры, висящие у кафедры проповедника, напоминают изображения Бога-отца, Адама и Евы, дьявола на картинах Рафаэля, Рубенса, Рембрандта, к которым Хогарт относился достаточно негативно. Выражая мнение о том, что изображать священное – значит профанировать его, английский художник не только обнаруживает присутствие пуританских элементов в своём мировоззрении, но и обрушивается на главных идолопоклонников – католиков. Они представлены пожирающими изображения Христа – явный намёк на католическое учение о трансубстанциации, согласно которому во время Евхаристии хлеб и вино сущностно преобразуются в истинные Тело и Кровь Иисуса Христа, не меняя своих внешних свойств.

Здесь следует подчеркнуть два момента. Во-первых, Хогарт транслировал широко распространенным представлениям о методистах как о тайных католиках. Наибольшее подозрение здесь вызывал «энтузиазм» методистов, напоминавший, как полагали многие, некоторые практики Римско-католической церкви [6, р. 30-35].

Показательна дальнейшая судьба этой гравюры Хогарта. Друзья художника предупредили о возможных последствиях манифестации столь критического отношения к религии как таковой, и гравюра осталась практически неразмноженной. На втором, гораздо более известном варианте гравюры, получившей название «Доверчивость, Суеверие и Фанатизм. Смесь» (1762) Хогарт, при сохранении общей композиционной структуры, удалил христианские символы и единственным объектом сатиры сделал методистов, но ясный намёк на их тайную связь с католицизмом (тонзура под париком пастора) сохранился.

Во-вторых, как отмечает К. Хейдон, в Англии XVIII в. изображения с критикой католицизма чаще затрагивали политические, а не теологические моменты, в силу затруднительности визуализации последних [5, р.45]. Хейдон Тем не менее исключения имелись, и рассмотренная выше гравюра представляет собой одно из них. Интересно, что тему «богоедства» Хогарт затрагивал и в своём более раннем творчестве. На эскизе к картине «Брачный контракт» (1733), первой в знаменитой серии «Модный брак», на заднем плане на стене за спинами беседующих присутствует картина-вставка. На ней изображена сидящая на небесах Дева Мария, бросающая обнаженного младенца Христа головой вниз в воронку ветряной мельницы, где плоть

Спасителя измельчается в гостии, которыми затем католический священник причащает верующих.

Иногда насмешка над католицизмом и его проявлениями принимает у Хогарта достаточно безобидную форму. На последнем листе серии «Карьера мота» (1735) среди обитателей сумасшедшего дома можно увидеть человека, возомнившего себя папой римским. На нём головной убор, напоминающий папскую тиару, в руках – процессионный католический крест.

Сюжет картины «Марш в Финчли» (1749) строится вокруг беспорядочно проведенной мобилизации в связи с необходимостью противостоять последней попытке династии Стюартов (движение якобитов) вернуть британский трон (восстание 1745 – 1746 гг.). Картина достаточно неоднозначна по содержанию и совсем не напоминает произведение, воспевающее доблесть английских солдат. Существуют сведения о том, что Хогарт предложил посвятить гравюру Георгу II, но тот, увидев, в каком виде предстают на ней его солдаты, категорически отказался от предложения [12, р. 421-422]. Следует иметь в виду, что картина была написана спустя три года после подавления восстания, и, хотя исход изображаемых событий был уже ясен, художник ставит своего главного героя перед выбором. Героем, несомненно, является высокий и трезвый (в отличие от большинства персонажей) гвардеец, на обеих руках которого буквально повисли две женщины. Гвардеец олицетворяет собой Британию, которая должна сделать выбор между Стюартами и Ганноверской династией. Женщина, в чьей корзинке лежит текст песни «Боже, храни короля» и портрет герцога Камберлендского (будущего победителя якобитов в битве при Каллодене в 1746 г.) одета в белое, беременна и красива. Её соперница, сторонница Стюартов, стара и безобразна. На её темном, напоминающем монашеское одеянии красуются кресты, в руках и сумке – якобитская литература. Симпатии художника обозначены достаточно чётко. Характерна и ассоциация «дела Стюартов» с католицизмом, казавшаяся очевидной большинству англичан, и в конечном счёте обусловившая поражение якобитов.

Хотя представленный на картине полный хаос и повальное пьянство солдат не позволяет считать её патриотическим манифестом, высказывается мнение о том, что этот беспорядок скорее восхищает художника, чем пугает. По мнению Дж. Углоу, Хогарт показывает: «если вы хотите противостоять абсолютизму Стюартов и католической косности по французскому образцу, вам придется смириться с почти анархической свободой британской толпы» [12, р. 421]. Характерно и противопоставление цветущего дерева слева, под листвой которого висит картина с изображением Адама и Евы рядом с древом жизни, и засохшего дерева справа, находящегося в одном смысловом ряду с портретом Карла II Стюарта, симпатизировавшего католицизму и обратившегося в него в конце жизни.

Самой известной манифестацией антикатолицизма Хогарта считается его картина «Ворота Кале, или о ростбиф старой доброй Англии» (1749). История создания картины такова: отправившись в 1748 г. во Францию и прибыв в Кале,

Хогарт начал зарисовывать городские ворота и был задержан по подозрению в шпионаже, хотя впоследствии отпущен. Это произведение явилось своеобразной мстью Хогарта французам, которых он сильно недолюбливал. В автобиографии, повествуя о своём посещении Кале, Хогарт отмечал контраст между Англией и Францией, и не жалел резких выражений: «бедность», «рабство», «высокомерие», «парад религии и суеты» [7, р.227]. Пространство картины организовано по принципу контраста: древние ворота, на которых изображены английские гербы (в 1346-1558 гг. Кале находился под властью Англии), ярко освещены солнцем, тогда как площадь перед ними, заполненная в основном французами, погружена в полумрак. Повар, несущий огромный кусок мяса в английскую харчевню, окружен толпой тощих и оборванных французских солдат. Они жадно втягивают запах мяса, однако для них предназначен чан с малопривлекательным варевом. Единственный упитанный француз – монах-францисканец, который не просто с вожделием смотрит на мясо, а почти трогает его. Слева сидят три женщины, которые с изумлением смотрят на то, что, по их мнению, является образом Христа, чудесным образом проступившим на туловище одной из продаваемых ими рыб. В левом верхнем углу картины Хогарт изобразил самого себя в самый момент ареста. Пока он рисует ворота, на плечо ложится рука охранника.

Сидящий справа человек, перед которым лежат луковица и кусок лепешки – житель горной части Шотландии (хайлендер). Нижняя часть ворот представлена таким образом, что напоминает раскрытую пасть зверя. Сквозь неё отчетливо просматривается католическая процессия. Хогарт подчеркивает, что важнейшей причиной бедствий французов является исповедание ими католицизма. Фигура страдающего голодного хайлендера, участника якобитского восстания 1745-1746 гг., вынужденного после его поражения искать убежище во Франции – иллюстрация незавидной судьбы человека, потерявшего возможности наслаждаться британскими свободами и благодеянием.

В начале Семилетней войны (1756 – 1763) англичане ожидали высадку французского десанта на своей территории. Хогарт создал гравированный диптих «Вторжение» (1756). Здесь он вновь противопоставляет французской бедности и голоду английские сытость и достаток. Первый лист – «Франция» представляет французских солдат, готовящихся к завоеванию Англии. Одни из них, подгоняемые пикой, понуро бредут к кораблям, другие, голодные, нищие и хмурые, топчутся около таверны «Королевский башмак», в окне которой торчат лишь обглоданные кости. Офицер жарит на огне лягушек. Центральной фигурой, как и в «Воротах Кале», является католический монах, держащий в руках секиру, которой он готовится расправиться с английскими «еретиками». Он оказывается единственным, кто доволен происходящим. Перед монахом ящик, нагруженный орудиями пыток, скульптурой Святого Антония и планом восстановления монастыря Блэкфрайарс в Лондоне, закрытого во времена

Реформации. Под изображением были помещены стихи, написанные известным актёром Д. Гарриком, содержавшие такие строки:

Посмотрите, как важничают полуголодные французы
И называют нас английскими псами:
Но скоро мы проучим этих хвастливых врагов
Говядина и пиво наносят более тяжелые удары
Чем суп и жареные лягушки.
Священники, воспламененные праведными надеждами,
готовят топоры, колеса и веревки,
Чтобы сломить упрямых грешников...

На втором листе диптиха – «Англия» Хогарт изобразил солдат, окруженных веселыми подругами и обильной едой. Они рисуют на стене карикатуру на короля Людовика XV. На столе лежит текст патриотической песни «Правь, Британия». Рядом активно идёт запись добровольцев в армию. В тексте под изображением были такие слова:

Британцы, к оружию!
...как львы, атакуйте их.
Ни одна сила не устоит перед смертоносным ударом,
Который наносят дубовые руки и сердца,
Защищая Свободу.

Важно отметить, что если предполагаемое вторжение в Англию представляется Хогартом как французское и одновременно католическое мероприятие, то британский национализм выглядит у него исключительно светским. Здесь в качестве важнейшей национальной черты выступает приверженность свободе, как и в «Марше в Финчли» и особенно в «Воротах Кале». В свою очередь, свобода обеспечивает процветание, а французская и одновременно католическая несвобода – упадок и скудный пищевой рацион.

Как отмечает Н. Полсон, гравюры пользовались огромным успехом и были важным проявлением британского патриотизма, хотя французское вторжение так и не состоялось. Их многочисленные копии имелись на вербовочных рекламных плакатах и тому подобных материалах [9, vol. 3, p. 178].

Таким образом, можно отметить, что в творчестве Хогарта нашли отражение все выделенные К. Хейдоном составные части английского антикатолицизма. Когда речь шла о собственно религиозных аспектах, католицизм у него получал самый низший балл. В политическом плане Хогарт сохранял приверженность антикатолическим стереотипам, высоко оценивая английские свободы и добродетели. В то же время важно подчеркнуть, что ни разу, в том числе и в таких очевидных антикатолических манифестах, как «Ворота Кале» и «Вторжение», художник не сделал попытки обозначить связь между процветанием и приверженностью Британии протестантизму. Тем самым Хогарт невольно предвосхищал ситуацию, когда целостная

антикатолическая картина начнёт разрушаться, что случится уже в конце XVIII в.

Список литературы:

1. Герман, М. Ю. Уильям Хогарт и его время. – Л.: Искусство, 1977. – 226 с.
2. Околота, Д. П. Английский антикатолицизм XVII-XIX вв. в российской историографии / Д. П. Околота // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 10(138). – С. 131-139.
3. Теккерей, У. М. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 7. М.: Художественная литература, 1977. – 779 с.
4. Colley, L. Britons: Forging the Nation, 1707-1837. – London: Pimlico. – 413 P.
5. Haydon, C. Anti-Catholicism in Eighteenth-Century England, c. 1714– 80. – Manchester: University Press, 1993. – 287 P.
6. Hempton, D. Methodism and Politics in British Society, 1750–1850. – Stanford: University press, 1984. – 280 P.
7. Hogarth W. The Autobiographical Notes // The Analysis of Beauty, with the Rejected Passages from the Manuscript Drafts and Autobiographical Notes by William Hogarth. Burke J. (ed.). – Oxford: Clarendon Press, 1955. – P. 201-231.
8. McLeod, H. Protestantism and British National Identity, 1815-1945 // Nation and Religion: perspectives on Europe and Asia. – Van der Veer, P., Lehmann, H. (eds.). – Princeton: University Press, 1999. – P. 44-70.
9. Paulson, R. Hogarth. Vol. 2. High art and low, 1732 – 1750. London: Hutchinson, 1984. – 477 P.; Vol. 3. Art and politics, 1750-1764. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1993.
10. Paz, D. G. Popular Anti-Catholicism in Mid-Victorian England. – Stanford: University Press, 1992. – 332 P.
11. Tomko, K. British Romanticism and the Catholic Question: Religion, History and National Identity, 1778–1829, – London: Palgrave Macmillan, 2011. – 224 P.
12. Uglou, J. Hogarth: A Life and A World. – London: Faber and Faber, 1997. – 794 P.
13. Wheeler, M. The Old Enemies: Catholic and Protestant in Nineteenth Century English Culture. – Cambridge: University Press, 2006. – 352 P.
14. Wolffe, J. The Protestant Crusade in Great Britain, 1829–1860. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 374 P.

Суздальцева Ирина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

SPIN-код: 9412-2827

Suzdaltseva Irina

Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ – ЖЕНЫ ПАВЛА I

Аннотация: Статья кратко характеризует происхождение, атмосферу семейного воспитания и особенности образования прусской принцессы Софии-Доротеи-Августы-Луизы, которая после вступления в брак с наследником российского престола получила имя Мария Федоровна и стала второй женой Павла Петровича, будущего Павла I.

Ключевые слова: династия Вюртенбергов, Пруссия, Штеттин, София-Доротея-Августа-Луиза, Екатерина II, системы женского образования

ORIGIN, UPBRINGING AND EDUCATION OF EMPRESS MARIA FEODOROVNA – WIFE OF PAUL I

Summary: The article briefly describes the origins, family upbringing atmosphere, and educational background of the Prussian princess Sophie Dorothea Augusta Louise, who, after marrying the heir to the Russian throne, received the name Maria Feodorovna and became the second wife of Pavel Petrovich, the future Paul I.

Keywords: династия Вюртенбергов, Пруссия, Штеттин, София-Доротея-Августа-Луиза, Екатерина II, системы женского образования

Императрица Мария Фёдоровна – жена Павла I и мать двух российских императоров - Александра I и Николая I - вошла в историю как создательница «Параллельного министерства» («Министерства милосердия» или «Министерства благотворительности»). Так в российском обществе называли Ведомство учреждений императрицы Марии, которое представляло собой масштабную государственную структуру, независимую от министерств, занимающуюся развитием благотворительности, воспитанием и обучением детей. Оно сыграло важную роль в социальной политике Российской империи, решало вопросы детской беспризорности и оказания бесплатной медицинской помощи. Особое внимание Ведомство обращало на развитие женского образования. Деятельность Марии Федоровны в этой сфере представляет собой уникальный в отечественной истории пример, когда «первая леди» государства основной целью своей деятельности сделала заботу о благотворительных женских учебно-воспитательных заведениях. В связи с этим, представляет

интерес процесс воспитания и образования самой Марии Федоровны, которая, став вдовствующей императрицей, проявила сильный характер и организаторские способности.

Императрица Мария Федоровна была представительницей династии Вюртембергов. Она родилась 14 (25) октября 1759 г. в г. Штеттин Королевства Пруссии (ныне г. Щецин, Польша) и по обычаю протестантов получила имя София-Доротея-Августа-Луиза. Девочка была 4-м ребенком в семье и старшей дочерью. Кроме нее в семье родилось 8 мальчиков и 4 девочки [2, с. 5].

Отец Софии-Доротеи – Фридрих-Евгений – третий, самый младший сын владетельного герцога Карла-Александра был принцем по крови и принадлежал к Монбельярской ветви Вюртембергского дома (Вюртемберг-Монбельяр). Родители готовили его к карьере священника. Фридрих-Евгений получил хорошее образование, но, не чувствуя призвания к духовному сану, поступил на военную службу к Фридриху II Прусскому. Фридрих-Евгений отличался храбростью, военной доблестью и одновременно – большой любознательностью и пытливым умом. Во время службы при Берлинском дворе он много читал и занимался самообразованием [7, с. 300]. Позже принц был назначен комендантом в Штеттинском замке.

Мать Софии-Доротеи – Фредерика-София была дочерью маркграфа Бранденбург-Шведтского и по материнской линии приходилась родной племянницей Фридриха II Великого Прусского. Принцесса была хорошо воспитана и образована, любила искусство. Она получила французское воспитание, но считала, что женщина в первую очередь должна быть хорошей женой, матерью и хозяйкой [7, с. 301].

Брак Фридриха-Евгения и Фредерики-Софии был заключен в 1753 г. в Берлине. Он стал счастливым и продолжался 44 года. У супружеской четы родилось три старших сына: Фридрих-Вильгельм, Людвиг-Фридрих и Евгений-Фридрих, затем дочь София-Доротея-Августа-Луиза, два младших сына: Вильгельм и Фердинанд и две младшие дочери: Фредерика-Елизавета-Амалия-Августа (прожила 21 год).

Родители Софии-Доротеи, она сама и ее братья не имели явных перспектив к политическому росту и влиянию. Однако жизнь распорядилась по-другому: Фридрих-Евгений, будучи младшим сыном в семье, дождался своей очереди наследования и стал владетельным герцогом Вюртембергским, его первенец Фридрих-Вильгельм – королем Вюртембергским, а старшая дочь София-Доротея-Августа-Луиза вышла замуж на наследника российского престола и стала императрицей под именем Марии Федоровны [10, с. 5].

Штеттин – родина Софии-Доротеи, главный город онемеченного славянского Поморья (Померании) был основан на месте древней славянской крепости Щетинь [10, с. 18]. Его уроженкой была Екатерина II – до замужества София-Августа-Фредерика, дочь местного Прусского губернатора и мелкого германского князя. Семья Софии-Доротеи была знакома с российской императрицей. В письмах к барону Фридриху Мельхиору Гримму Екатерина II

замечала, что всегда с теплотой относилась к девочке и чувствовала особое предпочтение к ней [1, с. 50]. В 1772 г. Екатерина II рассматривала кандидатуру принцессы в жены сыну, но ей было всего лишь 13 лет. По политическим причинам Павел Петрович женился на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадской [7, с. 303].

Детство Софии-Доротеи прошло на территории современной Франции, в «беспритязательном» имении Этьюп с домом и садом [8, с. 120]. Эту летнюю резиденцию девочка особенно любила.

София-Доротея воспитывалась в атмосфере здоровой семейной жизни, с детства привыкла относиться с огромным уважением к родителям, искренне любила их, привыкла беспрекословно их слушаться, была приучена к строгому порядку, бережливости и обязательному выполнению своих обязанностей в семье [7, с. 301].

София-Доротея воспитывалась в духе, типичном для знатных домов Европы XVIII века. Особую роль в ее воспитании сыграла мать - принцесса Фридерика-Доротея – благородная и нежная натура, поклонница Жан Жака Руссо, которая так выразила свои взгляды на воспитание дочери: «Нехорошо, по многим причинам, чтобы женщина приобретала слишком обширные познания. Воспитывать в добрых нравах детей, вести хозяйство, иметь наблюдение за прислугой, блюсти в расходах бережливость — вот в чём должно состоять её учение и философия» [10, с. 19].

София-Доротея получила хорошее по тем временам образование, хотя ему уделялось не очень много времени: в основном только в зимние месяцы. Она хорошо знала французский язык, изучала Закон Божий, историю и мифологию, географию, арифметику и геометрию. Не было забыто и обучение морали [7, с. 302]. В.П. Шпалтаков писал, что она получила блестящее образование: изучала философию и историю, психологию и логику, основы естествознания, геральдику, а также языки – немецкий, французский, итальянский и русский, получила художественное воспитание [9, с. 29].

В Германии XVIII в. господствовали две крайние системы женского образования: французская и немецкая. Одни, восприняв вместе с французским образованием и французский взгляд на женщину, видели в ней, главным образом, украшение семьи и общества, считали, что воспитание женщины должно было выработать ей качества, необходимые для того, чтобы блистать в обществе. Поэтому на первом плане для французской женщины стояло изучение хороших манер, музыки и танцев, изящных рукоделий и рисования. К этому присоединялись изучение французского разговорного языка, знакомство с лучшими литературными произведениями и поверхностные знания научных предметов, которые могли бы позволить женщине принимать участие в разговорах светского общества [10, с. 26-27]. Однако эта система воспитания не могла прийтись по душе большинству патриархальных немцев, которые в женщине выше всего ценили её семейные добродетели. Строгое благочестие, знание всех хозяйственных мелочей и домашние заботы о муже и детях, - вот

что определяло в большинстве случаев круг воспитания немецкой женщины XVIII в. Умение читать, считать и писать, закон Божий и изучение искусства рукоделия считалось совершенно достаточным образовательным курсом. Немецкие женщины того времени были душой семьи и в нравственном отношении стояли несравненно выше своих французских соотечественниц. Этому преимуществу немецкого воспитания не могла не видеть принцесса Доротея. Она же по необходимости и в виду возможного будущего своей дочери должна была позаботиться и об усвоении ею светского французского образования. В воспитании дочери принцесса Доротея попыталась объединить эти две крайние системы женского воспитания, взяв из них хорошие стороны [10, с. 27].

В 1775 г., когда девушке исполнилось 16 лет, она расцвела. В том же году состоялась помолвка принцессы с принцем Людвигом Гессен-Дармштадским. Однако весной 1776 г. ситуация изменилась.

В апреле 1776 г., сразу же после кончины первой жены Павла Петровича Екатерина II начала поиски новой невестки и обратила внимание на принцессу Вюртенбергскую. Она провела переговоры с принцем Генрихом о новой женитьбе своего сына на его племяннице. Описывая новую претендентку на руку Павла Петровича, императрица называла ее «сокровищем». Она писала: «Кроткая, хорошенькая, прелестная, одним словом, сокровище, сокровище: сокровище приносит с собою радость» [8, с. 112]. При участии Фридриха Прусского Екатерина II расторгла помолвку Софии-Доротеи, чтобы она смогла вступить в брак с наследником российского престола. При этом Людвиг Гессенский получил денежную компенсацию.

В июне 1776 г. София-Доротея и Павел Петрович встретились в Берлине. Тогда же состоялась их помолвка [3]. Великий князь был очарован принцессой и писал матери: «Я нашёл свою невесту такову, какову только желать мысленно себе мог: недурна собою, велика, стройна, застенчива, отвечает умно и расторопно. Что же касается до сердца ея, то имеет она его весьма чувствительное и нежное. Весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкою» [5]. Биограф Павла I Д.В. Кобеко писал: «Как и следовало ожидать, та, которую назначили ему в супруги, полюбилась великому князю, очарованному её красотой и грацией и который, сверх того, был восхищен почестями, окружавшими его во владениях Фридриха и к которым он не был приучен на родине» [4, с. 141].

София-Доротея была очарована Павлом Петровичем и рассказывала подругам, что влюбилась в него до безумия [6].

В августе 1776 г. Павел Петрович встретился с невестой в Царском Селе. В сентябре того же года София-Доротея-Августа-Луиза приняла православие и получила имя Мария Федоровна. 26 сентября 1776 г. она сочеталась браком с наследником российского престола [2, с. 7], став второй женой Павла Петровича, будущего Павла I.

Таким образом, София-Доротея-Августа-Луиза родилась в небогатой, но

родовитой семье. Она принадлежала к династии Вюртембергов и была родной племянницей Фридриха II Великого Прусского. Принцесса получила прекрасное воспитание и образование. Она жила в атмосфере любви и уважения, но при этом была приучена к беспрекословному подчинению родителям и обязательному выполнению своих обязанностей, строгому порядку и бережливости. София-Доротея получила прекрасное для своего времени образование, которое не предполагало глубокое освоение научных знаний. В молодые годы она не имела навыков политической и светской жизни, но научилась расчетливо вести хозяйство, заботиться о муже и воспитывать добрые нравы в детях.

Список литературы:

1. Грог, Я.К. Екатерина II в переписке с Гриммом. - СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1879. 47 с.
2. Жизнь в бозе почившей государыни императрицы Марии Феодоровны. Ч. 1. - М.: Типография С. Селивановского, 1829. 76 с.
3. Захваткин, А. Романова Мария Федоровна. 2016. – URL.: <https://proza.ru/2016/09/07/1046?ysclid=mkclsbcxrp429274329>
4. Кобеко, Д.В. Цесаревич Павел Петрович. 3-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. 474 с.
5. Письма Павла Петровича Екатерине Второй. // Сборник Русского исторического общества. Т. 27. - СПб., 1880. – URL.: <https://archive.org/details/Sbornik-imperatorskogo-russkogo-istoricheskogo-obschestva-tom-27-1880/page/n5/mode/2up>
6. Сидорчик, А. Мать Мария. Жена Павла I - самая многодетная императрица в истории России. // АиФ. 16.01.2015.
7. Черепнин, Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764-1914. Т. 1. - СПб.: Государственная типография, 1914. 651 с.
8. Шильдер, И.К. Павел I. - М.: «Чарли», 1996. 544 с.
9. Шпалтаков, В.П. Благотворительность и меценатство в России. Энциклопедический справочник. - Омск: ОмГУПС, 2021. 304 с.
10. Шумигорский, Е.С. Императрица Мария Федоровна (1759-1828). - М.: Университетская типография, 1890. 212 с.

Султонова Нигина Шералиевна (Республика Узбекистан)
доктор философии (PhD) по историческим наукам
старший научный сотрудник Бухарского государственного музея-заповедника
Nigina Sultonova
Bukhara State Museum-Reserve

ЭВОЛЮЦИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ В БУХАРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье рассматривается эволюция фондовой политики Бухарского государственного музея-заповедника с момента его основания в 1922 году до современного этапа модернизации. На основе анализа архивных данных, статистических показателей и нормативно-правовой базы выявляются основные этапы комплектования музейных коллекций, институциональные трансформации и идеологические влияния на формирование фондов. Особое внимание уделяется проблеме хронологических разрывов, диспропорции в структуре коллекций и современным тенденциям диверсификации музейной деятельности.

Ключевые слова: музейный фонд, комплектование, Бухара, этнография, институциональная трансформация, музейная политика.

EVOLUTION OF MUSEUM COLLECTION DEVELOPMENT IN BUKHARA: A HISTORICAL AND INSTITUTIONAL ANALYSIS

Summary: The article examines the evolution of the fund policy of the Bukhara State Museum-Reserve from its establishment in 1922 to the contemporary stage of modernization. Based on the analysis of archival materials, statistical data, and the regulatory and legal framework, the study identifies the main stages of museum collection development, institutional transformations, and ideological influences on the formation of the museum holdings. Particular attention is paid to the problem of chronological gaps, structural disproportions within the collections, and current trends in the diversification of museum activities.

Keywords: museum fund, collection development, Bukhara, ethnography, institutional transformation, museum policy.

Фонд музея является не только хранилищем предметов, но и отражением исторической политики памяти, научных приоритетов и идеологических установок эпохи [1, с. 2-3]. Кратко говоря, музейный фонд представляет собой совокупность всех предметов, аккумулируемых и хранящихся в музее. Национальный музейный фонд — это комплекс обладающих музейной ценностью научных, художественных, исторических и иных культурных объектов, постоянно находящихся на территории Республики Узбекистан и

отражающих историко-культурное развитие страны. В этой связи именно фондовая деятельность музея-заповедника приобретает приоритетное значение.

С позиции так называемой «производственной модели» музейной деятельности фондовая работа представляет собой не только процесс комплектования и хранения предметов, но и сложную систему, включающую их выявление, научное изучение, обогащение содержательных характеристик и интеграцию в сферу удовлетворения духовных потребностей общества. Следовательно, музейный фонд — это не просто пространство хранения, а стратегический ресурс, определяющий научный, просветительский и культурно-коммуникативный потенциал музея. Применение производственной модели позволяет рассматривать проблемы фондовой деятельности через следующую логическую последовательность:

- выявление и научное исследование предметов, обладающих музейной значимостью;
- подготовительная обработка поступивших предметов (атрибуция, систематизация, консервация), а также повышение их научной и экспозиционной ценности посредством дополнительного изучения, реставрации и адаптации к музейному показу;
- введение в «производственный» оборот, то есть обеспечение доступа потенциальных пользователей к музейному собранию;
- рациональная, комплексная и ресурсосберегающая организация фондовой деятельности [2, с. 85].

Последовательное и системное решение указанных задач обеспечивает полноту, целостность и научную репрезентативность музейного собрания.

Бухара, как один из древнейших культурных центров Центральной Азии, обладает уникальным историческим наследием, что обуславливает особую значимость анализа музейной политики региона. Формирование музейных коллекций в регионах с богатым историческим наследием, таких как Бухара, представляет особый научный интерес. Бухарский государственный музей-заповедник, основанный в 1922 году, за более чем столетнюю историю прошёл несколько этапов институциональной трансформации. Однако структура его фондов демонстрирует определённые диспропорции и хронологические лакуны, требующие научного анализа. Цель статьи - проследить эволюцию фондовой политики музея, выявить основные этапы её формирования и определить современные проблемы и перспективы развития.

Источники и методология исследования: Работа основана на архивных документах музея, статистических данных о составе фондов, экспедиционных отчётах и нормативно-правовых актах Республики Узбекистан. Применены методы историко-сравнительного анализа, институционального подхода и количественной обработки данных.

I этап представляется как становление фондовой политики (1922–1930-е гг.). Музей был основан в 1922 году [7, с. 38]. По словам первого директора музея А.Пулатова, «музей находится на начальном этапе своего становления, и

его дальнейшее пополнение экспонатами и формирование как полноценного современного музея рассматривается как стратегическая задача нового поколения» [8, с. 4.]. Фонд Бухарского областного историко-краеведческого музея первоначально формировался на основе предметов, переданных государственными структурами и частными лицами, а также экспонатов, приобретённых самим музеем. С 1 марта 1927 года началась работа по созданию постоянной музейной экспозиции. Собранные предметы подвергались научному отбору и систематизации, им присваивались инвентарные номера и составлялись соответствующие этикетажные описания.

В структуре музея были организованы три отдела — археологический, этнографический и природоведческий [3, с. 11]. Основу коллекций составляли предметы материальной и бытовой культуры населения Бухарского оазиса XIX–XX вв. После ликвидации Бухарского эмирата новая власть инициировала институционализацию культурного наследия региона. Приоритетной задачей стала централизация, учёт и правовая консолидация историко-культурных ценностей.

Формирование музейного фонда рассматривалось не только как культурная инициатива, но и как инструмент государственной политики в сфере охраны памятников и управления исторической памятью. Централизованный сбор и систематизация предметов заложили нормативную основу региональной системы сохранения наследия. Уже в первые годы объём фондов значительно возрос, что отражало целенаправленную стратегию инвентаризации и интеграции материального наследия в новую административно-культурную систему.

Второй этап представляется как идеологическая трансформация (1930–1950-е гг.). В 1930-е годы усилилось влияние идеологических факторов. Комплектование фондов ориентировалось на отражение социалистических преобразований. С начала 1930-х годов интенсивность научно-комплектовочной работы снизилась, а фондовая политика была переориентирована на историко-революционную и современную тематику. Это отражало институциональные и идеологические установки советской культурной политики, в рамках которой музей должен был репрезентировать социально-экономические преобразования и новую социальную структуру общества. Дефицит предметов, отражающих повседневную жизнь рабочих и колхозников, обусловил целенаправленную корректировку комплектовочной деятельности в соответствии с приоритетами эпохи.

В условиях масштабных трансформаций традиционные элементы материальной культуры постепенно утрачивают значение, уступая место продукции массового промышленного производства. Этнографические коллекции фиксировали изменения образа жизни, процессы культурного взаимодействия и сохраняли отдельные традиционные черты. Вместе с тем предметные собрания не всегда могли полноценно отразить новую социальную

реальность, что повысило значение документальных и визуальных источников - полевых дневников, анкет, фотографий и кинофотоматериалов.

Экспедиции в Бухару позволили восполнить дефицит материалов по тематике революции, Гражданской войны, социалистического строительства и современного быта, обеспечив более целостное представление исторических процессов в структуре музейного фонда.

С 1931 года на научных сотрудников музея была возложена задача проведения систематических исследований в области краеведения. В этой связи активизировалась работа по выявлению, сбору и научному изучению предметов, связанных с историей и культурой региона. В результате музейные коллекции значительно пополнились. Среди поступивших экспонатов особое место занимали образцы бухарского золотошвейного искусства, элементы традиционного костюма, местные виды тканей. Часть предметов была передана музеем добровольными дарителями, другая - приобретена в ходе целенаправленной комплектовочной деятельности.

8 февраля 1931 года исследователь П.И.Корнилов был назначен заместителем директора Бухарского государственного музея по научной работе. Совместно с немногочисленным коллективом научных сотрудников он развернул активную деятельность по совершенствованию организационной и научной структуры учреждения. По его инициативе был создан Научный совет музея, в состав которого вошли сотрудники-этнографы П. А. Гончарова и А. С. Амитров, археолог В. А. Шишкин, а также уполномоченный представитель Комитета по охране и изучению памятников искусства и старины Узбекистана (Узкомстарис) в Бухаре Н.А.Кожин [6, с. 108-111].

В 1931 году сотрудники музея в рамках изучения шелкоткацкого производства осуществили экспедицию в село Ханабад, где были приобретены образцы бухарского бахмала, адраса, алачи, бухарского и гиссарского шёлка, а также изделия золотошвейного искусства. Были зафиксированы сведения старых мастеров о традиционных обрядах, орнаментике и композиционных приёмах. Создание Научного совета способствовало институционализации научной работы и формированию профессиональных стандартов комплектования фондов, что обеспечило пополнение коллекций национального костюма и предметами, отражающими социальную структуру общества.

В 1930–1940-е годы музей организовал ряд этнографических экспедиций, в ходе которых были собраны и систематизированы материалы по традиционной орнаментике ремесленного производства, в том числе по узорам хлопчатобумажных тканей Вобкента и Гиждувана. В 1937 году проведена целенаправленная работа по сбору и изучению вышивки и традиционной одежды: зафиксировано 68 видов орнаментов, собраны данные по технологии вышивки и крашения, в результате чего сформирована коллекция из 42 уникальных образцов бухарской вышивки.

В том же году общее количество музейных предметов составляло 11 902 единицы хранения, а к 1940 году этот показатель увеличился до 15 175 единиц [9, с. 178].

Фонды музея постепенно пополнялись археологическими, нумизматическими и этнографическими материалами. В числе этнографических предметов значительное место занимали артефакты, относящиеся к периоду Бухарского эмирата: атрибуты деятельности миршабов (городской стражи), музыкальные инструменты, письменные принадлежности, а также мужские халаты (чапаны), изготовленные в Китабе, Гиссаре, Карши, Бухаре и Нурата [9, с. 175]. Данные поступления отражали стремление зафиксировать элементы традиционной материальной культуры региона.

В рассматриваемый период комплектование этнографических коллекций носило несистемный характер из-за отсутствия чётко регламентированной научной программы и институционально закреплённых критериев отбора. Это обусловило фрагментарность фондовых поступлений и потребовало в дальнейшем перехода к более структурированной и научно обоснованной модели фондовой политики. Организованные позднее экспедиции позволили существенно укрепить фондовую базу и перейти к формированию тематически выстроенных экспозиций. К 1946 году число единиц хранения достигло восьми тысяч. Несмотря на снижение активности в годы Второй мировой войны, музей сохранил научно-исследовательскую и комплектовочную работу, демонстрируя институциональную устойчивость. В 1947 году музей вновь разместился в Аркской крепости; советский отдел был реконструирован, а экспозиционная концепция выстроена вокруг идеи перехода Бухары к социалистической модели развития. Особое значение имела выставка «Бухара — в братской семье народов СССР», отражавшая интеграцию региона в общесоюзное пространство и переосмысление дореволюционного наследия.

В начале 1950-х годов в результате ревизии фондов количество экспонатов сократилось почти вдвое, что стало следствием пересмотра критериев научной и художественной ценности. В последующие годы деятельность музея приобрела более системный характер: усилилась исследовательская работа, повысилась квалификация сотрудников, расширились экспедиционные программы. Со второй половины XX века музей перешёл к более зрелой модели функционирования, основанной на планомерной научной деятельности и комплексном подходе к сохранению культурного наследия.

Третий этап представляется как научная систематизация (1960–1980-е гг.). С 1960-х годов музей активизировал научные экспедиции. Формировались археологические, нумизматические и этнографические коллекции. Однако сохранялась диспропорция в хронологическом охвате.

К 1965 году из более чем пятнадцати тысяч собранных экспонатов около шестидесяти процентов составляли этнографические предметы, значительную часть которых образовывали элементы традиционной одежды. Данное

соотношение свидетельствует о приоритетной ориентации фондовой политики на фиксацию и сохранение материальной культуры региона.

В 1967–1969 годах научные сотрудники музея активизировали краеведческие исследования, что позволило существенно расширить состав фондов за счёт поступления новых предметов и книжных изданий. Эта работа способствовала укреплению научной базы музея и дальнейшему развитию его исследовательского потенциала [4, с. 286].

С 1980 года научные сотрудники музея начали организовывать специализированные научные командировки с целью целенаправленного комплектования фондов. Экспедиционные выезды осуществлялись в Ромитанский, Пешкунский, Шафирканский, Кызылтепинский, Вобкентский, Гиждуванский и Бухарский районы, где у местного населения приобретались уникальные памятники материальной культуры, элементы традиционной одежды, образцы тканей и другие предметы. Несмотря на количественную значимость музейных коллекций, их структурный состав выявляет ряд существенных диспропорций и лакун. В частности, в фонде практически отсутствуют экспонаты, относящиеся к античному периоду. Помимо хронологических разрывов, следует отметить ограниченные возможности целостного и системного освещения отдельных этапов истории Бухары и региона на основе вещественных источников.

Особенно заметен дефицит предметных материалов, относящихся к этнографии и повседневной жизни Бухары до XIX века, что указывает на необходимость дальнейшей корректировки фондовой политики и восполнения выявленных хронологических и тематических пробелов.

Четвёртый этап это постсоветская модернизация (1991-2025 гг.). После 1991 года фондовая политика ориентируется на восстановление исторической преемственности. К 1993 году общее количество единиц хранения в фонде Бухарского музея достигло 60914. По структурному составу коллекции распределялись следующим образом: археологические предметы - 9352 единицы, произведения изобразительного искусства - 820, нумизматические материалы (монеты) - 14149, этнографические предметы - 7736, книги - 19095, прочие предметы - в соответствующем объёме [2, с. 61].

Анализ количественных показателей свидетельствует о значительном расширении фондовой базы и институциональном укреплении музея. По объёму и структуре коллекций к началу 1990-х годов Бухарский музей занял достойное место среди крупнейших музейных учреждений региона, продемонстрировав высокий уровень концентрации историко-культурного наследия.

В годы независимости директором Бухарского музея Р.В.Альмеевым были проведены исследования, посвящённые вопросам культурного, социально-культурного и экономического развития музейных учреждений. Его работы способствовали теоретическому осмыслению роли музеев в системе современной культурной политики и механизмов их институциональной

модернизации. За более чем девятистолетний период существования музея были сформированы значительные коллекционные комплексы по археологии, нумизматике и эпиграфике, искусству и ремеслам, книгам и документам, повседневной жизни и этнографии, живописи, графике и скульптуре, а также другие ценные собрания. Данный многоотраслевой характер фондов отражает комплексность историко-культурного наследия региона и свидетельствует о формировании музея как многофункционального научно-культурного центра.

Постановление Президента Республики Узбекистан от 27 мая 2022 года № PQ-261 «О мерах по развитию сферы услуг в музеях» сформировало институционально-правовую основу модернизации музейной деятельности, диверсификации сервисных услуг и укрепления финансовой устойчивости музейных учреждений. Данный нормативный акт ориентирован на усиление культурно-просветительской роли музеев в обществе, а также на интеграцию их деятельности с современными механизмами управления и маркетинга.

В рамках реализации указанного постановления была внедрена практика целевого пополнения музейных фондов по инициативе «Мой вклад в культурное наследие». В частности, систематически комплектуются культурные ценности, обладающие исторической, научной и экспозиционной значимостью, а также произведения изобразительного и прикладного искусства высокой художественной ценности, созданные в годы независимости. Данный процесс способствует содержательному обновлению музейных коллекций и расширению их хронологического охвата. Одновременно передача населением предметов, отражающих историческую память, на безвозмездной основе демонстрирует активную позицию гражданского общества в сфере сохранения культурного наследия. Так, в течение 2025 года Бухарским государственным музеем-заповедником было приобретено 123 предмета, представляющих историческую ценность, а свыше 197 единиц хранения были переданы в фонд добровольными дарителями [5].

В результате к настоящему времени общий объём фондов музея-заповедника достиг 140 558 единиц хранения. Эти коллекции не только представлены широкой общественности через систему постоянных экспозиций и тематических выставок, но и выполняют более глубокую функцию - выступают механизмом институционализированной культурной памяти региона. Музей в данном контексте функционирует как особый социальный институт, обеспечивающий сохранение, интерпретацию и трансляцию исторического опыта. Через научно обоснованную экспозиционную репрезентацию многовековая история и культурная эволюция Бухарского оазиса интегрируются в современное общественное сознание. Тем самым музей-заповедник не ограничивается ролью хранилища материальных объектов, а становится активным участником формирования исторической идентичности и культурной преемственности.

Таким образом, динамика развития фондовой политики Бухарского государственного музея-заповедника отражает более широкий процесс

институционализации исторической памяти, в рамках которого музей выступает стратегическим ресурсом культурного развития и общественного самопознания.

Список литературы:

- 1.Альмеев Р. Оптимизация, хранение и экспонирование музейных фондов // Мозийдан садо. 2008 г. № 2. С. 2-3.
- 2.Альмеев Р.В. Бухара город-музей. – Т.:Фан, 1999. С. 128.
- 3.Болтаев А.Х. Бухоро музейи-тарихий ўлкашунослик маркази сифатида. – Бухоро, 2018. С. 90.
- 4.Бухарский областной государственный архив, фонд 1175, опись 1, дело 117, л 286.
- 5.Годовой отчёт Бухарского государственного музея-заповедника за 2025 год.
- 6.Курбанов Ф. П. Е.Корнилов: годы работы в Бухарском государственном музее / «Актуальные вопросы развития искусствоведения в России, странах СНГ и Тюркского мира», Материалы Международной конференции. – Казань: 2017. С. 108-111.
- 7.Ниязова М.И. Из истории деятельности Бухарского музея//Из истории культурного наследия Бухара № 2.С-38, Церемония открытия в Бухаре первого музея// Бухоро ахбори 112-сон. 1922 йил 23 ноябрь.
- 8.Пулатова М. Асрлардан гувоҳлик бериб. // Бухоронома 2002. 18.05. – С.4.
- 9.Содиқова Н. Маданий ёдгорликлар хазинаси. – Тошкент: Фан, 1981. – 268 б.

Тейкин Михаил Спартакович
кандидат филологических наук
Мелитопольский государственный университет
SPIN-код: 4840-7407
Mikhail Teikin
Melitopol State University

О НАИМЕНОВАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЛАСТНОГО ЦЕНТРА КАЛИНИНГРАДОМ: ПРАВОВОЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ, ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация: Настоящая статья касается наименования областного центра и соответственно области, включённых в РСФСР по итогу Второй мировой войны. Восточная Пруссия — провинция Пруссии внутри Германии — справедливо стала военным трофеем: её упразднили в 1945 г. — до самой Пруссии — и поделили между Польшей и Советским Союзом. Кёнигсберг — главный город прусской провинции — стал областным центром в Российской Федерации (тогда советской, сегодня несоединённой), остаётся он таковым до сего дня. Город переименовали в 1946 г. в честь умершего М. И. Калинина. Автор рассматривает вопрос названия города и объясняет целесообразность его переименования.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Кёнигсберг, Калининградская область, Калининград, переименование, законодательство, Королевец.

ABOUT RUSSIAN REGIONAL CENTRE'S NAMING AS KALININGRAD: LEGAL, HISTORICAL, ETHICAL ASPECTS

Summary: This article deals with the naming of the regional centre and the region respectively, which were incorporated into RSFSR as an outcome of World War II. East Prussia, Prussia's province within Germany, had fairly become a spoil of war: it was abolished in 1945—before Prussia proper—and that very year was partitioned between Poland and the Soviet Union. Königsberg, the main city of this Prussian province, became a regional centre of the Russian Federation—then-Soviet, now non-Soviet; it remains so till now. The city was renamed in 1946 in honour of passed M. I. Kalinin. The author investigates the problem of city's name and explains the expedience of its renaming.

Keywords: East Prussia, Königsberg, Kaliningrad region, Kaliningrad, renaming, legislation, Korolevets.

Территория государств может увеличиваться по итогу войны. В прошлом это было обычным явлением: войны велись часто для того, чтобы получить новые владения. Так, Германия затевала в первой половине XX в. два мировых вооружённых конфликта с целью не только ослабить соседей к западу и

востоку от себя, но и получить новые земли. В первом случае развязанная война ещё отвечала общемировой практике, хотя державы, виновные в агрессивных действиях — Германия и Австро-Венгрия, проиграв, в соответствии с принципами международного права вместо территориального приращения получили территориальные потери; вторая держава, не выдержав межнациональных противоречий, усугублённых поражением, распалась.

До конца XIX — начала XX в. обращение к войне являлось нормальным проявлением суверенитета государств, о чём пишет О. И. Ильинская, однако идеи о противоправности «несправедливых» войн, необходимости их исключения из практики межгосударственных отношений овладевали умами выдающихся учёных [4, с. 168]. Новый подход стал находить воплощение не только в правовой доктрине, но и в нормах международного права. По итогу Первой мировой войны была попытка запретить ведение агрессивных войн, что нашло отражение в подписании в Париже Договора о воспреещении войны в качестве орудия национальной политики в 1928 г. Германия подписала данное международное соглашение, что не остановило её от инициативы начать новую наступательную войну.

О. И. Ильинская замечает: развязывание и ведение агрессивной войны — одно из международных преступлений, в совершении которого обвинялись руководители нацистской Германии в ходе Нюрнбергского процесса, оно было признано Международным военным трибуналом нарушением обязательств, вытекавших из Парижского договора 1928 г. [5, с. 170]. Наказанием за агрессивную войну явились в том числе территориальные потери: осуществлённые при А. Гитлере приобретения территорий аннулированы, в пользу Польши отошли восточногерманские земли в границах 1937 г., включая $\frac{2}{3}$ Восточной Пруссии, в пользу Советского Союза — $\frac{1}{3}$ Восточной Пруссии с центральным городом Кёнигсбергом. Это — военные трофеи держав-победительниц, получившие международно-правовое признание. На большей части земель, отошедших Советскому Союзу, была образована Калининградская область в составе Российской Федерации (недолгое время называлась Кёнигсбергской областью), меньшая часть с городом Клайпедой отошла Литве.

С распадом Советского Союза Калининградская область стала российским полуэксклавом, отделённая от территории материнского государства. Частично геополитический расклад в регионе смягчается близким нахождением к области союзной Белоруссии, но она не имеет с областью общей границы, что создаст многочисленные трудности в случае нарастания конфликта со странами Европейского союза и НАТО, окружающими Калининградскую область со всех сторон кроме моря.

Распад СССР не только стал величайшей геополитической катастрофой XX в., как её назвал президент В. В. Путин, но и знаменовал ослабление России — уход нашего государства с веками занимаемой территории, чем не могли не воспользоваться геополитические соперники. С Калининградской областью

ситуация обстоит хуже: во-первых, это эксклав, отделённый от остальной территории России; во-вторых, эта земля стала российской лишь в 1945 г. Оба факта в совокупности дают повод оспаривать российский суверенитет над регионом: он не связан с материнским государством территориально и принадлежит последнему непродолжительное время — исторически данная земля имела иных владельцев.

Главный фактор, скрепляющий эксклав с материнским государством, есть общая национальная идентичность жителей. Поскольку в Калининградской области живут русские — самый многочисленный народ России, проблема сепаратизма не стоит на повестке дня. Однако геополитические противники России и борцы с российской государственностью предпринимают попытки привить жителям области новую идентичность, используя территориальную оторванность и упирая на историческую принадлежность этой земли Германии в частности и Европе вообще; в случае успеха это создало бы возможность отделить область от России. Доктор исторических наук В. Н. Шульгин в своих публицистических статьях пишет о насаждении т. н. кёнигсбергской идентичности посредством использования немецкого названия города и производных от него имён собственных [11, с. 221, 224–227, 230]. Насаждается ненаучная концепция непрерывности истории территории, согласно которой в российском Балтийском Поморье во все времена была и есть «неуничтожимая» Восточная Пруссия [12, с. 183]. При этом игнорируется упразднение Восточной Пруссии в 1945 г. — раньше самой Пруссии, чьё расформирование юридически оформлено в 1947 г. Игнорируется также замещение населения: государство — это не только территория, но и его жители; если в городе и на землях вокруг него живут русские, не может идти речи о Восточной Пруссии, не существующей ни фактически, ни юридически. Это исторический хороним, попытка использовать его в современном контексте есть или неосведомлённость, или прямая спекуляция.

А. А. Терениченко отмечает: на официальном уровне никто не ставил под вопрос решения Потсдамской конференции применительно к Калининградской области, однако националистические круги Литвы и Польши пытались разжигать страсти на тему о неполноте российских прав на область. На некоторых польских картах региона город обозначался как «Крулевец», а на литовских — «Караяучус». Позиция Германии с момента распада СССР характеризуется исследователем как очень сдержанная и осторожная [10, с. 11]. Открыто территориальные претензии к России не выставляются, но ведётся работа по ослаблению российского суверенитета в области, что естественно для геополитических соперников. В. Н. Шульгин отмечает немаловажную роль Германии, ведущей в российском регионе имперскую политику нового типа с насаждением агентуры влияния, а также изменяющей идентичность жителей области [11, с. 227, 230–233].

Немаловажную роль в принадлежности территории играют имена собственные — топонимия края. По тому, какие названия носят города и веси,

по каким улицам ходят их жители, можно определить, под чьим суверенитетом находится территория. Например, в Орлеане есть улица Жанны д'Арк — национальной героини Франции, а в Лондоне на Трафальгарской площади стоит памятник адмиралу Нельсону — национальному герою Великобритании; трудно представить улицу в честь Жанны д'Арк в Великобритании, равно как и площадь в честь Трафальгарского сражения и английского флотоводца Нельсона во Франции и Испании. В ономастике любой территории присутствуют мемориальные топонимы, увековечивающие память значимых для государства лиц и событий (например, *улица Пушкина, Суворовская площадь, улица Семнадцатого сентября*), а также идеологически или религиозно окрашенные топонимы, свидетельствующие о системе ценностей общества и государства (например, *город Архангельск, Преображенская улица*).

Восточная Пруссия стала символом германской военщины, а Кёнигсберг справедливо рассматривался как её центр. Совершенно естественно выглядело не только упразднение Пруссии вообще и Восточной Пруссии в частности, но и переименование города, перешедшего под суверенитет другого государства в строгом соблюдении международного права.

Немецкий топоним *Königsberg* означает 'королева гора' или 'королевская гора'. Первоначально Кёнигсбергом назывался замок, затем название объединило и прилегающие населённые пункты. Город располагается на пересечении культурных путей разных народов, отчего он имел различные названия в разных языках: поляки называли его *Królewiec* (*Крулевец*), чехи — *Královec* (*Краловец*), литовцы — *Karaliaučius* (*Караляучюс*).

Имеет город и русское название — *Королевец*. Под таким астионимом населённый пункт упоминается в письменных источниках прошлого. Г. В. Кретинин в сборнике статей приводит цитаты из указов начала XVIII в.: «Двадцать пятого января 1716 г. [ст. ст.] им [Петром I] был издан именной указ: “Послать в Королевец человек 30 или 40 <...>”»; «В сенатском указе было записано: “Для посылки в Королевец в указанное число 40 человек взять из губерний и из приказов”»; на той же странице в подстрочной сноске при первом упоминании Королевца даётся разъяснение: «Русское название Кёнигсберга» [6, с. 38]. В индексе топонимов Г. В. Кретинин указывает: «Кёнигсберг (Королевец)» [6, с. 642], тем самым подчёркивая, что это один и тот же город. То, что Королевцем называется по-русски немецкий Кёнигсберг, в прошлом не вызывало сомнений. У М. Е. Салтыкова-Щедрина в литературном произведении используется русское имя города, противопоставляясь немецкому: «Кёнигсбергъ-то Королевцемъ назывался, а это ужь послѣ нѣмцы его въ Кёнигсбергъ перекрестили» [9, с. 494].

Со вхождением Кёнигсберга в состав Советского Союза естественно встал вопрос о его переименовании: во-первых, существовавший астионим был олицетворением германской военщины, принёсшей России две мировые войны; во-вторых, новое название закрепляло бы переход территории под иной суверенитет. Так, Польша переименовала бывшие немецкие города *Данциг*,

Штеттин, Бреслау, Позен в Гданьск, Щецин, Вроцлав, Познань соответственно. На *Кёнигсберге* лежала не только печать германского господства, но и большой военно-политический груз, что усугубляло целесообразность переименования.

В. Н. Маслов рассматривает предлагавшиеся варианты названий города: *Славгород, Балтийск и Королевец*. Одним из вариантов для названия области наряду с *Балтийской* была *Прибалтийская область* [7, с. 104–106]. Астioniм *Королевец* был признан нецелесообразным [7, с. 106], что объясняется борьбой коммунистов с монархической властью и неприятием всего, связанного с этой формой правления; возможно представить сохранение на карте «контрреволюционного» названия, но не введение такого.

Вполне вероятным было обрeтение городом нейтрального астионима *Балтийск*, но судьба распорядилась иначе: 3 июня 1946 г. умер М. И. Калинин, и уже на следующий день город и область назвали в честь советского партийного и государственного деятеля. Как отмечает О. В. Петешова, введением новой советской идеологии обусловлено появление такой новой лексико-семантической группы, как «ойконимы, фиксирующие значимые символы коммунизма», что обусловлено взаимовлиянием топонимикона и общественного сознания [8, с. 55]. Та же исследовательница выше даёт статистику по переименованиям за XX в.: на начало столетия приходится лишь 1 % всех реноминаций, на 1917–1945 гг. — 58 %, на 1945–1991 гг. — 39 % и на последнее десятилетие столетия — 2 % реализованных реноминаций [8, с. 22]. Таким образом, кампания по реноминации географических объектов Калининградской области 1946–1950 гг. была проведена на этапе крайне интенсивных советских переименований.

Действительно, за советский период переименовали множество географических объектов, причём некоторые имели вековую историю, как древняя Тверь, названная в честь М. И. Калинина в 1931 г. Безусловно, Кёнигсберг необходимо было переименовать, как и множество других топонимов новой области, утверждая своё господство, но в советской действительности, к сожалению, во многих случаях возобладал идеологический аспект.

Перед падением советской власти всеобщим достоянием стали факты многочисленных нарушений законности в период большевицкого правления, а в последующем стали выявляться всё новые факты, изобличающие партию, захватившую власть в России 25 октября (7 ноября) 1917 г. Совершенно естественно стали возвращать городам их исторические названия, но это не было проведено последовательно: Тверь, Самара, Санкт-Петербург и Екатеринбург носят свои исторические имена, а Вятка, Екатеринодар, Петербургская и Екатеринбургская области никак не могут вернуть прежние названия, несмотря на неоднократные попытки во многих случаях. Всё это, однако, вопрос времени: не могут быть представлены на карте России сомнительные деятели и увековечиваться идеология, принёсшая значительный

вред государству. Историки выявляют новые факты о деятельности В. И. Ленина в начале Первой мировой войны [2], что приближает к разрешению вопрос о декоммунизации нашего ономастикона географических объектов.

С правовой точки зрения не могут быть представлены в топонимии имена лиц, чья деятельность в значительной мере была направлена на свержение законной российской власти. Деяния В. И. Ленина и возглавляемой им партии с уголовно-правовой точки зрения характеризуются как государственная измена и по дореволюционному законодательству — Уголовному уложению 1903 г. (ст. 108), и по современному Уголовному кодексу Российской Федерации 1996 г. (как минимум ст. 275, 278, 279, 280, 280¹, 280², 282). М. И. Калинин был членом ВКП(б) с дореволюционным стажем, его подпись стоит под нормативными правовыми актами, лёгшими в основу массовых репрессий; всё это даёт основание изъять имя данного деятеля из топонимии.

В случае с до сих пор не переименованными Вяткой и Екатеринодаром не вызывает сомнения, к каким названиям следует вернуться. Сложнее обстоит дело с Калининградом.

Оторванность Калининградской области от остальной России порождает претензии на российский регион со стороны других государств; это не всегда заявляется прямо, а юридически на область территориальные претензии не предъявляются, но ведётся работа с местными русскими жителями. Разумное отрицание советского названия становится идеологическим оружием с возможным переформатированием его в оружие геополитическое.

Е. В. Зубрицкая и П. Ф. Макарова замечают: после распада СССР и снятия идеологического табу с исторического прошлого региона в калининградском публичном пространстве активизировалось использование бывшего названия города *Кёнигсберг*, появился неофициальный астионим *Кёниг*, образованный путём усечения; одновременно разговорная номинация начала использоваться в официальных эргонимах, имеющих как слитное, так и раздельное написание: *Кёнигавто*, *Кёнигоптик*, *Кёнигокна* и т. п. [3, с. 41].

В распространении немецкого названия сыграло стихийное стремление отойти от советского идеологически окрашенного астионима и неизвестность либо слабая известность иных названий кроме немецкого. Этим не могли не воспользоваться недружественные России силы, поощряющие внедрение астионима *Кёнигсберг*.

Невозможность называть город немецким названием осознаётся властями и общественным мнением, не хватает пока понимания, что имени Калинина не должно быть на карте. Враждебные России силы будут использовать одиозное коммунистическое название *Калининград*, противопоставляя ему немецкое *Кёнигсберг*, имеющее длительную историю, замалчивая факт, что это не российская, а немецкая история, не имеющая отношения к нашей государственности.

Название *Королевец* оправданно исторически, не вызывает нареканий с точки зрения эстетического восприятия, идеологически нейтрально. Область должна называться соответственно *Королевецкою*.

Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» в абз. 5 ч. 3 ст. 7 допускает переименование в целях возвращения отдельным географическим объектам наименований, широко известных в прошлом и настоящем. Астионим *Королевец* известен по письменным источникам с давних лет, что даёт возможность при должной политической воле переименовать город и область.

При переименовании астионима *Калининград* и хоронима *Калининградская область* изменения должны коснуться иных собственных имён, о чём должен быть издан специальный закон для урегулирования реноминации. Целесообразно очистить ономастическое поле от названий, производных от *Кёнигсберга*, не нарушая при этом ничьих прав, в том числе на интеллектуальную собственность. Хорошо известен прагмоним «Старый Кёнигсберг», служащий именем известного по всей России коньяка. Исследователь винных прагмонимов С. О. Горяев верно отмечает сложившуюся на рубеже веков ситуацию в правовом и номинативном полях: с одной стороны, неразработанность и практическая «необязательность» исполнения законодательства о товарных знаках в конце XX — начале XXI в. приводила к тому, что номинатор, создавая название вина, мог не обращать особого внимания на законодательные ограничения, следствием чего стал «стихийный брендинг» в появлении и функционировании торговых марок; популярные вина, произведённые различными постсоветскими компаниями, не имеющими многовековой традиции винопроизводства, предполагающей наличие брендов с долгой историей, накладывали конкурентный отпечаток на номинацию [1, с. 210–211]. Название должно быть броское и запоминающееся; это касается не только вин, но и иных напитков, в том числе производимых в Калининградской области. Невозможно представить прагмоним «Старый Калининград» — это противоречит истории. Отсылка к досоветскому периоду придаёт продукции налёт качества, чем пользуются производители, но в рассматриваемом случае город и область не имеют досоветской российской истории, если не считать недлительный период, пришедшийся на Семилетнюю войну с января 1758 по август (сентябрь н. ст.) 1762 г. Историческая ретроспектива прагмонима была бы невелика, если привязывать его к астиониму *Калининград*; кроме того, название напитка, содержащее имя Калинина и неся на себе ненужный идеологический груз, не дало бы производителю конкурентного преимущества, но дополнительно вызвало бы насмешку у потенциального покупателя как относительно «старости» города, так и в отношении всесоюзного старосты. Отсюда возникла связь с немецким названием. Вопрос помогает решить русский астионим *Королевец*, снимающий проблему присутствия в прагмониме символа германского господства. Коньяк

может принять симпатичное название «Старый Королевец» — тем его история станет лишь старше, отсылая к допрусским временам.

Следует отметить, что законодательство о топонимии нуждается в пересмотре: оно должно предусматривать переименование объектов, названных в честь одиозных личностей и событий, это касается в том числе топонимов, появившихся в советское время. Не может быть в Москве станций метрополитена Войковская, Марксистская и Комсомольская, а в Петербурге — станций Проспект Большевиков, Пролетарская и Чернышевская. Вопрос о новеллах в топонимическом законодательстве должен быть объектом отдельного исследования.

Список литературы:

1. Горяев С. О. «Чёрный монах», «Слеза монашки»: церковная тематика в названиях вин постсоветского времени // *Questio Rossica*. — 2014. — № 3. — С. 209–226.
2. Дюков А. Р. Обстоятельства ареста и освобождения В. И. Ульянова в австрийской Галиции в контексте оперативной деятельности австро-венгерской военной разведки, 1912–1914 гг. // *История. Научное обозрение OSTKRAFT*. № 25 / Под ред. М. А. Колерова. — М., 2026. — С. 106–151.
3. Зубрицкая Е. В., Макарова П. Ф. Неофициальные астионимы и катойконимы как маркёры региональной идентичности жителей Калининграда // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология*. — 2023. — № 4. — С. 40–48. — DOI: 10.5922/pikbfu-2023-4-5.
4. Ильинская О. И. Формирование принципа запрещения агрессивных войн до создания Организации Объединённых Наций // *Lex russica*. — 2017. — № 8 (129). — С. 167–176. — DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.167-176.
5. Ильинская О. И. Проблема запрещения агрессивных войн в истории международного права // *Актуальные проблемы российского права*. — 2024. — Т. 19. — № 8. — С. 162–173. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.162-173.
6. Кретинин Г. В. Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории / Отв. ред. И. О. Дементьев. — Калининград: Аксиос, 2018. — 652 с.
7. Маслов В. Н. Создание Кёнигсбергской области и её переименование в 1946 г. // *Калининградские архивы*. — 2014. — № 14. — С. 99–109.
8. Петешова О. В. Переименование географических объектов в Калининградской области: лингвистический аспект. — Калининград: БФУ им. И. Канта, 2025. — 160 с.
9. Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи. 2-е изд. — СПб.: В типографии А. А. Краевского, 1883. — 509 с.
10. Терениченко А. А. Проблема сохранения суверенитета России над Калининградской областью: правовой аспект // *Современный Юрист*. — 2013. — № 4 (5). — С. 7–16.

11. Шульгин В. Н. К «современной» истории Калининграда: чего добиваются немцы и их подручные в Калининграде? // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей: IX–XXI вв. Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 800-летию Александра Невского и 300-летию Российской Империи (Липецк, 08 октября 2021 г.) / Под ред. А. Н. Долгих, В. В. Фомина. — Липецк: Липецкий ГПУ, 2021. — С. 221–245.
12. Шульгин В. Н. «Историческое» предательство: как оно вершилось на Руси в постсоветское время под водительством немцев // Белоозеру Синеуса — 1160 лет. Материалы Международного научного форума / Под ред. В. В. Фомина. — Липецк: Липецкий ГПУ, 2022. — С. 173–192.

Тимофеев Владимир Владимирович

кандидат политических наук, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 3786-9272

Timofeev Vladimir

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КВЕБЕКА

Аннотация: Статья исследует конституционные основы внешнеполитической деятельности Квебека. В канадской конституции нет прямого закрепления исключительной компетенции федерального центра в сфере внешней политики, что создаёт правовую возможность для провинциальной парадипломатии. Внешнеполитическая активность Квебека опирается как на пробелы в конституционном регулировании, так и на разделение полномочий, которые закрепили за провинцией реальные механизмы международного взаимодействия.

Ключевые слова: Квебек, парадипломатия, франкоканадцы, Канада, сепаратизм, национализм, Конституционный акт 1867 г., Конституционный акт 1982 г.

CONSTITUTIONAL BACKGROUND OF QUEBEC'S FOREIGN POLICY

Summary: The article examines the constitutional foundations of Quebec's foreign policy activities. The Canadian Constitution does not explicitly assign exclusive competence over foreign policy to the federal government. This situation creates a legal opportunity for provincial paradiplomacy. Quebec's foreign policy activities are based on gaps in constitutional regulation and the division of powers that have granted the province real mechanisms for international engagement.

Keywords: Quebec, paradiplomacy, French Canadians, Canada, separatism, nationalism, Constitution Act 1867, Constitution Act 1982.

Квебекская парадипломатия как объект исследования представляет существенный интерес с точки зрения анализа правовых основ субъектно-территориальной дипломатии. Научная актуальность данной историко-правовой проблематики требует решения следующей задачи: «Определить конституционное обоснование внешнеполитической деятельности Квебека». Данная статья опирается на разработанные проф., д. и. н. Ю. Г. Акимовым концептуальные рамки изучения проблемы, которой он посвятил множество исследований (например, [1–3]), а также учитывает работы С. В. Кабышева, И. В. Лексина, Д. Элдер и др. [4], Р. Ханна [7], Ж.-Ф. Карона [8], Р. Венгрофф и

Дж. Рич [12], Д. Тёрпа [11]. Применяемая методология – анализ нормативно-правовых актов.

Основными конституционными документами Канады являются Конституционный акт 1867 г. (был принят британским парламентом и ранее известен под названием Акт о Британской Северной Америке) и Конституционный акт 1982 г. [4, с. 99]. Принятие данного документа означало реализацию патриации конституции, т. е. политический процесс, приведший к закреплению канадского суверенитета и оформлению собственного свода законов, не состоящего из законов Великобритании. Канадская конституция теперь являлась законом парламента Канады [9]. Первую часть конституции образует Хартия прав и свобод. Конечно, на момент Тихой Революции основным законом был Акт о Британской Северной Америке (т. е. в современном виде Конституционный акт 1867), и во многом именно поэтому, когда речь касается вопросов внешней политики, отсылаются именно к этому нормативному акту (а также потому что в целом в Конституционных актах нет статей, напрямую касающихся вопроса внешней политики)

Конституционный акт 1867 г. постановил создание Доминиона Канада, объединявшего провинции Нью-Брансуик, Новая Шотландия, Онтарио и Квебек [7]. Изначально конституция Канады и принципы федерализма, содержащиеся в ней, должны были выражать согласование интересов англо- и франкоговорящего населения. Хотя на тот момент французский не являлся официальным языком наравне с английским, использование обоих языков разрешалось в палатах Парламента Канады и палатах законодательного собрания Квебека (статья 133) [7]. Тем самым основная направленность федерализма в Канаде – регулирование франко- и англоканадских отношений, а также выражение национального и культурного взаимодействия и многообразия в рамках единого государства.

Существует борьба двух противоположных политических позиций, которая прежде всего отражает тот факт, что канадское государство строится на идее территориального федерализма, в то время как Квебек предпочёл бы, чтобы федерализм в Канаде развивался в истинно мультинациональной динамике. Нельзя не учитывать важность различия и противоречивости этих концепций: федеральное правительство считает субсидиарность (практическое воплощение принципов децентрализации) способом гарантирования наилучшего управления, при этом предполагая равенство между всеми субъектами федерации, а Квебек видит государство как определённый институт, в рамках которого осуществляется формальное партнерство между, по крайней мере, двумя нациями, которые имеют право на самоопределение и создание собственного государства [8]. Можно предположить, что именно из-за противоречия мнений относительно видения принципов канадского федерализма возникает тенденция к провинциальной парадипломатии, а также стремление к самостоятельной деятельности на международной арене.

При этом необходимо признать, что канадская конституция довольно «динамична» в той степени, что различные пути её судебного толкования способствуют развитию административной самостоятельности канадских провинций. Это проявляется в вопросах образования, бюджета, здравоохранения. К тому же Конституционный Акт 1867 г. чётко распределяет конкретные полномочия между федеральным центром (парламентом) и провинциями [6]. Как федеральный, так и провинциальный уровень обладают законодательными и исполнительными полномочиями, т. е., буквально говоря, и федеральное правительство, и правительство провинций принимают и реализуют законодательные акты и отчитываются перед своим законодательным собранием. Особо надо сказать о фискальном федерализме в Канаде, при котором оба уровня власти обладают полномочиями в бюджетно-налоговой сфере. При этом из-за разрыва между провинциями в уровнях экономического развития федеральному правительству приходится направлять средства на выравнивание экономических показателей. Также и в сфере социальной политики провинции в большой степени независимы от федерального центра.

Из-за растущей уверенности провинций в их экономической и политической самостоятельности они начали стремиться ограничить широкие полномочия федерального правительства. Постепенно стали усиливаться стремления к самостоятельному осуществлению функций провинциальной юрисдикции [4, с. 111]. Порой провинции воспринимали совместные программы как нарушение границ юрисдикции. Выдвигалась идея отмены или ограничения односторонних полномочий федерального центра. Хотя в действительности это осуществлено не было. Однако из всего этого необходимо осознать один факт: именно в чётком разделении полномочий заключается фундамент нормативного обоснования права Квебека на внешнеполитическую деятельность.

В конституции Канады нет положения, свидетельствующего о том, что внешняя политика относится к юрисдикции федерального центра. В действительности, в нормативно-правовых и законодательных актах, формирующих конституцию Канады, как уже было сказано, нет указаний, касающихся внешней политики [12]. Однако в статьях 92, 92а и 93 вопросы, касающиеся просвещения и невозобновляемых природных ресурсов, подпадают исключительно под юрисдикцию провинций, при этом вопросы сельского хозяйства и иммиграции относятся к совместной юрисдикции [3, с. 15]. Т. е. по сути разграничение полномочий есть, но статьи, где бы было написано, что внешняя политика является исключительной прерогативой федерального центра, отсутствуют (что во многом отличает конституцию Канады от основного закона других федеративных государств, таких как Бразилия, Австрия, Индия, Малайзия, Мексика и др.)

В 1965 г. Жерен-Лажуа, министр образования и вице-президент провинции Квебек, произнес две речи [11], вошедшие затем в историю как доктрина Жерен-Лажуа, которая полностью оформила комплекс

конституционных положений и других нормативных актов, регулировавших отношения Квебека и федерального правительства в сфере внешней политики [2, с. 49]. Суть данной доктрины заключалась в тезисе о праве Квебека проводить самостоятельную внешнюю политику, а также о правомочности заключения международных договоров в сферах, относящихся исключительно к провинциальной юрисдикции Квебека [1, с. 6]. В доктрине говорится: «Почему государство, применяющее международный договор, не способно проводить переговоры и самостоятельно его подписывать?» [5] Также в своей доктрине Жерен-Лажуа утверждал, что единственная статья, которая касалась полномочий реализации международных договоров, регулировала соблюдение провинциями соглашений, подписанных между Британской империей и другими суверенными государствами. Однако, как сразу отметил Жерен-Лажуа, эта статья потеряла свою силу с принятием в 1931 г. Вестминстерского статута

При этом нужно учесть, что в 1937 г. Судебный Комитет Тайного Совета постановил, что право реализовывать международные договоры подпадает под компетенцию либо федерального, либо провинциального правительства, в зависимости от того, чью сферу юрисдикции затрагивает международный договор [10].

В дальнейшем федеральный центр и правительство Квебека подписали ряд договоров, расширявших компетенцию Квебека в сфере международной деятельности:

- Соглашение, подписанное на конференции в Ниамее в 1970 г., признающее за квебекским правительством статус участвующего правительства и тем самым позволяющее Квебеку непосредственно участвовать в Международной организации Франкофонии;
- Соглашение Каллена-Кутюра (1978 г.), признающее за Квебеком право на рассмотрение и самостоятельное регулирование вопросов иммиграции в Квебек;
- Соглашение Канада-Квебек (2006 г.), которое даёт Квебеку право участвовать в заседаниях и конференциях ЮНЕСКО [10].

Таким образом, в канадской конституции нет прямого закрепления исключительной компетенции федерального центра в сфере внешней политики, что создаёт правовую возможность для реализации провинцией Квебек парадипломатии.

Список литературы:

1. Акимов Ю. Г. Внешнеполитическая деятельность субъектов федераций и конституционный процесс в федеративных государствах (на примере Канады, Бельгии и Испании) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени / Сост. Т. Н. Гончарова. – Санкт-Петербург, 2014. – № 12. С. 6
2. Акимов Ю. Г. Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 48–56.

- 3.Акимов Ю.Г. Федерализм и организация внешней политики: Канада и Россия // Россия и Канада в начале XXI века. Материалы международного семинара 6 апреля 2005 года. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 97–107.
- 4.Кабышев С.В., Лексин И.В., Элдер Д. и др. Федерализм в России и Канаде: курс лекций. - М.: Формула права. 2009. 307 с.
- 5.Allocution du ministre de l'Éducation, M. Paul Gérin-Lajoie, aux membres du Corps consulaire de Montréal, lundi, le 12 avril à 12 h 30 de l'après-midi, à l'hôtel Windsor. Page 3. - URL: https://www.mrif.gouv.qc.ca/Content/documents/fr/discours_gerin_lajoie.pdf (дата обращения: 05.03.2026).
- 6.Constitutional Documents // Government of Canada. - URL: http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/Const_index.html (дата обращения: 05.03.2026).
- 7.Hanna R. Right to Self-Determination In Re Secession of Quebec // Maryland Journal of International Law. 2008. № 23. - URL: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1554&context=mjil> (дата обращения: 05.03.2026).
- 8.Jean-François Caron. The evolution of Canadian Federalism and its possible effect on Quebec secessionist discourse. - URL: http://ideefederale.ca/documents/October_2013.pdf (дата обращения: 02.02.2015).
- 9.Patriation of the Constitution. - URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/patriation-of-the-constitution/> (дата обращения: 24.02.2015)
- 10.Quebec's international initiatives: Legal and Historical foundations. - URL: http://www.mrif.gouv.qc.ca/content/documents/en/action_internationale2.pdf (дата обращения: 03.02.2015)
- 11.Turp D. La doctrine Gérin-Lajoie et l'émergence d'un droit québécois des relations internationales. - URL: http://www.danielturp.org/interventions/2006/janvier/DoctrineGerin-Lajoie%20_Actesducolloque.pdf?PHPSESSID=169f000b62ae7622c962d3e4b66f5a12.pdf (дата обращения: 24.02.2015)
- 12.Vengroff R., Rich J. Paradiplomacy and the Canadian Provinces. - URL: <http://ciber.business.uconn.edu/wp-content/uploads/sites/967/2014/11/paradiplomacycanadianprovinces.pdf> (дата обращения: 17.03.2015)

Тихонова Вера Борисовна

кандидат культурологии, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 3355-1070

Vera Tikhonova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ XVII В.

Аннотация: Предлагаемая статья посвящена проблеме пространственной идентичности в российском самосознании XVII в. На основе междисциплинарного подхода выявляются вероятные характеристики пространственной идентичности допетровской России. В процессе исследования привлекаются работы историков, литературоведов, культурологов, географов, антропологов. Используется ряд источников, способных продемонстрировать особенности пространственных представлений и отношения к пространству в российском обществе XVII в. Рассматривается взаимосвязь между понятиями идентичности, менталитета, самосознания и картины мира. Приводятся различные подходы к пониманию пространственной и территориальной идентичности, а также разные точки зрения на особенности восприятия пространства в России XVII в. На основании анализа исторических источников и научных концепций выявляются наиболее заметные формы идентичности,

Ключевые слова: культурная идентичность, российский менталитет, пространственная идентичность, территориальная идентичность, XVII в., ментальности сословий, православное государство, вероисповедные границы, уездные корпорации, поместная система, сакральная символика, секуляризация.

SPATIAL IDENTITY IN THE RUSSIAN MENTALITY OF THE 17TH CENTURY

Summary: This article examines spatial identity in Russian self-awareness in the 17th century. An interdisciplinary approach is used to identify potential characteristics of spatial identity in pre-Petrine Russia. The study draws on the work of historians, literary scholars, cultural scientists, geographers, and anthropologists. A number of sources are used to demonstrate the characteristics of spatial representations and attitudes toward space in 17th-century Russian society. The relationship between the concepts of identity, mentality, self-awareness, and worldview is examined. Various approaches to understanding spatial and territorial identity are presented, as well as different perspectives on the perception of space in 17th-century Russia. Based on an analysis of historical sources and scientific

concepts, the most prominent forms of identity are identified.

Keywords: cultural identity, Russian mentality, spatial identity, territorial identity, 17th century, class mentalities, Orthodox state, religious boundaries, district corporations, manorial system, sacred symbolism, secularization.

Предлагаемая статья обращается к проблеме пространственной идентичности России XVII в. Основная задача данного исследования предполагает выявление максимально вероятных характеристик пространственной идентичности россиян допетровского периода. Автор намеренно не ограничивает временные рамки, учитывая ряд важнейших для развития идентичности процессов, охватывающих весь XVII в. Также не ограничивается круг пригодных для освещения данной темы источников, ввиду немногочисленности сохранившихся от рассматриваемой эпохи нарративов личного происхождения. Методология данной работы детерминирована выраженной междисциплинарностью как тематики статьи, так и самого понятия идентичности.

Понятием идентичности обычно обозначают самоотождествление личности с самой собой, другими людьми и группами. Основоположник теории идентичности немецко-американский психоаналитик Э. Г. Эриксон, обосновал наличие у данного феномена как личностного уровня, так и социально-культурного, связанного с исторической эпохой. По мнению ученого, идентичность отдельного индивида всегда обусловлена спецификой определенного исторического периода [34, с. 62-63, 84].

В настоящее время понятие идентичности относится к наиболее востребованным в современной отечественной гуманитаристике, предполагает множественность научных направлений (чаще всего междисциплинарных), и разнообразие подходов, объясняющих его суть [29, с. 705-706]. Соответственно подходам выделяются различные виды идентичности, среди которых самыми «популярными» можно назвать личностную и групповую, а также цивилизационную, этническую, национальную, социокультурную, религиозную, гендерную, в несколько меньшей степени – историческую. Среди форм проявления данного феномена ученые нередко упоминают позитивную и негативную идентичность, а также временную, пространственную и территориальную.

При этом некоторые из подходов к идентичности сближают её с феноменом менталитета и склонны исследовать оба явления в рамках исторической антропологии [33, с. 22-25; 29, с. 706-708], рассматривая их через призму самосознания, выступающего одновременно и существенной ментальной характеристикой конкретного исторического общества, и важнейшим условием его же идентичности.

Обратим внимание на то, что идентичность как самосознание предполагает ответы отдельных личностей и социума в целом на такие важнейшие вопросы, как: кто я (мы), где я (мы), какой я (какие мы)?

Особенности самосознания сближают идентичность с менталитетом, который понимается как полусознанный привычный образ мысли народа, специфика его мировосприятия и самосознания, выраженные на протяжении длительного времени. Другим родственным для идентичности понятием может быть культурная картина мира, которая понимается как совокупность свойственных конкретному обществу в определенную историческую эпоху ментальных характеристик. Ввиду указанного родства между указанными понятиями, при реконструкции идентичностей прошлого, вероятно, может быть приемлемым обращение к исследованиям, посвященным истории ментальностей и культурных картин мира. Ведь все перечисленные явления - и идентичность, и самосознание, и менталитет, и культурная картина мира, - предполагают наличие в каждый исторический период особых, характерных именно для конкретного народа представлений о добре и зле, о жизни и смерти, о чести и совести, о труде и праве, а также о времени и, что важно для нашей темы - о пространстве.

Надо заметить, что, хотя феномену пространственной идентичности посвящен ряд специальных исследований, проблема российской идентичности XVII в. – редкая тема в научной литературе. В силу указанного выше родства между понятиями идентичности и менталитета, автор данной работы при рассмотрении особенностей российской идентичности XVII в. обращается к широкому кругу исследований по истории допетровской России, ее культуры и менталитета.

Пространственная идентичность, обсуждаемая рядом авторов в рамках пространственно-временного контекста, явно сближается с таким знаковым для отечественной науки понятием, как хронотоп. Данное понятие считается детищем российской (советской) науки, изначально родившимся в рамках естественнонаучной концепции А. А. Ухтомского, в трудах М. М. Бахтина перенесенным в сферу литературоведения, и впоследствии расширившим свое применение до максимально широкого круга социально-гуманитарных исследований [4, с. 103-122; 6, с. 103-104; 32, с. 44-45; 21, с. 41-46], в том числе исторических, рассматривавших хронотопы пространственно-временными «континуумами», «единствами ... временных и территориальных параметров» [8, с. 126-127].

В рамках хронотопа объединяются пространственные и временные характеристики культуры, как ее универсальные и ключевые категории, как важнейшие исходные координаты одновременно для самосознания, художественного творчества, менталитета, культурной картины мира и социокультурной идентичности конкретной эпохи. Вслед за М. М. Бахтиным современные исследователи указывают на множественность хронотопов в культуре, в т.ч. связанных с ее пространственными характеристиками: к примеру, хронотопы дороги (пути), встречи, границы (рубежа), порога, города, в т.ч. провинциального, и т.п. [4, с. 103-122; 6, с. 103-104; 22, с. 180-181; 32, с. 45-46].

Некоторые исследователи, обращаясь к проблематике социокультурного пространства, рассматривают также понятия территориальной (в т.ч. региональной, городской, местной) идентичности. Под территориальной идентичностью в научной среде понимается либо общность людей в рамках территориальных границ, обусловленная социокультурными особенностями пространства [20, с. 87-88]; либо сложившаяся система представлений группы о принадлежности к определенному территориальному культурному сообществу [27, с. 62]; либо определение места личности или группы в окружающем мире [11, с. 151,161-162]. Иногда отмечается отсутствие консенсуса между исследователями в вопросе о разграничении и соотношении между пространственными и территориальными идентичностями. К примеру, один из подходов видит различие между пространственной и территориальной идентичностью в том, что первая проистекает из положения конкретного места в пространстве, относительно других пространств, а вторая – базируется на свойствах территории, в рамках которой формируется [18, с. 22]. Другой подход предполагает территориальную идентичность основанной на принадлежности к конкретной территории локальных человеческих сообществ, а пространственную – на отношении людей к местам проживания. Также пространственную идентичность нередко представляют в виде общего «родового» понятия, объединяющего все виды идентичностей в географии [27, с. 62-63].

Среди исследований, рассматривающих пространственную идентичность в истории России исходя из характеристик ее территории, можно упомянуть работу британских авторов С. Франклина и Э. Уиддис. Исследователи обращают основное внимание на идентификацию с необъятной, «невероятной» в своей обширности территорией Российского государства, последовательно расширявшейся на протяжении столетий, и специфическим ландшафтом, символически определяемым как «пустой», «беспредельный», «бескрайний», «безграничный» [17, с. 46-58].

Применительно к данной характеристике пространственной идентичности допетровской России следует заметить, что британские ученые рассматривают период довольно широкий – от Средневековья до новейшего времени. XVII столетие в данном хронологическом ряду занимает ключевое место в связи с процессом расширения Российской территории на всю Сибирь. И без того большое, по меркам Европы, Московское царство приобретает имперские масштабы, становится буквально огромным. Остается вопрос: насколько быстро и в каких формах пространственная идентичность «москвитов» XVII в. была готова включить в себя новые территории? Например, известное описание странствий по Сибири, содержащееся в «Житии» протопопа Аввакума, оставляет впечатление огромного и сурового пространства. Ощущение это создается не столько периодическими указаниями на многие тысячи пройденных верст, сколько описаниями мытарств, испытанных ссыльным протопопом и его семьей [10, с. 29-47]. Природное

пространство у Аввакума – место духовного подвига и самосовершенствования, а не предмет эстетического восхищения.

Другой известный нарратив XVII в. – Котошихинское произведение о России, написанное для шведских властей беглым московским подьячим, вероятно, замешанным в шпионаже. В целом у Г. К. Котошихина, по-видимому, пространственная идентичность ассоциировалась, главным образом, с территорией государства. Как представитель бюрократической среды, Котошихин акцентировал внимание, во-первых, на протяженности государства и составе территории; во-вторых, на хозяйственном освоении отдельных частей страны и управлении ими [14, с. 83-85, 97, 119-111].

Немаловажный аспект для пространственной идентичности россиян XVII в., очевидно, связан с границами, причем не только и не столько с территориальными, государственными, сколько с вероисповедными, символическими, конфессиональными, актуальность которых после Смутного времени только усилилась, в связи с начавшейся европеизацией [15, с. 17-18; 16, с. 81-82]. Для допетровского периода – с большой степенью вероятности, – особенно важна была идентичность россиян с православным государством, в границах которого православный человек мог ощущать себя более-менее защищенным от внешнего духовного влияния, видевшегося пагубным для спасения души. В России XVII в. границы территориальные, по всей видимости, совпадали с вероисповедными. Однако, в течение всего «бунташного» века в ментальности российского общества, очевидно, боролись две тенденции: одна - к распространению чужих духовных влияний на русское общество и размыванию вероисповедных границ, другая тенденция – к противостоянию этим влияниям, попыткам удержать духовные границы между Россией и Западом. Итог этого противостояния был плачевным для традиционалистов, стремившихся сохранить вероисповедные барьеры России – Петр Великий превратил европеизацию в важнейший элемент политики Российской империи [28, с. 86-96].

Показательна в русле указанных тенденций охранительная политика Московского государства во второй четверти – середине XVII в., направленная на поддержание вероисповедных границ, а в сущности – сохранение идентичности подданных, в т.ч. пространственной – с территорией государства. К примеру, система охранительных мероприятий, применявшихся патриархом Филаретом в царствование Михаила Федоровича включала ограничение ввоза в Россию книг иноземной печати, тщательную проверку на соответствие официальному московскому православию приезжавших в Московское государство на постоянное жительство из-за рубежа единоверцев, а также попытка осуществления целой «программы» по оздоровлению РПЦ, направленной на восстановление церковного «благочиния», а также активизацию работы Печатного двора по изданию душеполезной литературы [30, с. 638-639]. Другим примером усилий Московского государства по усилению вероисповедных границ могут быть ограничительные и

запретительные меры относительно самовольных поездок подданных за границу. Меры эти действовали в Московском государстве в течение всего XVII в. Даже собираясь выехать из страны по торговым делам, купец был обязан «бить челом государю», т.е. просить царя отпустить его за рубеж, и собрать «поручные записи» по себе у значимых людей, которые ручались, что выезжающий обязательно вернётся обратно в Россию. Отъезд за рубеж «без ведомости» оценивался властями как государственная измена и влек за собой репрессивные меры [14, с. 52; 23, с. 292; 39, с. 637]. В целом, ограничение выезда за рубеж вполне логично объясняется стремлением сохранить вероисповедные границы. Со стороны православного государства, считавшего себя ответственным за религиозное спасение подданных, стремление максимально обезопасить их от духовного воздействия со стороны, выглядит вполне естественным. Однако, есть другое, широко известное объяснение данного ограничения, данное Г. К. Котошихиным, который утверждал, что московские власти таким образом старались не допустить знакомства подданных с «вольностью благой» [14, с. 52]. Беглый подъячий, писавший свой труд для нужд шведских властей, увы, никак не пояснил, какой смысл вкладывал в эту самую «вольность». ...

В связи с нараставшим в течение всего XVII в. культурным воздействием со стороны Европы, обострился вопрос о соотношении «старины» (под ней понимались свои традиции и ценности) и «новизны» (под которой современники видели заимствования от «чужих»). Культурные границы к концу столетия оказались уже внутри пространства Московского государства. И касались они не только отличий между своими и иностранцами, но и углублявшейся культурной разницы, по сути, новой границы, пролегавшей уже между своими – сторонниками сохранения традиции, с одной стороны, и своими – сторонниками заимствований извне.

Нельзя не затронуть в данной работе тему пространственной и территориальной идентичности в ментальностях разных сословий Московского государства XVII в. В. Кивельсон, например упоминает о «пространственной идентичности» крепостных крестьян, оказавшихся в результате закрепощения «символически замурованными» внутри земельных владений привилегированного сословия [12, с. 113-114].

Следуя логике американской исследовательницы, аналогичной должна быть территориальная привязка самих помещиков к уездам, где находились их поместья и вотчины. Следующим уровнем пространственной идентичности российского дворянства, очевидно, была привязка землевладельцев к городским корпорациям, объединявшим служилых людей, испомещенных в конкретных уездах. Далее идентичность обеспечивалась привязкой дворян и детей боярских к уездным сотням, формировавшим полки. Пространственно-территориальный принцип лежал в основе поместного землевладения, на котором базировалась, в свою очередь, военная система Московского государства. Служилые люди уездных «городов» распределялись по полкам,

формировавшимся по территориальному принципу [13, с. 121]. И, очевидно, помещики осознавали себя в пространственных категориях, идентифицируясь как «новгородцы», «псковичи», «тверичи», «нижегородцы», «суздальцы» и т.п.

Многочисленные примеры подобной идентификации присутствуют в ряде источников; в частности, в документации Разрядного приказа, где дворяне и дети боярские определяются четко по территориальной принадлежности к уездам [1, №30, с. 52-56; №№ 33-35, с. 61-62; №№ 39-41, с. 63-66; №№ 43-44, с. 77-78, № 107, с. 138 и т.д.: АМГ, Т. 2, №№5-9, с.3-4; № 14, с. 7; № 18, с.8; № 20,21, с. 9-10; № 28-30, с. 13-17 и т.д. АМГ, Т. 3, № 28, с. 34; № 42, с. 47; № 60, с. 67-68; № 74, с. 76; № 157, с. 140; № 177, с. 156; № 252, с. 257 и т.д.]. Аналогичные примеры дают десяти, составлявшие на основании смотров, разборов и денежных раздач. Типовые формулировки «предисловий» к десятиям, вводные фразы к отдельным рубрикам этих документов включают указание на территориальную принадлежность перечисленных ниже служилых людей [Сторожев, Состав Рязанского дворянства, с.9; Сторожев, Состав Тверского дворянства. Вып. 3, Старица и Кашин, с. 39; 52-53; 72-75; Сторожев, Состав Тверского дворянства, Вып. 1, Состав Зубцовского и Ржевского дворянства, с.12, 15; 23-25; Пензенская десятина 1696 г. (дворянская), стб. 105; Атемарская дес. 1669-1670 г., стб.131-132; Атемарская десятина 1679-1680 гг., стб. 249-250].

К примеру, Пензенская десятина 1677 г. начинается со слов: «Лета 7185-го, июня в 25 день, по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича Великие и Малые и Белые России самодержца, указу и по грамотам из Приказу Казанского Дворца, десятиа Пензенцом и дворяном и детем боярским и иноземцом [Десятни Пензенского Края, стб.1]. С переводом значительной части обедневших дворян и детей боярских в полки нового строя солдаты, рейтары, копейщики в документации Разряда привычно фиксировались по пространственно-территориальному принципу, как «атемарцы», «пензенцы» и т.п. Эту идентификацию по-прежнему фиксируют и введения к десятиям [АМГ, Т. 3. № 168, с. 151; Пензенская десятина, 1696 (рейтарская); стб. 89].

Пространственная идентичность сохранялась у помещиков и за пределами чисто служебных отношений, например, в рамках корпоративной солидарности, когда дворяне и дети боярские отдельных уездов участвовали в местнических спорах, либо отстаивали интересы своих территориальных сообществ перед властью. В пространстве служилых «городов» развивались элементы дворянского самоуправления, от уездных корпораций выбирались представители на Земские соборы, которые на Соборах, конечно же, идентифицировались по территориальному принципу [Козляков, с. 132, 135-139].

Обратим внимание, что этот же территориальный принцип идентичности, связанный с образом жизни, с имущественными отношениями, с условиями службы, касался не только дворян и детей боярских, но и других разрядов служилого сословия, в т.ч. татарской и мордовской конницы, казаков,

стрельцов, пушкарей, а также посадских людей. Что и отражает документация Разрядного приказа [АМГ, Т.1, № 42, с. 66-77; АМГ, Т.2, №3-4, с.2; № 13, с.6; № 15, с. 7; №№ 35-36, с.19; № 38, с. 20-21; № 42, с. 23 и т.д.; АМГ, Т. 3, №№ № 181, с. 158; № 201, с. 183; № 206, с. 188; № 210, с. 190; № 242, с. 248; № 243, с. 249; № 271,272, с. 274-275 и т.д.].

Прежде чем подводить итоги работы, необходимо обратиться к проблеме отношения россиян XVII в. к окружающему их территориальному и культурному пространству. Эта довольно редкая для отечественной науки проблематика затрагивается в монографии В. Кивельсон, которая посвящена как раз теме отношения к пространству в России XVII в. На основе исследования русских карт («чертежей») того времени, американский историк выстраивает модель отношения к пространству жителей Московского государства. В. Кивельсон обращает внимание на противоречие между меркантильными целями чертежей, часто вызванных потребностями имущественных споров и судебных тяжб, и тщательно продуманным и исполненным, часто подчеркнуто эстетичным оформлением этих «бюрократических» по своей сути документов. Историк предполагает едва ли не сакрализованное отношение «москвитов» к земному пространству, изображавшемуся ранними русскими картографами с явным использованием иконописных приемов и религиозной символики [Кивельсон, с. 141-143]. В связи с этим возникает вопрос: следует ли, вслед за В. Кивельсон, рассматривать указанные явления исключительно как проникновение религиозной символики «райского сада» в светскую практику составления чертежей, изображавших спорные границы земельных владений?

А. Я. Гуревич, рассуждая о восприятии пространства в средневековой Европе, замечал, что пространственные представления связаны с самооценкой человека и отражают, в том числе, представления людей о самих себе. Для Средневековья, по утверждению историка, характерно было теоцентрическое видение мира как сферы с вездесущим Богом в центре. В рамках таких представлений мир земной, «чувственный» изображался художниками так, как будто он соприкасается с миром «сверхчувственным» [Гуревич 1975, с.78-79]. Данные рассуждения историка, вероятно, вполне применимы и к Средневековью русскому. Вспомним, что древнерусская икона часто представляется исследователями как «окно» в божественный, потусторонний мир.

Однако наша тема предполагает обращение к ментальности «переходного» XVII столетия, которое применительно к России все чаще определяется как «раннее Новое время», предполагающее десакрализацию и секуляризацию культурных явлений. В связи с этим вспомним, к примеру, выводы о секуляризации русской культуры, сделанные А. М. Панченко. Ученый зафиксировал в нарративах второй половины XVII в. весьма вольное, скорее даже фривольное, отношение образованных представителей служилого сословия к традиционной религиозной символике [Панченко, с.137-139].

Аналогична точка зрения А. Л. Чёрной, увидевшей в российской культуре того периода поступательное развитие секулярного начала, проявившегося, в частности, в изобразительном искусстве. Исследовательница отмечает, что для российских художников тогда на первый план вышло изображение закономерностей пространства, в котором «видимое ... начинает преобладать над невидимым» [Черная, с. 363-364].

Здесь уместно вспомнить и позицию А. Л. Юрганова, обнаружившего в духовной сфере российской культуры XVII в. фундаментальные перемены, которые затронули одно из центральных явлений средневековой христианской литературы – агиографию. К концу столетия оказалось возможным прежде немыслимое в агиографической традиции равенство Бога и Дьявола, а также Бога и Человека. По аналогии со светской литературой, в российской агиографии второй половины XVII в. нечистая сила материальна, она творит чудеса, спасает, врачует, пророчествует, т.е. обладает качествами, приписываемые средневековьем исключительно силе божественной [Юрганов, с. 378 – 382; 386].

Исходя из приведенных выше точек зрения, можно предположить, что возможен несколько иной вариант объяснения замеченного В. Кивельсон присутствия сакральных символов в чисто «профанной» сфере. Быть может, перед нами пример десакрализации религиозных символов, вовлеченных в светскую реальность и постепенно терявших свой священный смысл?

Завершая данную работу, надо отметить, что пространственная идентичность в российском менталитете и самосознании XVII в. могла проявляться в множестве форм. Во-первых, присутствовать в рамках представлений о протяженности территории, ее составе, хозяйственном освоении. Во-вторых, осознаваться с позиции государственных, социокультурных или вероисповедных границ. В-третьих, восприниматься как место духовного подвига и самосовершенствования. В-четвертых, рассматриваться как территория определенных сообществ и корпораций. И, в-пятых, присутствовала как сакральное, символическое, либо профанное, повседневное пространство культуры.

Список литературы:

1. Акты Московского государства (АМГ). Издание Императорской Академии Наук. – Разрядный приказ. Московский стол. – Т. 1. – 1571-1634. – СПб., 1890. – 767 с. Т. 2. – 1635-1659. – СПб., 1894. – 773 с.
2. Акты Московского государства (АМГ). Издание Императорской Академии Наук. – Разрядный приказ. Московский стол. – Т. 2. – 1635-1659. – СПб., 1894. – 773 с.
3. Акты Московского государства (АМГ). Издание Императорской Академии Наук. – Разрядный приказ. Московский стол. – Т. 1. – 1571-1634. – СПб., 1890. – 767 с. - Т. 3. – 1660-1664. – СПб., 1901. – 674 с.

- 4.Бахтин М. М. Избранное. Том I: Автор и герой в эстетическом событии / Сост. Н. К. Бонеева. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 544 с.
- 5.Бинион Р. Европейская идентичность: исторические корни / Перевод с английского О. Шутовой – URL.: <https://shutova.com/ru/translation-rudolph-binion-european-identity> (дата обращения 03.03.24)
- 6.Бурлина Е. Я. «Что ни город, то хронотоп». Пространственно-временная диагностика города // Международный научно-исследовательский журнал. - № 09 (63). Ч. 1. - Сентябрь – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-ni-gorod-to-hronotop-prostranstvenno-vremennaya-diagnostika-goroda/viewer>
- 7.Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: «Искусство», 1972. – 318 с.
- 8.Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: «Искусство», 1990. – 396 с.
- 9.Десятни Пензенского края. 1669-1696 гг. Под ред. А. Барсукова // Русская историческая библиотека. Т. 17. СПб.: Синодальная типография, 1897. 272 с.
- 10.Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. - Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. - 368 с.
- 11.Замятина Н. Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. – 2012. № 5. С. 151-163.
- 12.Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Валери Кивельсон; пер. с англ. Наталии Мишаковой; научн. ред. перевод Михаил Кром. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 360 с.
- 13.Козляков В. Н. Служилые «города» Московского государства XVII в. (От Смуты до Соборного Уложения). Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2000. 208 с.
- 14.Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича// Московия и Европа/ Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. – С. 9-146.
- 15.Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIII в. – Т.1. – М.: Наука, 1990. – 293 с.
- 16.Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики. – Кёльн, 2005. – 462 с.
- 17.Национальная идентичность в русской культуре / под ред. С. Франклина и Э. Уиддис; [пер. с англ. В. Л. Артемова]. - М.: Политическая энциклопедия, 2014. - 254 с.
- 18.Окунев И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. – 2018. Т. 9. № 1. С. 18-24.
- 19.Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. – СПб.: Юна, 1999. – 520 с.
- 20.Печеркина И. Ф., Кошкина А. А., Хузяхметов Р. Р. Территориальная идентичность в социальном пространстве // Вестник Тюменского

- государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2021. Т. 7. № 4 (28). С. 85-101.
21. Политов А. В. О соотношении понятия хронотопа и хронотопологии: от отдельной категории к теории пространственно-временной организации сущего и человека // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (35). С. 41-46.
22. Потапов М. М. Предыстория понятия «хронотоп» и его междисциплинарный статус // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2021, № 2. – С. 175–181.
23. Скрынников Р. Г. Михаил Романов. – М.: Ермак, 2005. – 334 с.
24. Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII в. Вып. 1. Состав Зубцовского и Ржевского дворянства по десятиям XVII в. - Тверь: Тип. Губернского правления, 1891. 116 с.
25. Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII в. Вып. 3. Состав старицкого и кашинского дворянства по десятиям XVII в. - Тверь: Тип. Губернского правления, 1894. 171 с.
26. Сторожев В. Н. Состав Рязанского дворянства по десятиям XVII в. - Рязань: Тип. Губернского правления, 1891. 14 с.
27. Стрелецкий В. Н. Территориальная идентичность как тема исследований в зарубежной географии в конце XX и первые десятилетия XXI веков // Региональные исследования. - № 3 (73). – 2021. – С. 62-73.
28. Тихонова В. Б. К характеристике вероисповедных границ в России XVII в / В. Б. Тихонова // Клио. – 2024. – № 6(210). – С. 86-96.
29. Тихонова В. Б. К проблеме исследования исторических идентичностей // Россия и мир в исторической ретроспективе. К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А. Н. Косыгина: матер. XXX-й междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт Петербург, 11 апреля 2024 года / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2024. – 798 с. - С. 703-712.
30. Тихонова В. Б. Русское религиозное возрождение второй четверти – середины XVII в. в контексте культурной политики первых Романовых // Россия и мир в исторической ретроспективе: материалы XXXI Международной научной конференции: в 2 т. Санкт Петербург, 11 апреля 2025 года / под ред. Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2025. – 777 с. - С. 634-642.
31. Чёрная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 464 С.
32. Чернухина М. А. Проблема хронотопа в философии культуры // Вестник Вятского государственного университета. Языкознание и литературоведение. 2011. № 2-4. С. 144-147.
33. Шутова О. М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI веков. Монография. - Минск: изд-во Белгосуниверситета, 2007. - 277 с.

- 34.Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. - 2-е изд. - М.: Флинта; МПСИ: Прогресс, 2006. - 352 с.
- 35.Юрганов А. Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. – М.: РГГУ, 2006. – 433 с.

Тихоньких Виктор Петрович

старший преподаватель

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

SPIN-код: 7605-1242

Viktor Tikhonkikh

N. F. Katanov Khakass State University

РУССКАЯ ИДЕЯ В ТЕОРИИ К. С. АКСАКОВА «ЗЕМЛИ И ГОСУДАРСТВА»

Аннотация: Понятие русской идеи прошло длительный исторический путь становления и поиски его содержания продолжают до сих пор. Вклад в решение этой проблемы внес славянофил К. С. Аксаков предложив историософскую концепцию «земли и государства». Мыслитель считал, что основа русской народной жизни лежит не в государстве, а в общинности русского народа и православной вере. В статье концепция К. С. Аксакова рассматривается как русская идея в рамках славянофильской мысли.

Ключевые слова: К.С. Аксаков, народ, общество, государство, земля, русская идея, самодержавие.

THE RUSSIAN IDEA IN K. S. AKSAKOV'S THEORY OF "LANDS AND STATES"

Summary: The concept of the Russian idea has gone through a long historical path of formation and the search for its content continues to this day. The Slavophile K. S. Aksakov contributed to the solution of this problem by proposing the historiosophical concept of "lands and states". Russian Russian thinker believed that the basis of Russian national life lies not in the state, but in the community of the Russian people and the Orthodox faith. The article considers K. S. Aksakov's concept as a Russian idea within the framework of Slavophile thought.

Keywords: K.S. Aksakov, people, society, state, land, Russian idea, autocracy.

Вопрос о своеобразии России и призвании русского народа впервые поставил П. Я. Чаадаев, но позитивного ответа он не дал. В ответ П. Я. Чаадаеву свои версии проблемы предложили славянофилы, которые состояли в критике вестернизации и апологии Православия. Вопрос о сущности русской идеи без обозначения этого термина изначально как теория русского воззрения выражена славянофилами. Западники В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев и др., противопоставляли себя славянофилам. В спорах о путях развития России они доказывали общность путей развития России и Запада, утверждали, что Россия хоть и запаздывала, но шла по тому же пути, что и другие западноевропейские страны. Если западники в своих историософских концепциях сосредотачивались на том, что объединяет

Россию и Запад, то славянофилы обращались к их отличиям. История России считали они самобытна и во многом расходится с историей Европы. Развитие России должно опираться на собственные традиции. Поэтому славянофилы ставили своей главной целью пробуждение национального самосознания на основе изучения наследия древней Руси и русского славянского мира [11].

Другое отличие славянофилов от западников состояло в том, что западники понимали историю как исключительно детерминированный процесс, а понимание истории славянофилами было телеологическим. Сторонники московского направления славянофилов не отрицали наличие причинно-следственных связей в истории, но считали их изучение недостаточным для постижения смысла развития русской цивилизации. Они считали, что цели русской истории установлены Проведением и их достижение зависит от глубины личности человека [19, с.287-292].

Под влиянием славянофилов находилось более позднее течение почвенничества продолжившее развивать понятие «народность» и предложившего теорию официальной народности. Критикуя славянофилов, они переосмыслили понимание русской национальной идеи. В мировоззрении почвенничества сконцентрировались магистральные духовные, эстетические, социально-политические векторы общей динамики русской общественно-литературной мысли, которые позволяли мыслителям, разделявшим почвеннические идеи, заявлять о себе как о самобытном и востребованном национальным ходом развития отечественной общественной мысли на мировоззренческом плацдарме. Почвенники проповедовали идею сближения «образованного общества» с народом на национальной «почве» используя религиозно-этическую основу. Они высказывались за развитие промышленности, торговли, за свободу личности и печати. Принимая «европейскую культуру» они одновременно обличают «гнилой Запад» за его буржуазность и отсутствие духовности, отвергают революцию, социалистические идеи и материализм, противопоставляя им христианские идеалы. Термин «русская идея» впервые введён Ф. М. Достоевским в 1860 году. Устойчивым и неизменным «ядром» понятия Ф. М. Достоевского «русская идея» была «вера в нашу русскую самобытность» [16, с.109-124].

К одному из ключевых идеологов славянофильства, который выражал свои взгляды на русскую идею, как на «русское воззрение» относится Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860). К. С. Аксаков как славянофил сформировался в «Кружке Станкевича». Участники кружка стремились выработать цельное философское мировоззрение, опираясь на традиции немецкой классической философии, чтобы противостоять невежеству и просвещать Россию. Особенно интенсивно ими изучается философия Гегеля, влияние которой заметно сказалось на раннем творчестве К.С. Аксакова. Среди участников кружка были как будущие прославленные русские ученые - О. М. Бодянский, А. А. Беер, Я. М. Неверов, С. М. Строев, П. Я. Петров, так и будущие знаменитые общественные деятели самых различных направлений - В.

Г. Белинский, М. А. Бакунин, М. Н. Катков, Ю. Ф. Самарин. А. И. Герцен считал появление подобных кружков в России «естественным ответом на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни». Он подчеркивал не политический, а умозрительно-философский характер деятельности кружка и религиозный настрой некоторых участников [10, с. 371]. Уже в начале 1830-е гг. именно русское воззрение на мир отделило К.С. Аксакова от кружка Н. В. Станкевича [7, с. 140]. В 1839 г. произошло окончательное размежевание.

Деятельность К. С. Аксакова, являвшегося «сыном барской эпохи», была направлена на пробуждение интереса к истории допетровской Руси, которую он считал истинно русской. Возвращение к истокам древнего уклада русской жизни философ видел в сближении с простым народом, хранителем национальных традиций.

Русская история делится им на три основных периода: киевский, владимирский и московский. Название которых дается по названию столиц политических и экономических государственных образований: Киев, Владимир, Москва. В этом он усматривает преемственность исторических эпох в каждой из которых народ исторически осознает себя и где складывается его особая ментальность. Хотя Петр I создал регулярное государство, построенное по западному образцу, и основал новую столицу Санкт-Петербург Москва по-прежнему оставалась по убеждению К. С. Аксакова истинной духовной, священной, русской столицей.

Фактически К. С. Аксаков объединяет народность, самодержавие и православие подобно графу С. С. Уварову, или как лозунг «за Веру, Царя и Отечество», что отражает своеобразие России в православной культуре. К.С. Аксаков верно понял неразделимость этих трех начал. Членение осуществлено с позиций государственного, народного и телеологического понимания.

Признавая эпоху Петра I и его государственные преобразования важнейшими К.С. Аксаков понимал петровский период как господство западничества, которое вело к упадку русских традиций [12, с.145-151]. У К. С. Аксакова выпадает экономическая и геополитическая составляющая преобразований Петра I и переноса столицы из Москвы в Петербург и обретения новых территорий и русских традиций, которые через определенное время укореняются в русском сознании [1, с.25-26].

Отрицая позитивное содержание петровских реформ К.С. Аксаков спорил со своим современником В. Г. Белинским. В.Г. Белинский, по мнению К.С. Аксакова, был глубоко неправ, когда писал, что «реформы Петра Великого не уничтожили, не разрушили стен в старом обществе один класс от другого, но они подкопалась под основание этих стен». «Это точно новость, отвечал К. С. Аксаков, на деле это совершенно наоборот». Он считал, что Петр I не пошатнул различия между сословиями, но напротив углубил и укрепил их. В старину, до Петра Великого, их не было, и чтобы убедиться в этом К.С. Аксаков советовал изучить древнерусские летописи [6, с. 207].

Петр I совершил, утверждал К.С. Аксаков, насилие над Россией, превратив традиционное былое древнерусское царство в империю, где почти не осталось прежних общинных основ жизни, где земство просто придавлено. Личность подавляется так же, как и община. Эта оценка деятельности правления Петра I согласуется с оценкой старообрядчества. В России, начиная с Петра I, существует «иго государства над землею», писал К. С. Аксаков в записке «О внутреннем состоянии России», для которого характерен «внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью», «внутренние язвы»: крепостное право, раскол, взяточничество чиновников. России нужна правда. К.С. Аксакову возражал С. Л. Франк, считая, что реформы Петра Великого не были чужды России и рекомендовал не отрицать значение одного периода российской истории путем превознесения другого. С. Л. Франк писал, что славянофилы: «... сторонники национальной самобытности России должны были бы отвергнуть не только Петра Великого, но и Владимира Святого, просветившего Россию рецепцией византийских христианских традиций». Между тем, основным тезисом славянофилов было убеждение, что верования восточной православной, т.е. греческой церкви суть фундамент русского национального духа [14, с. 456].

Отвечая на критику со стороны оппонентов утверждавших, что взгляды К. С. Аксакова и славянофилов на эпоху Петра I - это взгляды ретроградов, зовущими Россию назад в отсталое прошлое, К.С. Аксаков отвечал: «Разве славянофилы думают идти назад, желают отступательного движения? Нет, славянофилы думают, должно воротиться не к состоянию древней России (что означало бы застой), а к пути Древней России. Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти прежним путем. Не потому что он прежний, а потому что он истинный» [5, с. 198].

Данную позицию подтверждают некоторые современные авторы. Е. Ю. Вержбицкая утверждает: «...неверно считать, что К.С. Аксаков призывал вернуться к допетровской старине. Аксаков критиковал Петра не за то, что тот использовал достижения европейской цивилизации, а за то, что свернул развитие России с ее истинных начал. В то же время Аксаков не рассматривал исключительно под углом зрения критики современные ему западные государства. Он не призывал отказаться от всего западного, как некоторые другие сторонники движения, а допускал возможность заимствования отдельных положительных сторон из жизни Европы» [9].

Положительным государственным устройством по его мысли обладает Англия, которая сумела сохранить свои традиции и добиться больших успехов в политическом и экономическом развитии. «Англия есть лучший плод западной гражданственности. Эта страна представляет нам сочетание спокойствия с свободным гражданским устройством... всякое дальнейшее усовершенствование происходит в ней мирным путем», а при «полной свободе слова уважается закон» [4, с. 363].

С точки зрения К. С. Аксакова «негосударственности» русского народа может гармонично соответствовать только одна форма власти - православная самодержавная монархия. Русская государственная власть, считал К. С. Аксаков, должна быть только единодержавной и монархической. Позднее в адресованной Александру II записке, написанной в 1855 г. «О внутреннем состоянии России», опубликованной только в 1881 г. И. С. Аксаковым (младший брат К.С. Аксакова) в разделе «Политическое обозрение» газеты «Русь». К. С. Аксаков утверждал: «Только при неограниченной власти монархической народ может отделить от себя государство и избавить себя от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную и стремление к духовной свободе» [3, с.227-251].

Н.И. Цимбаев оценивая творчество К. С. Аксакова утверждает, что ему присущи: «Идеализация прошлого, наивный цезаризм, вера в «доброе» царя и объявление под различными предлогами действительного царя «неистинным», «неприродным», враждебность к «верхним классам» («публике», «изменникам-боярам»), культ замкнутой деревенской общины и боязнь правительственных чиновников – вот положения, общие представления К.С. Аксакова и патриархального крестьянства». Здесь утверждает исследователь творчества К. С. Аксакова взгляды К.С. Аксакова во многом отражали мировоззрение патриархального крестьянства [18, с. 197].

Кроме самодержавия другие формы государственного устройства получают негативные оценки: конституция-«осуществленная ложь и лицемерие», республика - «самая вредная правительственная форма». Эти формы власти не соответствуют характеру русского народа. Правительству должна быть предоставлена неограниченная свобода правления, народу - полная свобода жизни, которую охраняет государство. Только государственная власть имеет право на применение закона, народу дано лишь право мнения и слова. Русский народ, отказываясь от политической жизни, оставляет себе «духовный подвиг жизни», «жизнь мирную духа», свободу нравственную, цель которой – установление православного христианского общества. Русский народ, писал К.С. Аксаков Александру II, совершенно негосударственный, «государствовать не хочет», он «не имеет даже зародыша народного властолюбия», он «предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа», отдавая государю всю политическую власть [15, с.12].

То есть народ должен полностью подчиняться государству в лице одного человека – монарха. Сомнительно чтобы народ имел полную свободу жизни при полном диктате государственной власти. Считая идеалом допетровскую Русь К. С. Аксаков не ставит вопрос о приверженности законам Православия самого государя при управлении страной. Идеализируя самодержавие, он решил, что царская политика в московский период не вела к серьезным злоупотреблениям в силу полного взаимного доверия и согласия между

монархом и народом. Тем не менее Александр II отнесся к «Записке» довольно холодно.

В 1859 г. участвуя в дебатах по реформе освобождения крестьян от крепостной зависимости К.С. Аксаков предложил «Замечания на новое административное устройство крестьян в России», опубликованные лишь после его смерти. Где он пишет о необходимости полного невмешательства Правительства в устройство самоуправления народа, и «назначение только (*относительно*) общих центров и, при них, округ. Такой общий центр служит передаточным местом между Правительством и народом; через такой общий центр оно сносится с народом, предъявляет народу свои требования (то, в чем оно нуждается: деньги, рекруты, подводы и прочие повинности), - а от народа получает исполнение этих требований. Правительство предъявляет: *что*. Народу предоставляется: *как* - За чертою же этого *общего* мира, народ живет и управляется совершенно по-своему - конечно, сумеет управиться: ибо и самый Мир - есть его создание» [2, с. 16-115]. К. С. Аксаков был сторонником социальных реформ, стремясь вывести необходимость последних из общих постулатов своей социологической теории. Из концепции «негосударственности» русского народа он предлагает идею неотъемлемых, суверенных народных прав: свободы слова, мнения, печати, которые им были объявлены неполитическими и соответственно не подлежащими юрисдикции государства. Хотя они не могут быть неполитическими, поскольку именно в них отражаются политические настроения общества и через них осуществляется политика государства.

В идеальном устройстве будущей России формой сотрудничества государства и народа («земли»), это прежде всего крестьянство, станут Земские соборы, на которых должны быть представлены все сословия. Считая, что «свобода слова необходима без отлагательства» К. С. Аксаков требует от Правительства созвать Земский собор.

К. С. Аксаков замалчивал классовые противоречия в крепостной деревне [13, с.251]. Народ представлен как идеальная масса. Идеализирована также демократия и равенство в крестьянском обществе и игнорируются особые качества каждого отдельного человека. Здесь уместно привести цитату Н. А. Бердяева из его сочинений: «Демократия легко превращается в формальное орудие организации интересов. С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархий и для демократий, для эпох реакционных и для эпох революционных. Вопрос лишь в том, правит ли меньшинство лучшее или худшее. Непосредственного управления и властвования человеческой массы быть не может, это возможно лишь как момент стихийного массового разлива в революциях и бунтах. Но очень быстро устанавливается дифференциация, образуется новое меньшинство, которое захватывает в свои руки власть» [8, с.395-396].

Свобода есть право на неравенство утверждает Н. А. Бердяев. Равенство есть посягательство на свободу, ограничение свободы. Свобода живого существа осуществляется в качественном различии, в возвышении, в праве увеличивать объем и ценность своей жизни, связана с качественным содержанием жизни. Равенство же направлено против всякого качественного различия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвышение. Свобода и равенство находятся в постоянном конфликте и конечном итоге ведет к деспотизму.

В концепции К. С. Аксакова государство и народ противопоставляются. Государству он отводит неограниченную власть, а народу лишь право мнения и свободу слова. Т. е. государство обладает абсолютной властью, а народ не может на нее влиять. Хотя в апреле 1848 года в статье «Голос из Москвы» К.С. Аксаков, напомнив библейскую заповедь «Не сотвори себе кумира», утверждал: «Запад сотворил себе кумира из Правительства, обоготворил его и поклонился перед ним». Поясняя это, он писал: «Запад поверил в совершенство Правительства или, лучше, в возможность его совершенства, и отсюда необходимо возникла революция как грешный путь к земному невозможному совершенству. Революция есть необходимое следствие рабского чувства перед Правительством, следствие обожания его, веры в его совершенство» [3, с.184].

Центральное место здесь занимает мысль об отсутствии государственной ментальности русского народа, поскольку основа русской народной жизни лежит не в государстве, а в общинности и приверженности Православной вере. Политические и государственные отношения, по К. С. Аксакову, имеют для русского народа второстепенное значение, так как в силу исторической традиции и особенностей национального характера подлинные интересы народа лежат всецело в сфере духовно-религиозной. Монарх исходя из его концепции выступает как кумир независимо от его качества правителя, нравственности и морали. При абсолютном господстве над народом.

Если общий взгляд К. С. Аксакова на взаимоотношения «земли» и «власти» разделялся почти всеми славянофилами, то этого нельзя сказать об *идеи* «негосударственности» русского народа. Подобная установка упрощала русскую историю и лишала исторической перспективы путь социальных реформ, к осуществлению которых стремились представители славянофильства. Отношение ведущих славянофилов к аксаковской концепции было достаточно критическим: «К. С. Аксаков невозможен в приложении практическом» - писал Ю. Ф. Самарину А. С. Хомяков. В отношении «непрактичности» тезиса К.С. Аксакова о русской «негосударственности», как представляется, А. С. Хомяков был совершенно прав. Мысль о западном «обожествлении» институтов власти («правительства») и российском обожествлении ее кажется парадоксальной. [17, с. 272].

Следующей составной частью триады К. С. Аксакова было христианское православное учение, которое глубоко легло в основание жизни русского народа. Отсюда внутренняя духовная жизнь веры. Христианство понимается,

как абсолютная истина и является единственной духовной основой существования русского народа. А коль так, то этим единственным путем и надобно идти, не изменять ему. К. С. Аксаков предлагает смотреть на историю русского народа именно со стороны христианского смирения: «согласно с вечными началами веры» и духом русского народа. В русской истории нет поклонения человеку, нет и гордости смирения: «в таком народе не прославляется человек с его делами, прославляется один Бог». Даже «чувство Отечества мало является в нашей истории сравнительно с чувством веры». Итак, единство веры основание жизни народа и его духовная народная связь. С принятием христианства стало ясно, что «истинная свобода только там, где же Дух Господень». Россия постоянно стояла за свою душу, за свою веру. Она не искала земного совершенства, зная, что оно на земле невозможно [1, с. 20,22].

Следовательно, К. С. Аксаковым представлен оригинальный вариант русской идеи, спорный в своей основе, отражающей состояние общества первой половины и середины XIX века. Русская идея К. С. Аксакова познается сквозь призму личного восприятия российской истории и культуры. В ее основе все же лежит объективное состояние России, а не только субъективное отношение мыслителя. Поэтому концепции его русской идеи следует рассматривать как приближение к объективной истине, как поиск основ и целей существования России в мире. В таком случае национальная идея, а именно русская идея, имеет сложную структуру и ее особенность в том, что она заключена в религиозную систему мировоззрения.

Возврат к прошлому невозможен, и на этой основе Россия не могла существовать как самобытная цивилизация, имеющая собственные основания, противостоящая западной цивилизации. Однако у России есть собственные исторические начала, которые должны быть положены в основу развития страны в ее противостоянии с Европой. То, что на тот момент предлагали славянофилы было утопией.

Список литературы:

1. Аксаков К. С. Государство и народ. / Составление и комментарии А. В. Белова, предисловие А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2009 - 608 с.
2. Аксаков К. С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. - Лейпциг: Ф. Вагнер, 1861. - 116 с.
3. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010 - 888 с.
4. Аксаков К.С. Передовые статьи газеты «Молва». – Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1995. – С. 363-380.
5. Аксаков К.С. О русском воззрении. – М.: Современник, 1982. – С. 197-198.
6. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Обзорение современной литературы. Литературная критика. – М.: Современник, 1981. – С. 205-238.
7. Анненкова Е. И. Аксаковы / Е. И. Анненкова. - СПб.: Наука, 1998. - 365 с.

- 8.Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 4. / Духовные основы русской революции (Статьи 1917-1918гг.). Философия неравенства. - Париж: YMCA-Press, 1990-с.598.
- 9.Вержбицкая Е.Ю. Теория «Государства и земли» К.С. Аксакова // Гуманитарные научные исследования. - 2013. - № 4. - URL: <https://human.snauka.ru/2013/04/2744> (дата обращения: 14.01.2026).
10. Герцен А. И. Былое и думы. - М., 2003. - URL: http://modernlib.ru/books/gercen_a/biloe_i_dumi_chast_4/read/ (дата обращения: 18.01.2026).
- 11.Дмитриев С. С. Славянофилы / под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалёва, В. Г. Панова. - М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
- 12.История русской философии. / Маслин М. А. - М.: Республика, 2001. - 631 с.
- 13.Нифонтов А.С. Оживление общественной мысли в 40-х годах. Славянофилы и западники // Всемирная история. Т. IV.- М., 1950. - С. 251.
- 14.Пушкин в русской философской критике, конец XIX - первая половина XX в. Сборник / Сост., вступ. ст., библиогр. справки Р. А. Гальцевой. – М.: Книга, 1990. - 527 с.
- 15.Русь. – 1881. - № 28 (23 мая): Тип. М.Н. Лаврова и К°. - 24с.
- 16.Тихомиров Б. Н. «Наша вера в нашу русскую самобытность» (к вопросу о «русской идее» в публицистике Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. - СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. - Т. 12. - 280 с.
- 17.Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. -3-е изд., доп. В 8 –ми томах.Т.8. -М.: Унив. тип., 1900. - 490 с.
- 18.Цимбаев Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). - М.: Изд-во Московского, ун-та, 1986. - 274 с..
- 19.Широкова, М.А. Славянофилы о движущих силах историко-культурного и политического процессов. // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул.: Изд-во Алтайского ун-та, 2011. – №4/2. – С. 287–292.

Тонкушина Оксана Николаевна

руководитель филиала, преподаватель высшей категории

Нижнетагильский филиал «Свердловский областной медицинский колледж»

Oksana Tonkushina

Nizhny Tagil branch of the Sverdlovsk Regional Medical College

МЕРОПРИЯТИЯ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ПЕРИОД ВХОЖДЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1758 – 1762 ГОДОВ

Аннотация: Статья посвящена анализу административно - управленческой практики Российской империи в Восточной Пруссии в краткий период её фактического присоединения (1758–1762 гг.) в ходе Семилетней войны. На основе архивных документов, манифестов, указов и мемуарных источников исследуются ключевые меры российской администрации и характер взаимодействия с местным населением. Выявляется специфика российского управления Восточной Пруссией. Особое внимание уделено политико-правовому оформлению присоединения и деятельности генерал-губернаторов. Приводится оценка эффективности административных решений и их восприятие жителями региона.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Семилетняя война, Российская империя, Кёнигсберг, генерал-губернатор, манифест, торговая политика, присяга.

ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ADMINISTRATION DURING THE INCLUSION OF EASTERN PRUSSIA INTO THE RUSSIAN EMPIRE IN 1758-1762

Summary: The article analyzes the administrative and managerial practices of the Russian Empire in East Prussia during the brief period of its actual annexation (1758–1762) during the Seven Years' War. Based on archival documents, manifestos, decrees, and memoir sources, the article examines the key measures taken by the Russian administration and the nature of its interaction with the local population. The article also identifies the specific features of Russian governance in East Prussia. Special attention is given to the political and legal framework of the annexation and the activities of the governors-general. The article assesses the effectiveness of administrative decisions and their perception by the residents of the region.

Keywords: East Prussia, Seven Years' War, Russian Empire, Kenigsberg, Governor-General, Manifesto, trade policy, oath.

Во время Семилетней войны 22 января 1758 года русские войска без боя вошли в Кёнигсберг. Это отвечало чаяниям местного населения, которым

надоел постоянно воюющий король Фридрих II, а от пришедших русских ожидали покоя и порядка, нужных торговому краю.

Местные жители радостно приветствовали русские войска. По красочному свидетельству очевидца происходивших тогда событий А.Т. Болотова «Въезд его (Фермора) в сей город был пышный и великолепный. Все улицы, окна и кровли домов усеяны были бесчисленным множеством народа. ... звон колоколов во всем городе, и играние на всех башнях и колокольнях в трубы и литавры, продолжавшиеся во все время шествия, то все сие придавало оному еще более пышности и великолепия» [2].

Депутаты столичного города Кенигсберга подали Фермору прошение о вступлении в российское подданство, «именем всего правительства города и всего королевства Прусского прошение о дозволении им протекции Императорского Величества Елизаветы Петровны и о сохранении их при их привилегиях»[6].

24 января 1758 г., в день рождения прусского короля Фридриха II, жители Кёнигсберга торжественно присягнули на верность российской императрице Елизавете Петровне [4].

Собравшимся жителям во всех церквях города Кенигсберга зачитали на немецком языке Манифест Елизаветы Петровны от 31 декабря 1757 года, местные пасторы произносили текст присяги, которая была громко повторена всеми присутствующими, а под текстом присяги поставлены подписи жителей. В других прусских населённых пунктах приведение к присяге продолжалось еще 2 месяца.

Отметим, что население Восточной Пруссии присягнуло императрице в полном составе. Уклонистов не было. Пруссакам была оказана честь – собственно в России императору присягали только дворяне [10]. Не столько вхождение российских войск в города, а именно присяга на верность стала отправной точкой, после которого с местным населением новые власти начали проводить мероприятия уже как с гражданами. С этого началась краткосрочная история новой российской провинции. Чтобы окончательно закрепить вхождение новой провинции в состав Российской Империи, 30 апреля 1760 г. императрица Елизавета утвердила проект ее присоединения и вынесла его для легитимации руководителям держав союзников.

В данной статье мы рассмотрим, какие административные мероприятия предпринимались новыми хозяевами Пруссии и как строились взаимоотношения с местным населением.

Администрирование тесно связано с первыми лицами, которые налаживают и организуют управление территорией (под начальством русского генерал-губернатора была введена русская администрация). Все мероприятия российской администрации в определенные периоды связаны и именами этих первых лиц. По этому, прежде всего, необходимо привести данные на 5 губернаторов, последовательно управлявших Восточной Пруссией как российской провинцией:

1) Командующим русскими войсками Виллим Виллимович Фермор (Указом Елизаветы Петровны с 24 января 1758 году он первым получил официальное назначение генерал-губернатором покорённых областей королевства Прусского) [13]. Несмотря на то, что 2 марта 1758 г. В.В. Фермор выехал из Кёнигсберга в действующую армию, он формально продолжил сохранять должность генерал-губернатора до конца российского управления Восточной Пруссией [1].

2) Генерал-поручик Николай Андреевич Корф с 30.03.1758 г. управлял всем королевством Пруссим, но по оценке А. Т. Болотова «был он к тому не слишком способен и дарования его были незначительны» [2, с. 564].

3) Генерал-поручик Василий Иванович Суворов в апреле 1760 г. получил высочайший Указ, где сказано следующее «Отзывая нашего генерал-поручика губернатора Корфа из Пруссии, Высочайше восхотели мы определить вас на его место с таким же жалованием. Почему имеете вы немедленно в Кенигсберг ехать...»[1] и с 12.1760 г. на год до 27.12.1761 г. занял эту должность.

4) Генерал-аншеф Граф Пётр Иванович Панин с января 1762 до июня 1762 г. руководил Пруссией в звании генерал-губернатора Кёнигсберга и командовал российскими сухопутными и морскими силами в областях Померании и Голштинии.

5) генерал-поручик Федор Матвеевич Воейков с 4 июля 1762 до 22 апреля 1763 г. исполнял обязанности губернатора и командовал остатками русских войск, которые выводились из Пруссии в Россию.

Комендантами Кёнигсберга последовательно были бригадир И. Я. фон Трейден (с лета 1758 г. по 28 января 1759 г.) и полковник И. Гельвиг (с 29 января 1759 г.)

Численность населения Пруссии составляла тогда 521232 человека, а в Кенигсберге жило около 40 тысяч человек. Таким образом, отмечал военный историк А.А. Керсновский, «мы приобретали ценную базу для дальнейших операций и, собственно говоря, достигли поставленной нами цели войны» [7].

Понятие администрирования территории охватывает комплекс управленческих действий и процедур, направленных на организацию жизнедеятельности на определённой географической площади и обеспечение её устойчивого развития [5, с.5].

Современные ключевые составляющие администрирования территории: правовое регулирование, организационное управление, планирование и развитие, обеспечение инфраструктуры, финансовый менеджмент и кредитно-денежная политика, контроль и надзор, взаимодействие с населением, действия при чрезвычайных ситуациях и обеспечение безопасности, экологическое управление.

Рассмотрим, что делалось российской администрацией по этим и другим направлениям.

1. Торговый протекционизм и поощрение торговли. Манифест Елизаветы Петровны от 6 марта 1758 года указывал: «...соизволяем мы и среди самой

войны пеcись cкoлькo мoжнo o блaгococтoянии нeвинoвных хoдoмy cвoеmу жрeбию зeмeль, пoтoмy тoргoвлю их и кoммeрцию нe прeсeкaть, нo зaщищaть и вcпoмoщecтвoвaть» [12].

Укaз Елизaвeты Пeтpoвнoй 23 мaя 1758 гoдa o рaзрeшeнии cвoбoднoгo плaвaния тoргoвoх судoв в Пруccии прикaзывaл: «... уceрдcтвoуeм мы o рaспрoстрaнeнии и cвoбoднoй oбщeй нa Бaлтийcкoм мoрe кoммeрции, и coизвoляeм, чтo oнaя нe тoлькo c зeмлями кoрoлa Пруccкoгo oтcюдa и из прoчих мecт бeз прeпятcтвeннo прoизвoдимa былa, нo чтoб и прoчие кoрoлeвcтвa Пруccкoгo oблacти... oнoю пoльзoвaлиcь, и в тoм oт нaшeгo флoтa никaкoгo пoмeщaтeльcтвa нe имeли» [7]. Coхрaнялиcь прeжнeиe тoргoвe cвязи и тaмoжeннe прoцeдуры; в Пиллaу oргaнизoвaнa тaмoжeннaя cлужбa и кoнтрoль зa судoхoдcтвoм.

2. Взаимoдeйcтвие c oргaнaми мecтнoгo cаmoупрaвлeния. Рущая администрaция нe тoлькo плoтнo рaбoтaлa c бургoмистрaми гoрoдoв и oпирaлacь нa прущкoe чинoвничecтвo, мнoгoe cдeлaлa для хoзяйcтвeннo - эcoнoмичecкoгo и рaзвития Кeнигcбeргa. Пруccкиe гoрoдcкиe мaгистрaты и чинoвничecтвo в oснoвнoм coхрaнили cвoи функции. Рущийcкaя администрaция нe прoвoдилa мaштaбнoй зaмeны кaдрoв, oпирaяcь нa cущecтвующую бюрoкрaтичecкую мaшинy. Coглacнo мaнифecту Елизaвeты Пeтpoвнoй 1758 гoдa житeли Вocтoчнoй Пруccии, изьявившиe жeлaющие, приглaшaлиcь пocтупaть нa cлужбу в Рущкую aрмию и администрaцию.

3. Крeдитнo-дeнeжнaя пoлитикa. Oсущecтвлялcя cбoр нaлoгoв c нoвoх прущких пoддaнных в рущкую кaзну бeз пoвышeний в тeчeниe 4 лeт.

Прoвoдилacь эмиссия дeнeжных cрeдcтв. Для вытeснeния нaхoдившиecя в oбрaщeнии мoнeт нeмeцких княжecтв, укрeплeния эcoнoмики и тoргoвли, в 1759 гoдa пo зaкaзу рущийcкoгo прaвитeльcтвa Кeнигcбeргcкий мoнeтный двoр нaчaл чeкaнку ocoбoх мoнeт «Пруccкoй губeрнии» c изoбрaжeниeм Импeрaтрицы Елизaвeты Пeтpoвнoй пoдпиcью: Elisabeth rex Prussiae. В oбрaщeниe пocтупили мoнeты нoминaлaми 18, 6, 3, 2, 1 грoш и 1 coлид. c изoбрaжeниeм импeрaтрицы [11]. C 1761 гoдa нaлaжeнa чeкaнкa в Кeнигcбeргe и Мoсквe нa Крacнoм мoнeтнoм двoрe крупнoй мoнeты $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{6}$ тaлeрa [14].

Утвeрдeниe o тoм, чтo к рущким в Вocтoчнoй Пруccии oтнocилиcь плoхo, выдвинутыe рядoм нумизмaтoв тoлькo нa тoм oснoвaнии, чтo мoнeты мeлких нoминaлoв, нaхoдили пoлoмaнными, пo нaшeмy мнeнию нe выдeрживaeт критики. Вeдь извecтнo, чтo Фридрих II нaпрaвлял cвoих эмиссарoв выкупaть в Рущии нe тoлькo мeдaли зa пoбeду нaд нeмцaми в битвe нa Oдeрe в хoдe Сeмилeтнeй вoйнy, нo и нaпрaвлял cкупaть хoдившиe в Вocтoчнoй Пруccии ceрeбряныe мoнeты. Имeннo этим фaктoм мoжeт быть oбьяcнeнo, чтo нe житeли Вocтoчнoй Пруccии, a пocлaнники Фридрихa II уничтoжaли мoнeты и cлeды приcутcтвия рущких нa этиx зeмлях.

4. Мecтo дислoкaции рущкoй aрмии и квaртирoвaния coлдaт. Пoртoвый Кeнигcбeрг cлужил нaдeжнoй тылoвoй бaзoй для aрмии и флoтa [6]. Уcтaнaвливaлиcь вoинcкиe гaрнизoны и нaзнaчaлиcь вoeнныe кoмeндaнты

городов, (например, в Пиллау комендантами последовательно были Р. Гербель, полковник Фрейман, майор Вигант, полковник Хомутов, полковник Гиршгенд).

5. Участие в инфраструктурных проектах. По инициативе генерал-губернатора Н. А. Корфа в г. Пиллау была построена «Русская дамба» (сегодня носит название «Русская набережная»): расширена гавань, укреплен берег, установлены ледоломы.

6. Социальная политика и взаимоотношения с местным населением. Участник войны Андрей Болотов в мемуарах писал, что русские солдаты и офицеры вели себя по-рыцарски и образцово. Насильственные действия в отношении местного населения были запрещены особым приказом. Потому не было никакого насилия, грабежей, реквизиций помещений. Войска, снабжались продовольствием из остальной России. Все были друг другом вполне довольны, несмотря на различия в темпераменте [10].

7. Проведение особой культурной и религиозной политики. Двуглавый орёл заменил прусские символы на официальных зданиях. Манифест 1758 г. провозглашал свободу вероисповедания. 15 сентября 1760 года торжественно состоялось переосвящение Штайндаммской кирхи в православную церковь [3] для отправления религиозных обрядов появившихся русских жителей. Русские оказывали большое уважение университету и не трогали свободы образования... Русские офицеры были желанными гостями в ложах и у коммерсантов, участвовали в балах, саночных выездах и маскарадах [4]. Также были введены русские праздники.

Так произошло фактическое присоединение Восточной Пруссии к Российской Империи, в которой граждане Кенигсберга, в массе своей совсем не тяготились «русской оккупацией», а напротив, находили в ней для себя «чрезвычайнейшую приятность» [7].

После внезапной скоропостижной смерти императрицы Елизаветы, ее племянник и преемник голштинский герцог Карл Петер Ульрих, ставший Петром III, 5 мая 1762 года отказался от всех завоеваний на территории Пруссии, заключил Петербургский мир с Фридрихом II и распорядился освободить ее население от присяги на верность российскому императору [8].

Несмотря на то, что до 3 сентября 1762 года город принадлежал России [9], началась передача власти в провинции, уходили русские войска, уезжали русские чиновники. 5 августа 1762 года российский губернатор Пруссии Ф.М. Воейков получил предписание окончательно приступить к передаче провинции, отныне во внутренние дела Пруссии не вмешиваться, разрешить прусским гарнизонам занимать крепости [3].

В сентябре 1762 года жители Кенигсберга и Восточной Пруссии снова сделались немецкими подданными и временно на 183 года вышли из состава России. Но всё же, на короткий период Российская империя смогла продемонстрировать успешный опыт интеграции инокультурной территории без насильственной ассимиляции.

Список литературы:

- 1.Афонин И., Губин А. Русские губернаторы Восточной Пруссии. - Режим доступа: <https://www.klgd.ru/city/history/gubin/gubernator.php?print=Y> (дата обращения: 11.02.2026)
- 2.Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих потомков. Том 1. - М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 1120 с.
- 3.Восточная Пруссия в составе Российской империи. - Режим доступа: <https://history.ru/read/articles/vostochnaia-prussia-v-sostavie-rossiiskoi-impierii-event> (дата обращения: 11.02.2026)
- 4.ГАКО. 22 января 1758 г., в ходе Семилетней войны (1756-1763) русские войска заняли Кёнигсберг. - Режим доступа: <https://gako.gov39.ru/about-us/daty-imena-dokumenty/V-khode-semiletney-voyny-1756-1763-russkie-voyska-zanyali-kyenigsberg-/index.php?sv=Y> (дата обращения: 11.02.2026)
- 5.Глушко Е. К. Административные режимы территорий. - М.: ТЕИС, 2017. - 128 с.
- 6.Дважды русский: как Калининград стал частью России. - Режим доступа: <https://weekend.rambler.ru/places/48973050-dvazhdy-russkiy-kak-kaliningrad-stal-chastyu-rossii/> (дата обращения: 11.02.2026)
- 7.Иванов А. Русская Пруссия. К 260-летию перехода жителей Кенигсберга в русское подданство. - Режим доступа: <https://pereklichka.livejournal.com/1212448.html> (дата обращения: 11.02.2026)
- 8.К истории территориальной принадлежности Калининградской области (материалы Историко-документального департамента МИД России). - Режим доступа: https://idd.mid.ru/informational_materials/k-istorii-territorialnoy-prinadlezhnosti-kaliningradskoy-oblasti/ (дата обращения: 11.02.2026)
- 9.Калининград // Большая российская энциклопедия. Т.16. - М.: Большая российская энциклопедия, 2010. – 751 с.
- 10.Латышев С. Как Кенигсберг стал Россией и вернулся в Россию. - Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/kak-kenigsberg-stal-rossiej-i-vernulsja-v-rossiju_106748 (дата обращения: 11.02.2026)
- 11.Почему Кёнигсберг стал Калининградом: как город оказался во владении СССР и остался в составе России. - Режим доступа: <https://www.ixbt.com/live/offtopic/pochemu-kenigsberg-stal-kaliningradom-kak-gorod-okazalsya-vo-vladenii-sssr-i-ostalsya-v-sostave-rossii.html> (дата обращения: 11.02.2026)
- 12.РГАДА, ф.25, оп.1, д.128, л.684. Переписка кенигсбергских генерал-губернаторов Н.Корфа, В.Суворова, П. Панина и Ф. Воейкова и материалы о ходе военных действий в Пруссии, об управлении Кенигсбергской провинцией.
- 13.Фермор Вилим Вилимович // Половцев А.А. Русский биографический словарь. Том 21. - Режим доступа:

<https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-21/78>
(дата обращения: 11.02.2026)

14.Швецов В. Монеты «Прусской губернии». - Режим доступа:
<https://s30983408019.mirtesen.ru/blog/43726468463/Monetyi-«Prusskoy-gubernii»>
(дата обращения: 11.02.2026)

Уколова Инна Петровна

кандидат исторических наук, доцент

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта

SPIN-код: 3322-9862

Ukolova Inna

Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИТАЛИИ В 2000-2015 ГГ.: ОРГАНИЗАЦИЯ И ЭКСПОРТ

Аннотация: Военно-техническое сотрудничество Италии в начале XXI века основывается на взаимодействии национальной промышленности и передовой индустрии европейских стран. Управление экспортом вооружения осуществляют отделения Генерального секретариата Министерства обороны Итальянской Республики в тесном содействии с Министерством иностранных дел и международного сотрудничества. Важнейшее направление военно-технического сотрудничества Италии - совместная разработка вооружения компаниями стран Европейского Союза. Программы такого сотрудничества курирует европейская Организация сотрудничества в сфере вооружений (OCCAr). Ключевые партнеры Италии по экспорту вооружения – государства НАТО и ЕС. Увеличение объемов военного экспорта Италия с 2008 г. рассматривала как эффективное средство борьбы с последствиями мирового кризиса.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество; Министерство обороны; Генеральный секретариат; совместная разработка вооружения; экспорт вооружения; Европейское оборонное агентство.

ITALY'S MILITARY-TECHNICAL COOPERATION IN 2000-2015: ORGANIZATION AND EXPORT

Summary: Italy's military-technical cooperation in the early 21st century is based on the interaction between the national industry and the advanced industries of European countries. The management of arms exports is carried out by the offices of the General Secretariat of the Ministry of Defense of the Italian Republic, in close cooperation with the Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation. The most important area of Italy's military-technical cooperation is the joint development of weapons by companies from the European Union. These cooperation programs are overseen by the European Organization for Cooperation in the Field of Armaments (OCCAr). Italy's key partners in arms exports are NATO and EU countries. Since 2008, Italy has viewed increased military exports as an effective means of combating the consequences of the global crisis.

Keywords: military-technical cooperation; Ministry of Defense; General Secretariat; joint development of weapons; export of weapons; European Defense Agency.

С момента создания единого государства Италия активно встраивалась в систему европейского военно-силового баланса. На протяжении второй половины XIX – первой половины XX столетия она участвовала в военных конфликтах, опираясь на свою промышленность, производившую вооружение. Вступив в 1949 в НАТО, а позже став частью Европейского Союза (ЕС), Италия в значительной степени включила национальную индустрию в Северо-Атлантическую военно-промышленную систему. На мировом рынке вооружений Италию нельзя назвать лидером. Тем не менее ее опыт организации военно-технического сотрудничества (ВТС) в начале XXI в. интересен как вариант реализации национальных интересов по выгодной торговле вооружением в условиях плотной военной и экономической интеграции. В современных условиях система ВТС Италии, сформированная к 2015 г., в основном сохранила свои характеристики.

Ключевые решения, связанные с обеспечением безопасности страны, в том числе при определении условий военного государственного заказа, при выборе партнеров для военно-технического сотрудничества, принимались в исследуемый период и принимаются сегодня на высшем уровне – президентом и требуют обязательной ратификации в парламенте.

В подготовке международных договоренностей военно-технического характера особую роль играет внешнеполитическое ведомство. В Италии именно Министерство иностранных дел рассматривает проекты соглашений по военно-техническому сотрудничеству и их документационное обоснование (подробный анализ совместимости новой договоренности с действующими правовыми нормами, ее финансово-технические последствия, цели и планируемые результаты). МИД Италии уполномочено потребовать внести в проект необходимые изменения, и затем выдает разрешение на заключение договора по ВТС.

Как и любое государство ЕС, Италию в Европейском оборонном агентстве (EDA) представляет национальное военное ведомство.[3] Генеральный секретариат Министерства обороны осуществляет координацию Национального плана военных исследований, представляет Италию в профильных консультациях НАТО. Вопросами ВТС ведают отделы Генерального секретариата. Третий отдел решает задачи гармонизации работы по вооружению и военной технике не только с предприятиями национальной промышленности, но и с соответствующими структурами ЕС и НАТО.

Четвертый отдел Генерального секретариата («Программы вооружения») ведет мониторинг всех программ вооружения, принимаемых и реализуемых в Италии – национальных и международных, а также занимается подготовкой технических соглашений и отслеживает ход международного ВТС. После того,

как в 2007 г. Генеральным секретариатом Министерства обороны Италии процедуры управления национальными и международными комплексными программами были стандартизированы и оптимизированы, Четвертый отдел стал выполнять следующие функции:

- выступать в качестве посредника между проектными группами;
- определять выгодных партнеров, проводить предварительные переговоры по международному ВТС и координировать последующее выполнение договоренностей;
- отслеживать ход специальных исследований и производства систем ВВСТ для всех родов войск в рамках международных программ;
- участвовать в общем планировании ВТС в рамках своей компетенции. [1]

В регламентации ВТС Италия отдает приоритет нормам европейского права, инкорпорированным в национальное законодательство. Важнейшим звеном нормативно-правовой базы ВТС Италии являются международные соглашения о сотрудничестве в военно-технической области, которые курируются технико-административной частью Министерства обороны.

Наиболее значимую группу составляют соглашения о сотрудничестве в области военного госзаказа. В них могут быть изложены намерения сотрудничать со странами НАТО или другими дружественными государствами в исследованиях, развитии, обмене персоналом; урегулированы формы участия национальной промышленности (путем создания двухсторонних комиссий) и вопросы секретной информации (в том числе промышленного характера); содержатся вопросы относительно статуса персонала и порядка урегулирования возможных убытков; предусмотрен механизм разрешения споров между сторонами; детализированы иные аспекты сотрудничества. Если соглашения затрагивают политические аспекты, то они подлежат ратификации в Парламенте. Единственное постоянное исключение из правила о парламентском участии – это сотрудничество со странами НАТО и ЕС.

Три следующих категории договоренностей по международному ВТС могут быть урегулированы неправительственными соглашениями. Это меморандумы сотрудничества по программам развития систем вооружения и соответствующим исследованиям; акты, прописывающие технические мероприятия по реализации меморандумов по программам развития систем вооружения и соответствующим исследованиям; и, наконец, меморандумы по обмену техническим персоналом. Нередко в этих документах конкретизируются взаимные финансовые обязательства сторон, параметры их участия.

В любом случае требуется получить разрешение Министерства иностранных дел, которое проверяет, попадает ли соглашения в сферу ведения Министерства обороны, совместимость его с национальными нормами, правом ЕС и международными обязательствами Италии.

Италия стремится для собственных нужд покупать оборудование для вооруженных сил, произведенное либо национальными предприятиями, либо на территории партнеров, но в сотрудничестве с Италией. Процедура закупки ПВН проходит следующие стадии: конкретизация нужд, определение технико-оперативных характеристик и возможностей их финансирования, выделение мандата соответствующему директорату, который очерчивает технические, финансовые и промышленные параметры закупки. Если необходимо дополнительное финансирование, его утверждает парламент, в других случаях (при использовании выделенных средств) достаточно распоряжения министра. При этом министр обороны ежегодно отчитывается перед профильным комитетом парламента за принятые решения.

Продукция может приобретаться на разных условиях, в том числе лизинга, обязательства ограниченного использования (предполагает постепенные ежегодные выплаты за полученный товар), открытых контрактов (предполагает поставки товаров в сроки и в количестве, не прописанном заранее).

Государства Евросоюза систематически реализуют совместные проекты в сфере вооружений и военной техники, объединяя свой научно-технический и промышленный потенциал. Среди таких проектов наиболее примечательны следующие:

- Создание многоцелевого боевого самолета MRCA «Торнадо». Совместный проект ФРГ, Великобритании и Италии, стартовавший в 1967 г. Новый самолет должен был заменить, в первую очередь, истребитель F-104 «Старфайтер» производства США. Принимавшие участие в проекте компании трех стран создали для разработки самолета международный консорциум «Панавиа». После длительных работ «Торнадо» был поставлен на вооружение в ФРГ в 1982 г., производство продолжалось до 1999 г. [2]

- Создание тяжелого многоцелевого истребителя «Еврофайтер Тайфун». Проект реализовывался в рамках партнерства 4-х стран – ФРГ, Великобритании, Италии и Испании. В роли исполнителей заказа выступали консорциумы «Еврофайтер» и «Евроджет». Проект стартовал в 1986 г. «Тайфун» должен был заменить самолеты F4F «Фантом», MRCA «Торнадо» и МиГ-29. В 2003 г. началось серийное производство самолетов. [7]

- Создание ракетного комплекса ПВО среднего радиуса действия MEADS. Этот проект является единственным крупным примером трансатлантического сотрудничества в разработке и производстве военной техники, причем примером не очень успешным. Изначально в разработке системы принимали участие США, Франция, Италия и ФРГ, однако Франция покинула проект на ранней стадии. В ФРГ решение об участии в проекте было принято в 2005 г. В октябре 2011 г. руководство Бундесвера сообщило, что германские вооруженные силы намерены полностью отказаться от принятия системы на вооружение, однако полученный при ее создании опыт будет в дальнейшем использован при разработке комплексов нового поколения. [4]

Совместные военные разработки с участием Италии ведутся под эгидой Организации сотрудничества в сфере вооружений (ОССАг). Программы FSAF (серия зенитных ракет) и FREMM (многофункциональный фрегат) реализовывалась во взаимодействии с Францией. В Программе Essor по развитию технологий программного обеспечения для радиосвязи участвовали Италия, Франция, Испания, Финляндия, Швеция и Польша. [6] Примечательно, что Польша как одна из самых промышленно развитых стран из новых членов НАТО и ЕС, была включена в состав разработчиков.

Италия активно участвует во всех проектах координации оборонных программ на уровне ЕС, в том числе во всех начинаниях Европейского оборонного агентства, Европейского космического агентства. Рим также присоединяется и к большинству проектов НАТО; важнейшие из них для Апеннинского полуострова – JSF (Joint Strike Fighter) и уже упомянутый проект MEADS (Medium Extended Air Defense System).

Важнейшим фактором, определявшим в начале 2000-х годов стремление Италии к активному военно-техническому сотрудничеству в рамках Евросоюза, было относительное снижение интереса США к ситуации на европейском военном театре. Военно-политическое внимание Соединенных Штатов приковывала ситуация на Ближнем Востоке и проведение антитеррористической операции в Афганистане. В связи с этим возросли обязанности европейских стран по обеспечению собственной безопасности. При этом государства Евросоюза военные операции часто проводили вместе, но темпы и объемы их военно-технического сотрудничества отставали по сравнению с военно-оперативным взаимодействием.

Проблемы угроз национальной безопасности в это сложное время Италия воспринимала более остро в силу ее географического положения - близости к Большому Ближнему Востоку и, в особенности, нестабильной Северной Африке.

Начало мирового экономического кризиса в 2008 г. стало дополнительным стимулом для увеличения продаж вооружения и военной техники на мировом рынке. 14 апреля 2009 г. газета «La Stampa» разместила обзор по объемам военных поставок Италии Турции, Индии, Пакистану, Израилю, Сирии, Косово, Сербии. Вооружение было продано также в зоны боевых действий - Кению, Нигерию и Мексику. Отмечалось, что общий объем межправительственных сделок в 2008 г. увеличился на 45% по сравнению с 2007 годом или с 1,846 до 2,689 млрд. евро.

В двусторонних договоренностях Италии особое место всегда отводилось диалогу с США и Великобританией. Например, в 2010 г. был заключен контракт итальянской компании Selex Galileo на создание радара для оснащения строевых истребителей Королевских ВВС. Сумма сделки 19 млн. фунтов стерлингов (29,8 млн долл. США). В том же 2010 г. Selex Galileo получила контракт консорциума Eurofighter на поставку бортовых радиолокационных станций нового поколения CAPTOR-M для установки на

истребители Eurofighter Typhoon. Сумма сделки составила 200 млн. фунтов стерлингов (316,5 млн. долл.), срок поставки по контракту — 2012 г.

Сложная ситуация в условиях преодоления последствий мирового экономического кризиса привела к изменениям в структуре военного бюджета Италии. В 2012 г. затраты на содержание личного состава вооруженных сил сократились с 70% до 50% военного бюджета, расходы на учения и материальное обеспечение армии составили по 25% соответственно. [5]

Резюмируя, следует подчеркнуть, что развитие военно-технического сотрудничества Италии со странами НАТО и ЕС определено условиями военно-политического союза и многосторонней интеграции, а также исторической инерцией. При выборе партнеров по ВТС вне этих рамок в 2000-2015 гг. очевидно доминировала экономическая логика – стремление Италии получить максимальную прибыль от сделок по продаже вооружения и максимально эффективно преодолеть мировой экономический кризис.

Список литературы:

1. История Генерального секретариата обороны - URL: <https://www.difesa.it/sgd/staff-e-organizzazione/78636.html> (дата обращения 22.02.2025).
2. Истребитель Еврофайтер Тайфун // Военные новости, 22 августа 2017 г. - URL: <https://voennye-novosti.ru/istrebitel-evrofaiter-taifyn/> (дата обращения 22.02.2025).
3. Органиграмма Европейского агентства по обороне (EDA) - URL: <https://eda.europa.eu/?utm&utm> (дата обращения 25.02.2025).
4. Перспективная система ПВО MEADS // Военное обозрение, 7 декабря 2011 г. - URL: <https://topwar.ru/9067-perspektivnaya-sistema-pvo-meads.html?ysclid=mm6w6dzyog925628687> (дата обращения 21.02.2025).
5. Реформа вооруженных сил Италии: сократить, чтобы переоснастить // Перископ, 22 июня 2012 г. - URL: <https://periscope2.ru/2012/06/22/6082/> (дата обращения 25.02.2025).
6. Уколова И.П. Военно-техническое сотрудничество Франции в 2000-2015 гг. // Россия и мир в исторической ретроспективе. К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А.Н. Косыгина: матер. XXX-й междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 11 апреля 2024 года / под ред. С.И. Бугашева, Ю.В. Ватолиной, А.С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2024. – С. 728-737.
7. Юбиляр-неудачник: пятьдесят лет «Торнадо» // Военное обозрение, 19 августа 2024 г. - URL: <https://topwar.ru/248440-jubiljar-neudachnik-pjatdesjat-let-tornado.html?ysclid=mm6vwr691c590773902> (дата обращения 25.02.2025).

Усачев Вадим Анатольевич

кандидат философских наук, доцент

Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

SPIN-код: 8226-0338

Vadim Usachev

Donetsk national university of economics and trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л. БЛУМФИЛДА В ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Аннотация: Американский ученый Леонард Блумфилд был основателем структурной лингвистики, заложив основу американского дистрибуционализма в Соединенных Штатах в начале прошлого века. Начав свою исследовательскую деятельность, как и многие другие языковеды Америки, с изучения индейских языков, он стал одним из американских лингвистов, пытавшихся приложить лингвистику к преподаванию других языков. Лингвистическая концепция Л. Блумфилда стала основой американской дескриптивной лингвистики, господствующей в американском языкознании до конца шестидесятых годов двадцатого века, заменившись теорией порождающей грамматики Н. Хомского. Сделав в лингвистике упор на научную основу и процедуры анализа лингвистических данных, Блумфилд, несомненно, внес большую лепту в описание австронезийских языков и индоевропейскую историческую лингвистику в целом. Попытки Блумфилда осветить многие лингвистические явления оказались очень результативными, демонстрируя большое влияние на его единомышленников, вдохновив их на дальнейшие исследования в области специфических особенностей американского языкознания. В статье раскрываются основные концепции лингвистической теории Л. Блумфилда, рассматривающей лингвистику как сочетание теоретических исследований с их применением на практике, остающимися до сих пор актуальными в американской лингвистической науке, изучающей происхождение и жизнь слов на территории данной страны.

Ключевые слова: американская дескриптивная лингвистика, структурализм, преподавание, иностранный язык, лексика, фонетика.

BLOOMFIELD'S LINGUISTIC CONCEPT IN THE HISTORY OF AMERICAN LINGUISTICS

Summary: American scholar Leonard Bloomfield was the founder of structural linguistics, laying the foundation for American distributionalism in the United States at the beginning of the last century. Beginning his research, like many other American linguists, with the study of Native American languages, he became

one of the American linguists who attempted to apply linguistics to the teaching of other languages. Bloomfield's linguistic concept became the foundation of American descriptive linguistics, which dominated American linguistics until the late 1960s, later replaced by Chomsky's theory of generative grammar. By emphasizing the scientific basis and procedures for analyzing linguistic data, Bloomfield undoubtedly made a significant contribution to the description of Austronesian languages and Indo-European historical linguistics in general. Bloomfield's efforts to elucidate many linguistic phenomena proved highly effective, demonstrating a significant influence on his fellow scholars and inspiring further research into the specific characteristics of American linguistics. This article explores the fundamental concepts of Bloomfield's linguistic theory, which views linguistics as a combination of theoretical research and its practical application. These concepts remain relevant in American linguistics, which studies the origins and life of words in the country.

Keywords: American descriptive linguistics, structuralism, teaching, foreign language, vocabulary, phonetics.

Величайший американский ученый начала прошлого века Леонард Блумфилд заложил основы американской дескриптивной лингвистики, начав свои языковые исследования с санскрита и индоевропейских языков, а после заинтересовавшись изучением индейских языков алгонкинской семьи, став одним из основателей сравнительно-исторического изучения языков данной группы. На протяжении всей его жизни самым большим интересом Блумфилда была любовь к языкам, об изучении и лингвистическом анализе которых он любил говорить и которым посвятил все свои работы, направленные на развитие структурализма и его течения дескриптивной лингвистики. Его работы, такие как «Ряд постулатов для науки о языке», «Язык», «Руководство для практического изучения иностранных языков», «Разговорный русский», оказали огромное влияние на становление и развитие языкознания, наряду с трудами Соссюра, Сепира, Ельмслева и Трубецкого став теоретической декларацией дескриптивизма, самого популярного течения в американской лингвистики до периода, когда появилась теория порождающей грамматики Н. Хомского во второй половине двадцатого века.

В статье рассматриваются теоретические взгляды основателя дескриптивного направления американской структурной лингвистики, выдающегося лингвиста прошлого века Л. Блумфилда, стремившегося к усовершенствованию принципов объективного анализа языка через строгое определение терминов и формализацию их описания.

Научные изыскания Л. Блумфилда стали новейшим этапом в развитии американской лингвистической науки, да и всей мировой лингвистики двадцатого столетия в целом. Его лингвистическая теория имела и свои недостатки, и свои сильные стороны, но как бы не критиковали его исследования в формировании дескриптивной лингвистики, без его идей невозможно было бы говорить сейчас о современной лингвистике. Блумфилд

пытался сформировать критерии объективной языковой оценки со строгим определением терминов и систематизацией изложения. Для более точной формулировки своей концепции он использовал математический метод аксиом и догадок. Основной задачей языкознания Блумфилд провозглашал описание языка или какого-то определенного языкового диалекта, а основным элементом лингвистического исследования у него становится речевой отрезок, имеющийся в высказывании [1].

Актуальность работы заключается в рассмотрении лингвистической концепции Л. Блумфилда как ведущей роли в объективном анализе лингвистической науки, рассматривающей язык, как речевой акт, представляющий непосредственную ценность для человека, так как является средством достижения поставленных для него целей и воздействием на окружающий мир.

Леонард Блумфилд выступал под лозунгом материалистического монизма, являясь в действительности идеалистом, пытаясь обосновать свою языковедческую концепцию механической поведенческой психологией, получившей большое распространение в Соединенных Штатах в начале прошлого века. По мнению Блумфилда, изучать язык следует только практически, не ставя перед собой никаких общеобразовательных целей. Он считал, что владение языком является делом практики, а не теории, что это навык, а не знание. В его работах ярко проявляются бихевиористские идеи, принятые в основу его лингвистических взглядов, а также общие педагогические тенденции, навеянные философией прагматизма, являющейся наиболее реакционной идеологией в мире, и нашедшей благотворную почву для развития в его стране того времени.

Идеи разрабатываемой Блумфилдом лингвистической концепции были сходны исследованиям многих лингвистов по Пражскому кружку и Копенгагенской школе. У многих исследователей возникали аналогичные идеи языкового обучения независимо друг от друга. Пражский кружок акцентировал особое внимание на функциональную сторону языка, рассматривая язык как совокупность способов выражения, служащих конкретной цели. А Копенгагенская языковая школа воспринимала язык как организацию свободных отношений, абстрагируясь от однозначных языковых систем. Как основу своего лингвистического изыскания Блумфилд анализировал речевой отрезок, вводя понятие классов слов вместо деления слов на части речи, не считая слово первичной единицей речи из-за расплывчатости его границ, отрицая также традиционное деление грамматики на синтаксис и морфологию [3, с. 275]. Таким образом, мы видим, что Блумфилд воспринимал язык с точки зрения бихевиоризма, затрагивая в своих исследованиях важнейшие проблемы изучения языка того времени, хотя и трактовал их не всегда одинаково со своими современниками.

Рассмотрим, какие же конкретные задачи он ставил перед изучающими иностранные языки и какие методические базисы рекомендовались им для их

разрешения. Считая, что изучение иностранных языков должно преследовать чисто утилитарные цели, Блумфилд сводит их к умению говорить на иностранном языке и понимать иностранную речь. Умение читать и писать, по мнению Блумфилда, является особой, не слишком обязательной задачей, к разрешению которой следует приступать только после того, как обучающиеся овладеют устной речью изучаемого языка. Основным путем по Блумфилду к достижению поставленной цели является умение говорить и понимать, что должно осуществляться через слушание и подражание. Он писал, что научиться понимать и говорить на иностранном языке можно только слушая и подражая говорящему на этом языке. Работа над любым языковым явлением должна доводиться до полного автоматизма [2].

Наиболее неверным, с точки зрения Л. Блумфилда, оказывается принцип сознательного обучения языка, за который в педагогике и методике боролись наиболее прогрессивные мыслители прошлого; достаточно указать на таких величайших педагогов как Коменский, Ушинский, как академик Щерба, который утверждал, что подлинное овладение изучаемым языком возможно лишь при условии изучения его теории и сравнения изучаемого языка с родным языком. Таким передовым идеям своего времени Блумфилд противопоставил полный отрыв теории от практики, имманентное обучение языку, основанное на принципах интуитизма, при котором обучающиеся должны были усваивать речевые образцы посредством подражания даваемой им речи и выполнения различных имитационных упражнений. Определенные грамматические правила и структуры давались обучающимся в живой вербальной ситуации. Вовлекая обучающихся в определенную информативную беседу, преподаватель должен был сделать так, чтобы обучающиеся сами замечали бы грамматические закономерности в речи, и затем уже затем знакомились с ними. Блумфилд писал, что обучающиеся, приступающие к изучению нового языка, должны постараться предать забвению весь свой языковой опыт и начать все сызнова. Между знаниями о языке и практическим владением им, по мнению Блумфилда, нет никакой связи, а владение языком представляет собой не результат знания, а выработку навыка [4, с. 98].

Лингвистическую концепцию американский языковед представил в работе «Язык». Эту теорию Блумфилд называл механистической, противопоставляя ее менталистическим воззрениям. Он писал, что в менталистической теории вариативность человеческого поведения объясняется как вмешательство некоего нефизического фактора, представленного в виде воли, духа или рассудка, присущего каждому человеку. С точки зрения менталистов дух отличается от материальных объектов, подчиняясь другим, видам причинной связи. Механистическая же теория объясняет вариативность человеческого поведения, и непосредственно саму речь тем, что человеческое тело представляет собой сложную систему, в которой все человеческие поступки являются частью причинно-следственных отношений. А так как

человеческая нервная система не поддается прямому наблюдению, то для ее изучения приходится использовать опосредованные подходы [5].

Речевое высказывание по Блумфилду является несущественным само по себе, складываясь из практических событий. В человеческой речи конкретным звукам соответствуют конкретные значения, и, изучая соответствия звуков конкретным значениям, и обозначает само изучение языка. Блумфилд отмечает, что исследование языка построено на сравнении дескриптивных данных. Описание языка, по его мнению, нужно начинать с фонологии, где конкретизируются все фонемы и показываются их разнообразные комбинации. А уже затем показано, какие значения зафиксированы за конкретными формациями. Эту стадию он характеризует как семантика, четко разделяя ее на грамматику и лексику. Фонетическая конструкция представляет собой языковую форму. Все языковые конструкции можно разграничить на два вида. Прежде всего, они могут быть связанными, то есть такими, которые никогда не произносятся отдельно – это морфемы и другие части слова, а также могут быть свободными конструкциями, произносимыми отдельно от других конструкций – это слова и словосочетания. Также фонетические конструкции делятся на сложные конструкции, имеющие фонетико-семантическое единство с другими языковыми конструкциями, и на простые конструкции, не имеющие такого единства. Общая часть двух сложных конструкций, являющаяся языковой формой, образует их компоненты, которые делятся на прямые компоненты и конечные компоненты, в роли которых ставятся морфемы. Блумфилд находил морфему и слово автономными, не связанными друг с другом. Морфема у него являлась наименьшей конструкцией, а слово – наименьшей свободной конструкцией, способной быть высказыванием. Л. Блумфилд вводит понятие семемы как наименьшей единицы значения, соответствующей морфеме, но в связи с второстепенным положением семантики в дескриптивизме, данная дефиниция не стала после изучения Блумфилда такой важной, как определение морфемы [6].

Для лучшей организации преподавания языка Блумфилд рекомендовал распределять всю работу между двумя лицами, из которых один должен преподавателем-лингвистом, а другой – так называемым информатором, причем интересно отметить, что наличие первого из них он считал не обязательным. Главная роль отводится информатору, для которого изучаемый язык должен быть родным. Основное требование, предъявляемое информатору это умение свободно и естественно говорить на изучаемом языке, употребляя возможно большее количество разнообразных слов. Информатор не должен обладать какими-либо теоретическими знаниями в области языка. Основная его обязанность заключается в говорении на языке и реагировании на то, что говорит обучающийся. Блумфилд полагал, что лучшим информатором является тот, который обладает большим и разнообразным запасом слов и может говорить свободно и непринужденно и, по мере надобности, сможет замедлять

темп своей речи до такой степени, чтобы обучающийся был в состоянии ее записать.

При овладении звуковой системой иностранного языка, которую Блумфилд считал совершенно отличной от звуковой системы родного языка, он рекомендовал пользоваться только имитацией. Все, что информатор произносил, обучающийся должен был записывать любым способом, лишь бы каждому звуку соответствовал определенный знак с тем, чтобы затем выучивать наизусть и упражняться в произношении, добиваясь абсолютно точного воспроизведения. Усвоение слов, различных грамматических форм должно было происходить механически. Просматривая свои записи языкового материала с целью выяснения возникающих вопросов, обучающийся должен был приходиться к самостоятельным выводам относительно употребления какого-либо слова или той или иной грамматической формы. Ради экономии времени обучающийся мог пользоваться словарями, учебниками и другими справочниками, помня при этом, что их использование не способствует, по мнению Блумфилда, облегчению понимания речи, что являлось главным, и основой изучения языка оставалась работа с информатором. Основную цель изучения языков Блумфилд видел в их практическом освоении, для чего он предлагал исключительно продуктивные формы работы. Весь процесс обучения, по его убеждению, должен быть построен на принципах имманентного и интуитивного, как мы уже упоминали выше, восприятия языка, которое ассоциировалось с полным игнорированием изучения теории языка и использовании собственного языка при усвоении иностранного. Основным средством семантизации или смыслообразовательного процесса усвоения языкового материала являлась наглядность. В качестве универсального средства закрепления языковых явлений рекомендовалась имитация и механические упражнения [7, с. 22].

В заключении отметим еще раз, что Л. Блумфилд, будучи основателем дескриптивной лингвистики, предполагал соединение теоретических исследований с их использованием на практике. Он полагал, что язык представляет собой универсальное средство адаптации человека к окружающей действительности. Основной целью лингвистики провозглашалось изложение данных языка, а не их интерпретация, что и было зафиксировано в самом названии этой лингвистической концепции. Блумфилд старался освободить лингвистику от взаимосвязанных областей знаний, это касалось психологии, чтобы лингвистика стала самостоятельной наукой. Отметим, что у теории Блумфилда есть и слабые стороны. Так, Блумфилд убрал из лингвистики полностью метафизику, все, что, по его мнению, представляло собой психическое и социальное в содержании языка. Многим явлениям языка в своей языковой концепции он отводил недостаточно внимания, не отражая в нем союз языка с мышлением. Заслуга Блумфилда была в его стремлении к самодостаточности науки о языке, о разработке её на научной базе с применением убедительных доводов, устанавливаемых с потенциальной

требовательностью. Л. Блумфилд старался создать свою языковую конфигурацию, способствующую описанию определенного речевого сегмента. Главным направлением языкового анализа у него становится разработка способов обзора и репрезентации, где исходными данными являются речевой сегмент и система подходов для членения этого сегмента, а также слияние слагающих его компонентов в опосредованные классы. Одним из фундаментальных вопросов, поставленных Блумфилдом перед американскими лингвистами, явился вопрос о языковом значении и его роли в лингвистическом исследовании. Блумфилд определял языковое значение ситуативным, а так, как ситуаций может существовать множество, а знания лингвистов ограничены, то он пришел к выводу о том, что определение языкового значения является наиболее слабым местом в науке о языке. Язык для Блумфилда представлял собой внешнее по отношению к исследователю явление, для изучения которого требуются методы объективного наблюдения и анализа. И в использовании четких объективных методов языка он видел основную задачу языкознания. В течение многих лет после выхода книги Блумфилда «Язык» в американском языкознании господствовала дескриптивная лингвистика. Как успех, как и популярность данной лингвистической концепции, объяснялось тем, что она оказалась во многом созвучной той научной атмосфере, которая была в области языкознания в научных кругах Америки тех лет, и в итоге дескриптивная лингвистика стала отождествляться в данной стране с наукой о языке в целом.

Список литературы:

- 1.Березин, Ф.М. История лингвистических учений: [учебник для филологических специальностей вузов]. - 2-е изд. исправ. и доп. - М.: Высшая школа, 1984. - 319 с.
- 2.Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд; Пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат; Коммент. Е. С. Кубряковой. Под ред. и с предисл. М.М. Гухман. - 2. изд., стер. - М.: УРСС, 2002. – 606 с.
- 3.Зубкова, Л.Г. Эволюция представлений о Языке [Текст] / Л. Г. Зубкова. - М: ЯСК, 2015. - С. 275.
- 4.Лыкова, Н.Н. История языкознания в текстах и лицах [Текст]: учебное пособие / Н. Н. Лыкова. - М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 98.
- 5.Мюллер, М. Лекции по науке о языке: Lectures on the science of language: перевод с английского / М. Мюллер; предисл. К. Г. Красухина. - 2-е изд., доп. – М.: URSS, 2009. - 314 с.
- 6.Шор, Р.О., Чемоданов, Н.С. Введение в языкознание: учебник для государственных университетов и педагогических вузов / Р.О. Шор, Н.С. Чемоданов; под общ. ред. И. И. Мещанинова; предисл. В.М. Алпатова. - Изд. 2-е, доп. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. - 288 с.
- 7.Hymes, D., Fought, J. American structuralism. De Grayer Mouton, 2017. - P. 22.

Успенский Антон Михайлович

кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник

Государственный Русский музей

SPIN-код: 8579-1336

Anton Uspensky

State Russian Museum

О ПЛАСТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ «РУССКОГО СЕЗАННИЗМА»

Аннотация: В статье рассматривается стиль живописи группы «Бубновый Валет». На примерах работ художников группы отслеживается эволюция стиля в целом и пластические приоритеты в частности. Проводится сравнение и различие в методах работы Поля Сезанна и «русских сезаннистов». Ставятся вопросы о коллажных принципах в живописи группы «Бубновый Валет», о влиянии кубизма, о соотношении формальных и содержательных категорий. Анализ живописных приемов подводит к выводам о противоречивом и эклектичном стиле, способном соединить в себе заведомые противоречия.

Ключевые слова: Бубновый Валет, русский сезаннизм, русская живопись, Сезанн, Кончаловский, техника живописи.

ON THE PLASTIC QUALITIES OF "RUSSIAN CEZANNE"

Summary: On the plastic qualities of "Russian Cezanne" The article discusses the painting style of the Jack of Diamonds group. Using the examples of the group's artists, the evolution of style in general and plastic priorities in particular are tracked. The comparison and difference in the methods of work of Paul Cezanne and the "Russian Cezannists" is carried out. Questions are raised about the collage principles in the painting of the Jack of Diamonds group, the influence of Cubism, and the relationship between formal and substantive categories. The analysis of painting techniques leads to conclusions about a contradictory and eclectic style that can combine obvious contradictions.

Keywords: Russian painting, Cezanne, Konchalovsky, the Jack of Diamonds, Russian Cezanne, the technique of painting.

Стиль живописи группы «Бубновый Валет» в целом, определяемый как синкретизм, сложился под влиянием различных образно-пластических систем: городского фольклора, примитива, сезаннизма, постимпрессионизма, кубизма. «Сезаннистское» крыло «Бубнового Валета» – Пётр Кончаловский, Илья Машков, Аристарх Лентулов, Роберт Фальк и Александр Куприн были органически привержены станковой живописи и не переходили границ изобразительности, усиливая этим пластическую содержательность своих работ. Значимость и продолжительность воздействия этого стиля для русской и

советской живописи трудно переоценить: «Не просто найти в мировой ситуации XX века такое оригинальное и интенсивное преломление французского постимпрессионизма, как «русский сезаннизм», зародившийся в 1910-е годы и имевший творческую эволюцию вплоть до опусов «сурового» поколения шестидесятников. Эта стилевая линия на протяжении 1930–1950-х годов олицетворяла внутреннее противостояние соцреализму, причем, наверное, самое широкое, последовательное и решительное...» [1, с. 203 - 204].

Главными сезаннистами 1920-х годов критика признает Петра Кончаловского и Илью Машкова, отчасти Александра Куприна, но не Фалька. Учитывая, что в то время Сезанн решались как «материалиста [...] сравнивать по темпераменту и складу ума с К. Марксом» [2, с. 58]., такое сравнение могло приравняться к документу о политкорректности художника. Однако сезаннистам не доставало гражданского пафоса: «их искусство, тоже, как и Сезанн, не выходит за пределы этюда с натуры и, как у импрессионистов, не знает картины» [2, с. 59]. К концу 1930-х разрыв между формой и содержанием живописи стал очевиден: в картинах не доставало живописной культуры, а этюды были идеологически нейтральны. Противоречие творческого метода Сезанна к 1940 г. было раскрыто следующим образом: «Картинописец по своему темпераменту, он по методу был импрессионистом, видевшим в изображении подлежащего куска природы основной способ выразить свою личность. [...] Не следовало ли истинным последователям Поля Сезанна разрубить Гордиев узел, расчленив этюд и картину? [...] Будучи сделан глубоким мастером, этюд может достигнуть большей художественной ценности, чем многие картины других, менее значительных мастеров, но от этого он не становится картиной» [3, с. 72]. Экспертиза составляющих стиля «русский сезаннизм», расстановка его плюсов и минусов до сегодняшнего дня присутствуют как неперенное звено в структурно-временных связях, выстроенных критиками отечественного искусства. Так, с одной из позиций представляется, что Сезанн «стоит у истоков Академии художеств СССР, сформировав Машкова, Кончаловского, Герасимова и весь стиль нажористой, смачной советской живописности» [4, с. 8]. С другой – стилевая линия «Бубнового валета» «на протяжении 1930–1950-х годов олицетворяла внутреннее противостояние соцреализму, причем, наверное, самое широкое, последовательное и решительное» [1, с. 203 - 204]. Но рецидивы этой «мертвой живописности», по мнению известного московского критика, наблюдаются даже у Оскара Рабина, которому в свое время помешала «вязкая субстанция русского сезаннизма» [5, с. 141 - 143].

Даже в 1946 году на встрече бывших «валетов» вопросы «русского сезаннизма» решались чрезвычайно бурно: «...Иогансон вышел из-за стола и стал смотреть книги, лежавшие на рояле. Увидев монографию о Сезанне, он торжествующе поднял ее над головой и воскликнул: «Ага, не хотите расстаться со своими кумирами-французишками!» Ольга Васильевна, жена Кончаловского, замахала руками и стала говорить: «Мы русские, мы русские,

мы суриковцы!» Фальк встал и тоже вышел из-за стола. Мне показалось, что Кончаловскому это было неприятно, и тут Соколова вскочила и сказала: «Петр Петрович – великий русский художник, он давно плюнул на Сезанна, переплюнул его и забыл о всяких французах». Петр Петрович залился краской, набылся и словно не заметил протянутого ему Соколовой бокала вина. Дейнека заметил: «Сезанн в цвете кое-что понимал, а рисунка-то никакого». «Что Вы понимаете в Сезанне? – возмутился Фальк. – Вы плакатист, и больше ничего». И тут я, последняя спица в колесе этого общества, вскочила и, протянув через стол бокал с вином Петру Петровичу, сказала: «Петр Петрович, Вы замечательный художник, и Вам никого не следует оплевывать, чтобы чувствовать себя художником». Петр Петрович широко улыбнулся и протянул мне через стол свою мощную руку. Наступило общее замешательство» [6, с. 81 - 82].

Эволюция формальных приемов живописцев «Бубнового Валета» в пределах временного отрезка 1910-1917 гг. позволяет назвать те основные категории, между которыми они совершали свой выбор: между декоративным цветом и предметным содержанием. Результат выбора и компромисс найденного решения у каждого живописца был индивидуален, но всех их объединяло наследование народному искусству (и его маргинальным городским версиям) в цветовом строе и нежелание, невозможность выхода за границы фигуративной, предметной живописи. Возможно назвать и общие для названных художников формальные приемы, позволяющие на композиционном и сюжетном уровнях собрать в цельную картинную плоскость и в единое живописное произведение элементы, имеющие столь различную пластическую морфологию. Очевидная принадлежность «русских сезаннистов» к станковой живописи почти не пересекла их творческий путь с коллажем. Между тем, именно коллаж как принцип художественного мышления и комплекс пластических приемов может быть определен в их произведениях в качестве организующего начала для формальных единиц упомянутых стилей и стилистических направлений.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу этих формальных приемов, необходимо напомнить о принадлежности живописи «Бубнового Валета» к новой (на тот момент), аналитической стадии стиля [7, с. 55 - 77], что определяет следующие признаки: отсутствие воздушной перспективы, ограничение картинной плоскости двумя, по преимуществу, планами, замена света освещенностью. Объем и его свойства передаются лишь как соотношения цвета, поскольку моделировка заменена сначала свето - и затем цветосилой [7, с. 75]. Цвет у «бубнововалетцев» независимо противостоит и даже противоречит сдерживающим его линиям контура. Если, например, у Сезанна взаимопроникновение живописных и графических начал было нераздельно, у художников «Бубнового Валета» возникает их противопоставление и конфликт. Интуиция и темперамент москвичей ставили перед ними проблемы не формы, но массы. Деструктурированную цветовую

массу они сдерживали оковами формы от разрыва. Растущий цвет требовал препятствующих ему графических элементов, предохраняющих пространство картины от хаоса.

Подобное внимание к формальным категориям живописи и, вследствие этого, их необычайное развитие стало возможным за счет «перебрасывания ресурсов» из области категорий сюжетно-повествовательных. Возник «фетишизм плоскостей, в плену у которого находится «Бубновый Валет»», как диагностировал это Яков Тугендхольд в статье 1913 года: «современная московская молодежь отрицает всё, кроме «окрашенных плоскостей» и впадает в «эстетический сепаратизм», как выражался Влад. Соловьев» [8, с. 55 - 57]. Исчезновение сюжета в его прежнем понимании не означало пустоту, вакуум на освободившейся позиции. При отсутствии в живописном произведении какой-либо из формально-абстрактных или изобразительно-сюжетных категорий происходит процесс компенсации. Функции исчезнувших по стиливым особенностям берут на себя сохранившиеся категории. Отсутствие сюжета лишало работы «Бубнового Валета» повествовательности и центр тяжести смещался на формальные опоры. Новые формы не подчинялись вербальной оценке и требовали иных, пластически обоснованных отношений сторон и связей предмета. Сюжетная опустошенность позволяла свободно расти формообразующим элементам живописи, и они занимали лидирующие позиции.

Следует отметить, что так «мозолившие» непривычный глаз зрителя плоскости, были только плоскостями, а не плоскостями-гранями, которыми оперировало, например, «кубистское» крыло «Бубнового валета», и, прежде всего, Василий Рождественский. И если в кубизме можно определить двухмерную картину как изображение трехмерного нереального объекта, который невозможно воссоздать в качестве объемной модели, то предметы на картинах «сезаннистов» не претендуют на выход из картинной плоскости. В сравнении с двухмерными «бубнововалетцами», «Пикассо стремится утвердить творческий разум, выходя за грани живописи, за черту двух измерений» [9, с. 35]. Европейский кубизм от объемной образно-пластической системы сведен русским художником к частному приему, уместному и оправданному для передачи предмета с определенными свойствами, целый стиль буквально остепенен и приручен. Здесь необходимо уточнить, как корреспондировали цветные плоскости между собой, из каких живописных единиц складывался узнаваемый пластический язык этой не кубистической живописи.

У «бубнововалетцев» произошла дифференциация графических элементов (рисунка) и живописных элементов картины. Если Сезанн обводил контур ультрамарином и краплагом, то московские художники работали с черным графичным контуром, ставшим самостоятельным элементом. Этот контур имел не только сезанновскую наследственность, в письме Машкову Кончаловский упоминал прерафаэлитов, которые «отбросили форму и как дети обводили контурами свои образы и красили их неземными красками» [10, с.

198 - 199]. Эта фраза многое в себе включает. Например, сравнение с детьми определяет искомую художником степень свободы и легкости в процессе творчества. Нас не должно смущать характерное для цеховых терминов снижение пафоса – «красили», вспомним врубелевское: «веселая работа раскрашивать» (по свидетельству А. Грищенко). Важно то, что Кончаловский пишет: «красили их неземными *красками*», а не *цветами* или *колерами, оттенками*, т.е. определяется качество, свойство материала – краски, а прилагательное «неземные» наследует народным традициям слепящей анилиновой гаммы, использования золотой и серебряной красок. «Образ, обведенный контуром» – пассаж, раскрывающий равенство категорий в живописи «валетов» – поиск в идейно-сюжетном направлении, который неотделим от технического маневра. Среди источников происхождения этого формального элемента можно найти переработанные приемы витража, японской гравюры, лубка и пр. Так, композиционные приемы, пришедшие из провинциальной фотографии, принесли с собой не только «натюрмортную» застылость персонажей, но и черный контур вокруг них, который изначально возник как видимый зазор между плоской ширмой с отверстием для головы и самой головой. Насыщенные, ярмарочные цвета, заимствованные из свободной палитры вывесок и витрин, появились вместе с черной обводкой, которая имела прямое отношение к тени от плоских жестяных букв, кренделей или ножниц. Из плоскости набоек и лубков унаследованы технологически необходимые контуры фигур людей и предметов – отпечатки рельефа штампа. Следовательно, черные контуры-обводки, столь характерные для живописи «бубновых валетов», онтологически не принадлежат картинной плоскости, не подчиняются колористическим законам и этим родственны краям-границам элементов коллажа. Именно край плоских коллажных деталей несет в себе признаки третьего, теоретически исключенного из плоскости коллажа, измерения. Следует отметить, что прием черного контура проделал различную эволюцию в живописи мастеров «Бубнового Валета», в зависимости от индивидуальной воли и темперамента, превратившись в черный и цветной штрих – у Фалька, в цветную линию – у Лентулова, в дублированные границы – у Куприна, почти исчезнув – у позднего Машкова и Кончаловского.

Направление движения «бубнововалетских» кистей в пределах предмета, ограниченного контуром, тоже имеет показательное родство. Живописцы кладут мазки не по форме предмета, а в зависимости от его очертания, внешнего контура – так, как ремесленник-маляр раскрашивает («неземными красками») плоскость вывески, вторя сделанному ранее рисунку. Зачастую в картинах появляется как бы небрежность, неточность рисунка, которую возможно назвать «аппликативной» – части предметов перекрывают друг друга, при этом нарушая плановую последовательность. Примитивистской рукой, «криво нарисованные» фигуры людей, дома и деревья больше похожи на «криво наклеенные», тем более что они избегают перспективного сокращения.

Избранная тема требует особо упомянуть Александра Куприна. Он больше остальных «бубнововалетцев» работал в технике аппликации, коллажа. Для его изготовления Куприн окрашивал бумагу, подбирая сложные, «станковые» оттенки цвета и затем аккуратно выклеивал нарезанные фрагменты. Получавшиеся композиции не обретали специфически коллажной выразительности, игнорировали текстуру и рельеф, их целью была живопись, но – средствами коллажа. Про Куприна также известна специфическая особенность в работе над натюрмортами. На небольшом токарном станке (также сделанном самостоятельно) он вытачивал муляжи фруктов для своих постановок, сам собирал букеты бумажных цветов. Затем окрашивал эти деревянные груши, бананы, яблоки, розы и тщательно составлял композиции для своих будущих живописных натюрмортов. Фактически это были готовые трехмерные произведения – ассамбляжи, как их стали называть позже. Подобная подготовка позволяла отстраниться от натуры, исключив даже отдаленные импрессионистические мотивы. Другим художникам «Бубнового Валета» такую первичную «художественную обработку» природного объекта обеспечивали анонимные авторы вывесок, исполнители набоек и кустари-фотографы.

Натюрморт «Сухие краски» Петра Кончаловского (1913 г.) – одна из немногих работ автора, где использованы элементы коллажа. На нарисованных банках наклеены подлинные этикетки от художественных красок. И этот единичный опыт приводит нас к выводу об определенности в выборе художественной техники для автора картины и для живописцев «Бубнового Валета» в целом. Пластический диалог, возникший между пятнами цвета и бумажными прямоугольниками, состоит из контраргументов, которые взаимно предъявляют его участники. И «заявления живописной стороны» оказываются убедительней, элементы коллажа не становятся главным композиционным акцентом, или, тем более, пластическим событием этого натюрморта. Не случайно именно *сухие* краски, т.е. пигменты – в центре происходящих пластических событий. Оптически они имеют максимальную цветовую насыщенность, близкую открытой гамме народного искусства. Цветовые пятна сохраняют свое лидерство, не прибегая к инородным, не живописным средствам выразительности, где главный прием в организации цветового строя – черный контур, имеющий коллажное происхождение. Как писал автор: «Из удовольствия спорить с действительностью, добиваться осязаемой вещности предметов ... делал я эти наклейки».

Коллаж не как техника исполнения, а как технология пластического мышления существует в работах «сезанистов» зачастую там, где на формальном уровне обычно находят следы влияния кубизма. Исходя из сказанного и зная особое значение цвета с повествовательно-сюжетными качествами, приданными ему упомянутыми живописцами, возможно обозначить кубистическую составляющую как весьма скромную долю в пластическом наследии этого крыла. Другие художники, участвовавшие в

выставках «Бубнового Валета», но не столь приверженные станковой живописи, прошли через увлечение коллажем как техникой. Так, например, В. Татлин к 1913 году уже «не удовлетворяется теми формами живописи, которые практикуются членами общества «Бубновый Валет» [11, с. 37], т.е. ему недостаточна двухмерность живописного пространства.

Технология коллажа подразумевает работу с элементами, прошедшими начальную художественно-технологическую обработку – к подобному материалу обращался и живописец «Бубнового Валета». Элементы коллажа априорно деконструктивны – живописные единицы (цветовые пятна) были бы деструктурированы без графических, инородных элементов – линейных контуров, черных обводок. Коллажу добавляет специфической пространственной выразительности намеки на присутствие третьего измерения – на крае, на срезе деталей. Контур в живописи «бубнововалетцев» не принадлежит ни предмету, им ограничено, ни пространству вне предмета – они существуют в картинной плоскости, но заставляют нас искать этому подтверждение.

Принцип художественного мышления, который в отношении образа мы называем синкретическим, а в отношении пластики – коллажным, позволил совместить в «сезаннистской» живописи группы «Бубновый Валет» противоречивые стили и стилистические направления. В каждом частном случае творческого выбора он помогал уходить от заимствования и цитирования к выплавлению авторской композиторской индивидуальности, к последующей эволюции личного живописного стиля.

Список литературы:

1. Морозов А.И. Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. - М., изд. «Галарт», 1995.
2. Мельников Д. Сезанн и сезаннизм. // Творчество, 1921, № 4/6. С. 54 – 59.
3. Ржезников А. Что такое живописность? // Искусство, 1940, № 4. С. 69 – 78.
4. Ипполитов А. Сезанн и русский сезаннизм. // Новый мир искусства, 1998, № 4. С. 6 – 8.
5. Ковалев Андрей. DIPART: deep art of the cold war. Критические дни. - М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002.
6. Щекин-Кротова А. Пристань «тихих бубновых валетов» в Доме Перцова. Публикация Юлии Диденко. // Русское искусство. 2005. №2. С. 56 – 65.
7. Федоров-Давыдов А.А. Русское искусство промышленного капитализма. - М. 1929.
8. Тугендхольд Я. Московские выставки. // Аполлон. 1913. №3. С. 55 – 59.
9. Тугендхольд Я. Письмо из Парижа. // Аполлон. 1911. №1. С. 73 – 77.
10. Кончаловский П.П. Письма к Машкову. Панорама искусств-78 - М.: Советский художник, 1979.
11. Грищенко А. О группе художников «Бубновый валет». // Аполлон. 1913. № 6. С. 31 – 38.

Харламова Александра Александровна

аспирант

Крымский федеральный университет им. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

SPIN-код: 4659-6536

Kharlamova Alexandra

Humanitarian-Pedagogical Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

ПОВСЕДНЕВНАЯ УСАДЕБНАЯ ЖИЗНЬ ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация: До недавнего времени историки отдавали предпочтение изучению повседневной жизни пролетариата и крестьянства. Лишь в конце прошлого века советские историки затронули проблему взаимоотношения и взаимосвязи русской дворянской элиты с западноевропейской. Поэтому изучение различных сфер жизни дворянского общества на юге Западной Европы остается малоизученной, которая требует подробного научного исследования.

Ключевые слова: дворянство, усадьба, усадебная жизнь, повседневность, Европа, повседневность, микроистория.

EVERYDAY MANOR LIFE OF THE NOBLE SOCIETY IN SOUTHWESTERN WESTERN EUROPE

Summary: Until recently, historians have preferred to study the everyday life of the proletariat and peasantry. It was only in the late last century that Soviet historians addressed the issue of the relationship and interconnections between the Russian noble elite and their Western European counterparts. Therefore, the study of various aspects of noble society life in Southern Western Europe remains underexplored and requires detailed scholarly investigation.

Keywords: nobility, manor, manor life, everyday life, Europe, microhistory.

Изучение повседневной жизни европейской знати, особенно в контексте их поместий, представляет собой важную и актуальную область исследования, учитывая значительное влияние, которое эти усадьбы оказывали на культурное, социальное и экономическое развитие общества. С античных времен поместья служили не только местом проживания, но и отражали статус и идентичность их владельцев, а также их культурные и интеллектуальные запросы. В условиях современных социокультурных изменений и глобализации, исследование исторических аспектов жизни знати становится особенно важным для понимания формирования европейской культуры и идентичности.

Несмотря на проведенные исследования, включая работы Е.В. Дукова [3] и М. Листри [4], множество аспектов повседневной жизни европейской знати все еще не получили должного освещения. В частности, взаимодействие между архитектурой, искусством и бытом в контексте поместий требует более глубокого анализа. Как показывают примеры итальянских вилл эпохи Возрождения, усадьбы не только служили местом уединения от городской суеты, но и становились пространством для самовыражения и культурного обмена. Это поднимает вопрос о том, как различные культурные и социальные факторы влияли на формирование уникального стиля жизни знати в разных регионах Европы.

Проблема заключается в недостаточном внимании к взаимосвязям между архитектурой усадеб, их внутренним убранством и образом жизни их владельцев. Как поместья отражали изменения в общественных и культурных нормах? Как они способствовали формированию определенных идеалов и ценностей среди европейской элиты? Эти вопросы требуют комплексного подхода и междисциплинарного анализа, включая аспекты истории искусства, архитектуры, социологии и культурологии.

Таким образом, исследование повседневной жизни знати в контексте их поместий не только обогатит наше понимание исторического прошлого Европы, но и позволит выявить ключевые элементы, определяющие культурную идентичность различных регионов на протяжении веков.

Объект исследования: Усадьбы и королевские резиденции европейской знати в разные исторические эпохи.

Предмет данного исследования выступает взаимосвязь между архитектурой, искусством и повседневной жизнью в усадьбах и резиденциях, а также их социальная и культурная роль в жизни европейской элиты.

Целью статьи является исследование и анализ роли усадеб и королевских резиденций как отражения культурных, социальных и архитектурных изменений в Европе, а также их значение для формирования идентичности европейской знати.

Задачи исследования:

1. Изучить историческое развитие усадеб и резиденций в Европе с акцентом на их архитектурные особенности и культурные контексты.
2. Проанализировать различия в восприятии усадьбы как места жительства между русской и европейской знатью.
3. Исследовать, как усадьбы служили символами социального статуса и семейной гордости для европейской элиты.
4. Оценить наследие усадебного строительства и его влияние на архитектурные традиции в других европейских странах, включая Россию.

В разные эпохи в разных странах внутри замкнутого пространства произведения искусства, архитектура и повседневность нашли свое отражение в усадьбах и королевских резиденциях, которые играли в каждом государстве свою особенную роль. Если для русского дворянина усадьба выступала больше

как пристанище, приют отшельника, то для европейцев она считалась семейным домом, гордостью и только потом местом для уединения.

Европейская элита старалась сохранить свой дом и передать его из поколения в поколение. Например, западные специалисты отмечали, что существовали семьи, которые жили в своих домах с XV-XVI вв. В доме сохранялось все: старинная домашняя утварь, семейные коллекции предметов искусства, мебель и другие предметы роскоши. [2, с. 12 –13].

В Западной Европе землей владели по праву завоевания, тот же барон, рыцарь или сам король как первый и главный землевладелец. Вследствие недостатка земельных участков, европейское дворянство так трепетно относилось к своим семейным домам и со всей любовью старалось сохранить завоеванное и нажитое имущество.

Ближе к эпохе Возрождения (XIV-XVII вв.) европейское поместье становится не только домом, но и местом уединения, так как противопоставляется тягостям и мерзостям городской жизни. Новые научные воззрения показали, что человек многогранное, противоречивое существо, поэтому внутренним переживаниям стоит уделять больше внимания. В своих трудах об этом писал «первый гуманист» Петрарка, когда хотел покинуть Авиньон и поселиться в Воклюзе. Он проводит сравнение городской и сельской жизни, неоднократно напоминая о пороках города и восхваляя радость жизни на вилле [5, с. 63].

Возможно, этим Петрарка хотел показать нам всю свою ненависть к средневековой варварской культуре. Побег от городской суеты позволяет итальянскому поэту и гуманисту насладиться уединением с природой. Он смог обосновать, что на вилле нужно проживать летом, так как во время зноя и шума бурлящих фонтанов постоянными жителями виллы должны стать античные боги и музы, в процессе творческих вдохновений хозяина усадьбы [6, с. 24].

Итальянский архитектор позднего Возрождения Андреа ди Пьетро делла Гондола, во всем мире известный под именем Палладио, в 1570 г. описывал в своих «Четырех книгах об архитектуре» знаменитую виллу «Ротонда», Виченца, Венеро: «Место для отдохновения и удовольствий лучшего не найти, потому что на горке с весьма пологими склонами, с одной стороны омываемого Баккильоне, судоходной рекой, а с другой окруженного другими прелестными холмами, которые придают этой местности облик очень большого театра. Поелику отовсюду открываются приятные виды, одни близкие, другие более далекие, третьи заканчиваются на горизонте, здесь на всех четырех фасадах возвели лоджии» [1, с. 144].

Судьба здания была призвана стать светским памятником. Поместье было задумано как произведение, конгениальное природе и пейзажу, как «очаг» для отдыха утонченного патриция, привыкшего к роскоши и искушенного в интригах, как символ возрожденного величия антиков, о котором поведано на страницах Витрувия. Жизнь виллы оказалась окутанной благоговением перед

«святым сельским хозяйством», что вполне соответствовало осуществлявшимся в XVI в. преобразованиям [4, с. 126].

Не стоит забывать, что западноевропейская резиденция становилась не только местом отдыха, но и семейной гордостью, яркой приметой социального статуса ее владельца. Не смотря на образ сельской жизни, в усадьбе присутствовала социальная элитарность, так как во все века тот же замок, вилла или палаццо оказывались незаменимым символом благородства. Поэтому, сельская усадьба была предназначена для радости, получения удовольствия, именно об этом говорит ее архитектура, убранство и декор. Усадьбы юга Западной Европы в дальнейшем станут эталоном для подражания многих европейских столиц: Парижа, Лондона, Вены, Петербурга и т.д.

Усадебная жизнь Италии немного отличалась от жизни юга Франции. В случае если архитекторы итальянских villas стремились в своих проектах учесть особенности местного ландшафта, то французские мастера старались создать резиденцию с галерей для прогулок по шикарному парковому ансамблю. Благодаря наемным итальянским садоводам, французские архитекторы смогли активно развить свою садово-парковую систему, чем в дальнейшем выработали собственный стиль.

В начале XVII в. Францию настигла эпоха классицизма, она повлияла на архитектурные строения, садово-парковое искусство и повседневность дворянского общества. Прекрасные цветники, фонтаны, разнообразие скульптур... Сам Петр I путешествуя по Европе так вдохновился жизнью французских монархов, что по приезде в Россию решил воссоздать увиденное у себя в стране. Так появился знаменитый Петергоф – прототип французского Версаля.

Повседневная жизнь европейской аристократии бурлила красками, наслаждением и вдохновением. В моде было устройство балов и маскарадов, центром бальной культуры стала Франция. Однако как культурное явление бал являлся принадлежностью европейской традиции, позже данное модное веяние переймет российская элита.

Бальная культура, вызревшая в рамках придворно-замкового аристократического церемониала, впервые предложила широким слоям городского населения престижную (прежде всего, вследствие своего происхождения) форму публичного внесловного музыкального обихода. Франция, ставшая «пионером» ее внедрения в широкие слои городского населения, в этом отношении показала замечательные образцы социальной техники [3, с. 171–184].

Эволюция искусства не стояла на месте, благодаря развитию живописи каждый владелец стремился запечатлеть изображение своего дома, своей семьи на полотнах знаменитых мастеров, таким образом хозяева усадеб старались оставить свой след в истории. В частности, французский живописец XVIII в. Жан Оноре Фрагонар значительную часть своих полотен посвятил изображению развлечений французской аристократии, архитектурным

объектам, садово-парковым ансамблям. Также среди творений Фрагонара можно отметить ряд живописных работ виллы д'Эсте, где он уделил внимание старинным аллеям, изящным лестницам и террасам.

Ближе к середине XIX в. начинается закат дворянской культуры и разрушение ее самобытности. Тем не менее дворянские усадьбы юга Западной Европы успели сделаться уникальным центром европейской культуры и повлиять на жизнь всех слоев общества. Феномен усадебной жизни дворянского общества состоял в том, что она имела колоссальное влияние на развитие и становление культурных традиций всей Европы.

Подводя вывод стоит отметить, усадьбы и королевские резиденции в Европе представляют собой уникальные культурные и архитектурные явления. В то время как для русского дворянина усадьба служила убежищем от суеты, европейская знать воспринимала ее как символ фамильного достоинства и социального статуса. Усадьбы становились не только местами уединения, но и хранилищами культурного наследия, где сохранялись предметы искусства и исторические реликвии, передаваемые из поколения в поколение. Эпоха Возрождения внесла новые идеи о важности гармонии с природой и внутреннем мире человека, что нашло отражение в архитектуре вилл. В результате, усадьбы Западной Европы стали не только образцом архитектурного стиля, но и символом элитарности, влияя на архитектурные традиции других стран и формируя представления о благородстве и роскоши.

Список литературы:

- 1.Палладио, А. Четыре книги об архитектуре – М., Стройиздат, 1989. – 350 с.
- 2.Врангель, Н.Н. Старые усадьбы: Очерки дворянской культуры – СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 1999. – 317 с.
- 3.Дуков, Е.В. Концерт в истории западноевропейской культуры. – М.: Классика-XXI, 2003. - 254 с.
- 4.Листри, М. Виллы и дворцы Италии / пер. с итал. Н.М. Сухановой. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 264 с.
- 5.Петрарка, Ф. Автобиография. Исповедь. Сонеты. / Пер. М. Гершензона и В. Иванова. – М., 1915. – 273 с.
- 6.Петрарка, Ф. Лирика. Автобиографическая проза. / Сост. и предисловие Н. Томашевского. – М., 1989. – 478 с.

Христолюбова Татьяна Павловна

кандидат искусствоведения, доцент

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

SPIN-код: 2838-1180

Tatyana Khristolyubova

Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

ОБРАЗ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА

Аннотация: Статья посвящена анализу начального отрезка европейского путешествия Н. М. Карамзина, зафиксированного в «Письмах русского путешественника». На примере пути от российской границы до Кёнигсберга автор исследует процесс формирования национального самосознания героя в диалоге с культурой Восточной Пруссии. Рассматривается эволюция внутреннего состояния персонажа: от сентиментальной тоски при отъезде из России через острую патриотическую реакцию на критику соотечественников к интеллектуальному диалогу с европейской мыслью. Отдельное внимание уделяется ключевым для идентичности героя моментам: переживанию «чужого» в Митаве, полемике с немецкими попутчиками и, наконец, знаковой беседе с Иммануилом Кантом. Автор приходит к выводу, что данный этап путешествия служит для Карамзина своего рода литературной лабораторией по кристаллизации образа «русского европейца». Этот образ балансирует между ностальгической привязанностью к патриархальной родине и стремлением к просвещенному универсализму.

Ключевые слова: Николай Михайлович Карамзин (1766-1826), «Письма русского путешественника», сентиментализм, национальная идентичность, Восточная Пруссия, Иммануил Кант (1724-1804).

THE IMAGE OF EAST PRUSSIA AND THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY IN NIKOLAI KARAMZIN'S "LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELLER"

Summary: This article analyzes the initial segment of N.M. Karamzin's European journey, as recorded in "Letters of a Russian Traveller." Using the route from the Russian border to Königsberg as a case study, the author examines the process of the hero's national identity formation through dialogue with the culture of East Prussia. The evolution of the protagonist's inner state is considered: from sentimental melancholy upon departure from Russia, through a sharp patriotic reaction to criticism of his compatriots, to an intellectual dialogue with European thought. Special attention is paid to key moments for the hero's identity: the experience of the "foreign" in Mitau, the dispute with German fellow travelers, and,

finally, the landmark conversation with Immanuel Kant. The author concludes that this stage of the journey serves Karamzin as a literary laboratory for crystallizing the image of the "Russian European." This image balances between a nostalgic attachment to the patriarchal homeland and a striving for enlightened universalism.

Keywords: Nikolai Mikhailovich Karamzin (1766-1826), "Letters of a Russian Traveller," Sentimentalism, National Identity, East Prussia, Immanuel Kant (1724-1804).

Произведение Николая Михайловича Карамзина (1766-1826) «Письма русского путешественника» представляет собой уникальный сплав документальной хроники, философского эссе и сентиментального романа-воспитания. В форме дневника-травелога писатель зафиксировал не только достопримечательности и нравы Европы, но и, что важнее, сложный процесс внутренней эволюции русского просвещенного сознания перед лицом иной культуры. В данной статье предметом анализа станет начальный отрезок этого пути — от отъезда из России до Кёнигсберга. Именно на этом этапе с особой ясностью раскрываются основные противоречия и поиски героя: сентиментальная тоска, кризис мотивации, формирование патриотической идентичности и, наконец, первая встреча с вершиной европейской мысли — Иммануилом Кантом.

Главный герой отправляется из России в путешествие с сентиментальной грустью в сердце. «Во всю дорогу не приходило мне в голову ни одной радостной мысли; а на последней станции к Твери грусть моя так усилилась, что я в деревенском трактире, стоя перед карикатурами королевы французской и римского императора, хотел бы, как говорит Шекспир, выплакать сердце свое» [3, С. 29], - заключает герой. Следует отметить, что письма Карамзина написаны от лица путешественника, который отправляется в путь в 1789 году — как раз в год начала Великой Французской революции. К моменту публикации писем (первая часть — 1791 г.) французская королева — Мария-Антуанетта, супруга короля Людовика XVI, была уже свергнутым и ненавистным символом старого режима. Ее изображения в виде карикатур были распространены по всей Европе, включая Россию, что подтверждает данный эпизод. Римским императором в тексте назван император Священной Римской Империи Германской Нации Леопольд II (брат Марии-Антуанетты). Он также был одной из ключевых политических фигур того времени, вовлеченных в революционные события.

Таким образом, герой покидает милую его сердцу, тихую, патриархальную Россию и отправляется в самую гущу бурлящей, революционной Европы. Карикатуры в трактире — это первая, грубая и приземленная встреча с большой европейской политикой, которая контрастирует с его «сентиментальной грустью». Он тоскует по личному, дорогому (родине, друзьям, к которым постоянно обращается в письмах), а мир вокруг него уже заполнен публичными, политическими образами. Налицо

символ столкновения внутреннего, чувствительного мира сентиментального путешественника с внешним, жестоким и сатирическим миром истории.

Фраза «выплакать сердце свое» — это отсылка к трагедии У. Шекспира «Гамлет» (Акт I, сцена 2) [6, С. 146]. Ее произносит сам Гамлет, горя о смерти отца и поспешном браке матери. Карамзин — просвещенный писатель, поэтому закономерно, что его герой мыслит категориями мировой литературы. Отсылка к Шекспиру, самому культовому автору эпохи сентиментализма и романтизма, сразу указывает на глубину и «литературность» его чувств. Он сравнивает свое состояние с состоянием Гамлета — человека, переживающего глубочайший экзистенциальный кризис, разочарование в мире. Эта грусть подобна вселенской тоске. Примечательно, что высокое, шекспировское чувство («выплакать сердце») возникает в самом непоэтичном для этого месте — в деревенском трактире с дешевыми карикатурами. Этот контраст подчеркивает одиночество и оторванность героя от своей среды.

Мировоззрение героя данного художественно-документального травелога балансирует между все еще удерживающим свои позиции классицизмом с его правилами и пиитетом перед античным наследием и нарождающимся в России сентиментализмом, выражающимся в излишнем проявлении эмоциональности (при наличии у путешественника глубокого интеллекта и широкой эрудиции) [1]. Изрядно устав от еще относительно недавно начатого путешествия, находясь в Риге, герой обращается в одном из писем к друзьям с пламенной речью: «Внутренне проклинал я то беспокойство сердца человеческого, которое влечет нас от предмета к предмету, от верных удовольствий к неверным, как скоро первые уже не новы, — которое настраивает к мечтам наше воображение и заставляет нас искать радостей в неизвестности будущего!» [3, С. 31]. Следует отметить, что тоска, жажда нового, неудовлетворенность текущим положением являются ключевым мотивом романтического и сентиментального героя. Человек бросает то, что уже приносит ему стабильное счастье (дом, круг друзей, привычный уклад — то, что он оставил в России), и мчится за призрачным, непроверенным счастьем (неизведанная Европа). Корень проблемы, по его мнению, в пресыщении и жажде новизны. Привычное, даже если оно хорошее, обесценивается. Эта рефлексия, как отмечал А. Г. Садовников, демонстрирует отстраненный характер переживаний героя Карамзина, который делает свои чувства объектом наблюдения и анализа [5]. Далее по контрасту с этим чувствительным излиянием русский путешественник описывает гостеприимную семью местных жителей, словно сошедшую с картин Ж. Б. Грёза, добродушно пустивших мокнущего под дождем путешественника под свой кров. «Гостеприимство, священная добродетель, обыкновенная во дни юности рода человеческого и столь редкая во дни наши!» [3, С. 32] — заключает Карамзин устами своего героя.

Есть место на страницах «Писем русского путешественника» и размышлениям о судьбах гениев. Так, Карамзин упоминает некоего Л*. Предположительно это Иоганн Антон Лейзевиц, немецкий драматург эпохи

«Бури и натиска», написавший свою знаменитую трагедию «Юлий Тарентский» в 16 лет, что вызвало восторги публики и сравнения с молодым Шекспиром. Однако юноша не оправдал возложенных на него надежд, не создал более почти ничего значительного и умер в бедности и безвестности в молодом возрасте. «Кто не подумает: вот юный Клопшток, юный Шекспир? Но тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не воссияло. Глубокая чувствительность, без которой Клопшток не был бы Клопштоком и Шекспир Шекспиром, погубила его. Другие обстоятельства, и Л* бессмертен!» [3, С. 34] - восклицает Карамзин устами одного из персонажей. Карамзин подчеркивает, что те самые качества, которые делают одного человека бессмертным гением, для другого становятся источником гибели. Ключевая идея здесь – роковое стечение обстоятельств. При равном потенциале один становится вершителем эпох, а другой – ее несчастной жертвой.

В тексте русского путешественника по мере отдаления от родной земли можно все чаще встретить патриотические высказывания. Он прибывает в Митаву (современный город Елгава в Латвии), которую называет «первым иностранным городом» [3, С. 35] на своем пути. Герой отмечает, что город «велик, но нехорош. Дома почти все маленькие и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садов и пустырей много» [3, С. 35]. Митава для Карамзина – это символ «чужого», первый порог, за которым начинается инаковость. Всё, что он видит, пропускается через призму ностальгии и патриотизма. Это не столько объективная оценка городского благоустройства, сколько проявление тоски по привычному. Даже недостатки родины кажутся милыми, а аналогичные (или меньшие) недостатки «чужого» – раздражают и гиперболизируются. Стоит отметить, что к 1789 году Петербург, безусловно, был имперской столицей с великолепными дворцами и проспектами. Однако вымощены были только центральные улицы. Большая часть города, особенно на окраинах, тонула в грязи. Освещение от масляных фонарей было скудным. Сады были в основном частными или императорскими, доступ в них для публики был ограничен. Пожары, наводнения, антисанитария представляли собой постоянные проблемы [2]. Тем не менее в глазах русского путешественника Петербург оставался символом просвещенной родины, чьи реальные недостатки стирались в памяти, уступая место ностальгически ясному и защищенному от критики образу.

Это пассивное чувство неприятия «чужого» у Карамзина вскоре находит и активное выражение. Уже на следующей станции, выслушав несправедливые суждения о России от двух попутчиков-немцев, герой вступает в спор: «...хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги?» [3, С. 37]. Он не только защищает честь соотечественников, но и с иронией («Хорош гусь! — думал я») отмечает провинциальность самих критиков, чья картина мира ограничена Роттердамом. Таким образом, патриотизм героя проявляется не только в тоске по дому, но и в готовности к интеллектуальной полемике за границы, что знаменует новый этап в формировании его национальной

идентичности. Этот формирующийся патриотизм, как отмечает исследовательница Н. Г. Морозова [4], был неразрывно связан с зарождавшимся в путешествии историческим сознанием: созерцание европейского «культа истории» заставляло героя искать духовную опору в идеализированном образе родины и готовило почву для будущего осмысления российского прошлого.

Далее герой Карамзина через такие города как Мемель (современный город Клайпеда в Литве) и Тильзит (современный Советск в Калининградской области России), где ему показали «башню, в разных местах простреленную русскими ядрами» [3, С. 42], прибывает в Кёнигсберг (который сегодня зовется Калининградом). На героя город производит двойственное впечатление: с одной стороны, он видит процветающий европейский город с развитой коммерцией и опрятной застройкой, с другой — отмечает его провинциальность по сравнению со столичным масштабом Петербурга и Москвы, что особенно заметно в манерах и разговорах местных офицеров.

В Кёнигсберге русскому путешественнику удалось весьма продуктивно пообщаться с философом Иммануилом Кантом. Немецкий мыслитель объяснил Карамзину, что человек создан для действия и стремления, а не для полного счастья. Главный ориентир в жизни — это внутренний голос совести, а не погоня за наслаждениями. Вера в будущую жизнь и Бога нужна не как научный факт, а как моральная опора, без которой трудно вынести несправедливость мира. А в самых главных вопросах мы все равно остаемся в неведении. «Все просто, кроме... его метафизики» [3, С. 49], - заключил Карамзин. Эта встреча стала для русского писателя символичным знаком вхождения в интеллектуальное пространство Европы.

Итак, первые письма из путешествия выстраивают траекторию внутренней трансформации героя. Его изначальная «шекспировская» тоска последовательно преодолевается через столкновение с инаковостью. Патриотизм, кристаллизующийся в полемике с иностранцами, и интеллектуальная рефлексия о природе человека и творчества становятся той основой, на которой он выстраивает новый тип сознания. Встреча с Кантом в Кёнигсберге является кульминацией этого этапа: здесь сентиментальная чувствительность встречается с просвещенным разумом. Герой Карамзина обнаруживает, что его «беспокойное сердце» находит не только утешение в воспоминаниях о родине, но и ответы — пусть и не окончательные — в универсальной философии, тем самым обретая свое место на интеллектуальной карте Европы.

Список литературы:

1. Верецагина А.Г. Критики и искусство. –М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 744с.
2. Даринский А.В, Старцев В.И. История Санкт-Петербурга. – СПб.: Издательство «Глагол», 2002. –256 с.

- 3.Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. – М.: Правда, 1980. – 608 с.
- 4.Морозова Н. Г. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина: проблемы истории и эстетики // Филология и человек. 2007. №2. С. 69-78.
- 5.Садовников А. Г. Меланхолический герой в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Вестник ННГУ. 2013. №1-2. С. 265-268.
- 6.Шекспир У. Трагедии; пер. с англ. Б. Пастернака. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. –432 с.

Чепель Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

SPIN-код: 7912-2513

Chepel Aleksandr

St. Petersburg State Maritime Technical University

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ: К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д.А. ДРИЛЯ

Аннотация: В статье рассказывается о жилищных проблемах Санкт-Петербурга начала XX века. Автор изучает пути решения жилищных проблем за счёт создания комфортабельного и доступного жилья. Такое жильё предназначалось для нуждающегося в улучшении жилищных условий населения. С целью строительства доступного комфортабельного жилья привлекались средства благотворителей и собственные средства нуждающихся в улучшении жилищных условий людей. Решение жилищной проблемы изучается на примере Гаванского рабочего городка в Санкт-Петербурге. Статья приурочена к 180-летию со дня рождения правоведа Д.А. Дриля (1846–1910), который считал, что преступность можно побороть посредством улучшения жилищных условий.

Ключевые слова: жилищная нужда, социально-экономические причины преступности, Товарищество борьбы с жилищной нуждой, Гаванский рабочий городок, Д.А. Дриль, архитектура Санкт-Петербурга.

THE HOUSING ISSUE IN ST. PETERSBURG AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY AND WAYS TO RESOLVE IT: ON THE OCCASION OF THE 180TH ANNIVERSARY OF D.A. DRIL'S BIRTH

Summary: This article discusses the housing problems of St. Petersburg at the beginning of the 20th century. The author examines ways to solve housing issues by creating comfortable and affordable housing. Such housing was intended for the population in need of improved living conditions. To construct affordable and comfortable housing, funds from philanthropists and the personal savings of those needing improved housing were attracted. The resolution of the housing problem is studied using the example of the Gavansky Workers' Settlement in St. Petersburg. The article is dedicated to the 180th anniversary of the birth of jurist D.A. Dril (1846–1910), who believed that crime could be combatted by improving housing conditions.

Keywords: housing need, socio-economic causes of crime, Society for Combating Housing Need, Gavansky Workers' Settlement, D.A. Dril, St. Petersburg architecture.

В 1900 году секретарь редакции журнала «Зодчий» Григорий Букешин, анализируя на страницах этого авторитетного издания жилищные проблемы крупных городов, отмечал следующие тенденции. Во-первых, стремительный рост «заводско-фабричной промышленности» стимулировал приток к фабрикам и заводам сельского населения, предлагавшего свою рабочую силу на продажу. Во-вторых, города, помимо владельцев промышленных предприятий, стали наполняться и помещным дворянством, утратившим резон «„сидения“ на земле». Как итог – города, несмотря на периоды «усиленной строительной деятельности», не успевали принимать на должном уровне всё новые и новые массы «пришлого народа», и достойного жилья стало катастрофически не хватать [1, с. 196].

Жилищный вопрос как социальная проблема возник в странах Запада ещё в XIX веке, когда рост промышленного производства привёл к концентрации населения в городах. В России же острота жилищной проблемы стала ощущаться и неуклонно обостряться со второй половины XIX века, после Великих реформ эпохи Александра II. Тогда стало стремительно расти городское население, и рынок качественного арендного жилья не успевал удовлетворить нужды квартиросъёмщиков. Скученность населения грозила городам эпидемиями, повышенной смертностью, криминализацией общества [2, с. 17–18].

Поскольку в странах Запада переход на промышленные рельсы произошёл раньше, чем в России, то и решением жилищной проблемы там озаботились раньше. Однако и передовые общественные деятели в России старались не плестись в хвосте этого процесса. Для успешности начинаний в этой области были нужны немалые средства, и социально ответственные состоятельные частные лица и организации подчас их находили. Так, заметным примером крупного крупномасштабной благотворительной акции было строительство на капиталы, завещанные одним из богатейших московских купцов Гаврилой Гавриловичем Солодовниковым, домов дешёвых квартир в Москве (1907–1908, улица Гиляровского, 57 и 65). С целью выбрать лучший проект был проведён архитектурный конкурс, построенные дома оснастили по последнему слову техники и обеспечили развитой инфраструктурой, но въехали в них, в основном, чиновники, дворяне, зажиточные купцы, а рабочие в этом списке оказались в меньшинстве [3, с. 186–194].

Среди успешных петербургских проектов в области решения жилищной нужды необходимо упомянуть Товарищество устройства и улучшения жилищ для трудящегося нуждающегося населения (позднее – Товарищество борьбы с жилищной нуждой), учреждённое в 1902 году Дмитрием Андреевичем Дрилем, российским криминологом, магистром права, признанным лидером отечественной ветви уголовно-антропологической школы. В начале XX века Д.А. Дриль был широко известен в странах Запада, где его признавали и ценили криминологи и учёные социально-гуманитарного профиля. Несмотря на дворянское происхождение, Д.А. Дриль в молодые годы испытывал нужду,

поэтому не понаслышке знал народные заботы. Его магистерская диссертация «Малолетние преступники» вызвала неприятие коллег-консерваторов, он был отстранён от чтения лекций и стал зарабатывать чиновничьей службой. Работая в Министерстве юстиции, он инспектировал тюрьмы, предлагал варианты их реорганизации. Продолжал он и научную деятельность, регулярно представляя Россию на конгрессах криминалистов, где в общении с зарубежными коллегами развивал и совершенствовал свои взгляды. Одним из результатов его научной деятельности и стала идея создавать в России дешёвые и здоровые жилища для рабочих, опираясь при этом на зарубежный опыт. Д.А. Дриль напрямую связывал рост преступности и качество жизни, одним из важнейших критериев которого были жилищные условия [4, с. 163–167].

Идеи основанного криминологом-энтузиастом Товарищества нашли сторонника в лице архитектор Николая Всеволодовича Дмитриева. Он отправился в Западную Европу, где изучил тамошний опыт устройства дешёвых жилищ. Затем, опираясь на полученные знания, а также на отечественный опыт строительства относительно благоустроенных дешёвых жилищ, в 1903 году разработал проект Гаванского рабочего городка и построил его в 1904–1906 годах на отдалённой окраине столицы Российской империи (Малый проспект Васильевского острова, 69–71 / Гаванская улица, 47; постройка завершена В.А. Фёдоровым) [5, с. 283–290]. Этот комплекс построек, выполненный в едином архитектурном стиле, отражал демократические тенденции, проявившиеся в петербургской архитектуре периода модерна [6, с. 113].

В статье Н.В. Дмитриева, в которой он рассказывает об особенностях проекта, явственно звучат созвучные с мыслями Д.А. Дриля идеи о возможности улучшить социальную напряжённость, предотвратить криминализацию общества за счёт добротного доступного жилья. Н.В. Дмитриев отмечал, что семья является залогом «правильной, спокойной работы и деятельности», ячейка общества способствует обдуманности действий главы семьи, отвечающего не только за себя, но и за всех членов семейного коллектива. Важнейшим условием создания семейного очага, по словам Н.В. Дмитриева, является благоустроенное жилище, в которое хочется прийти после тяжёлой работы, чтобы получить отдохновение, увидеть счастливые лица домочадцев [7, стб. 721–722]. Гаванский рабочий городок проектировался как раз с целью предоставить рабочему люду достаточно комфортабельное, но при этом доступное жильё.

Н.В. Дмитриев свободно расставил по обширному участку пять пятиэтажных корпусов, создав между ними уютные озеленённые дворы. В отделке возобладали рациональные соображения, фасадный декор был сведён к минимуму [6, с. 115]. Дома вмещали 200 отдельных малогабаритных квартир (от одной до трёх комнат) с одним входом и 110 комнат с общими кухнями. Помимо жилья на участке были предусмотрены следующие объекты инфраструктуры: школа на 300 учащихся, ясли, столовая с чайной, корпус с

лекционным залом и библиотекой-читальней [8, с. 53]. Стоимость отдельных комнат в Гаванском рабочем городке находилась в диапазоне от 3,5 рублей до 6,5 рублей в месяц. Семейные квартиры с кухнями обходились в 7,5–9 рублей (однокомнатные) до 20 рублей (трёхкомнатные) в месяц. Дома согревались центральным отоплением, в квартирах были ватерклозеты, балконы, при кухнях – шкафы для провизии с естественным освещением. Лифтов в домах не было – небольшая этажность это позволяла без существенного урона для комфорта обитателей. Товарищество состояло из пайщиков, один пай стоил 25 рублей. Успеху дела способствовали частные благотворительные взносы и крупные корпоративные пайщики. Так, принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская за 22 000 рублей купила землю под строительство, Министерство внутренних дел приобрело пай на сумму в 100 000 рублей, Министерство финансов предоставляло налоговые льготы и обеспечивало кредиты. В 1905 году городское самоуправление Санкт-Петербурга передало Товариществу ещё один участок стоимостью 60 000 рублей для осуществления новых проектов. Конечно, и сами жильцы-рабочие могли становиться пайщиками, но не всем и эта далеко не заоблачная стоимость пая была по карману. В итоге Товарищество построило в Петербурге пять больших домов общей стоимостью свыше полумиллиона рублей и населением до 2 000 человек, но участие самих проживающих в этом деле было минимально.

О результатах этого первого крупного опыта проявления частной инициативы в деле решения жилищного вопроса красноречиво высказался сам инициатор и основатель Товарищества Д.А. Дриль, который с сожалением отметил, что общественность отнеслась к пропаганде нового начинания «весьма инертно». Сами же рабочие, для которых и затевалось дело, проявили «полное недоверие, обнаружив непривычку группировать свои финансовые силы для достижения собственного же благополучия» [9, с. 202–208].

Список литературы:

1. Букешин Гр. Квартирный вопрос // Неделя строителя. 1900. № 31. С. 196–197; № 32. С. 204–205; № 33. С. 212–214; № 34. С. 220–221.
2. Шевырев А.П., Якубенко Е.В. Жилищный вопрос в России и перспективы его решения в начале XX века // Человеческий капитал. 2020. № 2(134). С. 17–25.
3. Чепель А.И., Белинцева И.В. Архитектор Мариан Лялевич / ред. С.А. Веснин, Ю.А. Герасимова, М.Б. Крылова. СПб.: Профили, 2023. 367 с.
4. Васечко В.Ю. Идею наследие Д.А. Дриля: становление русской уголовно-антропологической школы // Антиномии. 2024. № 2. С. 161–185.
5. Кириков Б.М. Гаванский рабочий городок. В кн.: Кириков Б.М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб., 2003. С. 283–290.
6. Щербакова Е.М. Стилистические черты протоконструктивизма в архитектуре Санкт-Петербурга начала XX века. Гаванский рабочий городок // Педагогика искусства. 2022. № 1. С. 111–120.

- 7.Дмитриев Н.В. Товарищество устройства и улучшения жилищ для трудящегося нуждающегося населения // Строитель. 1903. № 19–24. Стб. 721–738.
- 8.Борисова Е.А., Каждан Т.П. Русская архитектура конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1971. 239 с.
- 9.Диканский М.Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908. 251 с.

Чепель Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

SPIN-код: 7912-2513

Chepel Aleksandr

St. Petersburg State Maritime Technical University

КОНКУРС ПРОЕКТОВ ЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРХИТЕКТОРА М.С. ЛЯЛЕВИЧА

Аннотация. В статье рассказывается об архитектурном конкурсе на проект здания Государственной думы. Конкурс проводился в 1905–1906 годах. Местом предполагаемого строительства здания Государственной думы могло стать Марсово поле в Санкт-Петербурге. Автор анализирует особенности представленных на конкурс проектов. Изучаются фасадные решения и планировка. Детально изучен проект архитектора М.С. Лялевича. В проекте этого зодчего рациональные планировочные решения сочетаются с новаторскими художественными приёмами в построении фасадных композиций. Статья приурочена к 150-летию со дня рождения М.С. Лялевича.

Ключевые слова: архитектура Санкт-Петербурга, русский стиль, модерн, неоклассицизм, архитектор М.С. Лялевич, парламентские здания, конкурс проектов здания Государственной думы.

COMPETITION FOR THE DESIGN OF THE STATE DUMA BUILDING: TO THE 150TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ARCHITECT M.S. LYALEVICH

Summary. This article discusses the architectural competition for the design of the State Duma building. The competition was held in 1905–1906. The proposed site for the construction of the State Duma building could have been the Field of Mars in St. Petersburg. The author analyzes the features of the projects submitted to the competition, examining their facade solutions and layouts. The project by architect M.S. Lyalevich is studied in detail. In this architect's project, rational planning solutions are combined with innovative artistic techniques in the construction of facade compositions. The article is timed to coincide with the 150th anniversary of M.S. Lyalevich's birth.

Keywords: architecture of St. Petersburg, Russian style, Art Nouveau, Neoclassicism, architect M.S. Lyalevich, parliamentary buildings, and competition for the design of the State Duma building.

25 октября 1905 года на заседании Санкт-Петербургского общества архитекторов был поднят вопрос о проектировании и строительстве специального здания для только что созданной Государственной думы.

Архитектор П.Ю. Сюзор сделал сообщение «Несколько слов о постройке зал для парламентов западной Европы», по завершении которого обратился к отечественным перспективам. Он отметил, что архитектурному сообществу необходимо не откладывать в долгий ящик дело создания проекта специального здания для Государственной думы в столице Российской империи, потому что спешно приспособившийся для этой цели Таврический дворец, по его мнению, вряд ли годится для постоянной работы этого значимого учреждения [1, с. 471].

В декабре 1905 года Санкт-Петербургское общество архитекторов объявило конкурс на проект здания Государственной думы [2, с. 538–540]. В этом случае Общество архитекторов выступало и заказчиком, и организатором конкурса, поэтому премии выплачивались из собственных средств Общества. Условиями конкурса предполагалось, что здание может быть выстроено на Царицыном лугу (Марсовом поле) – обширном открытом пространстве в самом центре города.

Итоги конкурса были обнародованы на заседании Общества архитекторов 16 мая 1906 года. Первая премия досталась А.И. Дмитриеву, вторая – З.Я. Леви, третья – М.С. Лялевичу, четвёртая – А.И. Владовскому, пятая – В.В. Суслову. В данном случае при распределении премий была применена «уравниловка»: вне зависимости от занятого места, за каждый из премированных проектов было выплачено 400 рублей. Собрание поблагодарило участников конкурса за серьёзную работу и отметило, что относительно небольшие размеры премий отходят на второй план перед «нравственным удовлетворением конкурентов, послуживших идейному делу» [3, с. 239].

Удостоенный первой премии проект А.И. Дмитриева отличается, по словам историка архитектуры Б.М. Кирикова, «размахом и пафосом» [4, с. 104]. Члены конкурсного жюри так и начали отзыв об этой конкурсной работе: «Общий приём плана грандиозный, соответствующий назначению здания» [5, с. 294]. Б.М. Кириков проводит подробный анализ проекта А.И. Дмитриева. Почти квадратное в плане сооружение, увенчанное остеклённым куполом на высоком барабане и охваченное рядами колонн и пилястр, выглядит подчёркнуто монументально. На северном и южном фасадах портики дополнены колонными лоджиями, насыщающими фасады светотенью. Многочисленные статуи и скульптурные группы ещё более подчёркивают величественное впечатление. Что касается планировки, то основные помещения (вестибюль, аванзал, зал заседаний) поставлены по средней оси, а второстепенные размещены в боковых корпусах. С целью максимально насытить внутреннее пространство естественным освещением, широко применены остеклённые крыши. В интерьерах – обилие ордерных элементов (колонн и пилястр), которое Б.М. Кириков определяет как «гимн колоннам» [4, с. 104–105].

З.Я. Леви, получивший вторую премию, по отзыву жюри, представил «простой и ясный» план. Основные помещения были спроектированы «логично

и красиво», сообщались они светлыми переходами [6, с. 287]. Искусствовед В.Г. Басс отмечает, что проект З.Я. Леви, более других представленных на конкурс проектов, отвечал европейской традиции парламентских зданий XIX века, образцом каковых служит Рейхстаг [7, с. 120]. Вполне естественно, что зодчий при составлении проекта прямо обратился к зарубежному опыту. В России здания, предназначенные для заседаний представительных органов власти, были новшеством, поэтому участники конкурса, так или иначе, ориентировались на заграничные примеры. Что касается З.Я. Леви, он настолько увлёкся иностранными образцами, что забыл про отечественный климат и устроил главный вход в зал заседаний по открытой всем снегам и ветрам наружной парадной лестнице в тридцать шесть ступеней.

Получивший третью премию М.С. Лялевич предложил компактный, «простой и красивый» план с двумя узкими внутренними и одним открытым двором, отделённым от города обращённой к Неве двойной колоннадой. Б.М. Кириков отмечает, что строго симметричная композиция, составленная из геометрически простых объёмов с большими нерасчленёнными плоскостями стен, колоннами, гигантской тройной аркой создаёт «впечатление монументальности и репрезентативности» [8, с. 914]. Открытый двор, ограждённый двойной колоннадой – мотив, восходящий к созданному Д. Кваренги Александровскому дворцу Царском Селе (Пушкине). Выявление плоскостей и простых геометрических объёмов родственно творчеству французских зодчих второй половины XVIII века К.-Н. Леду и Э.-Л. Булле [7, с. 120, 125, 379].

В проекте здания Государственной думы М.С. Лялевич применил разнообразные мотивы и приёмы из арсенала классицизма, и это сочетание не во всех частях здания понравилось членам жюри. Фасады они оценили как «художественные», но тут же подвергли критике главный фасад, обращённый в противоположную от Невы сторону [5, с. 294]. Действительно, крупномасштабная тройная арка, акцентирующая центральную часть главного фасада, контрастирует с боковыми колонными портиками, как бы искусственно приставленными к величественному геометрически чёткому объёму. Кроме того, у портиков, вопреки логике классицизма, нечётное число колонн [9, с. 221]. Фасадная композиция дополнена заметной круглой скульптурой – всадниками над карнизом центральной части, одиночными фигурами над боковыми фасадами, и даже излюбленными на берегах Невы сфинксами, возлежащими по сторонам лестниц.

Однако, несмотря на обращение к арсеналу классицизма, проект М.С. Лялевича – новаторский по своей сути. В.Г. Басс отмечает, что объёмно-пространственная композиция и решение фасадов в проекте М.С. Лялевича «далеки от классицистических», и зодчий, свободно «играя» прямоугольными объёмами, добивается создания «собственной, нетрадиционной иерархии» [7, с. 120, 125]. С этой оценкой согласен Б.М. Кириков, подчеркнувший, что при всех «исторических параллелях» в лаконизме и геометризации форм,

динамичном сопоставлении объёмов проступают новые принципы формообразования [9, с. 221].

В проекте М.С. Лялевича прослеживается и соответствие передовым технологиям начала XX века. Комиссия судей отметила достаточное насыщение интерьеров естественным светом [5, с. 294]. Свет в интерьеры поступал как через окна, в том числе – через гигантские застеклённые арки, так и, насколько можно судить по опубликованным чертежам – через застеклённый потолок зала заседаний, который спроектирован в центре здания и не примыкает ни к наружным, ни к дворовым стенам. При такой локации зала достаточного естественного освещения можно было добиться только посредством застеклённой кровли. Однако, важность проекта здания Государственной думы для дальнейшего творчества М.С. Лялевича всё же не столько в рациональных планировочных находках, сколько в громогласном заявлении темы «арочной триады», которая станет лейтмотивом последующих построек зодчего [9, с. 221].

А.И. Владовский, получивший четвертую премию на конкурсе проектов здания Государственной думы, предложил «оригинальный и красивый» приём плана, выполнив фасад «в стиле Empire» при «немного жидком» центральном куполе [5, с. 294]. По оценке Б.М. Кирикова, этот проект – единственный из проектов конкурса, не вступавший в противоречие с классицистическим окружением Марсова поля [9, с. 221]. Вот как А.Ю. Пономарёв, исследователь творчества А.И. Владовского, оценивает проект этого зодчего. Главный фасад акцентирован восьмиколонным коринфским портиком, во фронтоне которого помещена скульптурная композиция. Портик фланкирован двумя ризалитами, увенчанными скульптурными группами. Колоннады коринфского ордера применены и в боковых переходах. Заметную роль в композиции фасада играет антаблемент, переходящий от портика на боковые колоннады, а также орнаментальный пояс с барельефами, расположенный на уровне капителей колонн. Колоннады завершаются ризалитами, украшенными нишами со скульптурами и барельефными композициями. Ризалиты увенчаны куполами, вторящими куполу аванзала. В центральной части здания размещён полуциркульный в плане зал заседаний, который огибают дугообразные колоннады-лоджии [10, с. 63–64]. Стремление выдержать фасад и план в классицистическом ключе, увлечение художественно выразительными поставленными по дуге колоннадами, привело к недочётам в планировке: сообщение аванзала с другими помещениями несколько стеснено колоннами, в здании излишне много «ломаных проходов» [5, с. 294].

В.В. Суслов, автор проекта, получившего пятую премию, трактовал здание Государственной думы в формах «русского стиля», который никак не вязался с классицистическим ансамблем Марсова поля [11, с. 54–55]. Члены жюри высказались об облике здания так: «Фасад скомпонован в русском стиле и по деталям красив, но беспокоен по общей группировке масс. Главный вход несколько беден. Вообще весь план скомпонован мало монументально и

притом здание имеет немного выставочный характер, главный купол характерен и красив» [5, с. 294–295]. Также было выявлено много планировочных недостатков. Квадратный со сглаженными углами план явно восходил к плану соседнего Михайловского замка, а восьмигранный зал заседаний в центре здания – прямая отсылка к внутреннему двору этой последней резиденции императора Павла I [11, с. 55]. Форма зала была признана неудачной, его естественное освещение через расположенные в куполе окна – недостаточным, а вестибюль показался членам жюри излишне затеснённым колоннами.

Результаты архитектурного конкурса на проект здания Государственной думы остались на бумаге. Высший законодательный орган Российской империи всё отведённое ему историей время проработал в Таврическом дворце.

Список литературы:

1. Мод. В Императорском СПб. обществе архитекторов // Зодчий. 1905. № 44. С. 470–472.
2. Императорское С.-Петербургское общество архитекторов объявляет всероссийский конкурс на составление эскизного проекта здания Государственной думы с премиями, выдаваемыми из собственных средств общества // Зодчий. 1905. № 51. С. 538–540.
3. Мод. В Императорском СПб. обществе архитекторов // Зодчий. 1906. № 22. С. 236–239.
4. Кириков Б.М. Александр Дмитриев. СПб.: Белое и Чёрное, 2004. 447 с.
5. Отзыв комиссии судей по конкурсу проектов здания Государственной думы (Окончание) // Зодчий. 1906. № 28. С. 294–295.
6. Отзыв комиссии судей по конкурсу проектов здания Государственной думы // Зодчий. 1906. № 27. С. 286–287.
7. Басс В.Г. Петербургская неоклассическая архитектура 1900–1910-х годов в зеркале конкурсов: слово и форма. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 487 с.
8. Кириков Б.М. Мариан Лялевич // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. СПб.: Лениздат, 1998. С. 912–924.
9. Кириков Б.М. Ретроспективные тенденции и реконструкция исторических зданий Петербурга в 1906–1908 годах // Архитектурное наследство. 2019. Вып. 70. С. 219–232.
10. Пономарёв А.Ю. Архитектор-художник Александр Владовский: материалы к творческой биографии. М., 2018. 432 с.
11. Чепель А.И. Неорусский стиль в классицистическом Петербурге: проблема взаимодействия // Современные проблемы истории и теории архитектуры: сб. докладов Третьей научно-практической конференции. СПб., 2017. С. 53–62.

Чепель Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

SPIN-код: 7912-2513

Chepel Aleksandr

St. Petersburg State Maritime Technical University

ПЕТЕРБУРГСКИЕ КИНЕМАТОГРАФЫ НАЧАЛА XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА АРХИТЕКТОРА Д.А. КРЫЖАНОВСКОГО

Аннотация: В статье рассказывается о кинематографах, созданных в Санкт-Петербурге в начале XX века. В качестве примера автор выбрал творчество архитектора Дмитрия Андреевича Крыжановского (1871–1942). Этот архитектор проектировал и строил как отдельно стоящие здания для кинематографов, так и встраивал помещения для кинематографов в многоэтажные здания. Автор анализирует конструктивные и художественные особенности проектов и построек Д.А. Крыжановского. Архитектор строил как из традиционных материалов, так и из бетона. Прочные материалы обеспечивали пожарную безопасность зданий кинематографов. Статья основана на архивных материалах.

Ключевые слова: архитектура Санкт-Петербурга, здания кинематографов, пожарная безопасность кинематографов, бетон как строительный материал, модерн, ретроспективизм, архитектор Д.А. Крыжановский.

ST. PETERSBURG CINEMAS OF THE EARLY 20TH CENTURY: A CASE STUDY OF THE WORK OF ARCHITECT D.A. KRYZHANOVSKY

Summary: This article discusses cinemas built in St. Petersburg in the early 20th century. As an example, the author has chosen the work of architect Dmitry Andreevich Kryzhanovsky (1871–1942). This architect designed and constructed both freestanding cinema buildings and integrated cinema premises into multi-story buildings. The author analyzes the structural and artistic features of D.A. Kryzhanovsky's projects and constructions. The architect built using both traditional materials and concrete. Durable materials ensured the fire safety of cinema buildings. The article is based on archival materials.

Keywords: St. Petersburg architecture, cinema buildings, fire safety of cinemas, concrete as a building material, Art Nouveau, historicism, architect D.A. Kryzhanovsky.

Одним из важнейших массовых развлечений Петербурга–Петрограда начала XX века было кино. Первый в России киносеанс состоялся в Петербурге 4 мая 1896 года в театре «Аквариум» (Каменноостровский пр., 10) [1, с. 106],

вскоре это новомодное увлечение покорило многие города обширной империи. Максим Горький, описывая свои впечатления от одного из первых киносеансов, отмечал сильное впечатление, которое движущиеся изображения оказывали на зрителя [2, с. 32].

Неуклонный рост интереса к «синематографу» привёл, можно сказать, к «малому строительному буму» («большим» признаётся строительство многоэтажных доходных домов). Домовладельцы наперебой оборудовали кинотеатры и в своих издававших виды, и в только что построенных объектах недвижимости, для чего реконструировали целые этажи. Бытовал и другой вариант – устройство отдельных павильонов, возводившихся и лицом на улицу, и в дальних дворах, где их не сразу-то и найдёшь. Словом, часто конюшни и сараи уступали место кинематографам [3, с. 8].

Интенсивное строительство кинотеатров подчас приводило к пренебрежению элементарными мерами безопасности, в первую очередь, – пожарной. После ряда трагических случаев особое общественное беспокойство вызывала пожарная безопасность кинематографов. В наибольшей степени общественность была встревожена страшным пожаром в кинематографе села Бологое Новгородской губернии, произошедшим 20 февраля 1911 года. Тогда деревянное здание, где крутили кино, сгорело полностью, в огне погибло 64 человека, из них 43 ребёнка; многие покалеченные умерли позже от последствий ожогов [4, с. 197].

Власти Петербурга безотлагательно отреагировали на эту трагедию, срочно была сформирована Комиссия для осмотра кинематографов, и уже 25 февраля 1911 года был проведён рейд по городу. Результаты были тревожными. Оказалось, что в столичном городе множество кинематографов находятся в недопустимом с точки зрения безопасности зрителей состоянии [5, с. 114].

Во избежание дальнейших трагедий, были выработаны правила оборудования кинематографов [6, с. 390–392] и хранения пожароопасной кинематографической ленты [7, с. 393]. Д.А. Крыжановский, в 1910 году избранный гласным (депутатом) Санкт-Петербургской городской думы, не остался в стороне от этой животрепещущей проблемы. Он как технический специалист, опытный архитектор, от городского самоуправления был делегирован в состав Комиссии по выработке правил о кинематографических заведениях, регулярно принимал участие в заседаниях этого собрания [8, л. 32, 108, 119]. Правила, относящиеся к устройству кинематографов, регулярно совершенствовались, и Д.А. Крыжановский был одним из тех, кто внёс в корректировку этой сферы законодательства свою лепту [9, с. 224].

В строительной практике Д.А. Крыжановского было несколько кинематографов на Петербургской стороне. Один из них – во владениях лесопромышленников братьев Фёдора и Николая Колобовых на углу Большого проспекта Петроградской стороны и Широкой улицы (ныне ул. Ленина). Насколько можно судить по документам, зодчий не занимался строительством этого кинематографа «с нуля», он получил проект или на этапе его переделки,

или уже в ходе строительства. Осенью 1913 года Д.А. Крыжановский завершил возведение «большого кинематографа», который был построен «в изменённом виде» относительно ранее утверждённого проекта [10, л. 32–35]. Зодчий оформил вход в кинотеатр со стороны Большого проспекта колоннадой из парных и отдельно стоящих колонн. На колонны опирается аттик с балюстрадой и скульптурной композицией с изображением лиры, которая по античной мифологии была инструментом покровителя искусств Аполлона. По сторонам входа, ведущего в просторное фойе, были установлены поясные кариатиды, поднятыми руками удерживающие перекрытие. Осенью 1914 года Д.А. Крыжановский расширил здание кинематографа со стороны двора, пристроив к нему одноэтажный корпус для конторы и «уборных для зрителей» и два бетонных тамбура. До наших дней кинематограф, носивший название «Кине-Палас», не сохранился.

Здание другого кинематографа, именовавшегося «Казино-де-Пари», находилось на ещё одном участке братьев Ф.Я. и Н.Я. Колобовых (1913–1914

Санкт-Петербург, Введенская ул., 3). И здесь Д.А. Крыжановский продолжил, судя по всему, неудачно начатое строительство. В ноябре 1910 года внимание столичных журналистов обратилось к этому участку, на котором произошла строительная катастрофа – обвалилась крыша строящегося из железобетона здания [9, с. 225–226]. Затянувшаяся история завершилась в 1913 году, когда Д.А. Крыжановский по новому проекту построил здесь, наконец, бетонное здание «большого кинематографа», при этом переделав и заново оформив сохранившуюся, вероятно, от прежней постройки лицевую часть [11, л. 32–44]. Представительный застеклённый портал главного входа был перекрыт кессонированным сводом. Над дверями была помещена театральная маска, наблюдавшая за входящими зрителями. По сторонам центрального арочного портала были установлены пилоны-пропилеи, украшенные сдвоенными колоннами. Ряды колонн или пилястр украшали и просторное фойе, откуда киномены попадали в зрительный зал, рассчитанный на 570 мест. Кинотеатр до наших дней не сохранился.

В декабре 1914 года Д.А. Крыжановский составил проект «внутренней переделки» второго этажа огромного дома Ф.Я. и Н.Я. Колобовых для устройства здесь «большого кинематографа с эстрадой», а в январе следующего года чертежи были утверждены (1914–1915, Санкт-Петербург, Большой пр. П.С., 18; Пионерская ул., 6) [12, л. 32–44]. До наших дней сохранились вестибюль и парадная лестница этого кинотеатра, который, по всей вероятности, так и не начал функционировать до 1917 года. Во всяком случае, в справочнике «Весь Петроград» кинотеатр по этому адресу не указан.

Обрамлённый колоннами застеклённый тамбур ведёт в просторный нижний вестибюль с кессонированным полотком и пилястрами. Две колонны словно бы сторожат входы на широкую лестницу, которая со второй площадки двумя маршами поднимается в верхний вестибюль, украшенный фризом с изображением античных всадников и колесничих. Отсюда, согласно чертежам,

можно было попасть в фойе, а затем в двухсветный зрительный зал с эстрадой, украшенный сдвоенными пилястрами в межоконных простенках. Сейчас это пространство перегороджено на относительно небольшие помещения, и трудно представить, что прежде оно предназначалось под «кинематограф» на 248 мест.

Сопоставив разрез зала кинематографа с фасадным портиком под треугольным фронтоном, увидим, что в обоих случаях применён мотив сдвоенных узких окон, разделённых колоннами. Документы, которые сообщали бы точную датировку проектирования и строительства дома по Большому проспекту П.С., 18, вероятно, не сохранились. В авторитетных изданиях сведения об этом доме несколько разнятся. В одном справочнике указывается, что дом построен в 1913–1915 годах П.М. Мульхановым при участии Д.А. Крыжановского [13, с. 182]; тут же фигурирует менее конкретная дата: «1910-е», и сообщается, что Д.А. Крыжановский включился в проект лишь на этапе его завершения [13, с. 223]. В другом справочнике датой строительства названа «первая половина 1910-х», и упомянуты оба зодчих, без указания их роли в проектировании и строительстве [14, с. 268]. Очевидно, что такая разноголосица вызвана недостатком документов. Выскажем предположение, что Д.А. Крыжановский (в сотрудничестве с П.М. Мульхановым) пристраивая к дому № 16 новое здание (дом № 18), повторил декор существующего дома, но выделил центральную часть величественным портиком с балконом, поддерживаемым боролатыми атлантами. Такой подход Д.А. Крыжановский демонстрировал и ранее, одновременно возводя корпуса, идентичные по фасадному оформлению. Однако в этом случае он не ограничился копированием и акцентировал центральную часть протяжённой комбинированной постройки, выполненной по канонам эклектики, заметной вставкой в стилистике неоклассицизма. В неоклассицистическом ключе Д.А. Крыжановский оформил и кинематограф.

Ещё один проект создал Д.А. Крыжановский для Кронштадта [15]. Проект хранится в папке с работами Д.А. Крыжановского, переданной в дар от Елены Алексеевны Смирновой в Научно-исследовательский музей Российской академии художеств 13 сентября 1990 года [9, с. 268]. Время составления проекта и место, где планировалось строительство, неизвестны. Судя по орфографии надписей на чертеже, проект составлен до революции. Кинематограф предназначался для обслуживания 646 зрителей, предполагались места в партере и ложи. На уровне второго этажа с двух сторон зрительный зал огибает поддерживаемая колоннами арочная галерея. Фасад оформлен в духе неоклассицизма. Вход устроен в полуциркульной нише, над входом – огромное полуциркульное окно с крупным замковым камнем, контрастно выделяющимся на фоне гладкой поверхности плавно очерченного щипца. По сторонам входа – сдвоенные колонны, протянувшиеся на высоту двух этажей. Под карнизом – широкий лепной фриз с изображением человеческих фигур в полный рост.

Таким образом, Д.А. Крыжановский внёс определённый вклад в создание петербургских кинематографов в начале XX века. Заметим, что этот тип зданий

не был основным в творчестве архитектора. Однако он, будучи в качестве представителя городской законодательной власти призван заботиться о безопасности кинематографов, своими проектами и постройками демонстрировал, какого качества здания для демонстрации кинопродукции нужны городу.

Список литературы:

- 1.Рокка А.Ю. Первые синематографы Санкт-Петербурга // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России / отв. ред. В.В. Карпова. СПб., 2014. С. 106–111.
- 2.Майоров Н.А. 120 лет кинематографа в России: 1896–2016 // Мир техники кино. 2016. Т. 10. № 1. С. 32–40.
- 3.Анисимов А.В. Среда кинозрелища. Архитектура первых кинотеатров России // Вестник ВГИК. 2019. Т. 11. № 2. С. 8–19.
- 4.Чепель А.И., Замятина Н.А. Кинематографы Санкт-Петербурга начала XX века: архитектурно-технические аспекты // Современная научная мысль. 2023. № 5. С. 196–202.
- 5.П.Л. Осмотр петербургских кинематографов // Зодчий. 1911. № 10. С. 113–114.
- 6.Нормальные правила по устройству и содержанию театров-кинематографов, выработанные специальной комиссией, образованной при Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел // Зодчий. 1911. № 38. С. 390–392.
- 7.Правила о хранении целлулоидной ленты для кинематографов // Зодчий. 1911. № 38. С. 393.
- 8.Российский государственный исторический архив. Ф. 1293. Оп. 146. Д. 9.
- 9.Чепель А.И. Архитектор Дмитрий Крыжановский / ред. С.А. Веснин, И.П. Дубровская. СПб.: Профили, 2021. 295 с.
- 10.Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7336.
- 11.Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7406.
- 12.Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7292.
- 13.Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века: справочник / под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. 397 с.
- 14.Историческая застройка Санкт-Петербурга: перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (учетных зданий): справочник / науч. ред. Б.М. Кириков. СПб., 2001. 518 с.
- 15.Научно-исследовательский музей Российской академии художеств. А-27491.

Чертков Алексей Сергеевич

кандидат исторических наук

Московский педагогический государственный университет

SPIN-код: 8179-3764

Alexey Chertkov

Moscow Pedagogical State University

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ О «ВХОЖДЕНИИ» ИЛИ «ПРИСОЕДИНЕНИИ» НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ В СОСТАВ РОССИИ (XVII–XVIII ВВ.)

Аннотация: В статье анализируется ключевая историографическая проблема освоения Северо-Востока Азии в XVII–XVIII вв. — дискуссия о характере вхождения якутских земель в состав Российского государства. Отмечается, что советская историческая школа, представленная трудами С. В. Бахрушина, Б. О. Долгих, С. А. Токарева и других исследователей, заложила фундамент для изучения процессов присоединения региона, включая хронологию событий, систему острогов и ясачную политику. Особое внимание уделяется формированию в 1940–1960-х гг. концепции «добровольного вхождения» Якутии, которая стала следствием идеологического давления и стремления вписать историю региона в парадигму «дружбы народов». Автор рассматривает аргументацию сторон, анализируя ключевые источники: «шерти» (присяги) якутских князцов и «государево жалованное слово», которые сторонники концепции трактовали как правоустанавливающие документы. В работе показана роль сборников архивных материалов по колониальной политике в Якутии и на Чукотке, изданных в 1930-х гг., которые зафиксировали свидетельства вооруженных столкновений и сопротивления аборигенных родов. Исследуется полемика 1967 г. между Б. О. Долгих, А. И. Новгородовым, С. А. Токаревым и Г. П. Башариным, отразившая противостояние научных школ. Делается вывод о том, что дискуссия, продолжающаяся десятилетиями, так и не привела к выработке единой терминологической платформы, что оставляет проблему открытой и актуализирует необходимость поиска взаимоприемлемых подходов, свободных от идеологического давления.

Ключевые слова: историография, Северо-Восток Азии, Якутия, присоединение, добровольное вхождение, русско-аборигенные отношения, источники.

HISTORIOGRAPHICAL DISCUSSION ON THE "INCLUSION" OR "ACCESSION" OF THE PEOPLES OF NORTHEAST ASIA INTO RUSSIA (17th–18th CENTURIES)

Summary: The article analyzes the key historiographical problem of the development of Northeast Asia in the 17th–18th centuries, namely, the discussion about the nature of the incorporation of the Yakut lands into the Russian state. It is noted that the Soviet historical school, represented by the works of S. V. Bakhrushin, B. O. Dolgikh, S. A. Tokarev, and other researchers, laid the foundation for studying the processes of the region's annexation, including the chronology of events, the system of fortresses, and the yasak policy. Special attention is paid to the formation of the concept of "voluntary inclusion" of Yakutia in the 1940s and 1960s, which was a result of ideological pressure and the desire to fit the region's history into the paradigm of "friendship of peoples." The author examines the arguments of the parties by analyzing key sources, such as the "shert" (oaths) of the Yakut princes and the "tsar's charters," which supporters of the concept interpreted as legal documents. The paper also highlights the role of collections of archival materials on colonial policies in Yakutia and Chukotka, published in the 1930s, which recorded evidence of armed clashes and resistance of indigenous clans. The polemic of 1967 between B. O. Dolgikh, A. I. Novgorodov, S. A. Tokarev, and G. P. Basharin, which reflected the confrontation of scientific schools, is studied. It is concluded that the discussion, which has been going on for decades, has not led to the development of a common terminological platform, which leaves the problem open and actualizes the need to find mutually acceptable approaches free from ideological pressure.

Keywords: historiography, Northeast Asia, Yakutia, accession, voluntary inclusion, Russian-aboriginal relations, sources.

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся полемикой вокруг характера вхождения народов Сибири в состав Российского государства. В современной исторической науке происходит переосмысление многих концепций, сложившихся под влиянием идеологических установок советского периода. Проблема интерпретации русско-аборигенных взаимодействий на Северо-Востоке Азии в XVII–XVIII вв. выходит за рамки узкорегionalной тематики и затрагивает фундаментальные вопросы методологии истории: соотношение научной объективности и политической конъюнктуры, критерии оценки межнациональных контактов, способы терминологического описания процессов расширения государства. Обращение к истории дискуссии позволяет не только реконструировать этапы изучения региона, но и выявить механизмы формирования историографической традиции.

Источниковую базу исследования составили труды основоположников сибиреведения, а также работы Г. П. Башарина и В. Н. Иванова, отражающие концепцию «добровольного вхождения». Важнейшими источниками являются сборники архивных материалов по колониальной политике в Якутии и на Чукотке, изданные в 1930-х гг. под редакцией Я. П. Алькора и Б. Д. Грекова. В работе использованы материалы Сибиряковской экспедиции, представленные в трудах ссыльных народников Д. Павлинова, Н. Виташевского, Л. Левенталья. Методологическую основу составляет историко-генетический анализ,

позволяющий проследить эволюцию научных концепций, и сравнительно-исторический метод, дающий возможность сопоставить различные подходы к оценке русско-аборигенных отношений.

Историческая наука довольно обстоятельно исследовала вопросы пространственного расширения Русского государства в XVII–XVIII вв. Советской и российской научной школой на основе анализа огромного пласта архивных источников были изучены процессы присоединения и освоения земель на Северо-Востоке Азии. Историография изучения Северо-Востока Азии в выбранный период немыслима без трудов крупных советских и российских историков – основоположников изучения данной темы – С. В. Бахрушина, Б. О. Долгих, О. В. Ионовой, А. П. Окладникова, С. А. Токарева, Ф. Г. Сафронова и др. [1, 4, 9].

Учеными была восстановлена хронология событий, повлекших приход русских служилых людей на земли местных родов, объяснение аборигенных народов, дальнейшее продвижение военно-служилых людей, торговых, промышленных и «охочих» людей к берегам Северного Ледовитого океана, Тихого океана и в Приамурье, возведение системы острогов, острожков и зимовий.

Следующее большое направление исторических исследований этого самого большого по площади региона страны – вопросы социально-экономической истории новых земель: заселение, вопросы землепользования, аграрное освоение, развитие социальной неоднородности и социальной дифференциации, складывание постоянного русского населения и развитие русско-аборигенных отношений.

Несколько в стороне от основных исследований стояла проблематика особенностей русско-аборигенных взаимодействий. Этому обстоятельству имеется свое объяснение. Долгое время в трудах советских исследователей превалировал подход, объясняющий русское движение в северо-восточные земли интересами колониальной политики царского правительства. Советские историки объективно оценивали сочетание мирных способов овладения территориями с немирными. Основными историческими трудами, в которых в советский период были собраны архивные материалы по данной проблеме, являлись два сборника, посвященные политике царизма в Якутии и Чукотке [6, 7].

Появление этих двух сборников архивных материалов и тематическая градация архивных дел в их содержании свидетельствуют о том, что историки систематизировали источники таким образом, чтобы не затушевывать колониальную сущность царизма в северо-восточных землях. При этом они выделяли в отдельный раздел архивные свидетельства вооруженных столкновений «немирных» аборигенных родов против русских служилых людей. Выбор Якутии и Чукотки как объектов исследования также не случаен, поскольку в состав обширного Якутского уезда в XVII в. входила вся эта огромная территория, включая на определенный период Илимский край и

Приамурье. Приграничный статус Якутского уезда, граничащего на Амуре с маньчжурами, позволял рассматривать его не только как форпост освоения всего Северо-Востока Азии, но и как важный административный и логистический центр всего региона. Выбор Чукотки в качестве объекта исследования также объясним: воинственные чукотские племена дольше всех из автохтонных народов сопротивлялись русскому царю и признали присутствие служилых людей на своих землях на особых условиях.

Как часто случается в истории, когда идеологические запросы начинают превалировать над исторической правдой, появляется желание «подправить» события прошлого таким образом, чтобы они укладывались в доминирующую на тот момент общественную концепцию. Такой концепцией в советское время был пролетарский интернационализм, а в национальных отношениях – дружба народов. Партийные структуры, ответственные за идеологию в государстве, не могли допустить, чтобы в вопросах межнациональных отношений сохранялась оценка событий прошлого вне обозначенного концепта. Речь идет о том, что события вооруженного сопротивления «немирных инородцев» русским людям, пришедшим на земли аборигенных народов, не могли являться мейнстримом исторических исследований дореволюционной истории региона.

В связи с этим партийными идеологами была разработана концепция «вхождения Якутии в состав Русского государства», а затем она была абсолютизирована в «добровольное вхождение» [2, 5]. Неудивительно, что при анализе источников и позиций других исследователей, не укладывающихся в русло заданных определений, использовались даже их личные характеристики, далекие от исторической науки. Для обоснования концепции «добровольного вхождения» были привлечены высказывания о Сибири В. И. Ленина, который не писал ничего о «вхождении» Якутии в состав Русского государства.

Исследователи-народники, отбывавшие ссылку в Якутии и участвовавшие в известной Сибиряковской экспедиции по изучению аборигенных народов – Д. Павлинов, Н. Виташевский, Л. Левенталь [8] и др., – были подвергнуты персональному разбору на страницах трудов идеологически выверенных партийных ученых. Вместе с тем и они не скрывали события прошлого, признавая, что в истории присоединения Якутии к России систематически случались восстания местных родов, однако придавать значения этим сражениям, в ходе которых «побивали» русских и якутских людей, было не принято.

Доказательной базой концепции «добровольного вхождения» для таких исследователей служили «государево жалованное слово» и «шерти» – клятвы якутских князцов, принимающих волю «белого царя». Первый документ – это свидетельство объявления ясачным народам того обстоятельства, что они для царя существуют. При этом важен еще один нюанс: новые северо-восточные земли представлялись институтами царской власти не обретенными, а уже «по старине», искони считающимися собственностью русского государя. В таком случае якутской стороне признавать объявившуюся в их пределах русскую силу

было и не обязательно, поскольку и земля, и люди уже являлись собственностью «белого царя».

Процедура шертования (шерть) являлась документом, свидетельствующим об односторонних обязательствах местных князцов верой и правдой служить русскому царю, выступать в защиту его интересов даже против своих родичей и соседних племен. Ни о каких взаимных обязательствах данный вид документа не свидетельствовал. Однако апологеты концепции «добровольного вхождения» последовательно придерживались подхода, при котором шертям придавался статус правоустанавливающего документа, чего на самом деле не было.

Историки Б. О. Долгих, А. И. Новгородов, С. А. Токарев в «Письме в редакцию» журнала «История СССР» в 1967 г. изложили свои возражения по поводу данной концепции, а также против научных методов дискуссии, применяемых в отношении их оппонента Г. П. Башарина [3].

Подавляющее большинство сибирских историков со временем не восприняли концепцию «добровольного вхождения», продолжив считать данный процесс присоединением, то есть якутские события являются продолжением сибирской истории, восходящей к походу Ермака. Часть последователей и основных приверженцев данного концепта – якутских историков Г. П. Башарина и В. Н. Иванова – и в наши дни разделяют эту теорию. Более того, государственные праздники Республики Саха (Якутия) продолжают именоваться, например, «375 лет вхождению Якутии в состав России». Отметим, что в этом названии, по крайней мере, стали опускать термин «добровольное».

По прошествии времени, после завершения активной фазы дискуссии между историками разных научных школ и направлений, резонно задаться вопросом, насколько полезной она была и что в ней превалировало – здравый смысл, идеологические клише или заблуждения. Научная дискуссия полезна в том случае, когда оппоненты уважительно относятся к позициям другой стороны и ведут поиск истины или путей ее достижения. К сожалению, в ходе десятилетий противостояния между научными направлениями, выступающими за и против концепции «добровольного вхождения» Якутии в состав Русского государства (или ее присоединения), не было предпринято попыток выработать хотя бы единую терминологическую платформу. Многочисленные научные конференции и форумы, так или иначе затрагивающие данную проблему, либо обходили в научных дискуссиях этот злободневный вопрос, либо обсуждали что угодно, но не его.

Тем не менее следует признать полезность этой дискуссии, которая продолжается уже много десятилетий и к которой подключаются ученики известных историков. Когда историки не могут выработать единые подходы к оценке таких сложных исторических процессов, как характер присоединения региона к Русскому государству, логика исторического процесса подсказывает выход: снова в приоритете может оказаться не правда истории, а сила

идеологии. Поскольку данная проблема является краеугольным камнем в оценке русского движения в северо-восточные земли, рано или поздно историкам придется найти взаимоприемлемые решения и выработать согласованный подход.

Проведенный анализ показывает, что советская историография прошла сложный путь от признания «колониальной сущности царизма» до утверждения концепции «добровольного вхождения». При этом сборники 1930-х гг. фиксировали факты вооруженного сопротивления, выделяя их в отдельные разделы, что свидетельствовало о стремлении сохранить документальную объективность [6, 7]. Ключевым моментом дискуссии стало обсуждение правового статуса «шертей» — присяг якутских князцов. Как показано в статье, сторонники «добровольного вхождения» трактовали эти документы как добровольное волеизъявление, тогда как их оппоненты указывали на односторонний характер обязательств и отсутствие взаимных условий. Полемика 1967 г. между Б. О. Долгих, А. И. Новгородовым, С. А. Токаревым и Г. П. Башариным выявила не только концептуальные расхождения, но и различие в понимании методов научной дискуссии [3].

Современные исследователи, такие как А. С. Чертков, отмечают, что дискуссия конца 1960-х годов осталась незавершенной, а вопросы терминологии требуют дальнейшего изучения. В публикациях последних лет намечается тенденция к рассмотрению русско-аборигенных отношений в парадигме «межцивилизационного диалога», что позволяет преодолеть крайности как «колониальной», так и «добровольческой» интерпретаций.

Историографическая дискуссия о характере вхождения Северо-Востока Азии в состав Российского государства, продолжающаяся более полувека, сыграла важную роль в накоплении и систематизации знаний о регионе. Она высветила сложность взаимодействия научного поиска и идеологических установок, показала уязвимость концепций, строящихся на односторонней интерпретации источников. Отсутствие единой терминологической платформы и сохраняющиеся разногласия свидетельствуют о том, что проблема требует дальнейшего изучения. Перспективным представляется отказ от жестких формулировок («завоевание» или «добровольное вхождение») в пользу более гибких моделей, учитывающих многообразие форм русско-аборигенных контактов — от военных столкновений до мирного сотрудничества и культурного обмена. Такой подход позволит преодолеть концептуальный тупик и вывести исследование на новый методологический уровень.

Список литературы:

1. Бахрушин С. В. Научные труды: в 4 т. / С. В. Бахрушин; под ред. А. А. Зимина [и др.]; Академия наук СССР, Институт истории. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952–1959. Т. 3, ч. 1: История народов Сибири в XVI–XVII вв. 1955. 376 с.

2. Башарин Г. П. К вопросу о классово-партийном подходе к проблемам историографии (По поводу письма Долгих, Новгородова, Токарева в редакцию журнала «История СССР») // Труды Историко-филологического факультета ЯГУ. Вып. 2. Якутск: Якуткнигоиздат, 1969. С. 13.
3. Долгих Б. О., Новгородов А. И., Токарев С. А. Письмо в редакцию // История СССР. 1967. № 3. С. 226-227.
4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих; Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 622 с.
5. Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства / В. Н. Иванов. Новосибирск: Наука, 1999. 199 с.
6. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сборник документов / Науч.-исслед. ассоц. Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича; под общ. ред. Я. П. Алькора и Б. Д. Грекова; вступ. ст. И. М. Троцкого. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. XXXII, 280 с.
7. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: сборник архивных материалов / Науч.-исслед. ассоц. Ин-та народов Севера ЦИК СССР, Ленингр. отд-ние Центр. ист. арх. РСФСР; под ред. Я. П. Алькора и А. К. Дрезена; вступ. ст. С. Б. Окуня. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 210 с.
8. Павлинов Д., Виташевский Н., Левенталь Л. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Труды комиссии по изучению Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. Т. 4. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. XLIX, 461 с.
9. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.

Чертков Алексей Сергеевич

кандидат исторических наук

Московский педагогический государственный университет

SPIN-код: 8179-3764

Alexey Chertkov

Moscow Pedagogical State University

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И ПЕРВОПРОХОДЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ В XVII – XVIII ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И КУЛЬТУРЕ

Аннотация: В статье обосновывается тезис о недостаточном отображении в российской культуре образа русских служилых людей, первопроходцев и мореходов, чей вклад в присвоение и освоение северо-восточных земель в XVII–XVIII вв. сопоставим с эпохой Великих географических открытий. Автор показывает, что длительное доминирование сословно-классового подхода в советской историографии привело к односторонней оценке их деятельности лишь как проводников колониальной политики царизма, что препятствовало объективному осмыслению и художественной героизации этих исторических личностей. В работе анализируется многообразие терминологических подходов («колонизация», «вхождение», «присоединение») в отечественной и западной науке, а также рассматриваются дуальные мотивы продвижения русских на восток, включая создание безопасных фронтальных зон. Особое внимание уделяется современному контексту: на основе анализа 500 студенческих работ и данных всероссийского конкурса эссе выявлено, что имена первопроходцев практически отсутствуют в исторической памяти молодёжи. Делается вывод о необходимости актуализации их подвига в рамках преподавания дисциплины «Основы российской государственности» и популяризации посредством современных цифровых технологий и искусства. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе репрезентации образа первопроходцев в историографии, образовательном процессе и общественном сознании, а также в обосновании путей его интеграции в современный культурно-исторический нарратив.

Ключевые слова: Образ героев-первопроходцев, служилые люди, первопроходцы, теория фронта, Основы российской государственности, Северо-Востоке Азии, Русское феодальное государство.

PROBLEMS OF FORMING THE IMAGE OF RUSSIAN SERVICE PEOPLE AND PIONEERS OF NORTH-EAST ASIA IN THE 17TH – 18TH CENTURIES IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY AND CULTURE

Summary: The article substantiates the thesis about the insufficient representation in Russian culture of the image of Russian servicemen, pioneers and seafarers whose contribution to the appropriation and development of the northeastern lands in the 17th–18th centuries is comparable to the era of the Great Geographical Discoveries. The author shows that the long-term dominance of the class-based approach in Soviet historiography led to a one-sided assessment of their activities merely as conductors of the tsarist colonial policy, which hindered the objective understanding and artistic glorification of these historical figures. The paper analyzes the diversity of terminological approaches ("colonization", "incorporation", "annexation") in Russian and Western scholarship, and also examines the dual motives for the Russian eastward expansion, including the creation of safe frontier zones. Special attention is paid to the modern context: based on the analysis of 500 student works and data from the All-Russian essay contest, it was revealed that the names of the pioneers are practically absent from the historical memory of young people. It is concluded that there is a need to actualize their feat within the framework of teaching the discipline "Foundations of Russian Statehood" and to popularize it through modern digital technologies and art. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the representation of the pioneers' image in historiography, the educational process and public consciousness, as well as in substantiating the ways of its integration into the modern cultural and historical narrative.

Keywords: Image of pioneer heroes, service people, pioneers, frontier theory, Fundamentals of Russian statehood, North-East Asia, Russian feudal state.

Исследование деятельности русских служилых людей, первопроходцев, предпринявших в XVII в. «приведение под высокую государеву руку» и освоение огромных территорий континента на Северо-Востоке Азии, является традиционной сферой отечественной историографии [1]. Разработанная американским ученым Ф. Тернером теория фронта обосновывает приращение колонистами земель Нового Света в рамках расширения границ и освоения территорий, начавшееся в XV веке и продолжавшееся до начала XVIII в. [5]. Движущие силы американской колонизации новых регионов были героизированы в литературном, музыкальном творчестве заокеанских и западных деятелей культуры, особенно это проявилось в кинематографе.

Масштабное даже по тем временам движение русских служилых людей, первопроходцев, мореплавателей «встреч солнцу», когда за короткий промежуток времени ими в тяжелейших природно-климатических условиях были пройдены сухопутным, речным и морским путем огромные сибирские расстояния вплоть до выхода к берегам Ледовитого и Тихого океана, можно сравнить с Великими географическими открытиями. Имена казаков, служилых, промышленных и «охочих» людей Демида Пянды [3], Петра Бекетова, Ивана Москвитина, Ивана Реброва, Михаила Стадухина, Семена Дежнева, Федота Попова и других первопроходцев северо-восточных земель [4], чьими

заслугами на окраине континента прирастало Русское феодальное государство, заслуживают как научного изучения, так и последовательной героизации современными средствами культуры и искусства.

Вопросы изучения истории открытия и освоения земель на Северо-Востоке Азии в XVII – начале XVIII вв. имеют давнюю историографическую традицию, в рамках которой концептуально оформились научные школы историков – приверженцев концепций «колонизации», «вхождения», «присоединения», «добровольного вхождения», «включения» территорий в состав Русского государства. Многослойность определений данных подходов основана не только на различной трактовке используемых учеными терминов и по-разному интерпретируемых исторических фактов, но и различиями исходных характеристик изучаемого аборигенного населения присоединяемых территорий: особенностей родоплеменного устройства, хозяйственного развития, промыслов, орудий труда, а также состояния военного дела, наличия навыков возведения укреплений, изготовления оружия и др.

В западной историографии события освоения северо-восточных земель в интересах русского царя продолжают характеризоваться термином «колонизация». Историки советской школы применяли данный термин для определения характера завоевания новых территорий в рамках сословно-классовой концепции феодального общества, осуждающей хищническую эксплуатацию природных богатств присоединенных к Руси регионов. Прежде всего это относилось к пушному промыслу – источнику пополнения государственной казны за счет торговли с другими государствами.

Сословно-классовые установки официальной советской историографии послужили источником представления усилий некоторой части служилых людей и казаков, отличившихся в походах насильственными методами усмирения враждебно настроенных родов и племен, только с позиций проводников политики царской администрации. Образ таких героев-первопроходцев, открывших северные и дальневосточные земли и встретивших сопротивление аборигенных народов, оценивался историками односторонне и не получил объективного осмысления и представления средствами литературы и искусства. В силу особых обстоятельств и объяснимых причин неприятия частью национальной интеллигенции внешнего воздействия в феодально-крепостническую эпоху это особенно относится к культурному наследию регионов, в которых явно и неявно проявлялся нарратив пришлых на их землю людей, стремящихся установить в них феодально-крепостнические порядки, создать систему государственно-административного управления, сбора ясака и других податей.

Между тем, в процессе движения русских служилых людей на Восток присутствуют по крайней мере дуальные побудительные мотивы, один из которых – стремление пространственного расширения территории государства, создание безопасных фронтальных зон в пограничье с соседствующими воинственными племенами и странами.

При всем многообразии подходов к изучению исторического прошлого, разницы в оценке деяний наших предков и цивилизационной общности развития многочисленных этносов в рамках российского государства на протяжении многих столетий, современным исследователям следует рассматривать подобные проблемы комплексно, с учетом всего многообразия причин движения Русского государства на Северо-Восток в XVII – начале XVIII вв., имевших как положительные последствия, так эпизоды естественного противостояния коренных народов пришлому воздействию. В истории присоединения региона примеров такого противоборства было достаточно: вооруженные столкновения русских казаков с якутскими родами, восстания отдельных племен, войны с воинственными чукотскими племенами и др.

Указ Президента России от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определил концептуальные основы концепта «русской цивилизации» на базе традиционных ценностей многонационального российского государства. Согласно поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина по итогам заседания Государственного Совета Российской Федерации 22 декабря 2022 г. во всех российских вузах с 1 сентября 2023 г. была введена обязательная дисциплина «Основы российской государственности». В короткое время были разработаны учебники и методические рекомендации, представляющие собой единый учебно-методический комплекс для изучения курса.

В настоящее время выработался содержательный каркас дисциплины, первый базовый раздел которой называется «Что такое Россия» (главы в различных интерпретациях – «Символы России», «Земля и слово», «Портрет страны») [2]. В рамках изучения раздела учебного материала студентам предлагается понять, что из себя представляло российское государство на протяжении всего хода исторического развития, его природно-климатические, географические, ресурсные особенности и преимущества, а также оценить вклад выдающихся ученых, исследователей, первопроходцев, чьим трудом и усилиями прирастало богатство и могущество страны.

На основе проведенного нами анализа сочинений студентов, изучавших на первом курсе дисциплину «Основы российской государственности» в трех московских университетах в 2023-2024 учебном году, а также проведенного нами в апреле – мае 2024 г. Всероссийского межвузовского студенческого конкурса – эссе «Россия: образ будущего глазами студентов» (всего эмпирическая база исследования составила 500 работ), были получены результаты восприятия обучающимися образов героев Отечества, внесших существенный вклад в его создание, развитие, обороноспособность, науку и культуру. В результате исследования были определены имена героев, подвиги и самопожертвование которых во благо российского народа отмечали студенты в категориях: государственные деятели, герои Великой Отечественной войны,

выдающиеся полководцы, ученые, литераторы, известные космонавты, педагоги, композиторы, художники, а также члены семей.

Абсолютными лидерами по упоминанию в студенческих работах стали такие герои, как Ю.А. Гагарин, А.С. Пушкин, Зоя Космодемьянская. В категории национальные герои чаще всего отмечались Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, И. Сусанин, Аф. Никитин, Святая Ольга. В этой связи необходимо отметить, что подвиги русских землепроходцев, мореплавателей, служилых людей, открывших и начавших деятельность по освоению огромных земель, богатых природными ископаемыми, за счет которых в результате сложившейся экспортно-ориентированности советской, а затем и российской экономики (нефтегазовые месторождения, энергоносители, золото, алмазы, платина, морские ресурсы и т.д.), не были отмечены студентами, хотя им предлагалось оценить значимость деяний героев прошлого в разных категориях (не только военачальники, но и ученые, первопроходцы) и с точки зрения приращения территорий и его пространственного развития. Объяснение данному феномену находим в двух аспектах: в исследовании приняли участие студенты гуманитарных направлений обучения, для которых более важным является эмоциональная рефлексия и ориентация на героев Отечества, проявивших непосредственный героический поступок, вызывающий психологический отклик, а также непонимание части студенческой молодежи ресурсных, экономических, финансовых и др. составляющих, определяющих базу развития государства, экономика которого пока развивается за счет добывающих секторов и отраслей промышленного производства.

Поэтому в рамках изучения дисциплины «Основы российской государственности», особенно первой главы курса необходимо изучение вклада русских служилых людей, первопроходцев, мореходов, приведших «под высокую государеву руку» в XVII – XVIII вв. огромные территории Северо-Востоке Азии, в том числе арктического побережья с такими запасами природных ископаемых, которые на многие столетия вперед составили основу минерально-сырьевой базы государства, за счет чего и поныне функционирует его экономика, обеспечиваются социальные гарантии, безопасность северо-восточных рубежей. Образ русских служилых людей, первопроходцев, мореходов безусловно заслуживает большего воплощению выразительными средствами искусства, в том числе современными цифровыми технологиями ввиду введения значительных объемов фактической и пространственной информации при их реализации.

Список литературы:

- 1.Бахрушин С. В. Открытие Якутии русскими в XVII веке и присоединение ее к России // Якутия в XVII в. / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. - Якутск: Кн. изд-во, 1953. 438 с.
- 2.Основы российской государственности: учебное пособие / А. Д. Харичев, А. В. Полосин, А. В. Селезнева. - Москва: РАНХиГС, 2024. 448 с.

3. Полевой Б. П. Новое о Пянде // Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. - Новосибирск: Наука, 1965. С. 283–284.
4. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. - Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1988, 190 с.
5. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. - Москва: Весь мир, 2009. 304 с.

Чибисов Олег Николаевич

соискатель

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

SPIN-код: 6492-5479

Chibisov Oleg

Pushkin Leningrad State University

ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ П. К. АНОХИНА КАК МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Аннотация: В докладе проводится системный анализ архитектуры больших языковых моделей (LLM) с позиций теории функциональных систем П. К. Анохина. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления природы «галлюцинаций» ИИ не как технических сбоев, а как фундаментальных эпистемических ошибок. Автор сопоставляет компоненты нейросетей с ключевыми стадиями функциональной системы, включая афферентный синтез и акцептор результатов действия. Установлено, что в отличие от биологических систем, современные модели лишены внутренней мотивации и механизмов верификации результата через связь с объективной реальностью. Исследование подчеркивает историческое значение советской физиологической школы для современной инженерии ИИ. Полученные выводы позволяют определить границы применимости ИИ в экспертной деятельности и актуализировать классические философские проблемы в эпоху цифровизации. Данный доклад подготовлен в рамках направления «актуальные вопросы философии, социологии, культурологии и политологии» XXXII -й Международной научной конференции: «Россия и мир в исторической ретроспективе».

Ключевые слова: искусственный интеллект, П. К. Анохин, теория функциональных систем, LLM, галлюцинации ИИ, эпистемическая ошибка, афферентный синтез.

P. K. ANOKHIN'S THEORY OF FUNCTIONAL SYSTEMS AS A METHODOLOGY FOR ANALYZING LARGE LANGUAGE MODELS

Summary: The report provides a systemic analysis of the architecture of large language models (LLMs) from the perspective of P. K. Anokhin's theory of functional systems. The relevance of the study is driven by the need to understand the nature of AI "hallucinations" not as mere technical glitches, but as fundamental epistemic mistakes. The author compares neural network components with key stages of a functional system, including afferent synthesis and the acceptor of action results. It is established that, unlike biological systems, modern models lack internal motivation and mechanisms for verifying results through a connection with objective reality. The study highlights the historical significance of the Soviet physiological school for modern AI engineering. The findings

allow for determining the boundaries of AI applicability in expert activities and actualizing classical philosophical problems in the era of digitalization. This report was prepared as part of the section "Current Issues in Philosophy, Sociology, Culturology, and Political Science" for the XXXII International Scientific Conference: "Russia And The World In Historical Retrospective".

Keywords: artificial intelligence, P. K. Anokhin, theory of functional systems, LLM, AI hallucinations, epistemic mistake, afferent synthesis.

Проблема искусственного интеллекта (далее ИИ) является чрезвычайно актуальной не только и не столько с точки зрения технических наук, но главным образом с точки зрения гуманитарных наук, так как технологии ИИ, в частности большие языковые модели (далее LLM), обострили классический философский вопрос о природе человеческой интеллектуальности, заставили пересмотреть многие прежние подходы и задаться вопросом, насколько уникален человек. Постановка такого вопроса включает предмет исследования ИИ в философский дискурс. Более того, в публицистике ИИ рассматривается, как «вечная проблема философии», т. к. человеческий интеллект представляет собой «феномен не естественный, а всегда искусственный, точнее, исторический. В качестве такового он и был всегда исконной проблемой философии» [1, с. 21].

Когда создаются вычислительные машины, способные к внешнему подражанию человеческого рассудка, то возникает соблазн признать за машиной мыслящего субъекта. Однако человеческая интеллектуальность включает в себя множество атрибутов, например, субъектность, чувственность, рациональность, функциональность и т. д. Это позволяет рассматривать интеллект под разными углами, при этом понимая, что никакой из них не может быть исчерпывающим описанием интеллекта, если будет взят отдельно. Проблема сведения человека к тем или иным принципам была подробно рассмотрена в статье «Философские подходы к проблеме создания искусственного интеллекта» [2], здесь же будет проведено сравнение LLM с физиологической стороны в рамках концепции функциональной системы, описанной советским физиологом, академиком, П. К. Анохиным, который был лауреатом ленинской премии в 1972 за работу «Биология и нейрофизиология условного рефлекса» [3].

В контексте исторической ретроспективы конференции важно подчеркнуть, что советская школа кибернетики 1960-х годов предлагала уникальный альтернативный путь развития интеллектуальных систем. Пока западная мысль во многом фокусировалась на формально-логических и символьных вычислениях (информатика), П. К. Анохин и его современники закладывали фундамент для архитектур, ориентированных не на переработку сигналов, а на достижение полезного результата через саморегуляцию, что отражало основную идею кибернетики в противовес информатике. Сегодня, в 2026 году, когда индустрия ИИ столкнулась с проблемой «галлюцинаций», обращение к этому историческому наследию позволяет увидеть перспективы и ограниченность систем ИИ.

Разрабатывая «теорию функциональной системы как предпосылки к

построению физиологической кибернетики» [4], П. К. Анохин решает вопросы, которые актуальны не только в вопросе кибернетики, но и в вопросе современной инженерии ИИ. Имея уже сформированную концепцию функциональных структур, открываются способы создания таких систем искусственным путём. П. К. Анохин пишет: «ни одна попытка понять общую архитектуру приспособлений, а тем более моделировать какие-либо жизненные проявления, не может быть признана достаточной, если в ней не учтены должным образом разобранные выше принципы организации функциональных систем организма: афферентный синтез, акцептор действия, формирование действия и обратная афферентация о его результатах» [4, с. 90 - 91].

Но чего именно не достаёт современным моделям ИИ с точки зрения функциональных систем? Чтобы ответить на этот вопрос нужно проанализировать как осуществляются структурные элементы в LLM: афферентный синтез, акцептор действия, формирование действия и обратная афферентация. Эта общая структура свойственна не только примитивным организмам, но и сложно организованным масштабным явлениям, таким как мышление. Универсальность данной системы позволяет рассмотреть LLM через неё. Однако понимая, что это модель, предъявляющая функциональные критерии к структуре, не может включать в себя, например, такие стороны интеллектуальности, как сознание.

Хотя классическая теория функциональных систем фокусировалась на физиологических механизмах, её развитие в трудах последователей, например, К. В. Анохина [5], выводит нас на проблему субъективного опыта. Концепция «когнитома» как гиперсетевой модели разума, предлагает глубокую теоретическую базу для изучения когнитивных процессов. В отличие от современных нейросетей, системно-эволюционный подход рассматривает разум как результат накопления уникального опыта взаимодействия организма со средой, где каждый нейрон специализирован относительно определенной функциональной системы. Это сближает физиологию с современными поисками воплощенного интеллекта.

Проводя параллель с практическим применением теории функциональных систем в медицине, например, при восстановлении нарушенных функций речи через замыкание обратных связей, можно увидеть прямое сходство с современными методами «лечения» галлюцинаций ИИ. Использование графовых структур для создания структурированной эпизодической памяти выступает цифровым аналогом терапевтического воздействия. Подобно тому как пациент обучается заново сопоставлять свои действия с результатом, современные модели через механизмы графовой верификации начинают опираться на упорядоченную структуру «опыта», что концептуально воспроизводит работу акцептора результатов действия и делает поведение ИИ более целенаправленным и обоснованным.

Процесс начинается с афферентного синтеза, представляющего собой начальную фазу любого акта, где мозгом интегрируются и сопоставляются разнородные сигналы: внутренняя мотивация, параметры внешней обстановки и следы прошлого опыта. Именно на этой стадии решается дилемма выбора дальнейшего поведения. Логическим завершением синтеза становится принятие

решения, подразумевающее выбор единственного наиболее адекватного пути из множества возможных вариантов.

Параллельно с отправкой команды к исполнению в мозге формируется акцептор результатов действия, выступающий в роли прогностической модели ожидаемого эффекта. Данный аппарат заранее предвидит параметры полезного итога, чтобы впоследствии оценить соответствие реального результата запланированному. Обратная связь обеспечивается потоком сигналов от рецепторов, так называемой обратной афферентацией, которая информирует центр о достигнутых периферических эффектах. Это позволяет сравнивать факт с планом и корректировать поведение при необходимости, превращая разомкнутую рефлекторную дугу в замкнутую систему, где отклонение от цели служит стимулом для ее исправления.

Согласно Анохину, цель не привносится извне, а создаётся внутри организма в процессе афферентного синтеза благодаря взаимодействию нескольких факторов. Фундаментом выступает доминирующая мотивация, отражающая внутреннюю нужду и определяющая значимость внешней информации. Ее дополняет обстановочная афферентация, сообщающая о возможностях среды, и аппараты памяти, предоставляющие арсенал ранее успешных способов удовлетворения потребности.

Рождение цели происходит на нейронах коры головного мозга в момент встречи и сопоставления этих возбуждений. Конкретный результат, подлежащий достижению, выбирается при принятии решения и фиксируется в акцепторе результатов действия. Этот аппарат является физиологическим воплощением цели, предсказывающим параметры будущего события еще до совершения самого действия.

В статье «Все точки над i» [6, с. 95 - 103] Анохин разбирает очень сложный вопрос происхождения специфически человеческих влечений, которые отличают человека от животного или от кибернетической машины. Заложены ли они генетически в человека? По большому счёту он отвечает на этот вопрос положительно, хотя делает необходимые оговорки о роли общественной среды в формировании опыта для возникновения высоких целей, например, таких, как «стремление сделать человечество счастливым» [6, с. 100].

Функционирование любой системы начинается с афферентного синтеза, когда формируется начальный импульс цели, связанный как с прошлым опытом, так и с текущей обстановкой. Из этих составных частей LLM может продемонстрировать адекватное считывание, текущей обстановки (обстановочная афферентация), а наличие предыдущего опыта (если категория опыта применима к машине), обусловлено процессом машинного обучения (аппараты памяти). Если рассматривать цель, под таким механическим углом зрения, то вполне допустимо полагать, что у LLM есть все необходимые компоненты, для её возникновения. Но при анализе афферентного синтеза в LLM необходимо учитывать принципиальное отличие в природе ключевого системообразующего фактора — мотивации. В теории П. К. Анохина доминирующая мотивация является внутренним продуктом

биологической нужды организма, направленным на его выживание и адаптацию. В случае современных языковых моделей мы имеем дело с «суррогатной» или внешней мотивацией, которая задается либо системным промптом пользователя, либо целевой функцией в процессе обучения (objective function). Таким образом, афферентный синтез машины лишен биологического или социального «двигателя», что превращает процесс принятия решения в статистическую оптимизацию, не имеющую под собой личной значимости для субъекта действия.

Цель, мотив, желание, потребность — очень близкие понятия с точки зрения функциональных систем. Тем не менее кибернетическое их понимание, как результат синтеза обстановки и опыта, приводит к выводу, что с точки зрения функциональной структуры LLM афферентный синтез протекает полноценно — при формировании текстового запроса модель запускает перемножение матриц с учётом предобучения и выводит результат. В рамках функциональной системы данный результат должен сопоставить результат с целью, а в случае их несовпадения подкорректировать действие. В процессе обучения LLM этот процесс постоянно происходит, уточняются веса в матрице эмбединга. При этом как цель, так и результат представлены в языковой форме. Стало быть, истинность результата упирается в языковые формы. И если сгенерированное утверждение не соответствует многообразию человеческой практики, то такие утверждения называют «галлюцинациями».

Важно обратить внимание, что в рамках языковой системы «галлюцинации» [7] не являются ошибками функциональной системы. Опираясь на предобученные данные и на данные, поступившие на вход, система LLM с математической точностью формирует набор утверждений, который не противоречит ни «опыту», ни «обстановке», но при этом легко может противоречить реальному опыту людей.

Очевидно, проблема в том, что мы предполагаем, что язык является той формой, логические структуры которой и внутренние связи отражают действительность. Однако «галлюцинации» LLM показывают, что это не так.

Это происходит из-за отсутствия эмпирического базиса. То, что можно считать опытом LLM — это набор текстов для обучения. Но тексты позволяют судить о предмете только в формах языка. Язык — это богатейшая форма, но её нельзя считать достаточной без того более богатого мира, о котором он говорит. Именно поэтому формально-логически текст, созданный LLM, может быть непротиворечив, но при этом он не является истинным. А установка его истинности в рамках функциональной структуры невозможна, так как она ограничена предобучением на текстах.

Уместно рассматривать галлюцинации LLM, не как случайную ошибку в процессе вычислений, а как недостаточность функциональной структуры, которая состоит в том, что у LLM отсутствует обратная связь с тем предметом, в обсуждении которого возникла эпистемологическая ошибка. Это указывает на ограниченность языка, как единственного источника знания, который приводит к ложным «убеждениям».

Современные методы повышения надежности нейросетей, такие как Graph-

augmented LLM Agents (GLA)[8], можно рассматривать как попытку создать в структуре ИИ аппарат, функционально близкий к акцептору результатов действия (АРД). Интеграция внешних баз знаний и графов позволяет модели сопоставлять генерируемый ответ с некоторой «эталонной» структурой данных еще до момента окончательной выдачи результата. Однако, с точки зрения теории функциональных систем, эти методы остаются внешними надстройками, подтверждающими структурный дефицит современных моделей: без полноценного контура обратной афферентации, связывающего язык с физической реальностью, ИИ остается «замкнутым в тексте», что и порождает эпистемические ошибки.

Таким образом рассмотрение подход Анохина П. К. Может быть применима к современным LLM системам и обнаруживать в них структурные особенности, которые позволяют выявить, что «галлюцинации» ИИ связаны не с «ошибкой», а с формами того опыта, на котором обучаются модели. Также это позволяет определить границы применимости эпистемологии, основанной на ИИ, а также актуализировать классическую проблему антиномий, сформулированную Кантом, т.е. утверждения, выведенные в строгом соответствии с требованиями формальной логики, могут противоречить друг другу. Эту функциональную особенность LLM крайне важно учитывать в различных областях, например, в вопросе участия ИИ в экспертном анализе [9], значение и роль которого может быть критически важна в сложных вопросах.

Список литературы:

- 1.Иващук О.Ф. ИИ как вечная проблема философии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-12-23.
- 2.Чибисов О. Н. Философские подходы к проблеме создания искусственного интеллекта //Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – №. 2 (42). – С. 168-183.
- 3.Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М.: Медицина, 1968. — 547 с.
- 4.Анохин П. К. Теория функциональной системы как предпосылка к построению физиологической кибернетики //Биологические аспекты кибернетики. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 74—91.
- 5.Анохин К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания //Журнал высшей нервной деятельности им. ИП Павлова. – 2021. – Т. 71. – №. 1. – С. 39-71.
- 6.Возможное и невозможное в кибернетике. Сб. статей. — М.: 1963.
- 7.Шевченко, А. А. (2025). «Галлюцинации» ИИ как новая форма эпистемической ошибки. Republica Literaria. Т. 6. № 4. С. 93-98. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.93-98.
- 8.Graph-augmented LLM Agents (GLA): A Survey // arXiv.org. — 2025. — 21 July. — URL: <https://arxiv.org/html/2507.21407v1> (дата обращения: 28.02.2026).
- 9.Ганеев А. Р., Булаева Н. А., Чечелева В. Н. От «человеческого фактора» к цифровой объективности: трансформация экспертной роли в анализе результатов

исполнения контрактов и договоров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. №1. С. 162-172.

Шевяков Сергей Валериевич

учитель истории

Средняя общеобразовательная школа №1" г. Кирсанов

SPIN-код: 1229-6844

Sergey Shevyakov

Institution Secondary School No. 1 of Kirsanov

ПОЛОЖЕНИЕ ИТАЛОЯЗЫЧНЫХ СОЛДАТ В АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Австро-Венгрия – это многонациональное государство, в котором одна нация доминировала над другими. В годы Первой мировой войны под знамена Габсбургов было мобилизовано 9 миллионов граждан государства. В рядах вооруженных сил Австро-Венгрии дискриминация по национальному признаку продолжалась. После вступления Итальянского королевства в войну на стороне стран - участниц Антанты, солдат, мобилизованных с италияязычных территорий Австро-Венгрии, стали переводить на Восточный фронт. При этом они подвергались нападкам не только со стороны офицеров - немцев, а так же со стороны солдат других национальностей.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, армия, Первая мировая война, мобилизация, Восточный фронт, протест.

THE SITUATION OF ITALIAN-SPEAKING SOLDIERS IN THE AUSTRO- HUNGARIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR

Summary: Austria-Hungary was a multinational state in which one nation dominated over others. During the First World War, 9 million citizens of the state were mobilized under the banner of the Habsburgs. Discrimination based on nationality continued in the ranks of the Austro-Hungarian armed forces. After the Kingdom of Italy entered the war on the side of the Entente countries, soldiers who had been mobilized from the Italian-speaking territories of Austria-Hungary were transferred to the Eastern Front. However, they were subjected to attacks not only from German officers, but also from soldiers of other nationalities.

Keywords: Austria-Hungary, army, World War I, mobilization, Eastern Front, protest.

Первая мировая война началась 28 июля 1914 г. с нападения Австро-Венгрии на Сербию. Она длилась чуть более четырех лет и закончилась 11 ноября 1918 г. [0, с. 12]. Это была война между двумя военно-политическими блоками. С одной стороны это Антанта, в которую входили Россия, Великобритания и Франция, с другой стороны - Тройственный союз, в который входили Германия, Австро-Венгрия и Италия. Италия в самом начале войны придерживалась нейтралитета [0].

В военных действиях участвовали многомиллионные армии, оснащенные новейшими техническими средствами борьбы. Общее число мобилизованных достигало 73,5 млн. человек [0]. Так в Австро-Венгрии за все время войны было мобилизовано 9 миллионов из 52,6 миллиона жителей всей страны. В первый год войны призывались мужчины в возрасте от 21 до 42 лет, в последующие годы - от 18 до 50 лет [0, с. 72]. Комплектование вооруженных сил Австро-Венгрии осуществлялось по территориальному признаку [0, с. 6]. Если в какой-либо части было 50% одной национальности, то ее язык командования становился командным языком [0, с. 50].

Однако не все нации были в равном положении. До войны население Австрийской империи составляло 34 миллиона жителей, при этом 6 миллионов немцев держали в подчинении 28 миллионов человек других наций [0, с. 6]. Этот порядок взаимоотношений между нациями был в армии. Как писал русский генерал А. М. Зайончковский: «Отличительной чертой австро-венгерской армии являлся ее многонациональный характер, так как она состояла из немцев, мадьяр, чехов, поляков, русинов, сербов, хорватов, словаков, румын, итальянцев и цыган, объединенных только офицерским составом» [0, с. 23].

Италоязычных граждан, которые до войны подвергались дискриминации [0, с.38-39], в вооруженные силы Австро-Венгрии с территории Трентино было мобилизовано около 55.000 человек [0, р. 59]. В Австрийском Приморье было призвано приблизительно 50 тыс. итальянцев [0, с.73]. В первый год войны число новобранцев в Трентино составляло и около 27 тыс. человек [0, с. 73], в Триесте и на его территории было призвано в армию около 32 500 солдат - к ним необходимо добавить 30 тыс. из австрийского Фриули [0, р. 16]. Жители Тироля призывались в четыре полка Общей армии (Kaiserjäger) и три горных полка (Landeschützen, переименованные в Kaiserschützen в 1917 г.) австро-венгерской армии. Количество солдат, которые говорили на итальянском языке, в каждом полку составляло около 40% [0, с. 72]. Командный язык был немецкий [0, с. 1]. Большинство офицеров высших и нижних чинов, присягнувших Францу Иосифу I, были этническими немцами [0, с. 67]. Кадровые офицеры сводили к минимуму неслужебные контакты с рядовым составом [0, с. 53].

В основном, контакты с рядовым составом у командиров происходили через унтер-офицеров. Официально унтер – офицеры должны были продемонстрировать, что они имели достаточное знание языка (или языков) своего полка, сдав специальные экзамены. Только 80% основных военных приказов отдавалось на немецком языке, поэтому офицер должен был знать язык или языки (на уровне армейских приказов) на котором говорили его солдаты [0, с. 67].

Солдаты итальянской национальности австро-венгерской армии были объективно жертвами дискриминационных мер со стороны офицерства [0, р. 562]. Традиционным наказанием солдат в армии Австро-Венгрии была

повседневная практика телесных наказаний за малейшие провинности [0, с. 197]. Помимо упреков и притеснений, под угрозой оружия венгерские офицеры гнали их на штурм позиций, оборонявшихся русскими с помощью артиллерии и пулеметов. Огонь по солдатам-итальянцам нередко вела собственная артиллерия. В таких условиях солдаты-итальянцы нередко расправлялись со своими офицерами [0, р.562].

Одной из форм протеста уроженцев италияязычных провинций было дезертирство, которое было продиктовано рядом причин, таких как травматическое воздействие войны с ее кровавыми сражениями, проитальянской национальной позицией. Однако, несмотря на дискриминацию, практически все солдаты обязаны были вакцинироваться от инфекционных заболеваний. Так, большинство австро-венгерских солдат итальянской национальности было вакцинировано от оспы [0].

Известны многочисленные свидетельства о том, как итальянских дезертиров русские встречали объятиями, дарили им папиросы [0, с. 116]. Как отмечал в своей книге Л.М. Василевский «отношения к пленным самые дружелюбные: давно известно, что у нашего нет никакой злобы ко вчерашнему врагу» [0, с. 40].

В июне 1915 г. цензурный отдел почтовой корреспонденции австро-венгерских военнопленных подготовил подробный отчет о настроениях чувствах пленных по национальностям. Жители альпийской области, в первую очередь тирольцы, были удостоены пальмы верности Империи [0, р. 330].

Далее в отчете подчеркивалось, что среди итальянцев не было случаев массового дезертирства, а также уверенно утверждалось, что возможный референдум на приграничных территориях, на которые претендует Италия, дал бы подавляющий результат в пользу Австрии [0, р. 330].

После объявления войны настроения австрийских итальянцев были разными. Вечером 28 июля 1914 г. как отмечалось выше, военные власти устроили демонстрации в поддержку войны в крупных населенных пунктах Трентино [0, р. 560].

Но в основном у итальянцев преобладали чувство долга, которое, как и повиновение к властям, воспитывалось с рождения, а также чувство страха из-за грозивших последствий в случае неподчинения. Все надеялись на скорую победу над врагом [0, с. 77]. Но попав в армию, а затем на фронт, отношение некоторых из них менялось. С первых дней войны австрийские итальянцы оказались на восточном фронте. Переброска солдат из Трентино была осуществлена на поездах с крупных железнодорожных станций, таких как Роверето и Тренто [0, р. 561]. Пунктом назначения трентинцев был восточный фронт: Галиция, Буковина и Волынь [0, с. 84].

Италоговорящие солдаты австро-венгерской армии вспоминали о своей армейской службе на фронте как о бойне, «от воспоминания о которой и через много месяцев спустя буквально бросало в дрожь» [0, с. 91]. Во время походов, итальянские солдаты австро-венгерской армии испытывали голод, так как

кухни не успевали за войсками и жажду. Они постоянно недосыпали, при этом подвергались презрительному и жестокому обращению своих командиров [0, с. 95].

В 1915 г., когда Италия вступила в войну на стороне Антанты, дискриминация и жестокое обращение по отношению к италоязычным солдатам стали нормой не только для гражданского италоговорящего населения, но и в австро-венгерской армии. Оно практиковалось не только офицерами, но и рядовыми других наций. По воспоминаниям Джузеппе Мазеры, во время марша на фронт в декабре 1915 г. колонны итальянских солдат подвергал оскорблениям их лейтенант. Он обзывал итальянских солдат австро-венгерской армии «свиньями и низшими животными», считая их «мятежными и недисциплинированными людьми». Военнослужащие других наций держали под пристальным наблюдением австрийских солдат итальянской национальности. А по свидетельству Геррино Боттеми, во время марша в Галиции итальянских солдат не кормили и не давали отдыхать, обращаясь с ними как с «животными» и обзывая их «трусливыми собаками» [0, р. 327].

После 24 мая 1915 г. (вступления Италии в войну) военные приняли ряд мер в отношении италоязычных военнослужащих, исходя из критерия благонадежности. 6 августа 1915 г. вышел приказ за номером 13725 о переброске выходцев из итальянских провинций на восточный фронт. В этом приказе говорилось о том, что уроженцы Трентино не оправдали ожиданий на фронте с Италией. Там должны были остаться только немцы [0, р. 21]. Опасаясь вступления италоязычных солдат в контакт с итальянцами Королевской армии, правительство стало перебрасывать италоговорящих солдат с нового Юго-Западного (Итальянского) фронта, где они находились в опасной близости от армии Королевства Италии, на Северо-восточный фронт, заменяя их австрийскими немцами. Транспортировка предварительно разоруженных солдат-итальянцев к новому театру военных действий осуществлялась под надзором офицеров и унтер-офицеров немецкой национальности. На Северо-восточном (Русском) фронте их разделили на небольшие группы и распределяли по многочисленным воинским формированиям, внимательно контролируя их поведение. Военные отступили от принципа формирования военных частей в Тироле. Новобранцев на этапе обучения разделяли по разным национальным подразделениям. Вместе с презрением к италоговорящему солдату прибавилась также изоляция. Как писал Анджело Рафаэлли: «Я не мог говорить ... но я молился Господу» [0, р.329].

Итогом таких действий стало то, что многие из них принимали решение сдаться в плен, дезертировать или умышленно причинить ущерб своему здоровью в надежде освободиться от службы. Военный аппарат “двуединой” Австро-Венгерской монархии, встревоженный падением дисциплины на фронте осенью 1914 – зимой 1915 гг., применял суровые меры наказания. Распоряжение Верховного командования от 16 марта 1915 г. ввело новое

положение о военно-полевом судопроизводстве, каравшее смертной казнью за ряд преступлений, в частности членовредительство[0, с. 199].

Список литературы:

1. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917) / О. Р. Айрапетов. — Москва: Кучково поле, 2014-2015. — 640 с.
2. Первая мировая война. - URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Первая_мировая_война (Дата обращения: 23.01.2026).
3. История первой мировой войны 1914-1918 гг./ А.М. Агеев, Д.В. Вержховский, В.И. Виноградов, В.П. Глухов, Ф.С. Криницын, И.И. Ростунов, Ю.Ф. Соколов, А.А. Строков. Под редакцией доктора исторических наук И.И. Ростунова — М.: Наука, 1975. - URL: <https://militera.lib.ru/h/ww1/pre.html> (Дата обращения: 23.01.2026).
4. Ди Микеле А. Меж двух мундиров. Италоязычные подданные Австро-Венгерской империи на Первой мировой войне и в русском плену / пер. и науч. ред. М.Г. Талалая. СПб.: Алетейя, 2022. 286 с.
5. Вооруженные силы Австро-Венгрии Ч. 1 / Гл. упр. Ген. штаба. Санкт-Петербург: Отд. ген. квартирмейстера, 1912. 27 с.
6. Белой А. С. Галицийская битва: (С 19 схем. вне текста) / А. Белой; СССР. Воен. акад. РККА им. М.В. Фрунзе. — Москва; Ленинград: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1929 ([Москва]: 2-я типо-литогр. Моск. отд. Центр. тип. НКВМ). 371 с.
7. Кастелянский А.И. Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия: [Сборник] / Под ред. А.И. Кастелянского. — Санкт-Петербург: тип. т-ва "Обществ. польза", 1910. — [4], XIV, 824 с.
8. Зайончковский А.М. Первая мировая война. - 2-е изд. - СПб.: Полигон, 2002. - 878 с.
9. Salvador A. Considerazioni sul rimpatrio e la smobilitazione dei soldati austro-ungarici di nazionalità italiana nel primo dopoguerra // Qualestoria. Rivista di storia contemporanea. Anno XLII.N.ro 1-2. giugno-dicembre 2014. p. 59-75.
10. Rossi M. Irredenti giuliani al fronte russo. Storie di ordinaria diserzione, di lunghe prigionie e di sospirati rimpatri (1914 – 1920). Udine: Del Bianco, 1998. 257p.
11. Миронов В. В. Австро-венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота габсбургской монархии (Реферат) // Первая мировая война: современная историография. С.52-58. 2014. №2014. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avstro-vengerskaya-armiya-v-pervoy-mirovoy-voynе-razrushenie-oplota-gabsburgskoy-monarhii-referat>
12. Antonelli Q. Le ore di Trento. - URL http://www.trentinograndeguerra.it/UploadDocs/462_1_Quinto_Antonelli_Relazione.pdf (data di accesso: 25.02.2023).

13. Миронов В. В. Формы солдатского протеста в австро-венгерской армии во время Первой мировой войны // Новая и Новейшая история. 2011. № 1. С. 196-202.
14. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО) Ф.510. Кирсановский уездный воинский начальник. Оп.1. Д.33. Л.76.
15. Василевский Л.М. По следам войны Впечатления воен. врача / Л.М. Василевский. – Петроград: Скобелев. ком., 1916. 82 с.
16. Di Michele A. Patrioti irredenti o fedeli servitori dell'imperatore? Immagini e realtà dei soldati di lingua italiana nell'Esercito austro-ungarico durante la Grande Guerra// il 1918. la Vittoria e il Sacrificio. Congresso di Studi storici internazionali. Roma 17-18 ottobre 2018. Atti del congress, p. 315-338.
17. Bassetti S. Grazhdanskaya Vojna. l Regio Esercito italiano con lo zar, 1916-1920. - Milano: Lampi di stampa, 2015.

Шкандрий Надежда Ярославовна

доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код:2473-0015

Shkandri Nadezhda

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ТВОРЧЕСТВО КЛАССИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОДЪЕМ ДУХА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в данной статье анализируется вклад творчества писателей и поэтов Советского Союза в укрепление народного духа во время Великой Отечественной войны. Были рассмотрены самые значимые произведения А. Толстого, Л. Леонова, М. Шолохова, И. Эренбурга, К. Симонова и А. Твардовского военных лет. Также были исследованы их биографии и участие в ВОВ в роли корреспондентов и солдат. По итогам исследования был выявлен непомерный вклад деятелей культуры в поддержание народного единства и боевого духа. Благодаря стараниям публицистов и поэтов солдаты, воюющие на фронте, и люди, трудящиеся в тылу, наполняли свои души решимостью. Они закрепили в умах людей мысль – выстоять все испытания, чтобы будущие советские поколения видели мирное небо над своей головой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, публицистика, поэзия, Советский союз, народный дух.

THE CREATIVITY OF CLASSICAL WRITERS AND THEIR INFLUENCE ON THE RISE OF THE SPIRIT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: this article analyzes the contribution of Soviet writers and poets to the strengthening of the people's spirit during the Great Patriotic War. It examines the most significant works by A. Tolstoy, L. Leonov, M. Sholokhov, I. Ehrenburg, K. Simonov, and A. Tvardovsky from the war years. The article also explores their biographies and their participation in the war as correspondents and soldiers. The study reveals the immense contribution of cultural figures to maintaining national unity and morale. Thanks to the efforts of publicists and poets, soldiers fighting on the front lines and people working in the rear filled their souls with determination. They instilled in people the idea of enduring all the trials so that future Soviet generations could enjoy a peaceful sky.

Keywords: The Great Patriotic War, journalism, poetry, the Soviet Union, and the national spirit.

Прошло уже больше 80 лет с момента, капитуляции Германии – тем самым и закончилась Великая Отечественная Война. Одним из самых значимых

факторов, повлиявших на победу мужественного советского народа над фашистскими захватчиками, является советская культура. Деятели искусства и литературы не остались безучастными: они, точно так же, как и бойцы армии, почувствовали себя необходимыми стране, а своим призванием они посчитали служить народу своим искусством и вдохновлять народ на героические подвиги. Искусство не только укрепляло и поднимало дух советского народа, но и поддерживало уверенность в победе над врагом, как в тяжёлые и кровопролитнейшие битвы под Ленинградом, так и во время похода на Берлин. Само искусство вело битву с противником. Советские авторы помогали стране не только словом, но и делом. Свыше 7 тысяч деятелей культуры различного рода встали в ряд с обычными бойцами и с автоматами в руках защищали свои семьи и города родной страны.

Литература Великой Отечественной войны начала складываться с самого начала Второй Мировой войны, с лета 1941 года. Писателям было необходимо помочь генеральному секретарю Центрального Комитета Российской Коммунистической партии товарищу Сталину наполнить дух всего Советского Союза целеустремлённостью, смелостью и бесстрашием [1]. Это делалось для того, чтобы все национальности страны поверили в свои силы и были готовы сражаться до последнего за своё Отечество. До начала осени в качестве командиров, рядовых бойцов, военных корреспондентов и политработников ушло свыше тысячи литераторов. Основным оружием в битве за независимость являлось чувство братской солидарности. Люди бились не за себя и свою жизнь, а за свободу своего окружения и советского народа.

В первые дни войны основное положение и первые места заняли максимально гибкие и оперативно пишущиеся жанры, такие как песня, стихотворение и публицистика. Именно публицистика являлась самым основным способом воздействия как на обычных рабочих, так и на войска. Говоря о публицистах данного периода, нельзя не упомянуть фамилии А. Толстого, Л. Леонова, М. Шолохова и И. Эренбурга. Ведущими темами в творчестве перечисленных авторов являлись Родина и ее защита от иноземных захватчиков. Во всех текстах отражается вера в непоколебимость советского человека. В работах А. Толстого воспеваются величие и мощь страны, то, что никто не способен завоевать Русские земли полностью. Л. Леонов в своих текстах акцентирует внимание на том, что абсолютно каждый житель и гражданин СССР несёт на своих плечах личную ответственность в борьбе с фашизмом. Его тип письма сравнивали с общением с родным или близким человеком – настолько его работы были пропитаны искренностью и единением с народом. Он выработал свой стиль, похожий на доверительную беседу, обращаясь при этом ко всему народу.

Огромное значение в поднятии духа страны сыграла публицистика М. Шолохова, который являлся корреспондентом газеты «Правда». В первые военные месяцы им было опубликовано несколько очерков, но он также уделял много времени рассказам. Так в содержании «Науки ненависти» о лейтенанте

советской армии читатель может увидеть и понять мотивации лейтенанта: понимание идеалов и правильной политики Советского Союза и ненависть к врагу [2].

Также нельзя не отметить работы И. Эренбурга, который являлся преимущественно публицистом и его основным жанром принято считать эссе. В своих статьях он разоблачал как самих захватчиков, так и их идеологию в целом. Автор в своих работах часто использовал монтаж (в литературе это означает соединение литературных фрагментов, взаиморасположение элементов структуры текста) документов и писем немецких солдат и офицеров. Именно это и придавало его произведениям не только убедительность и максимальное сближение со своим народом, но и памфлетную силу. Отдельное место в годы войны в литературе заняли плакаты и газеты. Именно вторые, по словам Эренбурга, стали трибунами для писателей [3].

Так, можно сделать вывод, что публицистика военного времени уже являлась не просто отдельным жанром литературы, а была мощнейшим оружием в борьбе с врагом.

Поэзия также не оставалась в стороне в военные дни. Именно с ее помощью появилась возможность выразить всю гамму чувств, которую переживало население в те дни. Она не только поддерживала и помогала преодолеть все трудности, но и вдохновляла народ не сдаваться. Именно поэты прославляли подвиги солдат, тем самым мотивируя их и всех сослуживцев. Каждый хотел максимально помочь своей стране в борьбе с захватчиками. Самым известным и популярным поэтом этого времени стал К. Симонов.

С началом войны К. Симонов был призван на фронт и работал корреспондентом, публиковался в «Известиях» и в фронтовой газете «Боевое знамя». Летом 1941 года он находился в осаждённой Одессе в качестве специального корреспондента «Красной звезды». В том же году участвовал в боевом походе подводной лодки Л-4 «Гарибальдиец». Об этом событии он написал очерк «У берегов Румынии». Он писал о героизме советских солдат, о трудностях и лишениях, которые они переживали, о вере в победу. Среди наиболее известных произведений Симонова военных лет – стихотворения, которые распространялись в виде газетных публикаций и листовок, чтобы поддержать моральный дух солдат на передовой. Они воспевали мужество и стойкость бойцов, призывали к борьбе до победного конца. Его стихотворение «Жди меня» стало одним из самых известных и любимых в годы войны. Оно выражало веру в победу и надежду на возвращение солдат домой. Также Симонов создавал очерки и статьи, в которых рассказывал о подвигах советских воинов, о жизни на фронте, о дружбе и взаимовыручке. Эти произведения помогали людям лучше понять происходящее, поддерживали в трудные минуты и вдохновляли на новые свершения [4]. В 1943 году К. Симонов получил звание подполковника, а после войны – полковника. Приказом Военного совета Западного фронта автор был награждён орденом Красного Знамени [5].

В сентябре 1942 г. в «Красноармейской правде» началась публикация первых глав поэмы А. Твардовского «Василий Теркин» о солдате Великой Отечественной войны. Произведение сразу стало популярным, его последующие главы перепечатывали «Правда» и «Известия». Образ Василия Теркина стал в произведении Твардовского олицетворением стойкости и мужества русского солдата. В 1946 г. полный текст поэмы был выпущен отдельной книгой. В настоящее время «Василий Теркин» является одним из наиболее известных произведений о Великой Отечественной войне, входит в школьную программу [6]. Во второй половине 1940-х гг. признание получили поэма А. Твардовского «Дом у дороги» (1946), его стихотворения «Я убит подо Ржевом...» (1946) и «В тот день, когда окончилась война...» (1948), книга прозы «Родина и чужбина» (1947).

Таким образом, можно заключить, что вклад в подкрепление народного духа советскими публицистами и поэтами перед Отечеством невозможно уменьшить. Благодаря их стараниям и желанию помочь Родине, десятки тысяч солдат, читая и слушая их произведения, наполняли свои души решимостью. Это помогало и мирным жителям не только осознавать весь ужас войны, но и продолжать бороться с противником и усерднее работать в тылу. Самой главной мыслью в те времена, благодаря писателям и другим представителям культурной деятельности, было сохранить народный дух в такое непростое время и выстоять все испытания, чтобы будущие советские поколения видели мирное небо над своей головой.

Список литературы:

1. Дмитриева, Л.А. Военное поколение русских поэтов. - URL: <https://infourok.ru/metodicheskaya-razrabotka-po-literature-na-temu-voennoe-pokolenie-russkih-poetov-2453903.html> (дата обращения: 21.02.2026).
2. Капин, А. В. Тема патриотизма – ведущая тема литературы народов СССР на протяжении всей Великой Отечественной войны. - URL: <https://videouroki.net/razrabotki/tiema-patriotizma-viedushchaia-tiema-litieratury-narodov-sssr-na-protiazhienii-v.html> (дата обращения: 21.02.2026).
3. Донская Государственная публичная библиотека. Военные будни советской периодики. - URL: <https://dspl.ru/blog/pro-vystavki/voennye-budni-sovetskoj-periodiki/> (дата обращения: 21.02.2026).
4. Косолапов, В. Военные дневники Константина Симонова // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в литературе. –1980. – №3. – С. 266 – 275. – URL: <https://lib-bykhov.by/virtualny-proekt-oni-proshli-po-toy-voyne-pisateli-frontoviki/konstantin-mihaylovich-simonov> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Университетская библиотека онлайн. Симонов Константин Михайлович. - URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=author_red&id=6207&contrast=1 (дата обращения: 26.02.2026).

6.Тосненская межпоселенческая централизованная библиотечная система.
Писатели на войне и о войне. - URL: <https://tosno.47lib.ru/Kollegam/pisатели>
(дата обращения: 26.02.2026).

Юрьева Ольга Юрьевна

доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код:6306-4666

Yurieva Olga

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

РОЛЬ ВЫСШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОПАГАНДЕ ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИЗМА НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ, УСТАНОВЛЕННЫХ В ЛЕНИНГРАДЕ

Аннотация: В статье представлен результат анализа методики преподавания в академии художеств и её значения в становлении монументального искусства Советского союза. Также автором статьи были выявлены монументальные памятники, установленные в Петрограде-Ленинграде с 1917 – 1950 годы и фамилии авторов этих произведений. Автором статьи представлена информация из каких материалов выполнялись установленные памятники, цель и задачи, поставленные перед скульпторами первой половины XX века ленинской программой монументальной пропаганды.

Ключевые слова: монументальная скульптура, Ленинград, первая половина XX века.

THE ROLE OF HIGHER ART EDUCATION IN THE PROPAGANDA OF BUILDING COMMUNISM, AS EXEMPLIFIED BY THE MONUMENTS IN LENINGRAD

Summary: The article presents the results of an analysis of the teaching methods at the Academy of Arts and their significance in the development of monumental art in the Soviet Union. The author also identifies the monumental monuments erected in Petrograd-Leningrad from 1917 to 1950 and the names of the authors of these works. The article provides information about the materials used in the construction of these monuments, as well as the goals and objectives set by Lenin's program of monumental propaganda for the sculptors of the first half of the 20th century.

Keywords: the monumental sculpture, Leningrad, the first half of the 20th century.

С приходом к власти большевиков началась глобальная перестройка всех сфер структуры бывшего государства, включая образовательную деятельность в художественных вузах. В. И. Лениным была разработана программа пропаганды коммунистического общества, для реализации которой требовались

специалисты художественных направлений. Ленинским планом в Петрограде был предусмотрен 21 памятник и монумент. В качестве увековечиваемых были выбраны герои давних лет, в том числе и зарубежные, а также просто абстрактные, не имеющие имён, но несущие идеологию. В 1918—1919 годах к реализации ленинской программы были привлечены зрелые скульпторы и архитекторы, ставшие впоследствии известными мастерами советского искусства: Эрнест Шталберг, Карл Зале, Густав Шкилтер, Янис Тильберг, Буркард Дзенис, Теодор Залькалн (Гринберг), Борис Королёв, Сергей Конёнков, Вера Мухина, Александр Матвеев, Сергей Меркуров, Иван Шадр, Лев Руднев и другие. Идея этого начинания заключалась в сооружении новых памятников, соответствующих эмоциональному настрою молодой Советской республики.

В условиях экономического кризиса денег на создание крупногабаритной скульптуры было мало, памятники выполнялись из гипса, цемента или дерева - материалов недолговечных, поэтому эти памятники были через пару лет утрачены. Для того, чтобы придать бетонной скульптуре благородный вид, скульптор Н. А. Андреев добавлял мраморную крошку в качестве наполнителя для бетонной смеси. Бетон с мраморной крошкой внешне был очень похожим на камень, но внешний вид не делал материал прочнее. Скульптура, которая была отлита в бронзе или вырезана в граните, дожила до наших дней. Ленин лично занимался вопросами финансирования проектов. На заседании СНК впервые был рассмотрен вопрос о финансировании создания памятников: за бумажный макет было решено платить скульпторам 700 руб., за скульптурный макет — 1000 руб. При участии председателя московского профсоюза скульпторов и члена художественной коллегии ИЗО Наркомпроса С. Т. Конёнкова был определён список из 50 скульпторов, которым выплатили равный гонорар и заказали изготовление памятников. Владимир Ильич лично принимал участие в организации создания и установке некоторых монументов, также вождь пролетариата был заинтересован в подрастающем поколении специалистов художественных вузов. Об оптимистическом настрое среди скульпторов в связи с планом «монументальной пропаганды» свидетельствуют воспоминания старейшего русского скульптора Л. Шервуда: «Ленинский план „монументальной пропаганды“ был органически связан с великим делом культурной революции, с колоссальной перестройкой человеческого сознания, которую сделали возможной великие дни Октября» [1].

Период становления Советской власти способствовал развитию высшего образования в стране пролетариата и стал крепким фундаментом и поддержкой всех направлений монументального искусства в стиле социалистический реализм. План монументальной пропаганды в широком масштабе обеспечил скульпторов государственными заказами на городские монументы и тем самым явился прямым стимулом для самобытного развития советской скульптурной школы. После революции 1917 года Академия художеств фактически прекратила работу и была упразднена декретом правительства РСФСР от 12

апреля 1918 года; после ряда преобразований в здании Академии художеств в 1932 году постановлением ВЦИК и СНК ИНПИИ был преобразован в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры, которому в 1934 году было присвоено имя Ильи Репина (по случаю столетней годовщины его рождения). В вуз было принято 126 человек (из 564 подавших заявление) Президентом ВАХ становится ученик Репина И. И. Бродский, поставивший перед собой задачи возрождения старой традиционной школы, но уже в русле советской идеологии и социальной политики государства. Среди приглашённых к преподавательской деятельности в ВАХ на отделение скульптуры были: А. Т. Матвеев (1918-1948) ученик П. П. Трубецкого и М. Г. Манизер ученик В. А. Беклемишева и Г. Р. Залемана. В задачи академии входило: внедрение художественного воспитания в широкие массы трудящихся (пролетарской культуры); участие в научно-исследовательской работе; пропаганда социалистического реализма в молодом государстве.

Для формирования статьи автором были использованы методы искусствоведческого и компаративного сравнительного анализа, исследуются архивные материалы ЛОСХА секции скульптуры (фотографии авторских работ и карточки персонального учета и характеристики членов Союза Художников СССР первого выпуска ВАХ 1947 года). Так же проводится сравнительный анализ памятников, установленных в первой половине XX века в Ленинграде, исследуются и анализируются сохранившиеся литературные и документальные видео источники 1917-1948 годов научных библиотек СПбГУПТД и ЛИЖСА, архивные материалы творческой деятельности руководителей мастерских ВАХ и их учеников. Для статьи была использована статья Грачевой С. М. Страницы истории (1932-1947) С. 82-105; материалы конференций, посвященные проблемам монументального искусства XX века (2012, 2021-2023) [1-4].

Первым памятником, сооружённым в Петрограде в рамках ленинского плана монументальной пропаганды, стал бюст писателя-бунтаря Александра Николаевича Радищева, установленный 22 сентября 1918-го года в проломе ограды Зимнего дворца, на углу к Дворцовому мосту. Бюст писателя был создан скульптором Л.В. Шервудом, но простоял памятник не долго, его снесло ветром 19 января 1919 года. Памятник немецкому социалисту Фердинанду Лассалю был установлен в 1918 году на Невском проспекте около здания Городской думы. Автор бюста скульптор – Виктор Синайский (ученик Матвеева). Бюст простоял на Невском проспекте до 1937 г., когда был подвергнут критике и демонтирован. Лассаль попал в немилость как носитель некоммунистической, социал-демократической идеологии, выступавший за легальные методы борьбы пролетариата. Бюст сейчас находится в фонде Русского музея. Бронзовый памятник Плеханову по модели скульптора Гинцбурга установили на Московском проспекте возле здания Технологического института, где он стоит и по сей день. Интересная судьба памятника цареубийце Софье Перовской у Московского вокзала, который был

открыт в декабре 1918-го года. Автором его стал итальянский скульптор, футурист Итало Орландо Гризелли (1880—1958). Так как с образом Софьи Петровской не было никакого сходства, то через сто дней после установки статуи, исполком Петросовета вынес постановление о его демонтаже «по просьбам трудящихся». Монументальная композиция-памятник «Жертвам революции» была создана в 1919-м году Манизером (преподаватель Академии художеств) по проекту Л. Руднева и И. Фомина, которая в корне изменили восприятие Марсового поля, превратив площадь, ранее предназначенную для гвардейских парадов и смотров войск, в величественный монументальный ансамбль. Памятник "Великий металлист" Михаила Блоха, созданный в стенах Дворца Труда и установленный перед этим зданием в ноябре 1918 года, был утрачен в конце 1919 года. Так как в начале 1920 года за невинное письмо скульптор был осужден по обвинению в шпионаже и расстрелян, поэтому памятник «Великий металлист» восстановить не удалось. Памятник Александру Герцену цвета красной терракоты скульптора Леонида Шервуда, просуществовал у Литейного моста с февраля 1919-го по 1923 годы. Бюст Николая Чернышевского скульптора Теодора Залькална, установленный в ноябре 1918 года у входа в Александровский сад со стороны на Сенатской площади, прожил до начала 1920-х годов. Бюст Николая Добролюбова скульптора Карлиса Зале был установлен в октябре 1918 года у Тучкова моста и разрушен наводнением в сентябре 1924 года. Памятник французскому революционеру и социалисту-утописту Луи Огюсту Бланки установлен 2 марта 1919-го года у Балтийского вокзала. Памятник был изготовлен из гипса и продержался в питерском климате несколько месяцев. Позже на этом месте был установлен пятиметровый памятник Сталину, но уже капитальный. Памятник Карлу Марксу работы скульптора А. Матвеева (преподаватель академии художеств в Ленинграде) установили возле Смольного 7 ноября 1918-го года. памятник сделан из гипса, в бронзу его так и не перевели, он обветшал и в 1927-м году на его месте стоял уже Ленин. Циклопических размеров скульптура «Освобожденный труд» («Пролетарий»), на Острове Трудящихся (Каменный остров), которая вызвала скандал своей «античной наготой», о котором пишет в своих воспоминаниях художница В. М. Ходасевич, принимавшая участие в проекте. Скульптор Михаил Блох, Архитектор: Фомин И.А. Открыт в июне 1920 г., утрачен в 1920-е годы. Памятник известному немецкому поэту, другу и родственнику Карла Маркса Генриху Гейне был открыт 17 ноября 1918 года перед зданием Двенадцати коллегий и летом 1923 г. был снят. Памятник Джузеппе Гарибальди, скульптор К. Зале открыт в 1919-м году у Московских ворот на Международном проспекте (ныне Московский п-т). На открытие памятника приезжали зарубежные представители Интернационала. После окончания академии художеств Карлис Зале уехал в Ригу и создал там Монумент Независимости и мемориал на Братском Кладбище, который послужил образцом для памятника на Пискаревском кладбище. Памятник Т. Г. Шевченко, скульптор И. Х. Тильберг (1918, улица

Красных Зорь). Был выполнен в гипсе, продержался 8 лет. На открытие собралось около 10 тыс. человек. Открывали памятник под украинские песни, с оркестром. Памятник В. Рентгену, скульптор Н.А. Альтман (1920, улица Рентгена, перед домом № 8) был создан по инициативе сотрудников рентгенографического института, возле которого он и был установлен. Материал - цемент. В 1928 году заменён бронзовым памятником работы В. А. Синайского (ученик Матвеева) по эскизу Альтмана. Памятник Н. А. Некрасову, скульптор В. В. Лишев (1922, сад «Прудки» на углу улицы Некрасова и Греческого проспекта), памятник сразу был отлит из бронзы и установлен на постамент из серого лабрадора. В 1946-м году перенесён на Литейный проспект (сквер перед домом № 37). Памятник В. Володарскому (1918, Шлиссельбургский проспект), не сохранился. Был установлен на месте убийства Моисея Гольдштейна. Памятник В. Володарскому (1918, бульвар Профсоюзов), скульптор Михаил Блох. Открыт 22 июня 1919 г. Фигура в рост. Гипс тонированный. Взорван контрреволюционерами в 1919-м. Третий памятник был установлен в 1925-м году у Фарфорового завода, скульптор М.Г. Манизер (преподавал в Академии художеств в Ленинграде). Вот этот дожил до наших дней. В Википедии в списке памятников, возведённых в Петрограде по ленинскому плану монументальной пропаганды, числятся ещё два памятника: "Красногвардеец (1918, 1-я линия), не сохранился" и "Призывающий к труду (1920, Каменный остров), не сохранился. В процессе этой работы Теодором Залькалном (Гринберг) были разработаны и установлены два памятника — революционеру-демократу Николаю Чернышевскому и участнику Парижской коммуны Огюсту Бланки; созданы модели памятников композиторам М. П. Мусоргскому и А. Н. Скрябину, революционеру лейтенанту П. П. Шмидта [2].

Приход к власти большевиков, послужил изменению мировоззрения у народа и соответственно спровоцировал создание нового стиля в искусстве. Отрицалось всё с точки зрения революционного настроения, связанное с царским строем. Сносились памятники царям и их сподвижникам. Пришедшая власть Советов отрицала в монументальной скульптуре обнажённые формы. Преподаватели Академии художеств были поставлены в сложное положение, так как по традиции к обнажённой модели обращались все скульптурные мастерские академии художеств на протяжении всех лет её существования. Сама методика обучения на факультете скульптуры сводилась к работе с натуры. Начиная с первого курса студенты постоянно работали с натуры, делая наброски и этюды. Шесть лет ежедневной работы с моделью закрепляли у всех выпускников академической школы знания анатомии, строение мышц и пропорций человека для самостоятельной профессиональной работы. Без работы с обнажённой моделью художнику невозможно профессионально выполнить фигурную композицию, преподаватели творческих мастерских это хорошо понимали и поэтому продолжали преподавать по старой методике. Для всей скульптуры, выполненной из разных материалов абсолютно разными авторами в этот период, характерна особая сдержанная манера стилизации и

обобщённость формы. Молодые скульпторы, выпускники академии художеств начинают работать над проектами мемориалов и памятников на равных условиях с маститыми скульпторами старшего поколения, такими как: Николай Томский, Евгений Вучечич, Вера Мухина, Сергей Коненков и т. д. в новом стиле социалистического реализма.

Большое влияние на монументальное пластическое искусство первой половины 20 века оказала школа Матвеева, отделения скульптуры Академии художеств (ВАХ). В 1932-1934 годы Александр Терентьевич был ректором Всероссийской Академии художеств. Методика преподавания в творческой мастерской Александра Терентьевича переживает ряд профессиональных противоречий, которые вызвали волну критики в её адрес. Одно из них, так называемый «Матвеевский метод»-противоречие между натурным этюдом и общим замыслом композиции. Выполненная по всем законам высокой пластической культуры композиция была лишена активного образно-идейного начала. Студентов и руководителя мастерской обвиняли в отсутствии творческого воображения и однообразности пластического решения и трактовки формы. Но не смотря на критику, мы видим, что скульптор выработал свой неповторимый стиль, отличающийся плавной текучестью линий, своеобразной декоративностью и обобщённостью форм. В тематике произведений автора преобладают мотивы покоя, грёз и призрачного сна. Большинство монументальных произведений Матвеева были утрачены, к примеру, памятник К. Марксу (1918). К установленным в Ленинграде произведениям Матвеева относятся: «Октябрь» (1927), бюст Ленина (1933), Кариатида (1937), Пушкин (1940), также Александром Терентьевичем были разработаны многочисленные проекты памятников и бюстов: А. М. Горькому, М. Ю. Лермонтову, А. П. Чехову, Ф. И. Шаляпину, Т. Г. Шевченко. А. С. Пушкину, А. И. Герцену и другим известным персонам. Для фасада Морского собора в Кронштадте Матвеевым выполнены барельефы: «Пробуждающийся», «Мальчик с фиалом», горельеф «Спящие мальчики». Центральной темой творчества Матвеева становится обнажённая модель в состоянии просветлённого покоя. В своих произведениях скульптор передает гармоничное равновесие духовных и физических сил человека. Во время ректорства и преподавания Матвеева в Ленинграде вся создаваемая им скульптура подвергалась жесточайшей критике, на которую большое влияние оказывала идеология, которой предписывалась пропагандистская, публицистическая и контролирующая роль. Если в облике персонажа не было достаточного портретного сходства, то художника обвиняли в футуризме. Скульпторы в это время вынуждены были забыть о своем индивидуальном почерке. Скульптурные композиции становятся невыразительными и однообразными. Серьезной критике в лице Е.В. Вучечича и З.И. Азгура подвергается и форма преподавания в мастерской Матвеева, за то, что найденный им канон для творчества обезличивает его учеников. Война превратила студентов академии в суровых закалённых невзгодами этих лет зрелых художников, многие из них

вернулись с фронта. Из мастерской Матвеева в послевоенные годы выпустились замечательные скульпторы, отлично владеющие своей профессией: Харламова, Холина, Рыбалко, Литовченко, Стамов, Исаева; Вайман; Каплянский; Аникушин; Игнатьев; Гендельман; Венкова; Литовченко и другие. Перечисленные художники создали ряд монументальной скульптуры, которая сейчас является неотъемлемой частью города. Матвеев требовал от своих учеников ежедневной работы над этюдами и набросками с обнажённой модели. «Чтобы стать скульптором надо ежедневно трудиться, а не ждать, когда тебя посетит муза вдохновения» - любил повторять Матвеев своим ученикам.

Ассистентом профессора Матвеева становится его ученик Синайский Виктор Александрович. В мастерской Матвеева Синайский сначала работал ассистентом, а с 1920 по 1951 годы — преподавателем. Параллельно с Матвеевым на кафедре скульптуры преподавал Матвей Генрихович Манизер. С 1921 года — на преподавательской работе: ВХУТЕМАС—Вхутеин (1921—1929, Ленинград), Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (1935—1941) Манизер 1937-1941 годы являлся председателем правления Союза советских художников. Лауреат трех сталинских премий, автор ряда памятников, установленных в Ленинграде: Володарскому (1925 год), «Жертвам 9 января 1905 года» (1931); Ленину на броневике у Финляндского вокзала (1924); Д. И. Менделееву (1928); Ленину (1933); Зое Космодемьянской (1951), Дискобол (1930). Среди самых известных учеников Матвея Генриховича Манизера: И. Г. Першудчев; К. А. Кузнецов; Янсон-Манизер [2-3].

Глубокое исследование архивных материалов, которое было проведено автором статьи показало, что, к примеру, памятник Кирову, установленный в городе Кировске Ленинградской области напротив ДК культуры действительно принадлежит руке Н.В. Томского (1937), этому же автору принадлежат ещё пять установленных памятников Кирову, которые выполнялись Томским с 1935-1952. Памятник-близнец М. Кирову Томского ещё установлен в Кировске Мурманской области, его авторство приписывают Матвею Манизеру (1938). Памятники М. Кирову мурманской и ленинградской области абсолютно одинаковые, имеют один размер, выполнены из одного материала, движение, одежда, портретность и манера лепки одинаковые. Сохранились архивные фото памятников, на которых отличается только форма постамента. Автором статьи выявлено, что в 1938 году Манизер работал над скульптурными композициями московского метрополитена (Площадь революции), им было установлено 80 бронзовых фигур. Кроме этого заказа Матвей Генрихович Манизер в 1938 году устанавливает помимо 80 фигур ещё ряд монументальных памятников, одновременно являясь председателем выставкома секции монументальной скульптуры. Удалось выяснить, что Манизер только снимал посмертную маску Кирова, но памятник Сергею Мироновичу выполнил Томский.

А вот авторство железобетонного бюста Дзержинского, отреставрированного автором статьи на территории университета промышленных технологий и дизайна на Вознесенском проспекте, копия которого установлена в Симферополе из мрамора, выявить так и не удалось. На реставрацию полутораметровый бюст Дзержинского был доставлен из Днепродзержинска, он был обнаружен закопанным в землю солдатами. Возможно, бюст был выполнен в 1936-1938 годах, так как цемент был армирован металлической крошкой и поэтому частично уцелел.

В первые годы войны большинство монументальных скульптур были сняты с пьедесталов, разобраны на части и эвакуированы в безопасное место, в тыл страны. Памятники, которые эвакуировать не удалось, закапывались в землю. Памятник Ленину, установленный в Пушкине автором которого был Манизер гитлеровцы увезли в Германию на переплавку. Этот чудом сохранившейся памятник в 1948 году был установлен в восточногерманском городе Айслебене. Разрушенные гитлеровцами памятники в послевоенные годы восстанавливались по сохранившимся их копиям и формам в мастерских художников. Так был восстановлен монумент В. И. Ленину, автор его также Манизер. В 1948 году приказом президиума Академии художеств СССР Матвеев и ряд преподавателей Академии художеств были отстранены от преподавательской деятельности в связи с излишней пластичностью и живописному подходу к ваянию. Уже после смерти Матвеева, методика мастера переживает свой звёздный час. Работы учеников Матвеева находят признание народа и устанавливаются на территории Ленинграда. Василий Гаврилович Стамов, мастер лирического дарования, пластической «музыкальной формы», которому удавалось воплотить женский образ в камне, Любовь Михайловна Холина. Так же ученица Матвеева, любимым материалом которой был камень, на равных с мужчинами занимает первые места на многих выставках и конкурсах. Учеником Матвеева является М. Аникушин, автор памятника Пушкину напротив Русского музея в Ленинграде. Невысокого роста, с живыми карими глазами Михаил Константинович изваял поэта в характерной позе чтеца. К одной из самых знаменитых монументальных композиций середины XX века, посвященной матери относится работа Веры Васильевны Исаевой (1898 — 1960) Мать-Родина, которая была установлена на Пискаревском мемориальном кладбище (бронза, гранит), Вся жизнь и творчество скульптора были неразрывно связаны с Ленинградом, который она не покинула в трудный период героической блокады [3].

Выставки Александра Матвеева и его школы в Ленинграде имела грандиозный успех. Были написаны статьи, посвящённые матвеевской школе пластики Т. Б. Мантуровой и Л. А. Славовой, напечатанные в каталоге выставки. В этих статьях отмечается высокая пластическая культура скульпторов, проявившаяся в выявлении архитектурного начала в скульптурном произведении и особом отношении к материалу, к его специфическим свойствам.[2] С 310. В своих произведениях художники

отдавали дань профессиональным заслугам перед Родиной, воспитанию молодёжи, образу матери. Для всех выпускников академической школы Матвеева свойственны необыкновенное трудолюбие, целеустремлённость и железная воля, а их образы объединяет спокойная и непоколебимая уверенность в необходимости своего дела. Неуловимая точность натурного наблюдения и образность, реальное и преображённое слились в цельном пластическом образе. Классическая культура, которую привил Матвеев своим ученикам, положила начало созданию и установке в Ленинграде ряда монументальных современных памятников. Эти произведения обладают образной целостностью и молчаливой величавостью, идеально вписываясь в городской экстерьер. Произведения выпускников академической школы, отличаются монументальной обобщённостью формы, что придаёт их достаточно реалистическим образам - целостность. В Александровском парке Петербурга собрано несколько скульптур, объединённых в общую тему детства и юности. Одной из самых примечательных, является бронзовая скульптура, известная как "рисующая девочка", её автор Е. А. Гендельман. В этом же парке установлены произведения и других авторов, которые творили в это же время: Стамова, Рыбалко, Кочукова и других ленинградских скульпторов. Эти работы также выполнены из бронзы в стиле социалистического реализма. Одним из самых удачных монументальных памятников первой половины 20 века установленных в Ленинграде можно считать памятник скульптора Янсен-Манизер балерине Галине Улановой, который был открыт в 1936 году на центральной аллее Академии русского балета имени Вагановой в парке Горького, размеры статуи 233 x 107 x 65 см. Высота постамента 140 сантиметров (улица Зодчего Росси, дом 2) Памятник простоял не долго, в 1941 году все произведения искусства больших габаритов были сняты и надёжно укрыты. В 1946 году бронзовая скульптура Галины Улановой была вновь установлена в ЦПКиО на главной аллее. Монументальная скульптура должна была жить в вечности, поэтому она создавалась из долговечных материалов, таких как бронза, гранит и бетон. Вклад в культуру нашей страны Матвеева и Манизера неоценим, так как они не только создали ряд монументальных памятников, но и вырастили плеяду превосходных скульпторов, которых объединяет самоотверженный героический труд во благо строящегося коммунистического общества.

Для монументальной скульптуры первой половины XX века были характерны обобщённые, лишённые выразительности строгие пластические формы. Такой подход к созданию художественного образа был связан с идеологией коммунистической партии, которой предписывалась пропагандистская, публицистическая и контролирующая роль. Художники всех направлений были поставлены в жесткие рамки, к примеру авторам запрещалось проявлять индивидуальность. При этом, в изображаемых скульпторами портретных образах должно было быть портретное сходство. Это были бюсты и портреты в полный рост членов коммунистической партии,

деятелей культуры и искусства, ударников социалистического труда, героев Советского Союза. К перечисленным образам предъявлялись особенно жесткие меры отбора, так как среди членов приёмной комиссии были коммунисты лично знакомые с портретируемыми. Лишённые характерного для авторов почерка, монументальные памятники становятся невыразительными, похожими друг на друга. Не случайно при реставрации скульптуры, созданной в исследуемый период, практически невозможно определить фамилию автора. Наиболее удачные работы, принятые комиссией, тиражировались. На тиражируемое изделие, подпись автора не ставилась. Поэтому абсолютно идентичные памятники-близнецы вождя пролетариата, а также его сподвижников без авторства можно встретить в разных городах России [3-4].

На основании анализа выполненных и установленных монументальных работ за 1917-1923 годы в Ленинграде, можно сделать вывод, что ленинский план был осуществлён. С реализацией ленинской программы на примере выполненных и установленных памятников, сформировался новый стиль социалистического реализма, к сожалению, все памятники, выполненные в этот период из гипса, бетона или дерева были утрачены. Только с 1923 года с момента налаживания материального положения страны, появляются памятники из бронзы и гранита, которые дожили до наших дней. К середине XX века в Санкт-Петербурге, сооружены следующие памятники из списка входящего в «План монументальной пропаганды»: Революционерам и общественным деятелям: Марксу, Энгельсу, Плеханову и Володарскому. Писателям и поэтам: Достоевскому, Пушкину, Гоголю, Чернышевскому, Добролюбову, Некрасову и Шевченко. Философам и ученым: Ломоносову и Менделееву. Художникам: Шубину и Козловскому. Композиторам: Мусоргскому. Профессия художник, скульптор-монументалист была востребована и высоко ценилась в Советской стране. Профессиональным художником-монументалистом становился не каждый. Памятники, которые устанавливались на сто и более лет требовали от художника большой ответственности и хорошего здоровья. Во всех образах, созданных с 1917-1947 годы, прослеживается прочное соблюдение авторами определённых позиций и нежелание овладения принципиально новыми, стилевыми подходами. Эти тенденции можно отметить во всех направлениях монументального искусства. Тем не менее, произведения этого периода отвечают своему времени, хотя и лишены социально-философской обобщённости. Стиль социалистического реализма диктовал профессиональным художникам первой половины XX века обязательные условия: передавать современность, быть в ней исследователем, выявлять нравственный аспект человека и воплощать полученный результат в художественном образе, исполненном с величайшим профессиональным мастерством. Практические и теоретические знания, которые получили художники во время обучения в РАХ воспитали плеяду самоотверженных художников, которые создали достойные монументальные произведения, следуя принципам глубинно-пространственного построения и потенциальной

динамики, за которые большинство из них получили звание народного художника и даже Героя Советского Союза. Социалистический строй требовал от скульптора отображения в создаваемых им образах гармоничного сочетания равновесия между душой и телом, которые бы несли нравственно-эстетическую нагрузку и если художнику удавалось воплотить этот замысел в пластическую эскизную форму, то найденная композиция очень быстро получала воплощение в твёрдом материале. Роль художников - монументалистов XX века в воссоздании академической системы художественного образования и развитии искусства в целом неоценима, но хочется отметить, что особый вклад в развитие советской монументальной скульптуры внесли преподаватели мастерских Ленинградской Академии художеств: М. Манизер, А. Матвеев и их ученики.

Список литературы:

1. Грачева, С.М. Страницы истории 1932-1947)// Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2022. № 4 (27). С 82-105.
2. Искусство скульптуры в XX веке: проблемы. Тенденции, мастера. Очерки. Материалы международной научной конференции. Москва, 2006. М.: Галарт., 2010. 488 с.
3. Светлов, И.Е. О советской скульптуре 1960-1980. Очерки//И.Е. Светлов. - М. Сов.художник, 1984. 248 с.
4. Гипеева, В.И., Гусев В.А., Цветова А.В., Изобразительное искусство Ленинграда 1917-1977/ В.И. Гипеева, В.А. Гусев, А.В. Цветова - Художник РСФСР, 1981 – 480 с.

Ярочкин Дмитрий Андреевич

ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9357-4072

Dmitry Yarochkin

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ СОНИФИКАЦИЯ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АНТРОПОТЕХНИКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: В статье алгоритмическая сонификация концептуализируется как форма прагматической антропотехники. Показано, как программный код выступает медиафилософским инструментом, способным снять классическую антиномию между рациональной «игрой чисел» И. Канта и иррациональным непосредственным восприятием числа у А. Шопенгауэра. На примере сонификации исторического артефакта (радиограммы А.С. Попова 1896 г.) с использованием сред аудиосинтеза и генеративного ИИ демонстрируется перевод бинарного кода Морзе в чувственный художественный символ. Доказано, что сонификация исторических метаданных выступает эффективным инструментом конструирования нормативного социокультурного субъекта, актуализации коллективной памяти и воспитания чувства сопричастности к отечественному научному наследию.

Ключевые слова: медиафилософия, антропотехника, алгоритмическая сонификация, генеративный искусственный интеллект, Иммануил Кант, цифровая память, цифровые гуманитарные науки.

ALGORITHMIC SONIFICATION AS PRAGMATIC ANTHROPOTECHNICS: FROM KANT'S ANTINOMY TO DIGITAL MEMORY

Summary: This article conceptualizes algorithmic sonification as a form of pragmatic anthropotechnics. It demonstrates how computer code acts as a media-philosophical instrument capable of resolving the classical antinomy between the rational "play of numbers" by I. Kant and the irrational affect by A. Schopenhauer. Using the sonification of a historical artifact (A.S. Popov's radiogram of 1896) through audio synthesis environments and generative AI, the study shows the translation of binary Morse code into a sensuous artistic symbol. It is proven that the sonification of historical metadata serves as an effective tool for constructing a normative socio-cultural subject, actualizing collective memory, and fostering a sense of involvement in the national scientific heritage.

Keywords: media philosophy, anthropotechnics, algorithmic sonification, generative artificial intelligence, Immanuel Kant, digital memory, Digital Humanities.

В горизонте современной медиафилософии музыка перестает трактоваться исключительно как абстрактный акустический феномен или форма чистого искусства. Она раскрывается как сложный социокультурный механизм конструирования человеческой субъективности. Обращение к вычислительным методам, алгоритмической композиции и цифровому синтезу звука с особой остротой ставит вопрос о том, как именно технологии воздействуют на нашу способность к восприятию и трансляции смыслов. В этом контексте традиционная философия музыки неизбежно трансформируется в антропологическое исследование.

Однако природа самих транслируемых музыкальных смыслов исторически представляла собой философскую антиномию. С одной стороны, согласно А. Шопенгауэру, музыка содержит в себе подлинное умопостигаемое бытие (иррациональную волю) и по своей сути сама является высшей философией, в сущности музыки он пишет, что само число она позволяет воспринимать непосредственно [3 с. 14]. С другой стороны, И. Кант в «Критике способности суждения» отказывал музыке в способности передавать строгие понятия, сводя её лишь к использованию точного математического метода ради «приятной игры ощущений». Мотив музыки как великого невыразимого в эстетике Канта подробно вычленил Г. Паррет [6, р. 255]. Тем самым возникло фундаментальное противоречие между рациональным (музыка как число и структура) и иррациональным (музыка как аффект). Паррет указывает на то, что Канту напрасно приписывают пренебрежение музыки и сам калининградский философ использует рациональный каркас музыки при её анализе. Можно сказать, что музыка, оставаясь наиболее абстрактным искусством, парадоксальным образом связана с понятием.

С развитием цифровой среды и вычислительных методов возникает возможность разрешения указанного противоречия. Мы полагаем, что алгоритм (программный код) выступает особым медиафилософским инструментом, в котором снимается антиномия Канта и Шопенгауэра. Компьютерное программирование звука позволяет совершить концептуальную инверсию: оно берет строгую рациональную истину (исторический факт) и через математический метод переводит её в регистр чистого иррационального наслаждения. В таком случае это и не игра числовых интервалов как мы видим у Канта, потому что мы кладем в основу конкретное понятие и не непосредственное восприятие числа, потому что для восприятия такой композиции необходимо знать механизм ее создания.

В современной культуре накоплен огромный массив цифровых архивов и метаданных — то, что в рамках методов дистанционного чтения (distant reading) можно назвать «великим неслышанным» [4]. С помощью редукции и

абстракции дистанционное чтение позволяет изучить не одно явление, а целую коллекцию [8, р. 1]. Это великое неслышанное ложится в основу данных для обучения систем ИИ.

Научный пробел заключается в отсутствии проработанной антропотехники, способной перевести эти «сухие» рациональные данные в пространство коллективной памяти и социального переживания. Решением данной проблемы выступает алгоритмическая сонификация. В том виде, в котором она представлена в статье, сонификация позволяет соединить индивидуальное знание автора и коллективный иррациональный образ музыкального. Таким образом эстетическая игра совмещается с понятием.

В качестве исходных данных в нашем исследовании был использован неоспоримый исторический факт — первая в мире радиограмма, переданная профессором А.С. Поповым в марте 1896 года. Текст радиограммы («HEINRICH HERTZ»), представляющий собой бинарный код Морзе, выступает чистой математической и понятийной структурой. В контексте 130-летнего юбилея этого события исторический сигнал является рациональной истиной, требующей перевода в регистр массового чувственного восприятия.

Основным методом исследования стала сонификация. В основу проекта положена идея превращения абстрактного информационного «знака» в художественный «символ». Встраиваясь в прагматическую антропологию, сонификация берет рациональный факт первенства радиограммы Попова и, обходя интеллектуальные фильтры, представляет его слушателю для эстетического восприятия. Тем самым алгоритм решает прагматическую задачу: приобщает массового слушателя к национальному культурному контексту что актуализирует эмоциональный пласт патриотизма.

Практический перевод знака в символ был реализован на базе проекта «Лаборатория цифровой философии»¹ и включал три технологических этапа. На первом, структурно-ритмическом этапе, историческая морзянка была алгоритмически переложена на язык музыки в средах аудиосинтеза SuperCollider и Sonic Pi. На втором, генеративном этапе, для перехода к полноценному аффекту применялась нейросеть Suno AI. Использовались методы промпт-инжиниринга: поэтапная детализация запроса (Chain-of-Thought) и обучение ИИ в контексте (Few-Shot Learning). Наконец, финальная визуализация и сведение аудиопотока в объект науки-искусства осуществлялось виртуальным агентом Producer AI.

Итогом применения методологии стало создание музыкального произведения «Heinrich Hertz», в котором историческая радиограмма А.С. Попова обрела форму живого символа цифровой памяти. Подтверждением успешности сонификации как прагматической антропотехники стал интерес к проекту со стороны общественности. Публичная презентация результатов состоялась 4 марта 2026 года в прямом эфире федеральной радиостанции «Радио Культура» (ВГТРК) в рамках программы «Зимнее утро» [2]. Радиоэфир

¹ См.: digital-philosophy.ru

выступил не просто площадкой для трансляции трека, но самым медиумом приобщения масс: рациональная истина о научном открытии А.С. Попова была успешно воспринята аудиторией через иррациональное эстетическое удовольствие. Можно утверждать, что сгенерированная алгоритмами музыка выступает эффективным инструментом воспитания субъекта культуры и формирования гордости за отечественное наследие.

Реализация алгоритмической сонификации демонстрирует принципиально новый статус цифровых архивов в современной культуре. Традиционные методы Цифровых гуманитарных наук преимущественно останавливались на этапе выявления структур и метаданных — то есть оставались в границах кантовского рационального анализа [7, р. 649]. Однако выявление исторического факта (первенства радиогаммы А.С. Попова) не обладает достаточным прагматическим потенциалом само по себе. Сухая информационная констатация не способна эффективно конструировать коллективную память.

Проходя через алгоритмическую трансформацию и становясь иррациональным эстетическим опытом, факт истории приобретает дополнительную социальную силу. В этом контексте генеративный искусственный интеллект и среды аудиосинтеза перестают быть просто техническими утилитами. Они утверждаются как необходимые инструменты прагматической антропотехники, без которых «великое неслышанное» исторических архивов рискует навсегда остаться «великим невоспринятым» [5, р. 528].

Проведенное исследование доказывает, что цифровые вычислительные технологии вышли за пределы утилитарных задач и стали полноценными инструментами медиафилософии. Алгоритмическая сонификация позволяет разрешить классическую философскую антиномию Канта и Шопенгауэра [1, с. 366–390], превращая музыку из беспонятийной игры чисел в чувственный носитель исторической истины. Переводя технологический архив в пространство коллективного эстетического переживания, алгоритм утверждает себя как форма прагматической антропотехники, открывая новые горизонты для исследований в области цифровых гуманитарных наук.

Список литературы:

1. Кант И. Критика чистого разума. - М.: Наука, 1999. – 655 с.
2. Утро на «Радио "Культура"». 24 марта исполняется 130 лет со дня передачи первого беспроводного радиосигнала [Электронный ресурс] // Smotrim.ru: медиаплатформа. – 2026. – 4 марта. – URL: <https://smotrim.ru/audio/2896215> (дата обращения: 08.03.2026).
3. Шопенгауэр А. О сущности музыки: Выдержки из соч. Шопенгауэра под ред. Историко-эстет. секции и со вступ. статьей К. Эйгес / Артур Шопенгауэр. - Петроград; Москва: Гос. муз. изд-во, 1919. - XV, 42 с.; 20 см.

- 4.Cottrell S. Big music data, musicology, and the study of recorded music: Three case studies. // The Musical Quarterly, 101(2-3), 2018. – Pp.216-243.
- 5.Lewis D., Crawford T. and Müllensiefen D. Instrumental idiom in the 16th century: Embellishment patterns in arrangements of vocal music. // Proceedings of the 17th conference of the International Society for Music Information Retrieval. – Goldsmiths, University of London, 2016. – P. 524-530.
- 6.Parret H. Kant on Music and the Hierarchy of the Arts. // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. – V. 56(3). – 1998 – P. 251-264.
- 7.Rose S., Tuppen, S. and Drosopoulou L. Writing a Big Data history of music. Early Music. – V.43(4). – 2015. – P. 649-660.
- 8.Weyde T., Cottrell S., Dykes J., Benetos E., Wolff D., Kachkaev A., Dixon, S., Hargreaves S., Barthet M., Gold N. and Abdallah S. The DigitalMusic Lab: A Big Data Infrastructure for Digital Musicology. / In Proceedings of the 16th International Society for Music Information Retrieval 207 Conference (ISMIR 2015), Demos and Late Breaking News Session: XXX:2-XXX3, 2015.

Яценко Елена Владимировна

соискатель

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

SPIN-код: 1208-1779

Yatsenko Elena

Lomonosov Moscow State University

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАСС НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье анализируется деятельность Телеграфного агентства Советского Союза накануне и в ходе Великой Отечественной войны. Основной фокус исследования сосредоточен на внешнеполитической функции данного информационного агентства в крайне непростой для СССР исторический период. Были рассмотрены основные аспекты и практики работы ТАСС, выявлены ключевые события, влияющие на изменения в его деятельности. Функции и направления работы агентства эволюционировали, но главные цели – информирование зарубежной аудитории в интересах государства и формирование его позитивного образа за рубежом – оставались неизменными. Автор приходит к выводу, что особенно значимую роль ТАСС играло в переломные и кризисные периоды отечественной истории.

Ключевые слова: Телеграфное информационное агентство Советского Союза, ТАСС, СССР, Великая Отечественная война, внешняя информационная политика.

THE ACTIVITIES OF TASS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: The article analyzes the activities of the Telegraph Agency of the Soviet Union on the eve and during the Great Patriotic War. The main focus of the research is on the foreign policy function of this news agency in an extremely difficult historical period for the USSR. The main aspects and practices of TASS's work were reviewed, and key events affecting changes in its activities were identified. The agency's functions and areas of work have evolved, but its main goals – informing a foreign audience in the interests of the state and creating a positive image of it abroad – have remained unchanged. The author concludes that TASS played a particularly significant role during crucial and crisis periods of Russian history.

Keywords: Telegraphic Information Agency of the Soviet Union, TASS, USSR, Great Patriotic War, foreign information policy.

Телеграфное агентство Союза Советских Социалистических Республик (ТАСС) было создано 10 июля 1925 года постановлением Президиума ЦИК СССР. ТАСС получило монопольные полномочия на сбор и распространение

новостей как внутри страны, так и за рубежом. Ежедневно агентство передавало тысячи сообщений внутри СССР и по международной корреспондентской сети. Именно Телеграфное агентство Советского Союза имело исключительное право на распространение за границей материалов о политике, экономике, культуре, в целом о ситуации в СССР. Перед ТАСС были поставлены задачи по разъяснению внешней политики страны, популяризации за рубежом советского образа жизни и социалистического пути развития, ознакомлению граждан других государств с советскими достижениями в области социально-экономического развития, успехами в науке и технике, культуре и искусстве.

От своего предшественника – созданного еще в 1918 году Российского телеграфного агентства при Всероссийском Центральном Исполнительном комитете (РОСТА) ТАСС унаследовало сеть корреспондентских пунктов, причем зарубежные корпункты и отделения выполняли не только информационные функции, но и, как верно отмечает отечественный исследователь М. Бабюк, «должны были в условиях сложной внешнеполитической обстановки формировать положительный образ Советского Союза, транслировать необходимые нарративы как вовне, так и внутри страны» [1, с. 41]. За счет того, что юридически СССР не был основателем этих пунктов, работа была возможна и в недружественных государствах. Соглашения с западными информационными агентствами, в свою очередь, позволяли широко распространять материалы о достижениях Советского Союза в ходе строительства коммунизма в отдельно взятой стране (например, об инициативах в области ликвидации неграмотности, борьбе с распространением инфекционных заболеваний и т.п.). Очень значительная роль отводилась популяризации успехов в ходе индустриализации СССР, включая сюжеты о возведении Московского метрополитена, Днепровской ГЭС, Челябинского и Сталинградского тракторных заводов, Горьковского автомобильного завода и других крупнейших проектов той эпохи.

30 марта 1934 года в газетах «Правда» и «Известия» впервые появилась знаменитая формулировка «ТАСС уполномочен заявить», ставшая впоследствии фразеологизмом [2, с. 26]. Она использовалась для официальных заявлений руководства страны по международным темам, комментариев и ответов агентства на события, цитируемых в других изданиях. По мнению исследователей, часть таких текстов готовилась при непосредственном участии И.В. Сталина [3, с. 63]. Наиболее значимые информационные материалы требовали согласования на высшем уровне: их утверждали постановлениями Политбюро и Президиума ЦК ВКП(б). ТАСС продолжало работать с ведущими западными новостными агентствами, сочетая контроль на внутреннем информационном поле с активным продвижением советских идей за рубежом. За счет символических нарративов и выгодных стратегических партнерств агентство формировало образ СССР на международной арене как прогрессивной державы с бурным индустриальным и социально-

экономическим развитием. При этом, конечно, надо иметь в виду, что характер деятельности ТАСС как официального органа правительственной информации в определенной степени снижал возможности пропаганды, не давал выйти за узкие идеологические рамки [4, с. 22]

Специфика международных отношений и внутренней политики СССР в 1920–1930-е годы, нехватка квалифицированных кадров, слабая по сравнению с западными медиа материально-техническая база не позволяли ТАСС в полной мере удовлетворить растущую потребность советской и зарубежной аудитории в получении актуальной информации. И все же, несмотря на ограниченные возможности, трудности объективного и субъективного характера, ТАСС стало важным актором «мягкой силы» Советского Союза в межвоенный период. Агентство успешно функционировало на международном уровне и выполняло поставленные перед ним задачи, формируя положительный образ Советского Союза в глазах граждан иностранных государств в Европе, Америке и Азии. Более того, выработанные в этот период подходы к осуществлению обмена информацией с капиталистическими государствами функционировали на протяжении всего периода существования СССР [5, с. 45].

В годы Великой Отечественной войны в ТАСС была организована фронтовая редакция, корреспонденты работали на передовой и создавали репортажи из тыла, распространяя информацию как для советских, так и для зарубежных изданий. Большое внимание Телеграфное агентство Советского Союза уделяло разоблачению и преданию гласности преступлений нацистов путем публикации материалов о зверствах фашистских захватчиков на оккупированных территориях. Отдел контрпропаганды агентства совместно с Совинформбюро и Всесоюзным радиокомитетом, продвигали антигитлеровскую повестку в нейтральных странах и среди союзников. Отделения ТАСС за рубежом также активно продолжали работу, донося до иностранной аудитории точку зрения Москвы на драматические события того времени. Каждый корпункт функционировал самостоятельно, с учетом региональных особенностей (лондонское отделение, например, выпускало бюллетень «Советский монитор» (The Soviet Monitor), распространяя материалы среди британских СМИ и правительственных учреждений). Эти действия помогали формировать позитивный образ СССР как главного борца с фашизмом, что, безусловно, укрепляло геополитические позиции Москвы.

Одним из самых успешных проектов агентства в годы войны стали «Окна ТАСС» – агитационные плакаты, призванные поднять боевой дух советского народа. Уже 27 июня 1941 года они были выставлены в здании на Кузнецком мосту в Москве, где размещалась мастерская по их изготовлению. В первый месяц было выпущено 119 плакатов тиражом 7200 экземпляров. Далее «Окна ТАСС» стали распространяться во всех крупных городах СССР [6, с. 19]. Только в московском отделении агентства над созданием агитационных плакатов трудились 125 графиков и 83 литератора, объединяя в работах сатиру, патриотизм и исторические параллели [7]. Современники сравнивали

эмоциональную мощь этих работ с легендарной композицией «Священная война» А. Александрова и симфонией № 7 Д. Шостаковича. За годы войны столичная редакция выпустила порядка 1,5 тысячи пропагандистских плакатов, суммарный тираж которых превысил два миллиона экземпляров. «На одних цветных плакатах передавались в гражданско-патриотической форме важнейшие известия с фронта, освещались события в тылу или в мире, на других – высмеивались в карикатурной форме фашистские оккупанты и их лидеры, организовавшие нападение на СССР» [8, с. 68]. Их размещали на фронте, в тылу, даже на оккупированных территориях (партизаны, например, сумели расклеить «Окна ТАСС» на здании гестапо в оккупированном Харькове).

Во время Великой Отечественной войны продолжилась работа фотокорреспондентов агентства, снимки которых отображали не только героизм советского солдата, но и стали неопровержимым доказательством преступлений нацистов, использованные в том числе на Нюрнбергском трибунале. С помощью фотографии для внутренней и внешней аудиторий создавались как визуальные образы побед Красной Армии, так и картины страданий советского народа. Большое количество ставших легендарными фотографий времен войны были сделаны именно корреспондентами ТАСС; среди них особое место занимает снимок с установкой Знамени Победы над Рейхстагом весной 1945 года за авторством Е. Халдея. Эти материалы не только сформировали мощные исторические нарративы на десятилетия вперед, но и уже тогда укрепляли моральный авторитет СССР на международной арене.

Стоит сказать, что ТАСС вносило и иной, сугубо практический, вклад в победу над нацизмом. Так, специалисты агентства модернизировали систему радиоперехвата, прослушивая и анализируя эфир на разных волнах на 18 языках, включая немецкий и японский, что позволяло оперативно реагировать на события и снабжать советское руководство стратегическими данными.

В целом в тяжелый период Великой Отечественной войны Телеграфное агентство Советского Союза не только информировало, но и формировало медийную и идеологическую повестку. Внутри страны мобилизация сил в направлении борьбы с немецко-фашистскими захватчиками велась при помощи плакатов, радиопередач, сводок. На международной арене популяризировался образ СССР как главного защитника человечества от «коричневой чумы».

Список литературы:

1. Бабюк М. Специфика работы советского информационного агентства за рубежом в 1920 гг. // Медиаальманах. – 2023. – № 3. – С. 40-49.
2. Михайлов С. «ТАСС – агентство, которому доверяют»: ТАСС: 110 лет в России и в мировом информационном пространстве // Родина. – 2014. – № 9. – С. 23-28.

- 3.Невежин В.А. И.В. Сталин о внешней политике и дипломатии: по материалам личного архива вождя (1939-1941) // Российская история. – 2019. – Вып. 6. – С. 61-76.
- 4.Федякин А.В. Формирование позитивного образа советского государства в 1920-е – 1940-е гг.: официальные документы и политическая практика // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2007. – № 2. – С. 11-24.
- 5.Санжиева Л.В. Проблемы осуществления информационного обмена СССР с зарубежными государствами (на примере ТАСС в 1930-е годы) // Вестник ИрГТУ. 2004. – № 4 (20). – С. 45-48.
- 6.Колесниченко Д.В. Плакаты «Окна ТАСС» как художественный символ памяти Великой Отечественной войны // Гуманитарный акцент. Ежеквартальный научный журнал. – 2020. – № 3. – С. 17-24.
- 7.Конопацкая Т. Н., Медне Л. Э. Острое перо. Стихи советских поэтов в центральных "Окнах ТАСС" // История пропаганды. – 24.10.2015. – URL: <https://propagandahistory.ru/2273/Ostroe-pero--Stikhi-sovetskikh-poetov-v-tsentralnykh-Oknakh-TASS/> (дата обращения: 30.01.2026).
- 8.Душкова Н.А., Боев Д.М., Тимков Д.Е. Плакаты «Окна ТАСС» как художественный и исторический памятник времён Великой Отечественной войны // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2022. – № 2 (31). – С. 67-70.

СОДЕРЖАНИЕ

Акимов Юрий Германович НАДЕЛЕНИЕ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ПРАВАМИ В ОБЛАСТИ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ (1944): ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС И НЕПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА	3
Алексеева Ольга Александровна ЛЕНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА КНИЖНОЙ ГРАФИКИ 1920–1930-Х ГОДОВ ..	13
Анжельская Ирина Вадимовна МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИДЕЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОЦИОЛОГИИ: ОТ О. КОНТА К Г. ЛАССУЭЛЛУ	20
Аникаева Ирина Евгеньевна ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ РАНЕНЫМ В ВОСТОЧНО-ПРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИЖНЕТАГИЛЬСКИХ МЕДРАБОТНИКОВ)	28
Антоненко Валентин Сергеевич «ДЕТИ ВОЙНЫ»: ФЕНОМЕН ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И СИСТЕМА ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1940–1950-Е ГГ.)	36
Анцупова Александра Сергеевна ИЗУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	41
Атдаев Сердар Джумаевич (Туркменистан) МЕРВ 1881-1884 ГГ.: ШАГИ ДИПЛОМАТИИ	45
Баев Олег Валериевич ШЕСТОЙ 5% ЗАЁМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1855 Г.)	52
Барина Екатерина Петровна ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	60
Басова Елизавета Николаевна НЕКОТОРЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА ЛЕСА В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ КОДЕ	69
Берницева Виктория Андреевна ЧТО ДЕЛАЕТ ХРИСТИАНСКУЮ ТЕМУ СОВРЕМЕННОЙ В ВЫБОРЕ ТЕМЫ, КОМПОЗИЦИИ И ДЕТАЛЯХ В РУССКОЙ АКАДЕМИЧНОЙ И РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ XIX ВЕКА	75
Билан Ольга Александровна ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЭЗИИ XX-XXI ВВ.	81
Билан Ольга Александровна ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX ВЕКА	90

Блатова Екатерина Игоревна МЕМОРИАЛЬНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ КУЛЬТУРНО - ИСТОРИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	95
Боева Галина Николаевна РАССКАЗ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «МАРСЕЛЬЕЗА» В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ НАЧАЛА XX ВЕКА	100
Бондаренко Павел Александрович К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОПЕЧИТЕЛЯ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В ОРГАНИЗАЦИИ И ПОДГОТОВКЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ К ПРАЗДНОВАНИЮ 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА	108
Будаев Даниил Артемьевич АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КОМПЬЮТЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ 1990 ГГ.	114
Бычков Максим Алексеевич БЕЛЬГИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	121
Василевский Пантелеймон Владиславович СМЫСЛ СОЧИНЕНИЯ КАНТА «ВСЕОБЩАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ НЕБА»	129
Ватолина Юлия Владимировна СИМВОЛИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)	135
Вербин Анатолий Александрович КОНЕЦ «КОНЦА ИСТОРИИ»	143
Гарифзянов Рамиль Рафисович СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (1991–1996 ГГ.)	148
Гарифзянов Рамиль Рафисович СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ ДВИЖЕНИЯ ТАЛИБАН (1996–2001 ГГ.)	154
Гонсалес Седилло Хоел Иван ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН КАК НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКТОР ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ПРУССИИ В ПЕРИОД 1226 – 1234 Г.Г.	160
Гончарова Екатерина Викторовна НАДГРОБНЫЕ РЕЧИ В ПУБЛИЧНОМ БОГОСЛУЖЕНИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ XIX ВЕКА	169
Гринёв Андрей Вальтерович ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ НА УСТУПКУ АЛЯСКИ США	177
Грицай Людмила Александровна ОБРАЗ ВОЛГИ В ИСКУССТВЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ	185

Гулевская Наталья Анатольевна ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНДИВИДА	194
Гуркина Нина Константиновна КУРС «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»: ПЕРВЫЙ ОПЫТ, РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ	202
Давлетбаева Эльвира Хабировна ТАГИЛЬЧАНЕ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ К ВЫСОКОМУ ЗВАНИЮ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ	209
Денисенко Елена Петровна (Республика Беларусь) АРХИВНЫЙ ФОНД КОНДРАТА КРАПИВЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ НАН БЕЛАРУСИ (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО УЧЕНОГО, ПИСАТЕЛЯ)	215
Долженкова Татьяна Ивановна НЕЧАЯННЫЙ ДАР: О ПАМЯТНИКАХ ЕЛИЗАВЕТЕ ФЁДОРОВНЕ, СОЗДАННЫХ В.М. КЛЫКОВЫМ	226
Домбровский Роман Юрьевич ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА ШТАБА СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ВЫПУСКНИКОВ ЕЁ РАЗВЕДШКОЛЫ	232
Домбровский Роман Юрьевич ПРАКТИКА НАГРАЖДЕНИЙ ОРДЕНАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ УЧАСТНИКОВ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ	240
Домбровский Роман Юрьевич РУССКИЕ МЕДАЛИ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ НАГРАДЫ ДЛЯ БОЕВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ	245
Домбровский Роман Юрьевич СВЕДЕНИЯ О НАГРАЖДЕНИИ ГРАЖДАН США СОВЕТСКИМИ МЕДАЛЯМИ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ» В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	251
Дружинкина Наталья Гавриловна К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ “ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА” (НА ПРИМЕРЕ ПОРТРЕТА ГЕРОЯ-ЛЕТЧИКА 1942 Г.)	259
Дружинкина Наталья Гавриловна “ЧУДОТВОРНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ” В ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В КОНЦЕ XIX В. (ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА)	269
Жукова Вероника Сергеевна ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРВЫЙ ГОД ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНИЙ В.Т. УЛЬЯНОВСКОГО)	280

Земцова Ирина Валерьевна, ГОРОД ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ: КЁНИГСБЕРГ В XVIII-XIX ВВ.	290
Иванова Полина Андреевна ТРАДИЦИОННЫЕ МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ У НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ	298
Изюмова Лариса Владимировна ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА В ОЦЕНКАХ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР И РЯДОВЫХ КОЛХОЗНИКОВ В 1930-1950-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)	304
Кагарманов Валериан Гарифуллович ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ У КУРСАНТОВ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	311
Калмыков Николай Николаевич НАРРАТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ТИПОЛОГИЯ, ДИАГНОСТИКА И ПРОЕКТНАЯ МОДЕЛЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	317
Кандауров Богдан Игоревич ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВ	337
Канышева Ольга Альбертовна МЫШЛЕНИЕ КАК ПУТЬ К СВОБОДЕ ЧЕРЕЗ ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ САМОРЕФЛЕКСИИ	341
Канышева Ольга Альбертовна ПУТЬ К РЕАЛЬНОСТИ МЫШЛЕНИЯ: ОПЫТ М.К. МАМАРДАШВИЛИ ...	349
Кацы Дмитрий Васильевич УБЕЖДАЮЩЕЕ ПРАВДОПОДОБИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ	360
Керженцева Людмила Павловна ПРОБЛЕМА ДВОЕВЕРИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ	365
Киселева Анастасия Александровна РОЛЬ ДИЗАЙНА В МУЗЕЕФИКАЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ЭКСПОЗИЦИИ ДЛЯ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА В ЗАМКЕ ГЕОРГЕНБУРГ	373
Кобылецкий Михаил Александрович ПРИХОД К ВЛАСТИ А.В. КОЛЧАКА В ОТРАЖЕНИИ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ	380

Коженова Любовь Валентиновна ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЗНАЮЩЕГО СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА	384
Кольцова Лали Николаевна ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ Г. Е. ЛЬВОВА	389
Коркишко Илья Анатольевич ОТ АРХЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ К АНАЛИЗУ ВЛАСТИ: СОБЫТИЯ 1968 ГОДА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ МИШЕЛЯ ФУКО	404
Королев Павел Андреевич ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК АСПЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ	409
Косяк Никита Александрович (Республика Беларусь) УРКУН В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	414
Кротова Елена Евгеньевна ВКЛАД САУДОВСКОЙ АРАВИИ В УКРЕПЛЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ СПОРТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ИГРЫ ИСЛАМСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ	419
Кудинов Александр Александрович ЧЕРНОБЫЛЬ КАК СИМВОЛ СТРАХА. РЕАЛЬНОСТЬ, МИФЫ И АТОМНАЯ ТРЕВОГА	423
Кузьменкова Вероника Николаевна ОСОБЕННОСТИ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНФЛИКТА	431
Лебедева Галина Николаевна ГЕНЕЗИС РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ, 1945 – 2025)	438
Лебедева Галина Николаевна КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ	446
Левченко Ольга Юрьевна ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ	453
Лихачев Виктор Геннадьевич ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ПЛАВСОСТАВА В РЕМЕСЛЕННОМ УЧИЛИЩЕ № 4 П. СВИРИЦА В 1946-1953 ГГ.	457
Лобастова Вера Александровна ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АНТИЧНОГО МИРА	462

Логинова Диана Васильевна ВВЕДЕНИЕ УНИФИЦИРОВАННЫХ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД АВТОМОБИЛИЗАЦИИ В РОССИИ	471
Лунёв Роман Сергеевич АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И НЕМЕЦКАЯ УГРОЗА: СТРАТЕГИЯ «БУФЕРНЫХ ЗОН» В ПОЛИТИКЕ ВЛАДИМИРСКОГО КНЯЗЯ	479
Малахов Родион Александрович К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА С ИНОСТРАННЫМ КАПИТАЛОМ В СФЕРЕ ЛЕСОЗАГОТОВОК НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1920-Е ГГ.	485
Масалев Ярослав Владимирович ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ГАЗИФИКАЦИИ ЖИЛЬЯ В ГОРОДЕ КУРСКЕ В КОНЦЕ 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ НАЧАЛА МАССОВОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	493
Массов Александр Яковлевич ПРОЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЯМЫХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АВСТРАЛИЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	500
Минин Александр Сергеевич СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ СОЮЗА РОССИИ И ПРУССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.	510
Михайлова Маргарита Ярославна ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	519
Наймарк Елена Александровна МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ С РАССКАЗАМИ О ДОБРОТЕ И МИЛОСЕРДИИ	522
Налётова Наталья Юрьевна ФЕНОМЕН «НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ» В МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	526
Налётова Наталья Юрьевна ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА)	530
Науменко Надежда Витальевна ВИРТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРОЕКТ ЦИФРОВОГО МУЗЕЯ УСАДЬБЫ Ф.К. САН-ГАЛЛИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	534

Неманова Марина Руслановна УПРАВЛЕНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТИАЛИЗАЦИИ: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ВЫЗОВЫ В КАМПАНИИ ПО ОЗДОРОВЛЕНИЮ ОБЩЕСТВА В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ (КОНЕЦ 1920-Х-НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)	543
Нефедьева Елена Владимировна ИСТОРИЯ ПЕРВОГО ПОСТОЯННОГО НЕВСКОГО МОСТА	548
Никитина Наталья Владимировна СОСТОЯНИЕ ДОРОЖНОЙ СЕТИ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1820-1830-Е ГГ.	554
Нуйкин Леонтий Николаевич СОВЕТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В БИТВЕ ЗА ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ В 1944 -1945 ГОДАХ	561
Паневин Кирилл Васильевич ГЕРОИЗМ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ – ОСНОВА ПОБЕДНОГО ШТУРМА КЕНИГСБЕРГА В АПРЕЛЕ 1945 ГОДА	567
Петров Андрей Алексеевич ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863–1864 ГГ. В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	576
Полынов Матвей Федорович ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ М. С. ГОРБАЧЕВА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОСЧЕТЫ. 1985-1991 ГГ.	585
Поляков Алексей Васильевич ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРЦЕПТИВНО-ИНТЕРАКТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ С ДОСТИГНУТОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ	590
Полякова Наталья Валерьевна ТЕМА «РОССИЯ-ГЕРМАНИЯ» В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА	598
Породнов Артем Валерьевич ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА БРИТАНСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА КАК МЕХАНИЗМ ДЕГУМАНИЗАЦИИ	606
Портнягина Мария Дмитриевна «ГОРОД С РАЗОРВАННОЙ БИОГРАФИЕЙ»: МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ КАЛИНИНГРАДА	612
Прохоров Игорь Русланович (Республика Казахстан) РОЛЬ СУЛТАНОВ-ПРАВИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССАХ ИНТЕГРАЦИИ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЛАДШЕГО ЖУЗА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1824–1867 ГГ.)	621

Прудникова Татьяна Юрьевна ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ НА ЛЕКЦИЯХ ПО ИСТОРИИ РОССИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	629
Путилова Ольга Павловна ТАГИЛЬСКИЕ ДЕСАНТНИКИ В БОЯХ ЗА ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ В 1945 ГОДУ	639
Рабуш Таисия Владимировна О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМАХ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ И ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ	646
Размахнина Анастасия Александровна ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ В ОБРАЗАХ ОФИЦИАЛЬНОГО ИСКУССТВА	651
Рубис Людмила Григорьевна О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ	656
Рыжков Евгений Николаевич ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В АЗИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1945-53 ГГ.) В РАБОТАХ А. УЛАМА	661
Сафаров Алишер КОНГРЕСС США И ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СТРАНЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2001–2002 ГГ.	668
Синько Галина Иосифовна ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.	673
Скляр Лидия Николаевна СОВЕТСКИЙ ТЫЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)	679
Смирнова Галина Михайловна РЕКЛАМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ	687
Стецкевич Михаил Станиславович АНГЛИЙСКИЙ АНТИКАТОЛИЦИЗМ XVIII В. И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ УИЛЬЯМА ХОГАРТА	700
Суздальцева Ирина Анатольевна ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ – ЖЕНЫ ПАВЛА I	708
Султонова Нигина Шералиевна (Республика Узбекистан) ЭВОЛЮЦИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ В БУХАРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	713

Тейкин Михаил Спартакович О НАИМЕНОВАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЛАСТНОГО ЦЕНТРА КАЛИНИНГРАДОМ: ПРАВОВОЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ, ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	721
Тимофеев Владимир Владимирович КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КВЕБЕКА	730
Тихонова Вера Борисовна ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ XVII В.	735
Тихоньких Виктор Петрович РУССКАЯ ИДЕЯ В ТЕОРИИ К. С. АКСАКОВА «ЗЕМЛИ И ГОСУДАРСТВА»	747
Тонкушина Оксана Николаевна МЕРОПРИЯТИЯ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ПЕРИОД ВХОЖДЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1758 – 1762 ГОДОВ	756
Уколова Инна Петровна ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИТАЛИИ В 2000-2015 ГГ.: ОРГАНИЗАЦИЯ И ЭКСПОРТ	763
Усачев Вадим Анатольевич ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л. БЛУМФИЛДА В ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ	769
Успенский Антон Михайлович О ПЛАСТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ «РУССКОГО СЕЗАННИЗМА»	776
Харламова Александра Александровна ПОВСЕДНЕВНАЯ УСАДЕБНАЯ ЖИЗНЬ ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	783
Христолюбова Татьяна Павловна ОБРАЗ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА ..	788
Чепель Александр Иванович ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ: К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д.А. ДРИЛЯ	794
Чепель Александр Иванович КОНКУРС ПРОЕКТОВ ЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРХИТЕКТОРА М.С. ЛЯЛЕВИЧА ...	799
Чепель Александр Иванович ПЕТЕРБУРГСКИЕ КИНЕМАТОГРАФЫ НАЧАЛА XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА АРХИТЕКТОРА Д.А. КРЫЖАНОВСКОГО ..	804

Чертков Алексей Сергеевич ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ О «ВХОЖДЕНИИ» ИЛИ «ПРИСОЕДИНЕНИИ» НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ В СОСТАВ РОССИИ (XVII–XVIII ВВ.)	809
Чертков Алексей Сергеевич ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И ПЕРВОПРОХОДЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ В XVII – XVIII ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И КУЛЬТУРЕ	816
Чибисов Олег Николаевич ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ П. К. АНОХИНА КАК МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ	822
Шевяков Сергей Валериевич ПОЛОЖЕНИЕ ИТАЛОЯЗЫЧНЫХ СОЛДАТ В АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	829
Шкандрий Надежда Ярославовна ТВОРЧЕСТВО КЛАССИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОДЪЕМ ДУХА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ .	835
Юрьева Ольга Юрьевна РОЛЬ ВЫСШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОПАГАНДЕ ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИЗМА НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ, УСТАНОВЛЕННЫХ В ЛЕНИНГРАДЕ	840
Ярочкин Дмитрий Андреевич АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ СОНИФИКАЦИЯ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АНТРОПОТЕХНИКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ	851
Яценко Елена Владимировна ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАСС НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	856
СОДЕРЖАНИЕ	861

Научное издание

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

К 80-летию Калининградской области РФ

Том I

Материалы XXXII Международной научной конференции

Санкт-Петербург, 10 апреля 2026 года

Под редакцией А. С. Минина

Электронное издание сетевого распространения

Системные требования:

электронное устройство с программным обеспечением
для воспроизведения файлов формата PDF

Режим доступа: http://publish.sutd.ru/tp_get_file.php?id=202679, по паролю. —
Загл. с экрана.

Дата подписания к использованию 07.04.2026 г. Рег. № 79/26

ФГБОУВО «СПбГУПТД»

Юридический и почтовый адрес:

191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18.

<http://sutd.ru/>